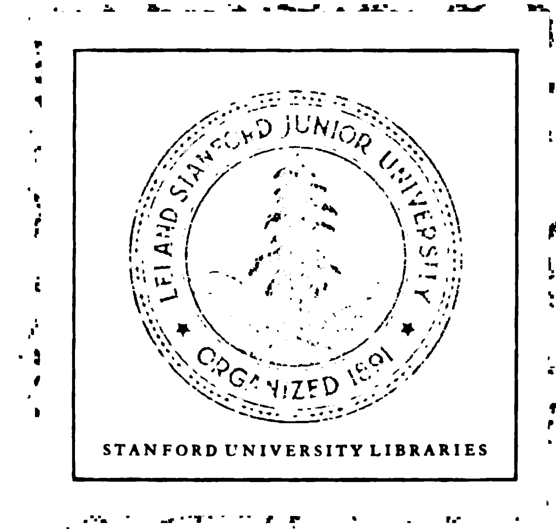

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

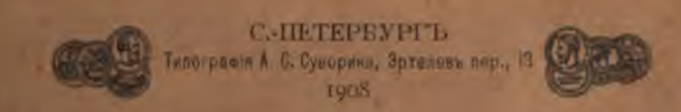
ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО
ОБЩЕСТВА ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ
ТОМЪ XXXIII

СѢВЕРНЫЯ СКАЗКИ

(АРХАНГЕЛЬСКАЯ И ОЛОНЕЦКАЯ ГГ.)

СБОРНИКЪ

Н. Е. ОНЧУКОВА



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., 13
1908

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Томъ XXXIII-й Записокъ по Отдѣленію Этнографіи изданъ подъ наблюденіемъ дѣйствительнаго члена академика А. А. Шахматова и подъ редакціей дѣйствительнаго члена Н. Е. Ончукова.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

Записи Н. Е. Ончукова.

Чупровъ, Алексѣй Васильевичъ.

Вокуевъ, Анисимъ Ѳедоровичъ.

Чупровъ, Григорій Ивановичъ.

---

*) Съ № 65 по 77 сказки изъ архива И. Р. Географич. Об-ва.

ОЛОНЕЦКАЯ ГУБЕРНІЯ.

Записи А. А. Шахматова.

Записи учителя Д. Георгіевскаго.

СТРАН.

Записи М. М. Пришвина.

Записи Н. Е. Ончукова.

ОЛОНЕЦКАЯ ГУБЕРНІЯ.

Калининъ, Павелъ Михайловичъ.

---

*) См. примѣчаніе.

стран.

Корельскій Степанъ Петровичъ.

Бабкинъ, Өеодоръ Яковлевичъ.

Базакоза, Ульяна Ивановна.

Мошнаковъ, Петръ Михайловичъ.

Рѣзинъ, Евграфъ Ефимовичъ.

Бородинъ, Яковъ Степановичъ.

Герасимовъ, Иванъ Кондратьевичъ.

Воронина, Прасковья Степановна.

Воронинъ, Владиміръ Ивановичъ.

СТРАН.

Леонтьева, Ульяна Степановна.

Воронинъ, Михаилъ Сазоновичъ.

Коротких, Савва Яковлевичъ.

Сынчиковъ, Василій Михайловичъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мѣстности записей сказокъ. — Содержаніе сборника. — Какъ записывались сказки. — Условія записей. — Какъ разсказываются сказки для мужика и какъ для «барина». — Идеальная запись сказки. — Нестройность сборника и ея причины. — Исторія сборника «Сѣверныя сказки». — Случайность записей. — Заключеніе.

Записи сказокъ настоящаго сборника сдѣланы въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ. Въ частности по отдѣльнымъ мѣстностямъ сказки записаны:

Въ Архангельской губерніи на *Низовой Печорѣ* №№ 1—54; въ *Поморьѣ* (Кемскій у.) №№ 55—64; въ *г. Онегѣ* № 65; въ селеніяхъ *по р. Онегѣ* №№ 297—303; по *Лѣтнему берегу* Бѣлаго моря (трактъ между Архангельскомъ и г. Онегой) №№ 233—296; на *Кольскомъ полуостровѣ* №№ 199—203 и *въ Шенкурскомъ уѣздѣ* №№ 67—77.

Въ Олонецкой губерніи: *въ Петрозаводскомъ уѣздѣ* №№ 78—144, 149—165, 204—209 и 224; *въ Повѣнецкомъ уѣздѣ* №№ 145—148; 166—198; 210—218, 222—223 *); 232*а*, *въ Каргопольскомъ уѣздѣ* №№ 219—221; *въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ* 228—231 и 232*б, в*. Кромѣ того всего три сказки—№№ 225 227, записаны *въ Чердынскомъ уѣздѣ* Пермской губерніи.

Озаглавивъ сборникъ «сказками», я только для краткости обобщилъ этимъ названіемъ разные разряды народнаго творчества, вошедшіе въ книгу. Въ сборникѣ, правда, преобладаютъ сказки въ собственномъ смыслѣ слова; но

*) №№ 222 и 223 записаны въ *г. Повѣнцѣ*, отъ сказочника, мѣсто происхожденія котораго собирателю осталось неизвѣстнымъ.

въ немъ напечатаны записи и такого рода, которыя и сами сказочники отнюдь не считаютъ сказками. Въ сборникъ вошли, напримѣръ, историческія преданія, легенды; обильны въ немъ разсказы про клады, про мертвецовъ, колдуновъ, вѣдьмъ, различнаго рода оборотней, чертей, лѣшихъ, водяныхъ и домовыхъ. Все это вѣрованія въ міръ злыхъ или болѣе и менѣе безразличныхъ къ людямъ духовъ. Записаны разсказы о событіяхъ изъ жизни разсказчиковъ или ихъ однодеревенцевъ съ указаніями времени, мѣста происшествія и именами дѣйствующихъ лицъ. Записаны наблюденія русскихъ надъ инородцами или надъ русскими же, но сосѣднихъ, нѣсколько отличающихся бытомъ волостей, и проч.

Записи сборника почти всѣ сдѣланы непосредственно изъ устъ народа, за очень немногими исключеніями. Только №№ 65—77; 149—165; 224; 228—231 и 232*б* и *в* напечатаны съ рукописей—отчасти изъ архива И. Р. Географическаго Общества, отчасти изъ Рукописнаго Отдѣленія Академіи Наукъ.

По тщательности записей на первомъ мѣстѣ, конечно, должны быть поставлены сказки академика А. А. Шахматова. Г. Пришвинъ, къ сожалѣнію, нѣкоторыя изъ своихъ записей подвергъ литературной обработкѣ (напр. № 179*а, б, в;* 180*а* и *б;* 198*а, б, в, г, д, е* и *ж*). Сказки, извлеченныя изъ архива Географическаго общества и Рукописнаго Отдѣленія Академіи Наукъ, записаны не фонетически; всѣ онѣ записаны съ явнымъ стремленіемъ изложить ихъ книжнымъ языкомъ и подвергнуть явной литературной обработкѣ.

Что касается моихъ записей, то онѣ сдѣланы не равномѣрно—однѣ лучше, другія хуже. Я всегда старался записывать непосредственно отъ сказочниковъ и добросовѣстно старался соблюдать всѣ особенности мѣстнаго говора, но мнѣ это не всегда удавалось. Во первыхъ, даже самый опытный въ дѣлѣ записей изслѣдователь не всегда уловитъ или не всегда съумѣетъ записать или отмѣтить все то, *что* и *какъ* говоритъ сидящій передъ нимъ сказочникъ; это подтверждаетъ и А. А. Шахматовъ (стр. 201—202). Во вторыхъ, нѣкоторые сказки я слышалъ при условіи, когда записывать ихъ сейчасъ-же было совершенно невозможно (въ дорогѣ на телѣгѣ, въ лодкѣ, во время дороги пѣшкомъ

и пр.). Такія сказки я записывалъ послѣ, уже безъ сказочника, стараясь, насколько позволяла память, возстановить въ своей записи не только содержаніе ихъ, но и самый складъ сказки, однако уже не придерживался говора. Сказокъ, записанныхъ такимъ образомъ, впрочемъ, немного и всѣ онѣ указаны въ характеристикахъ сказочниковъ (№№ 210—212 и 214; 222, 223 и 232). Наконецъ, встрѣчаются неудобные сказочники, которые разсказываютъ, чрезвычайно сбивчиво, спутанно, безпрестанно повторяясь, да кромѣ того говорятъ еще очень скоро и записать отъ нихъ что нибудь дословно изъ слова въ слово, почти нѣтъ возможности. У такихъ сказочниковъ приходилось, при большомъ напряженіи вниманія, схватывать изъ всего того, что они наговорятъ — основу сказки и ее только и набрасывать на бумагу. При записяхъ у нихъ приходилось жертвовать діалектологической точностью записи, чтобы сохранить иногда очень хорошую сказку. Къ такимъ сказочникамъ я отношу, напр., С. К. Чалкова (стр. 153 №№ 58 и 59), отчасти Воронину П. С. (стр. 573, №№ 288—294).

Говоря о сказочникахъ вообще, нужно отмѣтить слѣдующее. Почти всѣ сказочники разсказываютъ сказки своему брату, крестьянамъ, просто и безъискусственно, мѣстнымъ говоромъ, а какъ только начинаютъ разсказывать пріѣхавшему изъ Петербурга барину, такъ сейчасъ ту-же сказку стараются разсказать такъ, чтобы она какъ можно больше походила на книжную. Почти всѣ сказочники думаютъ, что собирателю ненравится ихъ мѣстный «мужицкій» говоръ, что разсказывать сказку «по-мужицки» некрасиво. Поэтому очень часто приходится много и долго убѣждать сказочника, что именно сказка, разсказанная просто, и требуется для записи. При большой настойчивости можно добиться того, что сказочникъ постепенно будетъ забывать, что передъ нимъ сидитъ пріѣзжій баринъ. Но все-же, мнѣ думается, всякая записанная пріѣзжимъ изъ столицы собирателемъ сказка всетаки будетъ болѣе или менѣе искусственна. Уже одинъ видъ сидящаго передъ сказочникомъ и записывающаго на бумагу все, что говоритъ сказочникъ, человѣка, не можетъ до нѣкоторой степени не налагать на сказочника чего-то сдерживающаго. Кромѣ того, неизбѣжные переспросы неизвѣст-

ныхъ и неразслышанныхъ словъ, темныхъ мѣстъ, заставляютъ сказочника останавливаться; вдохновеніе во время этихъ остановокъ пропадаетъ и сказочникъ уже надолго, а то и совсѣмъ можетъ не попасть въ первоначальный тонъ сказки. Лучше поэтому, если желательно сохранить всю прелесть мѣстнаго колорита сказки, со всѣми особенностями, оборотами рѣчи, красотами мѣткихъ сравненій и остроумными словечками,—лучше въ такомъ случаѣ не перебивать сказочника и, опуская лишнія объяснительныя замѣчанія, какія очень часто любятъ вставлять не къ мѣсту иные сказочники, записывать одну суть сказки. Идеальной, въ силу этихъ соображеній, я бы считалъ сказку, разсказанную не для пріѣзжаго собирателя, а въ своемъ крестьянскомъ кругу, гдѣ нибудь на ночевкѣ у костра, на пожнѣ, или въ лѣсной избушкѣ во время охоты, и которая была-бы записана, напр., на фонографѣ что-ли, да еще при условіи, чтобы сказочникъ не зналъ, что его слушаетъ пріѣзжій, не свой братъ, собиратель.

Желая записать сказки возможно точнѣе, я старался отмѣчать, за исключеніемъ оговоренныхъ случаевъ, всѣ особенности мѣстнаго говора: мѣну *ц* и *ч*, звукъ *ё*, удареніе, особенно тамъ, гдѣ оно стоитъ на необычномъ въ литературномъ языкѣ слогѣ. Нужно-ли говорить, что очень часто это не приходилось выдерживать при быстротѣ записей, при привычкѣ къ обычному правописанію, и вслѣдствіе всѣхъ высказанныхъ выше соображеній.

Читателю сборника сразу бросится въ глаза нестройность его, которую я самъ болѣзненно чувствую. Нѣкоторымъ извиненіемъ мнѣ, можетъ быть, послужитъ исторія сборника. Она такова. Зимой 1905 г. явилась возможность издать сказки моихъ записей на Печорѣ и въ Поморьѣ. Академикъ А. А. Шахматовъ любезно предложилъ присоединить къ моимъ сказкамъ имѣющіяся у него на рукахъ свои записи, сдѣланныя имъ въ Повѣнецкомъ, Петрозаводскомъ и Пудожскомъ уѣздахъ, Олонецкой губ., лѣтомъ 1884 года. Отдѣленіе Этнографіи И. Р. Географическаго Общества ассигновало деньги на печатаніе книжки сказокъ въ 15 листовъ; предполагалось напечатать выпускъ одного изъ томовъ «Записокъ по Отдѣленію Этнографіи», который бы и заключалъ сказки А. А. Шахматова и мои.

Начавъ печатаніе и заглянувъ въ архивъ Географическаго Общества, я нашелъ въ ящикѣ съ матеріалами по Архангельской губ. нѣсколько неизданныхъ сказокъ, и съ согласія предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи В. И. Ламанскаго извлекъ ихъ и присоединилъ къ своимъ записямъ.

Переписывая и подготовляя къ печати записи А. А. Шахматова, я долго не могъ получить часть этихъ записей, находящихся въ Москвѣ, у Е. В. Барсова. Пока шла длительная переписка съ послѣднимъ, часть записей А. А. Шахматова была уже напечатана; затѣмъ уже возвратилъ записи А. А. Шахматова и г. Барсовъ. И случилось такъ, что сказки одного и того-же сказочника пришлось расположить не рядомъ (напр., сказки Л. Ф. Марковой №№ 79, 80 и 116; старушки Тараевой 78, 118, 119, 120; Дмитріевны изъ Кедрозера 90, 93 и 121; крестьянина изъ Илемской Сельги 107—109, 122 и 123). Вслѣдствіе того, что г. Барсовъ возвратилъ вторую часть записей А. А. Шахматова въ то время, когда первая часть ихъ уже печаталась, перемѣшались не только сказочники, но и селенія, чего въ своихъ сказкахъ я тоже старательно избѣгалъ. Съ присоединеніемъ къ записямъ Шахматова и моимъ сказокъ изъ архива Географическаго Общества печатный текстъ сказокъ возросъ до 22 листовъ, а когда я извлекъ изъ Рукописнаго Отдѣленія Академіи Наукъ записи учителя Д. Георгіевскаго, онъ равнялся уже 25½ листамъ.

Лѣтомъ 1906 г. задумалъ съѣздить на Сѣверъ М. М. Пришвинъ, и по моей настоятельной рекомендаціи ему обособленнаго, глухого и какъ-бы законченнаго, со своеобразной жизнью Выговскаго Края, съѣздилъ именно туда. Тамъ онъ записалъ свои сказки, и въ сыромъ-же совершенно видѣ отдалъ въ мое распоряженіе. Я записи Пришвина тщательно переписалъ, привелъ въ порядокъ, приготовилъ къ печати и присоединилъ къ своему сборнику. Сборникъ выросъ до 30 листовъ.

Лѣтомъ 1907 года, по порученію Географическаго Общества, я опять съѣздилъ на Сѣверъ, именно въ Архангельскій и Онежскій уѣзды Архангельской губ., и записанныя сказки опять присоединилъ къ печатающемуся сборнику. Текста сказокъ скопилось до 37 печатныхъ листовъ, и

сборникъ получился крайне нестройный. Самыя старыя по времени, записи А. А. Шахматова находятся не въ началѣ книги и въ нихъ перемѣшаны сказочники; мои записи находятся въ началѣ и въ концѣ книги; въ началѣ идутъ сказки Архангельской губ., потомъ Олонецкой, потомъ опять Архангельской. Потерявъ въ своей стройности, сборникъ за то выигралъ въ своей полнотѣ, и можетъ быть, читатели уже не особенно будутъ сѣтовать на меня за путаницу, въ которой въ концѣ концовъ, благодаря оглавленію и указателю, всегда можно разобраться.

Я обслѣдовалъ край Низовой Печоры въ былинномъ отношеніи и записалъ, можно сказать, полный репертуаръ былинъ той мѣстности. Но никакъ не могу сказать, что я это сдѣлалъ въ отношеніи сказокъ. Ни одна изъ областей, гдѣ я записывалъ сказки, не использована мной въ сказочномъ отношеніи въ полной мѣрѣ. Ска[illegible] вляютъ огромную научную цѣнность во мног[illegible] шеніяхъ. Но потому-ли, что онѣ вездѣ встрѣ[illegible] количество ихъ еще очень велико, и зслѣдователи все еще до нѣкоторой степени пренебрегаютъ ими. Ни одной поѣздки, насколько помнится, не было, сдѣлано спеціально за сказками, а сказки, какія изслѣдователи успѣваютъ записать, не хранятся, какъ должно, и часто готовыя записи сказокъ постигаетъ печальная участь. Сборникъ, составленный въ Олонецкомъ краѣ Д. П. Балосогло, въ которомъ были и сказки, послѣ его смерти попалъ въ руки учителя Петрозаводской гимназіи Дозе, который разорвалъ его на части и роздалъ гимназистамъ для ученическихъ сочиненій *). С. В. Максимовъ свои записи сказокъ, сдѣланныя на Сѣверѣ, вручилъ П. И. Якушкину для передачи А. Н. Аѳанасьеву. У Якушкина, бродившаго тогда по Россіи всего съ однимъ узелкомъ, узелокъ этотъ съ бѣльемъ, гдѣ были и сказки Максимова, украли въ вагонѣ желѣзной дороги, и записи, какъ предполагаетъ Максимовъ, вѣроятно, были искурены «на цыгарки» **).

Настоящій сборникъ сказокъ составился, можно сказать, также случайно. Самыя старыя въ моемъ сборникѣ сказки

*) «Живая Старина» 1897 г. стр. 54.

**) Тамъ-же стр. 53.

А. А. Шахматова были записаны просто какъ діалектологическій и лексическій матеріалъ, и составляя большую цѣнность, какъ сказки, все же цѣлыхъ 22 года лежали безъ движенія, потому что собиратель ихъ занятъ былъ другими работами. Шесть лѣтъ прошло со времени записей сказокъ, сдѣланныхъ мной на Низовой Печорѣ. Въ 1902 году я поѣхалъ на Печору съ опредѣленной цѣлью записывать былины-старины. Когда сказители въ селеніяхъ, гдѣ я записывалъ старины, были мною использованы и между поѣздкой въ другое селеніе оставалось свободное время или ѣхать было еще нельзя *), я занимался на Печорѣ поисками рукописей, осмотромъ архивовъ мѣстныхъ церквей и уже послѣ всего записывалъ сказки. Такимъ образомъ, записывалъ я сказки на Печорѣ между дѣломъ, и онѣ, конечно, не обнимаютъ всего сказочнаго репертуара этой области. Могу сказать больше: я намѣренно игнорировалъ тамъ очень распространенныя на Печорѣ сказки, изданныя Аѳанасьевымъ подъ названіемъ «Завѣтныхъ». Между тѣмъ сказокъ этихъ на Печорѣ, какъ и вообще на Сѣверѣ, немало. Не возстановилъ и не записалъ я также нѣсколькихъ очень интересныхъ сказокъ, слышанныхъ мной то въ дорогѣ, то при условіяхъ, когда записывать было невозможно, то при сильномъ моемъ утомленіи записываніемъ, когда рука отказывалась работать, а разохотившійся сказитель говорилъ одну за другой сказки. Мои записи сказокъ въ Поморьѣ и въ Олонецкой губ. (въ 1903—1904 г.) носятъ еще болѣе случайный характеръ; но и болѣе обширныя записи тамъ, сдѣланныя А. А. Шахматовымъ, мнѣ думается, не исчерпываютъ всего сказочнаго репертуара тѣхъ мѣстностей. Болѣе тщательное вниманіе обращалъ я на сказки, сознавая всю ихъ огромную цѣнность и не отвлекаясь уже ничѣмъ инымъ отъ ихъ записей въ свою поѣздку лѣтомъ 1907 г. въ Архангельскій и Онежскій уу. Къ сожалѣнію, времени для записей въ эту поѣздку у меня было крайне мало.

Что касается сказокъ, взятыхъ мною изъ архива Географическаго Общества и Рукоп. Отдѣл. Академіи Наукъ,

*) Объ условіяхъ пути на Низовой Печорѣ см. подробно: «Печорскія былины», стр. III—VII, или «Былинная поэзія на Печорѣ», стр. 1—4.

то нечего и говорить, что онѣ также не исчерпываютъ сказочнаго репертуара тѣхъ мѣстностей, гдѣ онѣ записаны.

Выпуская въ свѣтъ сборникъ сказокъ, я долженъ выразить глубокую признательность *Императорскому Русскому Географическому Обществу* и въ особености предсѣдателю Отдѣленія Этнографіи *В. И. Ламанскому* и почетному члену общества *А. И. Соболевскому*, благодаря постоянной поддержкѣ которыхъ я имѣлъ возможность совершить поѣздки на Сѣверъ на средства Географическаго Общества и на средства того-же Общества напечатать и самый сборникъ. Глубоко признателенъ я *А. А. Шахматову*, не отказавшемуся прочесть послѣднюю корректуру текста сказокъ и отдавшему для моего сборника свои записи сказокъ, такъ украсившія его. *Д. К. Зеленину* — очень признателенъ за любезное содѣйствіе при составленіи мною словаря областныхъ словъ.

Н. Ончуковъ.

Сказки и сказочники на Сѣверѣ.

I.

Сѣверъ, общія черты, присущія всему ему, и различіе его отдѣльныхъ мѣстностей. — Всѣ сказки Сѣвера имѣютъ общій колоритъ и черты, почти одинъ говоръ, но разнятся въ частностяхъ. — Низовая Печора, ея отрѣзанность, занятіе жителей, природа — отраженіе всего этого въ сказкахъ. — Олонецкій озерный край, его отличіе отъ Печорскаго. — Близость Петербурга и отраженіе этого въ сказкахъ. — Сказки Лѣтняго Берега.

Сказки моего сборника записаны на Сѣверѣ, но въ различныхъ его мѣстностяхъ, начиная съ крайняго востока Европейской Россіи—Низовой Печоры и кончая самой западной ея частью — Кемскимъ Поморьемъ и западными уѣздами Олонецкой губерніи. Условія жизни въ мѣстностяхъ, разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ одной широты, въ общемъ одинаковы, но въ частностяхъ различны. Занятіе, главнымъ образомъ, промыслами (рыбная и звѣриная ловля), а не земледѣліемъ, суровый, дикій, глухой край, отдаленность отъ центровъ, расколъ — это общія черты всего русскаго Сѣвера. И всѣ сказки сборника носятъ одинъ общій имъ всѣмъ колоритъ и складъ, разсказаны онѣ почти однимъ говоромъ, всѣ освѣщены суровымъ взглядомъ на жизнь сѣвернаго жителя. Но въ частностяхъ сказки разнятся и отражаютъ тѣ разнообразія обстановки и условій жизни и быта, которыя свойственны той или другой мѣстности Сѣвера.

Попробую отмѣтить эту разницу. Начну съ Печоры.

Низовая Печора — Печорскій уѣздъ, Архангельской губерніи. На огромномъ пространствѣ всего 40 тысячъ жите-

лей, живущихъ въ селеніяхъ по обѣимъ сторонамъ р. Печоры и ея притоковъ Цыльмы, Пижмы, Нерицы и нѣкоторыхъ другихъ. Край въ особенности глухой, удаленъ на огромное разстояніе не только отъ столицъ, но даже отъ своего губернскаго города отстоитъ на 800 верстъ! Край, совершенно отрѣзанный отъ міра, безъ желѣзныхъ дорогъ и почти безъ сообщеній. Изъ Архангельска до центра Печоры, Устьцыльмы ведетъ трактъ въ 800 верстъ длиной, главнымъ образомъ берегами рѣкъ, сначала С. Двины и Пинеги, затѣмъ Мезени. Два раза на этомъ пути встрѣчаются «Тайболы» (первая между рр. Пинегой и Мезенью, величиною въ 100 верстъ; вторая между Мезенью и Печорой 250 верстъ), гдѣ нѣтъ ни одного селенія, кромѣ земскихъ станцій, а обитателей, кромѣ ямщиковъ. Два раза въ годъ, во время распутья, Печорскій край на мѣсяцъ-полтора отрѣзывается отъ Россіи совершенно, даже почта не ходитъ. Лѣтомъ, кромѣ телѣжнаго пути, есть еще морской: отъ Архангельска до села Куи, съ 20 іюня до сентября дѣлаютъ 3—4 рейса морскіе пароходы.

Занятіе жителей въ Устьцылемской волости — жалкое хлѣбопашество, а главнымъ образомъ ловля семги и прочей рыбы, увозимой затѣмъ скупщиками въ столицу, и звѣриная ловля; въ Пустозерской волости — исключительно ловля семги и морскіе промыслы; въ послѣдней волости совсѣмъ не знаютъ хлѣбопашества, не видали огурцовъ и капусты, а навозъ называютъ *соромъ*. Эти исключительныя, даже въ Архангельской губерніи, условія края, конечно, отразились въ его сказкахъ. Въ Печорскомъ краѣ еще вполнѣ сохранились былины, хотя и разрушаются постепенно; носятся по праздникамъ парчевые, старые, боярскіе костюмы, совершаются старыя, полныя длинныхъ церемоній свадьбы, поются древнія пѣсни, а грамотные люди (старообрядцы) до сихъ поръ услаждаютъ себя чтеніемъ рукописей XVII и XVIII вѣка.

Разумѣется, все это не могло не отразиться на сказкахъ. Во-первыхъ, только на Печорѣ я нашелъ сказочника, который разсказывалъ мнѣ сказки тѣмъ стариннымъ укладомъ, которымъ онѣ, вѣроятно, первоначально были составлены, съ полнымъ сохраненіемъ того склада ихъ, который А. Н. Аѳанасьевъ называетъ «обрядностью» сказки.

Мой сказочникъ Алексѣй Васильевичъ Чупровъ былъ у меня именно тѣмъ, единственнымъ сказочникомъ, который передаетъ сказки такъ, какъ онѣ, можетъ быть, должны были говориться въ старину. Дальше уже во всемъ сборникѣ вы не найдете такого сказочника (см. его сказки №№ 2, 3, 4, 5 и стр. 1).

Лѣсъ, вода, вообще рѣки и озера и въ частности море фигурируютъ почти въ каждой печорской сказкѣ. Герои сказокъ ходятъ и плутаютъ, «шавраютъ» по лѣсамъ и болотамъ, плаваютъ по рѣкамъ, озерамъ и морямъ; на моряхъ безпрестанно, чуть не въ каждой сказкѣ ѣздятъ не только на корабляхъ, въ моря спускаютъ людей въ бочкахъ; спускаются герои сказокъ даже на дно морское и тамъ дѣйствуютъ и снова выходятъ сухими изъ воды на свѣтъ божій. Даже въ шутливыхъ прибакулочкахъ-скороговоркахъ вездѣ рѣка и море. Напримѣръ, въ небылицѣ, какъ «40 братьевъ ѣздили отца крестить» кобыла скачетъ черезъ рѣку и перерывается (стр. 72). Въ анекдотѣ о зырянинѣ весенній печорскій ледъ напираетъ на зырянскую избу, зырянинъ сердится на Бога и хочетъ расколоть икону (стр. 88). Одна скороговорка начинается: «на мори, на кіяни, на островѣ Буяни» (стр. 46). Въ другой говорится, что «за моремъ скотъ дешевъ: быковъ мѣняютъ на оводовъ, мухъ на телятъ, телятъ на комаровъ». Пустозеръ Алексѣй Ивановичъ Дитятевъ разсказалъ замѣчательную въ этомъ отношеніи скороговорку *) (54), имѣющую сплошь мѣстное значеніе и несомнѣнно мѣстнаго-же происхожденія. Тутъ упоминаются какіе-то Алексѣй Ѳоминъ, Паша Громованъ, Афонька, Исакъ да Амгле самоѣдинъ, Гришка и Микишка, худые самоѣдишки; все это несомнѣнно мѣстные жители, на которыхъ составлена шутливая скороговорка: они ходятъ по морю и промышляютъ ошкуевъ, облемаевъ, нерпей, зайцевъ и проч. (стр. 144).

Промыслы — рыбная и звѣриная ловля, вообще сильно отражаются въ сказкахъ. Напр., «Горчевъ задумалъ ѣхать

---

*) Вездѣ въ послѣдующемъ изложеніи цыфра въ скобкахъ при ссылкѣ на сказку будетъ означать № сказки. Ссылка на страницу всегда будетъ обозначаться «стр.».

по синему морю стрѣлять гусей и лебедей» (6). Описывается «чудо чудное» въ лѣсной избушкѣ, во время промысла, когда облупленный заяцъ скочилъ и убѣжалъ (9). Старикъ идетъ въ лѣсъ силки ставить (16). Въ шутливой формѣ описывается ловля пустозерами семги (24). Мужикъ стоитъ въ водѣ, бородой «езъ заезилъ, ртомъ рыбу хватаетъ» (47) и пр. и пр.

То, что Устьцылемская волость населена потомками вольнолюбивыхъ новгородцевъ *), не могло не отразиться въ совершенно свободномъ взглядѣ на царя, гдѣ нѣтъ и тѣни низкопоклонства и лести, что можетъ быть сказалось-бы въ сказкахъ Пустозеровъ, потомковъ московскихъ служилыхъ людей. Напр., у А. В. Чупрова говорится въ одной сказкѣ: «Этимъ царямъ што дурно, то и потѣшно» (стр. 4). У него-же Черепанъ на вопросъ: — «развѣ государь дикъ?» — отвѣчаетъ: «А какъ государь не дикъ! у бояръ полны погреба денегъ лежатъ, да все ихъ жалуетъ, а у бѣднаго, у нужняго съ зубовъ кожу деретъ, да все подать беретъ» (стр. 33). У Чупрова-же Гр. Ив., на стр. 69, воръ бьетъ царя по косицѣ, и пр.

За Печорой слѣдуетъ Олонецкая губернія. Тоже сѣверная мѣстность, съ суровымъ климатомъ, все же съ болѣе мягкимъ, чѣмъ на Печорѣ: Олонецкая г. знаетъ уже, кромѣ ячменя, рожь и другіе виды зерновыхъ и корнеплодовъ. Промыслы звѣриные и рыбные имѣютъ и здѣсь значеніе, но уже не такое, какъ на Печорѣ: лѣса здѣсь тоже уже не такіе дѣвственные, какъ тамъ; населеніе губерніи больше и гуще, а дичь по лѣсамъ и истреблена, и распугана; рыба въ рѣкахъ, преимущественно въ озерахъ, выловлена; и дичи и рыбы не хватаетъ, чтобы сдѣлать эти промыслы преобладающими въ жизни олонецкаго крестьянина. Лѣсные промыслы есть, но уже въ другомъ видѣ; работа по рубкѣ и сплаву лѣсовъ, правда, здѣсь имѣетъ большое значеніе, такъ же какъ хлѣбопашество, и такъ же какъ занятіе извозомъ зимой. Но главное, чѣмъ разнится Олонецкій озерный край отъ края Печорскаго — это сравнительная близость его къ Петербургу, прекрасный и недлинный водный путь въ сѣверную столицу.

---

*) См. *Н. Ончуковъ*. «Печерскія былины» стр. XII—XVI или его-же «Былинная поэзія на Печорѣ», стр. 11—14.

Петербургъ, если можно сравнить, это море и Печора Олонецкаго края. Какъ нѣтъ семьи въ Печорскомъ краѣ, неимѣющей связи съ моремъ, особенно съ Печорой, такъ нѣтъ семьи въ Олонецкомъ озерномъ краѣ, гл. обр. въ Заонежьѣ, которая не имѣла-бы сношенія съ Петербургомъ. Нѣтъ деревни, а въ деревнѣ рѣдкая семья, изъ которой кто нибудь въ любое время года не жилъ-бы въ Петербургѣ въ качествѣ приказчика, дворника, прислуги, газетчика (Каргопольскій уѣздъ) и т. д. Все сплошь населеніе этого отнюдь не бѣднаго края перебывало и пережило въ Петербургѣ, то на службѣ, то въ услуженіи, то по торговой части, то съ товарами въ качествѣ возчиковъ, то просто погостить у родныхъ, посмотрѣть на Питеръ. Связь столицы съ Заонежьемъ безпрерывная, безостановочная, стародавняя и нисколько не ослабѣвающая. Нужно-ли говорить, что это не могло остаться не отраженнымъ въ сказкахъ.

Въ печорскихъ сказкахъ ни разу не только не фигурируетъ, даже не упоминается ни Москва, ни тѣмъ больше Петербургъ; между тѣмъ въ записяхъ, сдѣланныхъ въ Олонецкой губерніи, Москва упоминается 4 раза, Петербургъ же фигурируетъ постоянно, и не только сама столица, но и ея окрестности, отражая ту связь Заонежья съ Петербургомъ, которая существуетъ въ дѣйствительности. Напр.: мужикъ живетъ въ деревнѣ съ женой, уѣзжаетъ въ Петербургъ и тамъ умираетъ, и мертвый пріѣзжаетъ въ деревню (87). Жена жила въ деревнѣ безъ мужа, а мужъ жилъ въ Питерѣ, и вздумала измѣнить мужу (121). Жена, чтобы погулять въ деревнѣ съ дружкомъ, уговариваетъ мужа ѣхать въ Питеръ на заработки и собираетъ мужа въ дорогу (208). У старика и старухи три сына и дочь. Сыновья уѣзжаютъ въ Петербургъ и тамъ нанимаютъ работницу Егибиху, которая чуть было не сгубила ихъ сестру, когда братья выписали сестру въ Питеръ (218). Поповна обманываетъ монаховъ очевидно уже въ самомъ Петербургѣ; хотя мѣсто дѣйствія и не названо, но крестьянинъ, мужъ поповны, носитъ убитыхъ монаховъ въ Неву, да въ Фонталку (82). Деревенскій воръ ѣдетъ воровать въ Питеръ, гдѣ денегъ больше. Въ Петербургѣ онъ идетъ, между прочимъ, по Милліонской улицѣ и обкрады-

ваетъ сначала банкъ, потомъ царскій дворецъ. Посланникъ и полковникъ берутся по просьбѣ царя поймать вора, а воръ зоветъ ихъ къ себѣ въ домъ на Невскомъ прешпектѣ и угощаетъ, послѣ чего они отправляются въ Царское Село (168). Купецъ Нимѣняевъ въ Петербургѣ умираетъ и оставляетъ капиталъ сыну Василью. Василій торгуетъ съ приказчиками въ магазинѣ и идетъ въ погребокъ выпить. Несутъ покойника по Милліонской улицѣ; Василій ѣдетъ съ работникомъ торговать, а товаръ складываетъ въ чухонскую телѣгу (169). Воръ Мамыка воруетъ въ Петербургѣ и обманываетъ царя въ Царскомъ Селѣ (197). Знаютъ олончане и близлежащіе къ столицѣ города: бурлакъ живетъ въ Ригѣ и женится тамъ (184).

Въ другихъ отношеніяхъ сказки Олонецкаго края имѣютъ много общаго со сказками Печорскаго. Тѣ-же лѣса, рѣки, озера, море фигурируютъ по общности причинъ въ сказкахъ Олонецкихъ, какъ и Печорскихъ.

Сказки Лѣтняго берега отличаются отъ двухъ указанныхъ выше мѣстностей, развѣ тѣмъ только, что въ нихъ особенно рельефно выступаетъ море со всѣми его особенностями. Жители прибрежныхъ, приморскихъ селеній, сказочники Лѣтняго берега не только работаютъ въ морѣ на промыслахъ, но и служатъ на морскихъ пароходахъ матросами, штурвальными, шкиперами, ѣздятъ съ рейсами по всему Бѣлому морю и Ледовитому океану, къ Западу и къ Востоку отъ Архангельска, бываютъ на Мурманѣ, на Новой Землѣ, въ Норвегіи и дальше за границей. Въ одной бывальщинѣ дѣйствіе происходитъ на Новой Землѣ, гдѣ нечаянно остался отъ товарищей на зиму промышленникъ (248).

II.

Сказки съ эпическимъ содержаніемъ. — Отраженіе былинъ въ сказкахъ. — Сказки съ содержаніемъ духовнаго стиха. — Комедія. — Разсказы про инородцевъ и своихъ сосѣдей русскихъ. — Преданія о происхожденіи селеній, урочищъ, фамилій. — Преданія о панахъ и шведахъ. — О самосожженцахъ.

На Сѣверѣ, гдѣ еще хранятся, живутъ и распѣваются былины, естественны и сказки съ эпическими сюжетами. Нѣсколько ихъ вошло въ мой сборникъ. На Печорѣ, гдѣ

я записывалъ былины, я не записывалъ сказокъ съ эпическими сюжетами; хотя уже и тамъ я долженъ былъ записать старину про «Святогора» разсказомъ, «со словъ», т. е. собственно сказку, потому что никто не зналъ эту былину пѣть. («Печорск. былины», стр. 256). Сказки съ эпическими сюжетами есть въ записяхъ А. А. Шахматова и въ сказкахъ, извлеченныхъ изъ архива Географическаго Общества; всего ихъ въ сборникѣ семь. «Князь и княгиня» (74) трактуетъ извѣстный сюжетъ про князя 12 лѣтъ и княгиню 9 годовъ, которую князь казнилъ по оговору странницъ, а потомъ, когда убѣдился въ ея невинности, самъ бросился на колъ. «Садко» (90), «Братья разбойники и сестра» (97), «Мать-убійца» (98), «Царь Иванъ Васильевичъ и сынъ его Θеодоръ» (125), «Пантелей» (134) и «Илья Муромецъ (136). «Садко»—сильно отклоняющійся отъ былины варіантъ, зато всѣ остальныя очень близки къ соотвѣтствующимъ былинамъ и вѣроятно есть просто разложившіяся былины, потому что и передаются онѣ былиннымъ складомъ, и даже съ попыткой на стихи, а «Князь и Княгиня» такъ близка къ былинѣ, что ее можно безъ затрудненія разбить на стихи и пѣть. Напримѣръ:

Вынимаетъ князь саблю вострую,
Срубилъ, сказнилъ поплечъ голову;
Укатилася голова конямъ подъ ноги...
...Всѣ кони по колѣнъ въ овсѣ,
Они ѣдятъ траву все шелковую,
Они пьютъ воду все ключевую;
Въ теремѣ золота казна по шкатулочкамъ,
Цвѣтно платье все по стопочкамъ,
Бѣла посуда по наблюдничкамъ,
Ключи-замки все по полочкамъ;
Въ теремъ зашелъ—жолубня тутъ нѣтъ,
Дитя малаго не видано;
Тутъ пяла стоятъ золоченыя,
Не столько въ нихъ шито, сколько плакано
Все князя въ домъ дожидано. (Стр. 193).

Въ краѣ, гдѣ еще такъ сильна былинная традиція и гдѣ еще живутъ и здравствуютъ люди, помнящіе и поющіе не по одному десятку былинъ, естественно, что и въ сказкахъ долженъ отразиться былинный складъ и языкъ.

Особенно много привносятъ былиннаго въ свои сказки сказочники, которые поютъ въ то же время и былины. Для примѣра укажу на моего сказателя былинъ и сказочника А. В. Чупрова, у котораго въ сказкахъ попадаются мѣста совсѣмъ изъ былинъ. Напримѣръ, въ сказкѣ «Царь-Чернокнижникъ» (2):

«Доспѣлъ себѣ Царь-Чернокнижникъ пиръ на весь міръ про всѣхъ боярь, про всѣхъ крестьянъ, про всѣхъ людей пригородныихъ» (стр. 3).
«Всѣ на пиру пріумолкнули и пріудрогнули» (стр 3).

Въ сказкѣ Иванъ-Царевичъ и Царь-дѣвица (3):

«Старъ» матеръ человѣкъ ночку просыпалъ, по утру рано вставалъ, ключевой водой умывался, и полотёнышкомъ утирался, выходилъ вонъ на улицу, на красно круто крыльцо, заревѣлъ по-звѣриному, засвистѣлъ по-соловьиному» (стр. 11).

Въ сказкѣ «Θедоръ царевичъ и оклеветанная мать» (5):

«заходятъ они на корабъ, сходни поклали, якори побросали, тонки парусы подымали и побѣжали за синее море. Далъ имъ Богъ тишины пособной» (стр. 27 и 31)

или еще:

«Стали скоро снарежатися, скорѣ того сподоблетися» (стр. 30).

Былина такъ еще извѣстна на Сѣверѣ, что про нее, какъ произведеніе всѣмъ извѣстное, упоминается въ сказкѣ мимоходомъ, безъ всякихъ поясненій. Въ сказкѣ «Попъ исповѣдникъ» (138) попъ спрашиваетъ у странника:

«А што, старицекъ, ты проходецъ, не знашь-ле какой нибудь *былинки сказать*, пѣсенки спѣть?» (стр. 337).

Духовные стихи тоже очень распространены на Сѣверѣ и въ сборникѣ есть сказка съ содержаніемъ духовнаго стиха. Это «Царь Агапій и дочь его Елизавета» (75); она содержитъ исторію совершенно тожественную съ очень распространеннымъ на Сѣверѣ стихомъ про «Егорія Храбраго и царицу Александру или Олисавью» *). Совсѣмъ стихотворный складъ записи показываетъ, что это на-

---

*) *Н. Ончуковъ.* «Печорскія стихи и пѣсни», стр. 8 и 12.

стоящій стихъ, только записанный прозой. Впрочемъ, напечатанная съ рукописи такъ-же, какъ и № 74, эта запись неизвѣстно даже какъ и передавалась священнику Боголѣпову. Его увѣренія, что записи сдѣланы «съ голосу», въ отношеніи другихъ сказокъ не допустимы.

Подъ № 204 въ сборникъ попала настоящая комедія, записанная лѣтомъ 1903 г. въ Олонецкой губ. Такъ какъ она была записана у меня тогда всего одна, то я помѣстилъ ее вмѣстѣ со сказками. Лѣтомъ 1907 г. въ Архангельскомъ и Олонецкомъ уѣздахъ я напалъ на цѣлое гнѣздо народной драмы, для котораго понадобилось уже отдѣльное изданіе, но 30-й листъ сборника, въ который пришелся «Ѣздокъ и Конёвалъ» или «Конь», тогда былъ уже напечатанъ.

Въ сборникъ вошли нѣсколько шутливыхъ разсказовъ, названныхъ у Аѳанасьева «разсказами объ инородцахъ». Охватывая мѣстности всей Россіи, сказки Аѳанасьева содержатъ разсказы про Цыгана, Жида, Татарина, Мордвина, Чувашенина, Черемисина, Нѣмца. Въ моихъ записяхъ, сдѣланныхъ всего въ двухъ губерніяхъ, мнѣ встрѣтились разсказы про сѣверныхъ инородцевъ — Зырянъ (23 и 30) и Корелъ (214). Кромѣ того, жители двухъ сосѣднихъ русскихъ волостей на Низовой Печорѣ: Устьцылемской и Пустозерской, подмѣтивъ смѣшныя стороны быта и привычки своихъ сосѣдей, высмѣиваютъ ихъ въ придуманныхъ на этотъ случай анекдотахъ. Устьцылёмы смѣются надъ Пустозерами (24), подмѣтивъ ихъ и большую богомольность и въ то же время жадность. Сами Устьцылёмы подвергаются насмѣшкамъ и вышучиваніямъ со стороны своихъ сосѣдей (25 и 26), на этотъ разъ уже Зырянъ. Русскіе въ Заонежьѣ высмѣиваютъ Корелъ (214). Про Корелъ же у меня записана очень остроумная сказка отъ И. Я. Иванова, которую я не могъ напечатать въ силу ея большой грубости. Отъ П. М. Калинина записана сказка о томъ, «какъ нѣмецъ женился», непопавшая въ сборникъ по той же причинѣ. Въ № 287 разсказывается о томъ, какъ русскій солдатъ околпачиваетъ Татарина, Арапа и Шведа.

Вошло въ сборникъ нѣсколько преданій о происхожденіи селъ и урочищъ и нѣсколько варіантовъ распростра-

неннаго на сѣверѣ преданія о Панахъ. Въ № 207 содержится преданіе о первыхъ жителяхъ теперешней дер. *Пáдмозеро,* (Толвуйской вол.) откуда мой сказочникъ былъ родомъ. Подъ №№ 200—203 напечатаны лопарскія преданія о происхожденіи Китъ-Камня на озерѣ Имандрѣ, объ урочищѣ *Лынь-Ланъ-Нынчъ* и урочищѣ *Викъ-варачъ* тамъ-же, и островѣ *Кильдинъ.* Въ № 232 объясняются названія урочищъ, деревень и острововъ на Выгозерѣ: села *Кóйкинцы,* мыса *Деревенскій Наволокъ,* острововъ—*Городовой* и *Котельный,* и фамильи *Ругмаковыхъ.* Въ №№-же 232*а, б* и *в* приводятся легенды про Пановъ, пришедшихъ въ смутное время изъ Москвы и занимающихся разбоемъ на Выгозерѣ (Повѣнецк. у.) с. Меграхъ (Лодейнопольскаго у.), Нижмозерѣ (Архангельск. у.). Преданія о Шведахъ, которыхъ называютъ также и Панами, находятся въ №№ 201 и 203. Разсказы про клады въ №№ 72, 87 и 230. № 196 содержитъ разсказъ о самосожженцахъ-старообрядцахъ въ селѣ Линдозерѣ.

Подъ №№ 77 и 274 напечатаны простые народные разсказы. Въ первомъ разсказѣ о томъ, какъ два брата, крестьяне села Кодемы, ходили кладъ искать; во второмъ Ѳ. Я. Бабкинъ разсказалъ, какъ онъ получилъ «надцаду», попробовавъ нести на себѣ цѣлое дерево.

III.

Разсказы про лѣшихъ, чертей, водяныхъ, колдуновъ, оборотней. мертвецовъ.— Личныя встрѣчи съ ними и разсказы про бывшее «на вѣкахъ», «досюльщины».—«Бывальщины» и «бывальщинки» про оборотней, колдуновъ, волшебницъ.—Отношенія народа къ правдивости сказки.

Между совершенно реальными разсказами, характеризующими бытъ Сѣвера, есть разсказы изъ области чудеснаго, преимущественно касающіеся вѣрованій въ невидимый міръ злыхъ или безразличныхъ къ человѣку духовъ, чертей, лѣшихъ, водяныхъ и проч. Разсказчики выдаютъ ихъ также за несомнѣнно истинныя происшествія. Всѣ эти разсказы касаются мѣстной жизни, а дѣйствующими лицами въ нихъ являются или сами разсказчики (272, 273, 275, 299 и проч.), или-же разсказчики слышали описаніе

происшествій отъ своихъ близкихъ родныхъ, однодеревенцевъ и хорошихъ знакомыхъ (235 *а*, *б*, *в*, *г*, *д* и пр.). Всѣ случаи касаются мѣстности, гдѣ живетъ разсказчикъ; дѣйствуютъ въ нихъ лица, извѣстныя всей деревнѣ, и происшествія, въ нихъ разсказанныя, могутъ удостовѣрить всѣ жители данной мѣстности. И всѣ описанные случаи не заключаютъ въ себѣ особенно чудесныхъ происшествій и касаются большею частью сбившихся съ дороги и блудящихъ въ лѣсу по винѣ лѣшаго, встрѣчъ съ лѣшимъ, чортомъ, водянымъ, кѣмъ-то неизвѣстнымъ, но страшнымъ и пр. Вотъ содержаніе этихъ разсказовъ.

У жителей лѣсныхъ областей больше всего разсказовъ про лѣшаго. Степанида Максимовна видѣла въ лѣсу лѣшаго въ видѣ женщины съ буракомъ въ рукѣ (179 *б*); ее-же лѣшій потянулъ въ лѣсъ, а когда С. М. воротилъ мужъ, лѣшій ночью стучалъ по избушкѣ и лаялъ собакой (179 *в*); Иванъ-охотникъ видѣлъ лѣшаго въ видѣ своего отца (198 *а*), въ видѣ мужика со свѣтлыми глазами (198 *б*), сзади Ивана—бѣжалъ лѣшій и хлопалъ въ ладоши (198 *в*), лѣшій пугалъ собакъ (198 *г*), тетка Ивана видѣла лѣшаго въ видѣ мужика съ собакой (198 *д*), отецъ Ивана видѣлъ лѣшаго въ видѣ знакомаго мужика Василья съ парнемъ (198 *е*); Петръ Коковинъ видѣлъ лѣшаго въ видѣ знакомаго мужика Павла Непытаева (235 *а*); Ивана Чудинова въ лѣсовой избушкѣ лѣшій однажды ночью нѣсколько разъ за ноги съ постели сдернулъ (235 *б*); Николая Кузьмина лѣшій выжилъ изъ лѣсовой избушки шумомъ; Павелъ Коковинъ переругивался съ лѣшимъ (235 *д*); дѣвушку въ Тамицѣ лѣшій водилъ шесть дней (291), а въ Корельскомъ островѣ дѣвушекъ водилъ 12 дней (179 *а*); въ первомъ случаѣ ихъ отмолили молебномъ, во второмъ колдунья съ Лексы отколдовала; парня Тихона лѣшій унесъ къ себѣ въ домъ и его выручила жена лѣшаго (293); старикъ въ Тамицѣ укралъ съ дѣвицами овцу, за это лѣшій совсѣмъ увелъ его сына 19 лѣтъ, сынъ объявился въ лѣсу уже женатый—черезъ 15 лѣтъ (292); Савву Короткихъ лѣшій водилъ по лѣсу (299); у Сынчикова лѣшій сивую лошадь затащилъ ночью въ ясли (303).

Вотъ встрѣчи съ чертями и водяными: Жена Ивана-охотника съ Корельскаго острова посулила чорта своимъ дѣвченкамъ, и чортъ потащилъ ихъ въ лѣсъ, но

отпустилъ, когда онѣ сотворили молитву (198 *ж*); мужикъ изъ Нёноксы видѣлъ чертовку—сидитъ на мосту и прикокиваетъ (266 *а*); Водяного видѣлъ Корельскій С. П. когда въ полночь хотѣлъ перебрести рѣчку (273). Разсказываютъ и про неизвѣстныхъ духовъ: Устьцылёмъ жилъ въ работникахъ у Пустозера—и пошелъ въ баню, а изъ подъ полка вылѣзъ какой-то страшный старикъ и мылся съ нимъ (29). Имѣютъ дѣло жители сѣвера, конечно, и съ мертвецами: Степанида Максимовна, прощаясь съ мужемъ въ гробу, призывала мужа ходить къ ней и мертвый мужъ сталъ ходить (180 *а* и *б*).

Какъ видно изъ приведенныхъ разсказовъ, въ происшествіяхъ этихъ нѣтъ ничего особеннаго, необычайнаго, и всѣ происшествія и встрѣчи съ лѣшими, чертями, водяными, мертвецами случались или съ самими разсказчиками, или съ хорошо извѣстными, или совсѣмъ близкими имъ людьми. Нѣсколько уже другого рода разсказы про тѣхъ же чертей, лѣшихъ, водяныхъ, мертвецовъ, оборотней и разбойниковъ, которые тоже выдаются за быль и даже называются въ отличіе отъ сказокъ «бывальщинами» (стр. 32), «бывальщинками», но въ которыхъ разсказчики уже обыкновенно не могутъ указать мѣста, гдѣ событіе происходило, и имена дѣйствующихъ лицъ; кромѣ того, или не могутъ указать, когда событіе происходило, или прямо указываютъ, что дѣло было давно, очень давно, «досюль» (стр. 290, 291 и друг.), на «вѣкахъ» (стр. 504) и т. д., поэтому разсказы эти, кромѣ бывальщинъ, называются еще «досюльщинами». Въ нихъ, въ отличіе отъ происшествій мѣстнаго характера, больше элементовъ чудеснаго, необыкновеннаго.

Вотъ содержаніе «бывальщинъ» или «досюльщинъ». Про чертей: когда-то въ селѣ Меграхъ чортъ пришелъ къ богатому мужику за бочкой золота, которую мужикъ накопилъ за свою жизнь. Мужикъ отдалъ золото. Чортъ опустилъ бочку на цѣпи въ рѣку. Вскорѣ мужика нашли на берегу мертваго, обмотаннаго цѣпью, съ пустой бочкой на шеѣ (229); въ Меграхъ же изъ одного озера нѣкогда выходили пастись на островъ 4 чортовы коровы: одинъ мужикъ поймалъ двухъ и разбогатѣлъ на молокѣ отъ нихъ (231) мужикъ ловилъ рыбу на Áмборскихъ озерахъ и увидѣлъ

на заязкѣ чорта: сидитъ чортъ, качается и жалуется на свою судьбу—мужикъ убилъ чорта весломъ (266).

Особенно много разсказовъ про лѣшихъ. Мужикъ нанялся въ работники къ лѣшему, принималъ участіе въ дракѣ своего хозяина съ чертями и пособилъ лѣшему молитвенникомъ. Лѣшій отпустилъ его домой на сивомъ меринѣ, а меринъ оказался старикомъ изъ деревни (226); мужикъ выручилъ лѣшаго, который утонулъ было въ болотѣ съ медвѣдемъ и лосемъ; за это мужика лѣшій угостилъ и подарилъ рукавъ своего кафтана, изъ котораго мужикъ сшилъ себѣ кафтанъ да пять колпаковъ (227); старуха изъ Нёноксы на вѣкахъ заблудилась въ лѣсу, попала въ домъ къ лѣшему и прожила у него въ нянькахъ три года (234); у лѣшаго жонка съ Руси была—родила и лѣшій притащилъ старуху-бабку принимать женина ребенка; бабка приняла и лѣшій заплатилъ бабкѣ серебряными рублями (290); отставной солдатъ съ Тельмозера съѣздилъ съ лѣшимъ, въ видѣ станового пристава Смирнова, въ Петербургъ и присутствовалъ тамъ на крещенскомъ парадѣ (301).

Особеннымъ сочувствіемъ пользуются и вызываютъ большое участіе въ слушателяхъ «бывальщинки» про еретиковъ, оборотней и колдуновъ. Къ одной дѣвицѣ женихъ-колдунъ посватался, дѣвицѣ онъ понравился, а отецъ-мать не отдаютъ. Женихъ пріѣхалъ ночью, увезъ дѣвицу съ приданымъ будто въ церковь, а она очутилась въ могилѣ (39); на Печорѣ у бабы умеръ мужъ-еретикъ. На третьи сутки онъ вдругъ всталъ и съѣлъ старшую дочку и пеленки и хотѣлъ было съѣсть и всѣхъ, но въ избу вошелъ Егорей-храбрый и спасъ семью отъ смерти (45); почти такой-же случай былъ и въ Заонежьѣ, только съ продолженіемъ: чернокнижникъ-мужикъ послѣ смерти всталъ и тоже хотѣлъ съѣсть свою семью; также пришелъ сѣдатый старичокъ и усмирилъ его. Чернокнижника положили въ гробъ съ желѣзными обручами, и какой-то пьянчужка согласился везти его на тройкѣ на погостъ. Обручи на гробѣ лопнули и покойникъ хотѣлъ загрызть ямщика, а тотъ спасся на деревѣ; покойникъ прибѣжалъ въ деревню, гдѣ его артелью одолѣли, положили въ гробъ и похоронили (86); мужикъ уѣхалъ въ Питеръ и умеръ, жена плачетъ по немъ, покойникъ и пріѣхалъ къ ней, и сталъ жить

съ ней какъ живой; прожилъ 5 лѣтъ, а потомъ сталъ ѣсть скотину, тутъ его убили (87); бабка прокляла внука на вѣнчальномъ порогѣ, онъ послѣ свадьбы пропалъ; его выручила молодая жена отъ нечистаго духа (96); молодецъ съ дѣвицей игралъ три года, а ее выдали за другого; она умерла, но спустя шесть недѣль встала изъ могилы и пришла къ своему мужу; мужъ ее не пустилъ къ себѣ и она ушла къ своему старому дружку; онъ ее кормилъ 8 недѣль, а потомъ повѣнчался съ ней и сталъ жить (120); священникъ уговаривалъ колдуна бросить свое ремесло, колдунъ послѣ смерти ночью пришелъ къ священнику, выманилъ его въ церковь и хотѣлъ загрызть, но священникъ успѣлъ оградить себя напрестольнымъ крестомъ и этимъ спасся (228); парень женился и видитъ, что жена его ѣстъ только рисовую кашу уховерткой отъ креста. Мужъ подглядѣлъ, что жена ночью ходитъ на кладбище, — разрывая могилы, ѣстъ мертвечину; мужъ какъ-то попрекнулъ этимъ жену, а та плеснула ему въ лицо водой и оборотила мужа въ собаку; обратно отворотила мужика добрая волшебница и научила мужа какъ отучить жену отъ колдовства (247); промышленникъ нечаянно остался на зиму отъ товарищей на Новой Землѣ и тамъ сжился съ чертовкой и прижилъ ребенка: на весну, когда онъ собрался бѣжать съ товарищами домой, чертовка разорвала ребенка, бросила на судно и чуть было не потопила его (248).

Эти бывальщины безъ рѣзкихъ границъ переходятъ, съ одной стороны, въ легенды про святыхъ и явленія самого Бога, съ другой стороны, въ настоящія сказки про Ивановъ-Царевичей, Царь-дѣвицъ, богатырей, волшебниковъ и проч., въ которыхъ и сами разсказчики плохо, а то и совсѣмъ не вѣрятъ.

Но, утверждая послѣднее, слѣдуетъ оговориться. Если разсказамъ про лѣшихъ, водяныхъ, вѣдьмъ, оборотней и проч. вѣрятъ несомнѣнно, то настоящимъ сказкамъ, можно сказать, полувѣрятъ. «Пѣсня правда, сказка ложь»—пословицу эту знаютъ и на русскомъ Сѣверѣ, но несомнѣнной ложью разсказчики считаютъ развѣ только, такъ называемыя «прибакулочки», «прибасёночки» и «небылицы» вродѣ какъ «Сорокъ братьевъ ѣздили отца крестить». Что

касается сказокъ съ чудеснымъ, волшебнымъ содержаніемъ про царей-чернокнижниковъ (2), Ивановъ-Царевичей, и ихъ приключенія въ разныхъ заморскихъ и подземныхъ царствахъ, про волшебниковъ и ихъ превращенія и проч. и проч., то разсказчики и ихъ слушатели относятся къ нимъ совершенно какъ къ былинамъ, двояко: и вѣрятъ имъ и не вѣрятъ. Конечно, всегда находятся сказочники, которые усумнятся въ особенно невѣроятныхъ событіяхъ, излагаемыхъ въ сказкѣ, но всегда же находятся слушатели, относящіеся съ огромнымъ участіемъ къ развитію драматизма сказокъ. Большинство сказокъ вѣдь немногимъ чудеснѣе былинъ и нисколько не чудеснѣе большинства бывальщинъ про оборотней, вѣдьмъ, мертвецовъ, лѣшихъ и другую нечисть; я уже не говорю про различныя столкновенія съ представителями духовнаго и загробнаго міра, такъ сказать изъ собственной практики. Тѣмъ больше, что большинство сказокъ съ необычайнымъ содержаніемъ относится къ невѣдомымъ царствамъ, съ невѣдомыми порядками и нравами, по представленію сказочниковъ, можетъ быть и совсѣмъ особыми условіями самого существованія. Особенно врѣзался мнѣ въ память одинъ случай. Мошнаковъ хорошо грамотный, начитанный въ Св. Писаніи человѣкъ, церковный староста и хозяинъ отводной квартиры въ посадѣ Уна (слѣдовательно, постоянно имѣетъ дѣло съ проѣзжими чиновниками), разсказалъ мнѣ о томъ, какъ князь Борсуковъ (282, тождественныя сказки №№ 31, 48, 181 и 182; и одинъ изъ мотивовъ — 248), добывалъ корону изъ Вавилонскаго царства для нашего дома Романовыхъ. Исторія полна невѣроятностей до разсказа, когда нарисованнаго на стѣнахъ города змѣя раздули мѣхами и онъ ожилъ. Но Мошнаковъ вѣритъ разсказу безусловно, и очень боялся «какъ бы не вышло чего», что онъ разсказываетъ «про царскіе роды» (стр 561). Что же послѣ этого разсказа невѣроятнаго въ другихъ сказкахъ? И, напримѣръ, сказки про богатырей (47) Плешко, Елинку, Горыньку и Усыньку и друг. (124), просто на-просто сохранившіяся легенды про богатырей, которые когда-то были, и разсказы про которыхъ до сихъ поръ поражаютъ умъ народа величіемъ ихъ силы.

IV.

Сказки, разсказанныя женщинами. — Въ нихъ особенно отражается бытъ и жизнь женщины. — Мечты о свадьбѣ. Дѣвичья дружба и игры съ парнями. — Добрачная любовь. — Свадьбы. — Родины и родовыя муки. — Крестины. — Борьба молодой жены за свое счастье. — Свекровь. — Злые духи. — Вѣрная жена. — Жены хитрыя, злыя, коварныя, измѣняютъ мужьямъ. — Отношеніе мужа къ измѣнѣ жены различно: простоватый мужъ высмѣивается; поощряется совращеніе жены изъ другаго сословія. — Строгій взглядъ на измѣну хорошему мужу. — Жены злыя, сварливыя.

П. Н. Рыбниковъ утверждалъ, что у женщинъ есть свои бабьи старины, которыя поются ими съ особенною любовью, а мужчинами не такъ-то охотно. Справедливость этого подтвердилъ Гильфердингъ въ отношеніи Заонежья. Нѣтъ чисто женскихъ сказокъ, исключая развѣ чисто дѣтскихъ и сказокъ изъ животнаго міра, тоже особенно любимыхъ дѣтьми, которыя женщины знаютъ по преимуществу. Но, разсказывая всякую сказку, женщина невольно отражаетъ въ ней то, что ее особенно интересуетъ, все, что касается быта ея жизни.

Женщина-сказочница, разсказывая сказку, между прочимъ, но всегда обстоятельно и съ особой любовью, описываетъ хорошо извѣстный ей бытъ и жизнь женщины. Это сказочница сумѣетъ вклеить и въ шутливую сказку и въ чудашную прибакулку, и въ серьезную про царевичей, королей и волшебниковъ сказку, и въ полную страховъ и ужасовъ бывальщину про вѣдьмъ, мертвецовъ и лѣшихъ, а всего больше, конечно, въ бытовую сказку. Всегда, описывая какой-нибудь строго конкретный случай, женщины-сказочницы, конечно, и не задаются описаніемъ женской жизни; это онѣ сдѣлаютъ гораздо лучше и подробнѣе, если спросить ихъ, напр., про свадьбы. Но въ сказкѣ это дѣлается мимоходомъ, чтобы лучше и ярче оттѣнить каждый описываемый случай. Совершенно, конечно, не задаваясь цѣлью, сказочницы сборника нарисовали немногими, но яркими чертами буквально всю жизнь деревенской женщины, начиная съ пеленокъ до могилы и даже за могилой: описывается, напр., случай прихода одной старушки къ другой послѣ смерти. Откинувъ изъ жен-

скихъ сказокъ элементы волшебнаго, чудеснаго, вообще сказочнаго, и взявъ только черты отраженнаго въ сказкахъ, разсказанныхъ женщинами, быта, получимъ слѣдующее.

Женская жизнь вырисовывается въ сказкахъ, разсказанныхъ женщинами, очень рано, съ дѣвичества. П. С. Воронина (288) описываетъ дружбу двухъ дѣвушекъ Анюшки и Варушки, и какъ онѣ ходили другъ къ другу въ гости. Если отбросить элементъ невѣроятнаго въ концѣ сказки, картина получится очень реальная. Л. Ф. Маркова разсказываетъ про примѣрную дружбу брата и сестры (80), которыхъ успѣла поссорить злая жена брата, послѣ его свадьбы. Воронина же (292) описываетъ вечеринку дѣвокъ въ избѣ у старика. Для угощенія дѣвки придумываютъ сдѣлать «складыню» и, по совѣту старика, забираются въ хлѣвъ къ сосѣду и уносятъ и освѣжовываютъ его овцу.

Свадьба и замужество очень рано заполняютъ голову дѣвушекъ. Медвѣдева выводитъ внучку старика, которая, увидѣвъ рѣчку, вообразила, какъ она выйдетъ замужъ, родитъ сына, и онъ пойдетъ по молоденькому ледку и потонетъ, и горюетъ объ этомъ (104).

Центральное событіе въ жизни каждой женщины—замужество (свадьба), обрисовывается въ сказкахъ очень подробно, со всѣми предшествующими свадьбѣ и послѣдующими за ней событіями. Марья Павловна описываетъ подробно игру дѣвокъ съ парнями и приводитъ случай, какъ одна насмѣшливая дѣвка издѣвалась надъ парнемъ и какъ парень ей за это отомстилъ еще горшими насмѣшками, а дѣло кончилось все-же свадьбой (144). Воронина подробно описываетъ, какъ дѣвушка «кудеситъ» въ канунъ Крещенья, и къ ней приходитъ кто-то въ пиджакѣ, кафтанѣ норвецкаго сукна и шелковомъ поперечномъ кушакѣ (294). Воронина-же показываетъ беззаботныя дѣвичьи проказы и гаданья о суженыхъ и тутъ-же рисуетъ обычную дѣвичью драму. Дѣвушка слюбилась съ бурлакомъ, и ихъ связь не одобряютъ ея родные. Дружокъ внезапно умираетъ, дѣвушка тоскуетъ по немъ до того, что мертвый дружокъ приходитъ за ней, уводитъ ее на свою могилу и дѣвушку находятъ тамъ мертвою (289). Марья Петровна разсказала,

какъ купеческая дочка спознаалась съ крестьянскимъ парнемъ. Возлюбленнаго ея нечаянно задушилъ отецъ. Дворникъ сбылъ мертвеца и послѣ этого сталъ жить съ купеческой дочерью. Когда онъ, расхваставшись, насмѣялся надъ своей возлюбленной, она въ отместку сожгла его пьянаго и съ нимъ 40 человѣкъ посторонняго народа (184). Шишолова подробно описала свадьбу уводомъ въ случаѣ, когда отецъ и мать были не согласны на бракъ дочери съ избраннымъ ею женихомъ (39). Старушка изъ Шуньгскаго Бора съ сарказмомъ описываетъ дѣвью охоту итти замужъ и въ шутливой формѣ описываетъ приданое, которое принесла Мариха, выйдя замужъ за Гришку (146). Женщины-сказочницы вводятъ почти въ каждую сказку свадьбу, разнообразя ее во всевозможныхъ видахъ. Никитина описываетъ свадебный пиръ царской дочери съ чертомъ (56). Всѣ приключенія царскаго сына Данила-Царевича кончаются свадьбой съ Настасьей-Царевной (57). Иванъ Царевичъ, пройдя многія испытанія, женится на Марьѣ Королевнѣ (116). То же дѣлаеть Иванъ-Царевичъ и Соломонида Златоволосая (128). Иванъ Царевичъ женится на купеческой дочери (145) и т. д. Подробно описываются и событія послѣ свадьбы: беременность, роды, крестины ребенка и проч. Дементьева описала страхъ передъ муками первородящей и муки эти, когда родильница была въ «безчу́нствѣ» и «тоска́хъ», и крестины (61). Старуха Савиха три года прожила у лѣшаго въ нянькахъ, водясь съ его ребятами (234), а одна деревенская старуха даже ребенка приняла у лѣшаго (290).

Но не всегда, конечно, свадьба и жизнь замужемъ проходятъ такъ гладко, какъ въ чудесныхъ сказкахъ, съ особенно большимъ удовольствіемъ разсказываемыхъ сказочницами, такъ сказать, отводящими въ нихъ свою душу.

Въ жизни очень часто случается, что «жонка», прежде чѣмъ добиться болѣе или менѣе сносной жизни съ мужемъ, должна преодолѣть множество препятствій: иногда все кончается хорошо, а часто жонкѣ приходится даже голову сложить въ борьбѣ со злыми стихіями. Все это, разумѣется, отмѣчается сказочницами въ сказкахъ, только уже обыкновенно бытовыхъ или бывальщинахъ, а не въ

чудесныхъ, существо которыхъ требуетъ, чтобы онѣ кончились благополучно, по шаблону, гдѣ порокъ и зло наказываются, а добродѣтель и долготерпѣніе награждаются хорошей жизнью и счастьемъ. Какъ дѣвушка до выхода замужъ, въ мечтахъ о женихѣ и поискахъ его, въ особенности-же въ добрачной любви, встрѣчаетъ множество препятствій, иногда съ трудомъ преодолимыхъ, иногда кончающихся трагически,—такъ и женщина, только что вышедшая замужъ, часто терпитъ много страданій то отъ родныхъ мужа, завидующихъ ея счастливой долѣ, то отъ постороннихъ недобрыхъ людей, то, наконецъ, отъ разныхъ темныхъ силъ и злыхъ духовъ.

Первымъ ворогомъ молодой, только что вышедшей замужъ жены, конечно, бываетъ мать мужа, злая свекровь; про нее сложено множество пѣсенъ, есть она въ былинахъ, конечно, есть она и въ сказкахъ. Андреевна изъ с. Лижмы описала трагедію Васильюшки и Осафьюшки. Они встрѣтились въ церкви и полюбились другъ другу; тутъ же въ церкви повѣнчались, не спросясь матери. За это, пока шла церемонія въ церкви, мать Васильюшки приготовила для молодушки зеленое вино съ ядомъ. Жена вино пила и мужу дала, и ночью оба преставились (98). Анна Ивановна изъ Кедрозера разсказала исторію молодой жены, у которой мужа прокляла на «вѣнчальномъ порогѣ» родная бабка (96). Когда пошли отъ вѣнца, его унесъ чортъ и молодушкѣ понадобилось выказать много настойчивости и безстрашія, исходящей изъ любви къ мужу, чтобы воротить домой молодого мужа изъ какого-то подземнаго жилища старика, входъ куда черезъ нору въ лѣсу (96). Молодой теряется «на первомъ подлегѣ» и попадаетъ уже не въ лѣсъ къ неизвѣстному старику, а въ рыболовное озеро, прямо къ сатанѣ, откуда его и выводитъ жена (170).

Затѣмъ сказочницами выводится вѣрная жена, которая своими трудами хочетъ кормить мужа (155). Вѣрной женѣ разные люди дѣлаютъ грязныя предложенія, и она мало того, что ихъ отвергаетъ, а иногда и дѣлаетъ мужу выгоду. Дмитріевна выводитъ попадью, на которую зарились разбойники. Она пришла къ нимъ, увидѣла разбойничье гнѣздо и хитростью выдала ихъ начальству (93). У двухъ

другихъ сказочницъ жена-царевна старается выручить мужа-бѣдняка Ивана Злосчастнаго своей работой (12 и 85). Екатерина Васильевна разсказала о красавицѣ-женѣ плотника Микулы. Ей дѣлаютъ предложенія купецъ и попъ: она зазываетъ ихъ въ избу, подстраиваетъ такъ, что ихъ застаетъ ея мужъ-плотникъ и не только ставитъ ихъ въ позорное положеніе, но и заставляетъ еще платить плотнику деньги (101). Выводится жена, отстоявшая мужа отъ самого чорта, которому онъ продалъ свою душу (205). Базакова разсказываетъ про дѣвушку, которую силой отдали за мужика. Въ день свадьбы одна жонка на невѣсту напустила килу. За это ее скоро не валюбилъ мужъ и посватался къ другой, но женѣ удалось избавиться отъ килы и снова вернуть расположеніе своего мужа (278).

Это сказки про женъ покорныхъ, вѣрныхъ, строго блюдущихъ семейную жизнь, и вѣрность мужьямъ, любящихъ своихъ мужей и при нуждѣ готовыхъ положить за нихъ свою голову. Еще больше, правда, сказокъ разсказываютъ сказочницы (въ особенности сказочники) про женъ хитрыхъ, злыхъ, коварныхъ, неблагодарныхъ, не останавливающихся даже передъ тѣмъ, чтобы сгубить своего мужа въ угоду просто своей прихоти или по требованію своихъ дружковъ-любовниковъ. Этого рода сказки особенно многочисленны, гораздо многочисленнѣе, во всякомъ случаѣ, сказокъ о вѣрныхъ женахъ и указываютъ, съ одной стороны, на легкое отношеніе къ браку, съ другой—на паденіе нравовъ въ деревнѣ, на расшатанность семейнаго начала тамъ, а всего болѣе, кажется, на славянскую распущенность. Сказки этого рода очень разнообразны и захватываютъ крестьянскую жизнь во всевозможныхъ положеніяхъ, открывая завѣсу даже надъ такими явленіеми быта, которыя изслѣдователь не подсмотритъ своими глазами и нигдѣ больше не услышитъ. Если взять эти сказки въ послѣдовательности, то начинаются онѣ цѣлой серіей мелкихъ обмановъ и измѣнъ женой мужу. Дементьевна разсказываетъ про двухъ невѣстокъ, которыя на сторонѣ любили дружковъ. Старшая невѣстка учитъ младшую, какъ измѣнить мужу, а когда послѣднюю засталъ было мужъ, ловко ее спасаетъ, ставя мужа въ дурацкое положеніе (64).

Мужъ подглядѣлъ измѣну жены, но онъ-же и остался виноватымъ (208). Особенно много сказокъ про простоватыхъ поповъ, которымъ измѣняютъ жены и съ работниками, и съ мужиками, и съ псаломщиками, и съ солдатами. Попадья выдаетъ прохожаго за своего родного брата и почти въ глазахъ попа любезничаетъ съ нимъ (137). На глазахъ-же простоватаго попа устраиваетъ ласки одинъ изъ трехъ братьевъ съ его женой, которая измѣняла попу сразу всѣмъ вмѣстѣ (211). Поповскій работникъ обманываетъ попа съ его женой и дочерью (252). Охотникъ обманываетъ съ попадьей попа изъ-за чухаря (259).

Не всегда, конечно, бабьи хитрости и увертки удаются невѣрнымъ женамъ. Часто простоватому мужу открываютъ глаза на измѣну жены посторонніе люди: попу — работникъ, мужику—прохожій старичекъ, женатому брату—его сестра и пр. Иногда и самъ мужикъ не плохъ и догадывается объ измѣнѣ жены, или открывая ее случайно, или тоже подстраивая своего рода хитрость и иногда зло за это наказывая жену. Попадья одного простоватаго попа живетъ съ дьячкомъ; про это узнаетъ поповъ работникъ и строитъ дьячку всякія каверзы (82, 221 и 253). Замужняя сестра научила брата, который моложе ее, узнать, много ли у его жены любовниковъ. Братъ былъ увѣренъ, что жена вѣрна ему—оказалось семь (121). Мужикъ самъ выпытываетъ свою жену, имѣющую двухъ любовниковъ (264).

Взглядъ на измѣну жены своему мужу, разумѣется, различенъ, въ зависимости отъ того, кто разсказываетъ сказку. Сказочницы въ большинствѣ случаевъ смотрятъ на измѣну жены снисходительно, иногда иронически, высмѣивая простоватаго дурака-мужа и только иногда эту измѣну осуждаютъ. Мужчина, разсказывая про измѣну жены, всегда какъ-бы говоритъ слушателямъ: «Смотрите, какія подлыя бабы водятся на свѣтѣ». Правда, и со стороны сказочниковъ ядовитой насмѣшкѣ подвергаются глупые мужья, недогадывающіеся объ измѣнѣ женъ, старики, у которыхъ молодыя жены, или безтолковые, жадные попы. На измѣну жены серьезному, хорошему мужу разсказчики смотрятъ строго и приводятъ рядъ сказокъ, гдѣ эта измѣна строго наказывается. Г. И. Чупровъ разсказываетъ про молодого мальчика, которому старикъ три раза показалъ

свою жену голою за сто рублей. Мальчикъ въ концѣ-концовъ совсѣмъ обираетъ старика и увозитъ его жену (15). Сиротина сначала прячется съ любовникомъ купчихи въ подполье, всячески эксплуатируетъ его, а затѣмъ показываетъ купцу (14). Старуха полюбила дружка Костю и молитъ Бога, чтобы Онъ ослѣпилъ старика, мѣшающаго имъ наслаждаться. Старикъ застрѣлилъ дружка (50). То же самое дѣлаетъ полѣсникъ-мужикъ съ любовникомъ своей жены (139). Мужъ застаетъ любовника жены, жена прячетъ любовника въ кадку, а мужъ обливаетъ его горячими щами (141). Мужъ узнаетъ о любовникѣ жены и тонко даетъ ей понять это (143). Купеческая жена измѣняетъ мужу съ мужикомъ. Купецъ нѣсколько разъ пытается застать любовника у жены, но не можетъ. Увидавъ любовника, за 100 р. выспрашиваетъ его, какъ онъ сохранялся. Онъ даже домъ поджегъ, чтобы спалить любовника; это не удается, и купецъ даетъ женѣ паспортъ и разводную (267). Горчевъ нагоняетъ Поляка, который укралъ у него жену, и вступаетъ съ нимъ въ бой. Жена помогаетъ Поляку, но Горчевъ все же беретъ верхъ, а въ жену свою на пиру у себя, по совѣту гостей, убиваетъ изъ пистолета (6). Такая или иная жизнь съ женой, ея любовь, измѣна, кроткій или скверный характеръ, сварливость — интересное дѣло для мужчинъ; и вопросы эти ярко освѣщаются въ сказкахъ, разсказанныхъ мужчинами. Сказочники, отличая легкомысленность и измѣнчивость женъ, иронизируютъ или возмущаются ею, смотря по обстоятельствамъ: они издѣваются надъ простаками и дураками мужьями и стариками, взявшими молодыхъ, не по себѣ, женъ, какъ-бы поощряютъ ловкихъ парней и мужиковъ, умѣющихъ пользоваться, въ особенности, если дѣло касается женъ изъ другого сословія (солдатъ и барыня; работникъ, поповна и попадья; поваръ и графиня и проч.), сказочники серьезно отмѣчаютъ и прекрасныя качества женъ: ихъ вѣрность, желаніе итти въ защиту мужа и жертвовать за него даже жизнью.

Въ жизнь мужа и жены, особенно молодыхъ, и въ особенности тотчасъ послѣ брака, часто вмѣшивается нечистая сила. Въ сказкахъ, разсказанныхъ женщинами, я отмѣтилъ, какъ молодушка вызволила мужа, проклятаго своей

бабкой на вѣнчальномъ порогѣ и унесеннаго кѣмъ-то съ перваго подлега. Часто и мужу приходится считаться съ этого рода чертовщиной. Парень женился на дѣвушкѣ, а она оказалась волшебницей и мужу многихъ бѣдъ стоило колдовство жены (247).

Но не только измѣна жены и ея порча или колдовство мѣшаютъ семейной жизни, бываютъ и не столь важныя причины, которыя все же отравляютъ существованіе. Бываютъ просто строптивыя жены, съ которыми нѣтъ никакого сладу. Въ особенности жены злы и сварливы становятся къ старости, когда съ ними нѣтъ сладу не только мужьямъ, а и никому. Со строптивыми злыми женами мужьямъ приходится бороться всѣми способами отъ самыхъ простыхъ и обычныхъ, до хитрыхъ и сложныхъ, прибѣгая зачастую къ помощи нечистой силы. Мужъ попросту дубцемъ учитъ жену, которая захотѣла владычествовать надъ мужемъ и сейчасъ же стала злоупотреблять своей властью (62). Молодая жена не любитъ стараго мужа, и онъ придумываетъ, чтобы она отправилась жаловаться на него воеводѣ. Воевода сердится на намекъ, что онъ старый, а жена его молодая, и велитъ бить ее плетью (76). Журавль попалъ старику въ силки, и за то, что старикъ его выпустилъ, даритъ ему волшебную сумку, гдѣ два молодца учатъ его сварливую старуху до полусмерти, и она послѣ этого становится шелковая (16). Такіе же два молодца, но уже изъ чудеснаго боченка, учатъ сердитую жену (111). Мужикъ учитъ свою жену уже съ помощью семерыхъ молодцевъ изъ бочки (132). Мужикъ спускаетъ свою лихую бабу на веревкѣ въ нору къ чорту, баба принимается тамъ драться съ чортомъ и выживаетъ его изъ норы. Чортъ откупается отъ мужика, чтобы только тотъ не спустилъ его обратно къ лихой бабѣ (95). Есть рядъ сказокъ, гдѣ сердитыя, сварливыя и лихія бабы не ограничиваются борьбой съ мужемъ. Особенно часто трактуется традиціонный сюжетъ, какъ мачихи преслѣдуютъ падчерицъ отъ перваго брака мужа.

V.

Гдѣ перенимаютъ сказки. — Дома. — Въ дорогѣ. — На промыслахъ въ лѣсу и на морѣ. — Досугъ, — условіе для жизни сказокъ. — Сказочники свои и другихъ мѣстностей: поморы, ваганы, самоѣды, саратовцы. — Способы передачи сказокъ. — Сказки серьезныя, съ пѣніемъ, въ лицахъ, скороговорки. — Распредѣленіе сказокъ по авторамъ. — Личность сказочника отражается въ сказкѣ. — Любимые сюжеты каждаго сказочника. — Характеристика сказочниковъ.

Коснусь въ двухъ словахъ жизни сказокъ на Сѣверѣ. Сказкамъ отчасти выучиваются въ дѣтствѣ, въ своей семьѣ, отъ родныхъ. Напримѣръ, Мошнаковъ (562) слышалъ сказку отъ своего отца. Мой сказочникъ Г. П. Кашинъ (стр. 509) изъ 13-ти сказокъ только одну слышалъ «дома», остальныя «въ лѣсѣ» (на рубкѣ зимой лѣса для сплава) или «въ морѣ» — на промыслахъ. Между прочимъ отецъ и сынъ Кашины не знаютъ ни одной тождественной сказки. Въ лѣсу на рубкѣ деревъ, и въ морѣ на ловлѣ рыбы и звѣрей сказки разсказываются потому, что на этихъ занятіяхъ образуется невольный досугъ. Зимой рано темнѣетъ, приходится рано возвращаться въ лѣсовыя избушки, спать еще рано и вотъ на сцену выступаютъ знатоки старинъ и сказочники. Досугъ, какъ время для сказокъ, используется при всякомъ удобномъ случаѣ. Мнѣ пришлось быть нечаяннымъ и невидимымъ свидѣтелемъ, какъ возвратившіеся съ работы въ Повѣнцѣ на постоялый дворъ плотники выслушали нѣсколько сказокъ прежде, чѣмъ уснули (стр. 489). Макаровъ одну сказку перенялъ въ кузницѣ, куда пришелъ зачѣмъ-то (539). Очень часто сказки разсказываются во время пути: на пароходѣ, въ лодкѣ, на парусномъ суднѣ, когда приходится стоять безъ вѣтра, на телѣгѣ даже. На телѣгѣ лѣтомъ и въ саняхъ зимой мнѣ пришлось самому слышать много сказокъ отъ своихъ ямщиковъ-сказочниковъ.

На работахъ въ лѣсу приходится сталкиваться жителямъ разныхъ мѣстностей, и здѣсь происходитъ обмѣнъ сказокъ. Кашинъ Г. П. «въ морѣ» перенялъ четыре изъ разсказанныхъ мнѣ сказокъ, причемъ двѣ онъ не помнитъ въ точности, отъ кого именно слышалъ, а двѣ другія слышалъ отъ помора изъ Мудьюга и отъ помора

изъ Сумы. Рѣзинъ Е. Е. перенялъ разсказанную мнѣ сказку на лѣсопильномъ заводѣ въ Умбѣ (Терскій берегъ) отъ ваганскаго мужика, т. е. крестьянина съ рѣки Ваги, Шенкурскаго уѣзда (стр. 568). Бородинъ перенялъ свою сказку отъ пастуха изъ вагановъ-же, который служилъ въ военной службѣ во флотѣ (ст. 570). Чуресанова (стр. 118) живетъ на Низовой Печорѣ, но родомъ она съ рѣки Мезени, гдѣ и слышала свою сказку. Чупровъ А. В. перенялъ одну изъ своихъ сказокъ отъ «крестиваго» самоѣда (стр. 16). Скребцовъ слышалъ свою сказку отъ солдата-сапожника изъ Саратова (стр. 547). Мануйло Петровъ въ Морской Масельгѣ (стр. 410) живетъ у самой дороги, къ нему заходятъ богомольцы, для которыхъ онъ «три самовара сжегъ» и такъ какъ Мануйло Петровъ обладаетъ «недырявой памятью», то и запомнилъ отъ своихъ посѣтителей много сказокъ. «Недырявая», т. е. хорошая память одно изъ непремѣнныхъ качествъ сказочниковъ. Только обладая ею и можно запомнить, часто изъ слова въ слово, иногда цѣлый рядъ очень длинныхъ сказокъ и держать ихъ въ памяти десятки лѣтъ. Чупровъ разсказанную мнѣ сказку про Ивана-Царевича и Царь-Дѣвицу слышалъ 55 лѣтъ тому назадъ! (стр. 16).

У пѣсенъ есть свои мотивы, сообразующіеся съ ихъ содержаніемъ, у былинъ есть свой «ясакъ» (напѣвъ старинъ на Печорѣ), и сказки разсказываются хорошими сказочниками неодинаково, а сообразно ихъ содержанію. Серьезная длинная сказка разсказывается истово, съ соблюденіемъ обрядности, бытовая сказка — обыкновеннымъ разговорнымъ языкомъ, прибакулочка-прибасеночка — шутливо, обычно скороговоркой. Мой сказочникъ Г. И. Чупровъ сказку про «Лисицу, Пѣтуха и Журавля» (11) отбарабанивалъ, какъ дьячекъ на клиросѣ («какъ по книжкѣ читаю») и въ этомъ видѣлъ свое главное мастерство, а слушатели покатывались со смѣху. №№ 10, 33, 53, 54, 238 передавались тоже скороговорками. Есть сказки съ пѣніемъ, напр. № 44, гдѣ мѣста стихами Чуресанова пропѣла очень жалобнымъ голосомъ. Еще съ пѣніемъ № 55, 56 и 60. Есть сказки, разсказываемыя такъ сказать въ лицахъ. Дементьева въ сказкѣ «Безграмотная деревня» (63), когда дѣло дошло до церковной службы — возгласы попа и дьякона спѣла, под-

дѣлываясь подъ церковные мотивы, а слова дьячка мотивомъ веселой плясовой пѣсни. Тоже сдѣлалъ Шишоловъ (43), Странница (221) и Макаровъ (262).

Сказки сборника распредѣлены у меня не по сюжетамъ, какъ это дѣлается обыкновенно, а по авторамъ. Еще Гильфердингъ признавалъ большое значеніе личности пѣвца былинъ на ихъ содержаніе. Онъ утверждалъ, что «всѣ былины, какія поетъ одинъ и тотъ-же сказитель, имѣютъ много сходныхъ и тожественныхъ мѣстъ, хотя бы и не имѣли ничего общаго по содержанію» *). Съ тѣхъ поръ изслѣдователямъ приходилось только все больше и больше подтверждать его мнѣніе, а я придаю личности пѣвца былинъ или сказочника въ этомъ отношеніи прямо огромное значеніе. Во время моихъ поѣздокъ на Сѣверъ мнѣ пришлось записывать непосредственно отъ народа не только былины, пѣсни и сказки, а также духовные стихи и комедіи. Нерѣдко эти разнообразные виды народнаго творчества я записывалъ отъ однихъ и тѣхъ же лицъ. Лѣтомъ 1901—1902 года на Низовой Печорѣ мнѣ отъ одного и того-же сказителя приходилось записывать и былины, и сказки, и духовные стихи, и пѣсни, и разсказы о мѣстной старинѣ. Лѣтомъ 1907 года въ Архангельскомъ и Онежскомъ уѣздахъ я отъ одного и того-же сказочника записывалъ и пѣсню, и сказку, и народную комедію. Нужно ли доказывать, какъ интересно прослѣдить не только свойственные каждому сказителю пріемы, но и мотивы, употребляемые пѣвцомъ и разсказчикомъ въ былинѣ, сказкѣ, духовномъ стихѣ, даже въ пѣснѣ, такъ какъ хотя пѣсня и передается обыкновенно всѣми пѣвцами въ данной мѣстности приблизительно одинаково, но выборъ, знаніе тѣхъ или иныхъ пѣсенъ также зависятъ отъ вкусовъ и характера каждаго даннаго лица. Очевидно, отъ личнаго вкуса каждаго сказителя зависитъ выборъ тѣхъ или иныхъ сказокъ изъ того сказочнаго репертуара, который вращается въ данной мѣстности. Сказочникъ запоминаетъ изъ всего, что онъ слышалъ по этой части, главнымъ образомъ то, что поразитъ его воображеніе или растрогаетъ сердце и глубоко западетъ въ душу.

*) Сбор. отд. Русск. язык. и сл. И. А. Н. стр., 38.

Вотъ почему важно распредѣленіе сказокъ не по варіантамъ, гдѣ нѣчто свойственное только одному сказителю совершенно растворяется въ общей массѣ сказочнаго матеріала и пропадаетъ отъ учета изслѣдователя. Приведу примѣры. Моя сказочница Н. М. Дементьева (стр. 160) любительница и знатокъ преимущественно скоромныхъ сюжетовъ, да такихъ, что я только одинъ изъ нихъ могъ напечатать (№ 64). Беззавѣтная веселость и большой юморъ разсыпаны и въ сказкахъ В. Д. Шишолова (стр. 103), который также въ сказкахъ съ веселостью и дурачливостью хочетъ утопить свою тоску. А причина тоски у Шишолова съ Дементьевой, кажется, одна: неудовлетворенность жизнью и исходящая отсюда тоска. Вотъ почему и тотъ и другая отъ порнографическихъ сказокъ сразу могутъ перейти къ серьезнымъ, мистическимъ, легендамъ. Преимущественно смѣшныя сказки любимый жанръ и Григ. Иван. Чупрова (стр. 48); но это человѣкъ уже совсѣмъ въ другомъ родѣ. Тогда какъ у Шишолова и Дементьевой смѣхъ сквозь слезы, и ихъ веселость играетъ роль забвенія въ ихъ тусклой неудовлетворяющей жизни; Чупровъ веселъ, потому что не бѣденъ, здоровъ, благополученъ, просто наблюдателенъ, юмористично настроенъ и видитъ смѣшныя стороны людей. Другой Чупровъ, Алексѣй Васильевичъ (стр. 1), совсѣмъ эпикъ. Онъ знаетъ былины владимирова цикла и сказки разсказываетъ тоже эпическія, строго соблюдая «обрядность» склада, про царей, царевичей и волшебниковъ и ихъ длинныя и занимательныя приключенія. Онъ мало знаетъ бытовыя сказки, и единственную сказку этого рода съ большой примѣсью такого грубаго реализма разсказалъ такъ, что я не могъ ее напечатать; разсказанная имъ сказка была все-же про царскую дочь и носила все такой-же серьезный и даже суровый характеръ, хотя касалась очень веселыхъ дѣлъ. Пормаковъ Ѳ. А. разсказалъ исключительно скоромные сюжеты (№ 81, 82, 83, 84); Михайловна изъ Лукина Острова разсказала исключительно эпическія легенды (№ 113, 114, 115). Исключительно скоромные сюжеты разсказывалъ мнѣ П. М. Калининъ (204, 205, 206, 208, 209).

Характеристика каждаго моего сказочника сдѣлана по возможности передъ его сказками, и интересующійся ти-

пами сказочниковъ найдетъ тамъ, надѣюсь, обильный для себя матеріалъ. Здѣсь скажу только, что сказочники на Сѣверѣ очень разнообразны по талантливости, уму, характеру, умѣнью разсказывать и проч. качествамъ. Есть тутъ и беззавѣтные весельчаки и хмурые люди, и люди серьезнаго и вдумчиваго ума и серьезной философской складки и т. д. и т. д. Какъ бы то ни было и сказители былинъ и сказочники, несомнѣнно исключительный народъ. Это своя, часто даже неграмотная, но все же интеллигенція деревни, недипломированная школьными бумагами, какъ это въ классахъ выше крестьянскаго, а настоящая, выдѣляющаяся естественнымъ путемъ по своимъ умственнымъ качествамъ или задаткамъ иногда очень большихъ художественныхъ дарованій. Это умственная аристократія деревни. Эти поэты и художники слова и часто виртуозы разсказа, человѣку много имѣвшему съ ними дѣла, невольно внушаютъ глубокое почтеніе къ умственнымъ силамъ деревни и къ всевозможнымъ, таящимся въ ея нѣдрахъ дарованіямъ, которыя только образованіе съумѣетъ настоящимъ образомъ опредѣлить и приложить.

Н. Ончуковъ.

17 октября 1908 г.
Петербургъ.

АРХАНГЕЛЬСКІЯ СКАЗКИ

1. Чупровъ, Алексѣй Васильевичъ.

Алексѣй Чупровъ, онъ же Алексѣй «Слѣпой» — старикъ 70 лѣтъ, живетъ въ Устьцыльмѣ, самомъ крупномъ селеніи на Низовой Печорѣ и ея административномъ центрѣ. Сказки знаетъ твердо, разсказываетъ ихъ прекрасно, складно, строго соблюдая то, что А. Н. Афанасьевъ называлъ «обрядностью»: изъ слова въ слово повторяя, обыкновенно до трехъ разъ, описаніе отдѣльныхъ дѣйствій и сценъ, особенно удачныя выраженія и обычные эпитеты. Сказки его, поэтому, всегда очень длинны, хотя и содержатъ немного дѣйствія, не отличаются особымъ разнообразіемъ сюжета. Знаетъ А. В. и былины; но съ тѣхъ поръ, какъ его постигло большое несчастье (ослѣпъ), онъ религіозно настроенъ и ничего не поетъ, кромѣ духовнаго. Религіозность не мѣшала ему, впрочемъ, сказки разсказывать мнѣ всякія, иногда и очень скабрезныя. Но и эти послѣднія А. В. разсказывалъ строго и серьезно, съ сознаніемъ, что дѣлаетъ онъ не совсѣмъ пустое дѣло: передаетъ онъ, старикъ—то, что самъ когда-то слышалъ отъ стариковъ и не его вина, если въ старину такъ сложили сказку. Былины онъ мнѣ не пѣлъ, а разсказывалъ. Достойно замѣчанія, что въ сказкахъ А. В. много совсѣмъ былинныхъ выраженій и эпитетовъ, да и самыя сказки у него есть стремленіе излагать рифмованнымъ слогомъ.

Афр. 41

1.

Ершъ.

Пошло ершищо по мелкимъ рѣкамъ, по глубокимъ водамъ, зашло ершищо въ Ерепово озерищо. Въ Ереповомъ озерищѣ живётъ рыба лешшищё. И попросилось ершищо ночьку ночевати; спустилъ лешшище ночку ночевати. И ночь ночевалъ и двѣ ночевалъ, и годъ жилъ и два жилъ. Наплодилось ершовъ не стольки, вдвое супротѝвъ лешшовъ. И стали ершишка лешшовыхъ женъ побиждать, на бѣлой свѣтъ не стали попускать. Пошелъ лешшишко ко сну-рыбѣ суда просить. «Ой еси сонъ, отъ Бога сотворёнъ, сидишь на кривды, суди по правды: ершишко зашолъ ко мнѣ въ Ерепово озеришко и попросился ночку ночевать; и ночь ночевали и двѣ ночевали, и годъ жили и два жили и не стало стольки насъ лешшовъ, вдвое стало ершовъ; и стали ерши нашихъ жонъ побиждать, на бѣлой свѣтъ не стали попускать». «Што у тебя есть посретственники»?—У меня посретственники щука-рыба, да батюшко налимъ.—Посылатъ рыба-сонъ, отъ Бога сотворёнъ ельча-стрѣльча, карася-палача, сундака-ростильщика искать щуку-рыбу и батюшку налима. Нашли щуку-рыбу, побѣжали батюшка налима искать. Искали, искали—негдѣ не могутъ натти. Нашли въ озерѣ колодину, отворотили колодину, лежитъ подъ колодиной. «О, батюшко налимъ! сонъ-рыба звалъ тебя на посресьво».—О, робята! нате по гривенкѣ, возьмите, у меня языкъ толстой неповоротной, не могу противъ чиновниковъ говорить. — Привели шшуку-рыбу ко сну-рыбы. спрашиватъ сонъ-рыба: «Чьё это озеро было-случалось сперва?» Щука-рыба отвѣчатъ: — Это озеро было не ершово, а лешшово. — Ершъ говоритъ: «Я думалъ ты чесна вдова щука, а ты перва блять-сука». — А ты, ёршъ, съ головы косливъ, съ дыры дрисливъ, самъ, какъ п... я мозоль. — Тогда этого ерша прогнали со всей его силой-войскомъ. Тогда ёршъ поплылъ по мелкимъ рѣкамъ, по глубокимъ водамъ, всю свою силу-войско истерялъ. Нашолъ сибѣ рыбу осетра и на рѣкѣ сталъ воду мутить. Народъ увидалъ, говоритъ: «Вонъ сколь рыбы-то поднелось». Неводъ сошили, стали рыбу ловить. Ловили рыбу, осетра добыли. И пуще старого

сталъ ёршъ воду мутить; рыболовы ловили, ловили, ерша некакъ добыть не могли; пришолъ бѣсъ. заезилъ езъ, пришолъ Пéрша, запихалъ мёршу, пришолъ Богоданъ, згленулъ въ ёрданъ — ерша Богъ далъ; пришолъ Денисъ, спустилъ ерша на низъ; пришолъ Сава, опять по ерша сплавалъ; пришла Марина всего ерша сварила; пришолъ Антипа всего ерша стипалъ; пришолъ Елизаръ, всѣ блюда облизалъ.

Аф. 130а

2.

Царь-чернокнижникъ.

Живалъ-бывалъ царь вольной человѣкъ, жилъ на ровномъ мѣстѣ, какъ на скатертѣ. У него была жена, дóчи, да люди робóчи. Онъ былъ чернокнижникъ. Доспѣлъ онъ себѣ пиръ на весь міръ, про всѣхъ бояръ, про всѣхъ хресьянъ и про всѣхъ людей пригородныихъ; собрались, стали пировать и сталъ царь кликъ кликать: «Хто отъ меня, отъ царя уйдётъ-упрячется, тому полжитья-полбытья, за того свою царевну замужъ выдамъ, а послѣ смерти моей тому на царсвѣ сидѣть». Всѣ на пиру пріумолкнули и пріудрогнули. Выискалса удалой доброй молодецъ и говоритъ царю: «Царь вольнёй человѣкъ! Я могу отъ тебя утти-упрятатся».—Ну ступай, молодецъ, прячся, я буду заўтра искать, а если не уйдёшъ-не упрячешся — голова съ плечъ. Вышолъ молодецъ изъ царскихъ полатъ, пошолъ вдоль по городу, шолъ, шолъ, шолъ, дошолъ до протй поповой байны, думаётъ въ уми: «Куда же мнѣ отъ царя утти-упрятаться? Зайду я въ попову байну, сѣду подъ полокъ, въ уголокъ, гдѣ-жо меня царю натти?»

Ставатъ царь-чернокнижникъ поутрў рано, затопляетъ печку, садитса на ремещатъ стулъ, берётъ свою книжку волшебную, начáлъ читать-гадать куда молодецъ ушолъ: «Вышолъ молодецъ изъ моихъ бѣлокаменныхъ полатъ, пошолъ вдоль по улицы, дошолъ до поповой байны, думаетъ въ уми: «куды-жо мнѣ отъ царя скрытця?»... (повторяется дословно все снова) ...«ступайте слуги, ищите въ поповой байнѣ и ведите суда». Побѣжали скоро слуги, прибѣжали въ байну, открыли полокъ, молодецъ подъ

полкомъ, въ уголку. «Здрастуй молодецъ!» —Здрастуйте, слуги царскіе! — «Давай, ступай, тебя батюшко царь къ снбѣ звалъ». Повели слуги молодца къ царю на личо, привели къ царю, говоритъ царь: «Што не могъ отъ меня утти-упрятатца»?—А не могъ, ваше царско величество. — «Не могъ, надомно голова съ плечъ снять. Взялъ свою саблю вострую и смахнулъ у его буйну голову.

Этому царю што дурно, то и потѣшно. На другой день опять сдѣлалъ пиръ и балъ, собралъ бояръ и хресьянъ и всѣхъ людей пригородныихъ, розоставилъ столы и пировать стали, и опять сталъ на пиру кликъ кликать: «Хто отъ меня отъ царя уйдётъ-упрячетця, тому полжитья-полбытья...» (и т. д. Выискался снова одинъ молодецъ, условились, въ такихъ же, какъ и прежде, выраженіяхъ.) Пошолъ молодецъ, вышолъ изъ царскихъ бѣлокаменныхъ полатъ и пошолъ вдоль по городу, шолъ, шолъ, шолъ, близко-ле, далёко-ле, низко-ле, высоко-ле, стоитъ превеличающой овинъ. Думаётъ молодецъ: «Забьюсь я въ солому, да въ мекину, гдѣ меня царь найдётъ?» Забился и лежитъ.

Царь-чернокнижникъ ночку просыпалъ, поутру рано ставалъ, ключевой водой умывалса, полотёнышкомъ утиралса, затопилъ свою печку, берётъ свою книгу волшебну, садилса на ремещатъ стулъ, началъ читать-гадать куда молодецъ ушолъ: «Вышолъ молодецъ изъ моихъ бѣлокаменныхъ полатъ»... (Повторяется всё по старому, до снятія головы съ плечъ включительно.)

Этимъ царямъ, што дурно, то и потѣшно: на третій день опять сталъ дѣлать пиръ-собраніе.... опять выискался молодецъ. «Я могу отъ тебя утти-упрятатця, да только до трёхъ разъ». Царь согласился. Вышолъ молодецъ изъ бѣлокаменныхъ полатъ, пошолъ вдоль по улицѣ, шолъ, шолъ, шолъ, овернулса горносталёмъ-чернохвостикомъ и началъ бѣгать по землѣ; и подъ всякой корешокъ и подъ всяку колодинку забиватчи и бѣгатъ по земли; бѣгалъ, бѣгалъ, прибѣжалъ передъ царски окошки, овернулса золотымъ буравчикомъ и началъ кататца передъ царскими окошками; каталса, каталса, овернулса соколомъ и, въ которыхъ полатахъ живетъ царевна—надлетѣлъ соколкомъ передъ ти окошка. Царевна соколка увидала, своё окошечко отпирала и себѣ соколка призывала: «Экой соколокъ хорошой, экой соколокъ прикрасной!» Сѣлъ соколокъ на окошечко, скочилъ на полъ, сталъ прекрасной молодецъ; царевна молоцца стрѣчала, за дубовы столы сажала, пили, панкетовали, пировали и чего

надомно поправлели; тогда молодецъ овернулса злачнымъ перснемъ, царевна взела, сибѣ на руку наложила.

Царь-чернокнижникъ ночку просыпалъ, по утру рано ставалъ, ключевой водой умывалса.... (повтореніе) ... говоритъ слугамъ: «Идите, слуги, мою дочь ведите или перстень несите». Приходятъ слуги: —Звалъ тебя чарь на лицо.— «Для чего-де, пошто?» —А сама нейдёшь, дакъ отдай перстень съ руки. — Царевна снела перстень съ руки, отдала слугамъ. Приносятъ слуги перстень, отдали царю въ руки: взялъ царь перстень, бросилъ черезъ лѣво плечо, сталъ прекрасной молодечъ. «Здрастуй, молодечъ». —Здрастуй, царь вольнѣй человѣкъ.— «Ну я тебя нашолъ, надомно голова съ плечъ». — Нѣтъ, царь вольной человѣкъ, мнѣ-ка еще два раза прятатца, такъ у насъ было условьё.— «Ну ступай».

Пошолъ молодечъ изъ царской полаты, вышолъ на чистое поле, овернулса сѣрымъ волкомъ; бѣгалъ, бѣгалъ, рыскалъ, рыскалъ по всей земли, овернулса медвѣдёмъ; ша́вралъ, ша́вралъ по те́мнымъ лѣсамъ, тогда овернулса горносталёмъ-чернохвостикомъ; бѣгалъ, бѣгалъ, совалса, совалса подъ колодинки и подъ корешки, прибѣжалъ къ царскимъ полатамъ, овернулса буравчикомъ; каталса, каталса передъ царскими окошками, овернулса соколомъ и надлетѣлъ на́дъ окошки, гдѣ царевна живе́тъ. Царевна соколка увидала, свое окошечко отпирала. «Экой соколокъ хорошой»; сѣлъ соколъ на окошко, скочилъ на полъ, сталъ прекрасной молодечъ. Царевна молодца стрѣчала, за дубовы столы садила, пили, пировали, панкетовали, чего надобно поправлели, и стали думу думать куда отъ царя утти-упрятатця, и придумали: овернутця яснымъ соколомъ, полетѣть да́лече-дале́че, въ чи́стое поле. Овернулса молодечъ яснымъ соколомъ, царевна окошечко отпирала, сокола на окошечко посадила, соколку приговаривала: «Полети соколокъ, да́лече-дале́че въ чистое поле, овернись соколокъ въ чистоемъ полѣ въ семдесятъ семь травинъ и всѣ въ одну траву»....

Царь-чернокнижникъ ночку просыпалъ, поутру рано ставалъ, ключевой водой умывалса ... (повтореніе) ... говоритъ царь слугамъ: «Идите слуги въ чистое поле, каку траву найдите́, въ беремё рвите, да всю ко мнѣ несите». Пошли слуги, нашли траву, вырвали, принесли царю. Царь сидитъ на стули и выбиратъ траву; и выбралъ траву, бросилъ черезъ лѣво плечо, сталъ прикрасной молодечъ. «Здрастуй, молодечъ!»—Здрастуй, царь вольной человѣкъ. — «Ну я тебя опять нашолъ, теперь

надомно голова съ плечъ». — Нѣтъ, еще разъ прятатця, послéнни. — «Ну хорошо, ступай, я буду заутрá искать».

Вышолъ молодецъ изъ царскихъ полатъ, пошолъ вдоль по уличѣ, вышолъ въ чистое поле, овернулса сѣрымъ волкомъ, побѣжалъ; бѣжалъ, бѣжалъ, бѣжалъ, добѣжалъ до синёго моря, овернулса щукой-рыбой, спустился въ синёё море; переплылъ синёё море, вышолъ на земĺю, овернулся яснымъ соколомъ, поднялса высокóнько и полетѣлъ далекóнько; летѣлъ. летѣлъ, по чистому полю, увидѣлъ на сыромъ дубу у Маговей-птичи гнѣздо свито; надлетѣлъ и упалъ въ это гнѣздо. Маговей-птичи на гнѣздѣ тою́ пору не было. Послѣ Маговей-птича прилетѣла и увидала на гнѣздѣ лежитъ молодечъ. Говоритъ Маговей-птича: «Ахъ каќа невѣжа! прилетѣла въ чужо гнѣздо, упала, да и лежитъ». Забрала его въ свои кокти и понесла изъ своего гнѣзда; и несла его черезъ синё море и положила чарю-чернокнижнику подъ окошко. Молодечъ овернулса мушкой, залетѣлъ въ царски палаты, потомъ овернулса кремешкомъ и положилса въ огнивчо.

Царь-чернокнижникъ ночку проспалъ, поутру рано вставалъ... (и пр. и пр. Царь читалъ по волшебной книгѣ вѣрно до тѣхъ поръ, пока Маговей-птица взяла молодца изъ гнѣзда). «Подите слуги въ чистое поле, пройдите чистое поле. синёё море въ корабли переплывите, ищите сырой дубъ, дубъ рубите и гнѣздо отыщите и молоцца суда ведите». Пошли слуги, дубъ срубили, гнѣздо отыскали, рыли, рыли, молоцца нѣтъ. Обратились къ царю. «Нашли мы сырой дубъ. гнѣздо было, а молоцца нѣтъ». Гледитъ царь въ книжку, показыватъ книжка: тутъ, вѣрно, молодечъ. Наредилса царь, самъ искать отправилса. Искалъ, искалъ, рылъ, рылъ, не могъ натти. Заставилъ сырой дубъ мелко выколоть и на огонь склась, сожеччи. И не оставили не одной щепинки и думаётъ царь: «хоть-бы я молодца не нашолъ, да штобы онъ на свѣтѣ живъ не былъ». Оборотились во свое царство, живётъ царь и день и два и три, потомъ служанка въ утря́хъ ставаётъ и огонь доставаётъ. Взела изъ огнива плашку и кремешокъ, положила трудóкъ, тю́кнула плашкой черезъ кремешокъ, кремешокъ вылетѣлъ изъ руки, улетѣлъ черезъ лѣвое плечо, сталъ прекрасной молодецъ. «Здрастуй, царь вольной человѣкъ!». — Здраствуй, молодечъ, ну нужно у тебя голова съ плечъ. — «Нѣтъ, царь вольной человѣкъ, ты меня три дня искалъ и отступилса, а теперь я самъ евилса; теперь мнѣ надо полжитья́-полбытья и царску дочерь зáмужъ».

И тогда царю дѣлать нечего стало. Веселымъ пиркомъ, скорой свадебкой стали за молодца дочерь взамужъ выдавать; повѣнчался съ царской дочерью, сталъ царской зять и далъ ему царь пожитья-побытья, а послѣ смерти штобы на царствѣ сидѣть.

---

3. Аф. 104.d

Иванъ-царевичъ и дѣвица-царица.

Живалъ, бывалъ царь вольной человѣкъ, жилъ на ровномъ мѣстѣ, какъ на скатерти. У его были три сына, первой Василей, второй Ѳёдоръ, третей Иванъ, да были еще при ёмъ люди-слуги роботшія; старшіе сыновья были у его толковые, пу́тни, а меньшой былъ безпутнёй соплячёкъ, лежалъ только на печи тёплой. Старшіе сыновья стали лѣтъ семнаццети-восемнаццети; призываетъ царь вольнёй человѣкъ большого сына Василья, говоритъ: «Што-же ты, мой сынъ, Василей, выросъ ты большой, лѣтъ до восемнаццети, не какихъ ты занятій не занимашь; мы прежде не такъ жили: много прежде земли бирали и по земли ѣздили, и ты по чистому полю поѣжжай и чудо-диво доставай, отчёвы слѣды потоптáй».

Тогда Василей скоро наряжатца сталъ, надѣвалъ на себя цвѣтно-платьё и пошолъ на конюшенъ-дворъ себѣ выбирать коня доброго. Обуздалъ-обсѣдлалъ себѣ коня доброго, пошолъ солнышку-батюшку падать во рѣзвые ноги, просить благословеньича. Падалъ батюшкѣ и матушкѣ во рѣзвые ноги. Они сказали: «Божьё да наше благословленіе». Садился Василей на добрá-коня, поѣхалъ по чысту полю. Ѣхалъ близко-ле, далёко-ле, низко-ле, высоко-ле, завидѣлъ въ полѣ сырой дубъ, обложенной человѣческимъ косьёмъ до верхá. Смотритъ Василей-царевичъ на сырой дубъ и дивуется: «Вотъ чудо и диво! этого дива больше и не набъ». Оттуль Василей-царевичъ обратился назадъ, домой. Опускатъ коня на конюшенной дворъ, заходитъ въ домъ, спрашиваетъ царь: «Каково поѣздилъ? што видалъ»?—Я видѣлъ тако́ чудо, больше на свѣтѣ не видалъ... (разсказъ: что видѣлъ)... — А это не чудо, это полчуда нѣту. —

Призыватъ царь середняго сына, Ѳёдора: «Поѣжжай, сынъ Ѳёдоръ, по чисту-полю, чудо-диво доставай, отчёвы слѣды потоп-

та́й». Сталъ Ѳёдоръ-царевичъ нарежатся, надѣвалъ на себя цвѣтно-платьё и пошолъ на конюшенъ дворъ себѣ выбирать коня доброго. Обуздалъ, обсѣдлалъ себѣ коня доброго, пошолъ солнышку-батюшку падать во рѣзвые ноги, просить благословленьича. Падалъ батюшкѣ и матушкѣ во рѣзвые ноги; они сказали: «Божьё, да наше благословленіе». Садился Ѳёдоръ на добра коня, поѣхалъ по чисту полю. Ѣхалъ близко-ле, далёко-ле, низко-ле, высоко-ле, завидѣлъ въ полѣ сырой дубъ, обложенной человѣческимъ косьёмъ до верха́. Смотритъ Ѳёдоръ-царевичъ на сырой дубъ и дивуется: «Вотъ чудо и диво! этого дива больше и не набъ». Оттуль Ѳёдоръ-царевичъ обратился назадъ домой. Отпускатъ коня на конюшенной дворъ. Заходитъ въ домъ, спрашиваетъ царь: «Каково поѣздилъ, што видалъ»?—Я видѣлъ тако чудо, больше на свѣтѣ не видалъ: ѣхалъ близко-ле, далеко-ле... (слѣдуетъ разсказъ, что видѣлъ)... «Винно старшіе сыновья ѣздили, не могли чудо достать, а младшаго сына Ивана-соплячка и нарежать нечего».

Иванъ-царевичъ услышелъ своего батюшка розговоръ и слѣзаваетъ со своей печи тёплой, проситъ у батюшка, у матушки благословеньицо: «Я желаю по чисту полю гулять и не могу-ле чуда-дива достать и твои слѣды потоптать». — Куда-же ты пойдёшь-поѣдешь? старшіе братья лучше тебя были, да и то ничего не могли сдѣлать, а тебѣ и ѣздить нечего. — «А даите́ поѣду и не даите́ поѣду». Тогда говоритъ царь вольной-человѣкъ: «Божьё да нашо, дитятко, благословленіе—поѣжжай». Сталъ Иванъ-царевичъ нарежатся, надѣлъ на себя цвѣтно-пла́тьё, пошолъ на конюшенъ дворъ выбирать сибѣ по разуму коня. Зашолъ, на котораго зглянётъ, тотъ дрожитъ, на котораго руку положитъ, тотъ съ ногъ валитса. Не могъ себѣ выбрать по разуму коня, пошолъ на другой конюшенной дворъ. (И на этомъ дворѣ не нашолъ коня). Вышолъ, пошолъ вдоль по городу, повѣся доржитъ буйну голову, потупя оци ясныя во сыру́-землю. На стрѣцю идётъ бабушка задворенка. Челомъ бьётъ, низко кланяетця: «Здраствуй, Иванъ-царевичъ! что ты идёшь кручиненъ-печаленъ, повѣся доржишь буйну голову, потупя́ доржишь очи ясныя? царски дѣти не такъ ходятъ». Иванъ-царевичъ на ей осержается:—Ахъ ты стара чертовка! тибѣ-ли про царски дѣла знать? пну тебя по́дъ гузно, дакъ будётъ синё по́дъ глазомъ.—Розошлись они со бабушкой. Захотѣлось бабушкѣ во второй разъ попытать Ивана-царевича, стала обходить Ивана-царевича по другимъ

улицамъ. Обошла, стрѣту идётъ, челомъ бьётъ, низко кланеется: «Что-же ты ходишь кручиненъ...» — Тебѣ-ли про царски дѣла знать...» (и т. д.) тогды съ бабушкой опять разстались. Думаетъ бабушка въ уми: «схватится дитятко, да поздо».

Тогда Иванъ-царевичъ и раздумался: «Слыхалъ я, что старые люди прежде нá худо не потакáли — зачимъ я бабушкѣ не объяснился?» Сталъ Иванъ-царевичъ оббѣгать бабушку задворенку по другимъ уличамъ и идётъ ей на встрѣту, челомъ бьётъ, низко кланеется. «Здравствуй, бабушка, богоданна матушка».—Здравствуй, царско дитетко, Ианъ-царевичъ, что ходишь кручиненъ - печаленъ? — «Какъ же мнѣ, бабушка, не печалится: хотѣль я въ чистомъ поли погулять»... (и т. д. разсказываетъ, какъ онъ выбиралъ коней и не могъ найти). «Давно-бы мнѣ-ка извинился, давно-бы я тибѣ направила: обратись къ батюшкѣ царю, проси у его коня доброва, на которомъ онъ ѣздилъ-гулялъ; доброй конь стоитъ закопанной въ погребу, прикованъ на чѣпи залѣзной, а сбруню ищи въ вашомъ старомъ домѣ, онъ óгнилъ-осыпалъ, подъ лавками завалило струменъ лошадиной, сѣдёлышко черкальчето и уздича точмянная».— Тогды Иванъ-царевичъ пошолъ къ своему царю батюшку. «Ой, еси батюшко! дай мнѣ твоёго добрá-коня, на которомъ ты ѣздилъ-гулялъ».—Что-же ты надумалса—старши не могли конёмъ владать, а ты хошь владать?—Говоритъ Иванъ царевичъ: «Дашь возьму и не дашь возьму». —Божьё и мое благословленье, бери.— Приходитъ Иванъ-царевичъ къ погребу, пнулъ плиту желѣзную, свернулась плита съ погреба, скочилъ Иванъ-царевичъ ко добру коню, сталъ ему доброй конь своими передныма ногами на плеча; стоитъ Иванъ-царевичъ подъ добрымъ конёмъ нешáхнетця; срывалъ Иванъ-царевичъ чѣпь желѣзную, выскакивалъ у его доброй конь изъ погреба, Ивана-царевича вытаскивалъ; садился на коня необузданова, необсѣдланова, конь пó полю поскакиватъ, Иванъ-царевичъ дубинушкой коня постéгиватъ; тогда проговорилъ конь русскимъ языкомъ, человѣческимъ: «Не стегай, Иванъ-царевичъ, меня занапрáсно, буду служить тебѣ вó вѣки». Тогды повелъ Иванъ-царевичъ своего коня доброва ко старому отчёвому дому, искалъ уздичу точмянную и сѣдёлышко черкальское; нашолъ сѣдёлышко черкальское и уздечку точмянную, обуздалъ, обсѣдлалъ, заходилъ къ отцу-матери, прощался съ батюшкой-матушкой, вышолъ вонъ на улицу и поѣхалъ.

Ѣдётъ Иванъ-царевичъ не по зелёнымъ лугамъ, ѣдётъ по каменнымъ горамъ; ѣхалъ, ѣхалъ, близко-ле, далёко-ле, низко-ле, высоко-ле, день до вечера; стоитъ избушка о куриной ножкѣ, объ одномъ окошкѣ, со крутымъ-краснымъ крыльчомъ; выходитъ изъ избушки старъ матёръ чоловѣкъ, челомъ бьётъ и низко кланятся. «Здравствуй, Иванъ-царевичъ, дитетко!» —Какъ-же ты меня, бабушка, знашь и по имени называшъ?—«Какъ-же тебя не знать: вного этта твой батюшко, царь ѣживалъ». Взяла у Ивана-царевича коня брала и самого въ избу завела, накормила, напоила, и спать повалила; у сытого гостя стала вѣстей спрашивать: «Куды ты, Иванъ-царевичъ, правишся? Куды катишся? ѣдешъ ты по охоты или по неволи?» Отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ: «Своя, охота пуще неволи бываетъ: хоцю я чюдо диво достать и отчёвы слѣды потоптать». «Не знаю, мошь-ле отчёвы слѣды потоптать? Много твой батюшко царь земли биралъ. Спи дитетко, утро-мудро, мудрене́ вечера быватъ». Ночку просыпалъ, поутру рано ставалъ, ключевой водой оммывался и полотёнышкомъ утиралса, выходилъ вонъ на уличу. Выходитъ старъ-матёръ чоловѣкъ на красно-круто крыльчо, заревѣлъ по звѣринному, засвистѣлъ по соловьинному: «Гдѣ вы есь, сѣрыя волки, всѣ бѣжите и катитесь во едно́ мѣсто и во еди́ной кругъ, выбирайте промежу собой которой больше, которой едреньше, за Иваномъ-царевичемъ бѣжать». Сбѣжались сѣры волки, выбрали которой больше и едреньше за Иваномъ-царевичемъ бѣжать. Всѣ сѣры волки разбѣжались, одинъ остался; тогда вывела бабушка старого своего коня, а коня Ивана-царевича оставлятъ къ обратной пути. «Поѣжжай, дитятко, вперёдъ, тамъ живётъ моя сестра, она направитъ тебя».

Скоро скажется—долго дѣится.—Ѣдётъ Иванъ-царевичъ день до вечера, подъѣжжаетъ къ избушкѣ; стоитъ избушка о куриной ножкѣ, объ одномъ окошкѣ со крутымъ-краснымъ крыльцомъ; выходитъ старъ-матёръ человѣкъ... (и т. д., повторяется изъ слова въ слово, что и въ первый разъ... Выходилъ старъ-матёръ человѣкъ на красно-круто крыльцо, засвистѣла по соловьинному, заревѣла по звѣринному: «Гдѣ вы есь черные медвѣди, бѣжите въ одно мѣсто, во единой кругъ... (повторяется что и въ первомъ случае)... Выводитъ коня: «А твой конь пусь на обратной путь отдыха́тъ». Тогда садитца на коня. «Поѣжжай, дитетко, вперёдъ, тамъ живётъ сестра, она направитъ тебя».

Ѣхалъ, ѣхалъ, ѣхалъ, ись захáчиваитця, на языки вода оставаитця, пріѣхалъ къ избушкѣ, стоитъ избушка, о куриной ножкѣ, объ одномъ окошкѣ, со крутымъ-краснымъ крыльчомъ; выходитъ изъ избушки старъ-матёръ человѣкъ, челомъ бьетъ и низко кланятца: «Здравствуй, Иванъ цáрско дитятко». —Какъ-же ты меня, бабушка, знашь, по имени называшь?— «Какъ-же тебя не знаю: вного этта твой батюшко царь ѣжживалъ». Взяла у Ивана-царевича коня обрала и самого въ избу завела, накормила, напоила и спать повалила. У сытого гостя стала вѣстей спрашивать. «Куды ты, Иванъ-царевичъ, правишся, куда катишся, ѣдешь ты по охоты или по неволи?» Отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ:—Своя охота пуще неволи бывать: хоцю я чюдо-диво достать и отчёвы слѣды потоптать.—«Много твой батюшко царь земли биралъ... Спи дитятко утро мудро, мудрене вечера бывать». Ночьку просыпалъ, а поутру рано ставалъ, клюцевой водой омывался и полотёнышкомъ утиралса. выходилъ вонъ на уличу; выходилъ старъ-матёръ человѣкъ на красно-круто крыльчо, заревѣла по звѣринному, засвистѣла по соловьинному: «Гдѣ вы есь левы звѣри! собирайтесь во едино мѣсто, во единой кругъ, выбирайте которой больше, которой едреньше, за Иваномъ-царевичемъ бѣжать». Тогда выводила коня. «Твой конь пусь къ обратной пути отдыхатъ». Тогда дарила ему бабушка скатёрку-хлѣбосолку. «На, тебѣ скатёрка-хлѣбосолка, захошь ты попить-поись, больше тебя кормить не кому, и только ты эту скатерть не куда не дѣвай: захошь ты попить-поись, разверни скатёрку-хлѣбосолку, сколько хошь ты, тебѣ питья и ѣства будётъ, скольки надобно и неубыльнё». Садилса Иванъ-царевичъ на добра коня, распростилса съ бабушкой старушкой и вперёдъ поѣхалъ. Бѣжитъ за нимъ сѣрой волкъ, бѣжитъ медвѣдь и бѣжитъ левъ-звѣрь.

Ѣхалъ, ѣхалъ, близко-ле, далёко-ле, низко-ле, высоко-ле, доѣхалъ до рѣки. За рѣкой дѣвича платье полощетъ. Кричитъ Иванъ-царевичъ: «Ей дѣвича, перевези меня черезъ рѣку?» Говоритъ дѣвича.—Дашь-ле руку-ногу нá косо отсѣкчи?—Отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ: «Што тебѣ въ моей руки-ноги? возьми денёгъ сколько хошь?» Отвѣчатъ дѣвича: —Дашь, перевезу, не дашь, не везу.—Думаётъ Иванъ-царевичъ: «Руку-ногу не дать отсѣкчи, набъ назадъ обратиться, а охота вперёдъ ѣхать». «Ѣть перевези, дамъ руку-ногу нáкосо отсѣкчи». Садилась дѣвича въ лодку, пріѣжжаетъ. Садились въ лодку Иванъ-царевичъ и конь,

Зперевоза ср. Аф. 104.а

и волкъ, и медвѣдь, и левъ; поѣжжають всѣ черезъ рѣку, пріѣжжаютъ къ берегу, выходитъ Иванъ-царевичъ, коня и волка выводитъ, медвѣдя и льва. Берётъ дѣвича Ивана-царевича за бѣлы-руки, ведётъ къ олтовóй плахи, берётъ свою саблю вострую и хочётъ отрубить руку-ногу нáкосо. Выскочилъ сѣрой волкъ, схватилъ дѣвичу, началъ бить, ломать, пó полю трепать; волочилъ, волочилъ, убилъ и бросилъ. Тогда сказалъ сѣрой волкъ: «Прощай, Иванъ-царевичъ, я сослужилъ свою службу». Поѣхалъ Иванъ-царевичъ вперёдъ.

Ѣхалъ, ѣхалъ, близко-ле, далёко-ле, низко-ле, высоко-ле, доѣхалъ до рѣки, встрѣчаетъ опять дѣвичу... (то-же самое повторяется до 3-хъ разъ, только въ 1-й разъ дѣвицу убилъ волкъ, во 2-й—медвѣдь, въ 3-й—левъ; въ послѣдній разъ дѣвица требуетъ голову отсѣчь. «А што мнѣ голову отдать, куда мнѣ безъ головы? Нéкакъ безъ головы. Звѣри меня два раза выручили, неужели левъ не сохранитъ»? Левъ убилъ дѣвицу и убѣжалъ.) Иванъ-царевичъ садилса на добра-коня и поѣхалъ опять вперёдъ, захотѣлось ему поись, попить, покушати, слѣзыватъ съ добра коня, развёртыватъ скатёрку-хлѣбосолку, сидитъ и ѣсъ; сталъ сытешынёкъ и веселёшынёкъ. Тогда выглянулъ *полякъ*. «Хлѣбъ да соль, Иванъ-царевичъ? Продай скатёрку хлѣбосолку, или на чего смѣнямъ?» — А што у тебя есь хорошаго, полякъ? — «А есь у меня костыль, изъ плеча въ плечо перекатишь, выскочатъ три солдата, што хошь то и сробятъ». «Дай, неси, смѣняемъ.—Смѣнялись, садился Иванъ-царевичъ на добра коня и впередъ поѣхалъ.

Ѣхалъ, ѣхалъ... думатъ въ умѣ: «Зачѣмъ я промѣнялъ поляку?» Взялъ костыль изъ плеча въ плечо перекатилъ, выскочили три солдата. «Здраствуй, ласковой хозяинъ, што скоро понадобились?»—Бѣгите въ полё, состигите поляка, отоймите скатёрку-хлѣбосолку и скажите: «не воруй никогда боле». Состúгли поляка, били, ломили до полусмерти, принесли скатёрку назадъ. Опять поѣхалъ вперёдъ. Ѣхалъ, ѣхалъ низко-ле высоко-ле, близко-ле, далёко-ле, захотѣлось попить, поись, покушати; слѣзывáтъ со добра коня, развёртыватъ скатёрку-хлѣбосолку, сидитъ и ѣсъ, сытёшынёкъ и веселёшынёкъ; тогда выглянулъ Полякъ. «Хлѣбъ да соль, Иванъ-царевичъ! продай скатёрку хлѣбосолку, или на чего смѣнямъ?» — А у тебя што есь хорошого. — «Есь у меня молоды яблони и плётка живулька. Если есь у тебя отечъ, мати, ты эти яб-

лони скорми, будутъ они тебя моложе и краше. А если человѣкъ помрётъ, плеткой стегнёшь, онъ вскочитъ и побѣжитъ». (Обмѣнялись. Поѣхалъ, опять жалко стало, опять послалъ солдатъ отнять скатерть. Повторяется все то же и въ третій разъ: происходитъ мѣна съ полякомъ): «А у тебя што есь хорошого?» — Ящыкъ, ежели растворишь, будётъ городъ, будутъ церкви и колокóлы, и будёшь сидѣть въ доми за дубовымъ столомъ и будёшь царёмъ, а положишь на которо мѣсто, будётъ ящикъ одинъ и будешь ты сидѣть въ чистомъ поли. — Смѣнялись. Поѣхалъ вперёдъ Иванъ-царевичъ. Ѣхалъ, ѣхалъ близко-ле, далёко-ле, низко-ле высоко-ле, скоро сказка сказыватца... доѣхалъ до городу середка ночи тёмной. Въ городу ворота зáпраны, кругомъ городу стѣны, кругомъ струны проведены, на струнахъ колокóлы повѣшаны. Тогда Ивану-царевичу захотѣлось въ этотъ городъ заѣхать. Прижиматъ онъ своего добра коня, осержалъ его доброй конь, разбѣжался конь, скочилъ чéрезъ, струны не хватилъ. Въ городу увидалъ Иванъ-царевичъ горятъ свѣщы; пріѣжжаетъ, слѣзываетъ съ коня, заходитъ въ гриню, увидалъ на кровати спитъ дѣвича-поленича, какъ сильнёй порогъ шумитъ. Разметалась дѣвича, заголилась до грудей. Тогда Иванъ-царевичъ этой дѣвичи устрашился. Обратился зá двери, и сталъ изъ за ободверенки на ей выглядывать и думаетъ: «Што-же я сонной дѣвичи побоялся? Пойду я лучше ей почѣлую». Пошолъ, дѣвичу почѣловалъ и опять обратился назадъ къ ободверенкѣ. «Што-же, разѣ сотворить съ ей любовъ?» Подошолъ къ ей, приложился къ ей и сотворилъ съ ей любовъ. Обратился къ ободверенкѣ, сталъ на ей здрить. Другой разъ пошолъ и ради прощенья опять ей почѣловалъ и пошолъ назадъ скоро на уличу. Садился на добра коня, осержаетъ доброй конь, разбѣжался конь, скочилъ черезъ струны и хватилъ задней ногой за струну; струны зазвенѣли, колокóлы забренчéли, дѣвича пробудилась. «А кака-ле собака наблевала и не охитила». Тогда кричитъ она своимъ служанкамъ зычнымъ голосомъ: «Скоро служанки нарежайтесь и скоре того коня въ карету запрегайте: погонимся за богáтыремъ въ чистомъ поли». Повезли дѣвичу-поленичю въ сугонъ за богáтыремъ.

Гонитъ Иванъ - царевичъ во всю прыть лошадинную во свое мѣсто, а поленича гонитъ за нимъ сзади. Пригонилъ къ послѣнней бабушки. У бабушки конь выведеной, направленной, готовой. Сейчасъ съ того коня и на другого, съ бабушкой

простился и впередъ погонилъ. Дѣвича-поленича не много спустя времени къ бабушки пригонила. «Бабушка, этудá звѣрь не прорыскивалъ-ле?» —Нѣтъ дитятко. — «Птица не пролетывала-ле»? — Нѣтъ дитятко. — «Молодечъ не проѣжживалъ-ле?» —Нѣтъ, золото, никто не проѣжживалъ. Тибѣ, дѣвича-поленича, не угодно-ле въ байнѣ попарится? съ пути, съ дороги тебѣ натресло.—Эта дѣвица знаетъ надъ собой невзгоду: «Пожалуй, бабушка, въ байнѣ попарится надо, да ты ра долго прюдлишъ?»—Што ты, дитятко, сичасъ изготовлю.—Побѣжала баенку топить бѣгомъ, а гдѣ дѣвича не видитъ, доле время провожатъ, штобы Иванъ-царевичъ дале убралса. Истопила баенку, изготовила. Дѣвича-царица сходила въ баенку, попарилась, обкатилась, надѣла чвѣтно платье, опять погнала въ сугонъ за Иваномъ-царевичемъ. Иванъ-царевичъ ко второй бабушкѣ, у той конь направленной... (Поленица и у второй бабушки стала спрашивать про молодца, про звѣря, про птицу). «Вѣтеръ-полоса не прошла-ле, бабушка?» — Нѣтъ, дитятко, прошла, да давно. Не угодно-ле закусить кашки? — «Долго бабушка варить».—Што ты, што ты...—Закусила кашки, погнала дальше. Иванъ-царевичъ догналъ до третей бабушки, конь готовый опять. Дѣвича-чарича нагонила... («Не проѣхалъ-ле» и т. д.). Дѣвича на ѣду-питье не соглашается, впередъ погнала.

Иванъ-царевичъ гонитъ по чисту полю, слышитъ за собой погоню велику, увидѣлъ на земли лежитъ доска деревянная, бѣла. Иванъ-царевичъ доску схватилъ, бросилъ на степь лошадинную, сталъ на доску надпись писать: *У дѣвки бляди волосъ долог, умъ коротокъ: хочетъ она въ чистомъ полѣ догнать вѣтеръ полосу, да гдѣ-же ей догнать—вѣтеръ полоса всю поселенную кругомъ ходитъ.* Эту надпись бросилъ въ чисто поле, самъ загонилъ въ залѣзную траву — ни его, ни коня не видать. Ѣдетъ и не видать его. Дѣвича-царича нагонила къ этой доскѣ, прочитала, своей головой покачала: «Вѣрно, такъ, у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ, гдѣ же мнѣ вѣтеръ полосу въ чистомъ полѣ нагнать?» Тогда обратила своего коня-добра назадъ и поѣхала въ свое царство.

Иванъ-царевичъ проскакалъ желѣзную траву, пробился на чисто полё. Думаетъ: «Я вымѣнялъ ящыкъ, да его не пробовалъ какой онъ есь?» Слѣзыватъ со добра-коня, самъ разстворятъ ящыкъ, на чистое поле и сталъ сидѣть въ полатахъ бѣлокаменныхъ въ городу, и думаетъ въ уми: «Разстворилъ я городъ,

да не на мѣсто». Сталъ складываться, положилъ ' одно мѣсто и сталъ ящыкъ въ чистомъ поли. Тогда бралъ коня доброго и поѣхалъ вперёдъ. Пріѣхалъ домой, открылъ ящикъ около отчёва города и сталъ городъ лучше и краше отчёва. Взялъ свой костыль, изъ плеча въ плечо перекатилъ: стали три солдата. «Што, ласковой хозяинъ?»—А вотъ, бѣжите, этомъ-та городъ, всю силу присѣките и прирубите, а отча да матерь въ гости мнѣ приведите.—Побѣжали солдаты, всю силу пересѣкли, царя да чарицу въ гости повели. Заводятъ въ полаты бѣлокаменны, встрѣчаетъ ихъ Иванъ-царевичъ и угощаетъ. Сидѣли пировали, панкетовали, а только не знали, что онъ ихной сынъ. Иванъ-царевечъ сложилъ ящикъ — сидятъ царь-царица въ чистомъ поли возлѣ ящыка. Послѣ того Иванъ-царевичъ: «Здраствуй, батюшко и матушка-родима, узнали-ли меня? я вашъ сынъ». Тогда говоритъ царь:—Вотъ Иванъ-царевичъ, настоящо ты досталъ чудо и диво.—Иванъ-царевичъ взялъ и костыль показалъ какъ дѣйствуетъ. Взялъ плётку-живульку. Всю силу, котору присѣкъ, плёткой-живулькой оживилъ: солдаты побѣжали, кого стегнутъ, тотъ скочитъ да побѣжитъ; всю силу оживилъ. Тогда отправились во свое царство. Тогда царь и царица передъ Иваномъ-царевичемъ дивуются и очинно любуются. «Настояшшо-же нашъ сынъ чудо-диво досталъ и отчёвы слѣды потопталъ». Тогда Иванъ-царевичъ покормилъ отца и мать молодыми яблоками и они стали краше и моложе Ивана-царевича. Тогда стали они любить Ивана-царевича, въ чести и премилости держать.

Скоро скажется долго дѣится. Дѣвича-царича прибыла въ свое царсво, сдѣлалась беременна, родила двухъ сыновей, и эти робята ростутъ не по днямъ, а по часамъ. Тогда задумала она снарядить корабли искать виноватого за синеё море. Прибѣжали въ то царство, становились въ тихи гавани и написали ерлыкъ, и просятъ отъ царя виноватого на корабъ. Посылаетъ царь старшаго сына Василья. Идётъ, видитъ два парнецька. «Маменька, маменька, вонъ нашъ татушка идётъ». —Это не татинька идётъ, это нашъ дедюшка идётъ», говоритъ имъ: «Когда взойдетъ онъ на корабъ, въ ноги ему падите, штаны съ гузна стените, по жопы наклещите и скажите: «Некогда въ чужо дѣло не суйся» (Такъ и сдѣлали). Сынъ Василей назадъ едва идётъ, жопа са́детъ. (Потомъ пошелъ Ѳедоръ, съ нимъ сдѣлали то же самое, что и спервымъ сыномъ). Пошолъ

Иванъ-царевичъ, бѣгаютъ два парнецка. Дѣвича-чарича говоритъ: «Прибѣжите, падите въ ноги и одинъ за ту руку, другой за другу и ко мнѣ его ведите». Привѣли: «Здравствуй дѣвича-поленича». —Какъ-же ты прижилъ мнѣ двухъ сыновей, а зачѣмъ отъ меня наугонъ гонишь?— «Я тебѣ хоть и прижилъ, да безъ отца-матери благословленья не могу замужъ взять». Отецъ и мать благословили. Обвѣнчались, стали жить поживать. Уѣхали въ ихное въ дѣвичье царство. Когда повели вѣнчать, стелили сукна красны, зелены, сини, а за нимъ шли голи кабацки, рѣзали эти сукна и въ кабакъ носили.

(Слышалъ отъ «крестиваго» самоѣда, т. е. отъ крещенаго,—лѣтъ 55 тому назадъ).

———

Афр. 82

4.

Ѳедоръ Водовичъ и Иванъ Водовичъ.

Жилъ былъ царь вольной человѣкъ. У этого царя была жона, да были слуги роботчія. Эта царица сдѣлалась беременна. Царь говоритъ: «Если ты родишь сына, то попустимъ на свѣтъ, а дочерь родишь, на свѣтъ не попустимъ». Послѣ того царица родила дочерь. И удумали куда-жо эту дочерь дѣвать—царско слово назадъ не ворочатся—испостроили ей темничу, дали ей водитча няньку. Скоро скажетча, долго дѣитча—водилась нянька лѣтъ до семнадцети, до восемнадцети, а тогда говоритъ царевна дѣвича: «Што-же ты, моя нянька, покажи мнѣ, какой есь свѣтъ на свѣтѣ».—Показать-бы я могу, да не смѣю, потому батюшко царь узнатъ, сомётъ наши головы съ тобой, тольки я тебѣ показать могу въ потай.—Созвала нянька къ себѣ двѣ дѣвичи, отдала дѣвичамъ. «Ведите подъ руки по царскому двору, въ которомъ двору царь въ лѣтную пору прогуливаитча». Взели дѣвичу и повели по царскому двору прогуливатча, прохаживатча. И было у царя въ этомъ дворѣ выкопанъ колодечъ. Въ этомъ колодчѣ плавала чароцька золота. Увидала царевна: «Это што, дѣвичи?»—То твоего батюшко колодечъ.—«А што плаватъ въ колодчи?»—А плаватъ твоего батюшка чара золота, онъ когда прогуливатця, воды почернётъ и воды попьётъ.» Тогда дѣвича почерпнула воды и выпила. Пошла дальше по двору прохаживатця. Увидала она стоитъ кровать тисова, на кровати не-

рина пухова и подушка шолкова и спрашиватъ: «Это што дѣвичи?» — То твоёго батюшка кроват тисова, онъ въ лѣтную пору прогуливатъ и на этой кровати отдыхатъ и почиватъ.— «Нельзя-ли отдохнуть на ей?» Дѣвича легла и отдыхатъ на кровати. Тогда немножко полежала, стала съ кровати, опять дѣвичу повели кругомъ по царскому двору. Довели до колодча, опять захотѣла цару выпить. Поцерпнула, чару выпила и опять пошла, довели опеть до той кровати, опять легла почивать и отдыхать. Немножко почивала, стала съ кровати, дѣвичи эти взели и повели чаревну въ темничу, отдаютъ бабушки - няньки. И стала эта дѣвича беременна. Тогда,—скоро скажетча, долго дѣитча,—родила дѣвича двухъ сыновей. Собирали поповъ и нарѣкали име: Иванъ Водовичъ и Ѳёдоръ Водовичъ.

Эти робятка ростутъ не по-днямъ, а по-чесамъ, и выросли они лѣтъ до семи до восьми. И стали просить у матушки благословленьицо: сходить по чисту полю погулять. Даваетъ матушка имъ благословеницо. «Подите, дѣтки, въ чисто полё, гуляйте, а только своему дѣдушку въ глаза не попадайте». Ходили день до вечера, на темну ночь приходятъ къ матушки родимой. Проспали они ночку, по утру рано встаютъ, на себя чвѣтно платьё надѣваютъ и опять отправляютча въ чисто полё гулять. Гуляли день до вечера. Наступатъ тёмная ночь, приходятъ къ матушкѣ родимой ночевать. Мать напоила, накормила и спать повалила. Поутру встаютъ, на себя чвѣтно платьё надѣваютъ и просятъ у матушки благословеницо: «съѣздить по чистому полю на добрыхъ коняхъ погулять». Даваётъ: «Поѣжжайте, да только дѣдушку въ глаза не попадайте». Вышли робятка вонъ на уличу, пошли на конюшенъ дворъ выбирать себѣ коней по разуму; выбрали коней, обсѣдлали-обуздали и отправились въ чисто полё. Ѣхали, ѣхали, лежитъ сѣръ-горючъ-камень на растáняхъ, на камню подпись подписана и подрѣзь подрѣзана: «По одной дорогѣ ѣхать, съ красными дѣвушками гулять, по другой дорогѣ ѣхать живому не быть». Оттуль они, два брата розъѣхались, распарѝлись. Иванъ Водовичъ поѣхалъ съ красными дѣвушками гулять, а Ѳёдоръ Водовичъ поѣхалъ 'де-ка живому не быть.

Сказка пойдётъ нынь за Ѳёдоромъ Водовичемъ. Ѣхалъ, ѣхалъ Ѳёдоръ Водовичъ, доѣхалъ до городу, живётъ по загороду бабушка задворенка. Зашолъ къ бабушкѣ задворенкѣ, Богу помолился, съ бабушкой поздоровался. «Здравствуй бабушка, богоданна ма-

тушка!» —Здравствуй, дитятко, Өёдоръ Водовичъ.— «Спусти бабушка меня отъ тёмной ночи начевать и укрытся».— Милости прошу дитятко.— Коня у Өёдора Водовича обрала, въ избу зазавела, накормила, напоила и спать повалила. У сытаго гостя стала вѣстей спрашивать: «Куда ты Өёдоръ Водовичъ ѣдешь, куда правишся, ѣдешь ты волей или не волею?» —А поѣхалъ я, бабушка, людей посмотрѣть и себя показать.— Вотъ ночку просыпали, по утру рано ставали, бабушка побѣжала по городу, што въ городу дѣится. Бѣгала, бѣгала, прибѣжала домой, разговариватъ: «Дитятко, у насъ змѣй изъ моря подымаится, на каждыя сутки по человѣку поглотитъ; у здѣшного царя три дочери, сённи жеребей метали, да выпалъ старшой дочери идти змѣю на съѣденьё». — А гдѣ будётъ онъ ей поглотить?— «А край синяго моря есь избушка, ей отведутъ въ избушку». —А намъ, бабушка, льзя-ле итти на спроводины, царевну спроводить?— «А отчего нельзя, можно». Бабушка кашки наварила, Өёдора Водовича накормила и сама поѣла-покушала. Надѣли на себя цвѣтно платьё и пошли царю во́ градъ царевну провожать. Приходятъ царю во́ градъ. У царя народу какъ тёмного лѣсу, провожаютъ царевну. Вывели царевну посадили на корету и повезли край синяго моря. Довезли до избушки, завели въ избушку и роспростилися съ ей, разошлись. Өёдоръ Водовичъ осталса одинъ.

Заходитъ Өёдоръ Водовичъ въ избушку, сидитъ царевна въ избушкѣ слезно плачетъ. Говоритъ Өёдоръ Водовичъ: «Здраствуй, царевна, зачѣмъ сидишь, плачешь?» —Какъ же мнѣ не плакать, я свезена змѣю на съѣденьё.— «Примай, царевна, меня въ товарыщы». —Примать тебя, тебя змѣй съѣстъ не зачо́, а мнѣ-ка жеребей выпалъ.— «Примай, царевна, можетъ оба спасемся». —Милости прошу, молодечъ!— Лёгъ Өёдоръ царевичъ на лавку, положилъ голову на голену. «Ты, царевна, ищи въ моей головы, когда змѣй подымитчя съ моря, буди меня». Стала царевна ему въ головы искать. Сдѣлалось на мори сильняя буря, погода. Вышолъ изъ моря змѣй троиглавой, тогда царевна стала будить доброго молодца. Молодецъ за́спалъ, захрапѣлъ, какъ порогъ зашумѣлъ, разбудить его не можетъ, колоть жалко и расплакалась надъ имъ слезно. Ука́нула слеза ей гореча Өёдору Водовичу на личо, тогда скакалъ Өёдоръ Водовичъ скоро на рѣзвы ноги: «Ахъ, царевна, ты меня ужгала». Говоритъ царевна: —Вотъ, доброй молодецъ, змѣй вышолъ изъ

синёго моря, съѣстъ насъ.— Выскочилъ Ѳёдоръ Водовичъ вонъ на уличу, схватилъ свою саблю востру, бѣжитъ змѣю на встрѣчу. Идётъ Издолищо и похваляется: «Я на свѣтѣ никого не боюсь, есь только на свѣтѣ два богáтыря: Ѳёдоръ Водовичъ, да Иванъ Водовичъ, да они молоды-блады; кабы здѣсь они были, на одну долонь посадилъ, другой придавилъ—пѣна стала». Говоритъ Ѳёдоръ Водовичъ: —Чѣмъ погано Издолищо похваляишся?— «А я похваляюсь своей силой могучей». —Да, и ты идёшь силёнъ и могýтъ, о трёхъ головахъ и за собой много силы ведёшь, а я не великъ звѣрь, да лапистъ. —Стало поганое змѣишшо поворачиватся, посмотрѣть: какá-така сила идётъ, а Ѳёдоръ Водовичъ подскочилъ, смахнулъ своей саблей вострой у его три головы, а туши и головы въ синё морё свалилъ. Тогда пошолъ къ этой царевны въ избушку. «Не плачь царевна, не будешь ты топере змѣемъ съѣжена. Прощай царевна»! —Прощай, доброй молодецъ, да скажись хто ты, какой?— «А какой-бы не былъ, да прощай»! Приходитъ Ѳёдоръ Водовичъ ’бабушкѣ старушкѣ ночевать, попили-поѣли и спать повалились.

А у царя былъ пастухъ, коровъ пасъ. Онъ но утру рано сталъ, да ко синёму морю погналъ коровъ поить, побѣжалъ въ избушку думаетъ: «Царевну змѣй съѣлъ, а платье не куда не дѣлъ—мнѣ на пропой годится, соберу пойду». Зашелъ въ избушку, сидитъ царевна жива. «Здравствуешь, царевна»!—Здравствуй, слуга коровьей.—Говоритъ слуга коровьей: «Царевна, хто тебя спасъ, отъ смерти ослободилъ?» —Спасъ меня молодецъ, не знаю какой, откуль былъ.— «Скажи царевна, што я спасъ тебя». —Какъ я могу скáзать, какъ не ты?— «Не скажешь, я тебя сичасъ убью, платье содеру, тебя въ синё морё свалю». —Давай, поди, я скажу што ты спасъ.— Тогда слуга скоро коровъ погналъ, побѣгаетъ ’ царю и говоритъ: «Я твою дочерь, царь, спасъ». —Какъ ты мою дочерь спасъ?— «Я змѣя убилъ, головы въ синё морё свалилъ». —Ну, ступайте, слуги, по царевну, ковда она жива.— Скоро слуги лошадь запрегали и поѣхали по царевну. Пріѣхали, сидитъ царевна въ избушкѣ жива. «Здраствуй царевна, ступай, тебя батюшко царь домой зовётъ». Вышла царевна, сѣли и поѣхали. Пріѣхала царевна, спрашиваетъ царь: «Хто тебя отъ смерти спасъ, слободилъ?» —Отъ смерти меня спасъ коровей слуга.— Обжаловалъ царь слугу этого крестами и метáлеми.

По утру рано бабушка ставала, ходила въ городъ спровѣдати и это дѣло всё распознала. Подымается изъ моря змѣй шестиголовый, проситъ у царя человѣка на съѣденьё. И собирались народъ всѣ, мѣтали жеребеи, кому идти на съѣденьё, выпалъ сренней дочери царской. Тогда бабушка задворенка прибѣгатъ домой, разсказыватъ: «Вотъ, Ѳёдоръ Водовичъ, слуга коровьей царевну спасъ, весь разжалованной крестами и мета́леми, а сегодня опять жеребей метали, сегодня серенней дочери идти, ей спровожать будутъ народъ». Бабушка кашку сварила Ѳёдора Водовича накормила, опять пошли провожать царевну. Приходятъ, царю во градъ (повторяется тоже самое, что и въ первомъ случае, разница только въ томъ, что змѣй шестиглавый)... Идётъ змѣй сли́нами брыжжетъ, какъ дождь частой падётъ... (Ѳёдоръ Водовичъ срубилъ змѣю головы и бросилъ въ море).

У этого царя былъ слуга овечьей. (Пригоняетъ утромъ царскій слуга овецъ къ морю поить, видитъ царевну живую и продѣлываетъ все то-же, что и коровій слуга, тоже самое сдѣлалъ и третій слуга).

Въ третій разъ собирается народъ жеребей метать, достался третей дочери, меньшой. Кличетъ кликъ царь: «Хто мою дочь избавитъ отъ смерти, тому полжитья-полбытья, дочерь за того замужъ выдамъ, а послѣ смерти моей царской, тому на царствѣ сидѣть». Не хто не нашолся. (Приходитъ бабушка задворенка и разсказываетъ Ѳёдору Водовичу. Тотъ идётъ, продѣлываетъ всё тоже и вступаетъ въ борьбу съ змѣемъ о девяти головахъ. Иванъ Водовичъ наказываетъ царевнѣ: «А не можешь такъ разбудить, иглой или шиломъ»)... Смахнулъ Иванъ Водовичъ шесть головъ, осталось три—не забрала сабля боле. Тогда стали они съ Издолищемъ бится рукопашкою. И бьютча, борютча много времени, тогда слышитъ Ѳёдоръ Водовичъ, что въ себѣ силы стало мало и кричитъ: «Царевна, выйди, помоги поганого Издолища побѣдить». Царевна насмѣлилась, вышла, взяла бо́токъ и стала бить змѣя поганого. Тогда они двойма этого звѣря поганаго и побѣдили, туши и головы въ синё морё свалили и тогда зашли въ избушку. «Ну, говоритъ, прощай, а ты теперь не будешь съѣжена». Говоритъ царевна: —Какой ты молодецъ?— «А хотя бы я какой, тольки дай мнѣ своё кольцо обручное и роспростимся». Царевна давала кольцо и роспростились.

А у царя слуга гонилъ лошадей на синё морё поить... (конный пастухъ сдѣлалъ то-же, что коровій и овечій)... Веселымъ

пиркомъ и скорой свадебкой за слугу кониннаго меньшу дочерь царь замужъ отдавать. Тогда царевна отъ своего батюшка царя выпросила зелена вина послѣннюю чарку, подвѣнечну, поднести всѣхъ, хто-бы не былъ. Эта бабушка задворенка услыхала, про свадьбу, и пошли они съ Ѳёдоромъ Водовичемъ къ царю на свадьбу. А царевна подноситъ вино всѣмъ по повѣнесной чаркѣ вина, и дошла до молодца до Ѳёдора Водовича: «Прими выкушай отъ меня цару послѣнную, подвѣнесную». Берётъ Ѳёдоръ Водовичъ чару зелена вина и выпиваётъ. Увидала царевна своё кольцо обручное у Ѳёдора Водовича на руки, и тогда берётъ она Ѳёдора Водовича за правую руку, ведётъ ко своему батюшкѣ царю. «Батюшко царь, вотъ мой богосуженной мужъ, этотъ молодечъ меня спасъ; не конинной слуга, а этотъ молодечъ». Говоритъ царь: —Почему-же ты сказала на кониннаго слугу, а теперь молодца нашла другого?— «Потому я сказывала, што поневоли. Онъ хотѣлъ меня убить, моё тулово свалить, платьё содрать и пропить». Тогда старшія дочери тоже подходятъ. «Батюшко, насъ этотъ молодецъ спасъ—потому мы сказывали на слугъ, что насъ убить хотѣли». Тогда царь этихъ молодцовъ посадилъ на ворота и растрѣлялъ: «Не подыскивайтесь подъ чужо дѣло». И тогда весёлымъ пиркомъ и скорой свадебкой—меньшую дочерь за Ѳёдора Водовича сталъ выдавать. И далъ Ѳёдору Водовичу пожитья и побытья. И сталъ Ѳёдоръ Водовичъ чарской зять и сталъ Ѳёдоръ Водовичъ городъ сохранять и хтобы не поднялся, всѣхъ сталъ побѣждать.

И парилса Ѳёдоръ Водовичъ въ парной байны своей и пошли со своими людеми робочими въ озеро купатча. Забрёлъ Ѳёдоръ Водовичъ въ озеро, прилетѣла птичка золота. Захотѣлъ Ѳёдоръ Водовичъ эту птичку сохватать и поймáть. Птичка отъ Ѳёдора Водовича не летитъ, а Ѳёдоръ Водовичъ птичку поимать не можетъ и гонитча за ей сзади. Переплыла птичка озеро и Ѳёдоръ Водовичъ перебрёлъ озеро чéрезъ. Побѣжали по земли, побѣжала птичка до избушки, забѣжала въ избушку, выскочила изъ избушки Яга-баба со пестомъ и хлопнула Ѳёдора Водовича въ голову: «Быть ты, Ѳёдоръ Водовичъ, сѣрымъ камнемъ, лежать отъ нынѣ и дó вѣку». И тогда въ городъ Ѳёдора Водовича не можутъ дождатча.

Иванъ Водовичъ ѣздилъ, гулялъ со красными дѣвичами и нагулялся вдоволь и досыта, и обратилса онъ назадъ по своей пути-дороги, откуль пріѣхалъ. Выѣхалъ на растáни, откуль

съ братомъ разъѣхались, слѣзъ со добра коня. посмотрѣлъ сѣръ-горючъ-камень, на камнѣ подпись подписана: «Брата живого нѣтъ». Думаетъ Иванъ Водовичъ: «Поѣду я брата искать, куда мой братъ дѣвался». Тогда поѣжжатъ Иванъ Водовичъ въ тотъ городъ, гдѣ братъ женилса. Народъ его увидалъ и почитаютъ его братомъ, Ѳёдоромъ Водовичемъ. Здороваются съ нимъ: «Здравствуешь, любимой зятелко, Ѳёдоръ Водовичъ, гдѣ-же ты побылъ? не можомъ мы тебя дождатся». Иванъ Водовичъ не отпирается отъ зятя и думаётъ въ уми: «Ужо я поживу — не распознаю-ле, куды мой братъ дѣвалса?» Тогда живётъ Иванъ Водовичъ въ чарскомъ дворчѣ. Жилъ долго-ле, коротко-ле. Истопили байну, пошолъ въ байну паритца, выпарилса и пошолъ на озеро купатця. Тогда прилетѣла на это озеро птичка золота и стала по озеру поплавывать. Иванъ Водовичъ за птичкой пображиватъ, поимать ей хочетъ себѣ. Царской народъ его унииатъ: «Ѳедоръ Водовичъ, не ходи больше за этой птичкой: птичка тебя уведётъ, больше не дождатся тебя будётъ въ городъ. Иванъ Водовичъ пуще за птичкой припира́тъ, хочетъ ей схватать». Тогда эта птичка озеро за озеро переплыла, а Иванъ Водовичъ за ей перебрёлъ. Птичка вышла на землю, а Иванъ Водовичъ за ей гонилса, гонилса, птичка бѣжала, да бѣжала, да бѣжала, заскочила въ избушку, выскочила Яга-баба со пестомъ, обернулась въ избѣ, и хочётъ хлопнуть Ивану Водовичу голову. Иванъ Водовичъ раньше ей управился: «Быть ты, Яга-баба, лежать сѣрымъ камнёмъ отъ нынѣ и до́-вѣку». И пала Яга-баба на землю, сталъ сѣрой горючій камень. Обратился оттуль Иванъ Водовичъ назадъ, немного отошолъ, лежитъ сѣръ-горючъ-камень на дороги. Поколотилъ этотъ камень Иванъ Водовичъ. «Это лежитъ винно мой братецъ, Ѳёдоръ Водовичъ». Тогда пошолъ Иванъ Водовичъ по чисту полю, нашолъ стару кобылёнку худящую, больную и убилъ это кобылёнко; вывалилъ изъ ее брюшину и забился самъ въ брюшину. Старыя вороны летаютъ, куркаютъ и говорятъ: «Омманъ». Молодые воронёнка летаютъ и говорятъ: «Обѣдъ». Прилетѣлъ молодой воронёнокъ и начелъ эту ѵпать клевать. Иванъ Водовичъ и хватилъ этого воронёнка себѣ въ руки. Летатъ у воронёнка мати, проситъ воронёнка спустить. Говоритъ Иванъ Водовичъ: «Слетай за тридеветь морей по живу воду въ колодечъ, тогда спущу воронёнка». Говоритъ воронёнкова мати: —Я не могу тебѣ воды принести, у меня не въ чёмъ.— «Опустись на землю, я тебѣ подвежу подъ махала

двѣ бутылы, въ томъ принесёшь». Опустился воронъ на землю, привезалъ ей Иванъ Водовичъ по бутылы, подъ то и подъ друго крыло, тогда полетѣлъ воронъ по живу воду. Прилетатъ воронъ къ колодцу въ которомъ жива вода, у того колодца солдаты-часовы караулятъ, стоятъ. Воронъ опустился на землю, сталъ покýркивать и погра́ивать. Солдаты-чесовы таковой птицы не видали. «Ахъ кака птичка, сама сызая, подъ махалами свѣтло», и хотѣли эту птичку поимать себѣ на посмотреньё. Этотъ воронъ ихъ сталъ отъ колодца отманивать. Тогда воронъ отманилъ, змахнýлся, слетѣлъ и полетѣлъ въ колодечъ; въ колодечъ упалъ и почерпнулъ живой воды въ бутылы; солдаты-чесовы бѣжали, бѣжали, хотѣли съ нимъ управится, воронъ раньше ихъ вылетѣлъ. А Иванъ Водовичъ не куда отъ лошеди не отходилъ, всё дожидалъ ворона. Прилетѣлъ воронъ и говоритъ: «Получай, Иванъ Водовичъ, живу воду». Иванъ Водовичъ отвязывалъ бутылы, а воронёнка на мелки ушинки розорвалъ. Тогда началъ воронёнка складывать, какъ воронёнокъ былъ; склалъ воронёнка и притя́пкалъ (прихлопалъ рукой, што-бы было покрѣпче), тогда изъ бутылы этой водой ворона измазалъ и сталъ воронъ живъ и здоровъ. И тогда отпускалъ Иванъ Водовичъ эту ворону и сказалъ: «Спасибо, воронъ, сослужилъ ты мнѣ службу». Тогда пошолъ ко своему брату-родителю. Приходитъ и смазыватъ горючей камень; разъ смазалъ — камень подрогнулъ, другой смазалъ — Ѳёдоръ Водовичъ на ноги сталъ. Говоритъ Ѳёдоръ Водовичъ: «Фу-фу-фу, долго спалъ, да скоро сталъ». Говоритъ Иванъ Водовичъ: —Здравствуй, Фёдоръ Водовичъ, родимый брателко, кабы не моя голова, тебѣ-бы боле не восстать». Тогда пошли они въ тотъ городъ, изъ котораго за птицой угнались. Приходятъ въ тотъ городъ и стрѣчаетъ ихъ народъ съ честью, съ радостью, и не можутъ ихъ признать, которой зеть—оба одинаки. Тогда Ѳёдоръ Водовичъ поступилъ во свое мѣсто, ко своей жены, ко своему батюшку царю и сталъ въ томъ царсвѣ жить. А Иванъ Водовичъ со своимъ братомъ распростился и поѣхалъ ко своей матушкѣ родимой во свое царсво.

5.

Ѳёдоръ-царевичъ, Иванъ-царевичъ и ихъ оклеветанная мать.

Жилъ былъ царь на ровномъ мѣстѣ, какъ на скатерти. У этого царя было семейсво, слуги, люди робочіе, а онъ самъ былъ холость, не жонатъ. Надѣлъ на себя царь цвѣтно платьё и пошолъ сѣбѣ богосужону невѣсту выбирать. Прошолъ по городу, вышолъ на чистое полё, стоитъ въ чистомъ полѣ домъ; приходитъ къ этому дому, заходитъ, сидятъ въ домѣ три дѣвичи. Богу помолилса и поздоровалса: «Здраствуйте, красные дѣвичи». —Здравствуешь царь, вольной человѣкъ.— Подходитъ къ одной дѣвичѣ. «Дѣвича ты што умѣшь роботать?» —А я умѣю шолкомъ шить.— Другой дѣвичѣ подошолъ: «Што ты умѣшь роботать?» —Я умѣю состряпать-испекчи и сварить.— У третей, подошолъ, спросилъ: «Што ты умѣшь роботáть?» —А я ничего не умѣю роботать, только знаю, хто меня возьмётъ взамужъ, перво брюхорожу, — двухъ сыновъ, одинъ сынъ будетъ полокотъ руки въ золоти, поколѣнъ ноги въ серебри, въ тыли мѣсечъ, по косичамъ часты звѣзды, во лбу сончё; другой — полокотъ руки въ золоти, поколѣнъ ноги въ серебри». Говоритъ царь вольной человѣкъ: «Дѣвича, желашь-ле за меня замужъ вытти?» Говоритъ дѣвича: —За кого же вытти, какъ царь возьметъ.— «Ну, дѣвича, готовся, пріѣду за тобой, буду вѣнчатся». Роспростился и пошолъ домой. Приходитъ домой, коней запрегали, всё направили и поѣхали за дѣвичой. Тогда прикатились къ дѣвичѣ, одѣлась дѣвича, посадили на корету и повезли къ вѣнчу. Тогда обвѣнчали, пировали-панкéтовали и жили нѣсколько времени. Эта чарича стала беременна. Царя спросили въ ино восударсво на совѣтъ. Этотъ царь оставляетъ приказъ: «Кого моя жена родитъ, чтобы мнѣ-ка съ отвѣтомъ были.»

И скоро скажется, долго дѣится.—Царь отправилса, жона у его родила двухъ сыновъ: полокотъ руки въ золотѣ, поколѣнъ ноги въ серебри, въ тыли мѣсечъ, по косичамъ часты звѣзды, во лбу солнчё, другова полокоть руки въ золоти, поколѣнъ ноги въ серебри. Тогда написали письмо и отправили къ царю слугу, приказали слуги: «Ты въ этотъ домъ не заходи, изъ котораго она была взята.» Слуга шолъ, шолъ и прошолъ этотъ мимо

домъ. И сдѣлалась буря-погода, какъ темная ночь стала, и заходитъ въ этотъ домъ, изъ котораго была царица взята. Заходитъ, Богу помолился, съ дѣвичами поздоровался. «Здраствуйте, красные дѣвичи». —Приходи, милости просимъ, слуга царской, куда ты идёшь, куда ты правишся?— «Я иду изъ своего царсва, пошолъ царю, царица родила у насъ двухъ сыновъ, дакъ пошолъ царю съ отвѣтомъ».—Не угодно-ле, восподинъ слуга, тебѣ съ переходу-съ пути въ ба́енкѣ попарится?— «А пожалуй, кабы попарили, дакъ я бы попарился.» Сейчасъ баенку стали топить. Тогда истопили баенку, пошолъ парится, свою сумочку повѣсилъ на спичку. Эти дѣвичи у него изъ сумы выняли царское письмо, которое было царю послано, написали и положили свое: «чарича безъ царя принесла—родила суку, да пса.» Слуга изъ бани вышолъ, надѣлса и пошолъ. Царь письмо получилъ, прочиталъ и головой покачалъ, и спросилъ: «Гдѣ ты былъ-ле дорогой?» —Я былъ въ томъ домѣ, изъ котораго чарича взята. — Это письмо царь у себя оставилъ и свое написалъ: «Кого бы жона не родила, безъ меня не куда не дѣвать.» Положилъ письмо въ сумку и сказалъ: «Больше ты въ тотъ домъ не заходи, иди мимо во свое царство.» Тогда слуга съ царёмъ роспростился и отправился. Идётъ, шолъ, шолъ, идётъ мимо того дому, изъ которого царица взята и проходитъ этотъ домъ. И опеть сдѣлалась буря-погода, накатилась, аки те́мнакая (такъ!). Ходилъ, ходилъ слуга, блудилъ, блудилъ, немогъ пути натти, назадъ къ тому дому пришелъ и думаётъ въ уми: «Мнѣ-ка царь въ этотъ домъ не велѣлъ заходить». Пошолъ, ходилъ и опять къ дому пришолъ. Опять заходитъ, Богу помолился, съ дѣвичами поздоровался: «Здравствуйте, дѣвичи красные». —Приходи, садитесь, отдыхайте вы, съ пути, съ дороги.— Поставили слуги попить, поись, покушати, сталъ слуга наряжатся идти. «Господинъ слуга, попарся въ бани, съ переходу великого и съ тягости, будетъ тебѣ легче идти». На то слуга согласился, истопили баню, изготовили, пошолъ парится, суму опять на спичку повѣсилъ.—Эти опять дѣвичи изъ сумы вынели чарьское письмо, а свое написали: «Кого моя жена родила, къ моему штобы приходу всѣ были у́браны, упра́влены». Выпарилса слуга, надѣлса и отправился во свое царсво. Приходитъ слуга во свое царсво, письмо отдаётъ. Чарича письмо прочитала и слезно проплакала. И спрашиваетъ: «Гдѣ ты былъ по дороги?» —А былъ я въ томъ домѣ, изъ котораго ты взета.—

Говоритъ чарича: «Это все отъ ихъ состоялось». Собирали поповъ и крестили этихъ бладеньчей, одному имя нарекли Иванъ-царевичъ, а другому Ѳёдоръ-царевичъ. И стали думу думать: «Куды-жо эту чаричу съ бладеньчами дѣвать?» и придумали: сдѣлать бочку большую, положить чаричу съ сыномъ, съ Ѳёдоромъ въ эту бочку, спустить въ синёё морё; а Ивана-чаревича за тридевять морей, за тридевять земель, въ тридевятоё чарьсво и въ ино государсьво, страшному чарю, пламенному копью, къ огненному тылу отдали подарками.

Послѣ того царь явился, водворилса во свое восударсво и спрашиваётъ: «Дѣ моя жона и дѣ мои дѣти?» Отвѣщаютъ ему: —Твоя жона спущена въ синё морё въ бочки съ сыномъ Ѳёдоромъ, а сынъ твой Иванъ царю отданъ за тридевять морей, за тридевять земель, въ тридевятое чарство и въ ино государство, страшному чарю. пла́менному копью, къ огненному тылу и отдали подарками.— «Почему такъ дѣлали это дѣло?» Подносятъ ему это письмо, которое слуга поднёсъ: «Вотъ, по вашому приказанью». И спрашивать царь у слуги: «Ты шолъ отъ меня—куды заходилъ?» отвѣчаетъ слуга: —Я заходилъ въ тотъ домъ изъ котораго чарица взята.— «Зачѣмъ ты въ тотъ домъ заходилъ, когда я тебѣ не приказывалъ?» —Я не могъ пути натти.— Взялъ царь слугу сказнилъ. «Тебѣ когда которо не велено, не должо́нъ роботать.» Этотъ царь нѣсколько времени жилъ холостъ, не жонатъ и задумалъ опять женится и тогда взялъ эту дѣвичу изъ того-же дому, котора умѣла шолкомъ шить и живётъ царь съ новой женой.

А эту царичу съ сыномъ съ Ѳёдоромъ носило по морю нѣсколько времени, качало, да валяло и говоритъ сынъ Ѳёдоръ: «Маминька, я слышу насъ больше на валу не качатъ». И выбросило ихъ въ этой бочкѣ на Буянъ-островъ. И говоритъ Ѳёдоръ-царевичъ: «Я маминька ростенусь, розорву бочку, я слышу мы теперь на земли». —О, сынъ Ѳёдоръ, какъ мы на воды? розорвёшь бочку—потонёмъ вѣть?— «Нѣтъ, маминька, слышу на земли». Ростенулса, бочка розорвалась, разлетѣла — а дѣствительнё на земли. Стали они на этомъ острову жить. А на этомъ острову лисичъ, да куничъ довольнё оченно. Ѳёдоръ-царевичъ сдѣлалъ лучёкъ, да стрѣлку, настрѣлялъ лисичъ, да куничъ этой стрѣлкой, сдѣлалъ изъ лисичъ, да куничъ шатёръ себѣ. И видитъ Ѳёдоръ-царевичъ: бѣжатъ изъ за моря купчи съ товарами. Говоритъ своей маминькѣ: «Маминька, маминька, вонъ

купчи бѣжать, я буду имъ махать, да кричать, штобы они взели меня посмотрѣть Русію». —Вотъ, чадо мило, купчи пойдутъ, понесутъ подарки, а ты съ чѣмъ пойдёшь?— «Ничего я и такъ посмотрю и обратно съ имá буду». Была у чаричи вышита ширинка. «На, дитятко, отнеси царю въ подарки». Побѣжалъ Ѳёдоръ-царевичъ край синёго моря, сталъ платочкомъ махать и кричать: «Господа карабельщики! Приворачивайте суда». Карабельщики приворотили, пристали, вышли на берегъ. Приходятъ къ шатру и дивуютця: «Ахъ какой шатёръ прикрасной! мы этуды́ много разъ бывали, а экого чудо не видали». Постоели, посмотрѣли на ихну житель, походятъ на карабъ и побѣгаютъ за синёё морё. Благословилса Ѳёдоръ-царевичъ у своей матери за синёё морё бѣжать и пошолъ на карабъ. Заходятъ они на карабъ, сходни поклали, якори побросали, тонки парусы подымали и побѣгали за синёё морё. Далъ имъ Богъ тишины пособной.

Прибѣжали въ то самое царство изъ которого Ѳёдоръ-царевичъ спущеной. Брали купцы подарки, пошли къ царю. Ѳёдоръ - царевичъ съ нима пошолъ сзади; приходятъ купчи къ чарю, челомъ бьютъ и низко кланеютче и здороваютча; дарятъ купчи чарю подарки всякіе, подходитъ Ѳедоръ-царевичъ, челомъ бьетъ и низко кланется: «Здравствуёшь, царь вольной человѣкъ!» —Здравствуй, доброй молодечъ!— Вынималъ Ѳёдоръ-чаревичъ и́зъ зепи ширинку, дарилъ царю. Царь смотритъ скольки на ширинку, а вдвое - втрое гледитъ на молотца. «Экая ширинка чудесна, молодечъ прекрасной!» Говорятъ купчи: «Царь вольной человѣкъ, прежде мы бѣгали мимо этотъ островъ, мимо Буянъ, не видали ничего. Живётъ этотъ молодечъ съ женщиной и у него изъ лисичъ, изъ куничъ шатёръ сдѣланной, и то чудо, то диво». Чарича и говоритъ: —Это какó чудо, како диво: середи моря есь островъ, на острову есь сóсна, на этой сóснѣ ходитъ бѣлка,—на вершиночку идётъ, пѣсенки поётъ, на комелёкъ идётъ, сказки сказыватъ и старины поётъ. У этой бѣлки на хвосту байна, подъ хвостомъ морё, въ байнѣ вымоишся, въ мори выкупаишся; то утѣха, то забáва.—Ѳёдоръ-царевичъ стоитъ выслушиватъ, на умъ берётъ. Тогда этимъ купчамъ царь далъ распоряженьё: торговать безданно и безпошлинно въ городу.

Скоро скажится, долго дѣится. Продали товары, побѣгать стали за синёё морё. Далъ имъ Богъ ти́шины пособныя. При-

бѣжали къ Буяну-острову, выпускаютъ Ѳёдора-царевича къ маминьки ко своей... (Ѳёдоръ-царевичъ разсказываетъ всё что видѣлъ матери)... «Я какъ маминька ей разѣ буду доставать, эту бѣлочку». —Куда-же дитятко ты будешь ей доставать, положишь меня бѣнну одну жить здѣсь.— «Однако-же дай благословенье, я отвѣдаю ее достать».—Ну Божьё да моё благословенье, дитетко, доставай.— Сдѣлалъ себѣ шлюпку, отправился за синёё морё, переѣхалъ синёё море, переѣхалъ къ острову, шлюпку поставилъ на берегъ и пошолъ искать со́сну. И нашолъ со́сну: стоитъ со́сенка, на со́сенкѣ ходитъ бѣлочка и у этой со́сны проведены струны. Тогда Ѳёдоръ-царевичъ захватилъ со́сну въ охапку, выдернулъ со коренёмъ, сорвалъ всѣ струны и тащи ко своей шлюпкѣ и отправился за синёё морё. Выноситъ на Буянъ-островъ сосенку, выноситъ къ своему шатру и поставилъ сосенку подлѣ шатра; стала сосенка стоѐть и стала на сосенкѣ бѣлоцька ходить. Вотъ утѣха, вотъ забава имъ.

Скоро сказываится, долго дѣится, бѣгутъ опеть корабельщики... (тоже что и прежде, въ первомъ случаѣ происходитъ). ...Сколько здрятъ на шатёръ, вдвое-втрое на бѣлку. Прежде на Буянѣ этого не видали. И простояли, просмотрѣли они тутъ чѣлые сутки. Опеть стали побѣгать, а Ѳёдоръ-царевичъ у матушки благословенье просить побѣгать за синёё морё. Даватъ матушка родима вести въ подарокъ ширинку. Заходятъ на карабъ, побѣжали; прибѣжали, парусы сымаютъ, идутъ къ царю, челомъ бьютъ, низко кланяются, подарки дарятъ; челомъ бьётъ, низко кланяется и Ѳёдоръ-царевичъ, даритъ царю ширинку. Смотритъ царь и дивуится: «Охъ кака ширинка». —А вотъ царь, вольной человѣкъ, прежде мы бѣгали мимо этотъ островъ Буянъ, не видывали ничего. Живётъ этотъ молодечъ съ женщиной и у него изъ лисичъ, изъ куничъ шатёръ сдѣланной; есь сосенка, на этой сосенкѣ ходитъ бѣлка, на вершиночку идётъ пѣсенки поётъ, на комелёкъ идётъ, сказки сказыватъ и старины поётъ. Ходитъ чарича по полу и говоритъ: —Это кака утѣха, это кака забава? есь утѣха-забава: есь за тридевять земель, за тридевять морей, у страшного царя, у пламенного копья огненного тыла, есь у него слуга—по колѣнъ ноги въ серебри, полокотъ руки въ золоти, въ тылу мѣсечъ, по косичамъ часты звѣзды. Вотъ то́ утѣха, то́ забава.— Ѳёдоръ царевичъ выслушиватъ ихны разговоры. Тогда купчамъ царь далъ дозволъ торговать безданно безпошлинно въ городу. И назадъ стали побѣ-

гать. Прибѣжали къ Буяну-острову, выпускаютъ Ѳёдора-царевича къ маминьки ко своей. (Ѳедоръ-царевичъ разсказываетъ царицѣ, что слышалъ у царя). Говоритъ на то матушка родима: «То-бы, дитетко, твой братъ, да гдѣ жо его возьмёшь?» —А когда мой братъ, дай мнѣ благословенье, я поѣду его добывать.— «Гдѣ же тебѣ брата добыть? Отъ страшнаго царя нехто не пришолъ, неприѣхалъ суды». —Однакоже я поѣду.— «Божьё, да моё, дитетко, благословенье, поѣзжай». Роспростился, пошолъ по Вуяну острову пѣшкомъ.

Скоро скажется, долго дѣится. Близко-ле, далёко-ле, низко-ле, высоко-ле, дошолъ—два молодца дерутця. Кричитъ имъ: —Ей молодцы, надъ чѣмъ деритéсь, перестать надо». Молодцы перестали, отвѣчаютъ: —Дѣлили мы дѣвичу, да ковёръ-самолётъ.— «Давай, ужо постойте, я васъ раздѣлю». Взялъ Ѳёдоръ-царевичъ, сдѣлалъ лучёкъ, да стрѣлку. «Я эту стрѣлку стрѣлю, вы бѣжите, которой переди прибѣжитъ, стрѣлку хватитъ, тому дѣвича». Выстрѣлилъ стрѣлку, полетѣла стрѣлка выше лѣсу тéмнаго; заворотили головы, полетѣли за стрѣлкой сзади. Тогда Ѳёдоръ-царевичъ развернулъ этотъ ковёръ, садился на ковёръ, взялъ дѣвичу и полетѣлъ. Ковёръ перелетѣлъ за синёё морё, недалеко отъ страшного царя царевичъ опустился на чистое полё, ко ракитову кусту. Завернулъ ковёръ, посадилъ дѣвичу: «Сиди, дѣвича, пока я не обвернусь». Самъ пошолъ въ то царство, къ страшному царю. Приходитъ къ этому городу, позагороду живётъ бабушка-задворенка въ маленькой избушечкѣ. Зашолъ, Богу помолился. «Здравствуй, богоданная матушка!» —Здраствуй, дитетко, Ѳёдоръ-царевичъ, куды ты направился? Каки тебя вѣтры суды забросили?— «Есь здѣсь у страшнаго царя, у пламенного тыла, бутто-де мой братъ, Иванъ-царевичъ». —Есь дитетко, Иванъ-царевичъ сейчасъ прибѣжитъ ко мнѣ кашку хлѣбать.— «Я хочу его отъ страшного царя отобрать, съ собой увезти».— Гдѣ же тебѣ дитятко увезти, не хто отсуда назадъ не выѣзживатъ.— Тогда говоритъ Ѳёдоръ-царевичъ. «Бабушка, богоданная матушка, помоги мнѣ отсель брата увести, я тебѣ сдѣлаю колыбелю, буду тебѣ въ колыбелю колыбыть и паче отча и матери почитать». Говоритъ бабушка: —Какъ же ты суды прибылъ?— «Я прибылъ бабушка, у меня есь ковёръ самолетъ». Говоритъ бабушка: —Давай, дитятко, отвѣдамъ, да только отъ страшного царя едвали намъ утти и уѣхать.— Немного время прошло, забѣжалъ къ бабушкѣ Иванъ-

царевичъ кашку хлѣбать. Отъ этого зей зеетъ и лучи мечутъ, у бабушки стало свѣтло и хорошо, какъ въ царсвѣ. Говоритъ Ѳёдоръ-царевичъ: «Здравствуй, брателко, Иванъ-царевичъ!» Говоритъ Иванъ-царевичъ: —Здравствуй, Ѳёдоръ-царевичъ! —Говоритъ бабушка задворенка: «Нарежайтесь поскоре, отвѣдамте».

Стали скоро нарежатися, скоре того сподоблетися. Берётъ бабушка съ собой щётку, кремешокъ и плашечку-огнивчо. Тогда и побѣгали скоро во чисто полё, ко ковру. Прибѣгаютъ, Ѳёдоръ-царевичъ развертыватъ ковёръ, садитчя на ковёръ, садитчя Иванъ царевичъ, садитчя бабушка-задворенка и садитчя дѣвича. Ѳёдоръ-царевичъ ковру приговариватъ: «Подымайся ковёръ повыше лѣсу темнаго, и лѣти коверъ куды я велю». Сидитъ бабушка-старушка назади ковра, припадыватъ ухомъ правымъ. «О, дѣтушки, близко пóгона, гонитца страшной царь, обожгётъ, опалитъ насъ всѣхъ». Бросила на землю щетку: «Быть лѣсъ темной, отъ востоку и до западу, штобы страшному царю не протти, не проѣхать». Сдѣлалса лѣсъ темной. Царь страшной нагонилъ и сталъ бить и сталъ ломать лѣсъ темной, сѣкчи и рубить, попадать и пробилса этотъ лѣсъ и опять настигатъ близко. Опять бабушка припала: «О, дѣтки, близко страшной царь, обожгётъ, опалитъ насъ всѣхъ». Бросатъ кремешокъ: «Быть стѣна каменна, отъ востока и до запада, штобы страшному царю не протти, не проѣхать». Востала стѣна каменна отъ востока и до запада. И страшной царь нагонилъ, началъ ей ломать, разбивать. Ломалъ да, разбивалъ да, ломалъ да, разбивалъ да, пробился совсѣмъ войскимъ своимъ. Опеть гонится за имá въ сугонъ; припадатъ бабушка третей разъ ухомъ правымъ. «О, дѣтушки, близко страшной царь, обожётъ, опалитъ насъ всѣхъ». Бросатъ плашечку на землю: «Протеки рѣка огненна, отъ востока и до западу, и до синяго моря, штобы всё войско царя страшного обожгало и попалило». Протекла рѣка огненна. Нагонилъ страшной царь,—котора сила въ рѣку бросится, та и сгоритъ, котора бросится, та и сгоритъ. Тогда страшной царь рѣки устрашился и назадъ воротился. (Старушки ужъ напрутця на чо, дакъ какъ не сдѣлаютъ тихонько). Тогда Ѳёдоръ-царевичъ летѣлъ, летѣлъ до своей матушки родимой и опустился на землю на коврѣ. Встрѣчаетъ ихъ маминька съ чесью и срадостью, и весьма весела стала. Живутъ они въ радостяхъ и весельи и царича почитатъ эту бабушку паче своей матери родимой. И видитъ Ѳёдоръ-царевичъ опеть бѣжатъ изъ

за́моря карабли. Говоритъ Ѳёдоръ-царевичъ... (Повторяется тоже самое: купцы ѣдутъ къ царю-отцу и разсказываютъ ему о Иванѣ-царевичѣ) ...А этой царицѣ больше дѣлать нечего, этотъ царь думаетъ: «Давай я нарежу карабъ, побѣгу, посмотрю што таки за люди». Купцы поторговали и уѣхали и Ѳёдоръ-царевичъ съ ними. Царь вольной человѣкъ снарядилъ карабъ и побѣжалъ за синёё морё. Купцы выпустили Ѳёдора-царевича. «Что видалъ, что слыхалъ?» Говоритъ Ѳёдоръ-царевичъ:—Я пришолъ маминька... (Слѣдуетъ разсказъ, что было)... Онъ прибудётъ маминька скоро суды.—«Ну, ладно, дѣточки, прибудётъ дакъ и подождёмъ». И видятъ изъ за моря бѣжитъ карабъ, прибѣгаетъ ко Буяну-острову, и становится въ ихну га́лань; парусы снели, якори побросали, сходенки поклали. Выходитъ царь вольной человѣкъ и подходитъ къ этому ко шатру. Пришолъ ко шатру, челомъ бьётъ и низко кланятся. «Здравствуйте, добры люди!» Всѣ ему отвѣчаютъ и кланеются: —Здраствуйте, царь вольной человѣкъ.— И сколько царь здритъ на шатёръ, вдвое на бѣлку, а втрое на Ивана-царевича и дивуется: «Откуль, вы люди, откуль взелись, какъ здѣсь помѣстились?» Отвечаетъ ему чарица:—Я была чарска жена, да спущена была въ бочкѣ въ синёё морё, меня сюды выбросило, а этой мой-же сынъ Иванъ-царевичъ, онъ былъ у страшнаго царя, пламенному копья, у огненнаго тыла подарками подаренъ». Тогда царь говоритъ: «Ты дѣйствительнё, моя жена такъ-ту дакъ, а эти мои дѣти! Давай, собирайся, повезу васъ во свое царсво». Собирались, сподоблялись, зашли на корабъ, далъ Богъ тишины, побѣжали за синёё морё. Тогда прибѣгаютъ, парусы сняли, пошли домой царю. Этотъ царь людей собралъ и новую жену посадилъ на ворота да растрѣлялъ, а дѣвичу Ѳёдоръ-царевичъ за себя замужъ взялъ.

6.

Горчёвъ, Полякъ и невѣрная жена.

Жилъ былъ Герчёвъ, жилъ на одинкѣ, задумалъ ѣхать по синему морю за охотой, пострѣлеть гусей и лебедей. Къ ему пріѣхалъ въ гости Полякъ и тогда жена стрѣтила его съ честью, съ радостью, и поила и честила, и пировали, панке́товали,

и здѣлали они любовь тѣлесну. Полякъ нагостился, напировался, позабавился всячиной и задумалъ ѣхать во своѐ мѣсто. Горчёва жена не стала отъ Поляка оставатся. Нарядилась и уѣхала съ Полякомъ, Горчёва бросила.

Пріѣхалъ Горчёвъ и кричитъ: «Зачѣмъ-жо не встрѣчатъ жона?» Выходитъ служанка и разсказываетъ. Горчёвъ мечётъ гусей, лебедей: «Если мнѣ своей женой попустится, всякъ назовётъ меня потеряй-жена». Погонилъ въ сугонъ, догналъ Поляка съ молодой женой, обгонилъ Поляка, поворотилъ коня встрѣчу. Полякъ жену снялъ, стали бится они и дратся. И бились, дрались, соскочили со добрыхъ коней, схватились въ рукопашку. Горчёва жона стоитъ въ чистомъ поли, никому не помогаетъ. Чуетъ Горчёвъ, что силы мало стало, змолилса женѣ: «Помоги мнѣ, молода жена». И полякъ говоритъ: «Помоги мнѣ, будешь ты у меня жить барыной». Стала жена помогать Поляку. Избили Горчёва, Полякъ и сплылъ на его бѣлы-груди. Тогда у Горчёва былъ въ карманѣ перочинной ножикъ. И далъ ему Господь ума, вынелъ ножикъ, прокололъ съ исподи у Поляка бѣлы груди. Свалилъ Поляка съ бѣлыхъ грудей и придалъ злой лютой смерти. Вставатъ Горчёвъ на рѣзвые ноги, говоритъ своей молодой жены: «Слава Богу, хозяйка, Господь пособилъ непріятеля побѣдить». Поймалъ коня. «Садись хозеюшка, поѣдемъ домой». Сѣли и пріѣхали домой.

Съ хозяйкой живётъ, какъ-будто ничего не бывало, не бьётъ, не тиранитъ. На утро стали и говоритъ: «Строй ты, хозеюшка кушанье, я поѣду людей собирать на пиръ». Поѣхалъ собирать людей и позвалъ и батюшку, и матушку женина. Потомъ народъ съѣхались и пировать стали. «Кто-бы каки бесѣды сказалъ?» Всѣ отперлись, онъ и говоритъ: «Ну я скажу бывальшину». —Давай, сказывай, сказывай, послушамъ.— Онъ началъ: «Вотъ въ родѣ, какъ я: жилъ, былъ молодецъ, жилъ на одинкѣ... (разсказалъ исторію, въ которой описалъ, что было съ нимъ) ...что бы вы сдѣлали?» Говоритъ отецъ: «Я бы взялъ пишталетъ, да застрѣлилъ». Горчёвъ взялъ пишталетъ, жена входитъ съ кушаньёмъ, онъ въ ей и выпустилъ, та пала, ее какъ небывало. «А вѣдь это со мной было». —Ну, што заслужила, то и получила.—

- - - - -

7.

Царь и Черепанъ.

Бывало попъ, да царь, да бояринъ, собрались въ одинъ ликъ (похожи другъ на дружка) и надѣли одинакое платьё на себя, и пошли прохаживатця. И тогда розговоръ промежу себя ведутъ. Царь спрашиватъ: «Что на земли всего дороже?» Отвѣчаетъ попъ: —На земли тó всего дороже, у кого жена хорóша.— Говоритъ царь: «А, баринъ, ты, што скажешь?» —Тó всего дороже, у кого денегъ много.— «А я считаю тó всего дороже, говоритъ царь, у кого ума вного». Тогда идутъ впередъ опять. на стрѣчу ѣдётъ имъ черепанъ съ горшками. Царь и говоритъ: «Черепанъ, провези насъ, изъянъ покроется». Сталъ черепанъ горшки складывать, сложилъ, оборотилъ лошадь. «Садитесь». Сѣли на сани. Ѣхалъ, ѣхалъ, зашла кобыла въ лужоцьку, стеть стала. Черепанъ ухватилъ плеть и стегатъ. «Ахъ, ты кобыла! дика, какъ государь!» Кобыла выстелась и опять пошла; Поѣхали, спрашиватъ государь: «Что, черепанъ, развѣ государь-отъ у насъ дикъ?» —А какъ государь не дикъ: у бояръ полны погреба денегъ лежатъ, да всё ихъ жалуётъ, а у нужного, у бѣдного съ зубовъ кожу дерётъ, да всё подать берётъ. —«Черепанъ, есь люди, которы говорятъ: тó дороже всего, у кого жона хорóша?» —А это, надо быть, попъ либо старецъ: ти до хорошихъ жонъ добираются.—Царь опять спрашиватъ: «Есь люди, говорятъ: тó всего дороже, у кого денёгъ много?» —А то, говоритъ, бееринъ или боерской сынъ, они толстобрюхіе до денёгъ лакомы.—Опять царь спрашиватъ: «Есь люди, которы говорятъ: тó всего дороже, у кого ума много?»—А то царь, либо царской сынъ, это онѣ до большого ума добираются.— Доѣхали въ городъ и заставили лошадь одержáть. Тогда ставали всѣ трое съ саней и благодарили черепана за провозъ, и говоритъ царь: «Поѣжжай, черепанъ, по горшки и вези въ городъ, завтра горшки будутъ дóроги, да не ошибайся, проси дороже». Черепанъ привёзъ горшки въ городъ, а царь сдѣлалъ пиръ на весь миръ и приказалъ всѣмъ гостямъ по горшку въ подарокъ нести. Народъ бѣжитъ къ царю на пиръ, а къ черепану приворачиватъ за горшкомъ. Продавалъ сначала по пять, потомъ по десять рублей, дошло по петьдесятъ, а потомъ по

сту рублей, и все купятъ. Дотуль допокупали, одинъ горшокъ остался. Ладитъ самъ итти, подарками нести. Главной бояринъ бѣжитъ царю на пиръ и приворачиватъ черепану за горшкомъ. «Продай горшка». —Не осуди, нѣтъ болѣ, одинъ есть да себѣ надо.— «Сдѣлай милость, уступи, я первой бояринъ».—Я, пожалуй, уступлю, только сдѣлай по моему: я въ горшокъ насерю, съѣшь—горшокъ твой. «Дай, высерись, я отвѣдаю, не могу-ле съись». Черепанъ пострaлъ, понастралъ при́полна. Съѣлъ бояринъ. Всѣ собрались, а черепана нѣтъ. Приходитъ и черепанъ на пиръ. «Какъ-же ты, черепанъ, сколько въ тебѣ скупости, пожалѣлъ горшка принести, а привёзъ возъ цѣлой». —Помилуйте, ваше царское величество! былъ самой лучшой, бояринъ отбилъ,—мечъ вашъ, а голова моя.—«Да ты за этотъ горшокъ множество денегъ взялъ?»—Помилуйте, ваше царское величество, не взялъ.—«Да какъ-ино, ты за што отдалъ? —Да недаромъ-же отдалъ, а сказать нельзя.— «Скажи».—За то́ отдалъ, што мой соръ съѣлъ.—«Узнашь-ле?» —Посмотрю, дакъ найду.—Посмотрѣлъ и увидѣлъ его въ переднёмъ углу, самой главнѣйшой бояринъ. «Ну, уколи, скажи которой». Онъ и укололъ (показалъ пальцемъ). Призываетъ царь боярина къ себѣ. «Ты-ле у черепана горшокъ за соръ купилъ?» —Я царское величество.— «И съѣлъ».— Съѣлъ.— «Почему-же ты соръ съѣлъ?» —Потому, что я безъ горшка не смѣлъ явится къ вамъ.— «Да мнѣ развѣ горшка надобно было? мнѣ надобно было черепана деньгами надѣлить. Не было горшка, дакъ и такъ-бы пришолъ. А ты теперь всю посуду исскверниль и всѣхъ людей осквернилъ». Взялъ царь, посадилъ боярина на вороты и растрѣлялъ.

2. Вокуевъ, Анисимъ Өедоровичъ.

Анисимъ-слѣпой живетъ въ дер. Уегъ, въ 25 верстахъ отъ центра Печоры—Устьцыльмы. Анисимъ интересенъ не только какъ сказатель старинъ и сказочникъ, но и просто, какъ типъ сѣверно-русскаго крестьянина вообще. Являлся Анисимъ въ мою пустую отводную квартиру убогимъ человѣкомъ, осторожно вышагивающимъ по длиннымъ улицамъ Устьцыльмы за малышомъ 12-ти лѣтъ, ведомый за палку. Придетъ онъ, сядетъ на полъ, упершись спиной о стѣну, вытянетъ ноги, непремѣнно захватитъ что нибудь въ руки, хоть подолъ рубахи и заговоритъ. Заговоритъ спокойно, нисколько не напрягая голосъ, и стекла зазвенятъ въ рамахъ, такъ можно сказать ужасенъ его голосъ. Басъ чистый, высокій и до того громкій, что просто удивляешься, что исходитъ онъ изъ старческой груди.

Анисиму уже 70 лѣтъ; волосы длинными прядями падаютъ на его крутой лобъ, на уши, на затылокъ, а длинная борода закрываетъ полгруди. И волосы Анисима сѣды, а здоровье у него все еще воловье, щеки налиты, какъ яблоки и пылаютъ румянцемъ, какъ у молодого. Разговаривая съ Анисимомъ, забываешь про его убожество—слѣпоту; такъ бодро онъ держится, такъ увѣренно говоритъ, что чувствуется, что и самому Анисиму его несчастье, какъ будто, только немного мѣшаетъ. Энергиченъ Анисимъ и подвиженъ удивительно.

Начать съ того хотя-бы, что явился этотъ слѣпецъ въ Устьцыльмѣ, гдѣ я пережидалъ въ ту весну распуту, тогда, когда еще никто не думалъ двигаться съ мѣста. Печора

только что тронулась, ледъ сплошной массой плылъ въ океанъ внизъ по рѣкѣ, а Анисимъ съ нанятыми имъ двумя гребцами въ лодкѣ, то затопленными лугами и лѣсомъ, то лавируя между льдовъ, пробрался вверхъ по рѣкѣ, цѣлыхъ 25 верстъ, изъ своего родного Уега. Онъ торопился: въ Устьцыльмѣ ждало его какое-то таинственное дѣло.

Проживя на свѣтѣ слѣпымъ 60 лѣтъ—ослѣпъ Анисимъ лѣтъ 12-ти—онъ женился. У него 10 человѣкъ дѣтей, онъ нажилъ домъ, сталъ зажиточнымъ человѣкомъ въ деревнѣ. Анисимъ, убогій человѣкъ, главенствовалъ всю жизнь не только дома, въ семьѣ, но и въ деревнѣ, въ своемъ сельскомъ обществѣ. И однообщественники слушаютъ Анисима не только за его громовый голосъ или зажиточность, но и за его умъ, находчивость, большую практическую сметку. Анисимъ, дѣйствительно уменъ, обладаетъ большимъ здравымъ смысломъ и какой-то просто невѣроятной памятью.

Когда-то, лѣтъ 50 назадъ, слышалъ Анисимъ въ чтеніи полемическія старообрядческія книги, впиталъ изъ нихъ существеннѣйшее,—и вотъ онъ защитникъ старой вѣры. Когда православный миссіонеръ устраиваетъ бесѣду со старообрядцами, Анисимъ, ведомый по улицѣ сынишкой за палку, смѣло является въ отводную избу состязаться за вѣру, и часто своей широкой глоткой и насмѣшками гонитъ противника съ поля словесной битвы.

Какими-то путями Анисимъ познакомился съ нѣкоторыми статьями закона,—и вотъ онъ адвокатъ. По одному дѣлу хлопотать за кого-то явился Анисимъ и въ тотъ разъ, въ лодкѣ съ двумя гребцами, плывя среди несущихся стремительно льдовъ могучей рѣчки. Разсказывали также мнѣ, что первый богачъ въ Устьцыльмѣ посылалъ Анисима за 300 верстъ отъ Печоры, къ зырянамъ на рѣку Вашку, хлопотать по какому-то такому мудреному дѣлу, что отъ него отказался мѣстное юридическое свѣтило—волостной писарь. Анисимъ разспросилъ подробно, подумалъ и согласился съѣздить. Поѣхалъ, выжилъ у зырянъ двѣ недѣли и выигралъ дѣло.

Памяти Анисима я обязанъ тѣмъ, что списалъ у него нѣсколько былинъ въ прекрасныхъ варіантахъ, спѣтыхъ прямо-таки художественно, безъ единой лишней строчки

и слова. Прекрасно знаетъ Анисимъ и сказки и также артистически ихъ разсказываетъ. Къ величайшему сожалѣнію, жилъ Анисимъ въ Устьцыльмѣ не долго, все время занятъ былъ дѣломъ, могъ отрываться для меня урывками и я не много списалъ у него былинъ и еще меньше сказокъ. Знаетъ онъ ихъ, конечно, несравненно больше того, чѣмъ успѣлъ расказать мнѣ. Поетъ Анисимъ и пѣсни и знаетъ ихъ множество; кое-что изъ своего пѣсеннаго репертуара Анисимъ спѣлъ мнѣ, и пѣлъ онъ пѣсни преимущественно такія, что онѣ какъ-то совсѣмъ не вяжутся ни съ его дѣловитостью и серьозностью, ни съ тѣмъ, что онъ убѣжденный старообрядецъ и уже въ такихъ годахъ, когда его ровесники уже думаютъ о «прекрасной матери пустынѣ».

Ад. 104 а, d, c.

8.

Иванъ-царевичъ въ подземномъ царствѣ.

Зачиналася, починалася славная сказка, повѣсь. Не́ въ какомъ царсвѣ, не́ въ какомъ государствѣ, а именно въ томъ, гдѣ и мы живёмъ, на ровномъ мѣстѣ, какъ на скатерти, жилъ былъ царь вольной человѣкъ. Этотъ царь былъ слѣпой. У царя были три́ сына: Ѳёдоръ-царевичъ, Василей-царевичъ и Иванъ-царевичъ: лежитъ на печькѣ на муравленкѣ, въ сажѣ да сопляхъ запатралса. Вотъ Ѳёдоръ-царевичъ и сталъ говорить отцу: «Вотъ ты, отечъ, живёшь слѣпой, дай мнѣ коня доброго, сто рублей денёгъ и благословленьё, я поѣду въ иностранные земли искать глазну́ю воду́ и живую воду́ и мёртвую воду́.» Царь далъ ему сто рублей денёгъ, коня добраго и благословилъ, тотъ и поѣхалъ. Ѣхалъ близко-ле, далёко, низко-ле, высоко, не такъ скоро дѣло дѣлаитци, какъ сказка сказываетця. Доѣхалъ Ѳёдоръ-царевичъ до ростаней широкихъ: одна дорога ѣхать — конь сытъ, самъ будёшь голодёнъ, другая дорога — самъ сытъ, конь голодёнъ, а третья дорога — живому не быть. Думалъ, думалъ, поѣхалъ гдѣ самому голодному. Ѣхалъ, ѣхалъ доѣхалъ до двора — домъ стоитъ превеличающей, городомъ назвать, дакъ малъ добре́, а теремомъ назвать, дакъ великъ добре́. Выскочили изъ этого двора-дому три дѣвичи. «Ай, Ѳё-

доръ-царевичъ, къ намъ заходи-ко, твой-отъ батюшко бывалъ, квасу пивалъ, хлѣба-соли ѣдалъ». Сейчасъ коня подхватили, насыпали коню овсу, пшоны бѣлояровой; завели его къ себѣ въ домъ, сѣлъ за столъ, чаемъ напоили. «Ну—говорятъ—не угодно-ле со мной въ тёплу лежню, позабавится».— Можно.— Увела, привела ко кровати. «Ну, давай, Ѳёдоръ-царевичъ, ложись на кровать». Ѳёдоръ-царевичъ на кровать лёкъ, вдругъ и у́рнулъ, полетѣлъ въ погребъ сорокъ сажонъ: кровать была съ подлогомъ. Въ погребу есть ужъ много молодцовъ, спрашиваютъ: «Хто такой ты есть?» — А я такой-то, Ѳёдоръ-царевичъ. — Вотъ хорошо,—имъ-та и пища: бросятъ соломки, полъ вымоютъ, воды ульютъ, та и пи́ща. Хорошо.

Этотъ царь съ мѣсяцъ времени дожидалъ сына, не могъ дождать, въ печаль вдалса. Другой братъ Василей-царевичъ тоже сталъ просится и ему царь далъ сто рублей денегъ... (и пр. и пр... Опять въ туже дорогу поѣхалъ и съ нимъ тоже случилось)... Иванъ-царевичъ съ печи сталъ, умылса, сопли утёръ, сталъ просить у отца благословленія, живу воду, мимо и братьевъ искать. Царь его уговаривалъ. «Куда ты, дитя, тѣ уѣхали—пропали, ты уѣдёшь, у меня государство должно нарушится».— Любезной батюшко, дашь благословленье пойду и не дашь пойду. —Далъ царь благословенье и сто рублей денегъ и хорошого коня. Вотъ Иванъ сѣлъ на коня и поѣхалъ и до тѣхъ-же ростаней доѣхалъ. Думалъ, думалъ и поѣхалъ гдѣ живому́ не быть. Ѣхалъ, ѣхалъ, ѣхалъ ба́шъ день, ли́бы два и доѣхалъ, стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, объ одномъ окошкѣ, на сыромъ говёшки, и вкругъ вертится. Говоритъ Иванъ-царевичъ: «осто́йся избушка къ лѣсу глазами, ко мнѣ воротами». Избушка остановилась. Изъ избушки выскочила баба-яга костяна нога, жопа жилена, м.... мылена. «Охъ, говоритъ, здраствуешь, Иванъ-царевичъ, въ нашу сторону, въ нашо мѣсто воронъ руськой кости не занашивалъ, а Иванъ-царевичъ прибылъ». Взяла у Ивана-царевича коня, поставила къ овсу и сѣну, которо хошь ѣшь, само́го завела въ избушку. Сейчасъ пёрнула, столъ поддёрнула, бзнула, штей плеснула, жопой потресла и блиновъ нанесла, накормила, напоила и спать повалила, и стала вѣстей спрашивать. «Иванъ-царевичъ, куда-жо ты поѣхалъ, волей али неволёй?» —Бабушка, богоданная матушка, скольки волей, а друга́стольки неволей, и пѣшой на охвоту, пуще бываетъ неволи; поѣхалъ я живу воду

и мёртву и братьёвъ искать.—«Братья твои здѣсь не бывали, а жива вода и мёртва и глазна есь по этой дороги, тольки она подъ крѣпкимъ караулом: струны подведёны и колокола завязаны, а караулитъ страгія - царь-дѣвица золотая грудь. Ну, ланно, утро мудро, мудренѣ вечера бываетъ». Проспалъ Иванъ-царевичъ до утра. Утромъ баба-яга печьку истопила, кашку наварила и блинковъ напекла, накормила, напоила и вышла съ нимъ на уличу и скрычала громкіимъ голосомъ: «Сивко-бурко, доброй конь-воронко, явись передо мной, какъ лисъ передъ травой». Прибѣжалъ сивой конь, баба-яга писемчо написала, коню въ ушко запихала. «Садись, Иванъ-царевичъ, на моего коня, а твой пускай отдыхатъ, тамъ дальше живётъ друга сестра, къ вечеру къ ей доѣдешь». Сѣлъ на коня и поѣхалъ; ѣхалъ съ утра день до вечера, вечеръ вечераитце, езыкъ почасываитце и на езыкѣ вода остаиваитце, ему ись похачиваитце, ись нечего; доѣхалъ онъ до избушки. Стоитъ избушка (и пр., вторая баба-яга къ уху припала, письмо прочитала: — Ахъ! и пр. Также точно поѣхалъ и къ третьей сестрѣ, а отъ нея до города. Третья баба-яга на коня посадила и наказываетъ:) «Доѣдешь ты въ эти часы до мѣста, конь перескочитъ струны, тогда въ этомъ колодцѣ жива вода, въ другомъ мёртва, въ третьёмъ глазна вода». Вотъ пріѣхалъ, прижалъ коня шпоромъ, скочилъ, струны не задѣлъ. А въ то время страгія-царь-дѣвица золотая грудь заспала; она размахалась, разботалась и до грудей заголилась. Онъ вперёдъ прошолъ, ей не задѣлъ. начерпалъ воды изъ того колодца, изъ другого, изъ третьёго, свои сосуды наполнилъ и положилъ въ кису, а себѣ маленьки пузырьки изо всѣхъ-же изъ трехъ колодцовъ взялъ и въ корманъ положилъ и назадъ оборотился. Царь-дѣвица всё такъ спитъ. Ивану-царевичу придумалось съ ей любовь сотворить. Вотъ на ей напахнулъ и любовь сотворилъ и она всё спитъ, не услышала. Вотъ онъ отробилъ ей, оправился и пошолъ ’коню, сѣлъ и прижалъ шпорами. Конь скочилъ. копытомъ струну и задѣлъ. Сейчасъ-же струны забили и колокола зазвонили. «Ба! хватай, имай удалого вора!» Эта страгіи-царь-дѣвица прохватилась. «Ахъ, невѣжа, пріѣжжалъ, да въ моемъ колодчѣ своего коня напоилъ». Закрычала громкимъ голосомъ, чтобы подтащили ей корету и тройку лошадей». Подпрегли, въ корету сѣла и потащились въ сугонъ.

Этотъ-же Иванъ-царевичъ пригонилъ къ ягѣ-бабы и не удалось ему не попить, не поись, на бурого коня сѣлъ и едва изъ

виду угонилъ, а царь-дѣвица нагонила, спрашиватъ: «Не видала-ле Ивана-царевича».— Видала, онъ ѣхалъ когда я жито жала. А неугодно-ле тебѣ баенка истопить?— «Какъ-бы не надо баенка, меня натресло». Затопила, не бздитъ, не горитъ, одинъ дымъ валитъ. Вотъ страгія-царь-дѣвица побѣжала сама смотрѣть, скоро-ле байна поспѣетъ: «Охъ, старая чертовка, ты меня заманивашь». Сейчасъ велѣла запрекчи и снова поѣхала. Вотъ погонила въ сугонъ. Иванъ-же-царевичъ ко второй бабы-яги пригонилъ, гдѣ сивой конь оставленъ. Сѣлъ на сивого коня, изъ виду такъ скрылса, она и нагонила. Пригонила ко второй сестры и спрашиватъ у ей: «Давно-ле Иванъ-Царевичъ проѣжжалъ»....
— А тогда проѣжжалъ, когда я рѣпу рвала. — «Охъ давно».— Неугодно-ле тебѣ баенка истопить.— «Да какъ-бы не угодно, давай истопи, не скорѣ-ле у тебя помоюсь». Вотъ та побѣжала затопила тѣмъ-же порядкомъ, и пр....

А Иванъ-царевичъ гонилъ, гонилъ, до своего коня догонилъ, да и опеть—былъ да нѣтъ. Какъ-ле онъ на своё мѣсто утенулса, укрылса, она опять нагонила... «Неугодно-ле тебѣ, баенка?» и пр..... баба-яга дровецъ сухихъ наколола, а сама намётыватъ часто, чтобы долѣ ихъ доспѣть; вотъ страгіи-царь-дѣвица побѣжала—ей пондравилось, что это скоро истопитче. Дождала баню, пошла и попарилась. Попила, поѣла и въ угóнъ погонила. А этотъ-же Иванъ-царевичъ догонилъ до ростаней, да въ ту дорогу и свернулъ, гдѣ голодному быть. А царь-дѣвица догонила до ростаней и незнатъ куды гонить, оттуль и назадъ поѣхала.

А этотъ Иванъ-царевичъ догонилъ до дому, гдѣ братья стрѣщены и видитъ: кони братнины стоятъ. Выскочили и дѣвицы. «Ахъ, Иванъ-царевичъ, твои братья у насъ были, хлѣба-соли ѣли, чай пили, милости просимъ тебя». Вотъ Иванъ-царевичъ и пошелъ къ имъ въ домъ и видитъ: шапки братнины на спичахъ висятъ и думаетъ: «Ахъ, сдѣсь однако неладитчя». Вотъ его за столъ посадили, чаемъ напоили, а онъ таки смѣкать сталъ. Стала говорить одна дѣвица: «Неугодно-ли со мной позабавитчя».— Можно.— Сейчасъ взяла его за руку, повела въ спальню, къ той-же кровати. «Давай, ложись». А Иванъ-царевичъ.—Нѣтъ, впереди молодой дѣвки не ложатчя, должна наперёдъ дѣвка лекчи.— Дѣвка упираетчя, не ложитчя, онъ взялъ ей, да на кровать и бросилъ, она сейчасъ и полетѣла, пала въ погребъ. Народъ закричали. «Хто такой палъ».

—Я, здѣшня хозяйка-дѣвка, пала, какъ-то пріѣхалъ Иванъ-царевичъ, да меня спихнулъ.—Узнали хто, хватали за руку — руку оторвали, хто за ногу — ногу оторвали, хто зá голову — голову оторвали. Иванъ-царевичъ выскочилъ къ сестрамъ, стоптáлъ въ полъ: «Добывайте брáтьей, а нѣтъ, дакъ я у васъ головы отсѣку!» Вотъ дѣвки пошли на улечь, взяли копарéги, зачали пóдкопъ дѣлать. Пóдкопъ выкопали, вышло изъ погребу сорокъ молодцовъ. Этихъ дѣвокъ успокоили, подписки съ нихъ взели, штобы они проѣжжихъ кормили-поили, дорогу указывали, а оммануну недѣлали, а если будете, головы отсѣкёмъ, и домъ весь распустошимъ этта. Дѣвки дали имъ подписки. Лошадей взяли молодцы и поѣхали, а этотъ Иванъ-царевичъ со своими братьями поѣхалъ обратно къ ростанямъ. Братьямъ ѣдётъ и сказыватъ: «Я досталъ живу воду и мёртву и глазну, застанёмъ-нѣтъ отча живого».

Пріѣхали къ растанямъ, Ивану-царевичу тежело стало, захотѣлось ему отдохнуть, говоритъ братьямъ: «Похраните коня, а я легу, усну». Лёгъ и заспалъ, а братья направили стегú и начели камень выворачивать; выворотили камень, а тамъ пóдъ землю дыра, прóпасъ; взели Ивана-царевича сонного въ пропась и спустили, а камнемъ назадъ пропась не запружили. Коня да кису взели и уѣхали, сказали отцу: «Коня нашли, а брата не могли натти».

Шейчасъ Иванъ-царевичъ летѣлъ, летѣлъ и палъ нá землю, въ подземельно царсво; палъ и прохватилса, сталъ смотрѣть—тьма, не винно свѣту, тольки слышитъ, что вода шульчитъ, рýчей бѣжитъ. Онъ припалъ къ ручью, пошшупалъ рукой, куда ручей бѣжитъ, по ручью и пошолъ; шолъ, шолъ сталъ свѣтъ падать, вышолъ въ подземельно царсво; тамъ таковъ-же свѣтъ, какъ и у насъ. Вышолъ къ синему морю, у синего моря, стоитъ избушка. Въ ту избушка привезена царска дочка на съѣденье, змѣю; кажны сутки по человѣку съ дому давали. Зашолъ Иванъ-царевичъ въ эту избушку, а царска дочь сидитъ, слезами горючими уливáетца. Онъ спросилъ у ей, она роскавала. «А ты какой?» —А я съ того свѣту, меня братья въ дыру спустили.—Онъ лёкъ ей на колѣни. «Ищи у меня, а звѣрь выйдётъ, буди меня, немогу-ле я змѣя убить». Вдругъ море всколыбалось, на жолты пески вода зливалась и вышолъ змѣй троеглавой. «Ахъ, когда одна голова живётъ, а нынце двѣ, наѣдимся дóсыта». Дѣвка начала будить, слёза упала на рожу,

104 с

онъ прохватился. Иванъ-царевичъ схватилъ топоръ превеличающей и сталъ ко дверямъ. Змѣй двери отворилъ, головы свои сунулъ, Иванъ-царевичъ и тюкнулъ, эти три головы и отсѣкъ. Вынелъ изъ головы по самоцвѣтному камню, себѣ въ корманъ спустилъ, взялъ уголъ приздынулъ, три головы подъ уголъ и положилъ, а туловo въ морё свалилъ. Опять лёгъ, далъ голову искать дѣвкѣ. Прошло времё, вышло Идолищо шестиглаво; дѣвка будила, будила, плакала, плакала, слёза пала на личо, Иванъ-царевичъ прохватился, сталъ къ дверямъ, и пр.... Сидятъ съ дѣвкой—вышло змѣй девятиглавой. «Ахъ, Иванъ-царевичъ, недумай, тѣхъ братьей убилъ, меня не убьёшь, у меня хоть худы, да девять головъ». Иванъ-царевичъ взялъ топоръ, сталъ ко дверямъ, змѣй пришолъ, головы сунулъ, Иванъ-царевичъ шесть головъ отсѣкъ, а три и остались. Схватились боротча; боролись, боролись, Иванъ-царевичъ палъ въ исподъ, а змѣй наверхъ; дѣвка схватила ножомъ колоть. Спужался змѣй свалился съ Ивана-царевича; тотъ скочилъ, схватилъ топоръ и остальные три головы отсѣкъ, вынялъ по самоцвѣтному камню, головы подъ уголъ положилъ, туловo въ морё спихалъ; зашолъ въ избу и лёгъ, спитъ крѣпко. Вдругъ пригонилъ Лука-водовозъ, помолитвовалъ у избушки, царска-дочи «аминь» отдала, заскочилъ въизбушку, видитъ: царска-дочь жива сидитъ, а тутъ мужикъ спитъ. «Это какой человѣкъ?» Она сказала: —Онъ меня отъ смерти избавилъ, всѣхъ трёхъ змѣй убилъ.—Лука-водовозъ говоритъ: «Давай, я у его голову отсѣку, а ты скажи, што я тебя отъ смерти избавилъ, я убилъ змѣей, а если не скажошь, я у тя голову отсѣку». Дѣвки жалко своя жизнь, она и согласилась; Лука-водовозъ схватилъ топоръ, тюкнулъ, у Ивана-царевича голова отлетѣла. Дѣвку схватилъ посадилъ въ боцьку, потащилъ къ царю. «Вотъ, ваше царско величество, я твою дочерь отъ смерти избавилъ, убилъ змѣей всѣхъ трёхъ». У царя было тако завѣщанье: «хто дочерь отъ смерти избавитъ тому полжитья, полбытья, послѣ смерти на царсво». Царь принялъ съ чесью, съ радостю; у царя не пиво варить, не вино курить: пиво сварено, вино скурено, весёлымъ пиркомъ, да и свадебкой. Тогда дочь сказала: «Любезный мой папинька, дай мнѣ посленныжъ ищэ со своима служанками къ синему морю сходить, погулять.» Задумала она Ивана-царевича похоронить. Вотъ царь ей и позволилъ. Взяла она себѣ въ повозочекъ досокъ на гробъ, взяла одежду на саванъ, на покрывало, средить его и похоронить.

Пріѣхала къ избушки, стала тѣло мёртво мыть и усмотрѣла въ кармани пузырьки съ живой и съ мёртвой водой; голову приложила къ тулову, мёртвой водой и олила — прикипѣло другъ ко дружкѣ; живой помазала, да въ ротъ спустила, дунула, онъ сдѣлался живой. Сѣлъ Иванъ-царевичъ и сказалъ: «Фу, долго спалъ, да скоро сталъ». Тогда царевна сказала: —Ты меня отъ смерти свободилъ и я тебя свободила, теперича я батюшку объевлю, что Лука-водовозъ у тебя голову отсѣкалъ, тогда мой батюшко будётъ меня давать замужъ за тебя, што этотъ меня избавилъ отъ смерти, а не Лука-водовозъ». А Иванъ-царевичъ говоритъ: «Надо-бы попась мнѣ на светую Русь, здѣсь не охвота на тебѣ женитьця». — А если тебѣ не охвота, то у батюшки проси, есь у него Маговей-птица, она тебя можотъ вынести.—Взела, въ корету посадила и повезла. Привезла и говоритъ отцу: «Вотъ тотъ-то меня отъ смерти избавилъ, а не Лука-водовозъ». А Лука-водовозъ говоритъ: —Нѣтъ я. — Иванъ-царевичъ говоритъ: «А куда ты головы дѣвалъ?» —А я въ морё смѣталъ.— «У меня подъ углы складены». Царь дочери повѣрилъ, Луку-водовоза на ворота посадили и растрѣлели. Сталъ царь говорить: «Иванъ-царевичъ, ты съ того свѣту, будь у меня, послѣ смерти сидѣть на царсво.—А Иванъ-царевичъ говоритъ: —Нѣтъ-ле у тебя Маговей-птицы, мнѣ хочетця отча посмотрѣть.— Сейчасъ-же царь прикликалъ Маговей-птичу. Ивана-царевича на Маговей-птичу посадили, наубивали мелкихъ телёшковъ. И полетѣли; летѣли, летѣли и проговорила Маговей-птича: «Иванъ-царевичъ я больше не могу летѣть, ись захотѣла». Вотъ онъ взялъ телёнка, ей сунулъ въ гортань, она и полетѣла впередъ; раза два, три совалъ ей, кормилъ. Маговей-птича его донесла до конча дыры, онъ руки вы́знялъ, кверху вызнялси, а Маговей-птича ослабѣла, изъ силы вышла и обратно пала, а онъ чепа́лса, чепа́лся, да и вы́чпалса; вышолъ, запружилъ камнёмъ дыру, захлу́пилъ и пошолъ домой во своё царсво. Пришолъ, кто по дорогѣ идётъ здороваются, расказываютъ: «Привезли братья кису, сѣкутъ и рѣжутъ ей, а попась не могутъ». Вотъ пришолъ домой, Богу помолился, поздоровался.—«Здраствуй, родимая матушка, батюшко». —Иванъ-царевичъ ты, сынъ пришолъ, гдѣ-же ты побывалъ?—Онъ обсказалъ отчю: «Былъ въ подземномъ царсвѣ, Маговей-птича одва меня вынесла». Тогда: «Давайте, братья, несите, гдѣ моя киса́?»Братья принесли кису, бросили нѐчесно. Онъ имъ на то

говоритъ: «Вы-же меня чуть не погубили, а не я васъ». Взялъ кису, отомкнулъ, вынелъ глазную воду, у отца глаза помаза́лъ, отецъ сдѣлалса глаза́той. Живуть нѣсколько времени.

Началась весна, вдругъ весной приходитъ къ имъ карапъ, пріѣхала страгія-царь-дѣвица, привезла двухъ отроковъ, стали кликъ кликать, просить виноватого. Тогда говоритъ царь: «Большой сынъ, Ѳёдоръ-царевичъ, съѣзди, не ты-ле што ѣздилъ да нагрези́лъ, да накуре́зилъ». Ѳёдоръ-царевичъ сѣлъ и поѣхалъ. Эти робятка увидали Ѳёдора-царевича и говорятъ: «Маминька, вонъ нашъ та́тенька идётъ».—Это не татенька, это вашъ родимой дядюшка. Когда онъ на карапъ зайдётъ, въ ноги падите, штаны стените и наклещите, пускай онъ въ чужу петлю не суетця». Такъ робятка и сдѣлали и такъ хорошо ему по жопы нахлестали—поѣхалъ домой на брюхѣ лежитъ (и со вторымъ также было). Поѣхалъ Иванъ-царевичъ, онъ взялъ, палъ въ смолу, въ пе́рьи вывалялса и сдѣлался, какъ чортъ мохнатой, и взялъ худу клячу-водовозну, сѣлъ личомъ къ хвосту, заворотилъ хвостъ, да рукой по дыры хлёщотъ, ѣдётъ къ кораблю. Эти робятки увидали, бѣгутъ и говорятъ: «О, мамушка, чортъ ѣдётъ, чортъ». Она зглянула и говоритъ: — Нѣтъ, дѣтушки, то татинька ѣдётъ, стащите его съ лошадки, оммойте, да и сюда заведите.—Робятка побѣжали, всего омыли, охитили, занесли на карапъ. «Здравствуй, Иванъ-царевичъ, я прибыла къ тебѣ, должонъ ты со мной принять законной бракъ». У царя не пиво варить, не вино курить. Стали быть да жить, добра наживать. лихо избывать, да и теперь живутъ.

---

9. Аф 141а

Чудо чудное.

Нѣкакой человѣкъ жилъ въ пустомъ мѣстѣ, промышлялъ звѣрей и прочихъ зайчей. Однажды ему попало ди́вно зайчей. Онъ принёсъ въ избушку, началъ лупить, скуру снялъ, ту́шу бросилъ, туша скочила и побѣжала. На уличъ выбѣжала. Заечъ прискочилъ къ трубы и слушатъ, мужикъ началъ чуда́ть: «Што это, братцы, за чудо! живу—чуда я ещэ не видалъ?» А заецъ говоритъ:— Это како чудо, это не есь чудо; ты не слыхалъ-ле у Микиты на Масленичѣ како́ чудо было?— «Нѣтъ не слы-

халъ». —Сходи къ Микиты на Масленичу, дакъ онъ тебѣ обскажотъ.—

Мужикъ пошолъ на Масленичу (названіе деревни), пришолъ къ Микиты и спрашиватъ: « Микита, како у тебя было чудо?» —А тебѣ на што?— «А мнѣ нужно знать, у меня заечъ убѣжалъ безъ шкуры, я чудáю, дакъ онъ сказалъ, что у Микиты было больше чудо». Микита и началъ сказывать.

«Былъ я въ лѣсу, промышлялъ, съ тремя сыновьями, самъ четвёртой. Напромышляли коё-чего, птичъ дивно, а домой итти далёко, насъ забрала ночь на дороги; гдѣ ночь прилучилась тутъ лѣсова избушка, а раньше того вѣсь была, што въ этой избушкѣ пугáтъ. Ну мы:—«Затти и не затти въ эту избушку». Дѣти говорятъ, «Што намъ боятца, вѣдь насъ четверо вѣдь, не по одúнцы». И зашли въ избушку и печьку затопили. Тетёру налили варить; тетёра сварилась, тогда поставили на столъ, сѣли ись. Микита сидитъ и говоритъ: «Хто въ избушкѣ есть, крешшоной или некрешшоной, выходи съ нами ужинать». Выскочилъ человѣкъ, схватилъ тетёру съѣлъ и щи всѣ выхлебалъ. «Я говоритъ, Микита, у тебя большова сына съѣмъ». Взялъ большова сына и съѣлъ. Съѣлъ и убѣжалъ опять за печку. Микита остался съ двумя сыновьями. Тогда Микита лёгъ спать, проспалъ до утра, утро стало Микита пошолъ съ сыновьями. «Што-бы, проклята избушка, больше въ тебѣ не бывать! который былъ не лучше сынъ, того и съѣла». Ушли. Ходилъ не ходилъ день весь, блудилъ, вечеръ сталъ опять къ этой-же избушкѣ пришолъ. Не куда не могъ пути дать. На уличѣ ненасьё, дожъ, слéчя мóкра. Опеть зашли въ эту избушку, печку затопили и тетёру налили варить. Сварилась, тогда поставили на столъ, сѣли ись; сидитъ и думаетъ Микита. «Позвать и не позвать? позову съѣсъ, и не позову съѣсъ». И опять выговорилъ: «Хто хрещоной-некрещеной, выходи съ нами ужинать». Выходитъ человѣкъ, съѣлъ тетёрку, выхлебалъ щи и говоритъ: «А што, Микита, я у тебя и другова сына съѣмъ?» И другого сына съѣлъ...(На третрій день—третьяго. Проплутавъ четвертый день. Никита въ четвертый разъ пришолъ къ избушкѣ). Четвертый разъ опять къ избушкѣ пришолъ, на улицѣ не можно, опять въ избушку зашолъ, печку затопилъ и тетёру налилъ варить, сварилъ, сѣлъ ись и думатъ: «Позвать и не позвать? позову съѣсъ и не позову съѣсъ». Сидѣлъ, сидѣлъ и осмѣлился: «А выходи хто, хрещеной или не хрещеной.» И выскочилъ

тотъ-же человѣкъ, щти выхлебалъ и тетёру съѣлъ, и говоритъ: «Ну, Микита, вѣдь я тебя теперь самого съѣмъ». —Самъ знашь.—

Тогда человѣкъ говоритъ: «Хватай за меня, я тебя домой стащу». Микита поймалса за плечи, и потащилъ. Тащилъ, тащилъ и будто въ морё его потащилъ, въ морѣ колодина будто, и поймалса, и началъ кричать, и ревѣть сильнымъ мáтомъ, что погибъ, утонулъ, а самъ занесённой въ свой домъ, въ свою избу и поймалса за грядку: держитця и кричитъ лихимъ матомъ, а дѣти и закричали: «Вѣдь ты въ избѣ въ своей!» И эти дѣти, три всѣ, дома лежатъ, не одинъ не съѣженой. Тогда Микита возрадовалса. «Такое у меня чудо было».

И мужикъ сказалъ: —У тебя чудо больше въ петеро было, въ петеро.—

10.

Прибакулоцька прибасеноцька.

Зачинáлася, починáлася, славная сказка, повѣсь; на ту на славу на печь настрали, сквозь печку капнуло, въ горшоцикъ ляпнуло, эта ѣства прѣла, кипѣла, къ утру нсь поспѣла. Прискакали Ермаки, сини колпаки, прискакали Ермошки, синіе ножки, прилеталъ куропатёкъ, сѣлъ на дрéво, сталъ хресьянъ поматéривать: «Сукинъ сынъ, важоватинькой, шароватинькой, по часту бѣгашь, по многи ѣшь, по толсту серёшь».

На мори, на кіяни, на островѣ на Буяни, стоитъ быкъ кормлёной, въ правомъ боку ножъ точёной, приди ножомъ рѣжь и говядину ѣшь, помакивай и закусывай; слушайте-послушáйте, и своихъ жонъ къ намъ не спушшайте, вы будете спушшать, мы будемъ подчишшать. Живалъ-бывалъ, на босу ногу топоръ обувалъ, топорищомъ подпоясывался, кушакомъ подпиралса. Баба пёрнула, девять кирпичъ съ печи сдёрнула, бурлачкой горшокъ пролила, бурлаковъ оголодила, бурлаки пошли по инымъ сторонамъ, по инымъ городамъ, по урѣчищамъ, вышли на матушку на Волгу, на матушкѣ на Волгѣ жить невозможно, береги кáшны, вода молочны. Муха синюха, дѣ ты живешь?» —Живу на водахъ, на горахъ, на пристольныхъ городахъ. Тамъ меня вѣтромъ не вѣетъ и водой не топитъ. Залетѣла я въ

клѣтку и попала въ сѣтку, учила вдова, учила оса, выскочила нога́ и боса́, безъ пояса.—«Что ты муха синюха дѣлашь?» Шолъ торожанъ, билъ барабанъ, шолъ свирьцёкъ, садилса на клочёкъ, испивалъ табачёкъ, чортовъ корешокъ, богату богатину проклиналъ, у богатой богатины хлѣба и соли много, ись не садитъ и съ дочерью спать не валитъ. Первого Пихотного полка полковой писарь Пётъ Петровъ, по прозванью Пироговъ, писалъ по бѣлой бумаги, павленнымъ перомъ и посыпалъ песцянымъ пескомъ, и пошолъ по городу, по границѣ, поймалъ птичу; птича перепилича, пѣла и перепѣла, по морю полетѣла, пала и пропала, павленно перо потеряла, нечимъ стало писать. Дали мнѣ снѣжину́ кобылку, соломенку уздилку, горохову плётку; Дали мнѣ синь кафтанцикъ, дали фуражоцьку, перщятоцьку, кушацёкъ, сапожки, жолту чашку, красну ложку; сѣлъ на кобылку и поѣхалъ; ѣду—горитъ у мужика овинъ или баня; я подъѣхалъ близко, поставилъ снѣжину́ кобылку, снѣжина́ кобылка ростаяла, соломенну уздилку бычки съѣли, горохову плётку пѣтушки расклевали; пошолъ пѣшкомъ, летитъ воронъ и кричитъ: «Куръ, синь да хорошъ», а мнѣ послышалось: «Скинь да положь». Скинулъ да положилъ подъ кокору, не знаю подъ котору, былъ молодечъ совсѣмъ и сталъ ни съ цѣмъ.

3. Чупровъ, Григорій Ивановичъ.

Низкорослый, плечистый, съ копной густыхъ волосъ и густой окладистой бородой, вѣчно на сторону, вдобавокъ кривой, Григорій Ивановичъ, по уличному «Калямичъ», вѣчно веселъ, никогда не унываетъ, вѣчно шутитъ и смѣется, несмотря на свои полсотни лѣтъ.

Г. И. прекрасный сказочникъ и среди нихъ мнѣ придется поставить его на одно изъ первыхъ мѣстъ по мастерству разсказа. Знаетъ онъ и нѣсколько старинъ-былинъ, которыя всѣ поетъ однимъ скоморошьимъ ясакомъ. Онъ много занимается извозомъ, вездѣ бывалъ, слыхалъ много старинъ, всѣ ихъ знаетъ по содержанію, да еще не въ одномъ варіантѣ; пожалуй споетъ по кусочку изъ любой изъ нихъ, но цѣликомъ знаетъ немного. Сказокъ за то знаетъ Г. И. бездну и длинныхъ и короткихъ, и серьезныхъ, и смѣшныхъ, но съ особою любовью разсказываетъ «про поповъ». Какъ и всѣ устьцылемы, Г. И. старообрядецъ, но очень терпимъ ко всѣмъ, и кой-что въ старообрядчествѣ кажется ему и дико. Онъ самъ пришолъ ко мнѣ и предложилъ разсказать сказку, а потомъ уже почти каждый день ходилъ, то разсказывать, то слушать другихъ.

Я взялъ его ямщикомъ, когда поѣхалъ, по снѣгу еще, на р. Пижму и Григорій Ивановичъ оказывалъ мнѣ неоцѣнимыя услуги. Всю дорогу онъ безъ всякихъ просьбъ съ моей стороны разсказывалъ сказки и это должно быть было удовольствіе и ему самому. Когда въ деревняхъ по утрамъ я бывало еще сплю, онъ уже обѣгаетъ деревню, узнаетъ кто поетъ старины, позоветъ сказателей ко мнѣ,

уломаетъ, если нужно; узнаетъ, кто старинщики въ другихъ деревняхъ. Помогалъ онъ мнѣ разыскивать и рукописи и все это съ величайшей услужливостью и охотой.

Григорій Ивановичъ хотя и небогатый, но хорошій хозяинъ: маленькій домикъ его стоитъ окнами на Печору и весь въ порядкѣ: крыша осмолена, дверь въ сѣни не болтается, вокругъ чистота, все прибрано и подметено; домовитость и чистота и въ домѣ: полы и стѣны всегда чисты, кадушки и ведра окрашены, все вымыто и блеститъ.

Г. И. женатъ уже на второй. Отъ первой жены у него сынъ Иванъ, 17 лѣтъ, грамотный, имѣющій большую склонность къ старообрядству и, чуть ли не будущій начетчикъ.

Г. И. извозничаетъ, ловитъ рыбу, возитъ пассажировъ, поторговываетъ немного, не отказывается вообще ни отъ чего. Онъ долго служилъ по выбору въ должности «землемѣра», такъ какъ имѣетъ особую склонность къ выкладкамъ разнаго рода: никто лучше его не высчитаетъ число квадратныхъ саженъ въ спорномъ, имѣющемъ неправильную форму участкѣ пашни или покоса, а отъ бездѣлья онъ берется за разрѣшеніе диковинныхъ задачъ, удивляя этимъ чуть ли не всю Печору. Такъ, уложивъ въ вершокъ иголки, вплотную одна къ другой, онъ высчиталъ, сколько ихъ уйдетъ въ версту, а потомъ и до любого мѣста. Желая огорошить кого нибудь, онъ спрашиваетъ: «А ты знаешь сколько уложится иголокъ до Петербурга?» Самъ онъ это высчиталъ и назвалъ мнѣ какую-то огромную цифру въ билліардахъ, о которыхъ онъ знаетъ изъ календаря, хотя и неграмотный.

Какъ сказочникъ Григорій Ивановичъ значительно отличается отъ прочихъ. Любимый жанръ его — смѣшныя сказки. Его сказки всегда остроумны, особенно если слушать ихъ въ его передачѣ. Разсказываетъ Г. И. сказки удивительно, но не со стороны содержанія, а по мастерству самого разсказа. Въ сказкахъ Г. И. нѣтъ того стариннаго склада, той обрядности, которая присуща сказкамъ двухъ предъидущихъ сказочниковъ; память у Г. И. не особенно блестяща, по крайней мѣрѣ для запоминанія подлинныхъ словъ и выраженій, что необходимо для дословной почти передачи сказки стариннымъ слогомъ; но запомнивъ все-же содержаніе сказки и усвоивъ ее, Г. И.

передаетъ сказку уже совсѣмъ по своему, только одному ему присущимъ складомъ, сущность котораго можно опредѣлить: юмористичность. Г. И. въ жизни—никогда не унывающій, ни передъ чѣмъ долго не задумывающійся человѣкъ, на все смотрящій глазами точно посторонняго наблюдателя, ищущій во всемъ смѣшного. Свой характеръ и свое отношеніе къ жизни Г. И. всецѣло передаетъ и въ сказкахъ. Самую обыкновенную шаблонную, всѣмъ извѣстную сказку онъ сумѣетъ скрасить своимъ юморомъ, самый критическій моментъ въ сказкѣ онъ сгладитъ остротой или шуткой. Любимыя сказки его про поповъ и скабрезныя, знаетъ которыхъ онъ множество; знаетъ Г. И. также много анекдотовъ, разсказовъ и пр. И все съ тѣмъ-же смѣшнымъ содержаніемъ. Даже былины Г. И. знаетъ не особенно длинныя, не серьозныя и поетъ изъ всегда особымъ скоморошьимъ ясакомъ (напѣвомъ); знаетъ Г. И. и пѣсни и также преимущественно шуточнаго, смѣшного содержанія.

11. Аф. 4.

Лисица, пѣтухъ и журавль.

Зачинается, починается хорошая сказка, добрая повѣсь, не отъ бурка, не отъ сивка, не отъ вѣшного воронка, не отъ молодечкого пóсвисту, не отъ бабьего пóперду; старая старушка пёрнула, семь кирпичъ съ печи сдёрнула, это не сказка,—присказка, будётъ сказка въ суботу пó вечеру.

Шла мати-лисича на боярскія домъ, хотѣла съись изъ телятника телёнка, изъ курятника курёнка, отъ бабы робёнка, отъ суки щенёнка, отъ овчи ягнёнка, отъ кобылы жеребёнка. Воръ-пѣтухъ увидалъ, крыльями-перьями затрепеталъ, заздыпѣлъ, весь народъ услыхалъ, набѣжалъ; старые старухи съ лопатами, съ ухватами, старые старики съ топорищами, съ коромыслами, малы робята съ мутовками, съ колотовками, хотятъ лисичу бить и убить. Лисича осердилась, пошла въ лѣсъ, какъ горбатой бѣсъ, подъ ольхóвъ кустъ пáла, трои сутки пролежала. Воръ-пѣтухъ полетѣлъ въ чистое полё, на красное древо сѣлъ. Мати-лисича пролежалась, пошла по чистому полю; идётъ возлѣ

древо красно; на древо красно звела окомъ яснымъ, сидитъ воръ-пѣтухъ.

«Што воръ-пѣтухъ! изъ своей охоты леташь, але насъ звѣрей увидашь?»

— Э, мати-лисича! изъ своей охоты летаю, а не васъ звѣрей увидаю».

«Што, воръ-пѣтухъ, слѣзь да покайся, послѣньнё времё близко, конецъ житья ноньце: люди живутъ по одной жены держать, ты много жонъ держишь, дерёшся, до кровáвыхъ ранъ для ихъ цапаишься».

Пѣтухъ сталъ съ вѣтки на вѣтку, съ сучка на сучёкъ, пониже, да пониже скакать. Мати-лисича подбѣгала, крѣпко пѣтуха въ кохти хватала, крылышки, перышки нá сторону расклала, начала трепать и приговарить:

«Ну што, воръ-пѣтухъ! когда мнѣ была крайная нýжа, смерть голонна, я богатому купцу але боярину шла, у его хоть-бы чего нибудь съѣла—много-ле у него знать? А тогда тебя чортъ въ первыхъ óдралъ».

Пѣтухъ на то сказалъ:

— Э, мати-лисича, княгина, государына! тебя люди знаютъ, господа почитаютъ, шубки-юпки шьютъ, по празникамъ носятъ; у оннóго хозяина живутъ, а двумъ не служатъ, у тебя буду жить, дакъ и тебѣ служить.—

«Воръ-пѣтухъ! Не строй ля́сы, не точи бáлы».

Пуще старого трепáтъ приговариватъ.

— Э, мати-лисича, княгина, государына! тебя люди знаютъ, господа почитаютъ, шубки-юпки шьютъ, по праздникамъ носятъ, у однóго хозяина живутъ, двумъ не служатъ, у тебя буду жить и тебѣ служить; будёмъ съ тобой поживать край моря, доспѣемъ келейку, ты будёшь поживать прóсвиры попекать, а я буду поѣдать, да пѣсенки попѣвать.—

Мати-лисича вслабя́ коктяхъ. Пѣтухъ вылетѣлъ, сѣлъ на древо красно.

— Э, мати-лисича! проздровляемъ васъ въ новомъ чину, ѣшъ кляпъ да ветчину, не хошь-ле орѣховъ, не выломай зубовъ.—

Мати-лисица пошла по чистому полю, запечалилась пуще старого, ей встрѣчу идётъ жарáфъ.

«Што воръ-жарафъ идёшь улысканьсе?»

— Што такъ, мати-лисича, печально идёшь ругаишсе?—

«А какъ мнѣ не ругатца, когда послѣньня птица въ колесницѣ и та надомной насмѣялась».

— А хто-же экой?

«А воръ пѣтухъ»

— А, мати-лисича, умѣшь-ле летать?»—

«Летать не умѣю».

— Садись на меня, я научу.—

Сѣла на журава. Журафъ ей унёсъ высоко.

— Мати-лисича! видишь-ли землю?—

Ёдва-ёдва, съ овчину мѣсто оказыватъ».

Журафъ ей стрехнулъ съ себя; мати-лисича пала на мякко мѣсто, на сѣнную кучу. Журафъ подлетѣлъ.

— Мати-лисича! умѣшь-ле летать?

«Летать-бы и умѣю—садитця тежело».

— Садись на меня; научу.—

Сѣла на журава. Выше старого унёсъ журафъ лисичу; стрехнулъ съ себя. Пала мати-лисича на твѐрдое мѣсто, на болотно: три сажени кости въ землю ушли—одно званьё у лисичи осталось.

А у купця курицы стали еицы терять, плохо садить.

«Што вы, курицы? куды еицы дѣваите, тереите?»

— А потому мы еицы терямъ, какъ у насъ ласкового хозяина, пѣтуха не стало.

«А гдѣ-же вашъ пѣтухъ?»

— А нашъ пѣтухъ сидитъ въ чистомъ полѣ, на красномъ древѣ.—

У купца былъ индейской пѣтушищо. Слеталъ онъ въ праздничной день до обѣда*)...

«Што воръ-пѣтухъ? и гдѣ былъ, гдѣ шаталса, и скиталса?

— А я не здѣшной, прiѣжжой, Бараковской улички отъ безногой курицы.—

*) Пѣтухъ воротился къ купцу, купецъ и спрашиваетъ:

12.

Иванъ злочастный, мужикъ безчастный.

Былъ жилъ Иванъ злосчасной, мужикъ безчасной, денёгъ класъ нéвошто, мѣшокъ купить нéнашто; которо заслужитъ, дакъ потерятъ, а незаслужитъ дакъ украдутъ—не заслужитъ и получить нечево. Пошолъ онъ на свое бесчасьё суда просить. Царь на то сказалъ: «Какъ самъ нечево не можошь заслужить, дакъ я какъ вамъ могу тутъ суда дать?» А у царя была доци; на то она сказала: «Батюшко! Какъ э́кому мужику не могли суда дать? Я штó есь, женско дѣло, и то бы россудила».— А на то царь сказалъ: «Какъ его россудишь?» А на то царска доци сказала: «Пускай женитца, можотъ жону счасливу возьмётъ, а если жона не счаслива попадётъ, будутъ дѣти счасливы, будётъ жить хорошо». Царь россердилса, за мужика доцерь отдалъ, и указы вездѣ розослалъ, штобы ихъ на фатéру нехто ноцевать не спускалъ.

Иванъ злосчасной съ царской дочерью идутъ по городу, онъ и говоритъ: «Не печалься, царевна, худинькой домокъ хоть — свой уголокъ». Пришли, стоитъ избушка, нѣту оконичъ, въ другомъ мѣстѣ простѣнковъ нѣтъ, а печки пóдавну не бывало. Царевна своими платками и нагрудниками призавѣсила, призатыкала лишно дырьё, и нажи́гомъ стали согрѣватця около огня. Въ ту́ю ночь царевна вышила ширинку и послала Ивана продавать: «Ты одному лавочнику продавай, другому не отдавай, а третьёму и продай».

Побѣжалъ Иванъ съ ширинкой. Одинъ лавочникъ даваётъ сто рублей, другой двѣсти, третьéй триста. За триста продалъ. Взялъ для своей фатеры, што ему требуется, побѣжалъ. Прибѣжалъ на ростани, выскочилъ Ярышко, лобъ залущилъ, глаза вы́торащилъ. «Оддай мужикъ деньги, добромъ оддашь, дакъ слово скажу, добромъ не отдашь, дакъ ли́хомъ возьму, ничего не скажу». Мужикъ шевелился, копалса, деньги отдалъ. Ры́шко слово сказалъ: *Безъ судьбы Божьей не одинъ волосъ съ головы не ги́нетъ*». Иванъ прибѣжалъ къ своей хозяйкѣ, сказалъ про своё похожденьё. Хозяйка на то сказала: «Винно ты безча́сной, я несчасли́ва, о́бои онна́ки сошлись».

И другу ноць ноцевали,—опять ширинку вышила. Послала продавать и сказала: «Ты одному продавай, другому не отда-

вай, третьему отдай». Побѣжаль Иванъ съ ширинкой; одинъ даётъ сто, другой двѣсти, третей триста. Отдалъ за триста рублей. На ростаняхъ опять Ярышко стрѣгилъ, лобъ залущилъ, глаза выторащилъ. «Отдай мужикъ деньги»... (такъ-же какъ и въ первый разъ). Мужикъ шевелился, копался, деньги отдалъ, Ярышко слово сказалъ: *Когда вышатъ, дакъ не нисься*. Прибѣжалъ домой, хозяйкѣ россказалъ въ подро́бность. Хозяйка на то отвѣтила: «Ты винно бесча́сной, а я несчасли́ва».

На третью ночь третью ширинку вышила, да добавила денегъ петьдисятъ рублей: «Когда пройдешь ро́стани, то для дому кое чего побольше купи». Побѣжалъ Иванъ съ ширинкой... (Повторятся тоже, что въ первый и второй разъ)... Шевелилса, копалса мужикъ, деньги Ярышкѣ отдалъ. «Ну, петьдисятъ рублей еще вынимай». Шевелилса, копалса и ти отдалъ. Ярышко слово сказалъ: *Надмеси, да не опусти*. Иванъ побѣжалъ домой, дорога была по крутому крёжу, да запнулса, да и палъ, а въ рукахъ тащилъ коври́гу хлѣба, коври́гу выронилъ, ковриґа укатилась подъ крёжъ; а собака по-подъ крёжью бѣжитъ, хватила ковригу, утащила. Онъ про себя обдумалъ: «Съ цѣмъ-же я тепере къ царевнѣ евлюсь?» Прибѣжалъ на пристань карабельню, корабли побѣгаютъ за́ морё, нанелса въ матросы и убѣжалъ за́ морё.

Бѣжали корабли въ морѣ и остановились. Стали хозяева выкликать изъ матросовъ охвотника: «Хто сходитъ въ морё, тому половина карабля съ животомъ, со всѣмъ, а если нехто изъ васъ не согласитца, то мечите жеребьи — кому итти». А Иванъ про себя обдумалъ: «Мнѣ вѣдь Ярышко сказалъ: *Безъ судьбы Божіей, не одинъ волосъ съ головы не гинётъ*. Неужели, если Богъ не судитъ, дакъ я утону въ мори?» Иванъ доспѣлъ съ хозяиномъ условьё, съ условья снялъ сибѣ копію и скочилъ въ воду. Скочилъ и затону́лъ.

Схватилъ его человѣкъ, по воды потащылъ. Тащылъ, тащылъ, притащылъ къ городу. Воды не стало. Ворота отворили и пошли по́ городу. «Вотъ у насъ царь, да царица спорятъ, одинъ говоритъ: «Укла́дъ да булатъ дороже злата-серебра бывать», а другой говоритъ: «Злато-серебро дороже укла́ду-булату». И надо такъ ихъ: по одному россудить и другого не россердить». Привёлъ Ивана въ полаты, завёлъ въ горничи, только зе́й зеётъ, гдѣ сидятъ чарь и чарича. Садить стали Ивана за одинъ столъ съ царёмъ, съ царицой. А Иванъ припомнилъ

то слово, Ярышко сказалъ: *Когда вышатъ, дакъ не нисъсе.* Не подъ порокъ-же битця? сѣлъ за столъ. Царь-царица стали его спрашивать: «Ну, какъ вы, руськой человѣкъ, намъ понадобилса ты для справки дѣла; какъ у васъ: укладъ да булатъ дороже злата-серебра быватъ или злато-серебро дороже укладу-булату?» —У насъ такъ въ Россіи: если войны нѣту, укладъ-булатъ не почёмъ, злато-серебро дороже, а чуть доспѣлась война, тогда укладъ-булатъ дороже злата-серебра быватъ; тогда будутъ копья, оружья накупать и отдаютъ за него злато-серебро.— Царю и царицѣ это обѣимъ ланно стало. Они подарили ему по кáльчику. Иванъ обдумалъ про себя: «Кальчики въ нашомъ мѣстѣ стоятъ пять копѣекъ?» Передали Ивана тому человѣку, которой его и привёлъ. Тотъ человѣкъ повёлъ по городу, привёлъ къ воротамъ, опять по воды потащилъ, притащилъ къ караблю, выбросилъ.

Какъ ступилъ Иванъ на карабъ и полонъ хозяинъ сталъ полу-караблю. И тутъ карабли побѣжали по морю. Прибѣжали къ заморскому царю и стали карабельщики походить, заявлять о себѣ царю, прописать белеты и поносить стали подарки, хто можотъ на сто рублей, а хто можотъ, быватъ и на тысецю. Иванъ понёсъ царю кáльчикъ. Подарилъ Иванъ кáльчикъ. Царь принелъ купцей-гостей, сталъ угощать, ихъ посадилъ всѣхъ въ одну комнату, а Ивана въ другую, котора повыше. Гости погостили, веселоваты стали и какъ-то неудовольствуютца: «Мы хто на сто рублей принесли, хто на тыщу, а Иванъ десять копѣекъ; его посадилъ царь выше всѣхъ». Объ этомъ подносщики донесли царю. Царь взялъ Ивановъ кальчикъ, вынесъ гдѣ купцы сидѣли. «Вы этотъ подарокъ у Ивана нечемъ считаете, а вотъ его подарокъ»... Потрёсъ кальчикъ, выпала пробка, выпали два шара, катаютса, серебро отсыпаетца, отгребать не могутъ. Царь за кальчикъ подарилъ Ивану подарокъ — три карабля совсѣмъ съ животами и съ народомъ. Иванъ оттуль побѣжалъ домой на трехъ карабляхъ съ половиной.

Прибѣжалъ, сталъ на пристань карабельню, а вечеромъ тéмнилось, пошолъ розыскивать свою избушку. А въ томъ мѣстѣ стоитъ каменной домъ. Иванъ сталъ колотитця у дверей; вышла женщина: «Вамъ што нужно?» —А я пріѣжжой человѣкъ, мнѣ надо ночевать.— «Милости просимъ, у насъ домъ постоялой, мы отъ того деньги получаемъ, хлѣбы ѣдимъ отъ того». Иванъ зашолъ въ избу. Поставила Ивану закусывать, чего Иванъ

проситъ, то Ивану и несётъ; поужиналъ, валитъ его въ ту комнату ночевать, сама походитъ въ другу. Иванъ на то сказалъ: «Мнѣ-бы свѣчка нужно засвѣтить, я безъ свѣчи не сплю». Хозяйка сказала: —Надо дакъ хоть пару засвѣти, мнѣ больше расходу, болѣ приходъ. — Свѣчку засвѣтила, сама ушла въ другу комнату. Иванъ съ часъ времени пролежалъ, пошолъ въ ту комнату куда хозяйка ушла. Увидалъ: она спитъ, а по обѣимъ сторонамъ у ей молоды мужики, она въ серёдкахъ. «Ахъ, она спитъ съ двумя дружками». Вынелъ саблю, ладилъ у всѣхъ головы отсѣкчи. И обдумалъ про себя: «Мнѣ вѣдь Ярышко слово сказалъ: *Паднеси, да не опусти*». Сталъ будить и сталъ спрашивать у ей: «Это хто таки?» — Это у меня сыновья, бывало я замужъ выходила, мужъ зá морё убѣжалъ, эти отъ него въ брюхѣ остались. Не вы-ли будете мой мужъ?— А Иванъ отвѣтилъ: «Я вашъ мужъ». И стали будить сыновей, съ отцомъ здороватца. Робята стали здороватца съ отцомъ, падать въ ноги отцу. И стали жить вмѣстѣ.

А до царя вѣсь дошла, што его зять прибѣжалъ на трехъ карабляхъ съ половиной. Царь послалъ пословъ его звать къ сибѣ въ гости. Пошолъ Иванъ со своей женой и съ дѣтями, взялъ въ подарокъ другой кальчикъ. Принялъ Ивана царь какъ слѣдуетъ быть. Иванъ гостилъ долго-ле, коротко, походить сталъ, подарилъ въ подарокъ кальчикъ. А царю то не понравилось: «Такой богатой прибѣжалъ, да копѣекъ на петь мнѣ подарокъ принёсъ». Иванъ пошолъ домой, царь кинулъ кальчикъ въ спину Ивану. Выпала пробка, выпали два шара, катаются, злато-серебро отсыпаитса, отгребать не могутъ. Закричалъ царь: «Воротись, Иванъ! Ты и владѣй царствомъ, ты богаче меня сталъ». Иванъ воротилса, поручилъ ему всё царсво.

13. Адр 199

Купеческая дочь и разбойники.

Купецъ сталъ за морё кораблёмъ поѣжжать, торговать, а дочерь свою оставилъ домъ сохранять. Отецъ уѣхалъ. Какъ отправился, вдругъ розбойники нагонили на золотой кореты. Поставили лисьвицу къ окну, а одинъ и въ окно полѣзъ. Доци не знатъ куда дѣватьця, отцову саблю хватила со спичи и стала

за простѣнокъ. Разбойникъ какъ сталъ голову въ избу запихивать, она его тюкнула отцовой саблёй; хотѣла тюкнуть по шеи, да попалась по уху и отрубила ухо. Онъ свалился съ окна. Розбойники перепáлись, подумали што самъ купецъ дома, положили товарыща въ золоту корету и погонили. Доци вышла на уличь, посмотрѣла за имá вслѣдъ, въ котору сторону погнали. Обулась, одѣлась и пошла за имá взади.

Долго-ле, коротко-ле шла по полю и увидѣла въ поли домъ превеличающей, большой. Въ перву избу зашла, всё копья да оружьё; въ другу избу зашла, всё тѣла мёртвы лежатъ; въ третью избу зашла, всё женской нарядъ виситъ. Вытенула сундукъ, отворила, въ сундуки перстней много увидѣла и стала перстень выбирать, какой ей ндравитця, какой на пёрстъ годитця. Выбрала перстень. Вдругъ зашумѣли, загромѣли, розбойники нагонили на золотыхъ коретахъ. Незнаётъ куды дѣватця, сундукъ отодвинула, подъ лавку за сундукъ забилась. Разбойники привезли дѣвку. Сѣли закусывать, одинъ говоритъ: «Ахъ, я жаркого захотѣлъ». А другой тащитъ человѣцьё мясо. Дѣвка увидѣла, што ѣдятъ человѣчьё мясо, стала плакать. Одинъ розбойникъ сказалъ дѣвки: «Расширь целюсь-ту». Дѣвка ротъ расширила, а онъ вилками ей въ ротъ-отъ ткнулъ, у дѣвки голова съ плечъ покатилась. Эту дѣвку стали обдирать платьё. Снимать стали перстень, да и перстень покатился, да къ купеческой доци подъ лавку. Та взяла, да себѣ на пёрстъ наложила. Одинъ розбойникъ говоритъ: «Надо натти перстень». А другой говоритъ: —Заутрá найдёмъ.— Стали розбойники ложится спать, а оннóго посадили къ дверямъ караульнимъ. Всѣ розбойники заспали и караульнёй задремалъ, дѣвка выбивачча, выбивачча, тихонько изъ за сундука, выбилась, подошла ко дверямъ. Ти двери—вижъ! други—вижъ! третьи—вижъ!—Ушла. Караульнёй прохватилса и сталъ кричеть товарищовъ. Всѣ соскакали, запрегли лошадей и погнали, новóй по оннóй дорогѣ, новóй по другой, новóй по третьёй— всѣ по разнымъ дорогамъ.

Дѣвка бѣжала, бѣжала, нагнала мужика, мужикъ сѣно возъ везётъ. «Ради Бога, мужикъ, возьми меня, сохрани отъ розбойниковъ». —А што, дѣвушка, если я закладу тебя въ возъ сѣна, разбойники нагонятъ, возъ сѣна разобьютъ, тебя убьютъ; тебя убьютъ и меня не оставятъ.—Побѣжала дѣвка впередъ. «Ради Бога, не сказывай, што я бѣжала». Бѣжала, бѣжала, настигла церепана, церепанъ ѣдётъ, горшки везётъ. «Церепанъ, ради

Бога сохрани отъ розбойниковъ». —Разѣ подъ горшки закладу.— Взялъ, да ей подъ горшки и заклалъ. Розбойники нагонили мужика съ сѣномъ, спрашиваютъ: «Не видалъ-ле кого, человѣка прохожаго?» —Нѣтъ.— На то мужику не повѣрили, разбили у его возъ сѣна. Настигли черепана, спрашиваютъ: «Не видалъ-ле кого?» Черепанъ отпирается: —Нѣтъ, не видалъ.— Начали горшки съ саней метать. Метали, метали, полвоза сметали. Одинъ разбойникъ сказалъ. «Э, робята, не меците черепански горшки, я бывалъ въ черепанской роботы,— черепанска робота чажелá». Послушались розбойники, поворотили назадъ оттуль. Черепанъ повёзъ купецеску доцерь къ дому купцову.

Купецъ въ то времё домой прибылъ. Въ то времё розыскъ, купецьку доць ищутъ. Купець тутъ весьма обрадовалса. На другой день пріѣхали розбойники свататця къ купцу доцерь. Дочи отцю сказала: «Меня отець отдавай-неотдавай, а вокругъ дому каравулъ солдатовъ поставъ». Сватаютца розбойники, сидятъ въ горничи, а дочи стала расказывать всё што ей ночесь грéзилось, и всё што было съ ей у розбойниковъ, все розсказала, а розбойники слушаютъ, да къ каждому слову говорятъ: «Чуденъ, дѣвича, твой сонъ, да къ щастью». Потомъ спрашиватъ доцерь: «А которой мой богосуженой?» А они указали, у кого ухо отсѣчено. А онъ оверценой платкомъ, голова охвацена у его. «А што онъ у васъ платкомъ овертѣлса? —А онъ у насъ хорошой, дакъ штобы не уркнули.» А доци на то сказала: «Говорятъ-де несмотря товаръ не купятъ». Подошла къ розбойнику, его розвезала, увидала, што у его ухо отсѣцено и сказала: «Батюшко! самы ти ко мнѣ и подъѣжжали». Оттуда ихъ поймали и растрѣлели на воротахъ.

Поѣхали къ ихному дому, тѣла мертвыи похоронили, копья, оружьё царю въ казну взяли, а животъ весь черепану за сохраненьё отдали.

---

14. Аф242

Сиротина—собачій хвостъ.

Селеньё-деревнюшка была небольшая, четыре двора; въ трёхъ дворахъ были мужички съ женами и съ семьями, со скотомъ, въ четвёртомъ мужичекъ жилъ одинъ—сиротинка. У его была одна лошадь, одна корова, одна собака. Мужики куда

уйдуть, онъ къ ихнымъ жонамъ похаживалъ. Они изъ-за этого были на него немножко съ духомъ.

«А какъ ино ты, сусѣдъ, живёшь? мы наживамъ, промышлямъ, а ты не промышляшъ, а всё живешь?

— А вы што на меня гледите: я говорить умѣю.—

Мужики стакнулись, убили у его кобылу, у его не начёмъ дровъ привезти. Опять говорятъ ему:

«Какъ ино ты живешь? у тебя и лошеди нѣту?

— А вы што на меня гледите: я говорить умѣю.—

Выйдетъ онъ на крыльцо утромъ, а бабы по охапкѣ дровъ принесутъ ему, опять топитъ. Мужики стакнулись, убили у него и корову. А ему была не нужна корова, лишъ-бы х... здоровой— молока и масла всего есь.

«Какъ ино сосѣдъ ты живёшь, не кобылы, не коровы нѣтъ?»

— А вы што на меня смотрите, я говорить умѣю.—

Стакнулись, убили у него и собаку. Онъ три кожи высушилъ, выдѣлалъ и сошилъ лопотину, подверхъ шерсью: передъ коровей, задъ кобылей, на хвостъ собачину. Пошолъ въ городъ милостину просить. Зашолъ въ домъ къ купцу. Купецъ былъ именинникъ и уѣхалъ собирать на именины друзей-братьéй. А у купца жонка погуливала. У ей тою́ пору былъ дружокъ на дому. Они отъ сиротины въ нестатномъ платьѣ не оберегаютца. А онъ въ такихъ несчасныхъ случаяхъ бывалъ самъ, ему любопытно кажетця, слушать. Пріѣхалъ домой хозяинъ, дружокъ испугалса.

«А я-то куда?»

— А ты иди въ погребъ,— говоритъ хозяйка, дружокъ пошолъ въ погребъ, а собачей хвостъ и говоритъ:

«Ну когда его въ погребъ, такъ и я въ погребъ».

Хозяйка говоритъ:

— Што ты: дикъ-ле умёнъ? ты зачѣмъ въ погребъ?—

«Нето я хозяину скажу», говоритъ собачей хвостъ.

Не времё стало щолкатса, и его въ погребъ спустила.

Зашолъ хозяинъ и гости набрались; стали пировать. Хозяйка стала въ погребъ ходить за напитками и принесла пріятелю бутылку, котора получче. Пріятель налилъ стаканчикъ, да и выпилъ. Другой налилъ, да и другой выпилъ. А собачей хвостъ говоритъ:

«Какъ такъ?»

— Што тако́? —

«А въ нашомъ мѣстѣ не такъ».

— А какъ? —

«А одинъ стаканчикъ выпьютъ, другой товарыщу подаютъ. Нѣтъ, дакъ я выйду, хозяину скажу».

Оттуль такъ и сталъ хозяйкинъ пріятель: одинъ выпьётъ, другой товарищу подаватъ. Допилъ одну бутылку, хозяйка другу принесла, не хуже и той. Распиваютъ и другу бутылку.

Въ избахъ, на верху и запѣвать стали. Когда на верху запѣвать стали, дакъ собачей хвостъ и въ исподи запѣвать сталъ.

«Што-ты, дикой што-ле! зачѣмъ поёшь?»

— А мы, што здѣсь, не вино пьёмъ што-ле? тамъ поютъ, а намъ и не пѣть? —

«Перестань не пой».

— А давай платьё на платьё мѣнеть, дакъ и пѣть перестану. —

Смѣняли платьё на платьё. Потомъ хозяйка пришла въ погребъ, сиротина и говоритъ.

«Меня нельзя-ле какъ отсуль выпустить?»

Хозяйка говоритъ:

— Народъ, пожалуй, пьяноватъ сталъ, какъ-ле можно межъ людей протти. —

Успѣла его выпустить хозяйка. Вышолъ сиротина на улицу, походилъ на улицѣ, и зашолъ къ хозяину во бесѣду. Помолился Богу, проздравилъ съ пиромъ, съ бесѣдой.

«Хорошъ вашъ пиръ, хороша бесѣда, только въ домѣ есть несчастье».

А на это подхватились, стали спрашивать.

«А вотъ въ домѣ у васъ завелась нѐжить. Эту-бы нежить если-бы выжить, дакъ сразу-бы выжилъ, а сразу не выживешь, то ей вѣки не выжить».

— А хто можотъ выжить? —

«А я могу, только не даромъ».

— А вного-ле возьмёшь? —

«А я съ хозяина возьму сто рублей, а съ посторонныхъ гостей хто сколько. Я такъ могу эту нежить выжить, што всѣ увидите, какъ она изъ дому пойдётъ».

Хозяинъ согласился. Посторонни гости говорятъ:

«Если мы всѣ увидимъ глазами нѐжить и мы по сотнѣ дадимъ».

— Теперь нужно нѐжити дороги дать, штобы не рукой, не ногой не задѣть, нето вѣки изъ дому не выживёшь. —

Сталъ сиротина ходить, искать, въ той кладовы́, въ другой и всѣ кладовы обыскалъ, натти не могъ.

«Ну, хозяинъ, нежить въ домѣ натти не могу! ище каки у тебя кладовы есть?»

Подумалъ хозяинъ, больше кладовыхъ нѣту.

«Ищэ въ погребѣ не искали».

— А зачѣмъ сразу мнѣ погребъ не сказалъ? эти нежити болѣ въ погребахъ и проживаютъ.—

И пошолъ въ погребъ и сказалъ пріятелю:

«Ты бѣжи прямо въ свой домъ, некуды не приворачивай».

Взялъ сиротина помело, да сзади съ помеломъ. Не́жить въ избу выскочила въ нестатно́й лапотины, другой пьяной пошатилса съ ногъ, да и упалъ, а которой и въ разсудкахъ, сзади бѣжалъ, смотрѣлъ.

И гналъ сиротина нежить до самого его дому, оттуда воротилса хозяину назадъ. Хозяинъ хочётъ его угощать.

«Ну, хозяинъ, угощеньё не куда не уйдетъ. На́перво надо рощитатца».

Хозяинъ на то сказалъ:

— Молодечъ! я вамъ сулилъ сто рублей, а когда въ этотъ домъ загонилъ — я на того мужичка съ духомъ — получай двѣсти рублей.—

А посторонны купцы сидѣли, тоже по двѣсти дали.

Оттуда купилъ мужикъ тройку лошадей, и нанелъ кучера, роспростилса и поѣхалъ домой.

Пріѣхалъ домой. Услышели сусѣди, што пріѣхалъ сиротина на тройкѣ, богатой, пришли его смотрѣть.

«Какъ ты, сусѣдъ, скоро денегъ нажилъ?»

— А я вамъ раньше сказалъ, што я говорить умѣю. Вотъ у меня было три кожи, одна кобылья, друга коровья, третья собачья. Я эти кожи сдѣлалъ и сошилъ лопоти́ну подве́рхъ шерсью: перёдъ коровей, задъ кобылей, на хвостъ собачину, и понёсъ эту лопотину въ городъ, а ноньче таку моду подхватили: э̀ку лопоть носить. За эту лопотину я кучу денегъ сграбилъ.—

Сусѣди стали убивать своего скота и стали готовить ло́поть. Оставили у себя только по одной коровы и по одной лошади. Нашили лопоти, повезли по возу въ городъ, стали торговать, развѣшали рядами. А народъ ходятъ и спросятъ:

«Што это у васъ?»

— Слѣпы-ле што? Не видите-ле што? Это лопоть.—

«А дики-ле што? Хто эку лопоть продаётъ?»

Послѣ того идутъ полицевски салдаты.

«Это што у васъ?»

— А то у насъ лопоть.—

«А дики-ле што? Хто экой лопотью торгуётъ? Вы што, холеру-ле што розводите? Васъ забрать нужно».

Взяли и повели въ полицію. Эти мужики отъ полицевскихъ откупились и дали клятву уѣхать того-же часу. Поѣхали домой. Стали сусѣда бранить:

«Ты омманулъ намъ, насказалъ, што такую лопоть покупаютъ».

— А я вамъ раньше сказывалъ, што я говорить умѣю: я умѣлъ одну лопотину продавать, тогда моду подхватили и купили, а вы сразу возами навезли, ну и не стали брать, я разѣ виноватъ.—

Мужики черезъ это ушли, въ роботу нанелись, а сиротина и теперь съ ихными жонами живётъ.

15.

Бѣлобородой старикъ.

Были два купца, два брата, одинъ купецъ померъ, остался сынъ молодой. Купецъ поѣжжать сталъ за морё, караблёмъ торговать, а племянникъ просится у матери: «Спусти меня съ дядей торговать. «Мати спустила, дала ему сто рублей денёгъ.

Отправились, бѣжали по морю, прибѣжали, стали на пристань карабельню, пошли заявить себя заморскому царю и прописать билеты. Заевили. Заморской царь сказалъ:

«Молодцы торгуйте, только въ городѣ нашомъ есь бѣлобородой старикъ, онъ кого обторгуётъ, обворуётъ на его суда нѣтъ».

Дядя молчитъ, а племянникъ говоритъ:

«А его хто обторгуётъ, обворуётъ, того судятъ-ле?»

— Нѣтъ и того не судятъ.

Племянникъ сказалъ:

«Нельзя-ле у васъ, ваше царское величество заруцьно писемьцё выпросить».

Царь приказалъ написать, свою руку подписалъ, отдалъ заручно писемцё. Пошли обои съ дядей.

Идётъ племянникъ возлѣ ту лавку, гдѣ бѣлобородой старикъ торгуётъ.

«Што молодечъ ходишь? Товаръ нашъ не гленетця, але въ карты поиграть хочешь?»

— Товаръ вашъ не глянетса.—

«У меня есь на дому—по уму, за посмотреньё сто рублей».

Пошли въ домъ; завёлъ въ свои горницы, старикъ велѣлъ своей бабы до нага́ раздѣтця и провёлъ по комнаты ногу́.

«Ну, отдай сто рублей».

Мальчикъ отдалъ сто рублей.

Заутра́ дядя карапъ погружаетъ, у племянника ничего не винно. Отправились въ своё мѣсто.

Прибѣжали, стали на пристань карабельню. На другой день дядя сталъ изъ карабля выгружать, а у племянника мати спрашиватъ:

«А ты што нечево не дѣлашь?»

— Я, мама, товару закупилъ, да денёгъ не достало, товаръ не выдали.—

«А глупой ты сынъ! у тебя прежде отецъ такъ торговалъ: сколько денёгъ, столько товару купитъ».

Долго-ле, коротко-ле послѣ того дядя опять сталъ поѣжжать за морё караблёмъ торговать. Племянникъ опять просится у матери:

«Спусти и меня съ дядей».

Мати спустила, дала ему сто рублей денёгъ*).

...Дядя карабль нагружаетъ, а у мальчика нечево не видно, послѣ прохватилса — у дяди паруса подняты. Мальчикъ сталъ ходить по городу отъ бездѣлья и увидалъ жону бѣлобородого старика.

«Ахъ, голубушка, я за тя триста рублей отдалъ, а съ тобой не разу не было, хоть-бы однёшъ со мной согласнлась».

Потомъ съ бабой согласились, она пригласила его къ себѣ въ домъ, стала по секрету держать его въ домѣ, въ особыхъ комнатахъ. Говоритъ баба:

«Разѣ сходишь, со старикомъ въ карты поиграшь?»

— Можно.—

*) [Дословно повторяется та-же самая исторія до трехъ разъ.]

«Только возьми его шапку, наложъ, да играй, старикъ будётъ на шапку гледѣть, а ты не зѣвай».

Пошолъ мальчикъ возлѣ эту лавку, кричитъ старикъ:

«Товаръ нашъ не глянетца, але въ карты поиграть хошь?»

— А въ карты поиграть, хочу.—

«Ну иди, будёмъ играть».

Пришолъ мальчикъ, стали играть, положилъ шапку на выручку. Первой разъ съ играли, со старика сто рублей, втóрой разъ сыграли, со старика сто рублей, трéтей—сто рублей. Сталъ старикъ оканчивать игру, походить домой. Мальчикъ взялъ шапку, «прощай» сказалъ, ушолъ.

Пришолъ домой, повѣсилъ шапку гдѣ раньше висѣла и подъ скрытіе ушолъ въ другу комнату.

Старикъ пришолъ домой, спрашиватъ свою жону объ шапкѣ:

«Ахъ, ты курва, така-сяка, гдѣ моя шапка?»

— Што ты, старикъ! глупъ-ле умёнъ? гдѣ была шапка, тутъ и вѣситця.—

«А какой-то мужикъ приходилъ со мной въ карты игралъ, совсѣмъ моя шапка, всё смотрѣлъ на нее, триста рублей денёгъ проигралъ».

Баба старика стала бранить:

— Дикой ты старикъ! не даромъ ты и деньги-то проигралъ. Шапка въ шапку не находитчя?—сапоги въ сапоги находятця, человѣкъ въ человѣка находитце, не то шапка въ шапку находитце.—

Опять жили долго-ле, коротко-ле послѣ того, опеть стала баба мальчика посылать:

«Батъ, сходишь со старикомъ въ карты поиграшь?»

— Можно».—

«Одѣнь его сапоги да и играй*)...

...Въ три раза выигралъ у старика деветсотъ рублей.

Жили долго-ле коротко-ле, баба стала говорить мальчику:

«А што мы воровски живёмъ? лучше намъ наружно жить».

— А какъ наружно жить?—

«А худо платьё оболоки, приходи наймоватця въ роботники, намъ роботника надо».

---

*) [Повторяется исторія до трехъ разъ, въ третій разъ только мальчикъ надѣлъ старикову шубу].

Мальчикъ одѣлъ худо платьё, пришолъ въ кою пору старикъ обѣдалъ. Сталъ старику наймоватця въ роботники, плату проситъ не дорогу, а старикъ на дешово лакомой. Скоро, на двухъ словахъ со старикомъ изладились.

Жилъ у старика долго-ле коротко-ле въ роботникахъ. Старику стала хозяйка говорить:

«Ты сибѣ дакъ роботника нанелъ — замѣну, а мнѣ дакъ замѣны нѣту; надо роботничу нанять, либо роботника женить».

Спросили работника:

«Будёшь-ле женитця?»

— Можно.—

Бѣлобородой старикъ спросилъ:

«Откуль будёмъ за него невѣсту брать?»

А хозяйка отвѣтила:

— У сосѣда есть дѣвка, можно взять.—

А старикъ на то сказалъ;

«Я эту дѣвку не видалъ».

— Невидалъ, дакъ вотъ свѣтать будетъ, она крыльцо пахать будётъ, посмотри.

Свѣтать стало, старикъ одѣлса, пошолъ смотрѣть. Баба передѣла платьё, заннними дверями обошла, пашотъ сусѣдово крыльцо. Старикъ подошолъ, посмотрѣлъ, пошолъ обратно; баба оббѣжала занними дверми, встрѣчатъ старика, спрашиватъ:

«Ну, какова, понравилась-ле».

— А нечего, бойка дѣвка, однимъ словомъ, и росту немалого, подхожа совсѣмъ на тя; вы находитесь съ ей, дакъ какъ мы будёмъ признавать?-

«А, дикой ты старикъ! не по лицу дакъ по платью можно признать: хозяйка вѣдь въ хорошомъ платьѣ, работница вѣдь въ плохомъ».

—А то пожалуй и такъ.—

Ну, пиркомъ-свадебкой, стали женить, а сусѣдъ сталъ присватывать и отдавать— за деньги да, вино да робо́тать. Стали пить сва́дебно, пировали трои сутки. Старикъ напилса шипко пьяной, даже съ ногъ свалился; подыметъ голову:

«Выпей свадебно, свадебно!»

Выпьётъ и опять уснётъ. А тою пору пѣсни, музыка играть, барабаны бьютъ; старикъ подымётъ голову, опять ему повторятъ.

А въ это времё мужики и бабы нагружаютъ карабъ товаромъ, изъ кладовыхъ, изъ лавки всё обрали, всё сгрузили на карабъ.

После того проснулса старикъ, сталъ ходить по комнаты: въ той комнаты пусто, въ другой нѣтъ ничего, не жены своей, не роботника съ молодкой натти не могъ. Осмотрѣлъ свои кладовы, анбары, лавки, вездѣ нечего нѣту, о́брано, и вдругъ заявляётъ полиціи:

«Меня обворовали, ограбили».

Розыски стали, искать стали, розыскали мальчика со стариковой женой на пристани карабельнёй. Мальчика взяли, повели къ царю, царь сталъ допрашивать:

«Какъ ты старика ограбилъ?»

Мальчикъ на то сказалъ:

—Помилуйте, ваше царское величество! вотъ вамъ въ такомъ-то году дана записка, въ такомъ-то году друга, вотъ въ такомъ-то третья.—

Вынелъ три записки, положилъ на столъ. Царь посмотрѣлъ на эти росписки.

«Нечего дѣлать: царское слово назадъ не ворочатца».

Сказалъ на это бѣлобородому старику:

«Ты прежде кого обторговалъ, обворовалъ тебя не судили? И его судить не́какъ».

Оттуль отпустилъ царь мальчика, мальчикъ пошелъ на карабъ, поднелъ паруса и отправился домой со стариковой жоной. Бѣжали долго-ле, коротко-ле по морю, прибѣжали въ свой городъ. Пришолъ къ своей матерѣ, объяснился объ своей женитбы и привёзъ карабъ товару.

---

16. Аф. 108.

«Два изъ сумы».

Жилъ старикъ со старухой и которая старуха за́всё на старика корщала: «Ты, старикъ, нечего не наживашь и никого не промышляшъ». Старикъ не могъ этой тягости перенести, пошолъ въ лѣсъ, сталъ ставить силки. Пошолъ смотрѣть, попалъ ему журафъ. «Старикъ, ты меня не убивай, я тибѣ добро доспѣю».—Врёшь, журафъ, улетишь.— «Нѣтъ, старикъ, не убивай, добро доспѣю. И назовемся: пусь ты мой отечъ, а я тибѣ сынъ». Старикъ его вынялъ и спустилъ. Журафъ овернулса мужикомъ, повёлъ его къ сибѣ въ гости; привёлъ въ гости, сталъ угощать. Старикъ

долго-ле, коротко-ле гостилъ и придумалъ свою старуху посмотрѣть. Сынъ-журафъ далъ ему сумку и сказалъ: «Што тибѣ нужно будётъ, скажи: «два изъ сумы», а не нужно: «два въ суму». Только съ этой сумкой никуды не приворачивай, прямо домой иди». Распростились, пошолъ старикъ и придумалъ дорогой попробовать, чѣмъ его сума дѣвствуётъ. Сказалъ: «Два изъ сумы». Выскочали два изъ сумы, одинъ поставилъ столъ, другой роздёрнулъ скатёрку, питья, кушанья; старикъ подзакусилъ, не захотѣлъ ись, сказалъ: «Два въ суму». И стала онна сумка.

Была у старика немилостивая кума, вздумалъ старикъ приворотить къ ей. Кумушка его стрѣтила. «Не угонно-ле въ банѣ попаритця?» —Ничего, можно.—Истопила кумушка байну. Ушолъ старикъ въ байну, кума подмѣнила его сумку другой. Пришолъ кумушко изъ байны, кума его угостила; распростилса съ кумушкой, пошолъ, пришолъ къ своей старухѣ. «Тепере, старуха, мы съ тобой до житья дожили, вотъ я какую сумку принёсъ!» сказалъ: «Два изъ сумы»—никово нѣту; говорилъ до трёхъ разъ, всё никого нѣтъ.

Пуще старого стала старуха старика ругать и взяла кочергу, стала бить его кочергой. «Каку-то суму принёсъ да приставляится». Старикъ заплакалъ и пошолъ къ своему сыну журавлю. Пришолъ и обсказалъ всё. Журафъ спрашиватъ: «Шолъ, да куда не приворачивалъ-ле съ этой сумкой?» Старикъ отвѣтилъ на то: —Приворачивалъ къ кумы.—Опять принялъ старика, угощалъ; гостилъ тутъ старикъ и вздумалъ сходить, старуху посмотрѣть. Сынъ-журафъ далъ ему опять сумку и сказалъ: съ этой сумкой смотри некуды не приворачивай. Старикъ распростилса, пошолъ. Шолъ по полю, придумалъ попробовать свою сумку, чѣмъ она дѣвствуётъ, сказалъ: «Два изъ сумы». Выскочили два изъ сумы, одинъ взялъ ростянулъ старика, стенулъ портки, заголилъ рубашку, а другой сталъ розгами дуть и приговариватъ: «Когда не велѣно ходить да приворачивать, дакъ некогды неприворачивай». Хватилса старикъ сказать: «Два въ суму»—стала одна сумка. Старикъ сказалъ: «Я съ той сумкой къ кумушкѣ приворачивалъ, а съ этой подавны можно». Приворотилъ къ кумушкѣ. А кумушка до него така стала ласкова. «Кумушко! Не угодно-ле въ банькѣ попаритця?» —А, пожалуй, не мѣшатъ въ брюхѣ.—Ушолъ въ байну, а сумку повѣсилъ на спичку. Кумушка опять попробовала, чѣмъ у него сумка дѣ-

ствуетъ, сказала: «Два изъ сумы». Выскочили два изъ сумы, одинъ кумушку ростенулъ, заворотилъ ейны сарафаны, другой началъ розгами ей наказывать, и приговариватъ: «Нековды у старика сумки не воруй». У ей было двѣ доцери, одна и побѣжала въ байну. «Дѣдушко! каки-ле пришли, у меня матерьту всю пристегали». —Ужо, помѣшкай, волосы на рядъ не причесалъ.—Прибѣжала друга доци. «Дѣдко, поди, мати едва жива, всю пристегали». Пришолъ дѣдко въ избу, кумушка говоритъ: «Кумушко, твоя-то сумка у меня въ горницѣ на спицѣ вѣситца». Добралса дѣдко до первой сумы и сказалъ: «Два въ суму»—ничего не стало. Взялъ старикъ обѣ сумки пошолъ къ старухѣ. «Ну, старуха, теперь мы до житья дожили» и сказалъ: «Два изъ сумы». Выскочили два молодца, накормили-напоили. Старикъ сказалъ: «Два въ суму»—ничего не стало. И взялъ эти обѣ сумки, повѣсилъ на спичку. Оттуда старикъ пошолъ на у́лечъ, сталъ поправлять свой огородъ. Старуха захотѣла попробовать, чѣмъ у его сума дѣйствуетъ, сказала: «Два изъ сумы». Выскочили два изъ сумы, одинъ стуруху ростенулъ, заворотилъ ейный сарафанъ, другой сталъ розгами наказывать и приговариватъ: «Некогды старика не брани и не бей старика кочергой». Старуха не домыслила сказать, что «два въ суму», старикъ зашолъ съ уличи, старуху одва живу засталъ. Сказалъ: «Два въ суму». Перестали старуху стегать. И оттуда они стали жить хорошо и согласно.

17.

Афа. 219, b

Царь и воръ.

92

Воръ съ дядей шли къ царю воровать, пришли къ царскимъ воротамъ. Воръ велитъ дядѣ впередъ итти, а дядя вору. Пошолъ однако дядя. Пошолъ дядя, подворотница пала, вору голову отсѣкла; воръ тулово оставилъ, а голову съ собой унёсъ.

А царь хочётъ узнать, хто у него воровалъ. Сталъ кликъ кликать, всѣхъ бабъ собрать: которая женщина прослезится, та и жена убитого. Воръ дядину жону научилъ: «Ты неси крынку молока, урони, пролей и плачь: «не жаль крынка, жаль молоко». Выкопали могилу, собрались бабы; погонили бабъ мимо эту могилу ширинкой, жона дяди сронила крынку и плачётъ:

«Не жаль крынки, жаль молоко». Такъ царь и немогъ узнать вора.

Въ кабакѣ стали сыпать злато-серебро. «Хто-ле воровать будетъ». Злато-серебро теряитца, а къ полу нехто не согибаетца. Стали людей поить, пили люди, за́спали. Утря́хъ спятъ, зашолъ попъ и видитъ у вора на подошвы серебренникъ. Попъ взялъ, да у вора полбороды и обрѣлъ. Проснулса воръ, узналъ, што у ся полбороды нѣтъ, взялъ да у многихъ полбороды обрѣлъ. И опеть не могли вора признать.

А воръ думать сталъ, какъ попу на смѣну заёмно овратить. Сдѣлалъ сибѣ ящикъ, поддѣлалъ гумажны крыльё, одѣлъ хорошо платьё и подлетѣлъ къ попу передъ окна на перила. Говоритъ: «Я ангелъ господень, ты достоинъ, тебя на небо нести, только будутъ мытарства, надо ихъ перетерпѣть». Посадилъ попа въ куль, принёсъ и повѣсилъ на церковны ворота, на ограду и надписалъ надпись: «Хто пойдётъ въ церковь, кажной штобы по кулю по разу ударили». Попа тутъ кажной колотилъ и до смерти заколотили.

А царь вора всё не можотъ признать. Одѣлса царь въ шутовское платьё и въ рынкѣ сталъ ходить, пособиватця межъ людей. Ходитъ царь пособиватця и воръ пособиватця. Другъ дружку замѣтили ворами. Воръ у царя спрашиватъ:

«Воровать не пошли?»

— Можно воровать.—

«А къ кому поидёмъ?»

Царь отвѣчатъ:

— Къ царю.—

Воръ царя по косицѣ и хлесь.

«Ахъ ты, такъ твою мать! довно-ле воруешь, а ужъ къ царю идти хочешь, я вѣки ворую, да на царя-то (такъ!) никогда не думалъ воровать».

— А къ кому ино пойдёмъ воровать?—спрашиватъ царь.

«А къ боярамъ, у ихъ деньги-те даровые».

Пошли воровать къ боярамъ, пришли къ чердаку́, а въ чердаки, въ верхнихъ етажахъ огонь, собраньё. Воръ зелѣзны хра́пы вынелъ, на руки, на ноги наложилъ, полѣзъ по стѣнѣ. А народъ совѣтуютъ, какъ царя кончить. Придумали такъ: позвать его къ сибѣ въ непоказанные чесы, а когда придётъ, поднесту ему цару. Цару выпьётъ, дакъ самъ помрётъ. Слѣзъ воръ со стѣны, далъ царю кокти, велѣлъ кверху лѣзть, самому

прослушать. Одѣлъ царь кокти, залѣзъ, послушалъ одинъ совѣтъ. Отозвалъ оттуль царь вора на особичу. Отошли они подалѣ, царь снялъ съ себя шутовское платьё и оказалса во крестахъ и во полетахъ. Воръ на колѣнки палъ, извинянтца, што царя по косичѣ ударилъ. Царь его простилъ. Повёлъ царь вора во дворецъ.

«Когда бояра меня позовутъ во дворецъ, то я тебя назову иностраннымъ купцомъ и возьму съ собой. И будутъ мнѣ подавать цару, я и спрошу: «У васъ какъ—которой наливатъ, тотъ вперёдъ выпиватъ, але которому подаютъ?» Вы и отвѣтьте: «Которой наливатъ, тотъ вперёдъ выпиватъ». Позвали бояра царя, пошолъ царь съ воромъ, воръ наряжонъ иностраннымъ купцомъ. Стали царю подавать царку;. царь спрашиватъ:

«Какъ въ вашихъ мѣстахъ: тотъ выпиватъ, кто наливатъ, але какъ?»

Купецъ отвѣчатъ:

— Которой наливатъ, тотъ первой и выпиватъ.

Царь приказалъ поднощику вперёдъ выпить. Выпилъ поднощикъ цару, да тутъ и померъ; схватили всѣхъ, сколько тутъ было бояръ, новыхъ растрѣляли, новыхъ на воротахъ повѣсили. А вора царь сибѣ думнымъ доспѣлъ.

---

18. Афр. 185

Царь, старикъ и бояра.

Ѣхалъ государь съ боярами, увидѣлъ старичка бѣлобородого — борода больша, сѣдой.

«Здраствуй, дѣдушко!»

— Здраствуй, свѣтъ великія надёжа государь.—

«Какъ-же ты, дѣдушко, поздо сталъ?»

— А я рано сталъ, да подопнулса.—

«А ты бы и въ другижъ».

— А я и въ другижъ сталъ, да подопнулса.—

«А ты бы и въ третьижъ».

— А я и въ третьижъ сталъ, да опеть подопнулса.—

«Дѣдушко, давно-ле на горахъ снѣги забѣлѣли?»

— Двадцеть лѣтъ.—

«Давно-ле съ горъ ручьи побѣжали?»

— Петнадцеть лѣтъ.—

«Дѣдушко, прилетятъ суды гуси, можошь-ле ихъ теребить?»

— А сколько могу потереблю.—

«Дѣдушко, тереби горазнѣ, не жалѣй».

Распростился царь съ дѣдомъ, поѣхали. Пріѣхалъ царь домой, сталъ у бояръ спрашивать:

«Чего мы съ дѣдушкомъ говорили?»

Бояра стали строку просить. Выпросили строку, съ царёмъ распростились, розошлись, сѣли на коней и поѣхали къ дѣдушку. Пріѣхали, поздоровались.

«Дѣдушко, чево вы съ государёмъ говорили?»

— Нѣтъ, нельзя сказать.—

«Дѣдушко, даймъ по сту рублей».

— Нѣтъ, нельзя.—

«Дѣдушко, даимъ по двѣсти рублей».

— Нѣтъ, нельзя.—

«Дѣдушко, даимъ по триста».

— Ну, когда по триста, скажу. Спросилъ у меня царь: «Пошто поздо женился?» я сказалъ:—Рано женился, да жонка померла. «А ты-бы, говоритъ, и въ другижъ женилса»·— Я и другйжъ женилса и друга померла.— «А ты-бы и третьйжъ женилса». —Я и третьижъ, и третья померла.— Спросилъ царь: «Давно-ли, говоритъ, волосы на головѣ засѣдѣли?— Двадцеть лѣтъ.— «Давно-ле, говоритъ, ручьи съ горъ побѣжали?» —Петнадцеть лѣтъ.—То слёзы изъ глазъ побѣжали.—

«А гусей какихъ говорилъ?» спрашиваютъ бояра.

— А вотъ васъ самихъ теребить и велѣлъ.

Поѣхали бояра къ государю и передали всё, што узнали.

Другой разъ поѣхалъ государь, увидѣлъ дѣдушка, спрашиватъ:

«Были-ли у тебя гуси?»

— Были.—

«Ну каково-жо ты потеребилъ?»

— А сколько могъ теребилъ, свѣтъ великія надéжа государь.—

«А плохо теребилъ, ты-бы такъ теребилъ, штобы перышки всѣ у ихъ ощипалъ».

Ср. Аф. 186

19.

Небылица — сорокъ братьевъ ѣздили отца крестить.

Бывало, поѣхали сорокъ братьевъ отца крестить; у ихъ была сорокапѣгая кобыла, сорокъ братьевъ всѣ на ней вы́сѣлись, всякъ на свою пѣги́ну. Они ѣхали, ѣхали, пришлось рѣку переѣжжать. Черезъ эту рѣку у ихъ кобыла скочила, да по середка сорва́лась *).

А у ихъ братъ былъ меньшо́й, а на смѣткахъ большой, онъ кольчо свилъ, да и кобылу сшилъ, да и опять поѣхали. Имъ привелось по дорогѣ ночевать, а у ихъ огнива не было, огня добыть: они увидѣли въ лѣсу въ избушкѣ огонь, послали большого брата за огнёмъ. Пришолъ братъ къ избушкѣ, лежитъ старикъ изъ стѣны въ стѣну ногами упёръ, носъ въ потолокъ:

«Дѣдушко! подай огню!»

— Скажи небылицу дакъ и подамъ огню.—

«Я, бывало, сорокъ саженъ въ день дровъ насѣкъ».

— Это кака небылица, это я на старось насѣку.—

Взялъ изъ спины ремень выкроилъ да и въ погребъ бросилъ.

Немогли дождатця большого брата, послали среньнёго. Приходитъ среньнёй и говоритъ:

«Дѣдушко, подай огню».

— Скажи небылицу, дакъ подамъ огню.—

«Бывало, я сорокъ возовъ сѣна въ день поставилъ».

— Это кака небылица, это я на старось поставлю.—

Взялъ изъ спины ремень выкроилъ, въ погребъ бросилъ.

Пошолъ братъ меньшо́й, который на смѣткахъ большо́й.

«Дѣдушко подай огню».

— Скажи небылицу дакъ подамъ огню.—

«Я, дѣдушко, услышелъ: за морёмъ, што тамъ скотъ дёшовъ, быковъ мѣняютъ на оводовъ, мухъ на коровъ, телятъ на комаровъ. Я наклалъ три ту́еса, первой оводовъ, другой мухъ, третей комаровъ и поѣхалъ за морё и сталъ мине́ть этого скота; Намѣнялъ этого скота, промѣнялъ всѣ три ту́еса. Изъ за́ моря

---

*) Въ см. перервалась пополамъ.

вздумалъ ихъ переправлять на свою сторону, а провозомъ стаютъ дорого. Я сталъ ихъ изъ зá моря за хвосты метать. Переметалъ всего скота, оставилъ сибѣ семигодовалого быка. Розмахалъ этого быка, бросилъ; бросилъ да не отпустилса и самъ съ нимъ полетѣлъ. Вы́билъ этого я скота и надѣлалъ кожи. Оттуда я отправился нá небо и изъ кожи сталъ обутки шить: всѣмъ большимъ богамъ по сапогамъ, малымъ-то богамъ сошилъ всѣмъ по котáмъ. А изъ семигодовалого быка выкроилъ сибѣ ремень и сталъ по этому ремню съ неба спускатся; ремень у меня не сталъ *). Я штаны-те поттыкалъ, дыму накликалъ, у́жище свилъ и опять спускалса и опять у́жища не стало. Посмотрѣлъ испóдъ, думалъ стоитъ печь, скочилъ и осѣлъ въ болото до плечъ. Стала утка летать, мнѣ на голову еича садить. Волкъ узналъ, сталъ ходить, еича ись; я добывалъ, добывалъ свою правую руку, пришолъ волкъ еича ись, я за хвостъ и поймался; волкъ скакалъ, скакалъ, меня выдернулъ, у волка хвостъ оторвалса. Вотъ, дѣдушко, я оттуль и пришолъ. Ну, какова, дѣдушко, небылича?»

— Хороша, молодецъ!—

И далъ дѣдушко огню и выпустилъ братьевъ изъ погреба. Оттуль поѣхали они дальше.

20.

Небылица.

Бывалъ да живалъ, на босу ногу топоръ надѣвалъ, трои лыжи зá поесъ затыкалъ; пошолъ возлѣ лыко гору драть, увидѣлъ озеро на уткѣ сидитъ; высѣкъ я три палки, перву бросилъ — недобросилъ, втору бросилъ—перебросилъ, третью бросилъ—попалъ; утка стрепенулась, а озеро полетѣло, да на сухой лѣсъ сѣло, ну и сказки конецъ.

---

*) Въ см. ремня нехватило.

21.

Небылица.

Шолъ я, стоитъ избушка; зашолъ, квашня женщину мѣситъ, я и усмѣхнулъ, а квашни не пондравилось, она хватитъ печъ изъ лопаты, хотѣла ударить; я черезъ штаны скочилъ, да и порогъ вырвалъ, да и убѣжалъ.

22.

Исповѣдь.

Мужикъ пришолъ попу кается и всяки попу грѣхи сказывалъ, а попъ всё говоритъ:

«Кайся, кайся, чадо».

—Батюшко! разъ было съ вашей дочкой пóдъ возомъ.

«Кайся, кайся, чадо».

—Батюшко! съ вашей матушкой было разъ, на кроваткѣ у васъ.—

«Кайся, кайся, чадо».

—Батьшко! Каюсь, каюсь, да и до васъ добираюсь.—

Попъ книгу захлопнулъ, да и убѣжалъ въ алтарь.

«У меня-то — туръ возьми!»

23.

Разсказъ зырянина *).

Былъ у меня вы́рыной кóбылка; ѣкалъ я тэркэмъ, бóркэмъ, вóрэтэйкой; пéреди стóялъ чéрмковой кýсъ, та изъ куста рябчикъ—шóръ! а кóбылка у меня и форъ! я съ ей палъ, да три

---

*) На Низовой Печорѣ русское населеніе можно подраздѣлить на устьцылёмовъ и пустозеровъ (подробно объ этомъ въ моей статьѣ «Былинная поэзія на Печорѣ»); тѣмъ и другимъ свойственны свои нравы, привычки, особенности. Сосѣди сталкиваясь другъ съ другомъ замѣчаютъ эти особенности и высмѣиваютъ ихъ. Г. И. Чупровъ и П. Р. Поздѣевъ сообщили мнѣ «насмѣшки» надъ пустозерами и зырянами, а одинъ зырянинъ изъ с. Ижмы, Ю. П. Каневъ, сообщилъ, какъ смѣются зыряне надъ устьцылёмами. Н. О.

пня рёбромъ повыломалъ, да трои сутки домой кэрэвушкой ползъ; да дома у меня былъ свốерощеной быгородичка, да я ей кáдилъ, да кáдилъ, да она ры́чикала, пýчикала да и гóрѣла.

24.

«Устьцылёмы надъ пустозёрами смѣются».

Когда пустозеры подтягиваютъ неводъ съ семгой къ берегу, то тихимъ голосомъ твердятъ:

«Сократи Господи! Сократи Господи! Сократи Господи!.. Когда неводъ притянутъ, и мáтица—мѣшокъ на концѣ невода—быстро вытаскивается на песокъ, то пустозёры громкимъ голосомъ и быстро говорятъ:

«Дай Господи! Подай Господи! Нá сто, на тысечу, на чѣлой милеонъ!!!»

Разсказомъ этимъ устьцылёмы хотятъ показать и хитрость и жадность пустозёровъ.

25.

«Зыряне смѣются надъ устьцылёмами»*).

Встрѣчаются два устьцылёма и начинается разговоръ:
«Парфенте-е-й, а Парфенте-е-й!
— Чего-о?—
«Куда поѣха-алъ?»
— Въ Пинегу-у.—
«Пошто-ле-е?»
— На бава-аръ.—
«Купи мнѣ икону-у.»
— Какую-ю?—
«А Миколу-у.»

*) Этотъ и послѣдующій анекдотъ про устьцылемовъ сообщилъ мнѣ зырянинъ-ижемецъ Ю. П. Каневъ, торговецъ бывающій по дѣламъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Постоянно онъ живетъ въ с. Ижмѣ, на рѣкѣ того же названія, притокѣ Печоры.

— Большу-ле-е?—

«Съ баенну две-ерь».

Разсказчикъ намѣренно растягиваетъ слова на концахъ, передразнивая устьцылемовъ, которые говорятъ очень пѣвуче.

26.

Годъ такой.

Въ деревнѣ Усть-Ижмы встрѣчаются два мужика и начинаютъ разговаривать:

«Микулай. а Микулай!»

— Чего-о?—

«У меня дѣвка-то брюхата-а.»

— У меня тоже.—

«Нечо не бай, нынче годъ такой».

4. Носовъ, Алексѣй Андреевичъ.

Гильфердингъ говоритъ въ своей извѣстной статьѣ «Олонецкая губернія и ея народные рапсоды»: «Повидимому, былины укладываются только въ такихъ головахъ, которыя соединяютъ природный умъ и память съ порядочностью, необходимою и для практическаго успѣха въ жизни» *). Дальше Гильфердингъ разсказываетъ, что не разъ, по указаніямъ другихъ, онъ искалъ въ разныхъ деревняхъ «такого-то нищаго или такого-то кабацкаго засѣдателя», про которыхъ Гильфердингу говорили, что онъ умѣетъ пѣть разныя исторіи. «Но нищіе по профессіи знали только духовные стихи, а пропившіеся въ кабакѣ мудрецы являлись съ запасомъ пѣсенъ, болѣе или менѣе разгульныхъ, и анекдотовъ, болѣе или менѣе остроумныхъ, но ни одинъ рѣшительно не былъ рапсодомъ». (Тамъ-же). Гильфердингъ не встрѣчалъ былинщика-сказателя пьяницу, а многіе сказатели совсѣмъ не пьютъ вино.

Алекс. Андр. Носовъ, сказка котораго ниже слѣдуетъ, можетъ, мнѣ кажется, подорвать непреложность мнѣнія Гильфердинга о сказателяхъ, съ которымъ соглашаются какъ будто и прочіе собиратели-этнографы. А. А. именно извѣстенъ всѣмъ устьцилёмамъ тѣмъ, наличность чего въ человѣкѣ кажется Гильфердингу несовмѣстимой со знаніемъ былинъ.

А. А. не только пьетъ, но въ очень большой степени злоупотребляетъ этимъ, причемъ эта слабость преврати-

*) Стр. 17. «Сбор. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наукъ». Т. 59.

лась у него въ страсть, отъ которой ему, повидимому, уже нѣтъ спасенья. Только въ силу этого обстоятельства А. А. живетъ очень бѣдно, всегда нуждается, въ его семьѣ разладъ. А. А. уже 48 лѣтъ отъ роду, но его только и видишь безцѣльно слоняющимся по длиннымъ улицамъ Устьцыльмы, иногда весьма нетвердымъ на ногахъ, часто совсѣмъ въ неприглядномъ состояніи. Даже ко мнѣ явился онъ самъ, безъ всякого зова, въ очень мрачномъ настроеніи, отъ повидимому, «веселаго вчера» и хриплымъ голосомъ предложилъ что-нибудь спѣть или разсказать сказку.

Твердо помня мнѣніе Гильфердинга, я очень недовѣрчиво отнесся къ предложенію, и отклонилъ было услуги, но, повидимому, А. А. понялъ причину моего отказа, это его задѣло и онъ сказалъ мнѣ, что если я ему не вѣрю, то онъ споетъ на пробу и за это даже денегъ съ меня не возьметъ. Дѣлать было нечего, нужно было слушать, и я попросилъ расказать сказку. Тутъ-же пришлось поднести, потому что А. А. было очень худо. Дѣло пошло глаже и сказка была разсказана очень хорошо. Я очень заинтересовался, заплатилъ ему деньги (разумѣется, главная причина прихода и было желаніе заработать) и просилъ еще придти. А. А. еще пришолъ и хорошо спѣлъ стихъ про «Агрика».

Знаетъ А. А. и много былинъ, но ихъ у меня было записано уже довольно, новыхъ онъ не зналъ, но я всеже выяснилъ—что можетъ знать такой интересный для наблюденія человѣкъ. Для этого я просилъ его перечислить мнѣ то, что А. А. знаетъ, но не ограничиваться простымъ перечисленіемъ, а вкратцѣ расказать содержаніе каждой былины.

Такимъ образомъ я выяснилъ, что А. А. Носовъ знаетъ былины: 1) Застава богатырская (сокольникъ и Илья Муромецъ), 2) Дунай, 3) Бой Дуная и Добрыни, 4) Чурило и невѣрная жена, 5) Ставёръ Годиновичъ, 6) Бой Добрыни съ Маринкой, 7) Илья, голи кабацкіе и Тугарище, 8) Иванъ Гостинный-сынъ, 9) Мамаево побоище, 10) Потокъ Ивановичъ, 11) Скопинъ Михаило Ивановичъ; и стихи: 1) Егорій и Александра и 2) Агрикъ; сколько и какихъ знаетъ А. А. сказокъ, я у него не спрашивалъ, но конечно «Иванъ Быковичъ» не единственная сказка въ его репертуарѣ. Я по-

тому такъ подробно остановился на выясненіи деликатнаго предмета въ жизни сказателя, которому я во всякомъ случаѣ обязанъ хорошей сказкой, что это очень важно для выясненія вышеуказаннаго утвержденія Гильфердинга, съ которымъ я совсѣмъ не согласенъ.

---

27. Af. 77

Иванъ Быковичъ.

Жилъ былъ царь, у его была служанка и царь приказалъ служанкѣ купить щуку. Эту щуку сварили, уху съѣли царь съ царицой и служанка, а помои вынесла быку. Царица и служанка и быкъ съ ухи обрюха́тѣли. Царица родила Ивана-царевича, служанка — Ивана Дѣвича, быкъ—Ивана Быковича. Ростутъ эти робята не по-годамъ, по-мѣсечамъ и выросли робята двѣнадцеть мѣсечей, и стали ходитъ по царскимъ конюшнамъ выбирать по коню. Иванъ-царевичъ, Иванъ Дѣвичъ выбрали, а Иванъ Быковичъ не можетъ выбрать: къ какому коню придётъ, рукой тяпнетъ, конь съ ногъ долой. Иванъ Быковичъ пришолъ въ погребъ, стоятъ два коня. Одного тяпнулъ, конь устоялъ: «Это по мнѣ». Вывелъ коня и поѣхали всѣ въ чисто поле.

Въ чистомъ полѣ гуляли день. Прогуляли весь день до вечера, пріѣхали ночевать къ мосту. Иванъ Быковичъ говоритъ братьямъ: «Братья, построимъ здѣсь шатёръ, будёмъ ночёвать». Построили шатёръ. Иванъ Быковичъ говоритъ: «Давайте, братья, метать жеребей, кому не спать, караулить у моста». Бросили жеребей, досталось Ивану Дѣвичу. Иванъ Дѣвичъ сѣлъ караулить, а Иванъ Быковичъ и Иванъ-царевичъ пошли въ шатёръ, спать легли. Въ шатрѣ Ивану Быковичу не спится. «Пойду, его досмотрю, каково онъ караулитъ». Пришолъ, а братъ спитъ, какъ сильнёй порогъ шумитъ. Сѣлъ самъ караулить Иванъ Быковичъ подъ мостъ. Ѣдётъ по мосту проклятое Издо́лищо о трёхъ головахъ. У проклятого конь подпинаитсе, на носъ подтыкаитсе. «Што-же ты, конь, подпинаишся, на носъ подтыкаишся? Кого я боюсь? Есть на свѣтѣ одинъ, Иванъ Быковичъ, я того на одну доло́нь посажу, другой придавлю, у его одна пѣна выйдетъ». Иванъ Быковичъ выскочилъ изъ по́дъ моста:

—Чѣмъ ты, проклятое Издолищо похваляешся?—«Я похваляюсь своей силой, заходи сюды на мостъ». Иванъ Быковичъ зашолъ, Издолищо спрашиваетъ: «Далёко-ле у тебя, Иванъ Быковичъ, духъ несётъ по́ мосту?» —У меня до полу́мосту. —«А у меня три версты. Ну-ко дунь», говоритъ Издолищо. —Нѣтъ, я не дуну, у меня одна голова, да и та больна, ты дунь, у тебя три головы. — Проклятое хочетъ дунуть, духи направля́тъ, шею вытега́тъ, Иванъ Быковичъ выхватилъ саблю изъ кормана и отмахнулъ всѣ три головы у Издолища; эти головы и тулово съ мосту свалилъ, прибралъ, самъ пошолъ въ шатёръ спать. Иванъ Дѣвичъ приходитъ съ караулу въ шатёръ, Иванъ Быковичъ спрашиваётъ: «Каково, братъ, ходилъ?» —Тихо, тихо, братъ, волосомъ не вянётъ, ничего я не слыхалъ.— Утро стало, поѣхали они въ полё гулять, весь день проѣздили, ночевать опять пріѣхали къ шатру, къ мосту.

Опять бросили жеребей Иванъ-царевичъ и Иванъ Быковичъ, досталось караулить та ночь Ивану-царевичу. Иванъ-царевичъ пошолъ караулить, а два брата спать легли въ шатрѣ. Ивану Быковичу не спится. Пришолъ, а Иванъ-царевицъ спитъ, какъ сильнёй порогъ шумитъ. Иванъ Быковичъ сѣлъ караулить подъ мостъ. Ѣдетъ по мосту проклятое Издолищо о шести головахъ; у проклятаго Издолища конь подпинаится, на носъ подтыкаится. «Што-же ты, конь, подпинаешся на носъ подтыкаишся? Кого я боюсь? Есь на свѣтѣ Иванъ Быковичъ, я того на одну доло́нь посажу, другой придавлю, у его одна пѣна выйдетъ». Иванъ Быковичъ выскочилъ изъ по́дъмоста. —Чѣмъ ты, проклятое Издолищо, похваляешся?— «Я похвалюсь своей силой, заходи сюды на мостъ». Иванъ Быковичъ зашолъ, Издолище спрашиватъ: «Далёко-ле у тебя, Иванъ Быковичъ, духъ несётъ по мосту?» — У меня до полу́моста. — «А у меня на шесть вёрстѣ духъ несётъ. Ну-ко ты дунь». — Нѣтъ, ты дунь, у тебя шесть головъ, а у меня одна да и та больна. — Проклятое Издолищо хочётъ дунуть, духи направля́тъ, шею вытега́тъ, Иванъ Быковичъ выхватилъ въ ту́ пору саблю и шесть головъ срубилъ у Издолища, свалилъ въ ту-же кучу и спать пошолъ въ шатёръ. Утромъ спрашиватъ: «Каково-же братъ, ты караулилъ?» Отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ: — Тихо, тихо, братъ, волосомъ не вянётъ — ничего я не слышалъ. — На утро опять въ полё поѣхали день гулять, пріѣзжаютъ къ мосту третью ночь ночевать. Иванъ Быковичъ говоритъ: «Я пойду караулить, а въ шатри

не спите, картами играйте: если мой конь ногами землю бить будётъ, вы его спустите».

Пошолъ Иванъ Быковичъ караулить третью ночь, сѣлъ подъ мостъ, сидитъ караулитъ; идётъ проклято Издолище объ девети головахъ. У проклятого Издолища конь подпинается... и проч. ...«А ты, проклятое Издолище, чѣмъ ты похваляишся»... и проч. «Далеко-ле духъ несётъ»?— До полумоста —«А у меня за деветь вёрстъ... и проч. Иванъ Быковичъ въ ту пору саблю выдернулъ, шесть головъ свалилъ, а три головы не могъ свалить, осталось у Издолища. Схватились они дратця. Дрались, дрались, Издолище Ивана Быковича и здавилъ подъ себя, смялъ. Конь Ивана Быковича ногами въ землю бьётъ, а братья спятъ, не слышатъ. Иванъ Быковича конáется проклятому Издолищу: «Проклято Издолищо, дай мнѣ розуть со правóй ноги сапогъ, со бѣлымъ-свѣтомъ проститься». Издолищо далъ, Иванъ Быковичъ снялъ сапогъ, бросилъ коню въ поводъ и розорвалъ этотъ поводъ. Конь прибѣжалъ и срылъ Издолища съ Ивана Быковича. И выхватилъ Иванъ Быковичъ саблю и срубилъ головы остальни, свалилъ эти головы и тулово въ стару кучу. Пошолъ въ шатёръ къ братьямъ, бранитъ своихъ братьевъ: «Што-же это вы, братья, вамъ велѣно было спустить коня, подьте-ко посмотрите, што у меня тамъ подѣлано». Свёлъ и показалъ братьямъ восемнаццеть головъ и три тулова. Братья себя руками хлопаютъ. «Откуль ты нарубилъ?»— Топере, братья, надо ѣхать намъ прочь отъ моста,— говоритъ Иванъ Быковичъ.

Ѣхали, ѣхали, доѣхали до большого дому; стоитъ большой домъ, со всѣми кокорами, превеличающій, большой домъ. Братья хотятъ заходить въ домъ обѣдать. Иванъ Быковичъ говоритъ: «Нáперво я одинъ захожу, послушаю, што въ этомъ домѣ дѣится». Иванъ Быковичъ овернулся мушкой, залетѣлъ въ домъ, на потолокъ сѣлъ. Сидитъ на потолокѣ, выслушиватъ. Жалитса малого Издóлища жона. «Матушка, матушка, воръ-отъ Иванъ убилъ твоёго сына родимого, моёго мужа любимого». Старуха Егáбиха говоритъ: —Поди на дорогу, овернись имъ краваткой тисовой и периной пуховой, лягутъ они на кроватку, ихъ растреснётъ, разорвётъ на маленьки зернеца.— Идётъ друга невѣска, жалится старухѣ Егáбихѣ: «Матушка, матушка, воръ-отъ Иванъ убилъ твоёго сына родимого, моёго мужа любимого». —Поди овернись колодчёмъ, ключёвой водой и чарочкой золотой. Станутъ они эту воду пить, ихъ разорвётъ, растреснётъ на мелки

Иванъ Быковичъ призвалъ Ерышка, которой можетъ вино пить. Посадили Ерышка за столъ и стали подавать рюмочками, да ку́мочками. Ерышко говоритъ: «Што вы носите мнѣ ку́мками? носите ведёрками». Стали ведёрками носить; онъ за ту шшо́ку ведро, за другу ведро, третьимъ попихнётъ, мало уйдётъ. У царя вина мало стало. Сватовщики всё въ одну сторону сватаются. Царь говоритъ: «Если сколь у меня хлѣба есь—съѣдите, тогда отдамъ». Садится Ерышко хлѣбъ ись. Ему подносятъ ломотками, онъ говоритъ: «Што мнѣ ломотками носите, мнѣ ковригами». Стали носить ковригами; онъ ковригу за одну шшоку, другу за другу, третьей попихнётъ, мало уйдётъ. У царя хлѣба мало стало, пріѣлъ весь. Сватовщики всё въ одну сторону сватаются, царь говоритъ: «Если въ три часа сходите за тридеветь земель, за тридеветь морей, по подвѣнечно платьё, тогда отдамъ невѣсту». —Гдѣ ты, старушка?— говоритъ Иванъ Быковичъ. Послали старуху; старуха побѣжала. Три часа подходитъ, старухи нѣтъ. Ерышко изъ ступы стрѣлилъ, старухѣ въ саму жопу застрѣлилъ. «Фу-фу-фу, проспа́ла проспа́ла». Скочила и побѣжала съ платьёмъ. Принесла платьё. Царю дѣлать нечего, весёлымъ пиркомъ и свадебкой, отдалъ дочерь. Обручили, повѣнчали, Иванъ Быковичъ сталъ отправлятся за морё, въ своё мѣсто. Пошли на карабъ. Побѣжали, перебѣжали морё, стали на берегъ, Ерышко взялъ карабъ, ложкой въ корманъ положилъ. Пошли, стали Ерышки оставатся и всѣ остались.

Пришли къ старику. Нажогъ онъ яму у́голья горечихъ, положилъ черезъ яму жердь. Приказыватъ Ивану Быковичу черезъ жердь перетти. «Ты шолъ съ невѣстой дорогой, можотъ блудъ сотворилъ; пройди черезъ яму, тогда я тебя виной прощу». —Нѣтъ, дѣдушко, ты самъ попереди пойди, меня поучи.— Старикъ черезъ яму побѣжалъ, Иванъ Быковичъ жердь повернулъ, старикъ въ яму въ у́гольё и палъ. Сожгли старика. Сталъ тутъ Иванъ Быковичъ жить да быть съ братьями. Былъ у меня синь кафтанъ я положилъ подъ коко́ру, не знаю подъ котору.

5. Поздѣевъ, Петръ Родіоновичъ.

Петръ Родіоновичъ главнымъ образомъ сказатель старинъ, которыхъ онъ мнѣ спѣлъ цѣлыхъ 16-ть, а знаетъ и еще больше. Знаетъ онъ и пѣсни, знаетъ и сказки, но немного. Онъ уже старикъ, ему 65 лѣтъ. Подробно объ немъ я говорю, какъ о старинщикѣ-сказителѣ въ «Печорскихъ былинахъ» (стр. 76—78).

Арх. 173

28.

Маркъ купецъ-богатый.

Былъ нýжной хресьенинъ, у него было шесь сыновьéй. И еще у него родилса семой сынъ, ночью.

Былъ Маркъ богатой, пришла ему сиротúна, попросилась ночевать, Маркъ и говоритъ: «У насъ народу много, покормить покормимъ, а спать нéкуды». —А я хоть на столъ лягу.— Спустили сиротúну. Стала ночь, сиротúна лежитъ на столи, человѣкъ на улицы ревётъ:*) «Господи! Вотъ у нýжного человѣка семой сынъ родилса, какимъ его счасьёмъ надѣлимъ?» Сиротина отвѣчатъ: «Счасьемъ надѣлить Марка купцомъ». Начинаетца утро, а этотъ крыкъ услышала куфарка, въ утряхъ и сказала Марку-купцю. Маркъ изнаредилса и пошолъ искать пó городу у какого человѣка родилса семой сынъ. Маркъ-купецъ

*) Употребляется на Печорѣ въ см. *кричать*.

ходилъ, ходилъ, нашолъ бѣнной дворишко и спросилъ: «У тебя въ сей ночь хозяйка принеслась-ле?» —Принеслась. Семого сына принесла.— Маркъ-купецъ говоритъ: «Продай мнѣ его». —Купи. А чо дашь?— «А я не знаю чо просишь? Давай, я сто рублей дамъ». А мужикъ и радъ, за сто рублей и отдалъ. Маркъ-купецъ понёсъ-бы парни́шечка домой и домой принёсъ. Живётъ парнечо́къ день-ле, два-ле, тамъ его до́ржатъ. Маркъ-купецъ здумалъ ѣхать, велѣлъ кучеру запрекчи лошедь. Роботникъ лошедь запрёгъ, Маркъ-купецъ сталъ поѣжжать. Поѣхали и робёночка съ собой взялъ въ повозку. Ѣхали, ѣхали, въ лѣсъ заѣхали. По лѣсу ѣхали, Маркъ-купецъ роботнику и говоритъ: «Остановись». Тотъ остановилса, стоитъ. Маркъ-купецъ робёночка и даватъ: «На, отнеси робёночка, подъ ель положь». А времё было—зима. Робёночка снёсъ и уѣхали.

Ѣхалъ сзади купецъ. Сидитъ онъ въ повозки и услышелъ въ стороны пискъ и говоритъ: «Стой ямщикъ!» Ямщикъ сталъ. И ямщикъ учулъ: робёнокъ плачётъ. «Поди-ко поищи, хто тамъ плачётъ». Пошолъ: подъ елью робеночёкъ плачётъ, а передъ имъ свѣчка горитъ. Ямщикъ взялъ робёночка и понёсъ. «Лежитъ, ляга́итця на снѣжку, а передъ имъ свѣцька горитъ». Купецъ робёночка взялъ. Привёзъ купецъ робёночка и сталъ ро́стить вмѣсто сына.

Выросъ годовъ до семнаццети, выучился грамоты, сталъ дѣтина хорошой, послухмя́нной. Марку-купцу случилось ѣхать къ купцу къ этому. Пріѣхалъ, купецъ его сталъ чо́ствовать, а дѣтина живётъ кучеромъ, на столы подноситъ. Марку дѣтина поглянулса, сталъ онъ спрашивать. «Откуль у тебя такой? Сынъ але лакей?» Купецъ разсказалъ какъ было. Марку купцу и въ серцо ткнуло. Не говоритъ ничего, а въ умѣ-то думатъ. «Отдай мнѣ его въ принеты́, есь у меня дочи». —Жалко, хорошой дѣтина.— Тотъ одно што проситъ. Купецъ испира́лса, испира́лса, потомъ оступи́лъ. Маркъ-купецъ сталъ гумагу писать въ свой домъ—самъ дальше ладитъ ѣхать торговать,—штобы какъ придётъ дѣтина, штобы какъ-ле его извели—у его соленой заводъ— «што-бы до моего прибытія его упра́вили». Повезли дѣтину.

Пріѣжжаётъ, отдаваётъ хозяйки пакетъ, хозяйка роспечатала, прочитала и въ письмѣ написано: «До моего прибытія штобы свадьбу съ дочерью доспѣли и обвѣнчали». Ну хозяйка Маркова весёлымъ пиркомъ да и свадебкой. Живутъ день, два,

бывать и недѣлю живуть, Марка-купца всё еще нѣту. Маркъ-купецъ пріѣхалъ, хозяйка говоритъ. «Потьте, молоды, стрѣчайте нá мостъ». Маркъ выходитъ изъ повозки, и увидѣлъ: стоитъ дѣтина и дочи и кланеютца. Марку серцо ткнуло. Зашолъ въ комнату, жону прúзвалъ, на жону сгромѣлъ: «Што вы это надѣлали? Вѣдь я велѣлъ его извести, а вы его обвинчели?» Жона гумагу притащыла. «Ты вѣдь это писалъ, штобы обвинчели. Я невиновата». Маркъ-купецъ живётъ день-ле, два-ле, удýмалъ, пошолъ на заводъ—соль у него варятъ—и сказалъ роботникамъ: «Вотъ, ночью придётъ къ вамъ человѣкъ, дакъ вы его пихайти въ котёлъ, што-бы онъ вамъ не говорилъ». Пришолъ домой, призываетъ зетя. «Вотъ, зетюшко, сходи посмотри на заводъ, можотъ они спятъ». Тотъ говоритъ: —Ланно, ланно, схожу.— Поужинали съ молодкой и нарежаетця идти на заводъ. «Неси мнѣ обутки, посмотрѣть на заводъ, можотъ спятъ». Молодка и говоритъ: —Давай, лéгёмъ, есь у него заводовъ-то, всѣхъ не пересмотришь.— «Давай, ложись». Легли спать, а Марку-купцу не спится. Посмотрѣлъ часы, а тотъ часъ, въ которой онъ велѣлъ походúть, прошолъ ужь; и сталъ нарежатца, походить. Надёрнулса (круто оболóкса) и побѣжалъ. Приходитъ на заводъ, къ котлу идётъ, подбѣжали казакú, схватили. Онъ кричитъ: «Я Маркъ-купецъ, я Маркъ-купецъ». —Намъ показано, хоть хто приди.— И бросили въ котёлъ, тутъ онъ и сварилса. Дѣтинѣ весь животъ и досталса.

29.

Бывальщина.

Одинъ устьцылёмъ жилъ въ работникахъ у пустозёровъ на Пылемцѣ *). Хозяинъ всё ходилъ въ баню одинъ. Работникъ и спрашиваетъ:

«Ты пошто-ино одинъ ходишь? Возьми меня».

— А ты не забоишся-ле? Ко мнѣ изъ подъ полка человѣкъ выходитъ. Ты съума сойдёшь.—

«Нѣтъ, я не боюсь, не сойду съума».

---

*) Деревня.

— Ну пойдёмъ.—

Роботникъ пошелъ, стали мытця, а изъ подъ полка страшной старикъ и вылѣзъ. Роботникъ имъ вѣники роспарилъ, оба они и мылись, а потомъ старикъ скатился подъ полокъ.

- ----

30.

Зырянская вѣра.

Въ зырянской деревушкѣ Пушкиной былъ домъ и стоялъ онъ на берегу Печоры. Весной ледъ на Печорѣ тронулся, вода прибыла, берегъ Печоры весь затопило водой, домъ оказался кругомъ въ водѣ, до того, что на домъ нанесло и стало напирать льдину. «Когда льдина, разсказывалъ мнѣ Петръ Родіоновичъ, стала упирать въ избу, зырянинъ змолился Миколѣ:

«Светитель Микола! Милуй дакъ милуй, а то я тебя кόлю!»

«Льдина-то у него стѣну и вйударила».

6. Ксенія Поздѣева.

Старушка шестидесяти слишкомъ лѣтъ, жена предидущаго сказочника, П. Р. Поздѣева. Пѣла она мнѣ пѣсни, спѣла два стиха, про Алексѣя человѣка-Божія и Егорія и Александру и разсказала двѣ сказки и прибакулку. Сказки и ея, и ея мужа могутъ служить образчикомъ такихъ сказокъ, въ которыхъ нѣтъ обрядности; сказочники такого рода запоминаютъ содержаніе сказки, но отнюдь не помня подлинныхъ старинныхъ выраженій и фразъ, передаютъ сказки своими словами, такъ, какъ Богъ на душу положитъ. Теряя свой первоначальный старинный складъ, сказки такого рода сказочниковъ зато служатъ образцомъ современной мѣстной рѣчи, со всѣми ея особенностями и иногда своеобразнымъ стилемъ.

31.

Никита, городамъ бывалецъ, землямъ проходецъ.

Жилъ былъ Микита городамъ бывалечъ, землямъ проходечъ. Царь нанелъ его ко коро́ны итти за тридеветь земель, въ тридевято царсво. Пошолъ Микита, взялъ сухарьковъ. Шолъ-шолъ-шолъ, низко-ле, высоко-ле, близко-ле, далёко-ле; скоро скажитця, долго дѣитця,—стоитъ домъ большой. Зашолъ въ домъ, въ домѣ нѣтъ никого, поро́зенъ стоитъ. Попилъ, поѣлъ, лёгъ на печку отдохнуть. Вдругъ стукаютця. Забѣжалъ кривой старикъ. «Ахъ, руськой духъ! здрастуй, Микита городамъ бы-

валечъ, землямъ проходечъ». —Здрастуй, дѣдушко.— «Ну, Микита городамъ бывалечъ, землямъ проходечъ, садись со мной, попируемъ». Микита отвѣчаетъ: «Я того и радъ». Старичокъ столъ становилъ, питья-кушанья носилъ, садились пировать. Сидятъ, пьютъ-ѣдятъ, кушаютъ, розговоръ ведутъ. Микита спрашиваетъ: «Давно-ле, дѣдушко окривѣлъ?» —А я недавно окривѣлъ, лѣтъ десятокъ— «А я бы тебя вылечилъ». —О-хо, да я такихъ и ищу, лечи.— «А есь-ли у тебя олово?»—Есь.— «Натаскай въ чугунъ, да въ печь поставь». Дѣдушко сдѣлалъ такъ. «Есь-ли ремни у тя? Надо тебя завязать крѣпко, тогда бѣльмо сбивать буду». —Есь, есь, довольно.— Притащилъ старакъ матýгу ремней. «Пойдёмъ въ сѣни, я отвѣдаю, тебя привежу, а ты отвѣдай, сорвётся-ле»... Пошли въ сѣни. Сталъ Микита старика ко столбу привязывать, кýталъ, кýталъ, зáвилъ кругомъ, много разъ зáвилъ. «Ну-ко, отвѣдай, тенись, можъ-ле сорвать». Старикъ потенулса и сóрвалъ. Ну ищэ тащи крѣпче, стану лечить, дакъ штобы не билса». Опять Микита сталъ кýтать. Кýталъ, кýталъ «Отвѣдай-ко, рвись». Старикъ не могъ боле сорватця. Вынелъ Микита чугунъ, подошолъ и плеснулъ въ здоровой глазъ. Старикъ закричалъ: «О, воръ Микита! О, воръ Микита!» Микита запрéтался отъ него въ овешникъ. Старикъ сорвался и побѣжалъ за нимъ въ овешникъ. Вы́свисталъ старикъ всѣхъ овецъ и Микиту у одного барана подъ брюхомъ. И кричитъ: «Прощай, дѣдушко!». А старикъ кричитъ: «О, воръ Микита! О, воръ Микита!»

Побѣжалъ Микита вперёдъ. Шолъ-шолъ-шолъ, стоитъ домъ большой. Зашолъ въ домъ, дѣвиця онна живётъ. Вошолъ, поздоровался, а та и говоритъ: «Здраствуй, Микита городамъ бывалецъ, землямъ проходецъ. Экъ ты моего отца вылечилъ! Отъ отца-то ушолъ, отъ меня не уйдёшь (старикъ былъ дьяволъ, нечи́ста сила, нечи́ста сила и дочи его). Кормитъ, поитъ, пируютъ, столуютъ. Вотъ онъ у ей обжился. Итти-бы надо, итти не смѣётъ, всё думатъ, какъ-ле утти. Живётъ съ ей гóдъ-поры и брюхо ей прижилъ. Жили, жили, она и сына родилá, а его и надзирать не стала. Истопила она бáенку, пошли паритця и робёноцька понесли парить. Парились. Она робёноцька съ имъ и послала. Микита робёноцька принёсъ, да въ зыбоцьку повалилъ, топорокъ ухватилъ, да побѣжалъ. И бѣжитъ. Она изъ байны пришла, робёноцька ухватила, да и побѣжала за имъ. А Микита до рѣцьки добѣжалъ. Брести глубокó, онъ оттюкнулъ дерева двá-три, пло-

то́къ сплоти́лъ и за рѣцьку пехну́лса. Чимъ-лишь отпихнулса, она и настигла его. «А, Микита городамъ бывалецъ, землямъ проходецъ, убра́лса ты отъ меня». Робёнка броси́ла на́ землю, на голову́ стала, потенула за́ ноги, голову́ и сорвала, и бросила голову́ на плото́къ. Плото́къ тонуть сталъ. Микита какъ-ле однако перечапа́лса. И опеть пошолъ впередъ.

Идётъ по чистому полю, по широкому раздолью и опеть стоитъ домъ великой, большой. Зашолъ онъ въ домъ, нѣтъ никого. Попилъ, поѣлъ, лёгъ на печку отдохнуть. Бѣжатъ два молодца. Забѣжали. «Ахъ, руськой духъ. Здраствуй, Микита городамъ бывалецъ, землямъ проходецъ! Такъ ты нашого отца вылечилъ? И сестру-то бросилъ? Ну отъ насъ ты не уйдёшь». Ну слѣзавай Микита, попить-поись, въ карты поиграть». Микита и слѣзъ. Садилса съ има́ за столъ. По́пили-поѣли, стали въ карты играть. Микита говоритъ: «Я не мастеръ, я не умѣю». А самъ што-ле маленько и поигрыватъ. И сталъ онъ ихъ на́ймовать по коро́нъ сходить. Ну они и паймуютця: «Будёшь, говорятъ, съ нами жить всегда, дакъ принесёмъ, достанёмъ». —Куда-жо я дѣваюсь отъ васъ? дѣватця мнѣ не́куды.—Послали они одно́го по коро́нъ. Скоро сходилъ одинъ по коро́нъ, досталъ. Принёсъ и опеть они пируютъ и въ карты играть стали. Въ карты играютъ, а Микита думатъ утти. Ночью заспа́ли крѣпко. Микита—ши́мъ-шимъ, выбрался, убѣжалъ, и бѣжи не стой!

И бѣжитъ онъ по чистому полю и широкому роздолью. Дерутця левъ и волкъ. Волкъ говоритъ: «О, Микита городамъ бывалецъ, землямъ проходецъ, помоги лева-звѣря побѣдить, драгоцѣнныхъ каменьевъ дамъ». Левъ-звѣрь говоритъ: «Пособи мнѣ, Микита, куда хошь унесу». Пособилъ Микита ле́ву. Побѣдили волка. Левъ говоритъ: «Ну, Микита, садись на меня, плотнѣ за́ уши держись». Микита заскочилъ, за́ уши поймалса. За нимъ пого́ня. Микита говоритъ: «Эй, шапка спала!» —Гдѣ возьмёшь шапку, за сто вёрсъ осталась.—

Притащилъ левъ Микиту въ свое царство и говоритъ: «Ну, Микита городамъ бывалецъ, землямъ проходецъ, а ты не хвастай, што ѣхалъ на мнѣ». Князь собралъ тутъ пиръ, поилъ, кормилъ, Микиту напоилъ и коро́нъ получилъ, а Микита на пиру похвасталъ, што ѣхалъ на ле́вѣ-звѣрѣ, да и спохватилса, запечалилса: «Левъ-звѣрь меня убьётъ». И уду́малъ Микита взять вина сороковку (боцьку) и отвёзъ въ чисто поле, лева-

звѣря хочётъ поить. Левъ-звѣрь ходилъ, ходилъ и къ сороковкѣ пришолъ; пришолъ и натенулса вина и опьянѣлъ, повалилса, да и заспалъ. Микита пошолъ, левъ-звѣрь спитъ, храпитъ. Микита лева-звѣря вязкамъ опуталъ. Левъ-звѣрь спалъ, спалъ и пробудилса, и себѣ удивилса: «Што-же эко, неужли меня хмель запуталъ?» Худо-не-добро—сорвалса. Микита приходитъ. «Зачѣмъ ты, Микита мной хвасталъ? Я тебя убью». Микита сталъ извинятця: «Я былъ пьянъ». —Въ за́боль вѣдь, я пьянъ-отъ былъ, дакъ хмель-отъ меня опу́талъ, я одва и сорвалса». И простилъ левъ Микиту.

32. Аф. 88

Мужикъ и бѣсъ.

Жилъ былъ мужикъ, пошолъ онъ къ озеру деньги хистросью наживать. Сѣлъ къ озеру и давай веревку изъ конопельца скать. Бѣсъ выходитъ изъ озера: «Чё дѣлашь?» — А верёвку ску. —«Зачѣмъ?»—Озеро лажу мо́ржить. — «Не моржи мужикъ, я тебѣ куцю денёгъ дамъ». — Тащы давай. — Мужикъ шапоцьку снялъ, дыру вырвалъ въ ей и щапочьку надъ ямой устроилъ. Бѣсъ тащытъ денёгъ подоломъ. «Давай, сыпь деньги». Бѣсъ высыпалъ, деньги въ яму ушли, шапка неполна. «Бѣжи, другой подолъ тащи». Опеть побѣжалъ бѣсъ — въ яму болѣ не ушло, шапка наполнилась. Бѣсу стало деньги жаль. «Давай мужикъ па́лицу вверхъ метать, хто выше висьвиснётъ тому и деньги». —Тащы давай.— Притащилъ бѣсъ палицу. «Мечи мужикъ». —Нѣтъ, ты мечи.— Бѣсъ свиснулъ, высоко палича улетѣла. Бѣсъ мужика наряжатъ, мужикъ паличу шевелить не можотъ. «Обожди, говоритъ мужикъ, облако пройдетъ я на́ небо заброшу». Бѣсъ говоритъ: — Ради Бога, мужикъ, не мечи, меня дѣдко бранить станётъ. — Утащилъ бѣсъ палицу въ озеро, вышолъ и говоритъ: «Станёмъ на санкахъ волочиться, хто долѣ пѣсню споётъ, тому и деньги». Мужикъ согласился. Шишко́ санки притенулъ. Бѣсъ говоритъ: «Я сѣду на́ сани, ты мужикъ потени». Мужикъ потенулъ, бѣса поволо́къ. Мужикъ воло́къ бѣса, воло́къ, не присталъ, у бѣса были коротка пѣсня. Мужикъ сѣлъ, бѣсъ поволокъ, мужикъ

поётъ: «Вотъ люли, да вотъ люли»... Пѣлъ, пѣлъ, бѣса пристановилъ, бѣсъ говоритъ: «Ну, мужикъ, твои люли меня укацяли». Опять деньги мужику доставаютца. Бѣсъ деньги жалѣетъ-бы. Бѣсъ говоритъ: «Давай мужикъ берёзу кулакомъ тыкать, которой проткнётъ, тому и деньги». Пока бѣсъ таскалъ санки къ дѣдку, мужикъ нашолъ въ березѣ — сукъ выпалъ, прикрылъ берестомъ. Бѣсъ прибѣжалъ, мужикъ по готовой дыры и проткнулъ, а бѣсъ сталъ тыкать не могъ. Бѣсъ говоритъ: «Давай, мужикъ, пойдёмъ въ вашу деревню». Мужикъ собралъ деньги въ подолъ, пошли. У рѣки стоятъ двѣ лодки. Бѣсъ надѣлъ ихъ на́ ноги, мужикъ спрашиватъ: «Это што дѣлашь?» —А это моего дѣдка коты».—Пошли дальше, стоитъ ба́енка; мужикъ спрашиватъ: «Што стоитъ?» — Моего дѣдки шапка. — Взялъ да и наложилъ на голову. Идутъ въ деревню, въ деревнѣ огни горятъ. Бѣсъ спросилъ: «Што свѣтитъ?»— Бѣсовъ выживаютъ.— Бѣсъ испугался, побѣжалъ упалъ и до́ смерти убилса.

———

33.

Прибакулоцька, прибасёноцька.

Ска́зка - прика́зка,
Осинова преде́йка
Еловъ персте́нь,
Побѣжалъ въ кусте́нь,
По пи́роги, по ша́ньги,
По лукъ чесно́й,
По пирогъ месно́й,
По реби́новой бато́къ;
Ступа, лопата,
Курица мохната,
Медвѣдь на боло́ти,
Смѣтану колотитъ,
Дѣвокъ кличётъ,
Въ жопу тычётъ.

7. Поздѣевъ, Василій Никитичъ.

Старикъ 75 лѣтъ, живетъ въ селѣ Среднее Бугаево. Я жилъ въ С. Бугаевѣ не долго — тамъ совсѣмъ почти не было сказателей старинъ и хорошихъ сказочниковъ — всего разъ видѣлъ В. Н. онъ разсказалъ мнѣ только одну сказку, и больше я о немъ ничего сообщить не могу.

Аф. 89

34.

Иванъ медвѣжье ушко.

Жилъ былъ старикъ да старуха, у ихъ былъ сынъ Иванъ, прозвище «медвѣжье ухо». Поѣжжатъ онъ за дровами на лошеди. Пріѣхалъ въ чисто полё, стоитъ дубъ; сталъ этотъ дубъ сѣкчи, изъ подъ кореня, изъ барлóгу вышолъ медвѣдь, кобылу задавилъ и полкобылы съѣлъ. Иванъ дубъ ссѣкъ, возъ наклалъ на сани, ссѣкъ мя́нду зашолъ въ барлóгъ и ударилъ медвѣдя мя́ндой. «Поди, съѣлъ кобылу, дакъ тени мой возъ». Медвѣдь выскочилъ, заскочилъ въ хомутъ и потенулъ возъ. Привёзъ Иванъ возъ ко двору, медвѣдя выпрёгъ и запустилъ съ коровами. На утро стала ма́ти, двѣ коровы у ихъ было, медвѣдь обѣхъ задавилъ. Отецъ и мати стали на него побра́ниваться. Иванъ медвѣдя запрёгъ и поѣхалъ куда глаза гледятъ.

Ѣхалъ близко-ле, далёко-ле, низко-ле, высоко-ле, стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, объ одномъ окошкѣ. Иванъ говоритъ: «Воротись избушка къ лѣсу глазами, ко мнѣ молодцу во-

ротами». Зашолъ въ избушку, сидитъ старушка. «Куды пошолъ-поѣхалъ ты?» — Я поѣхалъ вдоль по дорогѣ. — Старуха напоила его, накормила, поѣхалъ Иванъ вперёдъ. Доѣхалъ до большого дому, медвѣдя выпрёгъ, зашолъ въ избу, въ избѣ некого нѣту. Стоитъ въ избѣ корыто съ виномъ. Медвѣдь вина напилса, да тутъ и повалилса. Въ избѣ на спицахъ вѣсятьця много-множество сабли. Выбралъ Иванъ саблю, котора всѣхъ побольше и отложилъ ей на осо́бичу. Вышолъ на улечь, смотритъ-глядитъ: народу бѣжитъ много-множество. Иванъ заходитъ въ избу, берётъ саблю; взялъ уразѝну большу—дерево и медвѣдя ударилъ уразѝной. Медвѣдь скочилъ и началъ людей бить, а Иванъ сталъ саблей сѣкчи и всѣхъ людей они прибили. Былъ у ихъ попъ одинъ, онъ въ ободвѐрену забѣжалъ и голову вы́ломалъ. Въ этомъ дому у ихъ денёгъ было множество. Иванъ деньги себѣ взялъ и поѣхалъ обратно.

Пріѣхалъ домой, деньги отдалъ отцу да матери и заставилъ отцу да матери ковать мець полтараста пудовъ. Сковали мечъ въ полтарасто пудовъ. Иванъ вышолъ и бросилъ мець подвѐрхъ; мечъ леталъ долгонько времени и палъ на землю. Иванъ взялъ мечъ положилъ на колѣно, хлопнулъ рукой, мечъ и росколольса. Приказалъ Иванъ ковать отцу да матери мечъ полтретьяста пудовъ. Взялъ Иванъ мечъ, вышолъ на улицу, бросилъ мечъ вверхъ, мечъ недалёко леталъ, палъ на землю. Вышолъ Иванъ, положилъ мечъ на колѣно, ударилъ рукой, мечъ не росколольса. «Ну, это мець». Вышолъ Иванъ на улечь, запрёгъ своего коня-медвѣдя и поѣхалъ. Доѣхалъ онъ до озера, выпрёгъ медвѣдя и въ кустъ его призапряталъ, и сталъ онъ въ лѣсу кору драть, да въ озеро метать и говоритъ: «Бѣсы не платятъ пошлину третей годъ: озеро высушу». Бѣсъ изъ озера и вышолъ: «Не суши озеро, заплатимъ пошлину. Давай боротся со мной, которой оборёмъ дружка дружку, я оборю, дакъ пошлину неплатить, ты обо́рёшь—заплатимъ». Иванъ и говоритъ:—У меня есь Мишка, братъ большой, съ имъ борись, возьми дерево да по уху его ударь, онъ на́ ухо глухой.—Бѣсъ ударилъ медвѣдя деревомъ, медвѣдь скочилъ и схватились они боротця, медвѣдь бѣса и оборолъ. Бѣсъ сказалъ: «Ну пошлину платимъ». И ушолъ въ озеро. Иванъ поймалъ ушка́на въ ту пору; бѣсъ вышолъ изъ озера и говоритъ: «Давай бѣгать, кто кого опередитъ».—Што ты хочешь со мной бѣгать, у меня Ванька малой есь, онъ тебя опередитъ.—Иванъ спустилъ ушка́на и побѣжали; ушка́нъ бѣса

и опередилъ. Бѣсъ ушолъ въ озеро, а Иванъ яму выкопалъ, и въ яму поставилъ шапку, а въ шапку прорѣзалъ дыру. Бѣсъ вышолъ, Иванъ и говоритъ: «Наносите шапку полну денёгъ, дакъ прощу». Бѣсъ вынёсъ мѣшокъ денёгъ большой, деньги высыпалъ, а денёкъ мало осталось, всѣ ушли въ яму. Бѣсъ опеть пошолъ по деньги, опять мѣшкомъ денёгъ принёсъ и осталось денёкъ видно въ шапкѣ. «Донеси шапку-ту». Принёсъ еще мѣшокъ, шапку сполнилъ. «Ну больше не нужо́нъ, ступай». Иванъ набралъ съ лѣсу коры, деньги эти закрылъ и запрягъ коня-медвѣдя и поѣхалъ.

Доѣхалъ до избушки, въ этой избушкѣ живутъ Горока́тъ да Деветьпи́лъ. Онъ попросилса имъ въ товарыщы, они и говорятъ: «Быть ты надъ нами меньшой братъ». Ночь пришла, легли спать. Спали долго-ле, коротко-ле, пришла къ имъ баба-ягаба и говоритъ: «Здынь меня на порогъ». Горокатъ сталъ здымать, одва знялъ на порогъ ей». Говоритъ баба-яга́ба: «Здынь меня на лавку». Здынулъ коё-какъ Горокатъ ей на лавку. Баба-ягаба и говоритъ: «Давай, Горокатъ, боротца со мной». Стали боротца. Баба-яга́ба Горокатa оборо́ла. Баба-яга́ба ушла отъ ихъ. Стало утро, свѣтъ, Горокатъ и Деветьпилъ ушли на гору за про́мысломъ. День ходили, къ вечеру опять домой пришли; сварили тетёру, поѣли, спать легли. Баба-яга́биха опять къ имъ пришла. «Здыньте на порогъ меня». Деветьпилъ здынулъ. «Здыньте на лавку». Деветьпилъ здынулъ на лавку. Баба-яга́ба и говоритъ: «Давай Деветьпилъ боротся со мной». Баба-яга́ба и Девятьпилъ схватились боротца, Девятьпила оборола. Утромъ по́пили-поѣли и въ лѣсъ ушли. День прошолъ, къ вечеру опеть и́зъ лѣсу приходятъ и спать легли. Приходитъ опять баба-яга́биха: «Здыньте на порогъ». Здымать слѣдуетъ Ивану. Иванъ и говоритъ: «Ноги-ти здоровы, сама зайди». Баба-яга́ба зашла. «Здынь на лавку». Иванъ говоритъ: «Жопа у тя толстая, сама посѣдь». И сѣла. «Давай боротця со мной». Иванъ медвѣжьё ухо схватилъ, да и бросилъ о́ полъ, схватилъ мечь, ударилъ мечёмъ и всю рознёсъ ей, жизни не стало е́йной. Выбросилъ Иванъ ей на улечь. Горокатъ и Деветьпилъ и говорятъ: «Будь ты намъ старшой братъ». Вышли они всѣ трое прочь отъ избы, идутъ не путёмъ и не дорогой, дошли до глубокой ямы. Въ ямы увидѣли сидитъ красна-дѣвица на сундукахъ. Стали они съ дерева лыко рвать да вязку дѣлать; вили они вязки много, стали совѣтовать, кому въ яму спускаться. Го-

рокатъ не хочётъ, Деветьпилъ не хочётъ, Иванъ и говоритъ: «Давай, дѣлать нечего, я стану спускаться». Стали они его спускать въ яму, спустили. Онъ завезалъ сундукъ, вяжу подёрнулъ, онѣ и потенули и вытенули дѣвицу. Вяжу въ яму спустили, а Ивану и попасть не́какъ. Стали Горокатъ и Деветьпилъ о дѣвкѣ спорить. Иванъ ходитъ въ ямы, къ нему прилетѣла больша птица, онъ и говоритъ: «Птица небесна, не можь-ли меня вынести на свету́-Русь?»—Могу я тебя вынести на свету́-Русь, только настрѣлей мнѣ множество всякихъ птицъ.— Онъ настрѣлялъ птицъ, птица прилетѣла и сѣла на землю; склалъ онъ этихъ птицъ на ей и самъ сѣлъ. Она и говоритъ: «Я какъ овернусь, дакъ ты мнѣ птицу брось, да брось.» Вотъ птица эта и полетѣла и обвертываится онъ и помётыватъ ей по птицѣ. Птицъ этихъ Иванъ медвѣжье ухо всѣхъ выметалъ, не стало больше. Послѣ она и разъ обвернетця—не цё, и другой обверне́тця—не цё. Иванъ взялъ ножъ, да у себя поджилки и отрѣзалъ, птица обвернулась, онъ ей и бросилъ поджилки, птица и вылетѣла на свету́-Русь. Птица и спросила у него: «Ты послѣнни-то куски какй бросилъ, откуль?» Онъ и показалъ ей ноги: «Вотъ я откуль». Птица выхаркала поджилки, приложила, дунула, лучше и старыхъ стали. Иванъ Гороката и Деветьпила въ яму втрёщилъ, взялъ красну-дѣвичу, и пошолъ въ своё мѣсто. И стали они съ этой дѣвицей жить да быть, добра наживать, лиха избывать.

8. Поздѣевъ, Романъ Григорьвъ.

Живетъ тоже въ селѣ Среднемъ Бугаевѣ, ему 50 лѣтъ. Записалъ отъ него одну сказку и больше никакихъ свѣдѣній о немъ не имѣю.

---

35. Аф 135

Иванъ купеческій сынъ.

Не́ въ какомъ мѣстѣ былъ жилъ купецъ. У купча было три́ сына, два Ѳёдора, третей Иванъ. Иванъ былъ пьянюшка: чё наживётъ, то пропьётъ. Пилъ-пилъ, отечъ его отказалъ отъ себя; онъ сталъ ходить по за́двору; ходилъ, ходилъ пришолъ къ отчу. «Дай мнѣ, отечъ-родитель, карапъ одинъ, мнѣ ночью приснилось: лажу я оттуль житьё наживать». Отецъ ему далъ карапъ и далъ немного денёгъ. Онъ накупилъ соли, прибралъ себѣ товарыщовъ, взялъ бочёнка вина и отправились, побѣжали куда ихна путь лежитъ.

Долго-ле, коротко-ле бѣжали, товарищи говорятъ: «Ты самъ погинешь и насъ погубишь».—Ну, робята, дѣлать нечего, тащите ка́нтукъ». Ка́нтукъ опорожнили, опеть бѣжатъ, опеть стали говорить. «Ты самъ погинёшь и насъ погубишь, сколько времени бѣжали, земли не видно». Иванъ велѣлъ второй ка́нтукъ вытащить. Испиваютъ и вперёдъ бѣжатъ. Бѣжали, бѣжали, вышолъ Иванъ, сталъ смотрѣть въ подзорну трубу. «Какъ жа́рево, робята, красе́тъ». Всѣ прискакиваютъ, изъ подзорной трубы смотрятъ. «Какъ будто городъ нахо́дитъ». Къ этому го-

роду и прибѣжали, и въ тихи галани стали, сходни повынесли: Иванъ въ платокъ соли наклалъ и пошолъ въ городъ, и во дворецъ зашолъ. Король сталъ спрашивать: «Кто ты? какой? откуль?» —А я, Иванъ купеческой сынъ, есь-бы у меня товару, поторговать-бы хоцю». Сѣли закусывать, Иванъ ложечкой кушанье попробовалъ, кушанье безъ соли. Иванъ взялъ, въ одно потрусилъ, въ друго потрусилъ, въ третьё потрусилъ. Король сталъ ѣсь, понравилось. «А много-ле у тя этого мартіялу?» —А у меня карапъ нагружоной.—«Вы эту сподобу не кому не продавайте, пусь моя». Король взялъ Ивановъ карапъ, а ему далъ свой съ золотомъ, съ серебромъ, въ придачу отдалъ свою жону, пьяной былъ. Иванъ уплылъ въ свою землю, король утромъ прохватилса, хозяйки нѣтъ, они въ сугонъ за има. Настигъ ихъ. «Какъ такъ? ты гостилъ, гостилъ да и жону увёзъ.—А ты вѣдь самъ подарилъ,— Иванъ книгу поддёрнулъ,— вотъ твоя рука, самъ росписался.—«Ну когда самъ подписалса, дакъ видно подарилъ ужъ». Иванъ потомъ прибѣжалъ въ невкакой городъ, а у Ивана братья тутъ. Братья его созвали въ гости, братья у Ивана товарищовъ и подкупили, подпилили сходни у Иванова карабля. Иванъ сталъ братьёвъ въ гости звать. Иванъ сталъ заходить, сходни подломились и палъ въ морё и потонулъ, а братья взели у него жену и карапъ, домой отправились.

А Ивана въ морѣ щука-рыба заглонула и вынесла къ берегу, и выблевала. Иванъ купеческой сынъ и пошолъ, а былъ онъ недалёко отъ ихнаго-то городу. На задворьѣ-то жила старушка, онъ къ этой старушкѣ и зашолъ. «Бабка, што въ нашомъ городѣ дѣится?» —А то дѣится: у купца два сына, два Ѳёдора, пришли, карапъ привезли и молодку привезли; така красавица, дакъ Господи помилуй! а Иванъ совсѣмъ потонулъ. Нонче за одного Ѳёдора молодка замужъ походитъ. — «Бабушка, нѣтъ-ли у тебя о семидесяти заплатъ зипунишко? дай-ко мнѣ.»—Есь, есь возми.— Надѣлъ Иванъ зипунишко и пошли со старушкой свадьбу смотрѣть. А молодуха ходитъ съ бутылочкой, подноситъ всѣмъ водку и говоритъ: «За здравіе Ивана купеческаго сына выпейте по рюмочкѣ». Пришла и старухѣ стала подавать, а Иванъ стоитъ за старухой; подала и Ивану. Она тутъ и узнала, призвала отца. «Вотъ хто меня досталъ, я не желаю за того брата итти, а желаю за Ивана». Купецъ пиръ остановилъ и снова стали пировать, сталъ Иванъ къ законному браку походить.

9. Шишолова, Марья Кузьмовна.

Живая, крѣпкая старушка 63-хъ лѣтъ. Живетъ въ Среднемъ Бугаевѣ. Спѣла мнѣ совершенно новую, неизвѣстную еще былину и разсказала четыре сказки. Пѣть и разсказывать согласилась послѣ долгихъ упрашиваній, но разсказывала и пѣла хорошо.

---

36. Ар 17

Котъ, дроздъ и пѣтухъ.

Жили котъ, дроздъ и пѣтухъ. Прибѣжала къ имъ лисичка подъ окошко. «Пѣтушокъ, пѣтушокъ, золотой гребешокъ, выглень на улку, малы робята катаются».—Нѣтъ, боюсь я, лисичка, меня уташшишь.—Она и другой наконъ. «Пѣтушокъ, пѣтушокъ, выгляни на улку, малы робятки катаютса». (и пр. до трехъ разъ) Манила, манила, онъ выгленулъ, она его схватила; схватила и потащила; онъ и ревётъ: «Котэ-э, дроздэ-э!!. Унесла меня лиса, за тёмны лѣса, за пригрубы ручья». И въ другой наконъ ревётъ: «Котэ-э», дроздэ-э!!! унесла меня лиса, за тёмны лѣса, за пригрубы ручья». Котъ да дроздъ и побѣжали въ сугонъ за товарищомъ, за пѣтушкомъ. Лисичка схватила, только перья летятъ, и ихъ захватила. Сказкѣ конечъ, кривой жеребечъ, соломенной дворечъ.

37. Аф. 5

Старикъ, старуха и лисица.

Жилъ былъ старицёкъ да старушка и здумали они рѣпку сѣеть. Посѣели на подызьбицу. Время приходитъ—рѣпку рвать надо. Старушка и говоритъ: «Старикъ, меня здынь на подызьбицу, я не могу забитця-то». Старуха сѣла въ мѣшокъ, старикъ мѣшокъ въ зубы взялъ и сталъ подниматця. Старуха сидитъ въ мѣшку и спрашиватъ: «Старикъ, близко-ле?» Старикъ отвѣчатъ:—Старуха, близко.—Да мѣшокъ-отъ изъ зубовъ выронилъ, старуха заревѣла, онъ слѣзъ, старуха мёртва въ мѣшку, старуху убилъ. Старуху схоронилъ, пошолъ искать когóтко поплакать. Стрѣтилась ему лисичка. «Куда старикъ пошолъ?» —А у меня старушка убилась, дакъ вотъ поплакать, да схоронить надо.— Лисичка пришла, плакала, плакала, старушку съѣла. Старикъ пришолъ, одны кóски у старушки, коски похоронилъ— сказки конечъ.

---

38. Аф. 63

Алексанушко.

Жилъ Олексáнушко, рыбку ловилъ край рѣчки. Ягáбаха его клицётъ: «Олексáнушко-о, ѣдь къ бережку, поѣшь пирошку, дай мнѣ голову искать». —Я не ѣду къ бережку, не поѣмъ пирожку, не дамъ голову искать.— Она его кличётъ, другой наконъ и третей. Пріѣхалъ, зашолъ къ ей, она и говоритъ: «Давай-ко, седь на лопату-то, я те шýрну, да вы́шурну, такъ играмъ мы». —Седь-ко сама, да поучи-ко меня.— Она опэть его: «Мы всё играмъ на лопаткѣ, я те шýрну, да вы́шурну». Послѣ онъ сѣлъ на лопатку, руки росширилъ, ноги рошшеперилъ, голову загнулъ, не лезётъ въ печь; «седь-ко сама, подучи-тко меня». Она и сѣла на лопату, руки къ серьчу прижала, колѣнки жжала, ко щеки притенула, онъ ей и шýрнулъ въ печь. Она закипѣла, заревѣла: «Олексáнушко, Бога ради, не жги меня, выпусти меня». А онъ захватилъ заслонку, держитъ, она и говоритъ: «Олексáнушко, во дворѣ-то на полицы, у меня денегъ три количи».

Онъ ей жгётъ не выпускатъ. Потомъ старуха сгорѣла, онъ самъ и убѣжалъ на своё дѣло, опэть уѣхалъ за рѣку. У ей сыновья были, они пришли съ про́мысла, а мати нѣту, не знаютъ гдѣ взеть. Сыновья пришли, печь отворили, што-ле закусывать хотятъ, а косьё лежитъ. Одинъ говоритъ: «То Олекса́нко сожжоной». Хамъ, хамъ, хамъ, думаютъ Олекса́нка ѣдятъ, а матерь съѣли.

39.

Женихъ-еретикъ.

Былъ мужикъ, да жонка, у ихъ была дочи. Эту дочерь жонихъ сталъ свататся, отецъ-мати не согласны, неотдаваютъ, она всё думатъ объ томъ, какъ бы замужъ идти. Думала объ томъ, онъ бутто и пріѣхалъ. «Отворей давай окошко, срежайся». Она окошко отворила. «Давай, клади всю кладь, ѣдёшь дакъ». Она и стала клась въ сани, стала метать окошкомъ. Всё чисто сметала, сѣла и поѣхала съ имъ. Домашны не слышатъ, отецъ да мати, што она работа́тъ тамъ. Вотъ онъ и повёзъ, ей и страшно стало гледѣть: зубы залѣзны, глаза хрустальни. Онъ и говоритъ: «На улицы лунно, кому куда думно, парень ѣдётъ, дѣвку везётъ, боисься-ле меня?» —Нѣтъ не боюсь.— Сама одва жива. Ѣхали, ѣхали, довёзъ до могилы до своей, спустился въ могилу. «Давай, подавай платьё». Она и стала подавать платьё, и вы́подавала. Свѣтъ сталъ, заря, онъ палъ въ могилу на́взничь тутъ и кончился. Родители у ей схватились, погнались; пригонили, а она у могилы. Они его ту́тока вынели изъ могилы и и пла́тьё выбрали, осиновой колъ заткнули, повалили вничъ, въ испо́дъ брюхомъ. Тутъ и сказкѣ конецъ.

10. Шишоловъ, Василій Дорофеевичъ.

Живетъ въ дер. Верхнемъ Бугаевѣ. Веселый, разухабистый мужикъ 40—45 лѣтъ, очень похожій характеромъ на Г. И. Чупрова—Калямича, только безъ его дѣловитости и практичности въ жизни. Живетъ бѣдно, потому что постоянно навеселѣ. У его испорчена семейная жизнь и В. Д. постоянно жалуется на какое-то горе, которое его гложетъ. Съ большимъ чувствомъ и даже со слезами онъ спѣлъ мнѣ былину про «Чурилу и невѣрную жену,» примѣняя вѣрно ея содержаніе къ своей долѣ. Но особенно хорошо В. Д. разсказываетъ сказки. Беззавѣтная веселость и большой юморъ такъ-же разсыпаны въ сказкахъ В. Д. какъ и въ сказкахъ Г. И. Чупрова. Но разсказываетъ В. Д. и серьозныя сказки, съ философскимъ содержаніемъ, какъ напр. сказка № 40, «про смерть».

40.

Смерть.

Живётъ хресьёнинъ, у него была хозяйка и былъ сынокъ. Хозяйка померла, живутъ двое съ сыномъ. Отецъ сталъ хварать, сынъ и говоритъ: «Отечъ, ты помрёшь, а што мнѣ оставишь?» —Я, дитя, оставлю тебѣ Божье да моё благословеньё. Мать-то была жива, пекла калачъ, онъ сгорѣлъ, я его всё пасъ, тотъ оставлю тебѣ. Съѣшь ты его съ тѣмъ съ моимъ другомъ, которой некакой скýпы не берётъ.— Отечъ и пóмеръ, сынъ отца и похоронилъ.

Немного время прошло, ись захотѣлъ. «Охъ, мнѣ вѣдь отецъ-отъ колацъ оставилъ». Нашолъ колáцъ, хоцётъ колацъ ись, ему въ умъ пало: «Отецъ велѣлъ съись съ тѣмъ, которой некакой скупы не берётъ». Остановился, пошолъ отцова друга искать. Идётъ по дороги, стрѣтилса ему старицёкъ бѣлой, сѣдáтой. «Куда молодецъ, пошолъ?» —Пошолъ я отцёва друга искать, которой некакой скýпы не берётъ». И разсказалъ всё. «Я отцёвъ другъ». — Нѣтъ, ты светитель Христовъ, Микола угодникъ, не отцёвъ другъ. Прúтця целовѣку приходитъ, посулятъ вамъ свѣцю, вы притци свободúте». Розошлись, опять вперёдъ пошолъ. Стрѣтилса опять старицёкъ въ ту-же порý, бѣлъ-сѣдáтой. «Вы куды пошли?» —Пошолъ я отцёва друга искать, которой скýпы не берётъ.—«Я отцёвъ другъ».— Нѣтъ, ты светитель Егорей, не отцёвъ другъ. Посулятъ вамъ свѣщу на петь, на десеть копеекъ, вы отъ притци свободúте.—Опэть вперёдъ пошолъ. Идётъ, встрѣтилса высокаго росту, переслúговатой, страшнóй. Тотъ спросилъ: «Ты куды пошолъ?» —А я пошолъ отцова друга искать, которой скýпы не берётъ.— «Я отцёвъ другъ». —Поцему ты отцёвъ другъ?— «Потому, я у отця душу вынелъ». --Ну такъ-то дакъ отцёвъ другъ, ты некакой скýпы не берёшь.—Сѣли они, этотъ колацъ съѣли. Отцёвъ другъ и говоритъ: «Поди въ этотъ городъ, царь худъ, онъ ищётъ человѣка, про свою смерть знать хоцётъ. Ты въ этотъ городъ поди, скажи, што я про царску смерть знаю. Меня не хто не видятъ, а ты увидишь; если сижу въ головы, царь оживётъ, а есле у ногъ, то помрётъ. Онъ оживётъ, тебя пошлётъ въ бáнокъ денёгъ брать, а ты много не бери, по силы возми».

Пришолъ въ городъ, сказалъ: «Я бы про царску смерть зналъ». Вѣсь донесли до царя, отъ царя послали розыскивать и нашли его. Привели къ царю, царь на кровати лежитъ. Зашолъ, Богу помолилса, на царя посмотрѣлъ и отцова друга увидѣлъ, сидитъ у головы. Молодецъ поклонилса царю. «Вашо царско величество, трудно хворали, тежело, Господь дасъ здоровья, будите живы». Царю мúмо полегце стало. Оградилъ царь его крестомъ и послалъ въ банкъ. «Скольки надо денёгъ, возьми». Пошолъ, взялъ немного. Ушолъ изъ городу, сошлись съ отцовымъ другомъ опять вмѣстя́хъ. Отцовъ другъ спросилъ: «Много-ле денёгъ взялъ». Показалъ. —Эво скольки.— «Ну, умѣренно взялъ. Ну поди, въ другой земли царь худъ, скажись, што я бы про царску смерть зналъ. Ты увидишь меня, въ ногахъ сижу,

ты царю скажешь: «вы умрите»; онъ тебя крестомъ оградитъ и тебѣ долга́-живота́ на царствѣ сидѣть. Будешъ трищеть лѣтъ царствовать, и въ которой часъ корону примёшь, въ тотъ-же часъ и помрёшь, припасайся къ тому времени».

Молодецъ ушолъ въ городъ и вѣсь провёлъ: «Я-бы про царску смерть зналъ». Дошла вѣсь до царя. Этого человѣка привели къ царю. Молодецъ поглядѣлъ, увидѣлъ отцёва друга, сидитъ у ногъ. «Ваше Царско величество, ели-ели у васъ душа въ тѣлѣ, помрите́». Царь крестъ сложилъ, оградилъ его. Послѣ долга́-живота́ моего тебѣ на царство сидѣть». Успѣлъ слово сказать и съ плецъ голова покатилась. Померъ. Царя похоронили, а молоцца на царство посадили.

Вотъ онъ живётъ и хорошо дѣло управлятъ. Хватилса, прошло двадцеть лѣтъ, остаетця десеть лѣтъ и сталъ печалитце. «Ахъ, мнѣ смерть близко». На его тоска нашла, печаль стала доли́ть. Стало времени одинъ годъ, и стали синаторы и вси удумывать: «Што-жо у насъ царь худъ сталъ, одва живой». Што-бы съ нимъ царь не говоритъ, веселья нѣту, объ одномъ думатъ: «смерть приходитъ». Между тимъ пришли послѣдни сутки, пришолъ тотъ часъ, въ которой и корону принелъ. «Пойду ище въ сады, прощусь». На порогѣ отчёвъ другъ стрѣтилса. «Куда пошолъ». —Я жду тебя, а пошолъ въ послѣднёй часъ простичча съ садами.— «Тебѣ сказано было, што раньше ты поправся, я не дамъ тебѣ шагу шагнуть больше». —Пойдёмъ со мной товарищомъ, не куды вѣдь я не уйду.— «Ну, давай, пойдёмъ». Походили въ садахъ, прощалса, подходятъ къ городу, спрашиватъ царь у отцёва друга: «А што у насъ въ городи плачутъ?» —Ревутъ: гдѣ мы съ тобой говорили, тутъ царь и по́меръ, а ты вѣдь ходишь одна душа.—

Ср. Аф. 255, 56. Сл. 4-5 41. Смирн. I 155, II, 263, 270

Попъ и Николай чудотворецъ.

Жилъ былъ попъ. У попа были жона да дочь. Нанелъ онъ робочего. Этотъ робочей съ поповой доцькой и сжились. Дѣвушка роботника сметанкой покармливатъ. Попадья дозналась, а куда дѣватця не знатъ; попу и говоритъ:

«Што-же, бачко, намъ нечѣмъ вы́мазатця, сметана теряитця».

— Попадья, накопи ведёрко, я въ церковь снесу, Миколы на сохраненьё положу, вотъ тамъ не хто не съѣсъ.—

Накопила ведёрко, попъ снёсъ въ церковь, поставилъ передъ икону, Миколу-светителя. Этотъ роботникъ и говоритъ:

«Ахъ, любушка, какъ-же ты не стала меня кормить сметаной?»

— Откуль я возьму? папаша сметану въ церковь снесли, передъ икону светителя поставили.—

«А дай мнѣ хлѣбъ, да дай клюци, я пойду наѣмся».

Дала ему хлѣбъ, дала клюци, пошолъ въ церковъ, сметаны наѣлся, взялъ у иконы усы вымазалъ, на бороду́ накапалъ, на грудь накапалъ, замкнулъ и ушолъ.

Пришолъ празникъ, попъ пошолъ въ церковъ. Заходитъ, на икону взгленулъ, икона въ сметаны, а ведро пусто.

«А! вотъ, на того, да на другого грѣшимъ, а э́во хто смѣтану-то ѣсъ».

Взялъ икону, на полъ бросилъ, икона роскололасъ. Схватилъ ведро, побѣжалъ домой.

«Попадья! Я Миколу светителя росколол̆ъ—сметану ѣсъ, я засталъ, онъ только ротъ запереть поспѣлъ, обра́тця не могъ, всё въ сметаны».

Попадья и говоритъ:

«Попъ, ты вѣдь не ладно сдѣлалъ, ты икону росколол̆ъ, тебя ростригутъ».

— Попадья, испеки мнѣ подоро́жниковъ, я лучше сбѣжу́.

Попадья испекла подорожники и двѣ про́свиры, попъ и пошолъ.

Идётъ по дорогѣ, сошелса съ имъ бѣлой старицёкъ.

«Куды, попъ, пошолъ?»

— А пошолъ я... вотъ э́дакъ-эдакъ сдѣлалъ,—росказалъ всё подробно.

«Ну пойдёмъ мѣстяхъ».

Пошли мѣстяхъ, шли по дорогѣ долго́нько, доту́ль шли, захотѣли исъ. Сѣли закусывать. Закусили, захотѣли пить. Старицёкъ говоритъ:

«Попъ, иди-жо за водой, пить захотѣлось».

— Что ты, старицёкъ, подобаетъ разе попа нарежать? Попъ можетъ наредить тебя, а не ты попа.—

Старикъ и пошолъ по́ воду. Попъ усмотрѣлъ у старика въ мѣшкѣ три про́свиры.

«Какъ такъ? я попъ, да у меня двѣ, а у него три!»

Одну и съѣлъ. Принёсъ старикъ воду, сѣлъ ись, а про́свиры нѣту.

«Ты, попъ, у меня про́свиру не бралъ?»

— А много-ле у тебя было?—

«Три, а нынче двѣ».

— То я тибѣ не вѣрю: я и попъ, да у меня двѣ, а у тебя было три?!—

Пошли вперёдъ. Пришли до озера, а времё—ночь, тёмно; за озеромъ огонь видно. Старикъ и говоритъ:

«Попъ, што э́тта задѣламъ?»

— Оботти́ кругомъ надо.—

«Куды-жо пойдёмъ, озеро большо́».

Старикъ пошолъ по воды, попъ за имъ. Шли, шли, старикъ вышолъ на бережокъ, а попъ по серёдкѣ, въ ротъ вода заливатця. Старикъ и говоритъ:

«Попъ, биватъ и утонёшь, покайся: про́свиру не ты-ле съѣлъ?»

Попъ думалъ, думалъ—стыдно.

«Нѣтъ, про́свиру я не ѣлъ, хоть утону да не ѣлъ».

Попъ пошолъ и помельче стало. Вышолъ изъ озера, пошли въ домъ, гдѣ огóницёкъ былъ, зашли на крыльцо, двери зало́жены. Колотитця стали, вышолъ хозяинъ.

«Нельзя запустить, у насъ братъ лежитъ третей годъ во гно́нищѣ.»

— Запустите, человѣка видите, за человѣкомъ не видите: мы можотъ и полечить можомъ,— говоритъ старикъ.

Запустили въ избу. Взялъ старикъ, посмотрѣлъ, по спая́мъ вы́рѣзалъ (больного).

«Несите изъ озера воды».

Принесли воды, куски всѣ въ воды перемылъ, склалъ на полотенчо, изъ кормана бутылоцьку вынелъ; разъ брызну́лъ,— чѣлой сталъ; другой разъ брызну́лъ,—здрогну́лъ, третéй разъ брызнулъ—сталъ.

«Ахъ, какъ плотно спалъ, сталъ слава Богу, не цё не болитъ».

Съ этой радости—братъ здоровый сталъ,—дали имъ денёгъ много. Тимъ-же манеромъ они въ трёхъ мѣстахъ были и трёхъ человѣкъ вылечили и денёгъ имъ много надавали.

Послѣ того попъ одинъ пошолъ, нашолъ посудинку таку, какъ у старика и почерпнулъ водя́чки. Шолъ попъ и увидѣлъ огóницёкъ горитъ, постучался.

«У насъ братъ лежитъ третей годъ во гноищѣ».

— Вы человѣка видите, а за человѣкомъ не видите, можотъ я вашего брата и вылечу—говоритъ попъ.

Запустили. Какъ старикъ дѣлалъ, такъ и попъ. Сталъ мужика рѣзать, мужикъ ревётъ:

«Ой, ой, ой, караву́лъ, зарѣжотъ! Што вы дали меня рѣзать-то?».

— Ты пошто ино такъ-то? зарѣжошь вѣдь брата-то?—

«Молците, я вѣдь не первого лецю».

Стихъ и ревѣть перестать. Вырѣзалъ по спаямъ, куски вымылъ, расклалъ на полотёнышко спай къ спаю, какъ слѣдуётъ быть, изъ кормана бутылку вынелъ, разъ брызну́лъ—ницего; другой брызну́лъ—нѣтъ ницего; третей брызну́лъ—какъ было, такъ и есть. Всю бытылку вылилъ.

«Што хотитѐ надомной дѣлайте, больше не цё не могу пособить».

Братья говорятъ:

«Што станёмъ теперь дѣлать надъ тобой?»

Затопили пецьку, изба была цёрная, попа въ дымъ на потолокъ за ноги и повѣсили. Попу худо стало. Вдругъ здучитця у дверей. Отворили, пришолъ старикъ.

«У насъ не ладно, попъ брата зарѣзалъ».

Старикъ и говоритъ:

«Попъ, можотъ и умрешь, покайся: ты третью про́сфиру съѣлъ?»

— Нѣтъ не я, хоть въ дыму задохнусь, не я.—

Старикъ велѣлъ попа спустить.

«Я дѣло поправлю».

Сдѣлалъ старикъ такъ, какъ и съ первымъ, мужикъ ожилъ.

Вышли изъ избушки, пошли по дорогѣ, пришлось вперёдъ двѣ дороги. Старикъ и говоритъ:

«Попъ, развѣ о себѣ пойдёмъ ноньце?»

Попъ себѣ думаетъ: «Одинъ-бы ходилъ, эти деньги всѣ-бы мнѣ».

Старикъ роздѣлилъ деньги на три кучи, попъ стоитъ и думатъ:

«Кому-жо онъ третью куцю дѣлитъ? Неужли́ себѣ двѣ, а мнѣ одну? Ахъ, спросить-бы».

Да и стыдно. Насмѣлилса:

«Старикъ, кому третью куцю дѣлишь?»

Старикъ и говоритъ:

— А тому, кто третью просвиру съѣлъ.—

«Старикъ, я вѣдь съѣлъ».

— Ну, на возьми, коли ты съѣлъ. Да вотъ што, попъ: иди домой, икона-то цѣла, не ростригутъ тебя, только не говори на́перво, што я сметану съѣлъ; сметану съѣлъ роботникъ, а ты роботника-то не наказывай, а жени его на дочери, дочьто съ брюхомъ отъ него.—

Аф. 87. Зелен. В ск 64

42.

Попъ и три брата работника.

Жили три брата, прежде они жили хорошо, а конце плохо стали жить. Большой братъ и говоритъ:

«Кому небуть надо итти въ роботу».

Пошолъ меньшой братъ въ работу. Идётъ по дороги, стрѣтилса попъ.

«Куды, молодецъ, пошолъ?»

— Пошолъ я въ роботники наймоватця.—

«Наймися мнѣ».

— Наймусь.—

«Ну, што просишь?»

— Прошу сто рублёвъ въ годъ.—

«Дамъ сто рублей, только положь залогъ: ежели ты впе́рва осердисся, платы простъ, а я осержусь, изъ спины ремень, изъ жопы пряжка».

— Ладно, согласенъ.—

На встокъ Богу помолились и поѣхали жить къ попу.

У попа были дѣти, былъ сынъ прокаже́нной; седутъ ись, сынъ заревётъ: «Я стратъ хоцю». Роботникъ потащитъ въ нужникъ, воротитца, а со стола о́брано, а работникъ недоѣлъ. Такъ и до полу́году живётъ и сталъ роботникъ вовсе слабъ. Попъ замѣтилъ:

«Што-же ты, роботникъ, не веселъ?»

— Бачко, ты кабы былъ въ моёмъ мѣсти, ты бы съ первого дня осердилса; я больше половины году терпѣлъ, топере осердилса.—

«Ну, осердился и ладно».

Живутъ, и годъ прожилъ. Расцотъ надо-бы съ хозяина получить.

«Хозяинъ, отдай расцотъ».

Попъ и говоритъ:

— У насъ вѣдь съ тобой залогъ былъ положено: платы прость, ежели ты вперва осердисся, а я осержусь, изъ спины ремень, изъ жопы пряжку.—

Робочему нецѐ стало говорить, отъ попа пошолъ не съ цѣмъ.

Пришолъ домой, принёсъ ницего. Братья спросили:

«Гдѣ ты былъ, што принёсъ?»

— А гдѣ жилъ, тутъ и осталось.—

Братья говорятъ:

«Это-ле наша не бѣда! ждали съ деньгами, а пришолъ не съ цѣмъ».

Большой братъ и говоритъ:

«Иди ты въ роботу, нецѣмъ стало жить у насъ».

Пошолъ среднёй братъ въ роботу. Идётъ по дороги, стрѣтился самъ-жо тотъ попъ.

«Куды молодецъ пошолъ?»

— Пошолъ я въ роботы наймоватца.—

«Наймися мнѣ».

— Наймусь.—

«Ну, што просишь?»

— Прошу сто рублей въ годъ.—

«Дамъ сто рублей, только положъ залогъ: ежели ты вперва осердисся, платы прость, а я осержусь, изъ спины ремень, изъ жопы пряжка».

— Ладно, согласенъ.—

На востокъ Богу помолились и поѣхали жить къ попу. У попа были дѣти, былъ сынъ прокаженной; седутъ ись, сынъ заревётъ: «я срать хоцю... (совершенно также, какъ въ первой разъ).

Пришолъ и средней братъ домой опять не съ цѣмъ. Братья спросили:

«Ну, братъ жилъ ты, гдѣ деньги»?

— А гдѣ жилъ, тутъ и осталось.—

Большой братъ говоритъ:

«Ну нецего дѣлать, братья, оставайтесь, пойду я въ роботу».

Пошолъ по дорогѣ, стрѣтился самъ-жо тотъ попъ.

«Куда молодецъ пошолъ?»

— Пошолъ я въ роботы наймоватца.—

«Наймися мнѣ».

— Наймусь.—

«Ну што просишь?».

— Сто рублей въ годъ.—

(и пр. по старому попъ также моритъ голодомъ работника) ... Живётъ до плу́года, сталъ плохой на лицё. Попъ замѣтилъ, не веселой.

«Што ты не весёлъ сталъ, сердишься-ле што-ле на меня?»

— Да батюшко, ты-бы въ моёмъ мѣстѣ былъ, съ первыхъ дёнъ осердилса, а я не сержусь на тебя не скольки.—

У попа было три сына, первой прокажённый, второй Лука, третей Пёрша. Робочій на утро раненько сталъ, колъ навострилъ съ обѣхъ кончей, изъ нужника заткнулъ въ землю, а другой конечъ на верху. Сѣли обѣдать, прокажённой реветъ:

«Страть хоцю».

— Роботникъ, тащы.—

Робочей потащилъ и посадилъ дырой на колъ, да и придавилъ, и заскоцилъ крутéнько въ избу. Попа съ попадьей засталъ за столомъ и сѣлъ ись, въ первой разъ ищэ. Попадья и говоритъ:

«Ты куды ино парня-то дѣвалъ?»

— Молци, попадья, вашъ сынъ у мѣста сидитъ, звѣзды цита́тъ.

Попъ и говоритъ:

«Што-жо, попадя, не бѣжишь, не смотришь? Каки здѣзды тамъ цитатъ?»

Попадья побѣжала, у робёнка ротомъ колъ вышолъ. Забѣжала.

«Попъ, што-жо ты сидишь, каки-жо звѣзды цитатъ—ротомъ колъ вышолъ».

Попъ побѣжалъ, роботникъ сзади, попъ съ кола сыматъ, роботникъ и говоритъ:

«Батюшко, не осердились-ле?»

— Нѣтъ, каки осердились, не осердились.—

Прокажённаго похоронили. Топере живутъ прекрасно, отъ стола не оддéргиваютъ, роботникъ сытъ, весёлой. Попъ ушолъ въ гости, роботнику наказыватъ.

«Роботникъ, смотри анбарни двери карауль, пускай не украдутъ».

Робочей послѣ ихъ анбарни двери снялъ съ крюковъ и братьéй наказалъ. Скорéшинько братья пріѣхали, изъ анбара што было увезли. Роботникъ съ дверями пошолъ, гдѣ попъ въ гостяхъ, двери на полати запихалъ, на двери самъ лёгъ. Попъ посматриватъ. «Какъ быть мой роботникъ». Гостей хорошихъ много, ревѣть стыдно, и насмѣлился.

«Што, роботникъ, не ты-ле тутъ?

— Я.—

«Какъ ты тутъ, я велѣлъ тебѣ анбарни двери караулить, а ты здѣсь».

— Анбарни двери вѣдь у меня здѣсь, э̇во, подомной.

Попъ подумалъ:

«Это-ле не бѣда».

Не охота было итти, надо итти. Роботникъ съ полатей двери добыватъ, пробивается межъ людьми, попадья сзади. Пришли, въ анбарѣ ужъ мало дѣло увезёно. Попадья и говоритъ:

«Попъ, это-ле намъ не бѣда!»

Роботникъ говоритъ:

«Батьшко, не осердился-ле?»

— Нѣтъ, зацѣмъ осержусь.—

Опять жили-поживали, живутъ согласно. Попа съ попадьёй зовутъ въ гости опять. Пошли, попадья роботнику наказыватъ:

«Роботникъ, ты испеки пирогъ месной, накроши луку да перчу, завтра намъ гости будутъ».

Ушли въ гости, онъ поймалъ робятокъ, убилъ, отрѣзалъ отъ ихъ меско́, въ пирогъ запёкъ, остатки въ погребъ бросилъ. Попъ съ попадьей домой пришли, робятокъ нѣту, должно у дѣдки и бабки спятъ. На́ утро стали, созвали гостей, погостили, всяки ѣствы ѣли, до этого пирога дѣло дошло.

«Попъ, ты рѣжь пирогъ, да оставь Луки да Перши по кусочку».

Работникъ на полатяхъ лежитъ.

— Попадья! Луки да Пёрши нѣту, ты вѣдь Луку да Пёршу велѣла выкрошить на пирогъ.—

Гости и за стола стали вонъ походить, по домамъ. Ушли. Попъ спрашиватъ:

«Дѣ-жо робята-ти, убиты-ти?»

— Робята въ погребу.—

Попадья говоритъ:

«Попъ, да всё-жо остатки-то похоронить надо».

Роботникъ и говоритъ:

— Попъ, колодоцьки дѣлайте, а я пойду могилу копать.—

Роботникъ спрашиватъ:

«Батюшко, ты не осердилса-ле?»

— Нѣтъ, не осердилса.—

Робятокъ похоронили, пришла ночь, легли спать, комната одна, Попъ съ попадьей на кравати, роботникъ на полу. Попадья попу и говоритъ:

«Попъ, што-жо будётъ дѣлать намъ? Это-ле намъ не бѣда! у насъ вѣдь житьё было хорошо, нынче нецёго не осталось, одинъ скотъ. Прокажонной ты, прокажонной! Да Лука, да Перша были безвинны, да и тѣхъ погубилъ у насъ, кабы насъ не погубилъ. Пошлёмъ его въ чисто полё, тамъ ходитъ медвѣдь-людоѣдъ, скажемъ ему, што у насъ цёрна корова не пришла».

Садов. 26

На утро стали, попъ роботнику и говоритъ:

«Роботникъ, у насъ цёрна корова не пришла, поди пригони».

Роботникъ былъ послушенъ, мимо и пошолъ.

Приходитъ въ чисто полё на самого медвѣдя, медвѣдь на задни ноги сталъ. Молодецъ говоритъ:

«Михайло, много-ле ты у меня уѣшь? Поди къ моему хозяину трепущаго мяса ись».

Медвѣдь и пошолъ, молодецъ позади идётъ. Догонилъ до дому, отворилъ вси двири въ хлѣвахъ.

«Полѣзай, будётъ ѳтта тебѣ ись».

Самъ пошолъ въ домъ. Попъ спросилъ:

«Роботникъ, пригонилъ-ле корову-ту?»

— Пригонилъ.—

Попадья и заревѣла:

«Што жо, попъ, будётъ! корова-то вѣдь у насъ дома была, кого-же онъ пригонилъ?»

Попадья кинулась во хлѣвъ, заглянула, медвѣдь ходитъ:

«Попъ, это-ли не бѣда! Вѣдь онъ медвѣдя пригонилъ, скота всего придавилъ».

Попъ говоритъ:

— Роботникъ, пожалуста, поди выгонь медвѣдя назадъ.—

Роботникъ вышолъ.

«Михаило, наѣлса, дакъ поди прочь».

Медвѣдь ушолъ. Роботникъ зашолъ въ избу.

«Батюшко, не осердилса-ле на меня?»

— Нѣтъ, какъ, зачимъ осержусь.

Пришелъ вецеръ, ложится спать стали, попъ съ попадьей на кравать, роботникъ на полу. Ноцью попадья попу и говоритъ:

«Попъ какъ-же будёмъ дѣлать? Роботникъ дó циста у насъ всё упёкъ, кабы насъ не упёкъ. Утромъ испекци надо хлѣба, да сбѣжать, цёрнаго, да бѣлаго склась въ мѣшки, побольше ты тащишь, поменьше я.»

Роботнику худо спитця, слышитъ ихной розговоръ. Утромъ попадья стала стряпатця. День подходитъ, наступатъ вецеръ, ложатця спать, мѣшки съ хлѣбомъ въ сѣняхъ лежатъ. Роботникъ ноцью взялъ малицу, завертѣлъ подъ одѣяло, окуталъ, самъ вышолъ, изъ мѣшка хлѣбъ высыпалъ, въ мѣшокъ самъ забился. Попадья ноцью прохватилась.

«Попъ, ставай Бога ради крýце.»

Выбѣжали въ сѣни, одѣлись, попъ большой мѣшокъ схватилъ, попадья малой, побѣжали. Бѣжали, бѣжали стрѣтилась рѣцька, грубá-рѣка. Мѣшки бросили, попадья и говоритъ:

«Слава тебѣ, Осподи! убѣжали отъ злодѣя».

Попъ и говоритъ:

— А слава Богу убѣжали-же.—

Роботникъ изъ мѣшка выбиваетця.

«Попъ, я вѣдь здѣсь».

— Але ты, роботникъ, здѣсь?!—

Сѣли ужинать и роботникъ вмѣстѣ, роботнику не ѣсса, не шипко присталъ. Роботникъ скоро наѣлся и ушолъ на свою нужду къ рѣцькѣ. Угорышъ крутой, попадья и говоритъ:

«Ты попъ нá гору лёкъ, а я пóдъ гору, а роботника возлѣ меня повали. Ты сосни́, да прохватись, да меня пихни, я его ищэ пуще пихнý, онъ въ воду-то улетитъ, утонётъ».

Легли спать, попъ нá гору, попадья пониже, роботникъ ищо того пониже. Попъ съ попадьей устали, зáспали, работнику не спится. Взялъ попадью, пошевелилъ, попадья откатилась, самъ въ серёдку лёкъ. Роботникъ лежитъ ждётъ: «Когды́-когды́ попъ меня пихнётъ». Попъ проснулся, роботника пихнулъ, тотъ ищо того пуще попадью толкнулъ, попадья улетѣла въ воду, буртыхаетца.

«Попадья, ставай, ставай, утонулъ слава Богу!»

Роботникъ скочилъ.

— Попъ, да вѣть попадья утонула! —

Попъ молчитъ, роботникъ и говоритъ:

«Попъ, не осердился-ли?»

— Ахъ ты, duракъ ты, duракъ, хоть вѣкъ бы ты меня упёкъ, ищо бы я не осердилса, а то попадью упёкъ, нынце осердилса.—

«Попъ у насъ было о цёмъ залогъ положенной?»

— Былъ, да вѣдь ты у меня ужъ всё упёкъ.—

«И я бы тебѣ не цего не сдѣлалъ, да мы на востокъ Богу помолились, грѣшно будётъ, давай ложись».

Попа повалилъ, сталъ кроить изъ спины ремень, изъ жопы пряжоцьку. Пошолъ проць оттуль, до дому дошелъ, остатки увезли всё.

43.

Попъ и прохожай.

Жилъ былъ попъ. Попъ съ попадьей сидитъ, ужинатъ, пришолъ къ ему прохожáй. Попъ отýжиналъ, прохожáя накормить нецѣмъ. Пошли спать въ особу комнату, прохожáй осталса въ избѣ. Прохожáй зашолъ на полати, самому не спитця, пошолъ по грядкѣ, нашолъ книгу. Книгу взялъ цитать, а самъ неграмотной, незнатъ што и цитатъ. Попъ услыхалъ—читалъ вслýхъ.

«Што, молодечъ, вы не грамотны?»

— Какъ, батьшко, мы грамотны.—

«Не можете-ли вмѣсто причетника службу сослужить у насъ?»

— Какъ, батьшко, это дѣло, на то мы довольни пѣть и читать.—

«А какъ у васъ свято имё?»

— У насъ, батюшко, Свѣткакóфей.—

«Какъ?»

— Свѣткакофей.—

«А, Свѣткакофей, ну топерь понялъ. Мáмочка ставай! Мужика покормить чѣмъ нибудь надо».

— Бáчка, да у насъ хлѣба-то нѣту.—

«Да нѣтъ-ле опáры?»

Налили въ чашу солодовой опары, онъ нахлѣбалса дóсыта. Прохожáй давно не ѣдалъ, его пробирать стало, дристать зáчалъ. Ночью не удалось ему спать, онъ на утрѣ и зáспалъ. Попъ ставатъ, времё въ церковъ итти.

«Свѣткакофей, ставайте.»

Тотъ спитъ.

«Какофей ставайте».

Тотъ и прохватился.

— Што, батьшко?—

«Да време къ заутренѣ итти».

— Эка парень, батьшко, да у меня гуня-то худа.—

«Да, мамочка, тащы ему подрясникъ».

— Эка парень, батьшко, у меня сапоги- то худы.—

«Попадья, тащы сапоги ему».

— Ба́тьшко, у меня шапчёнка-то худа.—

«Да попадья, тащы ему картузъ».

Пошли въ церковь, зашли, попъ пошолъ на своё мѣсто, а Свѣткакофей сталъ на крылосъ. Попъ:

«Во́нмя отца и сына и святого духа. Како́фей, читай, давай».

Молцитъ. Време́ идётъ, церковъ полна народу набралась. Попъ не одинъ разъ говорилъ ему: «Цитай, Какофей». Наконецъ попъ сказалъ:

«Да што-же, Какофей, нашого приходу стыдисся? а нѣтъ дакъ пой».

Тотъ и запѣлъ:

— Солнцё на лѣти,
На западн, на закати.—

«Тащите дурака вонъ!»

Вонъ вытащили, побѣжалъ къ попу въ домъ.

«Попадья! вѣдь попъ-отъ бѣду сдѣлалъ, просилъ деньги всѣ, откупитця ладитъ».

Та побѣжала въ горницу, а прохожа́й срать захотѣлъ, взялъ шапку со спицьки, надристалъ и назадъ повѣсилъ на спицьку.

«На цетыре тысеци, тольки и было, бѣжи Бога ради скоре!»

Тотъ побѣжалъ куды себѣ путь гледитъ, тутъ и убѣжалъ. Попъ пришолъ изъ церкви.

«Попадья, дуракъ-отъ не приходилъ сюды»?

— Какъ не приходилъ, деньги всѣ утащилъ, сколь въ коробкѣ было.—

Попъ испугался, на улици морозъ, платьё церковно скинулъ, худяшшу ма́лицьку оболо́къ, взялъ шапку со спицьки, на голову наложилъ, съ испугу не знатъ што есь, побѣжалъ дога́нивать. Изъ церкви народъ шли, скопились въ куцьку, стоятъ. Попъ прибѣжалъ.

«Молодцы, не видали-ли Какофъя?»

— Да што ты, батюшко, въ го́внахъ.—

«Да, какъ вы, дураки, не видали-ли Какофъя»?

— Да ты, батюшко, самъ не одичалъ-ле? Ты весь въ го́внахъ.—

Охватилъ рожу, весь въ опа́рѣ, вонь услышелъ, не можотъ и терпѣть. Обратно воротилса домой. Попадья увидала.

«Да што ты, попъ, въ го́внахъ?»

Малица, шапка, всё въ го́внахъ, выбросили вонъ. Попъ хватилса.

«На што было бѣжать, цёртъ съ нимъ, страмъ отъ людей, стыдъ!»

Тотъ ушолъ съ деньгами.

11. Чуресанова, Матрена Андреевна.

Одна изъ моихъ такихъ сказочницъ, которыхъ я встрѣчалъ случайно, у хорошихъ сказочниковъ и отъ которыхъ, между прочимъ, записывалъ одну-двѣ сказки. М. А. живетъ въ селѣ Среднемъ Бугаевѣ на Печорѣ, но родомъ она съ рѣки Мезени, изъ дер. Бѣлощельской.

44.

Сестра-убійца.

Бывало-живало, былъ старицёкъ, да старушка, а у ихъ двѣ доцери. Они послали ихъ въ лѣсъ по ягоды — котора въ лѣсъ пойдётъ, золотой камешокъ найдётъ, той цвѣтно платьё заведёмъ. Мала-то сестра туесо́къ ягодокъ набрала и золотой камешокъ нашла, а старша берётъ, берётъ, у ей всё убыватъ. Больша сестра убила малу, подъ берёзку положила, башмачкомъ притопнула, а золотой камешокъ себѣ взяла. Старша сестра пришла домой, мати и отечъ ба́енку затопили, отечъ въ баню пошолъ.

«Дитетко, дитетко!
Поди, домой.
Тебѣ ба́енка истоплена,
Свѣжа вода наношена».
— Та́тинька, та́тинька!
Меня сестра юбила,
Подъ берёзку посадила,
Башмачкомъ притопнула,
Каблучкомъ привалила.—

Пошолъ братъ и сталъ кликать:

«Сестрича, сестрича!
Поди-ко домой,
Тебѣ баенка истоплена,
Свѣжа вода наношена,
Твой вѣничёкъ,
На полку въ уголку,
Подо крышечкою».
— Брателко, брателко!
Меня сестра юбила,
Подъ березку посадила,
Башмачкомъ притопнула,
Каблучкомъ привалила.—

Пошла мати.

«Дитетко, дитетко!
Тебѣ баенка истоплена,
Свѣжа вода наношена,
Твой вѣничокъ,
На полку, въ уголку,
Подо крышечкою».

Она отвѣчаетъ:

— Маминька, маминька!
Меня сестрица юбила,
Подъ березку посадила,
Башмачкомъ притопнула,
Каблучкомъ привалила.—

Конце и сестра пошла.

«Сестрица, сестрица!
Тебѣ баенка истоплена,
Свѣжа вода наношена, и пр.

Она отвѣчаетъ:

— Сестрица, сестрица!
Ты меня юбила,

Подъ березку схоронила,
Башмачкомъ притопнула.
Каблучкомъ привалила.—

Изъ байны пришли домой, спать лежаться, легли. Убита къ воротамъ пришла, стала плакать:

«Бра́телко, бра́телко!
Отворь ворота.
Отворь широки,
Первы волки черезъ тынъ гледятъ,
Вторы волки черезъ лѣсъ гледятъ.
Третьи волки меня съись хотятъ,
По ручкамъ, по ножкамъ,
По ретивому сердечку».

Братъ вышолъ.

«Назови мужомъ, дакъ запущу, а не назовёшь — не запущу».

Она не назвала, онъ не запустилъ ей. Она стала второго брата кликать.

Онъ вышолъ.

«Бра́телко, бра́телко!
Отворь ворота,
Отворь широки и пр.

«Назови мужомъ, дакъ запущу, не назовёшь—не запущу».

Она и назвала.

— Пущай мнѣ-ка мужъ ты.—

Онъ ее запустилъ. Она прошла въ шо́лнышъ, и сдѣлала двѣ куколки. Эти куколки выскочили, на порогъ сѣли, поскакиваютъ и выговариваютъ:

«Стыдъ да страмъ!
Братъ сестру,
На мѣсто зовётъ,
Жоной почитатъ».

Она тутъ сидѣла, сидѣла да и сквозь землю просѣла.

Бѣжала, бѣжала, стоитъ избушка на курьей ножкѣ, объ одномъ окошкѣ. Зглёнула въ окошко, бабушка сидитъ, спросила у бабушки:

«Ой бабинька, туча катитча».

«Нѣтъ, дитётко, не туча катитча, а изъ чистаго поля Ягáбиха идётъ.—

«Мы куды дѣвамся?»

— А закроемся подъ иголку.—

Закрылись подъ иголку. Ягáбиха прокатилась тучей. Дѣвушка вышла и опеть побѣжала; бѣжала, бѣжала, опеть избушка стоитъ; она въ эту избушечку зашла, бородатой старичёкъ сидитъ.

«Дѣдушко, спусти меня погрѣтця».

— Грѣйся, грѣйся, пошто я дорожныхъ людей не спущу.—

Сидитъ, въ окошко гленула.

«Ой, дѣдъ, туча катитця».

— То не туча катитця, то Ягáбиха идётъ. —

— Мы куды, дѣдъ, дѣвамся?»

— Мы подъ кремешокъ закроемся.—

Подъ кремешокъ закрылись и побѣжали, она оглянется, Ягáбиха бѣжитъ за имá. «Ой, дѣдушко, близко, съѣсъ». Крута гора стрѣтилась, старикъ да дѣвушка сквозь гору прошли, а Ягáбиха не можетъ протти и говоритъ: «Въ чистомъ поли тупичку да лопатку забыла». Сходила назадъ, принесла, роскопала гору и прошла, и опеть нагонеть стала. Стрѣтилась рѣцька, этимъ не протти не проѣхать. У ихъ была трубка пóртна, онѣ это портенкó розостелйли и хотятъ по нему переѣхать. Ягáбиха наконецъ заскочила, они портенó отрѣзали, Ягáбиха и бухъ въ воду, и погибла. Перешли рѣку, стоитъ императора самого домъ, зашли, слезно росплакались. Просятся на фатеру...

(Больше не знаетъ).

12. Кисляковъ, Иванъ Никитичъ.

Тоже изъ серіи случайныхъ сказочниковъ: старикъ, живетъ въ дер. Игнатово Бугаевск. вол. Видѣлъ И. Н. случайно, сказку записалъ въ отдѣленіи парохода.

45.

Мужъ-еретикъ и разбойники.

Былъ-жилъ крестьянинъ на пустомъ мѣстѣ: было у него два сынка,—въ зыбкѣ и годовой и доцька трёхъ лѣтъ. Онъ сказалъ хозяйкѣ: «Я завтра помру, повали меня подъ образá и трои сутки кади». Мужикъ помёръ, жона двои сутокъ кадила, а третьи забыла. Ходитъ дѣвушка трёхлѣтная и говоритъ: «Маминька, маминька, отецъ-отъ ожилъ, сѣлъ».—Што ты дика кака́—сѣлъ, померъ вѣдь.— Хозяйка зглянула, мужъ на лавкѣ сидитъ, зубы брусомъ тоцитъ. Хозяйка схватила двухъ робёшковъ и на пецъ заскоцила, осталась дѣвушка на полу. Покойникъ схватилъ изъ зыбки пелёнки и съѣлъ, и дѣвушку съѣлъ, и сталъ пецъ грызь, а на пецъ не заходитъ. Тогда покойникъ схватилъ одного младенца и съѣлъ. Хозяйка змолилась всѣмъ святымъ угодникамъ. «Принеси кого-ле, господи, крещоного человѣка, спаси меня». Отворелися двери, заходилъ Егорей святыя храброй, взялъ свою стрось, ударилъ накойника по головы, сказалъ: «Просѣдь ты сквозь полъ и сквозь землю, въ превѣчную муку, окаянной, нечестивой». Покойникъ просѣлъ сквозь землю и нестáлъ. Тогда возмолилась эта женщина, незнала, думала, што простой мужикъ (святыя Егорей храброй былъ). Змолилася:«Человѣче, я не смѣю этта жить, онъ придётъ съѣсъ меня». Сказалъ Егорей:—Ты не смѣшь жить, поди въ городъ.—«Какъ, покýль итти?»—Иди по этой дорогѣ, стрѣтятся рáстани по дороги, поди по правой, а по лѣвой не ходи отнюдь.—Тутъ и разлучилися, она пошла въ путь, а онъ потерялся.

Шла женщина дорогу до растаней и хоцётъ она по лѣву итти. Мальчикъ и сказалъ ей: «Мамонька, старицёкъ по правой велѣлъ итти». Сказала матушка:— Дыру онъ знатъ!— Пошли по лѣвой. Шли, шли, увидали домъ на столбахъ стоитъ высокой, домъ преогромной. Вышли изъ дому старицёкъ и старушка, кланяютця низко. «Заходите пообѣдать». Зашли, налили штей и принесли бѣлого хлѣба, принесли говядину, цѣловѣцьки руки и ноги варёны. Женщина испугалась. «Мы оннако попали къ розбойникамъ». Не стала кушать и мясо. Мальцикъ кушатъ. Накушались и повели ихъ въ странную горницу. «Отдыхайте съ дороги, съ пути». Вецеръ сталъ. Наѣхали ихны дѣти-розбойники. Шумъ, громъ, хлопкотня́, говóря; иной хвастатъ: «Я убилъ человѣка, деньги ограбилъ». Иной хвастатъ: «Я скотину увёзъ». Всѣ хвастаютъ, всяки надѣлали людямъ изъяны. Старикъ да старушка и говорятъ: «Мы и не куда не ходили, не ѣздили, а двѣ тетёрки намъ сами прилетѣли». Говорятъ разбойники:— Покажите каки-таки тетёрки.— Побѣжали въ странную комнату, тащатъ мальчика за махáло въ куфню. Топитця пецька и чугунъ кипитъ. Мальцика пихнули въ цюгунъ и сварили ужину. Закрычалъ мальчикъ по худому и недолго кричалъ, умертви́лся. Вынели мальцика на торелку, сѣли кушать; накушалися и успокоились спать.

Эта женщина боятця стала. Когда зáспали розбойники, она изломала окóльници, спустилася на землю. Вередилась—обезу́мѣла; пролежалась и пошла къ городу ближе. Шла она, стало свѣтать. Убоялася розбойниковъ и зарылася пóнъ мохъ. Розбойники утромъ стали, окольница сломана, нѣту. Сѣдлали коней, брали собакъ, настигать поѣхали. Ѣхали, гдѣ она зарылась, тутъ искали, не нашли; оступились, уѣхали. Женщина вышла и пошла въ городъ. Пришла въ городъ, заевила начальству: подъ которымъ вѣтромъ домъ стоитъ. Чиновники сказали: «Отведи насъ, женщина, не врёшь-ле ты». Поѣжжать стали, клали пять боцёкъ съ порохомъ, брали войска. Пріѣхали къ дому, розбойники óкнами валятъ золото и серебро. «Не замáйте насъ, впредь таковыми не будёмъ». Чиновники не принимаютъ не золота, не серебра, подкатываютъ боцьки пороху подъ домъ и зажигаютъ порохъ. Тогда разлетѣлса домъ на пять частей огнёмъ и пылью; тогда и пеплу не стало ихнова.

13. Марковъ, Павелъ Григорьевичъ.

76-ти-лѣтній П. Г. одинъ изъ моихъ хорошихъ сказателей былинъ: спѣлъ мнѣ девять номеровъ былинъ и историческихъ пѣсенъ и только случайно разсказалъ одну легенду про царя Соломона, котораго на Печорѣ зовутъ и въ былинахъ и въ сказкахъ «Соло́маномъ». П. Г. пустозеръ и пустозеръ весьма характерный; живетъ онъ въ дер. Бѣдовой, Пустозерской волости. Подробно объ немъ я говорю на стр. 330—331 «Печорскихъ былинъ».

46.

Сынъ Давыда — Соло́манъ.

У царя Давыда братъ былъ слѣпой, у брата была жена, а у жены дружокъ. У ней на деревѣ кровать доспѣта была. Мужъ ее подозрѣвалъ: охватитъ оха́бкой дерево, какъ жена заходитъ, а жена ужъ раньше дружка пустила. Давыдъ сидитъ съ женой, глядитъ въ окошко, говоритъ:

«Я Господу Богу помолюсь, братъ у жены голову ссѣкётъ».

Жена у Давыда и говоритъ:

— Нѣтъ, она на землю спуститця, три отвѣта ему принесётъ, дакъ не ссѣкётъ голову у ее́.

Соло́манъ въ брюхѣ (давыдовой жены) и говоритъ:

«Блядь по бляди и клобукъ кроютъ».

Царь Давыдъ змолился Господу Богу, у брата и глаза стали, и заскакалъ.

«Ахъ, така-сяка! спустись э̊тта на землю».

Жена спустилась, онъ сторожитъ ие́, она и говоритъ:

«Ужо, ужо, дай мнѣ спустится, што я тебѣ скажу».

Спустилась и говоритъ:

«Посмотри-кось, ты сидѣлъ тридцеть лѣтъ безъ глазъ, я надъ твоей-то головой согрѣшила, тебѣ Богъ глаза далъ».

Онъ и руки опустилъ.

Давыдъ куда-то отлучился, Давыдова жена безъ него и принесла сына, и говоритъ:

«Какой это мнѣ сынъ будётъ? Онъ въ брюхѣ што говорилъ, а выростётъ, дакъ онъ меня убьётъ».

Взяла его кузнецу и снесла, вмѣсто того кузнечового сибѣ взела. Дѣти ростуть, Давыдъ куда пойдётъ съ сыномъ, сынъ и говоритъ:

«Эко, батьшко, мѣсто красиво, намъ-бы, кузнича ставить».

А Давыдъ и говоритъ:

— Што ты, сынъ, ты бы говорилъ: «намъ на э́ко мѣсто на красиво городъ ставить, да людей населеть».

Кузнечъ пойдётъ, найдутъ мѣсто красиво сынъ и говоритъ:

«Батьшка, намъ здѣся городъ ставить, да людей населеть».

А кузнечъ и говоритъ:

— Што ты, сынъ, ты бы говорилъ: «на эко мѣсто на красиво кузнечу ставить».—

Вотъ царь долго-ли жилъ, коротко-ли жилъ, здумалъ сына испытать; послалъ за кузнечомъ, пришолъ кузнечъ.

«Царь Давыдъ нашто меня звалъ?»

Давыдъ и говоритъ:

— Приди ко мнѣ завтра, не нагъ, не въ платьѣ и стань не вонъ, не въ избу.—

Кузнечъ пришолъ домой и сказыватъ, што говоритъ Давыдъ. Сынъ и говоритъ:

«Глупъ ты кузнечъ, вотъ што, ты наложъ на ся ма́тичу, на ноги наложъ лыжи, приди петáми къ сѣнецному порогу, а носками къ избному».

Кузнечъ такъ сдѣлалъ. Давыдъ говоритъ:

«Ахъ кузнечъ, не твои это замыслы. Это замыслы сыновьи».

Опеть кузнеча царь Давыдъ позвалъ и говоритъ:

«Уведи у меня быка, черезъ э́стольки поры, черезъ э́стольки время, што-бы быкъ у тебя отелился».

Кузнечъ пришолъ и закручинилса, и разсказыватъ сыну. Сынъ велѣлъ быка убить и варятъ. Пришло то время, когда быкъ долженъ былъ отелятца, сынъ и говоритъ:

«Кузнечъ, сёдни байну истопи».

Истопили байну.

«Лягъ на полокъ и реви: «тошно мнѣ стало, тошно мнѣ стало».

Кузнечъ сдѣлалъ такъ. Идутъ слуги.

«Чего, кузнечъ, ревёшь».—

— А приношусь.—

Слуги говорятъ:

«Што ты, дикой, каки мужики приносятца?»

А кузнецъ и говоритъ:

— А мужикъ не приноситца, дакъ и быкъ не отелитца.— Тѣмъ дѣло и кончилось то.

Царь Давыдъ доспѣлъ для робятъ обѣдъ, всечины настряпали, наварили, набралася одна изба полна. Давыдъ говоритъ:

«Кто царь Соло́манъ, выше садитесе».

А кузнечовъ-отъ сынъ научилъ робятъ:

«Всѣ мечитесь за столъ, хоть выломайте и кричите:

«Вси цари, вси Соло́маны».

Вси робята мечутца за столъ, такъ Давыдъ тутъ и не узналъ. За столомъ ѣли, ѣли и спрашиваютъ:

«Сыты-ли робята?»

А робята говорятъ:

— Чего ѣли, того сыты, чего не ѣли, того ище хотимъ.—

«Хотите-ли киселя, да прѣсного молока?»

Они говорятъ:

— Киселю, да прѣсному молоку будётъ мѣсто.—

Вышли робята изъ-за стола, кузнецовъ сынъ съ робятами играютъ, возьмутъ межь ноги полѣно, то говорятъ на конѣ ѣздимъ. Вотъ они ѣздили, ѣздили одинъ у другова, которой-то полѣно укралъ, Соло́манъ зачалъ судить и говоритъ:

«Конёкраду, да сѣнокраду спуску нѣту».

Долго-ли жили, коротко-ли жили, идётъ старуха съ рынку, мѣру муки купила; понесла муку, потенулъ вѣтеръ, эту муку унесло. Пришла старуха къ царю Давыду на вѣтеръ суда просить. Царь Давыдъ говоритъ:

«Я какъ могу Божью милось обсудить?»

Кузнечовъ сынъ и говоритъ:

— Какъ ты, Давыдъ-царь, не можешь это обсудить? Дай мнѣ клюку и скипетъ и всю царску порфиру, я селу на твой престолъ, обсужу.—

Царь Давыдъ посадилъ на свой престолъ кузнечова сына судить. Собралъ въ городѣ сколькн есь народу, сталъ спрашивать:

«Хто въ этотъ день, въ эти часы, въ эти минуты вѣтру молилъ?»

Какой-то тамъ и выскочилъ карабельщикъ и говоритъ:

— Я молилъ по́собны.—

Соло́манъ ему и велѣлъ старухѣ мѣру муки насыпать.

14. Дитятевъ, Алексѣй Ивановичъ.

Слѣпой старикъ 71 года. Живетъ въ селѣ Великой Вискѣ, Пустозерской волости. Прекрасно знаетъ старины, поетъ ихъ твердо, увѣренно, и очень хорошій сказочникъ. И сказки знаетъ твердо, разсказываетъ ихъ хорошо, складно. Живетъ очень бѣдно, въ маленькой избушкѣ, на самомъ краю села, на зарѣчной сторонѣ. Несмотря на свое убожество и старость, еще долженъ работать; когда я пришолъ къ нему, онъ на дождѣ пилилъ дрова, а зрячій братъ его, въ это время, плелъ въ теплой избѣ сѣти. Еще совсѣмъ недавно А. И. ѣздилъ на цѣлое лѣто въ море на звѣриные промыслы.

Ср. Аф. 87.

47.

Богатыри.

Жилъ былъ попъ и служилъ въ церкви. Пошолъ онъ на улицу и сѣлъ страть; пришолъ козлёнокъ и ботнулъ его подъ жопу; попъ соскочилъ на ноги, схватилъ козлёнка за рога и бросилъ за ограду. Бѣжитъ въ избу, штаны не натенулъ и кричитъ: «Жона, жона! я ядрёной сталъ: схватилъ козлёнка и бросилъ за ограду. Пеки подорожниковъ, я едрёной, пойду воевать». Жена напекла подорожниковъ, наклала кíску, попъ взялъ и пошолъ.

И дошолъ до рѣки, стоитъ мужикъ въ воды, бородой езъ заезилъ, а ртомъ рыбу хватаетъ. Попъ говоритъ: «здрастуй, мужикъ».— Здраствуй попъ.— «Перевези меня за рѣку».— Какъ я тебя перевезу: э́тта шолъ Плешко́-богатырь, у меня жону отбилъ, не велѣлъ никого пропускать.— «Пропусти, я Плешка́-богатыря настигу, убью, тебѣ жену привезу». Мужикъ сталъ на ноги и протенулъ бороду, и переправилъ попа черезъ рѣку.

И спросилъ попъ: «Какъ тебя зовутъ?»— Меня зовутъ Усы́нка-богатырь.—

Пошолъ попъ по дорогѣ и вперёдъ, и добѣжалъ—стоитъ мужикъ по дорогѣ, ели вьётъ; ели завьётъ, проходу нѣту, а розовьётъ—ворота. «Пусти меня, мужикъ».—Какъ я тебя пущу: э́тта шолъ Плешко́-богатырь, у меня жону отбилъ, не велѣлъ никого пускать.— «Пусти, я Плешка́-богатыря убью, тибѣ жену привезу». Мужикъ роздвинулъ ели, попъ прошолъ, спрашиватъ: «Тебя какъ зовутъ?»— Меня зовутъ Ели́нка-богатырь.—

Бѣжитъ попъ по дорогѣ, добѣжалъ, стоитъ мужикъ, на рукахъ двѣ горы держитъ, сожмётъ руки, проходу нѣтъ, раздвинетъ — ворота. «Пусти меня мужикъ».— Нѣтъ не пропущу, э́тта шолъ Плешко́-богатырь, у меня жону отбилъ не велѣлъ никого пускать.— «Пусти, я Плешка́-богатыря настигу, убью, тибѣ жену привезу». Роздвинулъ руки мужикъ, попъ прошолъ, спрашиваетъ: «А тебя какъ зовутъ?»— Меня зовутъ Горы́нька-богатырь.—

И побѣжалъ попъ вперёдъ, сустигъ Плешка́-богатыря на дороги. Плешко́ лежитъ, спитъ, съ Усынькиной женой забавляитця, Елинкина жена у ногъ стоитъ, комаровъ опа́хиватъ, Горынкина жена у головы комаровъ опа́хиватъ. Побѣжалъ попъ въ лѣсъ, нашолъ сибѣ по силы стягъ, прибѣжалъ, Плешка-богатыря въ голову ударилъ. Плешко́-богатырь закрычалъ: «Што ты, жонка, худо комаровъ опа́хивашь!» Попъ раздумалса: «Ахъ, видно ему худо попало». Побѣжалъ въ лѣсъ, принёсъ побольше чура́къ, по головѣ Плешко́ ударилъ. Плешко говоритъ: «Ахъ, видно руськой комаръ меня кусатъ!» И началъ на ноги ставать. Попъ побѣжалъ вперёдъ, дальше прочь, Плёшко идётъ сзаде за имъ. Прибѣжалъ попъ на избушку, у избушки хромой старикъ дровця колётъ. «Дѣдушко, запрець меня отъ Плешка-богатыря куда-ле». —Куда я тебя запрецю?—Старицёкъ отпоясалъ свой кушакъ отъ малицы, и спустилъ штаны съ жопы: «Батьшко, заходи суда, седь». Попъ зашолъ, сидитъ; старицёкъ наколол дровця и хоцётъ топить пецьку; въ ту́ пору пришолъ Плешко́-богатырь, выспрашиватъ: «Што, старикъ, эта попа видѣлъ-ле? — Я не видалъ.— Плешко́-богатырь сталъ старика бить. Старикъ осердилса, Плешка́ бросилъ на землю, да храмой ногой пнулъ, Плешка́ убилъ. Зашолъ въ избушку, пецьку затопилъ, съ гузна штаны спустилъ, попа выпустилъ, посадилъ возлѣ ся, сталъ выспрашивать: «Куды ты, батьшко, по-

шолъ?»— А жилъ я дома, служилъ въ церкви и вышолъ страть; пришолъ козёлъ, ботнулъ меня подъ жопу, я на ноги скочилъ, козла за рога схватилъ, да за огородъ бросилъ, да и подумалъ: «Во мнѣ силы много!» и пошолъ воевать.— «Ну ладно, попъ, слушай-жо, я тибѣ скажу сказку: были мы семь братовъ и пошли мы въ чисто полё воевать, и туча тёмно-грозна накатываитця, грусть велика; намъ дѣватця стало некуда, мы нашли сухую кось, человѣческу голову и зашли мы въ ей всѣ семъ братовъ и засѣли въ карты играть. Пріѣхалъ богатырь, хлеснулъ по сухой кости плетью и говоритъ: «Я тебя побѣдилъ сорокъ лѣтъ, да ты лежишь не истлѣла». Поднелася голова отъ этой плети выше лѣсу стоячаго, и пала на землю и россыпалась, шесть-то братьевъ у меня до смерти убило, а у меня ногу вередило». Накормилъ старикъ попа хлѣбомъ-солью и проводилъ его домой: «Поди, служи, молись, въ старомъ мѣстѣ и не надѣйся на свою силу итти воевать». Пошолъ попъ домой и повёлъ трёхъ жонъ: Горыньки жону оставилъ, Елинки жону оставилъ, Усыньки жону оставилъ. Пришолъ домой, сталъ жить да быть, добра наживать, лиха избывать, и топере живётъ.

Сюж. 289. Сад. 2.

48.

Ѳедоръ Бурмаковъ.

Жилъ царь, у царя была дочь. Выходитъ царь на свой великъ балконъ, началъ кликъ кликать. «Хто-бы отъ меня сходилъ въ Вавилонъ-городъ, хто-бы досталъ мнѣ-ка царскую порфи́ду и косты́ль? И я-бы тому далъ полжитья-полбытья и полъимѣнья своего, и дочь въ замужъ, а послѣ своя долга́ живота на царство посадилъ». Идётъ по городу какой-ле человѣкъ, пьяница, голь кабацкая, Ѳёдоръ Бурмаковичъ. —Ахъ, ваше царско величество! я-бы сходилъ отъ васъ въ Вавилонъ-городъ, досталъ-бы вамъ царску порфи́ду и костыль, да только я запилса въ кабакъ три тысяци рублей, меня цюма́къ не отпуститъ.— Царь подумалъ, отсчиталъ три тысяци денёгъ. «Нате, слуги, снесите на царёвъ кабакъ». Снесли слуги и отдали Ѳёдору Бурмакову. Взялъ Ѳёдоръ Бурмаковъ эти деньги, съ чумакомъ росчитался, а на царской домъ нейдётъ, на тысецю

вперёдъ записа. Царь ждалъ-пождалъ, а дождать не можотъ.

Пошлё слуги: зовите Ѳёдора Бурмакова, какъ онъ долго ко мнѣ не являетца». Пришли слуги на царёвъ кабакъ. «Какъ-же ты, Ѳёдоръ Бурмаковъ, долго не являешся. — Господа министры! я за старо росплатился, и вновь за тысящю записа. Надо мнѣ двѣ тысящи денёгъ, пусть царь пошлётъ. — Приходятъ министры къ царю, росказываютъ. Отсчиталъ царь двѣ тысящи денёгъ, послалъ съ министрами. Ѳёдоръ Бурмаковъ деньги взялъ, тысещю за старо росплатился, на петьсотъ рублей шесть робочихъ нанелъ, а петьсотъ рублей опеть пропили. Пришолъ на царской домъ. «Здраствуй великой государь! Теперь среди мнѣ-ка карапь, клади мнѣ-ка хлѣба, соли, вина, на три года». Средилъ царь карапь, давалъ хлѣба, соли и вина, давалъ ищэ часть пороху и Ѳёдоръ Бурмаковъ отплылъ въ морё и приказываётъ своимъ робочимъ бѣжать подъ глубникъ-вѣтеръ.

Бѣжатъ сколькё много времени, а земли не видаютъ. Скучно стало бѣжать и говорятъ: «Што-же, Ѳёдоръ Бурмаковъ, сколькё мы бѣжимъ, а земли не видно»? А онъ и говоритъ: — Давай, робята, выкатимъ боцьку, вамъ и будётъ веселѣ.— Выкатили боцьку, выпили вина, вси стали веселы и говорятъ: «Давай, робята, онъ бѣжитъ и мы бѣжимъ тутъ-же куда-ле, вмѣстяхъ». Послѣ того видятъ впереди они горы бѣлы, какъ молоко политы; подошли они подъ эти горы, подъ этими горами берегу нѣту, вытти нé какъ, лáйды нѣтъ, а въ морѣ якорной воды нѣту, грубъ тéменна, шéймы нехватаютъ. Стали ходить о эту землю о парусахъ, и нашли они вродѣ какъ ручеечикъ, у этого ручеечка есть носоцикъ, лáйды — человѣку двумя ногами стать. Пристали къ этому носоцьку къ берегу. Ѳёдоръ Бурмаковъ взялъ желѣзны хрáпы и ручейкёмъ этимъ вышолъ на гору, закрычалъ товарищу: «На, эти хрáпы возьми, за мной иди». Вышолъ другой на гору. Съ горы кричатъ: «Отойдите рибята отъ берегу и роспустите паруса, стойте о парусахъ, штобы не въ ту не въ другу васъ не несло».

Пошолъ Ѳёдоръ Бурмаковъ съ товарищомъ на гору, увидѣли Вавилонъ-городъ. Приходятъ ко городу, обтянулса вокругъ городу огненной змѣй, хвосъ-голова въ воротахъ. Надо-бы затти въ городъ, а затти нé какъ». Говоритъ Ѳёдоръ Бурмаковъ: «Змѣй роздвинся!» Змѣй роздвинулса, изъ гортани хвостъ выпустилъ, Ѳёдоръ Бурмаковъ въ городъ прошолъ. Идётъ въ Божью церковъ, пришолъ, помолился Господу Богу и матери

Присвятой Божьей Богородицѣ: «О, Господи! я-бы знаю што взеть. а не знаю откуль взять». Богородица гласомъ прогласила: — Ѳёдоръ Бурмаковъ! ключи на престолѣ, а што тибѣ надь подъ престоломъ.— Вошолъ Ѳёдоръ Бурмаковъ въ олтарь, взялъ ключикъ съ престола, согнулса и вытенулъ ящикъ; розомкнулъ, взялъ царску порфи́ду и костыль, ящикъ замкнулъ, ключикъ на престолъ положилъ, Богу помолилса и вонъ пошолъ.

Идётъ по улицѣ вдоль по городу, изъ нѣкакого дома вы́пихалась дѣвка изъ окна, а голова песья: «Приворачивай ко мнѣ на спу́тьё». — Хорошо, красна-дѣвушка, иду. — Зашолъ къ ней. «Ну што, Ѳёдоръ Бурмаковъ, взялъ царску порфиду и костыль?» — Взялъ.— «Ну садись со мной въ пѣшки играть, ежели я тебя поиграю, съ тебя царской костыль, мнѣ отдашь; если ты меня поиграшъ — сто рублей за дура́къ». Стали играть, она его обыграла и проситъ царску порфиду и костыль, онъ ей не дава́тъ, взялъ со стола столешничу, прижалъ ей ко стѣны и тутъ ей придалъ смерти, роспи́чкалъ.

И вышолъ вонъ на улицу со своимъ товарищомъ, приходилъ къ городскимъ воротамъ. «Змѣй роздвинся!» Змѣй не роздвигается. Ѳёдоръ Бурмаковъ перескочилъ черезъ змѣиной хвостъ, былъ человѣкъ могутной, а товарыщъ не могъ, осталса и топере тутъ. Бѣжитъ бѣгомъ къ синю морю, зня́лса на высоку гору, снялъ съ головы шапку, машотъ своимъ карабельшикамъ и кричитъ: «Приворачивай рибята къ землѣ». Придружилися товарищи къ земли и Ѳёдоръ Бурмаковъ палъ съ вы́шы на карапъ, больше итти не́ какъ. «Отойдите, рибята, скорѣ отъ земли, выносите бочёньки пороху, россыпте и роспаши́те крылышкомъ по всему караблю; паруса оберите, сами въ судно всѣ заходите». Паруса завертѣли, всѣ въ карапъ въ испо́дъ зашли и заперлись. Прилетѣли птичи, кокти востры, носы желѣзны и стали карапъ клевать. Ѳёдоръ Бурмаковъ скрылъ двери, взялъ кремешокъ, да огниво, огнивчо о кремешокъ ю́кнулъ, искра вылетѣла, а порохъ схы́гнулъ и птичь всѣхъ огнёмъ подняло, на карабли всё — снасти, якоря, паруса, всё на огни унесло. Осталса карапъ какъ чуракъ, куды волной несётъ, туды и несётъ.

Долго-ли плавалъ, коротко-ли плавалъ, прибило его въ нѣкакое мѣсто къ земли. И вышли они на берегъ и пошолъ Ѳёдоръ Бурмаковъ на гору и пошолъ по горы, и па́лса на тропинку, роздумалса: «Кака-жо это тропинка?» Пошелъ по этой

тропинкѣ и стрѣтилса ему старикъ песья голова. «Здрастуй, Ѳёдоръ Бурмаковъ!» —Здрастуй, старикъ песья голова.— «Ну, Ѳёдоръ Бурмаковъ, приворачивай ко мнѣ на спутье». —Хорошо, старикъ, песья голова.— Пришли въ домъ. «Зачѣмъ ты у меня дочерь побилъ? отдай мнѣ царску порфиду и костыль». —Што ты старикъ, я скольки иду, не съ собой несу. Остались на карабли.— «А ты сходи, этта не далёко, дамъ я тибѣ строку трои сутки, а молодцовъ у меня оставь подъ закладъ». Вышолъ на крыльчо, посмотрѣлъ, у старика худая лѣснича, онъ взялъ да съ этой лѣстничи комкомъ на землю палъ, да и заревѣлъ: «Охъ ты мнѣ, тошно, ногу вередилъ». Старикъ выскочилъ на уличу: —Што ты, Ѳёдоръ Бурмаковъ, крычишь?— «Да вотъ у тебя худая лѣснича, я палъ да ногу вередилъ. Некакъ не не могу въ трои сутки сходить». —Даваю четверы сутки, въ четверы сходишь?— Сталъ Ѳёдоръ Бурмаковъ и пошолъ, вышолъ на тропинку и раздумалса: «Я што пойду на карапъ? У меня вѣдь всё съ собой, я пойду вперёдъ». Пошолъ по тропинкѣ вперёдъ.

Долго-ли шолъ, коротко-ли шолъ, вышолъ на поли на чисто, завидѣлъ домъ пребольшающей, городомъ назвать— малъ добре, теремомъ назвать—великъ добре. Заходитъ въ домъ, стоятъ столы дубовы, на столахъ ѣствы сахарны; сѣлъ за столъ и поѣлъ, росхожой ѣды побольше, хорошой поменьше; зашолъ въ погнéту и спать лёгъ. «Хто-ле къ этому дому, каки-ле люди будутъ». И слышитъ прiѣхалъ къ дому богатырь и запускатъ коня въ конюшню, заходитъ въ избу. Зглянулъ на столъ и говоритъ: «Хто-ле былъ у меня гость, да и очень вѣжливъ: росхожой ѣды съѣлъ побольше, а хорошой поменьше. Хто таковъ есть человѣкъ, выходи?» Сталъ Ѳёдоръ Бурмаковъ съ печи, подошолъ къ нему поближе и поклонилса пониже. «Здраствуй, кривой Лука-богатырь, господинъ генералъ!» —Здраствуй, Ѳёдоръ Бурмаковъ! зачѣмъ ты ко мнѣ въ домъ зашолъ, когда хозяина нѣтъ?— «Я не зналъ, што въ домѣ хозяина нѣту, я хозяина дождался». —Ну, Ѳёдоръ Бурмаковъ, когда ты зашолъ ко мнѣ, дакъ излѣчи у меня глазъ.— «Ну давай, я твой глазъ излѣчу, только ты затопи печку и дай мнѣ-ка олова и дай мнѣ-ка винты, привинтить твои руки и ноги къ полу, когда я твой глазъ лѣчить буду, штобы ты не здрогнулъ». Далъ ему всё, привинтилъ его къ полу, затопилъ печкю, розогрѣлъ олово, наднёсъ ко глазамъ. «Отвóрь оба глаза!» Въ доброй глазъ ему олова

налилъ, да и побѣжалъ вонъ на уличу. Кривой Лука соскочилъ, винты оторвалъ, побѣжалъ вонъ на уличу, а полнова свѣту не видитъ, заревѣлъ: «Быть кругомъ моего дома желѣзной тынъ!» Ѳёдоръ Бурмаковъ привёлса въ ограды, ему не куда дѣватся. а у Луки бѣгаютъ въ ограды козлёнки. Онъ козла поймалъ, да убилъ, козла олупи́лъ, а голову не отрѣзалъ, кожу на себя накинулъ, а голову на голову, да сталъ на четыре кости, розбѣжалса, да Луку въ жопу и ботнулъ. Тотъ схватилъ за рога, да за ограду и выкинулъ. Ѳёдоръ Бурмаковъ скрычалъ: «Прости, Лука-богатырь!» — Ну, Ѳёдоръ Бурмаковъ, когда ты меня побѣдилъ, то на тебѣ моя мѣдная, свѣтлая сабля». Бросилъ въ чистое поле.—«Возьми». Ѳёдоръ Бурмаковъ приходитъ къ этой саблѣ, роздумалса: «Што-же, взеть мнѣ эта сабля одной рукой, а взеть отвѣдать мезиннымъ персто́мъ?» Пе́рстикъ приложилъ, пе́рстикъ и прикипѣлъ. Ну и сидитъ, плачётъ, незнатъ што и дѣлать; вынелъ изъ кормана перочинной ножикъ и отрѣзалъ свой мези́нной пёрстъ по суставу. Отошелъ въ сторону и сидитъ въ холмахъ. Прибѣжалъ кривой Лука, хватилъ эту саблю. «Счасливъ ты, Ѳёдоръ Бурмаковъ, што ушолъ, ну да ладно, у меня есть тамъ на дороги любима сестра».

Пошолъ Ѳёдоръ Бурмаковъ вперёдъ и увидѣлъ домъ пребольшающей. Заходитъ въ домъ, стоятъ столы дубовы, ѣствы сахарны, питья медвянны; сѣлъ за столъ, поѣлъ, росхожой ѣды побольше, хорошой поменьше, зашолъ на пецьку, лёкъ спать. И вдругъ слышитъ прі́ѣхалъ ко двору богатырь, коня обиратъ, въ домъ запускатъ; зашолъ въ избу, згленулъ на столъ. «Хто былъ-же, да вѣжливой». Ѳёдоръ Бурмаковъ съ печи слѣзъ, подошолъ поближе, поклонилса пониже: «Здраствуй, красная дѣвица». — Здраствуй Ѳёдоръ Бурмаковъ, зачѣмъ зашолъ безъ хозяина.— «Поспу́тье, красна дѣвица, я вѣдь не зналъ». — Садись со мной пообѣдать. — «Хорошо, красная дѣвича». Вышли изъ за стола. «Ну, Ѳёдоръ Бурмаковъ, ложись со мной спать на кровать». — Хорошо, красная дѣвица, лягу.— Утромъ стаютъ. «Ѳёдоръ Бурмаковъ, садись со мной за столъ, попить, поись». — Хорошо, красная дѣвича, сяду.— Напились, наѣлись, и вышли вонъ изъ за́столья. «Ну, Ѳёдоръ Бурмаковъ, поѣдёмъ мы съ тобой въ чистое полё». — Хорошо, красна дѣвича, ѣду.— «Я воюю со Львомъ-звѣрёмъ тридцеть лѣтъ, а не ко́й кого́ побѣдить не можомъ, ты пособи мнѣ-ка Льва-звѣря побѣдить, я возьму тогда мужомъ».— Ладно, красная дѣвица, пошто не

пособлю? пособлю.— «Мнѣ отъ тебя немного и надо, только ты скажи: «Господи! пособи красной дѣвицѣ Льва-звѣря побѣдить», тогда я его трехну». Вышла вонъ на улицу и выводила своя добра коня. Ѳёдора Бурмакова садила за себя въ сѣдло и поѣхали они въ чисто полё. Оставила его въ скрытное мѣсто, подъ зеленой дубъ, а сама уѣхала ко Льву-звѣрю воевать. Скочила съ добра коня и хватилися они рукопашкой. Бились, дрались, боролись трои суточки, розбродили матушку сыру землю, и не кой коего побѣдить не можотъ. Крычитъ красная дѣвича: «Ѳёдоръ Бурмаковъ! пособи мнѣ Льва-звѣря побѣдить». За ею Левъ-звѣрь заревѣлъ: — Ѳёдоръ Бурмаковъ! пособи мнѣ красну дѣвицу побѣдить, я тебѣ велико добро доспѣю.— Ѳёдоръ Бурмаковъ стоитъ прироздумался: «Вотъ моя хлопота́, не знаю которому пособить... я пособлю дѣвичѣ, она меня убьётъ, пособлю Льву-звѣрю — онъ меня съѣсъ. Однако-же, пособи Господи Льву-звѣрю красну дѣвичу побѣдить». Левъ-звѣрь бросилъ дѣвичу на сыру землю, да и розорвалъ ее на двоё и бѣжитъ къ нему, ротъ открылъ, зубы оскалилъ. Ѳёдоръ Бурмаковъ удро́гъ и думаётъ: «Ахъ, видно онъ и меня съѣсъ». Прибѣжалъ Левъ-звѣрь и говоритъ: «Ну, што, Ѳёдоръ Бурмаковъ тибѣ надобно, то я тибѣ и доспѣю?» — Я теперь хожу, заблудился, въ своё царсво дорогу не знаю, ты-бы мнѣ путь-дорожку указалъ.— «Садись на меня, держись крѣпче».

И побѣжалъ Левъ-звѣрь по чистому полю, по темному лѣсу, гдѣ высоки горы, гдѣ грубы́ ручьи, всё чёрезъ катитъ; и выбѣжалъ на поле на чисто, остановился: «Ѳёдоръ Бурмаковъ, знашь-ле это како мѣсто?» — Нѣтъ, не знаю.— Опять побѣжали, по чистому полю, по тёмному лѣсу, выбѣжалъ подъ ихно царсво на зелены луга и остановился: «Знашь-ле это како мѣсто?» — Эго мѣсто, какъ будто нашого царсва зелены луга.— «То само и есь. Поди Ѳёдоръ Бурмаковъ въ городъ и отнюдь не хвастай, што на Левѣ-звѣрѣ ѣхалъ, а если похвасташь, я тебя съѣмъ». Роспростилисе, пошолъ Левъ-звѣрь въ чисто поле, а Ѳёдоръ Бурмаковъ въ городъ.

Пришолъ въ царской домъ и кладётъ царску порфиду и костыль. «Вашо царско величество! объ чёмъ у насъ было слово говорено?» Весёлымъ пиркомъ и скорой свадебкой, дочерь въ замужъ отдаётъ и пошолъ въ церковь божью вѣнчатця. Обвѣнчалися, пришли къ царю на почесенъ пиръ и всѣ тутъ на пиру стали пьяны-веселы и всѣ похваляютце. Ѳёдоръ Бурмаковъ си-

дитъ тоже веселёшинёкъ. «Што-же вы, братцы, похвале́итисе. я ходилъ земли много, да штоесь я домой на Львѣ-звѣрѣ прiѣхалъ». А левъ-звѣрь подъ окошко и прибѣжалъ, крычитъ: — Өёдоръ Бурмаковъ, выходи на улицу.— Өёдоръ Бурмаковъ вышолъ на высокъ великъ балконъ. «Здрастуй, Өёдоръ Бурмаковъ!» — Здраствуй, Левъ-звѣрь — «Зачѣмъ ты мной хвасталъ? Я топере тебя съѣмъ». — Нѣтъ, Левъ-звѣрь, я тобой не хвасталъ.— «Какъ не хвасталъ, ты сидишь на пиру и хвасташь. што на мнѣ ѣхалъ». — Нѣтъ, Левъ-звѣрь, хвасталъ дакъ хмель мой, а я не хвасталъ.— «Какъ можотъ хмель хвастать?» — Отвѣдай-кося ты, Левъ-звѣрь, напейся вина, да будёшь-ле ты въ одномъ умѣ. — «Давай». Выкатили ему вина три боцьки сороковыхъ. Левъ-звѣрь боцьку выпилъ, другу выпилъ, да и изъ третьей надкушалъ и сталъ пьянъ, сталъ по улицы ходить, сталъ падать, ограды приломалъ и заспалъ. Спитъ трои сутки. Өёдоръ Бурмаковъ пошолъ въ кузнечи, панелъ кузнечей сковать руки и ноги въ желѣза. Левъ-звѣрь просыпаитце, а руки-ноги связаны. «Өёдоръ Бурмаковъ, ты зачѣмъ меня сковалъ?» — Што ты, Левъ-звѣрь, я у тебя близко небылъ.— «Да хто ино меня сковалъ?» — Ужъ не знаю, сковалъ—нѣтъ видно дакъ тебя хмель твой.— «Ну, быльно́ меня хмель сковалъ, а не ты де и хвасталъ—хмель твой». Росковалъ Лева-звѣря, роспростилисе, убѣжалъ Левъ-звѣрь, а Өёдоръ Бурмаковъ сталъ жить да быть.

49.

Царь Пётръ и хитрая жена.

Былъ жилъ царь Пётръ Первый; былъ онъ хитрой, мудрой, собралъ онъ себѣ бояръ на думу.

«Што-же вы, мои думные бояра думаите? я хочу не посѣено полё пожать — можете-ли отгадать?»

— Не знаемъ, вашо царско величество.—

«Ну отгадайте, а не то голова съ плечъ».

— Дай намъ строку на три сутоки.—

Ну вотъ, они пошли по улицы думу думать эту; шли по улицы поперѐсной, поворотилися, пошли по продольной, увидали старой домъ, широкой, большой и двери худы, россыпались, не за-

ложены; зашли они въ этотъ домъ, въ домѣ дѣвица полы моётъ; сначала отъ нихъ за печкю, одѣла на себя верхную рубашку, выходитъ и говоритъ:

«Не дай Господи тупой глазъ и безухо окно».

Домыла она полы и вынесла на улицу грязну́ю воду и вымыла свои руки, и сѣла за лавку.

«Куды-же вы, господа министры, направилися?»

— А вотъ царь накинулъ службу, загонулъ загадку, не можомъ отгадать: хочетъ не посѣяно полё пожать.—

«Вы это-то ужъ не знаите? Потьте скажите царю: вы будите начинать, а мы вамъ будемъ помогать».

— Што-жо, матушка, мы чего-ле поись хотимъ.—

«А чего вы хотите — плёваного или лизаного?»

— А поставь матушка, нето, намъ лизаного.—

Она поставила имъ у́шки чистой и рыбки бѣлой на столъ. Сѣли и поѣли, вышли, Богу помолились.

«Што-же, матушка плёвано, а што лизано?»

— Да вы ужъ и этого-то не знаите?—

«Не знаемъ, матушка».

— Понапрасну на того царя хлѣбъ ѣдите, даромъ: вы бы спросили у меня плёванаго, я бы поставила вамъ ушки ершовой, вы бы ѣли да плевалися, а вы просили у меня лизаного, я поставила вамъ ушки чистой, вы рыбку съѣли и блюдья облизали.—

Министры отъ ей и вонь пошли. Приходятъ къ царю и говорятъ:

«Вашо царско величесво, вы будите начинать, а мы будёмъ вамъ помогать».

— А хто-жо вамъ сказалъ это? —

«Есть въ э̆такой улицѣ прекрасная дѣвица»

— Нате несите дѣвицѣ этой золотникъ шолку, пусть она мнѣ соткётъ ширинку.—

Министры снесли дѣвицѣ и отдали.

«Велитъ царь соткать ширинку».

Дала имъ дѣвиця красного дерева съ ши́тню иголку:

«Доспѣетъ царь мнѣ чивчю́ да бёрдо, я ему сотку».

Министры пришли къ царю и отдаваютъ ему въ руки.

«Велитъ вамъ доспѣть чивчо́ да бёрдо».

Царь въ руки взялъ и головой покачалъ.

«Потьте, министры, сватайтесь на этой дѣвичи».

Пошли министры и кланеются;

«Идёшь-ле ты за царя замужъ?»

— Господа министры! Я отъ царя не отслы́шна.—

Отнеслися министры къ царю. Не пиво варить, не вино курить — весёлымъ пиркомъ и скорой свадебкой. Пріѣжжатъ къ этой дѣвицы царь на кореты, беретъ дѣвицу и поѣхали въ божью церковь вѣнчацца.

Живётъ царь съ молодой женой и штобы онъ подумалъ своимъ умомъ сдѣлать, а жена его и доспѣтъ. Собралъ царь опеть своихъ думныхъ.

«Што-же вы, мои думные, главные думаите? У меня жена хочётъ хитре́ меня быть — какъ я буду съ ей жить? Я хочу ей за это казнить. Я удалюся въ иностранны земли на три года и возьму подъ собой жеребча иноходца, а у царицы останетця въ домѣ кобыла — можетъ-ли она, штобы ей кобыла родила жеребча, какъ подомной? И тепериця — она остаетця отъ меня не беременна — можотъ-ли она родить таковаго сына каковъ я есть, царь? Оставлю я у ей поро́зной чемоданъ подъ двѣнадцетью замками, а ключи увезу съ собой — можотъ-ли она наклась злата-серебра, и што-бы не одинъ замокъ не вреди́ть?»

Соорудилъ карапь и удалился въ иностранну землю. Эта царица немного времени соорудила карапь, за имъ-жо и походитъ, и берётъ съ собой чомоданъ порбзенъ, злато-серебро кладетъ въ мѣшки и берётъ съ собой кобылу, и удалилася въ другу землю. Довѣдалася она царя и пристала въ томъ-жо самомъ городѣ, выспрашиватъ:

«Гдѣ царь на фатеры?»

— А супроти́въ прынцова дворца.—

И она просилася къ прынцу на постой. Заводитъ кобылу въ бѣлокаменны конюшны, подстригла свои волосы по мужески, назвалася прынцомъ и наблюда́тъ этого царя, куды онъ ходитъ. Ушолъ царь въ трактиръ и въ шанки́ и увидѣлъ карты хороши:

«А эдаки карты, поиграть-бы».

А прынцъ подхватилса.

— Што даромъ карты мять, положить какой нибудь залокъ, дакъ и играть можно, положимъ такой залогъ: если я проиграюся, съ меня сто рублей за дура́къ, а ты проиграешь — двѣнацщеть ключей мнѣ-ка на ночь подоржать.—

И пошли они на фатеры и пройгралса царь и отдалъ свои двенадцеть ключей прынцу на ночь. Царица принесла ключи,

розомкнула чемоданъ, наполнила златомъ и сéребромъ до полна, по утру ключи назадъ и опять наблюдатъ: куды царь пошолъ и она прынцомъ за нимъ взадѣ. Зашолъ царь въ трактиры и шанкі́ и увидѣлъ хороши карты:

«Эдакими-бы картами поиграть».

А принцъ подхватилъ:

— Што даромъ карты мять, положимъ залогъ: я проиграю, съ меня двѣсти рублей за дуракъ, ты — жеребча иноходча мнѣ-ка на ночь подоржать».

И проигралъ царь жеребча иноходча прынцу на ночь и пошли они съ игрища домой. Увели жеребча иноходча и запустили въ бѣлокаменны конюшни, везали его ко столбу, а кобыла ходитъ проста; жеребечъ томитце, оборвалса жеребечъ, скочилъ на эту кобылу, кобыла обходи́ласе. Поутрý жеребча домой. Опять наблюдатъ прынцъ царя. Ушолъ царь въ трактиры, въ шанкі́ и прынцъ за нимъ. Опять карты хороши увидалъ царь и говоритъ:

«Ахъ въ эки-бы карты поиграть».

А прынцъ опять говоритъ:

- Што даромъ карты мять, давай положимъ залокъ: если ты проиграшся, съ тебя триста рублей за дурáкъ, а я проиграюсь — моя жопа тебѣ на ночь.—

Начали играть въ карты и проигралса прынцъ. И говоритъ прынцъ:

«Приходи ко мнѣ во второмъ чесу ночи».

А эта царица сдѣла свое мужско платье, надѣла женско, волосы подвила, и ходитъ, на столы ѣствы готовитъ. Бѣжитъ царь во второмъ чесу ночи, у дверей колотитсе. Услышела, вышла и запустила его. Садилса царь за столъ и потчивала его водочкой изъ рюмочки; и тогó, новóго проситъ закусить, а онъ проситъ скоре на кроватъ повалитца. А она говоритъ:

«Молчи, ищэ ночи довольно».

Наконецъ того—повалилисе спать и опочи́нъ держать. Поутру стали, простилисе, царица склалась въ карапь и стала отправлятця въ свою землю.

Прошло времени три года. Срежаетъ царь свой карапь и отправляетца домой. И пріѣхалъ онъ домой и стрѣцяютъ его синаторы, на пристани карабельной; выходитъ царь на гору, жена идётъ и на рукахъ сына несётъ. Поздоровались, вошолъ въ свой домъ, хватилъ свой чемоданъ, розомкнулъ и накла-

жено злата-серебра до полна́. Взгленулъ въ зелены сады и видитъ: кобыла въ садикѣ, а подъ нею селѣтокъ, такой-же жеребчикъ, какъ и подъ нимъ. Призвалъ министровъ и допрашиватъ.

«Какъ-же могла она это дѣло доспѣть?

Взялъ сына на руки, подошолъ къ зеркалу.

«Таковъ-же какъ и я».

Царь говоритъ:

«Я хочу ей за это казнить, што вы думаите?»

Министры говорятъ:

— Нельзя безвинно человѣка казнить.—

Жена и говоритъ:

«Ваше царско величество! Ты въ иностранной землѣ ходилъ въ трактиры и шанки́?»

— Ходилъ.—

«Игралъ съ прынцомъ въ карты?»

— Игралъ.—

«Проигралъ жеребча на́ ночь?»

— Проигралъ.—

«Ты вѣдь мнѣ проигралъ, я жеребча увела да до своей кобылы и допустила, а на ночь ключи проигралъ?»

— Проигралъ.—

«Ты вѣдь мнѣ и ключи проигралъ. Игралъ ты въ третей разъ?»

— Игралъ.—

«Выигралъ у прынца жопу сибѣ на ночь?»

— Выигралъ.—

«Ты вѣдь съ меня выигралъ и ночку со мной на кровати игралъ, ну твой сынъ на тебя и походитъ».

---

50. Афр. 241

131 Костя.

Жилъ былъ старикъ да старуха. Старуха полюбила дружка, Костю изъ за рѣки, красны сапоги. Приходитъ Костя ко старушкѣ въ гости, а эта старушка молитъ Бога, штобы старикъ оглохъ или ослѣпъ; старикъ это услышелъ и говоритъ: «Старушка, есь въ чистомъ полѣ сухой дубъ, а въ дубу есь Дуплецкой-Микола, ты сходи, ему помолись, онъ милосливой». Ночь

прошла, утромъ стали, старикъ запрягъ лошадку, поѣхалъ въ лѣсъ, свою лошадку упряталъ, въ сухой дубъ зашолъ и сѣлъ. Старушка дома обредилась, поѣхала въ поле къ сухому дубу: «О, Господи! ослѣпи и оглуши старика». Старикъ изъ дуба отвѣчатъ: — Ослѣплю, бабушка, оглушу.— «Вотъ, слава тибѣ Господи». По́вечеру старикъ домой прiѣхалъ, притворился, ходитъ по огороду, дугу натти не можотъ, блудитъ. Старуха выскоцила, клицётъ старика: «Бѣдной, бѣдной старикъ! не цюётъ, ходитъ, блудитъ, натти не можотъ». Старуха думатъ: «О, слава тибѣ Господи! ослѣпъ, оглохъ». Старичонко зашолъ въ избу и заволо́кся на полати спать. Поутру́ старушка ставатъ, печку затоплятъ, пекётъ-стряпатъ блинки и ола́быши. Пришолъ Костя въ гости, садитъ его старуха за столъ въ большой уголъ и носитъ кушанья, и потчиватъ. Лежитъ старикъ на полатяхъ: «Старушка бѣдна, дай-ко мнѣ лукъ да стрѣлку». Бросила ему: —А на ты, слѣпой, глухой! —Костю потчиватъ, поставила блины на столъ, а масла позабыла принести, пошла въ погребъ по масло. Старикъ скрылъ глаза, да Костю въ гру́ди и стрѣлилъ. Соскочилъ съ полатей, стрѣлу выхватилъ, да у Кости ротъ отворилъ, да съ блюда олабышъ схватилъ, въ ротъ запихнулъ, да и навалилъ на стѣну. Старуха пришла, масло принесла, думатъ Костя задавился: «Охъ ты мнѣ, тошно!» А старикъ и уцюлъ: — А чего бѣдна старуха охашь? — «А молчи ты, слѣпой глухой, телёнка пропилъ».

Пришолъ вечеръ, ночка наставатъ, старикъ говоритъ: «Куды станёмъ Костю дѣвать?» Взялъ суреди́лъ въ хорошо платьё, унёсъ богатому мужику на рѣпишшо. Старикъ накралъ рѣпу, наклалъ бочкю, поставилъ Костю возлѣ бочкю, запихалъ въ ротъ рѣпу и ушолъ. Утромъ стали у купця роботники, увидѣли Костю, донесли: «Костя крадётъ у тебя рѣпу».— По́тьте, вора-Костю бейте». Побѣжали робята, ударили Костю стягомъ, Костя упалъ да убилса. «Куды станёмъ дѣвать Костю?» Сказалъ купецъ: — Тащите его въ соръ куда-ле.— Стащили Костю, бросили въ соръ. Старикъ укараулилъ, Костю домой принёсъ ночью, средилъ, залѣзъ въ онбаръ, выносилъ скольки могъ муки, а Костѣ далъ въ руки мѣшокъ, далъ совокъ. Утромъ робочiе пошли, омбаръ полой. Жалятця купцю: «Костя муку крадётъ». Купецъ сказалъ: — Потьте, бейте.— Слуги побѣжали, ударили стежкомъ. Костя упалъ и убилса. «Куды дѣвать?»— А отволоките за́ дворы.— Отволокли за́ дворы, а старикъ ночью

опеть домой унёсъ. Пошолъ къ богатому купцю, коня укралъ хорошого, взялъ коня настегалъ, посадилъ Костю и далъ поводъ въ руки, конь бѣгатъ по городу. У купця поутру роботники увидѣли, коня поимали, Костю тыкнули, Костя упалъ, убился. «Куды дѣвать Костю?» — Куды-ле отволоките.— Ночью старикъ опеть унесъ Костю, посадилъ въ лодку на рѣкѣ, въ руки два весёлка всунулъ, оттолкнулъ. И сидитъ Костя, не гребётъ и не правитъ, водой его несётъ. Рыбаки рыбу ловятъ: «Костя, вороти, въ неводъ запловёшь». Костя не воротитъ, въ неводъ за́плылъ, мужички и говорятъ: «Поѣзжайте, бейте Костю, какъ онъ въ неводъ заплылъ?» Розъѣхались, Кости весломъ въ грудь ткнули, Костя палъ, да и утонулъ. И понесло Костю по рѣки и занесло въ заёзокъ и попалъ Костя въ вёршу. Пришли вёршу трести, Костю вытенули и бросили въ воду.

51.

Прибакулочка.

Шолъ мужикъ изъ Ростова-города, стрѣтился ему, идётъ мужичёкъ въ Ростовъ-городъ; сошлись и поздоровались.

«Ты, братъ, откудова?»

— Я изъ Ростова-города.—

«Што у васъ хорошого въ Ростовѣ дѣитця?»

— А што, у насъ Ваньку Кочерина повѣсили.—

«А за што его милова повѣсили?»

— Да за шею.—

«Экой ты братецъ какой безпонятной, да въ чёмъ его повѣсили-то?»

— А въ чёмъ повѣсили — въ сѣромъ кафтанѣ, да въ красномъ колпакѣ.—

«Экой ты какой безпонятной — какая у него вина-то была?»

— А не было вина-то, онъ сударь не пилъ.—

«Экой ты какой безпонятной — да што онъ сдѣлалъ-то?»

— А што сдѣлалъ — онъ укралъ у Миколы подковки, у Богородицы вѣнокъ съ головы.—

«Эка паря, милой Ваня, у его не велика была вина-то, да его и за это повѣсили».

52.

Прибакулочка.

Шолъ мужикъ изъ Ростова-города, стрѣтился ему мужикъ, идётъ въ Ростовъ-городъ. Сошлись, поздоровались.

«Ну, што у васъ въ Ростовѣ хорошого дѣитця?»

— А што у насъ — пошолъ мужикъ на полё, понёсъ сѣмё посѣять, да дорогой просыпалъ.—

«Это братъ худо».

— Худо, да не поráто.—

«А што, братъ, таковó?»

— А онъ просыпалъ, да сóбралъ.—

«Это, братъ, хорошо».

— А хорошо, да не поráто.—

«А што, братъ, таково?»

— Онъ пошолъ на полё, сѣмё посѣялъ, ему навадилася чёрная поповая комолая безхвостая корова, у него сѣмё-то и поѣла.—

«А это вѣдь медвѣдь былъ?»

— А какой медвѣдь, полно на х..ъ пердѣть! я прежде медвѣдя знавалъ, медвѣдь не такой: медвѣдь сѣрой, хвостъ большой, ротъ большой.—

«А то вѣдь волкъ».

— Какой волкъ, х..ъ тебѣ долгъ! я прежде волка зналъ: волкъ красинькёй, низинькёй, самъ лукавинькёй, идётъ по земли и хвостъ волокётъ. —

«А то вѣдь лисича».

— Кака лисича, х..ъ тебѣ подъ праву косичу! я прежде лисичу зналъ: лисича бѣлинькая, малинькая, бѣжитъ, прискочитъ да сядётъ.—

«А то вѣдь заецъ».

— Какой заецъ, х..ъ-бы тибѣ въ задницу! я прежде зайца зналъ, заецъ не такой: заецъ малинькой, бѣлинькой, хвостъ-носъ черинькой, съ кустика на кустикъ перелетыватъ, самъ табáркаётъ.—

«А это вѣдь куропатка».

— Какá куропатка, х..ъ-бы тибѣ подъ лопатку! я прежде куропатку зналъ: куропатка сѣринькая, малинькая, съ ёлки на ёлку перелётыватъ, шишечки покляпватъ.—

«А это вѣдь тетéря».

— Кака тетéря х..ъ-бы тибѣ запетéрилъ! я прежде тетерю зналъ: тетеря бѣлинькая, малинькая, хвостикъ чернинькой, по норкамъ поскакиватъ, сама почиркиватъ.—

«А это вѣдь горносталь».

—А поди ты на х..ъ, перестань.—

Да и прочь пошолъ.

53.

Скороговорка.

Начинается, починаетца, сказка добрая, повѣсть долгая, отъ добраго коня инохóдца, отъ молодецкаго посвисту, отъ бабьёго пóперду, отъ наступчиваго поросёнка. Какъ наступчивой поросёнокъ часто наступатъ, доброго молодца съ говна пихаётъ, такъ опасно доброму молодцу безъ ружья садитца срать. Съ той чести и славы, малы робята на печь настрали, сквозь печку капнуло, въ горшоцикъ ляпнуло; на то были робята ухватчивы, скоро заслонку прикладывали и гвоздикомъ приколачивали. Этобы ѣства прѣла, кипѣла, къ утру ись поспѣла, краснымъ дѣвушкамъ кушать, а молодушкамъ рýшать. Сидѣли Ермакú, сини колпаки, сидѣли Ермóшки, сини ножки, и говорятъ: «На морѣ, на Кіянѣ, на островѣ на Буянѣ, жилъ быкъ печёной, въ жопы чеснокъ толчёной. Были тутъ двѣ избушки, пецька отъ печки муравленыя, а потолки чорныхъ соболей; жили тутъ двѣнаццеть молодцовъ. «Ставайте рибята, гудки накладывайтё». Стали гудки выговаривать: «Богатой мужикъ живётъ, пиво варитъ, насъ всѣхъ молодцовъ напоитъ со товарищами, за то дасъ ему Богъ на поли кромúна, на столѣ ѣдúна, въ квашнѣ спорúна; А нужненькёй, бѣдненькёй пріупался лёжитъ, а изъ гузна кроха полтора колпака; на это свиньюшка позавидовала, выходила на широкую уличу, просила у Господа Бога золотого крыльиця: «Залетѣть-бы мнѣ ко Фатéнушку на повѣть и съись-бы мнѣ кроху полтора колпака, поменула-бы я за этой крохой всѣхъ своихъ родителей, дѣдушку Фирса, да бабушку Спириндейкю, за рѣчкой да въ кýстѣ и мать ихъ въ гузно, сельскихъ бояръ, монастырскихъ крестянъ, трёхъ Матрёнъ, да Луку съ Петромъ».

54.

Скороговорка.

Алексѣй Ѳоминъ, сынъ вдовинъ, по́ морю ходилъ, ка́тары кроилъ, тѣмъ свою буйну голову кормилъ; изъ не́рпецей катарки, выкроилъ двѣ лямки, а изъ за́ецей катари́, цѣлые ремни. Бѣжалъ по морю тихонькё, увидѣлъ о́шкуя Офонька, ко льдины пристали, обѣдать варить стали; Алексѣй Ѳоминъ пошолъ по льдины и нашолъ облема́я; тому сталъ радъ, оттыкалъ штаны и сѣлъ страть; въ ка́рбасѣ говорятъ: «Олексѣй, хотя ты и радъ, облемай у тебя дыроватъ».— Молчите рибята, небольшія эти дырки, отдамъ, зашьютъ и и́ньки.— И принёсъ облема́я на ка́рбасъ, и весь свой кроёжъ перемѣрялъ и перешевелилъ, родилось кроежу́ на цѣлую вожжу́; Аиглё самоѣди́нъ, хотя и на носу, а я не мене его унесу; Исакъ, хотя и кругъ, въ одной нашести тутъ, а Гришка, да Микишка худы́ самоѣди́шка, а боле некому и брать. Повезу я кроёжъ въ шаръ. Сдѣлался кроёжъ и въ шару не хорошъ, хозяинъ его не купитъ и ра́ботнику не даст. Шолъ Паша Громова́нъ и этотъ кроёжъ торговалъ, за кажную сажень по грошу давалъ, потому грошъ, што кроёжъ не хорошъ, отъ кожныхъ отъ разныхъ отъ звѣрей, отъ матокъ и отъ корчи́къ, четыре сажени въ чикъ.

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

15. Никитина, Анна Семеновна.

Живетъ въ Сумскомъ посадѣ, на берегу Онежскаго залива, Бѣлого моря. 42 лѣтъ, грамотная, училась въ мѣстной школѣ, но не кончила курса. Разсказала мнѣ три сказки, знаетъ и пѣсни. Семья ея мужа не богата; онъ, какъ и всѣ поморы, на все лѣто, съ ранней весны уѣзжаетъ на Мурманскій берегъ на ловлю трески.

55.

Медвѣдь и три сестры.

У старика было три дочери. Запоѣжжáлъ старикъ въ лѣсъ, старша дочь сказала: «Батюшко, привези мнѣ-ка прелицу пресь». Отецъ высѣкъ и оставилъ на пню. Пріѣхалъ домой, дочь и спрашиватъ: «Привёзъ-ли мнѣ?» — Нѣтъ, дочка, на пню оставилъ. — Дочь говоритъ: «Я сама пойду, принесу». Пошла въ лѣсъ, медвѣдь схватилъ её и унёсъ. На второй разъ запоѣжжалъ старикъ, втора дочка скажетъ: «Паличу привези». Опять старикъ высѣкъ и забылъ. Дочка опять пошла, медвѣдь и ей утащилъ — Опять запоѣжжалъ старикъ, третья дочь скажетъ: «Мнѣ, батюшко, пялы привези». Отецъ высѣкъ и забылъ. Дѣвушка сама пошла, медвѣдь и ей утащилъ.

И живутъ три сестры у медвѣдя, и надо какъ небудь вытти — незнаютъ какъ вытти. Старша сестра придумала посадить меньшу сестру въ мѣшокъ, отправить къ отчу. И говоритъ медвѣдю: «Мишинька, свези-ко батюшку гостинечъ, я перогъ испеку. Смотри не съѣшь перога». Потащилъ медвѣдь въ кисѝ, усталъ

и ись захотѣлъ. «Сѣсь, скажетъ, съись перогъ женининого постререпенья, тёщиного подаренья». А дѣвка изъ кисы и закричала:

— Такой, сякой!
Не садись на клочёкъ,
Не ѣшь перожка,
Неси къ батюшку,
Да неси къ матушки.

Медвѣдь закричалъ: «У, сука, бледь! высóко сидитъ, далёко гледитъ». Не съѣлъ перога. Пришолъ къ тестю, къ дому, къ воротамъ бросилъ, самъ ушолъ. Старикъ кису розвезалъ, увидѣлъ дочь, обрадовалса.

Живутъ сёстры, думаютъ: какъ-бы хоть среднюю домой снёсъ медвѣдь. Старша опять говоритъ: «Мишинька, снеси-ко батюшку пирожокъ, гостинечъ». Опять посадила сестру въ кису́, медвѣдь потащылъ. Нёсъ, нёсъ, усталъ, говоритъ:

«Сѣсь было на клочёкъ,
Съѣсь было пирожокъ
Женииного пострепенья,
Тестиного подаренья».

Опять дѣвка кричитъ:

— Такой, сякой!
Не садись на клочёкъ,
Не ѣшь пирожокъ,
Неси къ батюшку,
Неси къ матушки.—

«Охъ, сука-бледь! высоко сидитъ, далёко гледитъ». Опять и потащилъ. Притащилъ, бросилъ, самъ ушолъ. Старша дочь, жена-та и говоритъ, сколькó-то времени прошло: «Мишинька, снеси къ батюшку гостинецъ». Сама въ мѣшокъ сѣла, медвѣдь и ей также къ отчу унёсъ, такъ всѣхъ и переносилъ.

56.

Вшивыя башмачки.

Жилъ былъ чарь и чарица, у нихъ была единственна дочь. Какъ-то разъ стали у царевны въ головы искать и вошь нашли. Положили эту вошь на овцу, вошь сдѣлалась противо овцы; съ овцы положили вошь на борана, вошь сдѣлалась противо борана. Царь приказалъ эту вошь убить и шкуру поддѣлать. Изъ этой шкуры сшили Настасьи-царевны вшивы башмачки и дали по всѣмъ государсвамъ знать: «Хто отгонётъ, изъ какой кожи башмачки, за того замужъ отдамъ». Пріѣжжали отовсюль, хто скажотъ козловы, хто нéрпичьи, нехто не можотъ отгонуть. Узналъ чортъ про это дѣло и пришолъ, и объявилъ, что у Настасьи-царевны вшивы башмачки. Надо царю слово сдержать, за чорта замужъ отдать. Затымъ назначили и свадьба. Чарь начелъ горевать, какъ-бы отъ чорта скрыть дочерь. Придумалъ ю въ козла посадить и прочь увезти. Столы поставили, за столъ посадили въ ейной одежды клюку. Чортъ ѣдётъ на свадьбу, а козелокъ на стрѣчу, поѣжжáна чорта и спрашиваютъ:

«Козелокъ, козелокъ,
Ты сѣнчо-вѣнчо везёшь,
Подбородочкомъ тресёшь,
Дома-ли Настасья-царевна?»

Козелокъ отвѣчатъ:

— Дома, дома, дома,
Три печи пекётъ,
Три ширинки шьётъ,
Васъ, гостей, давно домой ждётъ. —

И друга лошадь ѣхала — спрашивали, и третья, и самъ чортъ спрашивалъ:

«Козелокъ, козелокъ,
Ты сѣнчо-вѣнчо везешь»... и пр.

Козелокъ всё одно отвѣчалъ:

— Дома, дома, дома... и пр.

Всѣ проѣхали, козелокъ колько́ могъ, столько́ впередъ и помча̀лса.

Чортъ пріѣхалъ къ царскому двору. «Што ты, Настасья-царевна, меня не стрѣцяешь, не кланеися?» И въ горницу зашолъ. Видитъ стоитъ Настасья-царевна за столомъ и не кланеитця; подошолъ ближе — всё отвѣту нѣтъ. Чортъ ударилъ ей по уху, клюка пала, забренчала. Чортъ говоритъ: «Ахъ, это всё омманили меня». И сталъ розыскивать ю. Немогъ негдѣ натти. Чортъ догодался, што въ козелки она и была, поѣхалъ въ погоню за козелкомъ вслѣдъ. Царевна говоритъ: «Козелокъ, козелокъ, припади ко матерѣ-сырой-земли, не ѣдётъ-ли чёртишшо за намы». — Ѣдётъ, ѣдётъ, ѣдётъ, близко и есь.— Царевна бросила гребешокъ, и сказала: «Стань лѣсъ непроходимой, штобы не было не птицы пролёту, не звѣрю проходу, не цёртишшу проѣзду, впереди меня будь торна дорожка широкая». Чортъ пріѣхалъ, чорту за̀става. Навезли топоровъ да, пилья̀ да; сѣкли да, рубили да, дорогу просѣкали и опять погналса за Настасьей царевной. Нагоняютъ царевну. Она и говоритъ: «Козелокъ, козелокъ, припади къ матерѣ сырой-земли, не ѣдётъ-ли цертишшо за намы?» — Ѣде, ѣде, ѣде и близко есь. — Царевна бросила кремень. «Стань гора не проходима до́ неба, штобы не было птицы пролёту, звѣрю проходу, цёрту проѣзду». Гора и стала. Чортишшо къ горы пріѣхалъ, сталъ сѣчь, да рубить и просѣкъ дорожку, поѣхалъ за Настасьей-царевной. Опять Настасья-царевна говоритъ: «Козелокъ, козелокъ, припади ухомъ къ матерѣ-сырой-земли»... Козелокъ отвѣчатъ: «Ѣде, ѣде, ѣде и близко есь». Царевна бросила огнивчо: «Стань огненна рѣка, штобъ не было чортишшу проѣзда». Сама у рѣки стоитъ. Чортъ пріѣхалъ къ къ рѣки, проѣзду нѣту, онъ и говоритъ: «Подай мнѣ, Настасья-царевна полотенцо, перетени меня за рѣку, я тебя не возьму замужъ». Она и подала ему то́чиво и поттенула до середины рѣки, потомъ и опустила; чортъ въ рѣку палъ и утонулъ. Настасья-царевна впередъ поѣхала въ друго царство и тамъ вышла замужъ.

57.

Данило-царевичъ и Настасья-царевна.

Жило семь братьевъ, шесь—царило, а семой былъ у нихъ въ прислугахъ, у кажнова брата по три годы служилъ. Ему братья за житьё ничего не давали. Дослужилъ онъ у оста́льнёго брата три года и запоходилъ, и говоритъ брату: «У всѣхъ я васъ переслужилъ, ницего не выслужилъ, не хлѣба мяккого, не слова гладкого, не копья войнного, не ружья стрѣли́нного». Братъ ему и подарилъ семъ соболей мятыхъ, поддѣлыванныхъ (обдѣланныхъ) и семъ соболей не мятыхъ, не поддѣлыванныхъ, пуговицы-петли готовы. «Сшей шубу къ велику-дни, Христову-дни, не сошьёшь, дакъ голова съ плечъ». До Христова-дни было всего три́ дни. Пошолъ Данило швечамъ шубу давать шить; къ какому-ни швечу при́дётъ и говорятъ: «Швечъ-молодечъ, сошей мнѣ шубу къ велику-дни, Христову-дни». —Кака у тебя шуба?— «Семъ соболей мятыхъ, подѣлыванныхъ и семъ соболей не мятыхъ, не подѣлыванныхъ, пуговицы-петли готовы». —О, мнѣ не сошить о три недѣли, не то́ што въ три́ дни.— Проходилъ день до вечера, не хто не принелса шить, два дня остается до Пасхи. И всѣ доста́льны дни проходилъ, субота къ вечеру прикло́нитця. У царя была дѣвушка въ кухаркахъ. Идётъ Данила закручинилса и запечалилса, плачётъ, спрашиватъ его дѣвица: «Чего, Данилушко, печалисся?» —Какъ не печалицця: далъ мнѣ братъ семъ соболей... (и пр.), а Христовъ-день наступатъ.— Дѣвица говоритъ: «Не печалься Данила, я горю твоему помогу, Богу молись, да спать ложись, къ заутрени всё дѣло будётъ исправно, тебя разбужу». Дѣвича вышла на крыльчо, брякнула въ кольчо: «Няньки-мамки, вѣрны служанки, какъ батюшку служили, какъ матушкѣ служили, такъ послужите мнѣ красной дѣвицѣ Настасьѣ-царевнѣ». Набѣжали няньки-мамки, всё дѣло исправили, какъ лучче нельзя, сошили шубу. Будитъ дѣвица Данилу къ заутренѣ—шуба готова. Сталъ Данила, самъ себя не вѣритъ, пошолъ къ заутрены. Дѣвича дала ему три е́нчка. «Похристосойся, одно—съ попомъ, друго—съ царёмъ, третьё—съ кѣмъ вѣкъ вѣковать». Пришолъ Данила къ заутрены, сталъ съ царёмъ въ рядъ, ха́рнулъ, плюнулъ, чуть царю не въ бороду,

поглядитъ: царь бороду обтирать. Послѣ заутрены похристосовался съ попомъ, съ царёмъ, а третьё оставилъ. «Похристосаюсь съ дѣвичей, котора шубу сошила, я тую замужъ возьму». Пошолъ къ царю на обѣдъ, царь спрашиватъ: «Кто тебѣ шубу сошилъ?» — А вотъ кака-то дѣвича нашлась.— А эта дѣвича кушанья носитъ на столъ, онъ ее и не узналъ. Дѣвича говоритъ: «Данило, Христосъ Воскресе!» А онъ скаже: —Воистину Воскресе, да безъ еичка.— Отобѣдалъ и пошолъ въ тотъ домъ, гдѣ дѣвича шубу шила. Пришолъ съ дѣвичей христосоваччa, а она и говоритъ: «А, Данило-царевичъ, позно. Я сколько разъ съ тобой христосовалась, ты мнѣ всё еичка не далъ. Ну ладно я тебя въ этой вины прощу». Послѣ Пасхи онъ сталъ ю замужъ сватать, а она скаже: «Поди, спросись у царя, благословитъ-ле онъ тебя?» Пришолъ къ царю, а царь говоритъ: «Да, Данило, я бы те благословилъ женитча, да сослужи мнѣка три службы». —А каку тебѣ службу?— «Сроботай въ севоднешнюю ночь хрустальнёй мосъ отъ моего дворча до черковного крыльча; не сроботашь, женитча не позволю». Данило пошолъ и плачётъ, дѣвича стрѣчаетъ его на крыльчѣ. «Чего Данилушко, плачёшь?» Онъ и росказалъ. «Я топоромъ роботáть не умѣю, а онъ велитъ хрустальнёй мосъ сроботать». —Не плачь, Данилушко, это не служба, а службишко, служба вся впереди. Богу молись, да спать ложись, всё дѣло исправится». Данило спать повалился, дѣвича вышла на крыльчо, брякнула въ кольчо. «Няньки, мамки, вѣрны служанки, какъ батюшку служили, какъ матушкѣ служили, такъ и мнѣ послужите». Мостъ былъ готовой къ утру. Утромъ Данило стаётъ, постукиватъ, да похлапыватъ на мосту, бутто и онъ сроботалъ. Чарь пробудился, въ окошко поглядитъ, а мостъ готовой и дивитця, што Данила научился мудростей. Черезъ нѣсколько время Данило опять приходитъ къ царю, проситъ благословенья женитця. Чарь говоритъ: «Сослужи мнѣ втору службу, сострой карабъ, штобы ходилъ не по воды, не по землѣ, а штобы скрозь игольны уши проходилъ». Данило идётъ къ дѣвичѣ запечалился, дѣвича опять его и стрѣчаетъ. «Чего, Данилушко, не весселъ?» —Какой я мастеръ, я лодки не умѣю сроботáть, а царь приказалъ карабъ сдѣлать, штобы ходилъ не по воды, не по земли, а скрозь игольни уши проходилъ». «Не печалься, Данилушко, это ищэ не служба, служба впереди; Богу молись, да спать ложись, къ утру все будётъ готово». Онъ

спать повалилса, а она вышла на крыльчо, брякнула въ кольчо. «Няньки-мамки, вѣрны служанки»... и пр. Няньки да мамки ей всё сроботали. Утромъ Данила и будитъ. «Поди на карабъ, постукивай, да похлапывай, бутто ты сроботáлъ». Данила пошолъ, постукиватъ, да похлапыватъ, а чарь изъ окна и увидѣлъ. Пошолъ Данило опять царю благословленьё просить. Царь говоритъ: «Сослужи, Данило, остáльню службу, тогда дамъ благословленьё женитця: съѣзди за трúдеветь морей, въ тридевято царсво, къ Вáссы-дѣвичѣ, еретичѣ, достань турку-шапку, чарьску корону тожъ-то и позволю тебѣ женитча, а не достанёшь—голова съ плечъ». Пошолъ Данила къ дѣвичѣ, къ невёсты не печалитця. «Вездѣ мнѣ-ка пособила и тутъ пособитъ». Стрѣчатъ его Настасья-царевна. «Што тебѣ чарь сказалъ?» —Пособи мнѣ остáльню службу сослужить,—съѣздить за тридеветь земель къ Вáссы-дѣвичѣ, еретичѣ, привезти турку-шапку и царску-корону.— А она и говоритъ: «О, братъ, это не службишко, а служба. Я тебѣ три службы сослужила, а четвёрту не могу». Данило тутъ и запечалилса. «Ну, хоть померетъ, а туды надо поѣхать, всё ровно царь сулитъ смерть». Говоритъ дѣвича: «Поѣдёшь туда, возьми шесь боцёкъ пороху». Судно снаредили, порохъ положили, матросовъ нанели, и поѣхалъ въ морё искать того чарьсва.

Ѣхалъ близко-ли, далёко-ли, скоро-ли, долго-ли, того неизвѣсно, доѣхалъ до того чарьсва, гдѣ живётъ Вáсса-дѣвича, еретича. Остановилса за нѣсколько вёрсъ судномъ, а самъ одинъ себѣ выѣхалъ нá гору. Васса-дѣвича, еретича его увидала и хотѣла его змѣямъ скормить, а онъ ей обѣшалъ служить вѣчно. Вотъ онъ живётъ годъ у ёй и другой живётъ, а она въ это время всё улетитъ бороцця со змѣямы, улетитъ на двои сутки, а пролетатъ одны, всё за Данилой надзирала. На третей годъ Данило съ Вáссой прижили дитя, онъ оставалса ей дитя въ зыбкѣ качать, а она улетала со змѣямы бороцця. Данила узналъ, гдѣ у ей берегецця турка-шапка, царска-корона. Она стала летать на недѣлю въ полё. Въ тоё время онъ сталъ роботать плотъ сибѣ; она опять новóй разъ улетѣла, на долго. Тѣмъ времёмъ онъ унёсъ турку-шапку и чарску корону, сѣлъ на плотъ и уѣхалъ. Въ то время прилетѣла изъ поля Вáсса-дѣвича, увидала, что Данило ѣдётъ на плоту, схватила изъ зыпки робёнка, розорвала пополамъ, сказала: «Твоя половина!» и бросила на плотъ; плотъ сталъ пóдъ воду тонуть,

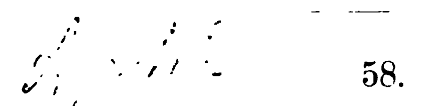
Данило сталъ робёнка спехивать съ плота, насилу проць спехалъ, плотъ выісталъ изъ подъ воды. Данило къ судну приплылъ, велѣлъ паруса роспускать, домой скорѣ отправлятча. Въ то времё Васса-дѣвича прибѣжала въ полё и кричитъ: «Всѣ змѣи, змѣёныши, летите въ морё, садитесь на снасти, подъ воду корабъ топите, Данилу-царевича живко́мъ ко мнѣ принесите.» Змѣи полетѣли, Данило со судна видитъ: ставатъ больша туча; матросамъ приказыватъ. «Вы́зыните одну бочку пороху». Туча надошла надъ ихъ, всѣ змѣи сѣли на снасти. Сталъ карабъ топить (такъ!), онѣ зажгли бочку съ порохомъ, змѣи прочь улетѣли. Прилетѣли къ Вассы-дѣвицѣ. «Не можомъ Ва́сса-дѣвица, порохомъ жгётъ». Она опять въ полё бѣжитъ. «Летите всѣ змѣи-змѣишша, топите карабъ, Данилу-царевича живкомъ ко мнѣ принесите». Змѣи полетѣли, Данила видитъ туча заставатъ. «Вы́здыните, робята, двѣ боцьки пороху». Опять змѣи стали садитця на карабъ, онѣ зажгли порохъ, змѣи не могли и быть, опять проць полетѣли. Опять къ Ва́ссы-дѣвицѣ пришли. «Не можомъ, жгётъ порохъ». Опять Васса розоргйнилась еще больше, въ полё побѣжала. «Всѣ змѣи-змѣишша, летите, корабъ топите, Данилу живкомъ принесите». Данило видитъ, ставатъ туча ищэ больше, достали ищэ три боцьки доста́льнихъ пороху, змѣи налетѣли, онѣ зажгли порохъ, змѣи не могли нецё сдѣлать, проць улетѣли. Ва́сса опять рьяни́тця. «Всѣ стары и малы, всѣ летите и сама полечу». А Данило видитъ, что туча больша ставатъ, а пороху больше нѣту, выѣхалъ на́ волокъ, взялъ съ собой турку-шапку, чарьску корону. Змѣи на карабъ сѣли, карабъ по́дъ воду утопили, Данила негдѣ не нашли, улетѣли, а Данило пошолъ пѣшкомъ.

Шолъ-шолъ-шолъ, стоитъ изба, въ избѣ сидитъ старикъ кривой. Сталъ его старикъ спрашивать, Данило говоритъ: «Я есь несчасной Данило-царевичъ» — О, знаю, знаю, ты у моей сестры жилъ, мою сестру омманилъ; ты теперь у меня будёшь жить, а вѣкъ мнѣ служить, ты меня не омманёшь.— Живутъ долго-ли, мало-ли, розговорились. «Вотъ ты вездѣ ходишь, всё знашь, не знашь-ле, какъ у меня глаза вылечить?» — Знаю, хорошо знаю, нѣтъ-ли у тебя гужовъ воловьихъ?— Старикъ притащилъ съ подволоки, онъ его везалъ, везалъ гужамъ къ лавки. «Дѣдушко, понотенись-ко». Тотъ понотенулся — гужи сорвались. «Нѣтъ-ли получче, новыхъ?» — Есь. — Старикъ новыхъ притащылъ; привезалъ старика крѣпче, согрѣлъ камень горецей и нажогъ,

въ смолу спустилъ. «Дѣдушко, здоровой глазъ отворь, а не здоровой запри». Данило спустилъ горяцей камень со смолой въ здоровой глазъ, а самъ бѣгомъ изъ избы. А старикъ въ то времё рванулся, гужи сорвалъ и скрычалъ: «Всѣ ворота на́крѣпко-крѣпко запритесь». Ворота скрѣпились, Данило остался во дворѣ и сѣлъ подъ воза. Старикъ пошолъ искать; искалъ вездѣ по угламъ, не могъ натти. Ворота отворилъ, сталъ по одному возу выпускать, а Данило въ среднихъ возахъ выбѣжалъ подъ ногамы у возовъ и давай Богъ ноги куды бѣжать. Долго-ли коротко-ли шолъ, дошолъ до своего чарьсва, пришолъ въ чарьсво, братъ померъ и женился онъ на той дѣвицѣ, на Настасьѣ-царевнѣ и сталъ чарёмъ на чарьсви, на братнево мѣсто.

16. Чалковъ, Степанъ Кузьмичъ.

Старый, больной старикъ 74 лѣтъ, живетъ въ селѣ Ковдѣ, на берегу Кандалакскаго залива Бѣлого моря. С. К. съ трудомъ согласился разсказывать сказки, такъ какъ вслѣдствіе болѣзненности серьезно настроенъ и сказки называлъ забавой, «пустымъ дѣломъ», которое ему, думающему о смерти старику, не къ лицу. Разсказывалъ сказки сбивчиво, путаясь и потому сказки записаны не съ точнымъ соблюденіемъ дословности передачи.



58.

Иванъ Рѣпниковъ.

Былъ крестьянинъ, три сына имѣлъ. «Дѣти, дровъ надо рубить, каки вамъ надо топоры?» Одинъ сказалъ: «Мнѣ надо два фунта»; другой — три фунта, третей — въ десеть фунтовъ. Всѣ трое пошли дровъ сѣччи. Первой день ходили, два брата по двѣ сажени насѣкли, а меньшо́й всё въ лѣсу ищётъ, ходитъ. Приходятъ домой Иванъ и говоритъ: «Я лѣсу не могъ прибра́ть, мелко́й лѣсъ». На другой день братья по́ три сажени насѣкли, а Иванъ опять топора не наложилъ, ходилъ всё, лѣсу искалъ.

На третей день пошли, они сѣччи стали, слышатъ и Иванъ сѣкётъ, только шумъ шумитъ, деревина на деревину ломитъ, пóдсѣкой вáлитъ. Въ день Иванъ лѣсу много нарубилъ, а дровъ не россѣкалъ. Весной Иванъ обжогъ, рѣпу посѣелъ. Осень пришла, рѣпы полонъ боръ поднелось, весь боръ колыблетця. Надо рѣпу караулить, штобы воры не росхитили. Роскинули ночи: старшему пéрва ночь караулить, среднему другá, Ивану трéтья. Старшóй пришолъ, рѣпы много розворовано, съ избу мѣста; поутру сталъ, рѣпы унесено больше того. Тоже и другой братъ.

Пошолъ Иванъ. Спичья́ настрогалъ, натыкалъ, огóничка росклалъ, задремалъ, и палъ да на спичье́, и пробудился. Сонъ óбодрало, видитъ: мужикъ рѣпу въ мѣшки складыватъ. Иванъ топоръ схватилъ, десятифунтовикъ и побѣжалъ. «Пошто рѣпу воруёшь? Я у тебя голову отсѣку». — Не машись топоромъ, я тибѣ огни́вчо даю; это огнивчо росши́вно, о нёмъ плóтка, да кремéшокъ; ты шóрни плотку о кремéшокъ, выскочатъ два молодча, скажутъ: «што Иванъ хрестьянской сынъ прикажошъ дѣлать намъ?»— Иванъ шóрнулъ, выскочило два молодча, Иванъ и приказалъ имъ отрубить у вора-чорта озерскóго воденикá головý. Иванъ пришолъ домой и говоритъ: «Больше воръ не придётъ, пóтьте братья, бросíте въ озеро вора». Братья пошли, гледятъ: бугоръ сильнёй лежитъ, испугались — назадъ. «Какъ ты съ имъ поправился».— А поправится у своего добра не хитро.— «А какъ мы его съ рѣки-то уберёмъ?» — Ладно, уберéтця, вы трое не могли, я одинъ уберу.—Пошолъ, вызвалъ изъ огнивча молоццовъ, велѣлъ имъ чорта въ озеро бросить. Оборвали потомъ всю рѣпу. «Вы рѣпой торгуйте». А самъ онъ пошолъ на рѣпишшо, вызвалъ троихъ молоццовъ, велѣлъ имъ лѣсъ обрать и городъ испостроить. Утромъ зовётъ отца и братьевъ рѣпишшо посмотрѣть. Идутъ, было рѣпищо, а стоитъ городъ пречудесной, большáщой. Иванъ говоритъ: «Што въ деревнѣ жить, надо въ городъ перебратця».

Иванъ вызвалъ изъ огнивча слугъ своихъ, велѣлъ имъ подать пару вороныхъ да карету золоту, да одежду прынцомъ средитця. Сейчасъ пара лошадей, карета золота, прынцомъ снарядилса, на карету засѣлъ, погонили *). Пріѣжжають, царь прынца

*) Въ Поморьѣ, разумѣется, понятія не имѣють о настоящей каретѣ. На Печорѣ напр., «корéткой называются маленькія санки, очень легкія, въ которыхъ только катаются, обыкновенно на масляной. Санки-коретка обыкновенно раскрашены. «На корету сѣлъ», форма на Печорѣ обычная.

стрѣчать, на стулъ посадилъ. «Окуль? какъ?» —А вотъ, неподалёку, женитця хочу, выдавай за меня замужъ.— Царь спросилъ у жоны, у дочери, до ўтра такъ оставили. На другой день пріѣжжаютъ, дочь пожелала итти. Завелась свадьба. У Ивана не пиво варить, не вина курить, слуги изъ огнивца всё приготовятъ. Поѣхали къ царю на свадьбу, сыграли свадьбу, зовётъ тестя въ городъ. «Мѣста моёго смотрѣть». Всѣ поѣхали, царь дивуется. «Итти — дико мѣсто было, а теперь городъ стоитъ. Хитрой ты человѣкъ!»

Погодя приходитъ прежной жонихъ царевны, пригонятъ войска. «Оддай, выдана дакъ битця будёмъ». Царь къ зятю посла послалъ, зять пріѣжжатъ. «Вотъ, зятюшко, помоги ты мнѣ своей хитросью войска прибавлеть». —Могу, тесть, не печалуйся. Выгоняй силу въ полё,вывози сорокови съ виномъ.— Царской приказъ исполнили, самъ Иванъ пріѣхалъ въ полё, ему чесь воздали. «Пейте вина, веселитесь, кричите ура». Они начели вино пить, ура кричать. Иванъ изъ огнивча слугъ вызвалъ, велѣлъ на непріятельское войско туманъ напустить, штобы само себя било. Оно само себя всѣ и перекололи. Царь обрадовался, што войско невѣрно всё перекололи, а своё цѣло-невредимо.

Жена видитъ, што у него хитрости больши, стала его виномъ поить, узнать хочётъ. Повалились спать, она и проситъ обсказать свою хитрось. Иванъ съ пьяна и проговорился, обсказалъ хитрось и огнивчо показалъ. Послѣ того она у него огнивчо взела, изъ кормана вынела, пошла въ городъ, велѣла приготовить точно такое-же огнивчо, и въ корманъ положила фальшиво, а его къ сибѣ прибрала. И написала старому жониху записку, отправила со слугами изъ огнивча, штобы приходилъ съ войскомъ небольшимъ ее брать. Прынцъ сейчасъ войска нарядилъ и посла послалъ. «Доцерь выдавай или на поединку иди». Царь за зятемъ записку послалъ. Иванъ по старому приказалъ, не знатъ, што огнивчо смѣнено. Огнивчо вынелъ, шорнулъ разъ. другой, третей, нѣтъ ничего, не дѣйствуётъ. Войско его напилось допьяна, войско его всё перекололи. А жона велѣла слугамъ изъ огнивча себя вмѣстѣ съ кроватью къ старому жониху перенести. Иванъ приходитъ, жоны нѣтъ и говоритъ: «Я хитрой былъ, жона хитрѣ меня». Пошолъ къ царю и говоритъ: «Дочь твоя, жона моя насъ перехитрила и розорила». Царь и Иванъ ушли изъ города проць въ тёмны лѣса. «Ну тесь, а я зеть,

дѣлать намъ теперь нечего, царсво твоё прожжено. Я паду передъ тобой о́ зень, а ты скажи: «былъ зеть-молодечъ, будь жеребечъ»; буду я жеребчомъ, на мнѣ кажна шерстина по-серебри́ны, поводъ шолковъ, узда серебренна. Ты на меня садись, поводъ въ руки бери, я побѣгу дорогу искать, жону искать». Скакалъ, скакалъ, въ уши воётъ, прискочилъ къ царскому парадному крыльцу и сгоргота́лъ. Царь пробудился, на ноги ступни надѣлъ, выходитъ на парадно крыльцо и видитъ: стоитъ лошедь бра́ва, а на ней старикъ сѣдой сидитъ. «Пошто ты мнѣ въ ночноё време спокою не даёшь?» — Помилуйте, ваше превосходительство, овладѣла меня лошедь, принесла къ твоему крыльцу. Купи у меня лошедь, я продамъ за петсотъ рублей, она и дороже стоитъ.— Царь ему деньги отдаватъ, старикъ слѣзъ съ лошеди и обзабылса, что надо узда снять, какъ наказывалъ ему зять. Царь приказалъ лошедь увести, а старикъ вышолъ изъ дворца, вспомнилъ, што забылъ узду снять, пошолъ въ рощу и сталъ плакать, што уходилъ зятя и самъ себя.

Царь приходитъ къ царицѣ и говоритъ: «Душечка моя, посмотри, какая я лошедь купилъ». А жена пробудилась и говоритъ: «Это ты бѣду купилъ, это мой старой мужъ, Иванъ; прикажи удавить её». По́слушники въ кольцо лошедь подёрнули, ноги до́ полу недотыкаютъ. Нянька пошла сѣна давать, видитъ лошадь хороша давитця и пожалѣла. А лошадь и говоритъ: «Когда ты меня пожалѣла, то сдѣлай, какъ я прошу: сейчасъ меня будутъ колоть, ты подвернись, и крови въ сту́пень начиди и прочь отойди; противъ царскаго окошка ямочку вырой, кровь вылей и землёй зарой; черезъ ночь выростётъ дерево съ окнами на́ровень, большоё; на древѣ яблоки будутъ, ты само верхно яблоко сорви, въ платокъ свежи, тамъ перстень, ты будёшь моя невёста. Чарьска жона прикажотъ древо сѣкчи, ты перву щепу подбери и прочь уйди». Такъ всё и сдѣлалось, какъ говорила лошедь. Стали древо рубить, горнишна щепу́ перву взела, въ платокъ свезала. Древо сожгли, а щепу горнишна въ прудъ бросила, гдѣ гуси и лебеди купара́ндаютця. Щепина гусёмъ обернулась и ну всѣхъ гусей-лебедей гонять. Царь съ рёву пробудился, пошолъ смотрѣть, видитъ: гусь златопёрой плаватъ, всѣхъ птицъ гонятъ. Царь сталъ раздѣватця. «Не могу-ле гуся поймать». Царь портки соймётъ, на бережокъ кладётъ и спуститца въ прудъ: гусь его отманиватъ дальше, да дальше, да дальше, и къ другому берегу отманилъ,

на другой бережокъ; а самъ крылья роспустилъ, да къ царскому платью, въ лапы портки забралъ и полетѣлъ, а въ портках царскихъ огнивчо было. А гусь черезъ тынъ перелетѣлъ, о́ полъ палъ, обернулся молодцомъ, огнивчо изъ портковъ вынелъ, шо́рнулъ и вышли два молодца. Иванъ велѣлъ отыскать старика-тестя. Пошли къ царю-противнику, велѣли царю свою бывшую жону привезать къ хвосту неученого жеребця и нажа́рили его. Царя того простилъ, а на куфаркѣ женилса и пошолъ жить на своё рѣпишшо.

59.

Воръ-Барма Деревенской и Шишъ Московской.

Было два брата, у одного брата было три сына. Дядя хотѣлъ испытать племянниковъ, взялъ старшого въ лѣсъ — што изъ него будётъ. Поѣхали по лѣсамъ, племянникъ говоритъ: «Дедюшка, этта лѣса хороши, ихъ можно на постройку брать». — Это племянникъ дѣльнё говоришь, изъ тебя будётъ путь хоро́ша. — На другой день другого племянника взялъ, опять поѣхалъ, тотъ и примѣчаетъ: «этта сушнику́ много, можно смолья́ и уго́лья много надѣлать». — Замышляной будёшь, это дѣло.— Поѣхалъ на третей день,— третьего, Ивана. Поѣхали, день ѣздили—молчалъ. Доѣхали до рѣчки, со́сна наклепи́лась, «Дядя?» говоритъ Иванъ. —Чего племенникъ? — «Этта-бы тебя да отця хребтамы въ куцю свезать, да внизъ головой и повѣсить, я хоть-бы посмѣялса».—Ахъ ты племенникъ, дуракъ! ты отцю не сынъ, а мнѣ-ка не племянникъ.— Вздумали Ивана продать, посадили на быка-семисажонника, отецъ сѣлъ ко хвосту, сынъ къ рогамъ и поѣхали. Ѣдутъ, сынъ видитъ сопогъ на дороги лежитъ. «Отець, сопогъ лежитъ». —Ну, къ чорту, не надо сапога.— Впередъ по́гнали. Иванъ сопогъ съ ноги спихнулъ и говоритъ: «Отець, другой вѣдь лежитъ, вотъ кабы тотъ взялъ, пара-бы была». —Эка, парень, держи быка, я сбѣгаю. — Отецъ ушолъ, а Иванъ на быкѣ угонилъ, да въ лѣсъ, и началъ быка бить, а самъ кричитъ: «Не я быка укралъ, отецъ быка укралъ!» Отецъ какъ надбѣжалъ, испугалса и назадъ. Иванъ быка убилъ, шкуру содралъ, и направилса по дорогѣ

вперёдъ итти. Встрѣчу ему человѣкъ. «Здраствуй, молодечъ!» — Здраствуй, ты какой? — «Я Шишъ Московской». — А я Барма деревеньской. Ты куды пошолъ? — «А я дурачить, гдѣ укрась, гдѣ убить». — Ты дурачить и я дурачить, пойдёмъ вмѣстѣ.— Покрестовались, пошли вмѣстѣ. Вздумали испытать другъ друга. «Укради изъ-подъ птици ейцы, повѣрю, што воровать умѣшь», говоритъ Иванъ Шишу. Шишъ начелъ лѣзть по дереву за ейцами, а той поры Барма у Шиша подошвы споролъ, а Шишъ птичу испужалъ. «Ну, испужалъ, спускайся назадъ». — А чо у меня ноги мокры? — «А я у тебя подошвы укралъ, а ты неслыхалъ». Опять пошли вмѣстѣ.

Пошли въ Москву. «У меня край Москвы мать живётъ на фатеры». Пришли, мать обрадовалась сыну, угостила ихъ. Отдохнули, ночью пошли воровать. Зашли къ богатому въ домъ и много украли, грабёжъ большой сдѣлали. Поутрý воровъ искали, не могли натти. На другу ночь другой домъ обокрали. Поутрý опеть сдѣлалась тревога. Искали, искали, натти не могли. На третью ночь опеть пошли воровать. А на Москвѣ домъ строили, струментъ оставили, брёвна наладили фальшивы, подъ нимъ обрѣзы со смолой. Какъ ступятъ, брёвна повернутця, воры въ боцьки упадутъ. Идутъ воры, увидѣли—пóло. «Давай приворотимъ». Приворотили. Шишъ Московской пошолъ сперва, ступилъ на брёвна, да въ обрѣзъ, въ смолу и упалъ. «Тени, крестовой меня, мнѣ не вы́стать». Барма спустилса, вытащить не могъ, одна голова ви́дна, взялъ голову отрѣзалъ, штобы не примѣтно было. Пришолъ къ старухи, старуха и заревѣла, што сына не стало. «Не реви бабка, хорони хоть голову, а завтре тѣло повезутъ, по тѣлу узнавать вора». Нехто не выискиватця. Надо стало Ивану тѣло укрась. «Хочетця тебѣ, старуха, сына посмотрѣть, налей крынку молока, иди, а какъ везутъ, выпехайся, выпусти крынку изъ рукъ, и реви: «Не жалко молочка, жалко крыночку», тутъ тебя не хто не примѣтитъ». Старуха такъ и сдѣлала, наревѣлась дóсыта. «Надо тѣло украсъ», говоритъ Барма. Наклалъ возъ угóлья въ кульё, повёзъ продавать, отправилса. Тѣло везутъ и онъ за нимъ съ угольёмъ. Ѣздили, пристали на фатеру, тѣло на дворъ завезли и онъ туда-жо. Поужинали, спать повалились, а онъ на рундучёкъ повалилса. Какъ они зáспали, онъ выйдётъ на дворъ, да огня достанётъ, коней запрякъ, тѣло и вывезъ, а дворъ заперъ, отправилса къ старухѣ. «На, бабка, тѣло, хорони край Москвы, нехто теперь не знатъ».

Дѣло дошло до царя. «Какой такой воръ, нехто натти не можетъ?» Ночью пошолъ царь по Москвѣ, надѣлъ платьё не примѣтно, встрѣтилса съ воромъ. «Куда пошолъ?» спрашиватъ царь. — А я Барма деревеньской.— «А я воръ, пойдёмъ воровать вмѣстѣ». — А куда пойдёмъ? Пойдёмъ къ купечеству, у ихъ пожива лёкка,—говоритъ Барма. «А пойдёмъ хоть къ царю, у царя денегъ много». Барма хватилъ царя по щекѣ. «Ахъ ты, такой-сякой! Можно-ле на Бога, да на царя руку подымать? Мнѣ тебя не надь, поди прочь». Царь пошолъ домой, а Барма опять для себя, самъ собой укралъ.

Царь приказалъ обѣдъ сдѣлать и велѣлъ всѣмъ съѣжжатця; приказалъ на дорогу денёгъ насыпать, воръ пойдётъ, не утерпитъ, наклонится.—того и хватать, и имать. Барма надѣлъ лапти, подошвы насмолилъ и денёгъ къ нему много нальнуло. Царю доносятъ: «Нехто не наклонилса, а денёгъ не стало. «Царь велѣлъ полату отвести, обыскать хоцётъ всѣхъ. Спятъ, воръ проспалса, видитъ што запертой въ полаты царской, а онъ при деньгахъ (а у него, царь приходилъ, полголовы, полбороды сбрѣлъ, видѣлъ што у него деньги и ножницы клалъ за зеркало). Увидѣлъ воръ ножничи и начелъ у всѣхъ полголовы, полбороды стричь, а клюшку свою и лапти другому перенёсъ и самъ перешолъ. Поутру царь берётъ генераловъ, хочутъ взять вора, приходятъ въ полату, у всѣхъ полголовы, полбороды обрѣто. Царь усмѣхнулса: «Ну, думно министерсво, я хоть и хитрой царь, а воръ хитрѣ меня». Теперь пришлось вора простить. «Ну, воръ, прощаю тебя во всёй вины, только покажись, какой ты есь». Воръ вышолъ. — Я воръ есь, прости меня грѣшного.—

Пошли на обѣдъ снова, гдѣ воръ сталъ обсказывать всѣ свои воровства. Пригодилса на обѣди архирей, онъ и говоритъ: «Вотъ если-бы ты у меня могъ клюшку укрась, былъ-бы настоящой воръ». — Я у тебя украду, если-то безъ отрыску.— Уговорились. Архирей пошолъ въ комнаты, а воръ начелъ крылья поддѣлывать и желѣзны когти сковалъ. И подошолъ къ архирейскому дому, спорхнулъ къ окошкамъ, а когтямы въ стѣну и влипилъ и говоритъ: «Господи Исусе Христе, дома-ли святая владыка?» — А ты хто есть? — «А я есь ангелъ господень, взять тебя святую владыку на небеса, сподобился ты». — А я еще не приготовилса, пусть завтре.— «Ну завтре, дакъ завтре, приготовлейся на завтрешню ночь». Архирею не спитця. Задумалъ: «Моя молитва до Бога дошла». Опеть на́ ночь

лёгъ, спать повалился. Воръ опять къ окну поднялса. «Святая владыка, готовъ-ли? Не велѣно оставить». —Да ты куда меня кладёшь?— «Да въ мѣшокъ, у меня и мѣшокъ съ собой есь». Архирей въ мѣшокъ засѣлъ, клюшку взялъ, а воръ его изъ окошка на́ зень и бросилъ. «Живъ-ли, святая владыка?» —Живъ, да досадилса.— Воръ понёсъ архирея на колокольню. Выстава́лъ по лѣсницѣ, да и спустилъ. Архирей полетѣлъ. «Это тибѣ друго мытарство, небесно царство. Живъ-ли?» Опять его понёсъ на колокольню и опять по ли́стовкѣ спустилъ; опять архирей покатилса. «Это тебѣ третьё мытарство, въ небесно царство, скоро тебя со звономъ стрѣтятъ». Вы́знялъ его на колокольню, привезалъ къ самому большому колоколу и зазвонилъ. Сторожъ прибѣжалъ на колокольню, привязанъ къ езыку мѣшокъ. «Хто въ мѣшкѣ?» —Я есь, святая владыка, архирей, меня ангелъ Божій на небеса поднималъ.— Сторожъ отвезалъ архирея, чуть живъ. А воръ клюшку унёсъ.

17. Дементьева, Наталья Михайловна.

Женщина лѣтъ 35—37, живетъ въ селѣ Вирмѣ, на берегу Онежскаго залива, расположеннаго между двумя крупными Поморскими селеніями Сумой и Сорокой. Н. М. едва ли не самая лучшая изъ моихъ сказочницъ. Къ сожалѣнію, я не вполнѣ исчерпалъ ея репертуаръ. Въ селѣ Вирмѣ я былъ проѣздомъ изъ Сумы въ Сороку и ѣхалъ на лодкѣ земскаго ямщика. Въ Вирмѣ, нѣтъ земской станціи, а по кондиціямъ земская лодка можетъ ждать пассажира во время остановки между двумя станціями только два часа. Благодаря стоявшему на морѣ крѣпкому вѣтру, мои возницы согласились переночевать въ Вирмѣ и я записалъ у Н. М. сколько могъ. Отказаться отъ земской лодки въ надеждѣ на частную — рискованно: можно просидѣть на одномъ мѣстѣ недѣлю и больше.

Здѣсь печатается только шесть сказокъ Н. М., хотя я и записалъ отъ нее 11-ть. Остальныя пять совершенно невозможны для печати: они очень интересны и остроумны, но черезчуръ порнографичны, до цинизма. Любо-

пытно, что Н. М. съ особеннымъ удовольствіемъ разсказываетъ такого рода сказки, нисколько не стѣсняясь ихъ содержаніемъ, безъ обиняковъ, своими именами называя всѣ вещи. Такого рода сказки жанръ ея. По характеру, какъ ея личному, такъ и ея сказокъ, Н. М. похожа на В. Д. Шишолова. Та же жажда жизни, и та же неудовлетворенность ею, а въ результатѣ — тоска. Чтобы отъ этой тоски избавиться, при столкновеніяхъ съ людьми — беззавѣтная веселость и дурачливость, шутливыя плясовыя пѣсни веселыя, раздражающія и манящія сказки.

Арх/125 ф.

60.

Посулёнышъ Царю-самоѣдину.

Жилъ хресьянинъ, пошолъ въ лѣсъ стрѣлять, увидѣлъ на деревѣ птицю; хочетъ стрѣлить ю, она ему и змолилась: «Нестрѣлей меня, возьми домой, прокорми нидѣлю. я тибѣ пригожусь». Онъ ей и взялъ, купилъ стару лошедь ей кормить. Недѣлю прокормилъ, пришли въ лѣсъ, птица въ дубъ носомъ уткнýла, носъ подрожалъ. «Корми меня ишшо нидѣлю». Онъ прокормилъ другу нидѣлю. Тыкнула въ дерево носомъ, дубъ пошатнулса. «Корми меня третью нидѣлю». Прокормилъ третью, опять пошли въ лѣсъ, птица въ дубъ клюнула, дубъ верхъ корéньёмъ и палъ. «Ну, хресьянинъ, теперь поѣдемъ на мою родину за рощётомъ». Она и полетѣла, онъ пошолъ. Шли, шли, пришли въ серебрено царьсво. «Поди подъ окошко, спроси — 'тта-ли живётъ Нагой-птици сестра, дакъ выкупи брата, а если скажотъ, што за выкупъ? — спроси ларьця». Онъ и спросилъ, какъ велѣла, сестра и говоритъ: «Хоть жалко братця, да не отдать ларьця». Полетѣли въ друго́, золото́ царсво и друга сестра такимъ-жо манеромъ не выкупила. Пошли въ третье царсво, и скажетъ: «Этта-ли Нагой-птици сестра живётъ? этта, дакъ выкупи брата». — А што за выкупъ? — Просилъ ларьця. «Ну веди братця». Пришли къ сестры, отдали хресьянину рощётъ. «На, тебѣ на твою вѣковщи́ну будётъ». Птиця у сестры осталась и онъ остался; прожилъ три недѣли, птиця хресьянина домой повела, вывела, роспростились.

Шолъ, шолъ и сблуди́лъ, и думатъ сибѣ: «Ходилъ я столько годовъ, а што мнѣ дали — шкатулька? Дай я посмотрю, што въ ей есь». Отворилъ, сдѣлалась полата, всё въ ей есь, чего въ душу идётъ; онъ обрадѣлъ, заперъ и пошолъ. Шолъ, шолъ, незнатъ куда итти. Слышитъ лошедь ѣдётъ, на лошеди сидитъ чарь-самоѣди́нъ, у коня изъ ушей огонь ма́шотъ, изъ нозрей цядъ несётъ. Хресьянинъ и змолился ему: «Батюшко, выведи меня на дорогу, совсѣмъ заблудился».— Посули, чего дома не знашь.— Думалъ, думалъ. «Я всё дома знаю. Ну, давай, цё незнаю, тоё пусь тебѣ». Чарь-самоѣди́нъ и повёлъ на дорогу. «Поди, скаже, тутъ твоя деревня. Смотри, помни, штобы готово было на это число, што мнѣ посулилъ, а нѣтъ дакъ помни»!

Пришолъ домой, его вышли изъ дому стрѣцять, жона ведётъ мальцика за руку на шестомъ году. Онъ и самъ себя за́ ротъ. «Охъ-те мнѣ, сына-то я и посулилъ». Имъ ницего не сказыватъ, про себя молцитъ, шипитъ. Ящикъ отворилъ, полаты роскинулъ, всего довольнё,— живутъ. Думатъ сибѣ: «Бывáтъ, пройдётъ такъ». Паренёкъ ужь сталъ лѣтъ двенаццети. Пошолъ на улици играть, да и стрѣлитъ бабушки-задворенки ка́менёмъ въ стекло». Бабка ему и говоритъ: «Ахъ ты, негодной посулёнышь царю-самоѣди́ну». Онъ пришолъ домой и говоритъ: «Батюшко, зачѣмъ меня посулилъ царю-самоѣди́ну? посулилъ, а не сказывашь?» Мать подорожниковъ настряпала, повопѣли, повопѣли, роспростились. Шолъ-шолъ-шолъ, пришолъ — двѣ дороги: по одной дороги трава зелёна, по другой дороги горохъ насыпанъ. Онъ и думатъ: «По которой итти? Зелёна трава — та́я хресьяньска дорога, а пойду я по гороховой, што небудь бу́де». Шолъ-шолъ-шолъ, пришолъ — колодецъ, кругомъ камышь-трава, онъ за эту траву и сѣлъ. Сидѣлъ-сидѣлъ, пришло трицеть одна дѣвиця, завели купатьця, вси платьё положили въ куцю, а одна особé. Онъ скажо: «Я ужъ подхи́цю, она мнѣ всё роска́жо». Взялъ и подхи́тилъ. Оны всѣ окупа́лись и ушли, она одна осталась и заповёртывалась и говоритъ: «Хто это надо мной шутитъ? Стара старушка, дакъ пусь мнѣ бабушка; буде красна дѣвиця, пусь мнѣ сестриця; а буде мо́лодой молодець, дакъ пусь мнѣ богосу́жоной женихъ. А знаю хто шутитъ: Иванъ хресьéньской-сынъ. А чего ты долго къ батюшку не ѣдёшь, онъ по тебѣ скуча́нцьця, смотри поѣжжа́тъ за тобой.» Онъ вышолъ, платьё бросилъ, она надѣлась. «Слушай Иванъ хресьéнской-сынъ, отецъ пріѣдётъ встрѣцу, будётъ пылить, рьени́ть, ты скажи: «я не зналъ». Роспростились, онъ пошолъ себѣ потихоньку.

Вдругъ земя буньци́тъ, Царь-самоѣди́нъ ѣде, встрѣчу за имъ поѣхалъ. «Ахъ ты, мошенникъ! Ты цё ко мнѣ не являисься?» —Извините, я не зналъ, мнѣ отець не сказалъ.— Царь на коня его взялъ и привёзъ домой, поставилъ въ конюхи. Въ конюхахъ прослужилъ чесно три́-годы, его поставилъ въ клюцьники; чесно прослужилъ три́-годы. «Женись, говоритъ, я тебя женю». —А у меня и невёсты нѣту.— «Дамъ тебѣ и невёсту, умѣй только выбратъ». Царь привёлъ тридцеть одну доцерь въ одинъ ростъ, въ одинъ толстъ, въ одну красу. Иванъ ходилъ, ходилъ, надо выбрать ту, съ которой говорилъ, некакъ не можно выбрать. Дѣвиця взяла, въ рукахъ платокъ пошевелила, онъ и догадался, ей и вывелъ. «Эта моя богосужена невёста». Отцу ей жалко. —Оставь до завтре, завтре выведёшь.— «Нѣтъ, коли разъ ужъ же́ненось, дакъ другóжды мнѣ не надь». Царь ему и сказалъ: «Ну, Иванъ хресье́ньской-сынъ, умно ты родился, да съ умомъ ты и женился». Отвелъ имъ полату жить. Стали они жить, зеть сталъ ходить къ царю съ визи́томъ каждо утро. Царь его порáто любилъ, ду́мны сенаторы и говоря: «Мы вѣкъ ему служили, да онъ насъ такъ не поцитатъ». Стали они ему мути́тьця, а жена и говоритъ: «Уйдёмъ прочь въ твою деревню». Коня, да лошедь, да телѣгу взяли, да и уѣхали. Когда подъѣхали къ волости, онъ ей оставилъ у бабки-задворенки. «Пусь тебя хорошенько стрѣтятъ». Пришолъ затимъ, его стрѣтили, по́дпили, подкути́ли, да онъ ю и забылъ. Родители задумали его женить, онъ и согласился жениццця. Невёсту сосватали, за невестой его требуютъ онъ и похóдитъ. Жона узнала, бабкѣ и говоритъ: «Бабка, поди-ко купи ячменю». Бабка купила, она въ горшóцьку болта́ла-болта́ла-болта́ла, въ пець и вылила. А оттуль, изъ пеци вылетѣли голубокъ да голубка. Она въ платокъ завернула да на свальбу и пошла. Пришла на свальбу, ихъ изъ платка и выпустила. Голубъ отъ голубки летатъ проць, а голубка и запѣла:

«Не забудь голубъ голубушка,
Не такъ какъ Иванъ хресье́ньской-сынъ
Ѳедóру-премудру въ цистомъ поли».

Заволновались народъ и говорятъ: «Портéжъ, портéжъ». А онъ очусвовался. «Ой, я жонатой, отпустите меня». Вышолъ изъ за стола, жону взялъ, да и стали жить.

 Арх. 143.

61.

Мать робенка съѣла.

Жилъ былъ купець, увидѣлъ онъ: жидь-боло́то народъ переходитъ восемь вёрсъ, а прямо верста — во́лось. Онъ и здумалъ сдѣлать мосъ. Утромъ, послалъ своего казака: «Поди сядь по́дъ мосъ, слушай, што скажутъ». Тотъ пошолъ и сѣлъ. Идётъ Господь съ апостоломъ, апостолъ и скажо: «Господи, што этому рабу будётъ?» — У его жона во чревѣ понесла сына; какъ выростётъ, што запроситъ, то ему и дамъ.— Казакъ взялъ въ умъ: «Ну я ужъ не скажу хозеину этыхъ словъ». Пришолъ домой. «Ну, што?» — А шли, да прошли, да сказали: «Спаси Господи!»

Жили-по́жили время недолго, купець и видитъ, жона беременна; ему надо поѣхать торговать, а жона плацётъ. «Съ кѣмъ я останусь, дѣло не бывало, не ра́живала». — А я тебя съ казакомъ оставлю; небойся, останься, дѣло въ надежды.— Купець и уѣхалъ, она и осталась. Жона и занемогла, она лакею и говоритъ: «Ты уди проць, мнѣ своё время приходитъ». Онъ ушолъ, она родила, расслабѣла вся, незамогла́, ослабѣла вся, стала стукать. Казакъ и пришолъ, видитъ, что у ей рожо́нъ мальцикъ. Онъ взялъ, у ей въ кровъ губы наморалъ, а мальцика отнёсъ проць. Отдалъ мальчика старухѣ водицьця — подговорилъ раньшее — самъ пошолъ бабки звать. Бабка пришла, а бладе́ня нѣту. «Дакъ это што? Роженицця лежитъ, а бладе́нь-то гдѣ? Развѣ не рожоной?» Лакей говоритъ: — Нѣтъ, былъ мальцикъ рожонъ, я видѣлъ. — «Хто-жо взялъ?» А онъ скаже: — Она развѣ съѣла, въ безчу́ньсвѣ была, въ тоска́хъ.— И повѣрили, што съѣла. Созвали родныхъ, попа. «Хоть котораго дня родила, какое было имё, то и дай, хоть отцю сказать». Попъ и далъ имя Иваномъ. И отець прiѣхалъ, поздоровкалса съ жоной. «Ну, што ты? поро́зна?» А она скаже: — Ну, да Богъ далъ, да родить неумѣла.— «Это-то какъ-же?» — Да я въ тоска́хъ съѣла, пока лакей къ бабки ходилъ.— «Можотъ-ле быть?» — Ну, да однако не куды дѣлса.— И мужъ согласилса. Стали праздновать Ивана: родныхъ созовутъ въ памятной день и въ имянинной день.

Времё идётъ, паренёкъ у старухи ростётъ, лакей и заговорилъ: «Рощитайте меня, я старъ сталъ, надо на роднинѣ по-

мереть». Его и рощитали. Лакей пошолъ, паренька взялъ и домой отправился. Шли-шли-шли, шли-шли-шли, шли-шли-шли, пришли къ жидко́му мѣсту, прямо итти съ полверсты мѣста, а обходить кругомъ — три. Онъ ему и говоритъ: «Ва́нюшка, скажи: «Господи! было́ болото, сдѣлайтесь луга». Паренёкъ и скаже: «Господи! было́ болото, сдѣлайтесь луга». Лугъ сдѣлался зелёной, травли́вой, хорошой. Оны по лугу и прошли. И домой пришолъ, привёлъ и парня. Поздоровался съ жоной, она и спрашиватъ: «Отку́ль у тебя этотъ парень?» Онъ скаже: — Откуль-есь, послѣ скажу.— Накормили, напоили, оны съ жоной въ другу половину спать повалились, а Ванюшку въ эту, на́ зень. Мальцикъ скаже: «Я не повалюсь на́ зень, холодно, я повалюсь на пецьку». Оны и стали говорить, онъ (лакей) и разсказалъ всё какъ было. «Я парня сибѣ и взялъ, ты его уважай, корми и пой, мы разбогатеемъ отъ его». А парень слышитъ, въ умъ взялъ и говоритъ: «Господи! была изба, сдѣлайся луга». Жона спитъ на клоцью́, мужъ на другомъ, парень на третьёмъ. Парень и заговорилъ: «Господи! былъ лакей, сдѣлайся собака». Собака и стала. Парень собаку взялъ, да и пошолъ. Шолъ, шолъ, пришолъ въ деревнюшку, вы́давался ночевать. «Нельзя-ли мнѣ — собаки вы́збу?» — А не цё, не напакоститъ дакъ.— Онъ собаку вы́збу завёлъ, самъ зашолъ, онѣ его посадили ись. «Собаки-то дай, пристала, ись хоцётъ. — Не надь, не нады! моя собака не ѣсъ хлѣба, ѣсъ горя́цё уго́льё».— Онѣ всѣ и здивова́лись: «Вотъ бѣда-та! На вѣку не слыхали, штобы собака горя́цё угольё ѣла». — Вы э́тта люди пожиты́, да не слыхали, а я и молодой, да не слыхалъ, штобы мать родила — своё отродьё съѣла.— «Ангелъ! да вёрстъ за петнадцеть купциха родила, да съѣла. Завтре паметной день будётъ, Иваномъ звали». Онъ и пошолъ. Идётъ мимо дома, а домъ большинской у родителей-то; и онъ идётъ мимо оконъ, увидали его лакеи и говорятъ: «Вотъ идётъ молодець со собакой, нужно-ле звать?» — Чё не звать, кажного званья зовёмъ, пущай заходитъ.— «Мнѣ надо собака съ собой взять, безъ собаки нейду». — Пущай идётъ со собакой.— Онъ и пришолъ. Собаку положилъ на лавку. Пиръ пошолъ, хозяйка заговорила: «Собака-то ись хоцётъ, въ глаза гледитъ, хоть-бы цё небудь да дали». А онъ говорилъ:— Нѣтъ-нѣтъ-нѣтъ, не безпокойтесь, моя собака не цё не ѣсъ, кромѣ горе́ця уго́лья.— Оны всѣ на ноги скочили. «Што ты! Давно-ли скотина ѣсъ горяци уголья?» — Охъ вы каки́, я вамъ ска-

залъ, дакъ неправда. А вы-то што дѣлаите: што мать родитъ свое отродьё, да съѣсъ?— А оны ему всѣ въ голоса: «Да, вотъ, мы се́й-день празнуемъ Ивану: родила хозяйка, да съѣла». —А, Господи! Была собака, здѣлайся лакей.— Лакей на ноги и скоцилъ, хозенну и хозяйкѣ въ ноги палъ, а сынъ здоровацьця: «Здраствуйте татынька и маменька! Я вашъ сынъ, а вы мои родители». Оны тутъ обрадовались, лакея простили, денёгъ дали, да и прогнали проць, не бранили, не журили, не ругали.

62.

Жена надъ мужемъ.

Жилъ былъ мужъ съ жоной, жоны не нравилось, што мужъ вара́йдатъ надъ ей (ворцитъ), она и говоритъ:

«А на лѣшой всё вы, да вы надъ на́мы, когда-жо мы-то станёмъ надъ ва́мы?

Старикъ и надумался:

«Жона, отъ царя указъ пришолъ: жонамъ надъ мужовьямы власть нести».

— Ну, дакъ поди, топи байну.—

Онъ и пошолъ, затопилъ байну. Байна стопе́лась, старикъ зовётъ воды нести.

«А наносишь и самъ».

Онъ и пошолъ носить.

«Поди, мойся».

— Да снесёшь и ты меня.—

Пришла въ байну.

«Самы́ла (имя), я вѣникъ забыла».

— Дакъ, я схожу.—

«А не знашь ты, снеси меня».

Онъ и понёсъ. Пришли опять въ байну.

«Самы́ла, я сороцьку забыла».

— Да гдѣ у тебя, я схожу.—

«Не знашь ты, неси меня».

И снёсъ. Потомъ говоритъ ей:

«Дакъ мойсе».

— А вымоёшь и ты меня.—

Онъ и сталъ ю мыть, а самъ въ сѣни и пошолъ, тамъ и скрычалъ (бытто кто-ли пришолъ):

«Самы́ла, што дѣлашь?»

— Да жону мою.—

«Ой ты шальнёй, указъ-то не росслушалъ: указъ-то вѣдь по старому — мужевьямъ надъ жонамы».

Услышела, и говоритъ:

«А на лѣшой царя! опять по старому».

Мужъ ей и скаже:

«Ну, вотъ, не долго прошло твое велисьсьво».

Мужъ затѣмъ дубе́ць взялъ, и давай жону хлыстать, потомъ знай вперёдъ.

63.

Безграмотная деревня.

Деревня была безграмотна: попъ безграмотной, дьяконъ безграмотной, да и дьяцёкъ безграмотной, а церковь была, приходъ служили (такъ!). Прозналъ архирей, поѣхалъ любопытствовать. Пріѣхалъ попу на фатеру, попъ и побѣжалъ къ дьякону. «Вотъ бѣда! архирей пріѣхалъ, какъ мы служить станёмъ?»

А дьяконъ сказалъ:

«А какъ небудь, сварако́симъ какъ небудь».

Попъ скажо:

«Ты то́ё пой, што я буду».

Дьячокъ скажо:

«Мнѣ ужь надо своё пѣть на крылосы, не съ вамъ».

Попъ скажо:

«Што знашь, то и валяй».

Затѣмъ обѣдню зазвонили, попъ и запоходилъ къ обѣднѣ, архирею и говоритъ:

«Владыка, благослови».

— Богъ тебя благословитъ, поди, служи.—

Попъ пришолъ въ церковь, одѣлъ ризу, затѣмъ архирей идётъ. Архирей пришолъ, въ олтарь сталъ.

«Ну починай, служи».

Попъ и запѣлъ — голосъ громкой:

«О-о-о! Изъ за острова Ке́льястрова,
Выбѣгала лотоцька осиновая,
Носъ-корма роскрашонная,
На серёдкѣ гребци-молодци.
Ту́ра-ма́ра и па́ра»*).

Дьяконъ тоже запѣлъ:

О-о-о! Изъ за острова Ке́льястрова,
Выбѣгала лотоцька осиновая (и пр. до конца).

А дьяцёкъ на крылосѣ:

«Вдоль по травки, да вдоль по муравки,
По лазуревымъ цвѣтоцькамъ».

Архирей вышолъ да рукой махнулъ:
«Служите, какъ служили!»
Да и уѣхалъ процъ.

64.

Болѣзнь.

У хрестьянина было три невёски, двѣ въ сторону имѣли: любили дружковъ. Третья скаже:

«Хоть-бы мнѣ полюбить».

А старша скаже:

— Полюби, коли бабьи увёртки знашь.—

Третья и полюбила парня молодого. Онъ къ ней пришолъ, а мужъ въ то время съ сѣномъ ѣде, а пріятель въ комнаты ей.

Невёска къ ей и бѣжитъ:

«Марья, мужъ то пріѣхалъ! Што скажешь?»

---

*) Большое значеніе имѣетъ въ сказкѣ мотивъ словъ попа, дьякона и дьячка: слова попа и дьякона поются протяжно, на церковный ладъ; слова дьячка на мотивъ веселой плясовой пѣсни.

— А не цё не знаю.—

Мужъ пришолъ въ избу, невёска дала ему ту́есъ:

«Бѣжи за водой, жона не мо́жо пора́то».

Мужъ и побѣжалъ. Докуль ходилъ, то́й поры и пріятель убѣжалъ. Невёска жону вывела, да на порогъ нагой и поставила; мужу и говоритъ:

«Обдавай да приговаривай: Господи благослови! Самъ засталъ, самъ по́ воду хожу, самъ окачиваю».

Афр. 114

65.

Чудесная утка*).

Мужикъ пашетъ поле и все одну борозду цѣлый день. Домой придетъ, жена спрашиваетъ: «Много ли напахалъ?» Мужикъ говоритъ: — Одну борозду, пока запрегъ, да выпрегъ и день прошелъ. — Жена ругаетъ его, что мало напахалъ. «Какъ станемъ жить и кормиться?» На другой день мужикъ опять одну борозду напахалъ, — пока запрегъ, да выпрегъ, да съ конца въ конецъ борозду перегналъ и день прочь. На третій день мужикъ опять поѣхалъ пахать; когда онъ пахалъ, ему кто-то и говоритъ: «Не паши, дядя, тебѣ отъ пашни не кормиться; а вотъ поди въ кусты, тамъ стоитъ полая ольшинка, возьми въ этой ольшинкѣ и заткни сверху дыру, потомъ эту ольшинку съ комля сруби и вынь оттуда уточку и иди домой». Пошелъ мужикъ по сказанному, какъ по писанному; вершинку у полой ольшинки согнулъ и затыкнулъ, съ комля срубилъ, вынулъ уточку и унесъ домой. Дома жена спрашиваетъ: «Гдѣ ты былъ, пахалъ?» — Нѣтъ, говоритъ мужикъ, я не пахалъ; мнѣ сказано, что отъ пашни не кормиться, я ходилъ вотъ за уточкой. На, корми ее, мнѣ сказано, что отъ нея разживешся. — А жена то его бранитъ: «Какъ мы жить-то станемъ, какъ нигдѣ не наживаешь; самимъ ѣсть нечего, а не то уточку кормить». Посадила уточка яичко; мужикъ взялъ яичко и пошелъ продовать на рынокъ, а женѣ не сказалъ. Яичко это мужикъ продовалъ, продовалъ, никто его не купилъ, такъ и пошелъ домой. На встрѣчу ему другой мужикъ и спросилъ: «Куда, дядя, ходилъ?» —А вотъ, ходилъ

*) Арх. И. Р. Геогр. Об-ва I. 43. *Пр. Людсковъ;* сказка записана въ г. Онегѣ.

на рынокъ продовать яичко, да не продалъ.— «А дорого ли яичко, продай мнѣ?» —Сто рублей.— Отдалъ мужику сто рублей. —Мужикъ воротился на рынокъ, купилъ на сто рублей чего нужно, принесъ домой, женѣ и говоритъ: «На, сама ѣшь и уточку корми». А жена то ну бранить его. — Что ты кого ограбилъ или убилъ, что много нанесъ всего? Раньше голодные сидѣли, а теперь всякой всячины нанесъ?— Недѣля прошла, уточка опять посадила яичко, мужикъ пошелъ на рынокъ продовать. На рынкѣ у него никто не купилъ, а когда шелъ домой, ему попался на встрѣчу опять тотъ же человѣкъ; и продалъ ему мужикъ яичко за двѣсти рублей, а самъ воротился на рынокъ и купилъ все, что нужно. Пришелъ мужикъ съ рынка домой, принесъ, что купилъ, отдалъ женѣ и сказалъ: «На, сама ѣшь и уточку корми». А жена его бранитъ: — Сегодня опять кого-то ограбилъ или убилъ.— Черезъ недѣлю уточка опять яичко посадила, мужикъ пошелъ на рынокъ продовать; ходилъ, ходилъ никто не купилъ, идетъ домой и встрѣтилъ на дорогѣ незнакомаго человѣка. Сталъ человѣкъ покупать яичко, мужикъ проситъ триста рублей, а незнакомый человѣкъ даетъ три копейки. Спорили бы долго, еслибы не подошелъ тотъ человѣкъ, который покупалъ раньше яички. Взялъ онъ и третье яичко и сказалъ: «Я тебѣ за это яичко отдамъ весь городъ съ лавками и всѣ корабли, которые у меня есть, переѣзжай въ этотъ городъ жить». Пріѣхалъ мужикъ домой и говоритъ женѣ: «Поѣдемъ жить въ городъ, тамъ все мое». Жена говоритъ: —Развѣ повезутъ за то, что ты все грабилъ или воровалъ.— Мужикъ настоялъ чтобы ѣхать въ городъ; пріѣхалъ и сдѣлался самымъ главнымъ купцомъ. Жена родила ему двухъ сыновей.

Когда сыновья выросли, отецъ поѣхалъ на корабляхъ за море за товарами. Жена безъ мужа полюбила главнаго приказчика. Однажды приказчикъ началъ спрашивать, откуда они такъ разбогатѣли, а она говоритъ: «Я сама не знаю откуда у насъ столько явилось, только знаю, что есть у насъ уточка, которую мужъ, когда уѣзжалъ, мнѣ велѣлъ кормить и беречь». Приказчикъ пошелъ посмотрѣть уточку, а когда приподнялъ правое крыло, увидѣлъ надпись: «Кто эту уточку съѣстъ, тотъ будетъ царемъ». А подъ лѣвымъ крыломъ написано: «Если эту уточку съѣдятъ двое, то одинъ будетъ царемъ, другой министромъ». Прикащикъ притворился больнымъ и говоритъ хозяйкѣ: «Если ты мнѣ не сжаришь и не дашь съѣсть уточку, то я умру:

съѣмъ уточку, выздоровѣю». Хозяйка ему и говоритъ: —Мнѣ мужъ велѣлъ ее беречь, а ты говоришь сжарить. Онъ меня за это будетъ бранить.— Однако хозяйка велѣла повару Сенькѣ сжарить уточку на другой день утромъ. Сенька утромъ сжарилъ, но еще не подавалъ на столъ, а въ это время дѣти купца прибѣжали на кухню и съѣли уточку. Сенька схватился уточки, да не нашелъ, пошелъ и сказалъ хозяйкѣ, что вѣрно съѣли дѣти. Хозяйка сказала приказчику. Приказчикъ говоритъ: «Нужно дѣтей зарѣзать, вынуть сердца и сжарить, я съѣмъ ихъ; а иначе не выздоровѣю». Хозяйка и говоритъ: —Какъ я могу зарѣзать? Когда пріѣдетъ и узнаетъ мужъ, то забранитъ.— Приказчикъ говоритъ: «Ничего, попамъ больше денегъ дадимъ, они скажутъ что умерли». Хозяйка согласилась, дала повару Сенькѣ большой ножъ и велѣла зарѣзать своихъ дѣтей и поджарить ихъ сердца. Дѣти прибѣжали разъ на кухню, а Сенька показалъ большой ножъ и говоритъ: «Это дала мать ваша и велѣла васъ зарѣзать и сжарить сердца ваши приказчику». Дѣти начали просить Сеньку: —Голубчикъ, отпусти, куда понесетъ насъ голова.— Сенька говоритъ: «Кого же жарить я буду?» —А вотъ, сука кобелей родила, зарѣжь и сжарь.— Сенька зарѣзалъ кобелей, приготовилъ ихъ сердца и подалъ приказчику. Приказчикъ сталъ ѣсть и сказалъ: «Не уточкино мясо, псы такъ псами и пахнутъ». Хозяйка и приказчикъ дали попамъ денегъ побольше и велѣли дѣтей поминать. Черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ самъ хозяинъ, жена ему сказала, что дѣти умерли; дѣтей начали поминать еще чаще; каждый день служили обѣдни и собирали обѣды.

Дѣти эти ходили нѣсколько лѣтъ и наконецъ пришли къ одной старушкѣ. А въ этомъ мѣстѣ все звонили въ звоны, дѣти и спросили: «Почему, бабушка, у васъ всё звонятъ?» —А у насъ, доброхоты, отъ того звонятъ, что выбираютъ царя да министра.— «Да какъ выбираютъ-то ихъ?» —А у насъ есть лампада передъ иконою Божьей Матери, подъ ней проходитъ народъ и она сама засвѣтится тогда, когда подъ ней пройдетъ человѣкъ, который долженъ быть царемъ; а когда засвѣтиться другой разъ, то тотъ кто пройдетъ второй будетъ министромъ.— Дѣти и говорятъ: «Бабушка, нельзя-ли намъ посмотрѣть этой лампады». —Подите, подите, доброхоты, посмотрите.— Вотъ они пошли и увидѣли, что подъ лампаду гонятъ народъ и уже прогнали весь сколько было, а лампада все не зажигается; уви-

дѣли двухъ молодцовъ, велѣли и имъ пройти подъ лампадою. И какъ только прошелъ первый братъ, лампада затеплилась; прошелъ второй тоже затеплилась. И вотъ одинъ братъ сдѣлался царемъ, а другой министромъ. Черезъ нѣсколько времени они женились.

Долго они жили, наконецъ соскучились по своихъ родныхъ, взяли женъ и поѣхали въ городъ, въ которомъ жили ихъ родители. Пріѣхали въ городъ, остановились на постояломъ дворѣ, жонъ своихъ оставили, а сами въ солдатскихъ одеждахъ отправились къ одной старушкѣ и спрашиваютъ: «Почему это у васъ звонятъ?» Старушка отвѣчаетъ: —У насъ звонятъ потому, что у главнаго купца умерли два сына, ихъ поминаютъ и даютъ обѣды всякій день. Много ужъ годовъ со смерти ихъ прошло.— Царь и министръ и спрашиваютъ: «Нельзя ли намъ сходить посмотрѣть, какія тамъ обѣды?» —Подите, подите, Богъ съ вами, чужестранныхъ напоятъ да накормятъ лучше своихъ.— Пришли они на обѣды, ихъ посадили за столъ и хозяинъ началъ ихъ распрашивать. Они расказали ему всю исторію про мать и приказчика. Мать долго не вѣрила имъ, но купецъ велѣлъ ей молчать и просилъ солдатъ отвести его къ сыновьямъ. Тогда сыновья открылись ему.

66.

Иванъ крестьянскій сынъ*).

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жилъ былъ мужикъ со старухою, не очень богато и бѣдно не порато, а такъ, серёдка наполовинѣ: имѣлъ и лошадей, и коровъ, и два анбара хлѣба. Родился у нихъ сынъ и отъ кобылы жеребенокъ; сына прозвали Иваномъ крестьянскимъ сыномъ, а жеребца буркомъ. Ростетъ Иванъ крестьянскій сынъ не по-годамъ и по-мѣсяцамъ, а по-днямъ и часамъ. На другомъ году сталъ Иванъ крестьянскій сынъ на улицу ходить, съ ребятами поигрывать: ково за руку схватитъ, у тово рука прочь; ково за голову схва-

*) Архивъ И. Р. Географич. об-ва. I. 54. Рукопись «Этнограф. опис. жителей Шенкурскаго у. Арханг. г.». *А. Штерна*. Даты у рукописи нѣтъ.

титъ, у тово голова прочь; ково запихаетъ подъ банней уголъ; ково подъ овинъ. Стали говорить мужику, чтобы онъ унялъ своего сына. Мужикъ за это пригаркнулъ на сына и не велѣлъ ему выходить изъ избы. Въ одно время въ сосѣднемъ околодкѣ была назначена помоць и просили на нiѣ мужика. Иванъ крестьянскiй сынъ сталъ у отца на помочь проситься, отецъ не спускаетъ, говоритъ: «Что ты, сынъ, еще молодъ, только на девятомъ году». Иванъ крестьянскiй сынъ сталъ со слезами проситься и отецъ отпустилъ. Прiѣхалъ на помочь Иванъ крестьнскiй сынъ на жеребцѣ, своемъ ровесникѣ-буркѣ, а тамъ ужъ народу много, возятъ назёмъ; и ему наметали телѣгу. Онъ говоритъ: «Мечите, покамѣстъ я не скажу». Люди мечутъ и дивуются, что ужъ съ десять вововъ наметали: «Какъ повезетъ?..» Еще метали. Наконецъ, сказалъ Иванъ крестьянскiй сынъ: «Полно». Самъ сѣлъ на лошадь и поѣхаль рысью. Онъ одинъ весь назёмъ и вывозилъ. Вечеромъ всѣхъ помочанъ посадили за столъ и стали подавать имъ по рюмкѣ вина; дошла очередь и до Ивана крестьянскаго сына; онъ говоритъ: «Мнѣ подавайте ни рюмкой, ни стаканомъ, а подавайте въ братынѣ». Принесли ему полную братыню вина и онъ выпилъ всю за однимъ духомъ. Тутъ онъ сидѣлъ, веселился, разговаривалъ и выпивалъ свою очередную — вмѣсто рюмки братынь. Сталъ онъ подъ хмелькомъ и поѣхалъ домой на своемъ жеребцѣ; дорогой почалъ стегать своего жеребца и тотъ побѣжалъ во вѣсь махъ: гдѣ стоитъ домъ на размахѣ — далеко улеталъ, гдѣ баня въ поворотѣ — по бревну несоберешь; когда подъѣзжалъ домой, спехнулъ у отца въ рѣку два амбара съ хлѣбомъ. Отецъ и мать испугались и стали думать, да гадать, какъ-бы избавиться отъ эково сына спозаранокъ, что-бы онъ ихъ жизни не лишилъ. Выдумали послать въ лѣсъ, куда никто не ходилъ: тамъ жилъ страшный медвѣдь; а какъ не было кобылы дома, то будто за лошадью. Пришолъ Иванъ въ лѣсъ, бѣжитъ ему на встрѣчу медвѣдица, ротъ открыла и хочетъ съѣсть. Иванъ крестьянскiй сынъ схватилъ медвѣдицу за челюсти, привелъ домой, и кричитъ у окна: «Батюшко, куда кобылу застать?» Старикъ непосмотря въ окно и велѣлъ застать во дворъ; ночью медвѣдица поѣла во дворѣ всего скота, утромъ старикъ вышелъ на дворъ и руками встегнулъ — коровы, быки и лошади лежатъ, а посреди ихъ медвѣдь ходитъ. Старикъ со старухою стали думать больше прежняго какъ-бы лишиться сына. Послали его на озеро требовать съ чертей пошлины.

Приходитъ Иванъ крестьянскій сынъ къ озеру, изъ озера чертъ выходитъ и хотѣлъ-было Ивана тащить. Иванъ крестьянскій сынъ упёрся, руки влѣпилъ черту въ волосы и давай качать изъ стороны на сторону,— чертъ ногами взлегиваетъ; черту стало невмочь, давай пощады просить, обѣщаетъ: все что потребуетъ дастъ. Иванъ крестьянскій сынъ потребовалъ накласть ему золота шляпу. Чертъ побѣжалъ въ озеро за золотомъ, а Иванъ выкопалъ въ землѣ большую яму, сверху поставилъ шляпу, а въ шляпѣ прорѣзалъ дыру. Чертъ принесъ мѣшокъ золота, высыпалъ въ шляпу, а шляпа неполна; принесъ другой и третій, чуть-чуть наполнилъ. Иванъ крестьянскій сынъ взялъ золото, принесъ отцу и сказалъ: «Вотъ тибѣ батюшко пять мѣшковъ золота, дань съ чертей». Старикъ взялъ золото и стали опять думать, какъ сына сбыть. И придумали. «Пошлемъ его къ царю просить дани, царь разгнѣвается, посадитъ его въ темницу; у его есть кому справиться—солдатовъ много». Сказано—сдѣлано. Иванъ крестьянскій сынъ не отговаривается, взялъ своего жеребца и поѣхалъ въ городъ къ царю. Царь былъ въ великой печалѣ—у его любимая дочь очень больна была, къ ней каждую ночь приходилъ нечистой духъ въ человѣческомъ образѣ. Царь обѣщалъ,—кто царевну избавитъ отъ нечистаго духа не во̀все̑, тому сто рублей; а кто вовсё избавитъ, за тово царевну замужъ отдамъ и въ приданое полгосударства. Иванъ крестьянскій сынъ вызвался прогнать нечистаго духа. Взялъ съ собой орѣховъ простыхъ, да желѣзныхъ и надѣлъ на себя желѣзный колпакъ, съ желѣзнымъ налобникомъ и отправился въ палаты царевны. Какъ стемнилось, приходитъ нечистый духъ и говоритъ: «Кто здѣсь чужой есть?» Иванъ крестьянскій сынъ сидитъ на печкѣ, отвѣчаетъ: —Иванъ крестьянскій сынъ.— И началъ пощалкивать да ѣсть орѣхи простые. Нечистый духъ говоритъ: «Что ты ѣшь, дай мнѣ». Иванъ крестьянскій сынъ далъ ему желѣзныхъ ореховъ; нечистый духъ грызъ, грызъ, кое какъ одинъ перемялъ и три зуба сломалъ, говоритъ: «Скоро ли ты, Иванъ крестьянскій сынъ, отсюда уйдешь?» — Никогда нейду, всегда жить буду; а давай въ карты играть, въ щелчки, кто больше щелчковъ наигратъ, тому оставаться съ королевой». Начали, Иванъ крестьянскій сынъ нарочито поддался. Лѣшій наигралъ 10 щелчковъ и давай пальцомъ щелкать въ желѣзный налобникъ Ивана, налобникъ поетъ во всѣ палаты; играютъ другой разъ. Иванъ наигралъ на черта 10 щелчковъ и говоритъ: «Я тебя жалѣю, отъ пальца будетъ тебѣ

Аф. 87-88

Аф. 90

тяжело, я буду палочкой щелкать». Взялъ молотокъ и давай щелкать по лбу. Чертъ скочилъ, схватилъ шапку, да и тягу, а Иванъ крестьянскій сынъ въ проводку гаркаетъ: «Стой, дай еще семь щелчковъ отсчитать».

На другой день царская дочь сказываетъ царю, что чертъ приходилъ, но Иванъ крестьяскій сынъ прогонилъ его; за это царь отдалъ Ивану крестьянскому сыну 100 рублей. Того же дни Иванъ пріѣхалъ домой и отдаетъ отцу деньги и говоритъ: «Родители мои, батюшко и матушка, дайте мнѣ благословеніе, я поѣду на чужую дальну сторонушку». Отецъ былъ радёхонёкъ и благословилъ. Иванъ крестьянскій сынъ къ вечеру опять пріѣхалъ къ царевнѣ, опять залѣзъ на печку, надѣлъ на себя кожу бычью. Настали сумерки, приходитъ нечистой духъ. «Ты Иванъ крестьянскій сынъ опять здѣсь?»—Да здѣсь.—«Давай, Иванъ, играть въ карты, въ щипки?» Играютъ, чертъ наигралъ 10 щипковъ и давай щипать на Иванѣ бычью кожу,— сколько захватитъ, столько въ рукахъ и останиться. Наигралъ Иванъ на чорта, взялъ тиски желѣзны и давай щипать лѣшево.—Лѣшему невмочь и задалъ тягу. Царь узналъ отъ царевны, что и другую ночь лѣшій не мучилъ дочери, сильно благодарилъ Ивана крестьяскаго сына. Въ этотъ день Иванъ крестьянскій сынъ сробилъ желѣзную машину на манеръ человѣка и у этой машины придѣлалъ ротъ полъ, а какъ задѣнетъ кто за языкъ, ротъ и закроется такъ крѣпко, что и вѣкомъ не достать, что захватитъ. Взялъ эту машину съ собой къ царевнѣ и залѣзъ на печь. Начало сумеркаться, лѣшій какъ тутъ. Опять пришолъ и говоритъ: «Ты, Иванъ, опять здѣсь?»— Да здѣсь, всегда буду.— «Давако, братъ, побратаемся —кому быть старшему брату, тому здѣсь и жить». Иванъ говоритъ:— Я не смѣю, что скажетъ мой дѣдушко Оксёнъ, спроси его». И указалъ на желѣзную машину. Лѣшій давай спрашивать, машина не отвѣчаетъ. Иванъ крестьянскій сынъ говоритъ, что дѣдушко Оксёнъ недослышитъ и недовидитъ, надобно пощупать его за языкъ, тогда будетъ и говорить. Лѣшій пощупалъ за языкъ, ротъ закрылся и рука осталась въ ротѣ. Лѣшій выдергиваетъ, машина крѣпче зажимаетъ, лѣшій вопитъ, а Иванъ взялъ плеть и давай крѣпко стегать. Лѣшему невмочъ, побѣжалъ и съ машиной, Иванъ за нимъ; за городомъ лѣшій обезсилѣлъ и упалъ. Въ то время весь народъ собрался и пріѣхалъ царь. Царь велѣлъ наносить изъ лѣсу большой костеръ дровъ, поволокли лѣшово на костеръ и сожгли. Царь говоритъ

Ивану: «Царское слово вѣрно—возми ты, Иванъ крестьянскій сынъ, дочь мою царевну за себя замужъ и еще полгосударства, а какъ я помру, то и всѣмъ управляй».

Иванъ крестьянскій сынъ поклонился царю въ ноги; царь велѣлъ своему первому министру, чтобы на завтра веселымъ пиркомъ да за свадебку. Начался пиръ на весь міръ, полилось вино изъ бочекъ, полетѣли пироги изъ печки. Праздновали весь день и всѣ напились; царь подъ хмелькомъ и говоритъ: «Я старъ, больше не могу править, дарю тебѣ, Иванъ, и остальную половипу государства». Иванъ сдѣлался полнымъ царемъ. Снова начали праздновать и всѣ напились пьяны. А какъ стало темниться новаго царя Ивана свели на подклѣтъ. Сказка вся, дальше говорить нельзя. Я тамъ былъ, пиво и вино пилъ; пиво тепло́, да по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

67.

Мужикъ и чортъ*).

Однажды мужикъ на озерѣ рыбу ловилъ, рыба не попадалась, онъ и подумалъ: «Хоть-бы чертъ мнѣ далъ рыбы-то!» Подумалъ и пошелъ домой. На дорогѣ попался ему человѣкъ и говоритъ: «Что ты, мужикъ, думалъ?» —Ничего я не думалъ.— «Какъ ничего не думалъ? Вспомни-ко хорошенько». Тогда мужикъ вспомнилъ свою думу на озерѣ, и говоритъ: —Я подумалъ: хоть-бы чертъ мнѣ далъ рыбы-то!—«Это хорошо, а что отъ добра дашь?» —Радъ-бы что угодно дать, да нѣтъ ничего, есть только чорный быкъ, я бы и того отдалъ.— «А обманешь?» —Нѣтъ не обману.— «Хорошо, веди завтра быка». Назавтріе, по утру всталъ мужикъ, вспомнилъ о вчерашнемъ, и жаль ему стало быка, и думаетъ: «Дако, я пойду на хитрость: возьму худую веревку и привяжу къ лѣсинѣ». И какъ вздумалъ, такъ и сдѣлалъ; пошелъ къ озеру и привязалъ веревку за лѣсину, и пошелъ осматривать свои ловушки. Рыбы

*) Архивъ И. Р. Географич. Об-ва. I. 57. Рукопись: «Различныя свѣдѣнія заимствованыя изъ мѣстнаго быта жителей, населяющихъ Шихаловскую волость, Шенкурскаго уѣзда, Архангельской губерніи». Священникъ *К. И. Боголѣповъ.*

попало очень много. Выходитъ изъ озера чертъ и говоритъ: «Вотъ тебѣ рыба, а гдѣ же быкъ?»— Быка я привязалъ къ лѣсинѣ.— Пришли къ дереву, за дерево одна веревка привязана; мужикъ и говоритъ: «Эхъ, братъ, быкъ-то оторвался!»— Давай, дѣлать нечего, смотри приведи завтра.— Мужикъ обрадѣлъ, снесъ рыбу домой, и назавтріе опять пошелъ па озеро, и опять привязалъ худой обрывокъ верёвки за дерево и пошелъ смотрѣть ловушекъ. И опять увидѣлъ, что рыбъ много, обрадовался и пошелъ было домой, а чертъ опять выходитъ изъ озера и проситъ быка. Мужикъ говоритъ, что быкъ опять оторвался. Тогда говоритъ чертъ мужику. «Смотри мужикъ, не обманывай, приведи сулёнаго быка, а не то тебѣ худо отъ меня будетъ». Приходитъ на третій день и видитъ мужикъ, что медвѣдь на другомъ берегу озера кидается въ воду и плыветъ, а чертъ выходитъ изъ озера и требуетъ быка. Догадливый мужикъ отвѣчаетъ черту: «Быка-то я привелъ, да онъ опять оторвался, вишь вонъ плыветъ по озеру — хватай его скорѣе!» Тогда чертъ подбѣгаетъ къ берегу и хватаетъ медвѣдя, но одолѣть не можетъ. Выходитъ изъ озера другой чертъ и двольни (такъ) медвѣдя ухаживаютъ. Тогда первый чертъ приходитъ къ мужику и говоритъ: «Ну братъ, какой у тебя быкъ-то, я одинъ и справиться съ нимъ не могъ, а если-бы не пришелъ ко мнѣ на помочь мой дѣдко, онъ меня уходилъ-бы; да онъ и дѣдушко-то моего такъ копытомъ стягнулъ, что чуть и глазъ не выстягнулъ».

68.

Иванъ Запечинъ*).

Жилъ былъ старикъ, у него было три сына, старшаго звали Васильемъ, средняго Петромъ, а третьяго Иванушкой Запечинымъ. Первые занимались пашнею и были щеголеваты и тороваты, а третій былъ такъ себѣ, простакъ, и любилъ въ лѣсъ ходить, по-грибы, а дома все больше на печѣ сидѣлъ. Отецъ ихъ дожилъ до глубокой старости, сталъ умирать, и наказываетъ своимъ дѣтямъ: «Когда я помру, вы ходите ко мнѣ на

---

*) Архивъ И. Р. Географич. о-ва. I. 57.

могилу по три ночи, поочередно, и приносите съ собою хлѣба». Дѣти обѣщались.— Отецъ умеръ, и пришла очередь старшему сыну идти къ отцу на могилу, а онъ боится, и говоритъ младшему брату: «Ваня, замѣни ты меня эту ночь, сходи вмѣсто меня къ отцу на могилу, я тебѣ за это пряникъ куплю и новую плетеньку сплету по грибы ходить». Ваня согласился. Пришла первая ночь и пошелъ Ваня къ отцу на могилу. Когда наступила полночь, отецъ выходитъ изъ могилы и говоритъ: «Фуфоньки, фуфоньки! Есь-ли тутъ старшій мой сынъ, и скажи, что дѣлается на Руси — собаки-ли лаютъ, волки-ли воютъ, или мое чадо ревитъ?» Отвѣчаетъ Ваня: — Есть сынъ твой, и на Руси все спокойно.— Тогда отецъ наѣлся и легъ въ могилу, а Ваня отправился домой, съ попутья грибовъ набралъ. Пришелъ домой, старшій братъ и спрашиваетъ: «Что Ваня, видѣлъ отца? Ѣлъ онъ?» —Видѣлъ, отвѣчаетъ Ваня, отецъ досыта наѣлся.— Приходитъ другая ночь, и надобно идти среднему брату, но и тотъ тоже боится и говоритъ Ивашкѣ: «Ваня, сходи за меня къ отцу на могилу, замѣни меня, я тебѣ лапти сплету». Ваня говоритъ: — Ладно.— Приходитъ ночь, пошелъ Ивашко къ отцу на могилу. Въ полночь отецъ идетъ и говоритъ: «Фуфоньки, фуфоньки! Есь-ли мой средній сынъ Петрунька? Скажи, что на Руси дѣлается,— собаки-ли лаютъ, волки-ли воютъ или чадо мое ревитъ?» Ваня отвѣчаетъ: — Есть, на Руси все спокойно! — Отецъ опять наѣлся, и лёгъ въ могилу, а Ивашка пошелъ домой, а съ попутья набралъ грибовъ.— Пришелъ домой, средній братъ и спрашиваетъ: «Видѣлъ отца?» Отвѣчалъ Ваня: — Видѣлъ.— На третію ночь пришла очередь идти самому Ивашку. Онъ и говоритъ братьямъ: «Братцы! Вы обѣщались меня замѣнить, ступайте эту ночь вы къ отцу, а я отдохну». Братья отвѣчаютъ: — Тебѣ стало тамъ знакомо, поди съ Богомъ.— Иванъ и пошелъ. Пришолъ къ могилѣ и сидитъ. Въ полночь выходитъ отецъ изъ могилы. «Фуфоньки, фуфоньки! Есь-ли тутъ младшій мой сынъ Иванъ? Скажи, что дѣлается на Руси — собаки-ли лаютъ, волки-ли воютъ или чадо мое ревитъ?» Ивашко отвѣчаетъ: — Есть, на Руси все спокойно.— Отецъ поѣлъ и говоритъ Ивану: «Ну, сынъ, если ты одинъ исполнилъ мой наказъ, то твое и счастье. Вотъ тебѣ узда, поди ты въ чистое поле, кликни богатырскимъ голосомъ, сосвищи соловьинымъ посвистомъ и скажи: «Сивка бурка, вѣщій каурка, стань передо мной, какъ листъ передъ травой». И когда конь къ тебѣ

прибѣжитъ. зайди ты въ право ухо и умоешься, а въ лѣво —снярядишься». —Ивашко взялъ узду и пошелъ въ чисто поле; крикнулъ онъ богатырскимъ голосомъ, свиснулъ соловьинымъ посвистомъ: «Сивка бурка, вѣщій каурка, стань предо мной какъ листъ передъ травой». Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ноздрей пламя пышетъ, а изъ ушей дымъ столбомъ валитъ. Прибѣжалъ, сталъ, какъ вкопаный. Тогда Ивашка въ право ухо вошелъ, умылся, а въ лѣво зашелъ, срядился, и сталъ куда какой молодецъ. Сѣлъ на коня, проѣхался, потомъ снялъ узду и отпустилъ коня въ чисто поле гулять, а самъ опять наломалъ грибовъ, пошелъ домой, и залѣзъ на печь. Братья спрашиваютъ его: «Что, Ивашка, видѣлъ отца? ѣлъ онъ?» Ивашко отвѣчалъ: — Видѣлъ, наѣлся и ушелъ въ могилу. —

Въ то время отъ царя дано было повелѣніе по всей странѣ, чтобы всѣ люди молодые-холостые пріѣзжали-бы въ столицу; у царя есть единственная дочь, и желаетъ она имѣть мужа такого, который-бы хорошо ѣздилъ на лошадяхъ. Дошло это повелѣніе до братьевъ. Старшій и средній стали сряжаться, а младшій Ивашко и говоритъ братьямъ: «Примите и меня съ собой». Они говорятъ:— Куда тебѣ, запечину ѣхать, сиди на печи и ѣшь грибы.— Братья срядили своихъ коней и поѣхали, а Ивашко сошелъ съ печи и говоритъ невѣсткамъ: «Дайте-ко мнѣ корзину, я пойду по грибы». Вышелъ Иванъ въ чисто поле, крикнулъ богатырскимъ голосомъ, свиснулъ соловьинымъ посвистомъ: «Сивка бурка, вѣщій каурка, стань предо мной, какъ листъ передъ травой!» Конь бѣжитъ, земля дрожжитъ, изъ ноздрей пламя пышетъ, а изъ ушей дымъ столбомъ валитъ. Иванъ погладилъ коня, въ право ухо зашелъ — умылся, а въ лѣво вошелъ — срядился, и сталъ красавцомъ: сѣлъ на коня, въ руки взялъ шелковую плетку и помахиваетъ. Пріѣхалъ къ царскому двору Ивашка, увидѣлъ и братьевъ своихъ, сидѣвшихъ на своихъ добрыхъ коняхъ. Они его не узнали. Вышелъ царь къ народу и говоритъ: «У меня есть единственная дочь, которая въ третьемъ этажѣ, и кто изъ васъ, момолодцы, выскочитъ на своемъ конѣ до ея окошка и сойметъ съ правой руки перстень, будетъ ея женихомъ». Тогда начали скакать, но все не могутъ. Какой выскочитъ до перваго этажа, а самые выходные до второго; вдругъ ѣдетъ всадникъ-молодецъ, размахиваетъ шелковой плеткой, и всѣ даютъ ему дорогу; выскочилъ чуть не до самаго окошка и сейчасъ же

прочь поѣхалъ; увидалъ на дорогѣ братьевъ, они ему поклонились, а онъ ихъ вмѣсто отвѣта плеткой. Тутъ закричали: «Держи, держи его!» Но его уже и слѣдъ простылъ. Не доѣхалъ до дому, отпустилъ своего коня, а самъ набралъ поганокъ и пошелъ домой. Пришелъ домой, подалъ грибы невѣсткамъ, а самъ уползъ на печь. Пріѣзжаютъ и братья, и разсказываютъ, какъ были у царя и какая красавица у него дочь, а они непремѣнно и завтра поѣдутъ; что былъ одинъ молодецъ лучше и удалѣе всѣхъ, и не много не доскочилъ до окна царевны, и поѣхалъ такъ прытко, что и удержать его никто не могъ, а только мы успѣли раза два-три стегнуть его плетью. Ивашка и говоритъ: «Не я-ли братцы былъ?» — Гдѣ тебѣ сопляку, запечину!— На другой день братья опять сбираются ѣхать къ царю, Ивашко опять съ ними просится, но они говорятъ: «Сиди на печи и ѣшь грибы». — Средились братья и поѣхали; а Иванъ сползъ съ печи, беретъ корзинку и идетъ въ лѣсъ. Вышелъ въ чисто поле и крикнулъ богатырскимъ голосомъ, свиснулъ соловьинымъ посвистомъ: «Сивка-бурка, вѣщій каурка», и проч. Конь прибѣжалъ, Ивашка влѣзъ въ право ухо — умылся, а въ лѣво вышелъ — снарядился и сталъ прекрасный молодецъ, сѣлъ и поѣхалъ. Пріѣхалъ Иванъ-молодецъ къ царскому терему, увидѣлъ и своихъ братьевъ; царевна сидитъ у окошка. Начали скакать; какіе тутъ выскочили до перваго этажа, какіе до второго. Послѣ всѣхъ вдругъ летитъ молодецъ, посвистываетъ, и всѣ ему дали дорогу и выскочилъ до самаго окна, гдѣ сидѣла царевна, и только что не успѣлъ снять колечка съ руки царевны, и сейчасъ же и поѣхалъ. Тутъ закричали: «Держи, держите его». Но у его и слѣдъ простылъ. На перепутьи не забылъ онъ братьямъ дать по стежѣ (такъ!) плеткой. Не доѣхавши до дому, опустилъ своего добра коня въ чисто поле гулять, а самъ набралъ грибовъ и поганокъ, пришелъ домой и забрался на печь. — Пріѣзжаютъ и братья, и разсказываютъ, какъ они скакали, и какъ одинъ молодецъ выскочилъ до самаго окна царевны, и только не успѣлъ снять колечка съ руки; а Ивашка и говоритъ: «Не я-ли братцы?»— Гдѣ тебѣ запечину тутъ! — На третій день братья опять сряжаются ѣхать, и Ивашко съ ними просится; «Куда ты къ чёрту поѣдешь! Сиди на печи и ѣшь свои грибы». Братья уѣхали, а Ивашко опять беретъ корзинку и пошолъ въ лѣсъ.— Вышелъ въ чистое поле, крикнулъ богатырскимъ

голосомъ, а свиснулъ соловьинымъ посвистомъ: «Сивка-бурка, вѣщій каурка!» и проч. Конь прибѣжалъ, Ивашко въ право ухо зашелъ — умылся, а въ лѣво — снарядился, и сталъ на этотъ разъ еще красивѣе прежняго, и поѣхалъ за братьями. Царевна давно уже дожидалась добраго молодца; увидала Ивана и сейчасъ-же опознала. Всѣ перескакали, и ни одинъ не могъ выскочить даже и до окна. Выѣхалъ Иванъ молодецъ на своемъ конѣ и выскочилъ до самаго окна, царевна ударила его кольцомъ своимъ въ лобъ и сдѣлала печать, а онъ ее поцѣловалъ, снялъ съ руки перстень и поскакалъ обратно. Тутъ всѣ закричали: «Держите, держите его!» Но его и слѣдъ простылъ. Подвернулись ему братья, а онъ ихъ не забылъ поподчивать плеткой. — Не доѣхавши до дому, опустилъ своего добраго коня въ чисто поле гулять, а лобъ завязалъ, завязалъ и перстень, на рукѣ, потому онъ какъ жаръ горѣлъ. — Съ попутья набралъ на дорогѣ поганокъ, пришелъ домой и улѣзъ на печь. Братья пріѣзжаютъ домой, и жалятся другъ другу, что спины ихъ болятъ отъ плетки. Ивашко сталъ спрашивать ихъ, каково они ѣздили и что видѣли; братья сердито отвѣчали: «Что тебѣ за дѣло. Увидѣли — у Ивана лобъ и рука завязаны, и спрашиваютъ: «Для чего, запечинъ, завязался?» — Ходилъ по грибы да сучьемъ оцарапалъ. — Лежалъ Иванъ на печѣ вечеромъ и захотѣлось ему посмотрѣть на свой перстень, развязалъ онъ руку и освѣтило всю комнату. братья испугались и закричали: «Что ты дуракъ дѣлаешь!?»

Отъ царя были посланы гонцы по всему государству отыскивать человѣка, который поцѣловалъ царевну и получилъ въ лобъ звѣзду, а на руку перстень. Доѣхали и до того мѣста, гдѣ три брата жили. Смекнулъ нашъ Ивашко, въ чемъ дѣло, и ушелъ скорѣе въ лѣсъ. — Возвратился съ грибами, улѣзъ опять на печь. Пришелъ вечеръ, Ивашкѣ опять захотѣлось посмотрѣть на свой перстень; развязалъ онъ руку, вдругъ изба какъ будто загорѣла; братья испугались и закричали: «Что ты тамъ, дуракъ, дѣлаешь!?» Ивашко и самъ испугался, и сталъ перстень снимать; братья увидѣли и стали спрашивать: «Гдѣ взялъ? Продай перстень намъ». Ивашко отвѣчалъ: — У меня не продажный, а завѣтный. — Братья спрашиваютъ: «Какой завѣтъ»? — А дайте по ремню изъ спины вырѣзать. — Они согласились. Вырѣзалъ Ивашко ремни и положилъ въ карманъ.

Вышло опять отъ царя повелѣніе, чтобы нашли ему сорокопѣгую кобылу съ сорока жеребцами. Братья Ивановы стали сряжаться, сталъ просится и Ивашко. Братья ему не отказали и дали хромую кобылу; поѣхалъ Ивашко на этой кобылицѣ въ чисто поле, сдернулъ съ нее кожу, мясо отдалъ сорокамъ и воронамъ на съѣденіе, а кожу повѣсилъ на огородъ. Затѣмъ крикнулъ своего коня и поѣхалъ впередъ; ѣздилъ, ѣздилъ весь день, а никакой кобылы не видалъ, такъ и пришелъ домой. На другой день братья опять стали сряжаться, сталъ и Ивашко съ ними проситься. Братья сказали: «На чемъ ты поѣдешь? Развѣ на коровѣ?» Братья уѣхали, Ивашко долго не думалъ, сѣлъ на корову и поѣхалъ. Схватились бабы доить корову, коровы нѣтъ. А Ивашко выѣхалъ въ поле, кожу съ коровы сдернулъ и повѣсилъ на огородъ, а мясо бросилъ сорокамъ да воронамъ на съѣденіе. Потомъ крикнулъ опять своимъ богатырскимъ голосомъ своему доброму коню, и конь предсталъ предъ нимъ, какъ листъ передъ травой. Ивашко сдѣлался молодцомъ и поѣхалъ; ѣздилъ, ѣздилъ и кобылу видѣлъ: она ѣла мясо его коровы, но поймать не могъ. Пріѣхалъ опять въ поле, коня отпустилъ, а самъ пѣшкомъ пошелъ домой. И братья пріѣхали. На третій день опять братья собираются въ путь искать сорокопѣгую кобылу. Сталъ проситься и Ивашко; братья заругали, выбили его и уѣхали. Ивашко не остался. Ѣхать не накомъ — ни лошади, ни коровы; были у нихъ овца да собака, онъ тѣхъ запрягъ и поѣхалъ. Выѣхалъ въ поле, кожу съ нихъ сдернулъ и повѣсилъ на огородъ, а мясо раскидалъ. Самъ крикнулъ своего добраго коня и поѣхалъ искать кобылицу. Долго онъ ѣздилъ, не могъ найти; наконецъ, увидѣлъ ѣстъ говядину; наѣхалъ, схватилъ и привелъ домой. Братья спрашиваютъ его: «Гдѣ ты, запечинъ, взялъ?» —Да это наша кобыла, съ которой я кожу-то содралъ, у ней кожа выросла другая, пѣгая, а жеребенки изъ кусковъ говядины, которую я раскидалъ. — Братья и говорятъ Ивашку: «Продай намъ эту кобылицу съ жеребятами». Ивашко отвѣчаетъ: — У меня не продажна, а завѣтна.— «А великъ-ли и завѣтъ?» — А отрѣжте мнѣ по мизинному пальцу.— Они согласились, отрѣзали. Пальцы онъ взялъ и положилъ въ карманъ.

На четвертый день сдѣлалъ царь пиръ и отданъ былъ приказъ, чтобы всѣ были на пиру: старые, малые, холостые и женатые. Братья Ивашковы собираются къ царю на пиръ съ ве-

ликою радостію и надеждою на большую награду. Сталъ и Ивашко съ ними проситься, они его не взяли. Ивашко пошелъ за ними, пришелъ къ царю и сѣлъ позади всѣхъ. Царь смотритъ на сорокопѣгую кобылу съ сорока жеребятами и хвалитъ Ивашковыхъ братьевъ. Когда накрыли столы, царь самъ сталъ угощать, но обойдя всѣхъ, не могъ опознать того человѣка, который удалѣе всѣхъ былъ. Тогда царевна сама пошла обносить всѣхъ медомъ; всѣхъ обошла, а кого надо, не нашла. И говоритъ: «Гдѣ тѣ удалые молодцы, которые привели сорокопѣгую кобылицу?» Братья Ивашковы стали, она подошла къ нимъ и усмотрѣла у нихъ завязанныя руки, и спросила: «Для чего у васъ руки завязаны?» Они отвѣчаютъ:— Когда имали кобылицу, она откусила у насъ по пальцу.— Царевна взяла у одного изъ братьевъ руку, опознала свой перстень и говоритъ: «А это гдѣ ты взялъ?» — Съ руки вашей, — отвѣчаетъ старшій братъ. Царевна посмотрѣла ему въ лобъ, а звѣзды на лбу нѣтъ; она и говоритъ: «Перстень мой, а знака моего на лбу нѣтъ; это обманъ». И приказала заключить братьевъ въ тюрьму. Тутъ царевна замѣтила Ивашку, онъ сидѣлъ позади всѣхъ, подходитъ къ нему и подаетъ ему чашу меда, а сердце у самой такъ и ощипнуло. Взглянула на него, а Ивашко весь въ сажѣ. Царевна стала его спрашивать: «Чей ты? Откуда? Для чего лобъ завязалъ?»— Ушибся — отвѣчалъ Ивашко. Царевна лобъ развязала, свѣтъ всѣхъ обнялъ, она и вскричала: «Вотъ гдѣ мой суженой!» Царь подходитъ и говоритъ: «Какой тутъ суженой!» Ивашко говоритъ: «Позволь мнѣ, государь, умыться». Царь дозволилъ. Ивашко вышелъ, крикнулъ богатырскимъ голосомъ и свиснулъ соловьинымъ посвистомъ: «Сивка-бурка, вѣщій каурка! Стань передо мной, какъ листъ передъ травой!» Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ноздрей пламя пышетъ, а изъ ушей дымъ столбомъ валитъ; прибѣжалъ и сталъ. Тогда Ивашка въ право ухо зашелъ — умылся, а въ лѣво — снарядился, и сталъ молодецъ прекрасный.— Сѣлъ онъ на добра коня и поѣхалъ къ столу, гдѣ его дожидаются. Царевна коня обознала, да и на лбу звѣзда сіяетъ. Добрый молодецъ подъѣхалъ, царь подходитъ, беретъ за руку Ивана Еруслановича, такъ назвалъ его царь, подводитъ къ царевнѣ и говоритъ: «Вотъ твой суженой!» Царевна отвѣчаетъ: «Это-то хорошо. Но, добрый молодецъ, Иванъ Еруслановичъ! Гдѣ же у тебя перстень мой?» Иванъ Еруслановичъ отвѣчаетъ: — Приведите моихъ братьевъ,

тогда все узнаете.— Братьевъ привели, они Ивана не опознали. Онъ сталъ спрашивать: «Гдѣ вы взяли перстень?» Старшій отвѣчаетъ: — Съ руки царевны.—«А для чего у васъ руки завязаны?» Они отвѣчали: — Когда имали мы сорокопѣгую кобылу, то она откусила намъ по пальцу.— Иванъ говоритъ: «У васъ есть братъ глупой, вы у его-то все это и отобрали». Руки братьямъ развязали, Иванъ вынялъ пальцы изъ кармана и подалъ братьямъ. — «Вотъ ваши пальцы». Потомъ подалъ и ремни. Тогда царь гнѣвно на нихъ закричалъ: «Головы съ плечъ вамъ, дуракамъ!» Но Иванъ Еруслановичъ просилъ царя простить ихъ. Царь простилъ. А затѣмъ стали свадебку играть. Я тамъ былъ, пиво пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

---

69. Ад 127 а

Соломенный купецъ*).

Бывало-живало, жилъ былъ купецъ, у него была дочь. Поѣхалъ купецъ за море торговать, и говоритъ своей дочери: «Милая моя дочь! Я отправлюсь за море, а можетъ и не вернусь; ищи ты себѣ жениха». Купецъ уѣхалъ, дочь однажды сидѣла у окна, пила чай, мимо шолъ одинъ молодой человѣкъ. Сравнялся съ домомъ, купеческая дочь и говоритъ: «Зайди, доброй человѣкъ, въ домъ». Онъ зашелъ, она и говоритъ: «У меня отецъ уѣхалъ за море торговать, а мнѣ велѣлъ выбирать себѣ жениха. Не желаешь-ли идти къ намъ въ домъ?» Молодецъ радъ былъ тому, однако сознался, что онъ очень бѣденъ и опасается, чтобы отецъ ея не осердился, если она выйдетъ за него. Купеческая дочь отвѣчаетъ: «Объ этомъ не безпокойся, добрый человѣкъ; я тебѣ дамъ денегъ пятьсотъ рублей, ты эти деньги покажи отцу». Въ скоромъ времени отецъ возвратился домой, дочь и говоритъ: «Я, родитель, пріискала себѣ жениха». Отецъ отвѣчаетъ: — Хорошо, любезная дочь; покажи мнѣ его.— Жениха призвали. Отецъ дѣвицы и говоритъ: «Послушай, молодецъ, у меня вотъ есть дочь, а болѣе никого нѣтъ, скажи ты мнѣ, есть у тебя деньги и можешь торговать?»

---

*) Арх. И. Р. Геогр. о-ва. I. 57.

Молодецъ отвѣчаетъ: —Денегъ у меня пятьсотъ рублей и торговать умѣю. — Свадьбу сыграли, взяли молодца въ домъ. Вскорѣ купечество этого города стало отправляться за море, нагружать свои корабли разными товарами. Сталъ и молодой купецъ грузить свой корабль соломой. Тесть и говоритъ зятю: «Что-же ты дѣлаешь! Чѣмъ грузишь корабль! Соломы-то тамъ и своей довольно». Зять отвѣчалъ: — Годится и моя, у нихъ есть, да не такая.— Купцы смѣются. Пріѣхали за море, вышли на берегъ и стали выгружать товаръ. Молодой купецъ выгрузилъ солому на берегъ. Гдѣ онъ ее склалъ, въ томъ самомъ мѣстѣ въ норѣ жилъ огненный змій; змій какъ поползъ изъ норы, солома и вспыхнула, а вмѣстѣ съ соломою и самъ змій сгорѣлъ. Призадумался молодой купецъ и не знаетъ, что ему и дѣлать; пошелъ посмотрѣть, гдѣ была складена солома и видитъ большую нору; разрылъ и увидѣлъ въ норѣ самоцвѣтные камни. Молодой купецъ нагрузилъ свой корабль этими камнями, а на верхъ наклалъ кирпичей. Купцы нагрузили свои корабли разными товарами, пришли къ молодому купцу посмотрѣть, чѣмъ онъ нагрузилъ корабль, увидѣли кирпичъ, посмѣялись и стали отправляться въ свое мѣсто. Прибыли домой, выгрузили товары и пошли къ царю съ подарками. Пошелъ и молодой купецъ съ подаркомъ, завязалъ въ платокъ два камня. Пришли къ царю и дарятъ. Царь принимаетъ дары, благодаритъ, а потомъ и говоритъ молодому купцу: «А ты что, кирпичный купецъ, какой ты привезъ мнѣ подарокъ?» Молодой купецъ подаетъ царю платокъ. Купцы засмѣялись, думали онъ кирпичье принесъ. Царь развязалъ платокъ и увидѣлъ два большихъ самоцвѣтныхъ камня, какихъ еще и въ царствѣ его не бывало, и давай благодарить молодого купца. Потомъ спрашиваетъ у него царь: «Много-ли у тебя такихъ камней?» Тотъ отвѣчаетъ:—У меня цѣлой корабль. — Угостилъ царь купцовъ и приказалъ молодому купцу камни свои свозить въ царскія сокровища. «А тебя награжду всѣмъ, чего только тебѣ надобно». Съ тѣхъ поръ молодой купецъ сталъ жить да поживать, да и теперь живетъ.

Мотив. ср. Аф. 125

70.

Выборъ невѣсты*).

Молодой парень вздумалъ жениться, но гдѣ не посватается, а все ему дѣвки не даютъ. Однажды въ горести онъ и сказалъ: «Хотьбы чертъ далъ мнѣ дѣвушку-то!» Назавтріе пошелъ въ лѣсъ и видитъ — идетъ навстрѣчу человѣкъ и говоритъ: «Здорово, молодецъ!» — Здорово. — «Куда пошелъ?» —Дровъ рубить.— «А что ты вчера думалъ?» —Ничего.— «Какъ ничего, вспомни-ко хорошенько». Парень и вспомнилъ: — Я говорилъ: хоть бы чертъ далъ мнѣ дѣвушку-то!— Мужикъ говоритъ: «Отчего не дать, если въ заправду нужна дѣвка, пойдемъ!» Пошли. Шли и дошли — стоитъ большой, пребольшой домъ, кругомъ дома желѣзная ограда, превысока-высока. Ворота чугунны, у воротъ два льва на цѣпяхъ. Молодецъ испугался, мужикъ ему и говоритъ: «Иди не бойся!» Подошли къ воротамъ, ворота отворились сами собою, зашли во дворъ, а во дворѣ всякія лютыя звѣри; прошли, ихъ не ворохнули. Заходятъ въ домъ, свѣту нѣтъ, только слышно, что въ каждомъ мѣстѣ ворчатъ и цѣпи бречатъ. Мужикъ водилъ да водилъ молодца въ потьмахъ-то, да вдругъ какъ стукнетъ ему въ затылокъ. Молодецъ не успѣлъ и ахнуть, какъ очутился въ свѣтлой-пересвѣтлой палатѣ; сидитъ старуха и качаетъ ребенка. Старуха и говоритъ: «Ахъ ты, бѣдный молодецъ, какъ ты попалъ сюда? Здѣсь живутъ нечисты духи. Я-то попала сюда, когда была еще маленькою, родители меня прокляли, вотъ я и живу здѣсь больше ста годовъ, живу полною хозяйкою; еще есть здѣсь дѣвушка, тоже русская, тоже проклята́ родителями». Молодецъ и говоритъ старухѣ: — А гдѣ же, бабушка, мнѣ увидать-то эту русскую дѣвушку.— И разсказалъ старухѣ все по порядку, какъ было дѣло, и какъ онъ сюда попалъ. Старуха и говоритъ ему: «Правду тебѣ онъ сказалъ, что дастъ невѣсту, только смотри, умѣй выбрать». Завтра тебѣ выведутъ двѣнадцать невѣстъ и одна другой красивѣе, всѣ приглядные, только смотри, одинадцать все его дочери, а двѣнадцатая русская. Когда онѣ станутъ въ рядъ, ты смотри, — которая будетъ на головѣ платокъ попра-

*) Арх. И. Р. Геогр. о-ва. I. 57.

влять, это и есть русская-то. Ты прямо къ той дѣвушкѣ подходи и говори: «Вотъ моя невѣста!» Сразу онъ тебѣ не отдастъ ее, а будетъ по три дня ихъ всѣхъ выводить и спрашивать тебя, ему жаль будетъ русской. Когда на второй день придетъ, тебѣ трудно будетъ узнать ее, да она тебя сама узнаетъ. А ты узнай ее вотъ почему: когда всѣ станутъ въ рядъ, она тихонько позѣваетъ, ты и скажи: «Вотъ моя невѣста!» На третій день онъ тебѣ ужъ ихъ не покажетъ въ лицо, а велитъ по голосу узнать. Онѣ будутъ за пологомъ, каждая пойдетъ мимо тебя, только ты ихъ не увидишь, и когда поровняется съ тобою, то и скажетъ: «Не я-ли твоя суженая?» Помни же: русская когда пойдетъ мимо, то проговоритъ: «Не я-ли твоя суженая?» Ты и вскричи: «Вотъ моя невѣста!» Когда наступилъ третій день, позвали жениха опять выбирать невѣсту. Дѣвушки собрались. Приходитъ хозяинъ и говоритъ жениху: «Ну, вотъ еще тебѣ въ послѣдній разъ невѣсты, — выбирай. Смотри, теперь въ послѣдній разъ выборъ». Сѣлъ хозяинъ и приказалъ невѣстамъ проходить мимо жениха. Пошла русская и сказала: «Не я-ли твоя суженая?» Парень и закричалъ:— Вотъ моя суженая!— Дѣлать нечего стало хозяину и говоритъ: «Ну, молодецъ! Три раза ты все одну выбираешь. Пойдемъ со мной, я отдамъ тебѣ приданое». Приводитъ молодца въ другую комнату и показываетъ разныя богатства: золото, серебро, шелки и разныя платья. Женихъ пошелъ къ старушкѣ и все ей пересказалъ; Старушка и говоритъ: «Ему дѣвушки жаль, да у ней есть родители еще въ живыхъ и молились Богу, чтобы Богъ сохранилъ дитя, которое пропало у нихъ ночью. Ты же смотри, какъ поѣдешь отсюда, и чтобы ты не услышалъ, не оглядывайся назадъ, а если поглядишь назадъ, то не видать тебѣ своей невѣсты, да и самъ пропадешь; а когда легите спать, то сдѣлай ты какой-нибудь крестъ и поставь его около себя».— Назавтріе женихъ получилъ невѣсту и нѣсколько возовъ въ приданое живота, выѣхалъ и женился.

71.

Сестрица просѣла*).

Жилъ былъ добрый молодецъ и вздумалъ жениться; сколько невѣстъ не выбиралъ, но лучше своей сестры Катюши не нашелъ и говоритъ ей: «Сестрица! Я сколько невѣстъ не выбиралъ, тебя краше не нашелъ. Поди за меня замужъ?» — Пойду, — говоритъ сестра. Но тутъ была бабушка-задворенка и говоритъ ей: «Разоставь-ты, дѣвица, по всѣмъ четыремъ угламъ по веретешку». Она разставила и стоитъ не разряжается, хочетъ идти къ вѣнцу. Вдругъ перво веретешко прошипѣло: «Куку!» Второе: «Гдѣ — ты?» Третье: «Братъ на сестрѣ женится!» А четвертое: «Просѣла!» Дѣвушка и спрашиваетъ бабушку-задворенку: «Скажи, бабушка, что это веретешка говорятъ?» Бабушка говоритъ: — Четыре ночи поспать тебѣ велятъ, и тогда замужъ пойдешь.— Наступила первая ночь и вдругъ дѣвица слышитъ голосъ: «Куку»! На вторую ночь слышитъ голосъ: «Гдѣ ты?» На третью: «Братъ на сестрѣ женится». На четвертую громко вскричало: «Просѣла!» И дѣвушка сквозь землю и просѣла.

Было наперво тамъ темно, а потомъ стало свѣтло; увидѣла домъ, зашла въ него; въ одной комнатѣ увидѣла сидитъ дѣвушка, вышиваетъ въ пяльцахъ. Она вскричала: «Что ты! Куда зашла? Здѣсь живетъ Баба-яга, она тебя застанетъ здѣсь и съѣсъ. Она теперь на свадбѣ и скоро будетъ». Катюша стала конаться, чтобы какъ нибудь спасла. Тогда дѣвушка пяльцы положила и обвернула гостью иголочкой, и воткнула въ свой воротóкъ. Яга-баба приходитъ и говоритъ: «Фу-фу-фу! Русскимъ духомъ пахнетъ. Пообѣдала я на свадьбѣ, а поужинаю дома». Посмотрѣла никого нѣтъ. Поискала, поискала да такъ и спать легла. Назавтріе Баба-яга сѣла на ступу и поѣхала опять на свадьбу. У ней былъ сынъ о семи горлахъ. Коль Яга-баба уѣхала, дѣвушка намѣсила сухомѣсу и замазала всѣ горла ему этимъ сухомѣсомъ. Потомъ одѣлись и пошли, а съ собою взяли щетку, огниво и кремень. Семигорлый лизалъ да лизалъ, да одно горло и перелизалъ, и вскричалъ негромко:

*) Арх. И. Р. Геогр. о-ва. I. 57.

«Ой, мама! Дѣвки ушли!» Яга-баба услыхала и говоритъ: «Это сынъ кричитъ».— Потомъ второе горло пролизалъ и тоже закричалъ; но и этотъ разъ Яга-баба хотя и слышала голосъ, но такъ и спустила. Семигорлый перелизалъ и послѣднее горло, и такъ закричалъ, что Яга-баба со свадьбы поѣхала на ступѣ домой. Пріѣзжаетъ, а дѣвокъ нѣтъ. Сѣла въ ступу и поѣхала догонять дѣвокъ. Тѣ бѣжатъ; бѣжали да обернулись, а Яга-баба тутъ и есть. Тогда бросили они щетку и стала чаща; Яга-баба запуталась и долго ѣздила тутъ; выбралась изъ чащи, опять поѣхала и стала ихъ достигать; тогда они бросили огниво и стала огненна рѣка; она пока обходила, они и убѣжали. Яга-баба обошла рѣку и того скорѣе поѣхала, скоро догонила ихъ и закричала. «А — а! Проклятые, попали мнѣ теперь!» А тѣ бросили кремень и стала предъ Ягой-бабой превысокая гора, и она какъ не старалась взобраться на гору, немогла. Они той порой добѣжали до дыры, въ которую просѣли и вышли на бѣлый свѣтъ.

Когда вышли, то Катюша и говоритъ: «Пойдемъ ко мнѣ, у меня есть братъ, ты выйдешь за него замужъ». Пошли. Пришла Катюша домой и женила братца на Марьѣ. Марья и говоритъ: «Если я вышла за твоего брата, то ты поди за моего; онъ тоже хотѣлъ на мнѣ жениться, я, какъ и ты, просѣла». Катюша согласилась и вышла за Машинова брата. И стали вмѣстѣ жить, добра наживать.

72.

Рыбьи головы *).

Одинъ бѣдный мужикъ слыхалъ, что въ одомъ мѣстѣ есть кладъ — золото; а онъ часто ходилъ и все искалъ, не покажется-ли ему кладъ, но какъ не ходилъ, а кладъ все не пожется. Онъ сталъ копать, нашолъ мѣсто и не разъ копалъ, и однажды вдругъ слышитъ голосъ: «Что ты мужичекъ трудишься и стараешься по напрасну! Кладъ ты можешь получить, если дашь мнѣ голову». Услыхалъ это мужикъ и незнай

*) Арх. И. Р. Геогр. о-ва. I. 57.

обрадовался, незнай испугался, но однако пошелъ домой и размышлять: «Какъ тутъ быть! Какую надо голову?» Въ домѣ, кромѣ жены и сына, ни кого не было, онъ и рѣшился принести голову сына. Пришолъ домой и обсказалъ все своей старухѣ, и говоритъ: «Испеки-ко завтра, баба, мнѣ рыбницекъ, а я съ сынкомъ пойду на озеро рыбу удить». Баба испекла ему рыбникъ изъ мелкихъ рыбъ, мужикъ съ сыномъ и отправился къ тому мѣсту, гдѣ былъ кладъ. Жаль было ему сынка да и кладъ-то надо достать. Пришелъ на мѣсто и вздумалъ пообѣдать; разломалъ рыбникъ, сталъ самъ ѣсть, и сыну далъ. Въ рыбникѣ рыбки были все мелинькія, онъ отвертывалъ у нихъ головы и кидалъ въ сторону. Вдругъ слышитъ знакомый голосъ. «Довольно мнѣ мужикъ твоихъ головъ, бери кладъ и иди домой». Обрадовался мужикъ, взялъ кладъ, въ которомъ нашелъ золото и пошелъ домой.

73.

Ивашко Кочевряжко*).

Жила была Яга-баба, у ней было три дочери, и повадился къ нимъ ходить въ гости Ивашко Кочеряжко. Старуха замѣтила, что Ивашко ходитъ недаромъ и задумала худое дѣло. Говоритъ однажды старуха старшей дочери: «Вытопи-ко завтра пожарчѣе печь, не можемъ-ли какъ Ивашка Кочеряжку изжарить». Назавтра старшая дочь печку истопила, приходитъ къ нимъ Ивашко, эта дочь и говоритъ: «Садись-ко Ивашко Кочевряшко на лопату, я посажу тебя въ печь». Ивашко легъ, руки и ноги разшиперилъ, она стала пихать, никакъ запихать неможетъ. «Постой, я покажу ему какъ надо ложиться», говоритъ дѣвка, сѣла на лопату, а Ивашко схватилъ да и сунулъ дѣвку въ печь, та такъ и испеклась. Яга-баба идетъ въ избу Ивашковыхъ костей глодать, пришла и говоритъ: «Сѣсть-бы мнѣ, присѣсть-бы мнѣ, посидѣть бы мнѣ да Ивашковыхъ костей поглодать». Вытащила изъ печи косье, какую кость огложетъ, ту и на печь броситъ и говоритъ: «Покататься-бы мнѣ, поваляться-бы мнѣ на Ивашковыхъ косткахъ». А Ивашко лежитъ за печью и говоритъ: —Старая вѣдьма, покатайся,

*) Арх. И. Р. Геогр. Об-ва. I. 57.

поваляйся на дочериньихъ косточкахъ.— Яга-баба и закричала: «Фу-фу-фу! Экой проклятой! Я его хотѣла съѣсть, а онъ у меня дочь испекъ. Погоди, Ивашко, не уйдешь отъ меня». Опять и говоритъ Яга-баба средней дочери... и пр. Всѣхъ трехъ дочерей испекъ въ печи Ивашко-Кочевряжка. Разсердилась тутъ Яга-баба пуще прежняго и говоритъ: «Погоди ты, проклятой Ивашко! Я съ тобой раздѣлаюсь». Яга-Баба сама вытопила печь жарко-прежарко и говоритъ: «Поди Ивашко на лопату». Онъ легъ, руки разшиперилъ; она попихала, попихала, не могла запихнуть и говоритъ: «Подержи-ко лопаты, я тебѣ покажу манеръ». Сѣла и скорчилась; и только хотѣла соскочить, онъ пехнулъ ее въ затылокъ, она и улетѣла въ печь. Тогда онъ устье захлопнулъ и говоритъ: «Погрѣйся, старая кочерга!» Баба-Яга кричитъ. «Выпусти меня, Ивашко! Я тебѣ дамъ масла и денегъ и всего чего только захочешь; дамъ домъ и жену, и кобылу, только выпусти!» —Врешь, старая вѣдьма! Невыпущу.— Яга-баба заклялась ему, что ничего не сдѣлаетъ, онъ пришелъ и оправилъ передъ печью петлю, открылъ у печи устье, и говоритъ: «Выходи, если жива». Баба-яга выпрыгнула изъ печи, угодила въ петлю и повѣсилась. И опять взмолилась ему. Онъ и говоритъ: «Отпущу, старая кочерга, кіевская вѣдьма, только тогда, когда обѣщанное все сейчасъ же отдашь». Она и говоритъ: «Иванушко, красное-ты солнышко! Дѣлать нечего, поди въ кладовыя, тамъ все найдешь». Потомъ подала перстень и говоритъ: «Поди въ городъ, и какая дѣвушка поглянется, только покажи ей этотъ перстень, она съ тобой сейчасъ и заговоритъ». Ивашко сходилъ въ кладовыя и говоритъ: «Ну, старая вѣдьма, живота тутъ довольно, а гдѣ же лошадь и домъ?» Яга-баба и говоритъ: —Въ кладовой старшей дочери есть на полу дверь, отворь и тамъ все увидишь.— Пошелъ Ивашко въ кладовую, нашелъ дверь отворилъ и увидѣлъ тамъ широкую улицу и три дома со скотомъ и животомъ. «Это хорошо, да какъ же я жить-то тутъ стану?» Пришелъ и говоритъ Ягѣ-бабѣ: «Какъ-же я жить-то въ землѣ буду?» Она и говоритъ: —Ты отпусти меня и увидишь, что будетъ.— Онъ и отпустилъ. И только что ей не стало, вмѣсто худой избы Ивашко очудился въ свѣтлой красивой избѣ, а вышелъ вонъ, увидѣлъ—цѣлыхъ три дома стоятъ. Ивашко пошелъ въ городъ, выбралъ себѣ невѣсту, женился и сталъ жить да поживать да добра наживать, а Яги-бабы больше не видалъ.

74.

Князь и Княгиня *).

Жилъ былъ князь; женился князь въ 12 лѣтъ, взялъ онъ княгиню 9 годовъ и 9 мѣсяцевъ, жилъ онъ съ княгинею ровно три года и три мѣсяца, а на четвертой годъ гулять пошелъ. Ходилъ онъ, гулялъ ровно три года и три мѣсяца, а на четвертой годъ князь домой пошолъ. Идучи дорогой, видитъ идутъ ему на встрѣчу три старицы, три монашины черноризицы и бѣлокнижницы. «Давно-ли вы, спрашиваетъ князь, съ моего двора съ княжевинаго, съ екатеринскаго?» Отвѣчали старицы: —Мы вчера съ твоего двора съ княжевинаго, съ екатеринскаго, и у тебя, князь, въ дому все не постарому, не попрежнему: всѣ добрые кони по колѣнъ въ назьму стоятъ, ѣдятъ траву все осатину, пьютъ воду все наземную; золота казна вся расхищена, во теремѣ жолубень веснетъ.—Погонилъ князь своего добра коня, сломя голову. Пріѣзжаетъ князь къ своему двору княжевинскому, къ екатеринскому, выходитъ молода жена встрѣчать въ одной тоненькой рубашкѣ, безъ косьтчина (такъ), въ однѣхъ тоненькихъ чулочкахъ, — безъ башмачекъ. Вынимаетъ князь саблю вострую, срубилъ-сказнилъ поплечь голову; укатилась голова конямъ подъ ноги. Заходитъ князь въ конюшню свою и видитъ: всѣ кони по колѣнъ въ овсѣ, они ѣдятъ траву все шелковую, они пьютъ воду все ключевую; во теремѣ золота казна по шкатулочкамъ, цвѣтно платье все по стопочкамъ, бѣла посуда по наблюдничкамъ, ключи-замки все по полочкамъ; во теремъ зашелъ, — жолубня тутъ нѣтъ, дитя малаго не видано; тутъ пяла стоятъ золоченыя, нестолько въ нихъ шито, сколько плакано, все князя въ домъ дожидано.— За бѣду тутъ князю стало, за досадушку великую. Заходитъ князь во конюшню во свою, выбираетъ князь лошадь добрую, погонилъ онъ коня сломя голову, ко двумъ старицамъ, двумъ монашицамъ черноризицамъ, бѣлокнижницамъ, прискакавши къ нимъ, говоритъ: «Ужъ вы, старицы монашицы, черноризицы, бѣлокнижницы! Зачѣмъ, зачѣмъ вы мнѣ наврали?» Потомъ взялъ онъ саблю вострую и срубилъ-сказнилъ имъ головы, а самъ бросился на колъ вострый конецъ и тѣмъ предалъ себя скорой смерти.

*) Арх. И. Р. Геогр. Об-ва. I. 57.

передача сказочного мотива № 92, 104а + 71

75.

Царь Агапій и дочь его Елизавета*).

Было нѣкоторое царсто невѣрное, небогомольное; въ синемъ морѣ было чудище поганое, просило себѣ живой человѣческой жертвы на съѣденіе; и много выдавали ему, сперва по головѣ по лошадиной, а потомъ и по человѣчьей, затѣмъ стали жребій метать, и выпалъ жребій на царскій дворъ, на царя Агапея. Была у этаго царя Агапея дочь, прекрасная Елисавета, она была вѣрная и молилась Богу. Пошелъ царь Агапей домой, закручинился, запечалился; жаль было ему дочери любой, а царицѣ не любой, ей не родной. Подходитъ царь Агапей къ дому, выходитъ ему на встрѣчу жена, и говоритъ: «Чего ты закручинился, запечалился?» Отвѣчаетъ ей царь Агапій: —Какъ же мнѣ не кручинится, не печалится, когда жребій палъ на мой дворъ царскій!— Говоритъ ему жена: «Не кручинься, не печалься, у насъ есть не любая дочь Елизавета Агапеевна, она молиться Богу не нашему, а своему.—Тутъ пошелъ царь Агапей къ своей дочерѣ, и говоритъ ей: «Ужъ-ты любимая моя дочь, Елисавѣта Агапеевна! Вставай-ко ты утромъ ранешенько, одѣвайся хорошененько, снаряжайся въ путь ранешенько, когда придутъ за тобой добры кони, тогда садись и поѣзжай». Все это знала дочь Елизавета Агапеевна, она горько заплакала и взмолилась Господу Богу Спасу, Пречистой самой Пресвятой Богородицѣ и Егорію свѣтъ храброму. Назавтріе стала Елизавета Агапеевна утромъ ранешенько и увидѣла, что тутъ стоятъ добры кони, нарядилась, сѣла и поѣхала. Свезли, оставили Елизавету Агапеевну у синя моря чудовищу морскому на съѣденіе. Стала она молиться Господу Богу Спасу, Пречистой самой Богородицѣ и святому Егорію свѣтъ храброму. Видитъ, ѣдетъ человѣкъ на бѣломъ конѣ и привязываетъ бѣла коня къ сырому дубу на шелковъ поводъ, подходитъ къ Елизаветѣ и говоритъ: «Поищи-ко у меня, голубушка, въ головѣ». И когда она стала искать, онъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Вдругъ всколыбнулось сине-море и выходитъ изъ него чудовище поганое и увидѣвши двѣ головы обра-

*) Арх. И. Р. Геогр. Об-ва. I. 57.

довался. Увидала его Елисавета Агапеевна, горько восплакала, и еще болѣе возносилась къ Господу Богу, и стала человѣка будить: «Пробудись, добрый человѣкъ! Сейчасъ насъ проглотитъ чудовище поганое». Но онъ спитъ крѣпко и еще пуще прежняго залилась она горючими слезами, и одна изъ нихъ пала на голову спящаго. Тогда проснулся человѣкъ, далъ дѣвицѣ шелковъ поясъ: «Не бойся ты, красна дѣвица, поганаго морскаго чудовища, а возьми его на этотъ шелковъ поясъ и веди на свой царскій дворъ, и скажи всѣмъ, чтобы обратились они всѣ къ единому истинному Богу, и выстроили бы три церкви соборныя: одну Спасу Пречистому, другую самой Богородицѣ, а третью Егорію храброму». Елезавета Агапеевна накинула шелковъ поясъ на чудовища поганаго, пошла и повела чудовища за собой на царскій дворъ. Увидѣлъ царь Агапей свою дочь Елизавету съ чудовищемъ обрадовался и испугался; прибѣжалъ на дворъ и говоритъ своей дочери: «Ужъ-ты милая дочь Елизавета Агапеевна, не отпущай-ты чудовища поганаго, что бы не пожралъ онъ всего царства моего, а тебѣ самой, что нужно то и сдѣлаю». Отвѣчаетъ ему Елизавета: —Нечего мнѣ не надо, а только сдѣлай ты, что я велю: обратитесь всѣ вы къ единому истинному Богу, и выстройте три церкви соборныя: одну Спасу Пречистому, другую самой Пречистой Богородицѣ, а третью Егорью храброму:—Царь Агапей сказалъ: «Милая моя дочь! Все это мы исполнимъ, только избави-ты насъ отъ поганаго чудовища морскаго». Тогда царевна Елизавета опустила обратно чудовища въ сине море, а царь и народъ обратились къ истинному Богу.

76.

Какъ мужикъ свою бабу выучилъ*).

Жилъ былъ мужичекъ, была у него молодая женка; онъ былъ старой, и жена его не любила. Вздумалъ мужикъ свою бабу поучить и говоритъ: «Баба, я ходилъ въ лѣсъ и нашелъ кладъ, да безъ тебя мнѣ не дается, пойдемъ вмѣстѣ добывать». Баба обрадовалась. Онъ велѣлъ бабѣ напекчи блиновъ

*) Арх. И. Р. Геогр. о-ва. I. 57.

и тихонько отъ ей снесъ въ лѣсъ и раскидалъ по деревьямъ. Назавтріе зоветъ бабу за кладомъ. Пошли. Подходятъ къ рѣкѣ, мужикъ и говоритъ: «Поди-ко, баба, у меня заложена въ рѣкѣ морда, посмотри-ко нѣтъ-ли свѣжихъ.» Выздынула морду изъ воды, а въ мордѣ тетеревъ.— Выняли тетерева, пошли далѣе. Пришли въ лѣсъ, мужикъ и говоритъ: «Постой-ко баба, здѣсь у меня есть сило́ оправлено, не попалъ-ли кто». Подходятъ къ силу, а въ силѣ щука задавилась. Пошли дальше, дошли и до клада. Подошелъ мужикъ къ кладу и взялъ. Жена обрадовалась, пошли домой. Шла баба и вдругъ увидѣла, что по лѣсу висятъ блины, она и спрашиваетъ: «Это что?» Мужикъ отвѣчаетъ: — Это блинная дорога, ее выстлала жена нашего воеводы, и по этой дорогѣ сегодня прошли къ ней молодые молодцы въ гости.— Идутъ дальше, стучитъ водянная мельница, баба и спрашиваетъ: «А это что стучитъ?» Мужикъ говоритъ:— Это молодые молодцы пляшутъ съ молодой женой воеводы, шумятъ-то,—эти молодцы хотятъ воеводу стегать.— «А за что стегать?» — А за то, отвѣчаетъ мужикъ, что онъ, воевода, не даетъ воли своей барынѣ молодой, съ молодыми гулять.— Воевода былъ тоже старый. Идутъ дальше и подходятъ къ деревнѣ, услыхали— ворота скрипятъ и пастухъ трубитъ. Жена и спрашиваетъ: «Это кто реветъ?»— Это воеводу стегаютъ.— Женка и подумала: «Ладно, старый чертъ! Я сейчасъ схожу къ воеводѣ, снесу ему подарковъ и стану бить челомъ, что бы выстягалъ и моего мужика.»

Пришли домой, жена и говоритъ: «Муженекъ, дай-ко я пойду къ воеводѣ и снесу ему въ гостинцы щуку и тетерева». Мужикъ далъ, баба и пошла. Приходитъ она къ воеводѣ и говоритъ: «Господинъ воевода! Я со своимъ мужикомъ ходила за кладомъ и нашла въ мордѣ тетерева, а въ силѣ щуку, возми это отъ меня въ гостинцы и будь ко мнѣ милостивъ. Я молода, какъ и твоя жена, а мужъ мой какъ и ты—старой, и онъ такой злой, что ни въ чемъ воли не даетъ, выстягай ты его такъ же, какъ тебя самаго выстягали». И разсказала все, что видѣла въ лѣсу. Воевода разсердился велѣлъ бить ее плетьми. Съ тѣхъ поръ баба къ мужу стала ласковѣе.

77.

Какъ братья кладъ искали*).

Прошелъ слухъ, что въ одной деревнѣ, въ домѣ у крестьянина есть кладъ, находится въ скотскомъ хлѣвѣ, а получитъ его тотъ, кто принесетъ денегъ 400 рублей, серебряными рублями, и чтобы рубли были трехъ царей. Эта была выдумка шутливаго мужичка, никакого клада и не было. Вѣсть достигла села Кодемы и два брата, имѣя деньги, рѣшились достать кладъ. Намѣнявъ денегъ, серебрянныхъ рублевъ трехъ царей, они отправились въ путь. Незная навѣрняка, гдѣ этотъ кладъ, пригласили третьяго мужичка, которому мѣсто извѣстно было; проводнику было ряжено 10 рублей.

Дошли до деревни, гдѣ находится домъ съ кладомъ, зашли въ первую избу, помолились Богу, и стали паужнать; попаужнали и стали спрашивать у хозяина: «Гдѣ домъ, въ которомъ кладъ?» Хозяинъ разсмѣялся и указалъ, а самъ вышелъ вонъ. Мужички всѣ трое и пошли въ избу; въ избѣ одна старуха сидитъ, прядетъ. Попросились ночевать, пустила. Потомъ стала спрашивать: «Откуда и куда пошли?» Одинъ братъ все старухѣ и высказалъ; она говоритъ: «Кладъ-то есть у насъ, да только трудно его достать-то: надобны деньги, а у насъ денегъ нѣтъ. Я живу здѣсь пятый десятокъ, и каждый годъ въ Христовъ день зайду въ хлѣвъ къ скотинкѣ, и скажу: «Христосъ воскресе!» Мнѣ и отвѣтитъ: «Воистину воскресе!» скажетъ тутъ же мнѣ: «Возмите кладъ, принесите денегъ тысячу рублей, и кладъ будетъ вашъ». Но у насъ денегъ нѣтъ, все такъ и остается; если у васъ есть деньги, будете счастливы; а если нѣтъ, напрасно вы и шли въ такую даль». —Въ эту пору приходитъ въ избу и хозяинъ дома. Поздоровался и сталъ спрашивать: «Откуда, и куда пошли?» Мужички и ему разсказали. Онъ тоже высказалъ, что и старуха. Старшій братъ сказалъ, что деньги есть. Хозяинъ и говоритъ: «Если деньги есть, то и кладъ получишь». Потомъ хозяинъ сѣлъ паужинать, и мужичковъ посадилъ, а какъ попаужнали, хозяинъ и говоритъ: «Ну, теперь давай деньги». Старшій братъ сѣлъ на

*) Арх. И. Р. Грогр. Об-ва. I. 57. Описанъ дѣйствительный случай, бывшій въ Пинежск. у. въ 30-хъ годахъ XIX в.

лавку, высыпалъ изъ мѣшка деньги, серебрянные рубли, а хозяинъ сталъ на колѣни считать; посчитавши не много говоритъ: «Да вѣдь у тебя считаны?» —Считаны.— Хозяинъ взялъ шапку, выклалъ изъ подола старшаго брата деньги и вышелъ съ ними изъ избы; вскорѣ опять пришелъ, и велѣлъ братьямъ пока отдыхать, а самъ опять вышелъ. Вотъ и стемнилось, а хозяина все нѣтъ. Потомъ пріѣхали сани, а въ нихъ сидятъ хозяинъ и съ нимъ двое здоровыхъ мужиковъ; идутъ въ избу, и какъ видно пьяные, и несутъ боченокъ съ виномъ. Пришли въ избу, сѣли за столъ, и стали пѣсни пѣть. А тутъ одинъ по одному набралось мужиковъ полна изба, и все между собою шепчутся. Хозяинъ подалъ братьямъ по стакану водки, и говоритъ: «Давай же, пойдемъ!» Взялъ хозяинъ фонарь, старшій братъ за нимъ; вышли во дворъ, а потомъ хозяинъ и въ хлѣвъ, а старшему брату что-то страшно стало, онъ въ хлѣвъ и не пошелъ; тогда хозяинъ и говоритъ: «Ну какъ хочешь, воля твоя!» Пошли въ избу, а тамъ уже скачутъ и пляшутъ; а младшаго брата и товарища въ избѣ нѣтъ. Старшій братъ полѣзъ на печь. Принесли опять боченокъ съ виномъ. Когда всѣ стали пьяны, одинъ здоровый парень и говоритъ: «А гдѣ съ кладомъ-то?» Посмотрѣли, а братъ тутъ одинъ. Парень и спрашиваетъ: «А гдѣ же его товарищи?» Пошептались и пошли по деревнѣ искать, а деревня небольшая, всего пятнадцать домовъ. —Младшій-же братъ, когда старшій вышелъ съ хозяиномъ изъ избы, услышалъ, что парни совѣщаются ихъ убить; они тихонько и вышли, и всю деревню обошли, просились ночевать, да никто не пущалъ. Жила въ деревнѣ одна бобылка, она пустила, а ей братъ далъ рубль, и бобылка спрятала ихъ въ подполье. А пьяные обошли всю деревню, но брата нигдѣ не могли отыскать и воротились всѣ въ избу. Еще принесли вина и пьянствовали чуть не до широкаго свѣта. Когда разсвѣтало, пришелъ младшій братъ съ товарищемъ, а въ домѣ никого уже не было, кромѣ одной старухи. Старуха дала имъ краюшку хлѣба и сказала: «Подите вы съ Богомъ домой!» Братья рады и тому; отошли отъ той деревни версты двѣ, тутъ кабакъ; идти мимо не посмѣли, своротили въ другую сторону и зашли въ деревню. Нашелся добрый человѣкъ и не велѣлъ братьямъ идти широкою дорогою, а окольными. Потомъ вышли на большую дорогу и пришли домой.

ОЛОНЕЦКІЯ СКАЗКИ

ЗАПИСИ А. А. ШАХМАТОВА.

Помѣщаемыя ниже сказки записаны А. А. Шахматовымъ въ 1884 году въ Петрозаводскомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ Олонецкой губерніи. Записи А. А. Шахматова не были имъ приведены въ свое время въ порядокъ. А. А. Шахматовъ, передавая намъ свои записи, согласился продержать корректуру набора, и печатаемыя сказки самымъ тщательнымъ образомъ передаютъ всѣ особенности оригинала. При этомъ, какъ намъ сообщилъ А. А. Шахматовъ, необходимо имѣть въ виду: 1) что фонетическія особенности говоровъ не выдержаны во всей ихъ последовательности вслѣдствіе той быстроты, съ которой приходилось записывать, при чемъ записыватель не всегда успѣвалъ подставлять слышавшійся звукъ на мѣсто привычнаго графическаго начертанія: такъ вмѣсто слышавшагося е записыватель писалъ ѣ, гдѣ онъ привыкъ писать эту букву; вмѣсто l (европейскаго l), въ нѣкоторыхъ словахъ въ говорѣ нѣкоторыхъ женщинъ, онъ писалъ л; вмѣсто γ (того звука, который слышится у насъ въ словахъ *Бога, Богу*) онъ нерѣдко писалъ г, вмѣсто ў (краткаго у) л, лъ; вмѣсто ё иногда е, и пр.; 2) что записыватель не передавалъ особыми знаками звуки, неясно слышавшіяся въ неударяемыхъ слогахъ: такъ, вмѣсто великой и великый (а иной разъ великій) записи слышалось великъй (гдѣ ъ обозначаетъ глухой звукъ, сходный съ ы); 3) что не всюду выдержана разстановка удареній, хотя въ общемъ слѣдуетъ читать слова, написанныя безъ ударенія, такъ, какъ

онн произносятся въ современномъ литературномъ нарѣчіи. Относительно удареній А. А. Шахматовъ обратилъ наше вниманіе еще на слѣдующее обстоятельство: въ Петрозаводскомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ весьма обычно явленіе переноса ударенія съ *конечнаго* слога на первый слогъ слова; нѣтъ сомнѣнія, что явленіе это обязано вліянію сосѣдняго корельскаго населенія; при этомъ переносъ съ *серединнаго* слога на начало слова не извѣстенъ. Такъ рядомъ съ обычнымъ сёстра, во́да, то́поръ, ви́но, о́творить, о́жила (при сестра́, вода́, топо́ръ, вино́, отвори́ть, ожила́) мы среди русскаго населенія названныхъ уѣздовъ не найдемъ произношенія, какъ ко́рова, ко́лѣно, по́ставить, ско́рѣя (вмѣсто коро́ва, колѣ́но, поста́вить, скорѣ́я). Въ виду общаго переноса ударенія съ конечнаго слога на первый, слова съ подобнымъ перенесеннымъ удареніемъ не могутъ представлять интереса для изслѣдователя, но это нисколько не ослабляетъ значенія другихъ случаевъ, гдѣ Олонецкіе говоры расходятся въ удареніяхъ съ обычнымъ нашимъ произношеніемъ. Это обстоятельство побудило А. А. Шахматова точно передать ударенія своихъ записей.

Въ заключеніе выражаемъ сожалѣніе, что А. А. Шахматову не удалось вспомнить именъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ имъ записаны сказки.

78.

Иванъ Поповичъ и прекрасная дѣвица.

Записана въ 1884-мъ году отъ старушки Тараевой въ с. Кондопогѣ, Петрозаводскаго уѣзда Олонецкой губерніи.

Жиў быў священникъ (какъ у насъ въ Ко́ндопоги всё ровно). Была у нёго жона и было́ у ней три до́чери, быў у нихъ зглядъ я́сного со́кола, бро́въ у нихъ была́ чорного со́боля, лицинько было бѣлое и щоцьки у нихъ алыи, оченно были дѣви́ци бра́вый.

Быў у нёго едйный сынъ Иванъ Поповицъ (изотчины у нёго нé было). Жили онй пóбыли, маменька у нихъ и пóмерла. Вылили ёны патретъ чугунный, снесли къ Божьей Матери, въ церькви поставили. Потомъ стаў у нихъ тáтинька нездоровъ (тому помереть надо); стаў ёнъ сыну своему наказывать о дитя́хъ свойхъ: какъ болшой доцери прйдётъ перьвый сватъ, за того и выдать доцьку, и другой доцери также, какъ придётъ перьвый сватъ, такъ и дать ю такождо, и также и третьей дочери, какъ перьвый женихъ посватаетъ, за того и выдать нужно. «И, сынъ мой любезный, Иванъ Поповицъ, не одержáть слова моего: какъ придýтъ женихи, такъ за перьвыхъ жениховъ отдать ихъ». Тутъ жилй пóбыли, татинька и пóмеръ. Слили патретъ на татиньку такой-же чугунный и также къ Богородици въ церковъ къ собору поставили (къ жены́ такъ и поставили патретъ, патретъ о патретъ). Тутъ ёны стали жить съ братомъ, три сестры и братъ. И братъ всё медленно книгу читаэтъ. «Есь нѣ въ какомъ царьсвіи (царьсва не знаю назвать), есь у царя доцька прекрасная дивиця, хто на ю посмотритъ, тотъ съ ума рехнéтця (хто на ю посмотритъ)». Потомъ стало сестрёнкамъ скучно, что братъ не говоритъ съ нима, подходитъ болшаа сестра. «Милый братецъ, Иванъ Поповицъ, пойдёмъ на могилу, къ Божьёму храму къ родителямъ своимъ» (попахáть вишь хóтятъ родителей своихъ). Ёнъ огвёрнулся (одѣлся) скоро и пошоў. «Пойдемтя, сестрици родимыи, со мной». Ну и пошли ёны на могилу. Стали ёны надъ родительма плакать и рыдать сильнё, ну потомъ вдругъ наставаэ туча тёмнаа, грозная, пошоў громъ великый, молвія. Скрычалъ братъ сестрыць: «бѣжыте, сестрици родимыи, домой, бѣжыте скурѣа домой». Оны домой на крылечько смахнýли, вдругъ молвія ударила въ крыльцо, паў лёвъ-звѣрь съ нёба; дѣвици ушли въ ызбу, хъ покой свой; лёвъ-звѣрь бѣжытъ вслѣдъ ёю; приходитъ къ Ивану Поповицю. «Иванъ Поповиць, давай сёструў за меня за мужъ» (за звѣря). Иванъ Поповиць росплачетця горько. «Ниужели моя сёстра до того достойна, что за звѣря зá мужъ думать» (а у родителя такъ бласловлёно, что за перьвого свата дать). Сёстрá закрычала, смолиласи брату своёму. «Братецъ мой, красота у меня вѣдь непомѣрнаа, бѣлота въ лици снйгу бѣлого, красота въ лицй сóньця красного, бровъ у меня чорного соболя, очьи у меня́ ясного сóкола, не дай, братецъ, за звѣря меня» (проситъ брата вишь). Крыкнуў звѣрь Ивану Поповицю: «Дашь сёструў и не дашь, возьму. По родительскому бёруў я благословленью».

Только промолвиў звѣрь это слово, хватиў ю за́ воротъ, кинуў сиби на пле́ци, да и попёръ и унёсъ. Дви сёстры́ и братъ плачу бойко и плакали ёны не мало времени, году два (тосковали по ней), и нѣту отъ ней слыху никакого; подошла сестра гъ брату. «Ой же, братецъ Иванъ Поповицъ, (а онъ всё книгу читаэ), покинь свою книгу съ бѣлыхъ рукъ, пойдёмъ съ нама на могилушку сказать родителямъ про сёстру́ свою́». Братецъ опять отвёрнулся скоро и пошоў съ нима. Приходятъ ёны на могилушку, росплакались, про свою сестричю поросказали всё (звѣрь унёсъ сёстру́ нашу), однако матушка спромоўвила слово имъ съ сырой земли единоэ: «Бѣжите, милые дити, пручь отсюдова; тую сёстру́ лёвъ унёсъ, а тебя медвѣдь унесётъ». Ёны скоро крыкнули братця. «Побѣжымъ домой, братецъ, бѣда идётъ, туча темнаа вставаэтъ». Ёны́ домой побѣжали, громъ загремѣлъ грозно, молвія заходила по зе́мли, потомъ прибѣгали ёны́ домой, не поспѣли двире́й заперетъ, вдругъ паў звѣрь съ нёба во ступе́ни къ нимъ, и валитця звѣрь слѣдъ то́й дѣвици, въ тотъ же покой Марьи Поповны. Проговориў звѣрь своимъ словомъ: «Марья Поповна, пожалуйтя со мной въ обручество.» А братъ сидитъ, книгу читаэтъ; пала Марья Поповна къ брату на́ воротъ, Ивану Поповицю. «Братецъ мой, не оставъ и не покинь меня, збереги меня отъ лютого звѣря.» Братъ говоритъ: «Сёстра́ моя милаа, у родителей ты бласловленаа». Подходитъ звѣрь къ Ивану Поповицю. «Не держи сёстры́, а давай мни въ обручество, дашь возьму, и не дашь, возьму, слѣдъ съ собой унёсу́». Хватиў сёстру́ за́ воротъ, кинулъ себи на пле́ци и понёсъ ю. Потомъ ёны росплакались, братъ да сёстра́, оставаютця двоима и что ёны живутъ, не могутъ мѣста прибрать себи (такъ жаўко звѣри сестрёнокъ унесли). Тутъ ёны прожили года три посли сёстры́, а Иванъ Поповицъ всё книгу читаэтъ, всё до той царевны домогаэтця, что ёму тая царевна предлагаэтъ за му́жъ взять. Росплакалась сёстра́ ёго, усе́рдно проситъ брата своёго: «пойдёмъ, братецъ, выльемъ два патрета сестёръ моихъ и поставимъ къ Божьёму храму, гдѣ отецъ и мать мои.» Братецъ скоренько свёрнуўся и пошоў и вылиў ёнъ два патрета. Снесли во Божій храмъ, поставили къ этцю и къ матери. Тутъ ёна́ у матушки да прослезиласи и ёна батюшку да проплакала. «Зачимъ же ты, батюшко, отда́ў дитей своихъ звѣрямъ јисть? Не бласлови меня, родитель, звѣрю јись лютому». Матушка въ земли́ говоритъ ей: «бѣжы́, дочь, домой, гляди́, чорный во́ронъ нале́титъ, хватитъ тебя́ за верьхо́вищо и

унесётъ». Скрычала сестра брату своёму: «Ой, братецъ Иванъ Поповицъ, зберегѝ меня!» Побёгали ёны́ домо́й, прибѣгали домой, пада́ла ёна́ на кроватку тисо́вую. Вдругъ чорный воронъ залетѣў въ покой, паў ёнъ къ Ивану на́ воротъ,къ Ивану Поповицю. «Иванъ Поповицъ, я пришоў за сёстрой твоей, жона моя, а сёстра́ твоя». Тутъ потомъ хватиў ю чорный воронъ и понёсъ. Остаетця Иванъ Поповъ одинъ въ избы теперь и свалиўся на кроватку тисовую, взяў ёнъ въ правую ручьку листъ ёрбо́вый, бумажку, сталъ ёнъ думать-годать, не́куды письма писать. Однакожо взяў книгу въ руки, читаў ёнъ ни много ни мало три года въ рядъ и дочитаў до того мѣста, что ити ёму надо нѣ въ какоэ царьсвіе, взять эту дочьку за му́жъ за себя́. «Не дуракъ ли я буду, что я пойду́. Нѣсколько сватало ю кнезей и бояръ и не за кого ей не даютъ, неужель она за меня пойдётъ? Нѣтъ однако я пойду». Взяў подобуўся и пріодѣўся и пріотправиўся хъ путь. И не такъ скоро путь коро́таетця и приходи въ такоэ мѣсто и стоитъ царьской дворицъ. Что за чудо за эдако, въ эхтомъ мѣсти и царьсва не видано (не бывало, вишь, никогда, тутъ царьсво сочинилось). Зглянулъ на дворицъ, вишь на боўконѣ сёстра́ ёго болшаа гуляэ. Выбѣгала сёстра среди бѣла двора́, стрѣчаэтъ брата своёго: «Откули тебя Богъ принёсъ? Какъ же ты сюды вашоў?» Сестра взяла́ ёго, пріумыла ёго, приналадила, сестра стала спрашивать у нёго, и ёнъ сёстры́ говоритъ: «пуспѣла бы ты спрашивать, пе́рьво накормила-бы, да напоила-бы, да спать ты меня уложила бы, потомъ бы ты спрашивала у меня». Въ сейчасъ сёстра со́брала, накрыла ему на стоў: «Садисъ, братецъ, хлѣба кушать». Потомъ онъ наѣўся и на кроваточку на тисову повалиўся. Тутъ сёстра спросила у нёго про сестрёнокъ: «Ты пошоў, ты куды ихъ оставиў?» Братъ отвѣчаэтъ: «Черезъ два года медвѣдь унёсъ сёстру мою, а другую сёстру чорный воронъ утащиў, остаўся нещастный я одинъ, пошоў я въ царьсво за прекрасной дивицей». Сёстра говоритъ: «Не могъ мой лёвъ-звѣрь утащить ей, такъ тиби не до́йде взять». Потомъ братъ отдохнуў, сталъ снаряжаться отъ ней прочь пойти: сёстра́ плаце, проситъ ёго погостить у себя: «Дождѝ зятя своёго». — «Я говоритъ, боюсь, лёвъ-звѣрь придётъ, съѣсъ меня». — «Не бойся, милый мой братецъ, прозванье ёго такъ, а онъ не лёвъ звѣрь, а царь на царьсвіи». — «Скоро-ли онъ будя домой?» братъ спроситъ у сёстры. «Будетъ онъ черезъ поўгода времени». Живётъ братъ, гоститъ у

нёй и прошло времени поўтода. Ёнъ лежитъ, книжку читаатъ на кроватки. Бякнуло о ступе́ни, и спугался Иванъ Поповицъ. «Ахъ, сестриця, бѣда пришла». Говоритъ сёстра: «Не бойся, говоритъ, царь наѣхалъ домой». Какъ приходитъ лёвъ-звѣрь хъ фатеру, спросиў у жоны: «Хто у тебя такой?»—«Милый братецъ мой Иванъ Поповицъ».—«Кормила-ль ты ёго, поила-ль ты разныма напиткама ёго?» Сталъ снаряжатця Иванъ Поповицъ, надо уйти отъ нихъ съ того прочь мѣста. Лёвъ-звѣрь берегётъ ёго, унимаэтъ, проситъ ёго ещо погостить Ивана Поповиця: «Гости, милый другъ, у меня».—«Нѣтъ милый зять, мой, не слободно мни гостить, набъ ити нѣ въ како царьсво прибрать сиби прекрасную дивицю царевну, хто на ю посмотритъ, тотъ съ ума́ рехнетця». Говоритъ ёму лёвъ-звѣрь: «Ахъ ты, милый братъ мой, не могъ я́ дѣвицю унести, такъ тиби въ глаза не увида́ть». Говоритъ Иванъ Поповицъ: «Щасьё моё и бещасьё моё, всё таки я пойду́». Одѣўся ёнъ и отправляэтця хъ путь. Говоритъ лёвъ-звѣрь жены своей: «Ай-же ты, Олександра Поповна, подай брату своёму кукшиньцикъ, пусь дорогой онъ тутъ ѣсъ и пьётъ; ты спроси, Иванъ Поповицъ, какъ јисть захочешь, переверни кукшиньцикъ на дру́гу сторону, выскоцитъ тиби три́деветь молодцовъ, подаютъ тиби́ питья, ѣды́, кушанья». Взяў лёвъ-звѣрь, выдернуў съ подъ правой руки шерсти у себя (съ подъ правой па́зухи) и подаў Ивану Поповицю: «Береги шерсь эту, когда будешь при бѣды, такъ тогда возьми эту шерсть въ руки и вспомни меня, я буду у тебя». И отправиўся Иванъ путёмъ дорогой. Стало Иванушки ити голодно и холодно и ножки болятъ. Ну потомъ Иванъ взяў этотъ кукшиньчикъ, перевернулъ съ сто́роны на́ сторону, выскоци́ло три́деветь молодцовъ, поставили шатры шелко́вы, по́лы слали (полы́) серебрянны, красота́ въ покояхъ неумѣрная, тёплота́ невидимаа. Поставили столики дубовыи, налагали јиствушко саха́рьнее, наливали пи́тьице ёму медвяное, садили Иванушка за дубовый стоў. Иванушко, пожалуй, и тутъ жиў бы, да надо пойти Иванушку, до царевны доходить: кинуў шкатульку (кукшиньчикъ) на другу́ сто́рону, не стало у Иванушка шатра́ хорошого и не стало ни јиствушка, ни столиковъ дубовыихъ, ничого у нёго не стало. По́догнали ёму тройку лошадей, садиўся Иванъ Поповицъ и уѣхаў. Пріэжжяетъ къ такому мѣсту. стоитъ садъ болшой, стоитъ дворецъ царьской. Погля́дитъ, на боўхо́нѣ серёдня сёстра ёго гуляэтъ. «Что за чудо, скае, эдако, я всихъ сестёръ нашоў». Однако сестра вышла, стрѣтила брата своёго и

усердно она росплакалась: «Ахъ же, милый братець, гди же нещасная наша сёстра одна?» —«Чорный воронъ взяў на торза́нье» (подавить бытто взяў). Вя́ла сёстра хъ покою ёго, накормила ёго, напоила ёго и стала спрашивать про сродьсво своё. И ёнъ росказалъ про сестрицю свою: которая сёстра за лёвъзвѣремъ, очченно ей жить хорошо. Стаў Иванушка справлятця уйти. Проситъ сёстра: «Живи, братець, погости, жди зятя своёго, получишь щестье отъ нёго». Однако стаў Иванушка гостить тутъ, гостилъ не мало, поўтора года. Хлопнулъ лютый звѣрь на ступе́няхъ, спугаўся Иванушка фъ покояхъ». —«А,сестриця, уйти надо».— «Что ты, братець, мужъ мой пришоў домой».— «Хто-жъ у тебя это?» спроситъ мужъ жону. «Ахъ, милый мой, пришоў братъ мой». Зглянуў ёнъ на нёго глазомъ ми́лыимъ, даў ёнъ ёму руку правую. «Милый братъ, гости у меня, я тебя кормлю и пою и совсимъ держу у себя». (Зять унимаатъ, вишь, совсимъ живи тутъ). Иванъ Поповиць розвёрну́ў книжку и говоритъ: «Нельзя жить, надо пойти царевну найти». Говоритъ зять ёго царь жены своей: «Жена моя премилаа, дай ёму шкатульку слѣдъ, ты иди Иванушка переверни изъ колѣна на колѣно, тиби буде хлѣбъ и кушаньё тутъ». Тутъ взяў медвѣдь, выдёрнулъ шерсти съ подъ правой щоки, подаў Иванушку въ руки: «Прими́,Иванъ Поповиць, клади въ корманъ и береги; ты, какъ будешь при бѣды, возьми шерсь въ руки мою и вспомни меня, я буду у тебя». Тутъ Иванушка отправиўся путёмъ дорогой, стало Иванушку голодно и хо́лодно и ножки болятъ; взяў шкатульку перевернуў изъ колѣна на колѣно, выскоцило деветь молодцовъ. «Что, Иванушка, хочёшь, тёпла́ или добра?» «Хочу добра и тёпла́ и ѣды и кушанья». Всё ёму представили, сдѣлали шатры шолко́выи, полы слали хрустальныи, столики ставили дубовыи, опять ёнъ на ку́шаньё попалъ. Наливали ему ѣды и питья и кушанья. «Садись, Иванъ, хлѣба кушать». Тутъ Иванушка наѣўся напну́ся, перевёрнулъ шкатульку изъ колѣна на колѣно. Стаў дикой лѣсъ (збулся въ лѣсу́ вишь быть). Смолитця Иванушка ко Господу: «Господи Боже мой, выведи меня на путь». Пошоў Иванушка путёмъ дорожкой, показаў Господь дорожку ёму, приходитъ сёло, приходитъ въ это сёло, стоитъ домикъ не малый и не великый. «Пойду въ этотъ домъ, Иванушко, хто въ этомъ доми жывётъ?» Приходитъ въ домъ, всё летаютъ чорныи вороны. Зглянетъ, сидитъ сёстра ёго у окошка. «Ати мни братець мой, а какъ ты зашоў ко

мни?»—«Шоў, сестриця, я не путёмъ и не дорогой, шоу я тёмнымъ лѣсомъ». Росплачетця Иванушко судьбы своёй и розсказываэтъ сёстры своей: «Милаа ты моа сестриця родимаа, а есь ли у тя хлѣба и соли и кушанья, можешь ли накормить нещасного брата своёво. Ежель ты меня не можешь накормить-напоить, нѣтъ, такъ я тебя накормлю-напою». Потомъ сестриця говорила ёму: «Ай же, братець, есь у меня чого ѣсть и пить» Угостила сестриця брата своёго, налетѣў чорный воронъ. «Милаа моа, хто у тебя?» «Братець мой, Иванъ Поповиць». Подаў ёнъ свою лапочку ёму: «Здравсвуй, милый братъ мой Иванъ Поповиць».— «Прощай, чорный воронъ, я сейчасъ пойду отъ тебя проць», Иванъ Поповиць говоритъ ёму. Скрычаў воронъ жены своей: «Дай брату саўфетку ёму». Вырваў съ подъ правого крыла пёрó ёму, подаў Ивану въ правую руку, и пошоў Иванушка, попростиўся. Нѣсколько Иванушка путёмъ идётъ, приходитъ къ быстрой рѣцьки, у рѣчьки стоитъ амбарýшка, у амбарушки поставленъ крестикъ. Въ амбарушки поётъ Соловей розбойникъ. Скрычалъ ёнъ громко, розбойникъ: «Ай же ты, Иванъ Поповиць, спуски съ амбарушки соловья проць; ты меня спустишь, соловья, пручь, ты много получишь сиби добра, а не спустишь, такъ не получишь добра». А спроситъ Иванъ Поповиць: «Хто ты такой?» «Я вотъ какой: Соловей розбойникъ, у прекрасной дивици служитель». А спрóрѣцитъ Иванъ Поповиць: «Не могу спустить я тебя на волю теперь, я иду прикрасную дивицю сиби въ обручесьво брать». Говориў ёму Соловей розбойникъ: «Хоть получишь да не сберегёшь. Спусти меня на волю, такъ твоя буде совсимъ». Задрожался Иванъ Поповиць: «Некакъ не могу спустить (боится, какъ бы не было чого, не смѣэ). Я не здѣшного мѣста, такъ не смѣю». Однако ёнъ пошоў отъ соловья. Приходитъ ёнъ хъ царьскому дворьцю, удариў въ звонокъ. «Милаа царевна, стрѣчай меня, Ивана Поповоуо сына». Прекраснаа царевна крыкнула своимъ служителямъ: «Возьте этого дурака, положите ёго въ темницю».— «Экый я какой нещасный, Вáнюшка, какъ мнѣ сказали зятевья, что прикрасна дивиця буде не твоя». Ну однако стаў Иванушко сидѣть фъ темници. Суточки сидитъ, ничого не говоритъ. «Что я сижу, никоуо не вижу, тёмно; дай-ко я возьму кукшиньчикъ свой». Перевёрнуў съ рýки на руку, выскоцило тридеветь молодцовъ. «Что тиби, Иванушко, нáдобно?»—«Надо покой чистый и свѣтлый, свичи были бы неугасимыи, јиствушко было бы сахарьнее, питьице медвянное». Окозалось три человѣка съ нимъ сидячи́сь, засажены

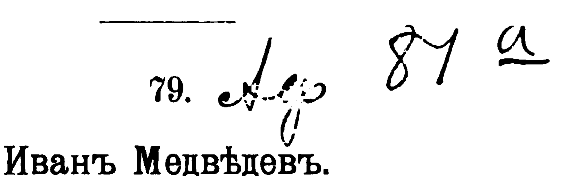
подъ неволю. Садиў ёнъ всихъ за столики за дубовыи, за јиствушко садиў за сахáрьнее. Иванъ Поповиць тутъ ѣстъ и пьётъ, кушаэтъ съ нима; тутъ ёны́ розыгралися, тутъ ёны росплясалися (какъ напи́лиси), услышали сторожá что за шумъ въ темници: видно драка тамъ. Говоритъ прикрасна дивиця: «Только четыре целовѣка, неужель бой подняли болшой». Приходитъ сторожъ, отворяэтъ двирь, оченно жаўко оттудова выйти, такóэ тамъ хорошó. Приходитъ сторожъ къ царевны: «Ай же, прикрасна дивиця царéвна, есть у насъ засаженъ Иванъ Поповиць, у нёγо есть тамъ свѣтлота и чистота и свици неугасимыи, у нёγо много пива на столи и вина и јиствушко сахарьнее; вси ёны тамъ најидались и напивались, тутъ ёны вси росплясались». И говоритъ прикрасна дивиця служителю своэму: «Поди купи у Ивана эту штуку у нёго, пусть продасъ мни» (кукшиньчикъ этотъ). Приходитъ сторожъ къ нёму и говоритъ: «Продай мни кукшиньчикъ, прикрасной дивици. Много-ли тиби денёгъ требуетця за то?»—«Я, говоритъ, ни жыдъ ни тотаринъ и до денёгъ я не жáденъ».—«А чтоже тиби надоть?»—«А мни нужно то, а увидать прикрасну дивицю въ очи своэ, ю посадить на стулъ голую и меня голоγо, я и отдамъ кукшиньчикъ свой». Сичасъ дóнесъ просьбу прикрасной дивици эту. Вывели Иванушка нá часъ цѣлый къ прекрасной дивици въ комату ёйну. «И не что такое, спроговоритъ прекраснаа дивиця, дó гола скидавáйся». И сама роздѣла рубашку прочь и посидѣли часъ цѣлый. Отдáў ёнъ кукшиньчикъ изъ руки нá руки и попростиўся. Свели ёго опять взадъ въ темницю. Скучно Иванушку фъ темници быть, перекинуў шкатульку съ колѣна на колѣно. Стали тéрема высокіи, стали горници свѣтлыи, хлѣба сколько угодно ѣшь, водки у нёго сколько можешь пей. Смолитця Иванушко старицькамъ въ темници: «Старицьки почтеныи, вставайте, водку воспивайте». Вси ёны напились да росплесались. Опéть стóрожа вси сдивовались (сторожá сдивовались). «Что за чудеса строитъ Иванушко у себя, прекраснаа цяриця? Что за чудеса строитъ Иванушко: е чистотá, е красотá, е тéрема уставлены, хороши».—«Поди, сторожъ, купи у нёго шкатульку, ежели продасъ, давай злата ёму, давай сéребра ёму; ежели ёнъ денёгъ не берётъ, чтó велитъ, то сдѣлаамъ». Приходитъ сторожъ: «Иванушко продай штучку-шкатульку. Бери злата сколько те надобно».—«Я не жыдъ и не тотаринъ и до дéнегъ не жаденъ, а жалаю прикрасну дивицю привесть въ тимницю, посадить возли меня рядомъ на стуў, выцѣловать нѣсколько разъ».

Пошоў сторожъ: «Эдакой подлець, какiи ричи говоритъ: цѣловать прикрасную дивицю». Однакоже донёсъ прикрасной дивици слова ёгó. «Иди же, прекрасная дивиця, въ темницю къ нёму».— «А не что ёнъ мни ка сдѣлаэтъ (она говоритъ), хоть въ тимницю ити—я посижу и съ нимъ на стулѣ, а выманю шкатульку и поцёлую нѣсколько разъ». И приходила ёна фъ тимницю со сторожомъ, а въ тимници весьма хорошо и красиво, такъ ей прилюбилось въ тимници сидѣть хорошо, цёловала ёна нѣсколько разъ ёго. Ёнъ перевёрнуў шкатульку изъ колѣна на колѣно, стало тёмно и грýбо, скоцила со стула прикрасная дивиця, хватила сторожа рукамъ. «Неси шкатульку скурѣй хъ покой мой, а запераи дурака фъ тимницю». А потомъ Иванушко бласловясь въ тимници не живётъ, роскинуў саўфетку по тимници, стала палата гряновита, сколько е столовъ, столько е молодцовъ, всё пишутъ и мараютъ, а прикрасну дивицю за Ивана доставаютъ. Увидѣў сторожъ съ окна, что у нёго чудеса эдаки идутъ, доноситъ ёнъ прекрасной дивици: «Ай же ты прикрасная дивиця, это былѝ чудеса не чудеса, а топерь нóвы чудесá: сколько столовъ, столько сѝдитъ молодцовъ и всё пишутъ и годаютъ, какъ тебя за Вáнюшка достать».—«Однако пойдѝ, сторожъ, что ёму надобно, то и дайѝмъ ёму и оберёмъ у нёго достатки, болше ёму нецимъ буде шутки шутить». Иванъ ёму говоритъ: «Поди сходи къ прикрасной дивици, пущай ложитця на тисовую кровать спать, меня пускай повисятъ на аргáны (на ремнѝ) на верёхъ супротѝво ёй самой прикрасной дивици и на три часа выпустить этихъ стариковъ со мной прочь изъ темници, такъ я и соўфетку подамъ». Прикрасна дивиця говоритъ: «Ни что такоγо не буде, а пущай ёнъ на ремняхъ виситъ; висьте ёго на ремни покрѣпче». Иванъ Поповиць говоритъ своимъ темнѝкамъ (которыи вмисти сидѣли въ темници, такъ тыи и будутъ на ремнѝ вѝсить ёго и держать ремни): «Какъ я крыкну, что загорѣлись, такъ-то пониже спуститя, а какъ пожаръ, такъ и совсимъ спустите». А прикрасна-то дивиця не знаа умысель ёго (что онъ дѣлаатъ). Однако ёнá послала сторожа вывести ёго съ темници, привесть всихъ ихъ тутъ. И стали вѝсить Иванушка на арганъ свои старики темничнiи. Прикрасна дивица крычитъ, что крѣпче тяните ёго, а онъ говоритъ, что крѣпко тя́нутъ, серце лопаатъ. Вздынýли ёγо на арганѣ высоко надъ прикрасную дивицю; ёнъ голый и ёна безъ рубашки. Прикрасная дивиця на перинѣ, и ёнъ крыкнулъ: «Рéбята, горятъ». Ёны

ремни отпустили, и ёнъ крыкнулъ: «О, робя́та, царьской дворецъ горитъ, о робя́та (старики), великый пожаръ». Ёны спугались, ремни съ рукъ и спустили, самы́ на пожаръ ушли, а пожару и нѣтъ, а Иванъ Поповицъ съ милой прикрасной дивицей на кисовой кровати почиваэтъ. Ну тутъ южъ ёны́ стали церъ водить (перъ перовать), за му́жъ ёна походитъ за нёго́, за Ивана Поповиця. Пришли въ храмъ Божый, повѣньцяли ихъ. Не доўго Ва́нюшко живў, поўтора года только. Стала проситься прикраснаа царевна въ гульбў съ нимъ. «Пойдёмъ, Иванушка, гулять!» Приходили ёны къ быстрой рѣчьки, гди крестъ поставленъ, гди стоитъ амбарўшка, гди сидитъ Соловей-розбойникъ. Скрычаў Соловей-розбойникъ: «Иванъ Поповицъ, отóпрешь ли мни, али нѣтъ». Онъ говоритъ: «Я не смію» (всё то Иванъ Поповицъ упераетця, что не сміетъ). Милаа прекраснаа царевна говоритъ: «Я отопру». Иванъ Поповицъ скаже, что «худо будя, какъ отóпрешь».— «А я́, скаже, отопру не боюсъ никого». Взяла́ ёна, óтперла амбарўшку, выходитъ Соловей-розбойникъ. Плéця у нёго аршинны, лобъ у нёго четвертинный, голова какъ пи́вный котёлъ, росту ёго смѣты нѣтъ. Крыкнулъ Соловей-розбойникъ своимъ голосомъ соловецкіимъ своимъ карабельщикамъ. Скоренько ка́рабли ёму пóдогнали. А смотритъ прекраснаа царевна на Соловей-розбойника, жаўко спустить ёгó. Соловей розбойникъ подошоў, хватиў её за серёдку, клалъ на карáбъ, увёзъ хъ свою стóрону. Оставаэтця Иванушка нещасный сынъ Поповъ: «Говориў мни Соловей-розбойникъ, спусти меня на волюшку, тогда получишь себи добра (хпереди, когда шоў соловей, ёму выговáривалъ), а какъ не выпустиў, такъ не полуцю добра, всё своё добро стеряў». Пошоў Иванушка опеть путёмъ дорогой шатаэтця, приходитъ къ старушки въ избушку ноцью попросиўся. Старушка нанимаатъ ёγо пастухомъ: «Иди ко мни въ пастухи нетёлокъ пасти; есть у меня пять нетёлокъ и быцёкъ». Выстаў Иванушка по ўтру, сдѣлаў со старушкой ря́ду: «Ежели пригоню къ нóци, такъ десять рублей», а не пригонитъ, такъ рублей дватьсять съ нёγó. И ёнъ выгнаў на тёмный лѣсъ скотину, а ёны убѣжали проклятыи во дикую кóрбу, чтобы́ не найти́ мни нещасному пастуху, и ёнъ проходиў день до вечера, ни одной нетёлоцки въ глаза не видалъ, взяў съ кормана, выняў шерсь, что лёвъ звѣрь даў ёму, клаў ёнъ изъ рўки на́ руки, спомниў ёнъ лёвъ звѣря: какъ лёвъ звѣрь быў бы, такъ скотинку пригнаў бы.. Лёвъ звѣрь бѣжытъ да и скотинку гонитъ къ нёму. Срадовался Ванюшко Поповъ сынъ:

«Полно́ тебѣ, Ванюшко, горевать, пойдёмъ въ мо́э царьсво воёвать».—«А поди, миленькой, ты домой, а я погоню скотинку къ старушки домой». Пригнаў домой скотинку. «Принимай, бабушка, некёлки, а денюшки подай». Ёнъ денюшки отъ ней полуцилъ, а старушка стала пасти звать на друго́й день. «Поди, я денёгъ дамъ много тиби, дамъ рублей тритцять на этотъ день, а если не пригонишь, отъ тебя сорокъ» (ряду дѣлаэтъ). Тутъ на́чала она нетёлокъ бить ломать, чтобы ёны пастуху въ руки не шли, чтобы шли далше. У́гналъ пастухъ на долину, чтобы здись сохранить свою скотину. Ёны у́шли во болотища топущіи, гди добры люди не ходя; однако пастухъ головой пошатаў, самъ не знаэтъ, какъ найти скотину. Выдумаў онъ самъ про себя; есть у меня медьвѣжьей шерсти клочокъ въ кормани. Вынялъ ёнъ шерсь исъ карману и взяў изъ ру́ки на́ руку перекладывать: сказаў мни медвѣдь, что шерсь мою въ руцьки во́зьми, да меня вспомяни, да и я буду у тебя. Ну медвѣдь бѣжытъ, нетёлокъ къ нёму гони́тъ. Тутъ сказалъ медвѣдь: «Полно́, пастухъ, тиби горевать, пойдёмъ въ наше царьсво воёвать».—«Мни нельзя, говоритъ, ити, надо коровъ къ старухи согнать, а надо деньги получить». Ну пригналъ ёнъ коровушокъ къ старушки домой. «Давай, старуха, деньги мои, зажилыи мои, коровушки дома твои». Старушка деньги отдавала, хперёдъ ёɣо нанимала на третей день. Еще денёгъ дороже ёму давала, ёна ёму давала пятьдесятъ рублей, а отъ нёго шестьдесеть (она всё выше сиби берётъ, а ниже ёму даётъ). И, Господи, стала доче́рей (этыхъ нетёлокъ, это её дочери) бить и говоритъ: «Такъ бѣжыте въ синёэ морё, и ёнъ какъ выгонитъ васъ на лугъ, такъ вы пади́тё въ синё мо́рё». И ёнъ пастухъ выcталъ по у́тру и согна́лъ скотину на долину; тутъ некёлки розбѣжались, пали въ синёэ море. Стаў па́стухъ думать годать, какъ ихъ съ воды достать. Пришоў на́ берёгъ на морской, лежитъ щука во весь бе́рёгъ; смолитця щука пастуху: «Ахъ, милый Иванъ Поповицъ, спусти меня ɣъ воду, такъ я сгоню твоихъ нетеле́й проць».—«Погоди, щука, я доставлю и тебя ɣъ воду». Хватиў шерси въ пясь къ себѣ (взяў изъ кармана шерсь лёвъ звѣря и медвѣдя) и взяў перо́ чорного ворона. «Вы говорили мни, что я какъ буду у бѣды, такъ вы будете у меня, такъ выруците отъ бѣды меня». Чорный воронъ налетаэ въ морё, падаэ, этихъ не́телей доставаў. Лёвъ звѣрь набѣгаэ, и медвѣдь скаце къ па́стуху въ по́моць. Росплачетця Иванъ: «Ахъ же, милы зятева́ мои, не оставьте горевать

меня, спускитe эту щуку въ синёё морё» (щуку пёхну́ть надо въ синёё морё, за тымъ что нетеле́й оттуда выгонитъ). Лёвъ звѣрь кинуў лапу на щуку, а медвѣдь и дви (у лёва видно силы болѣэ), спёхну́ли щуку въ морё; въ мори щука стрепехталась, а нетели съ моря въ гору побѣжали, а пастуху то и надо: воронъ хватиў быка за верьхо́вища, такъ и тащитъ съ воды. Говоритъ воронъ: «Гони Иванъ скотину домой, не бери болше себи пасти». Пригнаў пастухъ скотину къ старушки. «Давай, старушка, мни-ка денюшки», а у этоγо у быка глаза повыклевана, а у дѣвушокъ косы повырвана. Сдогодаласи старушка: не надо бы этакоγо вора пастуха, извёлъ ёнъ скотинку мою; у быка глаза повыкопаны, у дочюшокъ косы повырваны. «Не говори, не говори, старуха, денюшки подай, вотъ что». Иванъ Поповицъ говоритъ буде: «я тебе́ нещасную сдѣлаю, если де́нёгъ не подашь, звѣри тебя росторзаютъ, воронъ гла́за выкопаэтъ».—«Ахъ, ахъ, погоди, молодчикъ, я денёгъ сподоблю». Сходила въ амбару́шку, отчитала ёму денюшки. «Поди, Ва́нюшка, дуракъ поповскый сынъ, болше ко мни вѣцьно не ходи». Лёвъ звѣрь берегётъ и медвѣдь и чорный воронъ берёгу́тъ ёγо вси тройкой. Вышоў Ванюшко отъ старушки съ ызбушки, спомниў лютыхъ звѣрей своихъ: «Гди мои милыи звѣри?» И звѣри́ стоятъ у нёго колѣнъ. Лёвъ звѣрь хватиў Ива́нушка за плецька, посадиў сиби на спинку и увёзъ хъ своё царьсво ёго.



79. Иванъ Медвѣдевъ.

Записана отъ Лукерьи Филимоновны Марковой 21—22 л. въ Тавой-горѣ, Петрозаводскаго уѣзда.

Досюль шолъ попъ батько въ церьковъ, служиў ёнъ до полуобѣдни и пришолъ ёму́ такой лисъ, что «батько будешь ты въ одинъ часъ бѣдный и богатъ». И ёнъ взялъ этотъ лисъ розорвалъ и на́ огни сожогъ. Потомъ батько этотъ обѣдню дослужилъ, весь народъ съ церкви вышоў, никто ничого не видаў, а батько вышелъ, увидаў оленя надъ воро́тмы золотого, и ёнъ давай этого оленя јимать. Олень отъ нёго́ дале, и ёнъ въ слѣдъ. Этотъ олень ёго манилъ оченно далёко. Прибѣжали ёны́ къ

рѣчки. Этотъ олень черезъ рѣчку скачиў и спать свалился, а этотъ батько переходи́ть,—да и перешоў кой-какъ черезъ рѣчку. Олень этотъ и потерялся въ рѣчки отъ нёго, ушоў, и ёнъ сѣлъ на кустокъ, давай плакать и пришоў къ нёму мидвѣдь, и ёнъ съ эстой мидвѣдицей жиў въ пагмы батько (жилъ съ ей) и сподоби́лъ этой медвѣдицѣ батько брюхо, и ро́дила эта мидвѣдиця сына. Этотъ батько самъ ёго́ крестилъ, даў ёму имя Иванъ Мидвѣдевъ. И ёнъ, этотъ Иванъ Мидвѣдевъ, сталъ въ одну недѣлю очченно болшой и силенъ и этому батюшкѣ говоритъ: «Что же ты, батюшко, хорошъ, а матушка у насъ мохната?» А батько ему говоритъ: «Я самъ есть изъ деревни, батько, а мать твоя мидвѣдиця». — «А что, батько, мы, ска, отъ ней побѣжимъ домой». Ёны побѣжали. Какъ побѣжали, сколько тамъ бѣжали, она и набѣжала въ слидъ и ихъ назадъ и воротила и опеть на дру́гой день она ушла (съ пагма). Ёны опеть побѣжали. Какъ она набѣжала въ слидъ, такъ сынъ говоритъ, Иванъ Мидвѣдевъ: «Гдѣ хочешь ити назадъ, ступай, а то сечасъ смерть придамъ». Она отъ нихъ никакъ не отходитъ, всё съ нима бу́ритця. Этотъ Иванъ Мидвѣдевъ взяў ю за лапы, тряхнулъ; она на мелки церепья розлетѣлась; видитъ батько тутъ: съ этого сына бѣда, въ три недѣли сила какая у нёго спибла, и пришли ёны́ домой и попадьи говоритъ: «Вотъ я тиби сынъ привёў». И легли оны съ попадьёй спать, попадья и скажетъ: «Что ты, три года ко мнѣ не косался, а топе́ря косаться сталъ?» Онъ говоритъ: «Что ты, попадья, я три года вовсе и дома не бываў». —По у́тру встали, да онъ попадьѣ и говоритъ: «Ну попадья, что мы будемъ съ сыномъ дѣлать? ёнъ насъ, ска, убьётъ. Пошлёмъ мы ёго за́ лошадью, гди мидвѣдяхъ (такъ) много, оны ёго съѣдятъ». И ёнъ шоў туды въ лѣсъ, зашоў къ мидвѣдямъ, гдѣ ихъ боле ста́до, который больше всихъ, того и выбраў и сиў на нёго́ и при́гналъ домой, къ ступе́нямъ поставиў. «Ну, батько, ска, куды мни ко́ня класть?» Ёны въ окно зглянули. —«Охъ, бѣда, мидвѣдя домой пригнаў! Пускай, скаже, тутъ стоитъ у ступе́ней; поди сходи къ мельници, въ мельници сидитъ дьяконъ и возьми ёго домой».—И ёнъ пришоў, этотъ Иванъ Мидвѣдевъ, въ мельницю, сидитъ водяникъ на русла; пыймаў ёго за́ волосы и притянуў домой (и тутъ смирти нѣту). Попъ го́воритъ: «Охъ, бѣда, попадья, водяника́ домой привёў, и тамъ смирти нѣтъ, топерь бѣда; куды дѣвать? Ну, попадья, пошлёмъ его туды, гди сила большая, я напишу

записку, чтобъ ёго тамъ убили». Этотъ батько взяў, написаў записку и отправиў ихъ туды: «Подите, получитя деньги». Оны сѣли на мидвѣдя, поѣхали съ водяникомъ и пріѣхали туды. Этотъ Иванъ Мидвѣдевъ посылаатъ туды водяника прежде съ этой запиской, и ёны какъ взяли у нёго записку, и видятъ: убить-то такихъ-то, и оны давай съ нимъ бороться, ёго убивать; онъ не поддаетця. Ёнъ, этотъ водяникъ, ихъ пó двое, пó трое пóдъ руку кладётъ. Потомъ пришоў самъ самый главный, сильній. Водяникъ кликнулъ Ивана Мидвѣдева на вы́руку, сбороться съ нима не може болше, такъ Иванъ Мидвѣдевъ на выруку пришоў. Иванъ Мидвѣдевъ пришоў, такъ мало ихъ и всихъ стало. Ёнъ ихъ всихъ перекокаў (переубиў). Одинъ главный у нихъ остаўся и стаў молиться у нихъ, что «оставьтя, а возьте вотъ капиталу, сколько вамъ надо», и ёнъ имъ нада́лъ, что нисвидимо. Ёны сѣли опеть на мидвѣдя и поѣхали домой. Пріѣхали опеть къ ступе́нямъ; батько въ окно зглянуў. «Охъ, бѣда, попадья! Опеть домой прijихали». Потомъ видитъ этотъ Иванъ Мидвѣдевъ, что ёны очень спугались ёго; потомъ этотъ Иванъ Мидвѣдевъ говоритъ: «Батько, спусти меня въ роботники». А этотъ капиталъ онъ весь попу батьку отдалъ, что ёму тамъ дали, и ёнъ пошолъ въ роботники, а этого дьяка опять въ мельницю назадъ на русла и стащилъ. И этотъ Иванъ Мидвѣдевъ шоў, шоў, шоў, приходитъ ёнъ къ ламбы (къ óзёру); въ этомъ óзёрѣ ўдитъ водяникъ въ лодки, бре́вно удовищемъ, а бѣла лошадь ўткой (на что рыбу приманиваютъ), и ёнъ говоритъ: «Богъ помоць, товарышъ, охъ ты какой, товарышъ, сильный». А онъ ёму говоритъ:—«Охъ, я не сильній, скаже, я сильній не сильній; есть, ска, Иванъ Мидвѣдевъ сильній». — «А я то, скаже, есь» (Иванъ Мидвѣдевъ ёму говоритъ). —«Ну, возьми же, меня, скаже, въ други́хъ».—И ёны двое пошли. Шли далёко-ль близко, пришли къ гóры высокой, стоитъ мужыкъ (и эту гору изъ ру́ки ná руки перекатыва: «Богъ помоць, товарышъ. Охъ ты какой сильній».—Онъ скаже: «Я сильній, не сильній, вотъ есть какъ Иванъ Мидвѣдевъ сильній, такъ вотъ сильній». А Иванъ Мидвѣдевъ говоритъ: «Я то и есть», скаже.—«Ну, возьми же меня въ третьихъ».—Ихъ стало ужъ и трое, ну и пошли опеть хцерёдъ. Шли далёко-ли близко, опеть пришли: стоитъ мужикъ, дѣлаа огорóду óтъ земли и дó нёба зъ бре́венъ. Оны говорятъ ёму: «Богъ помоць, мужыцёкъ, охъ ты какой, ска, сильній». — «Нѣтъ, ска, я сильній не сильній; есть,

ска, Иванъ Мидвѣдевъ, такъ сильнiй».—Иванъ Мидвѣдевъ ёму на мѣсто отвѣчае, что «я то и есь». — «Ну возьми же меня вслидъ».—Ихъ ужъ стало че́твёро. Пришли оны въ чисто поле, убили оны четы́рехъ быковъ четырелѣтнихъ. Иванъ Мидвѣдевъ говоритъ: «Ну, робята, будемте домъ строить». И оставили одного перьвого водяника быка варить, а самы по́шли бре́венъ рубить. Онъ вариў, вариў, выстала бабка съ-подъ земли́, ёго вза́ла, кла́ла подъ колѣно и сама щи выхлебала, и потомъ щи выхлебала и сама ушла. Тутъ мужикъ видитъ: «Эка бѣда!» Пришли къ нёму обѣдать, щи у нёго худыи. «Что же у тебя, ска, щи худыи?»— «А я, ска, лѣсъ сподобляў, а вороны всё мясо вы́носили». Потомъ оставили другого (который гору перекатываў). И ёнъ опеть вариў, варпу быка, и эта старуха выстала, ёго подъ колѣно, и сама щи выхлебала. Опеть пришли къ нёму обѣдать: «Что же у тебя, опеть, скаже, щи худыи?»—«А лѣсъ сподобляў, скае, а сороки да вороны мясо выноси́ли». — Третiй остаўся опеть, третёго быка варить; опеть старуха выстала да и опеть его подъ колѣно и щи и выхлебала. Опеть пришли къ нёму обѣдать, щи опеть худыи. «Ну что же у васъ, ска, щи худыи? которого не оставъ, щи у всихъ у васъ худыи». Иванъ Мидвѣдевъ говоритъ: «Да-ка, я ска, теперь останусъ четвёртого быка варить». Онъ вариў, вариў, она съ подъ земли и выстала и ёго хочетъ поймать. Иванъ Мидвѣдевъ ей говоритъ: «Ахъ ты, старый чортъ! ты у насъ вси щи выхлебала». И давай и ёнъ съ ней бороться. Иванъ Мидвѣдевъ ю изборолъ: «Хошь знать—я сеча́съ ти смерть придамъ».—«Пожалуста, скае, спусти на этотъ разъ, я лучше за тебя дочку отдамъ».— Пришли къ нёму обѣдать, ёнъ спустиу эту стару бабку, ёна опеть на старо мѣсто ушла. Пришли къ ёму убѣдать, такъ у нёго щи хоро́ша. «Охъ вы, скаже, мозгляки, е́ще вы считаетесь сильни и уда́лы и этой вы старухи сборотъ не могли». Взяў канатъ доугой и предоўгой. «Ну, робята, спуститя меня въ землю́ сюды́». И ёны взяли ёго туды и спустили, и ёнъ приходитъ къ этой бабкы (такъ) туды. Въ эфтомъ доми дѣвиця молодцю принравилась. Ёнъ пришоу и этой бабки ниту, одна дѣвиця сидитъ. Эта дѣвиця въ молодця очень влюбилась и говоритъ этому молодцю: «Мать какъ придётъ, бу́детъ виномъ потчивать тебя, ты съ лѣвой руки бутыуки не бери, а съ правой бери, хъ правой руки водка сильнѣа». Нѣсколько́-то времени тамъ промѣшкали, она и пришла, взя́ла вино и начала

ёго потчивать, зятюшка (свадьба всё хпереди, мать вишь ходила по роду, сберать на свадьбу). Съ правой руки ёму вина не даваэ, а съ ливой, а ёнъ съ ливой не берётъ. «Ницьи смы́сла, горогўшина» (эта дочька, вишь, сказала). Ну ёна принуждена южъ съ правой руки ёму вина дать. Ёны взяли и выпили, одна выпила съ лѣвой руки, другой съ правой. И ёнъ такъ быў си́ленъ, а тутъ ещé горазже сталъ сильнѣй. Тéща и говоритъ: «Теперь, зять, давай бороться со мной, потомъ дочку дамъ за тебя» (свадьбу бу́дёмъ играть). Ёны какъ стали бороться, ёна и рукъ съ нимъ поправить не може. Потомъ ёны нáчали свадьбу играть, свадьбу оны сыграли, потомъ спреже взяли, здынули по этому канату животь (этотъ невѣстинъ) — приданно, потомъ за канатъ туды невѣсту туды потянули (нá землю туды въ верёхъ съ по́дъ земли). Потомъ ю, какъ туды здынули, молодци тройкой видя, что она очень хороша. Потомъ и ёго потянули, до половины тянули, потомъ канатъ отрубили, туды назадъ. И ёнъ полетѣлъ, пови́дай и кудá. Потомъ ёнъ пошоў — не видать свѣта бѣлоγо: всё ровно какъ тёмная ночь, въ такоэ мѣсто улетѣў, что какъ тёмнаа ночь. Ёнъ ходиў, ходиў, ходиў нѣсколько-то годовъ и всё свѣту не видилъ. Потомъ показалась ёму одна звѣздоцька, и ёнъ по этой звѣздоцьки шоў, шоў; пришла ёму избушка. «Избушка, избушка, говоритъ, повернись туды дворьцёмъ, сюды крыльцёмъ; мни не вѣкъ вѣковать, одна ночька ночовать». Пришоў — избушка повёрнуласъ, ёнъ и зашоў въ эфту избушку. Лежитъ баба — ноги на лавки, го́лова на пороги, а титьки на ошошьки (что въ пець вкладываютъ, ошошъ — гди вáрятъ, которая пли́та, такъ тоэ мѣсто). «Фу, фу, фу, фу, слыхомъ не слыхала, видомъ не видала, руській духъ въ ызбў зашоў». — «Ничого, ничого, бабушка, не успѣла бы выспрашивать, не успѣла бы вывѣдывать, баенку истопила бы, покормила бы и спать положыла бы, то что бы и выспрашывала». — Она сичасъ байну стопила, въ байну сводила и покормила и напоила и спать повалила. И нáчала выспрашивать. «Ну, откуда ты, молодець, изъ какихъ мѣсъ здись находишься». — «Вотъ, бабушка, такъ и такъ; вотъ у такой-то я старушки дочку за себя взбраў, потомъ ю туды нá землю здынўў, а минá взадъ и спусти́ли. Не знаэшь ли, какъ бы мни попасть въ тую землю́ (на тыи земли́)?» — «Охъ, молодець, какъ трудно тиби попадать туды, оченно далеко́. Есь у миня сёстрá за десеть вёрсъ, и есь у ней птиця такаа, что она туды свезётъ

тибя; и молисъ у нёй, хорошенько проси, штобы дáла этой птици». Ёнъ и скаже: «Ну, не сномъ мни дорожка корóтать, зобóткой». И ёнъ и отправиуся. Опеть шоў, шоў, шоў и опеть пришоў къ эхтой избушки и зашоў ёнъ въ эфту избушку. «Фу, фу, фу, фу, слыхомъ не слыхала, видомъ не видала, вдругъ появиуся руській духъ, въ ызбў зашоў». — «Ничого, ничого, бабушка». — «Ну съ какихъ ты, молодецъ, мѣсъ здись находишься?» — «Есь я, скаже, съ такихъ-то мѣсъ и у эдакой-то бабушки браў дочьку за сибя и потомъ я ю туды на верёхъ, нá свою зéмлю здынуў, а меня потянули да и взадъ спустили». — «О, да, скаже, ты это мóэй сёстры́ зять», скае. — «Какъ бабушка, скае, не знаэшь ли, какъ мни попадать въ тýю землю́?» — «Не знаю, скаже, какъ тиби попадать». — «Скажи, бабушка, у тебя, сказали, есь птиця такая, дай мни ю, чтобы она миня туды достáвляла, въ свою землю́». — Ёнá птицю и дáла, и ёнъ нáбралъ мяса ёй, сѣў на верёхъ, ёнá и полетѣла. Летѣла, летѣла, и ёнъ взяў мяса — ногу и даў. Ёнá съѣла, опеть и полетѣла. Чуть лишь полетѣла, у нёго шапка съ гóловы и слетѣла. «Ай, погоди, птиця, скае, у миня шапка съ головы́ слетѣла». — «Охо, скае, молодецъ, далёко до твоей шапки добератця; за тысяцю вёрсъ твоя шапка». — Опеть летѣли, летѣли, птиця опеть јись захотѣла; ёнъ и другую ногу мяса (говядины) даў јись, она съѣла, опеть и полетѣла. Опеть летили, летили, летили далёко, боля у нёго мяса нѣту, а птиця јисть захотила, летѣть болше не може. Ёнъ взяў свою́ ногý (нóгу) отрубиў и даў јисть ей. Ёна опеть ногу съѣла и полетѣла и прилетѣли нá свою зéмлю и этому молодцю весь свѣтъ показаўся. Эта птиця взяла въ крýжки повёрнулась и сдѣлалась нóга; эта птиця взяла, приклала къ ёго-то ногу, дунула да и нóга по старому стало, на старомъ мѣсти [«Что значитъ въ кружки?» — «А самъ повидай, не знаю»]. Ёнъ эту птицю накормиў и отправиў туды назадъ въ тýю землю, и самъ пошоў хъ свой домъ туды въ чисто полё, гди оны домъ строили, бы́ковъ варили. Тамъ у нихъ свадьба ведетьця; десять годовъ всё свадьбу играютъ, дý-дружку (ду-дрýжку) не даваютъ: одинъ берётъ къ себи, а другой къ себи и третéй ещé къ себи и всё свадьбу сыграть не могутъ. Ёнъ какъ въ ызбў пришоў, ёны́ сидятъ зá столомъ (за столóмъ) — невѣста. Эта невѣста ёго какъ увидѣла, скоцила съ зáстолья къ нёму на воротъ. «Вотъ гди мой мужъ! Хто знаў миня искать да брать, тотъ пусь знаэ и держать». Потомъ ёны повѣнчались съ ней. Ёнъ, какъ повѣнчались, взяў всихъ трóихъ

на воротахъ розстрѣляў, ну и съ жонкой ушоў къ ότцю да въ матери жыть и стали оны жыть да быть да добра наживать. Тўтъ маа сказка, тўтъ маа повись, да́й хлѣба појись, въ городи я была, мёдъ я пила, чашка съ дырой, ротъ кри́вый, пό губамъ всё вытекло, въ ротъ не попало.

80.

Аф. 158 ослаблено кри...

Оклеветанная сестра.

Записана отъ крестьянки Талой-Горы Петрозаводскаго уѣзда Лукерьи Филимоновны Марковой 21—22 лѣтъ.

Не въ какомъ чарьсвіи, не въ какомъ государьсвіи, въ такомъ, какомъ мы живёмъ, жыў мужыкъ да баба. У мужыка, да у бабы было двоэ дитей, до́чи да сынъ; отець сколько-то годовъ жыў. Жыли ёны оченно богато, сталъ отець помера́ть и при смерти сыну наказывалъ: «Не Богъ ти блаγословитъ, сынъ, хъ своей дереўни жениться». И ёнъ посли отця жыў три года не жонатый и въ лавочку пойдётъ и сестры скае: «Прощай, сестриця». А съ лавочки придётъ: «Здорова, сестриця». Въ ынный разъ пришоў съ лавочки и сестры скаже: «Сестриця, я буду женитьця хъ своей дереўни».— «Ахъ братець, братець, скаже, тиби видь, скае, батюшко не велѣў хъ своей дереўни жениться».—«Ну, сестриця родимая, быдь что хошь, а жениться надо».— «Ну, какъ хошь, играй, скае, свадьбу».— Ну ёнъ и жениўся, и ёнъ какъ пойдётъ въ лавочку: «Прощай, сестриця». А оттуль придётъ: «Здорово, сестриця». И этой жонки стало зарно, что, вишь, совѣтно братъ да сёстра́ жывутъ. Стала эта жонка съ брюхомъ ёγό, брюхо проносила и ро́дила. И эта сёстра́ робёнка оченно любила, и братець, какъ пойдётъ: «Прощай, сестриця»; и какъ придётъ: «Здорова, сестриця». И этой невѣски, что сдѣлать? Взяла да ёγо собаку убила, и ёнъ пришоў: «Здорова, сестриця». И тая баба скае: «Да, здорова сестриця, поглядитко, что твоя сёстра́ сдѣлала: твою самолўчшу собаку убила». Потомъ, «ну въ первой вины Богъ про́ститъ», братъ скае. На дрўгой день взяла, жеребьця убила. Братъ пришоў; опеть: «Здорова, сестриця».— «Да, здорова сестриця, поглядитко, что

твоя сестриця сдѣлала: самолучшоγо жеребьця убила».— «Ну, и въ другóй ви́ны Богъ прóститъ». Ёна на третій день своёγо робёнка убила и въ зыбку за дви́ри и клала. Братъ пришоў, опеть: «Здорова, сестриця». Баба спроситъ: «Гди жъ у васъ робёнокъ?» — А она скаже: «У сёстры». Ёнъ и къ сёстры пришоў: «Сестриця, скае, гди же робёнокъ?» А сёстра скае: «Ёнъ ужъ быў у меня даўно, топерь даўно не биваў».—Ёны́ стали искать; робёнокъ за двéрьми убитый. «Ну вотъ, скае, твоя сёстра́, что сдѣлала, робёнка убила». Ну ёнъ взяў ю, скинуў до гола́ и повёзъ ю въ чисто полё и отправиў ю въ лисъ—лѣсомъ пáрусомъ (пой куды хошь). И ёна выстала въ ёўку туды γъ высоку. Ходили чарьскіи синова́ по охвоту пó лѣсу и ю тамъ увидали (увидли) въ сóсны. Одинъ скае, что человѣкъ есь, а другой скае, что чёртъ есь, и направляэтъ óружіе въ ню стрѣлить туды. Она и зарыцяла: «Я не трону́, скае, я вѣдь человѣкъ, скае, есь, не трону́ васъ». Ёны ей сказали: «Такъ спускайся же оттуль».—«Я бы, ска. спустилась, да у меня одёжы на себи нитъ». Ёны взяли съ себя скинули (которая на вéрьху была́), оставили подъ сóсну и самы вышли даля. Ёна опустилась, одёжу одила, ёны и взяли ю домой (домой ёй взяли). Домой и привели, не показываютъ. Пришоў старшой сынъ: «Батюшко, я женитьця буду».—«Што ты, скае, сынъ, топерь здумаў, дó сихъ поръ у тебя въ умахъ женидьбы не было, топерь женитьця вздумаў. Ну Богъ те благословитъ. Женисъ, скае, для меня. А гди ты женитьця, скае, будёшь?»—«У меня, скае, съ лѣсу приведёна».—Ёнъ отцю и показаў эту дивицю, и отцю ёна прилюбилась и свадьбу сыграли (ёна была краси́ва). Ёны́ сколько-то времени тамъ жили, ёна понёсла́съ. Мужъ въ дру́гомъ городи служыў, и ёна рóдила робёнка сына, и по колѣнъ ножки въ золоти, по локóткамъ ручки въ сéребри, позади свѣтеў мисяць, попереди красно соўнышко, по кажной волосиноцьки по скатной по жемчуженьки. Ну ёны взяли письмо отцю написали, што такоγо жóнка сына рóдила и послали по роботнику письмо, и ёнъ шоў, шоў, и къ эхтой къ ёйной невѣстки къ ночи. Она взяла, байну вытопила, ёγо въ байну послала. сама взяла въ котомки письмо и розорвала, а написала на мисто: «Котёнка твоя жонка рóдила». И оттули ёнъ изъ байны пришоў и опеть отправиўся въ дорогу, пришоў и пóдаў ёму письмо, и ёнъ письмо тамъ прочитаў и на мѣсто письмо написаў, что «къ мóму приходу (чтобы до мóго приходу) никуды ёй не кон-

чить». Ёнъ опеть къ тому мѣсту пришоў ночью, ёна опеть байну вытопила, ёγо въ байну послала, это письмо взяла и розорвала и на мѣсто написала, «чтобы къ мому приходу не́ было дома такой-то». И пришоў этотъ роботникъ домой, письмо и по́даў. Отецъ, какъ зглянуў въ письмо, скае, что это онъ съу́ма (съума́) вѣрно сошоў. Нечто дѣлать, ю отправили, а сына не́ дали, ёна и пошла куды голова несётъ. Шла ёна въ далёко съ той дереўни и на́нялась въ роботници, а ёнъ пришоў домой. Отецъ ёγо давай бранить. Ёнъ скае: «Какъ! скае. Мни было пи́сьмо отъ васъ», скае (какъ онъ пришоў, такъ ёму сына въ и́збы показали, такъ онъ сіяэ, сіяэ; ну ёнъ видитъ, что сынъ хорошый, отецъ и стаў ёγо ругать). «Мни-кова отъ васъ было письмо, што твоя жонка ро́дила щинёнка». И давай мужъ плакать, что жонку отправили. И ёна жы́ла три года въ роботницяхъ; стало ёй тоскливо, взя́ла, въ муську одёжу сокрутилась и по́шла домой. Пришла́ домой, а ў свёкра въ роботники (γъ муськой одёжи) нанимаэтся, а сама робёнка какъ во́зьме на́ руки и сама пла́че. Этотъ мужъ всё на неё глядитъ. «Что это, скае, нашъ роботникъ, что робёнка возьмё на́ руки, то пла́це». Ёны стали у ёй спрашивать: «Что ты, скае, что нашоγо робёнка во́зьмёшь на руки и плачёшь?» И ёна взя́ла имъ и роскрылась, что я жонка ваша, не роботникъ, скае, а жонка». И имъ што здѣлать? Оны взяли собрали баў, которыхъ γосподъ богатыхъ, и брата и невѣску и посадили ихъ за́ стоў. Ну эта-то, которая робёнка ро́дила: «Ну, скае, γоспода, я буду вамъ повисть розсказывать, а хто бу́дётъ мѣшать, тому десять розокъ и сто рублей награды». И ёна стала высказывать. «Досю́ль, скае, въ такомъ-то мисти, скае, жыли братъ и сёстра́ совѣтно; потомъ братъ жениўся и этой невѣски стало за́рно, што братъ и сёстра́ жывутъ совѣтно». Тутъ ёна́ и дакнула; и сичась десеть розокъ съ нёй и сто рублей денегъ съ нёй. И опеть стала розсказывать: «Эта невѣска взя́ла на́ день убила ёγо собаку саму лу́чшу. Братъ хъ первой вины ю пру́стиў (сёстру); ёна́ на другой день взя́ла, жерепьця убила невѣска, ну и братъ въ другой вины прости́ў». Невѣска опеть и дакнула: «Да такъ и было́». Ёй сичась десеть розокъ и сто рублей съ нёй де́нёгъ — не мѣшай. «На третей день эта невѣска взя́ла, своγо робёнка убила. Ну боу́ше братъ утерпѣть не мугъ и повёзъ ю въ чисто полё и спустиў ю на́ лѣсъ голу, отправиў; ёна выстала, эта сёстра въ со́сны (въ лѣсяхъ). И ходили чярьски сынова́ по охвоту, ёй увидали въ со́сны, ну ёй и

взяли оттуль; старшый братъ на нёй и жениўся. Сколько-то годовъ жыли, ёна́ принёсла сына, а мужъ жыў тамъ въ дру́гомъ городи, и написали ёму письмо туды, послали по роботнику, и этотъ роботникъ пришоў къ ёйной невѣстки къ ну́чи; она байну ёму́ вытопила, въ байну послала, взяла́ у нёγо́ въ котомки письмо, розорвала то и на мѣсто другоэ написала, што «вотъ такоγо твоя жонка ро́дила робёнка—котёнка»; мужъ написаў оттуль письмо, штобъ до моγо приходу ёй никуды не кончить. Ёнъ опеть оттуль шоу и опеть къ эхтой невѣски къ ночи, и ёна взяла, опеть байну вытопила и въ байну ёγо́ послала; сама взяла, письмо розорвала́, и на мисто другоэ написала, штобы, къ мо́му приходу ёй не́ было». И ёна и дакнула невѣска-то, и ей десеть розокъ и сто рублей де́негъ. Ну ёна повись досказала. Этотъ братъ сидитъ, плаця (такъ), видитъ, што сёстра́ ёγо́, и ёны взяли эту невѣску, на воро́тахъ и выстрѣлили, и стали оны жыть и быть, добра наживать. Ту́тъ маа сказка вся, боле сказать нельзя.

———

Зеленин. В. ск. 26

81.

Попадья, дьячекъ и работникъ.

Записана отъ Өеофана Алексѣева Пормакова (Бирина) 62-хъ лѣтъ, въ с. Кондопогѣ Петрозаводскаго уѣзда.

Въ задніи годы попъ роботника взяў. Ну поѣхаў пахать къ но́чи съ роботникомъ, ну и до́ вечера попахали тамъ. Роботникъ говоритъ: «Батько, спусти меня къ но́чи домой». А тотъ ему отвѣчаэтъ: «Ты, говоритъ, не скоро по утру́ придёшь». —Ну онъ отвѣчаэтъ ёму: «Я скоро у́тромъ буду». Ну, онъ и пошоў. Ну и пришоў. За воротма застучаў. А у попадьи дьечокъ въ гостяхъ. «Куды, говоритъ, я?» А мѣшки на лавки стоятъ съ овса́мы. «Ступай, говоритъ, въ мѣшокъ полѣзай». Ну, онъ въ мѣшокъ и ушоў. Попадья роботнику отворила воро́та, ну и говоритъ: «Вотъ, говоритъ, на ко́няхъ ѣхали на́ полё, а овса не везли, а топерича надо мни-ка носкомъ (за плѐчьма, просто сказать) нести овёсъ». Ну онъ пришоў и за мѣшки јимаеться на лавкахъ, надо мѣшки взять. Попадья говоритъ: «Возьми маленькый мѣшокъ», а онъ отвѣчаэтъ, что попъ

велѣў болшой нести. Ну онъ взяў за плéча, своротиў, да взяў и за ступенья (со ступéни на улицю) бросиў. Тамъ дьечокъ быў, въ большомъ мѣшку дьечокъ быў. Ну, а потомъ онъ опять хъ полё, опять ушоў къ попу. Ну опять задѣў рукама, опять орáть стали съ попомъ. Денъ (такъ!) до вечера опять проорали. Попъ опять оставаэтця къ ночи, а роботникъ даваэтця опять домой. «Ну ступай, говоритъ, роботникъ, ты ко времени ходишь». Ну, роботникъ опять пошоў, опять застучаў. А у попадье опять дьечóкъ. Дьечóкъ говоритъ: «Куды я опять?»—«А завернись хъ перину» (хъ посгелю, какъ хошь). Ну, онъ завёрнўлся, она ушлá отворять. Но, онъ говоритъ: «Вотъ, говоритъ, попъ велѣў перину принёсти хъ полё.»—Ну онъ и пришоў, закидаўся опять, постельевъ много. Попадья говоритъ: «Возьми меньшую (поменше) перину».—«Нѣтъ, попъ велѣў болшую». Ну онъ взяў опять, со ступени бросиў, ó зень бросиў да и... И самъ опять ушоў хъ полё опять къ попу. Ну опять стали орáть (хоть пахать, всё ровно). Денъ до вечера проорали, опять попъ оставаетця къ ночи, а онъ даваетця домой. Ну, онъ опять пришоў, за воротма стучитъ, дьечóкъ опять въ гостя́хъ. «Куды я, говоритъ, опять?»—«Ступай, говоритъ, завернисъ въ бычачью шкуру, да поди въ хлѣвъ съ быкамы туды» (быковъ много у попа). Да онъ завернуўся и ушоў въ хлѣвъ. Ну и запускаэтъ опять роботника попадья. Ну онъ: «Вотъ, говоритъ, попъ послаў быковъ напоить». А попадья ёму отвѣчаэтъ: «Роботникъ, быки поёны». —«Онъ тибѣ не вѣритъ, мни напоить велѣў». —Ну онъ сичáсъ пришоў въ ызбу, воды начерьпалъ въ вёдрó и пошоў быковъ поить. Ну пришоў, даў бы́камъ, даў бычкамъ, бычки тутъ пьютъ, а тамъ быкъ стоитъ, не шевели́тця. «Тпруся яша! тпруся яша!» А яша и не шевелитця, не идётъ, просто сказать. Ну онъ взяў паўку и ну бычка колотить. Колотиў, колотиў и до тоγо колотиў, —до полусмерти. Ну роботникъ и слышитъ, попадья говоритъ (дьячку): «Я, скае, севодня приду съ кофьёмъ и съ чаэмъ къ тиби́, оладьи напря́жу, всёво нанесу, блиновъ напёкў, всёво рѣшительно». А роботникъ и слышитъ. Онъ и пошоў этотъ роботникъ къ попу на староэ мѣсто орать-пахать. Онъ взяў... дви дороги (розстань туды, рóзстань туды) одна къ попу, а другая къ дьечку (тоже пашетъ). Ну, онъ взяў да... дьечокъ говоритъ: «Ну, я настругаю стружковъ, попадьи по этой дороги ити, чтобы не ошиблась хъ попу зайти». Ну этотъ роботникъ взяў эти стружки съ

дьечковой дороги вси обралъ сибй въ свою дорогу. Ну попадья надѣлала тоγо сёγо, пироговъ, оладьи, корзинища надѣлала и пошла да... да и... Роботникъ пришоў туды нá полё, да и стали орать съ попомъ. «Ну, батько», говоритъ. — «Что?» (попъ говоритъ).—«А сёводни попадья придётъ къ намъ» (ёнъ знаў дѣло, что по этымъ стружкамъ пойдётъ туды). —«Поўно, говоритъ, роботникъ, придётъ-ли, скае, попадья сюды», скае.— «Придётъ. Ну придёть, говоритъ, и всякихъ кушаньёвъ нанесётъ. Ляди, ну смотри, говоритъ, идётъ» (роботникъ показываэтъ попу). Ну и пришла. «Бохъ помочь, говоритъ, отецъ Пётрій». —«Поди, пожалуй», —говоритъ. «Ну что же, сядете обѣдать топеричо» (попадья говоритъ), (зайти ошиблась... а она попала къ попу). Ну и сѣли. Ну, попъ говоритъ (а дьечокъ неподалёку орётъ): «А что, говоритъ попъ, скае, роботникъ! позови, поди дьечка обѣдать». Попадья скаже: —«Да, что же, возьмитё дьечонка бѣдноγо обѣдать вмистяхъ».—Ну роботникъ и пошоў. У дьечка была собака болшаа, грызущаа, онъ взяў паўку въ руки, чтобы собака не обрызгла (такъ), а дьечокъ-то и увидаў, что роботникъ идётъ съ паўкой, бояўся, что бить ёγо идётъ. Онъ оставиў тутъ лошадь, да и соху, да и самъ γъ бѣгъ пошоў, а роботникъ говоритъ: «Постой, дьечокъ, ступай обѣдать вмистяхъ, попъ зваў обѣдать». Ну, посли этого ёнъ увидаў роботникъ дьечка. «Ну что жъ ты, говоритъ, бѣжаў? Я зваў тебя обѣдать, а ты γъ бѣгъ пошоў, я паўку взяў для собаки». А дьячокъ говоритъ: «Я думаў ты меня бить идёшь.» —Тымъ и кончилось.

Зеленин. В. ск. 35

82.

101, 256 Смирн. [64, 129, 132,

Поповна и монахи.

Записана въ с. Кондопогѣ Петрозаводскаго уѣзда отъ Өеофана Алексѣева Пормакова (Бирина) 62-хъ лѣтъ.

Досюль (въ задніи годы) монахъ просну у поповны угощаться. Она говоритъ: «Есь-ли сто рублей денёгъ и штофъ вина, и приходи вечеромъ».— «Есь»— тотъ отвѣчаэ. Ну онъ и пришоў по вечеру, въ потемёнкахъ, заколотиўся сначала. Она вышла, отвѣчаэ: «Хто тамъ есь за воротыма?»—«Монахъ».— «Пришоў?» —«Пришоў». —«Принёсъ ли сто рублей да штофъ

вина?» —«Принёсъ».— Ну она ёγó пустила. Пришоу онъ въ ызбу́, поповна деньги спрятала, ну самоварикъ кипитъ, грѣется на́литый. Ну онъ говоритъ поповны: «Поскорѣа, говоритъ, пойдёмъ на дѣло тамъ».— А она говоритъ: —«Пущай самоварчикъ скипитъ, чайку попьёмъ, да и угощаться пойдёмъ».— Ну вдругъ заколотилось за тима же воротма. «Куды меня положышь?» говоритъ. —«А ступай фъ печку».— Онъ въ печьку и убраус я. Сейчасъ приходитъ опять, стучитъ. «Хто тамъ есть?» А онъ отвѣчаэ:— «Монахъ, говоритъ, есь» (это ужъ второй). «Принёсъ-ли сто рублей де́нёгъ да штофъ вина?» —«Принёсъ».— Она и пустила опять. Опять же тымъ по́пытомъ. Самоваръ кипитъ опять, онъ проситъ угощаться, а она говоритъ: «Дай сначала скипитъ, чайку попьёмъ, да угощаться пойдёмъ». Вдругъ за воротма опять застучалось. «Куды, говоритъ, я?» —«Полѣзай въ печьку» — говоритъ. И другово хъ печьку. Ну пришла за ворота, отперать пришла. «Хто тамъ есь?» Тотъ отвѣчаэ:— «Монахъ». —«Ну, принёсъ-ли сто рублей де́нёгъ?» —«Принёсъ».— «Штофъ вина принёсъ?» —«Принёсъ». —«Полѣзай». Ну и пришоу, знаэшь такимъ же манерчикомъ. Самоваръ опять кипитъ, онъ проситъ, что пойдёмъ угощаться. А она говоритъ: «Чайку попьёмъ да угощаться пойдёмъ». Ну, вдругъ идётъ мужъ пьяный, по улици стучитъ, гремитъ. «Куды, говоритъ, я?» —«Ступай хъ печьку.»— Ну мужыкъ и пришоу въ ызбу́ (она за хрисіяниномъ, не за попомъ). «Ну-ка, мужичокъ, возьми-ка куличокъ, хъ печьки три монаха есь, да кочкони ихъ». —Мужыкъ взяу да убиу всѣхъ, кочконуу́ всѣхъ тройхъ. Взяли двухъ, выволокли на сарай, третьёго въ ызбу́ оставили. Пошла эта поповна звать кума въ деревню, убрать ёγо надо. Пришла поповна къ куму. «Кумушко, красно солнышко, мужъ при́шоу пьяный, монаха у́биу». —«Кума́! Есь-ли штофъ вина?» —«Есь, кумушко, дамъ», говоритъ. Ну онъ пришоу, взяу, за плечи своротиу, понёсъ. Ну идётъ мимо агва́хту (часовой стоитъ). «Хто идётъ?» Онъ отвѣчаэ: —«Чортъ идётъ». — Ково несёшь?»— «Манаха». —«Ну, ступай, чортъ съ тобой, неси». Нёсъ, да въ Фонталку (въ Нёву́, просто сказать) и бросиу. Ну оны спрятали другово, взяли ёво́ въ ызбу́, кровъ у нёγо смыли. Ну она опять тымъ же попытомъ къ ку́му пошла. «Кумушко, красно солнышко, видь пришоу, говоритъ, манахъ». — «Какъ же онъ,— я, говоритъ, бросиу въ Фонталку ёγо (въ Нёву́, говоритъ, въ Нёву́). Есь штофъ вина?» —«Есь, говоритъ, ку-

мушко, красноэ солнышко». Опять пришоу, за плечи своротили, опять понёсъ. Опять идётъ мимо огвахту, часовой у нёүо спросиу: «Хто идётъ?» —«Чортъ».—«Коүо несёшь?» —«Манаха». —«Что за дѣло: опять, говоритъ, манаха». Опять въ Нёву бросиу ёүо да и... Ну, и взяли третьёүо въ ызбу опять такимъ манеромъ же. Ну, кума опять къ куму. «Кумушко, красно солнышко, видь пришоу манахъ». —«Какъ же онъ выстау? Видь я ёүо бросиу въ Нёву. Ну, кума, есь-ли штофъ вина?» —«Есь, кумушко, красно солнышко, только неси». Ну, опять такимъ же манеромъ за плечи своротили, и опять понёсъ. Ну, идётъ мимо огвахту. «Хто идётъ?» —«Чортъ». —«Коүо несёшь?» —«Манаха». —«Что за лѣшый, говоритъ, манаховъ всѣхъ выносилъ чортъ!» Ну этотъ часовой дау по городу знать, что чортъ выносиу трёхъ монаховъ и бросиу въ рѣку. Розыски по городу пошли, что трёхъ монаховъ и нѣту. Тымъ и кончилось.

83.

Баба чорта обманула.

Записана въ с. Кондопогѣ Петрозаводскаго уѣзда отъ Өеофана Алексѣева Пормакова (Бирина) 63-хъ лѣтъ.

Досюль мужикъ полѣсовау, захотѣлось ити ёму въ лѣсовую фатёрку; на нидѣлю пошоу, взяу хлѣбъ съ собой. Вотъ онъ день ходиу, попауся ёму ребокъ подпорчоный (гнусъ—мышь—подпортиу), захотѣлось ёму поджарить. Пришоу къ ночи въ фатерку, рябка поджарить захотѣлось. Онъ ёүо варитъ, чортъ пихается въ фатёрку. «Ну, что, мужикъ, варишь?» — «Реба своёво.» — «А дай-ко мни ложку попробовать ухи», чортъ скае это. Ну онъ и попробовау. «Ахъ, какъ уха хороша! Ты своёго ряба варишь?» Мужикъ сказау, что своево. «Ну, а какая уха хорошая, дай ко мни ножъ, я своёво вырублю реба». Онъ и вырубиу. Стало ёму тошно больнё. А этотъ чортъ пошоу въ ледину, закричау во весь... (всё горло). Ну, мужикъ видитъ, что бѣда, взяу собрауся совсѣмъ, давай домой ити ночью. Домой пришоу, баба блины пекётъ. «Что ты, мужикъ, шоу на нидѣлю полѣсовать, а самъ сичасъ огворотиуся?» Ну мужикъ скаэ: —«Ну, баба, бѣда слу-

чилась,— такъ и такъ», говоритъ. Ну потомъ баба говоритъ: «Ну, мужикъ, одѣнь мои платья, а я твои одѣну. Ты пеки блины, а я свалюсь въ постѐлю». Ну чортъ и пришоў, мужикъ блины пекётъ. «Что, тётка, говоритъ, дома-ли твой мужъ?» говоритъ. —«Дома».— «Какъ же онъ заставиў моево па́рня рябъ вы́рубить?» —«О, скае, какъ у моёго мужика, скае, рябъ вырубленъ!» скаэ. «Поди-ко, говоритъ, зажги огня, поглядимъ у нёго» (баба лежитъ, такъ чогó...). Ну и пришли, посмотрѣли. «О, скаже, у мого сына по кóрешку вырублено, а у твóго мужа логомъ взято». Чортъ плюнуў и пошоў, ёнъ ёго оставиў.

84.

Чесалка.

Записана въ с. Кондопогѣ Петрозаводскаго уѣзда отъ Өеофана Алексѣева Пормакова (Бирина) 63-хъ лѣтъ.

До́сюль жыў у попа роботникъ, жыў—Иванъ, а у нёγо, у попа была́ дочька. «Ну, што же, говоритъ, Иванъ! Маменька да папенька въ кажну ночь чешутся». —«Эка ты, глу́па, у нихъ чосаўка есть».— «А гди эти чосаўки продаютъ?» говоритъ. — «Въ рынки», говоритъ.— «А дороги-ль чосаўки?» —«Три рубля чосаўка».— «Ну, а поди завтра, Иванъ, я три рубля дамъ, купи чосаўку». Иванъ шоў купить, ходиў, ходиў, ходиў тамъ, да и не купиў, такъ и пришоў. «Вчерась, говоритъ, было три рубля, а сёводни шесть». —«Ну, поди завтра, я шесть дамъ, Иванъ».— Онъ получиў шесть, опеть ушоў. Такъ и пришоў, не купиў. «Вчерась было шесть, а сёводни деветь ушъ», говоритъ. —«Ну, завтра поди, Иванъ, я деветь дамъ».— Ну Иванъ деветь получиў, упять ушоў, опять не купиў. Пришоў и сказаў: «Вчерась было деветь, а сёводни двѣнацять, мало де́нёгъ хватаэ». Опять на іинный день Иванъ двѣнацять взяў. Ушоў, ну и купиў за двѣнацять, принёсъ. Ну, ночь пришла. «Иванъ, давай чосаўку». —«Ну, пойдёмъ къ бýгру (куча или ворохъ соломы), я дамъ чосаўку».— Онъ стаў почосывать, почóсывать её стаў, она и понёсла́сь. Мать увидла, что дочь понёсла́сь. Но, и батько пришоў откуль-то, изъ дерѐуни. «Надо, говоритъ, батько, Ивану

отказать, дочка понёслась». — «Откажомъ». — Ну, Иванъ и пришоу. «Иванъ, говоритъ, ты не нуженъ теперь, расчитаэмъ тебя теперь ушъ», попъ скаже. Ну Иванушко и стау сбераться, одёжду сберать свою; три года, или хоть четыре жыу, гди рубашки, гди-ль штаны, гди што. Иванушка пошоу, а дочка говоритъ. «Ты, Иванъ, чосаўку мою оставъ». И ещé твердитъ: «Иванъ, чосаўку мою оставъ». Мать и услыхала, съ горници пришла. «Что у васъ, говоритъ, за шумъ?» Дочка говоритъ. «Вотъ уноситъ чосаўку мою».— Ну мать говоритъ: «Иванъ, Иванъ, чосаўку оставъ, чосаўку оставъ». А Иванъ ходитъ сиби да моучитъ, сбераетця сиби, и кончено дѣло. Потомъ попъ услыхаў, пришоу оттуда: «Што у васъ за шумъ?» —«Да вотъ дочкину чосауку уноситъ».— «Но, Иванъ, чосауку дочкину оставъ». Ну, Иванъ моучитъ, сбераэтця. Ну, Иванъ и пошоу въ ходъ, оны вслѣдъ за нимъ: «Иванъ, чосаўку оставъ; Иванъ, чосаўку оставъ; Иванъ, чосауку дочкину оставъ». Оны гнáлись вёрсту цѣлу за нимъ. Ну, потомъ идётъ на стрѣчу проходящій попъ, на стрѣту имъ. «Пожалуйста, говоритъ, поймай роботника, чосауку дочкину унёсъ, быдь такой добрый». А этотъ попъ руки поперёкъ росшириў захватить, а тутъ озёрко край поштовой попалось. Ну, а этотъ Иванъ взяу чосаўку, отхватиў отъ себя, въ óзёро и бросиў. Потомъ оны—Иванъ ушоу—попы скинули порки, а попадья съ дочькой зáскались, ищутъ на дни, ворочуютъ. А дочка у проходящого попа шулю̆ увидла и захватила рукой она у нёгó. «Вотъ, папенька, чосаука; вотъ, папенька, чосаўка».

---

85. Афр. 192[a]

Замахнись, а не ударь.

Записана въ Петрозаводскомъ у. отъ крестьянки, жены Севастьяна.

Нé въ какомъ царьсвіи, не въ какомъ государьсвіи, жиу царь и цярицця. У нихъ было три сына, одноүо отдилили и жили бѣднó оцень. Потомъ жонка отыскала маленько денёгъ ёму, послала ёүо шоуку закупать. Потомъ шыла она ковёръ, потомъ посылаэтъ ковёръ продавать мужа въ городъ. Онъ приходитъ въ городъ. выскоциў купець съ лавки, спрашиваэтъ ёүо: «Ковёръ отдáж-

ный у тебя и что за ковёръ?» говоритъ. —«Сто рублей»,— онъ говоритъ. Онъ говоритъ: «Сто рублей ли возмёшь, али слово?» Думаў, подумаў. — «Давай слово возьму». — Ну, говоритъ ёму: «Безъ суда, говоритъ, единый волосъ, говоритъ, не гйнетъ». Онъ и пошоў домой, приходитъ домой, жонка ёγо и ругаэтъ. Ну опеть выискала деньжонокъ немножко, опеть шоўку закупать послала и потомъ вышыла ковёръ (другой ужъ это), потомъ опеть послала продавать ёγо въ городъ. Потомъ идётъ опеть мимо той лавки, потомъ купець выскоциў опеть изъ лавки, опеть скаже: «Му́жикъ, продай ковёръ. Што за ковёръ?» спрашиваэтъ. — «Двѣсти рублей», говоритъ. — «Двѣсти-ль рублей возьмёшь, али слово опеть», говоритъ ёму. —«Давай слово»,— говоритъ. Ну, и говоритъ: «Булатъ и желѣзо дороже злата-серебра́». Ну приходитъ домой, жонка опеть ругаэтъ ёγо. Потомъ опеть деньжонокъ немножко складови́ла, потомъ шоўку закупать послала ёγо; онъ шоўку при́нёсъ, ковёръ вышила опеть, послала ёγо опеть продавать въ городъ. Купець выскоциў изъ лавки: «Што, мужикъ, возьмёшь за ковёръ?» спрашиваатъ.— «Триста рублей»,— говоритъ. — «Триста рублей возьмёшь, али слово: замахнися, не ударь, говоритъ». Потомъ не смѣётъ и домой ити; идётъ къ морю; на́ берёгъ туды наймутъ целовѣка на кара́бъ; онъ и наняўся. Выѣхали на морё; карабъ у нихъ и задержало. Потомъ говорятъ: «Коγо мы отдаймъ туда въ воду?» Ёнъ и думаэтъ, што «даў купець мника слово, што ни единый волосъ не гине съ головы безъ суда». Потомъ въ воду и пошоў, спустили ёγо въ воду. Въ той воды царьсво тамъ стоитъ, въ томъ кругъ царьсвіи всё штыки стоятъ около; на кажномъ штыкй по головы, на одномъ лишь нѣтъ, и думаэтъ: «Вѣрно моей головки тутъ быть». Потомъ приходитъ въ царьсво. Тамъ вздорять цярь и цярицям спрашиваютъ: «Што, мужицёкъ, булатъ ли желѣзо дороже злата-серебра́, или злато-серебро дороже желѣза-булата?» Такъ потомъ онъ говоритъ: «Булатъ-желѣзо дороже злата-серебра́».— Потомъ царици голову и отрубиў (мужикъ по ёмъ, вишь, сказаў). Ну мужика и отпустиў туды опеть на карабъ (карабъ не спущенъ ещé). Потомъ боцька золота оттуда вслѣдъ (ёму награда, вишь). Потомъ имъ жаўко стало этой боцьки, товарышшамъ, потомъ ёγо въ воду и бросили. Его китъ-рыбина подхватила, и ёнъ рѣзаў, рѣзаў ту рыбу и дырину прорѣзаў въ ней (у нёγо ножицёкъ быў въ корманѣ); потомъ рыбину бросило на берёгъ и ёнъ съ рыбины и вышоў.

Идётъ край моря, домъ стоитъ пребоушущій-боушой край моря; тамъ есь чоɣо jись и пить въ доми и ниɣди никоɣо въ доми нитъ. Поѣу, за печьку сѣу и сидитъ за пецькой до вечера тамъ. Потомъ приходитъ дивиця по ве́черу, говоритъ: «Фу, фу, въ ызбы рушькій духъ, говоритъ. Аль, по́ Руси летала, ручькоɣо духа нахватала». Потомъ сѣла, поѣла она и спать лёгла́ и спитъ; гди рука, гди нога, ничоɣо не чуствуэтъ. Выходитъ этотъ молодець съ-за пецьки, ю поцаловау да за пецьку опеть. Утромъ вставаэтъ. «Хто меня, говоритъ, поцѣловау? аль такъ мни, говоритъ, приснилось вѣрно». Потомъ поѣла и опеть улетѣла. Онъ вышоу съ-за пецьки, поѣу, да опеть за пецьку. Потомъ по вецеру опеть прилетаэтъ дивиця. «Фу, фу, говоритъ, въ ызбы́ ручькій духъ, по́ Руси летала, рушькоɣо духа нахватала». Сила, поjила, опеть спать. И не спитъ потомъ, лежитъ. Выходитъ молодець съ-за пецьки, ю поцѣловау. Потомъ ёна ёɣо и захватила. «Возьми меня, говоритъ, за мужъ». Ёнъ, значитъ, ю за́ мужъ взяу. Ёны жили пожили, она и понёсла́; потомъ ро́дила сына. Сынъ ростётъ не по годамъ, а по часамъ и такой молодець въ матерь здоровый, а мужищо онъ такой здоровый, боушо́й, и отець сына боитця, што въ матерь родиуся, и думаэтъ сиби: «Уйти надо мни». А жона-то воэвать ѣздитъ въ Русь. Строитъ караблмкъ сиби, а сынъ и спрашиваэтъ: «Што, батюшко, строишь сиби?» Онъ говоритъ: «Карабликъ».—«Батюшко, ты вѣрно думаэшь отъ насъ уѣхать?» говоритъ. —«Сынокъ, тиби кататьця»,—скае. Потомъ онъ и состроиу карабликъ. Потомъ онъ нагрузиу три боцьки пороху на карабликъ и отъѣхалъ отъ бе́рега. Сынъ говоритъ: «Ты уѣзжаэшь, я крыкну матушку». —«Нѣтъ, говоритъ, я катаюсь, взадъ буду».— «Нѣтъ, батюшко, уѣзжаэшь ты».— Голосъ у нёɣо богатырьскій, крыкнуу матушку. Матушка и налетѣла. Го́воритъ: «Отъ насъ ушоу, отъ моɣо войська не уйдёшь», говоритъ. Свиснула, такъ войсько налетѣло. Потомъ онъ боцьку спустиу пороху, бочка всё убила у нёй. Потомъ ащо́ свиснула, потомъ налетѣло войсько што чорноɣо ворона. Потомъ двѣ бочьки этыхъ спустиу, ихъ и убило всё войсько. Го́воритъ: «Отъ насъ ушоу, отъ моёй цяпли не уйдёшь; а отъ цяпли, говоритъ, уйдёшь, такъ отъ лёвъ-звѣря не уйдёшь». Потомъ ёɣо нёсло, нёсло на́ берёгъ, бросило на́ берёгъ, и выходитъ ёнъ на́ берёгъ, бросило на берёгъ и выходитъ ёнъ на берёгъ и пошоу куды голова несётъ. И потомъ лежитъ цяпля; эту цяплю онъ возьмётъ; эта цяпля у нёɣо прильнула къ мизёнку (къ пёрсту).

Онъ, значитъ, этотъ мизёнокъ отрубиу отъ себя, и ёна отпала. Потомъ и пошоу. Идётъ потомъ, глядитъ: стоитъ дубъ, въ дубу лёва-звѣря (лёвъ-звиря) дити тамъ, озябли, пищчатъ тамъ; ёнъ и закрыу кафтанишкомъ своимъ ихъ; самъ выстау въ дубъ, Лёвъ-звѣрь налетѣла. «Сутки, говоритъ, ни јидала, ни пивала. Выходи оттўль, говоритъ, я съѣмъ тебя». Дѣти запищали: «Матушка, онъ збавилъ насъ отъ стужы, то бы мы замерьзли», скае, матери говорятъ. «Выходи, мужикъ, оттуда», ёна́ говоритъ ёму. Ёнъ и вышоу; она ёму въ ноги и пала. «Прости, мужикъ; што́ тиби, говоритъ, за то заслужыть, што дитей моихъ збавилъ отъ зябели?» Онъ говоритъ: «Снеси меня въ свою сторону».—Потомь, «садисъ на меня», говоритъ. Понёсла́ ёγо́, потомъ несла, несла ёγо́, было оцень далёко, устала; на гору золотую ёγо принесла, свалилась отдохнуть, а мужикъ набралъ сиби самоцвѣтныхъ камéньевъ въ корманъ. Потомъ она встала, потомъ ёγо́ понёсла́ опеть, къ ихнёму царьсву поднёсла́ ёγо́, и потомъ ёны роспростились. «Ты меня не знай и я тебя не знай, и никогда меня не помни», лёвъ-звѣрь говоритъ. И пошоу мужикъ. Приходитъ хъ своёй фатерки,—окошацька у нихъ были по́ края земли,—въ окошацьки посмотрилъ: спитъ тамъ женщина, два молодця по́ сторону, по другу. Вынимаэтъ онъ саблю, хоцетъ имъ голову отсиць. Думау, думау, подумау: говориу ёму купець «замахнисъ, а не ударь». Замахнууся, а не ударцу и зашоу въ фатеру. Розбудиу жонку со сна; она ёγо не узнала; онъ говоритъ: «Голубушка, какіи это у тебя мужики?» Она говоритъ: «А это у меня сынова́».— «А гди же у тебя мужикъ?» спрашиваэ. А она и на́чала росказывать, какъ было прежды, куды мужикъ ушоу. А вотъ ёна ёму и росказала, какъ было прежды-то. «А вотъ я, ска, отъ мужа беременна осталась, сыновей принесла». Ну, тутъ ёй и говоритъ: «Я твой мужъ, ты моя жона́». Потомъ у отця́ сдѣлауся бау, и на́звали гостей оцень много, а сына не зовётъ (двоихъ взяу, а тоγо не берётъ, бѣдноγо не берётъ). Потомъ приходитъ онъ къ царю, къ отцю на бау, камень самоцвѣтный понёсъ; отець ёγо и приняу (ужъ гостиньця принёсъ-такъ), нижа всихъ ёγо и посадиу, потомъ вси хвастаютъ, хто цимъ може. Онъ говоритъ, этотъ бѣдный-то; «Што, говоритъ, хвастать: я на лёвъ-звѣря ѣзжалъ и то не хвастаю». По до́мамъ розошлись ёны. По у́тру вставаэтъ; говорятъ, што лёвъ-звѣрь всю скотину прїѣу, и стали́ сбираться ёны́, што целовика на съѣденіе ёму дать надо. Выкинули жеребей, кому

ити по жеребью: тому бѣдному ити. Тотъ предложиу царю, штобы бочьку вина въ полё отвёзъ и другую пива, и къ бочьки зеркáла поддѣлали и тюкъ верёвокъ туды. И потомъ онъ тамъ пришоу, боцьку подставиу противу дуба съ зеркáломъ. Потомъ самъ выстау въ дубъ, и приходитъ лёвъ-звѣрь. Потомъ смотритъ онъ въ зéркало, и тамъ мужикъ видно. И лёвъ-звѣрь говоритъ: «Што ты меня безпокоиу? попаў топеря?» Потомъ, какъ лапой задѣнетъ, по зéркалу съѣхалъ лапой, отшатúуся отъ зеркала. «Всё ровно, говоритъ, ты не уйдёшь, давай пиво пить». Потомъ бочьку вина выпиў и заснуу спать. Ёнъ и выходитъ съ дубу, ёγо верёвкамы и связау такъ крѣпко, што и не розвязау бы. Потомъ спаў, спаў, троэ сутки спау и проснууся. Хто меня связау, говоритъ, розвяжи, говоритъ; боля не прúду сюды». Потомъ мужикъ скаже: «Если не тронешь меня, такъ розвяжу».—«Пріятель, говоритъ, розвяжи; хвастай сколько угодно, не тронў, не прúду больше». Другъ другу въ ноги, да и роспростились. Царь отець ёму полцярьсва за то дау, што онъ избавиу всихъ ихъ отъ смерти. Топерь оны живутъ хорошо. Тамъ я была, мёдъ пиво пúла, а по усамъ тёкло́, въ ротъ не попало. Дали лошадку леденўю мни, сёдло́ соломенно, плётку горохову, синь кафтанъ, красну шапку, сѣла да поѣхала, а птицька рычитъ: «синь кафтанъ». А я думала «скинь», взяла да скинула; «чорна шапка, чорна шапка», а я думала «цёрта»; взяла тую и выкинула. Пріѣжжаю, байна горитъ, и давай, вышла сверьху, байну гасить; плётку горохову птицьки росклевали у меня, а сёдло соломенно сгорѣло, а конь леденной ростаилъ. Вотъ я и осталась ни при цёмъ.

86.

Чернокнижникъ.

Записана тамъ же.

До́сюль жиу мужикъ да баба, а мужикъ быу церноюнижьникъ. «Старушка, если буду померать, «одна-ль ты въ ызбú?» спрошу, скажы, што «одна». Ну, и жыли оны пóжыли. Стау померать и закрыцалъ: «Одна-ль ты въ ызбú?» Она говоритъ: «Однá». Потомъ глядитъ: у нёγо рука вы́пала, потомъ нога, она и на пецьку забралáсъ; ёнъ и скочиу, стóячи стау и къ пецьки

приходитъ и говоритъ: «Не уйдёшь». Она во́зьметъ полѣно, ё́му бро́ситъ въ зубы, у нё́γо полѣнья такъ что въ пыль ле́тятъ вси; потомъ полѣнья перестали; потомъ она прямо съ пецьки соскоцила и въ цюланъ, цюланъ за́перла, онъ въ слѣдъ: «Не уйдёшь». Потомъ къ две́рямъ приходитъ, давай двери грызть, дыроцьку прогрызъ, туды зглянуў: старуха тамъ. «Не уйдёшь», говоритъ. Потомъ погрызъ, погрызъ и голову запихаў. «Не уйдёшь», ей говоритъ. Она всѣхъ святыхъ по́мнитъ тамъ. Давай ащá грызть, чтобы влѣзть туды. Потомъ сѣдой старицёкъ приходитъ въ сѣни и тростью ё́γо по спи́ны удариў, ёнъ и упаў. Старушки говоритъ: «Старушка, выходи о́ттуль, выходи; пойди въ деревню на погосъ, говоритъ, везти наймú, а сама не поѣзжай». Ёна въ деревню ушла, охвотниковъ выкликивать стала везти старика. Нашоўся пьяньцюшка за поўштофа ёго везти. Ну, ё́му и сдѣлали гробъ. Заковали о́бруцямъ желѣзныма ё́γо, тройку ко́ней впрягали и повезли ёγо, а вёрсъ трицять до погосту везти ё́γо (досюль такъ жили, это досю́льщина). Мужикъ полштофа выпиў и сѣў на гробъ, да поѣхалъ да пѣсенки еще поётъ. Ѣхаў, ѣхаў, кони совсимъ не пошли, кони съ жоўтой пѣной. У нё́γо хмель стаў выходить, обруць лопнуў, онъ съ гроба вылетѣў, потомъ и побѣжаў домой; бѣжытъ да слышытъ: обруци лопаютъ послѣднiи. Церьнокнижьникъ съ гроба встаў, крыкнуў: «Не уйдёшь». Мужикъ на колѣнка и упаў, дѣлать нечего, взяў, чацу прибраў, на дерево и встаў. Глядитъ: бѣжытъ, фурскаэтъ и на дереви ё́γо увидилъ и рыкнуў: «Не уйдёшь!» А мужикъ одва съ дерева не упаў. Онъ и давай дерево грызть, и дерево стаў упадать, онъ за дру́го поймаўся мужыкъ, дерево упаў, онъ къ вершины махнуў. «Не уйдёшь», говоритъ. Потомъ осмотрѣўся: въ другомъ дереви ё́нъ, и давай на одно къ ряду грызть и къ вершыны не ходитъ. Мужикъ съ деревомъ упау да и въ ходъ, а онъ тамъ грызётъ, слышно, и до деревни недалёко заводитъ; глядитъ: онъ бѣжытъ и крыцитъ: «Не уйдёшь». Потомъ ри́гача близко, онъ въ ри́гачу; только успѣў убраться— «хозяинъ, сбереги», скае». Ригацникъ хватитъ пыльникъ (камень въ ригачѣ), да ё́γо этымъ пыльникомъ, давай съ нимъ возиться. Одинъ паў въ ригачу, другой паў за порогъ. Потомъ недосугъ мужыку, въ деревню побѣжаў, потомъ въ деревни объявиў, што церьнокнижникъ въ ригачи лежитъ. Потомъ пришли артелью, въ грубъ (такъ) ё́γо клали, да артелью отвезли на погосъ, въ ницъ землю, и похоронили ё́γо туды.

87.

Хлоптунъ.

Записана тамъ же.

Досюль жыу мужыкъ съ жоной и въ Питеръ уѣхау. Сказали жонки, што помёръ; она объ нёмъ плацетъ: «Хоть бы мёртвый, значитъ, пріѣхау, посмотрѣть бы». И пріѣзжаэтъ домой. Она говоритъ: «Говорили, што ты помёръ». — «Нѣтъ, онъ говоритъ, соврали такъ». — Да стали оны съ нимъ жыть да пожывать, ей думаэтця всё, што онъ мёртвый. Въ деревни сдѣлауся покойникъ, ёй охвота посмотрѣть, зовётъ ёго туды посмотрѣть. Онъ говорить: «Нѣтъ, не пойду». — «Пойдёмъ», — говоритъ. Ну и пошли. Приходятъ туды. Тамъ съ покойника этого тряпицьку снимаютъ сродники, смотрятъ на нёго, а ёй мужъ стоитъ у порога усмѣхаэтця. Она на нёго смотритъ, думаэтъ: «Што же онъ усмѣхаэтця?» Потомъ домой пошли. «Што же ты смѣяуся?» спрашиваэтъ у нёго. Говоритъ: «Такъ ницёго я». — «Скажы», она скае. — «Вотъ, скае, какъ тряпицьку снимутъ съ нёго, покойника, а черьти пихаютця къ нёму въ рутъ». — Такъ она говоритъ: «Што же тутъ будя, што оны пихаютця». — «Ну, говоритъ, онъ: хлоптунъ рудится». — Она говоритъ: «Што же онъ будётъ дѣлать?» — «А сдѣлаэтця, говоритъ, онъ пять годовъ, живётъ хорошо, потомъ буде, скае, јись скотину, людей». — «Такъ какъ же, говоритъ, ёго переведутъ, какъ онъ јись буде?» спрашиваэтъ у нёго. Ну, потомъ онъ говоритъ: «А вотъ жеребець, который не кладаный, такъ оборотъ отъ нёго надо снеть отъ коня, да этой оборотью назадъ руку бить, ёнъ и помрётъ», скаже. Ну, ёны тутъ жыли-пожыли, ёму (мужу ёйному) пятый годъ пошоу. Она и боитця; говоритъ старику да старухи она, што «не сынъ вашъ е, а хлоптунъ». Оны говорятъ: «Какъ такъ?» говорятъ. Она говоритъ: «Такъ, что хлоптунъ». Она имъ росказала. Она говоритъ: «Послѣдній годъ онъ жывётъ; онъ говоритъ насъ съѣсть», скаже; «надо тутъ, скае, оборотъ навѣдывать» (у кого есть). Ну оны оборотъ навѣдали, такъ што онъ послѣдни дни жывётъ ужъ. Оны ёго посматриваютъ, глядятъ, такъ ужъ онъ на дороги коровъ ѣсъ. Потомъ взяли эту оборотъ, назадъ руку ёго бить. Онъ упау. Говоритъ: «Сгубила ты меня», говоритъ. Ну потомъ и вся.

 Адр. 102

88.

Иванъ царевичъ и сѣрый волкъ.

Записана въ д. Кедрозерѣ Петрозаводскаго уѣзда отъ крестьянки Устиньи NN 25 лѣтъ.

До́ сюль быў мужикъ да баба. Быў у нихъ сынъ одинакый. И потомъ ёны этоγо выростили и онъ боушой стаў. Потомъ ёγо отецъ взяў и говоритъ: «Ежели ты этой службы не справишь, мы тебѣ голову на плаху». Потомъ ёнъ роздумауся, роскруцинпуся и потомъ къ бабушки въ задворенки приходитъ на думу. Бабушка говоритъ: «Ни круцинься, Иванъ царевиць, твои дѣла вси поправятця». И пошоў Иванъ царевиць, пошоў въ путь-дороженьку. Смотритъ: три дороги, и онъ въ середню пошоў, и съ одной бѣжытъ кошка, съ другой заэць, съ середней воўкъ бѣжытъ. И ёнъ пошоў по середней дороги. И воўкъ говоритъ: «Я тебя съѣмъ». И ёнъ говоритъ: «Не съѣшь, я тебѣ годежь (та́къ) буду». Ну потомъ ёнъ сѣў на́ воўка и въ царьсво съѣхаў. Ёнъ и пріѣзжаэ въ царьсво, къ бабушки въ задворенки приходитъ, воўка по́ лѣсъ пустиў. И ёнъ бабушки совѣту спросиў: «Бабушка, говоритъ, какъ мни въ царьсво зайти, жаръ-птицю достать?» Потомъ ёнъ и пошоў по этымъ царьсвамъ и зашоў въ царьсво ночью, гди жаръ-птиця, въ то́э. И ёнъ пришоў, двери прошоў, другіи прошоў, семеро прошоў, за восьмую дотронўў и зазвонили за восьмыи двери, и такъ ёγо и схватили. Ёγо и подхватили. Ёнъ вышоў сюды, за ворота вышли ёны (слуги царьскіи), подумаў: «Гди-то мой сѣрый воўкъ?» Подбѣжаў, ёγо и подхватиў, и вси люди сдивовались, сѣрый воўкъ взяў, и вси хрещоны тутъ осталисъ и сдивовалисъ. И потомъ на дру́гу ноць онъ опеть пошоў, въ царьсво зашоў и двери послѣдніи девятыи дотронўў и опеть струны зазвонили, ёγо опеть и подхватили. Ёнъ вышоў какъ съ јима на дворъ, и подумаў только, сѣрый воўкъ опеть тутъ прибѣжаў и опеть хрещоны тутъ осталисъ, сдивовались. И опеть на третью ноць пошоў ёнъ туда, и пришоў, за девяту дверь зашоў и жаръ-птицю взяў и вышоў и подумаў: «Гди мой сѣрый воукъ?» (ёγо захватили съ жаръ-птицей). Сѣрый воўкъ пришоў и взяў ёγо съ жаръ-птицей, вси хрещоныи сдивовались и тутъ и осталисъ. Потомъ пришоў къ бабушки въ задворенки, оставиў жаръ-

птицю и пошоу въ поле за воукомъ. И потомъ сѣрый воукъ набѣжау, и сѣу на нёγо съ жаръ-птицей и поѣхау въ другю царсво, и пріѣхау опеть къ бабушки въ задворенки въ друго царсво. И ёнъ говоритъ: «Я, бабушка, къ теби на думу пріѣхау, и мни бы какъ достать коня золотогривоγо у царя». И ёнъ пріѣхау, да бабушки и говоритъ: «Какъ мошно мни подхитрить, въ ваши царьскіи конюшеньки заѣхать?» А ёна́ говоритъ: «Ложисъ и Богу молисъ, а утро придёгъ, всё окажетъ».— И ёнъ пошоу, въ эту конюшеньку зашоу, въ двери зашоу, въ другіи зашоу, третья отвориу, ёγо опеть и подхватили лакеи, и потомъ ёγо опеть сюды на дворъ вытащили этоγо вóра, и ёнъ подумау воука сѣроγо, и воукъ набѣжау и ёγо взяу. Вси хрещоны сдивовались, тутъ и осталисъ. И къ бабушки въ задворенки зашоу опеть и потомъ ёнъ опеть на другу ночь походитъ, потомъ ёнъ бабушки говоритъ: «Какъ же мни коня достать?» Бабушка говоритъ: «Нынь ложисъ, да Богу молисъ, утро мудренѣа вечера». И третью ноць онъ пошоу, перьвы двери прошоу, други прошоу, третьи прошоу, цетвёрты отвориу и коня захватиу, и ёнъ пошоу, увёу со дворця коня съ конюшенокъ. И потомъ ёγо услышали и захватили кóнюхи, и ёнъ подумау: «Сѣрый воукъ гди мой?» И ёнъ подбѣжау, ихъ и подхватиу, коня и мужыка, и вси сдивовалисъ, осталисъ тутъ. И унёсъ опеть за́ полё, въ пóлё, и ёнъ обрадоваусн: «Я очень весёлый и радостный, бабушки говоритъ, дви вещи достау: жаръ птицю и коня золотогривоγо. Благодарю тебя, сѣрый воукъ, што ты меня не покинуу». Потомъ ёнъ поѣхау въ третье царьсво. Бабушки благодарность оставляэ. «Благодарю, што ты меня не покинула». Выѣхау съ этоγо царьсва, въ третье поѣхау и пріѣжжаэ въ третье царьсво къ бабушки въ задворенки на думу. «Што, бабушка, какъ мни совѣтуешь; такъ и такъ, дви вещи достау, а̀ще третью вещь хоцетця достать». —«Ложисъ и Богу молисъ, утро мудренѣа вечера буде».— Бабушка говоритъ: «Дѣвиця за три́деветь вѣньцямы, достанемъ». И ёнъ приходитъ, вышоу отъ бабушки въ дворокъ царьскій, спрашиваэ у служанокъ: «Какъ же мни подъѣхать, достать эту дивицю?» А ёны, эты служанки отвѣчаютъ ёму: «Што, Иванъ царевиць, ходишь, гуляэшь?» —«Я хоцю у васъ достать дивицю, такъ какъ-же мни подъѣхать, дивицю достать эту?»— И ёны говорятъ: «Мы выйдемъ гулять на дворець». И ёнъ пошоу закруциниуся опеть отъ этоγо царя, отъ этоγо дворця и запечалиуся и голову повѣсиу. Приходитъ къ

бабушки въ задворенки. «Ай-же ты, бабушка, какъ же мни топерь не круцинитця, ни пецялитця; и ни въ своёмъ я царьсвѣ гуляю, и ни на своей я земли хожу у васъ, и какъ же мнѣ не круцинитця, не пецялитця, и я сытой выти не ѣдау. крѣпка сну я не сыпáу». И потомъ ёнъ скаже: «И я досыти не пивау пищи» (воды).— «И што же ты, Иванъ царевиць. Богу молисъ да спать ложисъ, утро мудренѣа вецера».—Ёнъ и повалиуся, и уснули въ царьсви вси, во дворьци тамъ. И ёнъ повыстаў, въ крѣпкый сонъ вси заснули и не услышали. И ёнъ ушоу отъ бабушки въ конюшенку и выводитъ свóγо коня золотогривоγо и ёнъ садитця, очень плачетъ, съ бабушкой прощаэтця. «Ай же ты, бабушка, прощай меня и побереги мою жаръ-птицю». И сѣу на коня и поѣхау. Сидитъ тамъ дивиця за тридеветь вѣньцямы, ёна дожидаэтъ ёγо и ёнъ ѣхау; въ вѣнець скоциу конь и въ другой скоциу и въ третій скоциў; въ послѣдній вѣнець девятый. И дивиця услыхала и срѣтаэ ёγо въ окошецьки. Ёнъ взяў ю поцѣловау. Ёна взяла, перснемъ ударила ёγо въ лобъ. «И быдь же ты мой богосу́жоный и богоря́жоный». И ёнъ отвёрнууся, и быу и нѣтъ. И услыхали вси лакеи, ёγо захватили, и потомъ ёнъ подумау своимъ у́момъ: «Гди же мой воукъ?» Сѣрый воукъ спцясъ набѣжау и ёго захватиў и унёсъ воукъ коня золотогривоγо и мужика, Ивана царевиця. И вси сдивовалися и вси тутъ остались. И ёнъ пришоу къ бабушки въ задворенки и очень весёлый, хорошій, што видѣу, поцѣловау ю. И бабушка ска: «Вотъ я сказала, што ложись и Богу молисъ, утро мудренѣа вечера». И ну ёнъ очень весёлый спать лёгъ на спокой, и ёму дивиця говорила: «Приходите въ двѣнацять часовъ во дворець, и я выйду съ нянькамы, съ мамкамы и съ вѣрныма служанкамы, выйду гулять на дворець, ты пріѣжжай ко мни тоγда, ежели думно меня захватить». И ёна выходитъ съ мамкамы во дворець гулять въ садокъ въ двѣнацятомъ часу, и ёнъ сѣу на коня и поѣжжаэ, и бабушка очень слёзно плацетъ и сѣу на коня и простиўся съ нёй, и ёнъ наѣхау. Вси люди сдивовались. «Какой же это целовѣкъ? И приходитъ въ наше царьсво сѣрый воукъ и третьёγо целовѣка вѣрно рѣшиу ужъ воукъ». А бабушка знаэтъ, што одинъ, а хрещоны говорятъ, што третьёγо съѣў и жаръ-птицю и дивицю захватиу и коня съѣу и ноньче опеть съѣў целовѣка. А о той поры ёнъ всё одинъ. И ёнъ схватиў дивицю сиби на коня на колѣни и подумау сѣроγо воука; ёнъ тутъ и есь; и уѣхаў. Вси

сдивовались. И ёнъ пріѣхау къ бабушки очень радосный, весёлый. «Благодарю тебя, бабушка, што ты меня не оставила и на думу наставляла, на совѣтъ». А тамъ вси остались, тамъ кручинно очень и пецяльно: коня взяу и дивицю взяу. И ёнъ прощаэтця, отъѣжжаэ отъ бабушки очень довольный съ этоγо царьсва, съ третьёγо, въ свою землю, въ свои стороны. И отъѣхау ёнъ со всима (такъ) отъ бабушки и роспростиуся. И пріѣжжаэ ёнъ въ своё царьсво къ своей бабушки прежней γъ задворенки. И бабушка обрадовалась, што на сю землю явиуся и што ёйны дѣла вси испоунились. И потомъ ёнъ приходитъ и оставиу тутъ у бабушки дивицю, коня золотогривоγо и жаръ-птицю и домой пришоу къ матушки. И матушка обрадовалась, што ёнъ явиуся на сей зёмли очень радосный, весёлый, и сицясъ вѣдомъ дала своому мужу-супругу, дала, што сынъ нашъ явиуся на сей земли. Сичясъ царь ставаэ очень радосный, весёлый (одинакый сынъ быу). И потомъ ёнъ ёγо сичясъ на лицё къ себи потребоваў, правда-ль есь, аль нитъ, што не соврали-ль, вишь. И ёнъ приходитъ къ отцю на лицё и на колѣнка падаэ. «Ай же ты, родитель мой, сроститель нашъ». И ёнъ ска: «Какъ твои дѣла поправились?» — «Мои дѣла вси хороши, слава Боγу». Потомъ ёнъ: «Ай же ты, мой сынъ, што я тиби наказываў, ты справиу, али нѣтъ, службу?» — И потомъ ёнъ: «Совсимъ я, впоуни́, справиу». И сичасъ γъ бабушки пошоу за жаръ-птицей и за дѣвицей. И ёнъ возимаа у бабушки дѣвицю, жаръ-птицю и коня золотогривоγо. «Ай же благодарю тя, бабушка, на думы на твои, на совѣты, на добрыи дѣла́». И выходитъ ёγо отецъ и во дворецъ въ царьсво въ садокъ и встрѣчаэ ёγо. «Айже ты мой сынъ любимый и одинакый, што ты мою прозьбу споуниў впоўни во всёмъ». И принимаа отецъ жаръ-птицю отъ ёγо рукъ и снимаэ шапку пухову и блаγодаритъ, и вси дивуютця-цюдуютця. И потомъ коня отцю вводитъ въ руки и вси радуютця, веселятця, дити ёγо и жена и вси хрещоныи. И потомъ ёнъ коня взяу отъ ёγó и потомъ онъ скаже: «Какъ ты сумѣў достать дивицю, такъ и Богъ блаγословитъ». И вѣньцять стали. И огвѣньцялись и стали жыть, побывать и добра нажывать.

89.

Летающій сынъ.

Записана въ д. Кедрозерѣ Петрозаводскаго уѣзда отъ крестьянки Устиньи NN 25 лѣтъ.

До́сюль быу купець да купциха, у нихъ быу сынъ одинакый, и ёнъ стау просить родитель, што «родители выуците меня летать». На двѣнацять язы́ковъ ёγо выучили; потомъ взяли ёны, амбаръ состроили (клѣтушецьку небольшую) и взяли ёны учителя ёγо уцить летать и стали́ ёγо уцить, уцитель этотъ летать: поперёкъ амбарьця стау летать, а потомъ уцитель ушоу обѣдать, ёγо оставиу одноγо летать. И потомъ приходитъ уцитель къ нёму, и ёнъ ужъ летаэ внизъ и въ верёхъ. И соцниуся у отця бау (имениньщикъ по нашему, по вашему бау), и уцителя созвали́ на бау, а ёго и не́ взяли, оставили тутъ. И ёнъ распрогнѣваўся (такъ) на родителей, очень расплакаўся (такъ) и ёнъ взяу вылетѣу въ верёхъ въ окошецько на улицю вылетѣу, на царьство и полетѣу со своγо царьства и зглянуу внизъ, и зъ грошъ это царьсво своё покозалосъ. И сицясъ уцителя стревожыли послѣ хлѣба-кушанья-питья: «Посмотри, хорошо ли летаэ, али нѣтъ? Привыкнуу али нѣтъ?» Приходятъ служители да уцитель, и сицясъ ёнъ приходитъ къ ёγо родителямъ: «И нѣту вашеγо сына», извѣсье дау. И дали знать по всимъ царьсвамъ, што нѣтъ ли этоγо загулящоγо, залетущоγо, и «нѣту», отвѣтъ имъ дали. И ёнъ слетѣу въ друго царьсво и заходитъ къ бабушки въ задворенки. «Ай же ты, бабушка, какъ же ты мнѣ совѣтъ и думу дашь?» И ёнъ поговориу съ ёй, подумаў; и бабушка ёму сказываэ: «Есь это въ нашемъ царьсвѣ дѣвиця хороша и у отця есь домъ состроэный на одинасьвѣ» (никакоγо нѣтъ жительсва). И ёнъ пошоу туды, зашоу въ ёйный садъ этотъ молодець и сидитъ въ садку, яблоцьковъ пощыпливаэ и закусываэ ночью. И сицясъ ёна́ повыстала, вымыласъ и сѣла къ окошецьку золотоэ яицько на блюдѣ катать. И молодець зглянуу въ окошко. «Ай гляди, Настасія (это мальцикъ говоритъ дивици), у насъ яблоцки повыщыпаны у коγо-то». Оны ёγо не знаютъ и не ви́дя. И потомъ ёнъ по дру́гу ноць повыщипаў, поѣу и нашоу въ хоромахъ у нихъ окошецько вверьху́ и залетѣу къ нимъ въ хоромы. И всицясъ ёнъ зашоу къ ёй въ по-

кой, сняу одѣяльцё и обрядиу подъ койку подъ ёйну и ушоу отъ ёй опеть и опеть сѣу яблоцьковъ пощыплевать. По другу ноць опеть зашоу къ ёй въ хоромы и взяу башмацьки ёйны обрядиу и самъ опеть ушоу взадъ. И ёна повыстала, прохватиласъ и помылась и башмацьки схватилась, и нѣту. «На што же ты, сукинъ сынъ, надо мной смѣешься другу ночь? — мальчику говоритъ, «што же ты надо мной это сдѣлау?» И ёнъ отпераэтця, божытця. Потомъ ёнъ по третью ночь къ ёй подобраусся, одѣяльце сняу и поцѣловау ю, и она ёго захватила. «Достань огонь», закрычяла. Мальчикъ достау огонь, и ёна повыстала и помылась, и потомъ ёны стали—обы сѣли въ картоцьки играть за стоу. Ёнъ сутки жыу играу, другіе жыу играу, третьи сутки говоритъ: «Въ третьи сутки ко мни матушка пріѣдетъ, скройся куды хошь». Ёна ёго ухоронила, ёнъ и въ садъ силъ опеть яблоцьковъ пощиплевать. И мать пріѣхала, и дочька тоуста заводитъ оцень, и мать очень ю припераэ, а ёна отпераэтця. «Вѣрно мальцишка смѣется надо мной». Мальчикъ откидываэ; ёго не сказыва. И отець наѣхау цетвёрты сутки. Отець наѣхау и матьотець говоритъ. «Што же ты эдака сдѣлалась?» И ёна́ говоритъ: «Это вѣрно мальцишка надсміяуся». И отець клау клепци въ окошецькахъ ёйныхъ. И ёнъ это не знау и залетѣу въ покойцики, поу полы́ и оторвау. И поу полы вырвау, улетѣу отъ ёй и осердѣуся. И отець приходитъ по вутру вставаэ и тамъ поу полы́ въ клепцяхъ, и ёнъ приноситъ эту полу́. «Што же ты говоришь? ажно гости пріѣжжающи, незнающи хъ теби ходя; твоя голова на плаху съ этыхъ поръ». Отець дау знать по всему царьсву. Наѣхали со всёго царьсва и ёго достали, этого дитину. И ёнъ наѣхау, и сичясъ съ ей свиданіе сдѣлали: «Какъ намъ станутъ петлю на шею кладывать, на ступень сту́плю, ты покрѣпче держисъ и на другу сту́плю, ещё крѣпче держисъ за меня, на третью сту́плю, ащё покрѣпче». И всихъ музыкантовъ собрали́сь, вси сдивовались и сцюдовались. И потомъ заиграли въ му́зыки (по нашему: въ гармоніи), и ёни́ слёзно заплакали. На другой ступили, ёна еще крѣпче захватилась, на третью ступили, такъ еще баще (лучше) заиграли, штобы имъ не такъ тошно было плакать. На третью ступили, и онъ стряхнуу польто́ съ себя, крылушка подвязана у нёго, и хоцетъ петли класть на шею имъ, и ёнъ и полетѣу, и вси сцюдовались: «аньгелъ дочку унёсъ, аньгелъ дочку унёсъ». И вси тутъ остались. И ёнъ вглянуу внизъ, одинъ грошъ земля показалось царьсво ихъ. И ёнъ

слетѣў въ своё царьсво, прилетѣў домой и эту дивицю оставиу у бабушки въ задворенки, а самъ пошоў къ отцю къ матери, проситъ јись и пить (вроди калики). И стали јись и пить, и потомъ говоритъ, стау на колѣнка: «Вы мои родители и я вашъ сынъ, и я васъ отрёкнуўся и вѣдь опеть къ вамъ пришоў, къ вашему родительскому бласловленію». И ёнъ сходиу, взяў эту дивицю, отцю матери сказаў, и сицясь повиньцялисъ. Ёна сына рóдила, ёны стали жыть-пожывать хорошо.

90.

Садкó.

Записана отъ крестьянки «Дмитріевны». 35 лѣтъ, въ д. Кедрозерѣ Петрозаводскаго уѣзда.

Было у старика доскóль три сына. Одинъ сынъ пошоу: «Бáтюшко, поду я въ Москвý въ кáменьщики». И снарядиўся, одѣўся, пошоў. Шоў, шоў дорогой, неизвѣсно, далёко-ль, близко-ли шоў. Потомъ рѣцька черезъ дорогу бѣжытъ, черезъ рѣчьку мосъ, на мостику сидúтъ дѣвка: «Што, говоритъ, молодéць, куды пошоў? Не снесёшь-ли, говоритъ, братцю мому письмá? Братець мой, говоритъ, въ Москвы торгуэтъ».—«Можно», говоритъ. Она опустиласъ, гъ воду скочила эта дѣвка, потомъ приноситъ ёму письмó, съ воды́ вы́стала, наказыватъ: «Вотъ, говоритъ, мой братъ торгуэтъ, замѣчай: лѣва полá на вéрьху, подай письмо ёму». Ну онъ и приходитъ γъ Москву и ищетъ ёγо по рынку и замѣчаатъ всё, день ходитъ, другой ходитъ и третей ходитъ, все пристать не смѣэтъ къ ёму, и видитъ, а не смѣетъ, вишь. Ну потомъ этотъ видитъ, што онъ смотритъ на ёγó (братъ-то), онъ и говоритъ: «Што-же, молодець, ни купишь, ни продашь, а всё ходишь».—«А есь, говоритъ, письмо пóслано, не знаю вамъ али нѣтъ». Подаў онъ ёмý, онъ прочитаў адресъ: «Мни, говоритъ, письмо». Прочитаў письмо это, да говоритъ: «Писано хъ письми у сёстры: кресьянинъ сострою мельницю противо сáмоγо дóму, такъ што съ трубы дымъ вóвсё не идётъ. Што, говоритъ, тиби за это письмо?» Тотъ: «Ничеγо мни, скаже, не надо».—«Вотъ поди, говоритъ, найми вя́щиковъ (сѣтовя́зовъ)»,

и даў ёму денёгъ, «сдѣлай неведъ». Онъ шоў, ня́няу и связаў не́ведъ. «Деньги перестанутъ, такъ ко мни приходи». Ну онъ— деньги перестали—опеть къ ёму пришоў. Ну онъ опеть ёму даў денёгъ. «Ну и найми ловьцёвъ нынь, скаже, ёму. Ну и деньги какъ перестанутъ, опеть ко мни приди. Ну и лови, щепья́ попадутъ, клади о себѣ въ куцю, и му́соръ попадётъ, клади опять въ другую кучю, а деньги перестанутъ, опеть ко мни приходи». Опять ёнъ и стаў ловить; щепки кладётъ о́ себѣ, мусоръ о́ себѣ и ловиў, ловиў и ужъ много наловиў этоɣо мѣста, боІшіи кучья онъ наловиў. Опеть приходитъ къ ёму,— деньги перестали. Опеть онъ денёгъ ёму даў. «Сострой два амбара боІшихъ, ну и клади это всё по о себѣ, ще́пки въ амбаръ, му́соръ въ друго́й. Ну и самъ не ходи, шесь недѣль въ эхтотъ амбаръ не ходи». Ну, потомъ къ ёму приходитъ, шесь недѣль прошло. «Отвори нынь амбары»,скаже. Отворили амба́ры: тамъ въ одномъ зо́лото, въ другомъ се́ребро. Потомъ онъ взяў, закупиў въ Новигородѣ въ три дня́ всю, весь товаръ, што было, на двѣнацять караблей нагрузиў этотъ товаръ, и поѣхали за́ морё. Потомъ пріѣхали средъ мо́ря, вси карабли постановились, требуэтъ Садка́ самоɣо на дно на́ морё. Ну онъ и ска́жетъ: «Дайте-тко дощечку мни-ка ли́пову и гусёлушка ерушчаты (такъ!)», и онъ опустиуся на эту дощечку, и корабли и пошли хперёдъ. Онъ сбыуся на дни, не знау, какъ и сбыўся на дни́. Тамъ стоитъ полата боІшая, ёɣо стрѣчаютъ ужъ тамъ, называютъ «Садкѐ самъ богатый купець идётъ». Потомъ царь и вышеў, стрѣтиу ёɣо́ и сдѣлау ёнъ бау сиби, заставиу: «Садкѐ самъ богатый купець, поиграй въ гусёлышка ерушчаты». Ну онъ играў три дни, а царь плясать стаў. Потомъ съ небесъ гласъ гласитъ царю: «Время усмериться, триста ка́раблей потонуло, а мелкихъ и смѣты нѣту». Потомъ царь ёму съ радости: «Што тиби надо, тымъ тебя и награжу, и котору дивицю тиби надо заму́жъ, и тую ты возьми́». Ну, одна дивиця въ си́няхъ (синя́хъ) ёму сказа́ла: «Ты меня возьми, я роду хрещоноɣо, проси». Ну онъ показау на ю, што «эту мни-ка за́мужъ». Царь ю ёму и позволиу ю взять. Выставиу трицять дивиць и «выберай». Она ёму накчзала, што «первый разъ пойдёшь, такъ у меня бу́дётъ му́шка лётать, а дру́гой разъ пойдёшь, такъ я башмакъ буду на́ ноги перелаживать, третій разъ пойдёшь, такъ я только платкомъ смахну́, ту ты вы́веди». Тутъ онъ ю и взяу за́мужъ, эту дивицю. Ну, и тутъ царь даў шестёрку

лошадей, ихъ тутъ и вывезли на то усье, гди карабли прошли, тоэ мѣсто, тамъ онъ и огвѣнчауся, всё своё получпў, и тутъ Садко́ самъ богатый купецъ и торговать стаў.

91.

Иванъ безчастный.

Записана тамъ же, отъ той же.

До́сюль бьў у вдовы Иванушка беща́сный сынъ и нихто ёγо́ не во́зметъ въ робо́тники, ни хъ пастухи́, никуды́. Пришоў ёнъ хъ царю въ соўдаты даватьця. Царь скаже: «Што-же ты въ соўдаты даваэшься? Столько служу, этакоγо охвотника не видаў». —«Я, говоритъ, какъ бещасный есь». Царь скаже: —«Мни не надо бещасноγо, у меня́ вси поўки́ пропадутъ за тебя́». Ну потомъ цареўна вышла,—онъ весьма бьў красивый,— она говоритъ: «Татенька, отдай меня за́ ёγо за́мужъ, можетъ, онъ изъ-за жены будётъ щасливый». Царь розсердиўся, взяў, выдаў ю за́мужъ за ёγо́. Наградиў ю всимъ. Ну оны жыли, по́жыли, все прошло у јихъ, не стало ничеγо. Потомъ она платокъ стала шить золотомъ. Ну, вышыла платокъ: «Поди, продай». Ну онъ и пошоў продавать. Купецъ одинъ и смотритъ на ёγо́. «Што, говоритъ, молодецъ, не купишь, не продашь, воровать вѣрно хочешь». Онъ скае: «Купить-то нечеγо, а продать е́ чеγо».—«Што, скаже, продать?» —«Есь платокъ». — «Што возьмёшь: сто́ рублей, али слово?»...

- - - -

92. Аф 219 d

Воръ Мотрошилка. Ср. Аф. 219 d

Записана тамъ же, отъ той же.

До́сюль у старицька было три сына, два сына жывутъ какъ жывутъ, а третій стаў поворуевать немного. Спе́рьва по мужицькамъ маленько, потомъ еще по господамъ, потомъ стали

царю жалитьця. Царь и скае: «Поди, одинарець, сходи за старикомъ». Ну, старикъ и пришоу, Богу помолиуся, на вси стороны поклониуся и царю поклонъ воздау. «Здравсвуй, надёжа великый государь». Онъ и ска: —«Что, старицёкъ, сынокъ-то твой ворўя?» Онъ ска: «Нѣтъ, надежа великый государь, не воруя, а привыкаэ». Онъ и скаже:—«Ну когда, говоритъ, привыкаэтъ, такъ пускай у меня украдётъ чашу и скатереть, тогда Богъ и великый государь прощаэ. Нѣтъ, ска,—тебя и сына казню».— Пошоў старикъ домой кручиноватъ, а сынъ въ окно смотритъ, головы повѣсиу. Ну сынъ и скаже: «Што, батюшко, кручинишься?» — «Ахъ сынъ, ска, сынъ, какъ не живёшь бласловясь, какъ други сынова жывутъ, какъ жывутъ. Вотъ царь службу накинуў укрась чашу и скатереть царьску, а нѣтъ такъ тебя и меня казнитъ». Ну онъ скаже: «О, батюшко, это не служба — службишко, хперёдъ служба будя». Ну онъ шоў на рынокъ, купиу лакейски платья, и тамъ бау у государя, узнау хъ который день, и на бау ѣдутъ вси енералы, поўковники, вси ѣдутъ. Онъ скоциу къ енералу на запятки и пріѣхали къ царьскому дворьцю. Онъ выскоциу съ запятковъ, приходитъ въ коумату въ царьску и платье снимаэтъ у этоγо енерала. Енералъ думаэ, што царьскый лакей, а царь думаэ, што енеральскый лакей. Оны стали кушать вси, потомъ откушали ужъ, со стола стали уберать, всё убрали, онъ тутъ же всё ходитъ, одна чашка осталась и скатереть, онъ завернуў и понёсъ изъ покоя хъ покой и на улицю вышеу и унёсъ домой. На другой день царю доложыли, што нѣту, потерялась. Царь скаже: «Мотрошиуко (такъ ёγо, вишь, звали), видно, укралъ. Одинарець, сходи-ка за старикомъ». Старикъ пришоу, Богу помолиуся, опеть на вси стороны поклониуся, царю поклонъ воздау. «Здрасвуй, надежа великый государь».— «Што сынокъ-то твой воруя?»—Онъ скаже: «Нѣтъ, не воруя, а привыкаэ».—«Чашку и скатереть у меня украу».—А старикъ ска: «Нѣтъ, не украу, взяу».—«Што онъ дѣлаа?» скаже.—«На скатерти ѣсъ, а съ чашки хлѣбаа». Потомъ—«Поди, скажы сыну, пускай у меня украдётъ царьскоγо коня, жеребьця угонитъ». Ну старикъ пошоу, опеть голову повѣсиу. «Ежели не угонитъ, тебя, ска, и сына казню». Сынъ опеть и спрашиваэ: «Што, батюшко, голова повѣсиу?»—«Ахъ, сынъ, сынъ, какъ не жывёшь опеть благословясь, опеть вотъ царь царьску службу накинуў, жеребьця угнать, а нѣтъ, такъ тебя и меня казнитъ».—«Ну, это

не служба, скаже, службишка». Ну потомъ онъ пошоў на рынокъ опеть и купиў худую лошадёнку и боцьку вина купиу, впрягъ и поѣхаў, и ѣде мимо царьскый дворець. Взяў да лошадёнку γъ воду и хъ канаву и пехнуў («лéжи тамъ»).Ну и приходитъ. «Ахъ, братци, царьски кóнюхи, пособитя вытащить лошадёнку». Ну оны и шли, посóбили ёму. Взяў нацѣдиў я́ндову цѣлую вина. Потомъ опеть стаў: «Братьци, царьски конюхи, нельзя-ли меня какъ нибудь пріютить къ ночи. Не всё вѣдь царь вѣдаа». Ну ёγо и пріютили къ ночи, тотъ по томъ, а другой по другомъ и пустили. Онъ опеть имъ винá нацѣдиў. «Пейте, братьци, сколько можете». Оны и напи́лись ужъ и вси дóпьяна и вси розвалялись, заснули спать. Онъ взяў клюци (на гвоздў) и пошоў въ конюшьню, посмотрѣў: стоитъ конь въ конюшьни. Онъ и γъ другую: и тамъ такой же опять конь. Онъ и хъ третью, и тамъ и третій такой же. Онъ и думаа: «Котороγо угнать? каковó, ежели не тоγо!» Ну, онъ и взяў всихъ трёхъ у́гнаў. Потомъ по у́тру выстали тыи, сходили въ конюшьню, жеребьця нѣту, γъ другую сходили, тамъ и другоγо нѣту, въ третью сходили, тамъ и третьёγо нѣту. Ну потомъ царю доложыли, што жеребци потерялись. Ну потомъ царь скаже: «Ну-жъ, это Мотрошиу́ка украў. Одинарець, сходи за старикомъ». Старикъ пришоў, Богу помолиўся, на вси стороны поклониўся, царю поклонъ вóздаў. «Здрасвуй, надéжа великый государь». —«Што, старикъ, што Мотрошиу́ко кóней тыхъ украў?»— Онъ скаже: «Нѣтъ, не украў, а взяў».—«Ну, пускай, говоритъ, съ подъ меня и съ подъ царици перину укрáдётъ, то што и Богъ и великый государь прощаэ, а нѣтъ, такъ тебя и сына казню».—Онъ идётъ, опеть кручинитця, идётъ, сынъ и стрѣчаэ ёγó. «Што, батюшко, кручинишься?»— «Ахъ, сынъ, какъ ты не жывёшь бласловясь, такъ вотъ царь велиў перину и съ подъ царя, и съ подъ царици украсть, нѣтъ—такъ тебя и меня казнитъ». — Онъ шоў опеть, шыў крылья себи, поддѣлаў, ну и видитъ: около царьскоγо дворьця окна пóлы у царя. Онъ подняўся и залетѣў къ ёму въ окошко, и зашоў въ ёγо спальню и подъ кровать и сѣлъ. Ночь пришла, царь и царицѧ пришли спать и повалились, гусельщикъ играэ въ гусли у нихъ; ну оны и заснули, и гусельщикъ заснуў. Оны и прироскатились маленько. Онъ выстаў да и въ серёдку нáсраў имъ. Оны спали, спали, прохватились. Царь скаже: «Царицѧ, ты усрáлась». А царицѧ скаже:—«Нѣтъ, ты, царь, усрáўся».—Ну, потомъ крыкнули, што уберитя постелю.

Онъ выстау съ подъ кровати, взяў ўбраў: «Дайте я уберу». И взяу и ўбраў. И съ покоя хъ покой, и съ покоя хъ покой и на улицю вышеў и домой ушоу и постелю унёсъ. Потомъ утромъ выстали, царьской постели нѣтъ, царю доложыли: «Постели нѣту». Онъ ска: «Мотрошиука это украу». Потомъ онъ сдѣлау бау себи и сóбраў всихъ енераловъ и всихъ поуковниковъ и всихъ арьхиреовъ и арьхимандритовъ и всихъ сóбрау нá бау сиби. «Одинарець, поди, приведи старика и Мотрошиуку». Ну, потомъ старикъ и Мотрошиука пришли къ государю, Богу помолились, на вси стороны поклонились, царю пóклонъ вóздали. «Здрасвуй, надéжа, великый государь».—«Старикъ, ска, што сынокъ-то у тебя воруэтъ?» Онъ ска: «Не воруэ, а привыкаэ».—«Чашку и скатереть у меня украў?»—Онъ ска: «Нѣтъ, не украў, а взяў».—«Трёхъ жеребцей украу?»—Онъ скаже: «Не украў, а взяў».—«Перину съ подъ царя и съ подъ царици украў?»—«Не украу, а взяў. Вотъ, скаже, што онъ дѣлаатъ: на скатерти ѣсъ, съ чашки хлѣбаэ, на жеребцяхъ катаэтця, а на перины спитъ». Онъ и скажетъ:—«Вотъ, господа енералы и вси, я, говоритъ, накинуу на нёγó три службы, и то, ска, ёγó Богъ прощаэ и великый государь, онъ вси исправиу. Што нынь ёму сдѣлать?» Вси сказали, што царьско слово взадъ не хóди, простить надо. Онъ и скаже: «Богъ прощаэ и великый государь, Мотрошиука, тебя».—И Мотрошиука пошоў домой. Арьхіерей одинъ и скаже: «Просто, говоритъ, вóрамъ воровать, какъ цари стали потакать». Онъ и кликне: «Мотрошиўко, воротисъ-ка назадъ: можешь ли этому арьхіерею што сдѣлать?»—Онъ скаже: «Надéжа, великый государь, черезъ недѣлю все будетъ готово». Шоу на рынокъ, накупиу всякихъ матерій и шыў сиби крылья и пошоу ночью къ этому арьхирею. Пришоу, колотитця, архирей и пустиў ёγó. «Хто ты таковый есь?» спрашива.—«Есь я аньгелъ съ небесъ; ваши, владыко, молитвы, вишь, доходны до Господа Бога. Господь боля не може слышать вашихъ молитвъ, послау меня за тобой».—Ну арьхирей обрадоваўся, забѣгау. Онъ: «Отче, говоритъ, къ Господу съ волосамы никакъ ити нельзя. Господь волóсъ не люби». Обрадоваўся архиреюшко, забѣгау ножьници искать. Потомъ онъ волосы у ёγó обриу у арьхирея этоγо. «Отьче, говоритъ, надо мѣшокъ какой-нибудь, летѣть вѣдь далёко-высоко, ты спугаэшься, не ровнó нá зень зглянешь, устрашишься, упадёшь нá зень. Я какъ къ Господу прилецю, какъ тебя по-

теряю?». Потомъ онъ взяў ꙋъ мѣшокъ клаў и понёсъ ёꙋо́. Выздынуў высоко въ ко́локольню (колоко́льню, хоть, по вашему) «Ну, говоритъ, отьче, я стану тебя пихать ꙋъ Господу, смотри не пе́рьни». Попихаў, онъ и пёрнуў. Онъ выдернуў назадъ и говоритъ: «Ахъ ты, глинна́я дыра, душу въ адъ провела́». Ну, и нацялъ ёꙋо́ взадъ по ступенямъ роўгать (поволокъ). И потомъ онъ повѣсиў на гвоздикъ въ тую церьковъ ꙋъ дверя́мъ; гвоздикъ щоўнуў ꙋъ дверямъ и мѣшокъ повѣсиў, гди царю итти къ обѣдни и дубинку клаў тутъ. Ну и подписаў на ворота, што «хто идётъ мимо этоꙋо мѣшка, такъ штобы всякому по этому мѣшку три разъ ударить; хто не ударитъ, то бы́ди про́клятъ тотъ». И потомъ хто идётъ, всякый ударитъ. Идётъ царь самъ къ обѣдни и смотритъ на надпись на эту. «Ну, лакей, говоритъ, ударь три разъ за меня и за себя».— Потомъ: «Сними, говоритъ, мѣшокъ, стряхни», говоритъ. Стряхнули, тамъ выскоциў целовѣкъ. Царь и скаже: «Хто ты такой?»— «Есь, говоритъ, арьхирей». — «Какоꙋо цёрта архирей, у меня такоꙋо арьхирея въ Ёро́пы нѣтъ. Налипай, говоритъ, лакей, ёꙋо́ подъ жопу». Потомъ: «Ну, говоритъ, это Мотрошиўка сдѣлаў». Отъ обѣдни пришоў домой царь. «Одинарець, сходи-ка за Мотрошиўкой». Мотрошиўко пришоў, Богу помолиўся, на вси стороны поклониўся, царю поклонъ опять во́здаў. «Здрасвуй, надёжа великый государь». — «Ну што, Мотрошиўко, исполниў службу арьхирею?»—Тотъ сва: «Испоўниў, ваше царьско величесьво». Онъ ёꙋо́ и наградиў.

- — -

93.

Попадья и разбойники.

Записана тамъ же, отъ той же.

До́сюль мазурики все въ гости ходи́ли и зовутъ попадью на мѣсто: «Приди къ намъ въ гости». И наказали ёй домъ и всё. Ну она и пошла и́нный разъ. Пришла къ ступе́нямъ, собаки на цѣпи́ боlшiи такiи у ихъ. Она́ взя́ла мяку́шку хлѣба, пополамъ розломи́ла и розбросила имъ. Оны и розбѣжались. Она и прошла по ступе́нямъ. Двери полы у јихъ, она и въ домъ

зашла къ јимъ; въ чюланъ зашла къ јимъ, у јихъ поуный чюланъ зо́лота. Въ другóй зглянýла, тамъ сéребра пóуно. Потомъ въ подпоу пришла, зглянула, тамъ тѣлéсъ мёртвыхъ поўный пóдпоў лежитъ наклáденый. Она подъ кровать и сѣла, ужъ видитъ, што бѣда. Тутъ вдругъ наѣхали розбойники, привезли дѣвицю. Посадили ю, самы́ нáчали винá пить; вина напи́лисъ, поужынали, взяли дѣвицю эту и зарѣзали. Взяли ю, розсѣкли всю, у ёй быу перстень именной, и этотъ пéресъ слетѣу ёй подъ кровáть. Она взя́ла въ корманъ себѣ пéресъ и перьстень этой дѣвици, и потомъ ввели медвѣдя овы эту кровъ лизать. Ну онъ кровъ эту вылизалъ всю. Ну, а тамъ атаманъ на кровати лежытъ, гди попадья сидитъ подъ кроватью, на той кровати. Такъ ужъ, Господи, медвѣдь цюетъ, што целовѣкъ лежытъ тамъ, рвéтця на ю, на попадью́, а атаманъ-то думаэтъ, што на ёγó. Атаманъ ска: «Выведите ёγó къ чёрту». Потомъ оны́ заснули, попадья́ и вышла, взя́ла мякушку, опеть собакамъ розбросила, да и ушлá. Домой приходитъ, по ýтру выстала, и мазурикъ наѣхалъ, опять въ гости пришоу къ ёй. Попадья взя́ла, попá послала къ десетнику и людей набрали, и сама ёγó угощать стала, этоγо мазýрика, а люди стоятъ подъ окошкомъ, и потомъ ёму и скажетъ этому мазурику: «Што какъ я ночесь во сня́хъ видла, быдто-бы я этакой дорогой пошлá». Ну онъ ска, этотъ мазурикъ: «Да, да тая дорога къ намъ и идётъ». —«Прихожу, у васъ домъ боlшой горазно». Онъ ска: «Такъ и есь, што боlшой и есь». —«И у ступеней есь дви собаки на цѣпи́». Ну, а мазурикъ ска: «Такъ, такъ, такъ и есь». —«И я бросила хлѣба, и собаки розбѣжалисъ». Мазурикъ ска: «Такъ, такъ, наши собаки такъ не пропустя». —«И быдто у васъ дверь пóла». Мазурикъ ска: «Такъ, такъ пóла и водится у насъ». —«И быдто бы у васъ цюлáнъ цѣлый зо́лота».—«Такъ, такъ, матушка, такъ и есь», скаже. —«И другой сéребра, и быдто у васъ подпольё поуно мёртвыхъ тѣлесъ лежытъ».—«Што ты, матушка, нѣтъ!» —«И быдто бы вы привезли дѣвицю, пріѣхали, и быдто-бъ вы эту дѣвицю —поужынали,—эту дѣвицю розрубили всю». — «Нѣтъ, нѣтъ, матушка, нѣтъ, штó вы!» —«И быдто-бы у ней ей пересъ и перстень подъ кроватъ слетѣу». —«Нѣтъ, нѣтъ, матушка». Она выняла пересъ и перстень съ кормана и показала. Ну ёнъ тутъ и побѣжау. Тутъ ёγó и захватили народъ.

94. Арх 216 и

Старуха отгадчица.

Записана отъ старухи Анны Ивановны, въ д. Кедрозерѣ Петрозаводскаго уѣзда.

Вотъ жыў старикъ да старуха, и у нихъ не было хлѣба куска појись. Ёна говоритъ старику: «Возьми, говоритъ, у сусёда, сусёдъ богатый, возьми, говоритъ, коровъ стадо у богатоɣо мужыка, запри, говоритъ, въ свою пожню и затыкни колоколы», говоритъ... Тамъ и стали коровъ тыхъ искать и найти не могутъ. И ёна приходитъ къ эхтому сусёду. «А што, говоритъ, батюшко, не могу-ли я въ сей вецёръ твойхъ коровъ отворотить?» Ну и ёнъ и говоритъ: «Ежели, говоритъ, твоя сила будётъ, чимъ могу, тымъ и поплацю, говоритъ, тиби, только коровъ вороти назадъ». И ёна гсійцясъ приходитъ домой вецеромъ къ ряду и велѣла старику: «Гони, говоритъ, старикъ коровъ домой». И пригнаў старикъ коровъ. Ну и сусёдъ ёй приносить на другой день пудъ муки. И тамъ опеть, какъ оны въ бѣдности жыли и опеть нужда пришла, и ёны опеть у другоɣо сусёда такъ сдѣлали, и такъ ёны прокормилисъ лѣто на этыхъ хватанціяхъ. И потомъ дошло дѣло это до государя,—пропаў самоцвѣтный камень,—што есть эдака воўшебниця, што може отгонуть, хто этотъ камень унёсъ. И потомъ ёны и пріѣжжаютъ оттуль за нёй, два лакея: одноɣо звали Брюхомъ, а другоɣо Хребтомъ. И ёны эты лакеи камень украли и говорятъ промеждў собой: «Ежели она можетъ отгонуть, што это мы взяли, то кладёмъ, говоритъ, куринныи яйця въ сани, такъ ежели она може отгонуть, што мы взяли, то може отгонуть, што у насъ яйця положены въ сани, какъ ю повезёмъ». Положыли въ сани яйця куринна, ёна безъ старика не поѣжжаетъ, надо старика взять съ собой. Она—перепала ёна, ска: «безъ старика не поѣду; ёнъ тоже знаэтъ», ска. Ну ёны приходятъ на сарай, собрались, котомцянка склали, ну, ёна приходитъ да и садится: «Сѣсть мни было, ска, какъ курици на яйця». Одинъ одноɣо такъ и тоўнуў: «Вотъ злодѣйка, заразъ узнала». И ёны сѣли, ихъ и повезли туды. Ёны ихъ и привезли туды, и ёна проситъ комату особу со старикомъ. И ёны пріѣхали тудыкова, въ особу комату положыли ихъ, ёнъ (старикъ) и говоритъ старухи:

«Ой, ска, ворона, залетѣла въ высоки хоромы, што-то намъ буде?» Ёна́ и говоритъ старику: «Стари́къ, што буде брю́ху, то и хребту́». А лакей слышытъ, и ёнъ приходитъ къ другому: «Отдать надоть намъ, отгонула заразъ злодѣйка, отдать надо». Ну ёны взяли и принесли ёй этотъ камень да сто рублей деньги и ёй говорятъ: «Не говори на насъ, што ёнъ у насъ храниўся». И ёна́, какъ камень въ руки попаў, старику́ ска: «И поживёмъ мы топерь, ска, на этомъ мѣсти». Ну и въ утри спрашиваатъ государь: «Што, ужо-ль ты годала?» говоритъ. — «Годала, говоритъ, батюшко, и отгонула, гди твой камень есть, въ Москву́ унесёный; а я, говоритъ, достану ёго́ це́резъ недѣлю оттуль». Черезъ недѣлю камень ёна́ и оказала ёму. Ёнъ ёй: «Ну, што-же, говоритъ, бабушка, здись-ли ты желаашь, аль въ свою сто́рону ѣдешь назадъ»? — Ёна́ ска: «Батюшко, гди меня взяў, назадъ, отвези́ меня, говоритъ, уже». Ихъ государь до смерти хлѣбомъ наградиў обы́хъ.

95.

Лихая баба и чортъ.

Записана тамъ же, отъ той же.

Была у мужыка лихаа ба́ба, на лихую жонку попа́ў. Ну и ёнъ не може никакъ отъ ёй сбыть, никакъ не може перевесть. Ходиў, ходиў ёнъ день въ лѣсяхъ и приходитъ вецеромъ домой и вьётъ верёвку. Ёна говоритъ: «Куды ты, говоритъ, мужъ, верёвку вьёшь?» — «Ой ты, баба, говоритъ, я вѣдь кладъ нашоў», говоритъ. Кошель сыскаў и походитъ въ утри. «Возьми, ска, меня». — «Нѣтъ, не возьму́, ска, куды́ тебя́». — «Нѣтъ, ска, пойду», говоритъ. «Ну, ступай, говоритъ, пойдёмъ». Ёнъ коше́ль за пле́ца да и верёвку сѣнную положиў въ коше́ль, и ёны приходятъ къ эхтой норы. И ёнъ вяже верёвку кругъ себя́. Она говоритъ: «Ты куды́ верёвку вяжешь?» — «Да, ска, по деньги надо опусти́ть». Она ска: «Куды ты, я сама пойду, тебя не спущу», скаже. И ёнъ взяў верёвку да ю и спустиў туды, въ нору-ту въ эфту. Ёна́ какъ сошла туды, такъ онъ слухаатъ, она съ чёртомъ дратця ста́ла. Тамъ пискъ, ве́рескъ

и верёвку трясётъ, избави Господи. Енъ и потянўу оттуда: часика два ёна тамъ воевала съ јимъ. Какъ потянетъ, ажно идётъ оттуль чёртъ съ рогама. А ёнъ взяў да устрашиўся и назадъ стаў опускать. «Вотъ, говоритъ, ска, не спускай, сдѣлай милость, што хочешь, я тебѣ сдѣлаю, нá вѣкъ свой дружбу не забуду, а збавъ ты меня отъ лихой бабы, не спускай тудú-ка». И ёнъ ёго и вытащиў оттуль. Ёнъ скаже: «Ну, поди за мной вслѣдъ топéрь». Ну, и ёны приходя въ богатый домъ. И ёнъ говоритъ цёртъ: «Я пойду, говоритъ на вышку, заберусь нá ночь, буду ноць тамъ ломотить (покою не давать), а ты коўдуномъ найдисъ; поди ночевать въ тотъ домъ. Ну а, ска, придёшь какъ, говоритъ, на вышку, проси, говоритъ, ты сто рублей денегъ съ хозяэвъ тыхъ, а я пойду, говоритъ, на вышку, а ты прúдь да скажи: «я пришóў, ты вонъ пошоў». Ну, и усмирилось и тихо, смерно стало, боўше не шумитъ, и ёму деньги óтдали за это за коўдосьво, што ёнъ збавиў отъ бѣды. И ёнъ говоритъ: «Я ащé пойду свыше этоґо къ купьцю, я аще буду, говоритъ такъ же, ты опеть найдись коўдунóмъ». И ёнъ опеть такъ же это дѣло дѣлаатъ: гремúтъ, што думаютъ хоромы розворотятця. Ну, и ёнъ опеть пришоў такъ же. «Дядюшка, говоритъ, не знаешь-ли цёґóнибудь, спокою не дае нисколько, однако хоромы розвороцяэ». Ёму опеть сто рублей дали, и ёнъ опеть пришоў на вышку, опеть ска: «я. пришóў, ты вонъ пошóў». Ёнъ говоритъ: «Ты больше за мной не ходи, двисти рублей наградили». И ёнъ опеть шоў въ другое мѣсто, ломотитъ ноцьку и дрýгу тамъ, спокою не дае хрещонымъ. Ёнъ больше... ёґо и просятъ, онъ не смѣэ ити тудыкова. Ну и потомъ говоритъ: «Возми што тиби надо, говоритъ, только збавъ отъ этой бѣды, третью ноць спокою не имѣамъ». Ну и ёнъ на достаткахъ боитця, хоть боитця. а пошоў къ нему на вышкахъ тудыкова. Онъ приходитъ на вышку, а ёнъ кулакъ заноситъ на ёґó. «Ты зацимъ, говоритъ, сюда приходишь?» надо ёґó ударить (заноситъ руку-то)... А онъ говоритъ: «Смотри, говоритъ, деветь бабъ пришло такихъ, котораа одна тебя съ норы вы́гнала, а такихъ деветь пришло». Онъ ска: «О, батюшко, я уйду изъ граду вонъ и сы слыху вонъ уйду, только не допусти до меня этыхъ бабъ лихихъ», говоритъ. И ёнъ ушоў сы слыху вонъ.

96.

Проклятой внукъ.

Записана тамъ же, отъ той же.

Стаў у бабки внукъ женитьця. Она взяла, ёγо на вѣнцяльномъ пороги прокляла. Какъ отъ вѣньця пошли, ёγо цёртъ и взяу. Ну и осталась молодуха одна, и слёзно плацетъ-живётъ, што мужа не стало. Ёна посылаатъ свёкра искать мужа, и свёкоръ стау на другой день и говоритъ хозяйки своей: «Спеки колубковъ съ собой». И ёнъ пошоу въ лѣсъ и въ лѣсяхъ тамъ шоу, шоу, принашоу избушку, тамъ въ лѣсяхъ. И пришоу, колубки клаў на стоу, самъ за пецьку сѣў. И идётъ, во скрыпку выскрыпливаэтъ, а въ балалайку выигриваэтъ. И приходитъ въ эфту фатерку, садитця на лавку и говоритъ: «Жаль мни-ка батюшка, жаль мни-ка матушки», а самъ всё во скрыпку выскрыпыватъ, въ балалайку выигриватъ: «Жаль мни молодой жены; хоть нé жыу я, розстауся, хоть бы жыу да потеряўся». И отець и выходитъ съ-за пецьки.—«Ой, говоритъ, сынъ, ты мой любезный; пойдёмъ, говоритъ, ты домой со мной».—«Нѣтъ, говоритъ, батюшко, нельзя никакъ». И сынъ пошоу, отець вслѣдъ: «Я отъ тебя не отстану; куды ты, туды и я»,—говоритъ. И приходя оны къ норы. Сынъ съ отцёмъ простиуся, въ ноги поклониуся, да въ этту нору и пау. И отець постояу, постояу и не смѣу пасть и пошоу, слезно заплакау, пошоў домой. И приходитъ домой, жена и спрашиваэтъ: «Што, говоритъ, видилъ ли ты, батюшко?»—«Видилъ, говоритъ, да взять нé какъ».—И ёнъ скаже: «Я, батюшко, завтра пойду, говоритъ; куды ёнъ, туды и я. Я не отстану отъ ёγо».—«Нѣтъ, ска, невѣска, будётъ отстать». Она ска: «Нѣтъ, не отстану». Ну ёна и пошла по дороги, котору свёкоръ наказау. И ёна приходитъ опеть, колубки клала на стоу, а сама за пецьку сѣла. И идётъ опеть, во скрыпку выскрыпываэ, въ балалайку выигриваэ. «Жаль мни-ка батюшка, жаль мни-ка матушки, жаль мни молодой жены, хоть бы нé жыу я, розстауся, хоть бы жыу я, потеряуся». Жонка и выходитъ съ-за пецьки и съ нимъ здоровія (такъ) дѣлаатъ. Ну ёна и говоритъ: «Ну, мужъ мой возлюбленный, куды ты, туды и я, говоритъ, я отъ тебе ни отстану топерь».—«Будётъ, говоритъ,

бѣдна, отстать».—«Не, ска, не отстану». И приходятъ ёны опеть къ эхтой опеть норы и розставаютця ёны слезно тутъ, и онъ ска: «Прощай, тебѣ меня больше не видать топерь». Она говоритъ: «Куды ты, туды и я».—«Нѣтъ, ска, ты слѣдъ меня не ходи, сдѣлай милось».—«Нѣтъ, ска, я пойду, ни за што не отстану», говоритъ. И ёнъ паў, и ёна постояла, постояла да и пала слѣдъ туды.—«То, ска, всё ровно: гди онъ, тамъ и я, одна жизь». И ёна какъ пала слѣдъ туды, тамъ дорога, домъ, а ёнъ ужъ къ дому подходитъ туды. А ёнъ говоритъ хозяйки: «Ой, ска, погибли мы топерь заразъ, ты и я, за меня топеряця свадьба играэтця, дочьку за меня выдаваютъ». Ну ёны какъ приходятъ туды, такъ сидитъ старикъ въ ызбы́, стрась и гледѣтъ Онъ ска: «Это ты коϒо, ска, привёў?» Онъ ска: «Это жона моя».—Она этому старику и въ ноги. Онъ ю биў, ломаў, лягаў, щипаў, всяко ю ломаў. Какъ ёнъ ю заступиў ногой, такъ ёна худымъ голосомъ рыцитъ, на глотку стаў. Потомъ говоритъ: «Несите ю, ёϒо́ да ю стащите обыхъ ϒъ дому вонъ, откуль взяли ихъ, штобы духъ ихъ не пахнуў». Ну, ихъ и потащыли и притащыли ноцью, о крыльцё хряснули, такъ тольно хоромы задрожали, какъ ёнъ притащыў ихъ. Тутъ ёна́ отворотила мужа назадъ. Тутъ ёны́ стали жыть и быть и добра нажывать, отъ лиха избывать.

97.

Братья разбойники и сестра.

Записана въ с. Лижмѣ Петрозаводскаго уѣзда отъ старушки «Андреевны» 65-ти лѣтъ.

Жыў старикъ да со старухой. У старика да у старухи было деветь сыновей и одинака доць. Оны жыли, пожыли, вси эты сынова́ выросли. И такъ отець и мать ихъ приgражывали, што живи́тя хорошо. Оны не чювьсвовали, што имъ наказывали, но вси въ воровсьво пошли; ни одинъ изъ девети сыновей не вышеў годно́й. Оны эту дочьку ро́стятъ, оны эту дочьку и вы́ростили, стали ю сватать, такъ всё ещо не вы́даютъ отець-мать: одина́ка дочь, такъ не вы́даютъ. Прiѣхаў купець помо́брянинъ,

прознаў эту дивицю, ю и стаў сватать, эту дивицю. Отець и мать думають, што надо выдать, хоть долёќо (такъ!) въ Поморьё, а онъ богатый, такъ и выдать надо. Ну и доций подумала, што долёќо отъ родителей пойду, и выдали, и за свадебку пристали, и свадьбу сдѣлали, и выдали, овѣньцяли, и овѣньцяныхъ отправили зá морё, туды. Она тамъ жы́ла восемъ годъ, а ни стоснулась, и по своимъ родителямъ не стосковаласъ и по своей стороны и въ ўмахъ нé было; въ житьё хорошо попала. На девятый годъ ёй стосковалосъ по родной своёй стороны и по своимъ родителямъ. Ну, и она и мужу скажетъ: «Мужъ мой возлюбленный. я не могу, ска, топериче жыть, ни јись, ни пить, я восемъ годъ не тосковала, а на девятый годъ стосковаласъ по своимъ да по родителямъ, по своёй стороны». Ну, мужъ скаже: «Ну, досталй, говоритъ, поѣдемъ, у насъ состояньё есть; ѣхатчи, ты, говоритъ, спросись у свёкрушка, а доложись у матушки».— Она доложиласъ у матушки, и свёкрушко и свёкрóва ю отправили. Она мужу скаже, што вотъ родители, ска, отпустили, такъ ты поѣдемъ со мной. Ну оны и сдумали и поѣхали. Отець-мать лодью дали (зá морёмъ на тыхъ ѣздятъ), и поѣхали и выѣжжаютъ оны на синѐ морё. И какъ нá морё выѣхали, сдѣлауся вѣтеръ, погода, бунтъ такой. Потомъ наѣхау карабъ на стрѣцю съ моря къ лодьи къ этой, а на карабли на этомъ трицять три розбойника. Оны вотъ эту лодью взяли и ю взяли съ мужемъ на карáбъ, лодью тутъ держутъ на канатахъ подъ собой. А на этомъ карабли было деветь братьевъ тутъ же ёй; она ихъ не узнала, што маленька отъ нихъ осталасъ, какъ оны въ воросьво пошли. «Ну што, эты разбойники, ска, што мы станемъ дѣлать съ этыма людямы?» Одинъ тó ска, другой другоэ, а иной скаже: «Бросимъ этоѓо молодьця, мужа ёй, въ воду, а эту молодў жонў вóзьмемъ съ собой, обещестимъ и станемъ возить, куды мы, туды и ю».— Присустигла ночь тёмная. Ну, такъ оны ложатся спать на спокой вси розбойники ужъ, отвели ёй тамъ-гди покойцикъ: «Спать ложысь, ночь сустигла, такъ поди лягъ туды». Ну, и легли эты розбойники и уснули. Ёй не спитця ужъ: взяли мужа, погубили, а одна ужъ осталасъ ми́ла, такъ спитьця-ль ужъ? Она всю ноць Богу мóлитьця, мóлитьця Богу со слёзáмы. «Господи, говоритъ, меня какъ Бохъ покинуў этто, бещасна я, ви́дно». Плацетъ горькима слезамы, проситъ Боѓа. И услышитъ одинъ розбойникъ, прохватиуся, што она тамъ плацетъ, ну къ нёй туды и пришоў. Какъ услышаў плачюцись роз-

бойникъ, онъ и пришоу къ нёй, скажетъ: «Ну, говоритъ, ты женщина, какоγо роду-племени, ты?» говоритъ. А она и стала ёму сказывать, што «я откуль есь, съ какоγо мѣста». Ну и скажетъ, што «я такоγо роду-племени, а я жыла у родителей, отецъ да мать только было, а у родителей моихъ быль́ деветь сыновей. А и, скаже, вотъ эты деветь сыновей не жыли съ родителямы, вси эты деветь сыновей въ розбой пошли. Ну мня, ска, родители выростили, выкормили, стали мня сватать въ своё мѣсто, не выдали всё родители; прiѣхаў купецъ помо́рянинъ, ну онъ и стаў онъ меня сватать, у родителей спрашиватъ, што выдайте дочьку за меня за мужъ. Оны и вздумали: «буде дочька пойдётъ, такъ мы и вы́даимъ». Ну оны у доцьки спросили, ну доцька и пошла: «иду», скажетъ. Ну, вотъ, говоритъ, я восемь годъ жыла здись, за морёмъ, въ Поморьи и ни тосковала и въ ума́хъ не́ было по своей стороны и по родителямъ, а теперь мнѣ ка на девятый годъ пошло и стосковалоси. И я мужу своему сказала, што «мужъ мой возлюбленный, поѣдемъ на мою сторону, посмотримъ мы родителей, оны топерь стары ужъ есь». Ну, мужъ ёй говоритъ: «Спроси у родителей, у батюшка-свёкрушка и свекро́вушки сдоложись». Оны и отпустили: «поѣжжайтя, говорятъ, съ мужемъ». Оны здумали съ мужемъ и поѣхали. Богоданы дали хлибовъ и деньги и лодью ѣхать. Долёко-ль близко оны ѣхали по́ морю: ну, сдѣлалась погода, штурма этака боlшая, какъ выѣхали: оны на́ морё. Прiѣхаў карабъ стрѣту къ имъ, къ этой лодьи. Ну, ёны, ска, лодью постановили, а насъ взяли къ себи на карабъ. Ну вотъ это, говоритъ, мой мужъ быў, а вы ёγо́ въ воду бросили. Што хошь знаэте, то надо мной дѣлайте, а я боlше ничоγо не знаю, што дѣлать». И этотъ розбойникъ и роздумаўся. Ёнъ самъ съ собой и думаэтъ: «Это, видно, стало наша сёстра есь, нашь зять, мы зятя погубили». И стало ёму жаўко. Вы́стаў туды, гди оны спятъ, молодчи-то розбойники, вы́стаў и заплакаў. «Ставайте, говоритъ, мои братья». И оны вы́стали. Ну этотъ и скажетъ: «Ну, говоритъ, братья, мы, говоритъ, свою сёстру обызьянили, обещестили и зятя-то мы своγо́ въ воду бросили». Схватились, што худо сдѣлали. Ну, оны вси пришли деветь братьевъ хъ сестры, съ сестрой сдѣлали здоровьё и стали у нёй прощаться и плачутъ и прощаютця и въ ноги кланяютця оны; што «прости насъ, што мы худо сдѣлали». Ну тутъ и вси выстали; лодья была не порозня, поуна́ припасовъ. Оны отъ этыхъ розбойниковъ вышли вонъ, а на лодью сѣли и сёстру на лодью взяли (деветь

братьёвъ, а десята сёстра́). Оны и поѣхали на свою сторонў, гди отець да мать. Пріѣхали къ родителямъ, а родители такіи ужъ стареньки стали. Ну ёны тутъ трицять три лѣта ходили воровали, къ родителямъ не являлись, такъ и было время состаритця. И вотъ топерь оны у родителей жывутъ, да ни одинъ не женнуся, а эта сестра пекётъ да варитъ на ихъ, братьёвъ, кормитъ, да съ има жывётъ, а родители померли,—пришли дити похоронить ихъ.

98.

Мать убійца.

Записана тамъ же, отъ той же.

Мать съ сыномъ жы́ла. Ну и жы́ла мать съ сыномъ и ходили ёны всё въ церьковъ Богу молитьця. И тамъ было три дивици, всё дивици ходили въ церьковъ. Мать и отци никуды не спускали дочéрей, а въ церьковъ только спускали. Ну и такъ пришли въ черьковь опеть, и одна сёстра́ какъ то ла́дила сказать: «Господи Боже!» (а тамъ то ёй му́жыкъ этотъ и приглянууся ёй, што женщына ходитъ съ сыномъ); ладила сказать: «Господи Боже!» а попала сказать: «Васильюшко, подвинься сюды». И Васильюшко подвинууся, взяў ю за бѣлы руки и вывеў ю въ другую черьковъ и попа попросиў, повѣньцяуся съ этой дѣвицей. А это матери, сыновьнёй-то матки, не́ любо стало, што не спроснў у матери и взяў ю. Оны въ черьквы вѣньцяютця. Она съ черьквы да домой и опеть пошла имъ стрѣту (стритить ихъ) и взяла во правў руку водки, зелена́ вина, взя́ла во правў руку, во лѣвў руку взяла простой водки. Ну оны идутъ о́ттуль, а мать имъ стрѣту пришла и Василью подала съ правой руки зеленó вино, и «Васильюшко, скаже, пей, а Осафьи не давай, а съ лѣвой руки Осафьи по́дала и «Осафьюшко, скаже, пей, а Василью не давай». А Васильюшко, какъ пиў, такъ Осафьюшки даў, а Осафьюшка пи́ла и Василью поднесла. Ну, такъ и пошли оны домой; пировали, столовали. Ну, и тутъ пришла ночь тёмная: спать нужно; положили молодыхъ спать и вси спать. Оны къ у́тру свѣту переставилисъ молодыи, видно, што мать да́ла. Такъ оны взяли крутили ихъ;

сына крутила, она въ травцяту́ тафту́, а невѣску крутила въ полотно; гробъ садила сыну золотомъ, а невѣски гробъ жемчугомъ садила. И Васильюшка несли на буйны́хъ головахъ, а Осафьюшку несли на бѣлы́хъ на рукахъ. И Васильюшка ложы́ли по остоцьну́ сторону, а Осафью ложы́ли саженъ двацять врозь. И въ скоромъ времени выросло два древа: древо на Васильи, а друго на Осафьи. И это съ этыхъ древовъ вершоцьки вмѣсто свили́сь и листоцьки вмѣсто залипились (пру́тоцьки, ли́стоцьки вмѣсто вершочкамы сошлись). Какъ малый пойдётъ, такъ подивуэтця, а боу́шой, старый пойдётъ, поросплачетця. И мать круцинитця: «Такъ если бы я знала, я вмѣсти и положыла бы».

99.

Я, аль не я?

Записана отъ Екатерины Васильевой, 30 лѣтъ, въ с. Лижмѣ Петрозаводскаго уѣзда.

Мужъ жыу́ съ жоно́й, двоэ жы́ли оны́; у ихъ дитей было много, шестеро, аль пя́теро. Потомъ она пошла́ на полянку жать. И приходитъ и говоритъ: «Эту полянку севодни выжну, эту за́втра, а эту послѣзавтрія», и сама спать ложытця. Спала, спала и не вы́жала ни одной полянки, ни то што — снопа́ не выжала, про́спала всё, а вы́стала, домой сошла́. Потомъ на дру́гой день опе́ть прихо́дитъ, ну и мужъ пришоу́ ёй (опеть это сказала, повтори́ла: «Эту полянку выжну севодни, эту завтра»), поу́головы и выстригъ, она и не слы́шала. Ну и потомъ она прохвати́лась (проснуласъ) и вы́стала, схватилась за́ голову, поу́головы вы́стрижено, и потомъ говоритъ: «Ой, Господи! поди видай, я-ль Наста, аль не я? По рукамъ такъ я Наста, по ногамъ Наста, а по́ головы такъ я не На́ста». И потомъ говоритъ: «Ну, ладно, скае, я пойду домой и стрѣтятъ меня дити». А тамъ стритиласъ сусёдка пораньше дитей и ю на́звала Настой. Она и обрадоваласъ: «Видно, я Наста». И потомъ у ёй мужъ спрашиваэтъ: «Што-же у тебя поу́головы выстрижено?» А она говоритъ: «Ну, скаже, мужъ, не знаю, привалиласъ и не знаю, хто и выстригъ поу́головы». Потомъ онъ

розсміяўся: «Тебя-бы, скае, съ подполо́ска хоть вы́несли бы, а ты не слышишь».—«Ну, што хошь, скае, мужъ, дѣлай, случилось такъ, ужъ про́спала, не слышала такъ».

---

100. Аф. 54

Дочь и падчерица.

Записана тамъ-же, отъ той же.

Жыў старикъ; у нёго была жо́нка, другой разъ женивши; у нёй была дочька ро́дна и другаа падчериця. Она не любила падчерици отъ перьвой женѣ.—«Поди,—говоритъ,—мужъ, отвези въ лѣсо́ву избу́шку». Ну, ёнъ собраў ёйны всѣ одёжи и повёзъ. Ну привёзъ туда, сбавиў и уѣхаў домой, оставиў ю одну́ въ ызбы́. Ну ве́черъ пришоў; къ нёй пришоў какой-то старикъ боӀшущій, боӀшущій. Ну, принёсъ ёй тамъ сумку и говоритъ: «Спрячь мою су́мку, убери́». Ну, ёна́ эту сумку убрала́, ужынъ ёму навѣсила (ну хоть уху варить навѣсила — половчѣа). Ну мышка за пецькой говоритъ: «Дѣвушка, дай мнѣ ры́бы и ухи́». Ну она тудыкова по́дала ры́бы и ухи́ за печьку (потайно старика́-то), а старикъ говоритъ: «Сплесни ёй въ глаза́ ухи горячей, такъ она замоуцитъ, не станетъ проситъ». Ну, она сварила, ёго накормила ужыной. Ну ёй съ нимъ лецъ страшно. Эта мышка спрятала ёй въ стѣну, обрядила ю булавкой (повёрну́ла булавкой), въ стѣну и положыла. Ну, онъ искаў, искаў ю, такъ и найти не могъ, до утра доспаў и ушоў; эту сумку такъ и оставила у себя дѣвиця, а въ сумки деньги. Ну, потомъ она жыла недѣлю въ эхтой лѣсово́й изби́. Ну отецъ пріѣхаў. Мать и говоритъ: «Поди, говоритъ, вывези хоть кось́я отъ дочѐри съ фате́ры, тамъ она́ замёрзла», говоритъ. Онъ пріѣхаў, такъ она отцу навалила денегъ тыхъ и поѣхала съ деньга́мы домой. Пріѣжжаэтъ домо́й, такъ этой матки нелю́бо, што она здорова и жыва и што боҁатая. «Ну, говоритъ, старикъ топе́рь отвези-ко мою дочьку туды́». Ёнъ повёзъ. Туды́ отвёзъ, до ве́чера дошло, опеть этотъ старикъ и являэтця. Она сича́съ уху навѣсила ёму, уху́ и свари́ла. Мышка за печькой заходила. «Дѣвочка, говоритъ, дай, говоритъ, ры́бы и шчей». А старикъ говоритъ:

«Плесни, говоритъ, горячихъ щей ёй въ глаза, всё это звегётся» (или хоть проситъ: звяжетъ). Ну она и плёснула ёй, обожгла́. Ну, это до но́чи дошло, старику послала постель, такъ онъ ёй спать зовётъ. Ну, ёй хоть страшно съ нимъ и противно лець, и ёна́ какъ мышку обожгала, такъ нѣкому обрядить, со старико́мъ лець надо. Старикъ ю ночь мучиў, мучиў, до смерти вымучиў, ёна́ и померла́; взяў, титьки вырѣзаў, клаў на око́шко, ноги повѣсиў на двири́. Отець и пріѣхаў за дочькой, за жывотомъ мать послала. Отвориў дверь, ноги на шею упали о́тцу; ёнъ взяў, всё это въ сани собра́ў, собраў ёйны платья и ю всю, што у ёй розрублено тутъ, положиў въ сани и поѣхаў домой. Пріѣжжаэтъ домой, такъ жена и говоритъ ёму: «Ну, ты не поѣжжай къ лѣсници, а поѣжжай къ амбару; имѣніе зба́вите и тогда въ фатеру съ дочькой приде́те». Онъ жены и говоритъ: «Да, не такъ, какъ моя дочи́, говоритъ; вотъ, говоритъ, она со своимъ худымъ карахтеромъ, куды ни, говоритъ, пошли, тамъ всё ничоɣо, а нонь говоритъ ёй нѣкоɣда противитця. Свезёмъ, говоритъ, лучше не къ амбару, а въ могилу». Жена съ досады скочила, му́жа въ табашный яшшыкъ сбила: «Когда, говоритъ, дочь мою перевёў, и ты жывъ не быдь».

101.

Плотникъ Микула и его жена.

Записана тамъ-же, отъ той же.

Бывало жыў-быў плотникъ Микола и жена у ёɣо была краса́виця. И посылаэтъ ёнъ ю въ ры́нокъ, даваэтъ три денежки. «Поди, говоритъ, жена, закупи чаю, сахару, всякой блаɣодати». Ну, она шла въ рынокъ и ду́маэтъ се́би: «Што я закуплю́, говоритъ, на три денежки?» Ходила, ходила край лавоце́къ, лавотчикъ говоритъ: «Што ты, голубушка, ходишь кручи́нная?» — «А какъ же мнѣ не кручинитця, вотъ плотникъ Мику́ла даў три денежки, велѣў закупить чаю, сахару, всякой блаɣодати».—«Поди, говоритъ, ко мнѣ въ лавку». Она пришла́ въ лавку, онъ и говоритъ ёй: «Согласись, говоритъ со мной, такъ я тебѣ отпущу всё».—«Хорошо, говоритъ, приходите въ эдаки часы». Она и ушла, на́брала тутъ въ лавки и ушла домой.

Мужъ спросў: «Взя́ла-ли?»—«Я взяла́ всё, говоритъ, такимъ манеромъ: ко мнѣ въ гости будетъ, а вы на это время, скае, выйдите вонъ». Ёнъ, какъ она говориla, въ эты часы къ ёй пришоў, а мужъ скрыўся на тоэ время. Она самова́ръ поста́вила, кофе зава́риla, закуски на стоў поло́жила, ёγо угощать стала. Сѣли пить, и мужъ идётъ по подоконью. «Бѣда, говоритъ, мужъ идётъ». Онъ и говоритъ: «Ахъ, бѣда, куды я теперь?»—«Поди, говоритъ, на полати, тамъ бура́къ есь съ перьямы, туды сядь». Ну онъ и сѣў. Онъ пришоў въ фатѣру, жены и говоритъ (а купця одёжа на гвозду́): «Ахъ, скае, ты непоряха, никоγда мою одёжу не уберёшь». Взяў одёжу, спрятаў, да у́браў и самъ ушоў, а купець сиди́тъ въ буракѣ на полатяхъ въ пе́рьяхъ. Ну, потомъ пошла она на поляну, и́дётъ встрѣчу попъ. «Што, говоритъ, голубушка, согласись со мной». —«Приходи въ эдако время, я дома буду, мужа не будетъ». Въ которо время ёγо приказала, онъ и пришоў. Ну, она время медля, штобы мужъ пришоў, самова́ръ поставила, смотритъ: подъ окномъ мужъ идётъ. Сама ска: «Ахъ-ти мни, мужъ идётъ домой».—«Куды, говоритъ, я?»—«А возьми, скинь одёжу и подштанники и повѣсь на гвозъ, а самъ поди—есь у насъ въ подполья жо́рновъ, поди, говоритъ, мели́». Мужъ думаатъ, што крупў мѣ́лятъ. Потомъ розрыўся, эту одёжу взяў, съ гво́зда убра́ў, и самъ ушоў. Сходиў въ хлѣвушку, коро́ву свезаў на вя́зиво и повёў. Приводитъ къ эхтому купцу, который въ пе́рьяхъ сиди́тъ. Привёў на дворъ, эта купчиха говори́тъ: «Што, Микула, продай коро́ву».—«Не продажна, говоритъ, моя корова—завѣтна. Буде, говоритъ, согласишься спать?» — »Ну, ничоγо, говоритъ, ничоγо не сто́итъ, только корову отдай мнѣ».—«Ну, такъ, говоритъ, ты купи́ла?» А купчиха говоритъ: «Ну, вѣдь, на што слово было, такъ какъ же, я испоўнила свой...»—«А я, говоритъ, какъ пойду по городу, буду говорить, што купчиха согласилась со мной, а денегъ не́ дала, такъ купила». Она ска: «Убери корову къ цёрту, да на сто рублей денегъ, только не говори мужу, никому, и му́жу мому не говори́». Ну, потомъ перевёў хъ попадьи. Попадья выходитъ: «Што, говоритъ, плотникъ Микола, продажна корова?» —«Продажна», говоритъ. «Продажна, говоритъ, и завѣтна; завѣтъ такой, што со́ мной проспа́ть и сто рублей денегъ». А попадья говоритъ: «Ничеγо, это дѣло не сто́итъ». И говоритъ ёй... Она рощиталась, справила всё, што онъ требоваў. Потомъ онъ говоритъ: «Пойду, говоритъ,

по дере́вни и буду говорить, што попадья корову вы́дѣлала». Она говоритъ: «Вотъ тебѣ, плотникъ Мико́ла, сто рублей: не говори никому, да и коро́ва уведи взадъ». И повёў корову домой. Привёў домой, клаў въ хлѣвъ. Приходитъ домой, на́ жону розругаўся, ёй по́ уху, по друго́й сторонѣ. «Гди-нибудь я хожу, при́ду домой, спокою у тебя нѣтъ, всё у тебя запущено: мелютъ да стуча́тъ, да бурако́въ накла́дено по полатямъ вездѣ». Взяў, залѣзъ тудыкова на полати, этотъ буракъ какъ спи̂хнётъ съ пе́рьямы; купецъ съ полатей полетѣў безъ подштанниковъ да и домой. Приходитъ къ жоны домой, и говоритъ: «Ишь, тебя чортъ носитъ и подштанниковъ на жопы нѣтъ». Ну, а онъ жены говоритъ: «Ты купила у Микулы корову, чимъ плати́ла» (онъ слышаў, въ бу́раки сидѣў, такъ слышаў). Потомъ плотникъ залѣзъ въ подпо́льё съ коломъ, тамъ попа стаў наказывать, худо ме́лё. Тотъ съ подполья безъ подштанниковъ домой; недосугъ искать одёжи и подштанниковъ, ушоў домой. Приходитъ домой, такъ попадья и скаже: «Што-ты попъ?» А попъ и говоритъ: «Уйди».—«Ты хорошо дѣлашь, а я ловчѣа», попадья говоритъ. «А ты корову купила да не подо́йла, а я, говоритъ, пострамиўся сутки въ подпольи, да не надѣяўся и вылѣзть, да чёртъ съ нёй съ одёжой, да и съ подштанникамъ, пособи́ Богъ самому уйти». Потомъ говоритъ: «Не́другу зака́жешь въ ѐдакую у́вязь (въ тѣсно́ мѣсто) зайти́!».

102.

Смирн. I 167

Глиняный паренекъ.

Записана отъ старухи Медвѣдевой, въ с. Лижмѣ.

Жыў досю́ль мужикъ да баба. У мужика да у бабы не́ было дитей. Сдѣлали оны глинянаго паренька́; паренёкъ и стаў ходи́ть, хоть и глиняный. Отпустили ёго къ попу́ на по́жню и быў у попа́ на по́жни, съјиў попадью́ съ попомъ и пришоў домой: «Я хоцю, матушка, и тебя съ пряўкой съјись». Матушка скаже: «Дитятко, стань поди подъ гору́». Стаў дитятко подъ гору́, а матушка со свиньёй на гору́, и свинья́ побѣжа́ла ёму въ ротъ прямо; розсыпаўся глиняный такъ.

Далекая передача Адр.

103.

Копылъ, рогожа, лопата.

Записана тамъ же, отъ той же.

Было́ три брата: одинъ братъ быў копыў, другóй братъ быў лопата, третій рогóза. И пошли оны шататьця кому куды ближе, куды голова несётъ, денёгъ нажывать. Копыў пошоў, зашоў въ фатеру, тамъ сидитъ швець (сапожникъ сиди въ фатерѣ) и шьётъ сапогъ безъ колóдки, копылá то и нѣтъ, туды класть не знаэтъ, такъ сушытъ безъ копылá. Ёнъ пришоў: «Што ты дѣлаашь?» —«Сапоги шью». Ну онъ взяў, напялиў сапогъ на копы́ў и стаў хорóшій сапогъ. Ну ёнъ даў ёму сто рублей и стаў на копы́ў шыть сáпоги, а мужыцёкъ пошоў богатый, сто рублей нажыў. Домой пришоў богатый, и братъ другой пошоў нажывать деньги. Ну, приходитъ къ озёрку, сиди́тъ у озёрка стари́къ, рогóзу пóўститъ стари́къ.—«Што ты дѣлаэшь?» мужыкъ спросиў. «Вотъ я рогóзу поўщу». Онъ говоритъ: «Хто кругъ озёрка можетъ оббѣжать, тоɣо не корчить [сушить, опутать веревками], а хто не можетъ оббѣжать, тоɣо корчить». У этоɣо мужичька зáець за пáзухой быў и говоритъ: «У меня, скае, робёнокъ есть одноно́цьный въ пазухѣ, и тотъ оббѣжытъ, не то я». И выпустиў робёнка и убѣжаў онъ, и хвостя́ ёɣо не видѣў. Тотъ сто рублей ёму и даў, который мужыкъ сидѣў у озёрка. Тотъ пошоў домой богатый — это быў рогоза. Потомъ лопáта пошоў бурлачить, братья богаты пришли... Шоў лопáта бурлачить, шоў, шоў, приходитъ далёко-ль, близко-ль тамъ шоў, приходитъ, сидитъ старикъ жалѣзна лопата въ рукахъ, можетъ быть, стопудова была. Мужикъ пришоў у озёрка: «Што ты дѣлаашь?» —«Хто, скае, може эту лопату здынуть, тоɣо, скае, не корчить, а хто не може, тоɣо и корчить». Такъ этотъ самъ старикъ здынуў высóко. А мужыкъ эдакъ взяў лопату и гляди́тъ въ нёбо, туды подъ óболоко. — «Што ты стоишь, смотришь?» А онъ говоритъ: «Оболоко роздвинетця, скае, я туды и брошу лопату». А онъ заноилъ: «Не бросай лопáты, а вотъ тиби сто рублей—деньги». Мужыкъ получиў, и стали три брата дóма жыть, жыть побывать, добра нажывать, отъ лихá избывать.

104.

Жалостливая дѣвка.

Записана тамъ же, отъ той же.

Жыў быў старикъ со стару́хой и вну́цятъ двое: внукъ да внуцька; вну́чьку послали на́ берёгъ мочалу полоскати, виника. И ну шла доўго, и бабушка стоснулась по ёй, пошла искать. Пришла́ на сходёнку, она сиди́тъ да плачетъ на сходёнки внучка: «Што же ты, рожона, доўго?» Тамъ за озёрушкомъ дере́вня была́, она и говоритъ: «Выйду въ эту деревеньку за́ мужъ, рожу́ паренька́. Паренёкъ бу́дётъ на двѣна́цятомъ годку́, по́йдётъ по молоденькому лёдку́ да и пото́нётъ». И бабушка на́чала пла́кать тутъ. Ну и дѣдушка пришоў, стоснуўся по ихъ: «Што-же ты, старушка, доўго?» «Ну... — Ой ты, старицёкъ, внучка у насъ што зду́мала; выйдетъ въ эту дере́веньку замужъ, такъ ро́дитъ паренька, паренёкъ бу́дётъ на двѣнацятомъ годку́, по́йдётъ по молоденькому лёдку́ и пото́нётъ». Потомъ дѣдке стаў плакать тутъ на сходёнки. Ну и внукъ тамъ стоснуўся, што доўго дѣдка нѣтъ. Ну... внукъ пришоў къ дѣдку. «Што-же доўго?» Бабка проговорить не може, дѣдке проговоритъ вну́ку: «Сестриця ваша што зду́мала! Какъ вы́йдётъ ёна въ эту дере́веньку за́мужъ и ро́дитъ сына, и сынокъ будётъ на двѣнацятомъ годку́, пойдётъ по моло́деньку лёдку да и потонётъ». Ну ёнъ плюнуў: «Птфу, вотъ какiи шальнiи, скае, я пойду искать, есь-ли аще́ эдакихъ шальни́хъ, могу-ль найти». Ну и пошоў мимо байны, на байны трава выросла, и коровъ здымаютъ на байну травы кормить (травы јись). А онъ сказываэтъ: «Што вы дѣлаэте?» А ёму говорятъ: «Коровъ кормить, трава́ выкормить на байны». Онъ взяў косу, траву́ выкосиў косой и на зень вы́рыў [сбросилъ], и коровы съѣли на зе́ни. Аще́ пошоў: домъ новый строенъ, о́конъ нѣтъ, мѣшкомъ свѣтъ въ ызбу́ носитъ (мѣшкомъ мно́го-ль при́несёшь свѣта въ ызбу). Онъ взяў топоръ, да о́кно вы́рубиў и стала фатера свѣтла.

105.

Рѣпка.

Записана тамъ же, отъ той же.

Жили́ дѣдъ да баба, посѣяли ёны́ рѣпку. «Рости́, рости́, рѣпка, вы́рости, рѣпка, сла́дка». Пошоў дѣдке рѣпы рвать. Тяне, потяне, вы́тянуть не може, рѣпка крѣпка не вы́рветьця. И пришла́ бабка, поймаласъ за дѣдка, дѣдке за рѣпку, тянутъ, потянутъ, вы́тянуть не мо́гутъ. Пришоу внукъ и поймауся за ба́бку, бабка за дѣдка, дѣдке за рѣпку, тянутъ, потянутъ, вытянуть не могутъ, рѣпка крѣпка не вырветьця. Пришла внуцька; внуцька за вну́ка, внукъ за бабку, бабка за дѣдка, дѣдке за рѣпку, тянутъ, потянутъ, вытянуть не мо́гутъ. Мышка пришла́, мышка рѣпку съѣла, вы́рвала.

106.

Куда съ бабой?

Записана тамъ же, отъ той же.

Шыу мужицёкъ ло́дку и пошоу смолы́ просить у смоленника́. Онъ говоритъ: «Куды тиби́ со смоло́й?» спрашиваэтъ. —«Ло́дка смоли́ть».—«Куды съ лодкой?»—«Ры́ба лови́ть».—«Куды́ съ рыбой?»—«Робя́тъ корми́ть».—«Куды съ робя́тма?»—«Овець пасти́».—«Куды съ о́вцямы?»—«Шуба шить».—«Куды съ шу́бой?»—«Ба́ба грѣть».—«Куды съ бабой?»—«Баба—надо спать».

107.

Иванъ Вѣтровичъ.

Записано въ д. Иленской Сельгѣ Петрозаводскаго уѣзда отъ крестьянина.

Досюль жыў царь да царица, на ровномъ мѣсти, какъ на скатерьти. У ёго дочи́ была, вышла ёна въ садъ гулять; вѣтеръ завѣяў, ёй подоў подынууся и она понеслась. Сына ро́дила.

Иванъ Вѣтро́виця. Стаў ёнъ ростѣть не по цясамъ, а по минутамъ, стаў на улицю выходить, съ робятма баловать, коγо за руку захватитъ, у тоγо ру́ка проць, за ногу захватитъ, нога проць, за голову захватитъ, голова съ плець. Стали къ дѣдушку жаловатьця ходить: «Вотъ у тебя какой внукъ зародиўся, што за воля ёму за такая, што ёнъ руки рвётъ и ноги, надо ёγо укоротить». Дѣдушко стаў думать, гадать, какъ внука пе́ревесть. «Топерь внука, скае, надо послать за медвѣдя искать, може, медвѣдь переведётъ». Ёнъ пришоў къ дубу, сиў на самой вершинки, пришло къ ёму два медвѣдя. Взяў ёнъ медвѣдя за́ голову, стаў ихъ трести голова за́ голову, до того вытрясъ, што пойти не могли, домой повёў медвѣдей, къ дѣдку. Дѣдко скаэ: «Опять пришоў!» Онъ говоритъ: «Куды, скае, дѣдушко жеребятъ класть?» —«Клади, гди ко́ней побо́ўше», скае. Утромъ встаў дѣдушко, пошоў къ ко́нямъ, а всихъ ко́ней медвѣдь опахаў (всихъ съѣў). «Што, дѣдушко, не сердишься ль?» Взяў, ворота отвориў. «Пойте съ Богомъ. Дѣдушко на меня розсердиўся, дакъ пойте въ лѣсъ». —«Эка бѣда!—ска—что со внукомъ дѣлать?»— Послаў внука за травой куды-то въ лисъ. «Тамъ внука, скае, сгубятъ, нѣтъ, скае, ни конному, ни пѣшему, ни са́мому лѣшему проходъ въ томъ мѣсти». И пошоў туды, што соўдатовъ напа́дало на нёγо, поўки поўкама стоятъ; онъ въ сторону пома́хнетъ, такъ ёны вало́мъ свалились вси; онъ въ дру́гу пома́хнетъ, вало́мъ валитъ всихъ. Пришоў къ дѣдушки, дѣдушка взглянуў, опеть внукъ идётъ. «Нигди нашему внуку переводу нитъ, надо отправить ёγо къ безсмертному Кощаю за тулупомъ. лѣтомъ холодно, зимой жарко». Онъ дау матери перстень съ руки. «Ну, на, матушка, этотъ перстень, когда этотъ перстень розоліется, тогда меня живо́γо не буде». —«Ну, тутъ возьми коня моёγо въ конюшни самолучшаγо, поѣзжай».— И отправиўся въ дорогу. Идётъ по дороги, ажно мужикъ лиса рвётъ (съ корнямы). «Богъ помоць, скае, добрый целовѣкъ, ахъ какой ты силёнъ да порёнъ, можешь лѣсъ рвать». —«Ахъ ты, добрый человѣкъ, есть въ Русіи добрый человѣкъ, Иванъ Вѣтровиць, вотъ порёнъ да силёнъ». Ну, опе́ть скае: «Возьми меня, куды ты пошоў». И пошли опеть въ лѣсъ двоима по дороги. Шли, шли, мужикъ горы ровняатъ. «Богъ помоць, добрый целовѣкъ! Какъ ты мошь силёнъ да порёнъ быть?» —«Ахъ скае, какъ я силёнъ да порёнъ—есть въ Русіи Иванъ Вѣтровиць, посильнѣэ миня». Пошли ёны троэ опеть. Пришли ёны въ чисто полё,

въ цистомъ поли избушка стоитъ маленькая, стали ёны въ эфтой избушки жыть, одноϒо заставили хлѣба пекци, который лѣса рваў. Ёнъ хлѣбъ испёкъ, налетѣла змія трёглавая, у ёго стряпну съѣла, ёго зá волосы шатала, шатала и подъ лавку бросила. И ёнъ опеть выстаў, пецьку затопиў, опеть состряпаў, тожно и пошоў, мéгки понёсъ туды къ нима. Пришоў туды. «Што жъ ты доўго, скае, стряпашь тамъ?» — «Я до того угориў тамъ, што не могъ съ миста пойти».— Ну оставили тоϒо, который горы ровняў. Тотъ только состряпаў, только потерпѣть, семиглавая змія налетѣла, шатала, шатала и подъ лавку бросила. Опеть выстаў, состряпаў и понёсъ туды мехки. «Какъ ты доўго справлеэшься тамъ». —«Да угориў, скае, голова болила, такъ не могъ прити». Ну, топерь Иванъ Вѣтровицъ самъ останетця хлѣбы пекций. Налетѣла змія двацяти главъ ёму, ёϒо хоця поймать. «Нѣтъ, скае, не јимай меня». Взяў етару, заиграў, ёна росплесалась. «Ну, што, ска, я тебя наућю по-руски плесать». Взяў просверлиў, сдѣлаў дыру въ стѣнки. «Клади это ноги въ эфту дырý», скае. Забиў клинья ёму въ ноги, штобы не сплеснуў боўше, штобы не ворохнулась, штобы морщинъ не было на ногахъ. Ёнъ какъ дёрнуў, эта змія какъ дёрнула, такъ ноги въ стѣны оставила. Пришоў въ лѣсъ туды, прйнёсъ хлибъ роботникамъ. Тутъ скае: «Што вы, скае, этакой камень вороцяэте, не можете подиять». И ёнъ лягнуў, камень черезъ цисто полё перелетѣло. Ёны видятъ, што не товарышъ тутъ, роспростились; ёны въ свою дорогу пошли, ёнъ въ свою́. И ёнъ шоў, шоў, паў въ яму; ёϒó тамъ вьюноши (змiины) одва не заклёвали. Вдругъ мать налетила, одва ёϒо не съјила. Вьюноши зарыцяли, што «маменька не трожь, онъ насъ спасъ подъ шапку собраў, согриў, нѣтъ — такъ-бы замéрзли». Ёна у ёго спросила: «Ну што топерь тебѣ, Иванъ Вѣтровицъ, надо?» —«Топерь мни ничего, скае, не надо, только, скае, въ Россею вынеси меня».— Взяў ёнъ, двѣнацять боцёкъ мяса наклаў, наверёхнуў, ёна двѣнацять главъ откроетъ, такъ онъ туды мясо и броситъ въ ротъ. Ёнъ всё вы́даваў ёй, боўше у ёго дать нечеϒо. Взяў вырѣзаў у себя пальцы съ рукъ и съ ногъ и всё выдаваў ёй туды. Спустиў ю нá Руси, онъ и пойти не мóже. «Ну, што-же, скае, ты это сдѣлаў?» — «Это я тиби въ рутъ выдаваў пальци вси».—Ёна за водой сходила, пальци ёϒо сóбрала вси въ одно мѣсто, спрыснула водой, сошлосъ всё по старому. Ну, ёнъ встаў, пошоў, роспростились. Ну, ёнъ при-

шоў къ эхтому дѣдушкину дому, взяў ку́рикъ (чѣмъ дрова рубятъ, чекуша), пришоў къ дѣдушку кощайному, удариў какъ курикомъ въ спину. Онъ скае: «Какъ руській комаръ кусиў». Другой разъ удариў. «Какъ руська муха куси́ла». Третей разъ удариў, какъ руській комаръ кусиў. Ну, «Ахъ Иванъ Вѣтровиць тутъ!» Назадъ зглянуў, взяў ёго на куски на мелкіи вырѣзаў и бросиў на улицю. Матери перстень роспаиўся. Ёна взя́ла самолучшого коня въ конюшни, сѣла на коня́ и глаза платкомъ завязала. Јихала, јихала, конь стаў, не идётъ больше. Ёна встала, вышла съ верьху глядить, сынъ тутъ розрубленный ёй тутъ лежитъ. Птички налетаютъ, ёго то клю́ютъ тутъ; ёна взя́ла фурашку, птицьку словила; а матка налётыватъ, птицьку проситъ, и ёна ёй скажетъ: «Принеси живой воды да мёртвой, я твого сына тожно выпущу». Ёна взя́ла, принесла живой воды и мёртвой, со́брала ёна вси кусоцьки въ одно мѣсто, спрыснула жывой водой ёна, и вси кусоцьки сро́слись въ одно мѣсто, жывой водой спрыснула, ёнъ на ноги́ стаў. «Ахъ, я доўго спаў», скае. —«Не я бы, такъ ты викъ спаў»—скаже мать, и роспростились ёны. «Ну, теперь, скае, пріѣду домой, такъ буду, а нѣтъ, такъ поминай меня», скае. Пришоў, въ ызбы сидитъ дивиця, доци́ безсмертного Кощя́, пялушка точо́на, игоўка золочо́на. Нанёсъ саблю на́дъ голову. «Скажи, гди твого отця смерть! Не скажешь, то хъ смерть предамъ, а скажешь, такъ заму́жъ возьму». Ну ёна сказала, што «отця мого въ щельги и въ сундуку тамъ; въ сундуку е утиця, въ утици яйця—и тамъ смерть ёму». И ёнъ отправиўся въ дорогу смерти искать. Шоў, шоў, попадай ёму собака стритъ. Собака ёго тутъ стритила и хотѣла съјись и ёнъ бросиў ёй рыбу, штобы ни съѣла, пропустила ёго. Идётъ, такъ лѣсъ по дороги хлопаетъ, ёго не пускаэтъ. Ёнъ шоўковый поасъ привезаў къ берёзы. Его берёза пропустила. Пришоў къ берегу, такъ што китъ-рыбина во весь берёгъ лежитъ. Взяў столнуў ёй въ воду. Взяў да перешоў черезъ море; пришоў въ щельгу, въ щельги камень; камень розламаў, хъ камени сундукъ, хъ сундуку утиця; утицю взяў, утиця скоцила да въ воду. Вдругъ собака бѣжитъ, ёму утицю тащитъ стритъ. Утицю взяў въ руки, роспороў, только взять въ руки яйцы были—въ воду упали. Ёнъ заплакаў. Тутъ идётъ глядитъ, ажно китъ рыбина идётъ, яйця въ зубахъ тащи́тъ. Ёнъ обрадоваўся, яйця въ руки взяў; сломаў, прижаў эти яйця, и у ёго, безсмёртного Кощея душа вонъ. Пришоў

туды́, къ доцéри, ажно ёнъ ушъ помёръ, похоронили. Ну ёнъ дóперь замужъ взяў, ну и отправились ёны́ въ свою сторону. Иванъ Вѣтровиць прiѣхаў въ свою сторону, глядитъ дѣдко. «Эка бѣда! Внукъ пришоў домой».—«На, дѣдушка, тиби тулупъ, — зимой холодно, а лѣтомъ жарко». Ну и поздоровкаўся ёнъ съ дѣдушкомъ, поздоровкаўся, при́жаў, што у дѣдки и душа вонъ. Боўше нитъ.

108.

Морозъ.

Записана тамъ же, отъ того же.

Жыў дóсюль старикъ да старуха, у нхъ доци́ была. старуха померла, старикъ жениўся на дрýгой. Взяў ёнъ Еги́бихину доцéрь замужъ; нелюбить доцéри этой стаў; отвёзъ доцерь въ лѣсъ; она тамъ стала жывота дожывать. Ёна говоритъ: «Морозъ, не хрястай, дай мни одѣтьця». И ёнъ даў ёй шубу и кафтанъ (балафонъ). Старикъ прiѣхаў, думаў доци мертва; дожидаэтъ отця; прiѣхаў ёнъ, доци стрѣтаетъ. Отець ю домой привезъ. Мать скае: «О, какая богатая наѣхала. Ну, ёна скаже, надо другую свести на морозъ». Она поѣзжаетъ, спрашиваетъ у той сестры: «Какъ деньги нажила?» скаэ.—«Я гола, гола, да безъ пояса». Морозъ стаў ю хрястать: «Морозъ, не хрястай, я не гола, не боса, не бéзъпояса». Отець прiѣхаў, а тая ужъ мёртва, захрястана, морозъ ужъ заморозиў...

109.

Попъ и рабóтникъ.

Записана тамъ же, отъ того же.

Жыу пупъ, нанимаў роботника. Жыло три брата, всё Иванамы звали. Ены взяли, одноγо Ивана въ роботники дали: хто розсердитця, у тоγо носъ съ рожей вонъ. Тутъ сѣли обѣдать, кашу сварили, у попá робята были, сѣли јись, робята до вѣтра

захотили. «Поди, Иванушка, проводи». Ну ёнъ и проводиў, пришоў — у ихъ пообѣдано. «Ну, Ванюшка, не сердись».—Какъ же не сердитця! У ёго взяли—носъ вырѣзали, домой послáли. Ну, теперь опеть попъ середнёγо брата взяў. Опеть дити задавались на гулянку, и онъ проводиў тамъ, опеть носъ съ рожей вонъ, опеть домой пошоў тотъ. Нынь меньшоγо брата Ивана взяли; ну тоγо стали опеть редиться: «хто осердитця, у тóγо носъ съ рожей вонъ». Кашу сварили и опеть робята на дворъ, до вѣтра задавались. И ёнъ пришоў, на кулья (колья) робятъ посадиў, ну и вышоў въ ызбу кашу јись за столомъ. Попъ пришоў, говоритъ: «Што, ска, куды ты робя́та клаў?» —«На двори робята»,—скае. Пришоў туды, такъ робята одва жывыи на кульяхъ сидятъ. Пришоў оттуда, осéрдиўся попъ. «Цёγó ты сердишься, скае, батюшко, надо у те носъ вырѣзать, на мисто». — «Нѣтъ не сержусь, скаже, Ванька». Ну тутъ: «Ванюшка, скаже, поѣзжай дуги ломать». Прiѣхаў туды къ дубу, стаў ломать, вдругъ медвѣди набѣжáли, у нёγó коней опеть съѣли, и домой пригнаў этыхъ медвѣдей. «Куды, батюшко, куды класть коней?» —«Въ хливъ опеть, гди кони», — скае. «Што, батюшко, не сердишься ли, кóней медвѣди съѣли». — «Нѣтъ, не сержусь» (не смѣэ сказать). «Ну, поди, Ванюшка, скае, поди выпусти медвѣдей въ лисъ». Ну ёнъ спустиў: «Нé любо, такъ пущай, скае, въ лисъ идýтъ». — «Ну поди, скае, попъ говоритъ, которая корова на тя взглянетъ, тýю убéй». Ёнъ пришоў, вси коровы на нёγо розглядѣлись, и ёнъ взяў, всихъ коровъ убиў. Пришоў въ ызбý; за хвостъ приволокъ всихъ. «Што, батюшка, не сердишься ли? Я пришоў, вси розглядѣлись на меня, одва не съѣли, всихъ и убиў.»— «Ну, скае. бѣда, куды я теперь съ работникомъ». Послали ёγо къ цёрту за пошлинной. Ну пришоў ёнъ, около озера три разъ обошоў, сиў витьевъ вить. Пришоў водяникъ къ нёму. «Што ты дѣлашь?»—«Я дѣлаю, кольця вью, воду́ какъ высушу, вамъ негдѣ жыть буде». — «Погоди, скае, не сушы, я къ дѣдушку схожу». —«Вотъ, дѣдушко, твой внуцёкъ лади óзёро высушить, жытья не будётъ ужъ». Дидъ водяникъ вышоў изъ воды съ палицей залѣзной. «Хто можетъ здынуть, тому пошлину даютъ». Онъ скае: «Хто принёсъ, тотъ и здынь, спробуй напередъ, тяжóла-ли?» — И ёнъ взяў, этотъ водяникъ, какъ бросиў къ нёбу, ёна взадъ пала, въ землю стала. Топерь Иванюшка скае: «Топерь какъ я, скае, брошу, такъ вамъ пáлицы

не видать боуше». И ёнъ стаў яму копать... ёму денёгъ дали цѣльну фуражку... Ну ёнъ пошоў ужъ домой, де́нёгъ повёзъ возомъ. Какъ попъ обрадоваўся, што денёгъ много нанёсъ. «Куды, батюшко, класть деньги эты?» скае.—«Клади въ подва́лъ, скае, въ цюланъ».—Ну ёнъ пошоў къ обѣдни, праздный день, въ церьковъ пошоў. «Ну, батюшка скае, ты двери каравуль, што-бъ не украли жывота тамъ». Ну ёнъ попъ ушоў въ церьковъ. Этотъ Иванушка взяў, двери вынёсъ съ подва́лу. Пришоў, въ церьковъ снёсъ и на пецьку клаў. Попъ махаў, махаў кадиломъ, злянуў на́ печь, ажно Ваня сидитъ на́ пеци. «Што Ванюшка, скае, сдѣлаў, двери унёсъ» (тамъ живота унесли у ёго... украли). Ну тутъ ёнъ пришоў домой. «А што, батюшко, не сердишься-ли?» Ну ёнъ пришоў тутъ, все опахано, больше нитъ, не смѣэ сказать, что сердитця.

110.

Рыцарь Ларонтъ.

Записано въ д. Лукинѣ Островѣ Петрозаводскаго у. отъ Семена Аксенова.

Нѣ въ которомъ царьсви быў царь и быў у него сынъ рыцарь. Ну, потомъ круглый стоў украшаўся рыцарьсвомъ. Потомъ отправиўся этотъ царскій сынъ къ эхтому круглому столу. Подъѣжжаэтъ къ круглому столу, роскинуў полатку, потомъ и видитъ изъ стѣны, что нѣкакій рыцарь подъѣхаў къ городу и обночоваўсе. Поутру вставши подъѣхаў хъ стѣны, королевна по стѣны прогуливалась, потомъ онъ подаётъ ёй заповѣдной поясъ. «Прими, великій государь, мой малый подарокъ; ну если вамъ будетъ неугодно его держать, то вышли назадъ». Потомъ она объявила отцю своему, што вотъ нѣкакій рыцарь подариў поясъ. «Прикажете вы мнѣ его носить, али нѣтъ?» Потомъ король объявилъ своему храброму рыцарю Ларонту. Ларонтъ отвѣтнў королю, што неподобно королевны подарки принимать отъ рыцаря, «возврати его назадъ». На другой день пошла опять по стѣны прогуливаться, подъѣжжаэтъ опять этотъ рыцарь къ стѣны. Потомъ она этотъ поясъ спустила къ ёму на

стальнёе копьё. Потомъ онъ отвѣтиў: «Ну, топерь выищи мнѣ поединщика, хто меня побѣдитъ, тотъ мой поясъ получитъ». Ну, она объявила отцю, отецъ храброму своему рыцарю Ларонту, Ларонтъ своимъ рыцарямъ. Потомъ оны рыцари, какъ услышали объ этомъ, то другъ передъ другомъ всимъ хотѣлосъ выѣхать, потомъ выѣхаў рыцарь, съ нимъ съѣхаўся, и ударились; который выѣхаў изъ круглоүо стола, какъ вѣкъ на лошади не сиживаў, слетѣў съ лошади, какъ ударилисъ оны. Потомъ на второй день второй, на третей третей. Ну это оны повздорили съ нимъ цѣлый мѣсецъ, а никто побѣдить не можетъ. Потомъ дѣло дошло до Ларонта. Ларонтъ выѣхаў, со своима друзьямы простиўся всима и съ королёмъ. Потомъ выѣхали на поединокъ и зачали сражаться крѣпко и ни одинъ одного не могутъ побѣдить. Потомъ Ларонтъ взяў мячъ въ обои руки, ударнў короля по головѣ, стальнёүо шлема не могъ перерубить, а мячъ переломиўся пополамъ. Потомъ доўженъ пасть отъ безсилія, орудіе сломалось. Потомъ король забраў ёүо въ плѣнъ и забраў въ свою палатку и повёзъ въ своё царьсво еүо въ плѣнъ. Ѣдетъ дорогой и розговариваэтъ: «Не скучай своимъ плѣномъ, будешь у меня всѣмъ награждёнъ. Если женитьця хочешь, прекрасную сёстру за тебя отдамъ, поў царьсвія тиби дамъ». Онъ отвѣчаэ: «Никоүды бы не быў у тебя въ плѣну, да орудіе по́дало». Ну потомъ пріѣжжаютъ въ эфто царьсво. По пріѣзди своёмъ сдѣлаў велнкій баў, велѣў сёстры одѣться въ драгоцѣнную одёжу и представиў Ларонту. «Если нравитця, такъ бери за мужъ, а не нравитця, то такъ жыви». Она ему понравиласъ, потомъ приняў законный бракъ, и подариў имъ великолѣпный дворецъ, ну и начали оны тутъ продолжать и жыть весело. Жена сдѣлалась беременна. Стало ему скучно по кругломъ столи, по рыцарямъ. Стаў проситця въ круглый стоў, проститьця съ рыцарямы и съ королёмъ. Ну потомъ онъ взяў этотъ рыцарь. уѣхаў, жена осталась беременна. Жена на отъѣзди давала ему заповѣдно́й поясъ, который вси пути показываў. Онъ пояса не взяў, потомъ отправиўся въ круглый стоў, уѣхалъ. Пріѣжжаэтъ къ круглому столу, то вси рыцари обрадовалисъ и король: «Слава Богу, что Ларонтъ жывъ». Онъ тутъ у нихъ погостиў мѣсяцъ, потомъ отправиўся къ жены назадъ; сколько ни стараўся въ то царьсво попась, а всё не могъ, заблудиў. Потомъ едва въ круглый стоў назадъ попаў и росположиўся онъ тутъ жыть совсѣмъ, жону оставиў беременну. Послѣ жона

ро́дила сына, имя дали Родрикъ; потомъ возросъ онъ до пятнадцати лѣтъ и начаў спрашивать: «Матушка, скажи, пожалуйста, быу у насъ отецъ али нѣтъ?» Та заплакала горько: «Быў храбрый, знаменитый богатырь, рыцарь Ларонтъ, онъ уѣхаў, тамъ и жывётъ».— И потомъ сынъ начаў даватця сбератця отця искать.....

111.

Чудесный боченокъ.

Записана тамъ-же, отъ того-же.

Бы́ла ў мужа жена сердитая такая, все му́жа била за́ всё даже. Потомъ она взяла лукошко, насыпала ржы. «Ступай къ мельнику, смели на муку и принесли муку́ домой». Онъ идётъ изъ мельницы. Вѣтеръ откуда взяўся, всю муку рознёсъ въ лукошки. Приходитъ домой безъ лукошка, ну ёна еγо бить. «Шоў розбойникъ, розыскивай тотъ вѣтеръ самый, который муку рознёсъ; требуй ту муку самую или деньги за муку́». Онъ и отправиўся. Ходиу, ходиу по лѣсамъ вязди. Потомъ нашоў фатерку, заходитъ въ фатерку, одна старушка въ фатерки. «Што, зачѣмъ, говоритъ, ты сюды пришоў?» —«Вотъ такъ и такъ, вѣтеръ муку рознёсъ всю, пришоу розыскивать вѣтеръ, требовать у нёγо столько же муки, или денегъ за муку́».— Старуха и говоритъ: «Ну ладно, вѣтры мои сынова, погоди, сюда прилетитъ скоро полуденный вѣтерочекъ, я еγо спрошу». Велѣла ему на печьку лечь и закрытьця крѣпко, што какъ прилетитъ онъ—зазнобитъ. Потомъ вдругъ стукнуло у крыльця, и налетѣў сыноцекъ, полуде́нный вѣтероцекъ. «Ну, кормилець, говоритъ, въ чистомъ поли гуляэшь, да не благополучно. Вотъ, говоритъ, мужыкъ шоў съ мельници, ты рознёсъ муку́ всю; мужыкъ пришоу, требуетъ столько же муки или деньги за муку».—«Ну, хорошо, пускай подождётъ немножко».—Вотъ потомъ онъ приноситъ бочёнокъ, который всякія кушанья даётъ. Онъ даётъ ему бочёнокъ, и мужыкъ отправиuся домой. Ну, дорогой шоў, шоу, захотѣлосъ ему поjисъ: «Бочёнокъ, отворисъ!» Сичасъ выскочило два молодця: «Што тиби угодно?» говоритъ. «Давай мни jисъ и пить». Роскрыли столикъ и сичясъ за́-

чали подавать кушанье ему. Ну потомъ пообѣдаў и отправиўся домой къ жены. Приходитъ домой, жена кинулась: «Што, мошенникъ, нашоў ли ты тотъ самый вѣтеръ, што муку рознёсъ?» Онъ отвѣчаэтъ:«Тише, тише ори».—Потомъ приходитъ въ фатеру, роздѣўся: «Бочёнокъ, давай намъ съ женой јись и пить, штобы всё было довольно». Оттуда и начали оны подавать имъ всякіи кушанья. Эта жена такая была затійная, што на свѣти спроситъ, подаютъ ей всё. Потомъ увидала вдругъ: баринъ ѣдя въ кореты (въ повозки) мимо окнó. Мужъ и говоритъ: «Поди, жена, останови барина, зови ёγо обѣдать». Потомъ выбѣжаў, тотъ начаў кричать: «Баринъ, баринъ, постой-ка». Баринъ остановиўся. Онъ и говоритъ: «Вотъ, говоритъ, пожалуйтя ко мни обѣдать, жена прогнала меня со стола звать васъ». Баринъ воротиўся назадъ и зашоў въ домъ. Она собрала ему обѣдать, и начали подавать ему кушать, такія кушанья, которыхъ и вó вѣки не ѣдаў. Потомъ замѣтиў, што оны всё къ бочёнку подпадываютъ и требуютъ кушанья; баринъ то и замѣтиў. Потомъ баринъ пообѣдавши поблагодариў за хлѣбъ зá соль. Потомъ отправиўся и бочёнокъ захватиў съ собой. Оны хватились—бочёнка нѣту. Послѣ этоγо — «Пошоў, розбойникъ, къ этому вѣтру за новымъ бочёнкомъ». Тотъ и отправиўся, приходитъ къ эхтой старушки: «Што ты, зачѣмъ мужыкъ?»—«Вотъ такъ и такъ».—«Я спрошу сына, какъ пріѣде». Немного, прилетаэтъ и самъ сынъ. «Вотъ, кормилець, мужикъ требуетъ такой точно бочёнокъ, какой баринъ украў». —«Пускай подождетъ».—Потомъ приноситъ бочёнокъ такой же, какъ и раньше, и даётъ мужыку. Потомъ тотъ отправиўся съ бочёнкомъ на радости, со вторымъ. Дорогой шоў, шоў, захотѣлось ему појись. «Бочёнокъ, дай мни појись». Выскоцили два молодца—ну ёγо драть плетямы, приговариваютъ: «женѣ волю не давай».—Потомъ кое-какъ проговориў: «Бочёнокъ, заприсъ». Молодци убрались. Хотѣў тутъ его оставить, бочёнокъ. «Ну, дай, пускай жену нарядитъ». Ну, приходитъ домой. Видитъ, што такой же бочёнокъ нёсетъ, обрадовалась. «Давай бочёнокъ намъ јись и пить, штобы всего довольно». Потомъ выскочили два молодца и зачали ю плетями драть и до той поры драли, што едва дышитъ. Мужикъ говоритъ: «Заприсъ, бочёнокъ». Эты молодцы и убрались опять въ бочёнокъ. Она хотѣла розбить бочёнокъ. Мужыкъ и говоритъ погоди, я пойду въ городъ съ этимъ бочёнкомъ барина розыскивать. Она положила бочёнокъ.

Мужъ встау по утру и пошоу въ городъ съ бочёнкомъ. Побыу въ городѣ, день ходитъ и другой и третій, барина ищетъ. Глядитъ- -баринъ ѣде въ кореты. Онъ и закричау: Постой, баринъ». Тотъ остановиуся. «Не возьмёшь-ли мой бочёнокъ, онъ всю одёжу даётъ, а я человѣкъ низкій, если одѣну ту одёжу, скажутъ: «ты украў »: а вы люди богатые, такъ никто не скажетъ, што украли». Потомъ онъ садиў въ корету мужика. Пріѣхали туда въ домъ барину. Приходятъ въ комату, баринъ роздѣуся. «Бочёнокъ, подай мни одёжу». Выскочили два молодця и зачали плетямы драть. Мужикъ скаже: «Отдай бочёнокъ, не отдашь, такъ задерутъ». Мужикъ бочёнокъ взяу и съ двумя бочёнкамы побѣжау домой.

112.

Иванъ Царевичъ и старикъ мѣдный лобъ.

Записана въ дер. Лукинѣ Островѣ, Петрозаводскаго уѣзда, отъ старухи Гришиной.

Вотъ пошоу гулять царьскій сынъ съ дядькой. Ходили, ходйли, гуляли, приходятъ тамъ къ дерёву, подъ дерёвомъ лежытъ старикъ мѣдный лобъ. Вотъ ёнъ (ёму и лесно цюдо: старикъ съ мѣдныимъ лбомъ) и говоритъ: «Пойдёмъ, возьмёмъ соудаты, окружымъ ёго канатамы и заловймъ». Взяли соудаты, ёго окружыли и заловили. И въ дворець привели, ну такъ весь дворець здивоваУся, этаку штуку привели. Ну, ёго... доложыли царю, ну царь—въ крѣпость ёго посадить. Ну, въ крѣпость ёго посадили. Нѣсколько времени сидитъ ёнъ въ крѣпости, ёму и скучно сидѣть. Ну, потомъ выходитъ этотъ царьскій сынъ играть тамъ; стрѣляу онъ пистолетикомъ и пострѣлиу онъ къ старику мѣдному пулькой. Ну, и стау онъ у старика просить пульку: «Отдай, старикъ, пульку назадъ!» Ну, старикъ говоритъ: «Будя выпустишь меня съ крѣпости, отдамъ, а будя не выпустишь, не отдамъ». Дядько совѣтуатъ, што взять ключи да выпустить, штобы пулька была наша. Ёнъ взяу, ростѣшиуся, пошоу къ матери, ключи взяу и нацяу играть има, а потомъ старика и выпустиу и пульку полуцйу. Ну, потомъ слуги пришли

туды (носили пищу), ажно старика нѣтъ мѣдноүо лоба. Стали добератьця, хто выпустиў, оказаўся, што сынъ выпустиў. Царь и прогнаў шататьця сына и даў ёму ружьё. Ходиў... въ мѣста поди вѣдай какіи, и ёнъ увидиў оленя съ золотыма рогамы и съ этымъ оленёмъ ходиў и ушоў съ нимъ въ инны земли, далёко: олень хпереди, онъ вслѣдъ, олень сманиў ёүо. Потомъ ужъ къ рѣцьки пришли, олень повалиўся спать за рѣцьку, и ёнъ одёжу скинуў, скинуўся до гола, за рѣцьку побрёў, и только стрѣлить ёүо, а олень ушоў, ёнъ остаўся голый. Ну, и потомъ ёнъ роздумаўся, куды ити голымъ, и на то мѣсто попасть ужъ не може, куды одёжу скинуў. Ну, вдругъ и росплакаўся и являэтця къ нёму старикъ мѣдный лобъ и ёму наказыва: «Поди въ эдако мѣсто, тамъ возьмутъ тебя въ роботники». Ёнъ... ёүо и взяли и отправили ёүо пасти воловъ тощіихъ, и велѣли ёму ихъ үъ малоэ время роскормить и роспоить до сыта. Ёнъ взяў инныхъ волокётъ да инныхъ кое-какъ роспоиў да роскормиў до сыта. Потомъ являэтця старикъ (въ лѣсяхъ) мѣдный лобъ, даритъ ёму бицъ. «И отправляйся домой, Иванъ царевицъ, съ этыма съ воламы». Подходитъ къ дому, стёгнуў бицёмъ по земли, такъ хозяйскый домъ задрожаў, хозяинъ перепаў. На другой день даў коней, штобы роскормить и роспоить и привести сытыхъ. Ёнъ накормиў и напоиў, опеть также сытыхъ, ну и также и свиней всё ровно (по трожду, значитъ, ходиў). Потомъ отъ хозяина рошшотъ взяў и пошоў опеть. Являэтця старикъ мѣдный лобъ. «Пойдёмъ со мной, Иванъ царевичъ, үъ моей доцери үъ гости». Приходятъ, здынуў жалѣзную плиту, опущаютця үъ гости туды, приходятъ үъ доцери, доци напойла, накормила и подарила, даръ подарила, и пошли ёны къ другой доцери въ гости. Старикъ говоритъ: «Здыни-ка ногой плиту, Иванъ царевичъ». Ёнъ ногой приздынуў, такъ метнуў плиту очень высоко. Говоритъ старикъ: «Што, Иванъ царевичъ, большую-ли ты въ себи силу имѣашъ?» Ёнъ и говоритъ: «У мня было-бы кольцё, притянуў бы нёбо и землю въ одно мѣсто». Роздумаўса старикъ, што много силы, надо убавить. Приходятъ къ третьей доцери. Третья доци подарила даръ тоже, пошоў Иванъ царевичъ хъ своё мѣсто, хъ своё царьсво и приходитъ үъ дворець и разныи разности росказываэтъ, и царь и царицa дивуэтця: «Што-же это?» Какимъ-то манерьцемъ онъ добиўся на старо мѣсто до царьсва...

———

Сказочный мотив, сходный с Аф. №124. примеч.

113.

Чудесный огонь.

Записана тамъ же, отъ крестьянки «Михайловны» 30-ти лѣтъ.

Жыў досюль мужыкъ такой бѣдный, бѣдный, а просить ёму было стыдно. Ну, потомъ въ Христовску ноць у сусѣдей огня просиў пецьки затопить и нихто нé даў. Ну ёнъ шоў въ дрўго селенье, въ фатеру, тамъ нé дали. Потомъ пришоў въ фатеру: пецька стоплена, а покойникъ лежытъ, а больше никоүо нѣтъ. Ёнъ Богу помолиўся и стаў покойника будить, ёнъ и выстаў, потомъ стаў огня у нёүó просить. Ну, ёнъ взяў ковшомъ угольевъ беремя, взяў и домой снёсъ. Потомъ ёнъ велѣў: «Домой, ска, придёшь, на стоў стряхни», скаже. Потомъ сдѣлаўся свѣтъ-огонь и стаў поўный золота и сéребра. Ну, потомъ сусѣди пришли, у которыхъ просиў-ходиў, имъ зáвидно стало, пришли спросить, үдѣ онъ взяў. Онъ росказаў: «быў я въ такой-то фатерки, побудиў покойника, онъ и даў». Ну, потомъ ёны пришли, побудили ёүо, ёнъ и вы́стаў. Ну, опеть также ёнъ беремя клаў угольевъ и наказываў, што «на серёдки деревни не трясите, а домой прiѣдите, такъ на серёдку фатеры положыте». Потомъ у ихъ эта фатера такъ и загорѣласъ.

114.

Женщина монахъ.

Записана тамъ же, отъ той же.

Жыў дó сюль мужыкъ да баба, двоэ дитей у нихъ было; потомъ ёны́ ложылисъ спать, ёна съ мужемъ и простиласъ. Ну потомъ ёна по три ночи всё ходила въ церьковъ Богу молитьця на могилу. Потомъ опеть на и́нну ноць она зъ дому ушла, совсимъ ушла. Ну, потомъ ёна шла, нѣсколько дерéвенъ про-

шла, потомъ волосы подровняла у себя, муськіи платья на себѣ накруцила, штобъ ю нихто не признаў. Ну, и потомъ ёна пришла въ манастырь въ муськой, даваэтця на нѣсколько лѣтъ, хоть-бы хлѣбомъ кормили, што заставятъ, то и роботать. Ну, потомъ ёна три года прóжыла, и стали ю монахи признавать за женщыну. Потомъ ёна жы́ла трицять лѣтъ въ манастыри этомъ, стала нездорова. Потомъ на годъ времени ю клали въ особый покой. Она годъ времени тамъ выбыла и потомъ на дрўгой годъ ужъ пищы не принимала, и всё ю ходили, смотрѣли. Ну потомъ на третій годъ пóмерла. Ну потомъ этоɣо старшоɣо управителя призвали ю смотрѣть и потомъ ю вынесли на другу фатеру и потомъ ю стали мыть, роздѣли, роскрутили и женщына оказаласъ.

115.

Гость.

Записана тамъ же, отъ той же.

Потомъ опеть жыў мужыкъ такой богáтый, богáтый, съ своимъ семейсвомъ. Ну, у нихъ была такая больняя тётка, можетъ быть, своя, или чужая; нездорова была, такъ по бѣдности держали. Потомъ ёнъ никакоɣо нища брата не пускаў къ себи и не знаўся съ бѣднякамы. Ну, потомъ шоў въ церьковъ, Боɣа въ гости стаў звать. Потомъ ковры были пóсланы отъ сáмоɣо дома до церьквы. Ну, потомъ ёнъ своихъ родныхъ спрашываэтъ: «Быў-ли въ гостяхъ такой-то, проходящей какой-нибудь?» Тамъ отвѣцяли, што не быў, не видали никоɣо. Ну, потомъ на дрўгой день эта тётка и померла нездоровая. Ну, потомъ на и́нный день ю похоронили ужъ, приходитъ къ имъ такой нищій старицёкъ, даваэтця къ имъ къ нóци. Ну, ёны ёɣо и пустили; проситъ ради Христа воды напитьця и поужынать. Ну, потомъ роспорядиўся этотъ богацъ въ тую фатеру спать ёму, гди старушка лежала. Ну, потомъ ёнъ утромъ встаў, блаɣодарность отдаў и пошоў. Ну, потомъ на инну ноць эта тётка во сняхъ показалась хозяину: бранитъ этоɣо богаця, што «зацимъ ты положыў старика въ той фатери, што гди я умерла». Такъ

потомъ старуха, котора померлá, ёму говоритъ: «Ходиў въ церьковъ, зваў Боɣа въ гости, Бохъ и пришоў (старикомъ повернуўся, вишь), и ты какъ ёɣо угостиў?» Этотъ богаць и росплакаўся, пошоў ёɣо искать, што ёнъ быў, да худо опотчиваў. Ходиў по всимъ селеньямъ, спрашываў, што не видали-ли такоɣо старицька. Тамъ всё скажутъ: не видали.

---

116. Аф 122

Иванъ царевичъ и Марья Королевна.

Записана въ д. Тавой-Горѣ, отъ Лукерьи Филимоновны Марковой.

Ни въ какомъ царьсвіи, ни въ какомъ государьсвіи, въ такомъ, какомъ и мы живёмъ, жыў мужикъ и баба, у мужыка да у бабы было три сына. Жилú онú богáто. Стаў отець померать, имѣніе стаў оставлять меншому сыну, и отець померъ, ёны это имѣніе стали, братья старшіи, отъ нёго отнимать, и ёнъ имъ не даваэ, и ёны стали спорить. «Ну, братьци, пойдёмтя, скае, когда такъ не вирите, пойдемтя, скае, въ церьковъ, возьмитя въ руки по свички, и коɣо свицька въ рукахъ загоритця, тому имѣніемъ владѣть». И ёны и сóбрались и пошли фъ церьковъ, взяли по свицьки въ руки и стали передъ Бóга. Стоали, стоали, у меншоɣо брата свичка и заɣорѣлась. «Ну, братци родимы, глядитя, кому имѣніемъ владѣть». Ну ёны ёму тому не вирятъ, всё имѣнія не даютъ ёму владѣть. И ёнъ взяў, шыў котомоцьку и въ котомоцьку клаў сухую кромоцьку и пошоў куды голова несётъ. Пришоу ёнъ къ óзёру, въ óзерѣ плаваа дивиця прекрасна. «Иванъ чярьскій сынъ, вы́здынь меня отсю́ды». —«Ахъ, ты дивиця прекрасна, будетъ мни ради тéбя смирть напрасна».—И опеть отъ ней отошоў. Сколькó ни времени ёнъ шоў, она опеть протиў нёɣó. «Иванъ чярьскій сынъ, вы́здынь меня óтсюль». И ёнъ опеть говоритъ: «Ахъ, ты дѣвиця прекрасна, будетъ мни ради тебя смирть напрасна». И ёнъ взяў ёй, подняў оттўль. «Ну, пойдёмъ, Иванъ, чарьскій сынъ». Ну, ёны́ и пошли. Пришли ёны въ городъ, гди тамъ ɣоспода гуля-

ютъ въ доми, домъ нѣ на сколько-то вёрсъ большой, и ёны въ эфтотъ домъ зашли. Што у нихъ было нагнано ко́ней, што чоγо, и всё тутъ оставили, самы вси ушли, и эта дѣвиця прекраснаа Ивану скаже. «Ну, Иванъ чярьскій сынъ, поди нанимай роботниковъ». И ёнъ шоў тамъ, деветь розбойниковъ наняў и домой привёў, и порядили оны вси деветеро по фурашки и по манишки и по рубашки и по жалетки и по пинжаку и по брюкамъ. Да ладно, скае, какъ онъ будетъ ращитыватьця п всимъ накупиў и всихъ отправиў домой. А эта дѣвиця прекрасна спыла деветь мушонокъ [т. е. мошонокъ], (а повѣдай, что́ значитъ, такъ сказываетця). «Подай, скае (у тоγо, коγо покупала), Иванъ, (тому, у коγо покупаў) мушонку — и мала мошонка взадъ не проситъ—и опеть скае: подай мошонку, мала скаже, мошонка взадъ не проситъ». И деветь вси и выдавала има, и ращитаўся и пришоў домой, чтобы къ утру къ свѣту вся одёжда была бы сшыта на деветерыхъ. И эта дивиця прекраснаа ёγо и послала въ колокольню. «Въ ко́локоў, скае, удари, тиби портной выскоцитъ, тоγо не бери, и въ другой удари выскоцитъ тиби портной, и тоγо не возимай, и, въ третій удари, и третьёγо не возымай, въ четвёртый удари, тому и шыть отдай». И ёнъ ушоў туды въ церьковъ, въ колокольню. Въ колокоў удариў, и выскоциў къ нёму портной, и тому и не́ даў шыть; въ другой удариў, опеть портной выскоциў, тому и не́ даў; въ третей удариў, опеть выскоциў, тому и не даў; въ четвёртый удариў, къ нёму опеть портной выскоциў. «Что, Иванъ, ты чярьскій сынъ, прикажете дѣлать?»—«Вотъ что,—чтобы къ у́тру хъ свѣту была бы на деветеры́хъ вся одёжа сшыта». —И самъ домой пошоў. Ну, эта дѣвиця прекраснаа скаже ёму: «Ну, Иванъ чярьскій сынъ, Боγу молись, спать ложись, утро мудро, мудренѣа вечера; всё будетъ испоўнено». По у́тру ёна и будитъ ёго. «Ну, Иванъ чярьскій сынъ; вставай, поди́ за обновкама». И ёнъ пришоў, фъ колокоў удариў, выскоциў портной, въ другой удариў, другой выскоциў, и въ третій удариў, третій выскоциў, и въ четвёртый удариў, ну хъ четвёртому и пошоў. Пришоў туды — вся одёжда по гвоздикамъ розвишена; ёнъ опеть съ нимъ рощитаўся, одёжду понёсъ домой. Пришоў домой, роботникамъ и отдаў. «Ну, дѣвиця прекраснаа, скае, ну поѣдёмъ топеря γъ братьямъ въ гости». За́прегли тройку и поѣхали. Ну, и пріѣждяэтъ γъ братьямъ подъ окно, братья межъ собой и говорятъ: «Ну, у насъ, ска, братъ, ска, въ тройки ѣдя». Ну ёны пого-

стили, и старшій братъ скае: «Ну, я на тибя службу накину: здись здѣлать церьковъ, исъ церьквы до моихъ крыльцёвъ ступеней здѣлать тынъ». Ну ёнъ головушку повѣсиў. Дивиця прекрасная скае: «Что, Иванъ, головушку, Иванъ чярьскій сынъ, головушку повѣсиў?» —«Ахъ, ты дѣвиця прекрасная, я говориу, что будетъ мни ради тибя смирть напрасна: вотъ такъ и такъ, братъ эдакъ службу накинуў на миня».— Ёна скае: «Ничово. Иванъ чарьскій сынъ, утро мудро, мудренѣа вечера, Боγу молись. спать ложись, всё будя испоўнено». Ёна́ вышла на крыльцё, стукнула въ кольцё. «Мамки, вѣрныи служанки, какъ мому́ батюшку послужыли, такъ и мнѣ послужыте». Выскоцило ей трицять три мо́лодця. «Што, Марія Королёвна, прикажете намъ дѣлать?» —«Вотъ такъ и такъ къ утру хъ свѣту поставить церьковъ и до братьнихъ ступеней тынъ».— «Ну, всё будётъ твоэ испоўнено». По у́тру опеть Ивана будитъ. «Вставай, Иванъ чярьскій сынъ, проздравляй брата съ обновкой». И ёнъ пришоў, такъ ещé братъ на кроватки лежытъ, церьковъ поставлена, да до ступеней тынъ. «Ну, братъ, вставай, гляди обнувку». Тотъ высталъ, глядитъ: сдѣлано хорошо. Ёнъ опеть службу накинуў на нёγó. «Ну, братъ, сдѣлай, я службу на тебя накину, сдѣлать озёро, а въ кругъ о́зёра золотыя вѣшала (ниведъ), и выловить рыбу и такую, какую мни надо, штобы выловить столько, штобы было сварить, и не осталось (вотъ науцятъ нашеγо брата!)». И ёнъ пошоў, голова повишена. Пришоў домой. Дивиця прекрасная скае: «Что у тибя, Иванъ чярьскій сынъ, голова повишена?» —«Ахъ, ты дивиця прекрасная, я сказаў тиби, что будетъ мни ради тебя смирть напрасна; вотъ такъ и такъ, братъ службу накинуў».— «Ницёγо это, Иванъ чярьскій сынъ, Боγу молись, спать ложись, утро мудро, мудренѣа ве́чера». Ёнъ Боγу помолиўся, спать повалиўся. Ёна вышла на крыльцё. стукнула фъ кольцё и—«Мамки, вѣрныи служанки, какъ мому батюшку послужили, такъ и мни послужытя». Ёй оттуда опеть выскоцили слуги. —«Что, Марья королёвна, прикажете намъ дѣлать?»— «Къ утру хъ свѣту, чтобы было сдѣлано озёро, кругъ о́зёра были бы сдѣлана вѣшала золотыя— выловить рыбу какую ёму надо и столько, штобы было сварить и не осталось». Она опеть по у́тру будитъ. «Поди, Иванъ чярьскій сынъ, проздравляй брата съ обновкой». И ёнъ выстаў и пошоў. Ну и озёро сдѣлано и неведъ—вѣшала и рыба выловлена такая, какая ему нада, и пришло сварить и не осталось. И ёнъ опеть службу

ёму накидываэ: «Поди, братъ, туды, не знаю куды, принеси то, не знаю шьто, фъ который день пойдешь, въ тотъ и домой приди». Ну ёнъ пошоў домой, голова повишена. Пришоў ёнъ опеть, и дивиця прекрасная спрашываэ: «Ахъ, ты дивиця прекрасна, я говориў, что будетъ мни ради тибя смирть напрасная». —«Ну, што такоэ, Иванъ чярьскій сынъ?» скае.— «Такъ и такъ, братъ службу накинуў, сходить туды, не знаэ куды пренести то, не знаэ што». Она скае:—«Ну, Иванъ чярьскій сынъ, я этоγо не знаю». — И шла она на крыльцё, стукнула фъ кольцё. «Мамки, вѣрныи служанки, какъ мому батюшку служили такъ и мни послужите». Ей выскоцили опеть трицять молодцёвъ. —«Что, Марья королёвна, прикажете дѣлать?»—«Вотъ такъ и такъ, братъ службу накинуў—сходить туды, не знаэ куды, принести то, не знаэ што. «Марья королёвна, э́тоγо мы не зна́эмъ». И она взя́ла,шыла опеть котомоцьку, клала въ котомоцьку суху́ю кромоцьку и отправила и наказываэ: «Хто встрѣту попадётъ, такъ не лягай [отталкивай], а въ руки емай». И ёнъ пошоў, отправиўся въ доро́гу. Шоў, шоў, скацетъ хпереди ёγо лягу́ха, и захотѣлось ёму пить. Шоў ёнъ въ колодець напиться. ёна въ колодець и скоцила, лягу́ха. Ёнъ вышоў съ коло́дця, ёй и лягнуў. «Ну, подземельна гадина!» скаэ. Опеть пошоў по доро́ги, она хпереди скацетъ. Шоў, шоў далёко-ль, близко-ль, высоко-ль, низко-ль, опеть ёму пить захотѣлось, опеть пошоў въ колодець пить, лягуха опеть таа-же въ колодци. Ёнъ опеть отъ колодця вышоў, ёй и лягнуў. «Ну, подземельна гадина! не дасъ и напиться». Опеть пошоў, опеть ёна на дороги, хпереди ска́це. «Мникова, скае, не велѣла диви́ця прекрасная лягать и велѣла всё въ руки јимать». И ёнъ начаў эту лягуху јима́ть. Ёна скакала, скакала, прискакала въ ку́зницю да и туды убралась, ухоронилась, не ви́дѣлъ ку́ды (куды́), тамъ ёму и отвѣчаэ: «Здрасвуй, Иванъ, чярьскій сынъ. Кладава́й суху́ю кро́моцьку на полочьку, смотри на поўку, што стоитъ, за тымъ ты и пришоў». И ёнъ зглянуў, тамъ стоятъ гусли-самогу́ды—рубъ саморѣзъ, а котъ самоѣдъ. И ёнъ взяў ихъ въ котомку, клаў и пошоў домо́й. Шоў... далёко-ль, близко-ль, высоко-ль, низколь, всё дома нѣту, и домой пришоў; въ который день пошоў, въ тотъ и пришоў, одну недѣлю ходиў. Пришоў γъ брату. Братъ еще на кровати спитъ, и ёнъ взяў, спустиў гусли самогуды. и братъ и скаже: «Ну, гусли самогуды, поиграйте-тко мнѣ». А гусли на мѣсто ёму отвѣчяютъ:

«Не ты насъ кормиў, не ты за насъ денешки платиў, мы тебя и знать не хочомъ.»—«Рубъ саморѣзъ, засѣки ёγо!»—«Не ты насъ кормиў, не ты насъ поиў, не ты за насъ денешки платиў, мы тебя знать не хочомъ». А этотъ, который принёсъ, скае: «Ну-тко, гусли-самогуды, поиграйте-тко мнѣ». Ёны и росплясались, ёны и розыгрались, всякима розныма голосама роспѣлись. «Рубъ саморѣзъ, засѣки ёγо» [брата]. Ёнъ взяў ёγо́ и розрѣзаў на мелки куски. «Котъ самоѣдъ, убери ёγо́». И всё имѣніе ёму тутъ и осталось, и братнее и своё. И стали жить и быть и добра наживать. Тутъ моа сказка, тутъ маа повись.

117.

Соромское ремесло.

Записана въ с. Толвуѣ, въ Заонежьѣ отъ кр. Авдотьи Корниловны, 31 года.

Досю́ль было у отця́ да матери три сына; такъ оны жыли въ низкомъ такомъ положеніи, бѣдномъ. Такъ онъ и говоритъ,—отець стаў старый,—говоритъ сынова́мъ: «Што пойте, сынова́, кормитесь самы, какъ знаэте». Одинъ-то бо́льшый говоритъ: «Ну, батюшко, я пойду, скаже, самъ нажывать хлѣбовъ, пойду портновать, портнымъ жыть».—Ну, да и пошоў, а ужъ ка́къ неуцёный пришоў къ хозяину, далёко-ль, близко-ль.—«Хозяинъ, скаже, нѣтъ-ли чеγо-нибыдь шыть портно́му?» Хозяинъ даў ёму сукно́ шыть кафтанъ себи. Онъ сшыў мѣшокъ. Онъ взяу ёγо, про́гнау, прохлыстау ёγо́. Онъ шоу, шоу, на́ одины фатера стоитъ. Онъ и даваэтця къ ноци.—«Нѣтъ, скае, не пустимъ, нельзя пустить тебя, скае, къ ноци. Одна, скае, хозяйка жывётъ, мужа въ доми нѣтъ».—«Нѣтъ, пуститя, скажетъ, тутъ ноцёва́ть». Оны ёγо́ и пусти́ли. Онъ и лёгъ спать. Она взяла́, у ёγо́ голову отсѣкла. Тамъ другой братъ пошоў въ чо́ботныи, шыть сапоговъ. Онъ и пришоў тоже къ хозяину, спрашиваэтъ: «Хозяинъ, дай мнѣ роботы!» Онъ принёсъ кожу ёму шыть сапоги́, а онъ ёму шыу ко́ты. Онъ ёγо взяу, кожей прохлыстау, да и про́гнау. Онъ опеть на этотъ ноцлегъ пришоў, не вѣдатъ, што брата убили, опеть даваэтца.

Она опеть ёγо не пускаэтъ. Онъ говоритъ: «Пустишь—ноцюю, не пустишь—ноцюю». Она говоритъ: «Ложысь со мной спать». Онъ говоритъ, што «нѣтъ, не лягу». Она взяла, опеть ему головў отсѣкла, пóдъ стоў бросила, туловищо за окóшко. Тамъ третій сынъ походитъ и говоритъ: «Батюшко, я пойду со своеγо добрá хлѣба нажывать соромьскимъ дѣломъ». Другоγо никакоγо ремесла не знаэтъ. Пришоў гъ бáрину къ какому-то высокому цлену. «Што — скаже — дай мни, баринъ, скае, лучьшю дивицю, прилучьшю, я сдѣлаю двинацять саўдатовъ вдругъ. Што тыкну, то Гришка съ книжкой, а што поѣду, то вёрста впередъ». Онъ даў дивицю лучьшюю прилучьшю ёму. Онъ отъ этой дивици сдѣлаў двинацять саўдатовъ вдругъ, всё Гришки съ книжкамъ рóдятся, стоятъ и поютъ. Государь ёмў кукшынъ за то даў серебрá. Онъ домой пришоў, показыватъ отьцю да мáтери, а про братенькобъ и росказаў, што ихъ жывыхъ нѣту. Отець да мать по нихъ плачютъ, а ёмў кукшынъ серебрá за своё добрó дали.

118.

Демьянъ и Кузьма.

Записана въ с. Кондопогѣ отъ старушки Тараевой.

Жыў-быў молодъ Демьянъ и Кузьма. Кузьма жыў у Демьяна роботникомъ. Служылъ ёнъ ёму трицять лѣтъ зá трицять серебрениковъ. Приходитъ старикъ нищій подъ окно къ нёму, просятця къ нёму ночью. «Нельзя-ль, Кузьма, ночовать у васъ?» Кузьма говориў: «Нѣтъ, милый братъ мой, надо попросить брата Демьяна, я не могу пустить ночью, я роботникъ Демьяновъ». Выходитъ Демьянъ на улицю, спрогóворитъ ёму Кузьма: «Ой-же, милый хозяинъ мой, пущай нищого къ нóци». Говориў Демьянъ, что «нельзя пустúть, старуха не любитъ» (харкаэтъ кровъю нá зень—оберать быдто не можетъ старуха). Ну ёнъ скажетъ Кузьма: «Прощай, Демьянъ, и меня на вѣки, коли не пустишь старика къ нóци». Сталъ Демьянъ давать ёму жалованья—трицять серебрениковъ за трицять лѣтъ. Ёнъ жалованья отъ нёго не принимаатъ. Однако, сложиўся Демьянъ на то пускить старика къ ноци. Однако, стаў старикъ исторію сказать ёму

про Ку́зьмину жизь протосвѣтную. И очень божественны слова говоритъ, какъ будетъ ёнъ въ царьсвіи небесномъ жить, Кузьма. И ёнъ ночку ночоваў, всё про Кузьму исторію читаў. Тутъ сказаў Демьянъ: «Ай-же ты, добрый человѣкъ, ночюй для меня ночьку». Ёнъ другую нóчьку ночоваў, такъ про Демьяна исторію чита́ў, про будущюю жизь всё розсказываў. Опеть же стау ёнъ Демьянъ-же просить для старухи ноцьку ноцёвать: «Ноцюй гля старушонка ноцьку». И ёнъ стаў гля старухи исторію сказать, какъ она въ адъ попадётъ, будетъ мѣсто тёмноэ, самогрозное, будетъ ёна́ стоять на одной москиньки, плакать буде горько. Тутъ пошоў добрый целовѣкъ отъ Демьяна и отъ Кузьмы проць и проситъ Кузьму въ гости. Кузьма ёму говоритъ: «Боже мой, Боже мой, нельзя мнѣ, говоритъ, ночью ити, я въ роботникахъ у Демьяна». Ну проситъ онъ старикъ этого Демьяна къ сéби въ гости: «Пожалуйте, Демьянъ, ко мнѣ въ гости». Отвѣчаэтъ Демьянъ ёму: «Гди-же ты живёшь? Ну ёнъ отвичаэтъ: (Господь живётъ подъ остокомъ) «Я жыву подъ осточную сторону, иди узкимъ путёмъ, гляди: текётъ рѣчька, у этой рѣчьки стойтъ садъ берёзовый, а тутъ и домикъ мой». Приходитъ Демьянъ въ госьки къ нёму (а Кузьма не идётъ, въ дому оставаэтся), идётъ подъ осточную стóрону, приходитъ къ быстрой рѣчьки, къ зелёному саду. Тутъ стоитъ домъ величайшій, выходитъ старикъ стрича́ть госькя къ себѣ. «Милый ты, Демьянъ, што-же ты Кузьмы нé взяў въ госьки сюда». Свичи горятъ неугасúмыи, јиствушко у нихъ саха́рьнеэ. Садиу Демьяна за столы дубовыи, даў јиствушко саха́рьнеэ; тутъ Демьянъ ѣў и пиў, и всё тутъ осталось, ничого не могъ скушать, всё тутъ осталось. День прошоў и не видиў, какъ прошоў въ минованье ока. Тутъ стаў походить домой Демьянъ, прощается съ нимъ, онъ ёго проситъ: «Прощай меня, милый человѣкъ, ноцюй, говоритъ, другую ночьку; это ноцёвалъ на Кузьму, это Кузьмину ноцьку ноцёвалъ, а ночуй для себя». И то клалъ въ мѣсто поплоше (нѣтъ ни свичей, тамъ мѣсто грубое), и Демьянъ скучаетъ и насилу провождаатъ день. Проводиў какъ день и ноць все ровно. И опять прощается онъ съ добрымъ человѣкомъ: «Прощай, добрый человѣкъ, я не могу болше жить, иду домой». —«Не скучай, Демьянъ, говоритъ, ноцюй третью ноць у меня, я у тебя три ноци ноцёвалъ, ноцюй гля старушонка ноцьку». Однако же ёнъ остался ночёвать третью ночьку къ нёму, свéлъ онъ ёго въ мѣсто тёмное, внúзу адъ

окромѣшный, поставиў на одну москиночку ёго (Демьяна), москиночка колыблетця, тамъ стонъ, тамъ крыкъ, шумъ болшой, одва́ съ тоски Демьянъ не по́меръ. Однако выпустилъ ёнъ ёго съ кемници, добрый человѣкъ; и проводитъ ёнъ въ тую комнату, гдѣ ёнъ на себя ноцьку ноцёвалъ и однако провёлъ ёнъ въ тотъ покой, гди на Кузьму ноцёвалъ ноцьку. Сдогодался Демьянъ, смолится къ нему: «Господи, Господи, Боже мой, нельзя-ль мни сесвѣтную жисть промѣнять на тосвѣтну?» Онъ и говоритъ: «Мѣняй, говоритъ, ежель Кузьма съ тобой помѣняетъ, такъ ты мѣней». Ну, онъ пошолъ домой, проськился съ нимъ: «Прощай, добрый человѣкъ, увидаю я тебя, али нѣтъ?» Ну, приходитъ домой, проситъ Кузьму усердно: «Кузьма, промѣняй своё житьё тосвѣтно на сесвѣтно со мной; у меня вѣдь есть всякой всячины много»—Демьянъ хвастаетъ. Кузьма ёму говоритъ: «Ай же ты, Демьяне, я помѣняю своей жизью, а только ты ни къ чому не приставай, какъ я буду хозяйсвовать, какъ будешь роботникомъ, не приставай болше». Сталъ Кузьма хозяйсвовать у нёго, и онъ поступилъ къ нёму въ роботники (Демьянъ къ Кузьмы), и стало ёму жить сморзко, худо, и Кузьма роботаатъ и ѣстъ и пьётъ и ихъ кормитъ и ждётъ гостей къ себи всегда. Дохозяйсвалъ Кузьма до пиги (ничого не стало у нёго). Демьянъ скромно обидуется на нёго: «Эко ты, Кузьма, до чого дожилъ, у меня было́ всякой всяцины множество, а у тебя одна коврига хлѣба» (ишь, одна коврига хлѣба у Кузьмы). Кузьма говоритъ: «Ѣште, пейте про васъ хлѣба будя, про меня хоть быдь, хоть нитъ». Три дня Кузьма хлѣба не кушалъ въ ротъ, всё госькей къ себи ожидалъ. На третій день объявились къ нему госьки. Идетъ гось о двухъ ногахъ, о трёхъ головахъ, о трёхъ лицяхъ, зглянулъ Кузьма въ окошко: «Славенъ Господь объявился ко мни». Принялъ гостя, садиу за столъ. Клалъ краюшку хлѣба: «Ѣшь, милый гость, кушай, дорогой, у меня болше дать нечого». Тутъ гось наѣлся, напился, и краюшка не ѣвши прибыла болше, вдвое бо́лше. И потомъ гость дорогой и́зъ дому проць. Пошолъ Кузьма ёго провожать и ушолъ на вѣки туда съ гостемъ (Христосъ, вишь, быу у нёго), и оставаэтся Демьяну весь участокъ свой и живи хоть хорошо, хоть худо.

119.

Христовъ крестникъ.

Записана тамъ же, отъ той же.

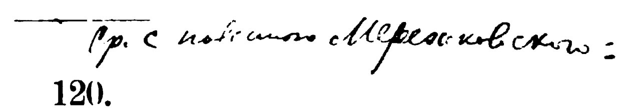
Живу, быу нѣкакóй мущина, была у нёгó жена премилаа и сбылась она берéмена и спорóдила ёнá сиби сына и не знае, какъ звать ёго по и́мени. Приходитъ мужъ въ покой ею, проситъ ёнá мужа: «Мужъ мой возлюбленный, что надо молитва взять, надо бладеньця охрестить».—«Что-то, жона, не живутъ дíти у меня, надо пойти кýма искать, хто перво встрѣту попадётъ, того и кýмомъ взять». Ну, онъ и пошоу кýма искать. Попадаетъ къ нёму старикъ въ стрѣту; ёнъ шоу съ бурачкомъ, прошащій старикъ. Онъ говоритъ: «Жона, нельзя кýмомъ взять, старикъ-калика въ стриту попалъ». — «Пущай-же до завтра», жона скажетъ. Ну, опеть другóй день пришоу, ёнъ опеть пошоу кумá искать. Опеть тотъ-же калика встричу попау, ёнъ опеть возвратиуся къ жены своей. Жона говоритъ: «Возьми́ ёго, всё ровно, одни́ целовѣки». Енъ шоу, ёго и позвау: «Поди, старичокъ, ко мни, не желаашь-ли ко мни кýмомъ?»—«Я видь оченно старъ, крестникъ буде младъ, а я буду старъ. Ну, всё ровно, пущай, я иду». И пошоу ёнъ кýмомъ. И нарекали ёму имя Іевъ; ну, потомъ ёго окрестили въ святого Іéва. Тутъ стали кормúть-поить попа и кýму (нашого старика посадили къ своему буракý); потомъ покормили, попойли, хрёсный отецъ высталъ, ёнъ поблагодарилъ ихъ, подалъ крестъ золотой крéстнику,— такого и на свѣти нѣтъ. И пошоу съ кумомъ-кумой попростиуся. Скоро сказка скажетця, не скоро дѣло дѣлаетця— и ушоу ёнъ и нѣсколько лѣтъ не бываетъ у нихъ. И возросъ Іовъ до возросту (молодиць тотъ выросъ до полного возросту) и стау говоритъ отцю-матери: «Ай, батюшко да матушко, быу ли у меня крёстный батюшко?» Матушка ёму и говоритъ: «Взяли калику, посадили къ бýраку јись и вѣчно болѣ въ избы не бывалъ». А Іовъ скаже: «Какъ-бы мни хрёсного батюшка повидать! не такъ јисть хочетця, какъ хрёсного батюшку въ глазá повидать хочетця. Хрещоныи идутъ въ церьковъ; христоскуются съ хресныма отьцяма и христоскуются и съ хресно мáтеряма, а мни нещясному не съ кимъ». И приходитъ къ христовской за-

утренной,этотъ Іовъ и приходитъ крёстный отецъ къ нёму: «Христосъ воскре́съ, милый кресникъ мой».—«Воистинный воскре́съ Христосъ, татенька мой». Хрёстный отецъ говоритъ: «Милый кресникъ, ступи ко мнѣ на правую ногу». Ступиў крестникъ на правую ногу, подняўся на небеса съ хрёснымъ отьцёмъ. Здись отецъ-мать плачутъ (сынъ потеряўся), у хрещоныхъ спрашиваютъ: «Видѣли-ли вы сына моего у заутренной?» Тыи говорили, что съ хрёснымъ отцёмъ христовковались ёны и съ нимъ ушли и целовѣкъ молодой, хрёсный-то отецъ молодой. Родители говорятъ: «Тотъ былъ старый, а этотъ бладъ взяў ёго, а у насъ хрёстный отецъ старый быў; такъ это какой-нибудь дуракъ увёлъ ёго, сына моёго». Не быў цѣлый годъ дома: цѣлый годъ не было слыху. Въ саму же христовьську заутренну Христосъ говоритъ крестнику: «Ступи на правую ногу». Ступиў на ногу, сбыўся въ церквы, на которомъ мѣсти стояў у стоўба, къ тому же мѣсту поставиў. И даў преподобному Марку снести златьницю, который своихъ родителей кормитъ (Марке ко́рмитъ отця́ да ма́терь; Марку преподобному златниця выслана по крестнику). Ну, онъ приходитъ къ родителямъ домой съ це́ркввы. «Христосъ воскреся, родители мои». Родители росплакались (что доўго ёго не́ было, годъ не видѣли—такъ...), стали у нёго усердно спрашивать: «Нў, гди-же ты быў цѣлый годъ?» — «Я быў въ гостяхъ у крёсного батюшка, я не годъ быў, а три чяса только (три чяса, вишь, показалось въ году времени), я и не надоўго къ вамъ, родители, пришоў, я завтра пручь пойду отъ васъ». —«Іевъ, куда же ты пойдешь?» (отецъ спрашиваетъ у Іева). «Я пойду къ преподобному Марку, который своихъ родителей качаатъ, отнести ёму златьницю отъ хрёсного батюшка по́слана». Однако ёнъ повыстаў по утру ранёнько и умыўся бѣле́нько, съ родителямъ простиўся и ушоў (отецъ и мать не спускаютъ, а ёнъ ушоў). Приходитъ къ Марку подъ окошко. Марке сидитъ у окна и сле́зно плаце, родителей своихъ кацяа (родители, вишь, стары, такъ онъ въ люльки ихъ качаетъ): «Бай-бай моихъ родителей, не надоўго родителей хватитъ» (плаце, имъ, вишь, јисть нечего и сиби нечего). Приходитъ Іовъ къ нёму, приноситъ златницю, товаръ Марку.—«Прими, преподобный Марке, злотьницю, корми́ родителей, тиби́ на хлѣбъ (чтобы родители не плакали, вишь, въ хлѣбахъ). Восплацетъ Марке: «Не надо мнѣ златьници (не надо денёгъ ёму), отнимутъ у меня бога́ты люди и немилосливы су́дьи» (боится, ишь, што отоймутъ), подаў злать-

ницю назадъ Іе́ву. «Неси златьницю взадъ ко Господу хрёсному отцю своёму». Однако ёнъ пошоу̑ назадъ нести златницю, надо сыскать, гди онъ есть. Идётъ путёмъ-дорогой; мужики костры перекладываютъ. «Богъ помоць, добры люди». — «Поди, пожалуй, милый Господенъ кресникъ, спроси-тко у Бога-Господа, долголь намъ этта горевати?» (костровъ кладаваючи, вишь). Еще шо́у̑ путёмъ дорогой; женщины воду́ це́рьпаютъ, изъ колодьця въ колодець переливаютъ воду́. «Богъ помоць, добрыи люди». Спроситъ милый кресникъ: «Что вы, бабушки, роботаете?» — «Заста́виу̑ Господь перелить, сбавить молоко отъ воды, во́ду и моло́ко лишить, чтобы не было другъ съ другомъ». — «А что-же у васъ, бабушки, случилось такъ?» (ёнъ спроситъ милый кресникъ). «Дала молока Христа ради; на́лила воды́ впро́межъ, такъ велитъ Господь роздѣлити». Опять пошоу̑ путёмъ-дорогой (всё идётъ хъ крёсному отцю въ пищору). Стоитъ домъ болшой, попадаатъ встрѣчу; по́дъ угломъ стои́тъ старушка, домъ держитъ на пле́цяхъ. «Богъ помоць, добрый целовѣкъ. Что-жъ ты стоишь по́дъ угломъ, у́голъ держишь на пле́цяхъ?» — «Ахъ, сердецный мой, слу́хать бѣдова была подъ окошкомъ». — «Прощай же, милаа моа, стой-же тутъ». Смолилась ёна: «Милый кресникъ, спроси́ у Господа, долго-ль мнѣ горевать, угоу̑ держа́ть?» Опять пошоу̑ путёмъ-дорогой: лежитъ щука на дороги превеличайшая, сама она хамкае, ротъ розынутъ. Говоритъ ёна ёму: «Ой, милый кресникъ Божій, спроси у Господа Бога, долго-ль мни горевать на зе́мли безъ воды́, не могу на зе́мли лежать безъ воды (рострескалась, вишь). И ёнъ говоритъ: «Хорошо, скажу». Приходитъ хъ пищору хъ крёсному отцу: «Здрасвуй, крёсный батюшко, я шоу̑, одва тебя нашо́у̑; прими златницю отъ преподобного Марка (не берётъ, вишь, Марке златьницю). Крёсный батюшко, я спрошу у тебя, какъ я шоу путёмъ-дорогой мужики стоять, костры кладу́тъ?» — «Пущай кладутъ отъ ныни до вѣка, зачимъ дрова́ воровали» (вотъ украдешь подъ окномъ полинце, вотъ те и...). «Стоятъ воду́ переливаютъ изъ колодця въ колодець и плацютъ, просютъ тибя — будётъ-ли намъ конець?» — «Пуща́й церьпаютъ отъ ныни до вѣка, зачимъ воду́ льютъ, Христу милостыню даютъ, вишь». — «Стои́тъ же́нщина, у́голъ держитъ на пле́цяхъ, проситъ ёна́ Господа». — «Пущай слухаетъ отъ ныни до вѣка (слу́хать охвотница, вотъ), инного не будё ей наказанья». — «Лежитъ щука на дороги, вся ёна перетрескавши, ротъ розынутъ и проситъ тебя. Господи, спусти въ

моря» (въ воду спустить щуку-ту). Говоритъ Господь крестнику своёму: «Я тиби жалаю женитца; нѣ въ какомъ царьсвіи есь у царя дочка, лежитъ ёна во скорбости и во гноищи. И тую возьми сиби въ обручесьво, я тебе самъ вѣнцять буду». (Господь самъ буде вѣнцять кресника; вотъ какіе дѣла-то!). И ёнъ отправляатъ милого крестника къ Марку преподобному, туды женитця. «Неси еще пищу Марку преподобному на столъ; скажи щуки, пускай выхаркнётъ сорокъ караблей со рта и будетъ въ синёмъ мори. И пойдёшъ, милый кресникъ, къ Вознесенію вѣнцятця съ молодой, а я самъ тебя вѣнцять буду ужъ». Однако ёнъ съ крёснымъ батюшкомъ попростиуся и пошоу путёмъ дорогой. Приходитъ къ щуки. Щука у нёго и спроситъ: «Ей, Христовый кресникъ, что Господь глаголиу мни?» — «Выхаркни сорокъ кораблевъ со рта, будешь въ мори». Ротъ отворила, розынула, выхаркнула сорокъ кораблёвъ и поплыла въ моря. Опять онъ пошоу путёмъ-дорогой, приходитъ къ тому дому, гди женщина угоу держитъ. «Милый кресникъ мой, что Господь говориу про меня, долго-ль мни страдать?» — «Онъ говориу, быть тиби отнынѣ до вѣка». Опять пошоу путёмъ-дорогой и приходитъ къ бабамъ, что воду церьпали. Восплацютъ: «Долго-ль намъ этта горевать, кожа съ рукъ выѣхала?» — «Отнынѣ быть вамъ до вѣка, горюйте тутъ». Приходитъ къ мужикамъ, гди дрова кладутъ. «Долго-ль намъ, милый кресникъ, это горевать?— у нёго пытаютъ,—рукавиць на рукахъ нѣту, и стали мы голы и босы (оборвались, вишь, вси) и оборвались совсимъ». — «Отныня быть вамъ до вѣка, горюйте тутъ всё». Приходиу ёнъ къ преподобному Марку. У нёго родители померли, и ёнъ сидитъ и плацетъ: «Не надоуго родителей хватило». Спромоувиу Господень кресникъ: «Приподобный Марке, вотъ тиби пища». Говоритъ Марке: «Положь на стоу, не могу въ руки взеть, родители померли». И ёнъ на стоу положиу пищу и простиуся и пошоу. Приходитъ къ отцю къ матери домой, и отець и мать плацютъ по сыну, обидуютця, что не живётъ дома. «Не на то мы тебя ростили, что тебя дома не держать».—«А вы прощайтя, родители, меня, я пойду женитьця теперь, у хрёсного батюшка невѣста бласловлёна про меня». Отець и мать унимаютъ ёго, что «не бери, что ёна во гноищи и во скорбости; отець и мать ей пищи не дадутъ, съ окна подаютъ пищю (смородъ идётъ, вишь)». Однако ёнъ у родителей не спросиуся, а съ родителямъ попростиуся, пріѣждяетъ въ это великое царьсво,

просится къ царю во дворъ прямо. «Милаа царица государыни, допусти меня до твоей до́чери». Говорила ей царица: «Ай-же ты мой милый другъ, нельзя допустить до дочери: весьма идётъ смрадъ» (смо́родъ идётъ, вишь). — «Ты не убойся, пусти меня, я въ обручесьво бёру себѣ». И онъ все проситця. И такъ восплацетця цариця по дочери своей: «Куда ю нещясну». — «Не плацъ, не рыдай, подай рубашку сюда». Ну, ёна его свела въ тую комату, гди она лежитъ бо́льна. Онъ приходитъ, этотъ милый кресникъ, взяў ю за правую руку: «Вставай, Мандалина, и пойдемъ со мною». По́дала ёна ёму ру́ку; вся у ней скорбость вы́пала на пусте́лю. Выстала ёна на свои ножки, одѣли ю, снаредили, повёў Господенъ кресникъ во Божью церьковъ въ самое Вознесенье Христово. Тутъ ихъ Христосъ и повѣньчялъ. И говориў ёнъ милымъ кресникамъ своимъ: «Ступите ко мни на правую ногу, оставляйте жизь сесвѣтну, а ступайте на жизь на тосвѣтну. Отнынѣ быть и до вѣка». Болше нѣтъ и шабашъ.



120.

Жена изъ могилы.

Записана въ с. Кондопогѣ, отъ старушки Тараевой.

Досюль игралъ молодецъ съ дѣвицей три года, и выдали эту дивицю за дру́гого молодца́, выдали въ одну деревню, а за нёго не дали. Ёна жила за мужемъ съ нимъ три года. Потомъ сдѣлалась она нездорова, стала у ней глотка бо́льна; потомъ ю похорони́ли, ёна по́мерла. Ёна жила въ зе́мли шесть недѣль, потомъ ёна въ зе́мли попра́вилась и вы́стала (съ земли) ночью и пришла къ своему мужу. Ей тамъ мужъ не пустиў. Пришла она къ о́тцу да къ матери, и отецъ и мать ей въ избу не спустили въ ночное время. Пришла она къ крёстной матери, и крёстна мать не спустила, и ёна опомнилась. «Пойду я къ старо-прежнему па́рочки, не пуститъ-ли ёнъ». И пришла она противъ око́шка. Онъ сидитъ у окна, пишотъ, и ёна у нёго съ окна подавалась въ окно. Ёнъ роботника розбудилъ и пошолъ за нёй съ тупорамы. Роботникъ, какъ увидалъ, и пошолъ назадъ домой; испужался, что съѣстъ, а ёна парочки старо-прежней: «Мой парочка,

возьми меня́, я тебя́ не трону». Ёнъ къ ней пришолъ, ёй обнялъ, и ёна ему сказала: «Ты меня горазно не прижимай, мои косточки належались». Ёнъ ю взялъ въ фатеру, замнулъ ю на сини въ горницю и держалъ ю восемь недѣль тамъ и не показывалъ никому, одёва́лъ и корми́лъ. Потомъ пошли оны въ церьковъ съ этымъ парочкой. Пришли оны въ церьковъ, и вси на ню смотрятъ, отець и мать и мужъ и крёстна. Мать говоритъ: «Это быдто моя до́чька стои́тъ». Вси оны перегovариваются межъ дудружкомъ, и ёна услыхала, и вышли ёны изъ церьквы на крыльцо, отсюда матери она говоритъ: «Я ваша есь, помнитя, какъ я въ такую-то ночь къ вамъ ходила, вы меня не спустили. Потомъ я пришла къ старо-прежнему па́рочки, ёнъ меня и взяў и корміў и поіў восемъ недѣль и одѣваў». И присудили ей: за старого мужа не дали ей назадъ, а съ парочкой повѣнцяли, который взялъ её ночью. Ту́тъ моя сказка, ту́тъ моя повѣсть, дайте хлѣба поисть, въ городи я бы́ла, мёдъ пила, а ротъ кри́вый, а чашка съ ды́рой, а въ ро́тъ не попа́ло.

121.

„Иванъ седьмой".

Записана въ дер. Кедрозерѣ, Петрозаводскаго уѣзда, отъ «Дмитріевны».

Досюль братъ да сестра жыли. Сестра за́мужъ вышла, а братъ жениўся. У брата и стала жонка погуливать маленько. Сестра то и слышитъ што невѣска погулива. Братъ и приходитъ къ сестры, а сестра и спрашиваэтъ: «Што, братець, каково съ жонкой живе́те?» Онъ скаже: «Хорошо жывёмъ, сестриця».— «Любитъ ли, говоритъ, тебя жонка?» — «Любитъ, говоритъ, хорошо».— «Ахъ ты братець, говоритъ, какъ ты е молодой, ничеɣо не знаэшь. У меня, говоритъ, какъ есь мужъ постарше тебя, такъ онъ, говоритъ, боlше знаэтъ. Вотъ, говоритъ, я жы́ла три года безъ мужа, а мужъ быў хъ Питери и вотъ, говоритъ, я всё жыла́ умо́мъ. Затопила, говоритъ, байну; идётъ, говоритъ, дѣтина такой хорошой, молодый, красивый. «Ахъ, я съ эхтымъ дитиной соглашусъ». Онъ прошоў, мнѣ ничеɣо не сказаў. Ну, я, говоритъ,

съ горя зашла въ байну, взя́ла го́ловню, ну, и головнёй и сунула въ себя (шутя говоритъ). Ну, той ночи мужъ пріѣхаў, говоритъ. «А, говоритъ, жонка, у тебя на пригорки, што то пахне?» Онъ узнау, вишь, сразу. Поди-ка, братецъ домой, ска. и скажы жены што я въ бурла́ки отправлюся, а самъ сюды приди ко мни». Ну, онъ шоу домой и жоны скаже: «Я пойду въ бурлаки». Такъ о́на, вишь, плаче по ёмъ: «Ой, красно соўнышко, куды походишь, какъ я стану жыть безъ тебя». Ну, онъ къ сестры пришоў и ночоваў у сестры три ноци, и потомъ сестра ёму и наказыва: «Пошоў домой; скажи своей жоны: «вотъ, говоритъ, какъ дивья́ людя́мъ, какъ у жонокъ есь два или три полюбовника, такъ и везди мѣсто есь, а я, говоритъ, ходиу, ходиў, какъ у мо́ей жонки нѣту, нигди́ мѣста нѣту». А она скаже: «Ой, е му́жыкъ. Шесь е», она ска. — «Нынѣ пойду ужъ, такъ мѣсто везди буде».— Мужыкъ и пошоу съ ызбы́. Она бѣжытъ въ слѣдъ еще: «Ой, мужыкъ, забыла е́ще сёмоγо Ива́на ска́зать».

122.

Полѣсникъ и разбойники.

Записана въ д. Племской Сельгѣ, отъ крестьянина.

Досюльне время жиў полѣсникъ одинъ. Ну онъ жиу съ жоной и дѣтмы. Потомъ онъ ловиў пастя́мы мошнико́въ. Потомъ къ нёму стали розбойники ходить, онъ быў этакой сильный старикъ этотъ, ихъ десеть человѣкъ было этыхъ розбойниковъ. Потомъ ёго жена этого-то атамана полюбила. Потомъ этотъ атаманъ говоритъ: «хозяина твоёго, скае, перевесть». Такъ онъ быу этакой сильный, они спрашиваютъ: «Въ какоё вре́мя, скае, перевесть ёго надо?» Потомъ скае: «Надо байну натопить, испаритця онъ послѣ байны, скае, и тогда меньше у нёго поры́ будётъ въ то время». Потомъ онъ ушоў на полѣсье. Она и байну ёму сготовила къ вецеру. Потомъ онъ сходиу въ байну, оны на нёγо и напали артелью, оны ужъ приготовились днёмъ. Потомъ ёγо взяли, свезали артелью. Потомъ подъ лавкой кла́ли ёγо ноцью. Потомъ эта жена съ этымъ атаманомъ спать пошла. Ну, а этыхъ деветерыхъ въ особо мѣсто въ байну

положили спать. Потомъ онъ ноцью спитъ въ фатерѣ подъ лавкой, робя́та только въ фатерѣ. Потомъ онъ доцьки говоритъ: «Подай, скае, ножикъ съ вороньця́». — Доцька скае: «Нѣтъ, у меня новый татенька, мать бранитця будё». Потомъ онъ мальчика стаў заставлять, такъ мальцикъ достать не можетъ, руки не хватятъ. Отець говоритъ: «Возьми́ луцинку на́ пеци, возьми́ луцинкой, не можешь-ли, скае». Потомъ онъ взяў луцинку, началъ въ сто́рону и въ дру́гу, достаў; ножикъ съ вороньця упаў на́ зень, потомъ скае: «Не можешь-ли какъ-нибудь веревокъ пересѣць». — А верёвки новыи, мальчикъ и пересѣкъ ножомъ верёвки. Потомъ, какъ руки вольны стали, онъ ноги самъ сбавилъ (уже руки слободны стали, такъ...). Потомъ робяткамъ говоритъ: «Ну, лягте, скае, спать, спите нонѣ». Потомъ взяў, лёгъ спать подъ лавку до утра́ опе́ть. Потомъ жона выстала утромъ, блины заво́дитъ пець, ну и видитъ: жона стряпну заводитъ но́вому мужу. Потомъ онъ говоритъ ёй: «Жона, розвяжи, скае, меня», а она говоритъ: «Для меня хто дюжъ, скае, тотъ и мужъ». Потомъ она блино́въ напекла, стряпну́ нагото́вила, потомъ и приходитъ атаманъ, розбудила стряпну јисть. Потомъ приходитъ и спрашиваэтъ: «А, ну, что, скае, ты во снѣ видилъ, полѣсникъ?» Потомъ:— «Видѣў я ноче́сь: быдто полѣсовать ходиў, потомъ, скае, мошника одного заловиў снацяла, потомъ, скае, деветь мошниковъ, скае, ходятъ и тыхъ охвота заловить, ходятъ по́ бору», скае. Потомъ ёму сонъ росказаў, потомъ этого атамана поймаў, выстаў съ подъ лавоцьки. «Теперь я сонъ тиби розсказаў, вотъ я теперь этого мошника поймаў ёго». И укокошиў ёго тутъже. Потомъ шоў въ байну, у нихъ по́толокъ быў на одно́мъ де́реви, видишь ты, какъ-то. Потомъ пришоў да взя́ў и весь по́толокъ съёкнуў (сронйў) на нихъ, всихъ тамъ задавиў, и ни одинъ ни выстаў. Потомъ пришоў домой и ту́ю жо́ну на́чаў тере́бить и до́церь, обы́хъ перевёў. Потомъ сынка взяў и «поўно, скае, мнѣ полѣсовать, уйду я». И ушоў. Только и бы́ло.

123.

Чортовъ работникъ.

Записана тамъ же, отъ крестьянина.

Дóсюль жыў молодець въ бѣдности и пошоў мѣсто искать. Ну, шоў, шоў, пришоў къ одной фатерки. Ну, заходитъ въ фатерку, тутъ живётъ одна вдова. Ну, «стой, тётенька, скае, нельзя ли ночовать?»—«Ну, можно скае, можно, голубчикъ, ночовать». Ну, потомъ ночоваў, ýтромъ похóдитъ. «Такъ куда, скае, ты добрый молодець,похóдишь?»—«Ну, а я, скае, похожу, мѣсто ищу, нельзя-ли въ пастухи или кудá-нибýдь придатця». Ну, а она говоритъ: «Наймись ко мни въ пастухи». Ну, онъ наняўся къ этой вдовы въ пастухи́, утромъ пошоў съ коровамы въ лѣсъ. Ну, она и говоритъ: «Ну, пастушокъ, скае, по всему лѣсу гоняй, вотъ въ эту ледúну не гоняй». А онъ этотъ день и не сóгнаў, а на дрýгой день на эту ледину и пригнаў коровъ. Пригнаў корóвъ, потомъ сѣў на клочёкъ [мягкій бугорокъ], потомъ выняў у нёγо тутъ хлѣба изъ кошаля, потомъ печёночку [рѣпа испечона] стаў јисть, а другую на камушокъ полóжиў. Вдругъ приходитъ человѣкъ такой, што съ лѣсъ долинóй.—«Какъ ты, скае, смѣў на эту ледину пригнать коровъ?» Хватиў, взяў камень съ зéни. «Вотъ, скае, какъ я камень прижму въ пясь [сплющу въ пясти́], такъ и тебя также, скае, схвачу и скотину всю съѣмъ». А этотъ пастушокъ хватиў печёночку съ камня. «Вотъ, скае, я тебя прижмý, што и сокъ побѣжитъ (а онъ думаетъ—нечиста это сила была, што это камушокъ, значитъ). Потомъ эта нечиста сила одумаўся: «Нѣтъ, видно, этотъ порнѣе меня, я только камень сжаў въ одно мѣсто, а онъ совсѣмъ отмѣнито сдѣлаў, у нёγо и сокъ побѣжаў». Ну, этотъ чортъ говоритъ: «Што, пастушокъ, поди ко мнѣ въ роботники».—«Пожалуй, скаже, наймусь, ну только, скае, мни надо скота согнать къ хозейки, день понорови, а потомъ, скае, приду». Ну, онъ согнаў скота къ хозяйки, и хозяйка говоритъ: «Ну, хозяюшка, уволь меня, говоритъ, скотина одна твоя ходить буде, и нихто не тронетъ скотины». Ну, онъ пошоў. «Ну, ладно, скае, пастушокъ, если такъ сдѣлаў, то спасúбо тиби́». Тамъ ёму розсчиталась изъ жалованія, сколько тамъ

ряжено было, такъ рощиталась вполни́. Ну, этотъ приходитъ на эту ледину пастушокъ къ хозяину. Ну, это чортъ и дожидаатъ ё̆го тутъ. Ну, и порядились съ нимъ на триста рублей въ годъ служить и пошли.—«Ну, пойдёмъ, скае, за мной», чортъ говоритъ. Ну, шли, шли маленько мѣсто. Потомъ роботникъ говоритъ: «Что, хозяинъ, скае, надо дровъ, скае, понарубить по дорогѣ въ печку домой, што намъ даромъ ити». Ну, а чортъ говоритъ:— «Ну, а какъ же мы нарубимъ, у насъ нѣтъ ни топора, ничого, ну какъ же мы нарубимъ?»—А роботникъ говоритъ: «Ахъ ты, хозяинъ, возьмёмъ эту толсту́ю со́сну, ты возьми́ въ охапку за вершину за со́сну, и я также пойма́ю, сва́лимъ её съ корня́мы и потащимъ домой». Ну, хозя́инъ захватиў за со́сну а роботникъ за́чалъ ү́кать (үукать,—другіе), и свалили. Ну, свали́ли, надо нести, значитъ, домой дрова́ по пути съ сучьямы и кореньямы. «Што, роботничокъ, ты подъ вершинку станешь нести на пле́чахъ?» А роботникъ говоритъ: «Нѣтъ, скае, я подъ ко́мель стану, а ты подъ серёдку, скае, стань, а я понёсу ко́мель». Ну, этотъ хозяинъ подняў со́сну на плечё. «Ну, давай, скае, роботникъ». А онъ скае: «Ты назадъ не поглядывай, хозя́инъ». А роботникъ сѣў на этотъ комелёкъ, пѣсни и поётъ (сѣў на́ комель). Ну, нёсъ, нёсъ и потомъ принёсъ уже къ фатеркѣ, своёй и живленью. Ну, и роботникъ скрычаў: «Ронь, хозяинъ» (рой эту оси́ну съ плеча). Онъ кинуў со́снищо цѣльнее: «бу́детъ дро́въ». Ну, приходятъ въ фатерку, тамъ старуха одна въ фатерки. Ну, хозяйка тамъ ихъ накормила, и хозяинъ хозяйки говоритъ: — «Ну, хозяйка, скае, старуха, на роботника мы попали, переведётъ онъ насъ, потому што я вершинку нёсъ дровины, а онъ ко́мель несётъ и пѣсни поётъ».—«Ну ладно, дѣлать не́чего, скае, уже тако́үо наняў, такъ что-же заведёшь». Ну, утромъ (тую ночь, значитъ, ночёва́ли, про́спали) посылаютъ ё̆үо на пашню пахать. Ну, роботнику назначили, што есть тиби вотъ эстолько, запаши и домо́й. Ну, онъ бо́розду-дви оставляетъ, такъ махаў, махаў и до обѣда кончиў подрядъ. Ну, приходитъ къ фатерки да и слушаэтъ, у дверей слушаэтъ. Оны говорятъ со старухой: «Надо, какъ хошь, перевесь роботника, а то намъ бѣда, скаже». Онъ и махъ въ фатерку эту; онъ и двери, знаэшь, отвориў. «Ну, што роботникъ?» хозяинъ спрашиваэ. «Ну, што, роботникъ, запахаў?» скае.—«Запахаў. Што ты мало дѣла даў мени, скае, што-же безъ дѣла буду ноньче ходить поўдня».— «Ну, сядь пообѣдай, скае, а потомъ отдохнёшь».—«Ну, ладно,

давай обѣдать», скае. Ну, онъ пообѣдаў, и послали ёɣо спать въ сѣни. «Спать, скае, пойди въ сѣни, роботникъ, тамъ пологъ есь, тамъ тиби лучше, скае, тутъ жарко въ фатерки». Ну, онъ шоў спать, бытто спитъ, а самъ сѣў гди-нибудь въ уголокъ и слушаэтъ (и ни въ пóлогу), што говорятъ тамъ хозя́эва. Ну, а этотъ хозяинъ говоритъ хозяйки: «Ну, што, скае, намъ нужно уйти́ съ этоɣо мѣста, а то онъ насъ переведётъ, пущай одинъ остаётця тутъ». Согласились уйти. «Котомочки давай, сложимъ въ котомки припасы, тиби одну и мни, по котомки óбымъ». Ну, слóжили котомки, старуха говори́тъ: «Ну, стáрикъ, пóйдёмъ на двóръ [въ нужникъ] до вѣтра».—«И то, отправимся». Потомъ оны ушли на двóръ, а этотъ роботникъ вывернуўся съ зауɣоўка и сѣў въ котомку, который себи стáрикъ наладиў (которую стáрику нéсти). Ну, оны со двора пришли. «Ну, старичёкъ, давай-же пойдёмъ, пока, скае, спитъ, такъ». Ну, котомки за плéци, да и маршъ въ дорогу. Старикъ схватиў котомку за плéци и старуха также, вмѣстяхъ и пошли, значитъ. Ну, шли, шли... дорогой и ужъ устáли, значитъ. Ну, старушка скае: «Сядемъ, стари́къ, хошь отдохнёмъ маленько». Ну, и онъ старикъ говоритъ: «Давай ся́демъ». Только начали садитця, онъ и говоритъ: «Што за отдóхъ», скае. Онъ и думаэ, знаешь, въ слѣдъ бѣжытъ, встали и пустились бѣжать. «Што за бѣда, скае, не уйдёшь отъ нёɣо». Потомъ шли, шли, ну и роботникъ видитъ, што они устали, пускай отдохнутъ. Ну, сѣли, потомъ сняли съ плечъ, кали въ сторóнку, тамъ, вишь, закусили или нѣтъ, не знаю, и свалились. Этотъ роботникъ съ котомки и выходитъ вонъ, быдто къ нимъ пришóў, и говоритъ: «Вставайтя, пойдёмтя опеть впе-рёдъ». Оны испугались, давай, дѣлать нечего, выстали опеть и да-вайити. Шли, шли, и онъ сзади тихонько идётъ, видитъ, што они устали, одва идутъ. Подходятъ, стала и ночь заломи́тця. Приходятъ въ мѣсто такое—яма большая, дóсюль выкопана, смóлу, видно, курили. Оны кругъ ямы и розвалились спать. Ну, выдумка у старухи и у старика такая: «Ну, положимъ ёɣо на край около ямы, а самы подальше». Ёɣо пёхнуть ла́дятъ ночью. Ну, роботникъ и лёгъ, не отпераэтця роботникъ, на крайчикъ и лёгъ. Ну, а потомъ, когдá оны заснули, онъ шоў съ этоɣо мѣста, самъ въ серёдку лёгъ, а старуха на крайчикъ сдѣлалась, старуху подвинуў на крайчикъ и стаў старика бýдить. «Стáричокъ, стáричокъ, тóўнемъ, скае, роботника» (по старýшьи говори́тъ). Встали и тоўнýли старýху. Ну, этотъ роботникъ вскочиў и

говоритъ: «Куды ты нонь старуху клаў, я тебя докажу, скае, подъ сўдъ всё ровно отдамъ» (тамъ, видно, судá были). Ну, а онъ ёму всё денёгъ не отдаваў триста рублей, за которыи быў ряженъ. «Ну, ладно, скае, отдамъ подъ судъ».—«Ну вотъ, скае, роботникъ, я тебѣ дамъ триста рублей, робóтничокъ, не подавай, не подавай никуды, вотъ тебѣ жалованіе триста рублей за поўгода». А онъ ощó проситъ за поўгода, ну, значитъ, за уваженіе, штобъ не сказать. Ну, онъ и согласиўся этотъ хозяинъ, отдау шессотъ рублéй. Ну, потомъ, значитъ, роспростились съ этимъ чортомъ, онъ въ своэ мѣсто пошоў, а чортъ остаўся, и потомъ заходитъ къ этой вдовы, гди прежде коровъ пасти нанявши быў. Приходи къ этой вдовы и спрашиватъ: «Што, тётушка, смерно ли ходитъ у тебя скотина посли этого пастуха, смéрно-ль ходи?»—«Ну, спаси Господи и помилуй, ни одна шерстинка не потерялась» (а раньше кажный день пропадала). Эта удовка ещé ёγо денёгъ наградила и отправила. И сказка кончилась.

124.

Смѣлъ не удалъ.

Записана въ д. Горкѣ Петрозаводскаго уѣзда, отъ старушки.

Досюль ходиў Заонѣжской мужыкъ тѣстянникъ, по городу ходиў. День ходитъ, проситъ борця противъ мóлодця, рукá нога ломить, глазъ вóнъ воротить. И дрўгой ходитъ тоже по гóроду, тоже крычитъ: «Дайте борьця противъ мóлодця, рука нога ломить, глазъ вонъ воротúть». Приходитъ на третій день, тоже проситъ борьця противъ мóлодця, рукá нога ломить, глазъ вонъ воротúть. Потомъ выходитъ изъ лабазу старицёкъ.—«Што, говоритъ, мóлодець просишь, по третій день ходишь?»—«Я прошу борьця противъ мóлодця, а нúкоγо не сыщетця».—«Подёмъ, я тиби борьця дамъ». Пришоў, отперъ кожéвню и крыкнуў меньшоγо сына.—«Меньшой сынъ, поди сюды, говоритъ, дай, говоритъ, борьця противъ мóлодця, новгороцки ряды покажи, а до зéни не опусти». Онъ и взяў какъ ёγо, да и на колѣни подерьжаў, потомъ нá поў спустиў. Такъ онъ и то поўчасá безъ

души лежаў. Старикъ, — онъ какъ очювьсвоваўся, — старикъ говоритъ: «Ну, што, говоритъ, побороўся. Я, говоритъ, тоже бывало ѣздиў съ братомъ въ чистомъ полѣ поля́кивать [воевать], ѣдемъ, говоритъ, а попадаэтця богатырь стрѣчу. Я и говорю брату: «Станемъ съ эстимъ воёвать?» А братъ говоритъ: «Поѣжжай мимо». А я взяў, говоритъ, черлинный вязъ и удариў еγо по спины́, а онъ и не вороши́тця. Потомъ ро́зогнау коня́ и друго́й разъ ударіў, онъ тоже не шевелитця. Потомъ, говоритъ, дай третій разъ ударить». Третій разъ какъ ударіу, онъ еγо взяў въ торока́ и поставиў межъ лошадей и поѣхаў въ чисто полё. Пріѣхали въ чисто полё, тамъ богатырь ѣдетъ стричю, богатырь слѣзъ съ лошади и говоритъ: «Какъ же тебя назвать, будь-же ты, говоритъ, Смѣў не́ удаў». Вотъ, говоритъ, ѣдетъ богатырь стричю. Мы, говоритъ, какъ сразимся, такъ, буде будетъ моя рука на ве́рьху, такъ ты мячъ [ножъ] подай, а если еγо рука нога на ве́рьху, такъ ты въ колодецъ па́дай, всё ровно тиби смерть будетъ». Оны какъ съѣхались, какъ упали съ лошадей, какъ громъ загромило. Этотъ крычитъ: «Смѣў не́ удау, подай мечь». А онъ и во́рохнуть не можетъ ме́ча. Потомъ онъ дру́гой разъ говоритъ: «Подай скурѣа мечъ». А онъ коё-какъ притащиў мечъ. подаў. Этотъ богатырь отсѣкъ ёму го́лову, потомъ говоритъ: «Ну, Смѣў не́ удаў, поѣдемъ со мной», говоритъ. Онъ и привёзъ еγо въ свой домъ туды. Ну, накормиў, напоиў, потомъ лёгъ спать богатырь и говоритъ: «Смѣў не удаў, вотъ тиби ключи, ходи по всимъ цюланамъ и покоямъ везди, а въ два чюлана не ходи: въ которомъ мелетъ, а другой порожній». Онъ и пошоў ходить везди по кладовымъ и по чюланамъ, ну, и дошоў до тоγо до чюлана, гди мелятъ, въ который не велѣў ходить богатырь. — «А вѣдь надо, отопру, говоритъ, посмотрю, што тамъ есь». Одинъ чюланъ отперъ, ничеγо нѣту тамъ, потомъ и другой надо посмотрѣть, другой отперъ, тамъ женщына сидитъ, сумка большаа за плечьми и рожь сырую мелетъ. Онъ скорѣа чюланъ и заперъ. Она и крычитъ тамъ: «Смѣў не́ удаў, поди сюды́», говоритъ. Онъ и пришоў; она и говоритъ: «Какъ станетъ богатырь, такъ скае: ахъ, Смѣў не́ удаў, какую я радось получиў, въ эфто время што хошь скажы, всё прощаю»; ну, а потомъ скажы: — «Будетъ-ли тому человѣку прощеніе, што мелетъ?» А тутъ говоритъ богатырь: «Ну, Смѣў не́ удаў, какую я радось получиў, въ эфто время што хошь скажы, такъ ужъ я прощу». Онъ и говоритъ: «што

будетъ тому человѣку прощенія, который мелетъ?» — Богатырь говоритъ: «Ахъ, Смѣў не́ удаў, какъ бы ты раньше сказаў-бы, я бы на доло́нь бы клаў, а другой бы ударић, такъ былъ-бы какъ блинъ, (смяў-бы его со всимъ). Ну, Смѣў не́ удаў, приведи поди тоγо человѣка и веди тоγо человѣка». Ну, онъ и сходиў и привёў — женщына-богатыриця. Потомъ говоритъ: — «Смѣў не удаў, отвяжы у ней сумку». Онъ едва и розвязаў, такая тяжолаа. — «Вотъ, говоритъ, Смѣў не́ удаў (богатырь говоритъ), я ѣздиў по чисту полю, такъ человѣкъ каткомъ катаэтця, по локтямъ рукъ нѣту, по колѣнъ ногъ нѣту, и крычитъ: «Предайте смерти». И мни стало еγо жаўко, и взяў, домой привёзъ еγо, велѣў жены кормить и поить еγо, ну, и потомъ ужъ онъ доўго еγо держаў. По инно время пріѣжжаю я съ чистоγо поля домой, ажно онъ съ женой всё спитъ на кровати». Такъ онъ потомъ какъ взяў, скае, схватиў съ кровати проць, ну, и думаў еγо ужъ, значитъ, зарѣзаў. Онъ, какъ стаў на эты кяпечи [обрубки ногъ и рукъ] ходить, посуивать кяпечама какъ стаў еγо, ну потомъ онъ ужъ и съ мочи сбиўся и говоритъ: «Жена, подай мечъ», а жена говоритъ: «Хто дюжъ, тотъ и мужъ».Онъ и другой разъ говоритъ: «Да, жена, гытъ, подай мечъ». Она говоритъ: «Хто дюжъ, тотъ и мужъ». Потомъ онъ кликнуў собаку свою; собака стала у неγо грызь кяпечи. Потомъ онъ [богатырь] и осилиў безрукоγо и зарѣзаў еγо и розрѣзаў на куски́ и положыў въ котомку и на́ вѣкъ ю наладиў котомку держать и сырую рожь молоть. А потомъ говоритъ: «Поклонись Смѣў не́удалу въ ноги, што онъ тебя збавиў, значитъ». Такъ богатырь еγо простиў, и потомъ стали жыть да быть, добра нажывать, отъ лиха́ избывать.

125.

Царь Иванъ Васильевичъ и сынъ его Өедоръ.

Записана въ д. Палтегѣ Петрозаводскаго уѣзда, отъ женщины среднихъ лѣтъ.

Грозный царь Иванъ Васильевъ розстарѣўся. Ну, потомъ сбераў поўный перъ, ну, потомъ стаў выкликать: хто чимъ буде хвастай. Умный хвастаў о́тцёмъ матерью, безумный молодой женой, а Грозный царь Иванъ Васильевъ: «Чимъ буду я хва-

стать?» самъ сиби говоритъ. Ну, и потомъ хвастаэтъ: «Вотъ я повывеў измѣну изъ Кіева, повывеў измѣну изъ Церьнигова, повывеў измѣну изъ Новáгорода». Потомъ говоритъ: «Повывеў измѣну съ каменнóй Москвы». Зá столомъ дубовыимъ сынъ еγо роднóй сидитъ, самъ говоритъ: «Татенька, вывеў ты измѣну изъ Церьнигова, да вывеў измѣну изъ Кіева, да изъ Новагорода, а не вывеў измѣны съ каменной Москвы» (сынъ отчю скажетъ). Приказаў взять сына за кудри за жоўтыи, свести на болото Жытнея, а сказнить царевичу головушку. Ну потомъ бóльшей (ихъ было три брата) туляэтця за среднеγо, а среднiй туляэтця за меньшоγо, а отъ меньшоγо и отвѣту нѣтъ (отвѣтить не смиў). А съ зá стола дубовоγо скачетъ мальчишка Скурлáтовъ сынъ: «Я сказню царевичу головушку». Прослышала рóдна еγо маменька, Марѳа Романовна, потомъ не ложылась въ покой, а пошла въ óдной рубашки къ брату жаловатьця и бéсъ пояса и бесъ чеботовъ, бéзо всего, въ óдныхъ цюлóчкахъ, и приходила въ Божью черьковь, кресъ клáла по писаному, поклоны велá по учоному, братьцю кланяласъ въ сóбину. «Ай же ты братець родимый, ѣшь ты пьёшь, прохлаждаэшься, надъ собой незгоды не вѣдаэшь, когда выпала звѣзда подвостоцьная, затухла заря раноутреняя (заря утýхла), розстариўся нашъ грозный царь». И ужъ повторять стала, росказывать брату,— онъ не быў нá перу. «Грозный царь Иванъ Васильевъ зáбералъ почестенъ перъ, говоритъ, вси на перý напивались, вси на перу наjидались, вси на перу поросхвастались, умный хвастаў отьчёмъ матушкой, безумный хвастаў молодой женой, а Грозный царь Иванъ Васильевъ похвастаў измѣной великой: «повывеў я, говоритъ, измѣну изъ Церьнигова и изъ Кéева и изъ Новáгорода, повывеў измѣну съ каменнóй Москвы»; а блáдый Ѳёдоръ Ивановичъ сказаў отчю насупротивъ, говоритъ: «вывеў изъ Церьнигова измѣну и изъ Кіева и изъ Новагорода, а съ каменнóй Москвы измѣны вывести нé могъ». Потомъ она и говоритъ брату, што онъ велѣў, отець-то, трёмъ братьямъ: «сведите еγо на болото на Жытьнее и казните цяревицю головку». Братъ той, Никита Романовиць, скоцнў со стула дубовоγо, книги бросаў недоцитанныи, шубоньку бросаў на однó плецё, шляпоньку кидаў на однó ухо, чóботы обуваў на босý ногу, шапкой машетъ, голосóмъ крычитъ: «Не твой то кусъ, да не тиби и jись, ай же, мальчишка Скурлатовъ сынъ! а съjишь этотъ кусъ да подавишся». Прибѣгаэтъ на болото на Житьнеэ ко этой ко плахи дубовой,

онъ тяпнуў Малютку за́ волосы, бросаў Малютку о сыру́ землю, съ го́ловы до пятки кожа лопнула. Взяў онъ бладоɣо царевиця за еɣо за руцьки за бѣлыи, за перьсни́ за злачоныи, чёловаў еɣо въ уста́ во сахарьнiи и прибраў въ своэ мѣсто туды, гди онъ самъ жывётъ. Тутъ приходитъ къ самой заутрени Христоськой. Грозный царь Иванъ Васильевъ приказаў въ опальнемъ платьи прити всимъ въ черьковъ, потомъ этотъ Микита Романовиць, еɣо шуринъ, значитъ, одѣваэтця во цвѣтно платье. Ну, и вси пришли въ опальнемъ платьи въ Христоську заутреню, а этотъ Микита Романовиць одѣўся во платье во цвѣтноэ. Пришоў въ черьковъ, кресъ клаў по писа́ному, поклонъ клаў по учоному и потомъ еɣо, значитъ, съ сыномъ... «Здрасьвуй, Грозный царь Иванъ Васильевъ, здрасьвуй съ рожоныма дѣтушкамъ, со бладыимъ Ѳёдоромъ Ивановичемъ», повториў эще, котороɣо избавиў отъ смерти, тымъ и проздравляэтъ, а отець промоўчаў, значитъ, ничеɣо на мѣсто не сказаў, и опеть Микита Романовиць второй разъ говоритъ: «Грозный царь Иванъ Васильевъ, здрасьвуй со семеюшкой и со рожоныма дѣтушкамъ и со бладыимъ Ѳёдоромъ Ивановичемъ». Онъ отворотиўся самъ и говоритъ: «Ай же ты, Микита Романовиць, што-же надо мной насмѣхаэшся, а развѣ на́дъ собой незгоды не вѣдаэшь, што нѣтъ жива любимоɣо племянника, а я сказню́ тиби, Микитушка, головушку, если не представишь сюды Ѳёдора царевиця».—Ну, потомъ этотъ Микита Романовиць приказаў племяннику прити въ черьковъ. Вотъ этотъ Ѳёдоръ Ивановичъ пришоў въ черьковъ, кресъ клаў по писаному, поклонъ вёў по учоному, а батюшку кланяўся въ со́бину. «Здрасьвуй, родный мой татенька, Грозный царь Иванъ Васильевъ!» Грозный царь Иванъ Васильевъ говоритъ Микиты Романовицю шурину своэму: «Злата-ль тиби надо или се́ребра, што отъ смерти збавиў сына еɣо (такъ!)?» А и спрого́воритъ Микитушка ёму Романовиць: «Мни ни нужно ни злата ни се́ребра, отдай только Микитину отчину назадъ». (Онъ сёстру какъ взяў, такъ и о́тчину о́тобраў у шурина). Ну, тутъ оны съ нимъ померились, отчину назадъ отдаў, а то всё забранка у нихъ шла съ нимъ.

126.

Купеческій сынъ и соловей.

Записана въ д. Палтегѣ Петрозаводскаго уѣзда, отъ старушки.

Жыў быў купець и померъ, у купця остаўся сынъ, тотъ стаў возростать. Стали ребятишка еɣо звать рубить дровъ, купецькоɣо сына. Онъ говоритъ: «Маменька, я пойду дровъ рубить». Она ёму говоритъ: «Купеческій сынъ, какой ты дроворобъ будешь?— А онъ говоритъ: «Спустишь, пойду, не спустишь, пойду». Онъ и пошоў съ малыма ребятамы дровъ рубить, не доложаўся больше матери. Пришоў дровъ рубить, налетѣў соловей оценно красивъ, нацяў соловья јимать, јимаў, јимаў, дровъ не нарубиў, соловья не поймаў. Ребятишка походятъ домой въ деревню, ёму пойти надо. Ну, домой пришоў, мать говоритъ: «Што нарубиў ли дровъ?» —«Нѣтъ, говоритъ, ёнъ говоритъ, какой рубить дрова,—налетѣў соловей очченно красивъ, јимаў, јимаў, поймать не могъ, ребятишка пошли домой, и я домой».— Мать говоритъ: «Не јимай соловья, говоритъ; если поймаэшь, не будешь щясливъ». Потомъ на второй день ребята походятъ, еɣо опетъ зовутъ. Ёнъ опеть даваэтця у матери, што «отпусти меня дровъ рубить». Мать говоритъ: «Какой ты будешь дроворобъ, купечеській сынъ».— Ну, онъ говоритъ: «Спустишь, пойду, не спустишь, пойду».— Опеть и ушоў съ ребятамы. Ну, и пришоў дровъ рубить. По второй день эщо красивѣэ соловей прилетѣў. Вотъ, онъ јимаў, јимаў и поймаў соловья; поймаў и понёсъ домой. Принёсъ къ матери, мать и говоритъ: «Поди, продай соловья». Онъ шоў на рынокъ и говоритъ самъ сиби, думаэтъ: «У меня денегъ есь, куда мнѣ съ деньгамы, сойду снесу царю въ подаркахъ». Снёсъ царю въ подаркахъ, а царь ёɣо пожаловаў ёɣо чиномъ, бариномъ выбраў надъ кресьянмы (думчимъ бояриномъ, надъ кресьянмы, значитъ, роспоряжатьця). Ну, вотъ этымъ кресьянамъ не захотѣлось ёму покорятьця, надо имъ ёɣо сказнить. Ну идуть дорогой и говорятъ самы съ собой, што «не охвота намъ ёму покорятьця, надо еɣо сказнить». Этотъ соловей имъ поверьнетьця (поверьнетця) старушкой и говоритъ: —«Подпте, скажыте

царю, онъ хотѣў достать лань златорогу съ чистоγо поля, ёму не достать: ёна ёγо забьётъ, залягаэтъ».— Ну, вотъ оны докладъ сдѣлали царю, эты кресьяна, што хочетъ думчій бояринъ достать лань златорогу съ чистоγо поля. Онъ послы послаў за нимъ за думчимъ бояриномъ: «Подите, приведите ёγо сюды, што онъ съ кресьянмы думу думаэтъ, а не съ царёмъ, хочётъ достать лань златорогу съ чистоγо поля». Ну, вотъ ёγо привели; пришоў хъ царю, царь и говоритъ ёму: «Если не достанешь лань златорогу съ чистоγо поля, такъ голова твоя на плаху». Онъ пошоў къ маменьки, закручиниўся, запецялиўся. Стрѣтатъ ёγо́ мать. «Што-жъ ты кручиненъ, печяленъ?» —«Што-жъ мнѣ не кручиниться, не печалитьця, што я съ кресьянмы не думаў думы, не говориў ничоγо, оны насказали царю, што я хотѣў достать кобылицю-лань златорогу съ чистоγо поля, гдиже мни достать?»— Мать говоритъ: «Это не служба — службишко, служба вперёдъ бу́дётъ. Богу молись да спать ложысь, умиў соловья поймать, такъ умѣэшь и погоревать, утро мудро, день прибыточенъ», мать скаже. Мать, значитъ, волшевьниця была; вышла на́ крыльцё, сма́хла тонкимъ полотномъ: налетѣло трицять два сокола́, овврнулось трицять два молодьця (значитъ, повернулись молодцямы): «Што, сударыня, дѣлать?» —«Пригоните лань златорогу съ чистоγо поля; къ утру, къ свѣту на царьскій дворъ приставьте».— Оны и пригнали. Царь вышеу по утру́ на воўхонъ и весьма́ эще ёγо возлюбиў. «Вотъ ёму», говоритъ царь: еще бо́льшій чинъ ёму прибавиў, эщо больше кресьянъ ёму даў подъ стражу. Ну, опеть эты кресьяна пошли на роботу и говорятъ, што надо казнить ёγо, куда нибудь, штобы онъ не́ быў. Ну, вотъ этотъ соловей старушкой опеть пове́рнетьця и къ јимъ встрѣту идётъ. —«Што вы, кресьяна, думаэте?» опеть у јихъ спрашыватъ. «А што, старый чёртъ, што говорила, то онъ и испоўниў». А она опеть имъ говоритъ: —«Да што, говоритъ, люди лю́дямъ вѣкъ помогаютъ; пойдите, говоритъ, скажыте царю, говоритъ, онъ хотѣў достать кобылицю златыницю, съ трицяти пети жеребьцямы, ёму не достать, ёγо забьютъ, говоритъ, жеребьци въ поли». Царь опеть по́слы послаў. «Што жъ ты съ кресьянмы думу думаэшь, хочешь достать кобылицю златыницю съ трицяти пети жеребьцямы, а если не достанешь, голова твоя на плаху». Ну, этотъ мальчикъ опеть домой пошоў, закручиниўся, запе́чалиўся. Опеть мать ёγо стрѣтатъ, спрашиваэтъ: «Штожъ ты закручиниўся, запечалиўся?» —«Какъ же мнѣ не кручинитьця,

не печалитьця, говоритъ, кресьяна доносятъ царю, жалуютьця, што я хочу достать кобылицю златыницю съ трицетью пети жерепьцямы; гди мнѣ достать?»— страшытця, вишь. Мать говоритъ: «Это не служба—службишко, а служба вперёдъ буде (эще страху сулитъ ёму). Богу молись, спать ложысь...» Онъ Богу помолиўся, спать лёгъ; мать вышла на крыльцё, смáхла тонкимъ полотномъ, налетѣло тридцять два соколá, овvернулось трицять два молодьця. «Што, сударыня, дѣлать?» —«Пригоните кобылицю златыницю съ тридцятью пети жеребьцямы, къ утру-свѣту на царьскій дворъ приставьте». — Оны къ ýтрусвѣту пригнали на царьскій дворъ. Она по ýтру встала, сыну и говоритъ: «Поди-ко, дитятко, на царьскій дворъ, жеребьця и подрачивай и похаживай по царьскому двóру. Вотъ, онъ пришоў на дворъ, кóней подрачиватъ и похаживатъ, а царь по ýтру встаў, вышеў на воухонъ, эще больше ёɣо возлюбиу, эще большый чинъ даў, эще подъ стражу больше кресьянъ даў. Вотъ, онъ опеть пошоу къ матери домой, а эты кресьяна опеть пошли на роботу и между собой говорятъ, што еɣо надо рѣшыть, штобы онъ нé быў надъ нама, не роспоряжаўся. Ну, вотъ это соловей опеть повернетьця старушкой и имъ говоритъ: «куда вы, кресьяна, пошли? Подите скажыте царю: онъ хочетъ городá сдѣлать съ пригородкамы, терема съ притеремкамы и на кажномъ терему по жаўкому колокóльчику». — «Э, старый чёртъ, што ты говоришь?»— Она говоритъ: «Подите скажыте царю: онъ хотѣў сдѣлать города съ пригородкамы, терема съ притеремкамы, и на кажномъ теремочьку по жаўкому колокольчику, онъ этоɣо не сдѣлаэтъ, ёɣо царь казнитъ, не бывать ёму жыву́». Оны опеть и сказали, царь опеть ёɣо и достаў къ себѣ. «Што же ты съ кресьянмы думу думаэшь, а не съ царёмъ: хочешь городъ сдѣлать съ пригородкамы [какъ выше] по колокольчику, а если не сдилашь, то голова твоя на плаху». Вотъ пошоў къ матери [повторяется то же, что и въ предыдущемъ случаѣ]... Мать ёму говоритъ: «поди сходи къ царю, скажы, штобы было бы лѣсъ и чугунъ, и серебро, и мидь, и чугунъ, бравьянту было бы довольно всякоɣо». Ну, онъ шоу, сказаў царю; у царя всё не доўго, исправиў ёму всё. Вотъ, мать опять вышла на крыльцё, смáхла тонкимъ полотномъ, налетѣло трицять два соколá, овvернулось трицять два молодця. «Што, сударыня, дѣлать?»— «Сдѣлайте города съ пригородкамы, терема съ притеремкамы и на кажномъ теремочьку по жаўкому колокольцику.»— И стали дѣлать

ей, што она приказывала. Она сына опеть и будитъ: «возьми, говоритъ, молотокъ, да поди, пощаўкивай, поколачивай гвоздики, аль што въ этомъ строеньици», быдто у нёγó и дѣлано. Царь вышеў на воўхонъ, весьма ёγо возлюбиў, ещé чинъ даў. Потомъ опеть... [повторяется по старому]. А этотъ соловей повернетьця старушкой, опеть на стрѣту идё: «Што жъ, вы, кресьяна, думаэте; онъ говоритъ хотѣў сдѣлать корабъ, штобы ходиў по суши, по воды, подите, донесите царю». Ну, вотъ оны и сказали царю. Царь опеть послы послаў и опеть ёγо и томи́тъ: «Што же ты съ кресьянма думу думаешь, а не съ царёмъ (а онъ и сномъ дѣла не знаэтъ — соловей всё еберзи́тъ-наскавыватъ)? Сдѣлай, говоритъ, корабъ, штобы ходиў по сушы, по воды, а если не сдѣлаэшь, голова твоя на плаху». Онъ опеть идетъ къ матери, прикручиниўся (и т. д.). Мать ёγо назадъ отослала, штобы быў лѣсъ готовъ и бравьянтъ всякой, што на карабъ. Онъ шоў опеть, царю сказаў, у царя всё не доўго, испоўниў, всё еγо. Пришоў опеть, мать говоритъ: «Богу то молись, да спать ложись»... А сама вышла на крыльцё, смахла тонкимъ полотномъ, налетѣло трицять два сокола́, оввернулось трицять два молодця: «Што намъ, сударыня, дѣлать?» — «А сдѣлайте карабъ, штобы ходиў по сушы, по воды».— Ну, вотъ оны сдѣлали ночью карабъ. На утро мать говоритъ: «Поди-ко, дитятко, на карабъ, стружки́ попахивай, да покидывай». Царь вышоў на воўхонъ, эще больше возлюбиў ёγо, эще чинъ большый даў. Опеть эты кресьяна пошли на роботу (и т. д.). Эта старушка имъ и говоритъ: «Подите, скажыте царю: онъ вѣдь не жанатъ, онъ хочетъ достать изъ-за синёγо моря, изъ-за огненной рѣки царь-дивицю ёму замужъ, а ужъ ёму не достать», говоритъ. Кресьяна... (и т. д.). Царь послаў пословъ, онъ опеть пришоў, царь говоритъ: «Што ты думу думашь съ кресьянмы, а не съ царёмъ? Достань мни дивицю изъ-за синёγо моря, изъ-за огненной рѣки, если не достанешь голова твоя на плаху. Опеть пошоу къ матери (и т. д.). «Какъ же мнѣ не кручинитьця, — велѣў мни царь достать дивицю изъ-за моря синёγо, изъ-за огненной рѣки».— А мать ёму говоритъ: «Уміў соловья поjимать, такъ умій погоревать. Поди, говоритъ, сходи, скажы царю, штобы разноγо товару карабъ быў нагружонъ». Онъ шоў, царю сказаў. У царя всё недоўго, царь нагрузиў карабъ товару. Ну, вотъ онъ пришоў къ матери. Мать ёму говоритъ: «Ну, вотъ, дитятко, отыщы батюшкова Миколу

и молись ёму со слезамы и појидешь; станешь на карабъ и скажешь: «нутько, карабъ, полетай-ка, карабъ, за синее морё, за огненну рѣку къ царь-дивици». Ну, вотъ мать и наказыватъ: «Карабъ лéтитъ, летитъ, да станетъ серéдь синёγо моря, вотъ ты ёму и говори, кораблю: сутки стоитъ, налéтитъ Могу́ль-птица, хочотъ карабъ сглонуть, ты моги што-нибидь отсиць у Могуль-птици». Онъ сутки простояў, она налетѣла, онъ хочё карабъ сглонуть, а онъ взяў саблей удариў, крыло отсѣкъ у ей. Вторыи сутки стоитъ; выстаў лёвъ-звирь, хочё карабъ сглонуть. Онъ взяў, саблей удариў, ухо отсѣкъ у лёва-звѣря. На третьи сутки стояў; выстала китъ-рыба; онъ саблей удариў, вырваў зубъ. Потомъ опеть и поѣхаў дальше за синё морё, за огненну рѣку. Ну, вотъ прiѣхаў на царьской дворъ, царевна увидала, и нянекъ, служанокъ всихъ стреложыла, одѣлась и пошла на карабъ. «Што за чудо за такое объявилось, што за карабъ, пoти посмотрѣть». Ну, вотъ она зашла въ карабъ и зáчала товару брать, а деньги онъ не јимаэтъ. Самъ вышеў на карабъ: «Нутко, карабъ, полетай-ко, карабъ, въ свóэ мѣсто». Карабъ полетѣў, а она хъ карабли ходитъ, товаръ выбератъ. Товару наберала, вышла на карабъ и выйти не вѣдатъ куды— увезёна. Ну, вотъ царь ёγо опеть стрѣтаэтъ со всей силой, со всимъ солдасьвомъ, стритилъ ёγо, эщé весьма возлюбиў. Эта дивиця царю говоритъ: «Вѣть, говоритъ, я такъ за васъ замужъ не иду. Сдѣлай срубъ, наклади въ срубъ смолы, пороху, скалы́ (лѣсу), да зажги, да вóкругъ этоγо сруба мы пойдёмъ троима, вишь» (онъ въ похóдушкахъ, поѣздýшкахъ выросъ большой). Ну, вотъ оны пошли вóкругъ сруба, царь фпереди, царевна вслѣдъ, а молодець за ней сзади. Она пехнула царя въ огонь. «Не ты меня доставаў, и не за тобой мни-ка и быть». Онъ тамъ и сгорѣў. А этотъ молодець ю и замýжъ взяў и царьсвомъ завладѣў и стаў жыть и быть.

рев. Др. 1.

127.

«По лаптю курё, по куряти гусё».

Записана въ Великой Губѣ Петрозаводскаго уѣзда, отъ молодой женщины.

Жы́ла бы́ла вдова́ и отпра́вилась, по́шла. Шла, шла и нашла лапо́ть (ла́поть). Пришла́ на ноцьле́гъ, даваэтця: «Пустітя-ко ночёва́ть, ку́ды мо́эγо лапо́тька клась?» —«Кла́й подъ ла́вку». «Нѣтъ, вишь мой лопотько жы́ветъ не подъ лавкой, а съ куря́тками». Ну, по утру́ вста́ла: «Гди-то моо куря́тко?» —«Што ты, скаже, ду́ра, стару́ха! видь у тебя, скаже, лопо́тько было». — «Нѣтъ, у́ мня бы́ло курятко. Не́ отдайте, такъ по́йду къ воэво́ды судитьця». Ну о́тдали да пошла́. Шла, шла, опеть вецеръ приходитъ, опеть на ноцьлегъ. «Пустітя-ко ночёвать». —«Ну, на́чуй, ноцьлегу съ собо́й не́ нося, ночу́й».—«Пустітя-ко мо́оγо курятка ночёвать. Куды́ мо́оγо куря́тка клась?» —«А клай съ куряткамы».—«Нѣтъ, моэ курятко жыве съ гусяткамы».—«Ну, клай съ гусяткамы». Ну, тамъ по утру́ вста́ла, опеть походитъ. «А гди-то моо гуся́тко?» —«Што ты, дура, стару́ха, видь у тебя́ было курятко». — «Нѣтъ, у́ меня бы́ло гусятко, отдайтя гуся́тко, а нѣтъ такъ по́йду къ воэво́ды судитьця». —«А о́берай, лишей съ то́бой, гуся́тко, такъ гуся́тко». Ну, и взя́ла гусятко, да отпра́вилась, пошла́. Ну, идётъ опеть, день ко ве́церу, и на ночле́гъ опеть приходитъ: «Пустітя-тко на́цевать».—«А на́чюй ла́дно, нацлегу съ собо́й не но́ся».—«Ну, куды́-то мо́оγо гусятка клась?» — «А клай съ гусяткамы».—«Нѣтъ, моо гусятко жы́ве съ борашкамы». —«А клай-же съ бора́шкамы». Ну, съ борашкамы и клала. Ну, ноць проспа́ла, опеть отправляэтця по утру́. «Гди то мой бора́шокъ?» — «Што ты, дура, стару́ха. у тебя видь быў гусятко». — «Нѣгъ, у мня быў бора́шокъ, отдайтя. Не́ отдайте, такъ по́йду къ воэводы судитьця». —«Ну, о́берай, лишый съ тобой, цёртъ съ тобой, обера́й». Ну, и взя́ла борашка да и отпра́вилась. Опеть идетъ съ борашкомъ. Вецеръ приходитъ, што и ночевать. Приходитъ на ноцлегъ. «Пустітя-тко ночевать. «Ну, на́чюй, ночле́гу съ собой не но́ся».— «Куды́-то мо́оγо борашка клась?» — «А клай съ борашкамы». «Нѣтъ, мой борашокъ жыве съ бычкамы». — «Ну клай-же съ

бычка́мы». — Ну, по утру́ вста́ла, опеть и спрашиваэ бычка́. «Гди́-то мой бы́чёкъ?» — «Што ты, старуха, видь у́ тебе быу борашокъ?» — «Нѣтъ у́ мне быу́ бы́цёкъ, отдайтя быцька мо́оүо».— «Ну, о́берай, лишый съ тобой, што-же дѣлать». — Ну, и взяла бы́чька, отпра́вилась тамъ. Нажыла тамъ всю упряжку бы́чьку, хому́тъ и ду́гу и тамъ узду́ да всё и дровёноцьки маленьки, ну и поѣхала, ну и запѣла. «Поѣхала баба́ по гора́мъ, по гора́мъ по всимъ сторона́мъ, ню́хни быцёкъ, полёво́й казачёкъ». И́детъ за́эць. «Пуститя-тко ме́ня на говённый вязъ». Ну, и сѣу́ за́эчь и поѣхали, ну и запѣла. «Шла́ баба путёмъ, нашла́ баба лапо́ть, по ла́птю курё, по куряти гусё, по гусяти боранъ, по борани быцёкъ, полёво́й казацёкъ». Идетъ ли́са. «Пуститя-ко ме́ня хоть на заднiй ко́пылецъ».—«А сядь, вялый цёртъ». Ну, и сѣу́ и поѣхали. Ну и запѣла: «Шла́ баба путёмъ, нашла́ баба лапо́ть . . . . полёвой хвостицёкъ». Ну сицясъ и́де воу́къ. «Пуститя-тко меня хошь куды́-нибудь тутъ-жа». — «Ну. сядь, вялый цёртъ». Ну, и поѣхали. Идётъ медвѣдь: «Пуститя-ко меня тутъ-жа куды-нибыдь». — «А сядь глиньцёкъ» (?). Ну, и поѣхали. Ѣхали, ѣхали, завёрка со́рвалась въ дровня́хъ, вицей оүлобли привертываютъ и оүлобля ломилась. «Подь-ко, заэць, вы́руби оүло́блю». Ну заэць схо́диу́, вырубиу́ вицьку, не годитьця. Стару́ха и говори́тъ: «Ну, вя́лый чёртъ, какую принёсъ оүлоблю. Подько, ли́са, схо́ди». Лиса сходила, опеть не по ндра́ву принесла, тонку. «Подько, воу́къ, схо́ди». Ну, воу́къ сходи́у́, принёсъ то́усту, не годитьця. «Подько, ме́двѣдь, схо́ди». Ну, медвѣдь сходиу́ и тоу́сту, притоу́сту вы́воротиу́ съ коре́нья. «Не годитьця, тоу́ста, съ кореньямы вырваӯ деревину. Ну, снеси васъ цёртъ! Стойтя-тко, я са́ма схо́жу». Ну и сама́ сошла́. При́шла, то́й порой да бы́чька у́гнали. Ту́ды сю́ды покидалась, ку́ды то́перь, да такъ и... Оны взя́ли (медвѣдь да воу́къ, ли́са, заэць), съѣли быцька, да ко́жу на колья росправили. Она́ тутъ заплакала.

— - —

128.

Соломонида златоволосая и козелъ.

Записана въ д. Яндомозерѣ Петрозаводскаго уѣзда, отъ старушки.

Какой-то досюль быў тамъ-жыў купецъ, ѣздиў онъ за́ море́ торгова́ть, а жона осталась ў ёγо бере́менна и принесла, покамѣсъ онъ ѣздиў, дѣвушку по колѣнъ ножки́ въ золоти, а по локо́тъ руки́ въ серебри, на всякой волосиноцьки по скацёной жемцюженки. Ну, она въ ту́ю по́ру, покамѣсъ онъ торговаў, жона и то родила ю. Онъ оттуль поѣхаў было онно, торговаў 12 караблей имѣнія; ѣхаў, ѣхаў посерёдъ мо́ря карабли́ и стали. Онъ говоритъ: «Хто меня держытъ?» А водянной говоритъ: «Я держу. Отдай коγо дома не знаэшь». Думаў, подумаў: «Коγо не знаю, всихъ знаю».—«Ну, возьми». И карабли спустиў водянной; онъ и поѣхаў въ свою́ сторону. Домой пріѣжжаэтъ: жена выходитъ стрѣтать да эту дивицю за руку ведётъ, Соломаниду-ту. Ну, онъ и задумаў, што о́тдаў до́черь, жонѣ́ и сказаў: «Я дочерь о́тдаў». Жыли сколько времени тамъ, подъ окно и приходитъ: «Ну, купецъ, отдай, коγо отдаў, мы пріѣдемъ за дочькой къ вамъ». Оны съ жоной это слыша, подъ окномъ говоритъ такъ. Соломанида этоγо дѣла не знаатъ. На дру́гу ночь легли спать и Соломанида легла́, а оте́цъ да мать всё о́брали имѣніе въ доми и уѣхали съ дому. Эта Соломанида прохватилась утромъ ранёшанько, вы́стала и нигдѣ, никоγо нѣтъ. Тамъ въ цюла́нъ сходи́ла да ниγдѣ ничоγо нѣту, въ хлѣвъ пришла, тамъ одинъ козёў. Ну, козлу въ ноги и пала: «Козёў братецъ, козёў родимый, вези меня куды знаэшь». Козёў ей и говоритъ: «Ай же ты, Соломанида златоволосая, жыла ты съ батюшкомъ да съ матушкой, козла́ не знала да јись и пить не давала». Она опеть козлу въ ноги: «Козёў братецъ, козёў родимый, сбереги меня, стереги́, а вези́ куды знаэшь». Онъ ёй и говоритъ: «Сыщы хомутишко и дровнишка, да свяжись въ кубачу [соломянный тука́чъ] и свались на дровнишка. Ну... она взяла, дровнишка нашла́ и хомутишко, козла взя́ла и впрегла въ дровни. Козёў ёй и говоритъ: «Сходи въ поко́ахъ, нѣтъ-ли щёти гдѣнибудь [а лёнъ чешутъ] да гре́беня, возьми съ собо́й». Она

завязалась въ. кубачу, на́ дровни свалилась. Ну и за ей жени́хи ѣдуть на стрѣту—стадо попалось. «Здрасвуй, козёў!»—«Здрасвуйтя, братьци».—«Далёко-ль ты, козёў, направпуся?» — «А царь вотъ собраў жалѣзишко, тоγо да сеγо, отправиу въ кузницю».—«А што царь дѣлатъ? А цариця што дѣлаа?»—«Царь пиво вари́тъ да зеленó кури́тъ, васъ гостей въ гости ждётъ, а цариця то да другоо приправляатъ, васъ гостей ждётъ».—«Што Соломанида златоволоса дѣлаа?»—«Соломанида златоволоса пó избы хóдитъ, жеўты́ кудри чешетъ, васъ гостей обжидаэтъ».—«Ну, прощай, козёў!»—«Прощайтя, братьци». Опеть стадо стрѣтилось. «Здрасвуй, козёў!»—«Здрасвуйтя, братьци».—«Дожидаатъ ли насъ царь въ гости?» — «Оцень дожидаатъ».— «А царицця?» — «Приправляэтця».— «Прощай, козёў».— «Прощайтя, братьци». Ну оны, далёко-ль близко, сколько-ль тамъ шли мѣста, козёў говоритъ: «Ставай, Соломанида, припади къ земли́ брю́шкомъ, а послу́хай у́шкомъ, не идётъ ли за намы погона». Она послу́хала, тутъ и есь. «Ну, кинь гребень. Стань лѣсъ тёмный, отъ неба дó земли, отъ земли́ до нёба, отъ остóка до зáпада, не пройти бы не проѣхать, ни конному, ни пѣшому, ни звѣрю пробѣгищу и не птици пролетищу». Ну, она взя́ла, ки́нула гребень. Вдругъ стаў лѣсъ тёмный. Ну, водянныи начали крыцать и не достали ихъ тутъ, оны вперёдъ пошли! Оны тамъ руби́ли да тю́кали (рубили) этотъ лѣсъ; этотъ лѣсъ весь повалили; опеть за нима, догнали близко, тутъ и е. Ну онъ опеть этотъ козёў слышытъ, што близко опеть, и говоритъ: «Айже, да Соломанида златоволосая, кинь, возьми щеть наза́дъ себя, пусь станятъ лѣсъ и γора óтъ неба дó зени и óтъ зени дó неба, штобы ни звѣрю пробѣгищу и водяннымъ ни проходу». Ну, она кинула щеть, стала γора и привели́ка, на γоры́ лѣсъ тёмный и весьма ни проходу, ни проѣзду. Ну водянныя тамъ и остались. Ну, и пришли́ въ ынно королесьво. Ну и она ста́ла промышлять, вышывать ковры́, гóлову свою кормить и козла́ также. Ну потомъ ёна присмотрѣла фатерку въ поли, живётъ старуха тамъ старая, она къ этой старухи и вы́давалась пожыть. Сошьётъ ковёръ, да снесётъ въ ры́нокъ, продасъ, да купитъ немножко шоўку, да спби хлѣба, да и съ козломъ јидятъ. Козла кóрми, што сама ѣсъ, то и... тымъ и козла питаэтъ. Скуро сказка скажетця, а потихоньку дѣло дѣетця. Эты ковры́ та́мъноcи́ла да прода-ва́ла; купиў ёй ковёръ прибоγатый купець и видитъ, што она бѣдненька ходитъ скитаэтця, а сама очень красивая, и замы-

слиў онъ ю за́мужъ взеть, а только не знаэ, гдѣ она живётъ, и присмотрѣў. Она приходитъ въ рынокъ, и онъ на ю смотритъ, куды́ пойдётъ. Взя́ла она хлѣба немножко и шоўку по на́добью и отправилась въ эту хизиньку въ чысто полё, и онъ за ней вслѣдъ. Приходитъ за ней вслѣдъ и ўчаў ю за́мужъ звать и спрашива: «Какъ тебя зовутъ?» Она говоритъ: «Меня зовутъ Соломанидой». Ну, ёна за́мужъ за неγо походитъ, а условіе дѣлаатъ: «Я ȷись, што и козёў ȷись». Онъ ёй и говоритъ, што «козёў видь поγаный, миня люди хорошо знаютъ, такъ будетъ нихорошо». Ну, она и говоритъ: «Я такъ за́мужъ не иду́». Онъ въ достали́ и согласиўся, што ю и взяў за́мужъ, а у ёй хлѣба, што въ брю́хи, платья, што на сиби́, и одёжи никакой нѣту. Ну онъ ю сокрутиў, повѣньцялись и сокрутиў, она этоγо козла корми, гди сама, тутъ и козёў. Ну, она понеслась. Принесла́ мальцика, ну а свёкоръ пошоў бабки искать—попадаэтця Еγибиха встрѣту. «Куды́, старикъ, пошоў?» — «Бабки искать». — «А возьми меня».— «А поди́, стару́ха, всё ровно́». Ну она́ бабила младеньца, съ ёй въ байну ходи́ла, а эту Соломаниду туды́ къ водянника́мъ и отпусти́ла, а свою дочерь на мѣсто. Эта Еγибихина дочь стала жить и стала мужу говори́ть. «Иванъ царевиць, сына несу, свини́на мяса хочю». Ну, а этотъ мальцикъ, который у Соломаниды принесёнъ, не жывётъ хорошо, во́питъ, а эта Еγибихина дочь тѣшытъ ёγо худо, а ужъ козла́ всё убить велитъ. Онъ ёй и говоритъ: «Соломанида златоволосая, какъ я тибя за́мужъ браў, то ты говорила, што я ȷись, то и козёў ȷись, а нынь козла не любишь и сына свооγо́ ху́до тѣшышь». Она опеть ему́ и говоритъ: «Сына несу, сыроγо мяса хочю, убей козла́». Ну ёму што дѣлать? Онъ взяў, ножикъ наточиў и пошоў козла убивать. Пришоў ёму́ въ хлѣвъ, хъ козлу́. Козёў ёму въ ноги и паў: «Иванъ царевиць, спусти миня на улицьку сходить, свѣжей водушки напитьця, а съ бѣлымъ свѣтушкомъ проститьця, то што ты меня и зарѣжешь». Онъ взяў, спустиў козла на́ берегъ. Козёў пришоў γъ бе́регу и говоритъ: «Ой же ты, Соломанида златоволосая, сестрица мо́а родимая, есь-ли тебѣ вольняя волюшка выйти съ синеγо морюшка, со мной роспроститьця». Ну, эта Соломонида утушкой и по́дплыла, взяла это платье скинула, эты утушкины перья сры́ла, стала мо́лодой молодицей, по старому; слёзно, горько стала плакать. Ну, и поплакала да и роспростилась, она пошла своей чередой, а онъ взадъ. Онъ приходи поздо, рѣзать ёγо́ сеγоднешнеγо дня нѣкоγда,

дó утра и оставиу̊. Пало ёму въ голову сходить-бы къ этой бабушки, поспросить што-же эдакъ Соломонида козла велитъ убить. Ну, и приходи къ бабушки: «Старушка бабушка, у меня, какъ я Соломаниду брау, такъ Соломанида говорила, што я јись, то и козёу̊ јись, а нынь козла убить велитъ и сына своого не любитъ». Эта старушка и говоритъ ёму: «Иванъ царевиць, это не твоя Соломанида златоволосая, этой хоть вóлосы золотыи, да набивныи, это Еγибихина доцй, а твоя Соломанида отпущена къ водяянникамъ». Онъ весьма заплакау̊, она говоритъ: «Не плачь, мы доступимъ, сходй въ кузницю, скуй прутъ жалѣзный и скуй клéщи крѣпкiи и приходи ко мни». Ну, онъ сходиу̊ въ кузницю, сковау прутъ желѣзный и клещи крѣпкiи, съ кузници пошоу̊, γъ бабушки и зашоу. Бабушка ёму наказыватъ: «Придёшь домой, станетъ тебя жена посылать: подй, мужъ, убей козлá,—ты возьми козла,—козёу, буде станетъ даватьця нá берегъ, козла нá берегъ и отпустй, возьми угольёвъ горяцихъ въ горшокъ большой и наклади, самъ за козломъ туды вслѣдъ и подй. Кузёу какъ приклицетъ Соломаниду, Соломанида приплывётъ къ берегу, сроэтъ съ себя́ платья у̊тицьи, по старому и будетъ, ты возьмй платья въ горшокъ клади да и сожги на у̊гольяхъ. Оны, какъ станутъ плакать съ козлóмъ, она щéверъ [ду̊рной духъ отъ горѣнiя] и услышитъ и будетъ этыхъ платьевъ искáть. Ты сгреби ю, возьмй клещьмы и прутомъ свищи, што можешь. Ну, она повéрнетця ужъ всякой тварью, што на свѣтѣ есь, γадомъ, скаку̊хой [лягухой], за тымъ повернетьця золотымъ веретешечькомъ, ты возьми, веретешецько переломи, пятку кинь назадъ, а щопóтку наперёдъ,—назади стань золотá гора, напередй стань молодá жена, лучше староγо и прéжнеγо». Ну, онъ и пошоу домой, опеть жена и у̊чала еγо посылать, што убей козлá, мяса хочю свинйна горáзно, сына несу̊, такъ... Онъ розсердѣуся въ серьцахъ, хватиу ножыкъ, ну и пошоу козлá убивать. Приходитъ къ ёму въ хлѣвъ, ковёу опеть напáу̊ молитьця, въ ноги пау: «Иванъ царевиць, спусти меня на бережокъ сходить, свѣжей водушки напитьця, копытьцявъ помыть, да съ бѣлымъ свѣтушкомъ проститьця». Ну, онъ взяу̊, спустиу козла нá берегъ опеть и самъ за козломъ вслѣдъ, взяу прутъ и клещи и горшокъ съ угольямы съ горячима. Приходи нá берегъ за козломъ. Козёу нá берегу сидитъ и слёзно плацетъ и во слезахъ не видитъ хозяина. «Ай-же ты, Соломанида златоволосая, есь-ли тебѣ вольняя волюшка выйти изъ сйнеγо морюшка, со мной роспро-

ститьця, вострі́ ножы нато́чены, зарѣзать хо́чуть». Эта Соломанида къ бе́режку и приплыла утушкой, взяла, эты перья срыла съ себя, схватились съ козло́мъ бере́менемъ и у́мильне словамы прицитаатъ, болѣзно очень плачють. Ну, этотъ Иванъ царевичъ проплакаў, на и́хъ смо́тряци. Взяў эту кожери́ну, перья-то эты бросиў въ огонь, и пошоў щёверъ, и это Соло́манида и схватилась за кужери́ну, уцяла хватать, а и надѣть нечеγо и по́чала по закусто́вью бѣгать, искать, взять нецеγо. Онъ взяў, Иванъ царевичъ, хватиў ю клещамы крѣпкима, зажаў крѣпко и по́чаў прутóмъ хлыстать желѣзнымъ. Такъ ужъ она всяко повёртывалась: звѣрями, медвѣдями и какой твари на свѣти нѣтъ, такъ тымъ не повернулась, а то всимъ, повярнулась золотымъ веретешечкомъ. Взяў, золотоо веретешечько переломиў черезъ колѣнко, пятку кинуў назадъ, а щопотку наперёдъ. «Назади стань золота́ гора, на переди́ стань молода́ жена лучше староγо и прежняγо». Она какъ поворотилась молодицей, такъ вдвойни стала лучше, што была. Ну, онъ взяў ихъ, домой повёў, козла́ и жону; эту Егибихину доцерь взяў, привязаў къ тридевети жеребьцямъ необъѣжжанымъ, да спустиў въ чисто полё; ю жаребьци розлягали, роспинали, по чисту полю розстрѣляли (ну, хоть ростаскали, хоть). Ну тымъ дѣло и кончилось; а онъ съ этой царевной стаў жыть и лучше староγо, лучше прежнеγо, и козла́ стали кормить, аще́ лучше наблюдать. Ну и всё.

Аф. 56–104.

129.

Одноглазка, двуглазка и треглазка.

Записана въ Яндомозерѣ, отъ старушки.

Въ одной деревни жыў быў мужыкъ да баба, у ни́хъ была до́цька. Ну, баба и у́мерла. Мужыкъ жениўся, ну, и доцьку также принесла́ одноглазку; одноглазу дочьку принесла и потомъ другую, двуглазку, ну, потомъ и третью, треглазку. Ну, и жывуть, пожываютъ. Прежней то жонки́ мачеха не любила. Ну, и ходили коровъ пасти оны. На пе́рьвой день съ одноглазкой. Мать отправитъ ихъ пасти коровъ, родной то доцьки напекётъ пшонныхъ колубко́въ, а этой, падцерици-то неродной напекётъ гли-

няныхъ колубко́въ. Ну, ужъ глиняны колубки́, кака́я тўдака.... ужъ не јись. У нёй была коровушка посажна (у матери приданоэ), ну, она и кормилась у посажной коровушки; она въ ўхо зайдётъ, въ другоэ вы́йдетъ и сы́та и пья́на сдѣлаатьця. Ну, и на второй день также пошла́ коровушокъ доить, опеть тоже само. Ну, она тамъ, пришли коровушокъ пасти́, ну, эта старша, неродная сестра ёй: «Сестриця, дай я на головушки поищу». Ну, она и начала искать. За́спала тамъ, заснула просто. Она въ ухо зашла, въ другоэ вышла, сдѣлалась сыта и пьяна. Ну, такъ же и на третей день отправляэтця также коровъ пасти съ треглазкой сестрой. «Ну, сестриця, дай я въ головушки поищу». Ну, и искала на головушки; ну, искала, искала, глазъ заприсъ, другой заприсъ, третей заприсъ. Ну, она и заснула. Она въ ухо зашла (коровье). Она и увидяла, ну, и зарычала. «Моўчи́, вѣдьма, кўрва, скажу матери». Ну, и пришла домой, отцю-матери насказала̀ тамъ, ну, мать разрычалась тамъ, заругалась, надо корова убить. «Старикъ, надо корова убить, она вѣдьма сушытъ корову, сушытъ». Ну, и отецъ та̀мъ тоцитъ но́жыкъ. Ну, и тоцитъ ножыкъ, а она, эта доцька, вышла къ коровушки своёй, пла́цетъ, ну, и коровушка ёй отвѣчаэтъ,—ишь, ужъ заговорила: «Станутъ убивать меня, такъ подавайся посмотрѣть. Ну, и ты какъ подаваэшся посмотрѣть, придёшь, такъ на правой рукавецъ брызнетъ крови маленько. Ты возьми, отруби́ и посади подъ окошко, въ зе́млю закопай». Ну, тамъ отецъ и пошоў убивать коровушки, и проситця посмотрѣть, што спустите, пожалуйста, посмотрѣть, спуститя посмотрѣть». Вышла посмотрѣть, ёй брызнуло на правой рукавецъ. Ну, и посадила, закопала тамъ въ землю подъ окно, ну и стаў ростѣть садъ. Ростётъ садъ, тамъ ужъ, што ёй нужно, всё есь въ саду тамъ. Ну, тамъ какой-то членъ невѣсту выбираэтъ, ну, и запоэжжали на́ перъ. Ну, старуха, то и говоритъ: «Стари́къ, стари́къ, возымай конишка, запрегай въ дровнишка, сорока щёкоцетъ, насъ на́ перъ зовётъ». Ну старикъ конишка возымаэ, дровнишка запрегаэтъ, поѣжжаэтъ. «А ты вотъ,—доче́ри наказываэтъ неродной-то, наказываэтъ,—ты вотъ возьми, штобы была печь въ друго́мъ углў перене́сена». Ну, оны уѣхали. Она сяцясь въ садъ скоцила, прутокъ отломила, пришла, похлыстала, похлыстала, пе́цъ въ другой ўгоў перешла́. Ну, взяла, въ садъ скочиlа снова и платье смѣниlа и такаа сдѣлалась красива, што просто... Вышlа въ чисто полё, крыкнуlа по звѣриному, свиснула по змiиному, конь бѣ-

жыть, земля дрожытъ, съ ноздрей искры летя, съ ушей чадъ ставаэ, со рта пламя маше, съ жопы головешки летя. «Карьке, бурьке, вѣщей соловке, стань передо мной, какъ лисъ передъ травой». Конь стоитъ, какъ скопаный. Сѣла на коня и поѣхала. Пріѣжжаэтъ, съ коня скоцила, коня привязала ко точёному стоўбу, золочёному кольцю. Пришла въ фатеру, Богу помолилась, на вси стороны поклонилась, выша всихъ и сѣла. Перъ тутъ ужъ, собраніе, людей много есь. Ну, а у этой у мачехи-то, дочьки повёрнуты собакамы. Оны по подлáвичьямъ косья́ оберають. Она мѣтила, мѣтила, косточькой шыбнула прямо въ глазъ этой дѣвки одноглазки. Ну, она и заходила старуха. «Старикъ, старикъ, возымай конишка, запрегай дровнишка, насъ обезчестили, у дѣвки глазъ выбили». Ну, старикъ возымаэ дровнишка, запрегаэ конишка, уѣхали. Ну сицясъ перъ росходитця. Ну, эта красавицля выходитъ, Богу помолилась, на вси стороны поклонилась, вышла, на коня сѣла и поѣхала. Видли сядуци, а не видли поѣдуци. Ну, пріѣхала домой, оперéдила ихъ матерь да отьця съ доцерямы, объѣхала кругомъ. Пріѣхала, коня спустила, въ садъ сходиla, рознадѣлась въ стару одёжу. Пришла на печьку и сѣла. Пріѣхали отець мать съ дочерямы, росхвастались: «Какъ севодни-то дивиця была, просто такая што...» Она и отвѣцяэ съ печьки: «Не я-ль хоть и былá?»—«Гди, тиби худому цёрту быть этакой!» Ну и на дру́гой день опеть: «Старикъ, старикъ, возымай конишка, запрегай дровнишка. сорóка щёкоце, насъ нá перъ зовё». Ну, старикъ дровнишка возымаэ, конишка запрегаэ, поѣжжяють, а этой дочьки-то наказывають: «Смотри: севодни поў штобы такой бѣлый быў, какъ кось сьяэтъ». Ну и съѣхали. Она осталась тутъ. Сицясъ въ садъ скоцила, выломила прутокъ, пришла въ фатеру, похлыстала, похлыстала; мóё, такой бѣлый стаў, што просто... Ну. она опеть въ садъ сходи́ла, со всимъ переправилась и лучше тáго, што вчерась былá красавиця. Вышла въ чисто полё, крыкнула по звириному, хлыснула по зміиному. Конь бѣжытъ, земля дрожытъ, съ ушей чядъ ставаэ, сó рта пламя мáша, съ ноздрей и́скры лéтя. «Карьке, бурьке, вѣщей соловке, стань передо мнóй, какъ лисъ передъ травóй». Конь стаў, какъ скопаный. Сѣла на коня́ и поѣхала. Пріѣхала. привезала коня ко точёному стоўбу, золочёному кольцю. Пришла въ фатеру, Богу помолилась, на вси стороны поклонилась. выша всихъ и сѣла. Перовали да были, а эты дочери-то спущены косьёвъ оберáть по подлáвечьямъ. Она мѣтила, мѣтила,

косточькой шы́бнула, у дѣвки глазъ вы́била. Ну, и старуха заходила: «Старикъ, старикъ, возымай кошишка, запрегай дровнишка, насъ обезчестили, дѣвки глазъ выбили». Ну, старикъ возымаэ конишка, запрегаэ въ дровнишка, поѣхали. Перъ на отходи, розъѣжжяютьця. Ну, опеть эта дивиця Богу помолилась, на вси стороны поклонилась, сѣла на коня и поѣхала. Видли сядучи, не видли поѣдучи. Пріѣхала, коня спустила въ чисто полё, въ садъ скоцила, тамъ перенадѣлась въ старую одёжу просто, пришла на печьку и сѣла. Потомъ пріѣхаў отець и мать съ дочеря́мы, и говорятъ: — Сеүодни она дивиця была́ такъ лучша тоүо, што вчерась, аще лу́чше». — «Не я-ль хоть и была́?» — «Гдѣ тиби, худому чёрту быть». — Ну ладно. Такъ и на третій день поѣжжяетъ опеть: — «Старикъ, старикъ, возымай конишка, запрегай дровнишка, соро́ка щёкоце, насъ на́ перъ зовётъ». Тутъ старикъ дровнишка возымаэ, конишка запрегаэтъ, поѣжжяють, а этой дочьки наказывають:—взяли жыто вмѣсто и рожь, съ рожью смѣшали и овёсъ—«розбери, штобы все было розобрано по ро́знымъ мѣстамъ». Ну, она сицясъ сходила въ садокъ, выломила прутокъ. Пришла, похлыстала, похлыстала, все розошлось по разнымъ мѣстамъ: рожь и овёсъ и жыто, всё розошлось. Сходила, скоцила въ садо́къ, переправилась по хорошему, ащé лучша. Пришла въ чисто полё, крыкнула по звириному, свиснула по зміиному, конь бѣжытъ, земля дрожытъ, съ ноздрей искры летя, съ ушей чадъ ставаэ, со рта пламя маше, съ жопы головешки летя. — «Карьке, бурьке, стань передо мной, какъ лисъ передъ травой».—Конь стоитъ, какъ скопаный, сѣла на коня и поѣхала. Пріѣхала, коня привезала ко точёному стоўбу, золочёному кольцю. Пришла въ фатеру Богу, помолилась на вси стороны поклонилась, сѣла выше всихъ за стоў. Ну, оны и перують тамъ. Та мѣтила, мѣтила, косточькой шы́бнула, у дѣвки глазъ выбила. Старуха опеть тамъ заходила: — «Старикъ, старикъ, возымай конишка, запрегай дровнишка, насъ обезчестили, у дѣвки глазъ выбили». Ну, старикъ поэжжаэтъ, запрегаэтъ, уѣхали. А эта невѣста красавиця жениху понравилась. Ну, поэжжатъ, садитця на коня, скоцила на столо́бъ, сѣла и поѣхала, башма́къ тутъ и остаўся, на стоўби. Ну, уѣхала. Сицясъ приѣхала, коня спустила, въ садъ сходила, розвадѣлась по старому, пришла и сѣла на печьку. Ну отець мать съ доцерямы и говорятъ: — «Сеүодни-то дивиця была́, такъ ащé лучше». — Она и говоритъ: —

«не я-ль хоть и была́?» — «Гди тиби, худому чёрту быть?» Черезъ мало время розыскыва тамъ невѣсъ по башмаку, этотъ башмакъ мѣряэ. Вишь, она не въ хорошой одёжи, такъ никому не ладитьця башмакъ, потомъ и стаў спрашывать: «Нѣтъ-ли у коγо самой нехорошей дивици на печи сидитъ или гдѣ нибидь, сюды́ достаньтя, отыщытя». Всё отвѣцяють: «нѣту». Потомъ проговорились, што «у насъ есь такая-то». Ну, и за ню принялись, прiѣхали за ёй даже, взять нужно; взяли, повезли. Ну, и садъ слѣдъ пошоў. Ну, сицясъ эта мачеха ю перемѣнитъ, посадила свою дочьку, а эту выняла вонъ съ са́ней, выдернула, свою дочьку посадила въ сани. Ну, поѣхали, садъ не пошоў. Осмотрѣли, што садъ не пошоў, ажно невѣста не та́я. Ну, потомъ взяли, выняли эту съ саней, котору слѣдуатъ, ту́ю взяли, а другу́ю по́дъ мосъ спустили. Ну, и уѣхали, увезли. Стали жыть да быть. Беремянна сдѣлалась, сына принесла́. Ну, и мачеха эта на роди́ны пришла, посмотрѣть дочьки. Она полагаэтъ, што своя́ родноа дочка, такъ пришла ёй посмотрѣть. Ну, и тамъ ходили γъ байну мытьця. Ну, она вну́ка мыла, бабка-то мачеха ёйна. Ту́дака всё, кажетця, больша и не знаю.

130.

Обжора.

Записана въ Яндомозерѣ, отъ старушки.

Быў да жыў мужыкъ да баба, у јихъ не́ было дитей никоγо. Ну, старуха-то и говоритъ: «Старикъ, сдѣлай съ глины паренька́». Ну, ёны сдѣлали, ёнъ съѣў вси хлѣбы у јихъ, больше јись нечеγо. Ну, съѣлъ дѣдка съ клюшкой и бабку съ пряўкой. Ну, и побѣжаў на погосъ. Попадаэтця ёму попъ стрѣту (священникъ хоть, какъ хошь назови), и онъ съѣў попа съ скуфьёй и попадью съ квашнёй. Ну, да опеть побѣжаў. Попадаютця ёму гра́бленники съ грабля́мы, ёнъ и говоритъ: «Грабленники, я васъ съѣмъ». Оны говорятъ: «Што ты шальнёй, не ѣшь».— «Нѣтъ, съѣмъ», скаже. Ну, да съѣў, опеть побѣжаў. Попадаютця ёму сѣнокосьци съ коса́мы. Ёнъ говоритъ: «Сѣнокосьци, я васъ съѣмъ». Оны говорятъ: «Што ты, шальнёй, не ѣшь».—«Нѣтъ,

съѣмъ», скаже. Ну, да съѣў, опе́ть побѣжаў. Попадаэтця ёму быкъ стрѣту. «Быкъ, говоритъ, я тебя съѣмъ». И говоритъ: «Нѣтъ, ты, шальнёй, не ѣшь». — Онъ съѣў да опеть побѣжаў. Попадаэтця ёму боранъ стрѣту. «Боранъ, я тебя съѣмъ!» — «Што ты, шальнёй, Ивашке, не ѣшь». — «Нѣтъ, съѣмъ», говоритъ. — «Ну, стань же ты подъ го́ру, а я на го́ру, — боранъ говоритъ, — и отвори ротъ шыбце». — Боранъ говоритъ: «Я какъ побѣжу, такъ тиби прямо въ ротъ заскочу». — Боранъ какъ бѣжаў, бѣжаў съ го́ры, да ёму какъ рогамы въ брюхо дунуў, у ёго брюшына-то и лопнула, у этого парня. Ну, оттуль вышли: бабка съ пряўкой, дѣдке съ клюшкой и попъ съ скуфьёй и попадья съ квашнёй, грабленники съ граблямы, сѣнокосьци съ коса́мы и быкъ съ рогамы. Ну, боранъ всихъ збавиў. Сказка вся.

131.

Шутъ. Аф 2213 кр. „А“

Записана въ д. Яндомозерѣ, отъ старушки.

До́сюль сыстари вѣка быў шутъ, шутова сестра́; шутъ гди ни ходиў, а всё шутоцьки шутиў. Сусѣдъ биў скотину, а шутъ взяў у скотины пузыри и наточиў крови коровьей. Ну взяў сестры подъ па́зухи и поло́жыў, самъ го́воритъ: «Сестра, какъ будутъ гости, я́ тиби говорю́, што, сестра, сбера́й на сто́ў, ты скажи: «не ста́ну», я тебя ножика́мъ подъ пазухи ты́кну, ты пади́, а плетью сви́сну, ты скоци, ну и на стоў сбера́ть поди». Ну, и приходя гости. «Сестра, ста́вь стоў». — «Не стану». Онъ взяў, ножика́мъ подъ па́зухи тыкнуў, она и па́ла; плетью свиснуў, она и скоцила. Ну, это было́ у ёго́ гостей два брата. «Што, шутъ, продай плеть!» — «Да купитя, братьци». — «Што возьмешь за плеть?» — «Сто рублей». — Оны и взяли. А онъ говоритъ: «Конь золотомъ сере». Онъ коня-то по́дняў на сарай и напехаў коню-то въ жо́пу золота. «Братци, у меня видь конь золотомъ се́ря, подитя, посмотритя». Оны приходя, оподлинно. «Шутъ, продай коня́. Што за коня?» — «Давайтя по сту рублей». Оны коня и купили. И пріѣжжаютъ домой, коня́ поднели на сарай, насыпали пшены бѣлояровой. Ну, по́дослали подъ жо́пу платоцьки шо́у-

ковы, и конь ѣў, ѣу, говно́мъ и насраў, а не золотомъ. Выходя на сарай, посмотрѣли, конь не золотомъ насраў. Братъ брату и говоритъ: «Братъ, шутъ насъ омманиў, конь у насъ говномъ насраў, шоўковы-то платки наши замараў». Ну, опосля́ этоγо старшый братъ взяў эту плеть къ сиби, такъ старшый говоритъ жены: «Жена, какъ буду гости, я тиби скажу: «жена, ста́вь стоў», ты скажи: «не стану», ножика́мъ подъ пазухи тыкну, ты пади, плетью свисну, ты скочи». Ну, и приходя гости; онъ и говоритъ: «Жена, ставь стоў». Она говоритъ: «не ста́ну»; ножикамъ подъ пазухи тыкнуў, она и пала, плетью дуў, дуў—баба не вставаа. Ну и другой братъ приходи, тамъ гости явились, за плетью. «Братъ, што у тебя́?» «А што у ёγо, то и у меня́». Ну, онъ плеть взяў къ сиби. Приходи къ жены говоритъ: «Я скажу: жена, ставь стоў, ты скажы «не ста́ну», я ножикамъ подъ па́зухи тыкну, ты пади́, плетью свисну, ты скоци́». Ну и приходи при гостяхъ и говоритъ: «Жена, ставь стоў».—«Не стану». Ножыкамы взяў, подъ пазухи и тыкнуў, она и па́ла. Почаў плетью дуть; дуў, дуў, она и не вставаэтъ. Вотъ бѣда, бабу зарѣзаў. Ну, и приходи къ брату: «Братъ, я бѣду сдѣлаў».—«Какую бѣду?»—«Бабу зарѣзаў».—«Я тоже».—«Пойдёмъ мы шу́та куды-нибудь складёмъ, не простимъ, онъ насъ два разъ оммануў». Приходя къ шуту: «Шутъ, ты насъ омманиў, у насъ конь говномъ се́ре».—«Вы видь видли, братци, што конь у меня—золотомъ». — «Да мы и по бабы зарѣзали». Взяли, шута въ мѣшокъ и клали на дровёнки, взяли пѣшню (пролуба надо вы́пѣшать, лёдъ-то колоть надо), вы́пѣшали про́лубу, шута надо пихать въ воду, пихать јимъ нечимъ. Пошли пихаўка рубить, а шутъ сидитъ у пролуби въ мѣшку́ и го́воритъ: «Бомъ, бомъ, бомъ, меня старостой ставя, а я и судовъ судить не знаю». Ѣде баринъ мимо, тройка ко́ній и корета золочоная, вы́скоциў съ кореты баринъ и говоритъ: «Я судовъ судить знаю». А шутъ ёму и говоритъ: «Садись-же въ мѣшокъ». Баринъ въ мѣшокъ и сѣў, а шутъ сѣў на ко́ній и поѣхаў домой. Пріѣхаў домой, запихаў коній на дворъ (немудро дворишко видно было, такъ...) и выстаў на́ пецъ, а эты братья взяли этоγо барина и спихали въ воду. И пошли оттуда: «Пойдёмъ шутовой сестры побахвалимъ». И приходя къ сестры, и — «Шутова сестра, дома-ль шутъ?»—«Дома!».—«Гди онъ есь?»—«На печи лежытъ». Приходя къ пецьки: «Шутъ, што ты тутъ?«—«Тутъ». — «Какъ ты вышеў?»—«А я сказаў, што бомъ, бомъ, бомъ, меня ста-

[illegible] ... въ [illegible]. [illegible] ... [illegible] ... дитя. [illegible] ... [illegible] ... [illegible] и [illegible] ... [illegible] ... Онъ [illegible] ... [illegible] да и [illegible] при- ... [illegible] ... въ [illegible]. ... да туды и [illegible]. Такъ и [illegible] ... [illegible].

132.

Семеро изъ бочки.

[illegible]

[illegible] жила она [illegible] съ мужемъ, жили [illegible] ... Какъ-то мужа журила и бранила. [illegible] ... ржи коробацьку. Ну, и при- [illegible] ... говорить: «Ну, куды съ рожью [illegible] ... на муку». Такъ потомъ онъ [illegible] ... коробацьку смолоу, оттуль пошоу да понёсъ въ [illegible] ... сиверъ, да муку-то и рознесло. Ну, [illegible] ... домой; ну, жена мужа бьётъ не бьётъ и [illegible] ... такъ и не побила, оставила. Онъ за- [illegible] ... подъ синерикъ. Шоу, шоу тамъ, далёко-ль, [illegible] ... Онъ въ эту избушку и зашоу. Си- [illegible] ... старуха: «Кудá ты, добрый целовѣкъ, по- [illegible]?» — «А, старушка, пошоу я, — ходиу на мельницю, была ко- [illegible] ... на мучьку, а съ мельници пошоу, [illegible] ... у меня мукý, пришоу къ [illegible] ... не бьётъ». Она и говоритъ: «На [illegible] ... бочецьку и придёшъ домой, и кладú на [illegible] ... бранить, ну и стане бранить, [illegible] ... да скажы: сéмеро изъ бóцьки. [illegible] ... Ну... онъ взяу эту бочецьку и пошоу до- [illegible] ... [illegible] ... бочецьку на серёдку мосту. [illegible] ... «Семеро изъ бочьки, бейте мою жону, што [illegible] ... да [illegible] ... да и получила [illegible] ... [illegible] ... [illegible] сказывать да [illegible].

133.

Арф. 16

Колобокъ.

Записана въ Великой Губѣ отъ старушки.

Жыў быў старикъ со старухой. Ну замѣсила колубокъ испекла́, клала на окошецько студи́тьця. Колубо́къ стынуў, стынуў, укатиўся. Идётъ заецъ. «Куды, колубокъ, покатиўся?» —«Я колубокъ на сметанки мѣшонъ, проти́въ пецьки печёнъ, на окошецьки стужонъ; я отъ дѣда ушоў, я отъ бабы ушоў и отъ тебя, заець, уйду».— Покатиўся колубокъ. Идётъ воўкъ: «Куды колубокъ покатиўся?» —«Я колубокъ на сметанки мѣшонъ; противъ пецьки печёнъ, на окошецьки стужонъ; я отъ дѣда ушоў, я отъ бабы ушоў, я отъ зайця ушоў и отъ тебя́ уйду, воўка».— Ну попадаатъ ли́са на стрѣту. «Куды колубокъ покатиўся?»—«Я колубокъ, на сметанки мѣшонъ, противъ пецьки печёнъ, на окошецьки стужонъ; я отъ дѣда ушоў, я отъ бабы ушоў, я отъ зайця ушоў, я отъ воўка ушоў и отъ тебя́, лиса, уйду». —«Не́ уходи, сядь ко́ мни на ушко, спой пѣсенку». Ну, колубокъ и запѣў опеть. —«Я колубокъ на сметанки мѣшонъ, противъ пецьки печёнъ, на окошецьки стужонъ; я отъ дѣда ушоў, я отъ бабы ушоў, я отъ зайця ушоў, я отъ воўка ушоў, отъ тебя́, лиса, уйду». —«Не уходи, сядь ко мни на язы́чёкъ». Ну, колубоцекъ сѣў на языцёкъ. Ну, и запѣў опеть: «Я колубокъ на сметанки мѣшонъ, противъ пецьки печёнъ и т. д. отъ тебя́, лиса, уйду». Ну ли́са сха́мнула еγо.

134.

Пантелей.

Записана тамъ же, отъ той же.

Пинтилей валы́глазъ (а повидай, што значитъ), ну, онъ жыў, вдво́эмъ оны жыли съ матерью. Скаже: «Мати, я пойду въ лѣсъ дровъ рўбить» (онъ такъ матерь зовётъ). И пошоў; шоў, шоў, дошоў до́ гумна, тамъ мўжыкъ молотиў, такъ о́винъ циститъ. Онъ говоритъ, што «Богъ помочь! Дай тиби γосподи

напёрскамы мѣрить, малёнкамы дамой носить». Мужыкъ вышеў за ворота, да я̆γо биў, биў, биў, ну онъ дамой пошоў со слезамы къ матери. «Мати! скаже, мене били». — «За што тебе били?» — «А я пришеў въ гумно, мужикъ овинъ циститъ, сказаў: «Дай тиби γосподи напёрскамы мѣрить, а малёнкамы домой носить». — «Ой ты шальній, ты сказау бы: «Дай тиби γосподи малёнкамы мѣрить, а мѣшкамы домой носить». — «А, мати, я же и пойду». Снова въ лѣсъ, вишь, походитъ. Ну, да опеть и пошоу. Попадаэтця мужыкъ, ѣдетъ съ дровамы. Онъ мужыку говоритъ: «Дай тиби γосподи малёнкамы мѣрить, а мѣшкамы домой носить». Ну, мужыкъ опеть ёγо выбиў, ну, опеть и пошоу къ матери со слезамы. «Мати! мене били». — «За што тебе били?» — «А я сказаў мужыку, который съ дровамы ѣдя: «Дай тиби γосподи малёнкамы мѣрить, а мѣшкамы домой носить». — «Ой ты шальній, ты бы сказау: «дай тиби γосподи возамы возить, дома ккостромъ класъ». — «А мати, я жа пойду». Попадаэтця ему — покойника вязуть, онъ говоритъ, што «дай вамъ γосподи возамы возить, а дома костромъ класъ». Я̆γо опеть и выбили. Ёнъ и пошоу опеть къ матери со слезамы. Мать ёму говоритъ: «Ой ты шальній, ты бы сказаў: «Упокой, γосподи, помени, γосподи». Ёнъ и пошоў опеть. Попадаэтця ёму свадьба встрѣту. Онъ и рыцитъ: «Упокой, γосподи, помени, γосподи». Ну, я̆γо опеть и выбили. Онъ и пошоу къ матери со слезамы. Пришоу, скаже: «Мати, мене били». — «За што тебе били?» — «Я сказау, што упокой, γосподи, помени, γосподи». — «Ой ты шальній, ты бы рыцяу: «што князю молодому, кнеины молодой. Ну, ладно, не знаэшь говорить, такъ жыви дома» мать-то скаже. Ну, ночеваў дома, ночь проспаў, ўтромъ выстау, матери и говоритъ: «Мати, сходи, выпроси какую-нибидь лошадёнку, худая или хорошая, худая такъ...». Мать сходила и выпросила. «Мати, выпрось-ко мни какоэ-нибидь топорёнко». Ну, и отправила въ лѣсъ, поѣхаў за дровамы, и съѣхау въ лѣсъ. Ѣхау, ѣхаў, увидѣў деревину тоустую. На деревины сукъ тоустый, онъ и выстау на деревину, сѣу на сукъ, на которомъ суку сидитъ, тотъ и рубитъ. Ѣдя тоже мужыкъ по дороги, лежытъ на дровняхъ, ёму и говоритъ: «Ой ты шальній Ивашке, па которомъ суку сидишь, тотъ и рубишь. Рубишь, рубишь, да отрубишь, на зень и падешь съ сукомъ». Онъ отвѣцяэтъ: «Ну, натущаэшь [sic; наговоришь], што я паду, я достану тебе и у тебя голову и отсѣку». — Мужыкъ мима проѣхау, а онъ отрубиў, да на зень

съ су́комъ и паў, да скоцнў, ну, му́жыка до́гонить, а мужыкъ ля́жытъ на дровняхъ. Онъ до́гналъ и то́поромъ голову о́тсѣкъ. Ну, да кинуў на свои дровни, на дровни на́ свои кинуў, да повёзъ домой, не нужно и дро́ва. До́мой прiѣхаў, самъ го́воритъ: «Мати, я у сусѣда го́лову о́тсѣкъ». — «Ой ты шальнiй,—мать скаже,—а гди го́лова?» мать скаже. «Голову въ ы́збу и при́несъ. Мать взя́ла да сне́сла въ по́дпоў, на завалины кла́ла. Ну, а тамъ робята у сусѣда во́пятъ (по деревеньски, пусь ужъ: вопятъ), бѣгаютъ, вопятъ: «Хто буде у нашеγо батюшка голову о́тсѣкъ?» Онъ скаже: «Робята, робята, а я!» Робята побѣжали къ начальсву, взяли тамъ старосту да старшыну, да при́вели туды къ јимъ. «Ну, Ивашке, ска́жу, ты голову у сусѣда о́тсѣкъ?» Онъ говоритъ, што я, не отпераэтця, а у матери на тую пору прилажена свинья палёна. Нацяльсво то и говоритъ: «Поди же принеси́ голову». Ёнъ въ подпоў сбѣгаў да... у матери голова у́брана и на то мѣсто положена свинья палёная съ рогамы, а онъ за рога́-то хватиў въ подпо́льи да въ ызбу́ и несётъ. «Робята, робята, были-ли у вашеγо батюшка ро́жка?» Ну, староста да... видя, што тутъ дѣло... у матери сдѣлано, ёму и говорятъ. «Ты какъ инный разъ, што хошь сдѣлаашь, матери не сказывай, намъ сказывай». Ну, онъ и говоритъ:—«Ну, ладно».—Ну на инный день пошоў въ лѣсъ опеть. Попалось ёму тамъ зо́лота много, де́негъ. Онъ взяў, на́клау этоγо золота въ по́рки (въ порки, по-деревеньски, подштанники, по-хорошему сказать), въ ту́ю со́плю и другу́ю, но́ аща всё не вхо́дитъ. Ну, тамъ не знаю куды остатки маленько о́браў, кинуў на плецё да понёсъ домо́й. Пришоў, домой къ ступе́нямъ да и хря́стнуў о тя́тиву (боковыя стороны), и самъ побѣжаў къ начальсву, а по́рки у ступе́ней оставиў. При́бѣжаў. «Робята, я много денегъ на́шоў, по́йтя-тко скорѣя». Ну, онъ впе́реди бя́жытъ, оны вслѣдъ, а мать то́й пору слышала, што онъ о ступени хряснуў, или по́бѣжаў, деньги сбавила и вытрясла съ по́рковъ, а ту́ды накла́ла кирпицёвъ. Оны прибѣжали, а тамъ ужъ и де́негъ нѣту, а онъ прибѣжаў самъ и говоритъ (у ёγо рубаха да порки были скинуты): «Робята, робята, была два, стала три!» У ёй кирпицёвъ тутъ въ со́пли напихано, тутъ и рубаха лежала, да и въ рубаху напихала. Оны прибѣжали да ёму и говоря́тъ: «Ну, смотри всегда матери сказывай, а намъ больше не сказывай» (омманиў ихъ, такъ...). И больше нѣту.

———

135. лер 43.

Вошиная хата.

Записана тамъ же, отъ той же.

Въ одномъ городи тамъ вошь жылá въ своэй хати. Ну, пришла блоха попрядуха. «Хто въ сёмъ городи жывётъ, хто въ сёмъ Кіеви жывётъ?» Ну, она и отвѣчаатъ: «Жывётъ въ сёмъ гóроди, жывётъ въ сёмъ Кіеви вошь попоўзýха. Ты хто?» — «Я блоха попрядýха. Пуститя-ко меня». — «Подú». — Ну, сицясъ приходитъ клóпъ-краске (sic!). «Хтó въ сёмъ гóроди жывётъ, хто въ сёмъ Кіеви жывётъ?» — «Жывётъ въ сёмъ гóроди, жывётъ въ сёмъ Кіеви вошь попоўзуха, блохá попрядýха. Ты хто?» — «Клóпъ-краске. Пустпття ко менá». — «Поди!» — Ну, приходи муха барайдýнья. «Хто въ сёмъ гóроди жывётъ, хто въ сёмъ Кіеви жывётъ?» — «Вошь попоўзуха, блоха попрядýха, клóпъ-краске. Ты хто?» — «Муха барайдунья. Пустптя-ко менá». — «Поди». — Приходитъ мы́шь сѣрке. «Хто въ сёмъ городи жывётъ, хто въ сёмъ Кіеви жывётъ?» — «Вошь попоўзуха, блоха попрядухá, клóпъ-краске, муха барайдунья. Ты хто?» — «Мышь сѣрке. Пустптя-ко меня». — «Подú!» — Приходитъ заэцъ криволапый. «Хто въ сёмъ гóроди жывётъ, хто въ сёмъ Кіеви жывётъ?» — «Вошь попоўзýха, блоха попрядухá, клóпъ-краске, муха барайдунья, мышь сѣрке. Ты хто?» — «Заэцъ криволапый. Пустптя-ко менá». — «Поди!» — Приходи съ пóдъ куста шыпýнъ [змѣй], зá ноги типунъ. «Хто въ сёмъ гóроди жывётъ, хто въ сёмъ Кіеви жывётъ?» — «Вошь попоузуха, блохá попрядуха, клóпъ-краске, муха барайдунья, мы́шь сѣрке, заэцъ криволапый. Ты хто?» — «Съ пóдъ куста шыпунъ, зá ноги типунъ. Пустптя-тко меня». — «Подú». — Приходитъ лиса лукава. «Хто въ сёмъ гóроди жывётъ, хто въ сёмъ Кіеви жывётъ?» — «Вошь попоўзýха, блоха попрядýха, муха барайдунья, клóпъ-краске, мы́шь сѣрке, заэцъ криволапый, съ пóдъ куста шыпунъ, за ноги типунъ. Ты хто?» — «Лиса лукава. Пустптя-тко менá». — «Подú». — Приходи воўкъ сѣрке. «Хто въ сёмъ гóроди жывётъ, хто въ сёмъ Кіеви жывётъ?» — «Вошь попоўзуха, блоха попрядýха, муха барайдунья, клóпъ-краске, мы́шь сѣрке, заэцъ криволапый, съ пóдъ куста шыпунъ, за ноги типунъ, лиса лукава. Ты хто?» — «Воўкъ сѣрке. Пустптя-ко меня!» — «Поди». — Приходитъ медвѣдь. «Хто въ сёмъ гóроди жывётъ, хто въ сёмъ

Кіеви жывётъ?» — «Вошь попоўзуха, блоха попрядуха, клопъкраске, муха барайдунья, мышь сѣрке, заэць криволапый, съ подъ куста шыпунъ, за ноги типунъ, лиса лукава, воўкъ сѣрке. Ты хто?—«Я капишъ, лапишъ [потому тяжолъ, самъ себя величаатъ], всимъ погнётышъ. Пуститя-ко меня». Онъ какъ зашоў туды, да всихъ задавиў тамъ.

И больше сказки нѣтъ.

---

136. Адр. 174–175

Илья Муромецъ.

Записана въ деревнѣ Пургѣ Петрозаводскаго уѣзда, отъ старика Митрофана Иванова.

Вотъ, говори въ городи Муромли бывало, въ сели въ Карачаэвѣ. Жыў быў, говори, кресьянинъ Иванъ Тимоѳіевицъ. Не было у нёɣо никакоɣо отплодья. Стаў Господа просить: «Дай мни дитище съ молодыхъ лѣтъ на потѣху, съ поўвѣка на перемѣну, а на стары лѣта по смерти на поминъ души». Однакоже Гасподь, услышывъ еɣо молитву, даў Господь ему дѣтище, по имени назвали еɣо Ильёй, даў Богъ ему дитище на большіи слёзы, то ноɣъ у неɣо небыло, трицять лѣтъ Илья Муромечь высидѣў безъ ногъ въ фатеры. Родители сойду на трудну роботу, оставятъ ему пищу денную, до отца матери пищы онъ не воскушаэтъ, а отдасъ нищей бѣдной братьи. Однакоже говоритъ: «Нищая братья, просите Господа Бога, штобы ноги мни Господь даў». И самъ Господа проситъ сильне, усерно: «Дай ты мни ноги и здоровіе», говоря. И минуэтця ему 30 лѣтъ, говоря и Господь смилосердоваўся, пошлётъ свѣтобразноɣо юноша аньгела. Подойде этотъ юноша къ Ильи, говорй: «Ильё, говори, создай ты мни по чину милостину, есь ли у тебя, говоря. Я, говоря, отъ многихъ людей слыхаў, говори, што ты милосливъ быў, самъ хлѣба не воскушаэшь, котору денну пищу родители оставя, всю ради имени Господня отдаваэшь», говоря. Однакоже Господь, переглядѣвъ, пошлётъ этоɣо аньгела и попроситъ онъ: «У меня дать нечеɣо, а я самъ жадный напитьця студёный воды, какъ у меня дать нечеɣо, не почерьпнешь-ли ты въ сту-

де́номъ колодци?»— Однакоже юноша свѣтобразный почерьпне студе́ной во́ды и поднесётъ Ильи. Илья это чару приняў, говоря́, и всю выпіў до́ духу. И однакоже спроситъ свѣтобразный юнышъ, што «чювьсвуэшь ли въ сиби. Ильё, што ни?» — «Я чувьсвую въ сиби то, говори, што стали у меня ноги и здравъ сдѣлаўся. Юноше, дай мнѣ другую чару заразъ выпить».— Ну, однакоже онъ поднёсъ другу чару ёму. Илья Муромець взяў, другу́ю выпиў. «Ильё, што чювьсвуэшь въ сиби?» говоря. —«Типеричу я чувьсвую то, што, если-бы въ краю земли было кольцё, я бы проворотиў землю кра́емъ»,— говоря. Терявши же юношъ, говоря, отъ нёγо. Скочивъ же онъ теперь ногу и побѣжывъ онъ на тру́дну роботу, гди отець мать трудятьця. Отець мать по край рѣки чистятъ пожню, говоритъ, ну, и онъ пришоў. Отець мать сили хлѣба воскушать, а онъ на то время трудитьця стаў, роботать, котороэ дерево тяпнетъ рукамы, вырветъ съ кореньямы, въ рѣку́ и броситъ. Однакоже подойдётъ къ отцю къ матери. Отець мать говоритъ: «Есь ты, дитё, не кресьянинъ ты намъ». —«Отець, онъ и говоритъ, дайте мни прощеніе и благословленіе ѣхать во Кіевъ градъ Господу Богу помолитьця, говоря, а стальнокіевьскому князю появитьця».— Однакоже родители ёму и говорятъ: «Дитё наше, поѣдешь ты во Кіевъ градъ, говоря, ни проливай крови понапрасну, говоря, постой, говори, за Божьи́ церьквы́ и за златы́ кресты, говори, и за вѣру хрисіяньскую постой и голову положы». Идётъ Илья въ свой домъ, говори. Однакоже даў Богъ ёму коня́, говоря́, изъ ту́чи или изъ чёγо (скреснуў ко́ня про́тивъ ёγо, говоря). Однакоже сдѣлаў орудіё сиби, говоря, ту́гой, говори́, лу́къ и стрѣлоцекъ калёныхъ надѣлаў, говоря. Однакоже Илья Муромець сѣў на доброγо коня́, говоря́, и отправляэтця во Кіевъ градъ, говори́, подъѣде къ городу къ Муромлю, на пути́ стоитъ серёдъ доро́ги камень, ударивъ конь копытомъ, покипи́тъ съ этоγо каменя ключь воды студе́ной. Однакоже говорятъ ёму въ городи Муромли: «Илья Муромець, говоря, не поѣжжай ты прямой дорогой во Кіевъ градъ, а поѣжжай акольныма дорогама. На пути́, говори́, 30 лѣтъ какъ дорога закощона въ Кіевъ градъ; однакоже теперь на о́рги большой стоитъ тридеветь розбойниковъ, не пропущаютъ ни конноγо и не пѣшноγо, говоря, и придаваютъ всё къ злой смерти». Однакоже и говоритъ Илья Муромець: «Меня Господь на то и послаў, штобы прямой дорогой ѣхать, дорогу оцистить».— Подъѣхаў же онъ къ эхтымъ

розбойникамъ, видятъ розбойники, што ѣдетъ юношъ бладый, а конь подъ нимъ, какъ лёвъ звѣрь, идётъ сердитый, однако они собрались тоуиой, говоря, и думаютъ: «Мы юноша не убьёмъ. говоря, а коня только отоймёмъ». Ильи Муромьцю этотъ совѣтъ ихъ не показауся, натянетъ тугой лукъ и накладётъ стрѣлочьку калёную и спуститъ въ эфтыхъ розбойниковъ. «Ты лети, лети, стрѣла калёная моя, куды лѣтишъ приберай лѣсъ кореньямы, говоря, проворачивай къ верьху». Однако устрашывъ эты розбойники вси пали на колѣнка. «Ахъ, вытезь боγатый, скажы, какъ тебя по имени, по отечесьву зовуть?» Оны говорятъ ёму, што, «ты бери у насъ злата и серебра и скачноγо жемчюгу, говори, и подаримъ самоцвѣтнымъ каменемъ мы тебя; это тиби было, бери въ нашемъ табуни лошадиномъ по разуму сиби жеребьця!» Однакоже онъ говоритъ: «Мни ваше не нужно ништо, у васъ, говори, головы убиты, кровъ пролита, имѣнье кончено у васъ. А вы розойдитесь по домамъ къ своимъ женамъ, говоря, есьли вы не розойдетесь, то я наоборотъ пріѣду съ Кіева граду на сіё мѣсто, есьли вы будете тутъ, хвачу одноγо за ноги и однимъ всихъ убью».—Однакоже оны ёму заповѣдь даваютъ большую. «Илья Муромець, говоря, не поѣжжай-ко дорогой прямой во Кіевъ градъ, не поѣжжай къ граду Черьнигову, подъ градомъ Черьниговомъ стоитъ войсько бусурманьскоэ три году. Князь бусурманьскій похваляэтця такой ричью: «На князи, говори, черьниговьскомъ буду пахать, говоря, на княгины буду слѣдъ бороновать», говоря. Ну, а онъ на мѣсто говори: «Вы не учите гоголя на воды плавучи, а меня храброγо боγатыря съ татарамы біюцн».—И подъѣхау же Илья Муромець подъ Черьниговъ градъ, и стоитъ войсько бусурманьскоэ въ поли, говоря. «Однако, говори, теперичу въ Черьниговъ градъ онъ не поѣхау, гляйтъ, што Черьниговъ градъ стоитъ въ великомъ пляну говори, ворота заперты вси, говоря, мосты, говори, подняты и ворота пескомъ засыпаны, говори. Илья Муромечь однакоже розгорячивъ своэ серьце и поѣхау по войську бусурьманскому. Илья Муромець и зачалъ войсько побивать: куды ѣдетъ, туды улиця падётъ силы, куды перевернетця, туды переулокъ падатъ, говори. И однако перебиу войсько всё, захватитъ князя бусурманьскоγо живью въ руки. Однакоже возьметъ съ еγо запись, штобы больше не попущать на Черниговъ градъ изъ роду въ родъ, не то внуцятамъ, но и правнуцятамъ моимъ не подумать. И однакоже ѣдетъ онъ теперь въ Черь-

ниговъ градъ Илья Муромець; теперича князь черьнигоській смотритъ, што какоүо боүатыря послаў мни славноүо оберегать Черьниговъ градъ. Илья Муромець подъѣдегъ къ гра́дскимъ воротáмъ, говори. Князь черьнигоській приказаў ворота́ отворить и вышеў съ кнегиной своей посереди двора́, говори́. «Какой ты юношъ, говоря, какой орды́, какой земли́, и какоүо отця-матери сынъ, говоря́, и какъ по и́мени зовуть?» — «Го́рода я Муромля, говоря́, села́ Карача́рова, а сынъ, говори, Ивана Тимоѳеева, а по имени зовуть меня Ильюшкой меня», говорй.—Брали еүо за́ руки, провели въ свою бѣлокаменну полату и кормятъ, поятъ еүо ѣствамы сахарьнима, пивомъ мядо́вымъ, говоря́. «Не я теперь быдь князь, а быдь теперь ты всему граду управитель и оберегатель, говори, и какъ знаэшь, такъ теперь управляй градомъ нашымъ». Илья Муромець говоритъ: «Я вамъ не управитель этто и не оберегатель, и не нужно мни ваше злато, ни серебро́, ништо, говори́, этто, а какъ ты, говоря́, стояў княземъ, такъ ты и стой въ своёмъ Церьнигови гради. Есьли гди напась буде, такъ прознавай меня, я оберегу градъ. Однакоже я поѣду въ Кіевъ градъ теперичу».—«Ильё Муромець, не поѣжжай теперь въ Кіевъ градъ прямой дорогой, закащона дорога, на грязи́, говори́, топу́чей, на рѣки́ на Смородины, говоря, на трёхъ дубахъ, говоря́, на двѣнацяти розсо́хахъ, говоря, у Соловья розбойника свито гнѣздо, говоря, сидитъ на гнизди, говори, свищетъ свистомъ розбойницькимъ, за трицять вёрсъ не допущатъ никакоүо боүатыря́». Однакоже Ильё Муромець говори́ на это мѣсто: «Ѣхать мни нужно». — Илья Муромець и подъѣжжаэтъ чистымъ по́лёмъ по ближности. Соловей розбойникъ слышытъ сиби бѣду необходимую, што близко боүотырь ѣде, говоря, засвищетъ въ поу́ный свисъ, говори, въ розбойницькой, у Ильи Муромьця, говори́, съ эстоүо свиста, говори, конь на колѣнка паў подъ јимъ. «Ахъ же ты, воу́чья сыть, кровянной мѣшокъ, неужто ты храбрѣе меня слышышь на гнизди?» говори́, ударитъ коня по крутымъ ребра́мъ, и такъ конь розсердѣу́ся, што стаў отъ земли отдѣлятьця, подъ гнѣздо подъ серёдъ подтащиў е́үо́, Илью Муромьця. Илья Муромець сынъ Ивановичь, говори́, натянетъ ту́гой лукъ, говори́, накладётъ стрѣлу калёную и спуститъ въ эфто гнѣздо, говори́, попадётъ Соловью розбойнику въ правый глазъ стрѣла калёная и вышыбетъ еүо съ гнѣзда на зе́млю. Паў, говоритъ, розбойникъ изъ гнѣзда, какъ быдто овсяный снопъ, паў на землю изъ зоро́да, такъ и онъ бякнуу

на зе́млю. Однакоже Илья Муромець взяў еϒо къ стремяны́ и привезаў. «Въ чистомъ поли, говори́, въ зелёномъ луги, моя полата бѣлокаменна стоитъ Соловья розбойника», и зачаў еϒо просить въ свою полату. Илья Муромець не боитьця, ѣдетъ въ еϒо полату бѣлокаменну. Однакоже у еϒо большая дочь, говори́, была́ богатырьша, выскочитъ на ворота́, говоритъ, подниметъ жалѣзную подворо́тню. «Однако, какъ этотъ молодець, говори, сровняэтця подъ ворота́, и спущу́ жалѣзну подворотню, да убью». Однако Илья Муромець преждя времени увидѣў ю поганую воро́ну надъ ворота́мы, натянетъ ту́гой лукъ, накладётъ стрѣлу калёную и спуститъ въ эфту богатырьшу, говоря́, попадётъ ей по животу́ и ростащыло ю отъ стрѣлы на обы́и сто́роны. Однако въѣхаў въ јихъ домъ, говори́, Илья Муромець и говоритъ своjимъ дочеря́мъ: «Не дразнитя боϒатыря, говоря́, ужъ какъ я не могъ устоять, такъ ужъ вамъ и моимъ зятевьямъ никому не устоять, не троньтья еϒо, просите лучше чесью, штобы меня оставиў Соловья розбойника. Подчивайте еϒо тымъ и иннымъ, златомъ и серебро́мъ, не окинетьця ли на што-нибудь такоё, на богачесьво, и не оставитъ ли старика при до́ми при своёмъ», говоря́. Илья Муромець не окинуўся на ихне чещеніе, што оны дарили всимъ, пошоў, говори, да и старика повёў и нихто отнять не може, говори. Однако вышеў и вывеў еϒо и привязаў къ стремяны́ и поѣхаў во Кіевъ градъ. Пріѣхаў же во Кіевъ градъ, прямо къ князю стальнокіевьскому во дворъ, закрычи́въ громкимъ голосомъ: «Стальнокіевьской князь, надо-ли тиби доброϒо молодця́ во служеніе, доброϒо коня изjиздить, красны штаны́ износить, а тиби вѣрой правдой послужыть?» Однакоже посылаэтъ онъ оттуль, говори́, боϒотыря, говори, по имени Олёша Поповиць. Однакоже и приводитъ ёϒо Илью Муромьцю въ полаты бѣлокаменны, говори́. Илья Муромець кре́стъ несё по писа́ному, поклонъ по учо́ному, говори́, и кланяэтця кнезь и кнегины и спрашиватъ кнезь Владимиръ еϒо: «Какой ты орды и земли? говоря́, и какоϒо роду-племени, говори, и какоϒо отця матери сынъ?» говоря́, спрашиватъ. На мѣсто отвѣчаэтъ ёму: «Го́роду Муромля, села Корочаэва, а сынъ, говори, Ивана Тимоѳеева, а по и́мени зовуть меня Ильюшкой. Пріѣхаў я во Кіевъ градъ, говори, Господу Богу помолитця, говори, постоять за Божьи́ церькви́ и за златы́ кресты, за вѣру отечесьво».— «Какимъ же ты путёмъ ѣхаў изъ Муромля и давно ли выѣхаў? какимъ числомъ?» Онъ отвѣчаэ ёму, што «въ

скоромъ времени я проѣхаў прямой дорогой».— «Да, говорй, дороги были закащоны вси, какъ же ты могъ проѣхать въ скоромъ времени?» —«Очищены теперь вси путй у меня, сдѣлана путь прямая; пущи всихъ быў на зáстави Соловей розбойникъ на трёхъ дубáхъ, на 12 розсохахъ, не пропущау никоγо, ни пѣшноγо, ни конноγо. Такъ, стальнокіевьской князь, мой конь на дворй и Соловей розбойникъ на стремянй».— И говоря теперь князь стальнокіевьской: «Илья Муромець, приведи ёγо теперь въ полату бѣлокаменну». Ну, Илья Муромець еγо и привёў, поставиў еγо въ полаты возли себя. «Однакоже, говори, Илья Муромець, прикажы еγо посвистать въ поусвисту, любопытно намъ послýхать розбойничьеγо свисту. Однакоже Илья Муромець и приказываэтъ Соловью розбойнику, говоря: «Соловей розбойникъ, въ поўсвисту посвищи», говоря. Однако, говорй, князя подъ правую пáзуху браў, кнегину подъ лѣвую. «А прочи, вы боγотыри, которы малосилы, боγотыри, выйте изъ полаты въ сини, а Микита Добрыничь, стой возли меня». И приказыватъ Соловью розбойнику: «Засвищы ты поўсвисту», говорй; а у розбойника своя умусель: «Есьли какъ я въ поўный свисъ засвищу, такъ Илью убью и вси убиты будутъ и будетъ воля мой». Однако, говоритъ, какъ засвистау въ поўный свисъ, прочи боγотыри пали на землю отъ свисту полумертвй, князя да кнегину заглушыло отъ свисту подъ шубой, подъ пазухама, однако Илья Муромець розгорячивши хватитъ мячъ-кладенечь, хвативъ да отрубивъ ёму голову, да на улицю и бросиў. «Собаки собачья и чесь», говоритъ. Ну, и однако оны и стали почесный пиръ водить и јисъ и пить стали и прочи боγотыри вси. Однако, оны веселились да пили, назвалйсъ оны съ Добрыней братьямы крестовыма, побратались, однако оны погостили и роздумали, што, братья роднія, појидемъ въ чистоэ поле». Ѣздили да были оны, однако, въѣхали въ подсоўнышьно царьсво, тамъ дивичя. Илья Муромець, какъ пріѣхау да и роспоселиўся жыть тутъ съ Микитой Добрыницемъ, однако, пожыли малоэ время аль доўгоэ, тоγо не могу знать,— ѣхать теперича Микита Добрыниць стаў еγо въ Кіевъ градъ звать; однакоже, говоритъ, дивися, съ которой онъ жыў, тутъ ёму говоритъ: «Ты какъ со мной жыў, такъ я сдѣлалась въ поноси отъ тебя, ты какъ теперича уѣдёшь?» говорй. Такъ Илья Муромець вынў перьсень имянной свой, подасъ ей въ руки и говоритъ: «Сына принесёшь, такъ нá руки надѣть, есьли

онъ захочетъ, выростетъ въ поўный возросъ, захочетъ въ Рассею съѣздить, захочетьця ӗму отця своγо поискать, по перьсни я ӗγо узнаю тамъ по своӗмъ имяннóмъ». И отправились оны теперичу отъ дивичи прочь во Кіевъ градъ. Идуть путёмъ, ѣдуть путёмъ дорогой Микита Добрыниць и Илья Муромечь; наѣхали оны на калику прохожоγо. Однако, калика идӗтъ прохожой, день идӗтъ по соўнышку, а ночь по самоцвѣтному каменю, и зачали Илья Муромець и Микита Добрыниць на калику напущать, говорй. Какъ наѣдетъ на ӗγо, онъ свой костыль топнуў въ землю, а костыль въ девяносто пудъ по локоть ушоў въ землю. Захватитъ коня́ тоγо въ руку, дру́гоγо въ другу́ю, обы́хъ и постановиў и говоритъ: «Ахъ ты братъ мой, Илья Муромець, напущаэшь на калику прохожоγо, говори, ты не помнишь штоли, какъ мы въ одномъ уцилищи уцились, въ одну цернильницю перьямы мака́ли? Вы не знаэте, есь незгода большая во Кіеви гради у князя стальнокіевьскоγо, у князя въ полаты, поѣжжайтя туды́». Пріѣхаў изъ Литоськой земли, говорй, удолище пога́ноэ (хошь боγотырь), ѣсъ по не́тели я́ловичьи къ вытн, а пьётъ по котлу по пи́вному, 12 боγотырей на носиўкахъ принёсутъ ёму и захватитъ за́ уши и выпьӗтъ до́ духу. Илья Муромець и γоворитъ: «Ахъ братъ Иванъ, дай мни свою одёжу нищецькую, я пойду въ нищей одӗжи, говорй, шля́па петдесять пу́до́въ, костыль девяносто пудъ, а гу́ня сорокъ пудовъ».—«Ты, говоритъ, одёжу у меня возьмӗшь да и бокъ намнёшь». Илья Муромець и отправиўся во Кіевъ градъ, прибѣжывъ на княженецькой дворъ и закрычивъ громкимъ голосомъ: «Стальнокіевьской князь, ты мнѣ милостину дай». Однакоже, теперичу удолищо говоритъ: «Што у васъ за калйки попущены, отъ голосу стёкла посыпались въ о́кнахъ, позвать сюды́ калику,» говоритъ. А калика, говоритъ, серьце еγо какъ розгорячилось, въ яромъ мути бѣжытъ по ступенкамъ, ступӗнки подрагиваютъ и прибѣжывъ въ полату, кресъ по писаному, поклонъ по учоному—калика князю, княгины, говори: «Многолѣтно здрасьвовать, говори, вперёдъ желаю здоровымъ быть, а тиби, удолище поганое, чоломъ не бью, ты зачимъ въ чюжой полаты сидишь?» говори.—«А што, калика прохожая, не знаэшьли гди Илья? Каковъ у васъ Илья, говорй, ко́рпусомъ?» — Калика на мѣсто говоритъ: «Удо̀лище поганоэ, гляди на меня, каковъ я, таковъ и Илья».—«Каково вашъ Илья выть умѣренну ѣсъ ли?» Калика говори: «Илья, говори, ѣсъ выть умиренну,

говори, съ людьмы нарядъ».—«А велику чару онъ пьётъ?»—говори.—«А чару пьётъ Илья въ пóутора ведра́, во вре́мё».—Однако бѣдный Илья есь; я, говори, вотъ, боγотырь, ѣмъ по нетели яловичьи и пью, говори, по котлу по пивному, который котёу нёсу 12 боγотырей, захвачу за́ ушы и выпью весь до духу. Бѣдный боγотырь Илья Муромецъ, я бы взяу на́ руку да другóй сверьху удариу, да въ блинъ бы шлёпнуу».—«Ай ты, поганоэ удолищо, у моγо какъ батюшка была сѣра кобы́ла, быу пи́вный заводъ, оповадилась она ходить на пивоварьню пивныхъ тыхъ выжимковъ јись, пó день ходила, ѣла, и по другой ходила ѣла, а по третій день какъ пошла, натрёснулась, брюшына и лопнула, такъ также тиби поганому удолищу приказала моя кобыла, какъ съѣшь нетель яловичью, такъ и лопнешь». Однако удолищу проклятому это слово не полюбилось, хва́титъ ножыще кинжалище да и тропнетъ-махнётъ въ Илью Му́ромьця. Илья Муромецъ быу видь на поспѣхи боγатырьскіи си́льне у́даў,—какъ вывернетця, пролетитъ ножыще однако мимо ёγó въ стѣну и прошыбло стѣну, говори, и однако убило тамъ много тотаровъ, говори, за стѣной. Илья Муромецъ, оборонитця ёму не́чимъ, хватитъ шляпу свою да ударитъ шляпой удолища, у ёγо голова отлетѣла прочь на уличю и слетѣла, схватитъ ёγо за́ ноги. «Ахъ ты, тотаринъ прокля́тый, кости твой тоўсты, а жилья твёрды», говори; да выскочитъ на улицю, да што у ёγо было войська навезено и всихъ убиу тымъ-же тотариномъ. «Не время вамъ, говори, теперь при Ильи Муромьци во Кіеви гради жыть, а теперь тѣсно стало вамъ». И однако обралй всихъ, очистили мѣсто. Ну, однакоже собрались вси боγотыри, собрались вси ко князю въ полату, за́чали јись, пить и веселитьця. Однакоже въ эфто время оны ѣли да пили, времени произошло, ви́дно, много, у нихъ изъ Подсоу́нышноγо царьсва Соколикъ Соколиковъ пріѣхау подъ Кіевъ градъ и подкидыватъ паличю одной рукой подъ óболоку и другой подхватыватъ и проситъ изъ Кіева града поединщика. Ну. князь, говори, князь Владимиръ сóбрау всихъ боγотырей, што было въ Кееви на почесный перъ и спрашиватъ: «Ну, што, братья, хто теперича подётъ насупроти́въ боγотыря, кому ѣхать по очереди?» Князь Владимиръ зачау ричь водить: «Што, послать Микиту Добрыниця, порёнъ да неповоротливъ, убитъ буде; Олёшу Поповича послать: хра́беръ, у́дау, порй мало, убитъ буде, и прочихъ много есь, всё на дили никакоγо нѣтъ, не осміюсь надѣятьця, говорй. Ѣхать не ѣхать

старому казаку Ильи Муромьчю». Илья Муромець ужъ видитъ дѣло, пала очередь на ёγо, сѣў на дóброγо конѧ́ и поѣхаў въ чистоэ полё супротивъ боγотырѧ́. Однако Соколикъ Соколиковъ ричь говоритъ ёму: «Ахъ ты, старый чёртъ, сѣдатый воўкъ, а лежаў бы на печи, говори, со старухамы, ѣлъ бы рѣпны печёнки». А онъ на это старикъ говоритъ: «Ахъ ты, младый юношъ, не изнмавши птичю щыплешь, а не узнавши старика хулишь; а розъѣдимся мы въ чистомъ поли; другъ друга попробуэмъ, каковы будёмъ въ могуцiнхъ плéцяхъ». Однакоже оны розъѣхались по чистому полю, розъѣзъ держали большой, говорй, другъ къ другу съѣхались, другъ друга ударили по плечáмъ, орудiя погнувши, а другъ друга съ кóней не вышыбли; дрýгый разъ держали розъѣзъ ащé большый и ударились, и другъ друга не вы́шыбли и орудiя погнувши опеть, поломавши. Илья Мурóмець и говоритъ: «Ахъ, Соколикъ Соколиковъ, выйдемъ съ добрыхъ кóней, слѣземъ вонъ, побýремся мы охапочкой». Съ Кiева града глядитъ Владимиръ князь стальнокiевьской. «Эка бѣда, да есьли убьётъ Илью, говорй, и весь градъ поплѣнитъ насъ, постоять некому буде ужъ». Однакоже оны поборовши, у Ильи ноги сплелись и на землю и паў. Соколикъ Соколиковъ сѣў къ ёму на грудь и вынимаэ ножыще кинжалище и хочетъ Илью по грудямъ лопонуть ножомъ. Илья Муромець своимъ разумомъ и думаэтъ: «Што-то мни смерть на бою не написана». Однако лѣвой рукой, а правой ногой, говори, еγо сверьху и вышыбъ вонъ и однакоже, говори, сѣў ёму на мѣсто нá груди и спрашыватъ: Скажысь-ко ты, юношъ — какоγо отцá-матери сынъ ты?» А онъ ярымъ óкомъ отвѣчаэтъ: «Коли я сидѣў бы на твоихъ грýдяхъ, не спрашываў бы ничеγо, а колоў бы бѣлую грудь топоромъ». Однако, говори, Илья Муромець занесётъ ножыще кинжалище къ верьху, говори. Соколику Соколикову страшно стало, страхъ напаў, што отрубитъ γóлову, накинетъ правую руку сиби на глазá, штобы страхъ не напаў, на руки Ильи Муромьця перьстень имянной, Ильи Муромьця, у ёγó. Илья Муромець станетъ на ноги и здыметъ Соколика Соколикова нá ноги. «Ахъ ты, дѣтище моё, не скажешься отцю своему, есьли бы на Микиту Добрынича напаў, такъ бы́ла бы у тебя голова отрублена». Ну, однакоже, говори, съ Кiева града глядятъ, што Илья Муромець не убавляэтъ боγотырей, а всё прибавляэтъ. Однако въѣхали въ бѣлокаменну полату, ихъ стритили съ радосью, кормили и поили сильне хорошо, говоритъ,

Илью сына Иванычя. Однако они по́жыли доўго или коротко время, прохлаждались, јили всё. Однако говоритъ: «Поѣжжай-ко ты, Соколикъ Соколиковъ, въ своё царьсво, покамѣсь ты при своёмъ отци, говори, такъ тиби хорошо, а отлучитця отецъ, такъ Добрыня Микитичъ убьётъ тебя, пожалуй». Какъ братъ на брата думатъ, такъ и боϒотырь на боϒотыря́. Однако Илья Муромецъ поѣхаў съ сыномъ проважать сына Соколика Соколикова во свою царьсво, туды и розъѣхались и роспростились съ сыномъ. Однакоже Илья Муромецъ розвёрнуў шатёръ и лёгъ на о́тдыхъ. Сынъ этотъ Соколикъ Соколиковъ подъѣхаў и роздумаўся: «Ахъ, старый чёртъ, сѣдатый воўкъ, што моей маменькой похваляэтця». Однакоже слизъ съ своеϒо доброϒо коня́, однако зайдётъ въ бѣлый шатёръ, гди Илья спитъ, выхватитъ ножыще-кинжалище и то́пнуў Илью Му́ромьця ножомъ. Увъ Ильи Муромьця трёхпудовый кресъ былъ зарощенъ; однако попало ножомъ по кресту и не побидиў ёϒо груди ничоϒо. Скочитъ Илья Муромецъ на́ ноги да хватитъ еϒо за́ волосы, да то́пнетъ о сыру́ зе́млю, и тутъ еϒо и душа выпла. Такъ еϒо на мѣсто отецъ прицертиў и тутъ ёϒо и зарыў. И воротитьця Илья Муромецъ во Кіевъ градъ, говоритъ, и зачаў онъ тутъ служыть князю стальнокеевьскому вѣрой и правдой. Тутъ балы́ происходили, говоритъ.

137.

Смѣхъ и слёзы.

Записана въ Пургѣ Петрозаводскаго уѣзда, отъ старика Митрофана Иванова.

Батько, ходиу, говори, рыбу удиў на рѣкй и крещоныхъ перевозиў въ лодочки. Пришоу человѣчекъ. «Батько, перевези меня Бога ради, а денягъ нѣту», говори. Батько затимиуся: «Безъ денягъ не везу».—«Батько—перевези, говори, и я тебѣ на берегу сдѣлаю смѣхъ и слёзы». Какъ батько перевёзъ, стоитъ. «Хотѣу смѣхъ и слёзы сдѣлать, такъ сдѣлай», говори. Што вывернуў свое добро́ изъ порто́къ и поставиў сильне крѣпко, какъ будто ломъ жалѣзный, и ударий по набою, по лодки, и лодка

роскололась и человѣчекъ пошоу̑, далёко или близко пошоу̑. Батьку дѣлать нечеγо, сміётця и плачетъ, смѣхъ и слёзы, такъ ужъ... Бѣжытъ попъ домой и говоритъ своей попадьи: «Попадья, говоритъ, перевёзъ человѣка, онъ смѣхъ и слёзы сдѣлау̑ мнѣ на берегу». — «Какiи же смѣхъ и слёзы?»— «Да какъ вывернуу̑ изъ портóкъ, говори, удари какъ по набою, лодка и роскололась; ужъ я плачу и сміюсь», говори. —«Попъ, видь это мой братецъ, ты не вѣдашь што, пой кликай еγо къ поци».— Попъ и побѣжау̑. «Шуринъ любезный, воротись, што ты не скажешься мни». Пришоу̑ въ домъ такъ. «А, братецъ мой любезный, идёшь мимо сестрици и не скажешься». Такъ она еγо накормила и напоила, просто за родноγо брата прúняла. «Батенько, ты лягъ, пусь братецъ на пецьки со мной согрѣэтця рядомъ». Братецъ тамъ и выстау̑ на ю, она пустила еγо. Какъ крутовато пехнуу̑ ю, она: «ой, скаже, батюшко померъ дома тамъ». Попъ-то и говоритъ: — «Помяни, Господи, родителя». А другóй разъ какъ пехнуу̑: «а вси пóмерли, всё семейсьво»,— онъ кадило хватиу̑ и ну, кадить. «Помяни, Господи, всихъ срóдьцевъ, срóдницьковъ». Однакоже оны тамъ любовались, и утро пришло, не знаютъ, какъ и ночь прошла. Какъ утро прúшло, такъ и банкетовать, кормить и поить зáчала еγо, угощать. Ну, однакоже видь какъ нужно пойти ёму домой, надо има и проводить. «Попъ, пойдёмъ, провáдимъ братьця любезноγо мы». Однако какъ провожать пошли, говори, дорогой-то подъ гору-то зашли въ ямину такую. «Ну, попъ, ты постой, а я братця подале проважу, поговорю, да прощусь». На горку-то какъ попъ вышеу̑, братецъ ю и положыу̑, ноги кверьху заздынуу̑ и шапку нá ногу клау̑ (на попадью). Какъ попéхнетъ, шапка то и здрогнетъ. А попъ-отъ глядитъ и думаэтъ, што шуринъ кланяэтця «Прости, шуринокъ любезный, прости, шуринокъ любезный». Роспростилась и пришла: «Видѣу̑ ли, какъ братецъ кланяу̑ся?» —«А я на мѣсто также кланяу̑ся, кланяу̑ся: прости, шуринокъ любезный». Она съ тымъ и пóшла.

Размотривая с скоморошь былина.

138.

Попъ исповѣдникъ.

Записана въ д. Пургѣ Петрозаводскаго уѣзда, отъ Никиты Ивановича.

Бывáло кресьянинъ уѣхаў въ лѣсъ за дровáмы, прiѣжжаэтъ съ лѣсу, братець ты мой, домой подъ окнó, а въ фатеры въ это время случиўся попъ у хозяйки въ гостяхъ. Попъ-то и говоритъ: «Ахъ, дитё, мужъ у тебя прiѣхаў, я у тебя́». А жена-то эта мужня отвѣчала: «Ахъ ты, попъ, мужъ на улици, а ты въ фатеры, а ты видь попъ», — говоритъ. Ну, и хорошо. Мужыкъ приходитъ въ фатеру, а попъ у стола сидитъ, а жена сицясъ свернула съ себя кокóши, цепцикъ, да въ углу и лежытъ, крычитъ, кверьху рáкомъ. Мужыкъ приходитъ. «Ну, здрасьвуй, батюшко», говоритъ. Попъ и говоритъ: «Здрасьвуй, дитё духовно, я пришоў къ тиби, мнѣ вѣдомъ пришоу, што жена твоя сдѣлалась нездорова, такъ исповѣдать я пришоў». Онъ и говоритъ: «Да, што, батюшко, зачастымъ она нездорова, такъ ужъ исповѣдуй, батюшко». Ну, онъ исповѣдывать и начаў, а мужъ, обыкновенно, стаў дѣлá свои справлять, изъ фатеры вонъ вы́шеў. Ну, онъ тамъ съ дѣламы справиўся, исповѣдь справиў, ну, и клицетъ тамъ: «Микита али Ондрiй, дитё духовно, иди́ въ фатеру, къ жены́». Такъ мужыкъ, видно, жаланенъ быў до жены́ и спрашиватъу попа: «Што на перьвомъ слови не поняўли, што оживётъ али помрётъ?» говоритъ. Попъ на отвѣтность дéржытъ мужыкý: — Ай, дитё, если-бы ты справиў заповѣдь ёй, такъ она и справилась, може быть: сходиу-бы ты въ Турьсiю, за турьскимъ масломъ и помазаў-бы ёй очи, она поправилась-бы и хвóрить не стала бы больше». — Ну, ужъ мужъ быў послушенъ, склаў котомоцьку и полетѣў въ Турьсiю за турьскимъ масломъ. Ну, тамъ, далёколь, близколь шоў дорогой, попадаэтця ему нищiй прохожiй, калика, стрѣту идётъ съ кережкой—стрѣту ёму. Ну, у нищихъ, самъ знаэшь, съ перьвымъ доўгомъ росклаияўся, и «Спаси Господи, помилуй раба Божiя», а самъ спрашиватъ ёго: «Куда ты, кормилець, отправиўся?» А онъ говоритъ: «Да вотъ, старичёкъ, коγда жена нездорова была, попъ на исповѣди быў и послаў меня за турьскимъ масломъ. Этотъ

старикъ и говоритъ ёму: «Кормилецъ, воро́тимся взадъ, не можемъ-ли мы поправить жены дома». Поворотились назадъ со старикомъ нищимъ и такъ, не доходя до своеγо селенія, и старикъ приказаў ёму свалиться въ керeжку (по́дстанки, дровёнки) и въ рядно́й мѣшокъ. Мужыкъ и сѣў тамъ, а старикъ нищій и поволо́къ. Догна́ў до своего дома и даваэтця къ ноци у жоны ёγо, а мужыкъ въ керешки завязанъ въ мя́шки (такъ!), у нёй и попъ всё въ гостяхъ аще, не уходиў аще. Нищій даваэтця къ ноци, жона пустила къ ноци нищоγо, и самъ керешку въ фатеру волокётъ. Такъ хозяйка говоритъ: «Старицёкъ, старицёкъ, ты клади керешку въ сини». А онъ на мѣсто говоритъ: «Гди я, тутъ керешка моя». Нищій зашоў въ фатеру, заволокъ керешку, поставиў въ двёрный уголокъ, а мужьня жона́ сидитъ съ попомъ аще и угощаютьця, а нищій на лавку сѣў (какъ примѣрно Семивонъ Ивановичь), а попъ-то говоритъ: «А, поподья, поднеси-ко ёму стоканьцикъ виньця, не знаэтъ-ли онъ были́нки какой-ни сказать». Старицьку то стоканьцикъ поднесли,—онъ и крякнуў, а попъ говоритъ: «Поподья, поподья, дай друго́й сто́канъ, старикъ што-то ро́зобраў, дай друго́й». Выпиў старикъ какъ другой стока́нъ и сидитъ на лавки. Попъ говоритъ: «А што старицёкъ, ты проходецъ, незнаешь-ли какой ни были́нки сказать, писенки спѣть?» А онъ на мѣсто говоритъ: «Нѣтъ, батюшко, пе́рьво вы, а потомъ попадья, говоритъ, а впо́сли и я». Ну, и попъ говоритъ: «Поподья, поподья, такъ ты спой прежде меня», говоритъ. Ну, и попадья, какъ съ лавки выскоцила, и пошла́ по фатеры, какъ шальняя, говоритъ: «Жена безумноγо мужа́ выслала въ Турьсію за турьскіимъ масломъ, говоритъ, а са́ма жена́ здоро́ва и добра́, говоритъ, а съ попомъ и за столо́мъ, говори, и ендома́ [яндова] и вина́», говоритъ (поўштофа стоитъ вина, такъ...), и на лавку сѣла, значитъ: «Нунь, попъ, и тиби». А попъ какъ скоцитъ съ лавки, какъ вдоль фатеры пошоў въ присядку. «Какъ шальняя жена, говоритъ, и безумноγо мужа́, говоритъ, выслала въ Турьсію, за турьскимъ масломъ, говоритъ, а са́ма жона, говоритъ, здоро́ва и добра́, говоритъ, съ попомъ за столомъ и ендома́ и вина́», говоритъ. И спѣли, старичку и говорятъ: «Нунь, старичёкъ, ты пропой, мы пропѣли свои писни, а ты, скаже, намъ укажы говоритъ, сво́ю спой», говоритъ. Ну, и старикъ говоритъ: «Хороша ваша, говоритъ, писня, хороша́». Ну, старикъ свою и запѣў на мѣсто имъ. «Охъ ты слушай-ка, керешка, розумій-ко ты, мѣшо́къ, говоритъ, не про

тебя-ли говорятъ, говоритъ, не про твою-ли голову́ говорятъ, а я мѣшо́къ розвяжу́, а безмѣнъ на гвозду́, говоритъ, а ты отвись-ко попу, а остатки тому, хто съ попомъ за столомъ». Да и на лавку старикъ и сѣў. Попъ-то говоритъ: «Поподья, поподья, а дай-ко третій стоканьцикъ ёму́, ащо́ споётъ», говоритъ. Ну, та йовинуэтця ёму. Онъ какъ третій стоканьцикъ выпиў, такъ ушъ опеть и заводитъ пѣть. Запѣў опеть и пошоў по фатеры. «Охъ ты слушай-ка, керешка, а розумій-ко ты, мѣшокъ, говоритъ, не про тебя ли говорятъ, говоритъ, не про твою ли голову́? а мѣшокъ розвяжу, а какъ безмѣнъ на гвозду́, а ты отвись-ко попу́, а остатки тому, хто съ попомъ за столомъ». А онъ мѣшокъ какъ ро́звязаў, такъ мужыкъ зглянуў какъ: бе́змѣнъ на гвозду́, а жена́ съ попомъ за́ столомъ, такъ, какъ тя́пнуў бе́змѣнъ, а попа безмѣномъ, попа безмѣномъ о́твозиў, отвозиў, остатки тому́, хто съ попомъ за столо́мъ. А попъ въ двири.

139.

Аф. 241

Никола Дубенскій.

Записана въ с. Толвуѣ Петрозаводскаго уѣзда, отъ Марьи Павловны.

Жона была взята у мужа хорошаа, она мужа и не залюбила, а въ деревни у ей, у жоны́ быў любовникъ. А у ей мужъ быў полисникъ, мужъ ходиў за полисьямъ. Она еγо какъ не любила, такъ ёγо и не кормила хорошо, а всё этоγо любовника кормила хорошо. Онъ походитъ за полисьямъ, самъ и говоритъ жоны: «Жона, говоритъ, я какъ пойду завтра за полисьямъ, такъ тамъ есь въ дубу́ Микола оченно милосливый, объ чомъ еγо, говоритъ, будёшь просить, такъ онъ ни въ чомъ не откажетъ этотъ Микола». Она ёму говоритъ: «Возьми меня, у меня оченно нужно есь помолитьця этому Миколѣ Дубеньскому, воченно у меня дѣло». — «Ну пойдёмъ, говоритъ, со мной, — я тебѣ покажу этоγо Миколу Дубеньскоγо». И приходятъ оны въ лѣсъ, а онъ и говоритъ, што «пойди, говоритъ, этто въ сторону, набери ягодъ». А самъ взяў въ этотъ дубъ полый и забраўся. А раньше ей показаў: «Какъ ягодъ наберёшь, потомъ

вотъ въ этомъ молись, въ этому дубў, тамъ сидитъ Микола Дубеньской». Она воротилась и давай молиться со слезамы этому Миколы Дубеньскому, што «Микола Дубеньской, пособи мнѣ мужыка́ ослѣпить» [надо збыть ёй отъ ёγо, отъ мўжа]. Онъ въ дубў и заговориў, Микола ей: «Корми мужа ма́сленѣе, онъ отъ тоγо и ослѣпне». Она эттыхъ словъ очение обрадовалась, эщо стала усерьднѣе молиться ёму и сама ушла въ сторону къ тѣмъ-же ягодамъ, опеть помоливши, а мужъ оттуля слѣзъ потихоньку и жоны идётъ на стрѣчу. Мужъ и спрашиватъ жоны: «Што ты, жона, о чомъ просила Миколу Дубеньскоγо?» — «Просила я объ тиби, штобы тиби даў Богъ здоровія и какъ-бы жыть съ тобой лучша». Домой приходятъ, она и стала перого́въ варить да яишницю на ма́сли и мужа своёγо корми́ть, и подчиватъ, што «ѣшь сколько хочешь до сыта», и онъ говоритъ, што «жона, я удивляюсь, што сколько лѣтъ мы съ тобой жыли, а эдакъ ты меня никогда не кормила». — «Ѣшь, голубчикъ, на здоровіё и будемъ вперёдъ мы съ тобой такъ жыть хорошо». А онъ за столомъ и притвориўся, перога́ быдто поймать не можетъ, ослѣпъ совсимъ, притвориўся такъ: «Я, говоритъ, жона, ничоγо не вижу ужъ, совсимъ ослѣпъ». — «Такъ што ты на печьку можошь-ли самъ поднятьця, не надоть-ли позвать сусёда» (любовника)? — «Поди попроси, гди-же теби одной меня поднять, эдакоγо мужчыну». Сусёдъ пришоў, ёγо и подняли на печьку. Онъ и говоритъ: «Ну, сусёдъ, теперь и рукъ своихъ не вижу». Жона обрадовалась этому: рукъ своихъ не видитъ, накормила, такъ... У самоγо было за́брано по́роху въ карма́нъ. Она и стала блины́ печчи́ да сусёда угащивать и на́брала водки, онъ и попросиў сусёда, што «сусёдъ, подай моё ружьё, мни съ нимъ хоть роспроститься, пощупать». Жона скрыкнула: «Лежы тамъ, какъ Богъ тебя укротиў, на печи́». Сусёдъ говоритъ: «Подай, ништо слѣпой сдѣлаэтъ со ружьёмъ». Ружьё ёму и по́дали. А этотъ любовникъ напиўся за столомъ, онъ ужъ и пьянъ, ёγо охмилило, и стаў у ёй просить холодной воды. Воды холодной — надо на колодецъ было итти, дома она не случи́лась. Она за водой жона и пошла́, побѣжала; а онъ взяў, во ружьё порохъ и всыпау, занарядиў ружьё на печьки, въ ёγо и спустиў ружьё и стрилиў. Какъ ёγо стри́лиу, онъ о стѣнку и упаў, а ёй ещо дома и нѣту; а онъ съ печки какъ скочиў, такъ полонъ ротъ ёму блиновъ напеха́ў. Она приходитъ съ водой: «Што ты, голубчикъ, напрятаўся ты эдакъ блиновъ, полонъ ротъ на-

пёханъ, такъ»... А мужъ опеть на печку вы́стаў. «А ты, слѣпой чортъ, не ви́дѣў, какъ онъ дави́ться стаў». Слѣпой, какъ съ печки соскочиў, да давай её ружьёмъ вози́ть. «Теперь куда знаэшь, туда ёγо и дѣвай, съ моёγо дома убера́й, штобы ёγо нé было». Она ёγо и понесла въ свой домъ. Приходитъ къ своэму мужу и стала кланятьця, што «будемъ мы съ тобой теперь жыть хорошо, прости́ меня въ этомъ».

Зеленин В. ок. 48

140.
43

Попъ и ночлежникъ.

Записана тамъ же, отъ той же.

Жыў попъ съ попадьёй. Пришоў къ јимъ нацлежникъ. Оны ужынать садятця, нацлежника ужынать посадили. Была́ у јихъ па́ра (брюкву парятъ) въ печьки, и какъ вы́няли съ печьки пару, нацлежникъ говоритъ, што «батюшка, я па́ры охвотникъ». А попу стало-то пары и жаўко, и говоритъ ёму: — «Если хочешь, такъ весь горшокъ пары съѣшь, цѣлко́мъ съѣшь весь горшокъ». А онъ и давай јись помаленьку, давай јись помаленьку, ну, весь горшокъ и съѣў. Попадья и говоритъ: «Куды мы, попъ, нацлежника спать положымъ? А съ пары ёму худо будетъ». (Боятця, што обсеретця). Взяли, въ горьници всё ўбрали, еγо туды и спать свели, только новую попову шляпу позабыли на поўки въ горьници; еγо и замнули туды, штобы не вышоў. Ёму до вѣтра захотѣлось, нацлежнику, γъ дверя́мъ приступиў, а двери заперты. Давай по горьници ходить нацьлежникъ, искать чеγо нибудь и нашоу одну попову новую шляпу, да и навалиў ю поўну, на старо мѣсто и поставиў. По утру́ еγо выпустили, онъ и запоходиў съ нацьлегу, попа поблагодариў за нацьлегъ. Попъ и спрашиватъ еγо: «Какъ тебя зовуть?» Онъ говоритъ: «Зовуть меня Какофьёмъ». Къ заутрени зазвонили, попу напъ (надобно) поти въ церьковъ, звонятъ дакъ... И спрашиватъ у попадьи: «Гди моя новая шляпа?» Одить надо, празникъ былъ, такъ ужъ... Попадья говоритъ: «Справся совсимъ, да по пути зайди, надинь шляпу, на старомъ мисти». Попъ зашоу въ горьницю, да тянетъ какъ шляпу да и на́ голову, и весь говномъ и за-

лнуся и выходитъ на улицю и крычитъ: «Не видали-ли Какофья?» А ты закрычали на мѣсто: «Хорошъ, хорошъ, батько, только весь въ говни». Попъ воротнуся въ фатеру, да вымыуся, да потомъ и въ церьковъ, а какъ вышеў изъ церькви, мужыки вси вкругъ еγо сміютця, а онъ отвѣчатъ: «Поищитя-ка Какофья».

141.

Праздникъ Окатка.

Записана тамъ-же, отъ нея-же.

У жоны тоже быў мужъ и въ деревни любовникъ быў. Мужъ запоѣжжаў въ лѣсъ за дровамы, ей говоритъ: «Жена, спёклá бы хоть блиновъ сёводни». Жона отвѣчаэтъ: «Што сёводни за бли́ны, видь не празникъ?» — Онъ впрягъ лошадь да поѣхаў. У јихъ мясная бочька большаа въ фатеру парить принéсена, а прямь печьки вариўся большой горшокъ месной. Вдругъ любовникъ приходитъ и говоритъ: «Што, уѣхаў въ лѣсъ?» Она говоритъ: «Уѣхаў въ лѣсъ, садись блиновъ јисъ, я тебя накормлю блинамы, а онъ просиў еретикъ, а я для ёγо и займоватця не буду». Ну, онъ и сѣў блиновъ јисъ, этотъ любовникъ, а мужъ въ окошко заглянуў, объѣхаў вокругъ дома, да лошадку въ сторону поставиў и заглянуў въ окошко, што любовникъ сидитъ, блины јѣсъ. Онъ вдругъ и стаў половайдывать (дéргать) о заложку; она ёγо взяла да спрятала. «Садись, говоритъ, въ бочьку, да ѣшь тамъ съ Богомъ блины (можно тамъ си́дить, а бли́ны рыть) и масленикъ ёму клала въ кадку. Мужъ заходитъ и спрашыватъ: «Што-же ты, жона, сёводни не хотѣла печчи блиновъ?» Она отвѣчаэтъ ему, говоритъ: «Я сёводни узнала, што праздникъ сёводни Окатку, такъ роютъ (бросаютъ) блины въ кадку».— Мужъ попросиў: «Дай мни хоть одинъ блинокъ съјисъ гля праздника, гля Ока́тка». Жона крыкнула: «Эдакой ты обжора! севодни не гля тебя печенье, а гля празника».— А мужыкъ отвѣчатъ жоны: «Жона, я севодни гля празника вылью и шчы въ кадку, не пожалѣю». Она и говоритъ: «Да вóвсё съума ты не сходи, шчей тыхъ не порти».—

А онъ какъ тяпиуў горшокъ въ рукавицяхъ, да и давай, и выляў туды въ кадку. А онъ какъ оттўль соскочиў. «А то тиби въ ротъ и съ угощеньёмъ!» Гось и ушоў тутъ.

Ср Сок 62

142.

Попъ теленка родилъ.

Записана тамъ-же, отъ той-же.

Быў жыў прежде попъ съ попадьёй, держали прислугу. У попа стаў жывотъ ростить и нѣсколько мисяцевъ у неɣо ростётъ и выросъ большой. Сказали попу, што есь лѣкарка недалёко, такъ она отгадываэтъ, какая боль въ комъ, а только надо вымоцитьця, она узнаётъ въ мочи. Онъ вымоциуся въ горшокъ, это роботниця и понесла къ лѣкарки въ горшкй. Шла дорогой нѣсколько времени и пролила эту мочь и стала плакать: «Какъ буде мни хъ попу явитьця». На это время увидла, што корова мочитьця, она взяла этотъ горшокъ, тутъ и подставила, съ этой мочью къ лѣкарки явилась. Лѣкарка и спрашиватъ ю: «Што это, неужоли мочь попова?» лѣкарка говоритъ. Она говоритъ: «Право, право, это попова», — говоритъ. «Такъ вашому попу надоть скоро родить быка» (корова была грўзная). Она и воротилась назадъ къ попу съ этыма словамы и говоритъ попу, што «вамъ, батюшка, надо родить телёнка, быка». Попу это было очень стыдно и говоритъ: «Попадья, ты приготовъ мни съ утра, говоритъ, хлибъ, а я уйду отъ своэɣо мѣста, мни будетъ здись родить стыдно». Ну, она приготовила хлѣбъ, онъ и ушоў. Но, и шоў путёмъ, увидѣў—мёртвоэ тѣло лежытъ. У мужыка сапоги были хорошыи, а у ёɣó топоръ съ собой случиўся, онъ ноги и отрубиў, хъ котомку ихъ и заваляў. Ну, и приходитъ на ноцлегъ въ большоэ семейсьво; выпросиўся попъ тутъ къ ночи и положыли еɣо спать на прилавокъ, и онъ спаў очень крѣпко, ничеɣó ночью не слышаў, а у этыхъ у хозяэвъ на то время тéлилась корова, принесла быка; у jихъ въ хливи было хóлодно; оны этоɣо быка вынесли на печьку, положыли грíться; а попъ не слышытъ ничеɣо, и самы́ хозяэва зáспали очень крѣпко, а этотъ телёнокъ съ печьки упаў, да

къ попу на прилавокъ, и давай попа подъ жопу носомъ верáть (такъ!). Попъ пробудиўся на это, спицьку чирнуў и посвитиу и поглядѣў. «Слава Богу, говоритъ, я хоть не въ своёмъ мисти, слава Богу, хоть родиу». Попъ стау тихонько, глаза перекрестиу, изъ котомки сапоги выняў, на печьку и клаў, а самъ котомку за плéча, да тихонько ушоў: хозяэва не слышали бы; попъ и ушоў. По ўтру встали хозяэва, по утрў, и попа нѣтъ, увидли на печьки одны ноги поповы. Ты и думаютъ: одны ноги поповы остались на печьки, думаютъ, што телёнокъ съѣў попа. Хозяйка крыкнула мужыковъ, што, убейте телёнка, телёнокъ попа съѣў. Мужыки заразъ и убили и всему семейсьву говорятъ, што «никому не розноситя, што телёнокъ этакой быў, попа съѣў». А попъ домой прибыў съ радосью къ попадьи своёй, што «вотъ, говоритъ, лѣкарка правду отгадала»; розсказыватъ своё путешесьвіё.

143.

Поросячьи имена.

Записана тамъ-же, отъ той-же.

У жоны быў, вишь пріятель; она сошла съ пріятелемъ въ како то мѣсто, што мужу пришлось ити мимо. Мужъ всё это видѣў дѣло. Жона приходитъ, а нá то время у нихъ свинья поросилáсь, принесла трёхъ поросятокъ. Она и говоритъ мужу, што «подёмъ, мужъ, на дворъ, надо поросятамъ ймена наложыть». Пришли на дворъ, она говоритъ, што «я перьвому поросёнку имя наложу». Она и говоритъ поросёнку: «Мимо шоў, да не видѣў; пущай я наложу имя: «мимо шоў, а не видѣў». А онъ другому имя налагаэтъ: «Видѣў да не окликаў». Она и третьему опять налагатъ: «Впредь таковá не буду». Поросятъ, видно, четверо было, а можетъ и самой матки имя наложыли: «Оповадишься, такъ и не лишишься». Это мужъ говоритъ.

144.

Насмѣшки.

Записана тамъ-же, отъ нея-же.

Играў, играў съ дѣвкой, играў и водпўся съ ёй, и ушли оны въ лѣсъ; она стала ягоды брать, онъ пошоў въ другую сторону; увидѣў онъ тамъ хорошу кобылу и придумаўся скоцить на кобылу, уговориў ю: «Тпру, вороная, узду куплю съ красныма наглазникамы». Дѣвка всё это и выслухала въ лисяхъ, такъ и недалёко и было, выслухала всё, што онъ говориў. На второй-же день оны пошли опеть вкругъ играть. Она кругъ его и смѣётця: «Какъ вчера, говоритъ, уговариваў: «тпру, вороная, узду куплю». Онъ и думатъ себѣ, што какъ нибудь надо надсмѣшка надсміятця, а самъ всё таки ю перёдъ зовётъ замужъ. А она ёму отвѣчатъ, што «нѣтъ, нельзя мни ити за тебя замужъ». А онъ приходитъ къ старушки-бабушки на совѣтъ и говоритъ, што «бабушка, говоритъ, у меня невѣста говоритъ: нейду за тебя замужъ». А старушка говоритъ ёму, што «отъ того она замужъ не идётъ, што у ней хохла нѣтъ, оттого и замужъ не идётъ». Сама говоритъ ёму, што «отсмѣёмся ей надсмѣшку завтра же; што принеси бутыўку дёхтю, да и заберись ко мни завтра въ моё подполье и тутъ всё увидишь; отсміёшься ей надсмѣшку». Старушка на другой день зовётъ ю на бесёду, што «пойдёмъ, Марья, пойдёмъ ко мни на бесёду». Она приходитъ къ ей на бесёду, а старуха ю уговариваэтъ, што это можно тиби (хохоў) сдѣлать, для этого замужъ поди». Сама и отворила подпольё. «И стань, Марья, противъ подпольници, ноги росширь, я тиби наведу». Марья ноги росширила, старуха и стала дёхтемъ мазать и приговариватъ: «Рости, хохолокъ (лапкой водитъ), чорный, кудреватый». А онъ заговориў: «Бабушка мажь, декотёкъ нашъ, а мало будятъ, эщо принесу». Дѣвка испугалась, скочила. «Бабушка, это хто у тебя тамъ?» —«Поди съ Богомъ, Марья, ложысь подъ закутку, а это у меня хозяинъ, всегда, говоритъ, въ подполье, вишь».— Дѣвку подъ закутку закрыла, а ёго потихоньку и выпустила. Она утромъ встала, выходитъ съ ночлегу, старуху поблагодарила. Она говоритъ: «Поди, Маша, съ Богомъ, играйтя свадьбу (здѣся иг-

рища недѣлямы). На другую недѣлю оны опеть пошли въ кругъ; ей нужно подразнить еγо опеть и говоритъ: «Птру, вороная, узду куплю съ красныма наглазничкамы». А онъ на мѣсто ёй отвѣчаэтъ: «Рости, хохолокъ, чорный и кудрявый и дёхтемъ наведёнъ». Она ёму и говоритъ: «Поў̆но, поў̆но шутить и пора за свадьбу рука́мы». Ну, тутъ оны вмѣсто и сошлись, свадьбу сыграли и старуху поблагодарили, што вмѣсто свела́.

145.

Иванъ царевичъ и купеческая дочь.

Записана въ д. Шунгскій Боръ Повѣнецкаго уѣзда, отъ старушки.

Жыў̆ быў̆ купець до́сюль, было ў̆ нёγо три доце́ри, здумалось ёму за́ морё поторговать съјиздить. Онъ дочёрямъ сострои̮ў̆ всимъ по покою, а двирей на улицю не прорубиў̆, хо́ду не сдѣлаў̆, штобы не ходили нику́ды. Больша до́ци о́тцю говоритъ: «Надѣшь (такъ!) мою рубашку бѣленьку; если я худо зажыву, то пусь моя рубашка поцерьнѣа». Середня доци скажетъ: «Батюшко, одѣнь мои портоцьки бѣлы, если худо зажыву, такъ пусь мои портоцьки поцерьнѣютъ». Меньша доци скаже: «Батюшко, возьми мой платоцикъ бѣлый; если худо зажыву, такъ пусь мой платоцикъ поцерьнѣа». Посли этоγо отець и съѣхаў̆. Посли этоγо провѣдаў̆ царьской сынъ, пришоў̆ γ бо́льшей сестры подъ окошко, сокрутиў̆ся въ ни́щё пла́тьё старикомъ. «Голубушка, сотвори милостиню ради Христа». Она взяла́ гороху пясь, кинула за окошко. Онъ сбераў̆, сбераў̆ по горошеньки, до́ ночи досидѣў̆. «Голубушка, пусти ноцевать ради Христа, скаже; если не пустишь, я замёрзну, тиби бѣда будя».—«Пустила бъ ноцевать, добрый целовѣкъ, да двирей нѣтъ, нѣпокуда пустить».— «Спусти полотеньце въ окошко, я по полотеньцю выстану». Она полотеньце спустила за окошко, онъ и выстаў̆ по полотеньцю, на пецьку пробраў̆сь'-отъ. Она ў̆жыну со́брала на стоў̆, кушаньё при́брала, положыла дви тареў̆ки, дви виў̆ки,дви ложки. «Поди, добрый целовѣкъ, ужынай со мной». Онъ вышеў̆ съ пецьки

въ красной рубашки. «Эдакой дуракъ, она говоритъ, подлецъ, эдаку подлось ты сдѣлау!» Ну, сѣу ужынать съ ёй. Поужынали. Она постельку пóслала, онъ спать лёгъ на постельку на ёйну. Ну, она сó стола óбрала, спать легла съ јимъ, да и ноць прóспали. Она говоритъ ёму: «Ко мни зашоу ноцью, такъ зайди къ другой сестры на другу ночь». Ну, онъ на другóй день пришоу, тымъ же манеромъ у дру́гой сестры милостиню просить подъ окошкомъ. Такъ же въ окошко выстаў, нóцеваў у дру́гой сёстрй. Ну, она и говоритъ: «Къ намъ γъ двумъ сестрёнкамъ зашоў, такъ зайди и хъ третьей на третью ноць». Ну, онъ на третей день пришоў хъ третьей сестрй подъ окошко, та тоже гороху пясь за окошко кинула; сберау, сбераў, дó ночи досберау. «Пусти, голубушка, ноцевать ради Христа».—«Нѣпокуды пустить, двирей нѣтъ, пустила бы, да...» —«Полотеньце спусти, я по полотеньцю выстану», скаже. Ну, она полотеньце спустила. Онъ выстау по полотеньцю въ окошко опеть. Пустельку пóслала, у́жыну сóбрала на стоу—кушаньё. «Поди, добрый целовѣкъ, ужынать со мной». Вышеу съ пецьки въ красной рубашки. «Эдакой дуракъ!» она ёму пользёвать стала: «подлось сдѣлау, забрауся къ нóци ко мни!» Сили, поужынали, онъ на пустельку спать лёгъ на ейну. Она сó стола óбрала, взя́ла клубоцикъ шоуку, сѣла подъ окошко, край окошецька отворила, клубоцикъ повёртывала, повёртывала, клубоцикъ пау за окошко. «Иванъ царевиць, скóци: клубоцикъ пау за окошко». Онъ скóциу въ óдной рубашки, бóсый.—«Спусти полотеньце, я схожу за клубоцикомъ за окошко».—Онъ за окошко и туды ушоу по полотеньцю. Она полотеньце сдёрнула, окошко зáперла, спать леглá. Онъ проситця за окошкомъ, што «спусти меня, либо дай мои сапоги, да платьишко выкинь», говоритъ. Она лёглá не разговариватъ больше. Ну, онъ потявкаў, потявкау, да сшоў. Посли этоγо стаў ходить γъ дру́гимъ сестрёнкамъ, хъ той да другой ходитъ. Похажывау, похажывау, оны и понеслись. Несли, несли, да по парню рóдили. Ну, онъ, этотъ царьской сынъ бóльшё гнѣваэтця тутъ всё, што не можетъ хъ третьей зайти (въ роздумьи такомъ, не може јись ничеγó). Оны несли, несли, сестрёнки, по парню рóдили. Приходятъ къ сёстры той, што «сестриця, мы рóдили по парню». Она взяла, накрутиласъ (это меньша-то сёстра) старухой, взяла робёнка, въ пазуху клалá, дру́гоγо въ дру́гу, пошла къ царю въ домъ просить. Приходитъ туды, ёγо-то дома не случилось, который хóдиу-то къ

јимъ. Она и проситъ милостиню, у ёγо матери попросила, а мать и говоритъ ёй: «Не знаэшь-ли, старушка, цёγó-нибыдь такоγо: у меня сынъ што-то нездоровъ, мало ѣсъ, я такъ пологаю, што онъ нездоровъ, што-ни». Она говоритъ матери, што — «провадú меня, што гди онъ спитъ, въ ёγо спальню, я полáжу, такъ и буде здравъ». — Ну, мать ю и провадúла эту старуху въ спальню. Она взяла ребёнка, вытянула съ пазухи, дрýгоγо съ другой, положыла на постелю и закутала, сама со спальней вонъ. Говоритъ матери, што «придётъ сынъ домой, ты скажи ёму, вели ёму спать леччú въ спальней, такъ онъ здравъ буде». Онъ и приходитъ домой. Ну, мать говоритъ сыну: «Кормилець, поди лягъ въ спальню, старушка эта была, поладила тамъ, я велѣла ёй». Ну, онъ пошоў въ спальню, пришоў, откинуў закутку, тамъ два робёнка. Онъ испугаўся, приходи къ матери. «Поди-ко погляди, говоритъ матери, какó старуха коўдосьвó оставила». Мать приходитъ туды; говоритъ сыну своэму: «Дитятко, объ этомъ ты не кручинься, пущай быдто мои робята, я ихъ рóдила; мои». — Посли этоγо купець прiѣхаў домой къ меньшей дочéри. Ну, а тыи провинились, больша да середня, а меньша прóжыла на чéсти. Ну, царьской сынъ узнаў, што, купець домой прiѣхаў. Онъ всё это безпокоитця, што онъ ничеγо не могъ сдѣлать на мѣсто этой дивици. Удумаў онъ, што ю зá мужъ взять, послаў сватовéй къ купьцю сватать эту дивицю. Сватовá приходятъ къ отцю, говорятъ, што вотъ... Купець приходитъ къ дочери, спрашиватъ: «Дочú, вотъ царьской сынъ сватать, такъ подёшь-ли?» Она говоритъ, што — «татенька, я воли твоёй не отнимаю; если выдашь, такъ пойду», — но, а только проситъ сроку на годъ у отьця поправитця въ дѣлахъ своихъ. Отець говоритъ сватовáмъ, што дóчи проситъ сроку нá годь. Сватовá говорятъ, што доўго этакъ нá годъ, не отложымъ мы на эстолько времени. Она говоритъ: «Татенька, хоть на поўгода». Отець говоритъ сватовáмъ; сватовá говорятъ, што доўго. «Ну, хоть на мисяць», дóчи говоритъ отцю. На мисяць согласились сватовá. Ну, она отцю приказала купить бѣлой муки да мёду. Отець и купиў. Она стала дѣлать куклу изъ мёду да изъ шпонной муки съ себя велициной. Послидня недѣля приходитъ до мѣсяця-тъ, она... у ёй кукла не готóва аще. Она поспѣшилась дѣлать и приготовила хъ тому времени куклу. Мисяць конциўся, онú стали свадьбу играть. Она куклу эту велѣла положыть въ сундукъ. Да говоритъ тамъ приставьницямъ, которыи

съ ёй ту́ды похо́дять, што, скаже, «какъ мы туды пріѣдямъ, кудá нáмъ постелю постелють спать, такъ подъ кровать сундукъ положи́тя». Ну, свадьбу сыграли, оввѣньцялись, да пріѣхали туды нá домъ, хъ царю-то. Ну, тамъ пировали, да были нá дому тамъ, отъпировали, ихъ спать отъвели въ спальню. Ну, оны спать легли, вси вышли, ихъ спать оставили, положыли. Онъ стау ей говорить: «Ну, ты што нонь сама спби думашь? какъ ты надо мной надсмѣялась, меня за окошко спустила, окно зáперла да и... мни нé дала ни сапоговъ, ни платья? Нунь што же спби думашь? Типерь я тебѣ голову хочю срубить».—«Иванъ царевиць! я твоя, да воля твоя, што хоцешь, то и дѣлай».— Пошоу въ другой покой за саблей, она съ кровати скоцила, сундукъ сдёрнула съ подъ кровати, куклу выняла съ сундука, на кровать бросила, сама въ сундукъ сѣла. Онъ съ ходу росшоуся, саблёй тёснуу по куклы: крохо́тки полетели во вси стороны, ёму крохотка въ ротъ прилетѣла. Онъ и стау кайковать: «Эдакой я дуракъ, што я сдѣлау, одной ночи не проспау, кака она была сладка!» Кайкуетъ стоитъ, стау жалить, што не проспау одной ночи, никуды бы не ушла. Она тихонько тамъ и заговорила: «Иванъ царевиць, дай ту́ю заповѣдь, штобы больше вицьно не тронуть меня, я съ одного разу оживу эще». Онъ: «Душанька! ожива только, вицьно не трону больше». Она говорить: «Сломай саблю, брось за окошко». Онъ ломоу саблю ломать. Она съ сундука и вышла, куклу въ сундукъ бросила, сама на кровать. Онъ пришоу, [illegible] што она жива, обрадовался, [illegible] съ ней [illegible] за [illegible] и нонь живутъ хор[illegible].

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

хо́въ, ў самой не были приказаны. Лежала, лежала, зазвонили колокольци, я и скоцила: «Же́нихи ѣдуть, жѐнихи ѣдуть!» Ажно ѣдуть благородны. Я и пошла́ домой, шкўльки тамъ, по́дъ кустомъ забыла. Пришла́ домой, мать при́шла, ме́ня бўдитъ, а ме́ня тамъ и нѣту. Мать вышла тўда въ цю́ланъ, я въ цю́ланъ и за́бралась. «Мари́ха, стань, скаже; гди ночью была́? Гди тя цёртъ-то но́сиў?» скаэ. — «А была тамъ, шкўльки по́дъ кустомъ забыла».— «По́ди, и́щи, скае, гди тя цёртъ-то но́сиў», скае. —«По́ди са́ма, я не́ пойду»— она матери скаже. Тутъ мать по́шла, ходила, ходила, найти не могла, такъ пропали. При́шоў Гришка свататьця; мать ме́ня за Гришку и выдала. Гришка меня только четыре недѣли лю́биў, больше лю́бить не́ стаў, стау къ и́нной хо́дить. Со́ стороны спрашиваютъ: «Што при́шло, што при́шло?» — «А вотъ што: при́шоў са́рафанъ».— «Ка́кой са́рафанъ?» — «Задъ стояцій, пе́редъ шумяцій, быдто рогозенный, тётки Га́нни покойници».— «Э’ще што при́шло?» — «При́шла соро́цька эще».— «Кака́?» — «Выбойцята, набойцята, бумажна, шо́ўкова, быдто ро́вдянна».—«Э’ще што пришло́?» — «При́шоў эще пере́дницёкъ, выбойцятый, набойцятый, бумажный, шоўковый, весь въ ўзлахъ».— «Э’ще што при́шло?» —«Э’ще при́шли цўуки».— «Каки, скае, цюўки́?» — «Выбойцяты, набойцяты, бумажны, шо́ўковы, о́дной спицей вязаны, нѣтъ ни пятъ, ни но́сковъ».— «Э’ще што при́шло?» —«При́шли эще ба́шмацьки».—«Каки́, скае, ба́шмацьки?»—«Выбойцяты, набойцяты, бумажны, шо́ўковы, прытко хорошы, бытто берестянны лапти. Эще при́шоў цяйникъ».— «Ка́кой?» —«Ни крышки, ни дна, только руцька одна».— «Э’ще што?» —«При́шла постеля».— «Какая?» — «Выбойцята, набойцята, бумажна, шо́ўкова, прытко хороша, бытто соломянна, тётки Ганни покойници».—«Э’ще што?» —«Э’ще при́шла подушка».— «Какая?» — «Выбойцята, набойцята, бумажна, шо́ўкова, прытко хороша, бытто мекинна. Эще при́шла одѣвальниця».— «Какая?» —«Выбойцята, набойцята, бумажна, шо́ўкова, прытко хоро́ша одѣвальниця: шерсь вся ў мышей выскребена».— «Эще што?»— «Эще при́шла коровушка».— «Какая?» —«Выбойцята, набойцята, бумажна, шо́ўкова, прытко хорошая корова, вся ў воронъ выклевана, тётки Ганни покойници».—«Э’ще што при́шло?»— «При́шла овецька, выбойцята, набойцята, бумажна, шоўкова, прытко хоро́ша о́вця, тётки Ганни покойници, ту-зди лявцецёкъ (клокъ шерсти), ту-зди лявцецёкъ. При́шло эще блюдцё,

бытто ку́ричьё корыто, тётки Ганни покойници. Пришла ложка эще, бытто поварёнка. При́шла эще п . . . а»— «Кака?» — «Выбойцята, набойцята, бумажна, шоукова, прытко хоро́ша, бытто рѣшато».

147.

На роду написано.

Записана въ Шуньгѣ (дер. Завьяловка), отъ Парасковьи Александровны.

Нѣ въ какомъ царьсви было́, пріѣжжаў мужчына торговый къ ноци, и онъ Господа Боɣа знаў, молиўся всё Господу Боɣу, просиў всёɣо́ хоро́шоɣо. Вотъ онъ заснуу на ноцли́ги спать. Ну и заколотилось подъ окошкомъ. «Вотъ, говоритъ, въ сей цясъ (ёму во сняхъ и снитьця) жана́ родила (хозяйка въ доми), и што этому бладеньцю буде?» И говоритъ на мѣсто, што, говоритъ, што «до семнацяти лѣтъ она выростетъ и што въ семнацятый аньельской день въ колодець потонетъ на у́лици». Вотъ, этотъ ноцьлежьникъ выстаў по у́тру, приходи въ другу коўмату, и то́цьна хозяйка родила дивицю. Онъ и говоритъ имъ слѣдующа, што «я здѣка прожыву трое сутки, возьмитя-ка меня проѣжжающоɣо ку́момъ». Оны и согласны этому дѣлу, и троэ сутки онъ прогостиў, и вызвали священника и кресну матерь, и проѣжжающёй—ку́момъ. И онъ такъ священника наградиў проѣжжающёй за роботу, за свою кресницю, што онъ двацять пять лѣтъ тоɣо не видаў. И такъ оны любуютця ку́момъ тымъ и всёй семьёй радуютця и такъ куму́ и ку́ма своеɣо подариў, што всимъ на́ диво, и кресници говоритъ онъ родителямъ, што «ежели она буде жыть, я на семнацять лѣтъ ёй обновки и содержаніе оставлю, а на аньёльской день самъ бу́ду, ежели жывъ буду». И поѣжжаэтъ отъ јихъ съ гостей и оставляэтъ хозяина довольнымъ быть, со всимъ семейсьвомъ и кресницей. И онъ отъѣхаў, оны ю стали ро́стить и воспитáть, и она бы́лабы лучше да не́куда, ростётъ хорошо, ну, и тамъ ужъ скоро скажетця, доуго будетця, (доуго время идётця), ну вотъ и семнацять годовъ прошло, кресниця вы́росла и этоɣо... ждуть имениндъ справлять крёсноɣо, всёɣо два дня оставаэтця до а́ньель-

скоɣо дни. Вотъ хозяинъ поглянитъ на улицю и говоритъ хозяйки: «Жона́, вѣдашь-ли што, глей, нашъ кумъ прiѣхау». И она обрадовалась, дочьку хватила за руку — и «Здоровайся, говоритъ, твой крёсный татенька прiѣхау». И онъ такую одёжду ёй привёзъ, што ужъ всимъ людямъ на́ диво. И на дру́гой день говоритъ: «Ку́мушка, возьми́тя вы съ колодця воды́ по на́добью, штобы на двоэ сутки воды хватило». Оны взяли катки, накатили воды́, и онъ взяу этотъ колодець обби́у чорной кожой. И на этотъ на аньельской день и стали пить и веселитьця, аньельской день справлять, а кресниця ничоɣо не ку́шатъ, што «ничоɣо я не хочю». Онъ ёй, штобы не было, всѣмъ подчиватъ, блаɣотворитъ, штобы она хоть што ни покушала. Она ничоɣо не кушатъ, всё проситъ, што «спуститя меня погулять». Вотъ двѣнацять часовъ минуло дни, и берётъ своɣо крёсноɣо за́ руку.—«Подёмъ, крёсный, татенько, хоть на улицю выйдемъ, прогуляэмся». Она какъ на улицю скоро вышла и вы́хватитъ отъ ёɣо́ свою пра́вую руку и павъ на колодець и тутъ переставилась на этой кожи и на колодци. И тутъ ю взяли въ фатеру, похоронили и слёзно плакали.

Ар 173

148.

Судьбы на конѣ не объѣдешь.

Записана тамъ же, отъ той же.

Нѣ въ какомъ бы́ло царьсвiи, нѣ въ какомъ было государьсвiи, у барина была́ одна доцька. Ну, вотъ по рожденiю эдакъ жа случилось: слышытъ отець, што подъ окошкомъ говоритъ: «Сей бладенець родиуся, такъ што́ ёму по рожденiю будетъ?»—«А вотъ, говоритъ, она выросте до поу́ного возросту; въ этой же ночи у дивици у блудници сынъ родиу́ся, и этотъ-жо сынъ во́зьметъ эту дивицю и всимъ ево царьсвiемъ повладiетъ, какъ выростетъ до поу́ноɣо возросту». И опеть жо этотъ целовѣкъ богатый и во́зьметъ, справитця въ своёмъ городи, хто родиу́ся, а хто у́меръ. Ну, вотъ онъ сдѣлау́ свѣдѣнiе: и тоцьно, дивиця родила́ сы́на. Ну, и онъ прiѣжжатъ къ эхтой дивици и говоритъ ей, што «ты родила́ сына, а тебѣ воспитать нечимъ,

а я у тебя куплю сына, а ты мни продай». Ну, вотъ она подумала, подумала, што «нѣтъ, не продамъ». — «А коγда ты ево выростишь, онъ говоритъ ёй, и што отъ ёγо тиби и бýдягъ, а ты за ёγо нынѣчо возьми деньги, я за ёγо деньги дамъ, а тебѣ буде чимъ и жыть». Она говоритъ-то: «што мнóго-ль ты дашь денёгъ», она говоритъ-то, «што хотя сто рублей». Онъ говоритъ: «Штó сто рублей, возьми двѣсти зá сына». Она взяла да еγо и прóдала; прóдала и завертѣла. Онъ велѣў извощыку взять. И извощыкъ этоγо сына взяў, вынесъ на улицю, баринъ сѣў на дрожки, хошь въ корету, хошь во што, ну, и сѣў и этоγо ребёнка взяў въ берéмя хъ себѣкова взяў, поѣхали домой. Объявлятъ онъ своёй барыни и доцьки, што «я покупку купиў». Она говоритъ: «Какую? Какую купиў покупку». Онъ ёй и показываэтъ, што «ты родилá дочерь, а я купиў сына». Она взяла осмотрѣла, скаже, што «не надо намъ сына, нѣшто дѣлать», а онъ говоритъ: «Я же много денёгъ отдаў, такъ куды-же мы ёγо кладёмъ». Она говоритъ: «Ты отдаў двисти рублей, а я отдамъ петьдесять рублей, а свезютъ (такъ!) нашъ кучеръ въ лисъ, оставитъ въ лисяхъ, а онъ тамъ и захóлунетъ (замержетъ). Она взяла, кучера къ себѣ прúзвала и кýчеру даётъ петьдесять рублёвъ, што «свези еγо въ лѣсъ подальше». И кучеръ взяў деньги и ребёнка завертили настоящымъ порядкомъ, повёзъ въ лѣсъ и оставиў подъ сóсной въ холодноэ, въ зимноэ время. На тую пору, какъ скоро кучаръ выѣхаў, такъ, какъ кучаръ выѣхаў, такъ прiѣжжаэтъ мужыцёкъ пожылой со старушкой въ лѣсъ за дровамы двоэ. И старуха говоритъ: «Мужъ, хто-то плачетъ подъ сóсной», — а онъ говоритъ: «Можотъ-ли быть въ эγдакомъ лѣсу хто и плаце». А старуха тоγо не слѣдуетъ стариковыхъ басенъ, и къ сóсны, — присыкаэтся къ сóсны, и подъ сóсной ребёнокъ. Вотъ, она и взяла и приноситъ къ мужу этоγо ребёнка съ подъ сóсны и говоритъ мужу, што «я, говоритъ, нашла сиби найдёноша сына». И старикъ обрадоваўся и лѣсу не сѣкъ, штобы ребёнокъ не зазябнуў. Онъ взявши дитя, старуху и дитя посадиў на дровни и повёзъ домой. И поѣхаў домой и радуютця, што «намъ γосподь даў сына». И взяли, доложыли священнику и окрестили, обмолúгвили этоγо сына. Вотъ, и радуютця, што и сынъ ростётъ и всё роспоряжаэтця не мужицкимъ роспорядкомъ, а всё будто барьскимъ (господской начiя ростётъ). Вотъ, и нѣсколько времени оны годовъ еγо выросли, до семнацяти лѣтъ, и онъ имъ всяку роботу роботатъ и такой ласко-

вый, вѣжливый до отця́ и до матери. Вотъ восьменадцятый годъ ему вику пошоў. Вотъ глядя́тъ, въ зимноэ время пріѣхала повозка такая большая. и стучитця извощыкъ подъ окномъ, што «нельзя-ли пообѣдать». Вотъ оны отвѣчають, што «мошно». Онъ приходитъ въ фатеру изъ повозки, баринъ, и тамъ чеγо-то у ихъ недостало хъ пищи къ ёму барину, и оны своеγо сына посылаю: «Поди-ка, найдёнышъ, скаже, поди къ сусёду, возьми у ёγо есь, скаже, што намъ требуятця». Тотъ и пошоў къ сосёду. А баринъ бросиў кушаньё јнсь, не може, и стаў спрашывать старика́ и стару́ху: «Што-же у васъ сыну имя-то не такоэ, какъ въ людяхъ, найдёнышъ?» — Оны ёму и говорятъ: «Потому жо у насъ такоэ имя, што мы еγо нашли въ ли́сяхъ подъ со́сной, ѣздили за дрова́мы, ну мы и назвали найдёнышемъ, своимъ именемъ и назвали». Вотъ приходитъ найдёнышъ этотъ съ дереўни и приноси кушаньё барину, и баринъ говоритъ старику и старухи (за кушаньё не принимаэтця) и говоритъ старику и старухи, што «вы отдайтя мникова, продайтя этоγо сына». Старикъ и согласенъ, а старуха не отдаётъ. «Какъ мы станемъ жыть посли, а онъ такой старатель, што и клась не́куды». А баринъ говоритъ: «На деньги людей будетъ и хлѣба будетъ». — Ну оны рядитьця да рядитьця да за́ петьсотъ сына и продали. Онъ сиби и думатъ, баринъ: «Деньги отдаў, сына купиў и што съ јимъ заведу нонь? Домой я еγо повёзу, аль дорогой рѣшу?» И опеть роздумаўся: «Што мнѣ еγо дорогой рѣшать, но... а у насъ, есь у насъ смолошивны заводы (смолу варятъ), а я напишу письмо, штобы смоловарь, какъ онъ при́дётъ, письмо подасъ, такъ этоγо... штобы оны въ смолу еγо и бросили». И онъ взяў еγо, отпустиў, письмо даў ёму и отпустиў ёγо въ своэ царьсвіё, а самъ уѣхаў на́ сколько време, въ объѣзъ на шесь мисяцевъ. Вотъ этотъ молодець пошоў съ письмомъ въ эγдако мѣсто, во́зьме письмо, вынетъ съ кормана и доброумитця (радуэтця), што «съ письмомъ иду», а самъ ничеγо не знаэтъ. Вотъ сидитъ и не́ откуль ёму явиўся мужыцёкъ и говори́тъ ёму: «Дай-ко я тиби прочитаю». А онъ ёму на мѣсто говоритъ: «Нѣтъ, што печати сломашь». — А онъ говоритъ: «Я прочитаю, а печати такъ же кладу́ по старому, а тиби будя лучша». Вотъ этотъ мужицёкъ взяў, роспечатаў и прочитаў, и онъ свою судьбу узнавать, што велѣно смолокурамъ еγо бросить въ смоляную яму. Вотъ этотъ мужицёкъ взяў написаў ёму: «Божьимъ повелѣніемъ, што ты пріјидешь, и это

письмо отдай ма́тери и доче́ри немедленно», и написаў онъ въ эттомъ письмѣ мужицёкъ: «Божьимъ изволомъ, што принять законный бракъ немедленно въ три чяса, што то тиби супрукъ», а барыня штобы до́черь вы́дала. Ну, и онъ приходитъ туда съ письмомъ, и приходитъ къ эхтой смоляной ямы, пе́рьво, и вси смолокуры спятъ, ёму ихъ розбудить не хотѣлось, жаўко, и пошоў туды къ барыни къ матери и доче́ри съ эстымъ письмо́мъ. Ну, и онъ явиўся и письмо отдаў. Оны письмо́ прочитали и горечясно плакали, што же онъ такъ сдѣлаў безъ нашоϒо по́воду. И въ три чяса́ со́брали всё по еϒо повелѣнію, по письму, со́брали всихъ и кореты, и поѣхали къ вѣньцю. Ну, какъ пріѣжжаютъ къ вѣньцю и обвѣньцялись, отъ вѣньця поѣхали и пріѣжжаэтъ на́роцьный къ эхтой смоли́вой ямы, нароцьный и подаў письмо: «какъ скоро явитця кака́ ни мужчына, и вы не медливши положытя еϒо въ смоляную яму». Вотъ оны это письмо прочитали, смолянники и ждуть, хто явитця. Онъ и ѣхаў этотъ князь-ли, царь-ли и велѣў поставить кучару ко́ній и «дай мни, говоритъ, свою кучерьску одёжу и свою накидну́ю шапку». И онъ приходитъ къ эхтой къ смоляной ямы, не достигши своёϒо дому (што ня́ досугъ, надо спѣшитьця къ ямы скорѣа). Вотъ оны увидили, што целовѣкъ явиўся — смолокуры, котороϒо ждать нужно. Оны взяли, ничоϒо не спрося, припо́нъ смоляной на́ голову, и бросили въ смоляную яму. И какъ припо́нъ накинули, и онъ скрычаў, што «спуститя, я вашъ баринъ». Оны не на што не смотря: «намъ што приказано, то и дѣламъ», только крычатъ на мѣсто, и еϒо и рѣшыли. Кучаръ ждаў, ждаў, барина нѣту, и взяў поѣхаў въ своё царьсво и пріѣхаў: въ царьсви перъ, и дочьку за́мужъ выдали и зя́тя взяли. Кучаръ объявляэтъ то, што, «сходитя къ смолокурамъ, туды ушоў баринъ, што еϒо доуго нѣту». Сходили и спрашиваютъ, и смолокуры говорятъ, што, говоритъ, «являўся целовѣкъ, мы еϒо положыли въ смоляную яму по приказу барськоϒо, што вотъ письмо получили, што который целовѣкъ пе́рьво явитця, тоϒо въ яму спустить немедленно». Ну, и барыни письмо подали, и она видитъ, што своеϒо мужа рукой пи́сано, што немедленно рѣшыть того письмоподателя. Ну, она и говоритъ: «Божьей судьбы на кони не объѣдёшь и птичей не уле́тишь». А тутъ найдёнышъ повладѣў всимъ царьсвомъ и невѣстой, которая Богомъ сужена.

149 *).

Пѣтухъ, котъ, свинья, баранъ и быкъ.

Жили старикъ со старухой, было у нихъ много скотины: пѣтухъ, котъ, свинья, баранъ и быкъ. Сидятъ лѣтомъ старикъ со старухой на завалинкѣ, старикъ и говоритъ: «А что, старуха съ пѣтухомъ то намъ нечего дѣлать, скоро у насъ праздникъ, зарѣжимъ его къ празднику».—«А какъ знаешь, такъ и дѣлай», говоритъ старуха. А пѣтухъ услыхалъ и ночью въ лѣсъ улетѣлъ. Долго на другой день искалъ старикъ пѣтуха и не могъ найти. Пришелъ вечеръ, опять сидятъ старики. «А что, старуха, пѣтухъ куда то затерялся, завтра зарѣжу свинью». — «Зарѣжь», говоритъ старуха. Свинья услыхала и ночью убѣжала въ лѣсъ. Пришелъ утромъ старикъ на дворъ, а на дворѣ свиньи нѣтъ; искалъ, искалъ, не могъ найти. Вечеромъ опять сидятъ старикъ и говоритъ: «Завтра зарѣжу барана». Баранъ услышалъ и въ лѣсъ убѣжалъ. Старикъ и того найти не могъ. Сидятъ опять вечеромъ и говоритъ старуха: «Быкъ одинъ на дворѣ остался, хоть быка зарѣжь».—«Ладно», говоритъ старикъ. А быкъ услышалъ и въ лѣсъ убѣжалъ. Пришелъ старикъ на дворъ и быка нѣтъ, долго искалъ и не могъ найти. Пришелъ и говоритъ старухѣ: «Что за чудо! Вся скотина извелась, поищу еще хорошенько, а если не найду, то и кота убью да изъ шкуры шапку сошью». Котъ услыхалъ и ночью въ лѣсъ убѣжалъ.

Лѣтомъ въ лѣсу хорошо и привольно, бѣглецамъ тоже хорошо было; быку и барану травы сколько угодно, только кушай, котъ мышей ловитъ да птичекъ, пѣтухъ насѣкомыхъ

*) Нижеслѣдующія 17 сказокъ извлечены изъ рукописи: «Сказки и пѣсни собранныя и записанныя въ Петрозаводскомъ у. Олонецкой губ. въ 1890 годахъ учителемъ с. Муромли Д. Георгіевскимъ». Оригиналъ хранится въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Академіи Наукъ, подъ № 45.8.179.

клюетъ и сѣмена растеній, а свинья все ѣстъ. Только и плохо, когда дождикъ пойдетъ, такъ они спрячутся. Но лѣто пришло, наступила осень, стало холодно, а послѣ осени еще зима придетъ, еще холоднѣе будетъ. Осень пришла и быкъ замерзъ прежде всѣхъ и надумалъ онъ на зиму избу строить, нашелъ барана и говоритъ: «Давай баранъ вмѣстѣ избу строить. Зима придетъ, будетъ холодно, замерзнешь».—«Нѣтъ, не замерзну, у меня шуба теплая, буду бѣгать, мнѣ и тепло будетъ». Нашелъ быкъ свинью. «Давай избу строить, свинья, зимой будетъ холодно—замерзнешь».—«Нѣтъ, не пойду избы строить, я вырою глубокую яму въ землѣ, заберусь въ яму, а снѣгу нападетъ, мнѣ еще теплѣе будетъ, такъ и пролежу до лѣта». Пошелъ быкъ къ пѣтуху. «Давай пѣтухъ избу строить, зима придетъ, холодно будетъ». Нѣтъ говоритъ пѣтухъ, я одно крыло постелю, а другимъ покроюсь, мнѣ и тепло будетъ». Нашелъ быкъ кота. «Давай, котъ, избу строить». «Нѣтъ, мнѣ тепло будетъ, я носъ положу подъ хвостъ и согрѣюсь». Всѣ отказались избу строить. Быкъ выбралъ сухое мѣсто, натаскалъ бревенъ, нарвалъ моху и состроилъ избу; печку склалъ и дровъ наготовилъ. Пришла осень, иной день и холодно, а быку тепло, истопилъ печку и сидитъ въ избѣ.

Наступила зима, стало холодно, баранъ бѣгалъ, бѣгалъ и согрѣться не можетъ и пошелъ быка искать, нашелъ и просится въ избу. «Что же, говоритъ быкъ, ты сказалъ, что будешь бѣгать и согрѣешься, что и шуба теплая, не пущу въ избу, зачѣмъ строить не пособилъ».—«А если не пустишь, то я рогами всѣ углы въ избѣ отобью, все равно и тебѣ не тепло будетъ».— «Ну, ступай же», говоритъ быкъ. Баранъ зашелъ въ избу и сѣлъ въ уголъ.

Вырыла свинья яму рыломъ, легла въ нее, стало и свиньѣ холодно и побѣжала хавроньюшка быка искать. Прибѣжала къ избѣ и просится у быка. Быкъ и говоритъ ей: «Что же ты хотѣла зиму пролежать въ ямѣ, а сама просишься? не пущу, избы не строила . «А не пустишь, такъ я вырою подъ всѣ углы ямы и изба упадетъ». Пустилъ быкъ свинью, свинья забралась въ избу, да показалось жарко и забралась въ подполье.

Пѣтухъ одно крыло подосталъ, а другимъ покрылся, но все холодно; пробралъ холодъ пѣтуха и полетѣлъ онъ искать быка: еле до избы дотащился и просится у быка въ избу. «Вѣдь ты сказалъ, что одно крыло постелишь, а другимъ при-

кроешься, тебѣ и тепло будетъ, а теперь такъ просишься; нѣтъ, братъ, не пущу, избы строить не пособилъ».—«А не пустишь, такъ я весь мохъ выклюю изъ стѣнъ, тебѣ и самому будетъ холодно».—«Ну, забирайся въ избу, тебѣ немного мѣста нужно». Забрался пѣтухъ и сѣлъ на жердочку.

Котъ еще кое какъ сбивался, но и того холодъ пробралъ. Пошелъ тоже быка искать. Добѣжалъ до избы, лапки стряхиваетъ и просится въ избу. Быкъ и говоритъ коту: «Что же ты говорилъ, что кладешь носъ подъ хвостъ, тебѣ и тепло будетъ? Нѣтъ, не пущу, избы не строилъ».—«Если не пустишь, то я у тебя весь мохъ когтями выцарапаю, ты и самъ замерзнешь». Пустилъ быкъ и кота. «Иди, говоритъ, ужъ мы всѣ тутъ забрались, куда же тебя одного покинуть». Котъ забрался и прямо на печку, и лежитъ.

Идутъ семь волковъ сѣрыхъ, видятъ въ лѣсу избушку, одинъ молодой волкъ и говоритъ: «Братцы, я пойду въ избушку, а если долго не приду, приходите на выручку». Приходитъ волкъ въ избу и уставился на барана, испугался баранъ и отъ страху хотѣлъ уже заблѣять; вдругъ пѣтухъ закричалъ: «Кукуреку!» слетѣлъ съ жердочки и давай волку глаза клевать. Выскочилъ котъ съ печи, фыркнулъ и ну глаза волку царапать. Бросился на помогу баранъ изъ угла и такъ бодонулъ рогами волка, что тотъ перекувырнулся. Набѣжалъ быкъ и рогами проткнулъ бокъ волку. А свинья въ подпольѣ кричитъ: «Хрю, хрю, хрю! Ножики точу, топоры точу, хочу живого съѣсть». Едва волкъ изъ избы выбрался, бѣжитъ и кричитъ товарищамъ: «Ой, братцы, бѣжите!» Когда убѣжали далеко и сѣли отдохнуть волкъ и сталъ разсказывать:

«Какъ только я зашелъ въ избу, вижу кого то мохнатаго, онъ уставился на меня; вдругъ что то захлопало, закричало и на меня и прямо въ глаза клюетъ; потомъ небольшой выскочилъ съ печи, наскочилъ на меня и тоже глаза царапать. Потомъ изъ угла выскочилъ мохнатый, ударилъ меня чѣмъ то, я на ногахъ устоять не могъ. Потомъ кто то большой наскочилъ, какъ ткнулъ меня чѣмъ то, я свѣту не взвидѣлъ, такъ жаромъ всего и обдало. А еще кто то кричалъ: «Хрю, хрю, хрю, ножики точу, топоры точу. Хочу живого съѣсть!»—«Ой, бѣжите, братцы, чтобы погони не было». И опять пустились. А въ избушкѣ успокоились отъ страха и живутъ да поживаютъ.

150.

Мѣдный лобъ.

Жилъ былъ царь на царствѣ, государь на государствѣ, женатъ былъ на красавицѣ и на первый годъ царица родила сына. Бабка сносила царскаго сына въ баню, принесла и говоритъ царю: «Сынъ крѣпкій и будетъ проворный человѣкъ, но одна бѣда, на головѣ у него есть надпись, что онъ убьетъ своего отца». Опечалился царь, но жаль ему сына, свое дитя, а пока малъ, пусть еще живетъ вмѣстѣ, а потомъ увидимъ, что съ него будетъ.

Подросъ сынъ, приставилъ царь къ нему человѣка, чтобы строго смотрѣлъ за нимъ, но и самъ смотрѣлъ за нимъ и [illegible]

разузнать, какъ могъ выйти изъ крѣпости Мѣдный лобъ, а когда узнали, что царевичъ съ дядькой выпустили, то царь приказалъ дядьку посадить въ крѣпость, а царевича приказалъ подъ строгимъ карауломъ вывести за границу и больше не пускать въ свое царство.

Сидитъ дядька въ крѣпости, а царевичъ отправился куда глаза глядятъ; скучно ему стало, онъ сдѣлалъ рожокъ и учится играть. Пришелъ въ городъ остановился на квартиру къ старику, а старикъ этотъ былъ пастухомъ, пасъ царскій скотъ, за небольшую плату, онъ и нанялся пастухомъ къ старику. Ходитъ съ нимъ въ лѣсъ и на рожкѣ наигрываетъ. Пастухъ старикъ хорошо игралъ, но помощникъ его играетъ еще лучше; а чрезъ небольшое время такъ сталъ играть, что народъ сталъ сбѣгаться слушать его, а царская дочь просила царя, что помощникъ пастуха всегда приходилъ выгонять скотъ и игралъ, а она съ матерью сидятъ и слушаютъ игру. Умеръ старикъ пастухъ и царевичъ заступилъ его мѣсто. Погналъ лошадей въ лѣсъ первый разъ и думаетъ: «Вотъ до чего я дошелъ, пастухомъ сталъ! Гдѣ-то Мѣдный лобъ, хоть бы онъ пособилъ и научилъ что дѣлать». Пригналъ коней въ лѣсъ, видитъ, кони что-то головами мотаютъ. «Что такое съ конями случилось?» думаетъ царевичъ, но объяснить самъ не могъ, что съ конями случилось. Пасетъ коней, а самъ все про Мѣднаго лба думаетъ. И вотъ въ одинъ день, когда онъ очень усердно игралъ на рожкѣ, кони всѣ привалились. а когда погналъ ихъ вечеромъ домой, видитъ чудо чудное; у коней выросли серебряныя гривы. Подивились всѣ, а царь призадумался. «Что это такое значитъ? Что за человѣкъ у меня пастухомъ».

Приказалъ царь пастуху коровъ пасти. «Коней ты славно откормилъ, теперь коровъ попаси», говоритъ царь и назначилъ пастуху двойное жалованье. Пасетъ пастухъ коровъ и все про Мѣднаго лба думаетъ; коровы становятся все тучнѣе, и въ одинъ вечеръ замѣтилъ, что у коровъ выростаютъ мѣдныя копыта и рога. Когда однажды пригналъ коровъ съ мѣдными копытами и рогами, всѣ сдивились.

Приказалъ царь ему свиней пасти и назначилъ тройное жалованье. «Свиней ужъ заставили пасти, думаетъ царевичъ, а послѣ этого то, что же будетъ?» Вспомнилъ онъ Мѣднаго лба. Пасетъ свиней и однажды пригналъ ихъ такими, что было настоящее чудо: у каждой свиньи на каждой щетинкѣ было по

жемчужинкѣ. а штиблеты золотыя. Подивились всѣ, а царь призадумался. Призвалъ пастуха и спросилъ его: «Что ты за человѣкъ?» Пастухъ говоритъ: «Я сынъ царя, но отецъ меня прогналъ изъ своего царства, зато, что я изъ крѣпости Мѣднаго лба выпустилъ».—«Знаю», говоритъ царь. Разсказалъ царь женѣ и дочери и видитъ, что дочь его пастуха любитъ, предложилъ ей, чтобы лучше испытать, выйти за пастуха замужъ, а она съ радостію согласилась. Видитъ царь, что дѣло плохо и приказалъ тайно отъ жены и дочери подъ строгимъ карауломъ вывезти его за границу и на границѣ своего царства поставить караулъ, чтобы не пускать пастуха. Пастуха за границу вывезли и лишь только онъ перешелъ границу, въ эту минуту лошади, коровы и свиньи стали обыкновенными. Когда ихъ вечеромъ пастухи пригнали, царь опечалился, дочери и женѣ сказалъ, что онъ пастуха выслалъ заграницу, такъ какъ онъ сынъ царя и отецъ его объявитъ ему войну, если онъ держать его будетъ у себя.

Пошелъ царевичъ дальше. Дорога пошла лѣсомъ. Шелъ, шелъ лѣсомъ, видитъ большой домъ, зашелъ въ домъ никого нѣтъ. Пришла ночь, въ полночь слышитъ идетъ кто то, испугался царевичъ, но дѣлать нечего; входитъ чертенокъ: «Ага, говоритъ, молоденокъ на молоденка попалъ, вотъ и ладно». Вспомнилъ царевичъ про Мѣднаго лба и вдругъ слышитъ, что у него въ карманѣ что то есть. Пощупалъ и смѣкнулъ, что у него что то въ родѣ табакерки, снялъ изъ кармана, дѣйствительно табакерка и полна табаку. Посмотрѣлъ чертенокъ на табакерку и говоритъ: «Это что?»—«Да табакъ, говоритъ царевичъ. «А я его никогда не пробовалъ».—«На, понюхай». Чертъ понюхалъ и началъ чихать. «Славная, говоритъ, штука, давай въ карты играть, три раза съиграемъ, если въ третій разъ я обыграю тебя, то ты мнѣ дашь эту тавлинку, а если ты меня обыграешь, то я тебѣ, что хочешь, то и дамъ». И предлагаетъ ему много чудныхъ вещей, но царевичъ согласился взять кошелекъ, въ которомъ нѣтъ ничего, но только откроешь и въ немъ золото: сколько угодно отдавай золота, а въ кошелькѣ всегда будетъ. Сдалъ чертъ карты, съиграли разъ царевичъ проигралъ, другой тоже проигралъ. Третій разъ чертенокъ сдаетъ карты, а царевичъ про Мѣднаго лба думаетъ и проситъ пособить. Ходитъ чертъ, царевичъ покрылъ, другой, третій разъ, царевичъ покрываетъ, потомъ царевичъ сталъ къ нему ходить крестями

(трефи); чертенокъ крестей крыть не можетъ; и обыгралъ царевичъ чертенка и получилъ кошелекъ, а черту далъ еще понюхать табаку и тотъ ушелъ. Пошелъ царевичъ дальше, видитъ городъ, зашелъ въ рынокъ и купилъ кое-что, золото изъ кошелька даетъ, а золота не убываетъ. Вотъ и живетъ онъ въ городѣ, играетъ въ карты съ купцами, господами и наконецъ и до царя добрался; царь охотникъ былъ въ карты играть, да часто играла и царская дочь, а потомъ дѣло дошло до того, что царевичъ съ царской дочерью каждый день играли и каждый день царевичъ проигрывалъ. Стала царевна подмѣчать, откуда онъ столько денегъ беретъ и подумала, что у него вѣрно такой кошелекъ неистощимый. И вотъ однажды, она подпоила царевича соннымъ зельемъ и кошелекъ взяла и остался царевичъ ни причемъ. А когда дочь сказала царю, что завладѣла кошелькомъ, царь приказалъ подъ карауломъ выслать царевича изъ своего царства.

Выслали, свезли на границу и отправился царевичъ дальше. «Вотъ, думаетъ царевичъ, остался молодецъ безо всего, что теперь буду дѣлать? Пособи Мѣдный лобъ изъ бѣды выйти. А потомъ и буду гдѣ-либо жить и не буду ошибаться». Идетъ впередъ и пришелъ къ морю, а на берегу моря растутъ яблони, а на яблоняхъ яблоки поспѣли, онъ сорвалъ нѣсколько яблоковъ; съѣлъ одно яблоко и у него рогъ выросъ, а онъ и не замѣчаетъ; съѣлъ другое—и другой рогъ выросъ; съѣлъ третье и видитъ у ногъ что то шевелится; схватилъ и почувствовалъ, что это у него хвостъ, хотѣлъ рукой глаза потерѣть и задѣлъ рукою за рогъ, пощупалъ, дѣйствительно на головѣ рога. Испугался царевичъ, вспомнилъ и Мѣднаго лба, но рога и хвостъ остаются. Ходилъ, ходилъ по берегу моря и пошелъ дальше. Прошелъ нѣсколько дней, посмотрится на себя въ воду и видитъ на себѣ рога, дошелъ до такого мѣста, гдѣ росъ колючій кустарникъ, и между этимъ кустарникомъ растутъ небольшія деревца, а на нихъ красные плоды въ видѣ яблоковъ. Сорвалъ онъ плодъ и думаетъ. «Что жъ, отъ яблоковъ выросли рога и хвостъ, а можетъ быть отъ этихъ плодовъ еще что либо выростетъ, тогда и буду ходить чудомъ; вѣрно такъ и нужно». Съѣлъ одинъ плодъ, пощупалъ нѣтъ рога, съѣлъ другой и другой рогъ отпалъ, съѣлъ третій и хвостъ отпалъ. Посмотрѣлъ на себя въ водѣ и видитъ, что роговъ дѣйствительно нѣтъ. Обрадовался царевичъ, нарвалъ этихъ плодовъ и

думаетъ: «съѣмъ еще, можетъ еще будетъ лучше». Съѣлъ одинъ плодъ, посмотрѣлъ на себя въ водѣ и себя не узналъ, сталъ такой красавецъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. «Что жъ, думаетъ онъ, ворочусь теперь назадъ, другимъ человѣкомъ сталъ, меня и не узнаютъ».

Отправился обратно, нарвалъ и яблоковъ и пошелъ. Приходитъ къ границѣ, его не задержали, добрался до царскаго дворца и сталъ, какъ торговецъ и продаетъ яблоки. Двѣ служанки выбѣжали изъ дворца и стали покупать, онъ плодовъ имъ и продалъ по одному каждой; служанки ѣдятъ и похваливаютъ, а торговецъ пошелъ дальше. Съѣли служанки и другъ друга не узнаютъ, стали красавицы; потолковали между собой и пришли къ царской дочери, та ихъ не узнала; но когда онѣ разсказали въ чемъ дѣло, царевна дала деньги и приказала купить яблоковъ. Служанка догнала царевича, и проситъ торговца продать три яблока, что ихъ проситъ царская дочь: царевичъ взялъ деньги и далъ три яблока. Принесла служанка яблоки, царевна ушла въ свою комнату и съѣла всѣ три; пошла посмотрѣться въ зеркало, ѣъ зади что-то волочится, посмотрѣлась въ зеркало, а у ней на лбу рога выросли. Ахнула царевна и сейчасъ же послала за торговцемъ, пришелъ торговецъ и она проситъ его, чтобы онъ ее вылѣчилъ. Торговецъ остался во дворцѣ къ ночи, а царевна строго запретила служанкамъ, чтобы онѣ никому не говорили, что произошло, что у ней рога и проч. Когда всѣ улеглись торговецъ взялъ молотокъ и поколотилъ по рогу, больно царевнѣ, но она терпитъ, только бы освободиться отъ бѣды; далъ ей торговецъ одинъ плодъ и она съѣла, одинъ рогъ и отпалъ; далъ торговецъ другой плодъ и другой рогъ отпалъ. «Ну а теперь, царевна ты со мной расчитайся, а потомъ на другую ночь и хвостъ отпадетъ».—«Да что я тебѣ дамъ?»—«Я люблю золото, золотомъ ты и расчитывайся!» Достала царевна кошелекъ и стала давать золото, видитъ торговецъ, что кошелекъ его и проситъ кошелька до другой ночи, такъ какъ золото положить ему не куда. Царевна долго не соглашалась, но потомъ должно быть подумала, что онъ не узнаетъ фокуса въ кошелькѣ и отдала ему кошелекъ, но только просила его возвратить. Ушелъ торговецъ и въ ту же ночь вышелъ изъ города, кошелекъ унесъ, а царевну съ хвостомъ оставилъ. Пришелъ въ тотъ городъ, гдѣ у царя скотъ пасъ, сѣлъ у дворца и продаетъ яблоки, вышла царевна и купила плодъ, съѣла и

стала красавицей. Пригласила его во дворецъ, онъ все разсказалъ, гдѣ онъ былъ послѣ того, когда его изъ царства прогнали и что съ нимъ случилось. Остался онъ жить во дворцѣ и царь по просьбѣ дочери сдѣлалъ его распорядителемъ дворца; золота распорядитель не жалѣлъ и всѣхъ подкупалъ. Умеръ царь и на его мѣсто выбрали царемъ распорядителя, повѣнчался съ царевной и сталъ править царствомъ и богачѣ его не было.

---

151. Ар 122

Слуга Егерь.

Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ былъ царь, имя ему было Карь. Хорошій былъ царь, а царица была злая, некрасивая; царь любилъ ѣздить на охоту, и всегда бралъ съ собою любимаго своего Егеря, а жена у Егеря была первая красавица въ свѣтѣ; влюбился царь въ жену Егеря, захотѣлъ ее взять къ себѣ, а слугу извести.

Собралъ онъ на совѣтъ сенаторовъ и приказалъ имъ обсудить дѣло, какъ бы извести Егеря. Собрались сенаторы, посовѣтовались, придумали службу, которой Егерь не могъ бы исполнить, подписались подъ бумагой и стряпчій отнесъ ее къ царю. Вечеромъ призвалъ царь Егеря и говоритъ ему: «Вѣрный мой слуга, со служи мнѣ службу, въ эту ночь сшей мнѣ тридевять мундировъ, исполнишь,—награду получишь, а не исполнишь—голову на плаху». Пришелъ Егерь домой кручиноватъ, печаленъ. «Что любезный мой мужъ, пришелъ ты кручиноватъ, печаленъ, спрашиваетъ его жена, царь тебя огрубилъ, или службу нарядилъ?». «Царь не огрубилъ, а только службу нарядилъ, велѣлъ къутру приготовить тридевять мундировъ».— «Ну, это не служба, а службишка, ложись спать, утро вечера мудренѣе». Егерь легъ спать, а жена его вышла въ полночь на крыльцо, перемѣнила перстень, съ руки на руку, вдругъ явились слуги; она приказала имъ сшить къ утру тридевять мундировъ и слуги скрылись. Къ утру мундиры были готовы, Егерь снесъ ихъ къ царю; удивился царь, наградилъ Егеря золотомъ и отпустилъ домой.

На другой день царь снова призвалъ сенаторовъ, снова предложилъ имъ обсудить, какъ бы извести Егеря. Сенаторы посовѣтовались, написали въ бумагѣ, что постановили, подписались и отправили бумагу къ царю. Снова царь позвалъ Егеря и говоритъ ему: «Вѣрный мой слуга Егерь сослужи мнѣ еще службу: разбросаютъ слуги въ полѣ четыре четверика маку, а ты въ одну ночь всѣ семячки собери, не соберешь—голова на плаху, а соберешь—награду получишь». Пришелъ Егерь домой печаленъ кручиненъ. «Что ты, любимый мой мужъ, кручиненъ печаленъ, царь ли тебя огрубилъ или службу нарядилъ?» Егерь сообщилъ женѣ, что нужно было сдѣлать по приказу царя.— «Ну, утро вечера мудренѣе, ложись спать, а утромъ рано иди на поле.»—Слуги царя вечеромъ разбросали въ полѣ четыре четверика маку, въ полночь жена Егеря приказала слугамъ собрать макъ. Рано утромъ Егерь вышелъ на полѣ и нашелъ, что уже всѣ мѣры почти полны, походилъ недолго по полю, мѣры наполнились и онъ ушелъ домой. Снесли слуги макъ къ царю, царь подарилъ Егерю за службу дорогой перстень и отпустилъ домой.

Чрезъ нѣсколько времени царь собралъ сенаторовъ и приказалъ имъ каждому отдѣльно въ три дня обдумать, что-бы Егерь принесъ какую либо диковинку изъ чужой земли, а пока не найдетъ, чтобы домой не являлся. Черезъ три дня ко дворцу привезли три воза бумагъ, собралось у дворца народу видимо, невидимо, вышелъ и царь посмотрѣть и говоритъ: «Ну вотъ изъ этого всего выберемъ самое хитрое и невозможное исполнить и пошлемъ слугу».

Въ это время мимо царя проходилъ голь-пьяница кабацкая, остановился онъ и говоритъ царю. «Ваше императорское Величество, на свѣтѣ все возможно, нѣтъ только молока птичьяго, да и то можно достать въ иноземныхъ царствахъ. Прикажите всѣ эти возы спалить огнемъ, а мнѣ разрѣшите въ 70 кабакахъ пить водку безъ денегъ и я вамъ скажу то, что лучше будетъ всѣхъ этихъ бумагъ». Царю захотѣлось узнать, что такое выдумалъ голь-кабацкая, приказалъ написать указъ, что бы пьяница въ какой кабакъ ни зайдетъ, вездѣ бы отпускали водку безденежно. Подписалъ бумагу и отдалъ пьяницѣ, а тотъ отвелъ царя въ сторону и что-то шепталъ царю на ухо и пошелъ своей дорогой, а царь приказалъ возъ убрать. Вечеромъ царь позвалъ Егеря и говоритъ ему: «Вѣрный слуга Егерь, послужи мнѣ еще, сослужи службу: иди туда, самъ не

знаю куда, и принеси то, самъ не знаю что. Чрезъ три года возвращайся назадъ, принесешь,—примѣрно награжу, а не принесешь, — голову положишь на плаху». Кручиненъ, печаленъ пришелъ Егерь домой. «Что, мой любезный мужъ спрашиваетъ жена, кручиноватъ, печаленъ? царь тебя огрубилъ, или службу нарядилъ?». — «Царь службу нарядилъ, велѣлъ итти туда, не знаетъ самъ куда, и принести то, самъ не знаетъ что».—«Вотъ это такъ служба. Ну, ложись спать утро вечера мудренѣе». Легъ Егерь спать, а жена его въ полночь вышла на крыльцо съ руки на руку перемѣнила кольцо и вдругъ явились слуги, она и спрашиваетъ ихъ: «Не знаете ли вы принести то, сама не знаю что?» Подумали слуги и говоритъ: «Не знаемъ». Приказала она слугамъ наготовить легкой пищи и принести къ утру. Утромъ Егерь всталъ, а жена и говоритъ ему: «Тебѣ придется итти къ моей сестрѣ, далеко она живетъ, пищи я запасла много; вотъ возьми еще это полотенце, когда придешь къ сестрѣ, ночуешь, на другой день будешь утираться, то возьми свое полотенце, она тебя узнаетъ, и тамъ само дѣло покажетъ, что тебѣ придется дѣлать. Когда пойдешь дорогой, то все заворачивай въ лѣвую руку на всякой дорогѣ».

Взвалилъ Егерь мѣшокъ на плечи, простился съ женой и пошелъ. Все заворачивалъ въ лѣвую руку, долго ли, коротко ли шелъ. пищи ужъ стало мало, вдругъ въ лѣсу увидѣлъ избушку; стоитъ избушка на курьей ножкѣ, на веретеной пяткѣ, кругами вертится и дверей не видать. Подошелъ Егерь къ избушкѣ и говоритъ: «Избушка, избушка, стань къ солнцу задомъ, ко мнѣ крыльцомъ». Избушка остановилась, Егерь вошелъ въ избу, въ избушкѣ сидитъ женщина, шелкъ прядетъ, нитки длинныя сучитъ, веретено крутитъ и подъ полъ спускаетъ. Увидала Егеря и говоритъ: «Куда идешь добрый молодецъ, куда путь держишь. Туда много народу идетъ, а назадъ еще никто не воротился».—«А у насъ, тетенька, не такъ бываетъ: прежде накормятъ, напоятъ, а потомъ и спрашиваютъ». Женщина собрала на столъ. Егерь поѣлъ и легъ спать; утромъ всталъ, умылся, досталъ изъ мѣшка полотенцо, сталъ утираться, женщина вдругъ и закричала. «Ахъ ты, братецъ мой, мужъ сестры любезной, куда ты идешь, куда путь держишь?» Егерь разсказалъ все, женщина сказала, что ночью она попробуетъ узнать что-либо, можетъ быть не придется итти дальше.

Егерь спитъ, а женщина вышла въ полночь на крыльцо, сняла съ ноги башмакъ и вдругъ налетѣло множество всякихъ птицъ, сняла женщина башмакъ съ лѣвой ноги и набѣжало множество разныхъ звѣрей. Женщина и спрашиваетъ: «Слуги вѣрныя, можете ли вы найти мнѣ то, сама не знаю, что?» Всѣ птицы кричатъ, что не знаютъ и звѣри тоже. Когда все умолкло, приблизилась къ женщинѣ одна птица и говоритъ: «Есть птица Ногай, она сто лѣтъ на свѣтѣ живетъ, та можетъ быть и знаетъ». Сейчасъ же слетать голубю за птицей Ногаемъ», распорядилась женщина. Голубь улетѣлъ, нашелъ птицу Ногая въ дуплѣ дерева и черезъ нѣсколько времени съ голубемъ прилетѣла большущая птица. Женщина спросила у Ногая, можетъ ли она найти то, что она и сама не знаетъ. Ногай сказала, что она этого не знаетъ, а есть изъ звѣрей Котъ-старогодъ триста лѣтъ на свѣтѣ живетъ, тотъ долженъ знать; онъ теперь въ кусту ужъ три года живетъ. Нарядила женщина за котомъ оленя. Нашелъ олень Кота-старогода, и чрезъ недолгое время явился огромный котище. Женщина и спрашиваетъ кота: «Можешь ли ты найти то, сама еще не знаю, что?»—«Знаю, говоритъ котъ, только трудно достать и очень далеко, и достать можетъ только человѣкъ».—«Завтра приготовься въ путь!» приказала женщина. Рано утромъ разбудила женщина Егеря и сказала ему: «Ты сегодня поѣдешь дальше на котѣ, пищи я запасла на три дня, котъ свезетъ тебя до мѣста, а тамъ самъ увидишь, что дѣлать». Поклали пищу на кота, сѣлъ ему на спину Егерь и поскакалъ котъ. Долго ли, коротко ли скакалъ котъ, только вдругъ Егерь видитъ стоитъ огромный домъ, а вокругъ дома высокая стѣна. Подскакалъ котъ къ самой стѣнѣ, сбросилъ съ себя Егеря и поскакалъ назадъ. Долго стоялъ предъ воротами Егерь, потомъ отперъ ихъ и пробрался въ домъ, прошолъ по всѣмъ комнатамъ,—пусто, никого нѣтъ, забрался онъ въ одной комнатѣ на печку, сидитъ и ждетъ, не явится ли кто къ ночи. Пришелъ вечеръ, никого нѣтъ, заснулъ Егерь; вдругъ въ самую полночь, все зданіе затряслось, шумъ страшный поднялся. Проснулся Егерь, темень страшная, ничего не видитъ; вдругъ вѣтромъ рвануло въ окнѣ раму, смотритъ,—завертѣлась откуда то взявшаяся жаровня, вспыхнула ужаснымъ огнемъ и въ комнатѣ стало свѣтло; въ окно влетѣло что-то черное и круглое и шлепнулось на полъ. Испугался Егерь, сидитъ чуть живъ, а все же смотритъ. Вдругъ круглое стало развертываться, разверну-

лось и видитъ Егерь, что чудное что-то предъ нимъ: человѣкъ— не человѣкъ, звѣрь, не звѣрь, и птица, не птица, словомъ чудище кокое-то. Сѣло чудище за столъ и закричало: «Нѣкто!» «Что, сударь?» отвѣчалъ кто-то. «Давай ѣсть и пить!» И вдругъ на столѣ явилось всего множество, было чего поѣсть и попить. Стало чудовище пожирать кушанья и напитки, а Егерь смотрѣлъ и удивлялся. Жрало, жрало чудовище и съ такимъ же шумомъ улетѣло и окно захлопнулось, стало темно; прождалъ Егерь до утра и только тогда осмѣлился съ печки слѣзть.

«Вотъ, думаетъ Егерь, здѣсь я нашелъ и то, чего и самъ не знаю, да какъ взять то, вотъ задача»! чудища то ужъ не изловить, а хоть бы Нѣкто то взять. А что позвать развѣ, можетъ быть и откликнется. «Нѣкто!» крикнулъ Егерь. «Чего, сударь!» кто-то откликается». «Давай ѣсть и пить!» И вдругъ на столѣ появились кушанья и напитки. Егерь поѣлъ и попилъ и говоритъ: «Нѣкто, пойдешь со мной?» «Пойдемъ, говоритъ Нѣкто, я твой слуга буду, хоть свѣтъ увижу, да человѣку и служить лучше, чѣмъ этому чудищу. Возьми въ жаровнѣ ключикъ и храни его, когда ключикъ будетъ съ тобой и я буду». Снялъ изъ жаровни Егерь ключекъ и скорѣе вонъ изъ дома. Подойдетъ, подойдетъ и спроситъ: «Нѣкто! тутъ ли ты?» «Тутъ, говоритъ Нѣкто, и вѣкъ съ тобой буду». Шелъ, шелъ Егерь и пришелъ къ морю, въ морѣ недалеко отъ берега два корабля стоятъ, а корабельщики на берегу пьютъ, ѣдятъ да гуслями забавляются, у нихъ гусли самогуды, сами играютъ. Подошелъ къ нимъ Егерь, его пригласили хлѣба соли откушать и гуслями похвастались. «Что видалъ ли ты такое чудо?» спрашиваютъ корабельщики. «Это еще чудо небольшое, говоритъ Егерь, а вотъ у меня такъ есть чудо. Нѣкто давай ѣсть и пить!» Вдругъ предъ карабельщиками появились кушанья и напитки и корабельщики удивляются и угощеніе похваливаютъ, а когда подгуляли, то стали Егеря сбивать, что бы онъ помѣнялъ Нѣкто на гусли самогуды. Не знаетъ Егерь, что ему дѣлать, а Нѣкто шепчетъ ему въ ухо: «У тебя въ карманѣ есть камешекъ, отдай имъ, камешокъ будетъ имъ отвѣчать и представлять кушанье только три дня, а гусли самогуды возьми». Помѣнялъ съ корабельщиками Егерь, далъ имъ камешекъ, корабельщики его испробовали,—отвѣчаетъ и пищу даетъ, отдали гусли самогуды, а сами поскорѣй на корабль, думали, что Егеря

надули; въ ту же минуту подняли паруса и уплыли, а Егерь взялъ гусли и идетъ дальше.

Долго ли, коротко ли шелъ Егерь, пришелъ къ дремучему лѣсу, слышитъ кто-то деревья ломаетъ, все ближе и ближе къ нему; испугался Егерь, прилегъ на землю и приказалъ гуслямъ поиграть. Гусли заиграли, смотритъ Егерь, а предъ нимъ въ лѣсу улица стала; дубина деревья ломаетъ, дорогу очищаетъ, а за ней идетъ старикъ плѣшивый. Услыхалъ старикъ игру гуслей и приказалъ дубинѣ остановиться, стала дубина, а старикъ подошелъ къ Егерю и говоритъ ему: «Я старъ сталъ, гусли твои мнѣ впригоду, давай мѣнять, а не смѣняешь и такъ возьму, только дубинку наряжу». Испугался Егерь и согласился помѣнять. Далъ старикъ Егерю крючекъ отъ дубинки и говоритъ дубинкѣ: «Ну, какъ мнѣ служила, такъ служи и новому хозяину!» Взялъ Егерь крючекъ, отдалъ гусли, а самому жалко съ гуслями растаться. Вотъ онъ и сталъ дубинку пробовать, будетъ ли его слушать. «Ну ка, дубинка сломи это дерево!» Дубинка скочила, ударила по дереву и дерево какъ не бывало. «А ну ка дубинка прихлопни, своего прежняго хозяина!» Дубинка скакнула, ударила и старика не стало. Идетъ Егерь домой, раньше срока воротился; жена его жива и здорова. Доложили царю, что Егерь пришолъ и принесъ то, самъ не знаетъ что. Собрались сенаторы, пришелъ царь, многое множество гостей собралось. Посмѣиваются сенаторы надъ гуслями и дубинкой. Приказалъ царь показать Егерю чудо, которое онъ досталъ, Егерь всѣхъ гостей посадилъ за столы и крикнулъ: «Нѣкто! Давай гостямъ ѣсть и пить!» И вдругъ появились на всѣхъ столахъ кушанья и напитки, удивляются гости, пьютъ, ѣдятъ, и все похваливаютъ: развеселились гости, а Егерь приказалъ гуслямъ: «Гусли поиграйте!» Заиграли гусли, никто изъ гостей такой игры не слыхивалъ, гости всѣ плясать пошли. Далъ волю имъ Егерь повеселиться, а потомъ приказалъ дубинкѣ. «Ну ка дубинка, гони гостей домой!» Начала дубинка гостей хлестать и гости разбѣжались. И сталъ Егерь жить да поживать: Нѣкто ему кушанье доставляетъ, гусли тоску разгоняютъ, а дубинка злыхъ людей наказываетъ.

152.

Благодарный мертвецъ.

Жили были старикъ со старухой, было у нихъ три сына. Когда старикъ заболѣлъ, призвалъ трехъ своихъ сыновей и говоритъ имъ: «Я думаю, что умру, денегъ у меня много, но на троихъ будетъ мало, да еще матери нужно, нужно еще мнѣ васъ испытать, кто изъ васъ на что гожъ будетъ. Завтра ты, старшій, возмешь денегъ сто рублей и купи на нихъ на рынкѣ въ городѣ разума, а денегъ домой не приноси». Утромъ старшій сынъ взялъ сто рублей и пошелъ покупать разума. Приходитъ въ городъ, спрашиваетъ разума, а купцы смѣются надъ нимъ; проходилъ до вечера, а разума найти не могъ. Пошелъ домой, а на дорогѣ ему встрѣчается мужикъ и ведетъ собаку. «Купи, молодецъ собаку».—«Да на что мнѣ собака»? Собака ученая, сама птицъ и зверей въ лѣсу ловитъ, ходи и ружья не надо». «Чтожъ, думаетъ молодецъ, куплю, отецъ денегъ не велѣлъ приносить, а съ сабакой такой жить можно хорошо, а не полѣниться можно и деньги нажить». — «А сколько стоитъ собака?»— «Да меньше сотни не возьму». Порядился, поторговался, молодецъ, да тотъ не уступилъ и отдалъ сто рублей, а собаку взялъ. Пришелъ домой, отецъ спрашиваетъ.—«Что купилъ разума?» «Нѣтъ батюшка, спрашивялъ во всѣхъ лавкахъ, да не отдали, хотѣлъ деньги ужъ спрятать, да подвернулся случай, купить ученую собаку, сама звѣрей и птицъ ловитъ».—«Ладно, говоритъ отецъ, хоть деньги убилъ и то хорошо, а съ собакой вѣкъ не проживешь, да и не къ добру она къ тебѣ попала».

На второй день пошелъ средній сынъ покупать разума, въ лавкахъ тоже надъ нимъ посмѣялись, проходилъ цѣлый день и вечеромъ пошелъ домой. Видитъ на дорогѣ лежитъ мужикъ, а птичка сидитъ на головѣ и поетъ. Птичка пѣть перестала и мужикъ проснулся; открылъ въ клѣткѣ дверцы, птичка туда и залетѣла. «Купи молодецъ, птичку, говоритъ мужикъ, птичка стоитъ сто рублей, птичка не простая, запоетъ, а кто только станетъ ее слушать, всякій заснетъ и пока она поетъ, не проснется». Поторговались, мужикъ меньше ста рублей не взялъ, отдалъ молодецъ деньги и взялъ клѣтку съ птичкой. Пришелъ

домой и разсказалъ отцу про покупку, отецъ и говоритъ: «Это дѣло немного лучше будетъ собаки, хоть съ птичкой не проживешь до смерти, а всетаки не собака; счастливѣе будешь старшаго брата».

На третій день отецъ младшему сыну далъ сто рублей и тотъ отправился на рынокъ покупать разума. Проходилъ цѣлый день, все спрашивалъ гдѣ продается разумъ, только въ одной лавкѣ купецъ сказалъ ему: «Убирайся, молодецъ, по добру, по здорову, сегодня я далъ бы тебѣ разума, да народу въ лавкѣ много, некогда съ тобой заниматься. Наскучили, третій день, чудаки, разума ходятъ покупать». Пошолъ молодецъ домой, видитъ—мужикъ волочитъ по землѣ тѣло человѣка, подошелъ и спрашиваетъ. «Что ты, дядюшка, дѣлаешь?»—«Да вотъ этотъ человѣкъ былъ мнѣ долженъ восемьдесять рублей, все сулилъ, что отдамъ; тянулъ, тянулъ, денегъ не отдалъ, самъ умеръ, что съ него теперь возьмешь? Такъ вотъ я его хоть по землѣ поволочу». Жаль стало молодцу мертвеца, онъ отдалъ мужику восемьдесять рублей, а на остальныя деньги купилъ гробъ и похоронилъ. Пришелъ домой отецъ и спрашиваетъ: «Ну, что, купилъ ли разума?»—«Нѣтъ, батюшка, разума не купилъ, да ничего и другого не купилъ и денегъ домой не принесъ, а деньги сдержалъ вотъ на что»... И разсказалъ все, какъ дѣло было. «Ладно, сынокъ, говоритъ отецъ, хоть разума и не купилъ, а дѣльно сдѣлалъ—мертвецъ къ добру: лучше братьевъ въ жизни будешь, да еще и братьямъ пособишь».

Отецъ не умеръ, живутъ еще лучше. Старшій братъ съ собакой птицъ и зверей ловитъ, продаетъ и денегъ много получаетъ; средній съ птичкой ходитъ, народъ смотритъ на диковинную птичку и деньги носитъ, а младшій братъ ничего не дѣлаетъ. Прошло такъ немного времени, отецъ и говоритъ имъ: «Вы, дѣти, поѣхали бы счастья въ чужихъ людяхъ поискали, пока я живой и домашнія дѣла справляю». Сыновья согласились и на другой день уѣхали; старшій взялъ съ собой собаку, средній птичку, а младшій съ пустыми руками. Три дня братья ѣхали вмѣстѣ, а потомъ дорога раздѣлилась на три; братья условились черезъ три года пріѣхать къ этому мѣсту, а теперь ѣхать каждому своей дорогой. Простились и поѣхали.

Старшій братъ ѣхалъ, ѣхалъ по своей дорогѣ, вдругъ видитъ, что собака его изъ лѣсу съ визгомъ бѣжитъ на дорогу,

онъ остановился, посмотрѣлъ, ничего нѣтъ. Ѣдутъ дальше, видитъ стоитъ столбъ и на столбѣ надпись: «Туда скоро, а назадъ никакъ». Призадумался молодецъ, но всетаки поѣхалъ дальше. Долго ли, коротко ли ѣхалъ, подъѣзжаетъ къ избушкѣ. Вошелъ въ избушку, а тамъ старикъ еле двигается.—«Фу, фу, русскій духъ! Слыхомъ не слыхано, видомъ не видано, а теперь въ очахъ мерещится. Куда ты, молодецъ, заѣхалъ? назадъ ужъ не выѣдешь».—«А что же, дѣдушка?»—«Да тутъ у насъ въ лѣсу волшебница живетъ съ бабой Ягой, всѣхъ убиваютъ, тебѣ тоже не миновать»?—«Нельзя ли, дѣдушка, мнѣ какъ нибудь избыть?»—«Можно, говоритъ старикъ, тебя спрятать». Взялъ палочку и пошли изъ избы на дворъ, старикъ ударилъ палочкой по собакѣ, собака превратилась въ камень, ударилъ по коню, конь превратился въ камень, ударилъ по человѣку и человѣкъ сталъ камнемъ. Лежатъ три камня на дорогѣ, вдругъ старикъ слышитъ, что ѣдетъ на ступѣ баба Яга, подъѣхала къ старику и заругалась, что тотъ камней на дорогу навалилъ, и спрашиваетъ: «А гдѣ тутъ человѣкъ съ собакой?»—«Не видалъ», говоритъ старикъ. «Врешь!» говоритъ Яга, ударила старика пестомъ, старикъ повалился, она навалила на старика три камня и уѣхала.

Ѣдетъ дорогою средній братъ, долго ли, коротко ли ѣхалъ, подъѣзжаетъ къ столбу, на которомъ написано: «Помни, что счастье возьмешь, да съ нимъ и умрешь». Призадумался молодецъ, но ѣдетъ дальше. Пріѣзжаетъ онъ къ большому городу. Остановился въ избушкѣ у старушки, утромъ посылаетъ ее въ рынокъ на денежку обѣдъ купить, да новости узнать. Пришла старуха и говоритъ: «Напрасно ты, молодецъ, пріѣхалъ, въ городѣ у насъ чудо: змѣя въ озерѣ завелась, каждый день по дѣвицѣ на кормъ ей даютъ, а сегодня жребій выпалъ къ змѣю царской дочери, вечеромъ пойдетъ къ озеру». Молодецъ взялъ вечеромъ птичку и приходитъ къ озеру а царская дочь сидитъ на берегу и плачетъ. Подошолъ онъ къ царевнѣ и ждетъ змѣя. Вдругъ въ озерѣ вода заколыхалась, вышла на берегъ змѣя, а онъ открылъ въ клѣткѣ дверцу, птичка сѣла на клѣтку и поетъ; царевна заснула; змѣя слушаетъ, тихо подвигается къ дѣвицѣ, не дошла немного легла на землю, растянулась и спитъ; молодецъ подошелъ къ змѣѣ, отрубилъ ей голову и все тѣло разрубилъ на мелкіе куски. Спряталъ птичку въ клѣтку, проснулась царевна, онъ и отвелъ ее во дворецъ. Царь оставилъ молодца у себя во дворцѣ, а черезъ нѣсколько времени ихъ и по-

вѣнчали. Разъ молодецъ пошолъ гулять съ царевной, ей захотѣлось пить, она наклонилась къ водѣ ртомъ и стала пить; вдругъ небольшая змѣйка вмѣстѣ съ водой попала въ ротъ къ царевнѣ, она ее проглотила, а черезъ три дня и умерла. Пожилъ во дворцѣ молодецъ немного времени, жилъ въ счастьѣ, птичку забылъ, а когда сталъ уѣзжать хотѣлъ птичку взять, но птичка давно умерла, вотъ и отправился одинъ. Впередь ему ѣхать не хотѣлось, воротился онъ назадъ, доѣхалъ до трехъ дорогъ и думаетъ: «Домой ѣхать рано, а поѣду по дорогѣ старшаго брата, узнаю, что съ нимъ». Доѣхалъ до столба, надпись прочиталъ и поѣхалъ дальше; видитъ три камня, а подъ ними тѣло человѣка, а камни какіе то необыкновенные: одинъ похожъ на человѣка, другой на коня, третій на собаку. «Вѣрно тутъ мой братецъ родимый», подумалъ молодецъ. Слѣзъ съ коня и хотѣлъ отвалить камни, но вдругъ слышитъ шумъ, видитъ, бѣжитъ ступа по дорогѣ, а въ ней сидитъ баба Яга; подъѣхала, ударила молодца и лошадь пестомъ и стало два камня.—

Ѣдетъ младшій братъ по своей дорогѣ. Стоитъ столбъ, а на столбѣ написано: «Много богатства увидишь, да только мертвый возьмешь». Ѣдетъ дальше, нагоняетъ человѣка. Человѣкъ далъ ему дорогу и спрашиваетъ:—«Куда, молодецъ, ѣдешь? Видѣлъ ли надпись на столбѣ, много богатства, а взять нельзя».— «Я ѣду хоть посмотрѣть. А ты куда?»—«Я тоже смотрѣть, если взять нельзя».—«А коли мы одного богатства захотѣли посмотрѣть, то поѣдемъ вмѣстѣ, намъ веселѣе будетъ».—«Давай поѣдемъ, а съ этого времени, что наживемъ, все будемъ дѣлить поровну; согласенъ ли ты?» Молодецъ согласился и продолжаютъ путь вдвоемъ. Ѣхали, ѣхали и вдугъ предъ ними стоитъ домъ, а кругомъ высокая, гладкая стѣна изъ желѣза и воротъ нѣтъ; объѣхали кругомъ, попасть нельзя. Пробовали стѣну ломать, не ломается· Товарищъ и говоритъ: «Плохо дѣло придется зубами грызть».—«Что ты? Какъ зубами перегрызешь?»—«У меня зубы такіе, что перегрызу; за зубы то меня и наказали: три года по землѣ нужно скитаться, а потомъ и на покой». Девять ночей товарищъ грызъ стѣну зубами и прогрызъ дырочку, а потомъ стали ломать и черезъ тридевять ночей наконецъ проломали такое отверстіе, что человѣку можно было пройти. Собрались и зашли во дворъ, потомъ въ домъ, въ домѣ никого нѣтъ, всѣ комнаты пустыя. Пришли къ одной двери, дверь крѣпко заперта и цѣпями перетянута, опять тридевять

дней товарищъ грызъ желѣзо; отперли дверь, видятъ—старикъ прикованъ цѣпями къ стѣнѣ, а на столахъ множество самоцвѣтныхъ камней. Старикъ просится на волю; пришлось товарищу опять цѣпи грызть, три дня погрызъ и старика освободили; старикъ имъ разсказалъ, что его волшебница сюда заманила въ домъ и сорокъ лѣтъ ужъ онъ сидитъ на цѣпи. Забрали они трое много самоцвѣтныхъ камней и отправились. Три дня и три ночи шли безъ отдыха по совѣту старика, чтобы не захватила волшебница, но изъ владѣній волшебницы еще не вышли, а принуждены были ночевать въ лѣсу, такъ какъ поднялась страшная буря. Вдугъ ночью что то зашипѣло, и видятъ—женщина ѣдетъ на змѣѣ, старикъ испугался и говоритъ: «Волшебница,—все пропало!» Товарищъ молодца поднялся, бросился на волшебницу, схватилъ за горло зубами, и перегрызъ горло. Стали волшебницу бросать въ огонь, а у ней двѣ бутылочки; товарищъ сказалъ, что эти бутылочки тоже пригодятся. Волшебница сгорѣла, а змѣя уплыла и догнать не могли. Добрались наконецъ до того мѣста, гдѣ съ братьями разстались. Вотъ молодецъ и говоритъ товарищу. «Пойдемъ моего брата разыскивать, прежде поѣдемъ за среднимъ, онъ поѣхалъ по этой дорогѣ».—«А мнѣ все равно, еще долго бродить придется, поѣдемъ, можетъ ему сдѣлать что либо пособимъ». Поѣхали двое по дорогѣ средняго брата, а старикъ не согласился, а пошелъ по той дорогѣ, по которой проѣхалъ старшій братъ. Пріѣхали товарищи въ городъ, остановились въ избушкѣ. Утромъ пришла изъ города старуха и разсказываетъ товарищамъ, что сегодня царевну перенесутъ въ церьковь, она уже давнымъ давно умерла, да не хоронили, а теперь три дня пролежитъ въ церкви и похоронятъ. «Такъ вотъ бѣда: ночью караулить въ церьковъ итти никто не смѣетъ, будутъ на иностранной народъ жребій бросать и вамъ придется жребій брать, а если выпадетъ, то и караулить итти». Пошли товарищи жребій брать и жребій выпалъ младшему брату. Товарищъ и говоритъ ему: «Не бойся, иди на караулъ, только возьми съ собой книгу, пѣтуха и гусли; придешь и читай книгу; въ полночь она встанетъ изъ гроба, а ты подъ престолъ, пѣтухъ пропоетъ, она въ гробъ лягетъ, а ты сядь на гробъ и въ гусли играй». Пришелъ молодецъ въ церковь, все такъ и случилось, какъ товарищъ сказалъ. На другой день жребій опять ему выпалъ итти на караулъ. Все случилось также, какъ и въ первую ночь. На третій день опять

жребій ему выпалъ. Товарищъ и говоритъ молодцу: «Теперь когда царевна встанетъ изъ гроба, ты не подъ престолъ иди, а въ гробъ ляжъ, а когда пропоетъ пѣтухъ, ты сядь въ гробъ и сиди; сядетъ съ тобой рядомъ царевна, повернется къ тебѣ лицомъ, высунится у ней изо рта жало, а ты захвати лѣвой рукой покрѣпче, выдернешь изо рта змѣю и брось на отмашъ». Пришелъ молодецъ въ церковь, читаетъ книгу, пѣтухи пропѣли, наступила полночь; царевна встала изъ гроба, а молодецъ въ гробъ легъ; царевна ходитъ по церкви и подъ престолъ сходила, пѣтухи пропѣли, она въ гробъ, а молодецъ сѣлъ въ гробу и сидитъ; царевна сѣла рядомъ, повернулась къ нему лицомъ и видитъ молодецъ, что изо рта у нея вытягивается жало, онъ схватилъ жало рукой вытащилъ змѣю и бросилъ на отмашъ, царевна и говоритъ: «Ахъ, какъ я долго спала».—«Да если бы не было меня, ты бы и вѣкъ проспала». Утромъ молодецъ свелъ царевну во дворецъ, царь наградилъ его и онъ пришелъ къ товарищу. Вечеромъ старуха имъ разсказала все про царевну, какъ она замужъ выходила, какъ ей послѣ змѣйка въ ротъ съ водой попала, за то, что она пила не по-человѣчески, не пригоршнями, и что мужъ ея куда то уѣхалъ и съ тѣхъ поръ не бывалъ; разсказала, что у мужа ея была птичка и людей усыпляла, и сказала имъ, что мужъ царевны воротился домой.

Ночью товарищи согласились итти по дорогѣ старшаго брата. Утромъ отправились. Нашли дорогу, по которой поѣхалъ старшій братъ и по ней поѣхали, прочли на столбѣ надпись и дальше; доѣхали до камней, видятъ пять камней, а подъ камнями тѣло, на камняхъ на трехъ цвѣты распустились, а на двухъ только еще рости начинаютъ. Старикъ ихъ встрѣтилъ, обрадовался и говоритъ, что подъ камнями его братъ лежитъ. Товарищъ взялъ одну бутылочку прыснулъ жидкости на камни и всѣ ожили, прыснулъ на старика и тотъ ожилъ, тутъ у всѣхъ радости конца не было. Вдругъ что то зашумѣло и затрещало, смотрятъ, ѣдетъ на ступѣ баба-Яга, товарищъ приготовилъ бутылочку. Какъ только баба подъѣхала, онъ прыснулъ на нее, она вдругъ перевернулась въ змѣю, прыснулъ на змѣю, она въ лягуху, прыснула на лягуху, лягуха надулась, лопнула и сталъ небольшой камушекъ, товарищъ взялъ камушекъ и положилъ въ бутылочку.

Вотъ всѣ они и собрались въ путь дорогу, только товарищъ младшаго брата не хотѣлъ возвращаться, а просилъ отдѣлить

половину. По условію все раздѣлили пополамъ, простился товарищъ и пошелъ дальше, а остальные пошли въ городъ, чтобы взять царевну, а потомъ домой къ отцу итти. Царь всѣхъ ласково принялъ, угощалъ всѣхъ; царевна узнала своего мужа и всѣ поѣхали къ отцу. Пріѣзжають, старикъ со старухой обрадовались. Отецъ провелъ сыновей въ избу и выноситъ имъ на показъ самоцвѣтные камни. «Вотъ я и дома былъ, да вотъ что досталъ». Показываетъ имъ камни, и разсказалъ, что разъ ночью пришелъ какой-то человѣкъ и далъ ему все это за то, что младшій его сынъ этого человѣка отъ позора избавилъ: заплатилъ за него долгъ восемьдесять рублей и похоронилъ. Тутъ только младшій сынъ узналъ съ кѣмъ онъ ходилъ и кто ему пособлялъ во всемъ. Два старика остались жить у нихъ. Послѣ они ѣздили и все богатство изъ дома, гдѣ былъ прикованъ старикъ, перевезли къ себѣ.

---

153. Аф. 125

Иванъ да Марья дѣти купеческія.

Жилъ былъ купецъ богатый, былъ у него большой корабль и на этомъ кораблѣ плавалъ онъ въ иноземныя государства и торговалъ съ ними. Однажды купцу не посчастливилось въ морѣ, купецъ посадилъ корабль на мель, долго бился, но снять не могъ. На девятую ночь въ полночь на корабль изъ воды, поднялся водяникъ и говоритъ купцу: «Отдай мнѣ то, что ты дома не знаешь и корабль сойдетъ съ мели». Думалъ, подумалъ купецъ и порѣшилъ отдать. Въ ту же ночь корабль сошелъ съ мели, купецъ выгодно продалъ товаръ и возвратился домой. Вышла жена встрѣчать купца, а съ ней мальчикъ, котораго жена родила въ то время, пока купецъ ѣздилъ. Опечалился купецъ да дѣлать нечего. А мальчикъ-то былъ какой-то особенный: ростетъ не по днямъ, а по часамъ; на первый день послѣ рожденія пошелъ играть на улицу и у бабушки затворенки окошечко разбилъ, на второй день зайца изловилъ, а на третій день дерево толстое съ корнями изъ земли выдернулъ.

Прошло нѣсколько времени послѣ пріѣзда отца, однажды мальчикъ ушелъ въ лѣсъ, а въ лѣсу прилетѣла птичка и гово-

стоитъ онъ на сушѣ и съ нимъ дѣвица. Схватила дѣвица его за руку и пустились въ путь.

Шли они долго ли, коротко ли, дѣвица и говоритъ Ивану: «Посмотри-ка Иванушка, что впереди, что позади». Посмотрѣлъ Иванъ и говоритъ: «Впереди свѣтлымъ свѣтло, позади темная туча».—«Это погоня за нами». Ударила дѣвица Ивана по лѣвой рукѣ, превратился Иванъ въ коровушку, а сама она превратилась въ настушка. Подъѣхалъ водяникъ на крокодилѣ и спрашиваетъ у настуха: «Не проходили ли тутъ люди?» — «Ой, ты дѣдушка, говоритъ пастухъ, изъ людей перваго тебя только и вижу». Выругался водяникъ. «Самого отпустилъ. а онъ еще у меня мою Машутку укралъ». Поворотился старикъ и уѣхалъ. Марья превратила коровушку въ Ивана, а сама превратилась въ человѣка и пустилась въ путь. Шли долго ли, коротко ли, Марья опять велѣла посмотрѣть, что впереди и что позади. «Впереди, говоритъ Иванъ, свѣтлымъ свѣтло, а позади темнымъ темно».—«Это опять погоня». Превратила Ивана часовенкой, а сама монахиней превратилась, подъѣхалъ старикъ и спрашиваетъ: «Не видала ли ты двухъ человѣкъ?»—«Не видала ни кого, говоритъ монахиня, здѣсь и птицы не лѣтаютъ, а изъ людей, перваго тебя, дѣдушко, вижу». Плюнулъ старикъ и уѣхалъ назадъ.

Идутъ Иванъ да Марья дальше. Посмотрѣлъ Иванъ назадъ и опять видитъ темную тучу. «Это погоня за нами», говоритъ Марья и превратила Марья свой платокъ въ озеро, Ивана ершомъ, а сама стрѣлой и улетѣла въ облако. Подъѣхалъ старикъ къ озеру и говоритъ: «Нѣтъ, теперь не обманешь, сама то высоко, а онъ-то низко». Оборотился старикъ щукой и въ озеро. Бѣгаетъ за ершомъ, только догонитъ, хочетъ глонуть, а ершъ перевернется къ щукѣ хвостомъ, расправитъ перья и говоритъ: «Хочешь ерша, ѣшь съ хвоста». Щука не смѣетъ; ловила, ловила щука ерша и не могла изловить. Приплыла щука къ берегу, выскочила на сушу и превратилась въ быка. Сталъ быкъ воду изъ озерка пить, всю воду высушилъ; лежитъ ершъ въ небольшой ямочкѣ, а быкъ перевернулся въ ворона и хочетъ клюнуть ерша, вдругъ стрѣла слетѣла съ облака, ударила ворона, воронъ улетѣлъ съ крикомъ и стономъ. Превратились Иванъ съ Марьей въ людей и опять пошли и, наконецъ. добрались до дому. Иванъ женился на Марьѣ и стали жить да

поживать, а потомъ пришелъ къ нимъ и старикъ. Иванъ взялъ его къ себѣ, онъ оказался отцомъ Марьи, прежде былъ купцомъ и тоже отказалъ свою дочь водянику.

———

154. Аф. 121, 162-63.

Елена Прекрасная и мачиха.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жилъ былъ простой мужикъ. Жена у него была изъ той же деревни, откуда и онъ самъ. Прошелъ годъ послѣ свадьбы, жена родила дѣвушку, которую назвали Еленой и такъ Елена была красива, что ее назвали Прекрасной. Недолго послѣ родовъ жила мать и умерла, а мужу своему наказала беречь дочь и хранить, такъ по всему видно, что она выйдетъ замужъ за царя. Недолго пожилъ мужикъ и снова женился, а чтобы сохранить дочь, онъ увезъ ее къ роднѣ въ другую деревню, такъ что мачиха и не знала есть ли у мужа дочь. Новая жена была дочь колдуньи, была тоже красива и думала, что красивѣе ея нѣтъ никого на свѣтѣ. Смотрится она однажды въ свое волшебное зеркало и говоритъ: «Хоть и замужъ вышла, а я думаю, что нѣтъ на свѣтѣ меня красивѣе».—«Нѣтъ, говоритъ, зеркальце, есть красивѣе тебя, твоя падчерица». Аф 121

Пристала жена къ мужу, чтобы онъ привезъ падчерицу, мужъ долго отказывался, но наконецъ согласился и привезъ. Мачеха обходилась съ падчерицей ласково, но замышляла какъ бы ее извести. А послѣ того, какъ мачиха родила двухъ дочерей, Еленѣ и житье стало хуже. Мужъ замѣтилъ, что мачеха не любитъ падчерицы, но подумалъ, что ужъ если Еленѣ на роду написано выйти замужъ за царя, то мачехи ничего не сдѣлать. А мачеха подговорила кухарку убить падчерицу. Однажды онѣ пошли въ лѣсъ за ягодами, а кухарка въ лѣсу схватила ее и хочетъ убить ножемъ; взмолилась Елена кухаркѣ, проситъ ее не убивать, а отпустить на волю, куда глаза глядятъ. Кухарка пожалѣла Елены, остригла съ Елены волосы, убила собаку, выняла сердце, сердце завернула кухарка въ волоса Елены и понесла на показъ мачехѣ, а Елена пошла впередъ, куда глаза глядятъ. Шла, шла Елена и пришла къ из-

бушкѣ; стоитъ избушка въ лѣсу, зашла въ избушку, никого въ ней нѣтъ, избушка грязная, все разбросано, Елена достала изъ колодца воды, избушку вымыла, всѣ вещи прибрала. Поздно вечеромъ приходятъ трое молодцовъ-охотниковъ, а Елена спряталась за печкой. Видятъ охотники, что въ избушкѣ у нихъ чисто и все прибрано, старшій братъ и говоритъ: «Кто это все прибралъ? Вотъ что братецъ, если это сдѣлала старушка, то пусть будетъ намъ матушка, а если дѣвица, то пусть будетъ намъ сестрица. Будемъ кормить до смерти». Стали искать и нашли Елену. И стала Елена жить въ избушкѣ съ братьями, избушку мыла, все прибирала и приготовляла кушанье.

Между тѣмъ мачеха посмотрѣлась въ волшебное зеркальце и говоритъ: «Ахъ какая я красивая, лучше меня теперь никого нѣтъ на свѣтѣ».—«Есть, говоритъ зеркальце, твоя падчерица краше тебя». Набросилась мачеха на кухарку и прогнала отъ себя, а на падчерицу разсердилась хуже прежняго. Пришелъ однажды къ мачехѣ торговецъ и она узнала отъ торговца, что въ лѣсу есть три брата охотника, а у нихъ есть сестра Елена, которая просила принести ей товару. Мачеха дала много денегъ торговцу и дала ему, кольцо чтобы онъ продалъ это кольцо Еленѣ. Торговецъ доставилъ кольцо Еленѣ и продалъ его за малую плату, а братьевъ въ избушкѣ не было. Продалъ и ушелъ, а Елена любовалась, любовамась кольцомъ, только одѣла кольцо на палецъ и умерла. Пришли братья и видятъ, что сестра умерла, они положили ее въ гробъ, и положили подъ дерево, а когда пойдетъ запахъ, тогда и въ землю зарыть. Ушли однажды на охоту, а въ это время мимо ихъ избушки проходилъ молодой рыбакъ; увидалъ гробъ, подошелъ и видитъ лежитъ дѣвица и такая красавица, какой онъ и не видывалъ, видитъ и кольцо на рукѣ и вздумалъ онъ взять кольцо: только что снялъ кольцо съ руки, а Елена и ожила. Рыбакъ дождался братьевъ, и разсказалъ имъ, какъ онъ воскресилъ ихъ сестру и братья пожалѣли, что раньше не догадались взять кольца съ пальца.

Старикъ отецъ между тѣмъ искалъ Елену, провѣдалъ онъ, что Елена живетъ у охотниковъ и задумалъ ее домой взять; поѣхалъ за ней, пріѣхалъ и не узналъ Елены, она ужъ невѣста стала да такая красавица, что старикъ только ахнулъ. Уѣхалъ мужъ, а мачеха взяла зеркальце и смотрится. «Я думаю, нѣтъ краше меня на свѣтѣ», говоритъ она. —«Нѣтъ, гово-

ритъ зеркальце, есть краше тебя—твоя падчерица». Бросила мачеха зеркальце и разбила его вдребезги. Привезъ старикъ падчерицу домой и строго настрого приказалъ мачехѣ падчерицу не обижать, но въ это время, какъ нарочно, былъ объявленъ указъ, чтобы всѣ дѣвицы собрались къ царю на пиръ, а которая царю понравится, ту онъ возьметъ за себя замужъ.

Въ извѣстный день изъ всего царства собрались дѣвицы; поѣхала и мачеха со своими дочерями, а падчерицѣ задала работу: отдѣлить простоквашу отъ молока, которое было смѣшано въ одной посудѣ. Сѣла падчерица къ горшку и плачетъ, а старикъ и говоритъ дочери: «Поди, поплачь у матери на могилкѣ, она горю твоему пособитъ, а ты поѣзжай къ царю на пиръ». Пошла дочь на могилу, а въ это время пріѣхалъ охотникъ; когда Елена пришла, охотникъ и говоритъ: «Я сестрица пріѣхалъ взять тебя на пиръ къ царю, поѣдемъ». Старикъ ихъ отпустилъ, а самъ остался дома. Пріѣхали на пиръ, младшая дочь мачехи прогуливается съ царевичемъ, а царица подошла къ Еленѣ и долго съ ней говорила; ни мачеха, ни падчерицы не узнали Елены. Раньше всѣхъ дѣвицъ вышла отъ царя Елена съ названнымъ братомъ и тотъ привезъ ее къ отцу и самъ уѣхалъ. Сидитъ Елена надъ горшкомъ, а въ немъ простокваша отдѣлилась отъ молока и свернулась въ комокъ и плаваетъ въ срединѣ. Пріѣхала и мачеха, похвалила падчерицу, а сестры разсказываютъ, что онѣ видѣли и что говорилъ царевичъ, когда гулялъ съ младшей сестрой. На второй день мачеха опять уѣхала съ дочерямъ, а падчерицѣ задала работу: отдѣлить муку отъ золы въ одномъ лукошкѣ. Елена опять сходила на могилу матери и поплакала, пришла съ могилы, а изъ охотниковъ средній братъ пріѣхалъ, чтобы везти ее на пиръ къ царю. Пріѣхали, царевичъ гуляетъ съ другой дочерью мачехи, а царица опять подошла къ Еленѣ и долго съ ней говорила. Уѣхали они съ названнымъ братомъ раньше всѣхъ, привезъ ее охотникъ къ отцу и самъ уѣхалъ. Елены свои опять не могли узнать. Заглянула Елена въ лукошко, а тамъ мука отдѣлилась отъ золы. Пріѣхала мачеха, похвалила падчерицу, а сестры разсказываютъ про пиръ. На третій день мачеха съ дочерями поѣхала на пиръ, а падчерицѣ задала работу: въ кирпичѣ отдѣлить глину отъ песка. Старикъ посовѣтывалъ поплакать на могилѣ у матери и ѣхать. Елена поплакала, пришла съ могилы, а младшій братъ изъ охотниковъ ее ожидаетъ, чтобы

Аар 162-163

вмѣстѣ на пиръ къ царю. Пріѣхали на пиръ рано, царевичъ долго ни съ кѣмъ изъ дѣвицъ не прогуливался, потомъ подошелъ къ Еленѣ; самъ царь съ царицей съ ней поговорили. Елена уѣхала, царевичъ обзиралъ всѣхъ дѣвицъ, искалъ Елену, но она уже уѣхала. Привезъ охотникъ Елену къ отцу и уѣхалъ. Пріѣхали мачеха и дочери. Мачеха посмотрѣла, что сдѣлано съ кирпичемъ, а глина и песокъ въ кирпичѣ разобраны на двѣ кучки. Дочери разсказываютъ, что на пиру было и злятся на дѣвицу, которая отбила у нихъ царевича. «Хоть бы красавица была, говоритъ младшая, а то чуть-чуть только на тебя похожа».—«Напрасно тебя не взяли», говоритъ другая. «А и въ самомъ дѣлѣ, говоритъ мачеха, была бы Еленка, царевичъ то нашъ бы былъ».— «Теперь ужъ все ушло дѣло», говоритъ старикъ. На другой день послѣ третьяго пира къ старику пріѣхало много господъ въ каретахъ, царевичъ самъ вошелъ въ избу и взялъ Елену. Мачеха съ дочерями глазамъ своимъ не вѣрятъ, въ себя притти не могутъ, что это такое значитъ. «Нѣтъ, ужъ этому то не бывать, говоритъ мачеха, душу свою черту продамъ, а ее изведу, не бывать ей царицей».

Скоро царевичъ повѣнчался съ Еленой; мачеха ласково живетъ съ падчерицей, часто къ ней въ гости ѣздитъ и живетъ по долгу. Черезъ годъ родила Елена сына, пошла мачеха въ баню съ падчерицей, вмѣсто нея изъ бани послала съ младенцемъ свою младшую дочь, а Елену превратила въ оленя и спустила въ чистое поле. Никто не узналъ, что у царскаго сына жена подмѣнена, самъ царевичъ обманулся.

Прошло нѣсколько времени послѣ того, а младенецъ день и ночь плачетъ, не ѣстъ и не пьетъ. Былъ у царя пастухъ старикъ и предложилъ онъ царю снести младенца въ лѣсъ, можетъ быть онъ хоть плакать по ночамъ не будетъ. Царь согласился хоть на одинъ день дать пастуху младенца. Взялъ пастухъ младенца и понесъ въ лѣсъ; вечеромъ принесъ его и младенецъ всю ночь не плакалъ, а былъ веселый и смѣялся. Послѣ этого въ которой день пастухъ сноситъ младенца въ лѣсъ, младенецъ и веселъ и спитъ спокойно, а когда не дадутъ, младенецъ и не спитъ и не ѣстъ, а всю ночь плачетъ. «Что за чудо, думаетъ царь, надо посмотрѣть». Однажды пастухъ ушелъ въ лѣсъ, а царевичъ за нимъ. Сѣлъ пастухъ въ лѣсу, держитъ младенца, царевичъ подкрался и смотритъ. Видитъ царевичъ, что отъ него недалеко въ лѣсу сидятъ три охот-

ника. Вдругъ показалось стадо оленей и бѣгутъ къ пастуху; прибѣжали близко увидали пастуха и бѣжатъ мимо, а пастухъ и закричалъ: «Олени, олени! Есть ли въ этомъ стадѣ, этому дитяти мати?» Олени пробѣжали мимо. Немного погодя мимо опять бѣжать олени. Пастухъ и закричалъ: «Олени, олени! Есть ли въ этомъ стадѣ мати этому дитяти?» Олени пробѣжали мимо. Бѣжитъ третье стадо оленей, пастухъ закричалъ: «Олени, олени! Есть ли въ этомъ стадѣ мати этому дитяти?» Отдѣлилась изъ стада одна оленица, подбѣжала къ пастуху, легла на землю, пастухъ положилъ младенца къ оленицѣ, онъ сталъ молоко сосать. Накормила оленица и бросилась бѣжать догонять стадо, но въ это время раздался выстрѣлъ и оленица поскакала на трехъ ногахъ; раздался другой и оленица скачетъ на двухъ; раздался третій и оленица упала; бросился царевичъ и захватилъ оленицу, оленица билась, билась и не можетъ вывернуться. Прибѣжали охотники, прибѣжалъ и пастухъ. Пастухъ представилъ рожокъ къ уху и заигралъ, оленица превратилась въ змѣю; взялъ пастухъ змѣю за хвостъ и бросилъ за себя, змѣя превратилась въ росамаху и бросилась на царевича, а царевичъ накинулъ на росамаху крестъ и стала Елена. Привелъ царь Елену, мачеха кланяется и проситъ простить; хотѣлъ царь всѣхъ ихъ казнить, но Елена упросила. Приказалъ царь мачеху съ дочерями отправить въ дальнее отъ дворца мѣсто и чтобы на глаза не смѣли больше являться, а съ Еленой зажилъ счастливо и теперь живетъ.

---

155. Ад 192

Иванъ Несчастный.

Жилъ на свѣтѣ молодецъ въ хатѣ за городомъ. Ничего у него не было, съ рукъ ничего не сходило, вездѣ терпѣлъ неудачу, зато бѣдняка и прозвали Иваномъ Несчастнымъ. «Дай-ка, думаетъ Иванъ, пойду къ царю, онъ богъ земли, долженъ знать, въ чемъ мое счастье». Сошелъ въ городъ, добился до царя и говоритъ: «Ваше императорское величество! Вы богъ земли, скажите въ чемъ мое счастье». Посмотрѣлъ, посмотрѣлъ и говоритъ царь. «Хоть я богъ земли, много знаю, но въ чемъ твое счастье, этого не знаю; выше меня есть еще Богъ на небеси,

тотъ все знаетъ».—«До того Бога высоко, туда не сходить», говоритъ Иванъ, и хотѣлъ ужъ отъ царя уйти, но въ это время прибѣжала царская дочь, (она подслушала) и говоритъ царю: «Что же ты, папаша, не поговоришь съ нимъ, ты богъ земли, посовѣтовалъ бы ему что нибудь, можетъ счастье его въ женѣ».

Царь осерчалъ на свою дочь, приказалъ позвать священника и повѣнчать свою дочь съ Иваномъ. Священникъ повѣнчалъ и царевна съ Иваномъ переѣхали изъ царскихъ палатъ въ хату, а у Ивана и хлѣба нѣтъ. Дала царевна Ивану нѣсколько денегъ, чтобы онъ сходилъ въ городъ, купилъ нѣсколько провизіи и шелку, и золота. Иванъ сходилъ, купилъ, жена въ нѣсколько дней вышила шелкомъ и золотомъ коверъ и послала Ивана въ городъ продать коверъ. Пришелъ Иванъ въ рынокъ, купцы выскочили изъ лавокъ и спрашиваютъ: «Что, Иванъ, продаешь?»—«Коверъ».—«Что возьмешь?» Иванъ и не знаетъ. Одинъ купецъ надавалъ пятьдесятъ рублей, другой предложилъ сто, коверъ проданъ былъ за сотню. Идетъ Иванъ домой, а на встрѣчу ему идетъ старикъ.—«Купи Иванъ слово!»—«Да денегъ нѣтъ».—«Знаю, что у тебя деньги есть, давай половину и слово скажу». Отдалъ Иванъ 50 рублей, а старикъ и говоритъ ему: «При смерти будешь—не робѣй!» Пришелъ Иванъ домой, разсказалъ своей женѣ про свою куплю-продажу, а жена говоритъ: «Ну, денегъ не жалѣй, можетъ слово пригодится, деньги дѣло наживное, а слово одинъ разъ можетъ быть и продавалось».

Привыкла царевна жить свѣтленько и деньги прожили скоренько. Вышила она другой коверъ, а Иванъ опять пошелъ на рынокъ. Выбѣжали купцы, одинъ предложилъ за коверъ сто пятьдесятъ, а другой купилъ за двѣсти. Получилъ Иванъ деньги и пошелъ другой дорогой, чтобы не встрѣтить старика, а старикъ тутъ, какъ тутъ. Встрѣтился съ нимъ за городомъ и предлагаетъ опять слово.—«Купи, Иванъ, слово».—«Да денегъ нѣтъ».—«Давай денегъ половину и слово скажу». Отдалъ Иванъ половину денегъ, а старикъ говоритъ: «Будешь судьей. — суди ни по томъ, ни по другомъ». Пришелъ Иванъ домой, разсказалъ женѣ, а та и говоритъ: «Деньги дѣло наживное, слово иногда лучше денегъ пригодится». Жили свѣтленько и деньги прожили скоренько. Вышила царевна еще коверъ и пошелъ Иванъ продавать. Выбѣжали изъ лавокъ купцы и одинъ купилъ коверъ за триста рублей. Получилъ деньги и

пошелъ кругомъ города, чтобы старика не встрѣтить, а старикъ опять на встрѣчу идетъ. «Купи, Иванъ еще слово».—«Денегъ нѣтъ».—«Теперь у тебя денегъ много, а слово пригодится, давай половину и слово скажу». Отдалъ Иванъ половину денегъ, а старикъ и говоритъ: «Будетъ у тебя сабля, поднимешь ее, но не бей». Пришелъ Иванъ домой. разсказалъ, а жена и говоритъ: «Ну, ладно и слово иногда лучше денегъ пригодится». Пожили свѣтленько и деньги прожили скоренько. Ѣсть стало нечего, жена и говоритъ Ивану: «Я тебя долго кормила, теперь ты меня столько же прокорми, а я опять надумаю что-нибудь».

Пошелъ Иванъ искать работы. Пришелъ въ городъ, дошелъ до пристани, а здѣсь одинъ хозяинъ нанимаетъ рабочихъ на корабль. Иванъ къ нему нанялся, хозяинъ отдалъ ему въ задатокъ половину, Иванъ снесъ деньги женѣ, простился съ ней и пришелъ на корабль. Подулъ попутный вѣтеръ и корабли вышли въ море. Долго бѣжалъ корабль, но вдругъ стихло, паруса обронили и стояли цѣлый мѣсяцъ· На кораблѣ всѣ стали роптать, что это изъ-за кого нибудь нѣтъ вѣтра. Одинъ говоритъ: «Я десять лѣтъ служилъ и бѣды такой не бывало». Другой говоритъ: «Я пятнадцать». Видитъ Иванъ, что дѣло не ладно, вспомнилъ онъ слова старика: «Будешь при смерти—не робѣй». И просилъ, чтобы его бросили въ море. Корабельщики бросили его въ море и вдругъ завѣялъ вѣтеръ, распустили паруса и корабль полетѣлъ. Какъ только бросили Ивана въ море, а сынъ водяника схватилъ его и привелъ къ отцу. А водяникъ съ женой ужъ три года спорятъ, одинъ говоритъ, что на Руси золото-серебро дороже всего, а жена говоритъ, что булатъ-желѣзо всего дороже. Сынъ водяника привелъ Ивана и говоритъ: «Вотъ. батюшка, я привелъ Россійскаго человѣка, онъ знаетъ навѣрное, что дороже». Другъ передъ другомъ стали спрашивать у Ивана, что дороже. Вспомнилъ Иванъ слово старика: «Будешь судьей,—суди ни по томъ, ни по другомъ», и говоритъ: «У насъ на Руси очень дороги золото и серебро, да и булатъ-желѣзо въ той же цѣнѣ бываетъ».—«Ну вотъ, говоритъ водяникъ, ты спорила, а видишь, что Россійскій человѣкъ говоритъ, а онъ все ужъ знаетъ. Выведи сынокъ этого человѣка на корабль, дай ему отъ насъ троихъ по подарку—три самоцвѣтныхъ камня». Сынъ водяника принесъ три самоцвѣтныхъ камня и вывелъ на корабль. Прибылъ корабль въ иностранную

[illegible] и [illegible] корабельныхъ [illegible] изъ [illegible] и [illegible] драгоцѣнный ка[illegible] и [illegible] тѣмъ [illegible] царь [illegible] камнями и [illegible] что [illegible] драгоцѣнный камень и [illegible] Кудры [illegible] Иванъ [illegible] въ [illegible] въ [illegible] ста[illegible] и [illegible] саблю. [illegible] и [illegible] Иванъ жить, [illegible] царя богаче [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] было три сына. [illegible]—[illegible]атами, а въ ту ночь, [illegible] слышалъ голосъ, который [illegible] то каждый изъ нихъ [illegible] ихъ Богъ благословитъ, а [illegible] за деревней.

[illegible] имъ: «Вы, дѣтушки теперь [illegible] чѣмъ либо. Вы эти три ночи

ходите по очереди къ колодцу, что за деревней и тамъ все узнаете». Пошелъ на первую ночь старшій братъ, стоитъ у колодца, въ полночь прилетѣлъ ангелъ и спрашиваетъ: «Чѣмъ ты, рабъ Божій, хочешь въ жизни промышлять?» Долго ждалъ ангелъ отвѣта, но молодецъ молчалъ. «Ну, будь же ты торговымъ человѣкомъ, то тебѣ на роду написано», сказалъ ангелъ и улетѣлъ. Пришелъ молодецъ, разсказалъ отцу, что было. На вторую ночь ушелъ къ колодцу второй братъ. Въ полночь прилетѣлъ ангелъ и назначилъ ему быть хлѣбопашцемъ. На третью ночь пошелъ третій братъ. Прилетѣлъ въ полночь ангелъ и спрашиваетъ: «Чѣмъ ты, рабъ Божій, въ жизни промышлять хочешь?»—«Я, говоритъ молодецъ, хочу служить батюшкѣ-царю, хочу итти въ солдаты».—«Богъ тебя благословляетъ на эту службу, служи вѣрой и правдой. А за то, что ты зналъ, что выбрать, ударься молодецъ о землю». Ударился молодецъ о землю и сталъ оленемъ, бѣгалъ, бѣгалъ, молодецъ оленемъ, выбился изъ силъ и пришелъ къ колодцу. «Былъ олень, стань молодецъ рысью!» говоритъ ангелъ. Молодецъ превратился въ рысь. Побѣгалъ, усталъ. Ангелъ сказалъ, «Былъ молодецъ рысью, будь соколомъ!» Сталъ молодецъ соколомъ. Леталъ, леталъ, усталъ, ударился о землю и сталъ молодцомъ. «Вотъ, когда тебѣ нужно будетъ быть чѣмъ нибудь, ты ударься о землю и будешь оленемъ, рысью и соколомъ», сказалъ ангелъ и улетѣлъ. Пришелъ домой молодецъ и говоритъ отцу. «Я, батюшка, надумалъ въ солдаты итти и ангелъ меня благословилъ».—«Ахъ, дитятко, плохо ты надумалъ, да теперь ужъ дѣла не измѣнить. Вѣрно Богу такъ угодно». Былъ рекрутскій наборъ и молодецъ добровольно пошелъ въ солдаты. Въ то время была война, онъ прямо и попалъ на войну. Война была удачна, царь побѣдилъ непріятеля и стали миръ заключать. Отъ своего царства царь съ войскомъ ушелъ далеко, а когда всѣ цари собрались на собраніе, то всѣ были въ коронахъ, а нашъ царь одинъ безъ короны, корону дома забылъ, въ собраніе безъ короны не пускаютъ. И предложили ему достать корону въ девять дней, если достанетъ корону, то всю землю, которую прошелъ въ годъ и завоевалъ, отдадутъ ему, а если короны не достанетъ, то ничего не дадутъ, а если хочетъ, то снова съ войскомъ можетъ воевать. Опечалился царь, какъ достать корону въ девять дней, когда цѣлый годъ ужъ шелъ съ войскомъ въ чужую землю, но все таки объявилъ по войску, не можетъ ли кто

достать корону. Пришло утро, день и наступилъ вечеръ; вечеромъ приходитъ къ царю солдатъ и говоритъ: «Я, ваше императорское величество, достану корону въ девять дней». Обрадовался царь и говоритъ: «Если достанешь, то я дочь свою за тебя замужъ выдамъ и послѣ меня ты царемъ будешь». Написалъ царь письмо своей дочери и солдатъ отправился. Вышелъ въ поле, ударился о землю и сталъ оленемъ и побѣжалъ; когда усталъ, сталъ рысью, а потомъ соколомъ, и въ три дня долетѣлъ до своего царства.

Отдалъ царской дочери письмо, а та отдала ему корону. Черезъ три дня онъ опять ужъ былъ у царя и отдалъ ему корону, всѣ подивились и ходили смотрѣть на солдата. Царь сталъ заключать миръ, а солдата приказалъ съ почестями везти въ свое царство и нарядилъ въ провожатые ему трехъ генераловъ. Повезли генералы солдата, но имъ наскучило, да и низко показалось служить простому солдату и задумали они его убить. Слышалъ солдатъ разговоръ генераловъ, что убить его хотятъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ близъ дороги будетъ озеро. Подъѣхали къ озеру, посматриваютъ генералы другъ на друга, одинъ и говоритъ солдату: «Иди, принеси намъ изъ озера воды, ты еще солдатъ, а мы генералы!» Солдатъ сталъ собираться выходить изъ кареты за водой, а одинъ генералъ досталъ ружье. Солдатъ бросился изъ кареты на землю и сталъ оленемъ и къ озеру; прибѣжалъ къ озеру и слышитъ въ него стрѣляютъ, онъ и бросился въ озеро, но лишь только ударился объ воду, сталъ молодцомъ; а на его бѣду у этого берега плавалъ внукъ водяника, онъ схватилъ его и унесъ въ глубину. Генералы посмотрѣли, посмотрѣли на озеро, видятъ, что ни олень, ни солдатъ изъ озера не выходятъ и порѣшили ѣхать дальше; когда ѣхали, дорогою согласились одного генеральскаго сына женить на царской дочери, а когда онъ женится, царство раздѣлить на три части.

Принесъ внукъ солдата къ дѣду и говоритъ: «Дѣдушка, я Россійскаго человѣка поймалъ и принесъ къ тебѣ, что ему дѣлать?»—«А пусть онъ гуляетъ съ тобой, а ты учись у него, онъ многое знаетъ». Пошелъ гулять солдатъ съ внукомъ. Внукъ все показалъ. Солдатъ и говоритъ: «У насъ на Руси больше диковинокъ есть. Смотри, я повернусь оленемъ», ударился о землю и сталъ оленемъ. Походилъ немного и опять перевернулся солдатомъ. Внукъ и присталъ къ нему: «научи, да научи».

«Наука даромъ не дается», говоритъ солдатъ, «ударься о землю». Внукъ ударится и оленемъ не перевернется. «Экой, ты какой! Не можешь и о землю удариться! Ты вотъ этакъ». Возьметъ солдатъ его въ руки, бьетъ головой о землю, щиплетъ, рветъ, ребра посчитаетъ, тумаковъ надаваетъ, а все ничего не выходитъ. «Этого не можешь сдѣлать, говоритъ солдатъ, завтра другое увидишь, можетъ и сдѣлаешь». На другой день опять пошли, солдатъ перевернулся рысью, походилъ немного и перевернулся въ солдата. Внуку захотѣлось сдѣлаться рысью, но ничего не выходило, только солдатъ еще покрѣпче пощипалъ, порвалъ, реберъ посчиталъ и тумаковъ надавалъ. На третій день солдатъ перевернулся соколомъ. Внуку тоже захотѣлось быть соколомъ. Солдатъ опять пощипалъ его, порвалъ, реберъ посчиталъ и тумаковъ надавалъ, но внукъ еще просилъ повернуться солдату соколомъ, солдатъ говоритъ: «Пойдемъ на мелкое мѣсто, можетъ ты тамъ и сдѣлаешь». Вышли на берегъ, солдатъ перевернулся соколомъ, вмигъ выклевалъ глаза у внука и самъ улетѣлъ. Вылетѣлъ солдатъ изъ озера и полетѣлъ въ свое царство. Когда онъ прилетѣлъ въ городъ, то въ это время у царя дочь выходила за генеральскаго сына и назавтра былъ назначенъ пиръ, и всѣ, кто пожелаетъ, могли итти къ царю въ гости.

Солдатъ переодѣлся нищимъ и тоже пошелъ на пиръ и сѣлъ съ нищими. Царевна съ женихомъ прогуливается, подойдетъ къ столу и спрашиваетъ: «Не слыхалъ ли кто, какъ солдатъ могъ корону скоро достать». Никто ничего не отвѣчаетъ. Подошла она и къ нищимъ и спросила. Всталъ одинъ нищій и говоритъ: «Я его не видалъ и про него ничего не слыхалъ, а самъ встарину такъ дѣлалъ: повернусь оленемъ и бѣгу, перевернусь рысью и тоже, перевернусь соколомъ и лечу».—«А теперь можешь?» спрашиваетъ царевна. «Могу!» говоритъ солдатъ. Вышелъ солдатъ на улицу и перевернулся въ оленя, рысь и сокола, народъ дивился. Вотъ царевна и говоритъ отцу: «Вотъ, батюшка, и онъ нашелся!» Честнымъ пиркомъ да за свадебку. Повѣнчались и сталъ солдатъ поживать, а послѣ и царемъ былъ, съ нимъ и воевать никто изъ царей не смѣлъ.

157.

Бѣдный женихъ.

Жилъ молодецъ на свѣтѣ, парень ухо былъ, а не имѣлъ ни кола ни двора, ни мила живота, хлѣба было, что въ брюхѣ, а платья, что на себѣ. Задумалъ онъ жениться, да не могъ невѣсты найти. Идетъ разъ молодецъ по берегу, видитъ плыветъ лодочка, онъ закричалъ, чтобы лодочка остоновилась, а въ лодочкѣ женщина. Остановилась лодка, женщина и спрашиваетъ: «Что тебѣ молодецъ надо?»—«Вотъ у меня на ручьѣ была мельница, мельницу водой въ розливъ унесло, а жернова по водѣ уплыли, не видала ли ты ихъ!»—«Фу, ты буракъ! да когда же жернова на водѣ плаваютъ», говоритъ женщина.—«Такъ, то такъ, тетка, да на свѣтѣ все бываетъ». Плюнула женщина и поѣхала дальше, а онъ берегомъ идетъ. Пошелъ немного, видитъ ѣдетъ мужикъ въ лодкѣ. «Эй, дядюшка, не видалъ ли жернововъ, они у меня по водѣ уплыли, а мельницу водой унесло!» «А! Это твои жернова-то и были, я вчера ихъ видѣлъ, только они не внизъ, а вверхъ плыли, вороти назадъ, не тамъ ищешь». Подъѣзжаетъ мужикъ къ берегу и говоритъ молодцу: «Вижу, молодецъ завираешься, садись-ка въ лодку, да говори дѣло, что тебѣ нужно; я дольше тебя жилъ и больше знаю, хоть и тебя дурака возьмусь женить». Сѣлъ молодецъ въ лодку и говоритъ: «Правда, дядюшка, жениться хочу, а самъ я весь тутъ и свата нѣту; не знаешь ли невѣсты какой?»—«А вотъ прежде ко мнѣ поѣдемъ, а тамъ и надумаемъ, что дѣлать надо, а невѣста уменя есть на примѣтѣ и богатая, только не плошай, хвастать больше надо».—Не подалеку отъ мужика жилъ баринъ богатый, была у него дочь красавица, да дура набитая, радъ былъ отъ ней баринъ избавиться, да и она рада была отъ отца выбраться, надоѣло отцу: каждый день только и разговоровъ, чтобы замужъ выйти. Собрались сватъ съ женихомъ и пошли къ барину сватать. Огромный домъ у барина, баринъ гостей принялъ, угощаетъ ихъ на славу. Во время угощенія баринъ спрашиваетъ: «А что же васъ двое, неужели больше никого нѣтъ?»—«Какъ не быть, да если всю породу да родню собирать, то нужно два мѣсяца, а мы ужъ двое и на свадьбѣ будемъ, если дѣло наладится».—«А если у жениха такой домъ

какъ у меня?»—«Гдѣ вашему дому сравняться съ жениховымъ, говоритъ сватъ, бревна на домъ возили, тамъ въ понедѣльникъ видишь, что везутъ комель, а въ середу только вершина мимо прошла».—«Славный домъ изъ такого лѣса будетъ», говоритъ баринъ. Въ это время четыре человѣка принесли на столъ кочанъ капусты.—«А есть ли у жениха такая капуста», спрашиваетъ баринъ.—«Большая ли это капуста! разъ у него рабочіе восемьдесятъ человѣкъ подъ однимъ листомъ отъ дождя укрылись».—«Вотъ такъ капуста!» говоритъ баринъ. Видитъ баринъ, что дѣло совсѣмъ не подходящее, женихъ и сватъ врали, да дочь-то ужъ больно надоѣла ему. Порѣшилъ онъ испытать, приказалъ заложить лучшую лошадь въ серебряную сбрую и проводивъ ихъ по своимъ владѣніямъ, на прощаніе сказалъ имъ, чтобы они пріѣхали на такомъ же конѣ и въ серебряной сбруѣ, тогда и дочь замужъ отдастъ; а если не пріѣдутъ на такомъ конѣ, то и свадьбы не будетъ; баринъ думалъ озадачить свата съ женихомъ, а сватъ и говоритъ: «Не думай, баринъ, что времъ, у тебя на сватовствѣ вышивши, — лучше твоего все найдемъ, приготовляйся къ свадьбѣ». Простились, баринъ вернулся, а они пошли впередъ. «Все хорошо, говоритъ сватъ, да вотъ задача, на чемъ поѣдемъ къ барину? Эхъ вѣдь что надумалъ! Ну да не робѣй, на свадьбу только съѣздить намъ и чертъ коня дастъ». А чертъ тутъ какъ тутъ. «Дамъ говоритъ я вамъ коня, завтра и поѣзжайте, приходите къ этому мѣсту, все будетъ готово».

На другой день пришли сватъ и женихъ на назначенное мѣсто, видятъ конь стоитъ въ золотой сбруѣ, да такой, что никому и во снѣ увидать не придется; сѣли и поѣхали. Удивился баринъ и порѣшилъ дочь отдать. Честнымъ пиркомъ и за свадебку, повѣнчались, послѣ вѣнца пиръ горой; а потомъ кататься на лошадяхъ хотѣли, вышли, чтобы ѣхать, а коня женихова и духу нѣтъ, да и сватъ куда-то слинялъ. Женихъ видитъ, что дѣло плохо, разсказалъ все невѣстѣ, а она отцу; ахнулъ отецъ, да дѣлать нечего, остался зять на хлѣбахъ у тестя, а ему то и нужно было. Когда конь потерялся, сватъ видитъ, что дѣло плохо разыгралось, онъ и убѣжалъ со свадьбы. Идетъ онъ полемъ и думаетъ, что ему теперь дѣлать? Подошелъ онъ къ большому камню, а подъ камень нора, посмотрѣлъ и ушолъ отъ камня; шелъ все впередъ, смотритъ—опять тотъ же камень. Отошелъ, походилъ, и опять пришелъ; въ это время пошелъ

дождь, вздумалъ онъ отпуститься въ нору и укрыться отъ дождя, спустился и провалился, и попалъ въ жилище чертей.

Видитъ сватъ много чертей и всѣ они ѣдятъ, кто хлѣбъ, кто творогъ, кто рѣдьку, всего у нихъ много, видитъ онъ и того черта, что коня далъ, тотъ цѣлую свинью ѣстъ. Увидалъ онъ мужика и говоритъ: «Вотъ я у васъ на свадьбѣ эту свинью стянулъ, теперь до сыта поѣмъ, а то сколько разъ ни ходилъ туда, ничего не могъ взять. Однажды шелъ я голодный, туда сунусь, въ другое мѣсто, не могу ничего взять все закрещено; несетъ старуха, что живетъ у барина, горшокъ творогу, я подставилъ ей ногу,—упала, горшокъ разбился, творогъ разсыпался; нѣтъ и тутъ все начала крестить,—испугался, убѣжалъ. Вотъ и коня то вамъ далъ, чтобы отомстить барину». Сватъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ на чертей, смѣкнулъ, что они ѣдятъ все, что люди не перекрестивши, не благословясь полагаютъ и ушелъ домой. Баринъ скоро умеръ, а женихъ взялъ свата къ себѣ и живутъ припѣваючи, да и черту сватъ ничего не даетъ брать; теперь они со старухой все крестятъ и благословляютъ. А невѣста стала примѣрная хозяйка и всю дурь какъ рукой сняло.

---

158. Афр. 66

Правда и Кривда.

Жили два брата, одинъ жилъ неправдой, людей обманывалъ и нажилъ много богатства, другой жилъ правдой, работалъ, трудился, людей не обманывалъ, а жилъ бѣдно,—до того доживетъ, что въ иной день и хлѣба нѣтъ. Братья часто спорили: одинъ говорилъ, что правдою на свѣтѣ лучше жить, а другой хвалилъ кривду и говорилъ, что кривдой жить лучше. Однажды спорили, спорили и Кривда предложилъ итти кудалибо и спрашивать, кто только встрѣтится, чѣмъ на свѣтѣ лучше жить правдой или кривдой. Если до трехъ разъ скажутъ, что кривдой жить лучше, то у Правды Кривда глаза выколетъ. Согласились и пошли. Идутъ дорогой, а на встрѣчу имъ собака бѣжитъ, тощая, худая. Кривда и говоритъ: «Посмотри-ка братъ, собака то какая!» Собака остановилась и говоритъ: «Да, вотъ я прежде служила у хозяина, стадо и домъ стерегла, а

вотъ устарѣла, хозяинъ и прогналъ меня, живу, гдѣ попало и постоянно голодна».—«Что видѣлъ? говоритъ Кривда, пойдемъ дальше». Идутъ дальше, а на встрѣчу имъ конь бредетъ, тощій, худой, старый, еле ноги передвигаетъ. «Ахъ, какой конь худой!» говоритъ правда. «Да, говоритъ конь, прежде я не такой бывалъ, служилъ у хозяина вѣрой и правдой, сколько на бѣгахъ хозяину денегъ досталъ! старъ сталъ, работать не могу, хозяинъ меня и прогналъ». — «Вотъ, видишь, говоритъ Кривда, и другой человѣкъ неправдою живетъ». Пошли дальше, встрѣчается имъ мужикъ. Остановились и спрашиваютъ: «Скажи по совѣсти, добрый человѣкъ, чѣмъ лучше жить на свѣтѣ правдой или кривдой?» — «Вотъ еще, что вздумали спрашивать, правды то теперь на землѣ и въ слыхахъ нѣтъ, а если еще которая и путается тутъ, то въ лаптяхъ ходитъ». Пошли дальше. «Слышалъ», говоритъ Кривда.—«Слышалъ», говоритъ Правда. Завелъ Кривда Правду въ лѣсъ, выкололъ ему глаза и ушелъ домой, а Правда и остался тамъ. Правда не видитъ куда итти, не знаетъ, что дѣлать, однако сталъ пробираться, долго ходилъ и ночь наступила. Нащупалъ руками Правда сухой пень высокій, вскарабкался на пень, чтобы звѣри не тронули. Сидитъ, задремалъ, вдругъ слышитъ говоритъ кто то: «Что ты сегодня сдѣлалъ?»—«Я сегодня опять на мельницѣ былъ, опять все разломалъ».—«А ты что надѣлалъ?»—«А я славную штуку устроилъ: братъ у брата глаза выкололъ».—«Дѣло ладно!»—«А можно ли твое дѣло исправить, можетъ ли кто глаза вылечить, чтобы онъ опять видѣлъ?» —«Можно, только по три утреннихъ зари, покататься по росѣ на травѣ».—«А гдѣ эта трава?» — «А трава здѣсь и растетъ недалеко, между ручейками на берегу, да не догадался никто». — «Ну, а твою мельницу можетъ ли хозяинъ достроить!»—«Да, только бы рубилъ въ крестъ и я ничего бы не могъ сдѣлать». Все стихло. Настало утро Правда и побрелъ,—слышитъ вода шумитъ, ручеекъ бѣжитъ; онъ и сталъ пробираться вдоль ручейка и пришелъ къ рѣчкѣ; идетъ вдоль по берегу рѣки, опять наткнулся на ручеекъ, обрадовался и сидитъ на бережку. Настало утро, онъ по росѣ и повалялся, на другое и третье утро, и сталъ зрячимъ, но домой не пошелъ. Отправился туда, гдѣ хозяинъ не могъ мельницы поставить, направилъ тамъ дѣло и пришелъ домой. Удивился братъ, что Правда сталъ зрячимъ, а еще больше дивился, когда Правда сталъ богатѣть,—въ домѣ у него

всего довольно, новый домъ построилъ, скота много завелъ; а Кривда сталъ бѣднѣть: и скотъ то валится, и что дѣлать начнетъ, ни что не клеится. Вотъ разъ ночью и приходитъ Кривда и сталъ спрашивать, что съ Правдой было съ того времени, какъ онъ его въ лѣсу оставилъ. Правда все разсказалъ. Запало Кривдѣ въ голову, тоже итти въ лѣсъ, сѣсть на пень, можетъ и онъ услышитъ что либо и разбогатѣетъ. Ночью отправился, нашелъ тотъ пень и забрался. Слышитъ шумъ, видитъ, что кто то прилетѣлъ, потомъ другой. Одинъ и спрашиваетъ: «Ну, что теперь дѣлать думаешь?»—«Да, не знаю», отвѣчаетъ другой, за мельницу хорошо мнѣ досталось, цѣлый годъ въ котлѣ въ кипѣлой смолѣ сидѣлъ, нужно что нибудь похитрѣе устроить».—«А ты что?»—«А я братъ тоже цѣлый годъ на крюкъ былъ за языкъ повѣшенъ за то, что проболтался и кто то глаза вылѣчилъ».—«Насъ, вѣрно, кто нибудь подслушалъ и все направилъ. Поищемъ-ка нѣтъ ли кого?» Кривда испугался и упалъ съ дерева. Его схватили и глаза выкололи. Прошелъ день, а Кривды не видать, жена его пришла къ Правдѣ и говоритъ, что братъ ушелъ въ лѣсъ ночью и сегодня не видать. Пошли искать и нашли Кривду: у пня и слѣпой. Привели домой, и Кривда до того дожилъ, что Правда кормилъ все его семейство до смерти. Тогда только Кривда согласился, что Правдою лучше жить на свѣтѣ.

159.

Судьба.

Въ одной деревнѣ жили два брата, одинъ бѣдный, другой богатый. У богатаго былъ сынъ и у бѣдняка тоже. Сынъ богатаго отца родителей своихъ не любилъ и не почиталъ, а сынъ бѣдныхъ родителей любилъ и уважалъ; а когда богачъ былъ боленъ, то сынъ его только и ждалъ, когда бы отецъ умеръ, а когда у бѣднаго заболѣлъ отецъ, то сынъ цѣлыя ночи не спалъ, а захочется старику въ баню, такъ сынъ его снесетъ въ баню, помоетъ, попаритъ и назадъ принесетъ. Умеръ раньше бѣдный отецъ, сынъ поплакалъ и жаль батьки, да пришлось везти на погостъ, и живетъ онъ съ женой въ любви и согласіи. Умеръ и богатый, и его похоронили, сынъ съ радости бо-

гатые похороны справилъ. Всѣ говорили, что у старика много денегъ было, а сынъ послѣ смерти денегъ не могъ найти, но никому пока не говорилъ, что у него денегъ нѣтъ, все думалъ что гдѣ нибудь найдетъ.

А богачъ снесъ деньги въ дупло дерева, которое стояло на берегу рѣки, положилъ онъ деньги со словами: «Пусть эти деньги найдетъ тотъ, кому Богъ укажетъ». Прошло нѣсколько лѣтъ; однажды сынъ богатаго вышелъ къ рѣкѣ и видитъ, что у берега дуплистое дерево. «Къ нашему берегу не привалитъ вѣрно хорошаго дерева». Взялъ багоръ и оттолкнулъ дерево. Вышелъ бѣдный за водой съ женой, видитъ дерево и говоритъ: «Вотъ Богъ дровъ далъ, давай-ка, жена, вытащимъ да распилимъ на недѣлю дровъ будетъ». Вытащили, и собрались пилить, отпилили полѣно, а въ дуплѣ видятъ шкурку кошки; вытащилъ бѣднякъ, а тамъ все серебряныя деньги и все рублями набиты, да и золотыхъ много. Вся деревня узнала про находку бѣдняка, узналъ и братъ, пришелъ къ бѣдняку и говоритъ: «Вся деревня знаетъ, что деньги въ дуплѣ были положены моимъ отцомъ. Отдай деньги!»—«Да если бы тебѣ была судьба владѣть деньгами, то дерево то прежде у твоего берега было, а ты его оттолкнулъ».

Ушелъ братъ, а жена и говоритъ бѣдняку: «Можетъ быть и его отецъ положилъ деньги, а ты ему не отдалъ; братъ пошелъ въ другой конецъ деревни, поди брось деньги на дорогу въ платкѣ, пойдетъ мимо и найдетъ, если ему сужено; а если тебѣ Богъ далъ, то твои и будутъ». Бросилъ бѣднякъ деньги на дорогу, а богатаго отца сынъ такъ осерчалъ на брата, что не хотѣлъ и мимо пройти, дошелъ до его дома, да и свернулъ въ поле и задками домой прошелъ.

Взялъ бѣдный деньги, принесъ и спряталъ. Однажды жена и говоритъ ему: «Видно не судьба брату владѣть деньгами, я все про это думаю. Но можетъ быть онъ могъ бы владѣть половиной; давай сегодня положимъ сколько нибудь денегъ съ рыбой въ пирогъ и ты снеси къ нему; если не судьба ему владѣть деньгами, увидимъ, что будетъ, испытаемъ». Принесъ бѣдный нѣсколько десятковъ золотыхъ, жена положила деньги въ рыбный пирогъ. Бѣдный пирогъ собирается отнести къ брату, а тотъ самъ въ избу идетъ. Пришелъ и опять заговорилъ про деньги. -Нѣтъ, братецъ, говоритъ бѣднякъ, вѣрно тебѣ невладѣть деньгами: въ прошлый разъ, какъ ты вышелъ отъ меня,

я деньги бросилъ на дорогу, чтобы ты ихъ взялъ, какъ назадъ пойдешь, а ты задками прошелъ; ни деньги отъ тебя бѣгутъ, а ты отъ денегъ». Жена бѣднаго подаетъ пирогъ пришедшему брату и говоритъ: «Братецъ, не побрезгуй, возьми рыбный пирогъ, вчера мы рыбы достали».—«А я ужъ давно рыбы не ѣлъ, спасибо». Взялъ пирогъ и ушелъ, а бѣднякъ пошелъ въ сарай сукно валить. Братъ съ пирогомъ идетъ домой, а на встрѣчу ему крестьянинъ. «Ты куда»? спрашиваетъ сынъ богатаго. «А сукно было дано валить, такъ взять, буде готово». «Я тоже туда хотѣлъ итти, брату пирогъ понесъ, да дѣла запутались, не дошелъ; возьми да снеси ему пирогъ, да скажи, что братъ послалъ, пусть ѣстъ на здоровье». А самъ думаетъ: «пусть не думаетъ братъ, что я до того дожилъ, что его пирогомъ нуждаюсь.» Удивился бѣднякъ, когда его же пирогъ принесъ въ сарай крестьянинъ, отдалъ сукно, а самъ къ женѣ съ пирогомъ. «На, посмотри, что скажешь?»—«Да что сказать, говоритъ жена, такъ видно Богу угодно, хоть давай ему деньги, хоть не давай, все равно и отдашь безъ пользы для брата, онѣ у него такъ сквозь пальцы и пройдутъ». Такъ сынъ бѣдняка и не отдалъ брату денегъ.

160. Афр. 219

Барма.

Жили два брата въ одной деревнѣ, каждый жилъ въ своемъ домѣ; у бѣднаго было много дѣтей, а у богатаго не было ни одного. Долго просилъ богатый у бѣднаго одного мальчика къ себѣ сыномъ, но бѣдный не соглашался: онъ подозрѣвалъ, что богатый братъ занимается воровствомъ; но наконецъ согласился. Держалъ дядя племянника, какъ родного сына, бралъ его съ собой и въ городъ, и въ деревни, и частенько они ѣздили. Лѣтъ до 15 мальчикъ ничего не дѣлалъ по хозяйству, только бороться къ этому времени такъ научился, да изловчился, что никто въ деревнѣ съ нимъ не могъ устоять въ борьбѣ; взрослыхъ и сильныхъ мужиковъ ронялъ, да свистѣлъ такъ сильно, что уши глушилъ. А за то, что онъ былъ мастеръ бороться, его и прозвали «Бармой». Вотъ подросъ еще Барма и однажды пошелъ на охоту, птицъ стрѣлять. Идетъ

онъ лѣсомъ близъ дороги и видитъ по дорогѣ мужикъ барана гонитъ въ городъ на продажу. Онъ забѣжалъ лѣсомъ впередъ, снялъ съ ноги сапогъ и бросилъ на дорогу, а самъ скрылся въ лѣсъ и ждалъ. Подошелъ мужикъ поднялъ сапогъ, посмотрѣлъ и спряталъ близъ дороги въ мохъ, и погналъ барана дальше. Пропустилъ Барма мужика и взялъ сапогъ. Забѣжалъ Барма лѣсомъ опять впередъ, снялъ сапогъ съ другой ноги и бросилъ на дорогу, а самъ скрылся и ждетъ. Подошелъ мужикъ съ бараномъ, поднялъ сапогъ, посмотрѣлъ, посмотрѣлъ и спряталъ, потомъ привязалъ барана къ дереву, нарвалъ травы и воротился назадъ. «Удалось, думаетъ Барма, пошелъ за сапогомъ, чтобы пара была». Подошелъ къ барану, отрубилъ голову топоромъ, поднялъ барана на плечи, взялъ сапогъ и въ лѣсъ. Ночью пришелъ домой и барана принесъ. Увидалъ дядя съ чѣмъ пришелъ племянникъ съ охоты и спрашиваетъ; «Какъ это ты досталъ?» Племянникъ разсказалъ про свою ловкость. «Славно, говоритъ дядя, я хорошъ, а ты еще лучше, можно теперь тебя и на промыселъ брать».

Посовѣтывались дядя съ племянникомъ, куда бы имъ съѣздить и племянникъ настоялъ на томъ, чтобы ѣхать воровать къ царю.—«Къ царю, говоритъ племянникъ, никто не смѣетъ идти воровать, а потому тамъ и не подумаютъ, что воры пришли; народу во дворцѣ много, думаютъ, что слуги что нибудь дѣлаютъ; просто во дворцѣ мы какъ хозяева будемъ, дѣлай, что хочешь».—«Пожалуй и вѣрно», говоритъ дядя.

Запрягли лошадь и поѣхали. Пріѣхали въ городъ и пошли къ дворцу, племянникъ пособилъ дядѣ влѣзть на балхонъ, а потомъ дядя подтащилъ за руки племянника и вотъ они на балхонѣ; съ балхона дверь въ большую комнату открыта, вошли туда; видитъ Барма, что тутъ только и можно взять царскую шубу и шляпу. Указалъ племянникъ дядѣ на шубу и шляпу, дядя кивнулъ головой и племянникъ взялъ вещи и вышли на балхонъ. Дядя вдругъ и говоритъ: «Я эту шубу перешью и буду щеголять».—«Нѣтъ, говоритъ племянникъ, я ихъ взялъ и вынесъ мнѣ и носить».

Заспорили и племянникъ предложилъ сходить къ царю и спросить про это дѣло. «Я, дядя, одинъ схожу, а ты слушай, какъ я говорить съ царемъ буду. А какъ свисну, ты и бѣжи на балхонъ, хватай шубу и задавай лататы въ лѣвую руку, а я въ правую, а тамъ сойдемся».

Зашли снова въ комнату, отворили одну дверь изъ комнаты въ другую, тамъ пусто; подошли къ другой двери, слышатъ похрапываетъ кто то; отворилъ племянникъ дверь, видитъ въ креслѣ человѣкъ спитъ и похрапываетъ, а на кровати спитъ царь. Барма догадался, что это сказывальщикъ храпитъ, подкрался къ нему, зажалъ ротъ рукою, поднялъ съ кресла и передалъ дядѣ, а дядя уже наготовѣ, платкомъ ротъ заткнули, дядя поддерживаетъ сказывальщика, а Барма сѣлъ на его мѣсто и сидитъ. Скоро проснулся и царь. «Сказку», говоритъ царь.

«Жили дядя да племянникъ, начинаетъ сказывальщикъ, пошли они къ царю воровать, племянникъ воровалъ, а дядя глядѣлъ, украли у царя шубу и шляпу. Кому изъ нихъ носить, ваше императорское величество, дядѣ или племяннику?»—«Понятно, кто воровалъ, тому и носить?» — «Ну вотъ слышишь, дядя», говоритъ племянникъ, да какъ свиснетъ! Царь испугался, не слышитъ ничего, посмотрѣлъ, и сказывальщика не видитъ, а воровъ ужъ и слѣдъ простылъ. Царь приказалъ поймать вора, а гдѣ во дворецъ можно пройти на ночь ставить капканы и всякія ловушки.

Дядѣ досадно стало, что у племянника такая шуба, сталъ онъ сбивать племянника опять идти воровать къ царю: «Я знаю, что мнѣ лучше тебя удастся, не первый разъ». Племянникъ предостерегалъ, но не могъ уговорить дяди. Вотъ поѣхали опять, приходятъ къ дворцу, племянникъ подсобилъ дядѣ влѣзть на болхонъ и дядя ушелъ. Черезъ нѣсколько времени дядя вышелъ на балхонъ и бросилъ племяннику мундиръ, но вдругъ надъ балхономъ подъ зонтомъ появилась кругомъ балхона рѣдкая желѣзная рѣшетка, дядя полѣзъ въ отверстіе, но когда навалился тѣломъ на желѣзную полосу, она опустилась ниже и вмигъ всѣ перекладинки съузились и дядю прижало поперегъ тѣла; племянникъ убѣжалъ, а дядя и остался висѣть въ рѣшоткѣ.—Царь приказалъ тѣло вора положить въ часовню и безъ своего приказанія не хоронить, а кто придетъ, да будетъ плакать, того ловить. Положили тѣло въ часовню, а на третій день Барма одѣлъ царскій мундиръ и шляпу, пришелъ въ часовню и приказалъ караульнымъ при себѣ зарыть въ землю тѣло вора и ушелъ. Царь еще сильнѣе озлился на вора и приказалъ поймать во что бы то ни стало, а полагая, что воръ ужъ непремѣнно придетъ воровать золото, приказалъ по одной улицѣ насыпать золота, и кто будетъ наклоняться надъ золотомъ, тѣхъ всѣхъ ловить.

Узналъ Барма, что золото будетъ разсыпано и порѣшилъ ѣхать на конѣ воровать золото. Взялъ на дровни смолы въ боченокѣ, намазалъ сапоги смолой, ѣдетъ по золоту, а ногами потаптываетъ, золото пристаетъ къ сапогамъ, спихнетъ съ ногъ золото въ мѣшокъ и опять ѣдетъ. Много укралъ золота. На утро царю донесли, что никто не наклонялся, а золота много украдено.—Царь приказалъ казнить караульныхъ, а вору, если онъ смѣетъ, придти къ нему, царь обѣщалъ, что даруетъ ему жизнь и не казнитъ, а если воръ не придетъ, то будетъ разысканъ и преданъ лютой казни.—Когда это было объявлено, Барма порѣшилъ къ царю идти. Приходитъ Барма и проситъ доложить царю. Царь приказалъ привести.

— «Какъ тебя зовутъ?» — «Барма, ваше императорское величество.»—«Ты воръ»?—«Я.»—«Ты шубу укралъ?»—«Я.» «Ты и золото воровалъ?»—«Я.»—«Такого нужно наказать, пощажу тебѣ жизнь, не велю казнить, но заключу тебя въ крѣпость!» И приказалъ Барму отвезти въ крѣпость.

Отвезли Барму въ крѣпость. А крѣпость—только и было, что одинъ домъ небольшой каменный, а кругомъ дома высокая каменная толстая стѣна, на дворѣ бѣгала коза, да кривой старинный богатырь служилъ сторожемъ. На дворѣ столбъ стоитъ. Впустили Барму на дворъ и ворота затворили крѣпко накрѣпко. Проспалъ Барма ночь, а на утро все осмотрѣлъ и видитъ, что выйти ему изъ крѣпости невозможно. Подумалъ, подумалъ Барма и сталъ къ сторожу ласкаться и его силу хвалить. А живутъ такъ: утромъ сторожъ затопитъ печку и уходитъ на дворъ съ козой играть, какъ только побѣжитъ, а коза ему на встрѣчу, подбѣжитъ, хочетъ бодать рогами, а сторожъ ее захватитъ за рога и повернетъ ее обратно; коза пробѣжитъ немного и опять ему на встрѣчу. А Барма у печки работаетъ, изъ свинца пули льетъ. Вотъ однажды затопили печку, а Барма и говоритъ: «Мнѣ бы хотѣлось твою силу попробовать, можешь ли ты эту веревку перервать?» — «А вотъ привяжи меня къ столбу и увидишь».

Барма взялъ веревку и опуталъ богатыря веревками къ столбу; рвалъ, рвалъ богатырь и вырвать не можетъ и говоритъ: «Нѣтъ вѣрно прежней силы, устарѣлъ, развязывай веревки».— «Да гдѣ тутъ развязать, когда узлы въ турій рогъ затянулъ, нужно рубить». Пошелъ Барма въ домъ, растопилъ полную поварежку свинцу, прибѣжалъ, да въ здоровый глазъ и плехнулъ свинецъ.

Сам. №3

[illegible]

161. Хмель.

[illegible] богатырь и [illegible] у него [illegible] Видитъ на дорогѣ дерутся змѣя и левъ и ни который изъ нихъ убить не можетъ. Левъ проситъ [illegible] убить, а змѣя проситъ ей пособить и убить льва. Подумалъ богатырь и рѣшилъ заступиться за льва: «Змѣя змѣей и будетъ, ничего отъ ней ждать мнѣ». Пособилъ льву и змѣю убили. Левъ и спрашиваетъ: «Что тебѣ за услугу хочется получить?» — «У меня коня нѣтъ, говоритъ богатырь, а пѣшкомъ я не привыкъ ходить, довези меня до города». Левъ согласился.

Сѣлъ богатырь на льва и пріѣхалъ до города. «Никому не говори, что на львѣ ѣхалъ, говоритъ левъ, не то съѣмъ: я самъ царь и на себѣ возить мнѣ людей стыдно, тогда я и царемъ не буду». Ушолъ богатырь въ городъ, зашелъ къ товарищамъ, а тѣ надъ нимъ смѣются, что пѣшкомъ ходитъ, онъ отпирался тѣмъ, что конь издохъ, а потомъ какъ выпилъ, то и разсказалъ товарищамъ, какъ было и что онъ на львѣ пріѣхалъ. Посидѣлъ съ товарищами и пошолъ себѣ коня искать, вышелъ только за городъ, а левъ тутъ какъ тутъ. «Зачѣмъ ты похвастался, что на мнѣ ѣхалъ, я тебѣ говорилъ, а ты не послушалъ, съѣмъ». — «Извини, говоритъ богатырь, это не я говорилъ, а

хмель».—«Какой хмель?»—«А попробуй, тогда и самъ увидишь». Левъ согласился, богатырь принесъ крѣпкаго вина, левъ и напился; бѣгалъ, бѣгалъ, упалъ и заснулъ, а богáтырь, пока левъ спалъ, закопалъ въ землю толстый высокій столбъ и туда поднялъ льва. Проснулся левъ и удивился, что онъ туда попалъ, спуститься не можетъ. «Вишь ты, хмель то куда тебя занесъ! говоритъ богатырь, что узналъ теперь каковъ хмель».—«Узналъ, говоритъ левъ, спусти, пожалуйста». Снялъ богатырь льва со столба, левъ поблагодарилъ и ушелъ.

162.

Колпакъ золота.

Жилъ былъ мужикъ, все по чужимъ людямъ въ работникахъ жилъ; пришелъ однажды къ барину а баринъ послалъ его сѣтями рыбу на озеро ловить; а онъ никогда не дѣлалъ того, что хозяинъ приказывалъ, а что на умъ придетъ. Пришелъ онъ къ озеру, бросилъ сѣти на берегъ, сѣлъ, попилъ, выспался и принялся яму рыть, вырылъ яму глубокую; потомъ надралъ липовой коры и замочилъ въ озеро, ходитъ по берегу, ждетъ когда кора вымокнетъ, чтобы надѣлать лыка. Одинъ разъ нашелъ на берегу двухъ маленькихъ зайчатъ и положилъ ихъ въ ямку, а кругомъ сдѣлалъ изгородь. Вымокла кора, онъ набралъ лыка и вьетъ веревки; ночью въ яму попался медвѣдь. Только легъ онъ спать въ эту ночь, изъ озера выбѣгаетъ чертенокъ и говоритъ ему: «Что ты, дядюшка, дѣлаешь?» — «А вотъ веревки вью, хочу все озеро сморщить и васъ всѣхъ чертей скорчить». Чертенокъ сейчасъ же въ озеро, а чрезъ нѣсколько времени вышелъ оттуда и говоритъ: «Дѣдушка мнѣ приказалъ съ тобой потягаться, если ты меня обгонишь, то и морщи озеро, а если я тебя обгоню, то прочь уходи отъ озера».— «Ака невидаль, говоритъ мужикъ, съ тобой бѣгать: ты пробѣжи съ моимъ меньшимъ братишкой и тотъ тебя обгонитъ, а со мной и тягаться нечего». Взялъ мужикъ одного зайца держитъ въ рукахъ и говоритъ: «Ну бѣжи!» Чертенокъ побѣжалъ, а мужикъ пустилъ зайца, недолго его и видѣлъ чертенокъ: за-

яцъ въ лѣсъ, а чертенокъ бѣжитъ кругомъ озера; прибѣжалъ чертенокъ, а мужикъ другого зайца въ рукахъ держитъ и говоритъ: «Ну гдѣ же тебѣ тягаться съ моимъ братомъ, онъ давно прибѣжалъ, вишь ужъ отдыхаетъ». Чертъ въ озеро, а работникъ поспалъ и веревки вьетъ. Снова выходитъ изъ озера чертенокъ и говоритъ: «Бѣгаешь ты дядюшка лучше, а давай поборемся, кто кого поборетъ». — «Эко диво бороться, мой среднiй братъ тотъ тебя оборетъ, а гдѣ же тебѣ со мной тягаться». Спустился чертенокъ въ яму, а мишка захватилъ такъ чертенка, что тотъ еле живой въ озеро нырнулъ. Въ третiй разъ выходитъ чертенокъ изъ озера и говоритъ: «Вотъ, дядюшка, я принесъ палицу, давай тягяться, кто палицу выше броситъ, если ты выше меня бросишь, то и морщи насъ!» Работникъ попробовалъ поднять палицу, палица была тяжела, куда бросать, когда и поднять не можетъ. «Ну чтожъ бросай, я смотрѣть буду высоко ли улетитъ». Бросилъ чертенокъ палицу, высоко палица улетѣла и упала назадъ и завязилась глубоко въ землю, одна ручка видна. «А высоко, братъ, ты бросилъ, а все-таки посмотримъ, кто выше броситъ!»—«Ну, давай, дядя, тащи палицу!» — «Самъ завязилъ, самъ и тащи, я послѣ, буде придется, вытащу». Вытащилъ чертенокъ палицу, работникъ держится за ручку палицы и пошевелить не можетъ. «Что же ты думаешь? Бросай» говоритъ чертенокъ. «Не торопись, говоритъ мужикъ, я вонъ подожду то облако, пусть нанесетъ его поближе, я швырну палицу на облако, она тамъ и останется. «Нѣтъ, нѣтъ, не бросай палицы на облако, палица дѣдушкѣ нужна, онъ безъ палицы ни куда не ходитъ, и мнѣ велѣлъ сейчасъ принести. «Ну какъ хочешь, говоритъ роботникъ, велишь — брошу, не велишь — твое дѣло». Чертенокъ схватилъ палицу и въ озеро. Работникъ опять вьетъ веревки, выбѣгаетъ изъ озера чертенокъ и говоритъ: «Что хочешь бери, только отъ озера уйди и насъ не морщи». — «Да что съ васъ чертей возьмешь, какъ у васъ кромѣ золота ничего нѣтъ. Наносите мнѣ одинъ колпакъ золота, да и будетъ съ васъ». Чертенокъ согласился и ушолъ въ озеро, а работникъ убилъ медвѣдя, на ту яму наклалъ корьевъ и прикрылъ хворостомъ; прорѣзалъ въ колпакѣ дыру, приладилъ колпакъ надъ ямой и ночью черти стали носить въ колпакъ золото; выльютъ золото, а оно чрезъ дыру въ яму, пока полной ямы не наносили; въ колпакѣ не было золота, наконецъ, колпакъ наполнился. Снесъ

мужикъ сѣти барину и отказался отъ работы, купилъ четырехъ лошадей и на нихъ увезъ четыре воза золота, и сталъ жить да поживать, а послѣ еще баринъ изъ ямы набралъ возъ золота и сталъ жить богачемъ.

163.

Что дальше слышно?

Жилъ вдовый крестьянинъ, было у него три сына и всѣ были женаты. Жилъ старикъ исправно, дѣти его слушались и братья между собой жили дружно. Все было хорошо, да одно неладно: невѣстки между собой жили недружно, постоянно ругались, а все изъ за того, что каждая изъ нихъ хотѣла большухой быть. Всѣ были на дѣлѣ исправны и каждая изъ нихъ могла быть большухой.—Наскучили старику перекоры невѣстокъ; однажды онъ призвалъ сыновей и говоритъ имъ: «У невѣстокъ каждый день споры, дымъ коромысломъ, надо это прикончить; я надумалъ задать имъ загадку, которая отгадаетъ, та пусть и большухой будетъ; только чтобы послѣ этого ужъ спору не было, если онѣ будутъ согласны, то и дѣлу конецъ». Призвали невѣстокъ и тѣ на это согласились.

Поздно вечеромъ старикъ и говоритъ невѣсткамъ: «Вы согласились отгадать загадку, а вотъ на цѣлую ночь вамъ загадка, отгадайте: «что дальше слышно?» Завтра рано спрошу у васъ и кто отгадаетъ, та и будетъ большухой. Первая брань лучше послѣдней, а уговоръ дороже денегъ. Помните, на что согласились.» Утромъ рано старикъ позвалъ сыновей съ невѣстками и спрашиваетъ у старшей:

— «Что отгадала-ли?»

— «Пѣтуха голосъ, когда онъ весной поетъ, по зарѣ дальше всего слышно.»

— «Да, пѣтуха далеко слышно, говоритъ старикъ. Ну, а ты?» Спрашиваетъ онъ у средней.

— «Когда весной собака лаетъ по зарѣ, то гораздо дальше пѣтуха слышно».

— «Да, говоритъ старикъ, пожалуй собаку и дальше слышно. Ну, а ты, что скажешь»? обращается старикъ къ меньшой невѣсткѣ.

— «Хлѣбъ да соль дальше всего слышно», говоритъ меньшая невѣстка.

— «Да, говоритъ старикъ, хлѣбъ да соль за тысячи верстъ слышно. Будь же ты большухой».

Аф. 187

164.

Безпечальный монастырь.

Въ одномъ монастырѣ братія была человѣкъ въ 50; монастырь былъ богатъ, жили монахи припѣваючи, жили между собою дружно, никакого горя не знали. Въ монастырѣ былъ послушникъ человѣкъ уже старый, находчивый и шутникъ; съ малолѣтства жилъ въ монастырѣ и охотникъ былъ рыбу ловить, день и ночь на озерѣ. Однажды ему на озерѣ рыба не ловилась и онъ отъ нечего дѣлать сплелъ изъ тростника буквы; пріѣхалъ вечеромъ поздо и буквы эти прибилъ гвоздиками къ воротамъ монастыря, изъ буквъ вышло два слова: «Безпечальный монастырь». Въ эту ночь, мимо монастыря ѣхалъ какой то важный баринъ на тройкѣ. Подъѣхалъ онъ и видитъ на воротахъ надпись «Безпечальный монастырь». Пріѣхалъ баринъ въ городъ и прямо къ царю. «Мы, говоритъ, не знаемъ, гдѣ на войну и на все денегъ взять, а въ монастыряхъ сколько денегъ; живутъ тамъ по пятидесяти человѣкъ и больше, сыты, обуты, одѣты, ничего и знать не хотятъ, да еще и посмѣиваются: вотъ я ѣхалъ мимо одного монастыря, такъ на воротахъ тамъ написано: «Безпечальный монастырь». Хоть напугать бы этихъ безпечальцевъ, если ужъ другого ничего сдѣлать нельзя». И вотъ въ монастырѣ получена была бумага, что самъ царь въ монастырь пріѣдетъ на другой день и спроситъ отвѣтъ на три вопроса; если кто нибудь изъ монаховъ дастъ на три вопроса вѣрные отвѣты, то и пусть монастырь будетъ безпечальнымъ, а если не найдутся отвѣтить, то всѣхъ монаховъ долой изъ монастыря. Призвалъ настоятель братію и прочиталъ бумагу. Всѣ ахнули, а послушника, который надпись прибилъ обвиняютъ, что все изъ за него, пошутилъ не ладно. И присудили всѣ, что онъ нашутилъ, онъ пусть первый и отвѣтъ царю даетъ, а ужъ если не можетъ отвѣ-

тить, то другой кто можетъ, пусть отвѣчаетъ. — Послушникъ былъ грамотой доволенъ, а настоятель мало ученъ и присудили всѣ, что царя встрѣчать будетъ вмѣсто настоятеля послушникъ. Послушникъ видитъ, что дѣло плохо, попросилъ одежду у настоятеля, надѣлъ на себя сидитъ хорошо, не длинна и не коротка.

Ждать царя пришлось не долго, пріѣхалъ утромъ вѣстовой и сказалъ, что царь сейчасъ будетъ. Вышли монахи, послушникъ во главѣ настоятелемъ. Подъѣхалъ царь, вышелъ изъ кареты, подходитъ къ воротамъ, въ самыхъ воротахъ царя и встрѣтили; поздраствовался царь съ монахами и назвалъ ихъ безпечальцами.

— «Ну, кто изъ васъ будетъ мнѣ отвѣчать на три вопроса?» Всѣ указали на новаго настоятеля.

— «Кто я?» спрашиваетъ царь.

— «Образъ и подобіе Божіе!» Отвѣчаетъ настоятель.

— «Что я стою?»

— «Іисусъ Христосъ былъ преданъ за тридцать сребренниковъ, такъ царь стоитъ меньше этого!» отвѣчаетъ настоятель.

— «Ну, а что я думаю?» спросилъ царь.

— «Сейчасъ ты, царь, думаешь, что передъ тобой стоитъ настоятель монастыря и тебѣ отвѣчаетъ; но это не вѣрно, я простой послушникъ».

Повѣрилъ царь послушнику и уѣхалъ, только одному господину еще велѣлъ остаться и узнать вѣрно ли, что настоятелемъ былъ послушникъ. Оказалось, что дѣйствительно правда.

Послушника царь взялъ къ себѣ во дворецъ, а на монастырскихъ воротахъ подъ надписью «Безпечальный монастырь». велѣлъ сдѣлать другую «Самъ царь провѣрилъ». Остались всѣ монахи въ монастырѣ и живутъ попрежному въ довольствѣ и добрѣ.

165.

Старинный попъ.

Сидятъ разъ старикъ со старухой на печкѣ и разговариваютъ. «Хорошо бы, старикъ, какъ бы ты попомъ былъ, а я попадьей, житье то хорошее бы было».

— «Вотъ еще что вздумала, какой я попъ, когда и грамотѣ не знаю, служить не умѣю.»

— «Велика грамота нужно, а служить то научишься», говоритъ старуха.

— «Полно старуха пустяки то выдумывать!»

— «Да я ли своего старика попомъ не сдѣлаю, завтра же къ архіерею пойду».

На утро старуха собралась и отправилась въ городъ. Приходитъ къ архіерею.

— «Ваше преосвященство! Сдѣлай моего старика попомъ?»

— «Да знаетъ ли твой старикъ грамотѣ?»

— «Да если бы грамоту зналъ, такъ просто бы было и дѣло сдѣлать, а вотъ теперь то надо горю пособить.»

— «Да что, бабка, поповская степень ученая, да и учиться то много надо. Нѣтъ ужъ, воля твоя, не могу.»

— «Ну, не можешь сдѣлать старика попомъ и ладно, а я этого дѣла еще не брошу, схожу къ митрополиту, а онъ старика моего еще архиреемъ сдѣлаетъ».

Подумалъ архіерей, что есть и грамотные то у него попы, да тоже едва съ дѣломъ справляются, а старикъ можетъ и проживетъ недолго, да если одинъ попъ и неграмотный будетъ въ его епархіи, это ничего, и говоритъ старухѣ:

— «Иди бабушка домой. Пошлю указъ и сдѣлаю старика попомъ».

Пришла старуха домой, а прошло немного времени и указъ пришелъ и сталъ старикъ попомъ.

Приходитъ воскресенье, служить надо, а старикъ еще не научился служить. Собралось народу въ церковь много. Выходитъ онъ съ книгой и говоритъ:

— «Православные! Знаете ли Божье слово?»

— «Знаемъ, батюшка, знаемъ!» кричитъ народъ.

— А знаете, такъ и читать нечего.

Тѣмъ и служба окончилась.

На другое воскресенье опять вышелъ съ книгой и спрашиваетъ: «Православные! Знаете ли Божье слово?»

Крестьянѣ согласились сказать, что не знаютъ:

— «Не знаемъ, батюшка, не знаемъ!» Кричатъ всѣ.

— «А не знаете, такъ и заводить нечего, я старъ, а читать надо много, все равно не успѣю».

Но нужно же, что либо служить. Въ на третье воскресенье попъ думалъ отслужить и научился кое чему, да бѣда стряслась; часы отчитали, надо-бы обѣдню начинать, смотритъ гене-

ралъ какой то стоитъ, служить и не смѣетъ. Долго стоялъ генералъ, служба не начинается, онъ въ алтарь къ священнику.

— «Что же, батюшка, служба не начинается?»

— «Да сегодня у насъ праздникъ большой, нужно къ верхнимъ иконамъ прилагаться, а лѣстницъ во всей деревнѣ нѣтъ, такъ за лѣстницами за 15 верстъ уѣхали. Привезутъ и начну».

Подумалъ, подумалъ генералъ и ушелъ изъ церкви, а потомъ и уѣхалъ.

Пріѣхалъ генералъ въ городъ, а въ это время у царя кто то укралъ драгоцѣнный камень, и было объявлено, что если кто найдетъ вора или отыщетъ камень, того царь наградитъ. Генералъ явился къ царю и говоритъ: «Я ваше величество видѣлъ попа въ деревнѣ, такъ, пожалуй, онъ все знаетъ и камень отыщетъ». Думаетъ генералъ: «Пусть хотъ другіе увидятъ такого интереснаго попа». Приказалъ царь вызвать попа. Пріѣхалъ попъ по царскому повелѣнію и явился къ царю. Царь и говоритъ ему: «Я слыхалъ про тебя, что ты много можешь сдѣлать, у меня украли драгоцѣнный камень, отыщи его, награжу».—«Отыщу съ Божіей помощью», говоритъ попъ.

Вышелъ отъ царя, его повели въ отведенную во дворцѣ комнату, сидитъ онъ и думаетъ: «Вотъ нужно было старухѣ попомъ сдѣлать, такъ вотъ теперь, что дѣлать будешь? Казнитъ царь, вотъ тебѣ и попъ. Ну да ужъ теперь дѣла не поправить, что будетъ, то будетъ, а хоть къ смерти приготовиться, сходить надо въ баню, да помыться и попариться». Крикнулъ слугу и приказалу истопить баню.

Приготовили баню, попарился попъ, сталъ мыться и думаетъ: «Эхъ по спинѣ побьютъ батогами». И говоритъ громко: «Да Брюхову то ничего, а Хребтову то достанется». Слышатъ въ сѣняхъ бани служителя и заспорили. Одинъ говоритъ: «Ты укралъ камень, а онъ говоритъ, что Брюхову ничего не будетъ, а Хребтову достанется, а я не воровалъ, нужно сказать ему». Приходятъ въ баню и говорятъ: «Батюшка, не объявляй насъ ворами, а возьми камень и какъ нибудь отдай царю».

Обрадовался попъ и говоритъ: «Давайте камень, а я тамъ справлюсь, какъ нибудь». Камень принесли, вышелъ попъ изъ бани, а тутъ на дворѣ гуси, онъ бросилъ камень на дворъ, одинъ гусь его и проглотилъ; приказалъ попъ изловить гуся, заломилъ одно перо въ крылѣ и пришелъ къ царю. «Ваше императорское величество! Гусь камень проглотилъ», говоритъ попъ.

Царь приказалъ поймать гуся, попъ указалъ по заломленному перу, гуся разрѣзали и камень нашли.

Приказалъ царь приготовить для попа обѣдъ въ залѣ дворца, но чтобы испытать его, знаетъ ли онъ что, или нѣтъ, приказалъ въ числѣ кушаній приготовить ворону; если, думаетъ царь, ворону попъ будетъ ѣсть, то ничего не знаетъ, а если не будетъ, тогда все знаетъ. Когда обѣдъ былъ готовъ, попъ входитъ въ зало, помолился Богу и говоритъ: «Вотъ деревенская ворона попала въ высокіе терема, а лучше бы тебѣ въ деревнѣ сидѣть».—«Узналъ», думаетъ царь, и приказалъ ворону убрать.

Пообѣдалъ попъ и собирается домой, царь его примѣрно наградилъ, но еще захотѣлъ разъ испытать. Когда была приготовлена карета, чтобы отвезти попа, царь приказалъ въ карету положить подъ сидѣнье лукошко яицъ, думая, что если сядетъ на яица, то ничего не знаетъ, а если не сядетъ, то знаетъ. Идетъ попъ къ каретѣ, ему наготово отворяютъ дверцы, онъ и говоритъ: «Ну попъ до чего дожилъ, въ каретѣ поѣдетъ. Вотъ и слава Богу, сяду теперь въ карету, какъ курица на яица и поѣду». «Узналъ, думаетъ царь, вѣрно все знаетъ». Приказалъ снять лукошко съ яицами. Такъ и уѣхалъ попъ къ своей попадьѣ и послѣ жили богато, да онъ и служить научился.

ЗАПИСИ М. М. ПРИШВИНА.

Деревня «Корельскій островъ» расположена на островѣ такого же названія приблизительно на срединѣ озера Выгозера. Большинство помѣщенныхъ здѣсь сказокъ записаны мной лѣтомъ 1906 года въ этой деревнѣ. Кромѣ того, я ѣздилъ на лодкѣ съ острова въ деревни, прилегающія къ озеру, а также по р. р. Телекиной, Верхнему и Нижнему Выгу. Весь этотъ районъ, «Выговскій край», какъ мнѣ хотѣлось бы его назвать, остался въ сторонѣ отъ вліянія цивилизаціи: Поморье живетъ своей независимой жизнью, пріонежское населеніе тяготѣетъ къ Петербургу, Корелія еще болѣе первобытна. Но какъ ни глухо это мѣсто все таки и на немъ сказывается вліяніе сосѣднихъ мѣстъ. Такъ, все молодое населеніе выговскаго края поголовно отправляется на сплавъ лѣсовъ въ Поморье, причемъ иногда ходятъ и мальчики и старики. «Ходимъ въ бурлаки», скажутъ здѣсь, «съ малыхъ лѣтъ и до дикой старости». Тамъ на лѣсопильныхъ заводахъ населеніе и усваиваетъ себѣ все новое: дурное и хорошее. Второй притокъ новостей въ это глухое мѣсто идетъ по сумскому тракту. Деревни, прилегающія къ нему, какъ напр. Вожмасалма, совершенно не узнаваемы съ внѣшней стороны въ сравненіи съ глухими деревнями Выгозера. Отдѣльные, болѣе состоятельные выгозеры, кромѣ того, ежегодно ѣздятъ въ Шуньгу на ярмарку продавать рыбу. Объ этомъ фактѣ упоминается даже въ свадебныхъ причитаніяхъ:

«Что ужь ты ѣздилъ въ Шуньгу во ярмарку,
«Что ужь покупалъ мнѣ цвѣтно платице лазорево».

Всѣ эти сношенія, конечно, въ сильной степени подорвали старый укладъ выговскаго края, своеобразно сложившійся подъ вліяніемъ Даниловскаго общежитія. Нельзя, конечно, не упомянуть также о вліяніи соловецкихъ паломниковъ, издавна шествовавшихъ этимъ путемъ къ святымъ островамъ.

Всѣ эти вліянія внѣшняго міра я особенно замѣтилъ на сказочникѣ Мануйлѣ Петровѣ изъ Морской Масельги, сказки котораго здѣсь помѣщены. Онъ живетъ у самой дороги, и богомольцы всегда заходятъ къ нему. Для нихъ, какъ выражается Мануйло, онъ «три самовара сжегъ». Мануйло съ интересомъ слушаетъ ихъ разсказы и запоминаетъ и перерабатываетъ по-своему. Для того, чтобы сдѣлаться сказочникомъ, по мнѣнію его, нужно имѣть лишь «недырявую память». И вотъ онъ своей дѣйствительно превосходной памятью собираетъ все. И потому въ его сказкахъ, иногда почти рядомъ, упоминаются такія названія, какъ «Милліонная улица» (въ Петербургѣ) и «Черный волокъ» (около Выгозера). «Сказка на всякую вещь годится» увѣряетъ Мануйло, въ особенности на сплавахъ лѣсовъ въ лѣсныхъ избушкахъ, тутъ за сказку могутъ угостить, а иногда можно такъ увлечь приказчика, что онъ заслушается и не только дѣла не спроситъ, а еще вечеромъ позоветъ чайку попить.

У Мануйлы чрезвычайно трудно записывать сказки. Для приказчиковъ, купцовъ и тѣхъ лицъ, которыхъ Мануйло называетъ «господа», у него говоръ обыкновенный, для бурлаковъ и, вообще, своего брата олонецкій. Послѣ долгихъ убѣжденій я добился того, что Мануйло отвлекался отъ моей личности и говорилъ олонецкимъ говоромъ. Но стоило мнѣ переспросить хотя одно непонятное слово, какъ онъ мгновенно измѣнялъ не только говоръ, но самый складъ рѣчи, совершенно исчезалъ тотъ тонъ сказки, отъ котораго главнымъ образомъ и зависитъ наслажденіе слушателя. Вообще, при записываніи сказокъ я нахожу выгоднѣе пропустить нѣсколько словъ, или даже невѣрно ихъ записать, лишь бы не перебивать разсказчика. Измѣненіе тона разсказа въ болѣе или менѣе продолжительное время я замѣтилъ не только у Мануйла, но и у всѣхъ остальныхъ сказочниковъ.

Что касается біографіи сказочниковъ, то прежде всего выдѣляется Мануйло Петровъ изъ Морской Масельги. Это такъ сказать, профессіональный сказочникъ и страстный любитель охоты, съ дѣтской душой. Стремится все бросить и уйти искать «пупъ земли», но не можетъ рѣшиться и тоскуетъ. Изъ другихъ выдѣляется Степанида Максимовна на Корельскомъ островѣ. Это вдова «со умножимымъ стадомъ со дѣтинымъ», «горюша горе горькое», вопленица или, какъ здѣсь говорятъ, «подголосница». Въ молодости она была первой «краснопѣвкой», а потомъ подъ вліяніемъ горя и нужды перешла къ причитаніямъ. Разсказы ея о горѣ при утратѣ мужа мною записаны съ ея словъ и напечатаны здѣсь подъ названіемъ: «Видѣнія вдовы». Старушка Марья Петровна отличается религіозностью, строгимъ укладомъ жизни, она ближайшій другъ знаменитой Любови Степановны, старообрядческой начетчицы, присоединившейся подъ конецъ своей жизни къ оффиціальной церкви. Сказки этой старушки выдѣляются этическимъ направленіемъ. Она знаетъ безконечно много сказокъ, но очень стара, слѣпа и у нея очень трудно записывать.

Лапланскія сказки и преданія записаны мною на озерѣ Имандра въ Лапландіи лѣтомъ 1907 года. Разсказывалъ мнѣ ихъ старичокъ Василій изъ Бѣлой губы. Василій съ дѣтства остался сиротой, такъ какъ отецъ его утонулъ въ р. Нивѣ, а мать вскорѣ «померла Божьей смертью». Ему не повезло на промыслахъ (охота на оленей въ горахъ и ловля рыбы) и потому онъ нанялся въ работники къ русскому въ Кандалакшу, гдѣ долго жилъ а потомъ вернулся домой на Имандру. Повидимому, подъ вліяніемъ русскихъ онъ потерялъ вѣру въ лопарскія чудеса, о которыхъ ему много говорили въ дѣтствѣ. Теперь онъ надъ всѣмъ этимъ подсмѣивается и называетъ все это «вѣра въ чудь» въ отличіе отъ «вѣры въ Христа». Благодаря этому онъ охотно разсказываетъ всѣ лопарскія повѣрья.

166.

Иванъ-царевичъ въ Подсолнечномъ царствѣ.

Мануйло Петровъ. дер. Морская Маселъга.

Противъ неба на земли жилъ старикъ въ одномъ сели, полусотни сказокъ зналъ и одну мнѣ разсказалъ. А въ одномъ не вкакомъ царствѣ былъ царь-императоръ и было у него три сына, старшаго сына звали Васильемъ, середняго звали Степаномъ, а меньшого звали Иванъ-царевичъ. Этотъ цярь на цярствѣ цярствовалъ. Не стало мочи. Исходятъ ему года, сталъ сыновей просить слетать въ Подсолнешной градъ, «въ Подсолнешномъ градѣ есь молодецкія яйця, а хто достанетъ эфти молодецкія яйця, и хто съѣстъ молодецкія яйца въ двадцать лѣтъ, будетъ молодой и въ лицё будё красивъ». Захотѣлось цярю омолодиться и друго столько поцярствовать какъ сиби такъ и государыни. Отправляе старшаго сына на своимъ быстрымъ коній. Старшій сынъ уѣзжаетъ, проходитъ времени полгода, домой онъ пріѣзжатъ. Отправляе сына Степана, второго, даватъ еще быстрѣе коня и второй уѣзжаетъ; прошелъ годъ, ни котораго ихъ нѣтъ. Просится меньшой сынъ Иванъ-царевичъ: «Я тиби папа помогу, дай мни конька-горбунка, который летѣть можетъ по воздуху». И взялъ конька-горбунка и засѣдлалъ его и отправился въ Подсолнешный градъ. Видли Ивана цяревича сядучи и не видли его поѣдучи. Уѣзжалъ Иванъ-цяревичъ въ иностранное цярство и пріѣзжалъ къ иностранному королю, какъ къ своему государю батюшку. Просится онъ ночевать, выходитъ на парадное крыльцё. Государь даваетъ ёму задачю: «Накорми моего коня и загладь въ гладкую рубаху на три дня тибѣ строку, погости у меня». Заплакалъ Иванъ-[illegible], не покормить государева коня. Отвелъ государь ёму [illegible] у коня одни косья; этого коня въ три дня накормить и [illegible] штобы былъ онъ сытъ и гладокъ. Иванъ-царевичъ [illegible] што задачи мнѣ не справить. Учитъ конекъ-горбу[illegible] разотри шкуру до костей». Иванъ-царевичъ у цар[illegible] растеръ шкуру до кости, спрыснулъ водой живой и [illegible]лался конь сытъ и гладокъ; отводитъ къ государю, [illegible]. Принялъ государь коня: замысловато дѣло, [illegible] Ивана-царевича: «Куда ѣдешь и куда путь дер-

жишь?». Отвѣчялъ Иванъ-царевичъ, што «Ѣду въ подсолнешной градъ, захватить малодецкія яйца, омолодить своихъ родителей». Государь и говоритъ, што «Если я помогу, тогда ты найдешь подсолнышный градъ, а если не помогу, тогда не найти. Сослужи мнѣ службу: достань мни котка горбунка и медвидя для утѣшенія дѣтей». Отправляется Иванъ-царевичъ на своемъ кони́-горбуни́. Пріѣзжаетъ къ бабки задворки, спрашиватъ бабушка задворинка: «Котка горбунка для утѣшенія, медвѣдя цярскихъ дѣтей утѣшать, штобы онъ могъ столопъ ставить». Выдастъ ему бабка задворенка котка-горбунка и чудеснаго медвѣдя для утѣшенія цярскихъ дѣтей. Пріѣзжатъ къ государю Иванъ-царевичъ, привозитъ котка горбунка, чудеснаго медвѣдя, спустилъ кота горбунка, котъ заигралъ въ покояхъ на разный го́лосъ, а чудесный медвѣдь сталъ ставать въ разные столба, утѣшать царскихъ дѣтей. Восхвалилъ его государь, далъ ёму подорожну ѣхать въ Подсолнешной градъ. Поѣхалъ Иванъ-царевичъ, пріѣзжаетъ къ одной старушкѣ, построена у ёй избушка на веретеной пятки, на солнцё лицёмъ, а на сиверъ крыльцёмъ, попросился онъ ночевать; бабушка его пустила и спросила: «Куда ты идешь, куда путь держишь?» — «Я ѣду въ Подсолнешной градъ, за молодецкимя яицями». Бабушка старушка отвѣтила, што «Если я тебѣ не помогу нигди теби не бывать. Въ Подсолнешномъ гради 12 доцерей бѣлаго царя, подсолнешныхъ красавицъ, отъ ихъ достать яйця крѣпко трудно, онѣ мои племянницы, заѣжай ко мни, такъ я теби и помогу, оставь своего коня, а возьми моего, пріѣдешь къ моей сестры́, такаяже сестра, какъ я и такая же фатерка у ёй, какъ моя, попросись у ёй ночевать». Поѣхалъ Иванъ-царевичъ, пріѣзжаетъ къ бабушки задворенки, просится у ей ночевать, она спрашиваетъ его строго: «Куды ѣдешь, куды путь держишь?» Отвѣчалъ Иванъ-царевичъ, што «я ѣду въ Подсолнешной градъ». Бабушка отвѣчала, што «Если я не помогу, то негди теби не бывать; тамъ живутъ мои племянницы бѣлаго царя дочери, ихъ 12 доцерей, я тиби накажу; покуль оставляй сестринаго коня здѣсь, поѣзжай на моемъ; пріѣдешь въ Подслонешной градъ, стѣна и крѣпость 12 саженъ кверьху, вткни шпорами подъ бока моего коня и съ разбѣгу мой конь перескочитъ эфту каменную крѣпость, ноги яво не задѣнутъ, струни не зазвонятъ, кобели не залаютъ, соловьи не запоютъ. На племянницъ на родныхъ наложу смертельный сонъ; двѣнадцать племянницъ въ

смертельномъ сну спятъ и всѣ онѣ разлягавши и вси онѣ распинавши, рубашки на ихъ травчатые, скрозь рубашки видно тѣло. скрозь тѣло видно косья, сквозь косья видны мо́зги, какъ жаркій жемчугъ пересыпается. Бабка наказываетъ строго, што дѣлай дѣло скоро, не пакости, не пролей крови; если ты прольешь кровь, нигди теби не бывать». Пришелъ онъ, а одинадцать дочерей царскихъ и вси онѣ разлягавши и вси онѣ распинавши, удержалъ онъ свое сердцо; пришелъ къ 12-й сестры, спитъ она въ бѣломъ браномъ пологу и всихъ ея сестеръ сестра красивѣе въ свитѣ нѣтъ; какъ она сдо́хня отъ себя, такъ пологъ бранный себя, какъ она сдохъ возьметъ въ себя, бѣлый бранный пологъ прелягается къ сиби́. Не стерпѣло серце, приздынулъ онъ бранной пологъ, царску дочь обнасильничалъ ю скоро. Выходитъ онъ съ бѣлого браннаго пологу на столи чернило и бумага, онъ написалъ скорописа́ную запись, што «Котъ тутъ былъ и молоко пилъ и стола не закрылъ». Взялъ молодецкія яйца пару для своихъ родителей, положилъ въ правой карманъ, обкатился обы и съ конемъ живой водой, одны задніи шипы не хватили воды, вткнулъ шпорамъ подъ бока рѣзваго коня, какъ скочилъ черезъ крѣпость, задѣлъ шипами за струну. Струны эти вси зазвенѣли, соловьи запѣли, кобели залаяли, цярскія доцери вси вы́стали, прохватилась главна доць Настасья. «Кровь про́лита и рубашка въ кровь замарана! Какой былъ хитрецъ, я ничего не слышала. Ставайте сестры́ любезныя, поѣдемъ въ погону». Кака была поляни́ця нетлѣнная, недосугъ было разглядывать скорописныя записи. Иванъ-Царевичъ утекалъ на бабкиномъ до́брыимъ кони только лѣса гнутся; а конь бѣжитъ што птиця летитъ, а 12 сестеръ вси вслѣдъ. Пріѣзжатъ Иванъ-царевичъ къ бабки задворинки отдаватъ коня, беретъ другого. Бабушка задворница наказыватъ: «Коль можь, рой записки на ходу, пиши въ запискахъ хто меня догонитъ, того до смерти за . . у». Роетъ записки, заднія сестры увидали на ходу записки, разглядѣли, строго. «Какой то Иванъ-царевичъ у . . ъ сестру да у . . . . ъ насъ, если догонимъ». Возвратились одиннадцать сестеръ вси взадъ, 12-я сестра, которая была главная и имъ была оппакощена, тая не спрашиватъ ничего, гонится вслѣдъ. Соединились у второй бабушки: «Постой царскій сынъ, ты мни будешь дрогоцѣнный мужъ, ты меня оппакостилъ, оставилъ мни два яблока, два сына любезныхъ». Отвѣчалъ Иванъ-царевичъ, што «Ты умно сдѣлала,

поступила со мной какъ слѣдуетъ; пріѣзжай ко мни черезъ годъ привози двухъ сыновей» (сичатъ двоинку заковырнулъ съ одного разу). Отвѣчала царская дочь ёму што, «Пріѣду на двѣнадцати корабляхъ и вси будутъ наполнены приданаго живота». Распростились оны прикрасно. Иванъ-царевичъ поѣхалъ домой а Настасья царевна въ Подсолнешное царство, свиданье сдѣлать черезъ годъ. Поѣхалъ Иванъ-царевичъ домой, пріѣзжаетъ недалеко отъ дому, напáла на него большая тягость, захотѣлъ онъ пріуснуть на зеленомъ лугу, спускаетъ своего конька горбунка, роскинулъ бѣлый шатеръ, свалился на чесной покой, заснулъ долгонько. Поѣхалъ родной братъ Степанъ, зашелъ безъ всякаго докладу въ бѣлый шатеръ, оглядѣлъ и зашелъ въ правой карманъ и взялъ молодецкія яйца и увезъ впереди родителямъ, оммолодить своихъ родителей. Пріѣзжаетъ Иванъ-царевичъ домой и такъ онъ не весёлъ. Спрашиватъ его родитель: «Отчего-жъ ты, Иванъ, не весёлъ?» Отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ, што «Я былъ въ Подсолнешномъ гради и добрался до молодецкихъ яицъ, хто васъ родители оммолодилъ?» Государь и отвѣчаетъ, што: «Насъ оммолодилъ Степанъ». Обротился Иванъ-царевичъ жалкими словами своему отцю и матери, што «Я былъ въ Подсолнешномъ градѣ и досталъ молодецкія яйца и родители стали молоды». Не взялъ отъ его вниманія царь. «Вамъ извѣстно будетъ отвѣчалъ Иванъ-царевичъ. Черезъ годъ и является жена на 12-ти корабляхъ съ грузомъ. Государь отправилъ сыновей и изъ трехъ котораго признаетъ хозяиномъ. «Старшій сынъ Василій стрѣтай государыню цярицю во всёмъ фрунти». Государыня его не признаетъ, што «Это не мой возлюбленный, не этотъ оставилъ мни два гóлуба». Отправляетъ государь сына Степана. И его не признала. «Это не мой возлюбленный, не драгоцѣнный мужъ». На третій разъ отправляетъ Иванъ-царевича; является въ самой простой одежи, видла государыня, цярска дочь, брала ёгó за руки бѣлыи, цѣловала его въ уста сахарныи: «Это мой мужъ возлюбленный, онъ оставилъ мни два голуба». Стрѣтилъ ю Иванъ-царевичъ за любовь, корабли поставилъ на мѣсто, вывелъ государыню въ свои покои, выгрузили цярскіе трои слуги корабли и потомъ повприли родители, што Иванъ-царевичъ насъ оммолодилъ и онъ досталъ молодецки яйца, когда возвратился съ Подсолнечнаго граду. Пóжила невѣста полгоду, не полюбилось ей въ эфтомъ царствѣ и уѣзжаетъ она въ Подсолночное царство съ своимъ

съ драгоцѣннымъ мужемъ и къ своему бѣлому царю. Стали жить въ своемъ Подсолнечномъ градѣ и забыли все мужа царство, не бывая на своей сторонѣ. Привыкнулъ къ Подсолнечному граду, къ теплой стороны и тогда будутъ жить хорошо.

167.

Лср 94

Лѣсовикъ.

Его же.

Въ одной деревни жиў быў старикъ. У его былъ сынъ и три доцери. Вотъ старикъ стаў умирать и говоритъ сыну: «Везди благословляю тебя іиздить, а только не іизди вотъ на этотъ островъ, а если поіидешь, то себи худо здилашь». Ну старикъ и умеръ. Вотъ сынъ этотъ и стаў іиздить, а только всё хоцетце ёму сходить на этотъ островъ. Затымъ онъ не вытерпѣў и пошоў. Приходитъ на островъ и видитъ, што на острову дерутце два лѣсовика. Какъ ёго только увидѣли, такъ бросили дратце и схватили ёго. Ну онъ и стаў имъ молитце, штобы спустили ёго. Лѣсовики эты ёму отвѣцяютъ: «Если ты отдашь намъ свою старшу сестру, дакъ мы тебя и спустимъ, а не дашь дакъ тутъ тебѣ и смерть». Ну, этому мужику нецёго дѣлать онъ и согласился. А лѣсовики ему и говорятъ: «Какъ придешь домой, дакъ пошли сёстру въ лѣсъ за ягодами, а мы тутъ ю и возьмёмъ». Ну, вотъ этотъ мужикъ приходитъ домой, а самому ужъ такъ скуцьно. Ну сёстры ёго спрашиваютъ: «Отцего ты, братецъ, такой нецяльной?» А онъ имъ и говоритъ: «Ну, цёго мнѣ нецялитця, а вотъ поди-ко сходи сёстра по ягоды, штото ягодъ захотѣлось». Ну старша сёстра и отправилась. Цють только зашла въ лѣсъ, какъ ю схватили двѣнадцетъ медвѣдей. Ну, ладно. Вотъ мало-ли много проходитъ времени, опять этому мужику захотѣлось сходить на островъ. Онъ и пошоу. Опеть приходитъ и видитъ: на острову дерутце два лѣсовика. Опеть ёго схватили и говорятъ: «Отдай намъ свою среднюю сёстру, а если не отдашь, тутъ тебѣ и смерть». Ну мужику нецёго дѣлать, согласилсэ. А лѣсовики ёму говорятъ: «Какъ придёшь домой, дакъ пошли сёстру на берегъ за водой, мы ю тутъ и возьмемъ». Ну, мужикъ пошоу домой, ды говоритъ средней

сестрѣ: «Сходи-ко принеси свѣжей воды напитце». Сестра и, пошла и цють только пришла на берегъ, какъ съ озера выплыло двинадцеть ёршей, да оны ю схватили. Вотъ проходитъ сколько-то времени. Мужику опеть захотѣлось сходить на островъ. Онъ и пошоў. И опеть ёго схватили два лѣсовика, велѣли ёму отдать имъ свою младшу сёстру. И велѣли, какъ придетъ домой, послать сестру выпахать ступени. Мужикъ такъ и здѣлаў. Цють только вышла сёстра его на ступени, какъ ю схватили двинадцеть лебедей ды унесли. Послѣ этого мужикъ быў на острову, еще разъ. Приходитъ и видитъ на острову дерутце два лѣсовика и дѣлятъ дви находки: шапку невидимку и кота бархота, ему велѣли раздѣлить. Онъ взяў камень, ды бросиў. Пока лѣсовики бѣгали за камнемъ, онъ эты находки унесъ. Ну, ладно. Вотъ проходитъ опеть видно много времени. И захотѣлось этому мужику повидать своихъ сестеръ. Вотъ онъ шоў, шоў, приходитъ въ лѣсъ. Видитъ въ лѣсу стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, въ лѣсъ лицёмъ, а сюды воронцомъ. Мужикъ и говоритъ: «Избушка, избушка, повернись сюды лицёмъ, а туды воронцёмъ». Избушка и повернулась. Мужикъ приходитъ въ избушку и видитъ сидитъ баба Яга, ленъ прядётъ, а титьки на воронцы держитъ. Ну она ему и говоритъ: «Куды, добрый целовѣкъ, идёшь?» — «А иду, говоритъ, вотъ такъ и такъ». И розсказаў ей всё про своихъ сестеръ. Иду, говоритъ, повидать ихъ. Ну старуха эта ёго накормила, напоила и спать положила. Утромъ дала ёму клубокъ. Мужикъ поблагодарилъ, да и пошоў вслѣдъ за клубоцкомъ. Шоў, шоў, видитъ домъ. зашоў въ домъ, тамъ сидитъ ёго старша сёстра. Ну, сестра обрадовалась, угостила ёго, ды говоритъ: «Вотъ, што, братецъ, скоро придутъ сюды двинадцеть медвѣдей, пои знай, полюбятъ ли оны или нѣтъ, если не полюбятъ, дакъ могутъ тебя съись». Ну, этотъ мужикъ надѣў шапку невидимку да сѣў въ угоў. Вотъ вдругъ раздаўся шумъ, приходятъ двинадцеть медвѣдей. Оставили свои шкуры на ступеняхъ, ды стали удалыми молодцями, да пришли въ избу. Пришли ды говорятъ этой дѣвки: «Отцего здись руськимъ духомъ пахнё?» — «Ну, цего, по Руси бѣгали, руського духу нахватались, оттого и здись пахнё. «Што есь новаго на Руси?»—«А вотъ были мы въ твоёй деревни, у твоего брата въ доми окна забиты досками, ды двери запецятаны, пои знай, куды онъ ушоў». Эта дѣвка и говоритъ: «А што, если бы онъ сюды пришоў, приняли бы вы его?» —

«Мы бы его за гостя приняли». Ну, этотъ мужикъ сняў шапку невидимку, ды говоритъ: «А вотъ и я здись!» Ну его эты молодцы нацяли угощать, вытопили байну, ды спать положили. На утро мужикъ этотъ выстаў, простиўсэ съ има да пошоу дальше. А сёстра то, какъ онъ стаў уходить дала ёму клоцёкъ медвѣжей шерсти. «Посли, говоритъ, пригодитце». Ну, мужикъ и пошоў. Шоў, шоў, видитъ стоитъ домъ. Онъ зашоў въ домъ и видитъ, тамъ сидитъ его средняя сестра. Ну она ёго угостила тутъ, ды и говоритъ: «Вотъ што, братецъ, ты теперь уйди, а то скоро придутъ двѣнадцеть ершей, пои знай, полюбятъ ли оны, али нѣтъ». Ну, мужикъ этотъ одѣў шапку невидимку, ды сѣў въ угоў. Приходятъ двинадцеть ершей, скинули свои шкурья на ступеняхъ, да стали добрыми молодцами. Приходятъ въ избу да говорятъ: «Што тутъ руськимъ духомъ пахнетъ?» А эта дѣвка и говоритъ: «Ну, по Руси бѣгали, руського духа нахватались, оттого и пахнетъ». Это дѣвка и спрашиватъ: «А не видали, по Руси плаваюци, моего брата?» Ерши и говорятъ: «У ёго въ деревни окна заколоцены, да двири запецятаны, не знаемъ куды онъ ушоў». А дѣвка и спрашиватъ: «А если бы онъ здѣсь быў, приняли ли бы ёго?» Ерши говорятъ: «Мы бы ёго за гостя приняли». Мужикъ сейцясь сняу шапку невидимку да говоритъ: «А вотъ и я здись!» Ну, ёго тутъ угостили дакъ, што мужикъ до того наѣўсе, што ужъ усрауся. А сёстра ему дала ёршовыхъ колюцьевъ. Такъ же мужикъ пришоу вслѣдъ за клубоцькомъ и къ младшей сестры и тутъ ёго двинадцеть лебедей приняли. А какъ онъ запоходиу, сёстра дала ёму лебежьихъ перьевъ. Ну, вотъ мужикъ этотъ и пошоў опеть за клубкомъ и пришоў въ друго государство. Ну, тамъ нѣкоторо время пожиу и принравиуся королевской доцери. Та и взявла ёго себи въ мужья. Ну, вотъ оны и повѣнцялись. А король ёму на другой день и говоритъ: «Вотъ зять мой любезной, позволяю я теби по всимъ кабакамъ и лавкамъ въ моемъ царстви ходить, а только не ходи ты въ эту лавку. А если пойдёшь, горё себи большо полуцишь». Ну мужикъ и стаў ходить по кабакамъ и по лавкамъ и затѣмъ ёму захотѣлось сходить въ эту лавку, въ котору ему не велѣў ходить тесь. Онъ и пошоу. Приходитъ и видитъ въ лавки на одной только волосинки виситъ Кощей Безсмертный. Этотъ мужикъ цють только до его дотронулсэ, какъ волосинка сорвалась, Кощей убѣжау, ды схватиу этого мужика жену, ды унесъ

въ свой дворецъ. Мужикъ приходитъ домой, а король ёму и говоритъ: «Я теби не велѣў ходить въ эту лавку, а ты пошоў, да выпустиў Кощея, а онъ и унёсъ мою любимую доць, а твою жену; если ты не найдёшь, я тебя смерью казню». Ну, мужику нецего дѣлать, взяў кота-бархата, шапку-невидимку, скатерть-самобранку спустиў впереди себя клубоцекъ ды пошоў. Приходитъ въ лѣсъ, и видитъ въ лѣсу стоитъ дворецъ, приходитъ въ этотъ дворецъ и видитъ — тамъ сидитъ ёго жена. Она ёму крѣпко обрадовалась, а сама ёму и говоритъ: «Вотъ што, муженёкъ, уходи ты отсюда, да скорія, а то сейцясъ придётъ Кощей, онъ тебя убьётъ». Ну, мужикъ и говоритъ: «Я одѣну шапку невидимку, а ты какъ придётъ, спроси: гдѣ ёго смерть». Одѣў шапку невидимку и сѣў въ угоў. Приходитъ Кощей, пообѣдаў, да лёгъ спать, а эту королевну заставиў у себя на голови искать. Ну, королевна и стала искать, а сама и спрашиватъ: «Скажи мнѣ, гди твоя смерть?» Кощей и говоритъ: «Моя смерть у барана въ дыры». Самъ поспаў, да опеть и ушоў. Ну, мужикъ этотъ и королевна взяли барана, убили ёго, вызолотили ему рога, да повѣсили его середи избы. Вотъ приходитъ Кощей, увидѣў барана, ды говоритъ: «Это што тако?» А королевна ему и говоритъ: «Это я твою душеньку такъ уладила». Кощей засмѣялся и говоритъ: «Нѣтъ, моя смерть не у барана въ дырѣ, а есь на морѣ на окіянѣ островъ, на томъ острову есь камень, подъ тымъ камнемъ заецъ, въ зайцѣ утка, въ утки яйцо, а въ томъ яйцѣ моя смерть». Ну, вотъ Кощей поѣў, поспаў, ды ушоў. Мужикъ этотъ выстаў ды пошоў къ морю-окіяну. Приходитъ къ морю и не знатъ, какъ ёму это море переплыть. А котъ-бархотъ ему и говоритъ: «Садись на меня, я тебя перевезу». Мужикъ сѣў, ды котъ-бархотъ ёго привёзъ къ острову. Мужикъ вышеў на островъ, видитъ камень. Онъ подняў этотъ камень, оттуда и выскочиў заецъ, ды убѣжаў. Мужикъ сейцясъ взяў медвѣжью шерсть, котору ёму дала сестра ды и сожгаў ю. Сейцясъ изъ лѣса выскоцили двинадцеть медвѣдей, догнали зайця, ды принесли ёго мужику. Мужикъ разорваў заеця, изъ его выскоцила утка, ды улетѣла. Мужикъ сожгаў лебежьи перья. Сейцясъ прилетѣли двинадцеть лебедей, схватили утку, заклевали ю, и съ утки выпало въ море яйцо. Мужикъ сожгаў ершовьи колюхи и двинадцеть ершей принесли ёму яицо. Вотъ онъ сѣў на кота переплыў море, ды приходитъ къ Кощею. А Кощей ужъ не здоровъ лежитъ. Цють

только пришоў мужикъ, онъ бросиўсэ на его, а мужикъ бросиў яйцо, ды сломаў его. Кощей паў и умеръ. Мужикъ взяў свою жену ды стаў жить да поживать.

168.

Ар 219

Воръ.

Его же.

У одной прикрасной деревни у отца и матери былъ единственный сынъ: было сыну написано отроду жизни счасье и Богомъ сбздано воровство. То онъ сталъ совершать съ маленькаго, воровалъ въ деревни и хорошо ему воровство далось. Выросъ онъ большой, воровать въ деревни нечего, поѣхалъ въ Самъ-Петенбургъ, гдѣ денегъ есть больше. Пріѣхалъ въ Питеръ, идетъ Миліонской улицей, попадатъ молодой человѣкъ, онъ спросилъ его: «Нельзя-ли мни ночевать»? Человѣкъ доспросилъ обратно его: «Чей, откулешній»? Держалъ ёму отвѣтъ, что «я деревенской воръ». Этотъ самый человѣкъ отвѣчалъ ему на мѣсто, што городской воръ; сознались другъ съ другомъ. Городского звали Васильемъ, деревенскаго звали Иваномъ. Прихранилъ на ночлегъ Василій Ивана предложили другъ другу тайный совѣтъ. «Куды пойдемъ воровать?. Вася и говоритъ: «Ваня, отвѣчай, што теби въ Питери знакомо.» Вася и сталъ высказывать: «У таково купця денегъ много, у едаково еще болѣ, въ одномъ мисти еще больши». Выслухалъ Ваня его разговоръ, не пожелалъ обидѣть купцей. «А вотъ што, Вася, пойдемъ-ка въ царскій банокъ, возьмемъ денегъ колько надоть». Пришелъ вечеръ, справляются оны въ работу, Иванъ говоритъ Василью: «Денегъ возьми съ собой довольно». Забрали денегъ много, пошли къ царскому дому; приходятъ въ двѣнадцать часовъ ночи, въ царскомъ домѣ тишина и спокой, у клѣтокъ крѣпкій караулъ, къ клѣтки проходитъ Ваня, доспросилъ служивыхъ кавалеровъ: «Нельзя-ли отворить клѣтки», а военные кавалеры спросили съ нихъ по сту рублей, и стоитъ стража 25 человѣкъ. Выдалъ Ваня деньги на всякаго человѣка по 100 руб. отворили клѣтку, запустили Ваню и Васю во дворъ, клѣтку обратно прикрыли за ними во дворъ. Обошли кругъ цар-

скаго дома, кинули шаръ черезъ домъ, росправилась резинна лисниця, выстали оны на крышу. Этотъ самый деревенскій воръ взялъ мѣлъ-камень, обкружилъ дыру, каку надоть, сдѣлался ходъ до банку. «Ну, Вася, подержи листницю я схожу въ царскій банокъ, заберу денегъ колько мни надоть». Спустился Ваня къ банку, оммѣлилъ камнемъ банокъ, забралъ колько ему надоть, вставалъ по лисницы къ Васи; на крышу Ваня высталъ, мѣлъ на крышѣ стеръ, крыша по старому срослась, бросили лѣсницы на земь. Первый спустился Ваня, потомъ опустился Вася, приходятъ оны къ клѣткѣ, выпускаютъ ихъ сторожа. Приходили оны къ Васи, дѣлятъ оны деньги. Вася и говоритъ, што «Въ Питенбургѣ я воръ первый, только этого я не знаю». Раздѣлили деньги чесно. «Пойдемъ, Вася, завтра, пополнитъ государь банокъ». Деньги въ банкѣ государя потерялись, караулъ государь поставилъ, деньгами банокъ наполнилъ, стражу у клѣтки перемѣнилъ. Въ 12 часовъ ночи Ваня и Вася пошли, денегъ съ собой взяли; приходя къ государственной клѣткѣ, стража имъ не сдается — на деньги ихни блазнится: «Безъ того мы не пустимъ, по двѣсти рублей деньги надо». Ваня деньги подалъ, сторожа клѣтку отворили, во дворъ воровъ запустили, обошли воры кругъ дому, кинули шаръ черезъ крышу, росправилась лисница резинова, выстали на крышу двое, оммѣлилъ Ваня кругъ, сдѣлалось пóла до банку: «Но Вася, вчера ходилъ я, сегодня иди ты».—Вася туды и полѣзъ, Ваня спускалъ на бичевкѣ, тамъ приготовленъ былъ варъ съ двухъ потолóковъ, Ваня бичевку ослабилъ, Вася туды и попалъ до плечь въ варъ эфтотъ и попалъ, никакъ вылѣзть не можетъ; приштропалъ Ваня бичевку, спустился Ваня самъ, Васи снять не можетъ, снесъ голову по плечи, поднималъ голову на крышу, мѣлъ стеръ, лисницу бросилъ нá земь и самъ опустился нá земь, спряталъ лисницу, приходитъ Ваня къ стражи. Сторожи отворяютъ клѣтку, выходитъ Ваня на улицю, приходитъ Ваня къ Васи, стрѣтатъ Васина жена, приноситъ Васину голову, голова снята по плечамъ, жена его схохонулась: «Гдѣ-же мой Вася, голова тутъ, а Васи нѣтъ».—«Поминай, какъ звали, скажемъ мы што Васи не видали». По утру о серёдки дня пошолъ государь въ банокъ, на тотъ разъ банокъ сохраненъ, стоитъ чанъ съ варомъ, городской воръ палъ, въ эфтотъ чанъ и попалъ. Взяло императора раздумье: «Што это за воръ»? Разсудила дѣло государыня: достать слѣпого

вора съ темницы. Приходитъ старый воръ съ темницы, спрашиваетъ государь императоръ: «Што старый воръ, старинный, смошь-ли знать, кто ограбилъ мой банокъ»? Старикъ и отвѣчалъ, што «Былъ воръ не простой, былъ воръ деревенскій, городской воръ глуповатъ: съ двухъ потолбковъ палъ, крѣпко въ варъ попалъ».—«Какъ-бы этого вора найти»?—«Деревенскій воръ въ Питерѣ, уцитъ старый старикъ, какъ деревенскаго вора словить, если онъ укралъ деньги, унесъ онъ гблову, унесетъ и тýлово, везите чанъ на рынокъ, положите 12 генераловъ караулить строго тулово, сымать деревенскаго вора». И деревенскій поръ поглядыватъ, какъ унесли тулово. День проходящій, на другой поглядѣвши, зашелъ воръ въ рынокъ, купилъ воръ лошадь, пріѣзжаетъ воръ къ складу, купилъ бочку вина и два крючка мѣдныхъ; поѣхалъ мужыкъ къ генераламъ, подъѣзжаетъ къ тулову, близко оввалилъ бочку на земь, срычалъ онъ генераламъ: «Пособите поднять, я вамъ заплачу». 12 человѣкъ подскочили, боцку на дровни накрыли, онъ взялъ мѣдный крючекъ, по крючку подалъ имъ вина, по крючку они выпили, зашальчѣло у ихъ въ головѣ, попросили они по другому; по другому поднесъ у головы у ихъ зашумѣло, спросили оны по пбсоху; онъ имъ подалъ по третьему, оны на разныма голосами запѣли, а онъ былъ толь бойкой, свернулъ бочку съ виномъ нá земь, особенно краномъ кверху, на мѣсто спряталъ бочку съ воромъ; остались генералы у крану, уѣзжаетъ Ваня съ воромъ. По утру пріѣзжаетъ наслѣдникъ. «Што ребята за караулъ, на то-ли вы поставлены караулить бочку съ виномъ»?—«Што, наслидникъ, за штука»! Прохватилесь оны со сна, бочки съ варомъ нѣту, бочка стоитъ съ виномъ. «Не вино нась винитъ, винитъ насъ пьянство. Куды хошь насъ клади, тулово, съ варомъ потеряно, съ рынку оно увезено». Обращался наслѣдникъ къ царю: измѣна въ эфтихъ генералахъ, казнитъ государь генераловъ строго. Потребовалъ съ темницы старого вора. Старый воръ приходитъ, спрашиватъ государь. «Ну, старый, разсуди наше дѣло, какъ-бы словить намъ вора, воръ пріѣзжалъ въ рынокъ увезъ чанъ съ туловомъ, какъ мы будемъ ловить»? Старый старикъ предлагаетъ совѣтъ: «Сокрутить именного козла въ парчёвую одёжу; если есть воръ въ городѣ, то обдеретъ этого козла, послать за караулъ посланника козла вести на серебрянной цѣпи по Питеру. Посланникъ пошелъ съ полковникомъ, увидалъ деревенскій воръ, выбѣжалъ

на Невскій пришпектъ: «Пожалуйте гости ко мни, жена у меня именинница». Заговорили посланникъ съ полковникомъ: «Не тутъ-ли деревенскій воръ, а мы къ ему зайдемъ». Зашли къ Вани въ домъ, Ваня ихъ уговорилъ: «Живите у меня по гостинному, а козла положимъ въ подвалъ». Они и раздумались козла съ руки спустить не умѣютъ, отвелъ имъ подвалъ, положили козла въ подвалъ, подаетъ имъ ключь и замокъ, замкнули козла въ подвали; составилъ имъ гостинцю, напоилъ ихъ дóпьяна, обобралъ козла дó гола, поджарилъ козла въ масли, подноситъ любезнымъ гостямъ. Покушали жаркó,—поджаренный козёлъ, видятъ тутъ воръ. «Воръ деревенской, а мы съ Царскаго села». Распростились строго, на праперть вышли, вверьху написали, што «Мы тутъ были, козлятину ѣли». И на улицю вышли, клѣтку отворили подъ верьхомъ написали, што «Мы тутъ были, козлятину ѣли», съ радостью въ Царское село побѣжали. Деревенскій воръ за іима слѣдами, письмо ихная стеръ, въ десяти мѣстахъ написалъ, што «Мы тутъ были, козлятину ѣли». Обратились они къ государю, што «Мы поймали вора». Государь скоро въ коляску, поѣхалъ ихныма слѣдами, увидалъ ихную руку надпись, што «Мы тутъ были, козлятину ѣли». Государь проѣхалъ впередъ, опять въ домѣ написано, што «Мы тутъ были, козлятину ѣли». Пріѣхалъ въ гостинницю, въ гостинницы написано: «Мы тутъ были козлятину ѣли». Онъ обернулся на ихъ и заговорилъ грубо, што «вы передо мною неправильно во многихъ мѣстахъ: «Мы тутъ были козлятину ѣли», а именно не оказалось, кончился мой козелъ. Вси служитя ложно, идите вси подъ судъ».

---

169. Ср. томъ I № 152

Благодарность покойника.

Его же.

Былъ въ Санпитенбургѣ старикъ, фамилія Нимѣняевъ, у его единственный сынъ былъ Василій. Вотъ хорошо. Этотъ Нимѣняевъ жилъ нѣсколько лѣтъ и померъ, а Василій остался 18 лѣтъ и двоима съ матерью жили, знчитъ страшный капиталъ отъ отця остался: лавка, магазинъ огромадные. И въ одно прекрасное время вздумалъ торговать Василій съ прикащиками въ

магазинѣ. И услыщалъ онъ пѣніе священницкое въ Милліонской улицѣ, несутъ покойника съ выносомъ; онъ поглядѣлъ на эфтихъ людей и несутъ покойника и нѣсколько людей съ дубинымa и бьютъ въ гроби покойника. И онъ обстановилъ эфтихъ батьковъ и доспросилъ што и за што ево бьютъ. Отвитили ему значитъ эфты самые батьки, што долженъ онъ мужичкамъ за то мужички и провожаютъ. Онъ мужиковъ этихъ скликалъ што «Вы оставьте, не троньте покойнаго, заходите мни въ магáзинъ, а я вамъ заплачу». Обратилъ народъ вниманіе, нѣсколько человѣкъ приходятъ къ Василью въ магазйнъ, и всѣхъ Василій расчиталъ какъ слѣдуетъ въ магазинѣ своемъ; вся публика народа осталась довольна. И впередъ въ одно прикрасное время этотъ Василій продолжаетъ время въ магазйнѣ и захотѣлось ему сходить въ погребокъ выпить; пришелъ, въ погребку сидитъ за выручкой деревенской мужикъ въ сѣромъ кафтанѣ: «Што, Вася, найми меня въ работники». Вася и отвѣчалъ: «Приходи, найму». Вася шелъ домой обѣдать, черезъ два цяса велѣлъ приходить (выпилъ передъ обѣдомъ). Цере́зъ два цяса эфтотъ деревенскій мужикъ приходитъ къ Васи, докладъ сдѣлалъ, мать спускаетъ. Вотъ хорошо, сецясъ садятся за обѣдъ, этотъ мужичекъ потребовалъ четверть водки у Васи и потребовалъ бакалъ, бакалъ и выпилъ. Вотъ хорошо. И пить попивать эту четверть, за обѣдомъ и выпилъ. Вышли изъ за обѣда и этотъ работникъ спрашиватъ: «Што Вася, есь-ли у тебя по мни конь, я хочу ямшичать у тебя». Вася и отвѣтилъ ему, што «Есть у меня въ конюшни три коня, бери любово». Этотъ работникъ приходитъ въ конюшню, два коня вовсе не нравятся, третій конь хорошъ, ндравится работнику, только онъ молодая лошадь, сѣлъ вершкомъ, такъ онъ дугой гнется не можетъ носить. «А лучше, Вася, дай мнѣ 100 рублей, денегъ я куплю лошадь съ телѣгой». Котора лошадь можетъ ёго носить и телѣгу возить. Вотъ хорошо, принялъ этотъ мужичекъ возить изъ магазина въ лавку всякой товаръ, при нагрузкѣ товару товарищей не требовалъ. Прошло нѣсколько времени, въ одно прикрасное время предлагаетъ Васѣ совѣтъ: «Поѣдемъ мы съ тобой на охоту, забирай провіантъ на цѣлые мѣсяцы». А на эту самую чухонскую телѣгу и сѣлъ съ этимъ самымъ работникомъ Иваномъ; распростились съ матерью хорошо. И поѣхали они на охоту почтóвымъ трактомъ и ѣхали нѣсколько вёрстъ и сустигла ихъ тёмная осённая ночь. Вотъ хорошо. Спустили они лошадь на зеленый

лугъ, раздѣлали оны огонька, подогрѣлись и закусили хорошо. Вдругъ зарычала въ деревѣ громадномъ попугай-птиця. Это Вася купеческой сынъ натягаетъ тугой лукъ и полагаётъ каленую стрѣлу спускаетъ въ попугай-птицю; попугай птиця съ дерева не пáла, а обронила желѣзные ключи; спряталъ Вася эфти ключи. «Ключи намъ и нужные, а ты вовсе намъ не нужна». Сталъ бѣлый свѣтлый день, съѣхали они въ Саратовской уѣздъ, продали оны лошадь и телѣгу, купили они въ мори небольшой пороходъ, садятся они на пароходъ, поѣзжают они въ иностранную землю, пріѣхали они къ иностранному королю. У иностраннаго короля была дочь Настасья и оченно хороша; этотъ Василій проситъ работника Ивана, што сосватай мнѣ Настасью замужъ. И занялся Иванъ сватать Настасью замужъ; иностранный король не сдается, а Настасьѣ-царевнѣ Вася любъ. Потребовалъ жениха и сватуха государь императоръ. «Ну, што, сватухъ Иванъ, сынъ-ли это тебѣ или чужой человѣкъ?—отвѣчалъ Ваня, што «Это прикащикъ мой, а я его вѣрный слуга». Вотъ государь императоръ и говоритъ: «Выстройко мнѣ церковь въ трое сутокъ». Ваня строитъ церковь, день построилъ, сутки, выше оконъ; другой построилъ къ потолку, на третій день накрыли всю крышу. Иванъ работникъ является къ государю, што «Принимайте соборъ, готовый». Приходитъ государь, соборъ сготовленъ и сечасъ ему отвелъ дочерь Настасію; благословилъ ю замужно, при освященіи церкви ихъ обвѣнчали. Потомъ Государь по трои сутки строку нагрузить 12 кораблей съ грузомъ. Нагрузили 12 кораблей съ грузомъ и отправляли Ивана, Васю и Настасію въ море. И пáли имъ похóдные вѣтры и пріятная погóда и съѣхали они въ свое мѣсто къ своей мамашѣ. Мамаша ихъ стрѣтила со слезами; 12 кораблей выгружали цѣльную недѣлю и выгрузили эфты корабли. И сталъ проситься эфтотъ работникъ, што «Росчитай ты Вася меня». Росчиталъ эфтого роботника Ивана, эфтотъ самый работникъ роскрылъ свою тайность, што онъ самый тотъ человѣкъ, котораго человѣка въ гробу несли «И выкупилъ ты меня, послужилъ я тебѣ вѣрой и правдой». А Вася остался со своей мамой и молодухой жить въ своемъ домѣ у Нимѣняева и толковать прилицно, хорошо и жизнь его при всей обличности и при удовольствіи.

Парень у водяного

170.

Пропавшій молодой.

Его же.

Въ одномъ прикрасномъ мисти, у отца у матери былъ единственный сынъ, былъ вырощонъ 25 лѣтъ. Надумали его женить, прибрали невѣсту съ своей деревни. Вотъ хорошо. И женили его, и прошли столы, пиры, какъ слѣдуетъ; увалились они на чесной спокой въ отдѣльной чуланъ. И приходитъ къ дверямъ крестовый братъ и постучалъ у дверей. Молодой человѣкъ услыхалъ: «Што за народъ?» Отвѣчалъ крестовый братецъ: «Нельзя-ли витти». Заговоритъ онъ и раздумали со своей молодой: «Выдти мнѣ-ка, али нѣтъ». Посовѣтовала ему молодая жена идти: «Это не долго время,— слово дать, а друго взять, этого времени не много». Слизъ онъ съ кровати, отворилъ немножко двери и сдернуло его въ сѣни. По утру приходятъ будить молодыхъ, молода спитъ одна. «Гдѣ-же у тебя молодой?» — «Увелъ крестовой братъ». Сходили къ крестовому брату, тамъ вовсе его нѣтъ; обратили вниманіе въ задъ; потерялся молодой. Но долго продлилось время: три года молодого ищутъ, — нѣтъ; молода живетъ при домѣ у родителей, у чужихъ. Въ одно прикрасное время, въ холодну осеннюю ночь приходитъ къ имъ странный человѣкъ; сидятъ они бесѣдуютъ и запѣваютъ они писню съ этимъ съ богоданнымъ со свёкромъ. Доспрашивалъ у ихъ проходящій человѣкъ: «Што хозяинъ, дочь ли тебѣ, али невѣстка?» Отвѣчалъ странному человѣку хозяинъ: «Женщина мнѣ чужа, по закону мнѣ невѣстка. Былъ у меня поженёнъ сынъ — потерялся на первомъ подлегѣ и нигдѣ найти не можемъ; нонѣ его поминаемъ». Странный человѣкъ отвѣчалъ, што «живыхъ поминать не нужно, а нужно ихъ поискать». Взялъ хозяинъ смекалу. Поутру угостили страннаго человѣка хорошо, попросили его со слезами, наказъ сдѣлалъ странный человѣкъ, што «Ты хозяинъ обрати вниманіе, што за 10 верстъ отсюдова есть у васъ рыболовное озеро, у озера хорошая фатерка, въ фатеркѣ печка пекарня; захвати хлѣба иди туда, протопи немножко печку и зайди въ эфту печку, прикройся заслонкой и свидишь своего сына и справишь дѣло». Хозяинъ шелъ къ рыболовному озеру, протопилъ эфту фатерку и

зашелъ въ эфтую печку, прикрылся онъ заслонкой. Приходитъ въ фатерку сынъ, на голови несетъ большой шкуль съ разныма кушаньяма, деньщикомъ живетъ у хозяина; полагаетъ шкуль на столъ, разбираетъ бѣлую браную скатерть и раскладываетъ разныя кушанья, графины съ разныма водками, вилки, тарелки, ножики; приходятъ рѣзвыи хозяева, два парня моло́дыхъ, у одного гусли въ рукахъ, а у другого гармони; три раза сплясали, три раза протанцявали, сѣли за столъ, у графиновъ хорошо попили, обратно оны отвалили, остался сынъ убирать приборы. Отецъ вышелъ изъ печки, поздоровался съ сыномъ: «Здорово, дитятко, пойдемъ домой». Сынъ ему отвѣчатъ, што «я не по своей охоти, а живу у водяного по неволи; мни домой итти нельзя, если ты идешь со мной, пойдемъ». Отецъ съ нимъ идти пожелалъ. Вышли оны на улицю, приходятъ оны къ озеру, живой воды большой пролубь, сынъ показалъ, што мнѣ идти въ пролубь надоть, а отецъ туды идти не посмѣлъ, а сынъ ушелъ въ воду, а отецъ обратился домой. Спрашиватъ дома старуха, отвичалъ отецъ, што «видѣлъ, проводилъ его до воды». На другой день обращается старуха къ эфтому рыболовному озеру, къ эфтой фатерки, потопила пекарню и пецку и заходитъ въ эфтую пецку и прикрылась она заслонкой; отворилися двири, является свой сынъ съ большима приборами, полагатъ приборъ на столъ, развертываетъ бѣлую скатерть, вынимаетъ разныя кушанья, графины съ разныма водкамы, вилки, тарелки и ножики; являются водяные хозяева, три раза оны проплясали, три раза оны взыграли въ разния музыки, за столъ сѣли и попили скорымъ шагомъ, обратили вниманіе взадъ, а сынъ сталъ кухню убирать. Старуха съ печи долой: «Дитятко, пойдемъ, домой». — «Мнѣ идти домой нельзя, я не по своей охоты, по неволи; если ты идешь со мной, то я тебя возьму». Вышелъ сынъ на улицю, проводила старуха къ озеру, къ широкой большой пролубы живой воды, у рѣчищу. «Маменька, мнѣ пойти туды». — «А я дитятко не пойду». Обращается старуха домой, а сынъ въ воду. Приходитъ старуха домой, спрашиватъ про сына молодая жена: «Видала-ли моего мужа?» По третій день обратила вниманіе жена, обращается къ рыболовному озеру, къ эфтой лѣсовой фатеркѣ, протопила пекарню и пецку, заходитъ въ пецку, приклылась она заслонкой; является мужъ молодой со всимъ ядомнымъ прибором, полагаетъ приборъ на столъ, развязываетъ бѣлую бѣло-

браную скатерть, вынимаетъ графины съ водками, вилки и ножики, отворяетъ двири; три разá проплясали, три разá станцёвали, попили и обратили вниманіе взадъ. Выходитъ жена изъ пецки, роетъ руки на шею хозяину. «Што жь ты меня покинулъ». Отвѣчатъ тутъ хозяинъ, што: «Я не по своей охоти, а живу здѣсь по неволи, а хорошо мнѣ домой идти нельзя; если ты идешь со мной».—«Пойдемъ, а я отъ тебя не останусь». Приходятъ они къ берегу, къ широкой пролубы, живому урѣчищу воды, хозяинъ обращаетъ вниманіе въ воду, а молодая жена вслѣдъ за ёмъ. Вдругъ всрылась вода — стоитъ бѣлокаменна палата; заходятъ они въ палату, на кухни живутъ кухарки, готовятъ разныя кушанья. Отвѣчалъ молодой жены, што «Ты поживи здѣсь», а самъ пошолъ къ сатанѣ. Скучалъ по ёмъ сатана. «Зачѣмъ въ Руси долго ходишь?» Увидали тутъ сынова эфту саму молоду жону, доносятъ разговоръ сатанѣ, што онъ въ Руси побылъ, привелъ русскую женщину, которая для насъ не годится. Отвѣчатъ тутъ сатана своимъ любезнымъ сыновамъ, што «Выкиньтя молодыхъ на воздухъ, не сщядитя эфтимъ лакіемъ». Приступали два сына, выкинули молодыхъ нá ледъ, одного на ту стороны пролубы, а другого на другую. Прославили они Бога, пошли оны домой. Не робкой руки была жена, достала хозяина съ воды. Мало люди такихъ находятъ женъ, было указанное дѣло и имѣли они силу и достатокъ.

171.

Любитель сказокъ.

Его же.

Въ одномъ прекрасномъ мѣсти, на одной почтовой питенбурской дороги, на громадномъ большомъ волоку былъ почтовый содержатель и страшно любилъ исторіи и сказки, и проходящаго народу, и упредилъ всякаго человѣка и кто зналъ сказку, тому есть ночлегъ, а хто вовсе ничего не зналъ, того— иди впередъ. Онъ имѣлъ пять сыновей; въ одно прекрасное время шелъ проходящій человѣкъ и попросилъ у его ночевать, онъ допросилъ его строго: «Знаешь сказку есть ночлегъ, а не знаешь иди впередъ». Отвѣтилъ ёму проходящій человѣкъ,

што: «Я какъ-нибудь скажу». Заходитъ въ домъ и когда не кормилъ, не поилъ человѣка и доспрашиваетъ ужъ сказку. Отвѣчалъ ему проходящій человѣкъ, што «Ты перво накорми и напой, а потомъ висти выспрашивай». Послѣ ужина увалились на спокой, проходящій человѣкъ легъ на предѣлъ, сынова съ женами разошлись по горницамъ, отецъ съ матерью легъ заразъ, спросилъ проходящій человѣкъ хозяина: «Выстань, старичёкъ, проводи меня во дворъ». Приходитъ на дво́риню ступень. «Станько хозяинъ на правую ногу». Обернулся хозяинъ медвѣдемъ, пришли они во дворъ, приломали они всихъ лошадей, зашли они въ хлѣвъ, прирвали они всихъ коровъ, приходятъ они въ сѣни, не идутъ они въ фатеру, какъ кастили они много, выходятъ они на улицю среди темной ночи. Спрашиватъ проходящій человѣкъ: «А што хозяинъ ищи рѣпную яму отулься набъ туда». Всталъ свѣтлый бѣлый день, приходя сынова во дворъ, приломаны вси лошади, приходятъ невѣски въ хлѣвъ, прирваны вси коровы, приходятъ къ невѣсткѣ въ фатеру и срычали громкимъ голосомъ мужики: «Што знайте, то дѣлайте». Два брата были полисники, взяли два ружья желѣзныихъ, лыжи подъ ноги деревянныи, пошли по слѣдамъ звѣриннымъ, приходятъ къ ямамъ къ рѣпнымъ, услышали медвѣди чорные, говорятъ: «Идутъ полисники нетленные». Говоритъ проходящій хозяину, што «Я тебя поберегу, я сяду поближе; убьютъ меня ножомъ, погляди, што дѣлать будутъ надо мной: шкуру мою сдерутъ, вынутъ съ грудей вынишокъ, между ноги оттянутъ липасы [такъ звѣрей сдираютъ] и станутъ поколачивать по шкурѣ: «шкура эта хороша». Вы оборотите вниманіе. Выскочишь изъ эфтой ямы и сгреби за липасы зубами и смолитесь со слезами, што «Дѣтушки, меня не убейте». Этотъ самый старикъ выскоцилъ мимотально на эфту медвѣжью шкуру, сгрёбся за липасы зубамы и срыцялъ, што «Дѣтушки не убейте». Прохватились вси сынова въ горницяхъ, набѣжали сынова со свичками со свѣтомъ: отецъ у матери межъ ногами сгребса за липасъ зубами и рыцитъ, што «Дѣтушки не убейте». Нестолько отецъ рыцитъ, колько мать рыцитъ; едва старика оттянули, полтора цяса былъ старикъ въ затменіи, черезъ полтора цяса старикъ отжился хорошо, пришелъ въ старый разсудокъ и далъ клятву доспрашивать добрыхъ людей.

172.

Иванъ Рогуэнъ.

Его же.

Въ одномъ прикрасномъ мистѣ у отца матери единственный сынъ быў нареченный Иванъ Рóгуэнъ. Онъ быў до 18 лѣтъ и наглядѣвши на людей. И захотѣлось ему пополѣсовать. Попросиў, знацитъ, онъ отца и мать купить ружье и собаку. Чѣльную осень онъ въ лѣсу проходиў, нницего убить не могъ. Въ начали холодной зимы выпаў ему сцасливый день: пошоў онъ въ лѣсъ и убиў свѣжаго прутового рябчика. Укупориў онъ его въ корзинку и перевязаў его перекрестной веревкой и выпросиў у отца-матери денегъ. Продаваютъ онѣ послѣднюю корову и даваютъ ёму въ Питеръ ѣхать денегъ на дорогу. Черезъ малое время онъ отправляется въ Питеръ и пріѣзжаетъ онъ въ Самъ-Питербурхъ и приходитъ въ гостинницу. И попотциваў онъ въ гостинницѣ пьющаго целовѣка и попросиў его проводить къ государю императору. Натакаў его простой целовѣкъ, што явпўся мужикъ въ царскій домъ, государь занимается дѣлами. Обождалъ онъ полцаса. Государь выходитъ на кухню. Допросіў этого мужика, зацѣмъ мужицекъ явиуся Мужицекъ подаетъ ему свѣжаго прутового рябчика. Государь получаетъ, спрашиватъ: «Умѣлъ ты его въ лѣсу убить»? Мужицекъ и отвѣцяетъ што «Умѣў».—«И умѣў ты его сюды принести? «Мужицекъ отвѣцяетъ, што «Умѣў». Государь и спросиу: «Умѣешь ты на мое семейство раздѣлить». Мужицекъ отвѣцяетъ, што «Умѣю». Вотъ хорошо. Государь велѣлъ самому лучшему лакею перо снять, поджарить въ маслѣ. Потребовалъ мужикъ ножикъ и вилку, спросіў государя: «Сколько васъ семейства?» Государь отвѣчаў што «Шесть душъ: два мальцика, и двѣ дочери». Мужикъ приказаў государю императору стать въ шерингъ. Принялся мужикъ дѣлить рябчика. «Такъ што государь по царству, по королевству, первая голова по закону». Мужйкъ огрѣзалъ ножикомъ, обдержалъ вилкой рѣзвую голову и подаетъ государю императору. Государь получаетъ. А государыни вырѣзаў рѣзвое горло. Даў мальцикамъ сыновамъ по рѣзвыя ноги. Они и полуцяютъ. Царскія доцери дариў по рѣзвому крылу. Они и полуцяютъ. Остается мякоть

и одинъ хлупъ. Мужикъ вилкой тыкнулъ да сиби. Государь расхохонулся. «Всѣхъ надѣлиў и себя не обдѣлиў». И потомъ государь велѣў снаровить полцясика и сходиў въ свой банокъ и взяў денегъ колько надыть и подаетъ мужику и благодаритъ его: «Поѣзжай домой и дѣлай што надыть». Мужикъ съѣхаў домой.

Въ той же деревни былъ замысловатый полисникъ и сейцясъ обращается въ лѣсъ и убиваетъ въ лѣсу пять рябчиковъ. Запаковаў ихъ въ корзинку и петребоваў онъ поцтовыхъ лошадей. Пріѣхаў онъ въ Самъ-Питербурхъ и спросилъ царскій домъ. Обращается въ 10 цясовъ въ царскій домъ, приходитъ на кухню и потребоваў государя императора. Государь является, спрашиватъ: «Зацѣмъ, мужикъ?» Мужикъ отвицаетъ: «Принесъ пять рябциковъ, ваше царское велицество». Спрашиватъ государь: «Умѣў ты ихъ убить?»—«Умѣў», говоритъ мужикъ. «А умѣў ты сюды принести?» — «Умѣў». — «А умѣешь ли ты на мое семейство раздѣлить?» Мужицекъ спросиў государя: «А сколько́ васъ въ семействѣ?» Государь отвѣцялъ: «Шесть душъ». Мужицекъ опялся. «Я рябчики роздѣлить не умѣю». Государь подаетъ ему 15 копеекъ «Вотъ тиби на орѣхи и долой съ моихъ покоевъ»». Мужикъ оставиў этихъ рябчиковъ и отправляется домой. Вышеў съ царскаго дому и зашеў въ одну гостинницу, и выпиў стаканъ вина, потребоваў поцтовыхъ лошадей. Государь взяў этихъ рябчиковъ и не можетъ на свое семейство раздѣлить. Удумала государыня, што достать прежняго мужика. Написали письмо въ деревню штобъ пріѣхать прежнему мужику. Пріѣзжаетъ прежній мужикъ. Приняў государь его хорошо и спросиў его какъ слѣдуетъ: «Можешь ли ты пять рябчиковъ на мое семейство роздѣлить»? Мужикъ отвѣчаў, што «могу». Государь переспросиў его. «Нужно ли ихъ щипать или цѣлкомъ дѣлить будешь». Мужикъ отвѣцалъ, што дѣлить буду цѣлко́мъ и приказаў государю императору стать со своей семьей въ шириигъ. Взяў пять рябчиковъ въ руки, приходитъ къ милосливому государю. «Царское ваше велицество, вы съ государыней стоите двое и никого при васъ нѣтъ». Государь отвѣцятъ, што «Тоцно такъ, двое». — «Я вамъ дарю рябчикъ, васъ будетъ и трое». «И вы два брата любезны и царскіе сынова на правомъ боку стоите двое?» Онѣ отвицяютъ што «Двое».—«И никого при васъ нѣту?» Отвѣцяютъ што «Нѣту». «Такъ вотъ я вамъ дарю рябчикъ. Вы будите трое». «По лѣвую

руку двѣ царскія доцери стоите любезные двое?» Онѣ отвѣцяютъ што «Двое».—«И никого при васъ нѣту?»—«Тоцно такъ», говорятъ. «Вотъ я вамъ дарю свѣжаго прутового рябчика». Онѣ и полуцаютъ. «Васъ родилось и трое». «Да мнѣ два рябчика и насъ трое». Государь и расхохонулся, што «Молодецъ, мужицекъ, всѣхъ надѣлилъ и себя не забылъ». Государь велѣлъ обождать. и сходиў въ свой банокъ и насыпаў ему денегъ колько надыть. «Поѣзжай мужикъ домой и живи хорошо». Мужикъ распростиўся и отправиўся. Спросиў поцтовыхъ лошадей и выѣзжаў въ свою деревню. Приняли его родители хорошо и расцетомъ остаўся доволенъ.

173.

Священникъ и дьяволъ.

Его же.

Въ Саратовской губерніи у одного несчастнаго священника въ одну темную осённую ноць въ 12 цясовъ случилось и по покоямъ и на кухни стукъ и громъ, и шумъ. Зашли къ нему нецистые духи и просятъ у его одну любезную доцерь. Звали доцерь Александрой. И перепалъ несцястный священникъ и не знатъ, што съ дьяволами подѣлать. И отказалъ ихъ до второй ноци и припалъ онъ Господу Богу и усердно со своима молитвами и, именно, къ Николѣ Чудотворцу. Никола Цюдотворецъ вложилъ ему сцясливый мысль: «Если явятся къ теби діяволи и дай имъ задачу, цего оны справить не могутъ». На вторую ноць и сбращаются діяволи и безпокоятъ эфтого священника: «Дай намъ доцерь Александру».—«Если вы къ свѣту можете состроить божественную церковь, тогда я вамъ дамъ доцерь». Выводитъ ихъ священникъ на улицю, отводитъ имъ такое мѣсто и занимаются они за работу. Дѣло двигается къ полунóци, а церковь у нихъ сработана до потолóка. Священникъ на этотъ слуцяй перепалъ, што оны задацю справятъ. Взялъ послалъ попадью къ сусѣду и выпросилъ живого пѣтуха и принялъ пѣтуха кабайтать (чикутать). Къ свѣту ближе пѣтухъ запѣлъ. Священникъ обрадовался, у нихъ храмъ не достроенъ. Такъ и у нихъ и осталась задаця не достряпана, а

доць Александра осталась у своихъ родителей и попугали его нецистые духи. И крѣпко онъ благодарилъ Миколу Угодника и тымъ онъ сбылъ отъ діявола.

174.

Мужикъ-медвѣдь.

Его же.

Одинъ полѣсникъ ходилъ въ лиси. Имѣў онъ свою фатерку и заходитъ вецеромъ на ноцлигъ. Является къ ему медвѣдь и заходитъ за пецку не спрося. Мужицекъ и перепаў. Стрѣлить его не смѣў. Сготовиў мужикъ ужину, поись значить. И даў медвѣдю полрыбника и полмякушки хлѣба, медвѣдя накормиў, увалились на спокой. Поутру выстали, мужицекъ запоходилъ въ лѣсъ, а медьвѣдь съ фатерки йде. Мужикъ опять даў полмякушки хлѣба и половину рыбника, медвѣдь вышеў съ фатерки и поклонился ему низко. Одинъ пошелъ въ сторону, а другой въ другую. Мужикъ явиўся въ зимнее время въ крещенску ярмарку въ Шуньгу. Одинъ богатый приказчикъ зоветъ мужика въ гостинницу и ну этого мужика полисника угощать. И такъ его угостилъ, што мужицекъ вѣкъ такого угощенія не видалъ. И спросилъ эфтого мужицка: «Можешь ли знать, за што я тебя угощаю»? Мужикъ отвѣцялъ: «Не могу знать». Приказчикъ ему говоритъ, што «Помнишь, какъ я у тебя ноцеваў? Быў ты въ своей фатеркѣ въ лѣсу, а я пришеў къ тебѣ медвѣдемъ. Если бы ты сходиўся съ ружьемъ, я бы тебя съѣў. Тогда ты меня попоў, покормиў. Я быў знацитъ испорценъ въ свадьбу и сдѣланъ я быў медвѣдемъ, и ходиў я три году, а воротили меня добры люди обратно въ жизнь целовѣцеску и жить здраво и хорошо».

175.

Кумъ и кума.

Его же.

Кумъ ходилъ къ кумы. Вецеромъ приказыватъ эфтова кума: «Приходи, кумъ, въ овечью хлѣвушку». Кумъ и приходитъ. Какъ пришелъ кумъ туда, она посылатъ своего мужа къ

овцамъ дать сѣна. Приходитъ, а тамъ кумъ. «А ты, кумъ, зачѣмъ?»—«Вотъ люди говорятъ, кумушко, што увести тайкомъ барана, чтобы скорѣе овца взялась». Днемъ увидалъ куму. «А, кума, кумъ говоритъ, и какъ ты меня провела и въ хлѣвъ завлекла».—«Ну, кумушко, извини, говоритъ, на другой день приходи въ коровій хлѣвъ». На другой день приходитъ въ коровій хлѣвъ. Посылаетъ кума своего мужа въ хлѣвъ. А въ хлѣву кумъ. «Ты, кумъ, зачѣмъ?»—«А, кумушко, извини, тайкомъ увести быка, чтобы скорѣе корова обошлась. На возьми!» Днемъ увидалъ куму. «Какъ кума ты меня провела.» — «Ну, кумушко, извини, вецеромъ приходи въ фатеру и вались прямо на перинную пустелю. Вецеромъ ложатся на цесный спокой и говоритъ своему мужу: «Возлюбезный мой хозяинъ: скинь подштанники и штаны, ложись на мягкую перину, я буду печку мазать». Погасила огонь въ фатерѣ. Является кумъ. Ложится на мягкую перинную пустель. А тамъ безъ подштанниковъ хозяинъ. Спрашиваетъ хозяинъ гостя: «Ты зачѣмъ?» Гость перепалъ, хозяинъ его обдержалъ, срычалъ громко: «Неси, хозяйка, огня». Хозяйка приноситъ огня, лежатъ на перины два кума. Гось и говоритъ: «А, кума, третій разъ меня провела». Отвѣчала кума, что «не являйся никогда». Обратился кумъ домой и не пришелъ никогда.

---

176. Аф. 129

Горбушка.

Степанида Максимовна, дер. Корельскій Островъ.

Жилъ былъ старикъ да старуха. Была у нихъ одна доцка. Потомъ старуха померла, а старикъ на иной бáбицѣ женился, на злой мачихи. Злая матушка не залюбила дѣвушку и стала вонъ ю гнать. Она собрала имущество свое, впередъ горбъ и назадъ горбъ наклáла. И пошла старушкой старой, грязнóй. Потомъ она шла близко-ли далеко, пришла въ село и стала наниматься въ работники. Ей давали сто рублей, она нé взяла, только состроить такое платье, какъ солнцё на небѣ. Хозяинъ согласился и ю нанялъ, согласился состроить платье, какъ сóлнцё на небѣ. Но, она это годъ прóжила у хозяина и прочь. Потомъ она пошла въ другую деревню. Опять пошла къ бо

мужику, просила состроить платье, какъ мѣсяцъ на небѣ. Хозяинъ согласился. Годъ прожила, онъ состроилъ ей платье и прочь. Опять къ третьему мужику, состроить платье, какъ звѣзды на небѣ. И пошла впередъ съ этими котомками горбами, приходитъ къ царю на́ймоваться въ работницы.—«Куда тебя эку горбатую, можешь-ли рабо́тать?»—«Я могу всяко дѣла дѣлать». Ну и согласился, нанялъ ю на годъ, рядила 100 руб. У царя былъ сынъ Иванъ-царевицъ. Какъ онъ запоходитъ къ службѣ въ церковь, а она придетъ пахать горницю. Ну онъ говоритъ: «Горбушка, подай сапоги». А она какъ сапоги понесетъ: «А кабы мнѣ этотъ сапогъ на ноги». Онъ возьмё сапогъ въ руки, ей въ голову щёлкъ: «Эхъ ты, горбатая! гдѣ тебѣ держать экой сапогъ на ногѣ». Но, онъ какъ въ церкву уйдетъ, она отпашется и въ слѣдъ въ церковь идетъ, и наденетъ платьё, какъ звѣзды на небѣ. И вси кресценые на ю глядяться: «Экая красавиця, эка идетъ». Этотъ Иванъ-царевицъ не столь молитце, ко́лько на ю глядитъ. Потомъ стерпѣть не може, пошлетъ лакея спросить: «Съ чьего города ба́рыня». Она ему отвѣтатъ: «Я неда́льняго городу, гдѣ сапогами бьютъ въ голову». Идно ужъ Иванъ-царевицъ безтолковый былъ. Она впереди его изъ церкви домой пріи̂детъ, горбы надежетъ, а платье скинетъ. Потомъ Иванъ-царевичь изъ церкви при́детъ, предъясняетъ родителямъ: «Вотъ какая барышня была въ церкови, что вси крещеные удивились; какая красавица и одежда что, какъ нѣтъ на свѣтѣ луччи ёйной. Я послалъ, спросить чья такая, говоритъ: «гдѣ сапогами бьютъ въ голову. Я поѣду разыскивать этого городу». Ѣздилъ, ѣздилъ дѣвицы разыскать, говоритъ, не могъ. На второй день опять службу запоходилъ, она горницы пахать къ нему. Онъ говоритъ: «Горбушка, подай фуражку мнѣкова». Она взяла фуражку надѣла себѣ на голову: «Эхъ, кабы мнѣ фуражка на голову». А онъ ю снялъ съ головы и шлепнулъ въ голову: «Охъ ты, горбатый чертъ, гдѣ-же тебѣ эку фуражку да дёржовать». И ушелъ въ церковь. Она отпахалась, отбряшницялась и одѣла въ сѣняхъ платье, какъ мѣсяцъ на небѣ, и еще лучше стала, и пошла въ церковь. Еще горажe народъ на нее глядитъ, нисколько Богу не молится, а все на ю глядятъ: «Откуда эка красавица!» Иванъ-царевицъ стоялъ, стоялъ, стерпѣть не може, пошлетъ лакея спросить. Лакей спрашиватъ. Она отвѣтила: «Што я недальняго городу, гдѣ фуражкой бьютъ въ голову». Служба отошла, она пришла

домой, скинула платье, опять эти горбы надѣла. Приходитъ Иванъ-царевицъ разсказываетъ: «Какъ была барышня въ церкви вси крещены дивились, нисколько не молились. Поѣду я этого города искать». Ну отецъ его уволилъ. Ѣздилъ, ѣздилъ ноцъ, не могъ найти городу, такъ порожній и пріѣхалъ. Третій день какъ идетъ, заходитъ, пахать. А онъ говоритъ: «Подай, горбушка, зеркало со стѣны». Она взяла зеркало со стѣны, сама сказала: «Экъ, кабы мнѣ эко зеркало въ руки». — «Эхъ, горбатой цертъ, гдѣ тебѣ въ эко зеркало смотрѣться». Взялъ щёлкнулъ ю зеркаломъ въ голову и ушелъ въ церковѣ. Она опять отпахалась, отбрешничалась, сходила переодѣлась въ платье, какъ солнце на небѣ, платье еще того лучше. Приходитъ въ церкву. Попъ службу прекратилъ, въ церкви сіяетъ каждое мѣсто, такъ бы на ю и смотрѣть. Лакей спрашиватъ: «Съ какого городу»? «Я недальнаго города, гдѣ зеркáлами бьютъ въ гóлову». Потомъ службы никакой неродилось, она пришла домой, платье скинула. И одумался Иванъ Царевицъ, думатъ: «Ладно, видно изъ городу это близко». И одумался: онъ и сапогамъ ударилъ въ голову и фуражкой попало въ голову, такъ видно тутъ и быть. Приходитъ изъ церкви, матери въ ноги: «Благословите меня на горбушкѣ жениться, видно тутъ моя богосужена». Потомъ перво отецъ и мать не давали. Но онъ выскалъ, взялъ ейную правую руку и свой именной перстень, поцѣловалъ напередъ ей. «Будь моя богосужена». Она потомъ ему скажетъ: «Позвольте на нѣсколько минутъ выйти». И взяла потомъ въ сарай эти горбы сносила, надѣла какъ звѣзды на небѣ платье и является. Онъ взялъ за правую руку, поцѣловалъ въ уста сахарныи и тутъ свадьбу завели и оввѣнчались. И стали жить да быть да добра наживать.

177.

Приплышъ.

Ея же.

Жилъ досюль старикъ и старуха. У нихъ сперва не было-дѣтей ни сына, ни дочéры ни кого. Потомъ божили дѣтей себѣ-ка, она и понеслась, принесла себѣ сына. Сынъ ростетъ не по днямъ, а по цясамъ. Утромъ принесла, а въ вецеру на ногахъ пошелъ.

Церезъ три дня пошелъ въ лѣсъ дровъ сѣчь, отецъ рубитъ топоромъ а онъ возьметъ руками да беремецко сломаетъ — и дрова. Ну, онъ пó день ходилъ да по другой ходилъ и выросъ такой мужикъ большой большинской. На другой-то день вецеромъ приходитъ старикъ: «Старуха, скажетъ, ужь далъ Богъ намъ сына, да·сбыть намъ бы отъ этого сына». А старуха скажетъ: «Какъ придете обѣдать, такъ ты вели ему воды подать, онъ какъ, скаже, наклонится надъ водой, такъ ты его и толни въ рѣку». Ну взяли обѣдъ сварили. Отецъ и говоритъ: «Дай, дитятко, воды напиться. Онъ взялъ чашку, наклонился. А отецъ взялъ да и тóлнулъ его въ рѣку́. А рѣка оцень бы́стра, ёго и понесло и потомъ съ рѣки вынесло въ море и моремъ несетъ его. Тамъ близко-ли, далеко-ли несло много мѣстъ Потомъ увидали его съ корабли, на корабли ѣхалъ Иванъ-царевичъ. Спустили маленькую шлюпку, ну ёго и переняли этого при́плыша и привезли ёго на корабль. Вотъ и говоритъ: «Ну какъ тебя звать». Говоритъ: «А зовитя меня Приплышемъ». И поѣхали они такъ на корабли. Этотъ Иванъ-царевичъ ходитъ по кораблямъ, а онъ ѣхалъ жениться въ другу землю. Самъ говоритъ Иванъ-царевичъ. «Кабы мнѣ лукъ, я стрѣлать бы, кабы мнѣ мяць, я бы сѣць, кабы бы́ла красна дѣвка, я бы и спать». Ну, а этотъ Приплышъ ему и говоритъ: «Вотъ што, Иванъ-царевичъ, буде у тебя лукъ, да не буде у тебѣ рукъ, но буде мяць, да некому сѣць, а и буде красна дѣвка, да не съ кѣмъ спать». Онъ и говоритъ: «Да што тебѣ сдѣлаю Приплышъ, я тебя взадъ въ море брошу». А онъ ему и говоритъ: «А вотъ што, Иванъ-царевичъ, если ты меня въ море бросишь, меня въ море ты не рой, а брось меня на землю». А потомъ и говоритъ: «Какъ бросишь ты меня на матерь-землю, дакъ можетъ я тебѣ чѣмъ пригожусь. Ну ладно. Доѣхали до того берега гдѣ надо ему сватать. Онъ взялъ его на землю-матушку выпустилъ, отказалъ. Этотъ Приплышъ ходитъ и говоритъ матросамъ: «Отказалъ мнѣ Иванъ-царевичъ отъ себя, такъ все равно ему безъ меня не жениться». Потомъ онъ этотъ Иванъ-царевичъ сватать сталъ, потомъ наказала эта невѣста службу. «Если хочешь замужъ взять, рукой здынуть этой»... 40 человѣкъ несутъ лукъ, а ему, надо одному здынуть. Онъ и говоритъ: «Ахъ лакей, сходите, зовите ко мнѣ Приплыша». Сходили, созвали Приплыша. Онъ и приходитъ: «Ну, здравствуй, крестовъ братецъ, говоритъ Иванъ-царевичъ, помоги моему горю, сдѣлай милость». — «А вотъ я

тебѣ говорилъ, крестовъ братецъ, сказалъ, што «будетъ лукъ да не будетъ рукъ», да «будетъ мецъ да некого сѣцъ», а «будетъ красна дѣвица, да не съ кѣмъ спать». Онъ и говоритъ: «Помоги, сдѣлай милость, крестовой братъ, если можешь». Онъ взялъ скидавалъ плохи одежды, царскую одежь надѣвалъ Приплышъ и взялъ этотъ лукъ, взялъ одной рукой здынулъ да на вемъ пустилъ, на щепья́ лукъ и разсыпался. Такъ и заговорила невёста «Не своима догадками живётъ русакъ, а чужима». Тутъ второй день пришелъ слуги несутъ царевичу мяцъ сорокъ целовѣкъ, а ёму надо одному здынуть, Ивану-царевичу. Это Иванъ-царевичъ опять крестоваго брата: «Не покинь, выруци меня, замѣни». Ну онъ опять одѣлъ Ивана-царевича платье царско, Приплышъ, и пошелъ къ мяцю. Пришёлъ да здынулъ мяцъ, одной рукой, на́ земь бросилъ, на песокъ, разсыпался мяцъ. «Ну, говоритъ, не своима́ догадками живёшь русакъ, а чужи́ма». На третій день нужно свадьбу играть, цеснымъ пиркомъ свадебку сыграли, ну и поѣхали на корабли домой. Ѣхали домой и оченно толстая княгиня, порато толстая, пёретъ накинетъ такъ не можетъ здыхать. Иванъ-царевичъ потомъ и домой пріѣзжаетъ, она Ивана-царевичо хуже работника поцитаетъ; не поцитаетъ што и мужъ. И поладила его козъ да свиней да коровъ пасти, и какъ это коровъ пригонитъ, каждую нужно еще поцѣловать подъ хвостъ. Ну, потомъ эта жена глядитъ въ окошко какъ коровъ-то угощатъ. Ну, потомъ этотъ Приплышъ и говоритъ: «Вотъ што, говоритъ, крестный братъ, Иванъ-царевичъ, я говоритъ, ты дай мнѣ свою одежду, я пойду пасти коровъ, а самъ сходи въ кузницю скуй прутъ одинъ оловянный, другой мѣдный, третій желѣзный». Этотъ Приплышъ взялъ, приходитъ со скотомъ вецеромъ, а она глядитъ вверхъ въ окошко, а этотъ ворота отворилъ, онъ какъ скотину швырнетъ, такъ она и кувыркомъ и летитъ: а эти три прута желѣзны у Приплыша ужъ подъ пазухой. Она оттуль и спустила внизъ Ивана-царевича казнить, она думаетъ Иванъ-царевичъ онъ, а тутъ При́плышъ. Этотъ Приплышъ взялъ ю, захватилъ правой рукой и по́чалъ ю зудить и колотилъ; колотилъ и прутъ сломился и потомъ и двуми прутамъ завёлъ; потомъ взялъ и третій и тутъ она стала съ руку толщиной ужъ, потомъ стала съ валёкъ толщиной, потомъ ужъ съ веретёшку стала толщиной. Остатней прутъ сломался, взялъ Приплышъ веретёшко да пополамъ и разломилъ: «Напереди

стань жена молодая, а назади стань гора золотая, лучше стараго да и лучше прежняго». Вдругъ стала напередъ гора золотая и назади жена молодая и лучше прежняго, просто красавица сдѣлалась, што на ю бы и глядѣлъ. «Ну, вотъ Иванъ-царевичъ крестовый братъ, Богъ тебя благословитъ съ женой молодой. Ну, вотъ же спи съ Иваномъ-царевичемъ благословясь». А Иванъ-царевичъ ему надавалъ и золота и серебра и скатна жемчуга, а Иванъ-царевичъ спитъ съ молодой женой, живутъ поживаютъ и добра наживаютъ, а Приплышъ пошелъ куда голова понесетъ.

178.

Волочашка.

Ея же.

Жилъ досюль старикъ и старуха. У старика и старухи всего была одна доць живота. Старикъ ходилъ дрова сѣць въ лѣсъ. День сѣкъ и по другой сѣкъ, затѣмъ въ лѣсяхъ заговорило: «Старикъ, отдай дѣвку замужъ, то и дрова сѣки, а не отдашь, то и вонъ пойди». День сѣкъ и ушелъ домой. Вецеромъ приходитъ старикъ, говоритъ старухи: «Въ лѣсѣ заговорило, што отдай дѣвку замужъ, то и сѣки дрова, а не отдашь, такъ прочь поди». Старуха и вопитъ: жалко доцерь отдать. «Сходи еще, что будетъ на третій день». На третій день старикъ приходитъ въ лѣсъ, какъ тюкнулъ, то заговорило: «Старикъ, отдай дѣвку замужъ, то и дрова сѣки, а если не отдашь, дакъ и живой не пойдешь». Ну онъ шт -же: «Ну, отдамъ, што хошь отдамъ».— «Ну, какъ отдашь, пусть идетъ по золотой дорожкѣ, а не по говённой». Пришелъ домой старикъ и говоритъ: «Ну, старуха отдать надо доцерь, такъ говорилъ некого ницего не сбыть». Того-жъ дню стала дочерь и отправилась. Она шла, шла, двѣ розстани, двѣ дорожки попало, одна золота́я, а другая говённая, она и пошла. Шла, шла, вдругъ стоитъ избушка на турьей ножкѣ, на веретённой пяты, ну и другой домъ стоитъ рядомъ. Она заходи къ бабушкѣ задворинкѣ. Бабушка и говоритъ. «Фу, фу, русскій духъ! цья ты есь такая?» она говоритъ: «Есть вотъ то и такъ, отдали замужъ тако. А вотъ, гыть, на пришла».—«А, дитятко, оммойешся, оберись, опашись, а тамъ гдѣ 12 за́вѣ-

сокъ попьешь, поѣшь да за самую лучшую за́вѣску и повались». Она взяла убралась и повалилась спать за за́вѣску. Вдругъ стукъ, громъ, идетъ 12 молодцёвъ. Они и говорятъ 12-му брату: «Ты ужъ не ужинай, у тебя есть невёста». Повалились спать, слышитъ: храпитъ, спитъ целовѣкъ есь, а не баетъ ницего съ ей. Посмотрѣть надо што хошь, протерпѣла ноць, на утро повыстали, поѣли, попили и ушли на работу. Бабушка задворенка приходитъ къ ей. «Дитятко, каково спа́ла?»—«Спала, скажетъ, бабушка глаза не видла, спитъ, сопитъ, храпитъ». Бабушка задворенка гово́ритъ: «Отнюдь не смотри, если ты спицецку цирнешь да жемчуженку уронишь, тогда все сгоритъ и ницего не будя и я сгорю, а ты останешься но́га бо́са на одной земли». Она и тую другую ноцку проморщилась, протерпѣла, не посмотрѣла. Опеть приходитъ на третью ноць, бабушкѣ говоритъ: «Што хошь, бабушка, сегодня ужъ посмотрю. Бабушка и говоритъ: «Ужъ ты какъ посмотришь на жемчуженку, искорку уронишь такъ все сгоритъ».—«Не, бабушка, не натво́рю». Она взя́ла, повалилась и спицки подъ сголовья взяла. Вдругъ стукъ, громятъ,идутъ 12 молодцевъ, приходятъ и говорятъ 12-му брату: «Ты ужъ не ужинай». Она слышитъ што говорятъ, а въ глаза не видитъ. Ну, маленько попили, поѣли, повалились спать, потомъ слышитъ и заспали. Взяла коробоцку, спицку циркнула огонька да на жемчужинку искорку и уронила, жемчужинка загорѣла, все загорѣло. Осталась она го́ла бо́са на одной земли и пошла скитаться куды голова понесетъ. Шла, шла близко-ли далёко, дошла до селенья, въ селеньи кузницы; зашла въ кузницу, сковала латы желѣзны, други оловянные, третьи мѣдные и три по́соха сковала, одинъ желѣзный, другой оловянный, третій мѣдный. Ну и пошла. Шла, шла, близко-ли, далёко-ли, стоитъ избушка на турьихъ ножкахъ на веретённой пяты. Въ избушкѣ сидитъ старуха титки черезъ грядку, руками уголья гребетъ, зубами каменья спущатъ. «Фу, фу, русскій духъ, цья ты есь, волоцяшка, откудашна?» По́ щёкѣ ударила, по другой переправила. «Охъ я дура, охъ я шельма! У холодной да у голодной родители не велѣли вѣстей выспрашивать, надобно напоить, накормить да и то што вѣстей выспрашивай». Напоила, накормила, стала вѣстей выспрашивать. Спрашиваетъ: «Куда ты идешь?»—«А пошла гытъ перегарнаго мужа искать». «О, бѣдна, говоритъ, далеко тебѣ итти, куда моя племянница замужемъ, поди-ка волоцашки выточи, байню выпари, моимъ дѣтямъ рѣше-

томъ воды наноси. Она байну затопила и стала воды носить, а птицка летитъ, такъ дѣвушкѣ говоритъ: «Глинкой, глинкой заложь». Она глинкой заложила, воды наносила. Пришла: «Тетушка, гдѣ твои дѣти»? Говоритъ: «Подъ лавкой, въ дѣловушки, дѣти скакухи (лягухи), да жагалюхи» (ящерицы). Она пришла въ байню, вылила на полъ, моетъ ихъ да хвощетъ, такъ хорошо это говорятъ: «Вотъ хорошо, какъ она моетъ». Принесетъ въ байну, разроетъ кого подъ поломъ, кого по угламъ. Она взяла, намыла ихъ, собрала и принесла на старое мѣсто. Потомъ она: «Поди, волоцяшка, дай коровамъ ись». Ушла дѣвушка въ хлѣвъ, она и спрашиваетъ дѣтей: «Каково васъ чужа тетка парила да мыла?»—«Ой, матушка, хорошо, прихорошо», говорятъ. «Ну, хорошо дѣлатъ, хорошое и ждетъ пусть». Потомъ съ хлѣва пришла, старуха и въ хлѣвъ. «Каково васъ, коровушки, чужа тетка кормила да по́тчивала».—«Ой, хорошо, прехорошо», говорятъ. «Ну, хорошо дѣлатъ, хорошаго и ждетъ пусь». Она взяла да и запоходила; запоходила, она дала ей прялицку. «Ну, вотъ што дамъ я тебѣ, мила волоцяшка, прялицку, только ты ее за деньги не отдавай, а за завѣтъ отдай: вырядь съ Иваномъ-царевичемъ ночь проспать. И пошла впередъ; лапти протоптались, посохъ сломился. Опять стала избушка на турьей ножкѣ на веретёной пятѣ... Избушка, избушка повернись къ мѣсту задомъ, ко мнѣ передомъ, пусти одну ноць ноцевать». Въ избу заходитъ, старуха еще того больше, говоритъ: «Фу, фу, русскій духъ. Кто пришелъ? Цья ты есь?»—«А ты накорми да напой, а потомъ и спрашивай».—«Охъ я дура! Мнѣ-ка матушка и батюшко не велѣли у холоднаго да у голоднаго вѣстей выспрашивать; а вотъ попоить, покормить не то што вѣстей выспрашивать». Напоила, накормила и т. д. [постарому]. Запоходи́ла дѣвиця, такъ она дала пяльцо ей. «Только, говоритъ за деньги не продавай, а за завѣтъ: съ Иваномъ-царевичемъ ноць проспать». Ну, потомъ она пошла и т. д... Старая старуха еще того больше, и т. д... Запоходи́ла. она дала ей па́лицку золотую. «Ты за деньги ей не продавай, за завѣтъ: съ Иваномъ-царевичемъ ночь проспать. «Ну она и пошла. Шла далеко-ли близко-ли, пришла въ то царство, гдѣ Иванъ-царевичъ живетъ, потомъ къ бабушки задворенки и зашла. Зашла, съ бабушкой задворенкой поздоровалась, бабушка задворенка развопѣлась: «Ой ты милая, глупая! Меня-то ты сгубила да сама-то погинула, а Иванъ-царевичъ нынѣ на Ягивовни женился, теперь ужъ

ни попасть ни какъ». Ну она и сказала: «Хоть мнѣ бабушка посмотрѣть». Поѣла, попи́ла, отдохнула, вышла на крыльцо съ прялицкой, а Ягивовна пошла на берегъ за водой и говоритъ: «Волоцяшка, продай прялицку».—«Нѣтъ, говоритъ, непродажная у меня, а завѣтная».—«А што за завѣтъ?»—«А съ Иваномъ-царевичемъ ночь проспать»—«Ну, давай, приходи, приноси прялицку вецеромъ». Она вецеромъ пришла, принесла прялицку, а Иванъ-царевичъ сопитъ, напоенъ да на кравать снесенъ, не слышитъ ницего. Она ужъ кусала да щипала, будила, да не могла разбудить. Утро пришло да выгнала вонъ Ягивовна. Ну, она пришла къ бабушкѣ. «Што?» говоритъ.—«Ницего, разбудить не могла». Поѣла, тамъ попила, покушала, день прошелъ; она взяла опеть съ пяльцами вышла на ступени съ золотыма, опять идетъ Ягивовна. «Што, женка, продай мнѣ пяльцы, волоцяшка».—«Не продажны, а завѣтны».—«Што за завѣтъ?» и т. д... Вечеръ пришелъ, она взяла съ пяльцами туда и вышла, а Иванъ-царевичъ сопитъ, напоенъ да на кровать снесенъ. Она кусала, щипала, все будила, разбудить не могла; утро приходитъ: «Волоцяшка вонъ ступай». Къ бабки пришла со слезами. «Бабка задворенка, ладь» говоритъ—«Ну, на поѣшь, попей да отдохни, а Иванъ-царевичъ поѣдетъ въ цисто поле гулять да заѣдетъ ко мнѣ, я и поговорю». Иванъ-царевичъ запоѣзжалъ прогуливаться, она и увидала въ окошкѣ. Поѣхалъ, заѣхалъ Иванъ-царевичъ къ бабушкѣ задворенкѣ. «Самъ, говоритъ, я, бабушка, не могу никокого мѣста пошевелить, все выщипано, да выкусано, всяко мѣсто больно». А бабушка говоритъ: «Иванъ-царевичъ, да придетъ-ли тебѣ старопрежняя жена по разуму, али не придетъ»? «Ой, бабушка, да будто бы не приде, придетъ кажной день на разумѣ, да взять негдѣ». А она и говоритъ: «Дотяни, какъ вецеръ придетъ, да тебя Ягиводна станетъ поить соннымъ питьемъ, ты ужъ не пей, мимо лей и станя кормить сонными блинами, такъ ты отнюдь не ѣшь, а куда ни кладовай да притворись, она тебя снесетъ на кровать и къ тебѣ придетъ старопрежняя жена къ ноци». Онъ и уѣхалъ Иванъ-царевичъ, а она взяла прялицку и вышла на ступени. Вышла Ягивовна, и говоритъ: «Што, говоритъ, волоцяшка, продай прялицку».—«Она, говоритъ не продажна, а завѣтна», и т. д... Вецеръ пришелъ, Иванъ-царевичъ вылилъ мимо питье, бли́ны давала, а онъ положилъ мимо и потомъ овалился, притворился; она снесла его на кровать эту и пихнула волоцяшку, а Иванъ-царевичъ

какъ и сонный. Ну и принялъ жену. Ноць прóспали, она и гонитъ волоцяшку вонъ, разъ гонитъ и два гонитъ, волоцяшка ей ницего не говоритъ. Потомъ третій разъ: «Волоцяшка, вонъ ступай съ добра, добра не буде». А Иванъ-царевичъ и заговоритъ: «Не мѣсто-ди волоцяшкѣ итти вонъ и ты то будешь вонъ». Высталъ Иванъ-царевичъ да приказалъ Ягивовну на ворогахъ привязать и растрѣлять. А съ этой женой сталъ жить да поживать да добра наживать и съ лиха сбывать.

179.

Про лѣшаго.

Ея же.

Схватились дома, нѣту дѣвокъ. Искать, да искать. Не нáшли. Пошли на Лексу, на скитъ къ колдуньи. Колдунья отколдовать скоро не мóгла, такъ 12 дёнъ тамъ у лѣсовика выжили. Такъ только имъ пищи и было: заячья да бѣличья говядина. И до того дѣвки истощали, что краше въ гробъ кладутъ. Какъ колдунья то отвѣдала, лѣсовой взялъ ихъ на плечи да къ рѣкѣ и принесъ. А рѣка то какъ отъ ихняго дома до огорода. Онъ взялъ одну за ухо да и перекинулъ, за мочку хватилъ и перервалъ. А старшую на доскѣ отправилъ... въ карбасѣ переняли. Двѣ недѣли лежали, не могли ни ѣсть, ни пить...

з) Ягоды на Яньостровѣ брали. Дѣвушки отъ меня и ушли. Вдругъ зашумѣло въ оргѣ, да какъ будто сватья Маланья рыцитъ: «Вставай, пошли!» Вздрогнула я, никого нѣту, а рыцять не смѣю. Давай еще ягоды брать. Вдругъ опять: «Да пошли!» Вижу онъ будто женщина, буракъ въ рукѣ.

Ой до того напугалъ меня Шишко, дакъ ажно дрожь на сердцѣ, кровь смѣнилась въ лицѣ.

Было съ мужемъ двоима на Выгъ-рѣкѣ косили. А ельникъ эдакой большущій и морошки много порато. Вечеромъ я говорю: «Гаврила, вари ужинъ, а я наберу морошки».—«Да поди́ же, говóритъ, я сварю, долго ли варить кашу крупяную». Я и вышла за морошкой. Пóбрала морошки въ чашку да и будя брать, время мѣсто сбавить. Рыцю: «Гаврила, гдѣ ты?» А Гаврила:

[illegible]

[illegible]

[illegible] и будто [illegible] мнѣ на возъ». [illegible] И слѣзать боюсь. [illegible]

[illegible] собачка лаетъ, [illegible] то сила. [illegible] А по снѣгу кубани то! [illegible] на возъ, да думаю, можетъ отстанетъ. И какъ [illegible] меня терли, да кое чаемъ, на печь [illegible] я безъ памяти, да безъ языка сколько времени [illegible]

N 289. (= Садов. 3, 2)

181.

Ѳедоръ Кормаковъ.

Евдокимъ Ермолаевъ, изъ дер. Корельскій островъ.

Вотъ тоже жилъ былъ чярь. По то время леталъ нечистый духъ змѣй, онъ имѣлъ свои поселища, свои земли и потомъ этотъ померъ чярь, у него остался наслѣдникъ. Надо вести его на чярство, ну ему надо сперва жениться, знаешь, такъ его не ведутъ. Ну и стали его женить, и потомъ онъ приказалъ собрать тридевять дѣвицъ. «Изъ которыхъ я вылюбую, и всѣхъ въ одноцвѣтно платье сокрутить, я буду выбирать изъ эфтихъ одну». И эти тридевять дѣвицъ всѣ одинаковы были, а одна пришла въ простомъ платьи, ну и онъ тую вылюбовалъ себѣ и женился на ней. Ну и потомъ его стали вводить и корону надѣвать. Ну и потомъ надѣли корону, змѣй прилетѣлъ и унесъ корону. Попъ остался не при чемъ и говоритъ: «Кто бы нашелся отыскать эту корону? Нашелся Ѳедоръ Кормаковъ. «Я, говоритъ отыщу, твоя корона тридевять земель унесёна. Тогда ты мнѣ сострой карабь самый чистый по первой на Русеи и потомъ два попроще и мнѣ-ка на каждый карабь приготовь по 29 целовѣкъ матросовъ». На два корабли положилъ смолы, на второй карабь соломы, а на, третій самъ сѣлъ и отправился въ море съ Божьей милостью. И потомъ занятный былъ въ карты играть, самый чистый игрокъ. На этотъ карабь сѣлъ и уѣхалъ, и пріѣхали на то мѣсто гдѣ ему слѣдуетъ быть. Выходитъ съ корабля и говоритъ: «Матросы чтобы вси готовы были и карабли готовы и ждали меня ежеминутно». Ну и шелъ и пришелъ значитъ въ келью. Дѣвица видитъ, красавица оченно, ажъ на бѣломъ свитя нѣтъ и призываетъ: «Ну, Ѳедоръ Кормаковъ, желаешь въ карты поиграть»?—«Желаю, говоритъ, только играй да картоцки подъ столъ не уроняй». Они заиграли въ картоцки; ну играли, онъ не знаетъ долго-ли, коротко, потомъ онъ картоцку спустилъ подъ столъ, ну и посмотрѣлъ: тамъ сто змѣй свилось, а лико целовѣцеское, дѣвицы. Ну, а корона на гвозду эта у чяря была. «Ну, дай ты мнѣ, дѣвиця, принадѣть корону, какъ мни она, ладно-ли будетъ». Онъ надѣлъ, она и говоритъ ему: «Весьма хорошо приляжетъ».—«Ну и позволька ты мнѣ сходить до вѣтра».—«Только поди,

гыть, да не надолго». Ну онъ и ушелъ. Ну потомъ она и выглядитъ по дырочкѣ въ окошецко маленькое такое, ладонью закрыть. Ну и онъ сдѣлалъ восковую ладонь, какъ свою, ну и пришла противъ окошецка, смотритъ. «Я тутъ. Мнѣ при васъ мочиться неудобно, я ладонью закрою окошецко». Какъ этой ладонью закрылъ, самъ ушелъ. Она ждáла, ждáла, ждáла и потомъ и нѣту; на улицю вышла, его и совсѣмъ нѣтъ. Ну и потомъ всѣхъ своихъ слугъ разбудила, что при себѣ было. А онъ той порой скрѣпился на корабли, тые слуги вси вслѣдъ за имъ, ну и налетѣли надъ его, только взять его, ну и потомъ онъ зажегъ смолу на корабли, на второмъ солому зажегъ. Ну и потомъ на всѣхъ прекратилъ, что за имъ прилетѣло гости; потомъ онъ отправилъ ихъ на свои волины. Ну и потомъ пришелъ на прекрасное мѣсто. «Ну, теперича, робята, отдохните». Ну, привалились потомъ и заснули крѣпко. Ну, какъ прохватился отъ сну, корабля нѣтъ. Ну и является къ имъ храмой мужицекъ. «Ну, говоритъ, Ѳедоръ Кормаковъ, садись мни за плиця». Онъ гитъ: «Я не сяду». И солдату говоритъ: «Ты сядь». Солдатъ сѣлъ онъ его и съѣлъ. Потомъ второй и третій, всѣ 29 съѣлъ и потомъ остался одинъ Ѳедоръ Корамковъ, съ короной. Ну и онъ убѣжалъ; бѣжалъ кóльки мѣсто не мѣрено, ну и потомъ глядитъ: этотъ старикъ бѣжитъ слѣдъ, онъ въ дерево поднялся. Ну, этотъ старицекъ пришелъ къ дереву и сидитъ, а этотъ Ѳедоръ Кормаковъ и убѣжалъ съ дерева, а корону не спущаетъ съ себя. Ну и потомъ бѣжалъ долго-ли, корóтко. Но. Идетъ, стоитъ огромной теремúще; онъ зашелъ, ему пожрать охота, сголодалъ. Тутъ живе кривой старикъ. Ну, нанялъ его въ рабочіе, ну онъ и нанялся къ ему и потомъ жилъ, не знаю много-ли мало-ли, въ сказкѣ того не сказано. Ну, работникъ и говоритъ: «Ты кривой, я глазъ тебѣ вставлю другой, ты будешь съ обоими глазами».—«Ну, сдѣлай милость», говоритъ этотъ старикъ.—«Есть ли у тебя ружье большое, есть ли веревка порядочная у тебя»? Онъ взялъ да и привязалъ къ столбу кривого старика. «И ты рвись, можешь ли сорвать веревки». Онъ двинулся, этотъ старикъ, сорвалъ эти веревки. «Ну, худы веревки, давай другія, крѣпце». И потомъ онъ опять этими привязалъ къ столбу тому-же, ну, опять онъ сорвалъ тыи веревки. Ну и потомъ говоритъ: «Есть-ли крѣпце веревки»? Ну и тотъ принесъ еще крѣпце веревки; онъ его опять и связалъ къ этому столбу; ну, онъ и двинулъ, сорвать не могъ эти веревки. Ну, онъ ружье заправилъ и стрѣ-

лилъ въ этотъ глазъ здоровый, одного нѣтъ, и въ другой стрѣлилъ. Ну, онъ слѣпой-то и сорвалъ веревки. А этотъ Өедоръ Кормаковъ выпусттилъ козъ и овецъ, и телятъ съ хлѣва, а этотъ слѣпой иматъ, за дворъ проць, што надо поймать самаго этого полѣсника. Бросилъ Өедора Кормакова съ бараномъ, а тотъ къ ему прицялился. Өедоръ Кормаковъ вскрицалъ: «Я здѣсь». А этотъ старикъ крикнулъ: «На вотъ хоть ножикъ въ приданыхъ». Ну и онъ этотъ ножикъ взялъ, и ножикъ къ рукамъ прильнулъ, своимъ ножикомъ стругнулъ, съ перстами такъ и отсѣкъ ножикъ съ кожею. Ну и самъ пошелъ опеть въ ходъ. Ну и опеть шелъ долго-ли коротко, ну и потомъ опеть стрѣтился ему теремъ, да еще побольше того. Ну и пришелъ въ теремъ, женщина красивая прекрасивая и наймовала его въ работники на три года. И оны тутъ жили были; онъ выспрашивать, што тутъ, какъ; она ему и разсказала. «Можно-ли отсюда выти прочь»? Она прижила ужъ ему пареньна. Она ему и разсказала, какъ и выйти. Вотъ у меня, гытъ, топоръ есть подъ лавкой, ну и приди на бережокъ, лодка нужна. Ну и потомъ поѣдешь, то топоръ съ рукъ не спущай». Ну и сецясъ онъ— они заспали, она прятала топоръ подъ лавку,—и убѣжалъ на берегъ съ этимъ топорикомъ — тюкнулъ лодка нýжна, ну и поѣхалъ. Затымъ сзади бѣжитъ эта женщина съ ребенкомъ на берегъ, разорвала этого ребенка пополамъ и бросила одну половину къ ёму, другую себѣ оставила; крови одна капля капнула на лодку, лодка кó дну пошла. Ну и онъ топоромъ стругнýлъ и поѣхалъ. И онъ переѣхалъ. Близко-ли, далеко-ли шелъ, не знаю, но и потомъ пришелъ: битвúще, на степное мѣсто. Подожду, охота поѣсть, торговцы живутъ, или что. Ну и потомъ вы́сталъ дерево, ну и сецясь прибѣгаютъ кидра да лёвъ-звѣрь, ну и драться приключились, третій часъ бьются звѣри на мѣстѣ а лёвъ-звѣрь смолился: «Мужицёкъ, возими кулицекъ, да пособи убить кидру». Ну и онъ помогъ и убили, и потомъ говоритъ: «Мужицекъ, ко мни за плеця, я тебя представлю въ царство, откуда вышелъ». Ну онъ повезъ его и привезъ въ это мѣсто и говоритъ, што «не говори, что на лёвъ-звѣрѣ ѣхалъ, а то я узнаю, какъ ты скажешь». И онъ пришелъ къ этому государю, ну и онъ принесъ ему и подарилъ самую эту корону. «Ну, что тиби нужно за услугу твою, Өедоръ Кормаковъ»? Ну отвѣцаетъ Өедоръ Кормаковъ. «Мнѣ большого не нужно, хлѣба съ обѣда, да грѣшно тѣло одѣть, потомъ грѣш-

ному целовѣку надо придется рюмоцку выпить». Ну и государь женился и сдѣлалъ балъ, тогда его и ввелъ въ царство. Θедоръ Коржаковъ здорово выпилъ, ну и похвастался, что: «Я на лѣвѣзвѣря ѣхалъ». Лѣвъ-звѣрь и вывызываетъ его за городъ на томъ мѣсти, куда онъ былъ преставленъ, ну и самъ говоритъ ему: «Что-же, братецъ, ты сказалъ, ты мнѣ заклятіе далъ не сказать»? А онъ сказалъ: «Не я сказалъ, а товарищъ мой».— «Ну, какъ же товарищъ есть, когда ты одинъ былъ?»—«Ну, а тебѣ угодно моего товарища узнать, такъ я въ городъ схожу, тебѣ приведу». Ну, онъ и ушелъ, принесъ ему полведра водки, ну и взялъ вылилъ ему въ чанъ; ну и потомъ онъ взялъ и напился это лѣвъ-звѣрь. И взялъ этого лѣвъ-звѣря привязалъ коло ногъ. И государю его и привелъ этого лѣва-звѣря и говоритъ государю. «Вотъ мой конь, мнѣ пособилъ твою корону принесть».

———

182. №289

Вавилонъ-городъ.

Марья Петровна, дер. Корельскій Островъ.

А въ городѣ молодежь здумала писать зміевъ. Взяли да побили змѣю, здѣлали мѣхи да стали раздувать. Они это заходили, зашевелились; ну, оны зашевелились и стали ихъ жрать. Ну, оны въ бѣгство убѣжали. Вотъ какая-то тамъ была риза черковная, дорогая, хорошая; священники-то видно убѣжали, надо достать. И стали тамъ о праздикахъ выкликать, што «Не найдете-ли кого сходить, эту ризу вынести». Наслался Сенька Барабатинъ. «Только,—скажетъ,—вы пороху мнѣ набейте въ пузырьки, въ трехъ посудинкахъ». Ну и отправился и карты взялъ съ собой. Пришелъ тамо, у змѣи доложился, что въ карты играть, а она тако примщилась, какъ мужеское лико. Ну играли, играли, она и заснула. Ну онъ туто забралъ книжку, тутъ какая-то была книжка, и пошелъ въ ходъ, и глядитъ, што туманно подъ верхомъ; онъ видитъ, што ужъ здись не ладно, здись ужъ какъ будто темень нашла. Онъ и спустилъ ракитку-ту съ порохомъ вверхъ, ее и рбзорвало, тутъ падали гадовья съ темини-то. Онъ отъ ихъ сбылъ и пошелъ опять въ

свое мѣсто. Опять пошелъ, опять темень вставатъ надъ нимъ; онъ опять взялъ спустилъ ракиту-то съ порохомъ, опять сбылъ, опять потомъ пошелъ и наставала темень третья; опять онъ спустилъ ракиту съ порохомъ ихъ и ро́зорвало. Ну онъ отправился дорожкой, ну идетъ опять дорогой и лёвъ-звѣрь на дороги и змѣя и оны тягаются съ нею. Змѣя и заговорила по-целовѣчески: «Сенька Барбатинъ, возьми, пособи пересѣцъ, разорвать ёго, такъ я тебя пропущу впередъ». Ну, а онъ намѣсто и говоритъ лёвъ-звѣрь: «Я натяну ю, такъ ты пересѣки ю, не дожидай отъ змѣи добра». Левъ какъ потянулъ, а онъ взялъ ножикомъ и пересѣкъ. «Садись теперича верхомъ на меня, я снесу тебя въ городъ». Онъ и снесъ его въ городъ и выпустилъ его. «Ну, пой, говоритъ, въ городъ, не говори что я на льви-звѣри ѣхалъ». Онъ пожилъ, пріѣхалъ, его приняли церковники вси за цесть. Ну, онъ такъ пожилъ да напился, да и похвалился: «Я ѣзжа́лъ на льви-звѣри». Онъ взялъ такъ ужъ изволомъ или какъ ужъ узналъ онъ это. Ну и сталъ рыцять, што «подайте целовѣка». Ну, собрались тамъ и што надо пойти ёму назадъ. Ну, онъ взялъ вино и корытцё и зеркало купилъ, пришелъ къ дороги, гдѣ они раставались-то, расходились. Онъ и пришелъ и налилъ вина, зеркало положилъ въ корытцё и высталъ къ дереву. Ну, онъ попьетъ водки да въ зеркальцо поглядитъ, попьетъ водки да въ зеркальцо поглядитъ, а опьянѣлъ звѣрь, да палъ, да за́спалъ. А Сенька взялъ ножницы да его и выстригъ. Ну, ладно, какъ проспался да говоритъ: «Пойти-ко мнѣ да шерсть ро́стить».

———

183.

Ѳома и Хавронья.

Ея же.

А былъ Ѳома мужъ, а жена Хавронья. Ну, вотъ Ѳома уйдетъ пахать, а жена стряпать останется дома-то. Придетъ, жену бранитъ: «Ты мало постряпала, мало надѣлала». Ну она взяла на другой день прила́дила, рожь сохнуть на печь положила. Собрала букъ (въ Заонежьи-то бучатъ, тутъ не бучатъ, теперь не прядёмъ, такъ и не бучимъ, досюль бучили) платье

бучить, квашеночку приладила, рожь смолоть, да квашню мѣшать, да сметану мѣшать, курочку пасти съ яйцами, ну и рабёноцка качать. Ночь пришла, да ночь про́спала, Маланья и говоритъ Ѳомы: «Ты оставайся стрепать, а я пойду пахать поля. Рожь на печи смели, да квашню замѣшай, да букъ бучь, каменье спускай, курицу карауль, да ребёночка качай, да что бы робята собакъ не напустилъ-бы, бука не нанюхали-бы». Жёна и ушла пахать, онъ и раздумался: «Я, скажотъ, рожь вычерпаю въ коробку, а сметану въ кошель сберу, а веревку протяну отъ зыбки въ подполъ къ ногамъ привяжу, тамъ стану я вертѣть, а сметана станетъ трястись, да замѣшается въ кошелѣ и робенокъ спитъ; робята станутъ курицу пасти и смотрить, «собаку въ избу не допуститя, бука не нанюхала-бы». Робята двери отворили, собака въ избу къ буку. «Батюшко, собаки вошли, букъ нюхаютъ». А батюшко какъ выскочитъ, черезъ корыто палъ и сметану спружилъ. Онъ тутъ поставилъ квашню, мѣшалъ да пекъ въ пеци хлѣбъ. Затымъ робята крицятъ: «Батюшко, дѣдушко пріѣхалъ на улицю при колокольцикѣ».— Онъ сказалъ: — «Ладно, дѣтушки, я выстану на полати, а вы не байте, дѣдушки, што я на полатяхъ. Спроситъ батюшко: «Гдѣ у васъ батюшко?» — «А пахать ушолъ».—«А матушка гдѣ?»—«Ушла на селеніе». Дѣдушко пришелъ, поздоровался, сказалъ: «А гдѣ у васъ батюшко? А гдѣ матушка?— «Матушка въ гости ушла, а батюшко пахать ушелъ».—«Ну, дѣтоцьки, мнѣ стоять-жить не слободно, а батюшко придетъ, скажите дѣдушко пріѣжжалъ на свадьбу звать, тетушка замужъ выходитъ». А онъ лежитъ на полатяхъ и думаетъ: «Дай-ко я погляжу, какъ тесть сокрутился, въ какомъ снарядѣ, въ хорошемъ-ли». Потянулся, да какъ палати пали да съ палатями и на земь. Тесть глядитъ, какъ сёмъ отсюда онъ съ палатей на земь палъ. «Ну, зятюшко, здорово! Пріѣзжай, говоритъ, мнѣ жить не слободно, доць замужъ выходитъ, пріѣзжай». Ну и Маланья пришла съ пашни. «Вотъ неладно стряпалъ да худо».— «Ну, ладно, не бранись, поѣдемъ на свадьбу, звалъ батюшко на свадьбу». Ну и пріѣхали туды на свадьбу; тамъ приняли ихъ, цястили да угощали, разрядили тамъ, вотъ тому дружкѣ, вотъ тому, а его разрядили: «Вотъ, ты съѣзди въ загняты [коротко испиленные дрова] въ лѣсъ, насѣки да привези. Ну, онъ какъ съѣхалъ въ лѣсъ, да сушину высѣкъ, ронилъ да по лошади, и убило ее. Ну, отправился на озеро тутока. На озерѣ

плаваютъ утоцки, онъ скалъ: «Мнѣ хоть утицу убить на жаркое». Онъ рылся, рылся камешками да палоцками, такъ утица далеко уплыла. Онъ взялъ платье скинулъ да сапоги и побрелъ за утицей; глубоко, онъ вернулся взадъ. Пришелъ, платье искалъ, искалъ, платье убрали и сапоги и все. Ну онъ пошелъ пѣшій, да какъ явиться пѣшему да голому? А до сего фатеры были не выводны (курная изба). Ну онъ и взялъ и высталъ на вышку и взялъ ушатъ со смолой и сѣлъ да и палъ въ ушатъ со смолой; вышелъ оттуль, съ ушата-то, да въ корзину съ перьями. Тамо Ѳому не видать, а свадьбу надо играть, зашумѣли, пѣсни запѣли, а онъ скалъ: «Дай я схожу посмотрю, что дѣется». Да какъ поглядѣлъ, да руки-то сбудутъ да и на фатеру-то на свадьбу къ столамъ прилетѣлъ въ смоли, да въ перьяхъ, да въ грязи; его взяли туто посмотрѣли, на дворѣ взяли воду мыть, оммыли его, сокрутили его. Надо ему должность дать какая есть. Ну и съ пивомъ боцка стоитъ, такъ дали ему ведероцку пиво на столъ носить. Носилъ, носилъ пиво-то, пришелъ къ боцкѣ, собаки на ступени собрались; онъ какъ выцернетъ съ пива гвоздь-отъ да машетъ собакъ и гвоздь на улицу улетѣлъ. Ему што дѣлать? Нашелъ вокругъ себя какую-то снастину да и заткнулъ. «Гдѣ, Ѳома, гдѣ? Да, што, Ѳома, да, што?» — «Да не могу отойти, собаки задрались, выцернулъ гвоздъ, на улицу улетѣлъ». А Ѳому отъ боцки вывели да и свадьба отошла.

184.

Купеческая дочь и дворникъ.

Ея же.

Бурлакъ жилъ, такъ въ Ригѣ бурлачилъ. Пришелъ да женился, на хрестьянствѣ-то жить не показалось ему послѣ, въ деревнѣ-то. Выйдутъ тамъ на гулянье кто куды, а онъ выселъ на улицу. Пляшетъ теленокъ, играетъ идетъ. Онъ и говоритъ теленку: «Бы женить тебя, покинулъ бы плясать». А тутъ сусётъ-ли кто-ли выслушалъ, ну да тамъ пересказыватъ какому-то цюжёму. А онъ скатъ: «Вотъ у насъ была дочка одина́ка, у родителей сидѣла въ верхахъ, кушань носили все наготово.

Играли кто въ рюхи, а кто мяцкомъ, отворили окошецко, бросили въ окошко мяцкомъ, она и окошко заперла. И просили у ей мяцёкъ,она не отдала. Ну, а тутъ какой-то наскоцилъ, дѣльницы съ ногтями, а лапки тоже съ ногтями, да высталъ по стѣны, ну и она и окошецко отворила, ну, онъ сталъ впередъ гостить къ ней. Пришелъ разъ, а отецъ идетъ въ фатеру, а она взяла да его завернула въ постелю; отецъ пришелъ, на кроватку присѣлъ да и повалился на постели, ну онъ и мертвый сдѣлался. Ну вотъ, она родителю не смѣтъ сказать, а дворнику; а дворникъ въ зародъ спусти да взялъ его куда-то ўбралъ и сталъ потомъ съ поры на поры похаживать къ ней. Осень пришла, ночи темные, собрались цѣловальники, вси 40 целовѣкъ въ кабакъ при праздникѣ, выпили и затовакали. А дворникъ, дѣвушникъ это: «Вы знаете, значитъ, я къ купецкой дочери спать хожу».—«Ну, а какъ ходишь ты спать, такъ приведитко сюды». Онъ и сходилъ и вызвалъ, а ей хоть вопѣть, а итти надоть. Вотъ какъ привелъ онъ, дакъ поднос положила, двѣ рюмки на подносъ, ну и бутылку вина и стала этихъ цѣловальниковъ поить, подносить имъ. Подносила, а они и напились, ну да оны и заснули и дворникъ заснулъ тоже, ну она и раздумалась: «До утра, скать, прожить такъ и батюшко и вси узнаютъ, донесутъ». Взяла отворила, да вино пропустила и зажгла вино, вышла въ свою комнату на спокой. По утру батюшко встаетъ съ постели и доносятъ ему послѣ ночи: «Кабакъ у тя сгорѣлъ, 40 цѣловальниковъ въ одномъ кабаку сгорѣло и дворникъ твой сгорѣлъ». Ну и приходитъ онъ къ доцери, разсмотрѣлъ онъ все дѣло: «Что, дитятко, спишь?» говоритъ. «Ну, а у меня, батюшка, пригрузило меня, я не спала, спать не могла».—«Такъ, дитятко, у насъ въ кабакѣ 40 целовѣкъ цѣловальниковъ сгорѣло и дворникъ сгорѣлъ».

185.

Ослиныя уши.

Ея же.

Одинъ царь держалъ слугу и все ѣздилъ съ нимъ вмѣстяхъ. У царя поросли ослиные уши и онъ наказывалъ слугѣ строго: «Не говори ты никому, не выноси». Слуга терпѣлъ, терпѣлъ

и не могъ больше выносить, вышелъ изъ терпѣнія. Пошелъ онъ на улицу къ дорогѣ, гдѣ гуляютъ, возлѣ дороги розгрёбъ землю и припалъ къ землѣ: «Есть, говоритъ, у чяря ослиные уши, выросли, а не знать какія». Затѣмъ выросло дерево надъ этимъ мѣстомъ. Ну и поѣхалъ царь со слугой прогуливаться. А это дерево царю то и кланяется: «Есть, гыть, у царя ослиные уши». «Поставь, говоритъ царь, лошадей у березы то». Самъ спрашиватъ: «Што березка, говоритъ, кланяется то. А вотъ кланяется, говоритъ: «Не говори, не выноси въ люди, што есть ослиные уши у царя. Ну и я терпѣлъ, терпѣлъ да и не вытерпѣлъ, землю розгребъ и шепнулъ, што у царя ослиные уши. А вотъ выросла березка такъ объясняется». — «Ну, говоритъ, ужъ если мать-земля не могла выдержать, то гдѣ же крещеному не сказать дружка дружкѣ».

186.

Агр 238

Старикъ за сто лѣтъ.

Кя же.

До сего старики того вѣка по триста лѣтъ жили. Такъ чярь велѣлъ дамашникамъ: «Кто больше ста лѣтъ проживетъ ему доносить, штобы въ больницу, или куда тамъ поспихать». Одинъ старицёкъ прожилъ 110 годовъ, такъ что сыну обидно казалось обдѣлить-то его. Онъ и согласился съ хозяйкой: держать его. Жена и говоритъ мужу: «Я донесу цярю, что ты на другое столѣтіе оттягиваешь». Она ушла къ чярю, а онъ въ лѣсъ ушелъ, силья по пўтику ставить. Въ рѣку мрежу опустилъ для рыбы на другой день, зашелъ въ лавоцку пирожковъ купилъ, да пряницковъ. Пришелъ смотрѣть мережу: попала щука и окунь. И пошелъ на путикъ со щукой да съ окунемъ да съ пряницками. По дорогѣ пряники полагаетъ на клоцки да на прутики, гдѣ мѣсто приберетъ полутце. Смотритъ: мошникъ въ пасъ попался. Положилъ онъ щуку въ сило, окуня въ пасъ, а этого мошника взялъ въ мережу положилъ. Собрались съ женой на ночлегъ домой. На третій день онъ справляется опять по путику итти и ю беретъ съ собой: «А я посмотрю и покажу тебѣ гдѣ путикъ, да гдѣ мережи стоятъ». Приздынулъ мережу,

тамъ мошникъ попалъ. «Слава тебѣ Господи! Мошника добылъ». Ну, пошли въ лѣсъ, а онъ пряницки собиратъ въ корманъ. «А что ты собираешь?»—«А собираю вотъ закуски. У Господа скоро обѣдъ будетъ, такъ это онъ насъ на обѣдъ будетъ звать, а это передъ обѣдомъ спускатъ». Пришли къ силу: щука попала. «Слава-те Господи, вотъ щука попала!» Пришли къ паси, у паси окунь. Тамъ надъ лѣсомъ птица рыцитъ да треплется «А это что?» жена-то спрашиваетъ у мужа. «Господь насъ на обѣдъ къ себѣ зоветъ».—«А ты пойдешь-ли?»—«Да какъ не итти, когда меня чярь потребуетъ». Ну и пошли домой. Обноцевались дома. Затымъ приходитъ отъ чяря повѣстка. Пусь приходитъ не пѣшій да не на лошади и пусь приводитъ недруга и друга». Онъ приходитъ къ батюшкѣ: «Батюшка, меня, говоритъ, требуетъ чярь, не пѣшъ не на лошади; велитъ привести недруга и друга». Попъ и говоритъ: «Пой да свинью возьми, да жену, да собаку. Какъ пойдешь, свинья у тебя промежъ ногъ будетъ, а по одну руку жена, по другую собака. А спроситъ чярь: «кто у тебя недругъ?» ударь жену по́ уху, собаку ударь батогомъ. Какъ ударишь собацку, она завизжитъ, а ты кусоцикъ брось, ластиться станетъ. Какъ ударишь жену, она ругаться станетъ и царю говорить на тебя». Какъ пришли къ чарю, чарь видитъ, что не пѣшій пришелъ, не на лошади. «Ну, вотъ у меня другъ».

187.

Осипъ-царь.

Ея же.

Посадили Осипа-чяря на лошадь. Уѣхалъ онъ безизвѣстно, не знаютъ куды. Мужицёкъ ходилъ въ лѣсъ—тѣлесна нужда—разсѣлся. И прилитѣла сова-птица и рыцитъ, что «Осипа-чяря омманили служащіе и посадили на неуцёнаго жеребца и нѣту живого». А другая птица налетѣла говоритъ: «Хоть омманили да есть живой». Домой пришелъ мужикъ, а Осипъ-чарь у его ужъ на фатери. И поздоровались. «Что ты слышалъ и видѣлъ?» говоритъ чярь. «А я вотъ розсѣлся въ лѣсу до вѣтра, прилетаетъ сова птиця, говоритъ: что «Осипа-чяря омманили служа-

щіе и нѣту его живого». А другая прилетѣла, говоритъ: «хоть и омманили, да есть живой». Обноцевался Осипъ чярь и говоритъ по утру: «Поѣдемъ со мной въ проводники». И пріѣхалъ домой. Пріобжился дома и собралъ князей и бояръ и служащихъ. И посадилъ выше всѣхъ старицка охотницка. Принапились и стали хвастать. «Чимъ хвастаете?» говоритъ. Кто отцемъ похвастаетъ, кто матерью, кто доцерью, да утварью. А старицёкъ сидитъ молцитъ. «А ты што, говоритъ чярь, не совѣтуешь?» Мужицекъ и говоритъ: «Пошелъ я въ лѣсъ, разсѣлся до вѣтра, прилетаетъ сова-птица, говоритъ, что «Осипа-чяря омманили служащіе, посадили на неуцёнаго жеребца и нѣту его живого». А другая птиця налетѣла говоритъ: «Хоть и омманили, да есть живой». Тутъ Осипъ чярь и говоритъ: «Слышали, что говоритъ мужицекъ охотницекъ? А инны тихонько говорятъ: «Слышали, слышали». А инны не говорятъ. Ну вотъ, тутъ онъ и сталъ разбирать, кто правъ, кто виноватъ.

188.

Кафтанъ съ золотомъ.

Ея же.

Старицекъ ходилъ просить во много мѣстъ и пришелъ къ одному хозяину и незамогъ, полежалъ да и по́меръ. А оставается кафтанъ, ужъ выплаценъ, худой этакой; ну онъ сокрутилъ вси платья ёго. «А этотъ худой кафтанъ въ огонь бросить мнѣкова». Пецка загасла, какъ бросилъ онъ, ну онъ взялъ, говоритъ: «Ладно, я воду снесу ёго, затоплю». Ёго затопитѣ и не можетъ, онъ не то́не ко́ дну кафтанъ да и не уноситъ никуда. Онъ взялъ да и роспоролъ заплатку-то, ну и сталъ заплатки много пороть и подъ каждой заплаткой по деньги, ну и напоролъ онъ денегъ много и сталъ деньги цитать; нациталъ цѣлую тысяцю рублей. Ну онъ: «Куды эти деньги? дай я пойду къ отцу духовному, спрошу». — «Ну, а ты, говоритъ, эти деньги возьми, сходи на рынокъ и купи свинью, пока денегъ хватитъ такъ всё корми ю». Ну онъ, этихъ денегъ пока хватало, все кормилъ ю, перестали деньги, больше кормить нецѣмъ. «Отце, говоритъ, свинью кормить — перестали деньги, больше кормить

нецѣмъ». — «Такъ ты, говоритъ, выпусти свинью на улицю и ходи вслѣдъ да карауль ю». Ходилъ, ходилъ этотъ, такой гладкій лугъ пришелъ и по середкѣ рѣцка бѣжитъ, затымъ катится колесо огненно съ огнемъ, тамъ въ рѣки въ колеси сидитъ народъ, да этотъ нищій сидитъ тамъ. Ну эта свинья какъ скоцитъ, такъ прямо въ рѣку, въ колесо этто. И все стерялось, какъ было такъ и есть по старому. Онъ опять пришелъ къ этому отцу духовному и разсказыватъ. «Да, вотъ, дитятко, ходилъ да просилъ, не молился такъ скопилъ денежки, такъ вотъ Господь за то намъ грѣхи даватъ».

189.

Святой работникъ.

Ея же.

Былъ прожитоцной целовѣкъ, хозяинъ былъ и держалъ роботника. Ну, вотъ праздникъ пришелъ, онъ и вздумалъ съ хозяйкой въ черковь сходить. Въ черквы Богу помолились и: «Станемъ, говоритъ, на обѣдъ крещеныхъ звать». Созвали крещеныхъ и засадили за столы ихъ обѣдать. Хозяинъ сидѣлъ помимо стола и какъ будто призаснулъ, а ёму и приснилось и показалось, што Успеньё Богородиця Цяриця небесная на воздусяхъ надъ столомъ стоитъ; заглянулъ на хозяйку, на хозяйкѣ вѣнецъ золотой на головы и у роботника вѣнецъ золотой на головы. Онъ и взялъ на раздумье: «Што-же у жены у моей вѣнецъ золотой да и у роботника, а у меня нѣтъ ницего. Дай-ко я схожу къ отцу духо́вному, побѣсёдую, спрошу для цего-же у ихъ есть, а у меня нѣту». Ну, духовной и говоритъ: «Это жена у всего живетъ, подаетъ милостинку и накормитъ, а роботника ты хошь въ воду, хошь куды пошли, онъ вездѣ пойдетъ». А хозяинъ говоритъ: «Унистозить богатство да бобылёмъ жить да въ роботники пойти». Онъ эти богатства всѣ рѣшилъ, да што оставилъ и пошелъ въ роботники. Тамъ служилъ онъ долго ужъ у хозяина, его хозяинъ и взлюбилъ, што онъ вездѣ готовъ, хошь въ воду, хошь куды хошь пошли, вездѣ справитъ. А хозяйка тая ёго не любила, все насказывала. «Вотъ ты, скажетъ, держишь Ивана ко́ло года, говорить, а вотъ онъ наѣхалъ на меня, рубашку ра́зорвалъ да сарафанъ, да тѣло выщипалъ. «Онъ

спросилъ у ёго: «Какъ-же, Иванъ, ты дѣлаешь?» Онъ и повинился, на себя взялъ вину, што ужь согрѣшилъ. Ёго и посадили въ тёмно мѣсто засиживать. Онъ тамъ посидѣлъ да померъ и заносилъ ладонный духъ по ограды вездѣ. «Што-же это, говоритъ, откуда этотъ ладонный духъ носитъ?» А онъ и схватился за Иванушку. Онъ померъ да и рукописаніе оставилъ тутока при себѣ.

190.

Мышенокъ.

Ея же.

Старицёкъ да старушка тоже пошли на службу Богу молиться; вышли со службы да и пошли обѣдать; тутъ старицёкъ ходитъ, зоветъ крещеныхъ на обѣдъ тоже, а они стоятъ: «Вотъ, говоритъ, ихъ зовутъ, а насъ не зовутъ; колй бы насъ позвали, мы бы посмотрѣли каки кушанья ими ѣдýтця». Онъ позвалъ, поцтилъ ихъ, они и пошли; пришли, за столы полно, некуда сѣсть, а хозяинъ говоритъ, что «послѣ пообѣдаете вы». Гости пообѣдали, благодарили и ушли, а онъ ихъ и посадилъ, принесъ кружéцку, положилъ на столъ, повернулъ внизъ подъ кружку, оны то не видѣли, што онъ положилъ, а я вотъ скажу, мышонка. Онъ ушелъ, а они говорятъ: «Дай-ко посмотримъ, ужъ вѣрно испытыватъ нашего брата». Какъ поприздынули эту кружецку повыше посмотрѣть, што тамъ подъ кружкой есть, оно оттуда што-то птицка, али што вылетѣло, болѣ пищи тамъ и нѣтъ. Онъ пришелъ, они вышли спасаются, што накормилъ обѣдомъ. «Дѣтоцки вы шевелили это у меня, дѣтоцки не надобы такъ дѣлать».

191.

Ворожея.

Ея же.

Слуцился царь нездоровой, слуцился. Вотъ царица говоритъ царю своему: «Есть волшебница, вотъ если позвать ю, такъ она скажетъ какая у тя боль». Но, ю пóзвали къ нему она и пришла: «Здравствуйте, дитятко, ваше чярское величество».—«А

што, бабушка, знаешь, мнѣ смерть или житьё будетъ?» — «А станешь дитятко ворожить, какъ нецего въ ротъ положить, гдѣже мнѣ знать Господню тайность про это». — «Такъ бабушка колй не знаешь, дакъ спросятъ тя служащіе — скажи: смерть будетъ чярю». Она какъ пошла у ей и спрашиваютъ: «Што будетъ чярю житьё, али смерть?» Ну она и скажи: «Смерть чярю, утромъ умретъ». Царь померъ. Тутъ старуху вознесли такъ, что она на вѣковѣчной хлѣбъ попала.

192.

Берестяный клубъ.

Ея же.

Старицекъ съ работникомъ сѣно косилъ, пришли люди сказываютъ: «Богъ помощь, работницки! Вотъ, скажутъ, говорили, мужика убили въ экомъ мѣстѣ». Ну, а этотъ старикъ, бересту дерутъ на клубъ, и свилъ да въ кошель и положилъ съ берестомъ. «Вотъ, скаже разбойники, мужикъ мужа убилъ». И пошли домой роботники; роботники вслѣдъ идутъ, а у него изъ кошелья кровь бѣжитъ. Пришелъ старикъ, кошель бросилъ въ сѣни и прошелъ въ фатеру, а роботники посмотрѣли што у него въ кошелѣ: и въ кошелѣ целовѣцья голова. «Ну ты, крещеный, говорятъ, убилъ старика». Ну и пришелъ то десятскій и понятые смотрѣть этого кошеля; посмотрѣлъ, то целовѣцья голова и есь. У ёго тутъ запецятали, а его посадили въ темницю. Онъ и сидитъ тамъ и рѣшеніе пришло выпустить ёго подъ наказаніе. Не повѣрился онъ священнику, што осужалъ а не грѣшенъ, не убилъ никого, пришли распецятали кошель, а тамъ лежитъ бересто голова. (За то наказаніе, што осудилъ другого.)

193.

Чудныя имена.

Ея же.

Жила старуха съ сыномъ. Пожили съ сыномъ да и стало имъ трудно прокармливаться. «Ну, поѣдемъ кормиться, говоритъ, въ большое мѣсто». Ну, ѣдутъ, впереди идетъ вскакива-

етъ съ кисой молодець, все по́переди ихъ заходитъ; «А сядь, добрый целовѣкъ, на лошадку да и поѣдемъ». Онъ сѣлъ на лошадку и поѣхалъ съ ей, да и спрашиватъ: «Какъ тя, молодца, зовутъ?»—«Какъ, бабушка, его зовутъ — нынѣшніе попы и нынѣшніе законщики не смѣютъ и сказать какъ зовутъ. А Усра́лкомъ зовутъ, говоритъ, а тебя какъ зовутъ?—«Охъ ты, дитятко, а Обсерусей зовутъ».Ну и пріѣхали, квартира большая пятистѣнная, на хватеру и выдавались. Они напились, наѣлись и спать заложились. А этотъ постойцыкъ: «А ты, Обсеруся, приходи ко мнѣ къ ноци». Заложились, а Обсеруся со Сралкомъ повалились на подпольницу. Ну, а этотъ принесъ кису и клалъ въ большой уголъ. Ну, онъ полежалъ, полежалъ: «Какъ же мы сойдемся?»—«А ты кликни, ты и услышишь». Вотъ ноцью: «Усралко, Обсеруся!» Зарычалъ Усралко по гораже. Хозяинъ услышалъ да хозяйка. «Вотъ, скаже, оммарался». Достали огонь, а онъ спитъ по настоящему. Посмотрѣли постояльця нѣту (Обсеруся); поглядѣли большой кисы нѣту у торговця; объявили, онъ и свопѣлъ и домой пошелъ.

194.

Шишко и старцы.

Ея же.

Старуха ходила за морошкой въ лѣсъ, да блудила долго, выйти не можетъ, домой попасть. Ну, а шишко (по нашему лѣсовикъ) приходитъ: «Не можешь муты сдѣлать со старцемъ, грѣхъ произвести». Ну она и пришла: «Отце отворите окошецко». Тотъ отворилъ, наклонился къ ёй, ну она взяла, рукой ёго щёлкнула въ голову: «На, говоритъ, тебѣ, другому оставь». Ну, а другой пришелъ. «Што, говоритъ, цёго тебѣ дали?»—«А не дали ницего».—«Да какъ же ницего, сказала: «оставь другому». Поспорили да погрѣшили. А шишко съ лѣсу вывелъ, домой свелъ.

195.

Старецъ и крестьянинъ.

Кя же.

Старикъ сначала Богу молился. Ну и приходитъ тутъ, ужъ Господь знаетъ какой, приходитъ, говоритъ: «Богъ помочь лѣсовому лежебочина» (въ лѣсу-то лежитъ).—«А какъ я лежебочина, какъ я Богу молюсь да тружусь, труды полагаю, потѣю».—«Да што твое богомолье: вотъ блачесливый крестьянинъ на полѣ пашетъ, дакъ знаетъ, говоритъ, когда «Господь благовѣститъ, къ обѣднѣ звонитъ и каждый обѣдъ, когда пора будетъ». Онъ и взялъ въ разумъ: «Что мнѣ калика прохождающій говорилъ. что обѣдня пора, когда будетъ». Ну и пришелъ, мужикъ на полѣ пашетъ: «Богъ помочь». — «А приходи. пожалуй, добрый целовѣкъ».—«Ну, а обѣдалъ-ли ты добрый целовѣкъ?» у пахаря спрашиватъ.—«А я еще не обѣдалъ, что когда у Господа благовѣстъ не идетъ еще». Одинъ посидѣлъ на межи, другой попахалъ, поставилъ лошадь и глаза перекрестилъ. «А цёго ты добрый целовѣкъ глаза перекрестилъ?»—«А вотъ, говоритъ, благовѣстъ къ обѣдни, такъ надо итти Богу молиться да обѣдать». Ну, дакъ онъ пришелъ, да сталъ Богу молитця, во святы попалъ. Крестянинъ видно больше у Господа знаетъ, чѣмъ старецъ; старецъ не домолился.

196.

Самосожженіе.

Его же.

Въ Линдозерѣ были старовѣры; къ нимъ стали пріѣзжать изгонять вѣру старовѣрскую; тамъ какой-то наслался, говоритъ, надо говоритъ рѣшить и на свои руки посягнуть. А жительство большо, амбары, пахота, хлѣбъ годовой былъ, а тамъ и наслался онъ, говоритъ: «Надо собрать, домъ сдѣлать и зажечь». Ну какъ зажгли, а время морозное, холодное. Они говорятъ: «У насъ пороху много, отойди. «А женщины-бы съ робёноцки въ подполья сидѣли. Нацяльникъ говоритъ: «Бросьте изъ платья што-нибудь, холодно» такъ они и бросили. Какъ сгорѣли, они костоцки собрали да амбаръ; онъ и теперь сохранился, костоцки собраны. Тогда съ Линдозера вси жители разбѣжали на вси дпревни.

Адр 219

197.

Воръ Мамыка.

Наумъ Михайловъ, дер. Койкинцы.

Старикъ да старушка жили, семьи у ихъ одинъ внукъ былъ прозваный имя ему воръ Мамыка. Онъ у дѣдка узналъ 100 рублей денегъ, сталъ онъ у дѣда своего просить денегъ на торговлю, далъ ему дѣдушка 100 руб. на торговлю; шелъ онъ въ городъ, ничего онъ по уму прибрать не могъ товару, купилъ два сапога козловы. Подходятъ государскіе слуги съ быкомъ въ дорогу, у него дома нѣтъ никакой скотины, смекнулъ себѣ — какъ-бы у нихъ этого быка отобрать; пошли слуги съ быкомъ по почтóвой, обѣжалъ онъ около, бросилъ сапогъ на дорогу, самъ сѣлъ въ сторонку, увидали царскіе слуги сапогъ на дорогѣ. «Охъ, товарищъ, говоритъ, сапогъ козловый на дорогѣ». Другой говоритъ: «Никуда намъ съ однемъ сапогомъ». Впередъ продолжали, пошли. Воръ Мамыка взялъ опять сапогъ, впередъ сторонкой обѣгаетъ ихъ, бросилъ опять на дорогу сапогъ другой. Опять товарищъ, говоритъ: «Вотъ другой сапогъ на дорогѣ, мы не взяли, пара-бы сапоговъ была». Они и согласились: «Оставимъ быка и сапогъ, а пойдемъ другого искать». Онъ взялъ быка и повёлъ на вязкѣ домой. Обращалися слуги назадъ и быка нѣту, и сапога нѣту: «Ну, вотъ бѣда, какъ мы къ государю императору придемъ, быќа кончили и сапоговъ не найти». Пришли къ государю императору съ извиненіемъ, такъ говорятъ что: «Быка потеряли, сапогъ не нашли, быка увелъ не знаю кто». Государь взялъ въ эту деревню старику записку написалъ, требуетъ старика на число придти, пришелъ старикъ. «Государь батюшко, почему ты меня требовалъ?» — «Што, говоритъ, много ли у тебя семьи?» — «Одинъ внукъ». — «Какъ его зовутъ. — «Воръ Мамыка». — «Не укралъ-ли онъ у царя быка?» — «Не знаю, батюшко, укралъ не укралъ, а такого пригналъ, что едва въ дворишко прошелъ». — «Ну, хорошо, говоритъ, пускай же онъ украдётъ у царя коня, а не украдётъ казнь ему будетъ». Онъ пошелъ старикъ домой скручинился, спечалился, какъ у царя украдешь коня. Внукъ на одной ногѣ прискакиваетъ: — «Дѣдушко идетъ, красно солнышко идетъ». — «Дуракъ ты, внукушко, надѣлалъ-ты дѣла». —

«Чего, дѣдушка, чего», говоритъ.—«Да вотъ, говоритъ, государь императоръ велѣлъ коня украсть, не то казнь тебѣ». — «Дѣдушка, Богу молись, да спать ложись, все дѣло поправится». Сейцясь въ ночи воръ Мамыка потащился въ Цярское село. Въ тоё время государь императоръ въ синодъ ушелъ. Какъ-то въ тѣ господскіе забился въ царскіе покои воръ Мамыка, скомандовалъ: «Коня давайте гулярнаго, въ садъ поѣзжаю гулять».— Сейцасъ ваше императорское величество (за царя почитали, онъ въ платье господское одѣлся, въ одежду цярскую). Потомъ сѣлъ и поѣхалъ, потащился домой на конѣ на цярскомъ, пріѣхалъ закричалъ: «Отворяй, дѣдушка, ворота». Дѣдушка обрадовался, ворота отворилъ коня запустить. Пріѣхалъ государь императоръ и выходитъ къ синоду во дворецъ, скомандовалъ кучеровъ. «Коня въ прогулку ѣхать гулярнаго». Отвѣчали конюхи: «Мы сейчасъ впрягли коня въ ночныхъ часахъ, коня гулять, какъ же такъ?»—«Должно быть чертъ воръ Мамыка, а никто угналъ коня». Написалъ онъ старику въ деревню записку, требуетъ государь старика. Приходитъ старикъ поклонился, «Здравствуйте, государь батюшко».—«Што, старикъ, много-ли у тебя семьи?»—«Одинъ внукъ, батюшко».—«Какъ его зовутъ?» «Воръ Мамыка». — «Не укралъ-ли онъ у царя коня?»—«Не знаю, батюшко, укралъ не укралъ, такого пригналъ, что едва въ дворишко пришелъ».—«Пусь, говоритъ еще, изъ подъ царя и изъ подъ цярицы украдетъ перину, тогда я прощу, а не то казнь ему, если не украдетъ». Старикъ скручинился, спечалился; пошелъ домой. Внукъ стрѣтатъ, на одной ногѣ скачетъ: «Дѣдушко идетъ, красно солнышко идетъ».—«Надѣлалъ ты, внукъ, дѣлъ, жизь свою рѣшишь»—«За чего дѣдушка, чего?»—«Да вотъ государь велѣлъ перину украсть изъ подъ цяря и изъ подъ цярицы, если не украдешь, то дѣло плохо». — «Дѣдушка, Богу молись, да спать ложись». — Въ ночныхъ часахъ государь императоръ леворверъ заправилъ, зарецилъ, обжидаетъ вора Мамыку. Въ ночи прибѣжалъ воръ Мамыка въ Царское село, въ нощи сбѣгалъ на кладбище, отыскалъ свѣжія могилы, роскопалъ, досталъ покойника изъ гроба, на коль жопой посадилъ этого покойника, понесъ на плецн къ царскому дворцу; зналъ очень хорошо, гдѣ царь въ какомъ покоѣ ночуетъ; напереди оконъ сталъ этого покойника на томъ на колу вертѣть; государь усмотрѣлъ въ окошко: какой-то человѣкъ напереди окна, разбудилъ свою цярицу государыню. «Смотри

воръ Мамыка, ставаетъ», въ окошко, показываетъ ей; въ бѣломъ платьи закутался и покажется, изъ леворвера въ его. Бросилъ онъ покойника о земь. Охканулъ воръ Мамыка. Ложись цярица со спокоемъ, подстрѣлили вора Мамыку, не украдетъ больше». По заднимъ ходамъ залѣзъ въ покои. Заснулъ крѣпко государь императоръ съ цярицей, сейцясъ онъ пошелъ, нашелъ квашенку съ бѣлымъ растворомъ, спролилъ тихонько растворъ бѣлый между цяремъ и цярицей въ середку, самъ сѣлъ въ уголокъ воръ Мамыка. Сейцясъ государь императоръ проснулся, авалившись прямой рукой въ это тѣсто. Будитъ свою цярицу: «Ахъ, цярица, ты усралась». «Што ты, государь, можетъ-быть ты самъ усрался». Заспорились. «Што, говоритъ, цярица я о тебя опёрся, ты усралась». Скомандовалъ холопамъ: «Холопы, снимите эту перину». Оны подскоцили, нѣжнымъ голосомъ говорятъ: «Пожалуста, сецясъ, сецясъ».—«Новую перину подстели, живо ночнымъ дѣломъ». Посидѣлъ немного государь императоръ, заспалъ и цярица за́спала. Эту перину въ окошко спихалъ на улицу да и самъ подъ окошко, притащилъ домой перину. Што-же ему сдѣлать? Большія примѣты надо подставить чтобы зналъ государь императоръ, што былъ воръ Мамыка: Наложилъ стульевъ, навязалъ кухарокъ, косами вмѣстѣ вылѣпилъ. Поутру вставаютъ холопы, стулья вслѣдъ волоцятся, удивились, что случилось, кухарки: «Ой Люба, ты чего меня за косу». Другая: «Ой Люба, ты чего меня за косу». Государь императоръ смотритъ на это. Государь спрашиваетъ: «Гдѣ-же обкаще́ная перина?» Кухарки отвѣчаютъ: «Государь императоръ мы совсѣмъ не видали».—«Неужели проклятый воръ Мамыка приходилъ?» Посмотрѣлъ въ окошко, тамъ покойникъ на колу лежитъ вмѣсто вора Мамыки. Требуетъ старика изъ деревни. «Много-ли у тебя семьи, дѣдушко». — «Всего батюшко одинъ внукъ».—«Какъ его зовутъ?—«Воръ Мамыка».—«Не укралъ-ли онъ у царя перину».—«Не знаю батюшко укралъ не укралъ, а приволокъ, едва въ уголъ запихалъ». — «Хитрый-же у тебя внукъ, старикъ, пускай-же у царя цярицу украдетъ, а то голова на плаху, жисть рѣшу́». Старикъ скручинился, спечалился, пути передъ собой не видитъ, раздумываетъ самъ про себя: «Какъ у царя цярицу украдёшь?..» «Богу молись, дѣдушка, да спать ложись». Сейцясь ноць пришла, въ ночь поѣхалъ на государевомъ конѣ, поѣхалъ въ Царское село. Пріѣхалъ въ село и разузналъ, гдѣ государь императоръ ушедши

Сейцясъ холопамъ сказываетъ: «Требуетъ государоню въ сады сюда гулять, поѣзжать немедленно, скорѣе». Сейцясъ государоня одѣлась, справилась, выходитъ въ ночи на крыльцо, смотритъ, што кони государевы, сѣла въ санки и повезъ воръ Мамыка цярицу. Привезъ домой, царица и свыла, въ свою маленьку хатку завелъ цярицу. Государь императоръ является въ свой дворецъ, спрашиваетъ: «Гдѣ-же цярица». Кухарка отвѣчаетъ: «Государь императоръ, вы вить требовали царицу гулять въ садъ, она уѣхала съ вами». Раздумавши государь: «Вѣрно воръ Мамыка увезъ цярицу, омманулъ». Сейцясь написалъ старику записку въ деревню: «Приходи старикъ къ государю императору». Сейцясь императоръ подергиваетъ стулъ къ старику: «Садись, дѣдушко, садись. Што дѣдушко много-ли у тебя семьи?»—«Одинъ внукъ».—«Какъ его зовутъ?»—«Воръ Мамыка».—«Не укралъ-ли онъ у царя цярицю?»—«Не знаю укралъ-ли не укралъ, а только таку барыню привелъ, што едва въ фатерку гадку вошла».—«Хорошій, говоритъ, твой внукъ парень, очень проворенъ, смекалистъ, пускай-же онъ весь государя императора животъ представитъ: быка, коня, перину, цярицу, прощаетъ онъ всѣма дѣлами, всѣма грѣхами, получаетъ до смерти награду».

198.

Разсказы про лѣшаго.

Иванъ, охотникъ, дер. Корельскій Островъ.

а) Мы ходили въ лѣсяхъ. Пала погода, большая погода. Мы стрѣляли оленя, я къ нему. Вижу батюшка стоитъ, оперся на ружье. Подхожу, смотрю, ни батюшки, ни оленя, видно такъ прикохло. Заводитъ темница и я маленько не толкую куда пойти. Хожу, рыцю: «Батюшка, батюшка». А погодища ро́дилась великая. Вижу будто отецъ идетъ и со псомъ и зарыцялъ, будто свой отецъ. Тутъ, вижу, съ островинки выстalъ отецъ и зарыцалъ, а другой то словно протаялъ, провалился.

б) Шли мы въ лѣсъ, вижу стоитъ мужикъ большой, глаза свѣтлые. «Ты, мужикъ, говорю когдашній?»—«А я говоритъ вчерашній».—«А какой ты говоритъ большой, коли вчерашній».

«А у меня сынъ годовой, а побольше тебя головой». Побаяли, побаяли, отецъ-что то смѣшное сказалъ. Онъ захлопалъ въ долоши и побѣжалъ, засмѣялся.

в) Въ лѣсяхъ хóдючи на всякую штуку попадешь. Онъ попужать то можетъ. Ночью не всегда сразу къ фатеркѣ попадешь, идной разъ верстъ на пять ошибешься. Иду я разъ одинъ зимникомъ. Нѣтъ фатерки и нѣтъ. И тутъ сзади меня кто то ка-акъ побѣжитъ, да захлопаетъ въ долоши. Я его матюгомъ, онъ и убѣжалъ. Боится матюга.

г) А то разъ собрались у избушки. Онъ и началъ собакъ пужать да рыть. Мы вышли изъ фатерки, да и зачали его матюгать... Идной разъ и страшно: какъ это гугай то въ лѣсу рыцитъ, и собака лѣсовая лаетъ. Налетитъ это гугай къ фатеркѣ да на березу. Страшно.

д) Понесли хлѣбъ въ лѣсъ. А солнце ужь сѣло. Дяинька и рыцитъ: «Филипъ, Филипъ, иди ужинать!» А тутъ рѣка, да ельникъ угрю-юмый! Изъ этого-то ельника выходитъ мужикъ высокій, глаза свѣтлые, собачка на веревкѣ. Пала дяинька на земь. А онъ то надъ ней свиститъ, да галитъ, да въ долоши клещетъ. Пришелъ Филиппъ, а она чуть жива. Привелъ ее въ избушку да и ну ругать, что послѣ солнца рыцитъ.

е) Мой батюшка полѣсовалъ по пýтикамъ. А боръ то свѣ-ѣтлый былъ! Видитъ мужикъ: идетъ впереди Василій съ парнемъ. Батюшка и рыцитъ: «Василій, Василій, дожди меня». А они идутъ будто не слышатъ, сами съ собой совѣтуютъ и смѣются. Онъ ихъ догонятъ, а они все впереди. Перекрестился онъ и вспомнилъ, что праздникъ былъ Казанской Божіей Матери. Это ему Богъ показалъ, что въ праздникъ нельзя полѣсовать.

ж) Дѣвченки ушли въ лѣсъ по ягоды, да что то долго домой не шли. А мать и сказала: «Чертъ васъ не унесетъ, ягодницы». Дѣвочки вышли на лядинку, вдругъ онъ и показался со своими дѣтками. Говоритъ имъ: «Пойдемте, дѣвки, со мной». Они приняли его за дѣда и пошли вслѣдъ. И повелъ ихъ лѣсомъ, гдѣ на плечи вздыметъ, гдѣ спуститъ. Они какъ молитву сотворили, а онъ имъ: «Дѣвки, чего вы ебушитесь? Не ебушитесь!» И привелъ ихъ въ свой домъ, къ своимъ ребятамъ, человѣкъ восемь семейства. Ребята черные, худые, некрасивые.

199.

Лопарь на небѣ.

Василій, съ Бѣлой губы на озерѣ Имандра.

Лопинъ все думалъ: вотъ небо-то близко, какъ бы мнѣ туда попасть на небо. Взялъ вырубилъ лѣсину и сталъ строгать стружки. Строгалъ, строгалъ и настрогалъ большой костеръ. Потомъ закрылъ его мокрой рогожей и эти стружки зажегъ. Стружки загорѣлись, а онъ и высталъ на рогожу; жаромъ его вверхъ поднимать будетъ, вотъ какой разсчетъ имѣлъ. Его и стало поднимать дальше и дальше. Ну по небесамъ ходитъ, живетъ, народу никого нѣту. Недѣлю прожилъ, скушно стало, что земли не видать. Ходилъ, ходилъ, нашелъ у Бога ярусъ и видитъ, что ярусовъ много накладено у Бога, а Бога самого нѣту. Думаетъ: я свяжу и спускать буду и хватитъ до земли. Спустилъ всѣ яруса, разсчиталъ, это должно хватить до земли. Привязалъ за дерево большое. Спускался, спускался. Не хватаетъ на полверсты не больше. Качаетъ вѣтеръ надъ долиной и надъ горами носитъ. Понесетъ надъ долиной, всѣ города видны и всѣ деревни. Кричитъ. Прикатилось такое время, земля, гладкое мѣсто. «Развяжу узелъ». Развязалъ: только уши запѣли. И угодилъ онъ въ дряпъ (болото) по грудь и съ руками, вылѣзть не можетъ. Весной налетѣли разныя птицы. Прилетѣлъ и лебедь... видитъ на болотѣ сѣно. Но у лебедя извѣстно: гдѣ бы нашелъ кусочекъ, тутъ и гнѣздо дѣлать. Плавалъ, плавалъ видитъ ключъ. Лапками огладилъ, пришелъ съ берегу земли, яйцо положилъ, другое, третье. И началъ парить. Вдругъ бѣжитъ волкъ, чуетъ гнѣздо, а попасть не можетъ. Волкъ прибѣжалъ, лебедя не было, яйца съѣлъ, гнѣздо разворотилъ. А лопинъ какъ зубами сцапитъ за хвостъ! Волкъ какъ прыгнетъ, его изъ дряпа выдернетъ. Такъ и вышелъ. Пришелъ и сказываетъ: «Нѣтъ, ребята, не нужно попадать на небо». И съ тѣхъ поръ охотники-лопари не стали хотѣть на небо попадать.

200.

Китъ-камень на Имандрѣ.

Его же.

Два лопаря жили у Имандры и стали хвастать другъ другу. Одинъ говоритъ: «Можешь ты звѣремъ обернуться или животнымъ». Другой говоритъ: «Я звѣремъ не могу обернуться, а обернусь морскимъ китомъ и нырну и ты не увидишь, куда я выстану, въ лѣсъ уйду». Другой говоритъ: «Увижу». Обернулся и въ воду. Саженъ 50 отъ берега осталось онъ и высталъ. А другой крикнулъ: «А вотъ ты высталъ!» Онъ и окаменѣлъ. И теперь тамъ камень лежитъ на подобіе кита и называется Волса-Кедетъ, значитъ, китъ-камень.

201.

Городъ Лынь-Ланъ-нынчъ.

Его же.

Въ Волчьей ламбинѣ у Имандры жила старуха, у нея сынъ былъ холостой. Онъ пошелъ за оленями на охоту въ Чуны-тундру. Жажда одолила, нашелъ ручей. Напился нападкомъ. Тяжесть напала: на какой камень ступитъ, камень валится, ляжетъ отдыхать — камень шевелится. Всталъ и сталъ камень сдымать, оказывается сила непомѣрная. Прежде ѣлъ мало, теперь много. Пришелъ къ матери: «То мать, я воды напился, здоровъ сдѣлался». «Ну и слава Богу». «Я еще пойду, попью ее». Но не могъ найти. Пришелъ домой, взялъ неводъ и карбасъ и мать на плечо, понесъ черезъ тайболу въ Волчью-ламбину. Пришелъ и сталъ крѣпость городить, городъ. Пришли шведы, паны. Старуха со страху померла. А онъ шведовъ палкой бить, всѣхъ и перебилъ. И теперь въ Волчьей ламбинѣ горушка есть, гдѣ паны складены. И называется Лынь-Ланъ-нынчъ.

202.

Островъ Кильдинъ.

Его же.

Лопка-старуха похвалилась, что запретъ кильдинскую губу и что коляне (жители г. Колы) оттого помрутъ съ голоду, а то они лопарей (въ Кильдинскомъ погостѣ) обижаютъ. Палъ туманъ на морѣ, двое сутокъ на море не выѣзжаютъ, спятъ всѣ въ погостѣ. На третьи сутки вышла женщина кормить собаку. Видитъ—идетъ островъ по морю. Она и заговорила: «Что за чудо, идетъ островъ по морю!» И всѣ окаменѣли, и островъ остановился, и всѣ окаменѣли. А это старуха тянула островъ Кильдинъ на оборѣ, какъ женщина сказала, обора оборвалась, и всѣ окаменѣли.

203.

Викъ варачъ.

Его же.

Два брата жили, оба женатые, матери не было живой. Одна женка поставила варить утромъ рано и рыболовкой *) пригнетаетъ рыбу, чтобы не сырая была. Оставила рыболовку въ котлѣ. Мужъ захотѣлъ узнать, почему жена оставила рыболовку въ котлѣ, глядитъ на рыболовку, оказывается тѣнь человѣка въ котлѣ, голова видна, а остального ничего не видно. Онъ смекаетъ, не въ котлѣ же это, а откуда-нибудь тѣнь наводитъ, и замѣчаетъ въ трубу. Повалился на свое мѣсто и глазъ свелъ вверхъ въ трубу и глядитъ: голова показывается въ трубѣ, и смотритъ человѣкъ. Онъ взялъ лукъ и натянулъ, сталъ слѣдить еще не окажется ли. И вдругъ голова оказалась. Бухъ, стрѣлилъ. Слышитъ, что палъ и заревѣлъ. Какъ пановъ боялись, такъ жили аккуратно. Шведъ реветъ, ногу подстрѣлилъ. «Откуда ты взялся».—А вотъ на варакѣ**) у насъ войско стоитъ

---

*) Рыболовка это деревянная лопатка, которой лопари достаютъ изъ котла рыбу.

**) Варака—гора, холмъ.

300 человѣкъ, и меня послали по всѣмъ вѣжамъ слѣдить, сколько въ вѣжахъ народу живетъ.— Лопинъ спрашиваетъ: «Есть ли у васъ человѣкъ сильный?»—«Есть»—говоритъ, атаманъ.—«Какъ же его убить?»—«Его никакъ не убить, что онъ весь въ латахъ». Лопинъ отрубилъ голову. Братъ говоритъ: «Надо собрать всѣхъ лопарей, пойдемъ съ ними». Собрался народъ; весь погостъ, и пошли. Надо логомъ идти. Крались, крались, огонь замѣчаютъ. Ну извѣстно, огонь повсемѣстно: тутъ не видко, а съ долины все видко. Подкрались близенько. Онъ (атаманъ) мясо беретъ, въ сало окунаетъ. — «Ты, говоритъ, смотри какъ онъ (атаманъ) ножикъ занесетъ въ ротъ, такъ ты въ ножикъ и стрѣли» (а то онъ весь въ латахъ). Цѣлился, цѣлился, отложилъ лукъ. Рука дрожитъ, не смѣетъ человѣка убить. — «Что ты, говоритъ, медвѣдя не боишься, а шведа боишься. Дай-ка». Старшій братъ стрѣлилъ. Въ крень ударилъ и ножикъ проскочилъ сквозь. А онъ съ братомъ ихъ всѣхъ перебилъ и въ ту вараку похоронилъ. И называется: Викъ варачъ (выше Бабинскаго погоста, почти у Имандры).

ЗАПИСИ Н. Е. ОНЧУКОВА.

Калининъ, Павелъ Михаиловичъ.

Живетъ въ Заонежьѣ, около Толвуя, въ одной изъ деревенекъ, въ Падмозерѣ. Пав. Мих. средняго достатка крестьянинъ 40—45 лѣтъ. Занимается хлѣбопашествомъ, но когда полевыя работы кончатся, ѣздитъ по разнымъ мѣстностямъ своего уѣзда и даже дальше и строитъ дома— онъ плотникъ. Я познакомился съ нимъ въ лодкѣ, на рѣкѣ Телекинѣ, я ѣхалъ по водному пути въ Поморье, онъ въ дер. Ревашъ-Наволокъ строить у одного изъ богатыхъ мужиковъ избу. Узнавъ, что я очень интересуюсь сказками, онъ вдругъ началъ скороговоркой разсказывать своего «Коня». Мы пріѣхали въ Ревашъ-Наволокъ въ воскресенье, П. М. не работалъ и я записалъ у него народную комедію и кромѣ того нѣсколько сказокъ и пѣсенъ исключительно скабрезнаго содержанія и одно преданіе объ его родномъ Падмозерѣ. Разсказываетъ П. М. очень скоро, но очень воеобразно, и я не успѣвалъ за нимъ записывать дословно, такъ что сказки (но не «Конь» и пѣсни) записаны не съ точнымъ соблюденіемъ говора и не дословно.

По поводу «Коня» Пав. Мих. далъ такое объясненіе: съ «этой игрой», съ Конёмъ ходятъ по избамъ съ «Васильева дня» (съ Новаго года) «хухляки» (маскированные) и «пришаливаютъ». Двое участвующихъ изображаютъ ѣздока и коновала, третій, въ шубѣ навыворотъ, коня; коня ведетъ «на вязи» ѣздокъ. Приходятъ въ избу и разыгрываютъ комедію, вся суть которой повидимому и состоитъ въ томъ, чтобы очень скоро и безъ заминки отбарабанить реплики. Зрители покатываются со смѣху, слушая остроумную коме-

дію, и хозяинъ угощаетъ артистовъ виномъ; вѣроятно собираютъ и деньги, конечно, копѣйки. И. М. Калининъ, бывало, самъ участвовалъ въъ этихъ «пришаливаніяхъ» хухляковъ.

204.

«Ѣздокъ и Конёвалъ» или «Конь».

Коновалъ. Скокъ, скокъ черезъ порогъ,
Еле ноги переволокъ,
Не съ большой батáгой,
Самъ съ собакой;
Знаешь-ли, я Коневалъ
За моремъ бывалъ,
Поташъ-корень добывалъ;
Поташъ-корень
Съ собачью голень,
Потéрть, направить,
На путь наставить,
Въ байну на ногахъ,
А изъ байны на дровняхъ,
Изъ зелья въ зельё
Къ утру въ землю,
Отъ того человѣка-канальи
Вѣкъ отрыжки не будетъ.
Здраствуйте, дѣвицы перепелицы!
Удалые добры-молодцы!
Што жъ вы скоса смотрите на насъ на коневаловъ?
Голова-ль у васъ болитъ,
Але между ногъ у васъ сверлитъ?
Не надо-ле кинуть крови-руды
Изъ подподольной дыры?
Но не нужно не крови, не руды,
Только сдѣлать въ порядкѣ пѣна у дыры.
[*Обращается къ ѣздоку*].
Здраствуй, баринъ!»

Ѣздокъ.—Здраствуй, господинъ! Не можь-ле моей лошади излѣчить?

Коновалъ. «Ты чей?»
Ѣздокъ.— Я съ . . . . . казначей,
Съ . . . . усья,
Съ Подъ . . . . горы,
Съ города Потатуя,
А кто спроситъ —
Тому тридцать три . . . —
Коновалъ. «Однако, съ какихъ-же ты мѣстъ?»
Ѣздокъ.— А откуль и ты лѣзъ. —
Коновалъ. «Гдѣ-жъ ты живешь?»
Ѣздокъ.— Я живу по ту сторону Ростова,
По сю сторону Рожества Христова,
За двѣ недѣли отъ Нова-города. —
Коновалъ. «Гди-же твой домъ?»
Ѣздокъ.— Мой домъ на колу дномъ,
Дверямы въ воду,
Не откуль нѣтъ ходу.
Поправь мою лошадь. —
Коновалъ. «Надо средиться. Што ты можешь пожертвовать мни за труды?»
Ѣздокъ.— Я дамъ тебѣ сорокъ анбаровъ
Мороженыхъ таракановъ.—
Коновалъ. «Мнѣ это не треба».
Ѣздокъ.—Дамъ сорокъ пудъ
Собачьихъ . . . . —
Коновалъ. «И это не годится».
Ѣздокъ. —Сорокъ кошелей
Конинныхъ плѣшей.—
Коновалъ. «Не надо».
Ѣздокъ. —Сорокъ аршинъ
. . . . морщинъ. —
Коновалъ. «Вотъ это ладно.
Только надо мнѣ пашпортъ либо видъ».
Ѣздокъ. —У меня есть видъ,
Трубкой свитъ,
Низко прибитъ:
Была тетушка Апросенья у меня въ гостяхъ,
Подмочила трестѵ;
Когда подсушу,
Тогда и покажу. —

Коновалъ. «Если ты не покажешь мнѣ пашпорту или виду, я Не буду поправлять твоей лошади».

Ѣздокъ. [*Вынимаетъ бумагу и отдаетъ ее Коновалу, послѣдній беретъ и хочетъ читать, а передъ тѣмъ вынимаетъ табакерку, дѣлаетъ видъ, что хочетъ нюхать табакъ и говоритъ*]:

— Видьниньк☐й ратничекъ,
Садился на клочёкъ,
Нюхалъ божью травку табачёкъ;
Бога хвалитъ, царя звеличаетъ,
Богатую богатину крѣпко проклинаетъ:
Богатой богатины,
Три . . . . матери,
Пива и мёду
И мать его . . .

[*Нюхаетъ табакъ и начинаетъ читать*]:

«Выѣхалъ кульеръ изъ аду,
«Вывезъ страшный газетъ:
«Вси наши городскіе начальники
«Ушли на тотъ свѣтъ.
«Явился старикъ сѣдой,
«Съ долгой бородой.
«Сатана съ да́ле увидалъ:
— «Ну што, старикъ съ долгой бородой,
— «Не являешься сюда долго?» —
— Я ладилъ стольки денегъ накопить,
— Чтобы весь вашъ адъ съ дьяволами откупить.—
— «Есть про тебя мѣстечко давно откуплено,
— «Взять его пристану, (такъ!)
— «Дать по толчку въ спину». —
«Лёвъ-лёвъ бережско́й,
«Епишка загорско́й,
«Исавка ка́рпинской,
«Вычерпали ему тѣста,
«Съ пудъ мѣста;
«Вычерпали въ лотокъ,
«Ему пришолъ одинъ глотокъ.
«Тутъ дядюшка Егорка,
«Ходилъ по горкамъ,

«Забиралъ заборки,
«Стрѣлялъ тетёрки;
«А тетушка Хавронья,
«Выстала съ подворья,
«Приздынула подолъ,
«Показала хохолъ:
— «Вотъ те, дядюшка Егорка!
— «Чорна тетёрка,
— «Поётъ и не улéтитъ». —
«Тутъ наварили ему киселя съ масломъ,
«А онъ и за столъ насралъ;
«Наварили крупницы,
«Сталъ срать, какъ съ трубницы;
«Дали на дорóгу,
«Большу кадушку творóгу.
«Прибѣжалъ я къ матушкѣ Бровичной;
«У матушки у Бровичной,
«Не случилось хлѣба печёного.
«Чесноку толчёного,
«Занела мучки,
«Съ несчасливой махонькой ручки;
«День не пекётъ и два не пекётъ,
«Спекла коврыжки,
«На горшки покрышки;
«Кусишь — гребёнка, волоса чесать *),
«Рѣжешь — осёлко, ножикъ точить.
— «На-ко, Өедоръ Еремѣевъ, кушай,
— «На, Ахонька, гашники рушай.
— «А Өедоръ Еремѣевъ проходы очищай.
— «Ну вотъ, мужъ мой возлюбленной,
— «Говорятъ, у тебя . . . . . отрубленной,
— «Если это правда да былица,
— «Я, родна жена, съ тобой не жилица.
— «Я живу барыня барствую,
— «Скота убавила, двора прибавила,
— «На серёдъ двора бойну поставила;
— «Выкормила борова,
— «Убить этого борова,

*) Т. е. на хлѣбѣ получается отпечатокъ ряда зубовъ, напоминающій гребень.

— «Купить хорошаго . . . . .
«Пошолъ я къ барину съ оброкомъ,
«Взялъ я утку,
«Взялъ я курку,
«Кадушку масла,
«Коробку яицъ,
«Охапку творогу,
«Господину своему.
«Выбѣжалъ баринище:
— «Что-жъ ты за мужичище?»
— Вашей милости крестьянинъ,
— Къ вамъ съ оброкомъ:
— Вотъ вамъ утка,
— Вотъ вамъ курка,
— Кадушка масла,
— Коробка яицъ,
— Охабка творогу,
— Господину своему. —
«Это барину прилюбилось,
«Далъ онъ лошадь,
«Впрёгъ и въ сани,
«Далъ долгую кнутину;
«День я ѣхалъ, другой я ѣхалъ,
«Прямо господскаго дома пріѣхалъ;
«Такъ ю мать не потянула.
«Вышелъ съ саней,
«Поттену́ и сани,
«Приворочу хвосты,
«Посмотрю на восьмой нумеръ.
«Выбѣжалъ лаке́ишко,
«Начелъ меня бить,
«Начелъ колотить:
— «Не веди кобылы,
— «Не тени саней,
— «Не заворачивай хвоста,
— «Не смотри на восьмой нумеръ,
— «Мать твою . . .,
— «Не страми господскаго дому». —

(Понялъ отъ падмозёрскаго старика Ефима Андреева).

———

205.

Бабьи заповѣди.

Жилъ бѣдный мужикъ и такъ ему плохо пришлось, что ужъ и кормиться нечѣмъ. Отправился онъ куда нибудь денегъ наживать. Идётъ дорогой, стало ему горько, онъ и подумалъ: «Хоть-бы чортъ денегъ мнѣ далъ! Я бы лучше ему душу продалъ, штобы робя̀тъ кормить». Чортъ и явился, заговорилъ, и написали условіе кровью изъ безъимянного пальца. Чортъ далъ мужику денегъ; съ этихъ денегъ мужикъ розжился, началъ торговать.

Сталъ мужикъ старѣть, сталъ задумываться, баба и спрашиваетъ: «Што ты, мужикъ, задумываешься! Раньше намъ думать, какъ мы жили бѣдно, а теперь што намъ думать!»—Ты не знаешь, гдѣ я денегъ взялъ? Я вѣдь чорту душу продалъ!— «Э, не горюй, мужикъ,—говоритъ баба,—пусть сначала чортъ мою душу возьмётъ; а мою не возьмётъ, дакъ и твою не возьмётъ».

Пришло время, чортъ явился къ мужику за душой, баба чорту и говоритъ: «Возьми и мою душу». А чортъ радъ. «Сколько возмёшь за душу?»—Я денёгъ не возьму, а справь мнѣ три заповѣди. — Чортъ согласился.

Баба приказала истопить байну, пошла въ байну и чортъ вслѣдъ. Вы̀стала баба на полокъ, пёрнула.

«На, имай!»

Чортъ ловилъ, ловилъ, поймать не могъ. «Ты, што же? Не могъ и первой заповѣди справить!»

Выдернула изъ хохла волосинку.

«На, сдѣлай эту волосинку прямой».

Чортъ крутилъ, крутилъ, вертѣлъ, вертѣлъ, межъ ладонями каталъ, выпрямить не могъ, да и сóрвалъ. Баба и говоритъ:

«Ты, и второй не могъ справить? Ну, третью заповѣдь справляй».

Подняла рубаху, призднула ноги.

«На, залижи эту рану».

Чортъ лизалъ, лизалъ, стало языкъ больно да и бабѣ натёръ. Баба терпѣла, терпѣла да и пёрнула. Чортъ и плюнулъ. «Тьфу! Пéрвой зализать не могъ, а вóзлѣ друга лопнула». И отступился отъ бабы и отъ мужика.

Аф. 248. Хозяин и работник.

206.

Попъ и работникъ.

Нанелъ попъ роботника, поѣхали за сѣномъ; кладутъ сѣно, роботникъ и говоритъ: «Вотъ што хозяинъ, бу́детъ тебя хозяинъ (въ деревнѣ) садить ужинать, ты взаразъ не садись: ты вѣдь не роботникъ. И разъ позовётъ и другой позовётъ, а не то и осо́бё соберётъ». Попъ послушался. Остановились они у мужика, роботникъ и говоритъ: «Ты смотри, попа два да три раза не потчевай, а то попъ съ ума сойдётъ». Стали ужинать, садиться хозяинъ и говоритъ: «Ну, батьшко, садись». Попъ не сѣлъ. Въ полвы́ти хозяинъ опять подтвердилъ: «Батюшко, сѣлъ-бы со мной поись». Попъ опять не сѣлъ. Ужинъ кончили. Убрались хозяева спать. Легли и попъ съ роботникомъ, попъ и говоритъ: «Я ѣсть хочу. Большуха солодя́гу (для квасу) изъ печи вынимала, я съѣмъ». Роботникъ научаетъ.— Вывези пригоршнями изъ горшка.—Попъ пригоршни и забилъ въ горшокъ; горшокъ-то былъ узкой, а солодяга горячая, попъ руки завезилъ, а вытащить не можотъ и забѣгалъ по избѣ: «Ой-вой-вой-вой, руки горятъ». Ночь была мѣсячная, передъ окномъ хозяйской роботникъ лежалъ, плѣшь у него отъ мѣсяца блеститъ. Поповъ роботникъ и говоритъ: «Вонъ на лавкѣ камень лежитъ, ударь объ его, легче будетъ». Попъ побѣжалъ, да по плѣшѣ хозяйского роботника и ударилъ; горшокъ сломался, а хозяйской роботникъ и завопилъ: «А вой-вой-вой, убили!» Попъ испугался, изъ избы и побѣжалъ въ свою деревню босикомъ, а дѣло было зимой. Хозяинъ изъ другой избы пришелъ съ огнёмъ и видитъ: солодяга на полу, роботникъ въ крови, и спрашиваетъ: «Што у васъ такое?» Поповской роботникъ и говоритъ: «Я говорилъ не потчевай попа два-три раза! Ты два раза попотчивалъ, онъ съ ума и сошолъ».

207.

Преданіе о Па́дмозерѣ.

Въ нашей во́лости [въ заселеніи около озера] когда-то жили всего два жителя. Жили близко, о другъ другѣ не знали. Одинъ жилъ при истокѣ рѣчки Падмозѣрки изъ озера, а другой при

впаденіи ея въ Онéго [длина рѣчки всего $1^{1}/_{2}$ версты]. Какъ-то у верхняго жителя [по теченію рѣчки] унесло рѣчкой вѣникъ и прибило къ избѣ нижняго жителя. Тогда нижній житель пошолъ искать, кто живетъ по рѣкѣ, и познакомился съ верхнимъ жителемъ.

208.

Какъ не стыдно?

У мужика жена погуливала. Мужикъ слышалъ, а своими глазами не видалъ, а посмотрѣть охота. Вотъ онъ собрался будто въ Питеръ. Жена сшила мѣшокъ:

«Ступай, мужичекъ, заработаешь, денегъ пошлёшь».

И пошла проводить. Проводила до лѣсу. Воротилась сказать побратиму.

«Мужикъ въ Питеръ ушолъ, мы што хочёмъ, то и сдѣлаемъ».

А мужикъ обратно домой причесалъ и лёгъ на полати. Пришла жена, пришолъ и побратимъ, и говоритъ:

«Ну, душечка, всяко мы пробовали, а сзаду нѣтъ».

— Нынь на просторѣ всяко можно.—

Заголила ж..., стала къ порогу, побратимъ штаны снялъ, бѣгатъ по избѣ и ржетъ по жеребячьи.

«Иго-го-го-го».

А баба тонкимъ голосомъ:

— Ив-ив-ив-ивъ...—

Мужикъ смотрѣлъ, смотрѣлъ, вытенулся, да съ полатей и упалъ. Побратимъ скочилъ черезъ бабу и бѣжать. А баба встала и давай стыдить мужа:

«Не стыдно, мужичекъ: въ Питеръ, въ Питеръ, а самъ дома! Не стыдно, мужичекъ: въ Питеръ, въ Питеръ, а самъ дома!..»

209.

Керасиры поспѣвай, гренадеры подпирай».

Солдатъ по билету возвращался домой; пришолъ въ барское селеніе. Барыня приказала никого не пускать въ селеніе къ ночи: къ ей попъ ѣздилъ въ гости, дакъ штобы не оглазѣли.

Солдатъ спроспался къ ночи, его не пустили; видитъ топлёная баня, зашолъ въ байну, лёгъ подъ полокъ.

Пришолъ въ байну попъ, спичку-свичку за́жгалъ, самъ ходитъ по байнѣ, пальцами щёлкаетъ:

«Какъ долго нѣтъ!..»

Пріѣжжаетъ барыня, навезла всякихъ водокъ, закусокъ; стали угощаться, батько говоритъ:

«Какъ-бы намъ съ тобой позабавиться? Я-бы хотѣлъ позабавиться сзади?»

— Што-жо не такъ, можно. —

Барыня стала къ порогу ракомъ, а батько сталъ по банѣ ходить, штуку свою вынелъ; барыня и говоритъ:

«Керасиры поспѣвай, керасиры поспѣвай».

А попъ говоритъ:

— Гренадеры подпирай, гренадеры подпирай.—

Солдатъ не вытерпѣлъ и говоритъ:

«Армія наступай».

Попъ черезъ барыню, да изъ бани.

Ивановъ, Иванъ Яковлевичъ.

Крестьянинъ, около 30 лѣтъ, живетъ въ 1½ верстахъ отъ погоста Шуньги. Лѣтомъ занимается хлѣбопашествомъ и беретъ мелкіе подряды на доставку дровъ въ земскую больницу, на исправленіе мостовъ и пр.; зимой занимается извозомъ. Человѣкъ хозяйственный, очень практичный, торговый и бывалый. Часто бываетъ по зимамъ въ Поморьѣ: беретъ тамъ рыбу и возитъ ее въ Петербургъ. Семья, въ которой живетъ И. Я., типичная семья въ Шуньгѣ: почти всѣ члены ея не только бывали, а и подолгу живали въ Петербургѣ. Отецъ И. Я., лѣтъ 15 служилъ въ Петербургѣ приказчикомъ по желѣзному дѣлу. Старшій сынъ и теперь живетъ тамъ, и къ нему подолгу ѣздитъ гостить его жена. Вся семья придерживается раскола, да еще самого крайняго: покровительствуетъ скрытникамъ. Сказки записывались отъ И. Я. не дословно.

210.

Слѣпая невѣста.

Жили мать и дочь, дочь была слѣповатая. Пріѣхалъ ее женихъ сватать, а сосѣди успѣли шепнуть, что она слѣповата: глазами глядитъ, а ничего не видитъ. Вотъ пріѣхалъ женихъ, сидитъ за столомъ, а невѣста и говоритъ: «Матушка, матушка, подбери иглу подъ порогомъ». (А иглу раньше мать положила подъ порогъ). «Вотъ, думаетъ женихъ, сказали, што слѣпая, а она подъ порогомъ иглу увидала!»

Но вотъ, какъ-то вышли всѣ изъ избы, женихъ, желая провѣрить точно-ли такъ хорошо видитъ невѣста, спустилъ штаны, подошóлъ къ невѣстѣ и говоритъ: «Ну, давай-жо, поцѣлуемся». Невѣста потенулась и чмокнула жениха въ ж . . . Посидѣлъ еще немного и уѣхалъ, а невѣста и давай разсказывать матери:

«Матушка, матушка, когда всѣ изъ избы вышли, я съ женихомъ цѣловалась; только носъ у него длинный, длинный, да горячій; а губы толстые, толстые, а душа смородяча».

211.

На глазахъ у попа.

Жили были три брата, ходили оны къ одной попадьѣ, а другъ про дружку не знали. Вотъ одинъ разъ поѣзжаютъ въ лѣсъ дровъ сѣкчи и съѣхались въ одно мѣсто, а передъ тѣмъ заходили всѣ къ попадьѣ, и она дала одному кромку, другому серёдку, а третьему опять кромку. Нарубили дровъ, проголодались и захотѣли поѣсть. Выняли хлѣбъ и видять, что куски другъ къ дружкѣ подходятъ, сложили — вышла мякýшка (каравай). Одинъ братъ тогда и говоритъ: «Я люблю попадью». Другой говоритъ: «И я люблю попадью».—Да и я попадью— говоритъ третій. «Вотъ што, говоритъ младшій братъ, мы это не ладно дѣлаемъ; такъ перессорится можно. Давайте такъ сдѣламъ: кто съ попадьей при попѣ хитрѣе сдѣлатъ, тотъ къ ней одинъ и ходить будётъ». Братья согласились. Пошолъ къ попу старшій братъ.

Пришо́лъ, попъ обѣдаетъ.

«Здрастуй батюшко!»

— Здрастуй, дитё, што скажешь хорошого?—

«Да што, батюшко,—стёкла у васъ въ домѣ худыи: посмотрѣть съ улицы,—такая срамота видится, сказать нельзя».

— Да неужели?—

«А не вѣришь, батюшко, поди, погляди».

Попъ бросилъ ложку, выскочилъ изъ за стола и побѣжалъ на улицу. А попадья живо со стола обѣдъ смахнула, да сама на столъ. Попъ съ улицы смотритъ въ окно и видитъ: попадья на столѣ, а мужикъ на попадьѣ. Попъ разсердился, давай стёкла щёлкать, всѣ перебилъ до одного.

Пошолъ теперь средній братъ. Приходитъ къ попу и проситъ продать цыплёнка, куръ разводить хочетъ. Цыплята были въ подпольѣ. Попъ полѣзъ въ подполье за цыплятами, попадья наклонилась надъ дырой, а мужикъ сзади. Попъ хочетъ поймать цыплёнка, а попадья кричитъ:

«Не того, попъ, не того!»

Попъ пока ловилъ цыплятъ, попадья и мужикъ сдѣлали чивири́къ на маслѣ (такъ).

И этотъ мужикъ разсказалъ братьямъ, какъ онъ устроилъ. Младшій братъ и говоритъ: «Уговоръ былъ на глазахъ у попа «ростовосиньки тово» сдѣлать. Теперь я пойду, не сдѣлаю-ле я».

Приходитъ младшій братъ къ попу:

«Къ вашей милости, батюшко».

— Што такое, сынокъ, говори?—

«Да, батюшко, сказать стыдно».

— Ничего, дитё, не стыдись, говори.—

«Да, вотъ, батюшко, жиниться бы надо, а съ бабой спать не умѣю».

— А покажи ты ему, попадья, поди на кровать.—

Пошли. Попадья легла на кровать, а мужикъ головой къ её ногамъ. Попъ глядитъ, да и говоритъ:

«Эка, парень, да развѣ такъ! Вотъ и видно, что дѣло не разу не бывало. А ты вотъ такъ, вотъ такъ»...

Братья порѣшили, что ходить къ попадьѣ младшему брату.

212.

Невѣстины загадки *).

Послали парня сватать: «Пойди туда, въ которой избѣ раньше дымъ пойдётъ». Всталъ парень до́ свѣта и караулитъ. Въ одной избѣ огонёкъ засвѣтился и дымъ повалилъ изъ трубы, парень туда и отправился. Вошолъ въ избу, дѣвица въ одной рубахѣ печь топитъ.

«Богъ помочь!»

— Добро пожаловать, доброй теловѣкъ. Кабы были во дворѣ уши, а въ избѣ глаза, не засталъ-бы меня не прибранной. Ну, чѣмъ тебя подчивать? Что сварить тебѣ: рыбки поплёванной, или рыбки облизанной.—

«Дура дѣвка, — подумалъ парень и сказалъ: «Свари хоть поплёванной.»

Сварила она уху изъ ершей, съѣлъ парень, поплевался, дѣвица и говоритъ:

«Угостила-бы еще тебя, да *чесь въ гузнѣ*, а *)... *промежъ ногъ болтается*».

Сталъ спрашивать парень. «Гдѣ у тебя отецъ?»—Въ полѣ, взадъ, да впередъ ходитъ.—«А мать?»—Въ займы плакать ушла.—«А братья?»—Промежъ ногъ смотрятъ.—

Ушолъ парень домой, дома ему и объяснили: на дворѣ уши, въ избѣ глаза — на дворѣ собака, въ избѣ на окнѣ ребёнокъ. Чесь въ гузнѣ, а... промежъ ногъ болтается: яйцо еще въ курицѣ, не снесёно, корова еще не подоёна. Отецъ пашетъ; братья промежъ ногъ глядятъ—дрова рубятъ; мать взаймы плакать ушла—ушла плакать по родителямъ: когда она умрётъ, по ней дѣти плакать будутъ. Въ ту избу велѣли итти, въ которой раньше дымъ пойдетъ: тамъ значитъ, раньше всѣхъ встаютъ, живутъ роботящіе люди.

---

*) Записана отъ Матрены Никифоровны, отъ тетки Ив. Яков-ча.

**) Названіе разсказчица забыла.

213.

Тороча *).

Робятишкамъ, которыя привязываются, чтобы сказали сказку, говорятъ:

«Жилъ-былъ Тороча, у него одна нога короче; шолъ онъ въ гумно, сгупилъ въ говно; кто просилъ сказку розсказать, тому нога облизать».

214.

Смѣются надъ Корелами.

Корелякъ въ работникахъ живётъ, работать не работаетъ, только и думаетъ, когда праздникъ придётъ. Въ субботу сходитъ въ баню, попарится, помоется и ляжетъ спать. Утромъ въ воскресенье встаетъ и вздыхаетъ:

«Эхъ-хе-хе! Шкоро-ли шубота-то, хоть-бы въ байну сходить!»

Въ понедѣльникъ утромъ роботникъ примется за работу и вздыхаетъ:

«Эхъ-хе-хе, шкоро-ли воскресенье-то, хоть-бы отдохну́ть!»

Неизвѣстная старушка.

Записаны обѣ сказки отъ старушки въ Шуньгѣ; имя и фамилью, случайно, не записалъ.

215.

Пѣтухъ и Курица.

Ходила куричка по поповой улички. Задавился пѣтухъ въ попово зернышко. Пошла куричка къ озеру просить живой воды, оживить пѣтуха: «Озеро, ты озеро, дай ты мнѣ живой воды

---

*) Записана отъ матери Н. Я. Иванова, Мароы Өедоровны.

оживить пѣтуха». Озеро и говорить: «Поди къ свиньѣ, проси у свиньи клею»—Свинья, ты свинья, дай мнѣ-ка клею, а я клею озеру, озеро мнѣ живой воды, оживить пѣтуха.— А свинья говоритъ: «Поди къ сѣнокосцамъ», сѣнокосцы послали къ щельѣ, просить брусьевъ. Щелья дала брусьевъ, курица исполнила все и пѣтухъ ожилъ.

216.

Луга 10.

«Нёбо пало».

Ходила куричка по уличкѣ, костёръ дровъ и просыпался. Пошла къ пѣтуху и говоритъ: «О, нёбо пало, нёбо пало!»— —А тебѣ кто сказалъ?—«Сама видѣла, сама слышала». Побѣжали съ пѣтухомъ прочь, встрѣтился заяцъ. «Заяцъ, ты заяцъ! нёбо пало, нёбо пало».—Тебѣ кто сказалъ?—«Сама видѣла, сама слышала». Побѣжалъ и заяцъ. Попалъ имъ волкъ. «Волкъ, ты волкъ, нёбо пало, нёбо пало».—Тебѣ кто сказалъ?—«Сама видѣла, сама слышала». Побѣжали съ волкомъ. Встрѣтилась имъ лиса: «Лиса, ты лиса! нёбо пало, нёбо пало.»—Тебѣ кто сказалъ?—«Сама видѣла, сама слышала». Побѣжала и лиса. Бѣжали, бѣжали, да въ рѣпну яму и пали. Полежали, полежали и ѣсь захотѣли. Волкъ и говоритъ: «Лиса, лиса! прочитай-ко имена, чьё имицько похуже, того мы и съѣдимъ». Лиса и говоритъ. «Лисушка имицько хорошо, вóлкушко имицько хорошо, заюшко хорошо... Курушко имицько худое». Взяли куру и съѣли. А лиса была хитра: не столько ѣсъ, сколько обираетъ кишечки подъ задницу себѣ. Волкъ опять говоритъ: «Лиса, лиса, прочитай-ко имена, чьё имицько похуже, того мы и съѣдимъ». Лиса и говоритъ:—Лисушка имицько хорошо, волкушко имицько хорошо, заюшко хорошо, пѣтушкóво имицько худое». Взяли пѣтуха и съѣли. А Лиса была хитра; не столько ѣсъ, сколько обираетъ кишечки подъ задницу себѣ. Опять полежали, полежали и ѣсь захотѣли. Волкъ и говоритъ: «Лиса, лиса, прочитай-ко имена, чьё имицько похуже, того мы и съѣдимъ». Лиса и говоритъ:—Лисушко имяцько хорошо, волкушко имицько хорошо, заюшко имицько худое». Взяли съѣли и зайца. Лиса кишки лапой и ѣстъ да ѣстъ; волкъ спрашиваетъ: «Что ты ѣшь»?—Свои кишки, зубáмъ да зубáмъ». Волкъ запустилъ зубы въ брюхо, вырвалъ кишки у себя, да и околѣлъ.

Медвѣдева Ириша.

17-лѣтняя дѣвица, изъ дер. Шабалиной въ 5 вер. отъ Шуньги, не грамотна.

217.

Невѣстины загадки.

Парня послали сватацьця. Пришолъ парень въ избу, а дѣвица въ одной рубашкѣ блины пекётъ. Парень и говоритъ:

«Богъ помоць».

— Просимъ милости, безносой человѣкъ. Не дай Богъ, какъ нѣтъ на улицы собака, а въ избы робята.—

«А гдѣ у тебя папаша?» спросилъ парень.

— А нá поли, взáдъ-петъ ходитъ.—

«А мамаша?»

— Лонúсь смѣялась, сéйгодъ плакать ушла.—Потомъ спрашиваетъ дѣвица у парня:

«Чего тебѣ наварить, прохожой человѣкъ: ись поплéивать, или ись проглатывать?»

— А навари хоть ись поплёивать.—

Дѣвица сварила ему уху изъ ершей.

Приходитъ парень домой и говоритъ:—Вы послали меня сватать, а невёста совсѣмъ дúка.—И росказалъ всё, какъ было. А ему объяснили всё, что она ему говорила загадками: безносымъ назвала дѣвица его потому, что когда парень входилъ въ избу не высморкался. Нѣтъ робятъ въ избѣ и собаки на улицѣ — была-бы собака на улицѣ, залаяла, робёнокъ на окошкѣ, сказалъ-бы, что идётъ чужой человѣкъ и дѣвица успѣла-бы прiодѣться. Если бы сказалъ — «ись проглатывать», сварила-бы яичницу, а сказалъ «ись поплéивать», сварила ершей, ты ѣлъ да плевался отъ костей. Отецъ на поли взáдъ-петъ ходитъ — пашетъ; мать плакать пошла—рожать пошла.

218

Настасья прекрасная и Егибиха.

Жилъ старикъ со старухой, у ихъ было три сына и дочь, дочку звали Настасья прекрасна. Братья уѣхали въ Петенбурхъ. Нанели роботницу Егибиху. Написали братья — сестру въ Питеръ. Отецъ и мать отправили дочь съ Егибихой въ Питеръ и собаку вслѣдъ взяли. Шли-шли, попадаетъ имъ озёрка. Егибиха говоритъ: — «Настасья прекрасна, выкуплемся». Собака говорить: «Тявъ, тявъ, Настасья прекрасна, не велѣла тибѣ маминька купатьця, велѣла къ братцямъ пробиратьця». Эта Егибиха хвать собаку по ногѣ палкой, у ей нога отлетѣла, она и хромать пошла. Ѣхали, ѣхали, опять попадаетъ озёрка. Егибиха говоритъ: «Настасья прекрасна, выкуплемся». Собака говоритъ: «Тявъ, тявъ, Настасья прекрасна, не велѣла тебѣ маминька купатьця, велѣла къ братцямъ пробиратьця». Егибиха хвать собаку по ногѣ палкой, у ей и другая нога отлетѣла, она и хромать пошла. Ѣхали, ѣхали опять попадаётъ озёрка. Егибиха и говоритъ: — «Настасья прекрасна, выкуплёмся». Собака и говоритъ: — «Тявъ, тявъ, Настасья прекрасна, не велѣла тибѣ маминька купатьця, велѣла къ братцямъ пробиратьця». Эта Егибиха хвать собаку палкой по ногѣ, у ей и третья нога отлетѣла, она и хромать пошла. Шли, шли, опять попадаетъ озёрка Егибиха и говоритъ: — «Настасья прекрасна, выкуплемся». Собака и говоритъ: — «Тявъ, тявъ, Настасья прекрасна, не велѣла тибѣ маминька купатьця, велѣла къ братцямъ пробиратьця». Эта Егибиха хвать собаку по ногѣ палкой и отлетѣла нога. Шли, шли, попадаетъ озёрка, Егибиха говоритъ: «Настасья прекрасна, выкуплемся?» Собака и говоритъ: «Тявъ, тявъ, Настасья прекрасна, тибѣ маминька не велѣла купатьця, велѣла къ братьямъ пробиратьця». Егибиха собаку и убила. Стали они купатьця, Егибиха съ воды раньше вышла, ейну одёжу одѣла; Настасья прекрасна съ воды вышла, вопѣла, вопѣла, плакала, плакала, всётаки Егибихину одёжу одѣла. Пошли дальше, пришли къ братцу. Братцы Егибиху за сестру приняли, обнимають и цѣлують. Стали кормить Егибиху кушаньемъ хорошимъ, а сестру кусками валящими. Стали и спать ложить, Егибиху въ покоѣ, а сестру подъ порогъ. Егибихѣ и платье сшили хо-

рбпо и отправили. Дома безъ Настасьи прекрасной еще братъ роженъ. Отецъ и мать тоже не узнали Настасью прекрасну и отправили ей коровъ пасти. Она сѣла на камешокъ и плачётъ:—«Солнышко, ты, солнышко, што моя маминька дѣлаетъ?» А солнышко ей отвѣтило: — «Тёплые блинки пекётъ, да горькими слезами сковородку мажотъ». А братъ слушатъ. Взялъ онъ сестру и домой повёлъ, привёлъ домой: «Мамонька и татинька, это не наша сестра, что дома, а наша сестра, что коровъ пасти отправлена». Эту Егибиху на воротахъ разстрѣляли.

Странница.

Пожилая крестьянка, родомъ изъ Каргопольскаго уѣзда. Когда я записывалъ сказки въ Вирмѣ отъ Н. М. Деменьтьевой, странница эта, пробираясь изъ Соловковъ, находилась въ домѣ у Н. М. Сама предложила свои услуги, надѣясь заработать, и разсказала двѣ сказки, а третью не сумѣла кончить. Знаетъ, по ея словамъ, и былины: Князюшка (Княгиня и старицы?), Дунай Ивановичъ и Идолище сватается на сестрѣ Владиміра красно-солнышка Натальѣ. Былинъ я у нея не записывалъ.

219.

Рѣшето.

Бѣжало рѣшето по дорогѣ и остоялось на дорогѣ. Идётъ вошь по дорогѣ. «Кто въ этомъ городѣ, кто въ этомъ теремѣ живетъ?»—Живётъ въ этомъ городѣ, живётъ въ этомъ теремѣ явочка и булавочка.—«Возми-кось меня вошь» Взяли вошь. Пришла щелба-щебланочка, даваитьця: «Кто въ этомъ городѣ живётъ, кто въ этомъ теремѣ живётъ?»—Живётъ, въ этомъ городѣ, живётъ въ этомъ теремѣ явочка и булавочка и я вошь-попол-зуха, да блоха-попрядуха, ты кто?—«Я щелба-щелбаноцька»—Ну иди.—Потомъ пришолъ заецъ, потомъ лиса пришла, потомъ волкъ. Всѣхъ спустили. А потомъ пришолъ мѣдвѣдь, на рѣшето сѣлъ, да всѣхъ и задавилъ.

220.

Перстень.

Жилъ старикъ да старуха, а у нихъ былъ сынъ Иванъ. Они горáзно его дрóчили. Захотѣлъ онъ на лодкѣ гулять, поѣжжáтъ, а мать давáтъ ему перстень съ собой волшебной. Ѣздить: въ ту сторону носитъ, во другу носитъ, прокатился, домой пріѣхалъ. И на другой день поѣхалъ; пала погóдушка, онъ здремáлъ, перстень въ воду сронилъ, его безъ перстня и понесло прочь отъ берегу. Вышолъ онъ на островъ, идётъ горько плачётъ, попасть домой нéкакъ. Идётъ, сидитъ котъ, спрашиватъ: «Цего, молодецъ, плачёшь?» —Вотъ плачу, перстень сронилъ.—«Не плачь, я твой перстень достану». Котъ сталъ веревку вить изъ песку. «Вотъ веревку совьёмъ, море высушимъ...

221.

Попъ, попадья и дьячекъ.

Былъ попъ и попадья, у ихъ казакъ былъ Ваня, попадья любила дьяцка. И здѣлалась нездорова, посылаетъ попа въ Рымское царсво за рымскимъ масломъ: «Батюшко, я тебѣ испеку пирожковъ-подорожничковъ, ты Ваня, коня запреги, да, батька отвези». А Ваня батьку повёзъ и говоритъ: «Не ѣзди, батько, въ Рымское царсво; я тебя завяжу въ солому, принесу въ фатеру и ты посмотришь, што изъ нашей матки сегодни будётъ». Ваня взадъ воротился, занёсъ солому въ избу. «Ваня, куда солому?» — А я лягу на солому спать. — А у ей ужъ дьяцёкъ запущенъ. Сѣла и стали пировать, она запѣла пѣсню:

«Поѣхалъ нашъ попикъ,
Поѣхалъ родимой,
Во Рымское царсво,
По рымское масло.
Рымское масло

Некуда не годно,
Къ нашему приводно»

И дьякъ запѣлъ эту пѣсню:

«Поѣхалъ нашъ попикъ.
Поѣхалъ родимой,
Во Рымское царсво,
По рымское масло.
Рымское масло
Некуда не годно,
Къ нашему приводно».

А казакъ говоритъ: «Я теперь свою запою». И запѣлъ:

«Солома, солома,
Прямая соломка,
Погляди, соломка,
Што дѣицьца дома:
Дьякъ сидитъ на лавкѣ,
Попадьюшка на скамли,
Самоварчикъ на столи,
А бизменъ-отъ на стѣнѣ,
Походи-ко по спинѣ».

Какъ попъ выскочилъ изъ соломы, да дьяка по спинѣ накладывать! Дьякъ скочилъ да свопѣлъ, да горбаткой по двору пробѣжалъ.

Неизвѣстный.

Сказки №№ 222 и 223 записаны мной при странной обстановкѣ. Я пріѣхалъ въ Повѣнецъ и остановился въ единственномъ тамъ помѣщеніи для пріѣзжихъ, на постояломъ дворѣ, гдѣ есть и отдѣльныя комнаты. Однажды вечеромъ, въ сосѣднюю со мной комнату, вошло нѣсколько человѣкъ, повидимому, рабочіе плотники и, громко разговаривая, начали укладываться спать. Отдѣляющая насъ стѣна, была изъ тонкихъ досокъ и ни дѣлать что нибудь, ни спать было совершенно невозможно, и я очутился въ положеніи неволь-

[illegible]

Ворожея.

Годъ былъ плохой: хлѣбъ не уродился и работъ никакихъ не было. Совсѣмъ плохо стало одному человѣку: семейство большое, кормиться нечѣмъ. Написалъ онъ вывѣску: «Ворожея» и прибилъ къ воротамъ. А у барина перстень потерялся, украли его слуги: лакей Пошковъ, поваръ Брюшковъ и кучеръ Жопкинъ. Ѣдетъ баринъ мимо, видитъ вывѣску, зашелъ и спрашиваетъ: «Можешь перстень найти?» — Такъ точно, могу. — Посадилъ баринъ его въ коляску, увезъ въ помѣстье, накормилъ, напоилъ, вина поднесъ: «Ищи». — На поиски три дня надо? — «Хоть недѣлю ищи». Велѣлъ подать Ворожея стаканъ воды, посмотрѣлъ въ воду: — Одинъ попался: Пошковъ. — А Пошковъ былъ кучеръ барскій. На другой день Ворожея и Брюшкова увидалъ, а на третій день и Жопкина. Въ воду смотрѣлъ Ворожея безъ барина, только при слугахъ этихъ. Они видятъ, что дѣло не минучо, дали Ворожеѣ 300 руб. «Пожалуйста, не сказывай барину на насъ, а перстень возми». Ворожея деньги и перстень взялъ, велѣлъ принести гуся изъ барскаго стада, затолкалъ ему

перстень въ горло, а къ ногѣ привязалъ красный лоскутокъ и опять спустилъ въ стадо. «Ну, што, спрашиваетъ баринъ, когда прошло три дня—нашелъ вора».—Такъ точно, пойдёмъ, баринъ, на дворъ.—Пришли на дворъ, а тамъ стадо гусей. Велѣлъ Ворожея схватить и зарѣзать гуся съ краснымъ лоскуткомъ, зарѣзали, а въ зобѣ у него перстень. «Какъ-же къ нему перстень могъ попасть?» спросилъ баринъ.—А ты вѣрно, баринъ, когда умывался перстень съ руки снялъ, да на рукомойникѣ забылъ, а перстень въ лаханку упалъ, да его на помойку вылили, а гуси блестящее любятъ—одинъ его и проглотилъ.—«А это вѣрно», говоритъ баринъ. Далъ баринъ Ворожеѣ за перстень 300 рублей. Захотѣлъ баринъ еще испытать Ворожею, велѣлъ убить ворону, и такъ изжарить вкусно, чтобы Ворожея не узналъ. Накормили Ворожею обѣдомъ, жаркимъ, баринъ и спрашиваетъ. «Знаешь-ли что ѣлъ?» А ворожея не знаетъ и думаетъ: «Ну теперь бѣда, не сдобровать мнѣ», да и говоритъ въ слухъ объ себѣ: «Да видно залетѣла ворона въ барскія хоромы».— «Вѣрно, говоритъ баринъ, ворона и была изжарена». Такъ ворожея нечаенно и угадалъ. Захотѣлъ баринъ еще разъ испытать Ворожею: поймалъ жука на дорогѣ, зажалъ въ кулакъ и спрашиваетъ Ворожею: «отгадай, что у меня въ рукѣ?» Думаетъ Ворожея: «Вотъ теперь вѣрно ужъ не сдобровать мнѣ», да и обмолвился вслухъ: «Да, вѣрно, попался жучко, къ барски ручки». —Вѣрно вѣдь, кричитъ баринъ, жукъ и есть у меня въ рукахъ.—И еще прибавилъ мужику 100 рублей. А тотъ получилъ деньги, да поскорѣе содралъ вывѣску съ воротъ, сталъ жить да поживать.

223.

Баринъ и плотникъ.

Шелъ плотникъ между двумя деревнями—Райковой и Адковой. Встрѣтился ему баринъ пріѣзжій изъ другой губерніи и спрашиваетъ: «Ты мужикъ изъ какой деревни идешь?»—Изъ Райковой.—«А я куда ѣду?»—Въ Адкову.—«Ахъ ты, дуракъ! Ты мужикъ да изъ Райкова, а я баринъ да въ Адкову... Слуги взять его и всыпать ему хорошенко». Лакей соско-

чилъ, схватилъ плотника и давай его бить; били сильно, а потомъ уѣхали. «Ладно, думаетъ плотникъ, не пройдётъ это тебѣ даромъ!»

Узналъ мужикъ, гдѣ баринъ живётъ и идётъ къ нему; приходитъ. А баринъ любилъ строиться и строилъ мызу. Баринъ не узналъ плотника и подрядилъ его мыза строить. Зовётъ его плотникъ въ лѣсъ, бревна выбирать. Баринъ пошолъ. Пришли. Плотникъ ходитъ по лѣсу, да обухомъ по деревьямъ постукиваетъ, да ухо прикладываетъ. «Ты что-же это, какъ узнаёшь?»—А ты обойми дерево, приложь ухо, и ты услышишь.—«Да у меня руки не хватаютъ».—Ну, я тебя привяжу.—Привязалъ плотникъ барина къ дереву, взялъ вожжи и давай дуть. Дулъ, дулъ, баринъ еле живъ остался. А мужикъ билъ да приговаривалъ: «Еще тебя, сукина сына, два раза взбучу: не обижай мастерового человѣка!» Взялъ барскую коляску и уѣхалъ. Барина еле нашли въ лѣсу черезъ три дня, ужъ при́ смерти былъ.

Хвораетъ баринъ отъ мужицкаго угощенья, а плотникъ переодѣлся, такъ что не узнать и приходитъ лѣчить барина. Докладываютъ барину, что пришелъ лѣкарь. Баринъ обрадовался, а лѣкарь велѣлъ истопить байну. Пошли въ байну. Помылъ, потёръ лѣкарь барина и говоритъ: «Ну, теперь надо, баринъ тебя попарить; только тебѣ не вытерпѣть, надо тебя привязать къ скамьѣ». Баринъ согласился и опять плотникъ вздулъ барина, да еще по голому тѣлу хуже пришлось. «Ну, еще разъ отъ меня тебѣ битому быть: не обижай напрасно мастерового человѣка».

Зговорилса плотникъ съ братомъ: велѣлъ брату прогнать мимо барскаго дома, на барскихъ лошадяхъ, которыхъ плотникъ угналъ изъ лѣсу. Баринъ увидѣлъ въ окно и послалъ всѣхъ своихъ слугъ въ погоню. Гнали, гнали слуги, вора не догнали, а пока ѣздили, баринъ былъ одинъ дома, плотникъ пришелъ къ барину и еще разъ поколотилъ его:—«Ну, баринъ, помни смотри, что нельзя напрасно обижать мастерового человѣка».

На утро баринъ поѣхалъ въ городъ, увидѣлъ плотника, спрашиваетъ: «Мужичекъ, ты вѣдь вчерашній?»—Никакъ нѣтъ, мнѣ 45 лѣтъ, какой-же я вчерашній.—

— —

224.

Дуня и Маша *).

Однажды въ одной деревни отецъ и мать уѣхали въ городъ, а дома оставили своихъ дочерей Дуню да Машу. Вотъ однажды къ нимъ приходитъ монашинка и проситъ ихъ, чтобы ее пустили ночевать. Дуня, какъ старшая дочка, спросила у Маши: «Пустить-ли её?» Маша сказала: «Какъ ты хочешь». И онѣ рѣшили пустить. Какъ только онѣ пустили монашинку, то она полѣзла прямо на печку. Маша поставила самоваръ и позвала монашинку чай пить. Вотъ съ печи лѣзитъ мужикъ въ красной рубашки и говоритъ: «Давайте мнѣ лучше деньги, а то васъ убью». Тогда Маша и Дуня повели его въ чуланъ и какъ Дуня открыла двери въ чуланъ, Маша, не будь дурой, взяла да толкнула его туда, онъ пошатнулся и упалъ. А Дуня закрыла чуланъ и мужикъ остался въ чуланѣ. На другой день принесли къ нимъ покойника, поставили гробъ на полъ, а сами ушли. На гробу всё дырки наверчены. Маша взяла топоръ, а Дуня кочергу; вдругъ крышка открылась, Маша ударила мужика топоромъ по груди, а Дуня по рукѣ и сломала ему руку; онъ застоналъ, а Маша подбѣжала и ударила ему по лбу, а изъ него и духъ вонъ. Маша разрубила его на три части и положила въ мѣшокъ, а сама одѣлась въ отцовскую одежду. Вотъ пріѣжаетъ тройка, Маша взяла мѣшокъ и отдала разбойникамъ; они схватили мѣшокъ и уѣхали. Вотъ пріѣжаетъ отецъ и мать, онѣ разсказали обо всемъ, что съ ними случилось.

225.

Чортова благодарность **).

Жила была старуха, былъ у ней сынъ Андрей. Андрей сталъ говорить: «Чего же я, мамка, живу и выживу, надо мнѣ какой нинаесть промыселъ искать»? Она ему говоритъ: «Чё

*) Сказку передалъ В. И. Черныщовъ; записана она ученикомъ городского училища Гороховымъ, по разсказу прислуги изъ Петрозаводскаго уѣзда Олонецкой губ.

**) Записана въ Чердынскомъ у., Пермской г. на р. Вишерѣ, въ д. Сыпучихъ, въ 1900 г.

ино, дитятко, гдѣ начéешь робюту натти»? Пошолъ Андрей роботу искать, походилъ нѣсколько, доходитъ до озера, до озера не доходитъ—на липѣ висится цертёнокъ. Цертёнокъ говоритъ Андрею: «Спусти меня, я тебѣ много добра сдѣлаю». Спехнулъ Андрей цертёнка, пошли они вмѣстѣ къ озеру. Говоритъ цертёнокъ Андрею: «Мой тятька будетъ набивáть тебѣ денегъ, ты денегъ не бери, кольчё проси». Подошли они къ озеру, изъ озера вышолъ чёртъ и въ награду деньги даватъ, Андрей кольчё проситъ. Вотъ кольчё далъ чёртъ Андрею. Далъ кольчё, пошолъ Андрей съ кольцёмъ и думатъ самъ себѣ: «Што въ этомъ кольцѣ есть»? На кольчѣ десять шшерýбчиковъ (въ родѣ гвоздиковъ). Отвернулъ Андрей шшерýбчикъ, изъ кольца вышли три молодца. Позатѣмъ онъ еще четыре шшерýбчика отвернулъ, вышли всего двѣнадцать человѣкъ. Заставилъ онъ молодцевъ каменну стѣну черезъ проѣжжу дорогу класть. Склали они каменну стѣну. Ѣдётъ обвозъ. Ямщики спрашиваютъ: «Кто стѣну склалъ»? И стали Андрею молиться, чтобы убралъ. «Сколько съ лошади дадите? По полтинѣ не жалко»?—Сдѣлай милость, возьми, только убери стѣну.—Велѣлъ роскидать молодцамъ стѣну, проѣхали ямщики. Собралъ онъ деньги и думатъ: «Что же я съ едакими деньгами домой пойду»? Пошолъ Андрей еще денегъ зарáбливать. Пришолъ въ городъ; порядаетъ купецъ мостъ класть, Андрей порядился. Какъ только къ ночи дѣло, заставилъ онъ своихъ молодцовъ роботáть; къ утру готово, проситъ утромъ роцётъ. Проѣхалъ разъ десять на лошади купецъ для пробы и отдалъ Андрею сто тысячъ. Прина-жилъ Андрей денегъ, домой пошолъ. Пришолъ домой, являетъ матери: «Одному мнѣ жить скука». Пошла мать свататься къ дьячку. Приходитъ старуха, спрашиватъ дьячекъ: «Зачѣмъ, ты, бабушка?» — Я добрымъ дѣломъ, сватовствомъ: у меня женишóкъ, у тебя невѣста.—«Это бабушка, словъ нѣтъ, я отдамъ, да у васъ домикъ худой». Ушла старуха домой. «Что же, Андреюшко, гдѣ же намъ съ этакимъ человѣкомъ схвáтываться: домъ-де у насъ плохой». — Чё дѣлать, мамка, ложись, спи.— Въ ночь отвернулъ Иванъ шесть шшерýбчиковъ, выпустилъ молодцовъ, и отворотили они ему за ночь домъ. На другой вечеръ посылаетъ опять свататься мать Андрей. Пришла бабушка.—«Что нужно, бабушка?»—Я добрымъ дѣломъ, сватовствомъ: у меня женишокъ, у тебя невѣста. — «Это, бабушка, словъ нѣтъ, отчего не отдать, да ходить грязно: пусть будётъ

отъ моего дому до вашего каменной мостъ». Въ ночь своротили молодцы каменной мостъ. Вечеромъ опять посылаетъ старуху свататься. Пришла старуха, спрашиваетъ дьячекъ: «Зачѣмъ ты, бабушка»?—Я добрымъ дѣломъ, сватовствомъ: у меня женихъ, у тебя невѣста.—«Это, бабушка, словъ нѣтъ, отчего не отдать, да въ церковь грязно ходить: пусь будетъ отъ моего дому въ одни двери мостъ, а отъ вашей въ другіе». Заставилъ Андрей и это сдѣлать молодчиковъ; своротили ночью молодчики эти мосты. На четвертой вечеръ посылаетъ опять свататься мать Андрей. Пришла бабушка, спрашиваетъ дьячекъ. «Зачѣмъ ты, бабушка?»—Я добрымъ дѣломъ, сватовствомъ: у меня женихъ, у тебя невѣста.—«Это бабушка, словъ нѣтъ, отчего не отдать, да только что надо три пары коней вороныхъ съ каретымя». Ушла старуха домой. «Что-же Андреюшко, гдѣ-же намъ съ этимъ человѣкомъ схватываться: коней-де три пары вороныхъ съ каретымя надо».—Чё дѣлать, мамка, ложись спать.—Въ ночь отвернулъ Андрей шесть шшерўбчиковъ, выпустилъ молодцовъ. Купили молодчики ночью и коней на базарѣ. Вечеромъ опять пошла свататься, приходитъ она, спрашиваетъ дьячекъ: «Зачѣмъ бабушка?»—Я добрымъ дѣломъ, сватовствомъ: у меня женишокъ, у тебя невѣста.—«Ну, ладно, бабушка, подите, поѣжайте ко мнѣ во дворецъ». Пріѣхали, столовали, пріѣхали, обвѣнчали; поѣхалъ къ зятю въ гости. И я тамъ былъ, водку-пиво пилъ.

226.

Въ работникахъ у лѣсного *).

Набивается мужикъ въ срокъ и некто его не берётъ. Говоритъ мужикъ: «Хоть-бы меня лѣсной взялъ». Не много время идетъ мужикъ съ базара, а на встрѣчу ему другой мужикъ: «Поряжаешься?»—Поряжаюсь.—И вспомнилъ, что говорилъ про лѣсного и сказалъ: «Погоди, я къ попу схожу». Сходилъ мужикъ къ попу, списалъ молитвенникъ, приходитъ наниматься. «Пойдёмъ», говоритъ лѣсной, схватилъ мужика за крошки и

*) Чердынскій у. Пермской губ.

потащилъ; тащилъ, тащилъ, у мужика колпачёкъ слетѣлъ. «Стой, говоритъ мужикъ, у меня шапочка спала». — Мы убѣжали, говоритъ лѣсной, сто вёрстъ пока ты говорилъ. — Доноситъ лѣсной мужика до дому; легли спать. Въ полночь хлесть по стѣнѣ батогомъ: «Айда па службу». Лѣсной отвѣчаетъ: «Хорошо». Утромъ встали: «Пойдёмъ на службу», говоритъ лѣсной мужику, и стрóшного съ собой. Пошли, подходятъ къ озеру. Глядятъ, изъ озера летятъ камéнья по кулю: шурятъ ихъ черти въ лѣсныхъ; лѣсные выдергиваютъ громатныя ёлки изъ земли и хлещутъ ими по озеру. Воевали, воевали, черти одолѣвать стали. «Што ты, стрóшной, глядишь? насъ одолѣваютъ». Стрóшной выдернулъ изъ кормана молитвенникъ, сталъ махать имъ, а черти розсыпались, какъ дождь. «Хорошъ, молодецъ стрóшной, молодецъ, давай домой пойдёмъ». Пошли домой, а хозяинъ стрóшнымъ не нахвалится.—«Чего тебѣ нужно въ награду?» — Нечего мнѣ не надо, отправьте меня домой. — Дали стрóшному стараго сиваго мерина, надѣлили, сѣлъ стрóшной и поѣхалъ по указанной дорогѣ. Доѣжжатъ до избы, привезалъ мерина ко столбу, самъ входитъ въ избу. Выходитъ мужикъ изъ избы, а у крыльца, у столба стоитъ сѣдой пресѣдой старикъ. «Откуда ты, дѣдушка, взялса?» — Спасибо тебѣ, дитетко, это ты на мнѣ пріѣхалъ. Взятъ я былъ маленькой лѣснымъ, оборотилъ онъ меня въ коня, и всю жизнь я у него пробылъ. Пришолъ ты, отдалъ онъ меня тебѣ, вотъ и вывелъ ты меня, и самъ ты вышолъ въ Россею умереть. Спасибо, дитетко.— И пришли стрóшной и старикъ домой вмѣстѣ.

227.

Большая Лумпа *).

Лѣшой живетъ въ лѣсахъ, живетъ въ большой избѣ. Изба укрыта кожами, лѣшой ходитъ всегда въ оболóчкѣ: въ желтомъ зипунѣ, опоясанъ, въ красной шапкѣ, молодой, безъ бороды. Это скорѣе человѣкъ, живетъ лѣшней, ходитъ съ собакой, женатъ, имѣетъ дѣтей. Разказываютъ такую исторію:

*) Чердынскій у. Пермской г.

Идётъ мужичекъ по лѣсу и дошолъ до большого топучаго болота, и видитъ: утонулъ въ болотѣ большая лу́мпа (громадной, большой). И говоритъ большая лу́мпа: «Мужичёкъ, иди къ моей хозяйкѣ и скажи: «небольшая-то-ли де лу́мпа на большомъ болотѣ со звѣрёмъ (съ сохатымъ) да съ медвѣдёмъ утонулъ». Пошолъ мужикъ по указанной дорогѣ. Приходитъ къ большому дому, входитъ, сидитъ жена на лавкѣ, спрашиваетъ: «Зачѣмъ пришелъ, мужичёкъ?» Онъ сказалъ, какъ велѣлъ ему лѣшой. Жена бросилась, отворила, и побѣжала, а потомъ приноситъ—она медвѣдя, лѣшой звѣря. Мужика за то угостили, а на прощанье отодралъ отъ своего кафтана рукавъ. Дакъ мужикъ сшилъ изъ этого рукава кафтанъ до пять да колпаковъ.

228.

Колдунъ и священникъ.

Одного колдуна священникъ увѣщевалъ оставить свое ремесло, и колду́нъ за это сердился на священника. Колдунъ умеръ; однажды вечеромъ, вскорѣ послѣ его смерти, у воротъ священника кто-то постучался. Священникъ подошелъ къ воротамъ и спросилъ. «Кто тутъ»? — Я, батюшко, пономарь, отвѣчалъ голосъ, пришелъ благословиться звонить къ заутренѣ.— «Что-ты! Я еще спать не ложился, а ты ужъ звонить хочешь. Поди домой, рано еще. Черезъ полчаса опять пришелъ пономарь, стучитъ и говоритъ: «Пѣтухи пропѣли, батюшко, приходи». Священникъ отдалъ въ окно ключи, а потомъ послышался и звонъ, который слышалъ онъ одинъ. Потомъ священникъ одѣлся, помолился и пошолъ въ церковь. Только священникъ вошолъ въ церковь, какъ за нимъ съ шумомъ растворились двери, и онъ увидѣлъ колдуна; колдунъ скрипѣлъ зубами и говорилъ: «Ага, попался таки»! Священникъ скорѣе въ алтарь; взялъ напрестольный крестъ, оградилъ себя имъ и вышелъ изъ алтаря. Колдунъ, увидя крестъ, упалъ навзничь. Пѣтухи пропѣли и колдуна не стало. Крестьяне потомъ разрывали могилу колдуна и увидѣли, что онъ перевернулся внизъ лицомъ; между лопатками ему вбили осиновый колъ, чтобы больше не вставалъ.

229.

Бочка съ золотомъ.

Въ селѣ Мегры Лодейнопольскаго уѣзда разсказываютъ такое преданье:

Жилъ богатый мужикъ. Однажды осенью, ночью, кто-то постучался у него подъ окномъ. Богачъ подошолъ къ окну и окликнулъ. Никто не отвѣтилъ. Богачъ легъ спать, но опять застучало. Богачъ опять окликнулъ; опять никого нѣтъ. Тогда богачъ подумалъ, что его хотятъ ограбить, снялъ со стѣны ружье и зарядилъ пулей. Когда опять подъ окномъ застучало, богачъ открылъ окно и выстрѣлилъ, а подъ окномъ, какъ захохочетъ кто-то! Богачъ обмеръ и сталъ было запирать окно, а чья-то лохматая рука держитъ ставень. Богачъ было схватилъ ножъ, чтобы руку отрѣзать, да и увидѣлъ подъ окномъ рожу: глаза оловянные, лицо черное, изрытое оспою и съ рыжими волосами. «Ступай за мной» сказалъ чортъ. Богачъ, дѣлать нечего, вышелъ; чортъ схватилъ его за лѣвую руку и они пошли; пришли къ рѣкѣ, чортъ и говоритъ: «Ты накопилъ бочку съ золотомъ, отдай-ко мнѣ ее. Я вѣдь помогалъ наживать тебѣ золото. А не отдашь въ воду брошу». Богачъ туда, сюда, дѣлать нечего, согласился и чортъ нырнулъ въ воду. На другую ночь чортъ постучался подъ окномъ, богачъ вынесъ бочку съ золотомъ, чортъ взвалилъ бочку на плечо и понесъ. Принесли бочку на берегъ рѣки, чортъ спустился въ рѣку, вытащилъ оттуда желѣзныя цѣпи, обмоталъ бочку и спустилъ и ее въ воду. Потомъ опять вынырнулъ, подалъ мужику горсть золота и сказалъ: «Это тебѣ за вѣрность мнѣ; да, смотри, не болтай»... А богачъ пришолъ домой и запилъ съ горя. Долго онъ никому ничего не говорилъ, но однажны взялъ да проболтался по пьяному дѣлу одному пріятелю. Вотъ однажды пошелъ онъ съ этимъ пріятелемъ, а навстрѣчу ему мужикъ, будто знакомый и зоветъ въ гости. Мужички согласились и пошли. Шли долго, вдругъ пріятель зѣвнулъ и перекрестился и видитъ, что онъ бредетъ по колѣна въ водѣ, а бывшій богачъ еще глубже и наконецъ скрылся подъ водой. На другой день бывшаго богача нашли на берегу рѣки мертваго обмотаннаго цѣпями, съ пустой бочкою на шеѣ. Богача тутъ же на

берегу и похоронили. И вотъ разсказываютъ, что въ полночь на могилѣ богача бываетъ споръ о золотѣ. Богачъ упрекаетъ чорта въ томъ, что послѣ угощенія чортъ обманулъ его и отпустилъ домой съ пустой бочкой, а золото переложилъ въ другую. Многіе пытались достать бочку съ золотомъ изъ воды, но безуспѣшно. Одинъ рыбакъ было вытащилъ бочку, но чортъ увидѣлъ и утащилъ рыбака вмѣстѣ и съ лодкой. Часто чорта видаютъ на этомъ мѣстѣ рѣки: сидитъ на камнѣ и расчесываетъ мѣднымъ гребнемъ волосы, а гребень съ сажень величиною.

230.

Рыбій клескъ.

Одинъ крестьянинъ въ Пудожскомъ уѣздѣ отправился къ свѣтлой заутренѣ на погостъ съ вечера въ субботу. Идти ему надо было мимо озера. Идётъ онъ берегомъ и видитъ: на другомъ берегу человѣкъ таскаетъ что-то кошелемъ изъ воды въ лодку. Ударили въ колоколъ на погостѣ и человѣкъ вдругъ пропалъ. Крестьянинъ обошелъ озеро, подошолъ къ лодкѣ и видитъ, что она полна рыбьимъ клескомъ. «Не кладъ-ли?» подумалъ мужикъ; набралъ клеску полные карманы и воротился домой. Дома онъ опорожнилъ карманы, захватилъ мѣшокъ и опять пошолъ на озеро къ тому мѣсту, но лодки уже не было. Тогда мужикъ пошолъ къ заутренѣ. Воротился домой изъ церкви, захотѣлъ посмотрѣть свою находку, а вмѣсто рыбьяго клеску— серебро. Мужикъ разбогатѣлъ. А тотъ, что сидѣлъ въ лодкѣ, каждогодно въ великую субботу кричитъ и жалуется на свою пропажу и грозитъ мужику. Мужикъ съ той поры никогда больше не подходилъ близко къ озеру.

231.

Чертовы коровы.

Около Мегры есть небольшое круглое озеро, а посрединѣ островокъ; на этотъ островокъ лѣтомъ изъ воды выходятъ четыре коровы. Крестьяне дѣлали попытки завладѣть ими, но

только что хотятъ подойти, какъ послышится свистъ, а коровы бросятся въ воду. Однажды какой-то крестьянинъ проходилъ мимо озера, усталъ, легъ на траву и заснулъ. Проснулся и видитъ: пасутся на травѣ четыре большія бурыя коровы. Мужикъ перекрестился и пошолъ къ нимъ. И вотъ озеро заволновалось, хотя вѣтру и не было; послышался свистъ и коровы бросились въ воду; но мужикъ всетаки успѣлъ двухъ коровъ перехватить и пригналъ ихъ домой. Коровы эти долго жили у мужика. (Приплодъ отъ нихъ будто-бы и сейчасъ живетъ въ Мегрѣ). Двѣ коровы давали мужику по два ведра въ день молока, и мужикъ разбогатѣлъ. Потомъ мужикъ вздумалъ этихъ коровъ зарѣзать и когда зарѣзалъ, мясо и шкуры коровъ кто-то укралъ. Мужикъ подалъ прошеніе въ судъ, обвиняя въ кражѣ нѣсколькихъ вороватыхъ мужиковъ въ деревнѣ. Но однажды осенью, ночью кто-то постучался къ мужику. Мужикъ вышолъ за ворота и увидалъ маленькаго человѣка въ соломенной шляпѣ и короткомъ камзолѣ стариннаго покроя. Это оказывается былъ чортъ. Онъ сказалъ, что напрасно мужикъ тягается изъ-за коровьихъ кожъ съ сосѣдями: кожи взялъ онъ, чортъ. Мужикъ помирился съ сосѣдями и прекратилъ тяжбу.

232.

Легенды про Пановъ*).

а) Когда Гришка Отрепьевъ воцарился, то Марина приказала ему звать въ Москву поляковъ. Открыто имъ въѣзжать въ городъ было нельзя, и поляковъ стали возить въ бочкахъ, по три-четыре человѣка въ бочкѣ. Много-ли мало-ли навозили, но одинъ разъ везли на саняхъ бочки съ поляками по Москвѣ, а на встрѣчу шолъ дьячокъ, къ заутрени, благовѣстить. Увидѣлъ бочки и спросилъ:

«Што везете?»

— Мариново придано.

Дьячокъ ударилъ посохомъ по бочкѣ, поляки и заговорили.

Дьячокъ побѣжалъ на колокольню и сталъ звонить въ набатъ. Кинулся народъ и поляковъ перебили. Тѣ поляки, что

*) Записаны отъ разныхъ лицъ въ Койкиницахъ, Надвоицахъ и др. селеніяхъ.

были привезены раньше испугались и убѣжали изъ Москвы. Бѣжали куда глаза глядятъ, часть добѣжали до Выгозера, поселились на одномъ островѣ, и устроили городокъ *), и стали грабить народъ.

На «Деревенскомъ» наволокѣ **) жилъ тогда одинъ житель— Ко́йка. Паны́ разбойники съ Ко́йкой ознакомились, къ ему въѣзжали и Койку пока не трогали. Но полякамъ не нравилась жена Ко́йки, злая и зубатая старуха. Вотъ они и собрались убить ее. Койка какъ-то ушолъ въ лѣсъ, паны понаѣхали, а старуха догадалась, забилась подъ корыто и лежитъ. Паны искали, искали, не могли найти и говорятъ между собой:

«Куда къ чорту дѣвалась эта зубатая старуха!..»

Старуха подъ корытомъ и не вытерпѣла:

— Да, я словцо противъ слова отвѣтить знаю.

Паны вытащили старуху изъ подъ корыта и убили. Роззадорились, пошли искать и Ко́йку; поймали и его хотѣли убить. Койка и говоритъ: «Что вамъ меня убивать, у меня вѣдь денегъ нѣту, я лучше васъ отвезу къ Надвоицамъ. Тамъ богато живетъ Ругмакъ ***), у него денегъ много». Паны согласились. Ко́йка посадилъ ихъ въ лодку и повезъ. Когда стали подъѣзжать къ Надвоицамъ, Койка панамъ и говоритъ: «Смотрите, та́мъ много народу, надо подъѣхать скрытно. Я заверну васъ въ парусъ и скажу, что везу на мельницу хлѣбъ». Паны согласились, Койка завертѣлъ ихъ въ парусъ и положилъ на дно лодки. Когда подъѣзжали къ Падуну ****), на Выгъ-рѣкѣ, Ко́йка выскочилъ изъ лодки на камень, лодку подтолкнулъ въ Паду́нъ и закричалъ:

«Ну, теперь, вставайте!»

Паны вскочили и увидѣли, что передъ ними Паду́нъ; остановить лодку не могли, всѣ въ Падунѣ потонули.

Ко́йка зналъ, что на одномъ островѣ у пановъ деньги въ котлѣ закопаны, съѣздилъ на островъ, выкопалъ котелокъ *****),

---

*) На Выгозерѣ одинъ изъ островов носитъ названіе «Городовый».

**) Въ 3-хъ верстахъ отъ села Койкинцы, на Вы́гозерѣ. Что на Деревенскомъ наволокѣ было селенье, показываютъ предметы домашняго обихода, которые и посейчасъ находятъ тамъ.

***) Фамилья Ругмаковыхъ есть въ селѣ Надвойцахъ.

****) «Падунъ»-водопадъ на Выгъ-рѣкѣ, находящійся въ $1^1/_2$-2 верстахъ отъ села Надвоицъ.

*****) На Выгозерѣ есть островъ «Котельный». Въ разсказахъ про «Пановъ», которыхъ довольно много» въ Повѣнецкомъ, Петрозаводскомъ и дру-

а съ Деревенскаго наволока переѣхалъ на то мѣсто, гдѣ теперь погостъ. Кóйкницы отъ него и пошли.

- - - -

б) Въ селѣ Мегрѣ Лодейнопольскаго уѣзда есть озеро, про которое разсказываютъ такую легенду въ связи съ панами.

Въ смутное время паны, убѣжавъ изъ Москвы, пришли и въ нынѣшній Лодейнопольскій уѣздъ. Однажды одинъ крестьянинъ пошолъ на охоту и увидѣлъ, что на встрѣчу ему идутъ больше тысячи вооруженныхъ людей, а за ними тянется обозъ. Мужичекъ, чтобы спасти своихъ однодеревенцевъ, рѣшилъ пожертвовать жизнью и пошолъ имъ на встрѣчу. Панú схватили его и начали пытать, и спрашивать о мѣстныхъ богачахъ. Мужичекъ обѣщалъ указать богатство своихъ сосѣдей, паны повѣрили и крестьянинъ повелъ пановъ, отводя ихъ отъ родного села все дальше и дальше. Настала ночь и мужичекъ пришелъ на какую-то равнину. Панамъ показалась тутъ деревня, они и бросились туда. Только, что панú отбѣжали отъ мужика и вдругъ онъ видитъ, что на равнинѣ пановъ нѣтъ, а передъ нимъ круглое озеро, которое и теперь называется въ народѣ Панскóе. Мужикъ, подивившись, хотѣлъ было поживиться съ панскихъ повозокъ, но только приблизился къ нимъ, они и провалились, и образовался теперешній Панскóй ручей.

в) Въ селѣ же Меграхъ разсказываютъ еще другую легенду про панóвъ:

Шайка панóвъ зашла въ Мегру и требовала выкупа. Крестьяне придумали, чтобы отдѣлаться навсегда отъ непрошенныхъ надоѣдливыхъ гостей слѣдующее. На озеро въ 7-ми верстахъ отъ села они послали нѣсколько человѣкъ опѣшить озеро, т. е. подрубить лёдъ пѣшнями. А старики пришли къ панамъ и говорятъ: «Мы пожалуй, завтра покажемъ вамъ свои

гихъ уѣздахъ Олонецкой губ. въ частности на Выгозерѣ, ихъ всегда рисуютъ разбойниками. Объ нихъ слыхалъ и въ Каргопольскомъ у. Про панóвъ извѣстно и въ Архангельской губерніи. Такъ въ с. Неноксѣ Архангельскаго у. на кладбищѣ указываютъ какія-то «панскія могилы». Въ селѣ Нижмозерѣ того же у. есть цѣлая шуточная пѣсня, которая называется «Пáнья». Въ «Баринѣ», и др. народныхъ комедіяхъ-играхъ тѣхъ мѣстъ есть дѣйствующее лицо—«Пáнья».

богатства, такъ и быть». Паны обрадовались, и на другой день старики повели пановъ къ озеру, указали на средину его и сказали: «Вотъ тамъ наши богатства». Паны повѣрили и бросились на ледъ и только достигли середины озера, ледъ подломился, всѣ они и потонули. Въ Меграхъ до сихъ поръ увѣряютъ, что если подойти близко къ водѣ, изъ этого озера слышатся стоны утопленниковъ, умоляющихъ вытащить ихъ изъ воды. Въ дни поминовенія усопшихъ паны особенно жалобно стонутъ и молятся настойчиво, а если въ эти дни очень близко подойти къ озеру, то растеряешь свое платье и никакъ не выйдешь отъ озера до слѣдующаго дня.

Кашинъ, Петръ Максимовичъ*).

Въ Нёноксѣ, посадѣ на Лѣтнемъ берегу Бѣлаго моря, когда я спросилъ про сказочниковъ, мнѣ указали на сына Петра Кашина, Григорья. Гриши дома не было, а П. М., узнавъ въ чемъ дѣло, сразу-же согласился разсказывать сказки самъ. П. М. 54 года, онъ грамотный, бывалый и очень неглупый человѣкъ; изъѣздилъ всё Бѣлое море, былъ на Новой Землѣ, даже зимовалъ тамъ. Началъ П. М. съ «похабныхъ», потомъ перешолъ на сказки о попахъ и кончилъ про лѣшихъ, къ которымъ у него какое-то двойственное отношеніе: онъ не вѣритъ, что они есть, и ни разу въ жизни ихъ не видалъ: съ другой стороны онъ постоянно слышитъ искренніе совершенно серьезные разсказы о лѣшихъ своихъ односельчанъ и знакомыхъ, даже самыхъ близкихъ людей. Свое отношеніе къ лѣшимъ П. М. опредѣляетъ такъ: «Я этому мало вѣрю и ни разу на своемъ вѣку лѣшихъ не видалъ. А старухи говорятъ, что видали. Мать видала, крёсной мой видѣлъ. Крёсной увидалъ лѣшого, хотѣлъ ему на плечи скочить. Только хотѣлъ скочить, его и не стало»...

Живетъ П. М. очень бѣдно, имѣетъ очень большую семью, и чуть-ли не причина бѣдности то, что любитъ выпить. Онъ разсказываетъ самъ про себя, что «пить не умѣю. Одну

*) Съ этого сказателя начинаются опять сказки, записанныя въ Архангельской губерніи.

выпью, другую ужъ найду, а тутъ ужъ и пойду и непремѣнно что-нибудь накуралешу!» Сказки знаетъ гл. обр. порнографическія или смѣшныя, про поповъ.

233.

Попъ Пасху забылъ.

Въ одной деревни въ Помо́рьи былъ попъ, роботника не имѣлъ, а церковной сторожъ у него всё управлялъ, дрова носилъ, кололъ. Дрова были не колки́, онъ языкъ отъ колокола отвезалъ, да язы́комъ-то по обуху и колотилъ, дрова коло́лъ. Это было великимъ постомъ дѣло. Въ другой деревнѣ тоже былъ попъ, тоже не зналъ когда будётъ Па́ска. И увидѣлъ: у одной старухи печка ввече́ряхъ то́питча; у старухи спросить попу не охота, онъ и посылаетъ къ сосѣднему попу за десять верстъ спросить, не завтра-ли Паска. А тотъ тоже не знатъ, и послалъ къ нему спросить. Сторожа на дорогѣ и встрѣтились, оба и пошли до старухи, котора печь топитъ. Пришли въ деревню, а старуха молока крынку та́щитъ: «Бабушка, куды съ молокомъ бѣжишь?»—Што вы, дѣточки, вѣдь завтра Паска.— Сторожъ и вернулся. Прибѣжалъ: «Батюшко, завтре вѣдь Паска, надо заутреню звонить»—Бѣжи скорѣй, надо звонить, скоро двѣнадцать часовъ. — Сторожъ прибѣжалъ на колокольню, а у колокола язы́ка нѣтъ; сторожъ съ колокольни вернулся, лопату взялъ и давай снѣгъ розрывать, язы́ка искать. Нашолъ, да привязывалъ, свѣтитца стало, и давай звонить; попъ побѣжалъ въ церковь да за снѣгъ и запнулся: «Ой, какой холодъ о Рожесви нынче». Миряне въ церковь собрались. Попъ съ дьячкомъ Рожество и засла́вили (попъ да позабы́лся). Мужики говорятъ: «Нако! се́й годъ Рожество́ впереди́ Па́ски».

234.

Въ нянькахъ у лѣшаго.

Въ Нёноксѣ жила старуха на вѣка́хъ, Са́виха. Пошла она за ягодами и заблудилась. Пришолъ мужикъ: «Бабка, што плачёшь?» — А заблудилась, дитятко, домъ не знаю съ которой

стороны. — «Пойдёмъ, я выведу на дорогу». Старуха и пошла. Шла, шла: «Што ѐтта лѣсъ-отъ больше сталъ? ты не дальшеле меня ведёшь?» Вывелъ на чисто мѣсто, домъ стоитъ большой; старуха говоритъ: «Де́дюшка, куды ты меня увёлъ? этта домъ-то незнакомой?»—Пойдёмъ, бабка, отдохнёмъ, дакъ я тебя домой сведу.—Завёлъ въ избу, зыбка ве́снётъ. «На, жонка, я тебѣ няньку привёлъ». Жонка у лѣшаго была ру́сска, тоже уведёна, уташшо́на. Старуха и стала жить, и обжилась; три года прожила и стосну́лась. Жонка зажалѣла. «Ты такъ не уйдёшь, отъ насъ, а не ѣшь нашого хлѣба, скажи, што не могу ись». Старуха и не стала; сутки и други́ и тре́тьи не ѣсъ. Жонка мужа и заругала: «Каку ты ѐку няньку привёлъ, не лѣшого не жрётъ и води́чча не умѣтъ, отнеси ей домой». Лѣшой взялъ на плечи старуху, посадилъ да и потащилъ. Притащилъ, ко старухину двору бросилъ, весь костычёнко при́рвалъ, едва и старикъ узналъ старуху. Вотъ она и разсказывала, что у лѣшаго жить хорошо, всего наноситъ, да только скушно: одинъ домъ, невесело.

235.

Разсказы про лѣшаго.

а) Въ Нё́ноксы шолъ Петръ Коковинъ по Солоному ручью, искать коня. Ему встрѣтилса Павелъ Васильевичъ Непытаевъ съ уздáми, на солнцѣ блестятъ. Павелъ Петру и говоритъ: «Куда пошолъ?» — Коня искать, натти не могу. — Павелъ и захохоталъ: «Ха, ха, коня не можотъ натти!» А на самомъ дѣлѣ Павелъ Васильевичъ некуда не ходилъ.

б) На Кобели́хахъ, за десять верстъ отъ Нёноксы, на пóжняхъ была изба. Покойникъ Иванъ Чудиновъ ходилъ рябóвъ промышлять, и въ избушку ночевать пришолъ. Когда ночь присты́гла (онъ ничего не боялса) его въ этой избушкѣ нѣсколько разъ за ноги къ дверямъ сдёрнуло. Онъ поматеря́лса, поматеря́лса, да не вы́терпѣлъ и ушолъ подъ зáродъ спать. Тутъ и ночь прóспалъ.

в) Сюземскій старикъ, Николай Кузьминъ промышлялъ рыбу въ Островáстомъ озерѣ и хотѣлъ въ избѣ спать.. Нé дало, выжило: хóдитъ, гремитъ по крыши. Выйдётъ Николай съ трубой (съ берестомъ съ горящимъ), засвѣтитъ; три раза выходилъ, потомъ всё таки не могъ спать и подъ зародъ спать ушолъ.

г) Изъ Кýи ó морё, на Зимномъ берегу, лѣшой унёсъ будто-бы дѣвушку въ Зимну Золотицу, за тридцать вёрстъ. Ѣхалъ какой-то ихъ Золотицы на оленяхъ, она реви́тъ, онъ ей взялъ и привёзъ домой. Старухи замѣчаютъ, скажотъ кто: «Уведи тя лѣшой!» И уведётъ.

д) За четыре версты отъ посаду (отъ Нёноксы) ý моря, на ямахъ (на рѣкѣ) стоялъ кáрбасъ съ солью. Павелъ Коковинъ караулилъ кáрбасъ. Ктó-то пó грязи идётъ, тя́паится: тяпъ, тяпъ, тяпъ. Павелъ его спросилъ: «Кто идётъ?» Тотъ молчитъ; онъ еще спросилъ, до трёхъ разъ. Тотъ всё молчитъ; Павелъ и матюгнýлся: «Кой куръ идётъ, не откликáнтся?» Лѣшой пошолъ и захохоталъ: «Ха, ха, ха, кой куръ идётъ не откликáится! Кой куръ идётъ не откликаится!» Паша въ каюту ускочи́лъ, одѣяломъ закýталса, а голосъ тутъ всё, какъ и есть.

236.

Подойникъ.

Была старуха Фадéиха, доила въ подойникъ коровъ, зарóстила подойникъ, молоко не пошло въ рожокъ. Пошла къ сосѣдамъ, спрашиватъ. «Надъ подóйничкомъ што-то сдѣлалось, молоко въ рожокъ нейдётъ». Одинъ старикъ былъ шутникъ и говоритъ: «Принеси, я сдѣлаю, молоко пойдётъ». Старуха пошла, принесла; старикъ взялъ ви́чу, кисель изъ рожка вы́тыкалъ, молоко и побѣжало. «А спасибо тебѣ, Андреянъ, хоть подойничёкъ-отъ наладилъ».

237.

Какъ звали?

Пришла баба, мужъ померъ, къ священнику. «Похорони, батюшко». Онъ приказалъ тащить въ церковь. Покойника принесли, священникъ сталъ у жены спрашивать: «Какъ звали?» —Батюшко, въ гори забыла, не помню, какъ и звали.—«Дакъ, подумай, ба́бка, не придётъ-ле на умъ».—А, батюшко, Наумъ и былъ, Наумъ.

238.

Прибалутка-скороговорка.

Бывалъ бывалко, живалъ живалко, насралъ на горку, спустилъ подъ горку, катись, моё чадо, катись, моё мило, катись не ушибись, не о пень, не о дорогу, не о косую огороду. Бывалъ да живалъ, трои лыжи подъ поясъ подтыкалъ, самъ пошолъ дорогой, ноги стороной. Вырубилъ три палки: одну ледену́, другу́ земленну́, тре́тью деревя́нну. Палкой шипъ не доши́бъ, другой шипъ переши́бъ, утка сколыба́лась, озеро полетѣло. На морѣ на окіянѣ, на островѣ на Буянѣ стоялъ быкъ кормлёной, въ жопы овёсъ толчёной, около маленьки ребятки поска́кивали, да хлѣбомъ кусо́чкомъ пома́кивали; это кушаньё создрѣло, краснымъ дѣвкамъ на обѣдъ поспѣло. Солдатка ѣла, ... опрѣла, солдатъ ѣлъ, пѣтухъ опрѣлъ. Пѣтухъ да утка сидятъ какъ дудка. Я-то ходилъ, опоя́ску носилъ, опояска ремнёва, въ опояскѣ се́мисятъ иголокъ, иголки сверка́ютъ, дѣвки въ окошко гляда́ютъ. «Это кто такой?» Старой сибирской бурлакъ. Я тырко́мъ да нырко́мъ вере́тенкомъ, въ хлочъ хо́рнулъ, въ кобылу то́рнулъ, три года мёртвой лежалъ, небо овчиной казалось; всталъ да пошолъ, бѣда за бѣдой, жонку взялъ съ рваной . . . . . . По́жили немного росспори́лись, взяли да и роздѣлились: бабки сѣни да изба, дѣдку . . . . . . да . . . . . .

239.

Прибалутка.

Бывалъ да живалъ, на босу ногу топоръ надѣвалъ, топорищемъ подпоясывался, кушакомъ дрова рубилъ. Дрова нарубилъ, по дорожкѣ пошолъ; шолъ, подошо́лъ, заблуди́лса, до избушки доби́лса. «Избушка, избушка, на ку́рьей ножкѣ, на веретённой пяткѣ, повернись къ лѣсу глазами, ко мнѣ воротами, ко мнѣ тынцомъ, ко мнѣ крыльцомъ». Избушка повернулась, зашолъ въ избушку, сидитъ чесна́ квашня, женщыну мѣситъ. Онъ былъ въ поркахъ, у порковъ га́сникъ, онъ черезъ га́сникъ скочилъ, порогъ-отъ и сорва́лса, онъ на печку забра́лса, да тутъ и поколѣлъ.

240.

Прибалутка.

Жилъ былъ старикъ съ мужомъ, да старуха съ женой; дѣтей у нихъ не было, а полна изба робя́токъ, жили они богато, денёгъ складть не́ во што и кошелька купить не́ на што. Домъ былъ у нихъ новой, око́ленки двойны, только рамы одны́. Жона была роскрасавица, изъ лохани брана, помеломъ наресо́вана, за окошко зглянётъ, дакъ три дня собаки лаютъ, прочь не отходятъ. Рогатого скота было много: два кота убойныхъ, да двѣ кошки подойныхъ, сука безъ хвоста, да ступа безъ песта; посуды было мно́жество: мѣднаго, оловянного, полтора блюда деревя́нного; хлѣба дово́льнё: ѣсь нечего, дѣти ревя́, жонка руга́ится, и старикъ выйдётъ на улицу съ народомъ награ́итця. «Эхъ, робята, у меня жонка руга́итця, ребята ревутъ, како́е весе́льё въ избы».

Кашинъ, Григорій Петровичъ.

Г. П., а по просту Гриша Шалай (будучи лѣтъ 10-ти сказалъ какъ-то при людяхъ «шалай» вмѣсто «сарай», съ той поры и получилъ это прозвище), безбородый и безусый, кудрявый блондинъ 26 лѣтъ. Онъ только что вернулся въ Нёноксу, когда я пріѣхалъ туда, былъ онъ въ Архангельскѣ, ходилъ матросомъ на пароходѣ. Съ 10-ти лѣтъ Гриша сталъ бывать въ морѣ: ходилъ на судахъ, служилъ матросомъ на пароходѣ, работалъ на «грязныхъ машинахъ»; вездѣ бывалъ, много видалъ, знаетъ много, несмотря на свои молодые годы и очень толковый и неглупый парень. Бывалъ онъ на Новой Землѣ, на Мурманѣ, въ Норвегіи и дальше заграницей; этой зимой тоже принужденъ «искать ваканціи»: готовъ поступить въ приказчики, въ матросы, въ кучера, вообще готовъ работать гдѣ и что придется.

Ходя на судахъ въ морѣ, работая на заготовкахъ въ лѣсу и на сплавахъ бревенъ на лѣсопильные заводы, слышалъ и перенялъ, имѣя задатки отца, множество сказокъ, часть которыхъ охотно разсказалъ мнѣ, безъ особыхъ упрашиваній и ломаній; терпѣливо сидѣлъ у меня на отводной съ утра до полудня, а съ полудня до вечера, стараясь добросовѣстно вспомнить и разсказать поскладнѣе. Жалуется, что будто-бы у него стала плоха память, и что будто прежде сказокъ онъ зналъ гораздо больше, а теперь много забылъ. Грамотность, знакомство съ книгой и жизнь въ городѣ, хотя и временами, сдѣлала его языкъ совсѣмъ не деревенскимъ, не мѣстнымъ; говоритъ довольно литературно и часто употребляетъ такія слова какъ: нація, франтъ, субъектъ, масса. Въ серіи моихъ сказочниковъ чуть-ли не единственный, которому такъ мало лѣтъ. Къ сказкамъ относится серьезно, хотя къ чудесамъ и къ лѣшимъ относится такъ же двойственно, какъ и отецъ: и вѣритъ и не вѣритъ.

 Лр. 71.

241.

Самъ съ ноготь, борода съ локоть.

Бывáло, живáло, жили были три брата, были они промышленникй, промышлялп на всёмъ свѣтѣ, а въ своёмъ перелѣскѣ на вѣкý не бывали. Пошли они свой перелѣсокъ промышлять, увидали течётъ кровяна рѣчка. Пошли они по этой рѣчкѣ, шли, шли, увидали скотный дворъ. Въ этомъ дворѣ быковъ, коровъ, телятъ мáсса; они выбрали самолучшаго быка, зарѣзали, оставили старшого брата жарить, а сами пошли на охоту. Братъ быка только успѣлъ изжáрить, является кто-то ко дверя́мъ и кричитъ: «Отворяй двери». Открылъ двери и увидѣлъ, что прикатился Самъ съ нóкоть, а борода съ локоть и говоритъ: «Сади меня за столъ». Старшой братъ посадилъ за столъ. «Неси быка». Принёсъ и быка. Самъ съ нóкоть, борода съ лóкоть сталъ быка ись; ѣлъ, ѣлъ и всего быка съѣлъ, а брата натрепáлъ-натрепáлъ и самъ прочь укатúлса. Братья вернулись съ охоты и спросили ѣсть. Старшій братъ отвѣчаетъ: «Я самъ угорѣлъ и быкъ сгорѣлъ». Начевали голодомъ. На другой день остался средній братъ; тоже случилось и съ тѣмъ, какъ и пéрьвымъ. На третій день остался младшой братъ, Иванъ. А Иванъ былъ дуракъ, но очень умный. Приготовилъ Иванъ быка, прикатáется Самъ съ нокоть, борода съ локоть и кричитъ: «Открывай двери».—Не великъ баринъ открóешь и самъ,—отвѣчаетъ ему Иванъ. Тотъ открылъ двери и опять комáндуётъ: «Сади меня за столъ», Иванъ отвѣчаетъ: «Не великъ баринъ, седёшь и самъ». Тотъ сѣлъ за столъ и комáндуётъ: «Неси мнѣ-ка быка». Иванъ поглядѣлъ, поглядѣлъ, захватúлъ его за бóроду и приткнулъ къ матицѣ.

Братья пришли, Иванъ и говоритъ: «Ѣшьте, да косточки покúдывайте въ бороду, она васъ навѣрно мучила». Братья ѣли, косьё кидали въ бороду; когда откушали, спустили его и сами пошли за нимъ, куда побѣжитъ. Самъ съ нокоть, борода съ локоть бѣжалъ, бѣжалъ, добѣжалъ до кáмня и убѣжалъ подъ кáмень. Отворотили камень, Иванъ и говоритъ: «Ну, ладно, братья, спущусь я подъ камень, пойду на тотъ свѣтъ, тамъ кабаковъ нѣтъ». Воротились братья къ скотному двору, перерѣзали всего скота, сдѣлали ремень. Когда Иванъ сталъ спу-

скаться, братьямъ наказалъ: «Вы стойте здѣсь на вáхтѣ, когда я буду, когда я дёрну ремень, вы тенúте. Братья согласились и спустили Ивана на тóтъ тамъ свѣтъ. Пошолъ Иванъ по тому свѣту и видитъ, свѣтъ такой же какъ и и́хной. Смотритъ, стоитъ мѣдное царство съ рѣшето величиной. Заходитъ въ царство и видитъ: красная дѣвушка краснá ткётъ, што набúлками хлóпнётъ, солдатъ да два вы́скочитъ. Подошолъ онъ къ ей и говоритъ: «Сто локотъ на прúшвицу». А она отвѣчатъ: «Сто невѣстъ тебѣ на лúстницу».—На кого это войско ткёшь?— «На Ивана дурака, которой совсѣмъ умной»—Не ткú, прирубú краснá.—Дѣвушка говоритъ: «Меня хозяинъ забранитъ». Онъ говоритъ: «Ты не бойся, разъ я велю, руби». Она прирубила красна, послала его дальше· «Тамъ еще есть моя сестра, меня красúвѣе. Пошолъ Иванъ дальше и видитъ: стоитъ серебряное царство съ рѣшето величиной. Заходитъ, красная дѣвушка краснá ткётъ, еще красúвѣе и той. Што набúлками хлопнётъ, то офицеръ да два, то офицеръ да два. Иванъ говоритъ: «Сто локотъ на прúшвицу». А она отвѣчатъ: «Сто невѣстъ тебѣ лúстницу».—«На кого это войско ткёшь»?—На Ивана дурака, которой совсѣмъ умной.—«Не тки, прирубú краснá». Дѣвушка говоритъ: «Меня хозяинъ забранитъ». Онъ говоритъ: «Ты не бойся, разъ я велю, руби». Она прирубила красна, послала его дальше. «Поди дальше, тамъ моя сестра есть, она тебѣ всё и скажотъ». Вышолъ Иванъ и пошолъ дальше, увидѣлъ, стоитъ золотое царство съ рѣшето величиной. Зашолъ, смотритъ, красна дѣвица краснá ткётъ, што набúлками хлопнётъ, генералъ да два, генералъ да два. Иванъ говоритъ: «Сто локотъ на прúшвицу». А она отвѣчатъ: «Сто невѣстъ тебѣ лúстницу».—На кого это войско ткёшь?—«На Ивана дурака, которой совсѣмъ умной».—Не тки, прируби краснá.—Дѣвушка говоритъ: «Меня хозяинъ забранúтъ». Онъ говоритъ: «Ты не бойся, разъ я велю—руби». Она прирубúла и сѣла съ нимъ розговаривать. «Ты пришолъ нашъ спаситель, я тебя научу, какъ насъ вы́вести отсюда». Стала его учить: «Пойдёшь дальше, увидишь морё; вёрстъ за тридцать въ морѣ спитъ нашъ хозяинъ на камнѣ; до моря дойдёшь, услышишь какъ онъ сды́шотъ, отъ него духъ очень тежолый несётъ; какъ до негó дойдёшь, онъ скóчитъ и схвáтится съ тобой бороться; у васъ будётъ сúла въ силу. Онъ повóзится и захочётъ пить, будётъ тебя звать, ты съ нимъ поди, а пить онъ пойдётъ въ чистомъ поли, тамъ есь двѣ чашки, одна съ сильной водой,

другая съ пустой; а я воду переставлю, онъ придётъ, схватитъ съ лѣвой руки, а ты бери съ правой и пей».—Такъ и сдѣлалось. Когда они прибѣжали въ чисто поле къ воды, Самъ съ нокоть, борода съ локоть бросился къ воды́, взялъ съ лѣвой руки стаканъ и выпилъ и почуствовалъ, што силы въ нёмъ не прибыло. А Иванъ выпилъ сильную воду и почуствовалъ силы очень много. Тогда захватилъ Самъ съ ноготь, борода съ локоть, посадилъ его на доло́нь, а другой ро́жжалъ (такъ!). Вернулся въ золотое царство, скаталъ его въ яйцо́ положилъ въ корма́нъ, взялъ дѣвушку и пошолъ назадъ.

Такъ-же и серебряно царство скаталъ въ яйцо́, положилъ въ корманъ, взялъ дѣвушку. Такъ-же сдѣлалъ и въ мѣдномъ.

Пошолъ къ дыры, гдѣ стоятъ братья, дёрнулъ за ве́рёвку, привязалъ дѣвушку, братья подняли и заспорили между собой. Дѣвушка имъ сказала: «Вы не спорьте, тамъ еще есть двѣ». Когда они вы́зняли остальныхъ, то не хотѣли больше пускать верёвку за братомъ. Но котора дѣвушка была изъ золотого царства, она запросила: «Онъ мой су́жоной, достаньте его суда». Когда братья спустили верёвку, но Иванъ былъ не толь глупъ, какъ ба́бей пупъ, онъ привезалъ къ верёвкѣ камень и дёрнулъ. Братья не до́зняли верёвку немного, обрѣзали, камень палъ, а Иванъ отошолъ прочь и заплакалъ. Братья дѣвушку изъ золотого царства просили вы́тти за нихъ за́мужъ, а если нейдётъ, хотѣли убить; она посулилась, а когда пришли въ деревню, не пошла въ за́мужъ, нанелась къ попу въ кухарки. А тѣе двѣ дѣвушки тоже не пошли вза́мужъ, стали арта́читься: «Не пойдёмъ до тѣхъ поръ, пока не приготовите такого платья, какое мы носили на томъ свѣтѣ».

А нашъ Иванъ пошолъ по тому тамъ свѣту; шолъ долголе, коротко-ле, дошолъ до дворца; заходитъ, видитъ старикъ слѣпой. «Здраствуй, дѣдушко». — Здраствуй, дитятко, откуль попадаёшь. — «Да вотъ, ходилъ на тотъ свѣтъ, а домой попасть не могу. У тебя, дѣдушко, скота много, нельзя-ли къ тебѣ въ пастухи нанятьця».—Отчего, можно, да у меня пасти худо. — «Отчего?» — А оттого́, што у меня баба-яга глаза выкопала и у тебя выкопатъ. — «Нѣтъ, у меня погоди́тъ». Дѣдушко далъ скота пасти. «Паси, да не гоняй въ поле къ бабиноги, а какъ заго́нишь, такъ голова съ плечъ». На другой день Иванъ скота погналъ, да къ баби-яги на крайчикъ поля и загонилъ. Увидала баба-яга, посылатъ младшу дочь: «Иди, за-

трехни его, мошенника, что онъ къ намъ скота пригналъ». Вы́ѣхала младшая дочь на лопаты, ѣдётъ и кричитъ: «Я те лопати́шшой-то по муди́шшамъ-то! Попался намъ въ кохти». Поѣхала, онъ захватилъ ей, голову оторвалъ какъ пуговицу и пошолъ преспокойно домой. Пришолъ домой, бросилъ голову подъ лавку, услыхалъ дѣдушко, кричитъ: «Што ты принёсъ бросилъ?»—А это бере́ста для лаптей.—На другой день погонилъ, въ серёдку поля загонилъ. Вы́ѣхала втора дочь на помели́; ѣдётъ и кричитъ: «Я те помелишомъ-то по мудишшамъ-то! попался намъ въ кохти». Подъѣхала, онъ захватилъ ей, голову оторвалъ какъ пуговицу и пошолъ преспокойно домой. Пришолъ домой, бросилъ голову подъ лавку, услыхалъ дѣдко, кричитъ: «Што, дитятко, роёшь?»—А это, дѣдушко, для другого лаптя бере́сто клубъ.—На третій день Иванъ гонилъ скота, а дѣдко захотѣлъ посмотрѣть, што за бере́сто Иванъ носитъ, пощупалъ и вы́щупалъ глаза и носъ и видитъ што не ладно. А Иванъ пригонилъ скота къ самому двору яги-бабы. Вы́ѣхала баба-яга сама на ухватѣ и говоритъ: «Я тебя ухвати́шшомъ-то, по мудишшамъ-то! Ты у меня двухъ дочерей уходи́лъ, меня не ухо́дишь». Иванъ заскочи́лъ на бабу-ягу верхомъ, схватилъ за косы и поѣхалъ. Долго отдувалась баба-яга, не хотѣла бѣжать, да побѣжала. Пріѣхалъ къ дѣдку и говоритъ: «Дѣдушко, нѣтъ-ли цѣпочки, бабу-ягу привезать».—Есь, да развѣ легка.—«А тяжела-ле?»—А такъ что звено [17 сажень смы́чка] пудовъ тридцать потя́нетъ.—«Ну, ладно, така и надо». Вытащилъ цѣпь, привезалъ бабу-ягу къ дубу, пришолъ и говоритъ: «Дѣдушко, нѣтъ-ле близко ку́зенки?»—Есть, да далёко.— «А сколь далёко». — А тридцать вёрстъ. — «Ничего, сбѣгаю». Сбѣгалъ въ кузницу, сковалъ два прутка желѣзныхъ, принёсъ и сталъ бабу-ягу сѣчь. Сѣкъ, сѣкъ, до того́ сѣкъ, што сказала она, гдѣ дѣдковы глаза. Сѣлъ на бабу-ягу. «Вези меня за глазами». Она повезла; пріѣхалъ онъ, взялъ глаза, взялъ живой воды и поѣхалъ къ дѣдку. Пріѣхалъ, вставилъ дѣдку глаза, сплесну́лъ живой водой и дѣдко сталъ видѣть, какъ и прежде. И спрашиватъ: «Эта-ле баба-яга тебѣ глаза вы́копала?» — Эта сама; убей ей, а то она мнѣ опять глаза выкопатъ. — Иванъ ей до смерти засѣкъ и говоритъ: «Ну, дѣдко, теперь нельзя-ле мнѣ-ка выбиться на тотъ свѣтъ, на Русь?» Дѣдко вышолъ на улицу, кликнулъ птицу и говоритъ: «Садись на птицу и полетай». Далъ ему съ собой бочку мяса. «Какъ

птица оглянется, такъ ты ей мяса и рой, какъ оглянется, такъ ты ей мяса и рой». Иванъ полетѣлъ черезъ моря, черезъ горы, черезъ рѣки, и вынесла домой; пришолъ въ свою деревню; сапожникъ ему сказалъ, что братья женятся, берутъ дѣвушокъ съ того свѣту, а дѣвушки нейдутъ, артачатся, просятъ того платья, какое на томъ свѣтѣ носили. Иванъ велѣлъ сапожнику взяться шить платьё. Сапожникъ взялся, повалился спать. Иванъ сходилъ въ полё, роскинулъ царство, вынялъ обувь и платье, а царство закаталъ, положилъ въ карманъ. Сапожникъ проснулся, обувь и платьё готово, на лавкѣ. Подали невѣстамъ, они и говорятъ: «Охъ, гдѣ то вышолъ нашъ Иванъ, живой». Братья обвѣнчались на сёстрахъ изъ мѣднаго и серебрянаго царства, а Иванъ повѣнчался на поповой кухаркѣ изъ золотого царства.

(Слышалъ въ морѣ отъ поморовъ).

242.

Филосо́фъ и Калика.

Жилъ былъ бѣдной мужикъ, въ вечеря́хъ повалился, поужиналъ, а въ утря́хъ и поѣсь не́чего, станётъ и семья́ голо́дна. Вотъ онъ повалился спать и видитъ ночью сонъ; во сняхъ видитъ, кто-то ему говоритъ: «Есь у тебя, мужикъ, кладъ, да не зна́шь гдѣ взять, а позови Философа, онъ тебѣ разгада́тъ». Мужикъ сталъ въ утря́хъ, обрадовался и поѣхалъ за Филосо́фомъ. Пріѣхалъ къ Филосо́фу. «Поѣдёмъ сонъ разга́дать». Философъ согласился и поѣхали. Пріѣхали въ деревню и пристали къ старику да ко старухи; у нихъ былъ сынъ двѣна́дцети лѣтъ, Калика, не говорилъ, не ходилъ и руками не мо́гъ нечего дѣлать. Старикъ да старуха вышли изъ избы, Калика и говоритъ: «Филосо́фъ, я знаю ты куда поѣхалъ, тебѣ сну не разгада́ть до тѣхъ поръ, покуда я не скажу». Филосо́фъ спросилъ: «Гдѣ-ка, скажи?»—Ищи у мужика на заднёмъ дворі́, въ петна́дцетой головни, тамъ кладъ найдёшь. (У мужика былъ прежде домъ большой да сгорѣлъ, а го́ловни въ земли́ не гні́ютъ). Пріѣхали къ бѣдному мужику, стали ры́ться, доры́лись до петна́дцетой головни́, по́днели ей, деньги и посы́пались. Мужикъ Филосо́фу далъ сколько слѣдовало, а самъ сталъ жить хорошо

и богато. А Филосо́фъ поѣхавши домой приворотилъ въ ту́-же дере́вню, на ту же саму квартиру. Сталъ чай пить, а Калика и говоритъ: «Философъ, разгада́лъ сонъ»—Разгадалъ.—«Купи меня у отца́ у ма́тери, по вре́мени я тебѣ пригожусь; они меня незадо́рого отдадутъ». Старикъ, старуха пришли́, Философъ и говоритъ:—«У васъ этотъ парень вмѣсто коло́тки живётъ, прода́йте мнѣ его».—«А тебѣ на што?»—«А я его буду вмѣсто музе́я держать». Среди́лись за полторы́ тыщи рублей; когда Философъ запоѣжжалъ, Калика вскочи́лъ на́ ноги, поклони́лся отцу-матери въ ноги и говоритъ: «Спасибо, что двѣнадцеть лѣтъ прокорми́ли и пропои́ли, а теперь я вамъ не слуга». Отецъ и мать заревѣли, ста́ли сына обра́тно просить, но Филосо́фъ не о́тдалъ. Пріѣхали къ Филосо́фу домой; у Философа немно́го пожили, приснилса царю сонъ. Царь призвалъ Филосо́фа и говоритъ: «Мнѣ присни́лса сонъ, разгадай». Философъ розга́дывалъ, разга́дывалъ, некакъ не могъ розгадать, обрати́лса къ царю: «У меня есь слуга вѣрной, онъ навѣрно разгада́етъ». Царь велѣлъ позвать слугу. Слуга пришолъ и говоритъ: «Филосо́фъ человѣкъ гра́мотной, а я былъ калѣкой до двѣнадцети лѣтъ, негра́мотной, гдѣ мнѣ разгадать». Филосо́фъ пришолъ домой и заду́малса, а жона у него была го́рдая, хитрая и говоритъ: «Что жъ ты заду́малса? возми этого слугу, зарѣжь, вынь серце, съѣшь и будёшь, какъ и онъ всё знать, чѣмъ ему кона́тця». Филосо́фъ приказалъ своимъ слугамъ этого слугу зарѣзать. Слуги его отвезли́ и хотѣли зарѣзать, онъ имъ сказалъ: «Здря́ вы меня не губи́те, отпусти́те на волю, а зарѣжьте собаку, выньте соба́чьё сердце и на торе́лкѣ отнеси́те Филосо́фу; которой слуга понесётъ, запни́сь о порогъ и пади́, серце падётъ на́ полъ, прибѣжатъ двѣ собаки, сердце съѣдя́тъ; а Филосо́фъ не зару́гается, только скажетъ: «собакѣ собачья смерть». Слуги такъ и сдѣлали. Философу было дано трои сутки для розга́дки сну; думалъ, думалъ, сонъ не могъ розгадать, на третьи сутки вышолъ на крыльцё охолодится и плачётъ, а слуги и говорятъ: «Вотъ былъ бы вѣрной слуга, розгада́лъ бы».—А онъ говоритъ: «А нѣту, дакъ не́гдѣ взять.» Вдругъ откуда ни возьмись этотъ слуга вышолъ и говоритъ: «Ну, давай Философъ, я тебѣ розгадаю». Зашли къ царю и говоритъ: «Я до тѣхъ поръ не могу розгада́ть, покуда не отру́бите Филосо́фу головы». Царь приказалъ отрубить Филосо́фу го́лову, тогда слуга говоритъ: «Ну, царь, теперь што я не скажу, худо-ли, хорошо, меня отпустить,

на сколько я буду проси́ться». Царь далъ слово. Когда они укрѣпи́лись, слуга и говоритъ: «Ну, ваше царское величество, вамъ къ тому сонъ присни́лса, что я черезъ три года вашу дочку в....». Царь хотѣлъ слугу арестова́ть, но народъ не позво́лили: «До́ слова крѣпись, а за́ слово держись». Царь далъ слуги па́спортъ на три года, онъ на три года и уѣхалъ за границу. Тамъ научился играть на всякихъ музыка́льныхъ инструме́нтахъ и устроилъ себѣ сере́бреного льва. Фрактовалъ кара́пъ, чтобы идти въ это царство; когда сталъ подходить, паказалъ капитану и всѣмъ слу́жашшымъ: «Вы, когда придётъ царь, у васъ будётъ льва покупать, вы ему не продава́йте, а отдайте изъ фра́кту: по три тыщи рублей въ сутки, а если лёвъ поломаитца, три́дцеть тысячъ за поправку и льва обратно». Когда стали подходить къ этой на́ціи, онъ самъ и зашолъ во льва́, сѣлъ заигралъ на всякихъ инструме́нтахъ. Царь услыхалъ, пришолъ и сталъ спрашивать продать льва. Ему не про́дали, царь согласилса платить фра́кту; льва увезли и поставили въ столову; царь сталъ собирать пиръ. Угощались на пиру три дня; когда трои сутки прошли, всѣ устали и придумали льва поставить къ царской дочери въ спа́льну. Всѣ уложились спать; когда за́спали, онъ изо льва́ вышолъ и къ дочькѣ. Когда онъ ей захвати́лъ, она дро́гнула и закричала. Слуга во льва́ обра́тно. Услыхалъ царь и прибѣжалъ въ спальну къ дочери. «Что жъ ты шумишь?»—А мнѣ во сня́хъ приснилось, что пришолъ мужчина и хотѣлъ меня обнаси́льничать.—«Ахъ, вы, по́длые, наслу́шаетесь разныхъ розговоровъ, вамъ во сня́хъ и бре́дитъ, только родителей безпоко́ите». Царь повѣсилъ дочери надъ го́лову саблю и сказалъ: «Если еще закричишь, приду и тебѣ голову отрублю, меня не безпокой». Отецъ ушолъ, слуга и выходитъ снова. Она еще не спала и было ужахнулась, а онъ и говоритъ: «Если скричишь, тебѣ всё равно смерть». Тогда она его пригласила. Потомъ зашолъ во льва и уснулъ крѣпкимъ сномъ съ передря́ги. Царь въ утря́хъ пробудился, лёвъ не игратъ, поломался. Вотъ они давай льва поправля́ть, нечего не могли поправить. Льва на корабль отправили, слуга изъ него вышолъ. Пришолъ ему срокъ къ царю являться, вездѣ розыски поданы. Около послѣдняго времени слуга самъ во дворецъ явился; государь спрашиватъ: «Ну, скоро ли на казнь пойдёшь?»—А тамъ посмотримъ, пойдёмъ или нѣтъ». — «А пришлось ли сдѣлать что съ моёй до́чкой?»—А то и пришлось, что обѣщалъ.—Царь пошолъ къ

дочкѣ, та говоритъ: «Да, дѣйствительно, было». Слуга розсказалъ, какъ дѣло было. Царь: «Ну ладно, когда умѣлъ такъ хитро сдѣлать, умѣй дочь взять». За него дочь выдалъ и отдалъ полцарства.

(Слышалъ въ морѣ отъ помора изъ Мудьюги).

243.

Деревянный орелъ.

Въ одномъ небольшомъ мѣстѣ стояло царство, величиною съ рѣшето. Въ этомъ царствѣ у царя былъ сынъ, остальной народъ былъ пьяница таба́чной. Разъ три человѣка сошлись въ кабаку́, сидятъ, выпиваютъ и говорятъ межъ со́бой. Одинъ говоритъ: «Если-бы у меня былъ инструментъ, я бы нечего что пьяница—сдѣлалъ бы деревя́ннаго орла. Другой говоритъ: «А я бы могъ винтъ нарѣзать, чтобы могъ летать, влѣво вертѣть, полетѣлъ бы книзу, а вправо—кверху». Третій говоритъ: «А я золота́рь хорошей руки, я бы могъ его позолоти́ть». Въ это время зашолъ царскій сынокъ, посмотрѣлъ на ихъ, спросилъ имя и фамилью и купилъ имъ бутылку водки. Они выпили, поблагодарили и сами пошли́. Прошолъ день-другой, ихъ требуютъ къ царю́. Пришли, ихъ спрашиваютъ, какъ зовутъ и и какія фамильи. Царь спросилъ: «Вы хотѣли сдѣлать деревяннаго орла?» —Мы.—«Сколько за это возьмете?»—Тыща рублей надо». Взяли пятьсотъ рублей задатку, деньги пропили, а орла дѣлать не подумали. Прошло нѣсколько дней, они опять являются къ царю за де́ньгами. «Дай, пожалуйста, денегъ, не хватило на позоло́ту». Царь выдалъ имъ остальные пятьсотъ. Пропили четыреста, а на сотню купили инструментъ, принялись дѣлать орла́. Сробота́ли, какъ слѣдно быть, доложили государю, что готовъ. Царскій сынъ склалъ въ орла провизіи, поднялся кверху и улетѣлъ неизвѣстно куда. Улетѣлъ и не является мѣсецъ и больше. Царь затосковалъ. «Это подло́гъ сдѣлали, чтобы подлови́ть моего́ сына». Царь захватилъ этихъ трёхъ субъе́ктовъ и арестовалъ. А эфтотъ сынъ летѣлъ, летѣлъ и прилетѣлъ въ одно царство; пришолъ къ старушкѣ и посѣлился жить на кварти́ры. Пожилъ и роспровѣдалъ, что въ го-

родѣ какая-то башня. Старуха росказываетъ, что въ башнѣ посажена королева безо·всякой вины, своимъ отцомъ заклятá. Когда-то у русскаго царя сынъ родился, а у нашего короля дочь, и они дали другъ другу слово, чтобы дѣти были женихъ да невѣста. Вотъ царь и посадилъ дочь въ башню до тѣхъ поръ, пока не увидáтъ своёго сýженого. Царской сынъ положилъ въ узелокъ орла (онъ свёртывался и развертывался) и отправился къ башни; сѣлъ на орла и сталъ подниматься на бáшню, сѣлъ на крышу, а съ крыши былъ ходъ сдѣланъ, съ крыши не имѣли некакой опáсности. Было уже тёмно, няньки и мамки спали. Крышой зашолъ, вездѣ хрустальныя двери и негдѣ не можетъ нечего открыть; коё какъ добралса до спальни, отворилъ двери, царевна спитъ раскиналáсь. Посмотрѣлъ, посмотрѣлъ и дотронулся до ей рукой. Она пробудилась, увидѣла, что мужской полъ и сказала: «Выйдите отсюда, дайте мнѣ одѣться». Онъ вышолъ вонъ, она одѣлась и стала его спрашивать, кто онъ и что ему надо. Онъ объяснилъ, какъ сюда попалъ. Посидѣли, потолковали, порозговаривали и розошлись. На другой день снова сошлись, онъ ей попробовалъ; она сдѣлалась нездорова, написала письмо матери—отцу, что во сняхъ къ ней приходилъ сýжоной и она замарала сорочку; а самой было на яву. Отецъ улыбнулса: «Какъ это можетъ быть: вѣкъ не видала мужского полу и могла это увидать во сняхъ! Не ходитъ-ли кто къ ей на евý»? Отецъ выкрасилъ къ ночи крышу сýрикомъ. «Если кто къ ей ходитъ, отъ пальта вóрса останется или крышу смарáтъ». Царской сынъ этого ничего не опасался, ночью полетѣлъ, сѣлъ на крышу, сталъ заходить, стёръ краску и перемаралъ одежду, пальто и калоши. Проспавши съ ей ночь, пришолъ къ старухи, какъ не въ чёмъ не бывало, роздѣлса и повалилса спать. Въ утряхъ царь посмотрѣлъ на крышѣ, вóрса и краска смáрана; царь далъ рóзыски по всѣму гóроду. Полиція, солдаты стали искать, некогó найтú не мóжутъ. Шолъ полицейской мимо сáму эту старуху, у которой царскій сынъ на квартúры и кричитъ: «Кума, дайте пожалуста спичку, роскурить». Она отвѣтила: «Мнѣ не свободно, зайдите сами и роскурите». Полицейской зашолъ и увидалъ пальто, всё замáрано въ сýрику. Полицейской сталъ будить его. Напилса царской сынъ чаю, кофею и пошолъ къ царю на допросы. Царь сталъ спрашивать: «Какъ ты могъ туда попась? Хто тебя пропустилъ?»—Я у васъ не былъ.—Царь сказалъ: «Если

ты не покаешься, не скажешь, что былъ, я тебя буду судить». Царской сынъ сказалъ: «Суди, а я къ ей не хожу». И царска дочь отпирáится. Царь сталъ его судить и осудилъ на смёртну казь. Въ вечеряхъ прочитали ешафéтъ и вывезли казнить. Когда вывезли на ешафéтъ, царской сынъ сказалъ: «Ваше императорское величество, дайте пожалуйста одно слово заговорить». Царь дозвóлилъ. «Ваше императорское величество, дайте мнѣ на полчаса времени пожить». Царь позволилъ; а царской сынъ развернулъ этого орла, вернýлъ впрáво—поднялся квéрху, гдѣ находилась его невѣста; подлетѣлъ къ башнѣ, взялъ еé съ собой и поѣхали. Полетѣлъ въ своё царство. А эти субъéкты сидѣли, имъ стали выходить послѣдни дни, когда стали послѣдни часы, они выпросили у царя подзорной трубы и стали смотрѣть вдаль, не увидятъ-ли гдѣ этой птицы. Одинъ увидалъ, что летитъ птица и не машетъ кры́льёмъ. Дождались до того, что увидѣли: летитъ тотъ самой орёлъ. Царской сынъ прилетѣлъ. Царь далъ субъектамъ свободу ходить по всѣмъ кабкамъ, пьянствовать скóлько хотя́тъ. Царской сынъ женился на королéвы, котору привёзъ.

(Слышалъ на морѣ, отъ поморовъ).

Зил. ц. В. ск. 154

244.

Солдатъ и три офицера.

Въ одномъ прекрасномъ мѣстѣ стоялъ солдатъ на часахъ; похаживаетъ взадъ, впередъ, идутъ три офицера и межъ собой розговáриваютъ; одинъ говоритъ: «Я въ Испаніи былъ, видѣлъ прынцесу и за то, что удостоился ей видѣть, заплатилъ пять тысечъ рублей». Другой говоритъ: «Я тоже тамъ былъ и тоже видѣлъ, и чай вмѣстѣ пилъ, заплатилъ пятнадцеть тысечъ рублей». А третій говоритъ: «Я тоже былъ и за то, что кофей пилъ и разговаривалъ вмѣстя́хъ, заплатилъ двадцеть тысечъ рублей». И прошли мимо. А этотъ солдатъ позавидовалъ, взялъ и написалъ наверху, на дверяхъ, на будкѣ: «А у солдата ума много, да денегъ нѣту; а я бы на эти деньги женился на той же королевы». И подписалъ въ какое время стоялъ и въ которы часы. Съ чесовъ смѣнился и забылъ сте-

рѣть мѣлъ этотъ. Черезъ нѣсколько времени проѣжжалъ мимо царь, увидалъ надпись, остановился, прочиталъ и удивился, што это за штука тaка́. Дознался, кто въ это время на чесахъ стоялъ и спрашиваетъ солдата. Солдатъ розсказалъ, што слышалъ отъ офицеровъ. Царь спрашиватъ: «Неужто ты бы на эти деньги женился на королевы?»— Такъ точно, ваша царская милость, женился бы.—«Ну хорошо, вотъ тебѣ пятьдесятъ тысечъ, десятъ тысечъ въ запасъ, женись на этой королевы, тогда награду получишь». Взялъ солдатъ деньги и поѣхалъ въ Испанію. Пріѣхавши въ этотъ городъ, спрашиваетъ у старушки, гдѣ остановился на фатеры: «Што у вас хоро́шого въ городѣ?»—А вотъ хоро́шо, прынце́са походитъ за́мужъ за пры́нца.— Солдатъ спрашиваетъ: «А они дѣлаютъ-ли гдѣ свида́нье?»— Они свиданье дѣлаютъ въ гостинницѣ, занимаютъ первые номера.—Приходитъ солдатъ въ гостинницу: «Позвольте первой номеръ»? — Первый номеръ занятъ. — «Сколько они платятъ»? —Пять рублей.—«Я десять заплачу». Хозяинъ согласился: «Ну иди». Солдатъ помѣстился въ номеръ, сѣлъ нога-на́-ногу, навали́лъ себѣ трубку махо́рки и сидитъ, покуриватъ; накурилъ полной номеръ. Вдругъ прибѣгаетъ принцесса и заскакиваетъ въ номеръ къ солдату; и обратно. Помѣстились принцесса во второмъ номеру; сѣли, разговариваютъ, принцъ и спрашиваетъ: «Половой, неси полдюжины шампанскаго!» А солдатъ кричитъ: «Половой, неси мнѣ цѣлую дюжину». Услыхала принцеса и говоритъ: «Солдатъ одинъ дюжину, а ты, милой, на двоихъ полдюжины». На другой день солдатъ перевёлся въ этотъ номеръ, гдѣ былъ прынцъ съ принцессой. «Вотъ, хозяинъ, сколько они сегодня стребуютъ шампа́нія, мнѣ неси вдвое больше». Являются принцеса, впе́рвыхъ пріѣхала. Солдатъ сидитъ нога-на-ноги, по́лной номеръ махорки наку́рёно. Зашла въ первой номеръ, мало и прынцъ туда заходитъ. Сѣли, прынцъ заказываетъ: «Половой, тащи́ дюжину шампа́нского». Солдатъ кричитъ: «Половой, мнѣ двѣ дюжины тащы». Принцесса приглашаетъ принца: «Вы являйтесь сегодня ко мнѣ въ двѣнадцеть чесовъ ночи». — Хорошо, пріѣду. — «А какъ намъ время́ узнать?» — А мы зайдёмъ въ магазинъ, купимъ по па́рнымъ чесамъ, и заведёмъ по магази́нному, чтобы въ одно вре́мё сойтись?» — Прынцесса пошла впе́рвыхъ, пошла покупать чесы. Она купила и вышла, а солдатъ зашолъ вслѣдъ и тоже такіе чесы потребовалъ, завёлъ по магази́нскимъ и говоритъ мага-

зинщику: «Отведи полчаса назадъ, я тебѣ заплачу за это сто рублей». Магазинщикъ отвёлъ, солдатъ сидитъ и розговариватъ. Приходитъ прынцъ за чесами, купилъ чесы, поставилъ по магазинскимъ и ушолъ. Хозяинъ чесы отвёлъ на старо мѣсто. Когда стало подходить двѣнадцать чесовъ, солдатъ и пошолъ вмѣсто прынца къ прынцессѣ попадать. «Што будётъ». Пришолъ, за верёвочку дёрнулъ, въ окошко полотно спустили и солдата кверху подняли. Солдата прынцесса принела за прынца. Сѣли, полюбезничали, повалились спать, солдатъ и говоритъ: «Такъ какъ мы сосватались, то намъ можно и грѣхъ сдѣлать». Она согласилась, солдатъ ей преспокойно и . . . . ., какъ слѣдуетъ. Предъ свѣтомъ стала солдата отправлять. «У меня родители есть, они тебя зарубятъ, если увидятъ». Солдатъ сталъ отправляться, взялъ пуговицу отъ шинели оторвалъ и бросилъ: «Што уронили?» — А порсигáръ уронилъ, нé во што папиросъ класъ. — «Ну, нéкогда искать, возьми мой, да иди скорѣй». Запоходúлъ и другу пуговицу въ дверяхъ оборвалъ, бросилъ. «Эхъ, чортъ подерú! отъ часовъ медальвóнчикъ уронилъ». — На, возьми мой, завтре перемѣнимся. — Онъ пошолъ, да въ коридорѣ трéтью оборвалъ и бросилъ: «Ахъ, кольцо уронилъ». — Ну, нéкогда искать, возьми моё, прислуги будутъ пахáть, найдутъ. Солдатъ ушолъ, а принцъ явился, стучится подъ окномъ; прынцесса его не признáла, взяла да облила его кислотой изъ лохáнки, которой обмывались. Въ утря́хъ прислуга стала полъ пахать и нашла пуговицу солдацку, а потомъ и еще двѣ нашла. А солдатъ въ гостинницѣ опять въ первой номеръ вы́просился, порсигаръ, медальвончикъ и кольцо положилъ на столъ и сидитъ покýриватъ трубку, полонъ номеръ махорки напустилъ. Принцесса прiѣжжатъ, засáвыватся въ номеръ и вонъ обратно въ другой номеръ. Ждала, ждала, принца, сегодня нѣту, не прiѣжжатъ. Она посылатъ за нимъ слугу: «Что-же онъ, взялъ невинность мою и не является до сей поры; смѣяться сталъ?» Принцъ приходитъ, сѣли, розговариваютъ, глядитъ: у него порсигаръ свой, медальвóнчикъ свой, кольцо своё. «А гдѣ же мои вещи, я вамъ вчера дала?» — Хорошо вы мнѣ вчера дали!—Она смекнула и къ солдату побѣжала, посмотрѣла, на столѣ её вещи; она бацъ солдату въ ноги: «Вы вчера были, вы мою невинность взяли, вы меня и обирайте». Вернулась къ прынцу, поклонилась въ поясъ и говоритъ: «Такъ какъ по ворóны жилъ, не умѣлъ владáть, дакъ

до свида́нья». Вернулась къ солдату и говоритъ: «Какъ ты меня будёшь получать? Ты солдатъ простой, а я дочь принца». Дала солдату денегъ: «Открой здѣсь магазинъ и сдѣлайся хорошимъ прiѣжжимъ купцомъ». Солдатъ купилъ товаровъ и открылъ магазинъ первый по городу и сталъ считаться первой русской купецъ. Пожилъ и прiѣхалъ къ прынцу сватаца; принцесса пожелала за него вза́мужъ и вы́шла, и далъ ей отецъ приданого двѣнадцеть кораблей, которые двѣнадцеть лѣтъ не были дома, всё плавали неизвѣстно гдѣ. Когда свадьбу стали играть, эти корабли возрати́лись. Солдатъ склалъ на эти корабли всё своё имѣнье и уѣхалъ въ Россiю. Прiѣхалъ домой, одѣлъ шинель и сдѣлался такимъ-же солдатомъ, и явился къ государю, и далъ рапортъ. Государь спрашиваетъ «Женился?» — Женилса. — И жену показалъ. Царь вздумалъ сбирать балъ, чтобы всѣ были чиновники и нижны чины и пригласили трёхъ офицеровъ, которы шли да розговаривали о прынцессѣ. На балу сидѣли, пировали, вздумали розсказывать сказки. Царь призывалъ солдата, онъ сталъ розсказывать свою жись. [Повторяется подробно сначала, все какъ было]. Первый офицеръ, какъ дѣло дошло до него, кричитъ: «Врётъ онъ». Царь говоритъ: «Не вашо дѣло, молчите». Такъ и второй и третiй офицеръ. Когда солдатъ сказалъ, что «я бы на эти деньги женился». Офицера и говорятъ: «Поспѣлъ бы ты жениться» А онъ и отвѣтилъ: «Да я ужъ женился». И вы́велъ жену. Всѣ удивились, царь солдата вознаградилъ, произвёлъ хорошимъ офицеромъ, а трехъ офицеровъ розжаловалъ и поставилъ нижними чинами: «Вы въ Россiи деньги здря́ проживаите».

(Слышалъ въ морѣ, разсказывалъ поморъ изъ Сумы).

245.

Аф 219

Воръ Афоныга.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, именно въ томъ, въ которомъ мы живёмъ, на гладкомъ мѣстѣ, какъ на боронѣ, стояло небольшое село. Въ селѣ жилъ старикъ со старухой, у нихъ былъ одина́кiй сынъ, имя котораго было Афоны́га. Когда сынъ сталъ рости́, подыма́ться, старикъ и говоритъ: «Што, старуха, будётъ у насъ Афоныга большой, будётъ

только го́дной водку пить да табакъ курить, — отдаёмъ его на какое нибудь ремесло учиться». И повёлъ сына. На встрѣчу идётъ старикъ. «Куда сына повёлъ?» — А повёлъ поучить бо́жьёго слова или чего нибудь тако́го.—«Отдай мнѣ, я его выучу, славнаго парня сдѣлаю». Старикъ и отдалъ сына. Афоныга спра́шиваетъ: «А ты, дѣдушко, чему меня учить будёшь?» — На́перво буду учить воровать, можешь нѣтъ эгза́менъ сдать.— Сталъ учиться, на это грамота дала́сь, черезъ три года эгза́менъ сдалъ и къ отцу на побы́вку поѣхалъ. «Поѣду, попровѣдаю». Пріѣхалъ домой, идётъ по деревнѣ и встрѣчается со своимъ купцомъ. «Здраствуй, Афоны́га».—Здравствуй, баринъ.—«Ишь какъ тебя образова́ли, что нѣмца сдѣлали, куда съ добромъ, а раньше былъ — пуста голова совсѣмъ. А чего тебя учили?»—Меня учи́ли воровать. — Купецъ ужахну́лса. «Какъ воровать?» — Такъ, я эгза́менъ сдалъ.—«Что же ты можешь украсть?»— Что близко лежитъ, то и украду;—«У меня конь за двѣнадцети замками, можь-ле украсть?—Сегодня ночью будётъ укра́денъ.—Побились объ залогъ о ста рубляхъ. Баринъ воротился домой и наказываетъ своимъ казакамъ «Вотъ, казаки, сегодня Афоны́га придётъ воровать коня, поберегите, близко не подпущайте къ конюшны». Афоны́га взялъ, бочку водки купилъ, повёзъ, бочку противъ купца въ грязи и завези́лъ; лошадь повалилась, онъ и закричалъ, сталъ просить помочь. Козаки выскочили, всѣ двѣнадцать человѣкъ, бочку не могли вытащить, онъ вино распечаталъ, пьяными всѣхъ напоилъ; выпили до уло́гу и повалились; онъ изъ карма́новъ ключи вынялъ, розомну́лъ коня, досталъ и угони́лъ. На утро купецъ ставатъ, козаки спятъ въ грязи рыломъ и ло́шади нѣту.

[Афоны́га послѣ этого крадетъ у барина постель, деньги и барыню, такъ же, какъ это описано у Афанасьева и въ этой же книгѣ въ записяхъ Шахматова, Пришвина и моихъ. Потомъ грозитъ украсть барыню и выжить самого барина изъ дому. Баринъ откупается отъ вора за 1000 руб. «Только ты меня не безпокой».]

246.

Поваръ и графиня.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ стоялъ дворецъ, въ этомъ дворцѣ жила прынцесса; была у ней кухарка да пóваръ. Повару кухарка пондрáвилась, онъ къ ей подскáкивалъ, она его не приглашáла. Разъ она пожаловалась своей барынѣ, что «меня Иванъ хочётъ обнасúльничать». А бароня и говоритъ: «Ты раздразни его, скажи, штобы купилъ свинины, со свинины у меня заигрáтъ плоть, тогда тебѣ могу дать». Онъ свинины купилъ, нажáрилъ, наѣлись. Надо было ложиться спать, а кухарка ушла съ бароней мытца въ баню. Поваръ подождалъ, повалился спать и ночевалъ ночь одинъ. Въ утря́хъ сталъ, хозяйка его и задразнúла: «Фу, какъ у васъ на кухнѣ свининой пáхнётъ». Поваръ хозяйки ничего не сказалъ, а на другой день смекнýлъ, что они въ баню ходятъ не однú, съ нимá есть провожатой. Онъ и напросúлса въ слѣдующую суботу баньшикомъ быть, а хозяйка бани и согласилась за сто рублей. Поваръ въ суботу пришолъ, вымаралса въ сажѣ и поступилъ въ баню; пришла графиня и кухарка, хозяйка и говоритъ, что у меня другой баньщикъ, чорный арапъ. Когда они роздѣлись, онъ ихъ обóихъ в...., они для того въ баню и ходили, чтобы съ баньшикомъ сношеніе имѣть. Вымылись въ банѣ, пришли домой и поваръ пришолъ домой. Въ утря́хъ графиня встала, пришла въ кухню и опять смѣется: «Фу, какъ здѣсь свининой пáхнётъ». Онъ ей отвѣчатъ: «Да, у насъ свининой пáхнётъ, да вѣдь и въ банѣ-то хорошо моютъ». Графиня убѣжала и переговариваются съ куфаркой: «Его надо отказать, што бы онъ не зналъ, куда мы ходимъ». А въ томъ городѣ такихъ правъ нé было, штобы безъ вины человѣка отказать, нужно было вину наттú. Вотъ графиня убила своёгó попугая, бросила въ помойну яму, пришла на кýфню и говоритъ: «Вотъ што, поваръ, у меня потерялса попугай, найди его, а не найдёшь я тебя рацитаю». Хорошо, поваръ пошолъ искать. Вышолъ въ садъ и видитъ, что графиня гуляетъ по саду съ афицéромъ; поваръ ей замѣтилъ и сталъ прислѣдовать. Графиня ходила, ходила съ афицеромъ и сѣла на лавочку; стали розговáривать, а поваръ подкралса незамѣтно и запóлзъ подъ лавку

и слушаетъ розговоры. Потомъ графиня вы́стала, одну ногу положила на траву (поста́вила), другу на лавку, офицеръ наклонился ей межъ но́гъ смотрѣть. Смотрѣлъ, смотрѣлъ и говоритъ: «Фу, ба́рына, у васъ сколько тамъ войсковъ, народу, городовъ, деревёнъ, сёлъ и просёлковъ». А поваръ и говоритъ: «Бариnъ, а баринъ, посмотри, нѣтъ-ли тамъ моёго попуга́я». Ба́рына испугалась и убѣжала домой; поваръ пришолъ домой, они его рощита́ли.

(Слышалъ дома: «Бабья сказка», это ужь не изъ книжокъ).

247.

Жена колдунья.

Жилъ былъ холостой парень, онъ задумалъ жениться и взялъ замужъ дѣвушку волшебницу. Сталъ ей въ первой разъ садить обѣдать, она съ нимъ обѣдать не сѣла; онъ подумалъ, што стыдится, молода дакъ. На другой день онъ опять позвалъ ей обѣдать. Она пришла и сѣла, отвезала отъ креста уховёртку и начала хлѣбать рисову кашу по одной ри́синки. Мужъ и подумалъ: «Вѣрно стыдится много есть». На другой день опять стала есть уховёрткой по одной ри́синки. Онъ и подумалъ: «Чѣмъ она наѣда́ится?» На третью ночь онъ повалился спать и сталъ преслѣдовать свою жонку, чѣмъ она наѣдаится. Когда стало двѣнадцеть чесовъ, жо́нка стала, одѣлась, потихоньку и пошла, а мужъ за ней. Шла, шла жонка, дошла до кладбища, дошла до одной могилы; тамъ былъ похороненъ мертвецъ; съ другой стороны пришолъ другой человѣкъ, мужчина; розры́ли они эту могилу, вынели мертвеца и стали ись. Когда мертвеца съѣли, гробъ, саванъ и кости зарыли въ могилу и розошлись. Мужъ пришолъ впереди́ и притворился, будто спя́шшой. Она пришла, повалилась къ мужу и заспала́. На третій день мужъ опять позвалъ жонку обѣдать, она отвезала отъ креста уховёртку и начала есть по одной ри́синки. Мужъ не вытерпѣлъ и сказалъ: «Што не ѣшь? Или мертвечи́на тебѣ лучше кажетъ?» Жонка схватила со стола чашку съ водой, плесну́ла ему на рыло и говоритъ: «Ну, когда ты узналъ мою тайну, такъ будь соба́кой». Мужъ сдѣлался собакой; она взяла палку и погна́ла его вонъ. Онъ выбѣжалъ и побѣжалъ куда глаза гле-

дятъ. Прибѣжала собака въ городъ и зашла къ мяснику въ лавку. Мясникъ накормилъ собаку мясомъ и оставилъ ночевать, собака ночевала и въ ночь къ лавкѣ нечего не здѣлала. На другой день въ лавку пришолъ булочникъ за мясомъ и далъ собаки кусокъ булки. Собака кусокъ булки съѣла и побѣжала за булочникомъ въ пекарню. Въ пекарнѣ собака жила больше недѣли. Приходитъ въ пекарню женщина покупать булокъ. За булки она заплатила нѣсколько монетъ, одна монета оказалась не похожа совсѣмъ даже (стари́нна или фальши́ва); булочникъ этой монеты не сталъ брать. Когда они заспо́рили, булочникъ и говоритъ: «У меня собака и та узнатъ, что эта монета не по́хожа». Жонка говоритъ: «А ну-ко, вы́веди». Булочникъ росклалъ монеты на столъ, собака эту монету изъ серёдки выпехнула. Жонка посмотрѣла на собаку и говоритъ: «Ну, если собака дакъ и оставайся здѣсь, а если человѣкъ, дакъ поди за мной». Собака убѣжала за жо́нкой. Эта жонка привела собаку домой и говоритъ дочери: «Привела я собаку, да не знаю вѣрно-ли нѣтъ, собака». Дочь посмотрѣла на собаку, взяла воды сдѣлала составъ, плеснула въ глаза собаки и сказала: «Если собака, останься псомъ, а если человѣкъ дакъ превратись въ человѣка». Собака сдѣлалась человѣкомъ. Тогда его стала спрашивать, какъ и почему онъ оказался собакой. Онъ расказалъ. Она сказала: «Да, я знаю прекрасно твою жону, она со мной вмѣстѣ училась у одной старухи колдовать, но она не стала повиноваться властей и старуха ей сдѣлала наказанье, чтобы она ходила на кладбище и ѣла мертвечи́ну. Если ты хошь поучить свою жонку, я тебѣ сдѣлаю составъ, ты приди, плесни ей въ лицо и узнаешь, што будетъ». Мужикъ взялъ составъ, пришолъ домой, жоны дома не было. Онъ сѣлъ на крыльцо и сталъ ей дожидатця, скоро-ле придётъ. Она вернулась, онъ взялъ, ей составомъ въ рожу и плеснулъ. Жона превратилась въ кобылу; онъ взялъ, сѣлъ на ней верхомъ и началъ ѣздить. Потомъ запрегъ въ сани и поѣхалъ въ лѣсъ, навалилъ возъ дровъ и началъ ей стегать. Такъ онъ каждой день ѣздилъ въ лѣсъ двѣ недѣли; потомъ ему ей и жалко стало. Онъ пошолъ къ дѣвки, выпросилъ у ней составъ, штобы она сдѣлалась жена, какъ была. Составомъ этимъ облилъ кобылу и стала жонка, какъ и была, но забыла колдовство и стали они жить съ мужомъ хорошо и согласно.

(Слышалъ въ Нёноксѣ, отъ стариковъ).

248.

Забытый на Новой Землѣ.

Одинъ промышленни́къ остался по случа́ю (нечаянно) на Новой землѣ; судно ушло, сталъ онъ жить въ балаганѣ одинъ и сталъ задумываться. Ему явилась дѣвка и стала она его часто посѣщать и онъ съ ней созна́лся и сдѣлалъ ей брю́хо. Такъ онъ жилъ до весны. Весной пришли суда, онъ переселился на суда. Жилъ на судахъ всё лѣто, и дѣвка къ нему каждой день ходила, а народъ ей никто, кромѣ его не видали. Настала осень, надо было промышленника́мъ уходить домой, а эта дѣвка его не спуска́ла; онъ имъ объяснился. Промышленники́ стали придумывать, какъ его увезти домой. Выдумали: вы́катали якоря, завезли на берегъ тро́сы и наладились до попутнаго вѣтра. Только какъ задулъ попутной вѣтеръ, они тро́сы отдали и пошли домой. Откуль не взела́сь эта дѣвка на берегу, тогда промышленники́ ей всѣ увидали, съ младенцомъ на рукахъ. Дѣвка взяла этого младе́ня, розорвала этого младе́ня на попола́мъ, одну половину бросила на судно, но младенецъ перелетѣлъ мимо, а на планцырь попала только одна капля крови. Пла́нцырь потолъ въ воду и судно стало кре́нится на́ бокъ. Одинъ старикъ тутъ догадался, стесалъ съ планцыря кровь, судно опря́милось и благополучно промышленники ушли домой. Дѣвка была нечиста сила.

(Слышалъ отъ стариковъ. Это было давно, когда еще на Новой Землѣ не жили самоѣды).

249.

Нужда.

Жило два брата, одинъ жилъ бѣдно, другой богато, одного звали Степаномъ, а другого Иваномъ. У богатого Ивана родилса сынъ; онъ позвалъ на крестины своихъ знакомыхъ и бѣднаго брата Степана. Послѣ крестинъ Степанъ идётъ домой пьяной и поётъ: «Ходи изба, ходи печь, когда будёмъ блины печь». Ма́ло за нимъ подпѣваетъ то́нинькимъ голоскомъ.

Онъ спрашиваетъ: «Кто тамъ?» — Нужда твоя. — Онъ обернулса и увидалъ: стоитъ старушка маленькая росточкомъ—вся въ лохмо́тьяхъ. Онъ ей и окричалъ: «Чего тебѣ здря топтаться, иди ко мнѣ въ корманъ, я тебя домой унесу». Она въ корманъ заскочила, онъ корманъ захватилъ рукой, перевезалъ ниткой, пришолъ домой, началъ дѣлать гробикъ. Увидала жена и спрашиватъ: «Степанъ, што дѣлашь?»—Молчи, жонка, нужду поймалъ, нужду схоронимъ, заживёмъ богато.—Положилъ нужду въ гробъ, заколотилъ и похоронилъ на кладбищѣ, подлѣ дядину могилу. Шолъ домой съ кладбища, нашолъ сто рублей денёгъ. Пришолъ домой, купилъ корову и лошадь, сталъ жить и поживать, и деньги наживать. Такъ у него пошли деньги копейка на копейку и черезъ два года онъ зачалъ жить богаче своего брата Ивана. Обзави́довалъ его братъ Иванъ; пришолъ къ Степану въ гости и говоритъ: «Давно-ле ты жилъ бѣдно? Объесни, почему ты зажилъ лучше меня?» Братъ объяснилъ по-свойски. Иванъ позави́довалъ, пошолъ и нужду выкапывать сталъ. «Поди, нужда, на старо мѣсто». Какъ онъ ей выпустилъ, она и говоритъ: «Не пойду я ко Степану, пойду ко Ивану». Скочила на плечи, онъ бѣжать въ избу, она за печку заскочила. На другой день у Ивана домъ згорѣлъ, деньги згорѣли. Далѣ бо́ле: конь палъ, корова пала. Далѣ бо́ле, всё въ про́водъ и въ про́водъ. Собралъ Иванъ послѣдни деньжонки и пошолъ покупать себѣ лошадь. Купилъ коня, оказалась кобыла, сидитъ горюетъ. Приходитъ братъ Иванъ. «Братъ, Степанъ, што же такъ бѣдно зажилъ?»—Да што, братъ, бѣда, за бѣдой, купилъ коня, оказался съ п . . . . .». Пожалѣлъ Степанъ Ивана и пошолъ домой; Иванъ хлопъ ему въ ноги: «Прости меня грѣшного, я выкопалъ нужду, хотѣлъ на тебя напустить, а она ко мнѣ пришла». —Дакъ, значитъ она у тебя вездѣ забралась?»—Да вездѣ и въ скота, и въ домъ, и въ деньги, за пе́чку и за ту сѣла; што подѣлать?—Иванъ вынялъ ки́ску денёгъ, высыпалъ и говоритъ: «Деньги мои, а кошелёкъ пустой твой будетъ, хоть пустой, да не съ нуждой». Нужда вы́скочила изъ за печки, заскочила въ кошелёкъ и кричитъ: «Я и здѣсь есь! я и здѣсь!» Степанъ взялъ и задёрнулъ у ки́ски ко́нцы. «А тутъ есь, дакъ и попала». Завезалъ ей на́ крѣпко, привязалъ къ ки́скѣ камень, снесли въ воду и потопили и зажили обо́и хорошо.

250.

Голодный попъ.

Жилъ былъ попъ, у его казака не было, пошолъ казака искать, нашолъ и спрашиваетъ: «Идёшь ко мнѣ въ казаки, у меня жить хорошо, да сколько жалованья?» — Жалованья 100 рублей.—«Хорошо, поступайте». А попъ былъ скупой, только и гледитъ казака не накормить да голодомъ въ лѣсъ отправить. Разъ казакъ и говоритъ: «Матушка, дай мнѣ пообѣдать, да я на работу поѣду». Матушка принесла обѣдъ. Пообѣдалъ да наѣлся худо и говоритъ: «Матушка, принесла-бы и попáужинать за попýтьёмъ». Матушка принесла и попаужинать. Попáужиналъ, всё голодный и говоритъ: «Матушка, дайте зарáзъ и поýжинать». Матушка была этого рада, какъ они были скупы. Принесла ужины: вперёдъ мало ѝсти будётъ. Казакъ поѣвши три выти, повалился спать и зáспалъ. Спитъ часъ, другой и трéтій. Батюшко поглядѣлъ и думатъ: «Пойду, розбужу, на роботу пошлю. Казакъ, ставай!»—Что надо?—«Роботáть поѣжжай». — Какъ ʹу васъ, батюшко, живутъ, а у насъ послѣ ужина не роботáютъ.—Попъ задумался: «Вотъ такъ казака нанялъ!» На другой день стали поѣжжать за сѣномъ, пожня далёко была, имъ пришлось ѣхать черезъ Сóлзу. Когда поѣжжали, попъ спросилъ казака: «Надо-ле взять хлѣба для запасу?» Казакъ взялъ хлѣба воровски отъ попа и говоритъ: «Не надо, батьшко, не берите». Попъ не взялъ хлѣба. Пріѣхали за сѣномъ на Кýдьму, попу захотѣлось ѣсть и говоритъ: «Давай, клади поскорѣе сѣно, мнѣ ись охота, поѣдёмъ скорѣе домой». А казакъ нарочно тихонько шевелится: за возъ отойдётъ, хлѣба съѣстъ изъ кармáна и опять тихонько кладётъ. Кое какъ наклали, вернулись обратно. Казакъ и думаетъ: «Поморю́ я попа сегóдни, не спушшý скоро въ дерéвню». Взялъ и опрýжилъ обои вóзы у попá. Стали подымать, казакъ взялъ и вя́зки обрѣзалъ. Попъ и говоритъ: «Казáне, поѣдёмъ въ Сóлзу, покушамъ, тогда и сѣно повезёмъ».—Нѣтъ, батько, нужно сначала сѣно складь, а тогда и ѣхать.—Стали опять возы класть, попу очень ись хочется, а у казака хлѣба много, отвернется, покушатъ и кладётъ. Склали и поѣхали. Отъѣхали, казакъ опять

одинъ возъ опру́жилъ; попъ и законáлся: «Казáне, поѣдёмъ въ Сблву, поѣдимъ». Пріѣхали въ деревню, къ знакомому мужику; роботникъ забѣжалъ въ избу первый и говоритъ: «Дѣвки, дѣвки, попъ ѣхалъ всю дорогу булки ѣлъ, сытóй, мнóго его не угощайте, разъ скажите, а не сѣдётъ, больше и не садите». А попу сказалъ: «Батьшко, ты сразу за столъ не садись и другой скажутъ—не садись, а послѣ третьяго ты и садись». Въ избу зашли, ихъ стали садить ужинать, батьшко молчитъ; больше и не угощали. Казакъ сѣлъ и началъ ужинать. Вышли изъ за стола и спать стали валиться, а попу нсь охота. Онъ и говоритъ: «Вотъ, казáне, ты сразу не велѣлъ садиться, а они больше не попóтчивали». Повалился попъ съ казакомъ спать на печь, а когда еще ѣхали видѣли за церковью монахъ лежитъ мёртвой, у него сапоги хорóши на ногахъ; попъ былъ завидной, снять не могъ сапоговъ, взялъ и отрубилъ ноги по колѣна и увёзъ съ собой, а когда на печь легли, онъ и ноги положилъ растаять и сапоги снять. Попъ и говоритъ: «Казáне, я вѣдь съ голоду помру́».—Бáтьшко, тутъ квашня съ растворомъ, ку́шайте.—Попъ давай пригоршнями кушать. Поку́шавши дóсыта раствору, и говоритъ: «Ладно, казáне, теперь гдѣ-бы мнѣ-ка руки обмыть?» Казакъ и говоритъ: «Вода въ сельдя́нкѣ стоитъ, вымой». А въ сельдя́нкѣ была смола. Попъ пришолъ, да въ сельдя́нку руки и спустилъ, руки запачкалъ. «Казáне, вѣдь тутъ смола. я еще пуще выпачкался». — Бáтьшко, ты не въ ту, тутъ рядомъ кувшинъ съ водой.—Горло у кувшина тѣсно, попъ обои руки запѣхáлъ въ кувшинъ, руки прильнули, онъ и снять не могъ и спрашиватъ, какъ бы снять кувшинъ съ рукъ. Въ углу старикъ спалъ, лысина свѣтила, казакъ и говоритъ: «Вонъ, въ углу точи́ло, ты поди ударь кукши́нъ, онъ разобьётся». Попъ пришолъ, хлопъ старика по лысинѣ и убилъ старика до смéрти. «Вотъ бѣда, што мнѣ теперь будетъ? Сибирь вѣдь, чи́сто».— Ничего, не бойся, дай двѣсти рублей, да бѣжи въ Нёноксу, а я здѣсь отдѣлаюсь.—Батька двѣсти рублей посулилъ казаку, а самъ давай домой устилáть. На фатеры въ утряхъ стали, видятъ старикъ въ крови, убитой, смутолóха сдѣлалась, розбудили казака: «Батько гдѣ?»—А я вѣдь не караульщикъ ему; видите ноги одны, вотъ телёнокъ батьшка съѣлъ». (За печкой былъ). Они его и запросили: «Какъ бы дѣло замять?»—Дайте три́ста рублей, дакъ замну дѣло.—Получилъ триста рублей и поѣхалъ къ батьшку на квартиру. Батько говоритъ: «Что мнѣ

будётъ за это?»—Давай деньги, ничего не будётъ.—Казакъ получилъ деньги и пошолъ прочь; старика схоронили, и дѣло обошлось.

(Слышалъ въ лѣсѣ).

251.

Я, Никого, Караулъ.

Жилъ былъ попъ только двое съ попадьей, а скота было много, управля́ться не́кому. Пошолъ попъ казако́въ нанимать. встрѣчу мужикъ: «Куда пошолъ?» — А куда глаза глядятъ. — «А ко мнѣ нейдёшь?» — Отчего, можно. — «А сколько жалованья въ годъ?»—Пятьдесятъ рублей.—«А какъ зовутъ тебя?» —Меня зовутъ Я.—Далъ ему задатку десять рублей, роботникъ отправился домой, самъ пошолъ дальше. Мужикъ обѣ́жа́лъ кругомъ, опять и вали́тъ настрѣчу. «Куда пошолъ?» — А куда глаза глядятъ. — «А ко мнѣ нейдёшь?» — Отчего, можно. — «А сколько жалованья въ годъ?» — Пятьдесятъ рублей. — Далъ тридцать рублей задатку. «А какъ тебя зовутъ?»—А Никого.— «Ну, иди, карауль до́ма моего́». Опять мужикъ обѣ́жа́лъ и идётъ настрѣчу. Попъ думатъ: «Што это всё мнѣ мужики-то ры́жи попадаютъ?» —Здраствуй ба́тьшко.— «Куда пошолъ?» — А куда глаза глядятъ. — «Ко мнѣ нейдёшь?» — «Отчего, можно. — «А сколько жалованья?»—Пятьдесятъ рублей.—Далъ задатокъ. «Какъ тебя зовутъ?» — Караулъ.—Казака отправилъ домой, самъ пошолъ впередъ. Мужикъ шолъ съ деньгами и ушолъ совсѣмъ. Мало, попъ домой верну́лся, подошолъ и кричитъ: «Ей! Я, Некого, Караулъ, стрѣчайте». Матушка вышла, встрѣчаетъ: «Што ты, батышко, вѣдь некого нѣту». — Гдѣ же казаки мои? — «Нѣтъ, не бывали». Попъ розгорячился, побѣжалъ настигать. Бѣжалъ, бѣжалъ, услыхалъ, мужикъ дрова въ лѣсѣ рубитъ. Попъ кричитъ: «Ей! Богъ на помочь».— Спасибо. — «Што дѣлашь?» — Дрова рублю. — «А кто тутъ?» — А я. — А попъ обрадовался: «А, это ты и есть. А еще кто есть?» — А никого! — «Никого. Васъ двое тутъ». Взялъ ребиновой бато́къ и побѣжалъ за мужикомъ. Мужикъ бѣжитъ и кричитъ: «Караулъ, караулъ!» Попъ настигъ мужика и давай дубцо́мъ бить. «Васъ и всѣ трое тутъ». Мужики ѣхали, ихъ розняли, а то бы попъ мужика до смерти забилъ.

[illegible]

[illegible] Попъ говоритъ: «Оно, оно и есть». Пришли къ ко-
былы, попъ поднялъ хвостъ и спрашиваетъ: «А это что?» —
«А это духовна консисторія.» — «Вѣрно, вѣрно, вѣрно, оно и есть. Ну, теперь иди, роботай». Казакъ поработалъ дня три-четыре и думаетъ: «Довольно роботать, буду жить другомя». Надо было поѣжжать на роботу, а казаку не охота, онъ надѣлъ . . . . . . шапку и бѣгаетъ, йщетъ. «Батышко, не видалъ ли шапки?» Попъ говоритъ: «Да вѣдь у тебя . . . . . веснетъ». Казакъ и говоритъ: «Ахъ, онъ сукинъ сынъ, онъ провинился, надо его на сутки въ полицейское правленьё посадить». Попъ повёлъ его къ дочки, казакъ сутки съ дочкой прожилъ, а попъ одинъ пахалъ. Вотъ казакъ на работу дня два съѣздилъ и опять не поѣхалъ; опять надѣлъ . . . . . шапку и бѣгаетъ, ищетъ. «Батышко, не видалъ-ле шапки?» Попъ говоритъ: «Да вѣдь у тебя . . . . . веснётъ». Казакъ и говоритъ: «Ну, на этотъ разъ надо на цѣлу недѣлю въ уголовну

палату посадить». Попу дѣлать не́чего, повёлъ мужика къ попадьи. Попъ роботать, а мужикъ цѣлу недѣлю съ попадьей спитъ. Послѣ этого мужикъ на пашню поѣхалъ, а попу тоже захотѣлось дочки попробовать. Одѣлъ шапку преспоко́йно на гладко дерево безъ су́ка, ..., бѣгать по комнатѣ и говоритъ: «Каза́не, не видалъ ли шля́пы?» — А у тебя . . . . . ве́снётъ.— Попъ говоритъ: «Ахъ, сукинъ сынъ, его надо въ полице́йско правле́ньё на сутки садить». Побѣжалъ было попъ къ дочки, а мужикъ остановилъ попа: «Стой, батьшко, погоди, такъ у насъ не играютъ: у насъ духовнаго званья судятъ въ духовной концисто́ріи». Захватилъ попа и повёлъ къ кобылы. Пробылъ попъ у кобылы сутки, попадья его и задразни́ла: «Отдалъ жену въ люди, а самъ отправился къ кобылы». Попъ казаку и замоли́лса: «Каза́не, не знашь-ле што здѣлать, хоть бы матушка меня не дразнила?» — Это можно; завтра воскресе́ньё, будёшь обѣдню служить; когда зазвонятъ достойно, ты бѣжи́ къ лѣтнему око́шечку, увидишь, што я буду дѣлать.—Наза́втра попъ ушолъ къ обѣдни, а казакъ лежитъ на полатяхъ и проситъ: «Матшка, дай». Она дала ему ша́ньгу, онъ говоритъ: «Я не хочу». Дала пирогъ. «И этого не хочу».— Дакъ чего? — «А того́, чего́ вчера давала».— Ну, иди, въ подклѣть и я приду туда.—Ушли въ подклѣть. «Матушка, какъ вчера ба́тьшко съ кобылой обращалса, мы такъ попробуёмъ». Одѣлъ попадьи на спину сѣдёлко, узду, въ клѣти́ была кропильница стара, онъ ей ж . . . заты́кнулъ вмѣсто хвоста. Попадья стоитъ въ углу, а казакъ въ другомъ, она и ржотъ, какъ лошадь, и онъ ржотъ, другъ дружкѣ настрѣту и бѣжатъ. Достойно зазвонили, а попъ у окошечка и слушатъ; и попъ соржа́лъ подъ окошкомъ, а казакъ и закричалъ: «Батьшко, батьшко, посмотри што я устроилъ съ твоей матушкой». — Што такое? — «Да посмотри: въ сѣдёлкѣ и въ уздѣ, и кропы́льница .. . .». Матушка съ тѣхъ поръ полно смѣя́ться.

(Слышалъ дома, въ лѣсѣ).

253.

Попадья по-нѣмецки заговорила.

Жилъ былъ попъ съ попадьей, и былъ у нихъ казакъ. Попадья попа не любила, зналась съ дьячкомъ, а этого казака было ряжено триста рублей до тѣхъ поръ, пока попадья по-нѣмецки не заговоритъ. Попъ и говоритъ: «Матушка, ты не учись по-нѣмецки, этотъ казакъ у насъ вѣкъ проживётъ одинъ». Попадья говоритъ: «До старости жила не училась, теперь неужéле буду?» Попъ зналъ, что попадья дьячка любитъ и просилъ казака: «Казáне, не можешь-ле дьячка розвести какъ небудь?» — Отчего, можно. Ты сегодня нарядись кучеромъ, а попадью попомъ и поѣжжайте, а я дома останусь. — Дьячекъ здритъ: «О, попъ съ кучеромъ куда то поѣхали, надо поспѣшить къ матушкѣ». Одѣлса и къ попадьи побѣжалъ. Казакъ одѣлъ попадьи́но платьё, увезалса и хóдитъ по кóмнатамъ. Дьячёкъ прибѣжалъ и заходитъ къ попадьи въ зало; съ попадьей поздоровалса, сѣли розговаривать; дьячекъ сталъ къ ей приступать. Казакъ пошолъ, на кровать повалилса. «Ну, иди давай». Дьячекъ пришолъ, на кровать свалилса, ... вы́тенулъ и лежитъ. Нова попадья взяла . . . . въ руки, наклони́лса да и откусилъ. Дьячекъ побѣжалъ домой, изъ подштаниковъ кровь валитъ. Попадья пріѣхала съ попомъ изъ гостей. На другой день попъ съ казакомъ пахать запоѣжжали; уѣхали, а дьячёкъ и думатъ: «Ну, ладно, схожу я къ попадьи отомщу, што нибудь сдѣлаю». Попадья нечего не знатъ этого дѣла, приматъ его по старому; а дьячекъ невесёлой. Попадья спрашиватъ: «Што ты такой, невесёлой?» — Такъ, ничего. — «Не хошь-ле пойсь сёмушки?» — Нѣтъ, не хочу. — «Не хошь-ле осетри́ны?» — Какъ бы съ твоегó языка, дакъ поѣлъ бы. — А у кухарки дьячковскій . . . . былъ вы́жаренъ, казакъ подсунулъ. Попадья кричитъ кухарки: «Тащы сюды всё, сёмгу и осетрину». Кухарка принесла, на столъ положила; попадья взяла . . . . на языкъ, гры́зла, гры́зла, розгрысть не могла и высунула на языкѝ и говоритъ: «На, ѣшь». Дьячекъ схватилъ, да съ языкомъ и откусилъ. Попъ воротился, попадья говорить не можетъ, нѣмая; попъ говоритъ: «Што тако!» Роботникъ говоритъ: «Э, батюшко, рощотъ позволь, попадья по-нѣмецки заговорила».

Макаровъ, Илья Николаевичъ.

И. Н. одинъ изъ лучшихъ моихъ сказочниковъ вообще, а въ поѣздку лѣтомъ 1907 г. пожалуй самый лучшій въ смыслѣ техники разсказа. Репертуаръ его сказокъ не такъ великъ и довольно однообразенъ, но разсказываетъ онъ мастерски, иногда довольно легко подбирая рифмы, а одну сказку онъ началъ говорить мнѣ прямо стихами. Живетъ И. Н. очень не богато, въ маленькой избушкѣ въ концѣ села; ему уже 51 г. отъ роду, но онъ и до сихъ поръ сильно любознателенъ и очень всѣмъ интересуется, отъ открытій техники, до политики включительно. И. Н. кончилъ курсъ сельской школы, причемъ очень хорошо учился и особенно былъ понятливъ въ ариѳметикѣ; ему очень хотѣлось учиться дальше и учитель совѣтовалъ, но не захотѣла мать. Его родной братъ оказался въ лучшихъ условіяхъ: онъ кончилъ шкиперское училище, знаетъ по словамъ И. Н. 8 языковъ и теперь живетъ въ Нью-Іоркѣ. И. Н. большой вольнодумецъ: съ большимъ сарказмомъ относится онъ не только къ православному духовенству, но и къ раскольничьимъ учителямъ, наставникамъ и начальникамъ, а также и къ самимъ старообрядцамъ и ихъ вѣрѣ. Не вѣритъ ни въ чертей, ни въ лѣшихъ, хотя и разсказывалъ мнѣ про нихъ. Въ море не хаживалъ, сказки слышалъ дома отъ стариковъ и на промыслахъ «въ лѣсѣ».

254.

Козелъ и баранъ.

Козёлъ да боранъ ходили полѐсовать. Шли, шли, а волки обѣдъ варятъ. Боранъ косúлся, да косúлся да волка одного и розбýлъ. Тѣ бросúлись, всё пролили, чашки-ложки приломали, давай въ погоню. А козёлъ борану и говоритъ: «Боранъ, куда мы?»—А на лѣсúну.—Вотъ они и полѣзли. Лѣзли, лѣзли, боранъ-отъ оборвáлса, рогомъ за сукъ захватилса, сукъ-отъ сломилса, боранъ палъ и убилса.

Адр. 187

255.

Загадки.

Жилъ былъ покойной мужичокъ, ходилъ онъ въ кабачокъ и посѣщалъ бардачокъ. Женился онъ на двадцать перьвомъ году и заѣхалъ жонкѣ . . . . и сдѣлалъ сына бѣду́, и назвали его Иванъ Го́лой, дворъ полой, скота не́ было и запирать не́кого. Ѣхалъ мимо этой деревни баринъ, у Ивана Голого выпросился ночевать. Иванъ Голой: «Я бы радъ пустилъ, да у меня жона родила́».—Дакъ ты возьми меня ку́момъ.—Иванъ согласился. Баринъ одержа́лъ хресника и уѣхалъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ проѣжжать мимо эту деревню и спрашивать у робятъ: «Нѣтъ-ли э́тта Ивана Голого сына?» Выходитъ мальчикъ.—А я.—«А гдѣ твой отецъ?»—А уѣхалъ сѣ̀ять хлопотъ.—«А мать ваша гдѣ?»—А дѣлатъ одного изъ двухъ.—Крёсной не сталъ больше нечего спрашивать. Пріѣжжатъ въ гости къ нимъ, а мать сидитъ шьётъ. «Экой хресникъ, меня обмани́лъ, сказалъ: «дѣлатъ одного изъ двухъ». А она и отвѣчатъ:—Да, вотъ мой кафтани́шко, да му́жнёй балахонишко, сыну изъ ихъ серту́къ шью.—«А гдѣ вашъ мужъ?»—А уѣхалъ рѣпы сѣять.—«А хресникъ сказалъ уѣхалъ сѣять хлопо́тъ:»—Да онъ сказалъ правду: когда рѣпа выростётъ, робята станутъ воровать, а онъ станётъ хлопотать, какъ-бы не украли.—Кре́сному хресникъ понравился, онъ и сталъ просить: «Дайте мнѣ-ка его, я вамъ денегъ дамъ». Они отдали. Крёстной привёзъ хресника. Хресникъ сталъ большой, вдругъ царь кличъ кличетъ: «Кто загадку загадатъ, а царска дочь не розгадатъ, за того царь дочь за́мужъ отдасъ». Вотъ Ивана Голова сынъ пошолъ загадывать загадку; взялъ съ собой два яича́, приворотилъ на бо́йну, тамъ корову бьютъ, а въ брюхѣ у ней телёнокъ; на куфнѣ его сварилъ и съѣлъ. Приходитъ къ царевнѣ. Царевна спрашиватъ: «Зачѣмъ пришолъ?»—Пришолъ загадку загадывать, да васъ замужъ брать.—«Ну, говори»—А вотъ: зарожо́но, а на свѣтъ не спорожо́но, я былъ смѣлъ, взялъ изжарилъ да и съѣлъ.—Царевна этой загадки не могла розгадать. Она показала ему груди и спрашиватъ: «Котора отцова, котора материна?» А онъ вынулъ изъ кормана два яица и спрашиватъ: «Которо яицо старой курицы, которо

молодой?» Она тоже не знатъ. Она опять спрашиватъ: «А што это: я на войны не была, а ра́нена?» И сорочку при́зняла. А онъ и отвѣчатъ: «Да, у меня не велико ружье, да такъ въ цѣль бьётъ, што не разу мимо не проле́титъ». Взялъ да и стрѣлилъ. Тогда она взяла его за руку и повела къ отцу: «Вотъ, батюшко, мой сужоной».

(Сказывалъ старой нёноксой старикъ въ лѣсѣ, слышалъ отъ него маленькимъ парнишкомъ).

256.

Иванъ Ивановичъ.

У богатова мужика была дочь, онъ её не за кого не выдавалъ, а недалёко жилъ сапожникъ Иванъ Иванычъ, шилъ да пѣсни пѣлъ, шилъ да пѣсни пѣлъ. Сошилъ попу сапоги, а попъ за работу далъ ему всё копейками. Ну, ладно, вотъ Иванъ Иванычъ посылатъ къ богатому мужику просить четверика смѣрять деньги. Богатой мужикъ усумнилса: «Ужо́ли у его столько денёгъ, што онъ пересчитать не можотъ? не даромъ пора́то онъ веселъ». Послалъ послушать роботника. Иванъ Иванычъ положилъ поповскія деньги въ четверикъ, потомъ па́ полъ, такъ взадъ вперёдъ и грохоти́тъ, только звонъ стоитъ, какъ деньги брякаютъ. Копейку въ щель запѣхалъ и четверикъ отнёсъ. На другой день опять пришолъ, проситъ: «Сегодни серебро перемѣрять». Гривеникъ запѣхалъ въ щель и назадъ четверикъ отнёсъ. Въ Пасху пришолъ Иванъ Иванычъ къ богатому купцу въ гости. Вотъ богатой мужикъ и говоритъ: «Иванъ Иванычъ, вы бы женились».—А што женичча: на бѣдной не хотча, а богатой не даютъ.—Богатой и говоритъ: «Да, пожалуй и я бы Машу отдалъ». И свадьбу сдѣлали, придано хоро́шо далъ. Иванъ Иванычъ женилса, придано про́пилъ, а Машенька эта жизнью довольна была, жила съ имъ хорошо. Разъ приходитъ Машинька къ обѣднѣ, попъ глядѣлъ, глядѣлъ да и обза́рилса. «А што попросить, не дасъ-ле?» И дьяконъ засмотрѣлса, и дьячекъ тоже здумалъ и всѣмъ захотѣлось. Обѣдня отошла, попъ Машиньку настигъ и говоритъ: «А нельзя-ли, Машинька, придти съ тобой позабавитьця?»—А приди.—Послѣ попа и дьяконъ настигъ. Она и дьякону тоже сказала. А послѣ

дьякона и дьячо́къ. Мало, попъ и бѣжитъ. Машинька за самоваръ посадила, сидятъ розговариваютъ: «Ахъ, хто-то идётъ».— А я куда?—«А поди во дворъ, на полку сеть». Попъ и сѣлъ. Пришолъ дьяконъ, Машинька и его къ самовару посадила; сидятъ чай пьютъ. Мало и опять ворота брякнули. «Ахъ хто-то идётъ».—А не мужъ-ле?—«А я куда?»—А поди во дворъ, на полку сеть.—Дьяконъ на полку заскочилъ, сидитъ попъ. «Ты, попъ, пошто здѣсь?»—А такъ. А ты пошто?—«А и я такъ». Пришолъ дьячёкъ, сѣли чай пить, и опять ворота брякнули, Иванъ Иванычъ самъ идётъ. Она и дьячка на полку посадила. Иванъ Иванычъ и говоритъ: «Эхъ, Машинька, ты сегодня одна сидишь; ты бы отъ скуки ради пригласила попадью, дьяконицу да дьячиху; вы-бы вмѣстяхъ покаля́кали». Машинька побѣжала за матушкой, позвала въ гости дьяконицу и дьячиху. Матушка приходить, а Иванъ Иванычъ одинъ сидитъ. Вотъ они разговариваютъ. «Я вѣдь, матушка, корову нову купилъ». И пошли смотрѣть, корова попадьи понравилась. «А што, Иванъ Иванычъ, продай корову-ту».—Нѣтъ, матушка, продать нельзя, развѣ . . . . . . можно. — «Да и въ самомъ дѣлѣ, однако у меня попёнко то ста́ро; а скажу што деньги отдала».—Дакъ што, куда пойдёмъ.—«А куда пойдёмъ, соломы на рундучёкъ постелёмъ». Послали и повалились. Попъ на полкѣ сидитъ и говоритъ: «Я, робята, скочу». А тѣ за волосы держатъ.—Нѣтъ, не скачи́, насъ вы́дашь.—Попадья платьё тутъ и замарала и домой ушла. Мало идётъ дьяконича, а Машиньки всё нѣтъ. Опять пошли корову смотрѣть и такъ же согласились, какъ и съ попадьёй. И съ дьячихой тоже. Вотъ на завтре Иванъ Иванычъ стаётъ, надѣватъ вя́зочку на рога и ведётъ корову попадьи́. Приводитъ, попадья стрѣчатъ: «А Иванъ Иванычъ, заводи въ хлѣвъ».—Нѣтъ, заводить нельзя.—«А почему?»—Надо съ васъ росписку взять, что у меня корова не продана, а . . . .— «Што ты, убирайся ты и съ коровой».—Нѣтъ, я вѣдь не попъ, вертѣть душой не хочу. — «На ты, возьми ради Христа, сто рублей, только веди корову домой». И къ дьяконицѣ привёлъ, и съ ей сто рублей взялъ, и съ дьячихи сто рублей; тѣмъ и кончилось.

— — — — -

257.

Шантря́пъ.

Два товарища за́рились на одну дѣвушку, и если бы они стали свататься, она-бы за любого пошла; они дали слово на ей некоторому не женитца. Одинъ уѣхалъ въ ярманку, а другой на ней и женилса. Тотъ пріѣжжатъ, ему и стало обидно, онъ запьянствовалъ и всё пропилъ, сталъ ходить шантря́помъ, куски сбирать. А тотъ съ женой живётъ хорошо. Разъ они сидятъ, пьютъ чай подъ окномъ, а пьянчужка и идётъ мимо. Товарищъ и говоритъ: «Ты знаёшь этого человѣка, это вѣдь бывшой мой товарыщъ, я ему причиной». И розсказалъ всё какъ было. Жена задумала созвать этого человѣка къ себѣ, роспросила, какъ было дѣло, онъ ей всё розсказалъ, она и говоритъ: «Я васъ поправлю». Стала давать ему денёгъ, онъ сталъ къ ей ходить безъ мужа. Мужъ узналъ и сталъ спрашивать у товарища, гдѣ онъ берётъ деньги и сталъ звать въ гости. Тотъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, при́ пирѣ, при бра́жки, дакъ всѣ дружки, а при́ гори, при бѣдности, нѣтъ никого».— А гдѣ вы деньги берёте?—«Да я архирея . . .». А товарищъ съ женой переговорилса, жена нарѣдилась архиреемъ и пошла въ садъ, а мужъ впереди въ саду въ бесѣдки подъ кровать и повалилса. Жена архиреемъ пріѣхала и говоритъ: «Сегодня какъ долго нѣту». Мало и молодецъ ѣдётъ. Повалились на кровать, какъ кончили дѣло, архирей выниматъ петьсотъ рублей, а мужъ всё слышитъ. Простились и поѣхали. Мужъ вышолъ изъ подъ кровати и къ архирею на домъ, а настоящій архирей только пріѣхалъ отъ обѣдни. «Дома-ли владыко?»—Дома.—«Нельзя-ли увидать?»—Можно.—Онъ пришолъ, архирей-отъ и спрашиватъ: «Что вамъ надо»—А вотъ, преосвященнѣйшій владыко, я видѣлъ какъ васъ сегодни въ бесѣдкѣ . . . ., да только вы платите дорого, я бы взялъ дешевле.—Архирей стоитъ: «Што ты, дуракъ, съ ума сошолъ?» Архирей закричалъ слугъ, его вывели да и въ сумашедшой увели. Жена узнала, подкупила сторожовъ, чтобы ему дали яду, онъ и померъ, а она за товариша вышла взамужъ.

(Слышалъ отъ нёнокскаго мужика въ кузницѣ).

[illegible]

Заячей пастухъ

[illegible] у [illegible] в[illegible] [illegible]. «[illegible] а [illegible]» — А [illegible]? — «А вотъ [illegible] у меня заячей пастух[illegible], а не [illegible] домой съ плетью». Мужикъ взялся. Утромъ выгонялъ зайцей въ лѣсъ, зайчики розбѣжались. Мужикъ сѣлъ, заплакалъ. Идетъ старичокъ и спрашиваетъ: «О чемъ, добрый молодецъ, плачешь?» — Какъ мнѣ не плакать: сегодня мнѣ-ка по[illegible] домой съ плетью: взялся пасти зайцей, а они розбѣжались. Старикъ и говоритъ: «Не плачь, зайчи прибѣжать». Далъ ему дудку. «Въ эту дудку струбй, зайчики тебѣ прибѣжать». Мужикъ струбѣлъ, зайчики прибѣжали, онъ ихъ и домой пригналъ. И сталъ гонять каждой день зайцовъ. Барину показалось не выгодно, надь отказать, а не знаетъ какъ. А жена догадливе. «Вотъ што, пошлёмъ мы одну-ту дочь, пущай она купитъ у его зайчика одного». Дали дочери сто рублей, послали. Дочь приходитъ. «Пастушокъ, продай зайца».— У меня заецъ не продажной, а завѣтной. — «А великъ-ле завѣтъ»? А сто рублей дашь, да . . . наздашь, дакъ продамъ. Та туда-сюда, потомъ согласилась. Вотъ онъ ей отдѣлалъ, деньги взялъ, зайца отдалъ. Та и пошла; мужикъ какъ въ дудку струбитъ, заечъ отъ ей выскочилъ и убѣжалъ опять къ пастуху. Она пришла домой со слезами. Спрашиваютъ дома: «Да вотъ, я купила зайца, да за мной побѣжали солдаты, я и отпустила». Втора пошла, понесла двѣсти рублей, третья дочь пошла, понесла триста рублей, а сама барыня четыреста рублей. Барыня мужу сказала всю правду, какъ было дѣло. «Надо тебѣ самому ѣхать на кобылѣ». А баринъ и говоритъ:— Да на кобылы нельзя ѣхать, дри́шшотъ.—«Дѣлать нечего, поѣжжай тихонько». Вотъ баринъ сѣлъ и поѣхалъ и спрашиватъ: «Што пастушокъ, продашь зайца?»—Нѣтъ баринъ, у меня заецъ не продажной, завѣтной.—«А великъ-ле завѣтъ?»—А пятьсотъ рублей дашь, да у кобылы . . . . . почѣлуешь, дакъ отдамъ. «Што ты, какъ можно, дуракъ.»—Што дѣлать, такой завѣтъ, а ты какъ хошь.— Ну на это баринъ согласился; у кобылы подъ хвостомъ всё обдристано, взялъ носовой платокъ,

поттёръ и поцѣловалъ, и деньги отдалъ, и зайца взялъ и поѣхалъ. Пастухъ какъ въ дудку стру́битъ, заецъ отъ барина выскочилъ да къ пастуху; баринъ пріѣхалъ не съ чѣмъ. Съ женой дома думатъ, какъ намъ сжить этого мужика, а деньги взять. Жена и придумала. «А пусть сказки сказыватъ, насказыватъ мѣшокъ». Вечеромъ пастухъ приходитъ, хозяинъ и говоритъ: «Времени нынче много свободнаго, ты-бы по вечерамъ сказокъ посказывалъ.» — А во што сказывать-то. — «А въ мѣшокъ».—Ну, неси мѣшокъ покрѣпче.—Пастухъ взялъ мѣшокъ и велѣлъ трёмъ дочерямъ и барынѣ мѣшокъ за углы держать, а барина заставилъ сказки въ мѣшокъ толкать, плотне́ укладывать. И сталъ сказывать: «Жива́ло-быва́ло, живалъ бывалъ баринъ»... И сталъ тутъ ихъ всѣхъ стыдить, какъ они къ пастуху ходили. Какъ про пе́рву дочь сталъ сказывать, она и заговорила: «Ой, тяжело»! Потомъ и вторая убѣжала, и третья. Когда про бароню сталъ расказывать, она говоритъ: «Довольно, полонъ мѣшокъ». А про барина когда сталъ разсказывать, онъ кричитъ: «Довольно, довольно, завязывай». И баринъ прочь отбѣжалъ. Барыня и говоритъ: «Надь намъ, какъ-ле отъ его уѣхать». Кучеръ сталъ повозку налаживать и пошолъ за конями, а пастухъ въ ту пору подъ переплётъ и сѣлъ. Всѣ сѣли и поѣхали; гонили, гонили, баринъ велѣлъ кучеру постоять: «Не бѣжитъ-ле сзади?» Остановились, а пастухъ и кричитъ изъ подъ переплёта: «Баринъ, подожди, денёгъ за пасту́шсьво не отдалъ». Опять баринъ велѣлъ кучеру гнать. На станцію пріѣхали, тольки што баринъ вышолъ, а пастухъ изъ подъ переплёту выскочилъ и бѣжитъ встрѣчу, баринъ ему и остальные деньги за пастушесьво отдалъ.

259.

Чуха́рь *).

Мужикъ пошолъ стрѣлять и завѣтилъ: «Сегодни што подстрѣлю, то и . . . . . .». Пошолъ и пострѣлилъ чухаря́. Домой идётъ, увидала попадья и послала куфарку спросить, сколько

*) Григорій Кашинъ разсказывалъ эту сказку такъ: «быва́ло — жі́вало, былъ у отца сынокъ, отецъ его страшно любилъ и сталъ обучать его охотится, купилъ ему топорі́що свинцу и голенищо пороху и отправилъ на охоту. Вы́стрѣлялъ сынокъ весь порохъ и свинецъ мимо, зарядилъ послѣдній зарядъ и думатъ: «Ну, если кого убью, п . . . . ў . . .». Дальше также, какъ и у П. Макарова, только вмѣсто попа баринъ.

стоитъ. Мужикъ и говоритъ: «У меня завѣтно: не продать, а . . . . Попадья спрашиватъ, а куфарка говоритъ: «Да вотъ. ругаитца». Попадья куфарку послала звать мужика. Мужикъ пришолъ, попадья спрашиватъ; самъ мужикъ говоритъ тоже. Попадья согласилась и говоритъ: «Эдакой ты грязной, развѣ на низъ повалишься, а то меня заморашь». И повалились. Мужикъ нанизъ, попадья наверхъ. Сталъ, мужикъ проситъ денёгъ за чухаря. Попадья говоритъ: «Дакъ какъ? Вѣдь у насъ не въ дéньги ряжено?» — Дакъ вѣдь не я тебя. а ты меня.— Попадья говоритъ: «Ну, пойдёмъ-же снова». И снова сходили. мужикъ сверху, на попадьѣ. Мужикъ опять стоитъ. Попадья спрашиватъ: «Ты што-жо стоишь-то?» — Дакъ какъ, сначала ты меня, потомъ я тебя, а за чухаря деньги?—А попадья говоритъ: «Ну, пойдёмъ въ третей разъ сходимъ». Мужикъ вышолъ въ куфню за шапкой, а попъ отъ обѣдни пришолъ. «Ты што стоишь?» — Да вотъ, матушка чухаря взяла, дакъ дожидаюсь денегъ». Попъ кричитъ: «Што же вы мужика дёржите». Попадья впопыхахъ хватила изъ кошелька вмѣсто рубля десять рублей, сунула мужику и говоритъ: «Убирайся ты изъ глазъ скоре!»

260.

Рождество или Пасха?

Въ одномъ приходѣ былъ священникъ и дьяконъ, настало тёмно время, потомъ стали и дни розсвѣтать. Священникъ и говоритъ: «Дьяконъ. дни стали прибывать, Спиридона прошло. дни стали прибывать на овсяно зѐрнето, надо быть и Рожеству́, а въ какой день, не зна́мъ». Дьяконъ и отвѣчатъ: «Што, батюшко, не сходить-ле въ другой приходъ, къ отцу Вакулу, да у его спросить». А отецъ Вакулъ, въ то время холодной вѣтеръ дулъ, онъ тоже Рожество вспомнилъ, сталъ спрашивать у дьячка: «Посту-ту надо быть конецъ, надо вспомнить про вѣнецъ,—свадьбы вѣнчаютъ».—Дакъ што, сходить-бы въ ближа́йшо село. спросить священника.—Этотъ дьячо́къ надѣватъ свой армячо́къ и отправляется въ путь дорогу. Подошолъ немного. настрѣчу дьяконъ. «А, здравствуй, псаломщикъ Яковъ, куда Богъ понёсъ?»—Да въ вашо село, къ ба-

тюшку, у насъ изъ ума вы́било, когда Рожесьво́.—А дьяконъ идётъ для той-же цѣли. Вотъ они поку́рили, сѣли. Вдругъ изъ ближающей роста́ни, идётъ стару́ха въ долгомъ кафта́ни и дойльничу несётъ. «Откуль, бабушка, идёшь?»—А иду изъ ближней деревню́шки, завтра Рожесьво́ Христово, попросила молочка и сметанки розговѣтся». Дьяконъ и дьячокъ пошли по домамъ. Дьяконъ пришолъ къ свещеннику, тотъ спрашиватъ: «Ну, што узналъ?»—Узналъ, завтре.—«Завтре, дакъ надо вечéрня звонить».—Да есь-ли верёвка у языка-то?—Дьяконъ прибѣжáлъ, не то што верёвки, у большого кóлокола язы́ка нѣтъ. «А гдѣ онъ?»—А мы осенéсь на овинъ дрова кололи, тамъ и забыли.—«Эка, парень, да вѣдь теперь занесло». Стали розрывать, языкъ нашли, привезали. Въ утря́хъ стали звонить зау́трену. Народъ пришолъ, попъ пошолъ кадить; покадилъ, не съ привычки руки устали. Заставилъ дьякона другой разъ покади́ть. Дьяконъ пошолъ кадить да и не умѣетъ, кадилъ да мужику мéжъ ноги толкану́лъ. А мужикъ и говоритъ: «Што ты, дьяконъ, у меня чуть я́ичи-то не разбилъ». Дьяконъ бѣгомъ въ олтарь: «Бáтьшко, старуха-то насъ вѣдь оммани́ла, думали Рожесьво́, а вѣдь Пáска, мужики-те съ е́ичами пришли!» А попъ и говоритъ: «А вѣдь въ Паску долго не служатъ». Взялъ крестъ, вышолъ, началъ гради́ть на всѣ стороны. «Христосъ Воскресъ!» Мужикъ одинъ и говоритъ: «Эко немѣтно дѣло! Сей годъ хотѣлъ парня женить, ждалъ Рожесьва, а пришла Паска». А другой мужикъ и говоритъ: «Ну, слава Богу, хотѣлъ сѣна купить, а послѣ Паски немного и корму надо».

261.

Попъ и лѣшій.

Попъ сѣялъ рѣпу, хто-то испугалъ его кобылу, кобыла убѣжала и борону приломала. Попъ побѣжалъ за кобылой и говоритъ: «Возьми лѣшой и рѣпу всю! Кобыла убѣжала да и бороны жáлко». Осенью рѣпа выросла хорошая, попъ пришолъ рѣпу рвать, а лѣшой пришолъ и говоритъ: «Што ты, попъ, вѣдь ты мнѣ отдалъ рѣпу-то. Я всё лѣто воду носилъ, да поливалъ».—А я всё лѣто молебны пѣлъ, да Бога просилъ.—А попадья и услышала. «О чёмъ вы спорите?» Лѣшой и го-

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] «[illegible]». [illegible] Дьяконъ отвѣчаетъ: «Старуха [illegible]». Дьяконъ опять поетъ: «Подай. Господи». Попъ опять говоритъ: «Дьяконъ, дьяконъ, посмотри [illegible] не видать ли кто, не несётъ-ли чего?» Дьяконъ отвѣчаетъ: «Идетъ мужикъ, несётъ дубину на поповскую спину». Попъ и дьяконъ запѣли: «Тебѣ, Господи!»

263.

Старухина молитва.

Одна старуха скупа была, а у ихъ была икона больша. И старуха каждой день этой иконы молилась. А казакъ былъ парень молодой, онъ подмѣтъ, да и станетъ за эту икону. Старуха встанетъ въ утрахъ и молится: «Присвятá ты Богородица.

сохрани и помилуй». А парень говоритъ:—Не помилую, зачѣмъ худо казака кормишь.—Старуха опять молится: «Очисти мою душу грѣшну». Казакъ и говоритъ:—Очищу, очищу.—«И мужа очисти».—Очищу, очищу.—«И зятя моего очисти».—Успѣю, дакъ и того очищу.—Старуха ушла, казакъ старухины деньги, сколько было, о́бралъ и у мужа о́бралъ, а зять въ другомъ домѣ былъ, къ тому и не сходилъ. Старуха схватилась, денёгъ нѣтъ: «Ахъ, это вѣрно меня Господь очистилъ, Ему доброхо́ту зана́добилось». А казака изъ пищи стала кормить хорошо, а не подумала, што это казакъ. Казакъ и хорошой пищи добился, и деньги взялъ.

264.

Жену выпыталъ.

Жена имѣла любовника, а мужу вѣра была узнать. Вотъ онъ разъ пришолъ невесёлой, жена и спрашиватъ: «Што ты, Иванъ, невесёлой?»—А вотъ былъ на сходкѣ, да сдѣлали такой приговоръ, чтобы у каждой жены было два мужа. Я у тебя одинъ, кого мы другого-то поставимъ?» Она и говоритъ:—Вотъ объ чёмъ печалится! Подго́рнёй-то Федотъ меня ужъ три́ года . . . . ., вотъ его и пиши.

265.

Присказулька.

Жилъ былъ мужикъ, была у него кобылка ледення́, плётка горохова, товару коробъ лоску́тья, ложки сере́бренны. Поѣхалъ мужикъ на рынокъ продавать. Ѣхалъ дорогой, а кричитъ старушка: «Кумъ. приворачивай на спутьё». А мужикъ былъ глухой, ему послышалось: «Кинь лоску́тьё», онъ и кинулъ. Дорога была тря́ска, ложки забренча́ли, онъ подумалъ задрались, онъ и тѣ кинулъ. Ѣхалъ, мужики обѣдъ варятъ, кобылка къ огню пришла да и ростаела. А плётку горохову вороны склева́ли и ничего не стало. Вотъ онъ пошолъ домой, летатъ птичка,

кричитъ: «Синь кафтанъ да хорошъ». А ему почулось: «Скинь кафтанъ да положь». Онъ и положилъ подъ кокóру и теперь не знáтъ подъ котору.

266.

Про чертей.

а) Мужикъ шолъ въ Нёноксу, на мосту, на истокѣ въ Куртя́ву идти, увидалъ на мосту сидитъ чертовка и прикокóкиватъ: «Было у меня цвѣтно плáтьё, всё отняли, а нынче пойду въ воду, по нѣмецку моду, про пёстро платьё, да про коротки волосы, и больше некогда не выйду и не покажу голосу».

б) Мужикъ рыбу ловилъ на А́мборскихъ озёрахъ (тамъ гдѣ скиты), увидалъ чорта на зая́кѣ. Чортъ сидитъ, качáится и говоритъ: «Гóдъ году хуже, гóдъ году хуже, гóдъ году хуже». Мужикъ его весломъ и хлопнулъ.—А этотъ годъ тебѣ хуже всѣхъ.—Да и убилъ.

Скребцовъ, Өедоръ Егоровичъ.

Хозяинъ моей отводной квартиры, 45 лѣтъ, грамотный и читающій книги и журналы человѣкъ. Сначала, плохо понявъ мои цѣли, все намѣревался разсказывать мнѣ анекдоты, которые онъ вычиталъ въ разныхъ юмористическихъ журналахъ и въ «смѣси» календарей.

267.

Хитрая жена.

Въ одномъ городѣ деревенской мужикъ заходитъ къ купчихѣ и проситъ подая́ніе. Она дала и велѣла еще притти на зáвтре въ десять часовъ. Онъ послѣ этой купчихи обходилъ магазины. На завтре явился къ купчихѣ, она его угостила и дала ему сто рублей (пригласила по настоящему), послѣ этого опять просила притти на зáвтре, въ тѣ-же часы. Послѣ этого

онъ заходитъ къ ейному мужу и покупатъ разны продукты. Купецъ спрашиватъ: «Отчего разбогатѣлъ, когда вчерась не было копейки?» А мужикъ говоритъ: — Мнѣ дала денегъ купчиха въ такомъ-то домѣ.—По разсказу купецъ узналъ, что это его жена. «А на завтре пойдёшь къ ей?» спрашиваетъ купецъ.—Пойду, въ десять часовъ.—Купецъ приходитъ въ десять часовъ домой, обыскиватъ весь домъ и не находитъ. Въ окно она замѣтила, што идётъ мужъ, запрятала пріятеля въ пуховикъ, выбросила на дворъ. На утро въ магазинъ къ купцу приходитъ мужикъ, купецъ спрашиватъ: «Это моя жена, ты не стѣсняйся, а я мужъ её. На завтре пойдёшь къ ей?»—Пойду, тоже въ десять часовъ. — На завтре, когда купецъ подходитъ къ дому, жена спрятала въ гардеро́бной шкапъ. Купецъ искалъ и опять не нашолъ; мужъ говоритъ: «Новой рево́рверъ принёсъ, погляди-ко». Жена говоритъ: — Да тебѣ изъ него и въ шкапъ не попасть.—Мужъ нацѣливаетъ въ шка́пъ и дѣлаетъ вы́стрѣла, а жена толкану́ла подъ стволъ, и выстрѣлъ попалъ въ потолокъ. Мужъ опять съ досады убѣжалъ въ магазинъ. Мужикъ опять является въ магазинъ къ купцу послѣ этой сцены. Купецъ спрашиватъ: «Ты гдѣ былъ, когда я искалъ тебя?» — Я былъ въ шкапу; вы стрѣляли въ меня и не попали.—«А на завтре пойдёшь?»—Пойду, въ то же время.—Купецъ приходитъ въ десять часовъ, а жена увидала, што мужъ идётъ, мужика спрятать некуда, она его на чердакъ, въ большой ящикъ, въ сундукъ и заперла́ на замокъ. Мужъ искалъ и найти не могъ; съ этой досады за́перъ домъ и засвѣти́лъ: «Гори-жо всё моё имѣньё, штобы и этотъ гость сгорѣлъ». А въ сундукѣ были прида́нишны старинные ико́ны. Домъ загорѣлся, купчиха умоляетъ мужа: «Пусть всё сгоритъ, спасёмъ хоть мои приданишны иконы». Мужъ согласился: «Старинны иконы жгать грѣшно». Мужъ и жена схватили сундукъ и вытащили на дворъ. Опять въ магазинъ приходитъ мужикъ. Купецъ спрашиватъ: «Сколь дала денёгъ?»—Триста рублей.—«А гдѣ-же былъ, когда домъ горѣлъ?» — Былъ въ сундукѣ съ иконами. — «Молодецъ-же, когда мнѣ всё розсказалъ, вотъ тебѣ еще шесьсотъ рублей, только уходи изъ города». А жены паспортъ и розводную.

(Слышалъ отъ солдата изъ Саратова; былъ сапожникомъ въ Нёноксѣ, утонулъ въ морѣ).

268.

Елизаръ Елизаровичъ.

Былъ нѣкто Елиза́ръ Елиза́ровичъ, былъ круглой сирота, не отца не матери и состоянія не было, совсѣмъ голышъ. Задумалъ жени́тча, нашолъ себѣ сва́ху. Сваха звила́сь, въ дорожно платьё оболокла́сь и по дорогѣ поволокла́сь, не доходитъ до купцова дома, двери находитъ; какъ праву ногу черезъ порогъ перенесла́, такъ доро́жно платьё розболокла́; стала класъ поклоны, гдѣ стоятъ светы́ иконы, и говоритъ съ купцомъ рѣчи. Купецъ говоритъ: «Объ чёмъ сваха ходишь, объ чёмъ безпокоишься?» — Объ добромъ дѣлѣ, о сватовьсвѣ: у меня есь женихъ, а васъ невѣста, нельзя-ле сообщить въ одно мѣсто? Мужикъ солидный, имѣетъ капиталецъ видный, домъ но́вой, крытъ нёбомъ, окольницы двойны́, только щёлки одны́, глядитъ, какъ изъ тюрьмы. Конторы содёржитъ, денегъ своихъ не издёржитъ, деньги ходятъ въ барака́хъ, а родятся въ своихъ рукахъ.— Купецъ говоритъ: «Есь-ли у него отецъ-мать?»—Что отца-мать поминать: отецъ былъ попени́съ поваленъ въ землю вничъ, а мать попени́ста, похоронена по жолтому мѣсту.—Купецъ говоритъ: «Изъ твоихъ я вижу басенъ, за жениха я дочь отдать согласенъ». Сваха опять звила́сь, въ дорожно платьё оболокла́сь, по дорогѣ поволоклась и доходитъ до женихова дому, двери находитъ, какъ праву ногу черезъ порокъ перенесла, дорожно платьё розболокла, стала къ печи и говоритъ съ женихомъ рѣчи. «Что, сваха, выговорила-ли невѣсту?» Высватала, готовся къ вѣнчанью.—У жениха былъ дырявый балахо́нъ и теперь не знатъ гдѣ онъ; сапожо́нки стары и тѣсны́, не одѣва́лъ съ осени до весны, не влѣзли на́ ноги, прирвали́сь; былъ боро́къ, на печи сожо́гъ. Вышолъ на улицу: «А́ти, а́ти, всеми́рная бра́ти, нарядите молодца, ради купеческой дочери вѣнца». Господинъ сжалилса одинъ, одѣлъ, далъ денёгъ на вѣнечъ и былъ тому дѣлу конечъ. Елизаръ женилса счасливо, хорошо́, черезъ годъ сынъ роди́лся, погодя́ опять друго́й. Сыны были оба Елизаръ Елизаровичи, подросли, здумали па́шню паха́ть. Пахали, пахали, не захотѣли, взяли прирубили соху топоромъ, кобылу спустили съ высокой горы клепикомъ и борону на огонь. Задумали рыбу ловить: ловили, ловили и утонули; три года тонули, не могли

утонуть, три года черти тянули, не могли утянуть; вышли на берегъ, на берегу колодечъ, въ колодчѣ щу́ка да еле́чъ и сказкѣ конечъ.

(Слышалъ отъ здѣшнихъ стариковъ. Но бывало приходили изъ другихъ странъ, и масса сказокъ переводилось).

Макаровъ, Иванъ Алексѣевичъ.

Живетъ въ Нёноксѣ, 45 лѣтъ отъ роду. И. А. разсказалъ мнѣ только одну сказку и то плохо, но въ погостѣ всѣ указывали на него, какъ на единственнаго человѣка, знавшаго комедію «Царя Максимильяна». И. А. дѣйствительно зналъ «Максемья́на» и кромѣ того «Шайку разбойниковъ», которые онъ мнѣ и разсказалъ. Не бывалъ, т. е. не плавалъ въ качествѣ работника ни въ морѣ, не работывалъ «въ лѣсѣ», не бывалъ на лѣсопильныхъ заводахъ, все «бился около дому». «Царя Максемьяна» и «Шайку» знаетъ потому, что самъ участвовалъ въ нихъ, исполняя обыкновенно роль Адольфа и Есаула.

269.

Аф. 223

Шутъ.

Въ одной деревнѣ жилъ шутъ. Недалеко отъ деревни у купца былъ пиръ, на пиру былъ попъ; услыхалъ онъ, что есть шутъ, которой, каку угодно можотъ шутку сшутить. Шутъ пріѣхалъ и спрашиваетъ попа: «Какую тебѣ шутку сшутить, за сто рублей или за двѣсти».—Въ сто рублей.—Шутъ взялъ деньги и унёсъ. Попу денёгъ жалко стало и поѣхалъ къ шуту денегъ просить и видитъ, сидитъ дѣвица подъ окномъ. Онъ и спрашиваетъ: «Шутъ дома?»—Дома нѣту, а съ его денёгъ не получишь.—«А вы хто?»—А я сестра и зовутъ меня Шу́та Баламу́та да шу́това Маршу́та. Возми меня въ роботницы, я деньги сто рублей отработаю.—А это шутъ и былъ. Попъ взялъ и заставили баню топить. У священика было три дочери. Шутъ пошолъ въ баню, со старшой дочерью и познакомился, потомъ

и со второй, даже и до третьей дѣло дошло. Не черезъ долгое время сталъ свататься женихъ за старшую дочь. Она оказалась беременна; женихъ сталъ свататься на второй и на третьей и тѣ были беременны. Попъ и придумалъ отдать Шутову Маршу́ту. Обвѣнчали, положили спать, мужъ сталъ ее обнимать, ласкать, а жена говоритъ: «Вы меня пожалуста не троньте, я не могу ничего терпѣть». А мужъ говоритъ: — Дакъ какъ-же, разъ обвѣнчались дакъ? — «А вы лучше отпустите меня до вѣтра». Мужъ и пошолъ, а она и говоритъ: «Мнѣ при васъ совѣсно, привежите верёвку». Онъ привезалъ, она и пошла. Шутъ привезалъ борана за рога, мужу скучно стало ждать, онъ и спрашиватъ: «Што долго?». Отвѣту нѣтъ. Мужъ и потенулъ за верёвку и вытащилъ борана. Извѣстили батюшку. Шутъ перенаредился въ мужицкое платьё, пришолъ къ батюшку сестра провѣдывать: «Каково моя Маршу́та поживатъ?» —Очень хорошо, да я её отдалъ взамужъ, но только, что она на первой ночи отъ мужа убѣжала.—Шутъ сталъ просить Маршу́ту, попъ и зять заплатили шуту по 100 рублей, што бы онъ некуда не ходилъ и не просилъ на нихъ. Шутъ не согласился, попъ и зять прибавили еще по сту. Шутъ сказалъ: «Ну, давай, чортъ съ ей, быватъ и найдётся». Четыреста получилъ и ушолъ. Отъ этого Шута не далёко жили розбойники; узнали что у шута денёгъ много. Шутъ догадалса, что розбойники придутъ, онъ взялъ затащилъ въ избу лошадёшку и подалъ нему́дринького кормишечку, привезалъ ко хвосту мѣшочикъ съ деньгами. Розбойники заходятъ въ избу, шутъ по мѣшочку и ударилъ молоточкомъ, деньги розсыпались. Шутъ и говоритъ розбойникамъ: «Тише, братцы, вишь кобыла серебромъ серётъ, если-бы кормилъ овсомъ, золотомъ-бы срала».— Продай намъ кобылу? — «А купите, двѣсти рублей возьму». Дали двѣсти рублей, повалили на телѣгу и привезли домой; завели въ комнату, подослали ковровъ на́ полъ, надавали овса и сидятъ, дожидаютъ, скоро ли кобыла золотомъ засерётъ. Кобыла ѣла, ѣла, объѣлась и задристала, всё ога́дила. Розбойники и говорятъ: «Пойдёмъ и шута убьёмъ». Шутъ догадалса, взялъ заколол телёнка, изжарилъ, поставилъ на столъ. Розбойники вошли, онъ ихъ садитъ: «Садитесь, гости любящи, покушать». Розбойники закусили и говорятъ: «Пойдёмъ съ нами, мы тебя удавимъ». Повезли. Привезли къ пролуби и оставили зашитымъ въ кулѣ, пролубь замерзла, спустить нельзя́ было; розбойники

пошли за топоромъ да за пе́шней, чтобы пролубь розчистить. Ѣдётъ по дорогѣ писарь, шутъ ему и кричитъ: «Вотъ какія чудеса! тянутъ меня за волоса на небеса, только судить не умѣю, давай мѣняться». Писарь согласился. Помѣнялись. Шутъ залѣзъ на лошадку и уѣхалъ. Розбойники пришли, розчистили пролубь и пустили куль въ воду. Идутъ домой, а шутъ на встрѣчу: «Здравствуйте, робята!»—Да ты шутъ здѣсь?—«Здѣсь». —Какъ очутился здѣсь.—«Я тамъ коней ималъ, видите теперь у меня сивко да бурко». Розбойники и говорятъ: «Шутъ, соспускай и насъ». Онъ согласился, принесли кульё, онъ всѣхъ и переспуска́лъ.

Трифоновъ Ѳедотъ.

Ѳедотъ Трифоновъ, старикъ 73 лѣтъ, живетъ въ селѣ Сюзьмѣ, на самомъ берегу моря. Говорилъ мнѣ, что «въ старину хорошо зналъ много сказокъ, теперь всѣ перезабылъ, не помнитъ и́стово, а слова два-три знаетъ, не стоитъ разсказывать».

270.

Съ промысломъ.

Пошолъ человѣкъ въ лѣсъ, ходилъ день, некого не могъ упромышля́ть. Стало темнѣть, онъ и оприста́лъ. Опе́рса о лѣси́ну отдохнуть, а ружьё было на плечѣ, дуломъ кверху. Лѣси́на лапой по́ глазу хлопнула, искры изъ глазъ и полетѣли, одна искра и попала въ запа́лъ, ружьё и выстрѣлило; а на вершинѣ сидѣлъ чуха́рь, чухарь-то палъ да зайца убилъ. Вотъ мужикъ и съ промысломъ.

271.

Ваня и Ма́ха.

Человѣкъ молодой ходилъ въ лѣсъ, сидитъ за́ецъ, подъ зайца подошелъ, ружьё наладилъ зайца подстрѣлить, и говоритъ: «Шкуру продамъ, на шкуру женюсь, дѣтей будетъ двоё,

Ванька и Машка. Дѣти выростутъ и забалуютъ, я ихъ буду унимать: «Ваня да Ма́ха, полноте баловать!» Скрычалъ; заецъ и убѣжалъ.

Корельскій, Степанъ Петровичъ.

Хозяинъ земской станціи въ селѣ Красный Боръ. Въ молодости зналъ пѣсни и сказки, но съ 20-ти лѣтъ пришлось кормить семью, и сказки и пѣсни «вылетѣли изъ головы». Про лѣшаго и водяного разсказывалъ изъ собственной практики.

272.

Лѣшой.

Я пошолъ полѣсовать, день былъ туманной (со́нча не было). Межу тѣмъ нашолъ рябчиковъ стадо и у́чалъ ихъ промышлять и промышлять не стало дава́тча, ружьё не полетѣло. Я у́чалъ пома́терно руга́тча. День этотъ прошолъ, я нечего не попромышлялъ и вышолъ я къ озеру своёму въ десять часовъ вечера, въ потёмкахъ въ глухихъ. И послѣ эфтого быва́нья накла́лъ папиросу, пошолъ домой. Ну, отошолъ я отъ этого мѣста, гдѣ курилъ, и мнѣ целовѣкомъ показалось, замѣсто рябовъ. Онъ и спросилъ меня: «Каково промышлялъ?» А я ему отвѣтилъ пома́терно. «Когда ты сегодни не промышлялъ и впёрёдъ тебѣ промысла не будётъ», отвѣтилъ онъ на моё слово. Онъ сталъ меня звать съ собой. «Пойдёмъ со мной, я видѣлъ рябовъ довольно». На эфтотъ конечъ я ему опять отвѣтилъ поматерно, да наконечъ того взялъ, стрѣлилъ на испа́шку (черезъ плечо свое назадъ). Онъ загра́ялъ, да и потеря́лса.

273.

Водяной.

Ходилъ за рябчиками, ночью часовъ въ двѣнадцеть, хотѣлъ черезъ рѣку брести, попадалъ къ лѣсной избушкѣ; спустилса въ рѣку и мнѣ показалса водяной хозяинъ, и въ этой рѣчки

мнѣ показался водяной хозяинъ, какъ есь мѣсецъ пёкъ, пловётъ прямо на меня, я и въ гору выскочилъ, острашился. На гору выбралъ и ночевалъ на горы въ зародѣ, въ ту ночь не смѣлъ брести.

Бабкинъ, Өедоръ Яковлевичъ.

Очень дряхлый старикъ 72 лѣтъ, живётъ въ Красномъ Борѣ. Очень религіозно настроенъ и не захотѣлъ мнѣ ничего разсказать кромѣ двухъ случаевъ изъ своей жизни.

274.

Надсада.

Былъ я въ Новогородчины въ бурлакахъ, ходилъ ночевать въ деревню, съ роботы вёрсты три. Иду, меня надво́рьё понудило, я и остался; догналъ, товарищи пробуютъ силу свою у овина, хто сколько мо́жотъ поднять. Говорятъ мнѣ: «Өёдоръ, можь-ле эту лѣсину на плечо́ поднять?» Я лѣсину схватилъ, на плечо поднялъ и пошолъ по подлѣсины. Товарищи кричатъ: «Неси, неси». А я говорю:—Подьте вы къ матери, чего нести-то?—Взялъ да и бро́силъ. Дерево бросилъ, въ фатеру прибѣжали, соломы нанесли́, въ фатеру повалилися. Поутру́ сталъ, какъ свя́заной, самъ собой владѣть не могу. Въ тотъ день на работу не вышолъ. Да потомъ повалился, да мѣсяцъ въ казармы валялся.

275.

Пометило.

Шолъ по лѣсу, увидѣлъ медвѣжью берлогу, наклонился надъ ней, а тамъ глаза зеленѣютъ, я и испугался. Пошолъ я по лѣсу, бота́ло слышно, а мѣсто сузёмокъ, скотинѣ не́какъ быть. Пошолъ дальше и вижу: самоѣдъ оленя ведётъ и на олени бота́ло, я отъ нихъ прочь съ испугу. Послѣ этого долго хворалъ съ испугу.

Базакова, Ульяна Ивановна.

Старуха 50 лѣтъ, «сирота» круглая, живетъ въ «водихахъ» въ одномъ большомъ семействѣ, въ посадѣ Унѣ. Съ большимъ трудомъ согласилась разсказывать мнѣ сказки, все отговариваясь, что ничего не знаетъ и не помнитъ, а сама просто «стыдилась», какъ созналась впослѣдствіи. «Прежде столь сказокъ знала, что смѣты нѣтъ, а теперь стала хворать и некака́ на умъ не идётъ». Разсказала У. И. мнѣ только тѣ сказки, которыя «изъ устъ не вымётывала, всё робятамъ сказывала». Живя въ водихахъ, чувствуетъ себя очень приниженно и, когда я все время называлъ ее по имени и отчеству, она мнѣ говорила: «Не величай ты меня, Христа ради, какая я тебѣ Ульяна Ивановна!»

276.

Лиса и волкъ.

Жилъ волцёкъ съ лисицькой. У волцька была избушка хворостена, а у лисицьки ледена. Лѣто пришло, а у ей избушка и ростаела. Лисицька пошла къ волцьку на подво́рьё проситця. «Волцёкъ, пусти меня на подво́рьицо?»—Нѣтъ, лиса, я тебя не пущу, самъ повалюсь да и хвостъ ростену.—И другой разъ пришла на друго утро и на третьё пришла. «Хошь на приступоцьку пусти». Волкъ смиловалса, ей и пустилъ. Спала на приступоцькѣ и на пецьку зашла, на пеци́ и зарозгова́ривала. Волкъ спрашиватъ: «Лиси́ця, у тебя хто есь?» — У меня, волкъ нецего́ нѣтъ.—«А у меня ведро масла есть на по́дволокѣ». Лисиця въ трубу ногами и заколотила. Волкъ спрашиватъ: «Лисиця, хто это колотится?»—А это поповы снохи меня бабить зовутъ.—«Поди, лисиця, оба́бь». Лисиця пошла, на подволо́къ забралась и масло и зацяла ведро́-то. Пришла, волцёкъ и спрашиватъ: «Кого Богъ далъ?» — Заци́нышка, заци́нышка.—На друго утро лисица опять и заколотилась въ трубу ногами. Волкъ спрашиватъ: «Лисиця, хто это колотится?»— А это поповы снохи меня бабицьця зовутъ. — «Поди лисиця, оба́бь». Лисиця пошла на подволо́ку. Пришла, волцёкъ и

спрашиватъ: «Кого Богъ далъ?»—Серёдоцьку, серёдоцьку.— А въ третій: «Послѣдышка, послѣдышка». На четверто утро волкъ стаётъ и говоритъ: «Лисиця, развѣ намъ сегодни блиновъ напекци́? у меня ведро масла есть, поди-ко сходи на подволо́ку». Лисица пошла на подволо́ку и ише да́ле упѣха́ла ведёрко. «Не могла натти́». Волкъ пошолъ самъ, ходилъ, ходилъ, и нашолъ поро́зно ведро. «Лисиця, навѣрно ты масло съѣла». Лисиця отпираицца.—Нѣтъ, я не съѣла.—Затопили пець, поставили жопы къ пеци, у кого масло побѣжитъ, тотъ и съѣлъ. Волкъ повалился къ пеци, пригрѣлся да и за́спалъ. А у лисицы масло бѣжитъ, она взяла да свою-то крынку подъ его жопу пѣхну́ла. И забудила Волка: «Волкъ, волкъ, поглядико, колько у тебя масла набѣжало, ты масло и съѣлъ». Волкъ и говоритъ: «Вѣрно, лисиця, я самъ и съѣлъ». Лисиця говоритъ: «Волкъ, прости меня грѣшную, я съѣла, ты хоть мою-то вину на себя принялъ. Я тебя за то хоть нава́гами свѣжими накормлю».— А гдѣ ты возьмёшь?—«Я нау́жу». Побѣжала по дороги, попалъ мужикъ, ѣдётъ съ нава́гами, лиса на возъ забралась да по наважкѣ съ возу и ро́ётъ. Съ возу соскочила, наваги собрала и къ волку принесла. И наварили ухи, наѣлися. Волкъ и говоритъ: «Мнѣ бы сходить поу́дить, какъ ты удила?» —А я въ пролубь хвостъ спущу, наважка да двѣ, наважка да двѣ.—Волкъ самъ пошолъ удить, въ пролубь хвостъ спустилъ. Морозъ былъ, у его хвостъ и примёрзъ. Онъ и заревѣлъ. Поповы неньки пришли за водой его и по́цяли бить. Волкъ рвался, рвался и хвостъ оторвалъ; на лисичку розсердился и выгонилъ съ подво́рья.

277.

Пѣтушокъ задавился.

Пѣтушокъ были съ ку́рушкой, ходили на попово полё, клевали зёрнышка. Пѣтушокъ зёрнышкомъ и подавился. Ку́рушка и побѣжала къ рѣки просить воды, пѣтушка напоить: «Рѣка, рѣка, дай воды, вода нести пѣтушку, пѣтушокъ задавился бобовымъ зёрнышкомъ». А рѣка говоритъ: «Ступай поди къ ли́пы, попроси ли́сту, тогда дамъ воды». Курушка пришла къ липы и говоритъ: «Липа, липа, дай ли́сту, нести къ рѣкѣ,

рѣка дастъ воды, воды нести къ пѣтушку, пѣтушокъ подавилса бобовымъ зёрнышкомъ». Липа говоритъ: «Сходи къ дѣвушки, попроси нитоцьки, нитоцька нести къ липы». Дѣвушка говоритъ: «Сходи къ коровушкѣ, попроси молоцька». Курушка побѣжала къ коровушкѣ и говоритъ: «Коровушка, коровушка, дай молоцька, нести къ дѣвушкѣ, она дастъ нитоцьку нести къ липѣ, липа дастъ листу нести къ рѣкѣ, а рѣка дастъ воды нести къ пѣтушку, пѣтушокъ подавилса бобовымъ зёрнышкомъ». Коровушка говоритъ: «Сходи къ сѣнокосцямъ, принеси сѣна, тогда дамъ молоцка». Курушка побѣжала къ сѣнокосцямъ и говоритъ: «Дайте сѣна, пѣтушокъ подавился бобовымъ зёрнышкомъ».— Сходи къ кузнецамъ, пусь скуютъ косу.— Курушка побѣжала къ кузнецамъ, они послали ее къ угольникамъ. Угольники дали уголь, она пошла обратно, къ сѣнокосцамъ, къ коровушкѣ, къ дѣвушкѣ, къ липѣ, къ рѣкѣ. Когда курушка съ водой пришла къ пѣтушку, пѣтушокъ ужъ задавилса.

278.

Курушка.

Жилъ старикъ со старухой, ходили въ лѣсъ, дрóвця рубили, высѣкли суцёкъ, какъ поварёноцьку, пришли, а старуха и говоритъ. «Старикъ, што намъ изъ поварёнки дѣлать? Лучше посадимъ мы въ садóцикъ, не будётъ-ли кýрушка». И посадили. Въ утря́хъ старикъ вставаётъ и говоритъ: «Старуха, надь опять въ лѣсъ итти».—Ой, старикъ, у меня не слободно, рубашки не бýчены.—Старикъ говоритъ:—Завтре вы́стирашь.— Вотъ они и ушли въ лѣсъ. А какъ они ушли въ лѣсъ, послѣ ихъ кýрушка вышла изъ гнѣзда, кожухъ сняла и другой сняла, и третей снела, рубахи у старухи собрала, всё вымыла, выкатала и на столъ склала. Старикъ со старухой приходятъ, всё вымыто, чисто и хорошо. «О, старуха, хто это у насъ сдѣлалъ?» И Бога замолили: «Спасибо!» На ýтро старикъ опять старуху въ лѣсъ зовётъ. А старуха говоритъ: «У меня хлѣба нѣтъ».—А роствори, завтре испекёшь.—Оны какъ ушли, кýрушка изъ садка вышла, кожушки сняла, мýчку принесла, печку затопила, квашонку замѣсила и хлѣба напекла, кожушки́ падѣ-

вала и опять въ садокъ зашла. На третей день опять старикъ старуху зовётъ въ лѣсъ. «А у меня сегодни, старикъ, надо овецьки острицъ». Старикъ на старуху розбѣднилса: «Тебя когда въ лѣсъ зовёшь, тебѣ всё не охота,—однако таки пойдёмъ». Старуха и опять пошла. Ку́рушка всё дѣло выслушиватъ, да опять всё своё и дѣлатъ; оны ушли, она всё и придѣлала, ножницы хватила, овецъ остригла. Старикъ да старуха пошли да раздумались: «Надь посмотрѣть, хто ходитъ, дома́шничатъ въ домѣ». Ку́рушка, какъ ушла во дворъ, кожушки у гнѣзда и оставила. А старикъ, какъ въ избу зайдётъ, эти мѣста у ней и подхи́титъ. Она пришла, кожушко́въ нѣтъ, она и росплакалась: «Теперь куды я?» А старикъ со старухой и пришли. «А не бойся, не бойся, куды ты, на́ша теперь, мы тебя будёмъ вмѣсто до́цери держать». Стали ей держа́ть, она до возросту дожила, а красива была, на ей стали за́риться: «Откуль у старика эка дѣвка, кака́ хоро́ша!» Вецеръ заприхо́дитъ, надо на вецеринку итти, а она нейдётъ; старикъ и старуха посылаютъ ей, а она: «Нѣтъ, не пойду». Сусѣды говорятъ старику: «Ты на дому собери́ вецёринку, она поглядитъ, цакъ и заходитъ». Старикъ со старухой собрали вецеринку на дому. Дѣвка реви́тъ, плацётъ, што ей обряжа́ютъ на бесёду; ей обряди́ли и посадили. Народу нашло столько, и всѣ глядятъ. У старика стали сватать. Старикъ: «Надо отдать», а дѣвка нейдётъ. Оны ей взяли силой и отдали за мужика. На свадьбу варила пиво одна жо́нка, у жонки была кила́ борботу́ха. Жонка варила, варила, сусла попробовала и говоритъ: «Ахъ, како́ сусло сладко!» И кила́ говоритъ: «Ахъ, како́ сусло сладко!» А жонка и говоритъ: «Ки́ла, не хошь-ле пива?» — А хоцю да молцю, а ты знашь да не дашь.—А жонка и говоритъ: «Собериcя въ поварёноцьку, дакъ я тебя спущу, тамъ напьёсься». Она собралась въ поварёноцьку, жонка её въ пиво и спустила. Невѣста пришла къ боцькѣ да и стоитъ,—кила въ пивѣ борбочётъ, а невѣста и попробовала, кила къ ей и привяжется: што она скажетъ, то и кила говоритъ. Повалились спать, мужъ ей и спрашиватъ: «Какъ зовутъ? да цё», и говоритъ: «Поварёноцькой». Мужикъ сколько пожилъ съ ей, да её и не залюбилъ изъ за килы, бросилъ. «Мнѣ не надо такая жена!» Жонка ницёго не говорила, боялась, што кила будётъ говорить, а сама обрядна была. Мужикъ у ягой-бабы сосваталса. Свадьба идётъ, сидятъ за столами, а стара жонка ходитъ около пива, подна́шиватъ

на столъ; пиво понесла, да въ боцьку килу и отпустила, ей и стало давать, одна стала говорить. Молоды за столами, а стара жона ходитъ нарядна, наредилась. А егой-бабы доць и говоритъ: «Три годы жила, не говорила, а теперь нарединась». А та и говоритъ:—Я три года жила ницего не говорила, а ты молода молодиця да ужь и указывашь вездѣ». Мужику это и не поглянулось, онъ опять на стару и обварилса, а ту отпѣхнулъ, ягой-бабы, прочь, со старой сталъ жить.

279.

Иванъ-солдатъ.

Былъ старикъ съ тремя сыновьями, а у нихъ были таки дрѐби да грѐзи, оны и задумали мостъ мостить, чтобы людямъ хорошо было ходить. Мостили три года. Какъ замостили, старикъ и посылатъ большого сына: «Поди, сядь подъ мостъ, хто первой пойдётъ, што заговоритъ?» Старшой сынъ пошолъ и слушаётъ. Идетъ старицёкъ и Бога молитъ: «Дай, Господи, хто этотъ мостъ мостилъ, цего просятъ, то и дай». Старшой сынъ вышолъ: «Мы мостили, три брата да и батюшко».—Што тебѣ надо?—«А мнѣ много не надо, а штобы не за чѣмъ въ люди не ходить, дома жить».—Такъ и будётъ.—Приходитъ къ старику и росказыватъ. На другой день старикъ посылатъ другого сына; тотъ же старикъ идётъ по мосту и Бога молитъ, сынъ опять и вышолъ и тоже пожелалъ: «Незачѣмъ въ люди не ходить». Старикъ и ему говоритъ: «Такъ и будётъ». На третій день старикъ малого сына посылатъ, Ивана. Иванъ сидитъ подъ мостомъ, старицёкъ опять идётъ и молитъ опять Бога. Иванъ выходитъ, старикъ спрашиватъ: «Тебѣ чего надо?» —А я въ солдаты хочу итти.—«Худо вѣдь въ солдатахъ».—Нѣтъ, я пойду.—Старикъ овернулъ его яснымъ соколомъ. Леталъ, леталъ, леталъ, всё осмотрѣлъ, старикъ его опять отвернулъ. «Ну, ты теперь много видѣлъ, пойдёшь-ли въ солдаты?» —Пойду.—Старикъ овернулъ рысью. Иванъ рысью бѣгалъ, бѣгалъ, бѣгалъ, старикъ его отвернулъ и спрашиватъ: «Ну, идёшь-ли въ солдаты?»—Иду.—Старикъ его овернулъ оленёмъ златорогимъ. Иванъ бѣгалъ, бѣгалъ, бѣгалъ, старикъ его отвернулъ: «Ну, што, идёшь въ солдаты?» Иванъ говоритъ:—Иду.—Ста-

рикъ его овернулъ мурашо́мъ. Мурашомъ ползалъ, ползалъ, ползалъ съ вѣтки на вѣтку, съ прута на прутокъ, старикъ его опять отвернулъ. «Што, идёшь въ солдаты?»—Иду.—«Ну, на осень тебя отдаютъ въ солдаты». Къ отцу пришолъ Иванъ и говоритъ: «Я пойду въ солдаты». Отецъ говоритъ:—Худо въ солдатахъ; ты ницего другого не могъ выпросить?—Осень пришла, его и отдали въ солдаты. Прослужилъ годъ-ли два, можетъ быть и три, сдѣлалось заворо́ха—война. Государь и запоходи́лъ на войну, занабира́ли народу, и этотъ солдатикъ попалъ съ нимъ. Шли годъ и два, можетъ быть и три шли, доходятъ до мѣста, гдѣ надо воевать. Государь схватилса, кавалеріи нѣту, и зарозы́скивалъ народа, хто можотъ въ трои сутки домой сходить, къ дочери за кавалеріей, во дворецъ и назадъ притти. Всѣ отказаются: «Нѣтъ, три года шли, гдѣ же въ трои сутки сходить». А Иванъ и вы́искалса: «Я въ трои сутки схожу». Царь ему и говоритъ: «Если въ трои сутки сходишь, я за тебя дочь замужъ отдаю и тебя послѣ смерти на своё мѣсто поставлю». Иванъ наредилса и отправилса. Иванъ изъ виду вонъ ушолъ, да и оверну́лса рысью; бѣжалъ, бѣжалъ, бѣжалъ, овернулса златорогимъ оленемъ; бѣжитъ по Петербурху, народъ кричитъ: «Хватайте, хватайте». А другіе говорятъ: «Это кака́-ле вѣсь отъ государя, прямо во дворецъ летитъ». Иванъ потомъ мурашомъ овернулса и попалъ во дворецъ, въ верхи, гдѣ дочь царска живётъ. Проползъ, овернулса солдатикомъ, а она ужа́хнулась: «Какъ вы прошли и по какому случаю?» Солдатъ росказалъ. Царска дочь не вѣритъ: «Это всё враньё, шли три года, какъ ты могъ въ сутки попасъ». Иванъ и говоритъ: «Я тебѣ покажу». Овернулса яснымъ соколомъ, она изъ него перышко вытенула, да и въ платоцекъ завязала и спрашиватъ: «А ище какъ шолъ». Иванъ овернулса рысью, царевна у его шорстоцьки клоцёкъ вырвала: «Ище покажи какъ?» Иванъ оленёмъ овернулса, она у оленя ро́жка отломила. «А какъ во дворецъ заходилъ?» спрашиватъ царевна.—А я тутъ мурашомъ ползъ.—И овернулса мурашомъ, она изъ его бо́цецьку (е́ичко) и вы́тенула и опять въ узелокъ завезала. Тогда царска дочь кавалерію солдату отдала, онъ мурашомъ овернулса изъ дворца и поползъ; выползъ, овернулса злоторогимъ оленёмъ, потомъ рысью; бѣжалъ, бѣжалъ и вздумалъ отдохнуть и повалилса у̍ моря. А у̍ моря два солдата на часахъ стояли: суда приходятъ, дакъ они смотрятъ. Иванъ спитъ, оны подо-

[illegible] посмотрѣли, опять [illegible]. [illegible] Ивана въ [illegible] [illegible] а [illegible] [illegible] царя [illegible] [illegible] [illegible] ужъ какъ. При-[illegible] [illegible] [illegible] въ [illegible], [illegible] [illegible]. А Иванъ попалъ въ морскому царю. Морской царь его [illegible] [illegible], [illegible] [illegible], [illegible] не [illegible] какъ. А Ивану скука [illegible], [illegible] и [illegible]. «Вынесите меня на бѣлой свѣтъ, [illegible] [illegible]». Его и вынесли [illegible] отъ берегу на островъ. Иванъ [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] летѣлъ. Морской царь его схватилъ, а его на островъ и [illegible]. Вотъ морскаго царя [illegible] [illegible] его [illegible] и [illegible]. Иванъ живётъ опять въ морскимъ государствѣ [illegible], другой и запечалился о бѣломъ свѣтѣ. Вынесли его опять подальше отъ берега, посмотрѣть свѣтъ. Иванъ опять [illegible] летѣлъ, летѣлъ, маленько не долетѣлъ. Морской царь схватилъ и [illegible] подымалъ, да его опять и утащилъ. Жилъ мѣсяцъ, другой, на третей опять запечалился и думатъ: «Теперь ужъ и [illegible] война, какъ то бы [illegible] надо быть». Опять не пьётъ, не ѣстъ и печалится [illegible]. Морской царь спрашиватъ: «Што, Иванъ, опять стосковался о бѣломъ свѣтѣ?»—«Стоснулся».—«Ладно, теперь я тебя на три часа выпущу, а болѣ тебѣ и не бывать. Пойте, ребята, вынесите его на три часа». Ребята его вынесли на островъ ближе къ берегу, (ребята были тоже русски, наброшаны въ море-то). Они его вынесли. Иванъ опять и полетѣлъ, да и перелетѣлъ. Пошолъ, до деревень дошолъ и спрашиватъ: «Прошолъ-ли государь съ войны».—Прошолъ, мѣсяця два какъ ужъ.—Иванъ приходитъ въ Питенбурхъ, остановился у старухи и спрашиватъ: «Што это у васъ въ Питенбурхѣ всё пѣсни поютъ да играютъ?»—А царь дочь въ замужъ отдаётъ за одного солдата, а другого солдата ставитъ на высокое мѣсто; да доцери замужъ не охота; черезъ три дня и вѣнецъ будётъ. Завтра будутъ выкликать музыкантовъ; мужъ у меня былъ музыкантъ, ты оденёшь его платьё и пойдёшь смотрѣть». Старуха Ивана обредила въ музыкантско платьё, онъ и пошолъ смотрѣть. Иванъ къ музыкантамъ пришолъ, оны играютъ, а онъ всѣхъ до одного лучше игратъ. А эта царевна ходитъ (царь далъ ей на волю, кого опримѣтитъ, тотъ и твой), она стала царки подавать, Ивана опримѣтила и говоритъ: «Вотъ мой сужоной, которой у меня былъ». А царь спросилъ: «Почему ты узнавашь?» Стали солдатъ, у двухъ-то спрашивать, какъ оны заходили во дворецъ, а оны и завертѣлись. А оны:

«Мы нанимали, да мы ѣхали на машины»... и завертѣлись. Стали спрашивать Ивана, онъ и запоказывалъ. Перво дѣло овернулса яснымъ соколомъ, — а царевна вынула изъ узелка перышко, приложила и говоритъ: «Вотъ тутъ и было». Потомъ Иванъ овернулса рысью, царевна приложила клоцёкъ шерсти: «Вотъ тутъ и было». И оленёмъ овернулса и муравьёмъ. Царевна все приложитъ, всё такъ и будетъ, приходится. А эти два солдата стоятъ, поцернѣли; ихъ захватили, пристрѣляли, а съ Иваномъ повѣнцяли.

280.

Жадныя сыновья.

Было три сына, у ихъ была мать; оны подѣлились, а матки некому и не надо. Жили въ одной избѣ, сѣли обѣдать, а некоторой матери за столъ не садитъ, мать лежитъ на пецькѣ. Въ ту пору пришолъ въ избу старицёкъ, хлѣба просить. Старуха молится: «Господи, хоть-бы мнѣ смерть послалъ». Старичекъ и говоритъ: «Што-жо сами кушаите, а мать не кушатъ?» — А намъ её некому не надо. — «Дакъ она не лишнале? продайте». Сыновья всѣ и бросились: — Купи, дядюшка, купи. — «Выведите ее за заборъ, тамъ и деньги получите». Оны и повели, двоё подъ руки, третей сзади. Вывели, хотѣли отпустицця, а старуха къ нимъ приросла. Всѣхъ ихъ забрали въ богадѣльну, сами ѣдятъ и матку кормятъ.

Мошнаковъ, Петръ Михайловичъ.

61 года старикъ, хозяинъ отводной квартиры въ посадѣ Уна. Грамотный хорошо, начитанный въ писаніи и религіозный человѣкъ; служитъ церковнымъ старостой. Любопытно, что прежде чѣмъ разсказать мнѣ сказку про Князя Барсукова долго колебался, боясь что «какъ-бы изъ этого чего не вышло; какъ-бы не притянули, еще попадешься, пожалуй». Дѣло въ томъ, что П. М. твердо убѣжденъ, что это сказка про «царскіе роды»; что Борсуковъ —

дѣйствительно существовавшая историческая личность и что корону онъ доставалъ изъ Вавилонъ-города для перваго нашего царя изъ дома Романовыхъ.

281.

Расточительный сынъ.

Бывало, живало, одинъ купецъ имѣлъ единственного сына Ивана, и сынъ его былъ набожной, любилъ нищыхъ, бѣдныхъ и раздáивалъ нещáдно отца живóтъ. Отецъ его не залюбилъ за эфто, отдалъ его родному брату увезти его за морѧ́. Но онъ у дяди выпросилъ дозволенья взять съ собой три мѣшка пéплу (золы). Выходитъ въ царствѣ, куда оны уѣхали, на берегъ, и встрѣчается ему человѣкъ. «Какой у тебя есь товаръ?»—Есть у меня, стыдно сказать, пепелъ.—«А тотъ товаръ мнѣ и нуженъ». Приказалъ ему съ карабля свезти пепелъ; и увёзъ; и привозитъ ему три мѣшка золóта. Иванъ отвёзъ золото къ дяди нá судно. Въ томъ царствѣ у царя была единственная дочь, вселился въ ей нечистой духъ и она жила въ цéркви и на всякую ночь давила караульщика. Объ эфтомъ дѣлѣ узналъ дядя Ивана и захотѣлось ему отдать Ивана на караулъ въ церковь, а золото взять себѣ. Отдаётъ дядя Ивана въ караульщики. Иванъ пошолъ, встрѣчается ему человѣкъ, которой купилъ пепелъ и говоритъ: «Царевна будётъ сперва говорить съ тобой ласкаво, ты ей скажи: «Отойди отъ меня, духъ нечистой, я есь крешшеной человѣкъ». Она ужь въ эту ночь не могла съ нимъ нечего сдѣлать. Поутру приходятъ къ церкви, сторожъ живой. Смѣнился со своей стражи, пошолъ къ дяди. Что было ряжено дяди, а Ивану государь далъ мѣшокъ серебра. Дядю еще больше взяло горе, зазоръ. Государь запросилъ Ивана на вторую ночь сторожомъ, онъ и согласился. Иванъ пошолъ въ церковь на караулъ, встрѣчу ему опять попадаетъ тотъ же старичёкъ и говоритъ: «Такъ-же дѣлай чтобы она тебя не прельстила, смотри не гляди ей въ лицо; а какъ скоро зайдёшь въ церковь, то самъ себя обчерти кругомъ желѣзнымъ крюкомъ.» Бѣсная приходитъ въ церковь къ Ивану и проситъ чтобы онъ на ей поглядѣлъ. Иванъ не согласился, и второй разъ ушла безъ пользы. Утромъ приходятъ, караульщикъ опять живой. Иванъ сходитъ со стражи, царь ему опять мѣшокъ серебра.

Дядю зазо́ръ еще болѣе берётъ. На третью ночь проситъ государь дядю Ивана въ караульщики. Иванъ не соглашается: «Довольно ужъ походилъ». Дядя сказалъ: «Добромъ не пойдёшь, лихомъ отдамъ», радъ его угуби́ть. Пошолъ, попадается опять эфтотъ старичокъ. «Ну, Иванъ, сегодня счаслива твоя ночь будётъ: приди и очертись опять та́кже, бѣсная придётъ, по одной половичине весь полъ переберётъ, до чёртъ, потомъ се́дётъ, заплачётъ; ты выйди, возьми ей за руку и говори: «Обратись окаянная! Три раза скажи ей». Онъ такъ и сдѣлалъ, взялъ ей къ себѣ, въ чорты́ завёлъ. Утромъ приходятъ и видятъ двои́ма, всѣ сохранны. Доложили царю, царь обрадовалса, принялъ Ивана съ дочерью домой. Какъ пошолъ Иванъ съ царской дочерью къ царю, попалъ ему опять этотъ старичекъ и говоритъ: «Принимай законной бракъ съ царевной, но только до моего приходу никакой глупости не дѣлай (союзу плотского)». Государь сдѣлалъ свадьбу хорошую и пригласилъ на свадьбу дядю и далъ Ивану въ придано три корабля, одинъ съ шолкомъ, другой съ ра́зныма кра́сныма товарами, третій съ часами (Тогда на Руссіи часовъ не было), и государь положилъ своихъ матросовъ. Иванъ взялъ у дяди на свои корабли три мѣшка золота, два мѣшка серебра и отправилса въ морё. Идутъ они морёмъ, вдругъ на суднѣ явилса старичёкъ, Иванъ его встрѣчатъ весьма радостно: «Что тебѣ надо за твои труды?» сказалъ Иванъ старичку. Старичёкъ сказалъ: «Что ты дашь, то и возьму». Иванъ и говоритъ: «Отдаю тебѣ половину всего имѣнья». А старичёкъ и говоритъ: «Если половину имѣнья, то давай и половину жоны». Иванъ не пожалѣлъ, отдалъ. Старичёкъ взялъ мечъ и розруби́лъ Иванову жону пополамъ и началъ топтать ту и другую половину. Изъ ей повалились змѣи, вере́тна, вся́ки га́ды. Потомъ старикъ сличилъ обѣ половины царевны въ одно мѣсто, оживилъ и отдалъ Ивану. «Теперь живи съ хозяйкой вмѣстѣ съ Богомъ». Иванъ спрашиваетъ старичка: «Чѣмъ я тебя буду благодарить?» Старичекъ отвѣчаетъ: «Какъ придёшь домой, поставь церковь Николаю Чудотворцу. Это тебѣ всё за милостыню, за то што росточалъ животъ; я есь Николай Чудотворецъ». У дяди было десять кораблей, онъ по пути здумалъ на мори, на дороги убить Ивана, его корабли себѣ присовокупить. Съѣхалъ на шлюпкахъ со своихъ кораблей и поѣхалъ къ племяннику, вдругъ три корабля осѣло у его ко́ дну. Дядя вернулъ обратно на свои корабли. Подходятъ къ своей мѣст-

ности, второй разъ поѣхалъ къ племяннику, но Божьимъ изво́ломъ опять три корабля обсѣли. И опять вернулса на свои корабли́. Розгорчённый дядя третій разъ сдѣлалъ на племянника напоръ; какъ скоро съѣхалъ, опять три корабля утонуло. Осталса одинъ корабъ, на которомъ самъ ходилъ, болѣе не смѣлъ ѣхать. Втрѣчаетъ Ивана отецъ и такъ возрадовался, а дядя роскаялса въ своёмъ злоумышленіи.

(Слышалъ отъ своего отца).

282.

Князь Борсуковъ.

Бывало, живало двѣнадцать князе́й, оны задумали изъ среды себя выбрать царя, а втогда въ городѣ Вовилонѣ была корона. Ну надь сходить за не́й туда; кому жеребей выпадётъ, того царёмъ поста́вить. Палъ жребій князю Борсуко́ву, онъ и ушолъ въ городъ Вавилонъ на трёхъ корабляхъ. Пришли они подъ городъ Вавилонъ, Борсуко́въ выѣхалъ въ городъ и приказалъ стоять трои сутокъ: «Если послѣ трёхъ сутокъ не вернусь, то и не дожидайте меня живого». За время трёхъ сутокъ наползли на корабли змѣи и на корабляхъ могли отбораниваться отъ ихъ только дымомъ. Раньше у вавилонскаго царя было полюблено писать на чашкахъ, на ложкахъ, на всякой ве́шшы змѣй; кругомъ всёй стѣны былъ написанъ тоже змѣй. Привезли мѣха, его стали надувать, онъ ожилъ, ожили и всѣ гады написанные на всёмъ. Эти змѣи всѣхъ людей въ городѣ и источили, осталась одна царевна: туловище человѣчьё, а хвостъ змѣиной; она царствовала на престолѣ, гдѣ была корона. Весь этотъ гадъ въ полдёнъ засыпалъ на часъ времени. Князь Борсуковъ прошолъ въ полдёнъ всѣ двѣнадцать стѣнъ и заходитъ къ царицѣ. Она ему и говоритъ: «Иванъ Борсуковъ, ты, я знаю, пришолъ за короной, тебѣ её отцель не унести». А у его была подѣлана фальшивая восковая рука, онъ и говоритъ: «Я выйду до вѣтра, а рука будётъ въ притворѣ, вы будите видѣть». Она какъ проснётъ, такъ и кричитъ: «Борсуковъ, иди сюда». Онъ въ теченіе трёхъ сутокъ высматривалъ, когда она спитъ и какъ можно унести корону. Выбралъ время, взялъ и унёсъ, а руку восковую оставилъ въ притворѣ. И всѣ двѣнад-

цеть стѣнъ съ короной оббѣжалъ. Бѣжалъ, бѣжалъ, добѣжалъ до избушки, живётъ кривой старичекъ и говоритъ: «Борсуковъ, ты несёшь корону?» —Несу.— «Вылѣчи у меня глазъ, тогда я тебя спушшу́».—Вылѣчу, розогрѣй олова.—Старикъ розогрѣлъ олова, Борсуковъ говоритъ: «Ложись, отворяй глаза». Въ здоровой глазъ и налилъ олова. Схватилъ свою копа́лку съ короной и побѣжалъ прочь. Бѣжитъ, на пути въ де́рево воткнутъ ножъ и розцвёлъ всякими цвѣтами. Борсуковъ попробовалъ мезёнкомъ, хотѣлъ взять, мезёнокъ и прильнулъ къ ножу. Борсуковъ взялъ ножъ, мезёнокъ и отрѣзалъ, а слѣпой старикъ бѣжитъ сзади, а ножъ кричитъ: «Держу, да худо». Борсуковъ убѣжалъ, на второй насьлегъ прибѣжалъ къ дѣвицѣ. Дѣвица говоритъ: «Борсуковъ, несешь корону, отъ меня не уйдёшь» Онъ говоритъ: «Ну, я и жить буду съ тобой». Сколько онъ жилъ времени, дочку прижилъ, родила дочку, а Борсуковъ все думаетъ: «Какъ на Русiю-бы попасть?» Онъ и выспрашивалъ дѣвицы, а она сказала, что есь такiе дерёва, что сдѣлать плотъ, онъ тебя вывезётъ на Руссiю самъ. Борсуковъ выбралъ время, когда хозяйка надолго ушла, онъ схватилъ корону и побѣжалъ на этотъ плотъ. Забѣжалъ на плотъ, отсѣкъ вязку, плотъ и пошолъ. Вдругъ выбѣгаетъ дѣвица съ робёнкомъ, кричитъ: «Воротись, Борсуковъ». Три раза сказала ему, онъ не воротилса, она взяла робёнка, пополамъ розорвала и одну половину ему на плотъ бросила. На плотъ попало немного крови, туловище не попало, плотъ пошолъ ко́ дну; Борсуковъ стеснулъ топоромъ эфти капли крови, плотъ и вы́сталъ. И эфтотъ плотъ о какiе горы шолъ, на него валилось каменьё, а онъ каменье сваливалъ; какъ въ Россiю вышолъ, такъ на плотѣ очутилось драгоцѣнное каме́ньё. Такъ Борсуковъ и вынёсъ корону, и сдѣлали его царёмъ.

Рѣзинъ, Евграфъ Ефимовичъ.

26 лѣтнiй крестьянинъ, живетъ въ Нижмозерѣ; постоянно ходитъ «по бурлакамъ» и знаетъ много сказокъ и пѣсенъ, но мнѣ удосужился сказать только одну, да разсказалъ комедiю-игру «Баринъ». Въ «Баринѣ» и въ «Шайкѣ разбойниковъ» постоянно принимаетъ самое дѣятельное участiе.

283.

Пётръ и Петруша.

Было два брата, одного звали Петромъ другого Петрушой. Пётръ былъ богатой, а Петруша бѣдной. У Петра было три коня, а у Петруши одна кобыла. Петруша недѣлю кормилъ коней Петровыхъ, а Пётръ ѣздилъ, а Пётръ кормилъ коней въ воскресеньё, а Петруша въ этотъ день ѣздилъ. Разъ Пётръ пошолъ къ обѣднѣ, а Петруша пашотъ и кричитъ на коней: «Эхъ вы, ко́ни мои, коне́чки». А Петру это не понравилось: «Зачѣмъ Петруша осва́иваешь коней, вѣдь у тебя одна кобыла?» Петруша говоритъ: — Ну, братъ, прости, больше не буду.—На второе воскресенье Петръ опять пошолъ къ обѣднѣ, а Петруша опять и сказалъ: «Эхъ вы, кони мои, мои коне́чки», забылъ што братъ наказывалъ. Пётръ разгорячился, воротилса домой, взялъ топоръ и отсѣкъ у Петрушиной кобылы голову: «Вотъ те, некогда не осваивай чужихъ коней». Петруши дѣлать нечего, снялъ кожу съ кобылы, засушилъ и понёсъ продавать въ рынокъ. До рынка было не близко, ему пришлось ночевать въ одной деревнѣ. Зашолъ въ одну избу и спрашиваетъ: «Хозяйка, нельзя-ли ночевать?» — Хозяина нѣтъ дома, я не смѣю пустить.—«А гдѣ же вашъ хозяинъ?»—Уѣхалъ въ лѣсъ за дровами.—Петруша вышолъ на улицу, залѣзъ на стогъ сѣна подъ окномъ и смотритъ въ окно, и видитъ, что хозяйка сидитъ съ полюбовникомъ: нанесли водки штофъ, кашу, яйшницу. Петруша слышитъ, што ѣдётъ хозяинъ. Хозяинъ прiѣхалъ съ дро́вами, Петруша слѣзъ со стога и подошолъ къ хозяину: «А што, хозяинъ, можно у васъ ночевать?»—Можно, ночлегу съ собой не носятъ.—Петруша зашолъ въ избу, бросилъ кожу подъ лавку, а самъ повалилса на полати. Хозяинъ зашолъ въ избу и спрашиватъ ужинать. Хозяйка принесла хлѣба да картошки. Хозяинъ и говоритъ: «Слѣзай ужинать». Петруша слѣзъ съ палатей, кожу бросилъ подъ столъ и сѣлъ къ столу. Картошку съѣли, Петруша на кожу и наступилъ, кожа соскрипѣла. Хозяинъ спрашиватъ: «Это што такое?» Петруша говоритъ:—Это у меня волшебникъ.—«А што онъ сказыватъ?»—Есь въ печкѣ каша да яищница.—Хозяинъ распорядилса надъ хозяйкой, та и принесла. Хозяину

это показалось интересно. «Ну-ко еще спроси?» Петруша опять наступилъ, кожа соскрипѣла. «А это што?» спрашиватъ хозяинъ.—А есь, говоритъ, въ подпольѣ штофъ водки.—Хозяинъ кричитъ на хозяйку: «Тащи». Хозяйка взглядыватъ на Петрушу не милымъ глазомъ, всетаки принесла. Петруша съ хозяиномъ водку выпили, Петруша говоритъ: «Ну, хозяинъ, теперь будёмъ у тебя изъ дому не́жить выживать».—А какую не́жить?—«Да ты только слушай, я што заставлю дѣлать». Хозяинъ говоритъ:—Хорошо.—Петруша говоритъ: «Прикажи хозяйкѣ затопить печку». Хозяйка печку затопила, Петруша сунулъ въ печку железной крюкъ и далъ въ руки ремёнку; крюкъ нагорѣлъ, Петруша вытащилъ крюкъ изъ печки, сунулъ подъ печку, а тамъ и скочило. «А, перескочилъ . . . . . . мать-то!» говоритъ Петруша. Хозяинъ спрашиватъ: «Это хто?» А Петруша и тянетъ изъ подъ печи попа на́ избу, а хозяинъ и давай его ремёнкой стегать и такъ протащили за деревню. Хозяинъ спрашиватъ у Петруши: «Продай ты мнѣ этого волшебника». — Нѣтъ, нельзя продавать, я съ нимъ-то и кормлюсь, а то за́меръ-бы съ голоду.—«Продай, дамъ сто рублей». Петруша на деньги озарился:—Да ужь будьто человѣкъ хорошой, дакъ продамъ.—Получилъ деньги сто рублей и воротился домой. А Пётръ пришолъ, спрашиватъ: «Дороголе продалъ кожу?»—Эхъ братъ, кожа на рынкѣ такая дорогая была, што мнѣ сто рублей дали. Если бы съ твоихъ коней содрать, триста рублей бы дали.—«Врёшь, вѣдь?» Петруша показалъ ему деньги. Пётръ повѣрилъ, пришолъ домой, у коней головы отсѣкъ, кожу содралъ и поѣхалъ продавать; человѣкъ богатой, дакъ лошадей нанелъ. Продалъ кожи по два рубля. «Ахъ онъ . . . . . мать! дакъ онъ обманывать меня! Пріѣду домой, дакъ убью». А у Петруши жила матка и въ это время померла. Петръ бѣжитъ къ Петруши, а Петруша своей хозяйкѣ и говоритъ: «Я стану за печку, ты сядь на лавку, да и реви, будто што я померъ». Петръ забѣгатъ въ избу, у хозяйки и спрашиватъ: «Гдѣ онъ вертёха?»—Да гдѣ, видишь на лавкѣ лежитъ, ростенулся.—«А . . . . . . мать, хоть у мёртваго отсѣку голову». Да топоромъ по покойнику и махнулъ. Голова у покойника отлетѣла, а Петруша и за печки выскочилъ да и говоритъ: «А, ты што, братъ, сдѣлалъ? Матку убилъ?» Петръ испугался. «Ну, братъ, не сказывай, похорони, дамъ тебѣ сто рублей». Далъ ему сто рублей. Петруша повалилъ старуху въ

въ сани и повёзъ. Привёзъ въ городъ, забѣжалъ въ трактиръ, лошадь остановилъ у трактира, время было холодно. «Ну-ко, половой, налей мнѣ стаканъ водки». Половой налилъ, Пётруша выпилъ. «Ну, братъ, налей другой да стащи, у меня тамъ старушонко въ саняхъ зазябла, обогрѣтся». Половой налилъ стаканъ и потащилъ въ однемъ лёгкомъ пиньжаки; холодъ его охватилъ, онъ прибѣжалъ къ старухѣ да и говоритъ: «Ней. холодно стоять». Старуха стаканъ не берётъ. Половой стаканомъ старуху въ голову ткнулъ, голова и отпала. Петруша выходитъ и говоритъ: «Ты што слѣлалъ, матку убилъ?» Половой говоритъ: «Не сказывай некому, на двѣсти рублей». Петруша деньги получилъ, матку похоронилъ и поѣхалъ домой. Пётръ пришолъ, спрашиватъ: «Што похоронилъ?» — . . . тебѣ похоронилъ, продалъ.—«Врёшь вѣдь?»—Зачѣмъ я тебѣ буду врать.—И показалъ деньги двѣсти рублей. Пегръ говоритъ: «Пойду я свою жену убью, у меня молода, мнѣ четыреста дадутъ». Пришолъ домой, убилъ жену и повёзъ въ городъ. Ѣдётъ по́ городу и кричитъ: «Не надь-ле мёртваго тѣла». А у его спрашиваютъ:—Откуда у тебя мёртво тѣло?—«Самъ убилъ». Его захватили. Петруха повладалъ всѣмъ богатствомъ своинымъ.

(Слышалъ на лѣсопильномъ заводѣ въ Умбѣ, отъ ваганскаго мужика, т. е. съ р. Ваги, Шенкурск. у.).

Бородинъ, Яковъ Степановъ.

52-хъ лѣтній крестьянинъ, живетъ въ Нижнмозерѣ. Разсказалъ мнѣ мѣстную комедію-игру «Мавруха» и нѣсколько сказокъ. Я. С. грамотный; въ «Маврухѣ» участвовалъ самъ, исполняя роль дьячка; знаетъ также Царя Максимильяна.

284.

Марфа Царевна отгадчица.

Жилъ былъ Иванъ крестьянской сынъ, услыхалъ онъ, что Марфа царевна загоняетъ загадками: «Хто не отганётъ, того голова съ плечъ». Иванъ крестьянской сынъ и поѣжжаетъ. Отецъ ему изъ конюшни коня вывелъ, мать обсѣдлала, сестра пого-

нялку дала. Сѣлъ и поѣхалъ къ Марфы царевны. Марфа царевна спрашиваетъ: «Пошто пріѣхалъ, загадывать ле отгадывать?»—Загадывать.—«Ну, загадывай». Онъ и говоритъ: «Садилса на отца, ѣхалъ на матери, погонялъ сестрой». Марфа царевна въ своёмъ загадывальники поглядѣла, не могла отгадать. «Пріѣжжай, говоритъ, на другой день». Ну, онъ начевалъ дома, опять срежаетця къ ей загадывать, а передъ этимъ Иванъ крестьянской сынъ конинымъ потомъ умылса, гривой утёрса и поѣжжаетъ къ ей. Она и спрашиватъ: «Што пріѣхалъ, загадывать или отгадывать?»—Загадывать,—и говоритъ: «Садилса на коня, умывалса не росой, не водой, утёрса не шелкомъ, не платомъ». Марфа царевна не могла отгадать. «Пріѣжжай на третій разъ». На третій разъ поѣжжаетъ Иванъ крестьянской сынъ, берётъ съ собой ружьё. Летитъ стадо гусей, Иванъ крестьянской сынъ подстрѣлилъ гуся на лету, выкопалъ двѣ ямки, одну повыше, другу пониже, этого гуся сварилъ, въ верхней ямки сварилъ, а въ нижной огóницка клалъ, а кушалъ—вылѣзъ на деревúнку, на самой вершинки съѣлъ. Къ Марфы царевны и пріѣжжаетъ опять загадывать третій разъ. Она спрашиватъ: «Што, загадывать?»—Загадывать.—«Ну, загадывай». Онъ и говоритъ: «Ѣхалъ на коні, летѣло стадо гусей, я гуся сострѣлúлъ на лету и сварилъ не на земли, не на воды и скушалъ повыше лѣсу». Она поглядѣла въ загáдывальникъ, не могла отгадать и говоритъ: «Пойдёмъ прогуливатьця, худыхъ рѣчей штобы не говорить». Ну, идутъ, а жеребецъ скочилъ на кобылу. Она у его и спрашиватъ: «Это што, Иванъ крестьянской сынъ, дѣлаютъ?» А онъ ей и отвѣчаетъ: «А это про пьяныхъ чеснокъ толкýтъ». Шли, подошли—собаки слипúлися. Марфа царевна и спрашиватъ: «Это што, Иванъ крестьянской сынъ, дѣлаютъ?»—А это хвóра пьяного въ лазарéтъ тащитъ.—Опеть подошли—барáнъ на овцю́ скоцилъ, она и говоритъ: «Это што дѣлаютъ, Иванъ крестьянской сынъ?»—А это шерстобой шерсть бьётъ.—И возвратилися домой къ ей. И она приказала своимъ куфаркамъ-нянькамъ байну истопить: «Пойдёмъ со мной въ байну мы́цця». Въ байну зашла, раздѣлася, а онъ, Иванъ крестьянской сынъ, не заходитъ, не смѣтъ затти, она и говоритъ: «Што-жо не заходишь? раздѣвайся, заходи». Ну, онъ роздѣлса, у его естество и стало. Она къ ему пришла и захватила. «А это што у тебя, Иванъ крестьянской сынъ?» спрашиваетъ у него. А онъ отвѣчатъ:

«Это у меня конь».—А чего онъ кушатъ?—«А въ вашихъ царскихъ садахъ травку воскушатъ».—Ну ко, покорми.—Онъ поводилъ у ей кругомъ . . . . . по шерсти и говоритъ: «Вотъ и поѣлъ теперь».—А гдѣ же онъ пьётъ?—спрашиватъ Марфа царевна. «А въ вашихъ царскихъ колодцяхъ пьётъ».—А ну-ко попой.—Онъ поить сталъ ей и запѣхалъ. Она и говоритъ: «Ахъ, Иванъ крестьянской сынъ, ты што дѣлашь, ...?»—Ахъ, Марфа царевна, сама худыхъ рѣчей просила не говорить, а сама-то и сказала.—Она и говоритъ: «Молци, молци, законной бракъ примёмъ». И взамужество за него пожелала.

(Слышалъ отъ пастуха изъ ваганова; онъ служилъ во флотѣ).

285.

Покойная кумушка.

Была старушка богомольная, а у ней померла подружка кумушка. Старушка была къ службы ходить охо́ча. Услышала звонъ ночью и заходитъ въ церковь, а покойныхъ по́лна церква. Старушка, ее знакомая кумушка, саванъ сняла съ себя и говоритъ: «Нонь мы молилися, а не вы, выйди отъ насъ, штобы не слышали други». Старушка и ушла. Покойникъ къ ей ночью пришолъ и сталъ ей пугать. На другу ночь старушка столъ скатертью покрыла и пѣтушка подъ скатерть положила, штобы спѣлъ, когда покойникъ придётъ. Пришла ночь, покойникъ и пришолъ пугать ей: «Я тебя съѣмъ, зачѣмъ къ намъ ходишь въ непоказаны часы». Это кумушка и пришла. Скатёрка и говоритъ покойницѣ: «Меня трутъ и моютъ и полощутъ, всё терплю, а ты одного слова не могла перетерпѣть». Пѣтухъ спѣлъ, покойница и отступилась старуху пугать.

286.

Покойный мужъ.

У тётки въ Кяндѣ померъ мужъ, осталось шестеро дѣтей, она по мужѣ и затосну́ла, и ей сталъ мужъ ходить, ночью колотитця. Разъ придётъ, и другой придётъ, и третей придётъ.

Третей разъ пришолъ къ сѣнямъ и давай неща́дно колотитця, да вопитця. «Отложай, говоритъ сѣни, я иду робятъ смотрѣть». Тетка двери отворила въ избы, сѣней не отложила и говоритъ: «Когда бросилъ да покинулъ, тогда не жалѣлъ, а нонь нé-цего съ тобой дѣлать, не отложу». Сама испугалась, волосы на головѣ стали. Разказывать людямъ стала, што ходитъ ко мнѣ безпокоитъ; разказывать-то стала, дакъ и не сталъ ходить. А если-бы она пустила—што-бы съ ей было? Блудъ-бы съ ей сотворилъ и закрѣпилъ-бы ей. Богъ не допустилъ, до нишшихъ добра была.

Герасимовъ, Иванъ Кондратьевичъ.

33-хъ лѣтній крестьянинъ, живетъ въ селѣ Тамицѣ. Весельчакъ, балагуръ, чуть-ли не первый по селу пѣсенникъ и сказочникъ, хотя живетъ очень бѣдно и обремененъ большимъ семействомъ. Главная слава его въ Тамицѣ и даже въ округѣ та, что онъ хорошо знаетъ «Царя Максемьяна» и еще лучше его представляетъ на святкахъ, когда бываетъ хорошій промыселъ. Кромѣ «Максемьяна» знаетъ еще «Шайку» и никѣмъ нигдѣ невиданную въ тѣхъ мѣстахъ комедію «Параша», которую онъ перенялъ на лѣсопильномъ заводѣ въ Сорокѣ и успѣлъ одинъ разъ разыграть въ своей деревнѣ.

287.

Русскій, татаринъ, арапъ и шведъ.

Изъ одного полку выпустили изъ службы въ отпускъ русского и татарина. Татаринъ былъ побогате, купилъ лошадь и поѣхалъ, а русскій тащилса пѣшкомъ. Ихъ застигла ночь, они вздумали ночевать у стога. Русской и говоритъ татарину: «Татаринъ, не привязывай коня». А самъ думатъ, что конь уйдётъ и обѣимъ пѣшкомъ идти не завидно. Татаринъ не послушалъ русского, лошадь привеза́лъ. Повалились спать, татаринъ уснулъ, а русскій лошадь задавилъ. По утру татаринъ будитъ русского: «Русской, у меня конь задави́лса».—Ну, говорилъ, я тебѣ, татарска образина, штобы не привязывалъ, вотъ теперь и тащи

шкуру, не кидать-же её стать.—Шкуру содра́ли, татаринъ взялъ, и пошли дальше. Прошли къ селенью, а въ селеньѣ ночевать некто не пускаётъ. Они увидали теплую баню и не заложена. Зашли въ баню и на полкѣ завалились спать, а кожу татаринъ бросилъ подъ полокъ. Татаринъ кряду и заснулъ, а русскій не спитъ. И слышитъ, кто то подходитъ къ банѣ, отворяетъ дверь, и въ баню заходитъ попъ, заноситъ коробокъ и началъ по банѣ ходить и говоритъ: «Ахъ, какъ, сегодни долго нѣту». Солдатъ слушатъ и молчитъ. Вдругъ заходитъ въ баню женщина. Попъ спрашиваетъ: «Что же ты, Марфа, сегодни долго?»—Да такъ запоздала.—«Давай, Марфа, угостимся». Угостилися, попъ и говоритъ: «Вотъ што, Марфа, у насъ съ тобой всяко бывало, а по собачьи неразу не бывало».—А какъ, батько, по собачьи?—«А стань къ лавки ракомъ да и лай». Она стала и залаела по собачьи тонкимъ голосомъ: «Ау, ау, ау». И попъ бѣжитъ, толсто лаётъ: «Оу, оу, оу». Русской толкаетъ татарина и кричитъ: «Татаринъ! шкуру-то собаки съѣли». Татаринъ просыпается и кричитъ: «Вы тутъ, я васъ, . . . вашу мать!» Попъ съ Марфой испугались и давай Богъ ноги убѣгать, всё оставили имъ. Русской съ татариномъ сошли и давай угощаться, забрали всё съ собой и отправились въ дорогу. По дорогѣ къ нимъ пристали солдаты: шведъ и ара́пъ. Пришли въ одно селенье, некто не пускаётъ ихъ ночевать. Одинъ старичёкъ сказалъ, что у насъ вдова на краю села пускаётъ. Вдова имъ сѣни отворила и говоритъ: «Рада-бы васъ пустить доброхо́ты, да у меня сегодня попъ будётъ». Русской и говоритъ:—Давай, какой потопъ! Потопъ будётъ, дакъ тонуть всѣмъ вмѣстяхъ.—Зашли и давай росполагаться спать. Русской и говоритъ: Я повалюсь этта къ окошечку, на лавку». Татаринъ говоритъ: «Да я отъ русскаго не прочь, подъ лавку». Арапъ говоритъ: «А черняя этого не буду, повалюсь и на шестокъ». Шведъ былъ похитряе, нашолъ корыто и подвѣсилъ къ потолку. «Будётъ потопъ, я корыто обрѣжу, да и поѣду». Ночью всѣ спятъ, а русскому што-то не спится. Слышитъ, кто-то подходитъ къ окну и приставляетъ лѣсницу. Онъ выглянулъ въ окно и видитъ: попъ. И колотится: «Марфа, а Марфа». Марфа говоритъ:—Нельзя, батюшко, какихъ-то четыре солдата пришло.—«Эка какое несчасье, вчерась розгонили да и сегодни нельзя. На, прими хоть гостинцы-то». Русской берётъ. «Смотри-ко, Марфа, сегодни у меня, кака больша кутька-

то стала, пошшупай хоть». Русской въ одну руку взялъ кутьку, въ другу ножикъ и отрѣзалъ. Попъ скочилъ съ лѣсницы и побѣжалъ прочь. А русской давай угощаться поповскимъ угощеньемъ. Выпилъ да и пѣсенку запоуркивалъ. Татаринъ проснулса и говоритъ: «Русской, да ты кого ѣшь-то?»—Да кого ѣшь, да вчерашны колбасы остались, доѣдаю, грызу.—«Дайко мнѣ-то понсь». Тотъ ему подаётъ поповскій . . . . Татаринъ началъ ѣсть и говоритъ: «Да, русской, колбаса-то сыра́». Взглянулъ къ печкѣ, а арапъ тамъ спитъ, только зубы бѣлѣютъ, да губы краснѣютъ, а лица не видно. «Русской, да вонъ угли, я пойду, колбасу дожарю». Тотъ пришолъ и давай у арапа на губахъ поповскій . . . поворачивать. Опять и сталъ ѣсть. «Русской, всё не изжарилса!»—Не изжарилъ, а въ чужомъ мѣстѣ у́голья-то розворочалъ, смотри какъ свѣтетъ—«А я и залью». И началъ арапу стять въ ротъ. Тотъ проснулса и закричалъ: «Потопъ!» А шведъ проснулса и верёвку перерѣзалъ и упалъ съ корытомъ на полъ, голову розбилъ. Достали огня, освѣтили, кто съ чѣмъ? Татаринъ видитъ въ рукахъ кутька, арапъ плюётся, въ роту солоно, а у шведа голова розбита. Русской давай надъ нимъ смѣяться. «Нѣтъ, пойдёмъ всякъ своей дорогой, мы съ тобою больше русской не пойдёмъ».

Воронихина, Прасковья Степановна.

Старуха лѣтъ 60, живетъ въ Тамицѣ. Съ трудомъ согласилась мнѣ разсказывать сказки, отзываясь полнымъ незнаніемъ, но начала и разсказала мнѣ нѣсколько сказокъ, пѣсенъ и игру-комедію «Баринъ». Говоритъ П. С. очень скоро, часто повторяясь, и у ней очень трудно было записывать, такъ какъ при просьбѣ повторить, она разсказывала уже по иному.

288.

Анюшка и Варушка.

У одной дѣвушки Аню́шки матка была, а у Вару́шки не было матки. Варушка жила въ поворо́тѣ (безъ нужды), родители наоставля́ли хлѣба да всего. Черезъ двѣ версты Анна

отъ Варвары жила. Варушка пришла къ Анюшкѣ, тутъ поугощáлись, день посидѣли, побанкетовали, и пойдётъ Варушка домой, Анютку почёствуётъ, на завтра къ ей. И пойдётъ Анюшка на другой день къ Варушкѣ. Такъ гостилися можотъ съ мѣсецъ. И пойдётъ Анюшка къ Варушкѣ въ гости. Ей дѣвка встрѣту съ именинами (съ пирогомъ). «Куда ты пошла, Анюшка?» — Къ Варушки въ гости.— «Не ходи ты къ Варушки, тебя Варушка съѣсъ».—Нѣтъ, мы не первой день гостимся, ходимъ, она ко мнѣ, а я къ ей. — Идётъ впередъ, жонка съ полосканьёмъ идётъ: «Куды ты пошла, Анюшка?»—Къ Варушки въ гости.—«А не ходила-бы, тебя Варушка съѣсъ».— «Не разъ вѣдь ходимъ, гостимъ.—Опять впередъ пошла. Опять мужикъ ѣдётъ съ сѣномъ. «Куды ты пошла, Анюшка?»—Къ Варушки въ гости.—«А не ходила-бы ты дѣвка, сегодни Варушка людей ѣсъ».—Ище чего скажешь?.—Дошла до Варушки, на крылечки тутъ отъѣдена нóжка лежитъ человѣчья. А всё не повѣрила. На верхно залѣзла крыльцё, тутъ рука лежитъ. Въ сѣни зашли, тутъ и сробѣла и óбмерла: тутъ тулова да гóловы человѣчьи. Она и выскочила не въ толку, не въ умй. Варушка выскочила и говоритъ: «Иди, иди въ избу, не ходи, не ходи». Анюшки зашла къ ей да и сѣла подъ окошечко, подъ которымъ рáне сидѣла. «Садись, Варушка-подрушка, ране сидѣли». Ранé сидѣли, ягодки поѣдáли, да пѣсенки попѣвали, а теперь Варушка сѣла—целовѣцину ѣсъ. Анюшка и запоходйла: «Я, Варушка, домой пойду, не постарому ты, да не попрéжнему». Варушка говоритъ:—Не ходи, пойдёшь, дакъ я тебя съѣмъ.—Она опеть и сидитъ. «Садись, пока ужинай у у меня, тогды пойдёшь домой». Поставила ей столъ, принесла изъ перстóвъ рыбникъ состряпанъ. «Ѣшь, какъ не съѣшь, дакъ саму съѣмъ». Анюшка рыбницька не съѣла, за пазуху запихала. «Што, съѣла рыбницёкъ?» Варушка спрашиваетъ.

А тамъ, у сердéчушка.—Анюшка и запоходйла домой, заставáла, видитъ што не ладно дѣнтся. Варушка Анюшку схватила, исъ начала, руку отъѣдать стала. Анюшка плачётъ: «Не ѣшь, ты Варушка-подрушка, меня, хоть безъ руки отпусти меня, Варушка—подрушка».—Нѣтъ, ужъ пришла, дакъ съѣмъ.— Да всю и съѣла. Ночь пришла, дочери нѣтъ, матка на другой день и пошла провѣдывать. Осмотрѣла: на крыльцѣ ручки, да ноги лежатъ, воротилась да и объевила. Старшины да общество народу набралось да за ей и пришли. Съ улицы рамы желѣз-

ные приколотили, штобы не выйти ей. Поскакала, поскакала тамъ и кончилась въ своей хаты. Посмотрѣли въ окна,—здохла. Тогда сожгли хату совсѣмъ.

(«Старики говорятъ, што это правда, бывáльщина. Варýшка одна въ хаты жила, дакъ ей што-ле въ головушу и пришло».)

289.

Покойный дружокъ

Была дѣвица, отъ родителей осталась одна и сознался съ бурлакомъ съ хорошимъ, слюбилася съ имъ. Дѣвица даватця стала къ дéдѣ да дéдинкѣ, ей жить негдѣ: «Возьмите меня, подберúте». Оны ей говорятъ:—Покúнь дружбу, дакъ мы тебя и возьмёмъ.—Она сказала: «Покúну, возьмите только». Оны и взéли ей, а она дружбы не покинула, втай гдѣ на вечеринкѣ сойдéтця, и до того доходила и долюбилися, что и въ люди вы́шло, а дядя и дéдинка порýгиваться стали. А молодецъ занемóгъ да скоропостижно и померъ. Дедя и дéдинка говорятъ: «Слава Богу, теперь съ имъ знатьця не будётъ». Она ходитъ на вецерúноцьку, а всё по ёмъ тоскуётъ, всё въ умѣ дёржитъ. На вецеринку придётъ, да съ вецеринки всё съ подругами порозь, лáдитъ идти на могилу и сходитъ, поревúтъ. Придётъ и спать повáлитьця, а онъ къ ней и приходить сталъ. Люди не видятъ, а она говоритъ съ имъ. Стала весёла э́дака, онъ говоритъ ей: «Я умеръ да не въ зáболь, срежайся въ замужъ за меня». До того дѣло дошло, што она платьё наладила, отдала тючóкъ подругѣ и говоритъ: «Я сегодня взамужъ пойду». А подруга и говоритъ:—Што ты, вѣдь его нѣтъ живого.— «Нѣтъ онъ óжилъ».—А пошто люди не видали нехто?—Пришли съ подругой на вечеринку, опеть его и видатъ, а подруги не видятъ. Тутъ сговорилисе оны, онъ и говоритъ ей. «Я пойду домой, а ты приходи къ моей фатéрки, изъ фатéрки пойдёмъ вѣнцéтьця». Она пришла въ его фатéрку, а онъ лежитъ покóенъ въ савану́, свѣчка горитъ, образъ, она тутъ и сробѣла. Тутъ и самой смерть пришла. По утру ставáютъ дéдина съ дéдинкой, нѣтъ племеницы: «Гдѣ, гдѣ, гдѣ?» — не знаютъ гдѣ и взéть. Подруга та и сказыватъ, што она вза-

мужъ срежалася за досéльняго любовника. Платьё посмотрѣли нѣту. Дядя и пошолъ на могилу, а она на его могилѣ лежитъ мёртва, а платьё по крестамъ розлиплёно.

290.

Лѣшовы родины.

У лѣшого жонка съ Руси была, обжилась, робёнка принесла, надо бабка нажи́ть. Лѣшой и побѣжалъ наживáть. «Жонка съ Ру́си, дакъ мнѣ и бабку наживи ру́ску,» говоритъ жонка. Бабка по бабкамъ ходитъ, онъ и пришолъ къ ей. «Бáбка обáбь». Ей и потащилъ и притащилъ къ жонки, бабить. Бабка-то и говоритъ: «Дакъ изъ чего мыть-то?».— А наживу́, найду́ посу́ды.— Полетѣлъ за ведромъ въ тотъ домъ откуда бабка, и взялъ подóйникъ у снохъ, снохи не благословясь поставили. И притащилъ. Бабка смотритъ, подойникъ будто её. Она рубешóкъ и зарубила. Она оммы́ла да и поставила посудину. «Обирáй, куда знашь». Онъ и унёсъ. Жонка и говоритъ: «Онъ тебя росщитывать будётъ, будётъ тебѣ даватъ серебро, ты всё говори: «первóй, первóй, первóй». Какъ скажошь «другой», онъ давать боле не будетъ.» Онъ и сталъ ей росщитывать, она все говоритъ: «Первóй, первóй, первóй». И дѣвать стало некуда, и въ корманъ наклала и за пáзухи, онъ всё даватъ. Тогда она и сказала: «другой», онъ и пересталъ давать. «Тащи меня домой теперь.» Онъ и потащилъ старуху, дома и оставилъ. Старуха и посмотрѣла подóйника, рубежóкъ тутъ и есь. Она на снохъ и заругалась: «Ой вы, безпу́тни! всё дѣлаите не благословясь, лѣшой подойникъ сносилъ свою жонку обмывать.»

— — — —

291.

Лѣшой водилъ.

Дѣвка годовъ такъ тринадцати въ Троицынъ день по Тамицѣ шла по улицы́, немножко до церквей не дошла и вдругъ пропала. Нѣту и нѣту—догадались, што лѣшой увёлъ. Начели молебны пѣть. Ей петь дёнъ не было, каждой день по утру

молебны служили. На шестой день старикъ одинъ пошолъ огородъ городить вёрсты за три, дѣвка на его пожнѣ цвѣточки рвётъ. Увидѣла старика и въ сторону побѣжала. Онъ её закликалъ: «Феня, Феня.» А она прочь отъ его. Она пока черезъ огороды выставáла, онъ проворной старикъ, ей и захватúлъ. Привёлъ къ матери — ничего некому не скажотъ, не допытáишься. Теперь жива, жонкой за мужикомъ однимъ.

292.

За овцу.

Вечеринку мы сидѣли у старика. Дѣвицы складыню задумали сдѣлать. А старикъ и пришепнулъ имъ живу овцю у сосѣда унести. Тутъ проворны дѣвки были, зашли въ хлѣвъ безъ огня, овцѣ шапку наложили, штобы не блеяла и унесли къ хозяину, онъ и освѣжилъ ей нóцью. Утромъ хозяйка встаётъ, овець много было, всѣ бѣлы, одна черна, той и нѣту. А у ей мужъ въ карты игралъ и вино пилъ, она на его и сказала: «Это ты ночью овцу увёзъ, въ карты проигралъ?» — Нѣтъ, зёрнышкомъ виноватъ, (зерно носилъ продавалъ) а овцю не трогалъ.—Всё мужика клеплётъ. Такъ и закончилось дѣло. На ýтро старикъ овцю и сварили. Сынъ у старика, годовъ девятнадцати, на утро у него удить пошолъ на морё, гдѣ перемёты стоятъ. Удилъ да былъ, всѣ видѣли, да не въ свою сторону, въ Кянску сторону и пошолъ. На удьбѣ люди были, кричатъ: «Мишкó Мишкó, ты не туды идёшь, тамъ сухá водата.» Порыцяли, порыцяли, да и брóсили, думаютъ: такъ пошолъ. А Мишкó такъ и потерялса. Его пошли искать, молебны служить, да такъ ничего не подѣйствовало. О конецъ зáговѣнья Филипова онъ потерялса, на весну самоѣдята прiѣхали, одна самоѣдка его бралась искать въ христовску ночь; въ ту пору, когда подъ замóкъ (съ крестнымъ ходомъ) идутъ, всякой покóйной, всякой пропáшшой къ родительскому двору придётъ и повалитця ко крыльцу. (Нужно што бы черезъ порогъ въ это время три раза перешагнула дѣвица или жонка въ цвѣту, въ кровяхъ). Нехто не нашолса, побоялись: «сами себя вить ухóдимъ», побоялись. Да черезъ петнадцать годовъ въ Кянды

одинъ, (съ лѣшимъ то знáетця) говоритъ: «Я знаю Зотова, у лѣшого-то живётъ.» Онъ женѣ своёй скажотъ, а жена этта и запофáркиватъ, до родителей и дошло. Машка сбѣгатъ и попровѣдатъ въ Кянды къ мужику. Онъ и говоритъ: «Онъ живётъ отъ Кянды на полувóлокѣ въ сторонѣ, въ лѣсу, не видно фатеры, и у его четверо дѣтей, борода большая ужъ. Тебѣ надь, дакъ я тебя свожу.»—Я домой схожу, у отца спрошу, тогда съ имъ.—Домой ушла, къ мужу: «Пойдёмъ сына смотрѣть: мужикъ находитця, знатъ гдѣ живётъ.» Старикъ говоритъ: —Куда ты съ имá? (у его еще три сына). Пусть тамъ живётъ въ лѣсу, съ лѣшóвкой.—Такъ и оступúлся. Въ тотъ годъ Святой дождались, старикъ ушолъ въ церковь, а старуха сидѣла дома. Когда пошли подъ замóкъ (кругомъ церквы) въ избы-то такъ и брякнуло. Обижалса, што не пошли его посмотрѣть.

293.

Лѣшой увелъ.

На другой день Троицы, въ Духовъ день соку ись ходили парняшки, а петнадцети годовъ Тихонъ былъ. Дрáли, дрáли (сосны) ѣли, ѣли, домой запоходúли, робята въ одну сторону, а Тихонъ въ другý, будто его братъ привидился: «Пойдёмъ, Тúхонко, домой, робята не въ ту сторону пошли.» Шолъ, да шолъ за братомъ, да и потерялса, захохоталъ. А Тихонъ безъ ума, самъ не знатъ, какъ въ избушкѣ въ лѣсной очудился. «И вижу, жонка да робята незмнакомы, очумѣлъ я и засудилъ «Не знай какъ заблудилса?» Жонка ему и отвѣчатъ:—Нѣтъ, ты не заблудилса, а тебя лѣшой унёсъ.—А жонка сама унесёна. «Онъ когда придётъ, будётъ чоствовать тебя ѣдой, а ты не ѣшь.» А Тихонъ и спросилъ:—А худо развѣ тебѣ жить то? — «А худо; такъ-то жить-то и нечего, да хто съ огнемъ ходитъ не благословясь, да йскрину уронитъ, дакъ лѣшому вѣра (охота) пожаръ сдѣлать, онъ и заставлятъ роздувать. Тежело въ то время, теперь я больше не роздуваю, робятишки (отъ лѣшаго и бабы) пособляютъ.» Налетѣлъ самъ-то лѣшой, ись заводятъ, да и его чоствоватъ, а Тихонъ и говоритъ: «Я сытóй.» И не сѣлъ. А жона и говоритъ лѣшому: «Што самъ-то

не садисся?—Я сытóй, я, говоритъ, у женщинъ, котора молоко не благословесь выцидитъ, я всё выпью; я напилса, сытóй. Потомъ я хорконý въ крынки-то, они полны и сдѣлаются, поѣдя́тъ мою хорхóту.—Лѣшой улетитъ да прилетитъ, да жона говоритъ лѣшому: «Снеси, э́ку бѣду принёсъ, хлѣба не ѣсъ, отнесú, брось на старо мѣсто.» Лѣшой жону и послушалъ, его схватилъ и потащилъ. Парень въ избѣ былъ, всё помнилъ, а тутъ всё забылъ. Да къ морю, на Нýльницкой нáволокъ, его продóльничихи увидѣли. Сколько дней не ѣлъ, ослабѣлъ, лежитъ въ травѣ, не можетъ пошевелиться. Его взяли и вывели въ Тамицу.

294.

Кушакъ.

Дѣвушка придумала кýдесить противъ Крешшéнья и положила себѣ кусочикъ на уголокъ, а другой кусочикъ на другой уголокъ, богосýжоного чóствовала. Не благословесь въ сѣни сходила, двери не благосовесь перéзаперла, штобы лѣшому заттú льзя́. И сѣла на уголокъ, стала и говорить: «Богосуженой мой, поди ужинать со мной.» Сѣла и глаза закрыла. Сѣни застукали, сапоги стукаютъ, слышитъ — идётъ; въ избу идётъ, зашолъ въ избу, крéкнулъ и прошолъ серёдка избы; видитъ: пиджакъ, кафтанъ норвецькаго сукна, кушакъ поперецьной шолковой. Онъ кушакъ отвезалъ сейчасъ отъ себя, да въ переднёмъ углу на спúчу и повѣсилъ, и шапку снялъ на спúчу и вѣситъ. Какъ шапку-то клалъ на спичу, дѣвича и перекрестилась, глаза отворила, а ужъ негдѣ некого и нѣтъ, а кушакъ-отъ осталса на спицѣ, вéснётъ. Дѣвица высмотрѣла его всего, въ сундукъ и убрала. А у мужика и кушакъ потерялсá, она и помалчиватъ; кабы ей любой былъ, дакъ она-бы сказала подружкамъ. Черезъ сколько времени мужикъ посваталса, ей и не хотѣлось, а родители отдали, тогда она мужу кушакъ-отъ и показала.

Воронинъ, Владиміръ Ивановичъ.

Сынъ Пар. Ст. Ворониной, лѣтъ 30-ти крестьянинъ, грамотный, кончилъ сельскую школу.

295.

Красная дуга.

Въ одномъ селеньи жилъ священникъ, у него была дочь Маша, очень красивая, и безпрестанно къ ей сватались женихи хорошіе. Отецъ не отдавалъ, была одина́кая дочь, жалѣлъ всё. Разъ отецъ съ хозяйкой уѣхали въ городъ, а Машу оставили одну дома. У Маши была подруга. Маша ушла въ гости къ подругѣ, избу оставила незаложеной. Въ это время зашло къ имъ въ комнаты и засѣло въ подпольѣ трое мужиковъ. А Маша, когда не было родителей, звала подругу къ себѣ ночевать. Маша и подруга пришли ночевать, подруга и пошла въ подпольѣ за квасомъ. Какъ только открыла подпольё, увидала мужиковъ, испугалась, пришла, объяснила Машѣ. Маша и подружка пошли въ подпольё досма́тривать, разбойники вышли изъ подполья и начали ихъ уговаривать, что «Небойтесь, что мы пришли не грабить, а пришли свататься». Она имъ отвѣчаетъ, что родители уѣхали въ городъ, что «я ничего не знаю». Тогда мужики оставили сватовство до родителей и приказали Машѣ придти посмотрѣть ихъ жительство, росказали ей дорогу: «Когда пойдёшь, на правой рукѣ будётъ ро́стань и тутъ будётъ стоять красная дуга, а къ дугѣ будётъ привязанъ бѣлой платочекъ, по той дорогѣ и иди». Мужики ушли. Маша на другой день кряду и пошла. Дорога шла сначала полёмъ, потомъ и лѣсомъ, за лѣсомъ оказался двухэта́жной домъ. Подошла она къ дому двери, были заперты. Обошла она кругомъ и увидала ворота. Загнела́сь въ подворотню и зашла въ домъ. Въ домѣ никого не было, она начала осматривать всѣ комнаты, и нашла въ одной комнатѣ очень большой стулъ, отъ толстаго дерева, вродѣ чурки, а на стулѣ былъ широкій топоръ и было вездѣ множество крови, валялися пальцы и части тѣла. Когда Маша это всё осмотрѣла, заслышала у двора шорохъ, когда взглянула въ

окошко, узнала тѣхъ людей, которые были у ней на фатерѣ. Маша спугалась, увидала подъ кроватью кучу человѣческихъ тѣлъ, она въ эти тѣла и скрылась. А люди заѣхали на сарай и завезли какую-то женщину. Она не видѣла, што они съ ей дѣлали, а сама въ этихъ тѣлахъ нашла палецъ съ золотымъ кольцомъ и спустила себѣ за пазуху. Люди вошли въ комнату и между собой заговорили про Машу. «Што-же она сулилась и не пришла къ намъ». Поговорили и обратно уѣхали всѣ. Маша окуратно вышла, осмотрѣла вездѣ, кругомъ и направилась по дорогѣ домой. Когда пришла домой, подружка спрашиватъ: «Каково у жениховъ?» Маша ничего не сказала, а сама этотъ палецъ хранитъ, знатъ что прiѣдутъ свататьця. Когда прiѣхали отецъ и мать изъ города, прiѣхали свататься тѣ-же три человѣка и оказали они много денегъ, чтобы выдалъ дочь. Священникъ задумалъ ей отдать, Маша упиралась и не желала идти въ замужъ, но не могла противъ отца,отецъ неволитъ. Она тогда открыла всю тайну: показала палецъ съ золотымъ кольцомъ и росказала, гдѣ его взяла и гдѣ скрывалася у нихъ, когда была въ домѣ. Тогда разбойниковъ троихъ захватили, и полицiю Маша свела въ домъ и забрала всё ихъ золото.

Леонтьева, Ульяна Степановна.

Женщина 51 года, живетъ въ Тамицѣ. Случайно пришла къ П. С. Ворониной и слушая, какъ та разсказываетъ сказки, вспомнила и разсказала одну сама.

296.

Васька Васютка.

У старухи сынокъ померъ, она его и жалѣетъ. Пришолъ старикъ къ ей и спрашиваетъ: «Чего плачешь?»—А сына жалѣю.—А мы съ твоимъ сыномъ вмѣстѣ жили, съ одной ложки пили и ѣли».—А тебя какъ зовутъ?—«А Васька Васютка?—А ты моего сына не приведёшь ли ко мнѣ?—«А пожалуй и приведу. А ты што мнѣ даёшь?»—А ты што возьмёшь?—А я вѣдь Васька Васютка, семь рублей не шутка, новая шубка, со

спи́цы новы рукавицы, пёхтусъ масла. двѣнадцать яицъ». Старуха всё ему и отдала. Старикъ-отъ свой пришолъ, старуха и говоритъ: «Старикъ, сегодня какой-то былъ, обѣщалъ сына привести, а я ему отдала семь рублей, новую шубку, со спицы новы рукавицы, пёхтусъ масла, двѣнадцать яицъ». Старикъ говоритъ: «Ой ты, шаль! Хто тебѣ, ужъ умеръ дакъ приведётъ».

Воронинъ, Михаилъ Созонтовичъ.

Живетъ въ дер. Кόрбатово на рѣкѣ Онегѣ. Слыветъ за очень хорошаго сказочника и, кажется, дѣйствительно знаетъ очень много сказокъ, но у меня съ нимъ вышло не удачно. Я пріѣхалъ въ с. Чекуево, гдѣ только и могъ остановиться на квартирѣ и сейчасъ же послалъ въ Кόрбатово нарочнаго за М. С. Дѣло было въ субботу. М. С. пришелъ ко мнѣ на другой день, въ воскресеніе, часа въ три, предварительно побывавъ въ церкви, въ правленьи и угостившись у пріятелей, сильно навеселѣ. Съ трудомъ записалъ у него въ тотъ день сказку, а на другой день онъ ужъ опять ушолъ на работу, и я М. С. больше не видалъ.

297.

Аркій Арковичъ и Иванъ Царевичъ.

Царь былъ Іоанъ и дѣтей у него одинъ сынъ достигши совершеннаго возраста. Отецъ и говоритъ: «Тебя-бы нужно женить».—Мнѣ-бы нужно татенька жениццяя.—Царь собираетъ пиръ на весь миръ для офицерскихъ и генеральскихъ дочерей. «Сынъ ходи и избирай». Не могъ себѣ прилюбовать невѣсты. Второй разъ собираетъ пиръ для генеральскихъ и полковницкихъ дочерей: «Ходи и выбирай невѣстъ». Сынъ не могъ выбрать по уму. Собралъ третій пиръ для всякаго званія дочерей; и о третій разъ не могъ. Утромъ встаетъ и говоритъ: «Татинька и маминька, испеките мнѣ што надо подорожное, я пойду искать себѣ суженую». И отправился. Отходитъ отъ дому, попадается ему старичёкъ. «Далёко-ли». — Да вотъ такъ-то. — «Пойдёмъ

вмѣстѣ». И пошли съ этимъ старичкомъ. Дошли до саду, старичокъ говоритъ: «Лягёмъ отдохнуть». Легли отдохнуть, дѣвица идётъ прекрасная такая. Царевичъ говоритъ: «Дѣдушко, это не невѣста-ли?» — Нѣтъ, это не тебѣ, другому. — Пошли дальше, до второго дошли сада, опять легли отдохнуть, идётъ опять красавица. Иванъ Царевичъ говоритъ: «Дѣдушко, не эта-ли невѣста»?—Нѣтъ, ты подожди. — Пошли дальше, отдохнуть повалились, красавица идётъ опять. «Дѣдушко, это моя невѣста?» — Да, это твоя. — «Дѣдушко, иди сватомъ, свата здѣсь искать негдѣ». Дѣдушко и пошолъ. Дѣвица согласна итить. «А гдѣ вѣнчаться? — А вѣнчаться въ своёмъ царствѣ.—Впередъ подали знать её родителямъ. Ну, и повѣнчались и спать легли, она первую ночь его съ кравати и бросила: «Могу-ли я, съ экимъ мертвеко́мъ спать? Аркій Арковичъ по́ три года по мнѣ леталъ, дорогіе подарки приносилъ». Царевичъ утромъ стаётъ. «Татенька и маменька, благословите меня, я пойду Аркія Арковича искать». Жена остается съ первой ночи. Родители попла́кали, пожалѣли и дали благослове́нья; отправился Царевичъ. Вотъ онъ идётъ нѣсколько времени. Приходитъ въ одно королевство простымъ мужикомъ. Мимо идётъ, дворецъ, на балконѣ стоитъ королева. Иванъ Царевичъ шапку снялъ, ниско поклонился, а она въ отвѣтъ: «Милости просимъ, Иванъ Царевичъ, на перепутьи хлѣба-соли откушать. Что идёшь кручи́ненъ-печа́ленъ, или о томъ сомнѣваешься, што жена съ первой ночи съ кровати спѣхнула?» Онъ головой качнулъ, кудрями тряхнулъ. — Да, вездѣ молодца знаютъ, почитаютъ, женой упрекаютъ. — Заходитъ къ (ней; она приняла, накормила, напоила и спать повалила. Сама спрашиватъ: «Далече-ли идёшь?») Хочу Аркія Арковича видѣть, каковъ онъ есть.—Пошолъ дальше. На второй день тоже самое случилось, вторая на балконѣ стоитъ, съ этой онъ также обходился. И въ третьё королевство пришолъ, ему королева и говоритъ:—«Я бы тебѣ дала меча острого, коня крылатого, да Аркова мать за двадцать пять вёрстъ ихъ изъ подъ тебя украдётъ».—А какъ украдётъ, я вѣдь не усну? — «А что можешь дать ручательство, што пригонишь коня?»—А голову.—Она ему и дала коня и мечъ. «Иванъ Царевичъ, когда поѣдёшь, не забудь меня». — Не забуду, приворочу. — И отправился. Вдругъ ѣдётъ нашъ царевичъ — и идётъ пѣшкомъ: не коня, не меча нѣту; идётъ пѣшкомъ, а ѣхалъ не спа́вши. Вотъ онъ и доходитъ до дому Аркія Арковича; у дому сторожовъ много, не

впускаютъ въ домъ; однако впустили. Въ домъ заходитъ, нѣсколько комнатъ проходитъ, въ одной мать: «Га, думала, гдѣ-бы Ивана Царевича повидать, а онъ самъ въ доми; изъ жива сегодня-же жилы вытенёмъ. Заперѣть его въ тѣ комнаты, въ которыхъ мы никогда не бываемъ, пока Аркій Арковичъ не явится». Вотъ и заперли Иванъ Царевича. Сидитъ и думаетъ: «Зачѣмъ я пошолъ?» Приходитъ вечеръ, прилетаетъ Аркій Арковичъ домой, мать и говоритъ: «Иванъ Царевичъ самъ пришолъ?» — Гдѣ-жо Иванъ Царевичъ — «Извѣстно въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ мы никогда не бываемъ».— Вывести его сюда.— Вывели. «Здравствуй, Иванъ Царевичъ». Принялъ его Аркій Арковичъ по дружески, посадилъ за свой столъ. «Не опасайтесь, Иванъ Царевичъ, не можете-ли вы мнѣ чего помочь? я себѣ невѣсту доступаю, Елену прекрасну, четыре года, и сколько не бьюсь, а войска не убываетъ». Иванъ Царевичъ говоритъ: —Я-бы могъ тебѣ помочь, да у меня нѣтъ коня крылатого и меча острого. Вы-бы могли биться, я бы могъ по воздуху облетѣть и узнать, откуда сила беретця и всё. — Аркій Арковичъ говоритъ: «Это у насъ всё есть». На другой-же день по утру отправляются позавтракавши въ бой, а Иванъ Царевичу коня крылатого и мечъ острой отдали въ руки. Когда Аркій Арковичъ и Иванъ Царевичъ доѣхали, гдѣ биться, Аркій Арковичъ говоритъ: «Иванъ Царевичъ, намъ здѣсь битьця». Иванъ Царевичъ говоритъ:— Вы бейтесь, а я полечу. — «Нѣтъ, Иванъ Царевичъ, мы не такъ съ тобой ростанемся: назовёмся названными братьями и на этомъ мѣстѣ одинъ одного будёмъ ожидать. Вотъ камень, подъ его положимъ по серебряному блюду; Если блюдо побусѣло, должо́нъ одинъ другого выручать; а если нальётся кровью, тогда намъ негдѣ другъ друга и искать». Назвались братьями, положили блюдья подъ камень и розъѣхались. Аркій Арковичъ вступилъ въ битву, а Иванъ Царевичъ поднялса на крылатомъ конѣ, на воздухъ. Иванъ Царевичъ долетѣлъ до кузницы, нѣсколько кузнецовъ молотомъ ударяютъ: што ударятъ, то выйдётъ солдатъ и воинъ. Иванъ Царевичъ говоритъ: «Богъ помощь кузнецамъ ковать желѣзо, а не солдатовъ». Кузнецы начели ковать, а солдаты и не пошли. Иванъ Царевичъ вперёдъ. Доѣхалъ до другихъ кузнецовъ. Тѣ куютъ, какъ ударятъ—афицеръ. Иванъ Царевичъ и говоритъ: «Богъ помощь, кузнецамъ, добрымъ молодцамъ, желѣзо ковать, а не афицеровъ». Тѣ начали ковать. искры летятъ, а афецеровъ нѣту. Онъ вперёдъ. Доѣхалъ, третьи

кузнецы генераловъ куютъ. «Богъ помощь кузнецамъ желѣзо ковать, а не генераловъ». Тѣ начали ковать, искры летятъ, а генераловъ нѣту. И онъ облетѣлъ еще нѣсколько вёрстъ. Войско сбываетъ, прибыли нѣту. Прилетаетъ къ Аркію Арковичу, тотъ невѣсту Елену взялъ, только еще вывести ей не можетъ: «Скоро, братецъ, и никого не будетъ». Нѣсколько—и никого нѣту. Пристигла ихъ ночь. Роскинули шатёръ. Аркій Арковичъ съ Еленой Царевной осталса въ шатрѣ, а Иванъ Царевячъ отошолъ, ночевать подъ дубъ лёгъ. Налетѣло два голубя, одинъ и ўркаетъ: «Гулю, гулю, голубокъ». — А што голубушка?—«Взялъ Аркій Арковичъ Елену прекрасную, а только не совладать ему съ ей».—А почему же?—«А потому, што они запоѣжжáютъ къ вѣнцу, у ихъ будётъ два платья, одно хорошо, а друго поплóше; Они платьё хорошо одѣнутъ, кряду и помрутъ. А хто эфти вѣсти Аркію Арковичу перенесётъ, тотъ по колѣнъ окаменѣетъ». Ночь прошла, стали, поѣхали. Опять роскинули шатёръ, Аркій Арковичъ съ женой въ шатрѣ, а Иванъ Царевичъ подъ дубомъ. Прилетаютъ два голубя, розговариваютъ: «Гулю, гулю, голубокъ»—А што?—«Взялъ Аркій Арковичъ Елену прекрасну, да не совладать съ ей. Когда поѣдутъ къ вѣнцу, будутъ двѣ кареты, одна хорóша, друга плóше; онú сядутъ въ хорóшу, ихъ роздавитъ. А хто вѣсти эти Аркію Арковичу перенесётъ, тотъ пó груди окаменѣетъ». Ночь прошла, снялись и поѣхали. Еще ночь пришла... обночевались... голубокъ говоритъ: «Отъ вѣнца пріѣдутъ будётъ двѣ лóжи, одна хорóша, друга похуже, они лягутъ въ хорóшу, ихъ роздавитъ. Хто эфти вѣсти Аркію Арковичу перенесётъ, тотъ и камень будетъ». Опять стали, снелись и поѣхали. Пріѣхали въ домъ, торжество было великолѣпное, кряду-же и вѣнчáнье. Приготовили двѣ пары подвѣнечнаго платья, двѣ пары каретъ. Иванъ Царевичъ былъ посажоннымъ отцомъ. «Я схожу, посмотрю», сказалъ Иванъ Царевичъ и крестъ нá крестъ хорошоё подвѣнечное платье ударилъ и розсѣкъ. Доложили Аркію Арковичу; Аркій Арковичъ говоритъ: «Въ первой винѣ Богъ проститъ». И одѣли похуже платье. Посмотрѣлъ Иванъ Царевичъ кореты и по хорошой кореты ударилъ крестъ нá крестъ и корету розсѣкъ. Доносятъ Аркію Арковичу: «Ну, во второй вины Богъ проститъ». Сѣли и поѣхали, повѣнчались. Весь цермоніалъ кончилса, нужно спать, Иванъ Царевичъ пошолъ смотрѣть кровати и по хорошой ложѣ саблей, и ложу розсѣкъ. Доносятъ Аркію Арковичу. «Посадить

посаженнаго отца въ камору». И повалилилса на кровать похуже. На друго утро Ивану Царевичу казь-висѣлица. Вотъ Ивана Царевича ведутъ на весѣлицу; было устроено три ступня. Иванъ Царевичъ говоритъ: «Братецъ, предъ смертiю позвольте слово сказать».—Говори.—«Вотъ», говоритъ, и разсказалъ всё, что было. На трéтьемъ ступнѣ и окаменѣлъ весь. Аркiй Арковичъ взялъ камень и унёсъ въ свою спальню. Проживши годъ Аркiй Арковичъ, у нихъ родилса сынъ. Аркiю Арковичу приснилса сонъ: если-бы онъ не пожалѣлъ своего сына, заколъ-бы его и накапалъ-бы на камень горячей крови, камень-бы ожилъ. И запечáлилса. Жонка и спрашиватъ: «Што печаленъ?» Аркiй Арковичъ росказываетъ. Елена-царевна говоритъ: «Мужъ, да мы еще молоды, еще наживёмъ». Принесла младенца и кинжаломъ въ бокъ. Иванъ Царевичъ и всталъ. «Ахъ, какъ долго я спалъ». На это мѣсто положили сына. И снится Аркiю Арковичу сонъ: «Если-бы у себя утрѣзалъ палецъ и изъ пальца капнулъ-бы на своёго перворóдца кровь, онъ-бы ожилъ». Аркiй Арковичъ сталъ утромъ чинить перо и отрѣзалъ палецъ и на младенца накáпилъ крови и тотъ ожилъ. Послѣ этого былъ у нихъ пиръ на весь миръ. Аркiй Арковичъ говоритъ: «Названой братецъ, Иванъ Царевичъ, проспи съ моей женой Еленой прекрасной три ночи». Тотъ отказывался. — «Нѣтъ, ты проспи», говоритъ Аркiй Арковичъ, тогда узнаешь. И спи въ моей спальнѣ, на моей кроватѣ, самъ узнаешь». Онъ согласилса. Только лёгъ Иванъ Царевичъ съ его женой, Елена-царевна жена заснула, налетаетъ сорока и рвётъ Ивана царевича; такъ всю ночь мучился, не заснулъ. Такъ три ночи спалъ, на третью ночь схватилъ сороку переломилъ ей ногу и бросилъ. Утромъ Аркiй Арковичъ послѣ третiй ночи и спрашиватъ его: «Каково съ моей женой спалось?»—Да спать бы хорошо, да навязалась сорока.— Аркiй Арковичъ усмѣхнулса и говоритъ: «А это вѣдь твоя жена: она узнала, что ты спишь съ чужой женой». Иванъ царевичъ отправился домой; роспростились. Наградили и отправили. Дома жена встрѣчаетъ на костылѣ. Иванъ царевичъ обнажилъ саблю да и зарубилъ, а поѣхалъ да на той королевнѣ, которая крылатого коня дала, и женилса.

Коротких, Савва Яковлевичъ.

Одинъ изъ замѣчательныхъ людей, какихъ я много встрѣчалъ на сѣверѣ. Живетъ въ дер. Пянтиной на р. Онегѣ и служитъ волостнымъ старшиной Чекуевской волости. Человѣкъ хорошо грамотный, чрезвычайно дѣльный, любознательный вообще и очень интересующійся политикой. Онъ упорно и съ толкомъ читаетъ газеты и великолѣпно въ нихъ разбирается. Я поразился его знакомствомъ съ политикой: онъ напр. совершенно свободно опредѣлилъ разницу между различными русскими партіями, хорошо понимаетъ политическое положеніе вещей, и радикально, но очень трезво настроенъ. Простой, обходительный, милый человѣкъ, которому ни его развитость, ни положеніе старшины не вскружили головы. Интересно, что увлеченіе политическимъ движеніемъ совсѣмъ какъ-бы не затронуло его старыхъ воззрѣній и вѣрованій. Онъ готовъ былъ поклясться, кажется, мнѣ въ томъ, что поѣздка на лѣшемъ въ Петербургъ дѣйствительная правда. Его самого водилъ лѣшій, и онъ въ этомъ нисколько и не сомнѣвается. Очень просто и охотно согласился разсказать мнѣ двѣ комедіи («Мнимый баринъ», «Шлюпка») и нѣсколько сказокъ. Знаетъ онъ очень хорошо и «Царя Максимильяна» и во всѣхъ этихъ комедіяхъ играетъ и вообще хороводитъ этимъ дѣломъ.

— — —

298.

Ванюшка дуракъ.

Въ одной деревушкѣ жила старушка, у ней былъ сынъ Ванюшка. Старушка пряла и ткала холстъ, а Ванюшка ходилъ продавалъ. Разъ мать отправила его продавать въ сосѣднюю деревню холстъ, вёрстъ за шесть переходить нужно было мѣстомъ. Идётъ и видитъ: близь дороги пень стоитъ, онъ и говоритъ:—«Пень, навѣрно тебѣ холодно?» Самъ себѣ и говоритъ:—Да холодно.—Взялъ холстъ и началъ мотать на пень. Обмоталъ и говоритъ: «Теперь тепло?» Самъ себѣ и отвѣчаетъ:—Да, тепло. — Опять и спрашиваетъ: «А что, пень, ты этотъ

холстъ продашь?» Самъ себѣ и отвѣчаетъ: — Да, продамъ.— «А когда же деньги отдашь». Самъ себѣ и говоритъ: — Въ пятницу.—А ходилъ-то онъ въ среду. Наконецъ вернулся безъ холста домой. Мать спрашиватъ: «Гдѣ холстъ, продалъ?»— Нѣтъ, на пень оммоталъ.—«А зачѣмъ же?» — А пень холстъ продасъ,—отвѣтилъ мнѣ. «Какъ продасъ? А когда деньги?»— Въ пятницу.—Мать и говоритъ: «Ну, если не принесёшь денегъ, тогда домой не приходи». Приходитъ пятница, утромъ будитъ мать его рано. «Ванька, вставай получать деньги». Ванька всталъ, пошолъ, приходитъ; на пнѣ холста ужъ нѣтъ. Спрашиваетъ: «Пень, холстъ продалъ?» Пень молчитъ. «Пень, давай же деньги». Пень молчитъ. «Сказалъ, что въ пятницу деньги, такъ давай-же?» Пень всё молчитъ. Схватилъ палку и давай пень колотить. «А, не хочешь мнѣ деньги отдать». Пень былъ дряхлый, онъ его розбилъ и корень выворотилъ, подъ корнемъ оказался котёлъ съ золотомъ. «А, ты меня не перваго обманываешь? Видишь, у тебя цѣлый котёлъ подъ ногами заграбленъ денёгъ». Попробовалъ поднять котёлъ, не можетъ, тяжело. Прикрылъ хворостомъ, пошолъ домой. Приходитъ и говоритъ: «Матка, пень холстъ-то продалъ, не хотѣлъ мнѣ денёгъ отдать, я его розбилъ, подъ нимъ золото». Мать побѣжала къ дядѣ просить лошадь. «Дядя, дай мнѣ лошади и бочки, за водой Ванькѣ съѣздить».—«Возьми, поѣжжай!» Ванька поѣхалъ, она наказываетъ: «Некому не сказывай, что за деньгами ѣздилъ».— Я-то не скажу, только ты-то не сказывай.—Пріѣжжаетъ и выгребаетъ деньги въ бочку и ѣдётъ домой; на встрѣчу ѣдётъ попъ. Ванька и говоритъ. «Батюшко, знаете ли куда ѣздилъ?»— Куда, Ваня!—«За деньгами, въ лѣсъ, котёлъ денёгъ нашолъ.»— Врёшь, Ваня? —«А посмотри». Попъ видитъ: деньги. «Счастье твоё, много денёгъ». Сѣлъ въ сани и поѣхалъ. Ванька бѣжитъ сзади и кричитъ: «Батюшко, постой.»—Што тебѣ, Ваня?—Мнѣ матка не велѣла сказывать про деньги».—Ну, да я вѣдь никому не скажу.—«Нѣтъ, скажешь». Взялъ ударилъ попа въ лобъ обухомъ, убилъ его: «Теперь не скажешь». Ударилъ коня кнутомъ, конь помчался. Мать и говоритъ: «Иди, Ванька, отгони лошадь дядѣ, да скажи, что за водой ѣздилъ». Ванька пригналъ и говоритъ: «Знаешь ли, дядя, зачѣмъ я ѣздилъ?»— За водой.—«Нѣтъ, за деньгами, я въ лѣсу котёлъ нашолъ».— Врешь?—«А не вѣришь, посмотри въ амбарѣ». Дядя пошолъ, полюбовался.—Экое счастье, Ванька!—«Дядя, мнѣ вѣдь матка

про деньги не велѣла сказывать».—Ну, да я вѣдь никому не скажу.—«Нѣтъ, врёшь, скажешь!» Взялъ, дядю зарѣзалъ, голову бросилъ на вышку, тулово повѣсилъ надъ засѣкомъ, пришолъ домой лёгъ спать. По-утрў мать будитъ: «Ванька, ставай, на погостъ звонятъ».—А какой сегодни праздникъ?—«Попа хоронятъ». — Ну, дакъ пусь хоронятъ.—«Тамъ сегодни вино пьютъ».—А кто вино пьетъ?—«А кто хоронитъ, тотъ и пьётъ.»—А кто попа убилъ, тому вина нѣтъ? Я попа убилъ.—«Развѣ ты попа убилъ?—Я.—«Врешь?»—А коли не вѣришь, дакъ посмотри, я и дядю зарѣзалъ, въ амбарѣ виситъ.—«За что ты ихъ убилъ.»—А чтобы они о золотѣ не расказали.—«А коли убилъ, иди же вино пить». Ванька пошолъ вино пить, а мать въ амбаръ, дядю спрятала, деньги выгребла въ засѣкѣ, а туда насыпала березоваго листу, зарѣзала барана, голову бросила на вышку, тулово повѣсила въ засѣкѣ. Ванька приходитъ и кричитъ: «Хто безъ меня смѣлъ вино пить!»—А мы попа хоронили, дакъ мы и вино пьёмъ.—«Ахъ, хоронили! Попа бить не было, а вино пить всѣ лѣзутъ».—А кто попа убилъ?—«Да я».—Врёшь, Ванька?»—А коли не вѣрите, посмотрите въ амбарѣ у меня, тамъ дядя зарѣзанъ, а въ засѣкѣ котёлъ денёгъ насыпано». Захотѣли удостовѣриться. Пошли посмотрѣть, Ванька хлопнулъ барана пó-боку: «Вонъ у меня дядя какой былъ мохнатой!» Тащитъ голову съ вышки. «Вотъ у дяди какія были крутые рога». Тѣ видятъ што дуракъ и розошлись домой. Приходитъ домой мать и говоритъ: «Ванька, возьми денёгъ сколько надо, иди съ Богомъ куда знашь».

Ванька идётъ дорогой, встрѣчаетъ попа. Попъ спрашиваетъ. «Куда идёшь?»—Иду въ роботники искать мѣста.—«А сколько просишь?»—Сто рублей, покуда не надоѣмъ буду жить.—Попъ подумалъ: за 100 рублей можетъ вѣкъ жить будётъ.—Приводитъ домой. «Матка, я роботника привёлъ, за сто рублей вѣкъ будётъ жить». По утрў Ванька спрашиваетъ: «Батюшки, сегодни, кого дѣлать?»—Ваня нужно бы быка зарѣзать.—А у попа было шестнадцать быковъ Ванька побѣжалъ и не знаетъ котораго. «Батюшко, которого?»—А который на тебя поглядитъ.—Ванька пришолъ, всѣ на него глядятъ, онъ всѣхъ и зарѣзалъ. Приходитъ: «Попъ, куда шкуры вѣситъ?» Попъ говоритъ:—Куда вѣсить, одной шкурѣ не много мѣста надо!—«Да у меня шеснаццеть.»—Какъ шеснаццеть?—«Всѣ быки на меня посмотрѣли, я всѣхъ и зарѣзалъ». Не отда-

вать же сто рублей, а ужъ надоѣлъ. «Ну, давай, можетъ быть впередъ нечего не будётъ дѣлать». У попа было два сына Лука и Фирсъ. Попъ въ церковь ушелъ и попадья ушла, мальчики были дома; попадья и говоритъ: «Ваня, приготовь намъ супъ къ обѣду». — А изъ чего супъ? — «Говядинки покроши, крупки подложи, луку покроши, перцу положь». Вотъ и приготовилъ супъ. Когда являются попъ съ попадьей, Ванька и потчуетъ ихъ супомъ изъ сыновей. Попъ ѣсъ да хвалитъ. Хватились объ ребятахъ. «Да вѣдь они роскрошены въ супъ».—Какъ такъ? Вѣдь мы велѣли положить луку да перцу? — «А чортъ васъ такими именами суётъ!» Казакъ надоѣлъ, а сто рублей отдать жалко. (Потомъ Ванька приводитъ медвѣдя, медвѣдь губитъ всю скотину; попъ и попадья хотятъ отъ него бѣжать, Ванька садится въ мѣшокъ и топитъ попа въ рѣчкѣ).

299.

Лѣшій водилъ.

Близь города Олонца въ Ильинъ день былъ я въ гостяхъ у сосѣда и угостились, возвращались съ товарищёмъ. Попросили перевести за рѣку въ лодкѣ. Нужно было идти три версты берегомъ до за́пани, гдѣ плотили брёвна. Когда вышли изъ лодки, сѣли закурить на лужочкѣ; когда я закурилъ, облокотился на руку и задремалъ. Вдругъ меня толкаетъ кто-то. Я открылъ глаза, стоитъ олончанъ Нифа́нтьевъ—корелякъ, онъ же былъ нашъ подрядчикъ; говоритъ мнѣ: «Нужно итти́ть». Я всталъ и пошолъ за нимъ. Онъ уходитъ отъ рѣки въ лѣсъ, я за нимъ вслѣдъ и товарищъ за мной и кричитъ: «Не ладно идёшь, Короткихъ». Я сказалъ что «Ладно». Онъ и вправду подумалъ, что ладно. Пробѣжали вёрстъ около двухъ. Я отсталъ отъ Нифа́нтьева, сѣлъ закурилъ на коло́дину. Приходитъ товарищъ, садится рядомъ, покурили онъ и говоритъ: «Ну, пойдёмъ». Я спрашиваю. «А гдѣ же Нифа́нтьевъ?—Нифантьевъ мальчишко на харчево́й, а старикъ въ городѣ (Олонцѣ).— «Да вѣдь я же сейчасъ шолъ за нимъ». А товарищъ мой никого не видалъ. Долго ходили по горамъ, по болотамъ, часовъ около пяти, вышли на дорогу близь Андрусовскаго монастыря, оттуда пришли въ деревню Ильинское и тамъ ночевали, а утромъ отправились.

300.

Украденные.

Лѣтъ семь или восемь священникъ замѣтилъ, что идётъ въ питейное заведеніе женщина въ короткомъ платьѣ, волосы роспущены. Священникъ велѣлъ приготовить крестъ на крѣпкомъ готя́нѣ и попросилъ мужиковъ хватать, наложить крестъ и держать крѣпче. Когда положили крестъ, она начала биться, вырваться не могла, сѣла, сдѣлалась безъ чувствъ. Стали приводить въ чувство, спрыскивать холодной водой. Когда она пришла въ чувство, розсказала, что она уроженка деревни Сяскихъ Рядковъ и похищена была двѣнадцати лѣтъ человѣкомъ неизвѣстно какимъ; жила у Пименова на заводѣ; они всѣхъ видятъ, а ихъ нихто не видитъ. Смѣнилась кухарка при заводѣ и начала хлѣбъ и кушанье благословясь оставлять и они не замогли больше кормиться. Тогда она вышла въ деревню Бѣлой Ручей. Когда её захватили, ей было семнадцеть лѣтъ; ихъ было три. Кто ихъ унёсъ, его не было, а они такъ втроёмъ и жили.

301.

На лѣшемъ въ Питеръ.

Лѣтъ петнадцеть назадъ два солдата деревни Анцифоровской Марьинской волости (Димитрій Ильинъ и Яковъ Филимоновъ) рубили въ лѣсу бревна па Те́льмозерѣ, наканунѣ крещенья. Не захотѣли идти домой, остались въ лѣсной избушкѣ ночевать. Когда легли спать, Филимоновъ начелъ росказывать Ильину о Петербургѣ. Ильинъ никогда не бывалъ въ Петербургѣ. Ильинъ сказалъ: «Хоть разъ бы побывать въ Петербургѣ». Проснулись утромъ рано, захотѣли пить чай, Ильинъ и пошолъ съ ведромъ и топоромъ за водой на́ озеро. Когда онъ вышолъ на́ озеро, видитъ бѣжитъ пара лошадей въ саняхъ и съ колокольчикомъ. Подъѣзжаютъ ближе, а въ саняхъ ѣдётъ бывшій становой приставъ Смирновъ. Смирновъ сказалъ: «Садись, Ильинъ, я провезу васъ». Ильинъ сѣлъ, поѣхали и скоро

очудились въ Петербургѣ. Смирновъ оставилъ Ильина на Невѣ и велѣлъ дожидаться, когда выйдётъ крестный ходъ. Ильинъ стоялъ и смотрѣлъ; когда кончилось освященіе воды, подъѣжаетъ опять Смирновъ, спросилъ Ильина: «Не хочешь-ли поѣсть?» Ильинъ не отказался. Тогда Смирновъ подалъ ему французскую булку, тотъ не сталъ её ѣсть, а сунулъ въ пазуху. Когда побѣжали къ Тéльмоозеру, Ильинъ вышолъ съ извощика и зашолъ въ избушку. Товарищъ и спрашиваетъ у него: «Гдѣ былъ?»—Въ Петербургѣ.—Тотъ сталъ смѣяться. Тогда Ильинъ росказалъ, какъ росположенъ Петербургъ, а потомъ вынулъ изъ за пазухи и показалъ французскую булку.

Сынчиковъ, Василій Михайловичъ.

Крестьянинъ лѣтъ 60-ти, живетъ въ Пянтиной; очень развитой, хорошо грамотный, интересующійся политикой человѣкъ. Очень внимательно относился къ моимъ занятіямъ и терпѣливо сидѣлъ и выслушивалъ пока С. Я. Коротких разсказывалъ мнѣ комедіи и сказки. Самъ разсказалъ только два случая про лѣшихъ, въ которыхъ безусловно вѣритъ.

302.

Чудесный случай.

Робочій съ Кривого пояса роботалъ на монастырскомъ покосѣ, въ тридцати верстахъ отъ Кожезёрскаго монастыря. Легли спать, ночью къ робочему приходитъ нарядчикъ, толкаетъ и говоритъ: «Вставай, копну сломало». Тотъ очнулся, видитъ нарядчикъ: «И давай, скорія шевелись, нужно идти, дождикъ будётъ». Тотъ какъ скочилъ, взялъ вилы, грабли, за нимъ вслѣдъ, а нарядчикъ впереди идётъ, къ зароду. Подходитъ и видитъ, что зародъ цѣлой и шумъ сдѣлался въ воздухѣ, «меня подоткнуло подъ бока и не живой, не мёртвой». Въ эту ночь перелетѣлъ на свои покосы, въ Кривой поясъ. Тамъ народъ роботалъ и видятъ, что мужикъ по воздуху летитъ, сымать его нéкакъ и говорить онъ ничего не можотъ. Стали они его ловить,

онъ сталъ ниже и ниже; заимáли, дакъ не могутъ въ рукахъ-то держать. Всетаки какъ-то его удержали, онъ не въ чувствіи былъ съ недѣлю, думали што помрётъ. А выздоровѣлъ.

303.

Шалость лѣшаго.

Вас. Мих. разсказалъ еще случай, бывшій у нихъ въ дому. У нихъ была бѣлая лошадь. Однажды пришли въ конюшну, а лошадь въ ясляхъ для сѣна лежитъ на спинѣ, ногами кверху и ужъ чуть жива, ни взадъ, ни перёдъ пошевелиться не можетъ, только ногами дрыгаетъ. Попробовали вытащить лошадь кверху, на сѣновалъ. Куда! и подступиться нельзя. Пришлось выпиливать изъ яслей палки и только тогда еле-еле лошадь вытащили. Какъ она и попасть туда могла только? Конечно, лѣшой или домовой заволокли.

Словарь областныхъ словъ*).

Агва́хтъ—гауптвахта. 225.
А́ки—въ зн. какъ 25.
Ажно—въ зн. а. 275.
Арганы—арканы. 210.
А́ти, ати—пародія на возгласы діакона въ церкви: «Паки и паки...»? 548.
Ба́бить—принимать дѣтей. 554—5.
Ба́йна, ба́енка—баня. 21.
Балафо́нъ, балафо́нишко—кафтанъ. 268; 536; 548.
Банке́товать—пировать. 335.
Барайдунья—эпитетъ мухи, имѣющій въ виду издаваемый ею шумъ; ср. финск. päräitä «сопѣть» 324.
Бараки́—вмѣсто банки 548.
Батъ—въ зн. можетъ быть. 64.
Въ безчу́ньствѣ—безъ чувства. 164.
Бёрдо—часть ткацкаго станка. 136.
Бере́мечко—охапка дровъ. 437.
«Битвище, степное мѣсто» — мѣсто битвы? 447.
Бладе́ньчи—младенцы. 26; бладенецъ. 350—51.
Бладо́й, блады́й—молодой. 300; 301.
«Бога́тая бога́тина»—богачи. 473.
Богода́ны въ зн. родители. 255.
Богосу́жена—невѣста. 436.
Божи́ть—просить у Бога. 436.
Большинской—въ зн. большой. 437.
Большу́ха — старшая невѣстка. 477.
Болѣ́зно—горько. 313.
Борбочетъ кила въ пивѣ—въ зн. бормочетъ, бурлитъ. 557.
«Боро́къ»—какое-то украшеніе или одежда. 548.
Ботóкъ, батóгъ. 90; 496. Бата́га—толстая палка. 471.
Бо́чечка—муравьиное яичко. 559.
Бравья́нтъ—провіантъ. 304—5.
Бугóръ—куча или ворохъ соломы. 227.
«Будешь отста́ть» — отстанешь. 252.
Бунтъ на морѣ—буря. 254.
Бунча́ть—звенѣть, звучать. 163.
Бу́ритця съ ними—въ зн. борется? 214.
Бурла́чить—ходить на заработки. 262.
Буртыха́ться въ водѣ—бултыхаться. 114.
Быва́льшина—разсказъ про то, что бывало. 32; 575.
Быва́нье—посѣщеніе 552.
«Быть съ ду́хомъ» на кого нибудь—сердиться. 59.
Брю́хата—беременна. 76.
Ваганы, такъ называютъ въ Поморьѣ жителей съ рѣки Ваги 70.
Важоватинькой — важнинькій важный 46.
Вали́тъ на встрѣчу—въ зн. идетъ 531. Валитъ кровь—въ зн. течетъ. 534.
Великъ-день, Христовъ день—Пасха 149.
Вере́тна—ящерицы? 563.

*) Цыфры обозначаютъ страницы.

«Гашники рушай»—рѣжь гачники (шнурки для завязки панталонъ), чтобы они не сдавливали сытаго брюха. 471.
Гляая отворять и запирать. 153.
Глазатый—зрячій. 44.
«Глазъ свелъ вверхъ»—обратилъ вверхъ, искривилъ. 468.
«Глиньчекъ»—обращеніе къ медвѣдю (нѣжное) 308.
Глубникъ — сѣверо-западный вѣтеръ. 130.
Гнусъ—мышь. 226.
Говорья—разговоры 82.
Гоголь—одинъ изъ видовъ дикой утки. 327.
Годежь буду—годенъ буду. 235.
Гокать—ухать 295.
Горбаткой пробѣжалъ по двору—съёжившись отъ стыда. 489.
Горбы надѣть — котомки надѣть. 135—6.
Горечаено—горько. 354.
Горогушина — вм. ворогушина (ворогъ, врагъ)? 217.
«Горюша горе горькое». 411.
Готанъ—шнурокъ для креста. 591.
Градять—кадить. 543.
Граять, пограивать—каркать. 23.
Грези—грязи. 558.
Грезилось—видѣлось во снѣ. 58.
Гриня—гридня, комната 13 и др.
Громѣть — кричать, орать; сгромѣть—заорать. 87.
Грохотить—стучить, шумить. 537.
Грубь теменна — темная глубь, очень глубокое мѣсто. 130.
Гугай—филинъ. 444.
Гузно — сѣдалищная часть тѣла. 148.
Гуня—верхняя заношеная одежда, рубище. 116.
Гыть—говорить. 410.
Дяваться—проситься 302; 307; 312; 575
Двоима—вдвоемъ 20; двольни 178; двоинка 415; двоима 443.
«Дворяне ступеньки» — приступки лѣстницы находящіяся на дворѣ. 42.
Деревина—дерев. 306
Дерево гладкое безъ сука — половой членъ 55.
Держонить—держать. 435.
Дивья людямъ—въ зн. хорошо людямъ 29.
Дикій—бѣшеный, лютый. 59 и др.
До[illegible]ться—[illegible] 355
Добрушка — ласковое обращеніе къ мущинамъ 545. 572.
Дознать—дотянуть. 512.
Долять стала печаль—въ зн. одолѣвать. 105.
Доложался—докладывался. 302.
Долонь — ладонь 79; 299; въ долоши клёщетъ—въ ладоши хлопаетъ. 463.
Домашничать—хозяйничать. 557.
Досадиться—ушибиться. 160.
Доспѣть—сдѣлать. 70; доспѣтъ—въ зн. сдѣлаетъ напередъ, опередитъ. 137.
Достальны дни — остальные дни 149; достальный. 152.
Досюльщина — то что было до сихъ поръ 233; досюль—до сихъ поръ. 309.
Дотуль—до тѣхъ поръ. 106.
Дохозяйствовать до пиги — до послѣдней нитки, копейки. 285.
Дреби—мхи, непроходимые дебри. 558.
Дрочить—нѣжить. 488; 560.
Дружокъ — въ зн. любовникъ. 56.
Другижъ—въ другой разъ. 70; другó. 412.
Дряпъ—болото. 466.
Дубцомъ бить — розгой или палкой 531.
Дуть—въ зн. бить; продуть—въ зн. пробить, простегать. 82.
Духу нѣтъ — въ зн. нѣтъ и слѣдовъ 391.
Съ духомъ — сердиты. 55.
Душа смородяча—дыханіе зловонное. 480.
Дѣвствовать—дѣйствовать. 67.
Дѣльница — шерстяная вязаная рукавица. 452.
Дѣлокушка—мѣрка для раздѣла улова. 441.
Дюжъ—силенъ. 293.
Дяинька, денка—тетка 465, 575.
Е—есть. 234; 292.
Ебережить—юлить, вертѣться. 305.
Ёборъ 475.
Ебушиться—ругаться по матерну. 465 Ебухъ, Ебуха.
Едреньше—въ зн. крѣпче, сильнѣе 10.
Езъ заезить—перегородить рѣку колами для ловли рыбы. 127; заезокъ. 141.
Ендома (ендова)—посуда для пива. 83.
Ердань, Ердань—прорубь во льду на рѣкѣ или озерѣ для ловли рыбы. 8
Ерлыкъ—письмо 15.

Еро́па—Европа 247.
«Естество́»—въ зн. половой членъ. 569.
Ета́ра—гитара. 266.
Ешафе́тъ—эшафотъ. 519.
Жалится—жалуется. 81.
Жара́фъ—журавль. 51—2.
Жа́рево—зарево. 98.
Животы—имущество 348.
Жигалю́хи—ящерицы. 441.
Жидкое мѣсто, жить — топкое мѣсто. 164—5.
Жизнь сесвѣтная и тотсвѣтная—земная и загробная. 285.
Жила на вѣка́хъ—когда-то, давно. 504.
Жи́тнее болото. 300.
Жо́лубень — люлька для дѣтей. 193.
Жонка—всякая нестарая женщина. 102.
Жопа на-ночь. 138.
Забера́лъ—собиралъ. 300.
Забра́нка—ссора. 301.
Заволо́къ—втащилъ. 337.
Заволо́кся на полати—въ зн. залѣзъ. 140.
Заворо́ха—тревога, смута. 559—60.
За́всё—всегда. 66.
Зага́дывальникъ — книга съ загадками и отгадками. 569.
«Загла́дить коня въ гладкую рубаху»—откормить коня, 412.
Загнела́сь въ подворотню — подлѣзла. 580.
«Загняты—дрова. 450.
Загра́ять—засмѣяться. 552.
«Задача не достряпана» 432.
Зазо́ръ—зависть. 562—3.
Закона́лся—запросилъ. 530.
«Законщики»—законники—459.
Закощена дорога—въ зн. испорченная. 328.
Залипи́лись въ зн. сошлись, сплелись. 257.
«Заломи́ться ночь стала». 296.
Залощилъ лобъ? 83.
Замержетъ—замерзнетъ.
Подъ замо́къ — крестный ходъ въ Пасхальную ночь. 577—8.
Замышля́ной—смышленый. 157.
«Занабира́ли народу» — начали набирать. 559.
Зано́илъ—запросилъ. 262.
За́пань—цѣпь изъ бревенъ, перетянутая черезъ рѣку для задержки сплавляемаго лѣса. 590.
Запатрался — запачкался, замарался. 37.
Запете́рилъ—въ зн. воткнулъ, вколотилъ. 143.
Запечинъ—ругательное слово (кто вѣчно сидитъ на печи). 180—2.
Запоу́ркивать—замурлыкать, запѣть. 573.
Запофа́ркивать — разсердиться, разворчаться. 578.
Запоходи́ть—пойти. 149.
Запоѣзжа́ть—поѣхать. 145.
Запру́жить—закрыть. 41.
Заразъ—сразу. 343.
За́риться—заглядываться. 557—8.
За́рно—завидно. 219.
Зарозы́скивать — начать розыскивать. 559.
«За́ ротъ самъ себя» — чтобы удержаться и чего ниб. не сболтнуть, хватаютъ себя за губы или закрываютъ рукой ротъ. 162.
Зарыча́ть—въ зн. заревѣть, закричать. 220.
Затимился—заупрямился. 334.
Засвѣти́лъ—въ зн. поджогъ. 547.
За́скались — подоткнулись, приподняли платье. 228.
За́спали—уснули. 69.
Заста́ть—въ зн. становить. 174.
Засто́лье—въ зн. обѣдъ. 133.
Затова́кать—разговориться, разболтаться. 452.
Затону́лъ—сталъ тонуть. 54.
Затосну́ть—затосковать. 570.
Захвати́лъ ей—въ зн. изнасиловалъ. 516.
Захлу́пилъ — въ зн. закупорилъ. закрылъ. 43.
Захо́лунетъ—замерзнетъ. 352.
Захрястана—въ зн. заморожена. 268.
Зашальчѣть въ головѣ — зашумѣть. 422.
За́язка—см. езъ. 546.
Зба́вить имѣнiе — въ зн. убрать, скласть. 259.
Збулся—въ зн. заблудился. 207.
Звеге́тся, звяжетъ — докучаетъ, надоѣдаетъ. 259.
Зви́ться—въ зн. подняться съ мѣста. 548.
Здоровье дѣлать—въ зн. здороваться. 252.
Здри́тъ—глядитъ. 534.
Здучи́тця у дверей—стучится. 108.
Здынуть—поднять. 437—8.
Здыпѣ́ть — въ зн. закукарекать, загорланить, заорать. 50.
Зелено́ кури́ть—варить вино. 310.
Зѐй зе́етъ—свѣтъ свѣтитъ. 30; 54.
Зень—земля. 293—4; 310.

Много порато — очень много. 443—4.
Мозглякъ—бранно о невзрачномъ, тщедушномъ человѣкѣ. 216.
Молоденокъ—молодой. 360.
Молиться—просить. 494.
Молóдка—молодушка, недавно вышедшая замужъ. 66.
Мóрда—плетушка изъ вѣтвей для ловли рыбы. 196.
Мóржить озеро—въ зн. морщить. 92.
Москиночка—мостиночка. 285.
Мошникъ — глухой тетеревъ-самецъ. 292—3; 453—4.
Мрежа—сѣть ловить рыбу 458.
Мурашъ—муравей. 559—61.
Муты сдѣлать — въ зн. смутить, соблазнить. 459.
«Мушонокъ деветь» — мошонокъ (кошелей)? 279.
Мѣсто—въ зн. супружеское ложе. 120.
Мѣсто это—въ зн. какого-нибудь предмета. 557.
«Мѣсяцъ пёкъ»—въ зн. луна ярко свѣтила. 553.
Мя́кушка—каравай хлѣба 248; 480.
Мя́нда—болотная сосна. 94.
Набъ — надо; не набъ — не надо. 8; 11.
Набивáть въ см. предлагать. 494; «набиваться въ строкъ»—проситься. 495.
Набилки—часть ткацкаго станка. 511.
Наблюднички—полки съ перильцами, для посуды. 193.
Набой у лодки—доски, набитыя по краямъ лодки. 335.
Навѣдывать—справляться, узнавать о чемъ. 234.
Навѣсить ужинъ — въ зн. повѣсить котелокъ варить уху. 258.
Нагрезить—нашалить, напроказничать. 44.
«Надвóрьё понудило». 553.
Надéрнуться — быстро одѣться. 87.
Надéжетъ—надѣнетъ. 435.
Надѣлся—одѣлся. 25.
Нажигомъ —жечь, не переставая. 53.
Нажить надо бабку—найти отыскать. 576.
Найтись — кѣмъ ниб. назваться. 251.
Наклепилась — наклонилась. 157.
Наклескáть. См. клескáть.
Накóнъ—разъ. 100—1.
Нáкосо отсѣчь руку и ногу—въ зн. отсѣчь правую руку и лѣвую ногу или наоборотъ. 11.
Накрýтить платье, раскрутить —надѣть, раздѣть. 277.
Накрыть—въ зн. положить. 422.
Накурéзить—напроказить. 44.
Наляпать—нашлепать. 247.
Налóжить шапку—въ зн. надѣть.
Напахнýлъ на ей—въ зн. легъ на нее. 39.
Напрýтця — въ зн. приналягутъ, будутъ упорно достигать цѣли. 30.
Напряжу—напеку въ маслѣ. 223.
Напѣхáть—натолкать 339.
Насмѣлилась—осмѣлилась. 20.
Натенýлся вина—въ зн. напился. 92.
Наточилъ крови — въ зн. нацѣдилъ. 318.
Натущаешь—наговоришь? 322.
На ýлечъ—на улицу. 68.
Находиться—походить другъ на друга. 65.
Начéешь — думаешь, надѣешься.
Неведъ, ниведъ—неводъ 280.
Недырявая память — хорошая. 410.
Нéжить — общее названіе домовыхъ духовъ. 60; 567.
Немѣтно дѣло—въ зн. удивительное, неслыханное. 543.
Непоряха—неряха. 260.
Нестáлъ—въ зн. исчезъ изъ вида, потерялся. 122.
Нестатнóй—безобразный. 61.
Нетель—молодая корова, у которой не было ни одного теленка. 213.
Нéчесно бросили—съ гнѣвомъ. 43.
Новóй — въ зн. другой, третій... 57; 70.
«Носкомъ нести» — за плечами нести. 222.
«Нужда тѣлесная пристигла». 454.
Нýжной — въ зн. нуждающійся, бѣдный. 85.
По-нѣмецки говорить—въ зн. неясно, нѣмо. 534.
Оберать—убирать. 283.
Обзабылся—забылъ. 156.
Обкащёная перина — въ зн. запачканная въ испражненіяхъ. 463.
Облемай—какой-то морской звѣрь? 144.
При обличности — въ зн. прилично? Или искаженное публичность? 425.
Обнасильничалъ—изнасиловалъ 414.

Обночеваться—переночевать 270; 454—5.
Ободвéренка — косякъ у дверей 13; 95.
Ободрало сонъ—въ зн. прогнало. 154.
Оболоклáсь—одѣлась. 548.
Оболóчка—въ зн. одежда. 496.
Óбороть—узда. 234.
Обратили вниманіе взадъ—въ зн. назадъ пошли. 427—8.
Обрýчесьво—обрученье. 290.
Обрѣзы — пополамъ распиленная сороковая бочка, ту и другую половину используютъ. 158.
Обрюхáтѣть—забеременѣть. 79.
Обрядить булавкой — сдѣлать булавкой. 258.
Обрядна — опрятная, заботливая. 557.
Обходилася кобыла—въ зн. допустила жеребца. 138.
Обызьянить — ввести въ изъянъ, въ убытокъ. 255.
Овернуть—посредствомъ волшебнаго дѣйствія обратить человѣка напр. въ звѣря. 558.
Овешникъ—овечій хлѣвъ. 90.
Овладѣла лошадь—въ зн. понесла. 156.
«На овсяно зéрно дни стали прибывать». 542.
Огвáхтъ—гауптвахта. 226.
Огвёрнулся — въ зн. одѣлся. 203.
Огнивчо—огнивица, т. е. сумочка, въ которой держатъ кремень, огниво и трутъ. 154.
Оголóдить бурлаковъ—въ зн. заставить голодать 46.
Огóничёкъ—огонечекъ. 154.
Одвá—едва. 285.
Одержáлъ крестника—въ зн. принялъ. 536.
Одинáрецъ—ординарецъ. 244.
На одинáсьствѣ домъ — домъ въ сторонѣ отъ жилья другихъ. 239,
На одúнкѣ строеніе—одно, далеко отъ жилья другихъ. 32.
Одúнцо—одинъ. 83.
На одинѣ (одиноко) живетъ — уединенно, отдѣльно отъ другихъ домовъ селенія. 282.
Однéжъ—однажды, одинъ разъ. 63.
Одрáть—ударить. 51.
Одурно стало—въ зн. нехорошо, дурно. 444.
Одѣвáльница—одѣяло. 349; 444.
Озáрился—засмотрѣлся 537; позавидовалъ. 567.

Окóльницы 508; окóленки—рамы со стеклами. 548.
Олабышъ—оладья. 140.
Олтовая плаха — вмѣсто лутовая т. е. липовая? 12.
Оннá—одна. 67.
Оппáкостить—въ зн. осквернить, лишить невинности. 414.
Опахáть — въ зн. съѣсть 265; въ зн. унести, украсть. 270.
Опéшить озеро—продолбить, прорубить пешнями ледъ. 502.
Опочúнъ держать—почивать, отдохнуть. 138.
Опримѣтить—узнать. 560.
Опристáлъ—утомился, усталъ. 551.
Опрýжилъ возы—въ зн. опрокинулъ. 529—30.
Опялся — въ зн. замялся, растерялся. 431.
Óрга — оврагъ или топкое мѣсто, поросшее лѣсомъ. 326.
Освáивать—присваивать. 566.
Осатина—осока. 193.
Освѣжить—зарѣзать. 577.
Осенéсь—прошлой осенью. 543.
Остаиваитце вода на языкѣ — о голодномъ: появляется слюна во рту. 39.
Остóкъ—востокъ. 310.
Остоялось—остановилось. 487.
Острáшился — въ зн. испугался. 553.
Отбряшничалась—въ зн. отработалась. 435—6.
Отвалили обратно—въ зн. ушли. 427.
Отвернýть — см. овернуть — обратное дѣйствіе. 558.
Отворотить — возвратить чудесною силою, колдовствомъ 249.
Отдáжный—въ зн. продажный. 228.
Откýлешній—откуда. 420.
Отовсюль—отовсюду. 147.
«Отрóбилъ ей»—собственно: отработалъ. 39.
Безъ отрыску — безъ обмана, не измѣняя своему слову. 159.
Не отслýшна отъ царя — въ зн. послушна, не противорѣчу. 137.
Отсулилъ — посулилъ, обѣщалъ отдать 377.
Отульться — притулиться, найти пріютъ, пристанище. 429.
Отцéль—отсюда. 564.
Óтчина—что досталось отъ предковъ. 301.
«Оттягиваешь на другое столѣтіе». 453.

Припо́нъ—пологъ изъ грубаго полотна. 354.
Прй́рваны коровы—въ зн. задавлены. 429.
Присусти́гла ночь — наступила. 254.
Присыка́ться—въ зн. подходить. 352.
При́тча — порча, болѣзнь «отъ глазу» или наговору. 104.
Прита́пкать—прихлопать рукой. 23.
Прихранилъ на ночлегъ — пустилъ ночевать. 420.
Прича́лился къ барану—въ зн. прицѣпился, привязался, 447.
Причеса́лъ—прибѣжалъ. 478.
Приша́ливаютъ — ходятъ ряженые. 470.
Приштро́палъ—придѣлалъ. 421.
Пріотправился—отправился. 205.
Пріудрогнули — въ зн. задрожали. 3.
Пробѣгищу звѣрю—въ зн. пробѣгающему. 310.
Въ проводъ—въ убытокъ.
Продольничихи — женщины, которыя ставятъ «продольники» т. е. особые снаряды для ловли рыбы. 579.
Прожжёно царство—потéряно. 156.
Прожи́тоцной—зажиточный. 456.
«Пролетища птица». 310.
«Пролизну́ть двери»—82.
«Промо́рщилась»—въ зн. протерпѣла. 440.
Промыселъ — охота на звѣрей и птицъ; отсюда «промышленникъ»; «промышлять» — бить звѣрей и птицъ 552.
Про́ста кобыла—не беременна. 138.
Прота́ялъ—исчезъ. 464.
«Проти́во овцы»; «проти́во барана»—съ овцу, съ барана величиной. 147.
Прохлыста́лъ—въ зн. отхлысталъ. 282.
Пу́тикъ — рядъ силковъ для птицъ, поставленныхъ въ лѣсу. 453; 465.
Пу́тьнёй—дѣльный, толковый; безпу́тьнёй—безтолковый. 7.
Пылить—гнѣваться. 162.
Пы́льникъ—камень верхней части отверстія печки, въ ригѣ. 233.
Пеги́на—бѣлое или свѣтлое пятно по темной шерсти животнаго. 72.
Пяс(т)ь—пригоршня. 345.
Пятка — нижняя часть у веретна. 312.
«Ра ты долго продлишь?» — въ зн. развѣ ты долго промедлишь. 14.
Разбо́талась — въ зн. во время сна сбросила съ себя одѣяло. 39.
Разбѣдни́лся—разобидѣлся, разжаловался. 557.
Разда́ивалъ нещадно — раздавалъ безпощадно, безъ мѣры. 562.
Раки́тка съ порохомъ—въ зн. ракета. 448—9.
Ра́комъ стала — положеніе тѣла въ согнутомъ состояніи, когда человѣкъ стоитъ, упираясь въ землю руками и ногами. 336; 479.
Рапсону́ло—ударило. 444.
Раскрути́ть. См. Накрутить.
Распарились—ѣхали вдвоемъ, парой и разъѣхались. 17.
Распрогнѣваться — прогнѣваться. 239.
Растре́снётъ на мелки зернеца—въ зн. разорветъ на мелкія зернышки, части. 81.
Расхохонулся—разсмѣялся. 431.
Ревётъ—въ зн. кричитъ, оретъ. 85.
Рево́рверъ—револьверъ. 547.
Ри́гача—рига. 233.
Ри́гачникъ — человѣкъ, который смотритъ за ригой. 235.
Ровдянна—окрашенная въ краску изъ коры ольхи 349.
Роетъ записки—въ зн. бросаетъ 414.
Роётъ руки на шею — закидываетъ, обнимаетъ. 428; рылся — кидался. 451; ро́ётъ съ возу — сбрасываетъ. 555.
Не родилось службы — не состоялась. 436.
Ро́жжалъ—придавилъ. 512.
Рожона—рожоная, ласковое обращеніе. 263.
Розболокла́—въ зн. сняла. 548.
Розбродили сыру-землю — разрыли, расцарапали. 134.
Розбулъ—расшибъ рогами.
Розгорче́нный—въ зн. разозленный. 564.
Розлиплёно платье—развѣшано. 576.
Розорги́нилась—въ см. разсердилась, разозлилась. 152.
Розсохи — развиловатые столбы. 328—30.
Розстарѣлся—состарился. 299—300.
Ро́лгать—волочить. 247.
«Роспичкалъ до смерти»—въ зн. раздавилъ. 131.
Росповѣдалъ—разузналъ. 517.
Ро́стань, раста́нь—перекрестокъ дорогъ или раздвоеніе одной на

двѣ и больше. 17; ростани широкіе. 37—8; 41; 543.
«Ростовóсеньки того» — веселый намекъ. 481.
Ростѣшиться—възн.разыграться, расшалиться. 274.
Росхожая ѣда — въ зн. простая, обыденная. 132—3.
Росшелся съ ходу — разошелся. 348.
Росшúвно огнивчо—расшитая, вышитая узорами сумочка. 154—5.
Рошшепéрить ноги, руки — раздвинуть широко. 101. Глотку рошшеперить—кричать громко, орать.
Рубешóкъ—въ зн. зарубка. 576.
«Рубить на крестъ мельницу». 393.
Руда—кровь. 471.
Рундучéкъ—надстройка надъ спускомъ въ подпольѣ. 538.
Русло—деревянный жолобъ, по которому течетъ вода на колеса. 214.
Рыбникъ, пирогъ съ рыбой. 191; 574.
Рычать—кричать. 429; 443—4; 454; 464—5; 577.
Рьянúться — кипятиться, горячиться. 152; 162.
Рѣпишшо — мѣсто, гдѣ посѣяна рѣпа. 154—7.
Рябъ, ребóкъ—рябчикъ. 226; въ той-же сказкѣ Рябъ употребленъ и въ зн. половой членъ.
Сáдетъ—саднеетъ, зудитъ. 15.
Садить гробъ золотомъ и жемчугомъ—въ зн. украшать. 257.
Сбáвилъ—въ зн. сбылъ съ рукъ; доставилъ. 258; въ зн. освободилъ. 293.
Сбúлся съ мóчи — выбился изъ силъ. 299.
Сблудúть—заблудиться. 162.
Сбýдутъ руки—оборвутся. 451.
Свáдебно—вино и др. угощенія на свадьбѣ. 65.
Сваракóсить — сдѣлать какъ-нибудь. 167.
Сволóкъ—стащилъ. 320.
Свопѣ́лъ—вскричалъ. 459.
Свѣ́жіе,—въ зн. рыба. 196.
Свѣтленько жить—въ зн. широко, богато. 384.
Свѣтлотá—въ зн. свѣтло, хорошо, прекрасно. 209.
Свѣ́тушекъ бѣлый—свѣтъ. 311.
Сглонýть—проглотить. 306.
Сголодалъ—проголодался. 446.
Сгорготáть—заржать. 156.
Сгромѣть. См. громѣть.
Сгрáбилъ—сгребъ, взялъ много. 61.
Сжились—зн. сошлись. 105.
Сéйгодъ—нынѣшній годъ 485.
Селѣтокъ — жеребенокъ по первому году. 139.
Сельдя́нка — боченокъ для сельдей. 530.
Сéнни—сегодня. 18.
Сесвѣ́тная жизнь — земная; тотсвѣ́тная—загробная. 285.
Въ сею ночь—этой ночью. 86.
Сиверикъ—сѣверный вѣтеръ. 320.
Сиротúна, сиротá—нищій. 85.
Скае, скаже—скажетъ. 234.
Скакýха—лягушка. 312; 441.
Скалá—кора березы. 306.
Скúнулся до голá—раздѣлся. 275.
Складыня́—складчина для расходовъ на вечеринкѣ. 577.
Складовúла—скопила. 229.
Сколькó-то времени прошло—черезъ нѣсколько времени. 146.
Скóрбость, скорбь—болѣзнь. 289.
Скýпа—откупъ, взятка. 103.
Скры́тники они-же стрáнники—одна изъ разновидностей раскола. 479.
Слéчя мóкра—слякоть, ненастье. 45.
Слúны—слюни. 20.
Слинáлъ—въ зн. пропалъ, исчезъ. 391.
Слипúлись собáки — въ зн. сошлись. 569.
Сличúть—сложить. 563.
Слýжбишко—служба. 150.
Смáхла—махнула. 304.
Смахнýла—въ зн. убрала наскоро. 481.
Смóрзко жить,—худо, трудно. 285.
Смóродъ—запахъ дурной. 289.
Смородяча. См. душа.
Смутолóха—смятеніе. 530.
Смы́чка—звѣно цѣпи въ опредѣленную величину. 513.
Снастúна, снасть—въ зн. палка? 451.
Собакъ рыть—въ зн. бросать. 465.
Въ сóбину—отдѣльно. 300—1.
Совѣтно живутъ—въ зн. согласно. 221.
Соглашусь—въ зн. сойдусь, 291.
Сойти—уйти. 257.
Сóпля—въ зн. штанина 323.
Сокрутúть—въ зн. повѣнчать. 311; въ зн. одѣть, нарядить 422; 445; 450—1—5.

Сорвалось—въ зн. перервалось пополамъ. 72.
Соржалъ — въ зн. расхохотался. 533.
Сороковка вина—бочка въ 40 ведеръ. 91; сорокови. 155.
Соръ—въ зн. человѣческое испражненіе. 34; навозъ (въ Пустозерской вол. Печорскаго у.) 140.
Сóснище—сосна.
Сотворилъ любовь съ дѣвицей—въ зн. сошелся. 13; 89.
Сочинилось царство—въ зн. образовалось. 205.
Спáй—суставъ. 107.
Спасáться—благодарить, отъ спасибо. 457.
Спи́чка—деревянный гвоздь въ стѣнѣ, на него вѣсятъ платье. 25.
Спичьё—въ зн. колышки въ землѣ, остріями кверху. 154.
Сплылъ на груди—забрался, легъ. 32.
Сподóба — въ зн. приправа, снадобье. 99.
Сподобилъ брюхо медвѣдицѣ—въ зн. прижилъ съ медвѣдицей. 214.
Сподоблялъ лѣсъ—въ зн. рубилъ, приготовлялъ. 216.
Спори́на—удача, прибыль, успѣхъ. 143.
Спрорѣчитъ—проговоритъ. 208.
Спрýжить—опрокинуть. 450.
Спусти́ть—пустить 2; отпустить. 66.
Спýтье—попутье. 131; 545.
Срéньнёй—средній. 72.
Сроститель—въ зн. родитель, выростившій дѣтей. 238.
Срыть—сбросить, стащить. 81.
Срычáть—вскричать. 434.
Стакнýться—сговориться. 59.
Сталъ на четыре кости—на четвереньки. 133.
Стежá—въ зн. ударъ плеткой. 181.
Степь—хребетъ конской шеи. 14.
Стеть—сцать. 33.
Сти́палъ—съѣлъ. 3.
Стрелóжила—встревожила. 306.
Стрёщены—въ зн. погублены. 40.
Столешница—верхняя доска стола. 131.
По стопочкамъ цвѣтно платье — разложено стопками, кучками. 193.
Стоснýлась—соскучилась. 505.
Стоячи сталъ—стойкомъ. 232.
Стрепехталась щука — въ зн. встрепенулась. 213.
Стрóсь—въ зн. посохъ. 121.
Стрóшной — работникъ нанятый въ срокъ, на опредѣленное время. 496.
Стягъ, стежóкъ — большой колъ. 140.
Сугóнъ—погоня. 32; 39.
Сузёмокъ—глухой, непроходимый лѣсъ. 553.
Сули́ть, отсули́ть—обѣщать 376.
Сундакъ—судакъ. 2.
Суреди́лъ—нарядилъ. 140.
Сухомѣсъ—густо намѣшанное толокно на водѣ. 189.
Сушникъ—сухой лѣсъ, 157.
Схáмнулъ—схватилъ, съѣлъ. 321.
Схвáтываться—въ зн. равняться. 494—5.
Схохóнулась—въ зн. растерялась, испугалась. 421.
Схы́гнулъ—вспыхнулъ сразу. 131.
Сцáпить—схватить. 466.
Съёкнулъ—въ зн. сронилъ. 293.
Съѣжены—съѣдены. 46.
Сѣнчо-вѣнчо — эпитетъ сѣна. 147.
У ся—у себя. 69.
Табáркаетъ—въ зн. кричитъ; табаркáть—кричать. 142.
Тáйбола — большое лѣсное пространство, съ проложенною черезъ него дорогою. 467.
Тáкождо—также. 203.
Телёшки—телята. 43.
Тéмнакая — въ зн. темень (тёмна какая?). 25.
Темни́ки—въ зн. заключенные въ темницѣ. 210.
Тéмнилось—стемнѣлось. 55.
Темница заводитъ — становится темно. 464.
Теребить—въ зн. бить. 293.
Тёснулъ саблей—въ зн. ударилъ. 348.
Тóжъ-то—тогда, послѣ того. 151.
Тóлнулъ—въ зн. толкнулъ 437.
Толстъ—толщина. 163.
Тóрнуть—толкнуть, ударить. 507.
Торокá—ремни у сѣдла, которыми привязываются вещи. 298.
Въ тоскахъ—въ зн. въ мукахъ во время родовъ. 164.
Тóчиво—холстъ. 148.
Точмянная удица—тесмянная. 9.
Травивой—съ хорошей травой. 165.
Травчатый—съ узорами въ видѣ травъ 257.
Трепýщее мясо—жирное и мягкое мясо хорошо откормленнаго животнаго. 113.
Треста—полотнище ткани, въ зн. подолъ платья. 472.

Третьи́жъ—въ третій разъ.
По тро́жду—трижды. 275.
Троичѝта—тройни. 386.
Тро́сы—ремни изъ моржовой кожи. 527.
Трубни́ца—деревянная труба для выхода дыма изъ курной избы. 474.
Ту́дака какая—въ зн. какая тутъ. 314.
Туды́кова—туда. 249; 258.
Ту́есъ—цилиндрическій сосудъ изъ бересты, съ крышкой, для молока и пр. 72.
Ту-зди—здѣсь. 349.
Туля́ться—прятаться 300.
Тупи́чка—небольшая тупица, т. е. тупой топоръ. 121.
Тю́кнуть—ударить, стукнуть. 6.
Тя́паится—въ зн. шлепаетъ по грязи. 506.
Тя́пнуть—ударить. 79.
Тя́тива—въ зн. боковыя стороны обшивки въ домѣ. 323.
Ували́лись—легли. 426; 429.
Увязь—тѣсное мѣсто. 261.
Угощаться—спать съ женщиной. 225.
Удро́гъ—задрожалъ отъ испугу. 134.
Ужа́хнулась—ужаснулась. 559.
Ужгала́—обожгла. 18.
Ужище—веревка. 73.
Ука́нула—въ зн. капнула. 18.
Укла́дъ—наварная сталь. 54.
Укоко́шить—убить. 293.
Уколи—укажи пальцемъ. 34.
Укороти́ть—въ зн. укротить, сдержать, смирить. 265.
Улечь—улица. 41.
До улогу выпили—напились до того, что не могли держаться на ногахъ. 523.
Улыска́ться — улыбатся, ухмыляться. 51.
У́падь—па́даль, трупъ животнаго. 22.
Упромышля́ть—въ зн. застрѣлить на про́мыслѣ—охотѣ. 551.
Урази́на—дубина. 95.
Уркну́ть—изуро́чить. 58.
Урнулъ—полетѣлъ, упалъ. 38.
«Урѣчище живое воды»—о проруби въ рѣкѣ. 428.
Устилать—уходить скоро, убѣгать. 530.
Устье у печки—отверстіе въ русской печки, закрываемое заслнокой. 192.
У́тка—удочка, наживка. 215.
Утря́хъ, въ утряхъ—утромъ. 69; 85.
Ухо парень былъ—въ зн. смышленный, ловкій. 390.
Уховёртка—мѣдная лопаточка на гайтанѣ креста, для добыванія сѣры изъ уха. 525.
Уши́нки—мелкія части. 23.
Ушка́нъ—заяцъ. 95.
Фате́ра—въ зн. изба, домъ.
Фате́рка — избушка въ лѣсу, гдѣ ночуютъ промышленники. 226.
Фрактовать корабли — арендовать, нанимать. 516.
Изъ фра́кту—за провозную плату.
По фуражкѣ, по манишкѣ, по рубашкѣ, по жилеткѣ, по пинжаку, по брюкамъ—ряда за работу. 279.
Фу́рскать—фыркать, брызгать. 233.
«Фуфоньки, фуфоньки!» — объ ощущеніи запаха: фу, фу! 179.
Хватанція—искусственное слово отъ глагола «хватать». 249.
Хво́щетъ—въ зн. паритъ въ банѣ. 441; Хвостать—хлыстать.
Хизи́нька—хижина. 311.
Хлопаютъ руками себя — удивляются. 81.
Хлопту́нъ—колдунъ послѣ смерти; можетъ явиться въ семью и жить пять лѣтъ, потомъ начинаетъ ѣсть скотину. 234.
Хлочъ—кочка на болотѣ. 507.
Хлупъ—кончикъ птитьяго крестца, кардинальскій кусо́чекъ. 431.
Ходитъ по небесамъ. 466.
Хорхо́та—харкота. 579.
Хоркону́ть — харкнуть, плюнуть. 579; Харнулъ — харкнулъ. 149; Хо́рнулъ. 507.
Хра́пы—когти. 69; 130.
Хрещо́ны—крещеные. 235—8.
Хря́снуть—стукнуть, бросить сильно. 253; 268; 323.
Хухляки—маскированные. 470—1.
Въ цвѣту—кро́ви, менструація. 577.
Ци́рнуть—чиркнуть. 440.
Чё ино—што-же, какъ-же. 493—4.
Чекуша—молотокъ. 267.
Чепался, вы́чепался—въ зн. цѣплялся, карабкался. 43.
Черепанъ—горшечникъ. 33; 57.
Черепья—черепки, мелкія частицы. 214.
Черкальчато сѣделышко — черкасское. 9.
Черлинный вязъ—вм. червленый. 298.

Честить—чествовать. 450.
Чивирикъ на маслѣ сдѣлали — въ зн. сошлись. 481.
Чивчо́, цывца̀—цѣвка, т. е. цилиндрикъ (шпулька) для нитокъ въ челнокѣ ткацкаго станка. 136.
Въ чикъ—въ самый разъ, точь въ точь. 144.
Чикута́ть—щекотать? 432.
Чи́мъ-лишь—только лишь. 91.
Въ чобо́тны идти — въ сапожники. 282.
Чо́ствовать, чествовать — воздавать честь, угощать. 86.
Чуда́ть, чудовиться — изумляться, удивляться. 44.
Чума́къ—кабатчикъ. 129.
Чура́къ—обрубокъ бревна. 128.
Чу́ять, учу́ять — слышать, услышать. 86.
Ша́вкать—говорить, какъ беззу-[illegible]бые. 83.
Ша̀врать—искать что ниб. въ темнотѣ. 5.
Шальной, шаль—глупый, безпутный. 317—8.
Шампа́нія—шампанское. 520.
Шанки́—шинки, кабаки. 137.
Шантра́пъ—оборванецъ. 539.
Ша́ньга—ватрушка со сметаною, картофелемъ, творогомъ и пр. 533.
Шароватинькой—46.
Шаръ—проливъ. 144.
«Шата́ть за̀ волосы». 226.
Не шахнетця—въ зн. не шатается. 9.
Шейма—канатъ на суднѣ. 130.
Ше́льга—см. щелья. 267.
Шипу́нъ съ по́дъ куста — змѣй. 324—5.
Шири́нкой гнать—шеренгой 68; въ ширингъ стать.—430—1.
Ши́мъ-шимъ—безшумно. 91.
Шитня иголка — швейная, для шитья. 136.
Шить лодку—когда вмѣсто гвоздей лодку скрѣпляютъ вицами. 264.

Шишко́—чортъ. 92.
Шкуль—куль? 427; шкульки́. 348.
Шо́лнышъ — отдѣленіе избы за печью, гдѣ спятъ и хранятъ скарбъ. 120.
Шо́рнуть—въ зн. ударить. 154.
Шту́ка—въ зн. половой членъ. 479.
Шту́рма—буря, штурмъ. 255.
Шула́—яицы. 228.
Шу́рнуть, вы́шурнуть — втолкнуть, вытолкнуть. 101.
Шуря́ть—швырять. 496.
Шшерубчикъ — щурупчикъ, винтикъ. 494.
Шыбну́ть—кинуть. 315—6.
Ще́веръ—дурной запахъ отъ горѣнія. 312.
Щекота́ть сорокѣ—стрекотать 316.
Щелба щелбаночка. Ср. щелванъ—пересмѣшникъ, зубоскалъ (слов. Даля).
Ще́лья — скалистый берегъ рѣки или моря; каменный кряжъ. 484.
Щепья́—щепы. 242.
Щеть—широкая кисть изъ щетины, ею чешутъ ленъ. 309—10.
Щопо́тка—верхняя часть веретена. 312.
Ынно, и́нно—иное, другое. 310.
Ѣди́на—ѣда. 143.
Э́сто—это. 357.
Этуды́—здѣсь. 27.
Э́хтотъ—этотъ. 273.
Ю—её 396.
Юбила—убила. 118—9.
Ю́кать—стучать, ударять. 131.
Явля́ть—заявлять, говорить. 494.
Ядомный приборъ—въ зн. посуда. 427.
Яловичья (яловица?) нетель—молодая корова, у которой не было ни одного теленка. 331—2.
Ярусъ—рядъ связанныхъ веревокъ для ловли трески на Мурманѣ. 466.
Ясакъ—напѣвъ былинный на Печорѣ. 50.

Указатель именъ и предметовъ*).

*) Указатель составленъ, при небольшомъ моемъ участіи, А. П. Тихановой. Цыфры обозначаютъ страницы.

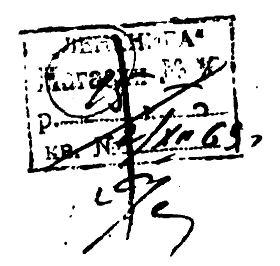
ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строки.*	*Напечатано.*	*Нужно читать.*
2	16 св.	отъ Бога сотворенъ	отъ Бога сотворенъ,
7	24 сн.	семпанцети	семнацщети
8	15 »	нарежатся	нарежаться
10	8 св.	называшъ	называшь
10	12 »	ѣдешъ	ѣдешь
11	12 »	правишся	правишься
14	9 »	продлишъ	продлишь
14	1 сн.	разстворилъ	растворилъ
16	8 св.	привѣли	привели
19	8 »	похваляишся	похваляишься
20	4 »	мѣтали	метали
20	12 сн.	битcя	биться
24	6 св	сѣбѣ	себѣ
25	10 »	парится	париться
25	8 сн.	парится	париться
27	6 »	выкупаешся	выкупаешься
29	10 »	хлѣбать	хлебать
30	1 св.	хлѣбать	хлебать
30	12 »	лѣти	лети
30	3 сн.	срадостью	съ радостью
31	4 »	Герчевъ	Горчевъ
43	18 св.	смѣталъ	сметалъ
48	6 сн.	Пижму	Пижму,
51	9 св.	дерешся	дерешься
51	6 сн.	ѣшъ	ѣшь
52	2 св.	надомной	надо мной
56	7 »	въ ту комнату куда	въ ту комнату. куда
59	4 »	промышляшъ	промышляшь
64	1 »	наложъ	наложь
64	8 »	съ играли	съиграли
66	7 сн.	не промышляшъ	не промышляшь
74	8 св.	печъ	печь
79	4 сн.	подпинаишся	поднимаишься
80	1 св.	похваляешся	похваляешься
80	14 сн.	похваляешся	похваляешься
80	23 св.	подтыкаишся	подтыкаишься
82	17 сн.	пѣстомъ	пестомъ
83	8 »	стрелеть	стрѣлеть
84	13 »	отправлятся	отправляться
93	3 »	смѣтану	сметану
95	11 »	боротся	бороться
99	9 св.	не кому	некому
105	2 »	будешь	будешь

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Нужно читать.*
106	15 св.	смѣтану	сметану
108	15 »	надомной	надо мной
112	11 »	подомной	подо мной
125	18 сн.	наложъ	наложь
130	4 »	не какъ	некакъ
131	14 св.	поиграшъ	поиграшь
133	4 »	не куда	некуда
133	15 »	незнатъ	не знатъ
135	19 »	небылъ	не былъ
137	16 »	подомной	подо мной
137	1 сн.	двенадцеть	двѣнадцеть
145	4 »	незнаютъ	не знаютъ
148	8 св.	немогъ	не могъ
158	10 »	неслыхалъ	не слыхалъ
160	4 сн.	пять	шесть
161	22 »	нестрѣлей	не стрѣлей
162	5 св.	незнатъ	не знатъ
162	10 »	незнаю	не знаю
162	18 »	двенадцеть	двѣнадцеть
168	13 сн.	за невестой	за невѣстой
174	17 »	во вѣсь	во весь
174	16 »	несоберешь	не соберешь
174	6 »	непосмотря	не посмотря
175	10 »	ореховъ	орѣховъ
176	9 »	недослышитъ	не дослышитъ
176	9 »	недовидитъ	не довидитъ
176	5 »	невмочъ	невмочь
186	19 »	на верхъ	наверхъ
190	15 св.	немогли	не могли
191	9 сн.	неможетъ	не можетъ
192	16 св.	невыпущу	не выпущу
194	19 сн.	молиться	молится
194	17 »	Елизавѣта	Елизавета
197	9 св.	незная	не зная
231	9 »	мужикъ	мужикъ,
297	14 сн.	Заонѣжскій	Заонежскій
316	4 »	приѣхала	пріѣхала
319	16 »	пѣшня	пешня
356	2 св.	пришло	прошло
356	5 »	преждѣ	прежде
360	19 »	въ домъ	въ домъ,
362	19 св.	въ зади	взади
363	8 сн.	къутру	къ утру
364	5 св.	Егерь	Егерь,
364	7 »	семячки	сѣмячки

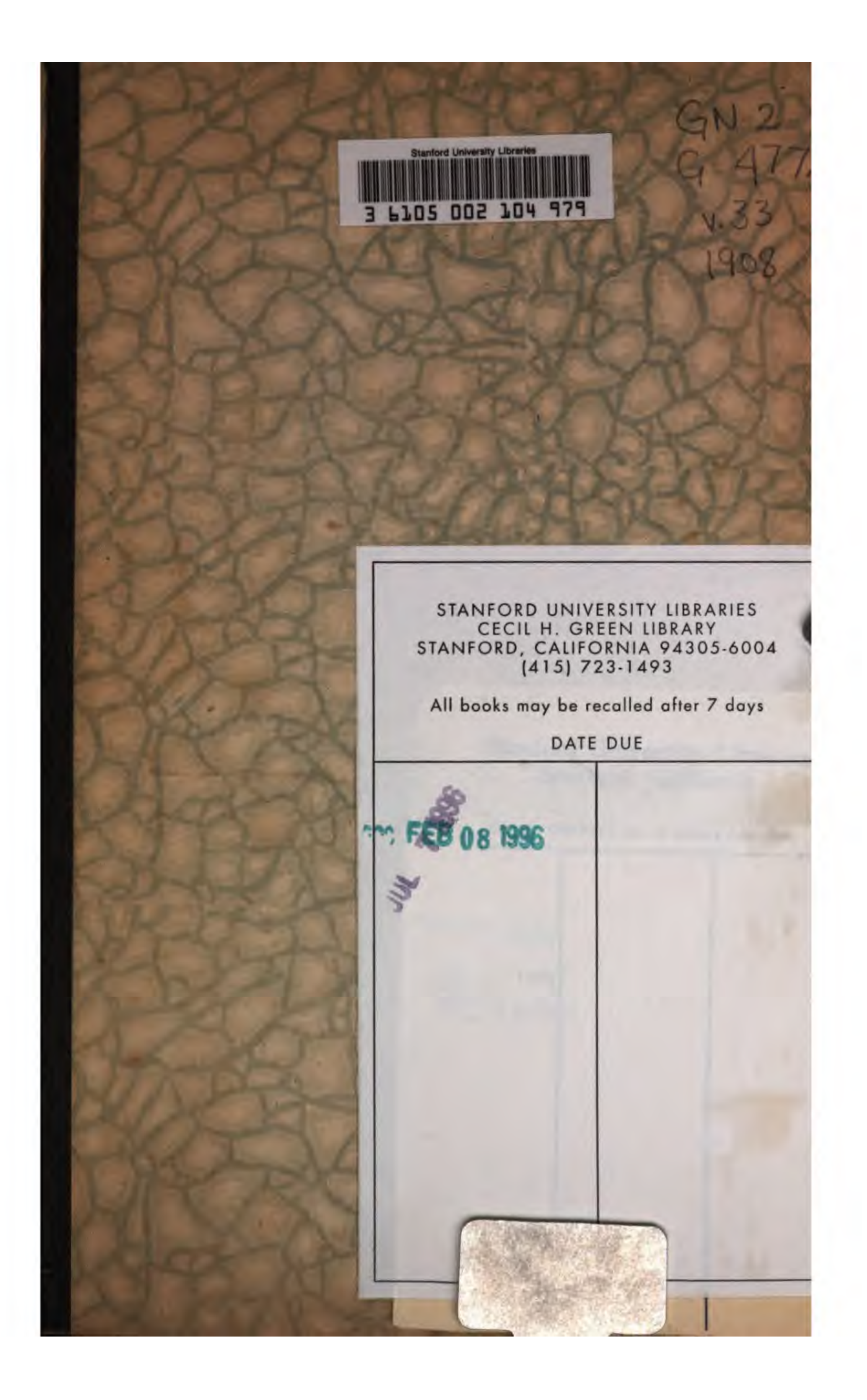
Стран.	Строка.	Напечатано:	Должно читать:
[illegible]	4 св.	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	добрый	добрый
[illegible]	[illegible]	добрый	добрый
[illegible]	[illegible]	[illegible]	добрый
[illegible]	[illegible]	бей	бей
[illegible]	[illegible]	бей	бей
[illegible]	[illegible]	летаютъ	летаютъ
[illegible]	[illegible]	у меня	у меня
[illegible]	[illegible]	зарычалъ	зарычалъ
[illegible]	[illegible]	къ барану	къ барану,
[illegible]	[illegible]	монастыря.»	монастыря.
[illegible]	[illegible]	же тали	застали
[illegible]	[illegible]	сестру	сестру,
[illegible]	7 »	будетъ	будетъ,»
415	18 »	и. пошла	*и пошла*
417	1 св.	Иду, говоритъ, повидать ихъ	«Иду, говоритъ, повидать ихъ»
417	17 сн.	вора	воръ
422	11 сн.	значитъ	значитъ
423	9 сн.	у рѣчицу	урѣчицу
427	8 »	приснилась	прикрылась
427	3 »	пустелю.	пустелю.»
434	12 св.	наденетъ	подѣнетъ
435	14 »	отвѣтать	отвѣчать
435	18 »	не было-дѣтей	не было дѣтей
460	4 сн.	напиться.	напиться.»
487	10 сн.	мѣстъ	мѣстъ.
487	18 »	шт	што
450	12 сн.	побѣседую	побеседую
450	12 »	натѣлалъ-ты	надѣлалъ ты
461	1 »	ужъ	ужъ
465	15 св.	Ну	Ну,
468	7 »	возобрано	способрано
470	12 св.	«Здрастуй	«Здрастуй,
481	2 св.	озерка	озерка.
486	15 св.	Зачѣмъ,	Зачѣмъ
494	12 »	мне.	мне.»
497	18 »	[illegible]	[illegible]
500	2 св.	Надьявоѣ	Надьявы
502	11 св.	сынть,	[illegible]
502	16 »	Толко,	Только
502	8 сн.	[illegible]	спесивъ
502	2 »	[illegible]	[illegible]
511	2 св.	[illegible]	[illegible],»
511	14 »	красивѣе.	красивѣе.»
521	19 св.	найдутъ,	найдутъ,»
521	10 »	не	не
528	18 »	украсть?	украсть?»
561	1 св.	цыиимали	панимали
566	1 »	Петромъ	Петромъ,
578		Воровихина	Ворошина
578	14 сн.	посмо—:	посмо—
578	12 сн.	засудилъ	засудилъ:
579	1 св.	не садися?	не садися?»
581	5 сн.	А мы съ твоимъ	«А мы съ твоимъ
581	4 »	Васютка?	Васютка.»
582	1 »	«Далеко-ли»,	«Далеко-ли?»
583	14 »	съ (ней; она прииила, накормила, напоила и спать повалила. Сама спрашиватъ: «Далече-ли идешь?»)	съ ней; она приняла, накормила, напоила и спать повалила. Сама спрашиватъ: «Далече-ли идешь?»
584	9 св.	пришолъ?»	пришолъ».
584	9 »	Царевичъ—	Царевичъ!—
585	14 »	Они	они
589	22 сн.	Ванька?»—	Ванька?—»
589	8 »	Ваня	Ваня,
589	7 »	быковъ	быковъ.
606	11 св.	намѣшанное	замѣшанное
607	24 сн.	птитьлго	птичьяго
610	12 св.	царевна	царевна.

30-00



Стр.	Строка.	Напечатано.	Нужно читать.
365	4 св.	муж	мужъ,
369	18 »	зверей	звѣрей
370	14 сн.	зверей	звѣрей
377	6 св.	побѣй	побей
377	15 »	бѣй	бей
377	17 »	бѣй	бей
378	20 »	лѣтають	летають
390	12 сн.	уменя	у меня
400	1 св.	зарѣпелъ	зарепѣлъ
401	22 сн.	къ бариву	къ барину,
405	10 »	монастырь»,	монастырь.
409	17 »	все таки	всетаки
414	7 »	сестру	сестру,
415	18 »	будеть	будеть,»
417	1 св.	и, пошла	и пошла
417	17 сн.	Иду, говорить, повидать ихъ	«Иду, говорить, повидать ихъ»
422	11 сн.	норъ	воръ
423	3 сн.	значить	значить
427	8 »	у рѣчицу	урѣчицу
427	8 »	прикладась	прикрылась
434	12 св.	пустелю,	пустолю.»
435	14 »	надеветь	надѣветь
435	18 »	отвѣтать	отвѣчать
436	4 сн.	не было-дѣтей	не было дѣтей
437	10 св.	напиться.	напиться.»
437	18 »	мѣсть	мѣсть.
439	12 сн.	шт	што
456	12 »	побѣседую	побеседую
461	1 »	надѣлалъ-ты	надѣлалъ ты
465	15 св.	ужъ	ужъ
466	7 »	Ну	Ну,
470	12 сн.	всеобразно	своеобразно
481	2 св.	«Здрастуй	«Здрастуй,
486	15 сн.	озерка	озерки.
494	12 »	Зачѣмъ,	Зачѣмъ
497	18 »	еще.	еще.»
500	2 сн.	Надеонца	Надеонцы
502	11 св.	пытать,	пытать
502	16 »	Только,	Только
502	8 сн.	опѣшить	опешить
502	2 »	пѣшими	пешими
511	2 св.	тешите.	тешите.»
511	14 »	красивѣе.	красивѣе.»
521	10 сн.	найдуть.	найдуть.»
521	10 »	пе	пе
528	18 »	украсть?	украсть?»
561	1 сн.	нанимали	нанимали
566	1 »	Петромъ	Петромъ,
578		Ворониxина	Воронина
578	14 св.	посмо—:	посмо—
578	12 сн.	засудилъ	засудилъ:
579	1 св.	не садися?	не садисся?»
581	5 сн.	А мы съ твоимъ	«А мы съ твоимъ
581	4 »	Васютка?	Васютка.»
582	1 »	«Далеко-ли».	«Далеко-ли?»
588	14 »	къ (ней; она приняла, накормила, напоила и спать повалила, Сама спрашивать: «Далече-ли идешь?»)	къ ней; она приняла, накормила, напоила и спать повалила. Сама спрашивать: «Далече-ли идешь?»
584	9 св.	пришолъ?»	пришолъ».
584	9 »	Царевичъ—	Царевичъ!—
585	14 »	Они	они
589	22 сн.	Ванька?»—	Ванька?—»
589	8 »	Ваня	Ваня,
589	7 »	быковъ	быковъ.
606	11 св.	намѣшанное	замѣшанное
607	24 сн.	птитьяго	птичьяго
610	12 св.	царевна	царевна.

30-00



Stanford University Libraries
3 6105 002 104 979
GN 2
G 477
v.33
1908
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493
All books may be recalled after 7 days
DATE DUE
FEB 08 1996